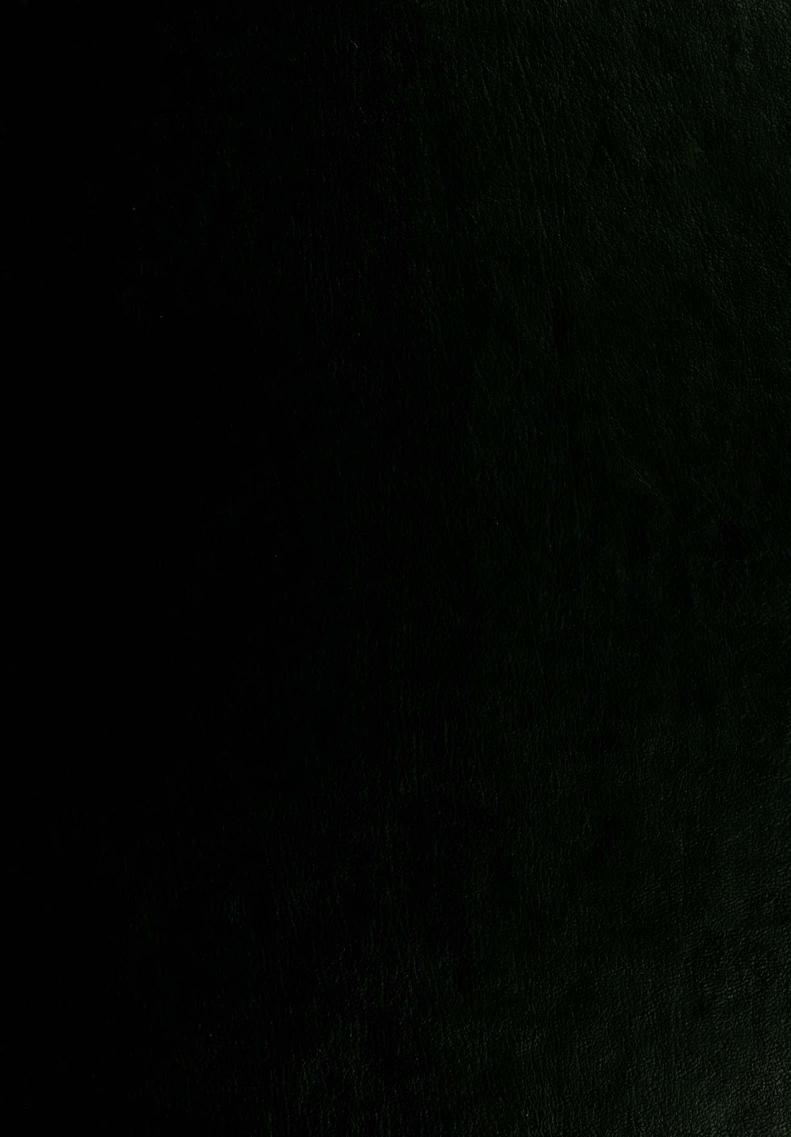

A. de TIESENHAUSEN
24 rue des Jardins
92600 ASNIERES

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://www.archive.org/details/voennaiabyllepas21408800

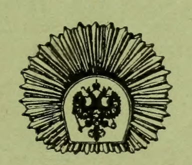
№ 21

НОЯБРЬ 1956 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 5-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

ОБЩЕ-КАДЕТСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ извещает, что в воскресенье 4 ноября, после Литургии, в Храме Знамения Божией Матери (87, бульвар Эксельманс, Париж 16) состоится возжение, перенесенной из Казабланки, Кадетской Лампады и панихида по основателе ее, кадете Первого Кадетского Корпуса

Митрофане Митрофановиче Колтовском

и кадетам-чинам Объединения, скончавшимся за истекшее лето.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и европейских странах — 1050 Франков с пересылкой. В странах заокеанских — 4 дол. 50 ц. В Германии — 12 мар.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16ᵉ). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

5-й год издания № 21 НОЯБРЬ 1956 г. Bimestriel. Prix — 180 fr.

ОТ РЕДАКЦИИ

Этим номером мы заканчиваем пятый год нашего журнала. Все затруднения и препятствия преодолены и «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», в настоящее время, имеет твердую материальную базу. По этой линии остается только увеличивать объем журнала и количество годовых подписчиков.

5

За пять лет существования, наш журнал глубоко проник в военную среду. Достаточно сказать, что подписи 79 военных сотрудников украшают его страницы. Нам уже не приходится говорить о необходимости продолжать и развивать наше дело. Братья-кадеты и все Российские военные своей деятельной поддержкой, работой в журнале, покупкой и подпиской на него — оправдали труд Редакции и Обще-Кадетского Объединения.

Спокойно и уверенно, мы вступаем в ШЕСТОЙ год издания и на его пороге шлем низкий поклон друзьям, сотрудникам, техническим работникам Редакции и всем подписчикам и читателям.

ДАВНЕЕ

(Продолжение)

Война оказалась вовсе не такой, какой представлял ее Сережа. В ней не было лихих кавалерийских схваток, ни эффектным выездов батарей на позиции, ни густых пехотных колонн, со стеной нависших штыков, неуклонной поступью, двигающихся за развернутыми знаменами, под дробь сверкающих барабанов.

Зато было безконечно много боевого пота, крови, отталкивающих трупов, страшных ран, грязи, мокрых и мерзлых окопов, вшей, ночной тоски лазаретов и нескончаемых боевых будней.

Сережа узнал, что для войны нужны не столько лихость, удаль, мгновенное геройство, сколько терпение, выносливость и готовность на неизвестное, долгое время, отказываться от всего того, что ценит человек в жизни.

На третий год войны, он уже почти полностью растерял свою юношескую восторженность, стал суше, осторожней, опытнее и благоразумнее. И все же, как не стремился он быть скептичным и даже циничным, как он не старался охлаждать себя, в глубине своей души он продолжал оставаться все тем же неисправимым романтиком, какими было, как это ни странно, большинство людей, посвятивших свою жизнь, казалось, столь неромантическому делу, как военное, кровавое ремесло.

Именно этот скрытый романтизм был причиной того, что революция была воспринята Сережей и людьми, ему родственными по духу, как крушение всех основ их романтического мироощущения. Рухнувший строй был дорог Сереже, вовсе не потому, что он давал ему какие-либо материальные и другие блага и преимущества, коих, собственно, вовсе и не было, а потому, что он был источником благородства, чести, славы, достоинства и всего того, что делает жизнь содержательной, насыщенной поэзией и духовной красотой. Всякий другой политический строй казался ему прозаическим, деляческим, сухим, лишенным высоких принципов, почему, он не мог понять тогда, как можно быть настоящим офицером в республиканской армии и служить не Государю и Отечеству, а президентам, избирателям, депутатам, ценящим, по его мнению, шелест кредитных билетов в банкирских конторах, да плеск аплодисментов с парламентских скамей.

Естественно, что при таком умонастроении, Сережа был совершенно ошеломлен и потрясен, когда разнеслась весть о революции. Она не пришла неожиданно, долго и упорно назревая где-то в тылу, откуда струились и растекались в ротах, командах, в окопах и офицерских землянках, слухи и толки о Распутине, о Государственной Думе, о речи Милюкова, и о многом другом, чего Сережа не хотел знать, что его безмерно смущало и от чего он тщетно старался отгородиться.

Это случилось тогда, когда еще стояла зима, и

высокие сосны, с изувеченными снарядами макушками — были опушены снегом. Изломанная линия окопов, ходов сообщения и проволочных заграждений — как рисунки пером на белой бумаге — рисовались на снежных полях. Все, как будто, оставалось таким же, каким оно было до рокового февральского дня, но что-то порочное, подтачивающее и разрушающее — чувствовалось везде и во всем. Это новое было не только в том, что прапорщик Сахновский, а за ним и другие, надели красные банты, и поспешили счистить с эфесов своих шашек императорский вензель; и не в том, что в обращениях денщиков почувствовались нотки какой-то фамильярности, а, главным образом, в том, что на глазах у всех, каким-то непонятным образом, исчезло и таяло то невесомое и таинственное, что заставляло недавно людей чувствовать власть в городовом, вооруженном тупой шашкой, и ей подчиняться.

Пасха в том году была ранняя — в начале апреля. Снег почти стаял и земля, изувеченная снарядами, изрытая окопами и загаженная, почти просохла и чуть зазеленела.

Батальон стоял в полковом резерве и солдаты, с какой-то новой, еще чуть заметной, распущенностью, лениво грелись на солнце и слонялись между землянками; некоторые уже не отдавали чести проходящим офицерам.

В землянке Сережи, командовавшего батальоном, собрались офицеры. На столе краснели пасхальные яйца. Разнокалиберные рюмки и стаканчики указывали на то, что предвидится выпивка. Гудели голоса. По рукам ходил пасхальный номер "Русского Слова", полный восторженного бреда, по поводу недавно совершившихся событий, которые, по мнению Яблоновского и Дорошевича, сулили России лучезарное будущее.

— Что вы мне толкуете о свободе, — кричал, уже отуманенный сомнительным самогоном, прапорщик Тимофеев, обращаясь к Сахновскому, доказывавшему ему, что, так же и во французской революции, чувство свободы окрылило народ на небывалые подвиги.

— Вы четыре месяца потолкались в училище — вот и офицер, — говорил он, — а я с первого дня войны в полку, да до войны восемь лет оттрубил... Подпрапорщиком вышел, четыре раза ранен; попотел и померз довольно... Что же все это к чорту должно итти? А вы — свобода! Да, кто же за вашу свободу воевать будет? Не слыхали еще, что солдаты говорят?

Красное лицо Тимофеева топорщилось фельдфебельскими рыжими усами, в громадных узловатых руках дрожала рюмка, расплескивая жидкость на стол.

— Иван Лукич, — спросил Тимофеева Сережа,— вот вы солдат знаете получше меня, хоть и я с ними четыре года бок-о-бок трусь... Скажите, почему у них такая злоба к офицерам? Ведь одинаково пулям головы подставляем, вместе в окопах мерзнем... Сознаюсь, этого смутьяна Ларионова и других ловчил и трусов, в боях не раз палкой подымал и по морде бил... Но, ведь, не в этом же дело?

Тимофеев улыбнулся. Он был доволен тем, что спрашивают его мнения.

— Это-то верно, — сказал он, — и пули, и вши, и окопы — для всех одинаковы... Однако, все это то, да не то... Он, солдат шрапнель, да чечевицу лопает, а вам денщик в судочках из собрания котлетки (он сказал: коклетки) носит, у него на ногах портянки преют, а вам тот же денщик носочки стирает. Вот, к примеру возьмем эту землянку — не редкость, конечно, а все же — сухо, тепло. А ему где погреться, да посушиться? Вот он и думает: офицер потому и хочет воевать, что хорошее жалованье получает, ест хорошо, чисто ходит... Главное же дело в том, Сергей Алексеевич, что вы и во вшах и грязи, а все барин, а он мужик, и это понимает.

— Классовая ненависть, значит? — сказал кто-то.

— Ну, уж я там не знаю, что за классовая ненависть, а, вот зависть, это действительно, — сердито закончил он.

Разошлись поздно. Немного отуманенный, Сережа поднялся по ступенькам из землянки, подышать воздухом. Тучи туманили небо. Ветер тихо шумел в вершинах сосен. Ни одного выстрела не было слышно там, где спали окопы. Только голубые змеи ракет поминутно взвивались высоко к небу.

Эта, странная и страшная, для войны тишина, красноречиво свидетельствовала о том, что все пропало, что здесь, перед лицом врага, назревает невиданный всероссийский позор, и что личная жизнь, как остро почувствовал Сережа, непоправимо исковеркана и испорчена.

Впоследствии, с неоднократным отвращением, вспоминал Сережа месяцы неуклонного фронтового разложения. Ему вспомнились обленившиеся, заспанные, томившиеся в гибельном бездействии, солдаты, без поясов, с растегнутыми воротами засаленных рубашек, в мятых фуражках, сдвинутых на затылок, их злобные взгляды, их постоянную готовность к безчинствам и разнузданности... Вспомнился, приезжавший с почетом, самоуверенный и самовлюбленный бритый человек, с рукой, по-наполеоновски, заложенной за борт полувоенного френча, который, с фальшивым адвокатским пафосом, призывал войска, а, следовательно и его капитана Свечина, ненавидевшего и революцию и свободу, защищать их. Главное же, что возмущало Свечина, было то, что этот адвокат, никогда не нюхавший пороха, учил его, четвертый год рисковавшего каждый день жизнью, как надо умирать за Россию. В его сердце клокотала неуемная, глухая, но бессильная ненависть, та ненависть, которая в те дни, одинаково жила в разных формах, по разным поводам и причинам, во всех буквально российских сердцах, начиная от обозного солдата и кончая командующим фронтом.

Не перенеся распадения полка, Сережа перешел в один из ударных батальонов, хотя отлично понимал, что никакими батальонами уже не спасешь положение.

При оставлении Риги, он совершенно бесплодно, был в третий раз, и очень тяжело, ранен. Отвезен-

вый в лазарет в Петербург, он там пережил октябрьские дни, и, только к весне, несколько окрепнув, с большим трудом, пробрался в тот уездный городок, где жила его мать, изгнанная из своей усадьбы. В крошечной комнатке, заставленной остатками дорогих, по воспоминаниям, вещей, наспех захваченных при отъезде из Богдановки, прожил он с матерью около двух месяцев, отогреваясь душой в лучах материнской любви. За маленьким медным самоварчиком, которым в давние времена своей военной службы, пользовался еще сережин отец, по вечерам, в садике, под вишней, они вели нескончаемые разговоры о милом прошлом, о событиях и лицах, которые были известны, интересны и дороги только им двоим. Вспоминался покойный отец — пылкий, горячий, добрый и щедрый, рано сгоревший в пылу разных страстей; Любочка, уехавшая с мужем на Дон, еще осенью, вспоминались соседи, крестьяне, поездки в Оптину Пустыню и многое другое, важное и неважное, значительное и мелкое, грустное и смешное.

— А, помнишь, — говорил, например, Сережа, — как мы ходили за грибами и из-за кустов выскочил разъяренный бык, пробежал мимо нас, а Любочка вопила благим матом?

— А раз, — подхватывала мать, — мы заблудились в лесу и я спросила встречного мужика: — Где мы? Чей это лес? — А тот с усмешкой сказал: — Да, это лес вашей милости, — и дорогу показал, как выйти. Стыдно мне стало тогда.

Какие-то смутные слухи о генерале Алексееве, об армии, ведущей, под его водительством, борьбу с большевиками, туго просачивались в их уездную глушь. В этих слухах не было ничего достоверного и точного. И, однако, они бодрили Сережу, рождая в его душе какие--то смутные волнующие надежды. Где-то он прочел, или кто-то сказал ему о том, что в Екатеринодаре, над атаманским дворцом, реет трехцветный флаг и видение это прямо-таки заворожило его, притягивая к себе неодолимо.

Когда же стало известно, что Украина оккупирована немцами, Сережа решил пробраться на юг. Мать согласилась на это, хотя Сережа и знал, что согласие это переживается ею с великой скорбью. Нередко, по ночам, он слышал, как она плакала, уткнувшись в подушку, и видел, как катились слезы по ее исхудалым щекам, когда она штопала его носки и чинила его белье, собирая его в страшную и неведомую дорогу.

Наконец, все было приготовлено: белье починено и уложено, в подкладку френча зашиты три заветных золотых и испечены темные лепешки из муки, принесенной из Богдановки кем-то из крестьян.

Помолившись перед образом Тихвинской Божьей Матери, по давнему обычаю, они присели на кончике дивана. С глубокой нежностью взял Сережа тонкую и слабую материнскую руку. и поднес ее к губам. Слезы обильно струились из его глаз, и он не стыдился их.

— Прощай, милый друг, — твердо сказала мать, — молись Богу, Он не оставит тебя. Будь тверд, но не будь жесток... Знаю, что не можешь не идти. Иди.

Когда он обернулся у поворота за угол, он увидел ее, маленькую и слабенькую, стоявшую на покосившемся крылечке уездного домика. Она махала ему рукой, ветер шевелил ее седые волосы. Сережа знал, что никогда больше он не увидит ее.

У, неведомой ему раньше, станции "Унеча", он перешел, с немалым трудном и опасностями, границу. Основательный немец, в тяжелой серой каске, и с сигарой во рту, видимо удовлетворившись двухглавым орлом на сережином паспорте, без разговоров, пропустил его. На столбе висело объявление, гласившее о том, что крестьяне такого-то села, такие-то, такого-то числа, расстреляны за нападение на немецкого часового. Звучало это фантастично, дико, нелепо, но вместе с тем, было страшной, непререкаемой явью.

После крайнего убожества, нищеты и запущенности городов и железнодорожных станций по ту сторону новой границы, Сережу поразило благополучие "освобожденной Украины". Бойкие, краснощекие хохлушки, продавали на базарах обильную, давно невиданную снедь: молоко, творог, бублики, колбасу. Можно было ездить в поездах, не на крышах, площадках и на буферах, а в вагонах, и даже классных.

Харьков, куда Сережа попал в конце августа, в поисках путей на Дон, показался ему великолепным.

На Сумской, в кофейных и ресторанах, кипела оживленная, нарядная толпа, манящие взоры женщин, их изящество и элегантность, тонкое веяние духов — томили Сережу, почти забывшего то женственное, что, казалось, навсегда было убито мертвящим дыханием революции. Котелки, шляпы, трости, галстухи, в перемежку с щегольскими, но без погон, офицерскими френчами, бриджами и безкокардными фуражками, — волновались в торге о ценах на сахар, кожу, муку, нитки... Обилие фланирующих офицеров, пристроившихся к гетманским учреждениям, занимавшихся спекулятивной торговлей, и удивляло и возмущало, и огорчало Сережу.

"Ну, что ж, — злобно думал, он, — посмотрим, что вы все запоете, когда исчезнут эти немецкие солдаты, сейчас покуривающие хохлацкий тютюн на вокзалах, у комендантских, и у ворот казарм".

Он встретил своего однополчанина, жизнерадостного и всегда веселого, штабс-капитана Любимова, прирожденного ловчилу, всегда умевшего устраиваться и безопасно, и выгодно.

— Ты, что тут делаешь? — спросил он Сережу, критически оглядывая его выцветшую гимнастерку и латанные сапоги. — Да, есть здесь какой-то полковник, этим занимающийся, — вяло ответил он на вопрос Сережи, где находится представитель добровольческой армии. — Адрес дам тебе. Однако, напрасно ты это затеял... Оставайся-ка здесь. Жить будешь неплохо. Спекуляция — дело немудреное, всегда деньги водятся, а раз деньги, то и девочки, — игриво подмигнул он.

— Нет, брат, это не для меня, — сухо ответил Сережа. Любимов немного смутился.

— Да, ты не думай... Я бы и сам пошел воевать

("Много ты воевал", — подумал Сережа), если бы видел в этом толк. Чего подставлять голову, раз придут союзники и наведут порядок.

"Что ж, может быть этот шкурник и прав, — сердито думал Сережа, стараясь настроить себя на циничный лад. — Плюнуть, что ли на все, да закатиться, вот хотя бы с этой блондинкой, куда-нибудь в кабак... Пожить ведь когда-нибудь надо". Хотя такие лукавые мысли рождались в его мозгу, он все же твердо знал, что, несмотря ни на что, он будет в добровольческой армии, будет там сражаться и плюнет не на это, возможно безнадежное, дело, а на блондинок, кабаки и спекуляцию.

Вместе с двумя артиллерийскими прапорщиками и возвращающимся в свою часть дроздовцем, Сережа, снабженный соответствующими документами, вечером погрузился в поезд, следовавший на Дон. То, что услышал он от дроздовца, было для него целым откровением. Взволнованный стоял он у открытого окна, мимо которого мчались унылые донецкие степи. Паровоз гудел и рассыпал снопы горящих искр, гаснущих в темноте ночи. Спутники его уже спали, завернувшись в свои шинели.

"Да, вероятно, здесь спасение... Какая красота, какая поэзия. Штабной генерал — надменный, заносчивый, никем нелюбимый — Марков, делается кумиром офицеров... Как стальной клинок... В морозы, в грязь, в какой-то куртке, в грязной белой папахе, ведет свой полк; один выходит навстречу бронепоезду... Конечно, правда здесь, а не у Любимовых, в Харькове... В марковский полк будут проситься", — решил он под утро, когда серый рассвет мертвенным светом осветил лица молодых людей, направляющихся страданиям и смерти, и, в неудобных позах, лежащих сейчас на твердых полках вагона, скорчившись под короткими шинелями.

По крутому, "Крещенскому спуску", обсаженному жидкими и корявыми акациями, Сережа с спутниками поднялся к новочеркасскому собору. Величественно возносил он свои громадные и тяжелые золоченые купола к синему осеннему небу, господствуя и над площадью, на которой Ермак протягивал сибирскую корону русскому царю, а легендарный Бакланов спал под кавказской буркой, и над двухэтажным, кирпичного цвета, атаманском дворце, перед которым атаман Платов, в кивере времен отечественной войны, картинно взмахивал саблей, и над гауптвахтой александровского ампира, и над всем тем, что в своей совокупности, придавало этому типичному губернскому городу, столь своеобразный казачий отпечаток.

Как будто в совсем ином, очень знакомом, но и очень далеком мире, почувствовал себя Сережа. По старинному стайками, с ранцами за плечами, шли смешные приготовишки-гимназисты; адвокат с портфелем выходил из дверей судебной палаты; рослый казак, с классическим чубом, отдавал честь проходящему отставному, дряхлому генералу; хозяйки несли с базара полные корзины капусты, помидоров, винограда.

В канцелярии, куда явились офицеры для получения назначений в армию, было деловито-суетливо и по казенному скучно. Сумрачный, видимо хронически невысыпающийся, писарь, зарывшись в бумагах, мельком взглянул на пришедших и попросив обождать, пошел докладывать генералу.

Последний, внимательным и опытным взглядом человека, перед которым прошло уже множество людей, оглядел Сережу, настойчиво просившего о назначении его в офицерский полк.

"Да, этот, как раз подойдет", — подумал он.

— Хорошо, будь по вашему, — сочувственно улыбнулся он в свои крутые седые усы. — Антонов! — крикнул он писарю, — выпишите капитану Свечину предписание в 1-й офицерский полк и литеру.

Было серенькое осеннее утро, когда рота офицерского полка, в которую был зачислен Сережа, подымая кубанскую пыль, подошла к разрушеной ветряной мельнице, с разбитыми снарядом крыльями, от которой какая-то часть, по сжатому пшеничному полю, вела наступление на казачий хутор, спрятанный за зарослями кустов и деревьев, разросшихся по берегам небольшой речушки.

Изредка, бодрящим звуком, звонко отдавашимся в утренней сырости, бухали орудия. Пулеметы, по деловому, без остановки, трещали с обоих сторон.

У полуобвалившейся хатки, молодой артиллерийский полковник, с пышными каштановыми усами, наблюдал в бинокль за ходом боя.

— Эх, — с досадой сказал он, — залегли... дальше едва-ли пойдут... огонь очень силен.

Молодой, круглолицый, веселый и щеголеватый поручик — командир сережиной роты, назначенный в резерв, снисходительно улыбнулся словам полковника:

— Огонь силен? — спросил он иронически. — Ерунда... вот, сейчас наша третья рота пойдет — мигом расчешет.

Действительно, справа, из-за холма, спокойно, без всякой суеты, стала рассыпаться жидкая цепь, человек в пятьдесят-шестьдесят. Ровным, широким шагом двинулась она по жнивью в наступление. Пулеметная и ружейная стрельба усилилась до предела, звуки выстрелов слились в сплошной, непрерывающийся гул. Отчетливо было видно, как пулеметные пули бороздили землю, вздувая струйки пыли. Вздымались столбами пыли, дыма, осколков и камней, разрывы снарядов, образуя, казалось, непереходимую черту, которая отделяла наступающих от хутора.

Однако, офицеры, одетые в пыльные защитные гимнастерки с мятыми черными погонами, в пропотевших фуражках, с офицерскими кокардами, в разнокалиберной, разбитой обуви, ни разу не залегли. Не пригибаясь, все тем же ровными и широким шагом, без малейшего колебания — шли вперед. Было что-то завораживающее в их неуклонной поступи, в той обманчивой легкости, подобной легкости акробата, висящего на трапеции под куполом цирка, с которой они шли вперед.

Темными комочками, там и сям, оставались убитые и раненые.

В необыкновенном возбуждении, Сережа наблюдал за передвижением цепи. Бесконечное количество раз наблюдал он атаки и участвовал в них. Но, никогда, ничего подобного по своему вызывающему бесстрашию, по какому-то дерзкому вызову судьбе, расчету, осторожности, он не видел.

Ни на секунду не останавливаясь и не замедляя шага, наступающие, в одно мгновение, видимо, по неслышной здесь команде, с винтовками на перевес, ринулись бегом в атаку... Их ура, слившееся в сплошной рев, слабело, по мере того, как они исчезали в речной заросли. За собой они оставили, невидимые трупы и ползущих, и корчившихся, и стонущих раненных.

Через несколько минут стрельба внезапно затихла... Повели пленных, санитары стали подбирать раненых. Дымка пыли медленно опускалась над вздыбленным полем.

Сережа не мог притти в себя от восхищения. Спазмы сжимали его горло.

"Что ж это такое?.. — пораженный думал он. — Вот оно — настоящее и единственное, что нельзя остановить и что не может не победить... Эти не остановятся", — думал он, с завистью глядя на этих запыленных, запыхавшихся, неостывших еще от боевого возбуждения, таких ординарных, простых молодых людей, спокойно раскуривающих, над своими и вражескими трупами, крученки из кубанского самосада, и обменивающихся самыми будничными замечаниями и шутками.

"Сумею ли я быть таким же, как они"? — с тревогой подумал он. *Г. Месняев*

(Продолжение следует)

Елисаветградское Кавалерийское училище

(Продолжение)

Классные занятия происходили в Училище обычно до обеда с 8-ми час. утра и до 1 часу дня. В промежутке между ними был часовой урок езды. После обеда производились преимущественно строевые занятия, т. е., езда, вольтижировка, рубка, фетование, ружейные и шашечные приемы, гимнастика на машинах и пеший строй.

Из числа штатских преподавателей, хорошо помню спокойного и доброго Иванова, преподававшего русский язык и литературу. Впоследствии он принял священство. Будучи уже офицером и проходя на маневрах через маленький захолустный городок Гродненской губ., Межиречье, я увидел Иванова полковым священником, если не ошибаюсь, 149 пех. Черноморского полка. Это был добрейший, безобидный человек, чрезвычайно снисходительный и доброжелательный. Юнкера называли его "моргуном", ввиду его привычки почти непрерывно, при разговоре, моргать глазами. Я посетил его скромную квартирку, познакомился с матушкой и увидел его детишек. Батюшка был очень тронут вниманием к нему бывшего Елисаветградского юнкера.

Географию преподавал его однофамилец, тоже Иванов, необыкновенно смешной, небольшого роста человек, невзрачный учитель гимназии. Комичный вид его, особенно увеличивался его странными, гротанными произношениями. Особенно часто он любил употреблять слово "именно", благодаря чему юнкера его, за глаза, конечно, иначе и не называли, как "именно". Помню был у нас юнкер 27 драг. Киевского полка, обладавший очень неблагозвучной фамилией Ба́ран, которую он произносил непременно с ударением на первом слоге, дабы придать своей фамилии более благоприятный смысл. Географ же вызывая этого юнкера, упорно, конечно, не умышленно, делал ударение на последнем слоге. И когда вызываемый, с обидой в голосе, произносил: "г. преподаватель, я не Бара́н, а Ба́ран. "Именно" наклонившись, над журналом, невозмутимо отвечал, "не вижу этого", что вызывало гомерический хохот всего класса.

Немецкий язык преподавал очень симпатичный, местный лютеранский пастор Графф, корректный, спокойный и добрый человек, почти совершенно незнакомый с обиходом военного училища. Обстоятельством этим, конечно, не преминули воспользоваться некоторые юнкера из числа отличавшихся "тихими успехами и громким поведением". Помню, как один из таких юнкеров серьезнейшим образом просил пастора не ставить ему по немецкому языку менее 10 баллов на том основании, что балл по немецкому языку складывается, дескать, вместе с баллом по вольтижировке и из полученной суммы выводится средний балл, влияющий на окончание Училища по 1 разряду. И милый Графф, в начале, верил этому вздору и охотно исполнил просьбу юнкера.

Все эти штатские преподаватели младшего класса были, впрочем, не страшны юнкерам. Совсем другая атмосфера царила на классных занятиях старшего класса, где читались военные предметы и где лекторами являлись офицеры академики Генерального Штаба, военные юристы и военные инженеры, а также наши сменные офицеры, преподававшие уставы.

О первых я уже упоминал. Что касается уставов, то слушать их было необычайно скучно, ибо содержание их в объяснении не нуждалось, а все усваивалось исключительно работой памяти. Особенно монотонно и скучно проходили, например, теоретические уроки седловки. Читал обычно взводный портупей юнкер, в присутствии сменного офицера. Вот так зафиксировала эти уроки наша звериада:

"Надоело, не охота
Этой глупости внимать,
Одолела всех зевота
И невольно клонит спать.
Дремлет Писанко украдкой,
Олиферов мирно спит —
Рот раскрывши, юнкер Гладкий,
Как пот рыный сидит.
Бледен юнкер Стокасимов
Тщетно силится не спать
И читает взводный вяло,
Как попону припонять..."

* *
*

Вскоре после начала учебных занятий, т. е., в на-
але сентября в наше Училище прибыл, по переводу
з Николаевского Кав. Училища, юнкер Князь Г. и, как
ачисленный в полк с желтым приборным сукном,
ыл назначен в наш 2-ой эскадрон. Действительной
ричины перевода его из Петербурга в Елисаветград
ы точно не знали. Говорили, что Князь вместе со сво-
м другом юнкером А. совершил проступок против-
ый правилам морали и несовместимый с званием юн-
ера и потому оба вынуждены были покинуть славную
вардейскую Школу, но, благодаря связям своих близ-
их и протекции, все ограничилось переводом на воен-
о-училищный курс нашего Училища.

Не знаю в, связи-ли с этим фактом, или по ка-
ой-нибудь другой причине, но Князя сразу не взлю-
ил Командир эскадрона Ротмистр Адабаш, этот стро-
ий блюститель нравственности и всего, что было свя-
ано с понятием воинской чести и благородства. Глу-
око порядочный и до крайности щепетильный в во-
росах касающихся чести юнкера и будущего офице-
а славной Русской кавалерии, педантичный Адабаш
ногда перебарщивал. Так случилось и с Князем Г.

Был воскресный день. Много юнкеров было в го-
одском отпуску, из которого они возвращались или
руппами по два-три человека, или в одиночку. Боль-
шинство возвращалось на извозчиках, конечно, пар-
ых, так как ездить на "ваньках" считалось несов-
естимым с традициями Училища. Из отпуска, в ви-
е общего правила, юнкера должны были возвращать-
я не позднее 8.30 часов вечера, и явившись, сна-
ала дежурному офицеру, а затем дежурному по сво-
му эскадрону, юнкеру, в 8.45 час. обязаны были
ыть на своем месте.

В памятное воскресенье был в отпуску и князь Г.
адержавшись, по какой-то причине, в городе, он при-
ыл в Училище с опозданием, в 8 час. 45 мин., на
арном извозчике, хорошо известном всем юнкерам,
Юдке. Дабы не опоздать на вечернюю перекличку, ко-
орая по уставу внутренней службы, точно произво-
илась в 9 час. вечера, Князь, соскочив с дрожек и
рикнув Юдке на ходу: "Сейчас пришлю деньги", —
робежал в комнату дежурного офицера, и явившись,
два успел вбежать на 3-й этаж, явиться кому сле-
ует, и стать в строй, забыв совершенно о, стоявшем
подъезда Училища, Юдке. После вечернего чая и
переклички, юнкера уселись за свои столики для под-
готовки уроков и репетиций к следующему дню, а
затем разошлись по спальным комнатам.

Возвращавшийся в 11 часу вечера из города, Ко-
мандир эскадрона, Ротмистр Адабаш, увидев терпе-
ливо дремлющего на козлах Юдку, спросил его, кого
он поджидает? Ничего не подозревавший, Юдка доло-
жил, что привез в 8 час. 45 мин. юнкера Князя Г.,
который, не расплатившись с ним, повидимому поза-
был выслать деньги, ввиду чего он и ждет. Спросив
Юдку, сколько ему следует и немедленно же с ним
расплатившись, Адабаш ушел к себе.

На следующий день, около 12 час. дня, когда эс-
кадрон, после утренних занятий, построился для сле-
дования в столовую на обед, неожиданно раздалась
команда вахмистра Байрактарова: "Смирно!", и в
эскадрон не вошел, а вбежал взволнованный и блед-
ный Командир.

— Господа, — услыхали мы его резкий, преры-
вающийся от частого дыхания, голос, — вчера про-
изошел отвратительный, недопустимый и позорный
случай. Юнкер Князь Г., проездив по городу чуть-ли
не полдня на извозчике, не расплатившись с ним,
убежал. Я готов простить ошибку, оплошность, но по-
ступка подобного рода я извинить не могу. Совершив-
ший его не достоин звания юнкера, не достоин того
титула, который носит. Он позорит не только юнкер-
ский мундир, но и мундир того славного полка, в ко-
тором числится. Какой же это будущий офицер.

Продолжать свою речь Ротмистр Адабаш, от вол-
нения, не мог и, произнеся последние слова, круто
повернулся и быстро ушел.

Вслед за этим, по команде вахмистра, эскадрон
стал спускаться, рядами, вниз, в столовую на обед.
Все мы были потрясены происшедшим. Не оправды-
вая забывчивости Князя Г., мы все же не могли за-
подозрить его в умышленном нежелании расплатиться
с извозчиком и мера воздействия, избранная коман-
диром эскадрона, представлялась нам чрезмерной и не
отвечающей степени виновности бедного Князя. Обед
прошел в тяжелом молчании. Настроение у всех было
подавленное.

Сосед за обедом Князя Г., юнкер 2-го взвода рас-
сказывал, что Князь сидел за столом совершенно не-
подвижно, не прикоснувшись ни к одному из подан-
ных блюд нашего скромного юнкерского обеда. Сно-
ва команда "Встать!", краткая молитва "Благодарим
Тя Христе Боже наш", и разрешение дежурного офи-
цера разойтись. Так как стояла теплая осенняя по-
года, то большинство отправились в, прилегающий к
зданию училища, сад, где разбившись на небольшие
группы, мы, естественно, делились впечатлениями о
только что произошедшем. Прошло не более 10 ми-
нут. Я не успел сесть на скамью у, находившегося в
саду, подвала-ледника, как увидел бегущего по на-
правлению ко мне бледного и растерянного юнкера
Ахтырца Рогаля-Левицкого.

— Что случилось? — спросил я.

— Князь Г. только что застрелился. — коротко
ответил мне Рогаля-Левицкий и стал быстро спускать-

ся по крутой, почти вертикальной, лестнице ледника вниз за льдом.

Ужасная новость стала немедленно известна всем, и юнкера всего училища устремились в наш эскадрон. На бегу, я узнал, что сейчас же после обеда, Князь Г. прошел в, так называемый, сундучный цейхгауз, в котором были сложены сундуки и чемоданы с собственными вещами юнкеров и, быстро вынув из своего чемодана револьвер, выстрелил себе в сердце. Смерть наступила мгновенно. Все это видел находившийся в противоположном углу цейхгауза юнкер Буш, не успевший, к несчастью, помешать Князю привести в исполнение свое намерение.

Вскоре прибежал в цейхгауз и Командир эскадрона Ротмистр Адабаш. Подойдя к трупу Князя Г., он несколько секунд стоял молча, а затем вдруг произнес:

— Да, он иначе не мог поступить.

И, как бы в ответ на эти жестокие слова, стоявший тут же юнкер Ингерманландского полка Петропольский, забыв суровые веления дисциплины, ясно и отчетливо произнес:

— В праве ли мы в такую минуту, у еще не остывшего тела, высказывать свой приговор? Мы можем только молиться об упокоении души усопшего.

И широко перекрестившись, со слезами на глазах, Петропольский, прочитав молитву, быстро вышел из цейхгауза. Вслед за ним, не произнеся ни звука, низко опустив голову, вышел и Адабаш.

Как это ни странно, ни немедленно вслед за происшедшим, ни впоследствии, суровый, мстительный и никогда не забывающий Адабаш, никак не реагировал на поступок Петропольского.

На погребение Князя Г. прибыл в Елисаветград его отец. Гроб с телом покойного, после отдания воинских почестей, был отправлен по железной дороге, в родовое имение Князя Г. для погребения.

Наружный темп училищной жизни постепенно пришел в норму и событие это никак не отразилось на суровом и тяжелом характере нашего Командира эскадрона. Не прошло и недели после смерти Князя Г., как тот же Адабаш, выведя эскадрон юнкеров на поездку, как ни в чем не бывало, распекал нас за длинный повод, за недержание дистанции, разговоры в строю и т. п.

Кстати, несколько слов о юнкере Петропольском. Мы поступили с ним в Училище одновременно, с той лишь разницей, что он на младший, а я непосредственно, на старший курс. В памяти моей особенно отчетливо зафиксировалась вся его характерная фигура с небольшой русской бородой-лопатой, походкой в развалку и громким говором с ударением на о. Петропольский происходил из духовного звания и, судя по его слабой строевой подготовке при поступлении в Училище, вероятно, выйдя из семинарии, пробыл в в своем полку не более одного-двух месяцев. Глядя на его худощавую, несколько сутулую фигуру, размашистую походку и бороду, на его, надетую прямо, а не на бекрень, безкозырку с лиловым околышем, как-то не верилось, что это кавалерийский юнкер, ибо всей своей фигурой он скорее напоминал сельского диакона, случайно, точно по недоразумению, снявшего рясу и заменившего ее военным мундиром, да еще кавалерийским.

Все это не помешало, однако, Петропольскому отлично окончить Училище и стать прекрасным кавалерийским офицером. Когда, через два года, я встретил его в Варшаве в форме Корнета Орденского драгунского полка, я поразился происшедшей с ним перемене.

Несомненно, в этом была огромная заслуга нашего Училища, но многим обязан был Петропольский и самому себе. Нужно было много характера и силы воли, чтобы выдержать суровую двухлетнюю строевую муштру училища, чтобы так удивительно превратиться из семинариста в стройного кавалериста. Еще через несколько лет встречал я Петропольского уже в форме Крымского конного полка. Где он теперь?

**
*

Самым тяжелым периодом училищной жизни для зверей было время от августа до Рождества. Многие с трудом привыкали к тяжелому училищному режиму, с ранним вставанием по сигналу, непрерывной работой головы и тела, по часам размеренной жизни и суровой воинской дисциплине. Многим трудно давалась езда, вольтижировка и вообще, уставная работа на коне.

Независимо от того, что учебная программа младшего курса окружного Училища была весьма не сложной, некоторые юнкера, по разным причинам, оказывались не в силах ее преодолеть и не имея за первое полугодие требуемого среднего балла, отчислялись в конце декабря от Училища в свои части. Такие неудачники назывались "декабристами", ибо декабрь являлся для них роковым месяцем. Многие из них, в августе следующего года, вновь приезжали в Училище уже полковыми унтер-офицерами и держали вступительные экзамены. Если судьба им благоприятствовала, они оканчивали Училище и бывали зачастую хорошими строевыми офицерами.

Была еще одна категория неудачников. Это так называемые, "майоры", или второгодники, т. е. не перешедшие на старший курс и вынужденные поэтому сидеть в Училище лишний год. Большинство "майоров" было младшего курса. На старшем такие явления были несравненно реже и вызывались, большей частью, невозможностью, по болезни, окончить Училище. Со мной во взводе был такой "майор" старшего курса 38-го драгунского Владимирского полка, юнкер Домбровский. "Майоры", пробыв на младшем курсе два года, обыкновенно хорошо ездили и были, вообще, отличными строевиками. Из "майоров" младшего курса припоминаю 29-го драгунского Одесского полка Краузэ. Отличный ездок, высокий, немного сутуловатый и слегка заикающийся, он был очень способным юнкером, но его погубило чрезмерное пристрастие к вину. Я положительно не помню

его в абсолютно трезвом состоянии. Прекрасный товарищ, добрый и симпатичный, он был всеми очень любим. Особенно нравилась юнкерам его лихость и полное пренебрежение к опасности. Возвращаясь из городского отпуска, и едва держась на ногах, он бесстрашно входил в комнату дежурного офицера и, приложив руку к своей, лихо надетой на бекрень, безкозырке с лиловым околышем, слегка заикаясь, рапортовал:

— Г. Штабс-Ротмистр, 2-го эскадрона, 1-го взвода юнкер Краузэ является по случаю прибытия из отпуска.

Получив разрешение дежурного офицера положить на место свой билет-карточку, Краузэ безошибочно клал билет, куда следует, и, повернувшись налево кругом и звякнув шпорами, как ни в чем ни бывало, шел в эскадрон. Сменные офицеры знали его слабость, но ценя в нем отличного, строевого юнкера, "не замечали" его состояния. К сожалению, и большому моему огорчению, я узнал впоследстви, что уже будучи эстандарт-юнкером своего полка, он застрелился. Истинной причины, побудившей его так рано уйти из жизни, мне так и не удалось узнать.

***

Еще одна фигура должна быть отмечена в жизни юнкеров Елисаветградского Кавалерийского Училища: это швейцар Виктор. Фамилии его, кажется, не знал никто. Но кто из Елисаветградцев не помнит Виктора? Он больше 35 лет исполнял свои обязанности. Многие недолюбливали его, считая доносчиком и осведомителем начальства о разных юнкерских прегрешениях и, особенно, о явке из отпуска в нетрезвом состоянии. Я лично этого за Виктором не замечал, а однажды, мне пришлось просить его спрятать у себя в швейцарской, принесенный мною из города "флакон" вина, который, после моей явки дежурному офицеру, Виктор возвратил мне в неприкосновенности. Была у Виктора одна особенность, доставлявшая ему постоянный и довольно значительный доход. Он замечательно мыл белые замшевые перчатки, которые возвращал юнкерам в виде, едва отличимом от новых.

***

Большими симпатиями юнкеров пользовался частный училищный буфет, содержимый хитрым, очень себе на уме, немцем Альбином Антоновичем Бигер. Зная хорошо не только каждого юнкера, но и его средства, Бигер умел, при случае, быть полезным каждому и пользовался, поэтому, общим расположением. Буфет посещался много и охотно, особенно летом, в лагере, где ему был отведен прекрасный деревянный барак, расположенный неподалеку от приемной аллеи.

Кроме того, Альбин Антонович обладал одной необыкновенной ценностью. У него имелась топографическая карта окрестностей Елисаветграда, в масштабе, если не ошибаюсь, 200 сажень в дюйме, с нанесением на ней многих таких подробностей местного значения, каковых не имелось на картах официального издания Главного Штаба. На съемках многие юнкера, которым трудно давалось топографическое искусство, за некоторую мзду и под большим секретом, прибегали к услугам карты Альбина Антоновича, дополняя назначенный им для съемки участок подробностями и деталями "бигеровского" генерального плана. Каким образом содержатель буфет стал обладателем этой знаменитой карты, которой пользовались целые поколения юнкеров и чьими трудами эта карта была снята, никому известно не было.

***

Летом, в лагерный период, большим удовольствием для юнкеров было купанье, хотя и в мелководном, но сравнительно чистом Ингуле, протекавшем примерно в полуверсте от юнкерского лагеря. В устроенной купальне назначался дневальный юнкер младшего класса, наблюдавший за порядком и недопущением в купальню посторонних лиц. Наряд этот был не из числа обременительных. В знойные летние дни, которыми так изобилует жаркий климат Херсонской губ., было приятно, растянувшись на шинели, в тени деревьев, читать книгу, исполняя в тоже время несложные обязанности.

Кроме этого, в юнкерском лагере было еще два дневальства, не считая, конечно, дневальства на передней линейке: это в приемной аллее и у офицерского шлагбаума, расположенного неподалеку от офицерского флигеля.

***

Пыльный, скучный и не слишком опрятный Елисаветград ничем не отличался от многих уездных городов южной России, но в нем было много черт и особенностей, приобретенных им в зависимости от нахождения в нем, в течении многих лет, Кавалерийского Училища. Кому не известен, например, ресторан Винжергерста, в котором юнкера бывали завсегдатаями, что давало возможность его владельцу непомерно обогащаться. Кто не знал портных, братьев Музыкантовых, славившихся мастерством так шить всевозможные кавалерийские формы, что его знала вся русская гвардейская и армейская конница. Многие офицеры специально приезжали в Елисаветград из разных, часто отдаленных, концов России, чтобы шить обмундирование у Музыкантовых. А кто не помнит юнкерских сапожников Бухгалтера и Таранцова, этих виртуозов по части шитья лакированых и шевровых юнкерских сапог, гусарских ботиков и ботинок. Кто не знает шапочников Барского и других, украшавших многие тысячи юнкеров головными уборами всвозможных цветов и оттенков. А седельный мастер Трегер, мало чем уступавший знаменитому Петербургскому Вальтеру и Коху. Все эти лица в течение ряда лет кормились и создавали себе огромные состояния, за счет Елисаветградских юнкеров.

Полковник Фурман

(Окончание следует)

Главы из повести „Пушкари"

7.

Полковник Слопачинский, спору нет, был поляк умный. Он видел, что молодежь лихо ездит, хорошо делает гимнастику, методы стрельбы знает в совершенстве. Но опытом своим он видел, что дай им волю — они могут перекалечить людей и лошадей.

И он "спускал на тормазах".

Внимательно прислушивался и кряхтя шел на спуск.

При нем: разведчики батареи прекрасно читали иностранные карты (как это пригодилось нам во время войны), делали глазомерные съемки (какие — я ахнул, в первый раз увидев).

В батарее была футбольная команда (тогда новинка, на которую многие старики косились). На гимнастику солдаты выходили не в тяжелых сапогах, а в гимнастических туфлях, коротких штанах и в тельниках, с двуглавым орлом.

Были выписаны из Киева гимнастические приборы, которым позавидовали бы и профессиональные школы. На гимнастику, по его приглашению (тоже уступка нам, молодым) из местного общества, приходили сокола и занимались с ребятами.

Что и говорить: умен был Слопачинский, а все-таки с офицерами не ладил. То по старинке "нарывался", то впадал в какой-то, "якобы дружеский тон".

Меня, например, он иногда называл "Глебушка", на что я ершился и в душе фыркал.

И сейчас, подойдя ко мне, он выдавил улыбку, и спросил:

— Что, Глебушка, довольны походом?

— Так точно, господин Полковник... очень доволен, — сухо отрапортовал я.

— Ну, ну, не ершитесь... Митрофан Петрович, — обратился он к старшему офицеру. — Что-ж, покормим ребят сегодня свининкой?

— Так точно! Я уж и артельщика, с деньгами, вперед послал.

— Так, так... Ну, с Богом... По коням, — вдруг грозно закричал он. Небольшая суета и мгновенная тишина.

— Садись... — Опять суета и тишина.

— На молитву, шапки долой! — Заблистали стриженые головы.

Душкин читает: Отче наш.

— Накройсь... Справа, по-орудийно:..

Батарея потянулась, гремя колесами и щитами.

Подпоручик Гайрабетов был больным местом Слопачинского. Общий любимец, попавший в бригаду из пехотного училища, симпатичный кавказец, прекрасный товарищ, вспыльчивый, как все восточные люди, он никак не мог приноровиться к системе Слопачинского.

Гайрабетов был магометанин.

О том, что он магометанин, я, например, узнал лишь во время присяги. Солдаты всех вероисповеданий имели своих священников (православный батюшка, ксендз, пастор, раввин) присутствовавших на присяге.

Муллы в нашем городке не оказалось, и приводил молодых магометан (их было три), к присяге, по приказанию Командира бригады — Гайрабетов.

Мы с любопытством смотрели, как Нарцисс (это было имя Гайрабетова), свирепо выкатив глаза, читал что-то трем испуганным черноглазым кавказцам — из черной книги. Потом вытащил шашку и заставил их трижды целовать клинок.

Поручик Оношко, задира и остряк, после присяги пристал к Нарциссу:

— Что ты там колдовал?..

Нарцисс обиделся:

— Это ты, может, колдовал, а я приводил к присяге на верность Государю Императору.

Оношко, прикусил язык.

По приезде в бригаду, Гайрабетов взял себе денщиком своего земляка грузина Джианашвили.

— Имя уж больно красивое, — объяснял он нам: — ты знаешь, что значит по-русски — Джианашвили?.. Это значит "Сын солнца". Вот-на. При том мой земляк. Поговорим иногда о Кавказе... У него в Тифлисе — бакалейная лавочка.

Обуреваемый такими лирическими мотивами, Гайрабетов не подозревал, что денщик скоро станет занозой в его жизни и причинит ему не мало горестей.

"Сын солнца" быстро освоился со своими несложными камердинерскими обязанностями(какие там обязанности у денщика молодого офицера: поставить самовар, почистить сапоги — и все) и погрузился, как смеялись офицеры, в "восточную негу и роскошь". Вставал позже своего барина, едва волочил ноги, растолстел и раздобрел за один год на полпуда.

Целые дни валялся на кровати, пел заунывные кавказские песни, а если испытывал потребность к движению, то плелся на Подол, к отысканному там земляку Карапету, у которого и проводил все свободное время.

— Понымаешь, — злился Гайрабетов: (когда он волновался, он сбивал на восточный акцент и на "ты" со всеми): — не он меня будит, а я его. Ей-Богу самовар вчера сам ставил... А чай пили оба вместе... Нахальство. Напьется чаю — исчезает. Где, — спрашиваю, был?.. Карапету письма писал. Хорошо — сегодня Карапет, завтра — Карапет... когда же конец?.. Молчит, сукин сын.

— Вчера приходит в 10 часов вечера. Кричу: где шлялся? — Хадыл лавка смотрел... Какая лавка?.. Я тебя не посылал...

— Смотрел товары, хочу купить, в Тифлис посылать.

— А почему сапоги не почистил?.. — Молчит.

— Моя мать каждый месяц этому ироду посылки посылает: — это твоему милому солдатику в подарок.

чтобы он за тобой хорошо смотрел. — Как вам нравится?.. Милый солдатик... Ей-Богу, в один прекрасный день морду набью... Пусть меня потом судит Бог и Великий Государь!.. — трагически заканчивал Гайрабетов.

— Прогони в батарею, — смеялись офицеры.

— Не могу, понимаешь... привык.... и, потом, земляк.

И мученьям бедного Гайрабетова, повидимому, не предвиделось конца.

8.

Батарея уже стояла: "Вольно, оправиться", у кладбища, когда, на вспотевшей лошади, подскакал Нарцисс. Он козырнул Слопачинскому и поскакал было к своему взводу, но Слопачинский не взвидел света:

— Подпоручик Гайрабетов, — разразился он истерическим воплем: — Вы являетесь в батарею, позже всех офицеров, позже меня... Так служить нельзя. Подавайте в запас... переводитесь в Сибирь, поступайте на почту... Здесь вам не Персия (от злости он забыл даже географию).

Дальше неслись уже совсем несвязные крики:

— Молчать... не возражать, когда я говорю... не потерплю! и т. д.

Побледневший Гайрабетов, вытянувшись, и приложив руку к козырьку, молча подъехал к нам.

— Что, Нарцисс?... попало?... — встретили мы его.

— Попало за дело, — неожиданно заявил Нарцисс. — Но, этому дьяволу Джианашвили я покажу. Он у меня увидит. Спал сегодня, как собака. Уже вестовой с лошадью приехал — а он все спит. Не разбуди меня вестовой — пришлось бы скакать за вами галопом.

На боковой улице, в это время, в пыли показалась довольно странная процессия: одинокая двуколка с ве ами Гайрабетова. Старая, серая в гречке, обозная лошадь, подымая клубы пыли, лениво шлепала подковами по пыльной обочине. Рядом с двуколкой, так же лениво шлепал денщик Гайрабетова — Джианашвили.

"Сын солнца" умудрился русскую военную форму превратить в какое-то восточное одеяние: штаны его, спущенные чуть-ли не до пяток, имели вид персидских шальвар, на ногах его красовались туфли красного цвета, под безкозыркой виднелась белая тряпка.

Одной рукой он держался за край двуколки, а другой держал огромный букет цветов.

Он лениво передвигал ногами, поднимая клубы пыли.

— Зарублю проклятого, — взвизгнул Гайрабетов, хватаясь за шашку: — Вон с глаз моих... Ска-а-тина... Откуда ты?...

— Твоя прачка хабыл, — флегматично отвечает Джианашвили... — Барышна тебе цветы прислал... — и он протянул Нарциссу букет...

Дружный хохот всех покрыл эту реплику.

Хохотал и сам Гайрабетов.

Хорошо, что всю эту сцену не видел Слопачинский.

Двуколка благополучно поплелась в хвосте колонны, под смех ездовых и номеров.

9.

Подошла 4-я и потянулась в голову колонны. В "хвосте" 4-й, на обозной повозке, торжественно восседал батарейный козел. Шутники нацепили на него какой-то рваный и поломанный картуз. Изредка он дребезжащим голосом жаловался на свою горькую участь, не понимая, почему это людям понадобилось покидать уютные конюшни и тащиться неведомо куда.

Козел обдал всех удушливой вонью.

— Когда идешь в конце колонны,
Не помогут и одеколоны. —

продекламировал Оношко, — афоризм Кузьмы Пруткова.

Подъезжая к кладбищу, по приказу командира, козла стащили с повозки, содрали с него картуз, и теперь он уныло плелся на веревке, конец которой держал такой же унылый обозный солдат водовоз.

— Здорово 4-я скорострельная, нарезная, со скользящим затвором, — приветствовали мы офицеров 4-й.

— Привет доморощенным острякам, — отвечали те.

4-я проследовала в голову колонны, замыкаемая козлом и спешилась.

Подъехали несколько бригадных дам и барышень в белых платьях и с цветами. Офицеры окружили их — букеты перешли в наши руки.

— А вы спросите, Лиза, — обратился к одной из барышень Оношко: — спросите Гайрабетова, от кого он сегодня получил букет? Готов спорить, что это какая-нибудь восточная красавица. Может быть "султановская одалиска", чудом попавшая в наш богоспасаемый град?

— Знаем мы эту одалиску... она торгует на базаре носками и портянками. Девочка недурна. Сознайся Нарцисс?..

Нарцисс самодовольно улыбался.

Приехал командир дивизиона. Обычная суета... Здра... и наконец дивизион трогается.

Обскакивая батареи, с десятью ординарцами, проскакал Гайрабетов.

— Прощайте, друзья, — прокричал он: — еду квартирьером. Если буду убит... напишите матери. Оставляю вам в наследство своего Лепорелло, любите его и не обижайте!

— Передай от нас привет лорд-мэру Березовки...

— Нет, это уж пусть передает Верди-Паша (командир дивизиона).

— Кто такой?.. — грозно скашивает глаза старший офицер.

— Виноват, г-н Капитан... полковник Талалаев.

— То-то, — улыбнулся старший офицер.

Гайрабетов скрывается, переходя в рысь.

10.

И цветы, и поля, и колосья
И лазурь, и полуденный зной,
День придет — и Господь блудного спросит:
Был ли ты счастлив в жизни земной?
И забуду я все: вспомню лишь эти,
Полевые пути средь колосьев и трав.
И от сладостных слов, ничего не сумею
ответить,
К милосердным коленам припав.

И. Бунин

Последние домики предместья остались позади. Шоссе вилось узкой лентой среди почти девственного соснового леса. Равномерный рокот колес, легкое позвякивание щитов на орудиях, изредка крики: "Под ноги!", — предупреждающие о какой-либо неисправности пути.

Идем час, два...

Становится все жарче и жарче.

Батарейные псы (таких два) вначале резво носившиеся вдоль колонны, теперь плетутся, высунув языки и утратив значительную долю своей резвости.

Офицеры батареи съехались в голову. Едем и чешем языки: вспоминаем прошедший год на зимних квартирах, офицерские занятия, опереточных артистов Горева и Полинову.

Козловский, подъехавший из 4-й, — наш певец и музыкант, не без блеска, исполняет сцену из Аиды:

Да... знаю я...
Ждешь Радамесса...
Им любима,
Он начальник египтян...
Понятно-ль...

— Тут вступает Аида, — поясняет он. — Играют скрипки... — и он, с поразительной точностью воспроизводит оркестр и вступление Аиды:

О, боги, какой совет даешь...
Нет... нет... никогда...

Но и он увядает от жары. Добрых полчаса едем молча. Вдруг, Оношко, заливается заразительным смехом:

Нет, помните, господа, последнее "Общее Собрание" и речь Володи Туркина?

Володя Туркин — штабс-капитан 2-й батареи, считался бригадным остроcловом. У молодых он пользовался головокружительным успехом. Стариков раздражал тем, что, в своих нарочито-высокопарных выступлениях, всегда старался их чем-нибудь поддеть.

Система остроcловия Туркина — была приблизительно такова: на Общих собраниях(единственный в старой армии "демократический орган", выбиравший Председателя распорядительного комитета из старших офицеров, и "Хозяина Собрания" из младших, и решавший несложные вопросы устройства вечеров, праздников для детей, приема начальства, товарищеских обедов, и пр. мелочей бригадной жизни) — Туркин неизменно потешал молодежь, выступая в качестве застрельщика и "Борца за Правду и Справедливость".

На последнем собрании, на котором обсуждался вопрос о приеме и устройстве обеда вновь назначенному Инспектору Артиллерии Корпуса, ген. Сташевскому (в сущности никаких разногласий по этому поводу не было: вопрос сводился лишь к установлению платы за обед: одного рубля или одного рубля и 20 копеек) — Володя попросил слова.

Молодежь насторожилась, предчувствуя веселый фарс.

Умолкли ручейки,
Затихли птичек хоры,
И прилегли стада...

так начал свою речь Володя.

Кто-то сзади фыркнул.

Председатель собрания, нервный и раздражительный полковник Кублицкий, насторожился:

— Штабс-капитан Туркин, — нервным голосом, но сдерживая себя, произнес он: — Потрудитесь говорить по существу вопроса, а не цитировать... Пушкина.

— Слушаюсь, господин Полковник, — кротко отвечает Володя. — Я сейчас подойду к вопросу вплотную. Разрешите продолжать.

— Продолжайте, пожалуйста, но только по вопросу о приеме Инспектора Артиллерии.

— Итак, оставим в стороне Пушкина, которому, очевидно по ошибке (реверанс в сторону председателя), было приписано трехстишие, которое я процитировал, я перейду к существу вопроса: — Вы хотите устраивать пир... Пиры Валтасара, поражали своей роскошью всех иноземцев... — Дружный хохот...

— Валтасара... — срывается Кублицкий, — иноземцы... причем здесь Валтасар?.. Кто такой?..

— Вавилонский царь... г-н Полковник. — Я хочу сказать, что пиры Валтасара осуждались всем мыслящим обществом. Они, как известно, кончались трагическими словами: Мане, Текел, Фарес, — как волынку тянет Володя.

Кублицкий совершенно зеленеет от ярости:

— Штабс-капитан Туркин... вам, очевидно угодно превратить общее собрание в какой-то опереточный спектакль. Я этого не позволю... Я лишаю вас слова... Разрешаю вам высказаться лишь о плате за обед... Один рубл или один рубль 20 копеек.... и все... Понимаете?... Да, или нѣт?...

Большая пауза.

Володя стоит в задумчивой позе и наконец: (мы ждем какого-нибудь "мо"): — Один рубль, г-н Полковник.

Голосуем все за 1 рубль (мы не Валтасары).

Кублицкий облегченно вздыхает:

— Переходим к следующему вопросу о покупке белья для офицерской столовой.

Володя сидит с обиженным (деланным) видом.

Такие выступления Володи повторялись неизменно на каждом общем собрании. Молодежь подзуживала Володю, польщенный Володя всегда старался оправдать наши надежды и надо отдать ему справедливость, "разыгрывал" он начальство так, что редко к нему можно было придраться.

Ему приписывали тост где-то будто сказанный:

— Пью за прекрасный пол обоих полушарий и за оба полушария прекрасного пола.

Со всем тем, Володя был прекрасным офицером: команда наводчиков у него была лучшей в бригаде. Солдаты его были веселы, смелы, находчивы, ловки в строю, на гимнастике, и на коне.

П. Волошин

ИЗ «КНИГИ ОСКОЛКОВ»

Дон Кихата де Ла Манча

Посвящается другу моему — рыцарю верному — Юрию Герингу.

Бедный рыцарь Печального Образа,
Палладин небылой старины, —
Чистый сердцем, бесстрашный и добрый, —
Как прекрасны — и как вы смешны!

Шпоря бешено дряхлую клячу,
Без раздумья, главу очертя,
Вы на помощь обиженным скачете,
Чуть заслышите: женщина плачет,
Бьют раба или мучат дитя.

Свято веруя в старые басни,
Свято преданный Даме своей,
Вы идете туда — где опасней,
И сражаетесь с тем, — кто сильней.

Но и мужество ваше, и мельницы,
Дульцинея и ржавый доспех
В нашем мире дельцов и бездельников
Вызывает от веку досельно
Лишь злорадство, издевку и смех.

Понапрасну вы urbi et orbi
Возславляете Правду и Честь: —
Ничего, кроме муки и скорби
Эти бредни не могут принесть.

И не тщитесь сеннор Дон-Кихата,
Обрести утешение в том,
Что — де люди глумились когда-то
И над грядшим к пропятью Христом.

Пусть невмочно забвения плесени
Отускнить ваше с Ним имена: —
Да хоть память о вас не исчезнет,
Так ведь ваша и слава смешна...

Не смешно-ли? — с открытым забралом,
Зная Путь — только прямо и ввысь,
Ошельмованный, нищий, усталый,
Вы блюли свою клятву вассала
И ни разу врагу не сдались?

Но зато — незапятнано честный.
И свершивший свой долг напролом, —
К своему Сюзерену небесному
Вы войдете с высоким челом.

Н. М.

Пластуны

Кому неизвестно славное имя пластуна?...

В минувшие войны, присутствие на фронте пластунов вливало уверенность в победу и наводило страх на врага.

Еще во времена Запорожской Сечи, среди бесстрашных степных рыцарей, наряду с конными, были и пешие казаки. Действовали они, в большинстве случаев, на лодках.

Лодочная флотиля Запорожцев делала неоднократно смелые набеги не только на берега Крыма, но и на Анатолийское побережье Турции, и неоднократно угрожала самой столице, тогда могучей, Оттоманской империи — Константинополю.

Впоследствии, после уничтожения Запорожской Сечи и образования в 1788 г. Войска Верных Казаков, их пехота, верная запорожским традициям, совершила много славных подвигов, как, например: при взятии 7 ноября 1788 года, под водительством Войскового Судьи Антона Головатого неприступного турецкого острова Березани. В 1788 г., уже после переименования Войска Верных казаков в Черноморское, их лодочная флотилия потопила 20 ноября, на Дунае, под Измаилом, около 90 турецких судов, а в день штурма этой турецкой твердыни Черноморская пехота, составляя отдельную штурмовую колонну, вновь покрыла себя неувядаемой славой.

В дальнейшем, вся история Черноморского Войска, тесно связана с героизмом его пехоты.

После переселения в 1792 г. с Днестра на Кубань, Черноморская пехота, наряду с конными полками, в

течении десятков лет, обороняла государственную границу России по Кубани.

За участие в разбитии турецкой флотилии у Браилова 28 мая 1828 года, 1-й пеший Черноморский полк получил знамя, впоследствии переданное 1-му Полтавскому конному полку.

И, наконец, во время Севастопольской обороны, имя Черноморского пластуна прогремело на весь свет.

Пехота эта осталась верной традициям Запорожья и после того, как в 1860 году было организовано Кубанское Войско, в состав которого полностью вошло Войско Черноморское.

Русско-турецкая война 1877—78 г. г., Японская война 1904—5 г.г. и Первая Мировая война вновь показали всему свету доблесть кубанских пластунов.

Война 1914—17 г.г., явившаяся как бы лебединой песнью славной Российской Императорской армии, дала много примеров доблести пластуна, как в дебрях Малой Азии, так и на полях Западного фронта и Галиции, где, например, идя по приказанию генерала Келлера на штурм сильно укрепленной австрийской позиции у Хотина, чуть не целая пластунская бригада полегла на проволочных заграждениях врага, но задание выполнила.

Уже после революции 1917 г., когда верные сыны Отечества, в течении нескольких лет, вели неравную борьбу с большевиками, отстаивая честь, право и правду, Кубанское Войско полностью участвовало в этой борьбе, и здесь, под своими боевыми знаменами, увенчанными славою, Кубанские пластуны выполнили свой долг перед Родиной и казачеством до конца.

Во время Запорожья, Войска Верных казаков и, первое время по переселении Черноморцев на Кубань, их пехота не называлась пластунами.

Пластунами в Запорожьи называли охотников за дичью, которые в то время, когда не было войны, занимались своим любимым промыслом, "Пластали" грязь в плавнях. Когда запорожец хотел сказать о ком-то, что он ушел на охоту, то говорил: "пишов пластуновать".

По переселении Черноморцев на Кубань, там были организованы пешие и конные полки, носившие отдельную нумерацию.

Официально имя пластуна появилось впервые, примерно, во время Севастопольской кампании, когда Командовавший войсками Кубанской укрепленной линии Генерал Власов, впоследствии знаменитый Донской Атаман, сформировал специальные пешие команды Черноморцев, которые назвал Пластунскими.

Впоследствии, пешие Черноморские полки были преобразованы в Пластунские батальоны.

Пластуны в мирное время были только в Кубанском казачьем Войске. Во время же Первой Мировой войны появились таковые в Терском и в некоторых других войсках.

В мирное время на Кубани было 6 Пластунских батальонов, составлявших отдельную Кубанскую Пластунскую бригаду. Все они несли службу на Кавказе, главным образом в Закавказьи. Их часто применяли для поимки разбойников в диких дебрях Чечни, Дагестана и Закавказья.

В 1909 г. Начальником Кубанской Пластунской бригады был назначен Генерального Штаба Генерал-майор Михаил Алексеевич Пржевальский.

Энергичный и неутомимый новый Начальник бригады обратил самое серьезное внимание на подготовку офицерского состава и боевую подготовку частей. Он часто производил дневные и ночные маневры, с большими переходами, дневную и ночную стрельбу, тактические занятия с офицерами. Он обратил серьезное внимание на подготовку команд: учебных, пулеметных и охотничьих-разведывательных. Он часто совершенно неожиданно появлялся в том или другом батальоне, делая внезапные смотры, маневры и тревоги. Иногда, уже на другой день или через день, он появлялся в одном и том же батальоне.

Пластуны, всегда искусные в стрельбе, при Пржевальском достигли небывалых результатов в Кавказском Военном округе, где стрелковое дело всегда стояло на большой высоте.

По мобилизации 1914 г., помимо шести первоочередных батальонов, Кубанское Войско выставило 12-ть второ- и третье-очередных Пластунских батальона, составивших 2-ю и 3-ю Пластунские бригады, каждая в 6 батальонов. В течении войны была сформирована и 4-я Пластунская бригада, в составе 4-х Кубанских и 2-х Терских Пластунских батальонов.

Еще в начале Первой Мировой войны пластуны прославились славной обороной Саракамыша, под которым был уничтожен турецкий корпус Энвер Паши. Победа под Саракамышем, под командой талантливого полководца Генерала Пржевальского, прогремела на весь мир. За это славное дело пластуны получили Высочайшую благодарность, а сам Государь, как бы желая отметить доблесть пластунов, все чаще стал носить простую, серую пластунскую черкеску.

В апреле 1915 года 1-я и 2-я Пластунские бригады за исключением 1-го Пластунского батальона, оставленного по особому ходатайству Командующего войсками Батумского укрепленного района Генерала Ляхова, в составе Кавказской армии, составили десантный корпус для переброски на берег Малой Азии. Батальоны были сосредоточены для погрузки в Севастополе.

18 апреля, здесь состоялся Высочайший смотр обеим бригадам. Государь Император сердечно благодарил пластунов за верную и доблестную службу Отечеству. Помимо боевых наград, которые Государь лично роздал офицерам и казакам, все первоочередные батальоны получили шефство:

2-й батальон — Е. И. В. Великой Княжны Ольги Николаевны;

3-й батальон — Е. И. В. Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича;

4-й батальон — Е. И. В. Великого Князя Георгия Михайловича;

5-й батальон — Е. И. В. Великого Князя Бориса Владимировича;

6-й батальон — Е. И. В. Государя Императора Николая Александровича.

Многие батальоны получили Георгиевские знамена и Георгиевские ленты на сигнальные рожки.

1-й Пластунский батальон еще до войны имел шефом Е. И. В. Великого Князя Михаила Николаевича.

Но пластунам не пришлось участвовать в дессанте, который, в виду обстановки на фронте, был отменен и обе бригады были переброшены на Западный фронт, где покрыли себя новой славой.

В течение всей войны, Пластунские батальоны соперничали в доблести и отваге друг с другом, не зная поражений, хотя зачастую Командование посылало их на самые ответственные участки фронта.

Потери в батальонах были огромные. В первых двух бригадах выбыло из строя убитыми и ранеными свыше 80% офицеров и казаков. Батальоны беспрерывно пополнялись. Было много офицеров и казаков, которые по несколько раз возвращались, после тяжелых ранений, в ряды родных батальонов.

Генералы Пржевальский, Гулыга, Попов, Окулич, Краснопевцев, Третьяков, Букретов, Расторгуев, Гейман, Ходкевич и др., доблестно водили своих пластунов от победы к победе, и закаленный дух чудо-богатырей пластунов всегда побеждал.

Подвиги пластунов были отмечены высшими наградами: Генерал Пржевальский был награжден орденами Св. Георгия 3-й и 4-й степени и Георгиевским оружием. Ордена Св. Георгия 4-й степени, или георгиевское оружие, а зачастую, то и другое, получили Генералы Гулыга, Третьяков, Расторгуев, Гейман, Букретов, Ходкевич, Краснопевцев, Джалюк;-Полковники: Зеньковский, Квартовкин, Фесенко, Серафимович; Войсковые Старшины: Марченко, Белявский, Кучапов; Подъесаул Кайтов, Сотник Зайцев и др...

Почти все строевые пластуны были награждены Георгиевскими крестами и медалями.

Тысячи пластунов сложили свои головы во славу Русского оружия и своей Родины.

Многие вернулись с войны инвалидами, без рук, без ног, искалеченными, как Ген. Третьяков, Полк. Капуста и Скоробогач, Войсковой Старшина Строкач, Приказный М. Гордиенко и многие другие.

Октябрьская революция 1917 г. уничтожила многих лучших сынов России и доблестную Русскую Армию.

По возвращении на Кубань, в 1918 г., пластуны сразу же приняли участие в борьбе с большевиками, за освобождение Родного края от их полчищ.

Первоначально были сформированы отдельный Улагаевский пластунский батальон и Кубанский стрелковый полк, принявшие участие в бессмертном 1-м Кубанском Генерала Корнилова походе.

В дальнейшем, в течении гражданской войны, пластуны были объединены в 3 Пластунских бригады, которые победоносно водили в бой старые, испытанные пластунские Командиры: Генералы Гейман, Ходкевич, Цыганок, полк. Зозулин, Бедаков, Запольский, Кучапов, Щегловский, Серафимович, Тупалов, Погодин и др.

Не суждено было Добровольческой армии освободить Родину и, после долгой, неравной борьбы, в конце 1920 г., вместе с последними борцами Белой Армии, покинули пределы своей Родины и доблестные пластуны.

Уже за-границей ушли из жизни: Ген. Пржевальский, Гулыга, Гейман, Ходкевич, Цыганок, Расторгуев и многие другие пластуны.

Мало нас осталось за-границей, масса доблестных сынов Кубани погибло в застенках от рук чекистских палачей, много рассеяно по необъятным просторам нашей Родины, но мы верим, что недалек тот час, когда Господь Бог воскресит нашу многострадальную Родину, а вместе с нею и непобедимую Русскую Армию, в рядах которой вновь займут достойное место доблестные Кубанские пластуны.

Вспоминая же о храбро погибших в боях лихих пластунах, мы вправе сказать:

Спите орлы боевые,
Спите спокойной душой,
Вы заслужили, родные,
Славу и вечный покой.

Заметка эта написана исключительно по памяти и вполне возможно, что в ней невольно допущены неточности. Но главною задачею автора было возобновить в памяти читателей страницу о непобедимой нашей пехоте — О КУБАНСКИХ ПЛАСТУНАХ.

В. Третьяков

ПРОДАННАЯ СОТНЯ

Было это уже после заключения перемирия с японцами, в ожидании ухода на зимние стоянки.

— Беда, господин поручик, Бобков и Сапков вернулись с фуражировки, да, никак, у обоих кони сапные, — докладывает мой зауряд-прапорщик Васеев. За воротами импани, в которой была расположена моя команда конных разведчиков, наши неразлучные аяксы держали в поводу лошадей. Беглого взгляда было достаточно, чтобы определить, что с конями неблагополучно. Дышали они порывисто и поводили боками. А когда я карманным зеркальцем запустил им в ноздри солнечного "зайчика", то сомнения не было — сап: слизистая оболочка была изрыта язвами, выделявшими гной. Команде фуражиров я приказал разбить отдельную коновязь, вне импани. Всем фуражирам были вымыты руки раствором сулемы, а больных лошадей отвели к обрыву оврага. Вызванный из штаба отряда, ветеринар, подтвердил мой диагноз. Странные были клички у этих лошадей. Коня, повыше, звали "Бусый", так в Сибири зовется довольно редкая

масть — вишневая. Серенький монгол, поменьше, звался "Утиг". Как я ни старался, так и не мог добиться значения этого слова.

Лошадей попятили к самом обрыву. "Бусый" принял смерть незаметно — осел на задние ноги, оборвался в овраг, перевернулся через голову и грузно ударился о дно оврага. "Утиг", взволнованный выстрелом, сразившим его друга, перебирал ногами, так что ветеринар долго не мог засунуть дуло тяжелого Смита и Вессона в ухо обреченного. И, видимо, пуля не прошла через жизненные центры. "Утиг" взвился на дыбы, повернулся на ногах, ринулся под обрыв и, упав головой на круп "Бусого", еще долго дергал ногами. Я приказал из ближайшего городка, привезти негашеной извести, чтобы засыпать трупы.

До самого рассвета, ворочался я на своей походной кровати, системы Гинтера. Мерещились мне всякие ужасы: табун сапных коней ворвался во двор импани и грызет лошадей моей команды, те, сорвавшись с коновязей, носятся со ржаньем по двору и лезут ко мне в окно. Но, все оказалось в полном порядке. Лошади мирно дремали, вздрагивая от предрассветного холодка. В штабе отряда запела казачья труба.

— Вставать людям, — прохрипел простуженный бас дежурного.

— Вставать людям, выходить на уборку, — на разные голоса выкрикивали дневальные... И день начался.

На карантинной коновязи заболевших пока не было, но это еще не утешение, ведь существует какой-то инкубационный период и моя взволнованная фантазия рисовала неудержимое распространение эпизоотии на всю мою команду, и я уже видел себя в арестантском халате. После обеда, ко мне зашел Васеев.

— Был у меня сейчас, господин поручик, вахмистр конной батареи с Кавказа. Говорит, что им уже назначена погрузка, но, только приказано лошадей не брать, а продать их китаям. Завтра, после обеда, у них в Балашмыне, назначен аукцион. Да он говорит, что китаи не дюже охочи до таких лошадей — велики, мол, для ихних арбов не годятся.

Как молния меня пронизала мысль, и стала крепнуть и развиваться. Надо дерзать... Надо рискнуть... Только в этом спасение. Ознакомив с моим планом офицеров и взводных моей команды, я приказал переводчику объявить по ближайшим деревням, что завтра, с восьми часов, назначаю аукцион всех лошадей команды.

— Да, кстати, Васеев, засыпали ли известью пристреленных лошадей?

— Никак нет, господин поручик. С этим вышел один конфуз. Подъехали это мы к оврагу с известью, глянь — а в овраге то трупов и нет. Китаи их к себе забрали... на порции, значит...

Моя фантазия заработала еще ярче: эпидемия перешла на китайцев, от них перекинулась к нам и вот, вся моя команда вымирает от этой ужасной болезни. Скорей.. скорей... надо принимать какие-то меры. Снеситься со штабом полка нет времени, до него 30 верст, да и толку не будет... Заведующий хозяйством сам не решится на такую операцию, а когда придет ответ от штаба дивизии — конной батареи и след простынет. Тем же временем, сап выкосит и лошадей, и стрелков моей команды.

Я помчался в Балашамынь, до которой было 5—6 верст. Командир батареи, представительный полковник, кавказского типа, Георгиевский кавалер, выслушав мое предложение, хлопнул меня по плечу.

— Браво, поручик. Этим вы и меня выручите — мои лошади попадут в хорошие руки. Жаль было бы отдавать их китайцам. Распоряжение штаба армии продавать лошадей местному населению, не дешевле как по 35 рублей. Китайцы уже шныряют и принюхиваются, но, такой цены не дают. Кони слишком рослые для их запряжек. Я уже хотел запросить новые инструкции, да, вот вы подвернулись и все разрешается к общему благополучию: у меня не будет душа болеть за моих боевых друзей, а вы получите такой конский состав, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Сколько вам надо лошадей?

— Самое меньшее — 120.

— Ну, столько то у меня найдется.

— А по скольку вы назначаете за лошадь?

— Да, не нарушая инструкций, могу назначить по 40 рублей за голову, на круг. Согласны?

Никогда в жизни не стучало так сильно мое сердце. Момент был решительный — пан или пропал... Смогу ли я, завтра, продавши всю команду, выручить эти 5.000 рублей, чтобы заплатить командиру батареи.

— Ну, чего задумались? Раз, два, три...

Спазма сжала мне горло.

— Согласен, с трудом выдавил я роковое слово.

— Но только — отец дьякон — деньги на кон, — улыбнулся полковник.

— Господин полковник, я слышал, что продажа назначена на завтра? Нельзя ли отложить ее на день? К этому времени, деньги будут у меня полностью.

Полковник задумался и, вопросительно посмотрел на своего заведующего хозяйством.

— Я думаю, что можно... Как ты думаешь Арчилл?

— Да у меня аукционные ведомости еще не готовы. Можно отложить.

— Только, уже к восьми часам будьте со своими людьми.

— Господин поручик, китаев набилась цельная масса, — докладывает Васеев, — прикажете впустить во двор?

— Никого в импань не пускать. Выносите столы в поле. Начнем с карантинной коновязи.

Когда я взглянул на галдящую толпу китайцев и приказал ее оттеснить, чтобы очистить место для торга, все мои треволнения улеглись и я, с уверенностью в успехе, приступил к аукциону.

Васеев, по списку, вызывал конного охотника, тот подводил своего коня и останавливался в десяти ша-

гах от моего стола, и называл пол, и кличку лошади. Переводчик Мишка, взобравшись на стол, сзади моего, получив от меня начальную цену, орал в толпу эту цифру, по-китайски, размахивая плетью. В толпе начинался неимоверный галдеж, в котором я никак не мог разобраться, но Мишка, своим привычным ухом, улавливал надбавки и кричал мне:

— Двадцать два лубли... Тлисать лубли...

Желая избавиться от карантинных лошадей в первую голову, я назначил на них начальную цену в 20 рублей. И, хотя подозрительных признаков обнаружено не было, я торопился сбыть их и стучал обухом топорика, не допуская подыматься выше 35 рублей. Мой помощник, "младший корнет" Васильев, получал деньги. Только что произведенный из вольноперов, прапор Александров, помогал ему и отмечал в списке. Карантинная коновязь опустела в четверть часа. Стали выводить лошадей из импани. Я следил, чтобы лошади шли по сорок рублей на круг и, в этом смысле, варьировал оценки. Иногда, два-три китайца хватали лошадь за повод, оспаривая свое право, тогда Мишка бросался к ним и, размахивая нагайкой, но не пуская ее в ход, под моим угрожающим взглядом и жестом, утверждал в правах владения одного из претендентов.

После обеденного перерыва, были проданы последние два десятка лошадей и все коновязи опустели.

— Ничего, все образуется, утешал меня "младший корнет", когда я высказывал свои опасения — а, вдруг, командир батареи получил новые инструкции и аукцион отменяется? Или прискачет казак от князя Трубецкого, с приказанием стать на летучую почту, а у меня ни одной лошади? И снова мне мерещится арестантская куртка.

— Теперь уже ничего не поделаешь... "Рубикон перейден", — добавил мой, философски настроенный, "корнет".

— Мало того..: даже корабли сожжены, — указал я на пустые коновязи, около которых возились стрелки, сгребая в кучи солому, обжигая колья и обливая карболкой канаты коновязей, перенося их на новое место, вне импани... Карантинную коновязь я приказал сжечь.

— Смирно... Шапки вон... Слушай на-караул... Господа офицеры, — скомандовал я при выходе командира батареи из его импани, к развернутому фронту моей команды и, с шашкой "под-высь", пошел ему навстречу.

— Господин полковник. Конно-охотничья команда 19-го Восточно-Сибирского стрелкового полка выстроена для приветствия, — отрапортовал я, салютуя.

Полковник был явно тронут такой неожиданной встречей. Дружно рявкнули стрелки обычную фразу приветствия и "ели глазами" проходившего по фронту полковника. Все мои сомнения рассеялись и треволнения улеглись, когда я увидал в просвет ворот коновязи, лошадей с навешанными торбами и несколько столов, приготовленных, видимо, для аукциона.

Командир батареи приказал удалить из импани десятка два, болтавшихся там, китайцев, и закрыть за ними ворота.

— Не удивляйтесь, поручик... Никакого аукциона не будет.

От этих слов, у меня душа ушла в пятки.

— Все уже сделано, лошади ваши... Только деньги на бочку.

Как ртутный столб в термометре, стала подниматься моя бедная душа, но еще не дошла вполне до места: какая же сумма? Хватит ли денег?

Заведующий хозяйством подал мне аукционную ведомость и предложил мне ее проверить. Замелькали цифры, защелкали костяшки на счетах. С каждым итогом, каждой страницы, ко мне все больше и больше возвращалось самообладание и, прочтя цифру общего итога, я испустил вздох облегчения. На кучку кредиток, вырученную от вчерашнего аукциона, пришлось добавить из собственного кармана только одну синенькую пятирублевку. Полковник прижал кучку дистанционной трубкой.

— Ну, все в порядке. Начинайте выводку, — и полковник сел рядом со мной.

— Конь "Абрек", шести лет, завода князя Абамелекова, — держит под узцы гнедого красавца, лихой фейерверкер.

— Взводный Какаулин, — вызываю по списку, — принимай коня.

Сияющий сибиряк уводит в сторону своего нового товарища, смотрит на него восторженным взглядом и гладит по шее.

— Кобыла "Варта", семи лет, завода неизвестного...

— Ефрейтор Седов, — принимай...

И передо мной мелькают, один краше другого, карабахи, дагестанцы, кабардинцы, все только темных мастей. Тут были и "Абрек", и "Бурдюк", и "Вано", и "Аракс", и "Арагва", и "Баязет" и "Вихрь" — все только на первые три буквы алфавита. Взвод за взводом скрывалась за воротами вновь приобретенная, уже теперь несомненная, собственность моей команды. Все эте мне казалось прекрасным сном...

— Ну, поздравляю вас, поручик, — пожимает мне руку полковник, — я рад что мои кавказцы попадут в мягкий климат Уссурийского края.

Предполагалось, что мы вернемся в Имань, на самом же деле, по новой дислокации, нашу дивизию загнали в Забайкалье.

Начальник дивизии делает смотр моей команде.

— Откуда у вас такой дивный конский состав? — спрашивает меня генерал. Выслушав мой доклад, он обращается к командиру полка:

— Воображаю, в какую копейку обошлась вам эта комбинация?

— Поручик вам доложит, Ваше Превосходительство.

— Что?.. Да этому поверить нельзя!.. Это арабские сказки!.. Вы меня морочите... И когда командир полка подтвердил, что действительно покупка всех лошадей для команды обошлась в пять рублей. Начальник дивизии развел руками и только повторял:

— Непостижимо... непостижимо...

Когда же, за завтраком, я рассказывал подробности приключения, и мои переживания, то генерал заключил:

— Да, арестантская куртка была необыкновенно близко от вас. Хвала вам, что с честью вышли из такого крутого положения. Константин Николаевич, — обратился генерал к Начальнику Штаба, полковнику Самойлову, — отдайте в приказе особую благодарность поручику.

— Смелость города берет и победителей не судят, — сделал мне комплимент мой "младший корнет".

— Все хорошо, — что хорошо кончается, — чокнулся я с ним.

П. Сушильников

Сторожевое охранение

(Из цикла "Кавказская Туземная Дивизия")

После удачных боев в Галиции, с продвижением вперед, Кавказская Конная Туземная Дивизия расположилась на ночлег. От полков было выставлено сторожевое охранение, в которое была назначена и моя первая сотня. Неприятель был близок. Выставив посты, и осмотрев, насколько это было возможно в сумерки, местность, я вернулся на заставу в свой, наскоро сложенный из веток, шалаш. Телефонисты в нем к тому времени уже установили связь.

Доложив по телефону в Штаб полка, что охранение расставлено, я, чувствуя усталость, прилег на траву и, завернувшись в широкую, кабардинскую бурку, крепко уснул.

Была чудесная осенняя теплая ночь, но по утрам уже тянуло холодком и земля окутывалась туманом, который быстро разгонялся лучами утреннего солнца.

Чуть только рассвело, я пошел по своему сторожевому участку, проверять посты. Иду по опушке леса, за ним обрыв, а там далее, на пригорке, неприятельское сторожевое охранение. Вскидываю бинокль, вижу, что и там, у неприятеля, тоже жизнь проснулась и заметно какое-то шевеление.

Подхожу к своему часовому Мамед-Селиму, стройному, молодому жгучему брюнету, с красивыми бархатными глазами, которые так часто можно встретить среди елисаветпольских татар. Мамед чем-то заинтересован, взгляд его устремлен куда-то в даль.

— Здравствуй, Мамед. Что нового видел?

Мамед, не ожидавший начальника, как кошка, вскакивает на своих пружинистых ногах, быстро поправляет на голове папаху, у пояса кинжал и, с неподдельной радостью, что увидел своего командира, скромно, детски улыбаясь, мягко отвечает:

— Моя ничего новы не видаль, крюгом покойна.

Подхожу ближе к оврагу, навожу на противоположную сторону бинокль, спрашиваю:

— Что это там, Мамед, какие-то черные точки у леса?

Мамед невооруженным глазом давно уже эти точки видел, и их распознал.

— Там, Ваша Высоколароди, немножко барашка гуляет, травка кюшит, — отвечает конфузливо Мамед, так как знает, что я угадываю его сокровенные мысли относительно этой, мирно пасущейся компании барашков.

Оставляю Мамеда любоваться барашками, иду далее над обрывом по линии сторожевой охраны.

Кавказская Туземная конная дивизия, прозванная "Дикой", была сформирована из кавказских горцев. Полудикие, почти без всякой военно-уставной подготовки, в большинстве случаев, не знавшие русского языка, они разрешали возложенную на них задачу, благодаря природным дарованиям и исключительной любви к военному делу. Наездники они были почти все очень хорошие. Боевую дисциплину инстинктивно усваивали, что же касается дисциплины внутренней, домашнего распорядка, вне боя, то этого они не понимали, и только года через 2—3 с трудом одолели, и то не полностью. Ближайшие начальники должны были зорко следить, дабы предотвратить во время, могущие быть недоразумения, в особенности в области взаимоотношений с местными жителями, которых, по ту сторону границы, горцы считали врагами России, а следовательно и своими. Недоразумения все-таки бывали постоянно и на эту злободневную тему наш командир полка Петр Николаевич Половцев, как-то за обедом сложил песню:

Из Ганжи и Карабаха
С Барчалинцами пришли,
Слуги верные Аллаха,
Храбрецы родной земли.
Жены, девицы рыдали,
Глядя с ужасом на них,
И в объятьях утопали
Наших всадников лихих.
Застонали все Рутены,
Под татарскою пятой,
Били их, не зная смены,
Скот их гнали на убой.
Эти вопли и стенанья
Слышит грозный бригадир,
И кричит в негодованьи:
Где-ж Татарский командир?

И пошла, пошла расправа,
Приуныла вся орда,
И татар, зловещих, слава
Приумолкла навсегда.
Командир понять не может
Эту грусть и тишину,
Грудь его порою гложет,
Слыша лишь одну зурну.
А народ, в своем смиреньи,
Сохраняя тишь и лень —
Гонит скот им на съеденье
Из далеких деревень.

Утренний туман еще не совсем рассеялся. У по-рога, где обрыв был более крутой, туман как будто держался; сквозь белину его, различаю папаху и вол винтовки другого часового.

Это всадник внушительного вида Керим, барча-инский татарин, высокого роста красавец брюнет, т 30-ти, великолепного сложения, со спокойным глядом. Последние годы перед войной он разбой-ичал на Кавказе; по объявлени войны был прощен, пустился с гор и был зачислен в Татарский конный олк. Среди татар он пользовался большим уважени-, впрочем, как и все вообще разбойники.

Все движения его были очень эластичны, когда е Керим начинал говорить, с каким-то придыхани-, пропуская сквозь зубы слова, с затаенной ка-ой-то особенной страстностью, то чувствовалась в ем, рвущаяся наружу, внутренняя кипучая сила, ко-рую он, с присущим горцу тактом, сдерживал. По-усски он говорил сносно. Увидев меня, Керим бес-умно встает.

— Здравствуй, Керим.

— Здрави желаем, Ваши Высокоблагороди!

— Это ты, наверное, Керим, затеял здесь войну, пять стрельбу поднял?

— Эта, Ваши Высокоблагороди, австрицки часо-ой мине стрилял, а я его стрелил. Садись, Ваше ысокоблагороди, сичас австрицки стрелить будет.

И, действительно, не успели мы присесть, как ад нашими головами просвистела пуля.

Дав совет Кериму по пустякам не стрелять, и не исковать даром жизнью, иду дальше. Совет мой дей-твует не более, как на 5-10 минут, а затем пове-ение "австрицкого" часового снова возмущает Ке-има, и пальба возобновляется. С этой стрельбой бо-оться было бесполезно, так как горцы плохо усваи-али, почему собственно на войне не надо убивать рага.

Проверив посты, возвращаюсь к себе на заставу, еру телефонную трубку, желая проверить связь, и овершенно неожиданно для себя, слышу по телефо-у разговор. Говорит кто-то очень быстро, волнуясь, сильным восточным акцентом:

— Это Штаб дивизии? — спрашивал взволнован-ый голос.

— Так точно, — писарь Иванченко.

— Папраси к телефону начальника штаба, ска-жи, что просит штаб-ротмистр М., нахадащийся в стараживом ахранении...

— Начальник Штаба сейчас отсутствует, есть только поручик А.— отвечает писарь.

— Вот и атлычно... папраси живо поручика к тэ-лэфону...

Штаб дивизии был расположен в хорошем поме-щичьем доме. Высокие комнаты давали большой ре-зонанс, благодаря которому было четко слышко, как к телефону, не спеша, подходил поручик А., звеня шпорами.

— Кто меня спрашивает? — заговорил он фато-ватым тоном, не спеша, и слегка картавя.

— Это я, штаб-ротмистр М., командыр сотны ста-ражевого ахраненыя.

— А, здравствуйте, штаб-ротмистр, что скажете хорошенького? — продолжал тем же спокойным тоном поручик А.

— Харошенькаго нычего вам нэ могу рассказать, — скороговоркой, волнуясь, говорил командир сот-пи: — я никак нэ магу связаться са штабом полка... мне необходимо на падмогу еще хоть взвод, так как, через рэчку, пратэкающую перед линией сторожево-го охранения, значищуюся по вашим канцелярским картам — непроходимой... ишак пешком прайдет... а за рекой стаят нэ ишаки, а немцы...

— Хорошо, я сейчас дам знать в штаб полка, — говорил спокойно поручик А., — только не надо, штаб-ротмистр, так волноваться и нервничать, все это пустяки.

Этот спокойный, покровительственный тон, обла-дателем коего, являются по большей части, чины шта-ба, находящиеся вдали от позиции, видимо не при-шелся по вкусу командиру сотни, вдобавок в это са-мое время слышно было, как к поручику А. подошел какой-то нижний чин штаба, громко доложивший:

— Ваше Высокоблагородие, шашлык готов, при-кажете подавать?

От этого командир сотни пришел окончательно в ярость, и, чеканя каждое слово, громко проговорил:

— Если бы переда мной были нэ нэмцы, а ша-шлыки, то я тоже бил-бы очень спакоен и в помощи нэ нуждался.

Мне, как постороннему свидетелю этой свалки, стало неудержимо смешно и я начал смеяться. Штаб-ротмистр еще немного поворчал, хотя его уже штаб дивизии не слушал и опуская трубку, проговорил:

— Скажи пажалуста, какой Суворов нашелся.

Наступила тишина и я, связавшись со штабом полка, доложил о благополучии. Полковой адъютант сообщил мне, что только что получено распоряжение о выступлении полка, так как австрийцы очищают по-зиции и, чтобы я с сотней присоединился к полку в таком-то часу.

Дорога наша шла, как раз, через ту неприятель-скую деревню, которая была перед моим сторожевым охранением, и которую я разглядывал в бинокль. Вот церковь, поляна и опушка леса, но пасущихся ба-рашков уже нет, торчат лишь какие-то три, четыре пня. Зову Мамед-Селима.

— А ведь мы с тобой, брат, кажется, ошиблись — эти пни приняли за баранов.

— Никак нэт... Мамед ошибка нэ давал; барашка была шесть штук. Прикажи, Мамед искать будет, моя знай, куда барашка гуляй пошел, — сказал он уверенно, показав в сторону леса.

Разговаривать долго на эту тему было некогда, так как пришло приказание сотне продвинуться рысью вперед и итти в голове полка. Пройдя верст 15, полк остановился в одной деревушке, где и заночевал.

Под вечер, я прошелся по расположению своей сотни, она занимала окраину деревни. Немного дальше — в поле, горел костер, вокруг которого суетилось несколько всадников. Раздавались голоса, среди которых выделялся голос Мамед-Селима, отдававшего какие-то распоряжения. От костра тянуло жареным.

Проблуждав по деревне еще с полчаса, я вернулся в свою хату, где денщик мой, Константин Зацепин, ловкач на все руки, предложил "отведать шашлыку", с видом, как будто бы сам нашел барана и зажарил. На утро, перед выступлением, поздоровавшись с сотней, и пропуская мимо себя строй всадников, я увидел Мамеда, который, с чуть заметной улыбкой, проезжая мимо меня, опустил голову.

Полковник *Немирович-Данченко*

Гусарская застава

15 августа 1915 года, австро-германцы, прорвав фронт на участке Владимир-Волынск — Порицк, занимавшийся, вернее наблюдавшийся, сторожевым охранением нашей конницы, густыми колоннами, через Рожище и Луцк, двинулись на Ровно. Им противостояли героические полки 4-й стрелковой дивизии (генерала Деникина) и 7-й кавалерийской, у м. Клевани и дер. Постойно. Левый фланг 3-й армии генерала Леша оторвался верст на 30 от правого фланга 8-й генерала Брусилова. В образовавшийся прорыв, беспрепятственно вливалась австрийская конница, поддерживаемая своими егерскими батальонами. По глубоким тылам поползли панические слухи — уже говорили о германской пехоте в Сарнах, о венгерских разъездах у Олевска.

Но, к прорыву уже спешила 11-я кавалерийская дивизия, дабы прикрыть подступы к переправам на реке Горынь, и восстановить утраченную связь с 3-й армией. Развернувшись к западу от Горыни, дивизия двинулась, веером своих разведывательных эскадронов, вперед, навстречу кавалерии противника. На линии Колки — Гараимовка, наши разъезды столкнулись с разъездами австрийцев, подошли полки, развернули сторожевое охранение.

Уже вторые сутки моя сторожевая застава, 1-й взвод 1-го эскадрона Изюмских гусар, занимает участок по опушке глухого бора, в двух верстах к востоку от занятой противником дер. Гараимовки. Впереди нас просека, шириной шагов в триста. Влево, в лесу, верстах в двух, соседняя застава Чугуевских улан. Интервал, изредка, и только днем, наблюдается дозорами связи.

Проходит вторая ночь. В розовом тумане рассвета, на фоне коричневых стволов противолежащей опушки, заколыхались голубые очертания — цепь противника. Гусары застыли у сосен, в напряженном внимании. Прошло несколько минут... Немая тишина нарушалась лишь частыми падениями созревших шишек. Вот от цепи отделяется два дозорных. Склонившись, как бы от тяжести своих рыжих ранцев, они медленно идут на нас.

— Огня не открывать, пропустить живыми, — шопотом передается команда.

Все ближе и ближе подходит дозор. Вот уже простым глазом видна рыжая борода одного из них. Их взоры направлены вглубь леса, поверх наших недвижных голов. Чудилось, — слышал их дыхание, когда проходили от меня шагах в десяти. Два мощных удара коваными прикладами и глухо рухнули оба дозорных на мягкий ковер опавших игл.

Сквозь гущу стволов, противник, вероятно, не заметил гибели своего дозора и, полагая нашу опушку незанятой, цепью человек в 50, спокойно двинулся вперед.

— Огонь по свистку, — еле слышно командую я.

Не торопясь, вкладывают в плечо приклады своих винтовок гусары. Совсем близко надвинулась цепь противника — шагов сто от нас. Бешеной трелью разлился свисток, мгновенно затрещали гусарские винтовки, разом бухнули на земь австрийцы, оплетенные еле видимыми облачками взрываемой нашими пулями, земли. Цвет кадра Российской конницы бил, как на учебном стрельбище мирного времени. Поползли назад уцелевшие, неподвижными пятнами остались убитые и раненые.

Густо засинела вражья опушка, подошли новые части, звонко, бичами захлестали пули по соснам. Уже два гусара ранено: один пополз назад, другой — остался умирать, с простреленным горлом, в цепи. Два раз до полдня поднимались цепью австрийцы, стараясь одним броском преодолеть разделявшую нас просеку и оба раза их порыв рассеивался метким огнем гусарской заставы.

А, в это время, котлом кипящим неумолчно гудел бой влево назад, где-то у Клевани. К двум часам пришел, запыхавшись, в поту, гусар связи с уланской заставы — уланы, захлестываемые слева, отходят на новый рубеж, верст на десять назад. Посылаю донесение командиру эскадрона. Ответ: "Ни шагу назад, — оставаться на месте во что бы то ни стало до ночи".

Томительно потянулись, как бы застыли, часы. Часам к пяти, высланный влево пост доносит, что

противник, перебегая по одному, накапливается на нашей опушке. Проходит минут двадцать. Прибегает весь пост — два гусара, противник идет следом. Оставив на главном направлении пять человек, меняю фронт, заставы налево. Бесшумно, как змеи, переползают гусары. В тишине слышу биение своего сердца: впереди легкое потрескивание сучьев и сразу появляется группа австрийцев, человек в десять. Свисток — захлебываются наши винтовки. Но, что это? Все гусары срываются, как бешеные, вперед. Я тоже невольно бегу за ними — австрийцы, бросая карабины, поднимают руки. Короткий допрос и один фендрик и семь драгун 10 полка отправляются мною с одним конвойным к командиру эскадрона.

Оказалось, что унтер-офицер Безручко, по своей инициативе, бросился на опешивших австрийцев, увлекая за собой весь взвод, и корнету пришлось только постараться не отстать от своих гусар.

Спустились сумерки, мгла окутала заставу. Нас всего 15 винтовок, а с той стороны доносится многолюдный говор, звенящие звуки, врезающихся в землю и корни, лопат. Стараюсь проникнуть в думы моих людей: покойная, без малейших признаков сомнений или колебаний, твердая верой в себя, выкованной годами казармы и двенадцатью месяцами боевой страды, лежит гусарская застава. Хоть ночь и безпокойна своей тьмой, невнятными шорохами, но, знаю по опыту, что противник вряд ли шевельнется до утра. Слышу шопот:

— Где корнет?

— Да подле, на дороге.

Ко мне подходит гусар связи от командира эскадрона:

— Ваше Благородие, так что пехоту веду, много ее.

Настороженное ухо почуяло шаги сзади. Подошло три тени.

— Я начальник команды разведчиков 284 пехотного Венгровского полка. За мной идет батальон авангарда. Сдайте ваш участок.

Когда гусарский взвод шел на присоединение к своему эскадрону, вдоль всей дороги, под соснами, уже лежали густые колонны дремавшей пехоты. То были головные части 30 корпуса, спешно переброшенного из Буковины на Ровно, и направленного на участок 11-го гусарского Изюмского полка, который, уступом вперед, удержав свое расположение, дал возможность пехоте, внезапным ударом во фланг, зарвавшегося на Ровно, противника, захватить Софиевку, Киверцы и двинуться со всей, перешедшей в контр-наступление 8-й армией, на Луцк и Рожище.

Изюмец

Случай на царском смотру в Чугуеве

В 1890 г. пришлось мне слышать от Эстандарт-Юнкера С-ва этот рассказ из его семейной хроники.

Стало известно, что летом приедет в Чугуев Император Николай Павлович и будет смотреть там собранные войска. Кирасиры и легкая кавалерия стали усиленно готовиться к смотру. Командир полка послал всем офицерам проживающим по своим деревням и имениям приказ немедленно прибыть в полк без всяких отговорок.

Младшие офицеры большее время числились в отпуску, мало интересовались и службой и жалованием и не спрашивали, кто его получает, а когда бывали в полку, посылали своих деньщиков узнать сколько нужно доплатить, а если, что получить, то пусть они возьмут себе, и служили из-за чести и мундира.

Но тут делать было нечего и пришлось ехать в полк, заняться службой и готовиться к смотру. Занятия производились усиленно, но без вреда для конского состава, т. к., "тела" играли самую важную роль и еще после войны 77 года кавалерия водила лошадей на плац в поводу, не садясь на них — "для сбережения коней". И при мне еще бывало, что когда зимой младший офицер просил устроить езду старослужащим, эскадронный командир с неудовольствием говорил: "Какая там езда, и так два раза в день на водопой ездят". Лошади были выезжены слабо, а собственные офицерские, тем более, да и сами офицеры садились на них редко поручая проезжать вестовым.

Но вот приближалось время смотра, занятия велись все усиленее, и, начальство все высшее и высшее производило смотры, делало свои замечания и указания и смотрело в том порядке, как всегда производились смотры.

Наконец наступил и день Высочайшего смотра. Кирасиры стояли в линии взводных колон. Все ожидали, что полк построит развернутый строй и пройдет мимо Императора Николая Павловича церемониальным маршем.

Но вдруг последовал сигнал: "Рысью". Полк двинулся вперед, и неожиданно был подан сигнал: "Артиллерия на позицию" и "В карьер". По этому сигналу каждое орудие должно было пройти в интервалы между эскадронами и, став на позицию, открыть огонь и поддержать атаку кавалерии.

Шт.-Ротм. С. был перед первым взводом, его лошадь, испугавшись, услышав шум и грохот артиллерии, бросилась вперед, он с ней не справился и она примкнула к орудийной запряжке, к тому же его шпора зацепилась за ремень шпоры ездового, а тяжелая кирасирская лошадь не могла скакать наравне с ездовыми. При всем старании освободить свою ногу это ему не удавалось.

Вот приближаются они к месту, где стоит Император, который, конечно, обратит внимание на скачущего среди артиллеристов, кирасир. Тогда, обладая большим ростом, грузным сложением и громовым голосом Шт.-Ротм. С. командует: "Батарея стой".

Батарея и все остановились, не доходя до Государя. Пыль покрывает всю батарею, кирасир освобождает свою ногу, и скрытый пылью, спешит к своему месту.

Государь гневно спрашивает: “Кто осмелился скомандовать СТОЙ, когда я подал команду — Карьер?”

Командир батареи докладывает, что он не командовал, стараются узнать, кто командовал, но это не удается.

Тогда Государь строго приказывает: “розыскать”.

Делать было нечего и Шт.-Ротм. С. предстал пред Государем, который ему сказал: “Как ты осмелился командовать: ” батарея стой, — когда я велел идти ей — в карьер?”

Шт.-Ротм. С. подробно доложил, как он не справился со своей лошадью и как зацепился за ездового артиллериста, и как его лошадь не могла скакать на равне с артиллерийской, и что ему неминуемо пришлось бы упасть и быть раздавленным пушкою.

Вероятно он испуганно и комично выглядел.

Император улыбаясь, милостиво сказал: “Ну и дурак, зачем-же ты становился перед 1-м взводом, становись перед 2-м — поезжай на свое место”.

Смотр продолжался дальше и благополучно окончился.

После смотра Шт.-ротм. С. написал рапорт об отставке и подал К-ру полка. Тот был очень удивлен и сказал ему: “Вы теперь лично известны Государю, у вас может быть впереди карьера и при том, я не могу принять ваш рапорт. Если Государь меня спросит, почему вы хотите оставить службу Его Величества — я же не могу сказать, что вы обиделись? — Вот что, поезжайте, после смотра, к себе в деревню и сидите там тихо и смирно, я вас требовать в полк не стану, а отставку возьмите обратно”.

Таким образом, дед или прадед Эстандарт-юнкера С. уехал к себе в деревню и только через некоторое время ушел в отставку.

С. Можаров.

Не грусти

Не грусти о гнедой кобылице,
Что тебе привели из степей,
Где, в душистой сплелись небылице,
С ковылем, и чибрец, и репей;

И что слезы твои оросили,
Еще теплый подушек шевро,
Когда очи навек уносили
Твоего же завода тавро;

Как красавица храп положила,
И была за плечами легка,
Она верно тебе отслужила,
Проводила в поход казака...

Не стыдись, что в разрывах шрапнели,
Ты оставил ее на молу,
И что в трюме, на рваной шинели,
Как мальчишка, рыдал на полу.

Знать, взаправду, жалел ты подругу,
Если, боль позабыв своих ран,
В этот день, как любимому другу,
Не вложил в ее ухо наган...

Не грусти-ж, о гнедой кобылице.
Из задонской душистой степи,
Не горюй в чужеземной столице:
Ты — казак. Не кручинься, терпи...

Иван Сагацкий

ИЗ ЖИЗНИ КИЕВСКОГО КАДЕТА

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ IV АРМИИ.

10 мая 1917 года. № 4653

На основании ст. 25 Георгиевского Статута, награждаю по удостоению Георгиевской Думы, Орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

Начальника Партизанского отряда, поручика Приморского драгунского полка, Виктора Милобенского, за то, что, в ночном бою 19 апреля 1917 года лично предводительствовал отрядом охотников и партизан, находясь под сильным и действительным огнем противника, и при сильном сопротивлении его, настолько очевидно способствовал своими распоряжениями и действиями, победоносному успеху своего отряда, что без оных этот успех был бы невозможен.

Кроме того, вызвавшись охотником добыть пленных, произвел усиленную разведку сил противника, путем ночного штурма укрепленной позиции немцев, выполнив таковой с полным успехом, причем взял с боя сильно укрепленную деревню Болошкани и прорвался в тыл позиции противника, совершенно уничтожив 4-ю роту 256 германского полка, и захватив 3 пулемета.

При обстановке, исключительной трудности, и такой же опасности, отважной разведкой, во время боя, в расположении противника, доставил штабу IV ар-

ми документальные сведения о нахождении на фронте 218-й германской дивизии, чем опроверг сведения наших союзников о переброске ее на французский фронт.

НАБЕГ ОТРЯДА ПОРУЧИКА МИЛОБЕНСКОГО

в ночь с 19 на 20 апреля 1917 года.

В течении последних полутора месяцев на фронтеИрешти—Болотеочи, т. е. на участке правого фланга армии, никак не удавалось взять контрольных пленных, чтобы установить, какие немецкие части здесь находятся. Разлившаяся река Путна не давала возможности нашим разведчикам проникнуть к противнику, немецкие же разведчики за свою проволоку не выходили. Между тем, агентура упорно указывала на смену стоящего на этом участке Альпийского германского корпуса болгарами, и даже турками, и на ожидание этого корпуса прибытием на итальянский фронт. В то же время, пленные указывали на присутствие болгар и австрийцев у деревни Ирешти, против которой считался стык Альпийского корпуса и 218-й германской дивизии. Все эти показания, в связи с невозможностью добыть пленных войсковой разведкой, заставили прибегнуть к другому способу разведки, а именно к набегу на позицию противника.

Поручик Виктор Казимирович Милобенский, кадет Владимирского Киевского Кад. Корпуса, расстрелян коммунистами в июле 1919 г.

Для производства набега, была назначена партизанская команда поручика Милобенского, который вызвался со своими людьми захватить пленных. Для усиления ее были вызваны охотники из частей 8-го корпуса. Вызвалось 11 офицеров и 323 солдата. Отряду были приданы 6 пулеметов, из коих 2 были Партизанской команды и 2 — пулеметной команды Кольта. Отряд был широко снабжен ручными гранатами, ножницами, ракетными пистолетами, телефонами и пр.

На основании личной рекогносцировки, поручик Милобенский составляет себе план действий: нечаянным нападением захватить пленных в передовых окопах у деревни Бетрени, а если это не удастся, атаковать следующую деревню, охватывая ее с запада. Отряд был разделен на три группы, с обеспеченной между собой связью. При первой группе должны были итти "поджигатели", которые должны были зажечь хату в деревне Волошкани, дабы осветить местность и дать знать артиллерии, что отряд ворвался в Волошкани.

В тылу нашей позиции было найдено место, похожее на ту позицию противника, которую предстояло атаковать. Построили на ней проволочные заграждения, и начали упражняться в атаке ее. Главное внимание было обращено на бесшумную резку проволоки, причем, для того, чтобы разрезанная проволока не звенела при падении — применялся следующий прием: два охотника держали проволоку руками, а третий резал ее у кола. Делать это наловчились быстро. Сначала упражнялись днем, а затем сделали два упражнения ночью, после которых уже все люди твердо знали, что им надлежит делать.

Приказания поручика Милобенского были следующие:

1) Итти в полной тишине, — атаковать без крика "ура" и без выстрела.

2) Легко раненым из строя не выбывать, так как людей мало и каждый солдат дорог.

3) Раненым винтовок не бросать и нести с собой на перевязочный пункт.

4) Держаться ближе друг к другу и друг друга выручать.

5) Следить друг за другом, чтобы потом указать отличившихся.

Кроме того, поручик Милобенский взял со всех участников слово, что они не только раненых, но и убитых врагу не оставят. А того, кто, не дай Боже, панику поднимет, сосед должен прямо по голове прикладом — ибо один, поднявший панику, — весь отряд погубить может.

И все поклялись все это свято исполнить.

Ночи были лунные. Но, 19 днем, по небу пошли тучи и поручик Милобенский решил в ту же ночь сделать набег. В 2 ч. 10 м. луна скрылась и, собранный и подготовленный, отряд двинулся. В голове первой группы шел прапорщик Вишняков, за ним, гуськом, тронулся и весь отряд.

Тихо шли охотники, но, видимо, противник знал, что готовится на него нападение. Три ракеты взвились, одна за другой, и зловеще осветили местность. Охотники несли с собой связки зеленых веток, и при свете ракет ложились, выставляя эти ветки перед собой, почему ночью их легко было принять за кусты. Незамеченными добравшись до проволоки, они начали ее резать. Вдруг, справа из окопа, затрещал пу-

лемет. Тогда, видя, что охотники открыты, прапорщик Вишняков вскочил и охотники, забросав окоп ручными гранатами, начали резать проволоку, уже стоя во весь рост. Вишняков был, при этом, ранен в руку. Немцы ответили гранатами и завязался бой. Повалив колья, охотники ворвались в окоп. Тут был смертельно ранен прапорщик Вишняков, вскочивший первым и схвативший пулемет. Падая он крикнул: "Режь проволоку ребята, вперед!" Солдат — модлинец Марок и канонир Казаков, вытащили его из окопа, но силы его уже оставляли. "Прощайте ребята. Я умираю", — были последние слова доблестного офицера, вышедшего на войну солдатом-добровольцем.

Одновременно с первой, ворвалась в окоп и вторая группа, а начальник пулеметной команды, подпоручик Давыдовский, скомандовал "ставь пулеметы" и, под прикрытием открывших огонь, наших и румынских батарей, заработали наши пулеметы. Удачному огню пулеметов, содействовало их прикрытие — разведчики Модлинского полка, под командой подпоручика Ячного. Рассыпавшись правее пулеметов, они частым огнем пресекали все попытки противника атаковать наши пулеметы.

Между тем, рукопашный бой кипел в деревне Волошкане, куда, тем временем, ворвалась третья группа. Немцы оказали отчаянное сопротивление. Офицеры не сдавались. Один был заколот штыками, а другой, выпустив из своего маузера, девять, пуль, на глазах у всех, пустил себе десятую в лоб. Между тем "поджигатели" зажгли хату и первая группа вступила также в рукопашную. Немцы бились отчаянно, но и охотники дрались, как львы. Прагского полка, солдат Лавренко, на глазах у поручика Милобенского, действуя штыком и прикладом, убил шесть немцев, а когда у него сломалась винтовка, бросился на седьмого с кулаками... Два другие прагца, дерясь по всем правилам штыкового боя, разогнали группу человек в тридцать немцев, и овладели складом гранат, которыми и воспользовались в дальнейшем бою. На солдата Замосцкого полка, Лысого, наскочил немец и хотел пырнуть его штыком. Винтовка у Лысого была за плечами, так как он нес в руках гранаты. Лысый ловко бросился немцу под ноги, чем сбил его с ног, а затем ударил гранатой по голове. Граната не была поставлена на боевой взвод и он только разбил немцу череп. Отчаянно дрались и охотники Подольцы, Житомирцы и Волынцы, а Прагского полка, ефрейторы Хрущ и Кривоногов, проявили особо выдающуюся отвагу и распорядительность. В итоге отчаянного рукопашного боя, задача, собственно, была выполнена — около 40 пленных было захвачено. Но преследование разбитаго врага продолжалось. Загнанные в глубокий овраг и забросанные своими же, захваченными в бою, ручными гранатами, немцы были уничтожены до последнего человека.

Уже светало...

Надо было отходить, но разгоряченные люди, опьяненные успехом, не в силах были остановиться и добежали до дер. Калиманул. Немецкая артиллерия, в это время, сильно обстреливала дер. Волошкани, но когда охотники перерезали телефонный провод, огонь ее начал разбрасываться и стал менее действительным.

Стало совсем светло. Задребезжала труба и уставшие охотники начали собираться на северной опушке деревни Калиманул. Рассыпавшись цепью, охотники двинулись на Волошкани, подбирая раненых, своих убитых и оружие. А немцы, в это время, вели заградительный огонь по подступам к Ирешви и путь отступления, охотникам, был отрезан стеной разрывов. Ни вправо, ни влево податься было нельзя, и пришлось итти прямо через заградительный огонь. Вот тут-то партизаны и их пленные, и понесли наиболее чувствительные потери. Из 40 пленных довели лишь 8 и то двух раненых.

Отряд собрался у дер. Мангалачиул. Здесь поручик Милобенский лично выяснил потери отряда и проверил оружие. Получив затем приказание распустить охотников по полкам, сдал оружие и инструмент одному из офицеров, а сам с отрядом партизан отправился в штаб армии, уведя с собою и шесть пленных. Отряд потерял убитыми прапорщика Вишнякова и 18 солдат. 78 солдат было ранено. Захвачено 20 пленных и 3 пулемета. Масса оружия, снаряжения и патронов.

Организация этого набега — образец действия разведывательного отряда. Доблесть его участников была оценена, и они были щедро вознаграждены.

Со слов участников записал
подполковник Богословский
Сообщил *Анатолий Непржецкий*

Каска русского образца

(к заметке "О Русской военной форме" в № 20 "Военной Были")

В статье "О Русской военной форме", напечатанной в № 20 "Военной Были", опять допущена серьезная историческая ошибка, давно у нас укоренившаяся, а именно: в 1846 году, треугольные шляпы с султанами были заменены касками, но... не "прусского образца", а РУССКОГО. Этот факт был рассказан мне, ныне покойным, генералом Гудим-Левковичем, во время одной из его ночевок у меня, и осмотра коллекций Русской старины, нам обоим столь дорогой. Специальностью покойного были военные формы: их история была известна ему до мельчайших деталей, собрание его оловянных солдатиков, в безошибочной форме, пользуется всемирной славой.

В тот вечер он, со всей присущей ему страстью и глубоким знанием предмета, подробно рассказал историю "каски", которую Русская пехота носила полтора десятка лет. К глубокому моему сожалению, многие подробности ускользнули из моей памяти, но, в

общем, рассказ заключался в следующем: "в самом начале сороковых годов прошлого века, Император Николай Павлович, при содействии, известного всем собирателям Русских военных гравюр, художника-любителя Льва Ивановича Киля, генерал-майора Свиты Его Величества, лично наметил вид нового головного убора, предназначенного на замену, действительно неудобных, во всех отношениях, треугольных шляп, назвав его каской. Для испытания, первыми одели каску — пажи первой роты (и носили они эти красивые каски до самого "конца").

В июне 1843 года, Россию посетил брат короля Прусского принц Вильгельм (будущий германский император Вильгельм I): он был восхищен каской и просил Императора Николая отослать ее образец в Берлин, что и было исполнено. Через несколько времени, вся прусская пехота была одета в каски РУССКОГО образца и осталась им верной до конца первой мировой войны, до свержения императора Вильгельма II.

От себя добавлю, что форма каски, введенной Императором Николаем Павловичем, совершенно подобна "курганным шлемам" древне-Русского типа X века. Надо вспомнить, что незадолго до "изобретения каски", на поле памятной Липицкой битвы 1216 года, крестьянка, собирая орехи, увидела нечто светящееся из под кочки — это был позолоченный шлем, наложенный на кольчугу. На шлеме оказалась надпись: "Великий Архистратиже Господень Михаиле помози рабу своему Феодору". Тогда были разбиты новгородцами князья Юрий и Ярослав Всеволодовичи: в то время, Русские князья, пользовали двумя именами - светским Русским и церковным греческим. Феодором звали князя Ярослава Всеволодовича и потому есть все основания предполагать, что шлем и кольчуга принадлежали именно ему. Находка этого шлема, конечно, стала известна Императору и, под этим впечатлением, он нашел вид древнего Русского "шишака" наиболее подходящим для головного убора своей пехоты.

Таким образом, миф о "прусском образце" должен, раз и навсегда, быть забыт.

Владимир фон-Рихтер

ФЕЛЬД - ЕГЕРСКИЙ КОРПУС

До самой революции 1917 года, в России существовала весьма оригинальная воинская часть, о которой очень много, даже военных людей, имело самое смутное представление. Это был, так называемый Фельд-егерский Корпус, подчинявшийся непосредственно Начальнику Генерального Штаба и несший совершенно особую службу. Она заключалась в доставлении по назначению важных государственных актов и секретных депеш внутри Империи и заграницу, а также сопровождение членов Императорской Фамилии и иностранных принцев, в их путешествиях. Фельд-егеря несли также дежурство при высокопоставленных особах и государственных учреждениях.

Фельд-егерский Корпус был образован при Императрице Екатерине Великой, в 1796 году и его назначение было выполнять обязанности государственных курьеров при Высочайшем Дворе. По началу, он состоял из 1 офицера и 13 фельд-егерей. Постепенно, по мере надобности, увеличиваясь, он, в конце царствования Императора Николая I, достиг состава в три роты, при 22 обер-офицерах и 1 штаб-офицере.

Шесть лет службы в звании фельд-егеря давали право на увольнение с чином XIV класса и на определение на должность по Почтовому ведомству. Девять лет давали право на чин XII класса.

С развитием телефонной и железнодорожной сети, потребность в фельд-егерях значительно уменьшилась, почему в 1891 году был издан приказ по Военному Ведомству № 377, согласно которому, новое положение о фельд-егерском корпусе определяло состав оного в 10 офицеров и 20 фельд-егерей.

Согласно уставу корпуса, фельд-егерь, доставивший депешу Высочайшей Особе, должен был, преклонив колено, вручить адресату ключ от особого футляра, в котором находилась депеша и, который висел на груди фельд-егеря. При отправлении депеши, ключ вручался фельд-егерю в "знак Высочайшего к нему доверия". Так как помимо коленопреклонения, фельд-егерям давались обыкновенно и "чаевые", то в 1858 году сочтено, что служба эта унизительна для лиц благородного происхождения, почему в чины Корпуса впредь было запрещено принимать лиц из потомственного дворянства. Кандидатами в фельд-егеря, с этого времени, стали принимать преимущественно сыновей купцов и почетных граждан, окончивших учебное заведение не ниже третьего класса и знающих один из иностранных языков, в возрасте от 18 до 27 лет и политическая благонадежность которых была вне сомнения.

Чины в Корпусе были: кандидат на фельд-егеря, младший и старший фельд-егеря и, офицеры Корпуса, начиная с подпоручика до подполковника (чина еще не дающего потомственного дворянства). Начальником Фельд-егерского Корпуса назначался всегда полковник Генерального Штаба. После шестимесячного испытания, кандидад зачислялся в младшие фельд-егеря с правами нестроевого старшего разряда, через год производился в старшие фельд-егеря, с правами кандидата на классную должность. В офицеры, старшие фельд-егеря производились по прослужении не менее четырех лет в должности. Офицеры Корпуса, имея все офицерские права, однако, не имели права переводиться в войска.

До реформы 1907 года, форма Фельд-егерского Корпуса была: мундир пехотного образца, при синих брюках, черная фуражка с красными кантами, крас-

ные погоны, петлицы и канты, шашка, шпоры и золотые аксельбанты. После реформы, фельд-егеря получили погоны, петлицы, канты и околыши — кирпичного цвета и пехотная шашка была им заменена кавалерийской саблей. Кандидаты в фельд-егеря носили офицерскую форму и шинель при шашке, но без погон и кокарды. Фельд-егеря — офицерскую форму и погоны подпрапорщика. В районе столицы, фельд-егеря ездили по службе, на казенных извозчиках без номера. Штаб Фельд-егерского Корпуса помещался в казармах Местных войск, на Гороховой, перед Обуховым мостом. Последним начальником его был генерального штаба полковник А. Д. Носов.

Служба фельд-егерей нашего времени сводилась почти к придворной традиции, вроде существовавших при Дворе, скороходов, но, в начале прошлого века, в особенности в царствование Императора Николая Павловича, чины Корпуса несли чрезвычайно тяжелую и ответственную службу. Помимо своего прямого назначения, они, в это царствование, часто выполняли обязанности конвойных при административно высылаемых из столицы, нежелательных правительству, лицах. Выражение "быть высланным с фельд-егерем", значило, покинуть Петербург в кратчайший срок, когда давалось лишь полчаса для сбора необходимых в дорогу вещей.

В виду того, что в эту эпоху, все сообщения внутри империи сводились к почтовой гоньбе, — фельд-егерям, которыми любил пользоваться, для скорости Император, приходилось, днем и ночью, покрывать сотни и тысячи верст, при любой погоде и, зачастую при совершенном бездорожьи. Согласно закона, содержатели всех почтовых станций России обязаны были держать круглые сутки, наготове, несколько специальных троек из лучших лошадей, именовавшихся "фельд-егерскими". Этих лошадей, получавших особый корм, никому и ни при каких обстоятельствах, смотрители не имели права давать, помимо их прямого назначения, так как, в любую минуту, при появлении фельд-егеря, кони эти должны были скакать с ним сломя голову, не взирая ни на погоду, ни на состояние дороги. Гоньба эта была такова, что большинство лошадей ее не выдерживали и проезд по тому или иному тракту фельд-егеря знаменовался десятком загнанных и павших в пути коней.

Все служащие на почтовых станциях, как огня, боялись фельд-егерей, которые, по обычаю того времени, для поощрения смотрителей и ямщиков, прибегали к жестокой кулачной расправе, на которую жаловаться и искать управы, было некому и негде, так как чины Фельд-егерского Корпуса принимали особую присягу "выполнять службу Его Величества по мере сил и способностей", что в те времена понималось очень широко.

"Подорожные", то-есть документы на право проезда по почтовым трактам, в старину, разделялись на четыре категории, а именно: на подорожную простую, выдававшуюся обыкновенным проезжим, на подорожную "с перышком", указывавшую на проезд по казенной надобности, — "с двумя перышками" — для курьеров, и, наконец, "с тремя перышками" или фельд-егерскую.

Само собой разумеется, что, в ту эпоху, в фельд-егеря люди выбирались по особому и строгому подбору, испытанной верности, богатырского сложения и невероятной физической выносливости, по большей части из унтер-офицеров гвардейской кирасирской дивизии. Путем долгой и трудной тренировки, из фельд-егерей вырабатывались люди, творившие настоящие чудеса выносливости, выполняя царские поручения, с волшебной, для того бездорожного времени, быстротой. Примером может служить любимый фельд-егерь Императора Николая I — Серков, который за тридцать часов поспевал из Петербурга в Москву, и при этом, никто его сопровождать не был в состоянии, не потеряв сознания. При Александре I, такой же репутацией пользовался поручик Корпуса фельд-егерей, Мосягин, разбившийся в одну из служебных поездок, под Таганрогом, перед смертью Государя Александра I.

Сообщил *Анатолий Марков*

Александровское военное училище

Александровцы лихие,
Шлют привет своим друзьям,
Вспоминают дни былые
И завидуют всем нам...
Александровец не тужит,
О знакомых и родных.
ЦАРЮ верой-правдой служит,
Жизнь готов отдать за них.
Александровцы теснее
Вокруг древнего Кремля,
За ЦАРЯ, за РУСЬ, дружнее,
Грянем русское "УРА"...

В 1863 году, вследствии предпринятых коренных реформ военно-учебных заведений, при отделении старших классов кадетских корпусов от младших (общих) классов, были образованы особые специальные учебные заведения — военные училища и в числе их АЛЕКСАНДРОВСКОЕ. (Высочайшее повеление 25-го августа 1863 года). В эти училища должны были поступать воспитанники, успешно окончившие среднеобразовательный курс общих классов кадетских корпусов, вскоре преобразованных в военные гимназии.

Александровское военное училище, которому в 1864 году присвоено название 3-го, было открыто осенью 1863 года, в здании Александровского Сиротского кадетского корпуса, кадеты из которога были переведены тогда же в другие корпуса. Сохранив навсегда преемственную связь с Александровским кадетским корпусом, новое военное училище унаследо-

вало так же очень многое и от упраздненного тогда же Александровского (Брестского) кадетского корпуса. Знамя и другие почетные реликвии этого корпуса только в 1909 году были переданы существующему с 1873 года Александровскому кадетскому корпусу в С.-Петербурге.

При коронациях, открытиях памятников, на всех Высочайших смотрах, маневрах в Ходынском лагере, Александровцы всегда блистательно выступали и удостаивались Монаршего благоволения.

Училищу пожалованы мундиры Державных Шефов: в 1881 году — имп. Александра II, и в 1894 году императора Александра III. С 2-го ноября 1894 года Державным Шефом училища состоял Государь Император Николай II, а с 1908 года, в списках Александровского Военного училища числился Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич.

При выпуске в офицеры, наиболее успешно окончившие курс юнкера Александровского военного училища ежегодно награждались премиями (Эпельгома, Воейкова, Ушакова, Шильдбаха, Офросимова и др.), хотя не особенно больших размеров (от 100 до 200 рублей каждому). Кроме того, были приняты меры к обеспечению быта недостаточных александровцев и в приказе по Военному Ведомству 1909 г. № 498, по случаю установления старшинства училища с 2-го октября 1830 г., т. е. дня учреждения Александровского Сиротского кадетского корпуса и Александровского Военного училища, а также с целью установления наружного корпоративного отличия, связующего братскими узами всех питомцев заведения, было предоставлено училищу, для образования фонда на учреждение стипендий, предназначаемых на воспитание детей Александровцев в кадетских корпусах, раздавать своим бывшим воспитанникам особый знак (белый круглый щит с 4 эмалевыми выступами, занятыми кадетским гербом, а в середине — пеликан, эмблема Александровского Сиротского института, с обозначением юбилейных годов 1830—1851—1863).

3-е Александровское военное училище Высочайше повелено именовать просто Александровским военным училищем, после преобразования 2-го Константиновского училища в Константиновское артиллерийское училище (приказ по Военному Ведомству 1894 г. за № 188). Штатный состав Александровского военного училища был 600 юнкеров, разделенных на 5 рот (приказ по Военному Ведомству 1910 г. № 205).

В классах Александровского военного училища читали лекции многие известные не только Москве, но и всей России профессора, как-то: Ключевский, Чупров, Перевальский, Иванцев-Платонов, Симанский, Смысловский и другие. Во главе училища стояли выдающиеся начальники-генералы: Шванебах, Самохвалов, Анчутин, Лайминг, Геништа и другие.

На месте училищного здания был когда-то внекремлевский дворец царя Ивана Васильевича Грозного, впоследствии переданный графу Апраксину.

На свой родной Знаменке поселились Александровцы в 1851 году, когда Александровский Сиротский кадетский корпус, учрежденный Императором Николаем I, 6-го декабря 1830 года, перешел в Москву.

Училище, усердно подготовляя будущих офицеров, для служения их Царю и России, существовало вплоть до нашей смуты, когда, в конце октября 1917 года, все училище храбро защищало Москву от захвата ее кровавыми насильниками-большевиками.

31 января 1919 года, в Добровольческой армии училище вновь возродилось трудами и энергией генерала А. А. Курбатова. Подготовляя для армии офицеров, оно одновременно принимало деятельное участие в боях, получив серебряные трубы с Николаевскими лентами, пожалованные в 1920 г. ген. бар. Врангелем батальону юнкеров, под командой полковника Хамина, за десантную операцию на полуострове Тамань. “В воздаяние военных доблестей, отменного мужества и беззаветного самоотвержения”.

Немало Александровцев погибло на полях сражений смертью героев и вплело новые лавры в победный венок нашей военной истории. Очень многие совершили подвиги на войнах 1877/78 г. г., Русско-Японской и Великой Войне 1914-17 г. г. и украсили своими именами мраморные доски Училища, с фамилиями Георгиевских Кавалеров. Подвиги Александровцев не предаются забвению... Среди них нужно отметить ген. от-инфантерии Ник. Ник. Юденича — героя Сарыкамыша и Эрзерумской операции, ген. шт. ген. Н. Н. Духонина — последнего верховного главнокомандующего, убитого на своем посту и многих других.

В моем родном, 6-м Сибирском стрелковом полку, было со мною, самым младшим по выпуску (выпущен из военного училища подпоручиком 1-го октября 1914 г.) из нашего Александровского Военного училища, пять человек.

Четверо — поручик Андреев Вячеслав, подпоручик Мосидзе и подпоручики — Волков и Змиевский (вып. 12 июля 1914 г.), были убиты героями в боях под Варшавой и на Бзуре, под Боржимовом, и Болимовым (могилы двух последних у госп. дв. Чернова-Нива). Я же, младший по выпуску, был неоднократно ранен и выжил, только благодаря святым молитвам матери...

В Зарубежьи существовали, до последнего времени, Общества б. питомцев училища. В г. Харбине Александровцев — 44 человека, объединял ген. шт. ген.-лейт. Я. М. Ларионов (вып. 1881 г.), а в Шанхае председателем Об-ва, в котором было более 20 человек, был старейший Александровец, ген.-лейт. Г. П. Жуков (вып. 1882 г., Оренбургского каз. войска).

Праздник училища — 23-го апреля ст. ст. — был установлен, как старый праздник Александровского-Брестского кадетского корпуса, который был основан для детей русских офицеров и чиновников, служивших в Западном крае и затем, в 1851 г., после Венгерского похода, этот корпус был переведен в Москву и переименован в Александровский Сиротский кадетский корпус, в честь св. мученицы царицы Александры, имя которой носила Государыня Императрица — супруга Императора Николая I.

Сама Императрица принимала деятельное участие в попечении о сиротах этого корпуса, чему свидетельствовало богатое серебро, подаренное Ею корпусу. Наследник Цесаревич Александр Николаевич был зачислен в списки корпуса и на здании корпуса были помещены эмблемы призревания детей — пеликан, кормящий своих птенцов и выдергивающий свой пух, чтобы им прикрыть гнездо.

В Добровольческой Армии, после ряда переформирований, училище снова получило в Галлиполи свое старое название Александровского военного училища, с добавлением имени генерала Алексеева — в память воссоздателя Русской Армии.

В 1921 году училищу были возвращены вензеля Императора Александра II, как принадлежность его формы.

Ежегодно, в праздник блистательного Александровского военного училища, александровцы собираются вместе, чтобы в дружеской беседе, после молебна-панихиды, вспомнить добрым словом родное училище на Знаменке и всех александровцев, в рассеянии сущих, или в неволе изнемогающих. Всем им с их семьями, наш братский, сердечный привет.

Пусть помнят и верят, что с Божьей помощью, еще послужим и будем нужны национальной России.

Леонид Сейфуллин

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

ЕЛИСАВЕТГРАДСКОЕ КАВАЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ

Приказом по Военному Ведомству от 28-го мая 1858 года, за № 144, Государь Император в 22-й день сего мая, утвердив Положение о кавалерийском училище, в городе Елисаветграде, ДЛЯ ОФИЦЕРОВ войск, находящихся в ведении Командира Отдельного резервного Кавалерийского Корпуса, повелеть соизволил: положение это, в виде опыта, утвердить на 4 года, открыв училище в нынешнем же году, после летних занятий войск.

Штатная ведомость: обучающихся офицеров, в чинах от корнета до ротмистра включительно — 32.

Извлек *Владимир фон-Рихтер*

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ

Император Павел I упрекал купеческую делегацию, представлявшуюся ему, и сказал им, что "купцы его не любят". На это, разумеется, последовали отчаянные заверения в противном и вопросы — откуда Государь это взял? На это Император ответил им, что купцы между собой стакиваются, монополизируют товары и берут с народа цены втридорога.

— Значит вы не любите моих подданных, — сказал он, — а кто не любит моих подданных, тот не любит и меня. Таким образом, если хотите, чтоб я был уверен в любви вашей ко мне, то любите моих подданных и будьте к ним человеколюбивее, совестнее, честнее и снисходительнее. Этим одним вы докажете любовь вашу ко мне и заслужите от меня благодарение.

Эти немногие слова произвели такое впечатление на купцов петербургских, что с самого того времени все товары стали (на все время царствования Павла Петровича) дешевле, и жить сделалось в Петербурге не так дорого, как было прежде.

Раз как то, Император Павел, в первые годы своего царствования, увидев пару красивых упряжных лошадей, заметил, что лошади эти много бы выиграли в своей красоте, ежели были бы в немецкой упряжи. Узнав об этом, петербургский генерал-губернатор Архаров, по чувству бессмысленного рвения, отобрал подписки у всех петербургских жителей, чтобы никто не ездил иначе, как в немецкой упряжи, о чем дал знать и брату своему, второму московскому генерал-губернатору, который отобрал такие же подписки у жителей Москвы, не спросясь даже, предварительно, у старшего тамошнего генерал-губернатора, князя Юрия Владимировича Долгорукова. Старик обиделся и написал о том Государю. Получив письмо, Павел I приказал Архарову немедленно просить прощения у князя Долгорукова.

— "Смотри, — сказал он посылаемому адъютанту своему, Кутлубицкому, чтобы одна твоя нога была здесь, а другая в Москве. Вся Россия собирается в Москву к моей коронации, а архаровцы эти устраивают мне тут медвежью услугу, заставляя всех переделывать упряжь".

Сообщил *А. Г.*

КОРПУС МОРСКОЙ АРТИЛЛЕРИИ

25 апреля 1754 года, указом Императрицы Анны Иоанновны, учрежден корпус Морской Артиллерии "для лучшего порядка в артиллерии". Первыми морскими артиллеристами в России были иностранцы, или солдаты бомбардирской роты Преображенского полка. Появление их совпадает с первыми азовскими походами в 1696 году, а в 1714 году Петром Великим была открыта морская артиллерийская школа, куда принимались "шляхетские дети" и лучших учеников выпускали подконстапелями. Со смертью Петра, был учрежден отдельный корпус с цейхмейстером нморской артиллерии, который назначал офицеров на суда, на нем лежала обязанность заботиться, чтобы все суда были в достаточной мере вооружены, чтобы арсеналы и склады были полны артиллерийскими запасами и пр.

В 1810 г. Корпус был разделен на бригады и состоял из 330 офицеров и 6.000 нижних чинов. В 1846 г. чины корпуса вошли в состав флотских экипажей и стали нести общую службу.

Сообщил *А. Г.*

ОБЗОР ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ

Б. М. Кузнецов. — "В угоду Сталину"
Годы 1945-46. Часть 1-я

Этот, весьма ценный в историческом отношении, сборник выпущен братьями Б. М. и Г. М. Кузнецовыми (оба кадеты Орловского-Бахтина кад корп.), к 10-летней годовщине насильственной репатриации русских военно-пленных из лагеря Платтлинг, происшедшей 24 февраля 1946 года. Он состоит из очень тщательно собранных человеческих документов и документов официальных, относящихся к этому трагическому событию. Выписки из дневников, свидетельства, показания и записи отдельных лиц (особенно потрясающие записки генерала М. А. Меандрова, казненного вместе с генералом А. А. Власовым), чрезвычайно ярко рисуют Платтлингскую трагедию, происшедшую на глазах равнодушного мира в 1946 году, а также и высоту духа, проявленную многими простыми русскими людьми, пострадавшими за Правду.

Книга напечатана ротаторным способом, с исключительной тщательностью и аккуратностью. Она прекрасно сброшюрована и заключена в художественную обложку. Во Франции, книга продается в книжном магазин "Кама".

Г. М.

П. Н. Богданович. — "Аракчеев, граф и барон Российской Империи"

Под таким заглавием издана в Буэнос-Айресе и появилась в продаже, книга полковника генерального штаба Павла Николаевича Богдановича. Целью автора было познакомить интересующихся с малоизвестными сторонами жизни и деятельности графа Алексея Андреевича Аракчеева, прошедшей через четыре царствования: Императрицы Екатерины II и Императоров Павла I, Алексадра I и Николая I. Книга написана хорошим русским литературным языком, и снабжена многими документальными данными, касающимися жизни и деятельности "единственного русского вельможи" того времени. В ней приведена переписка дипломатических представителей разных стран со своими правительствами. Эти переписки рисуют облик графа, известного нашей широкой публике, как тупого, ограниченного и жестокого до зверства, совсем в другом виде и ином свете.

"Аракчеев ждет своего историка", — пишет автор и безусловно, неблагодарный труд внести исторический корректив, и обелить личность "без лести преданного", который взял на себя автор, послужит будущими историкам для выяснения причин травли и ненависти к Аракчееву. В свете правдивой исторической картины, портрет этого создателя русской артиллерии и верного слуги своих Императоров, войдет в историю в более точном и беспристрастном виде.

М. П. Мышкин

Почтовый ящик

В рассказе Г. Д. Гребенщикова "Во дворце Великого Князя", помещенном в № 18 журнала "ВОЕННАЯ БЫЛЬ", приводится неправильное заключение о происхождении названия города Владивосток. Подобно "Владикавказ", название Владивосток обозначает "владей востоком" и не имеет никагого отношения к имени Великого Князя Владимира Александровича. Если бы город был назван в честь Великого Князя, он носил бы имя Владимирск или Владимиродар, подобно городу Павлодар, названному в честь младшего сына Императора Александра II, Павла Александровича. Могу дать справку о смерти Великого Князя Владимира Александровича. Он скончался в 1909 году.

Очень буду признателен за помещение моей поправки в очередном номере "Военной Были".

Князь Никита Александрович

В очерк А. Геринга "ПЕТРОПАВЛОВСК", в № 16 "Военной Были", вкралась неточность: линейный корабль "ПЕТРОПАВЛОВСК" был спущен на воду не в сентябре, а 27 августа 1911 года.

Контр-адмирал *Машуков.*

От Редакции

В № 20 нашего журнала, по недосмотру корректора, пропущена подпись нашего талантливого сотрудника Н. М., под стихотворением "Создателю былины о Микуле Буяновиче", посвященным юбилею Г. Д. Гребенщикова. Выражая искреннее сожаление о случившемся, Редакция просит господ читателей проставить под указанным стихотворением, подпись "Н. М.".

Председатель Общества Константиновцев - артиллеристов в Нью-Иорке, просит всех Константиновцев, где бы они не находились в настоящее время, откликнуться, сообщив свои адреса и год выпуска по следующему адресу: 556, West 140 street Ap 47 New-York 31. U.S.A.

Полковник Митрофан Михайлович Чайковский, курсовой офицер 1-й батареи Конст. Артил. Училища, выпуска 1899 года.

Объединение бывших юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища. Председатель Объединения полковник Сергей Александрович ТОПОРКОВ. Секретарь: капитан Николай Владимирович ГЛАВАЦКИЙ. Справки и переписка по адресу: 6, rue Voisembert, Issy-les-Moulineux (S.). France.

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из жизнетворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, безсонницы и в некоторых случая повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!

Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:

Laboratoire M. KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16e). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE : V. Miller, 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.

«ВЕСТНИК ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ».

Принимается годовая подписка, на шесть номеров в год.

Стоимость — 300 фр. с пересылкой во Франции, колониях и европейских странах.

В странах заокеанских — 90 амер. центов.

Обращаться по адресу: А. А. Геринг. 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16).

„МОРСКИЕ ЗАПИСКИ"

издаваемые Обществом Офицеров Российского Императорского Флота в Америке, под редакцией старш. лейт. барона Г. Н. Таубе

Вышел и разослан подписчикам

№ 2/3 (42), т. XIV, 1956 г.

Подписная цена — 3 долл. в год.

Представитель на Францию: кап. 2 р. В. В. Скрябин.

Обращаться по адресу:

38, Bd de la République, Boulogne s/S.

НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

		Фр.
Н. Воронович	— Вечерний звон (очерки прошлого 1891-1917) . .	600
Н. Воронович	— Русско-японская война (воспоминания)	250
Н. Воронович	— Всевидящее око (из быта Русской армии)	250
Ю. Н. Данилов	— Русские отряды на франц. и македон. фронтах	350
А. Балашев	— Для немногих (стихи) 2-е изд.	400
«Свободная Россия», журнал		200
«Русский Журнал» № 1		75

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e) и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tottenham street, W 1.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Италия — у Б. Н. Ширяева — Casa Postale, 102, San-Remo, Italie.

Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue Heliopolis, Ibrahimie.

Сан-Пауло — у С. К. Успенского — Caixa Postale 51-53.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — P. O. Box 304, Nyack (N.Y.)

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 1538, Steiner, San-Francisco, 15.

Канада — у А. С. Орлова — 224, Dovercourt R-d Toronto (ONT).

Австралия — а) у Калатилина — 50, Belemba ave Lakemba (N.S.W.), б) у Н. А. Коссач 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — Tunnel a Santa Ines, Villa Nina Caracas.

„ЧЕСТЬ"

книга **Георгия Ишевского,** издание Обще-Кадетского Объединения. Художественное описание жизни и быта Симбирского кадетского корпуса. Цена: во Франции и соседних странах — 700 фр. В странах заокеанских — 3 дол. Книга продается в редакции журнала и в Русских книжных магазинах.

А. БАЛАШЕВ — ДЛЯ НЕМНОГИХ

Сборник стихотворений. Второе издание. Чужбина. 1956 год.

Стоимость с перес. — 1 амер. долл. Для Франции — 400 фр. фр. Склад издания — 61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16).

№ 22

ЯНВАРЬ 1957 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 6-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Командир Лейб-гвардии Конной Артиллерии Его Императорское Высочество

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Андрей Владимирович

тихо скончался в городе Париже, 29 октября 1956 года, на 77-м году от рождения, о чем, с глубокой скорбью извещает Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ».

Панихида состоялась в воскресенье 4 ноября в Храме Знамения Божией Матери в Париже.

17 ноября 1956 года, в городе Казабланка, скончался старейший адмирал Российского Императорского Флота и Директор Морского Корпуса

АДМИРАЛ

Александр Иванович РУСИН

о чем с глубокой скорбью извещают Обще-Кадетское Объединение и редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ».

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1050 фр. с пересылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № 5 шил. год. подписка — 25 шил., в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache*, *Paris* (16°). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: C. P. 288-189 Париж, A. *Guerino*.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

6-й год издания № 22 ЯНВАРЬ 1957 г. Bimestriel. Prix — 200 fr.

ДАВНЕЕ

(Продолжение)

Осведомленность Сережи о боевых операциях в широком масштабе, и об общем положении на фронте, была, как и у всех других строевых офицеров, невелика и ограничивалась, как правило, пределами его роты, батальона, в лучшем случае, полка. Однако, за годы войны, у него развилось некое шестое чувство, позволявшее ему чутьем оценивать положение и, в какой-то степени, предугадывать будущее.

Почти через год после вступления в ряды добровольческой армии, ему вновь привелось побывать в, не так давно завоеванном добровольцами, Харькове.

Несмотря на то, что армия в те дни переживала апогей своей славы, была на вершине своих успехов, ничто, казалось, не предвещало каких-либо роковых неожиданностей, — в атмосфере тогдашнего Харькова, Сереже почувствовались какие-то, едва различимые, намеки на какое-то, трудно определимое, неблагополучие. Налицо не было ничего конкретного, осязаемого; были только неясные ощущения и впечатления, и, все же, ему казалось, что нечто чуждое и враждебное суровому и аскетическому духу коренного добровольчества, стало проникать в армию, отравляя многие души. Он чувствовал, что спартанский дух первого и второго походов и изнурительных боев в донецком бассейне, стал уступать место порочной жажде жизненных наслаждений, столь долго подавляемой и загнанной внутрь. Эта жажда стала теперь бурно прорываться наружу.

Например, на Сумской, небрежно развалившись, мчался на лихаче, в обществе кричаще одетой дамы, молодой офицер, недавний герой, облеченный в щегольское офицерское пальто мирного образца, несомненно сшитое в дни побед из так называемой "военной добычи".

На рассвете, из ресторана, под звуки военного оркестра, выходила, отуманенная вином, шумная группа офицеров. Сережа сам ловил себя на мыслях о "военной добыче", на мечтах о новом френче с бархатными погонами, и на желании закатиться в ночное кабаре, где, под звуки танго и слащаво сентиментальные стоны романсов Вертинского, бражничали до утра, тыловые и отпускные.

Эти смутные мысли и ощущения о скрытом неблагополучии были и мимолетны, и летучи, только чуть-чуть отравляющие чувство торжества над врагом, и радостное ощущение стремительного приближения к заветной цели.

Когда Сережа вернулся в полк, тот занимал позиции в одном из южных уездов орловской губернии, задерживаясь на них, в связи с общей приостановкой молниеносного наступления ушедшего лета.

Необычайно рано похолодало и рано начались заморозки. Пустые, унылые поля, обнаженные леса, берега холодных речек, соломенные крыши бедных деревушек — по утрам уже покрывались инеем, а иногда даже, легким, быстро тающим, снежком.

В одно серое и грустное утро, начала октября, Сережа был вызван к командиру батальона. Тот помещался в новеньком домике священника, выделявшемся свежестью еще не побуревших бревен, яркой зеленью крыши и нарядностью, узорно вырезанных, ставней, наличников и карнизов. Старая, вросшая в землю, церковь, с синими луковками, задумчиво смотрела с горки на неширокую речушку с ветхим и шатким мостиком, и на оголенную осиновую рощицу, за мельницей. Печалью веяло от этого осеннего русского пейзажа. У решетчатой изгороди маленького палисадника, с голыми прутьями сирени, стояли, жуя сено, оседланные лошади, толпились солдаты и подводчики.

В крошечной, тесной передней, у попискивающего телефона, телефонист озабоченно вслушивался в телефонные звуки; солдаты связи паковали какие-то ящики. Командир батальона, высокий, тонкий, сухощавый брюнет, с щеточкой подстриженых усов — показался Сереже сумрачным, озабоченным и невеселым.

— Садись Сергей Алексеевич... Я сейчас... Связь... — крикнул он, — старосту позвать, да живей.

Зальце дышало теплом пышущей жаром печки. Фикусы, вышитые подушечки и салфеточки, труба граммофона, олеография "Боярский пир", фотографическая группа буйноволосых семинаристов — свидетельствовали о заботливом уюте, аккуратной домовитости и любовной чистоте этого, столь типичного, священнического сельского домика.

В дверь конфузливо заглянул, видимо с желанием поговорить с постояльцем, одетый в парусиновый подрясник, священник — крупный русый молодец, с большими, добрыми, голубыми глазами. Однако, встретив сухой и озабоченный взгляд офицера, он смущенно закрыл дверь.

— Дела очень неважны, — сказал, понизив голос, батальонный. — Что-то случилось у Касторной. Прорыв конницы, кажется, и крупный...

Он пытливо посмотрел в глаза Сережи, как бы желая проверить, какое впечатление производит на него такое сообщение:

— Сегодня к вечеру начинаем отход вот в этом направлении.

Он стало водить, желтым от табака, пальцем по растрепанной трехверстке, называя при этом столь знакомо звучащие для великорусского уха названия деревень, сел и рек, что было странно думать о войне, отступлениях и боях. "В своей собственной стране, как во вражьей", — подумал Сережа.

— Твоя рота прикрывает отход, идет вот в эту деревню, переходит через ров эту речку, и на ней закрепляетесь. — Он низко наклонился над столом, указывая путь роты, его беленький крестик и меч в терновом венце, почти касались карты.

— Держи связь с Васильевым... вышли заставы. Ну, ты все это лучше меня знаешь. Что же ты думаешь об этом всем? — спросил он Сережу, окончив служебную часть разговора.

— Да, пока ничего. А ты?

— Думаю, что мы надорвались и стратегически и морально. А, впрочем, черт его знает... Пойдем-ка, лучше к попадье завтракать, — закончил он этот неприятный и столь странный, после месяцев блестящих побед, разговор об отступлении.

— Ну, что, господа офицеры? Как делишки? — с искусственной развязностью, за которой прятался страх, спрашивал священник, наливая рюмки. С офицерами он говорил заискивающе, как будто от них зависело отвести или нет, от его, такого уютного и мирного домика, нависающую над ним угрозу.

Громадная яичница шипела на сковороде, крепкие соленые огурчики и маринованные рыжики, глянцевито блестели на тарелке. Застенчивая матушка, такая же крупная и цветущая, как и ее муж, неумело угощала офицеров, и в ее неловкой улыбке, в испуганном выражении больших светлых глаз на выкат, виднелся непоборимый страх.

— Скоро в Москве будем, — искусственно бодро ответил батальонный на вопрос священника. Он говорил с той покровительственной снисходительностью, которую часто усваивают военные в разговорах о военных делах со штатскими.

Чувство какой-то вины перед этими милыми и простодушными людьми, как будто он обманул их доверие, неприятно мучило Сережу. Ему было нестерпимо жаль их, жаль этот теплый, обжитый дом, жаль всю эту скромную и мирную, уездную Россию, стоящую накануне своего уничтожения.

Началось отступление. На оголенных опушках редких лесков, из-за оврагов и балок, из-за серых силуэтов деревенских изб и сараев, — то и дело появлялись всадники, накапливаясь на флангах, неожиданно появляясь в тылу, занимая деревни, предназначенные для ночлегов. Большие массы конницы, неустанно обтекали отходящие добровольческие части, преграждали им дорогу, не давали возможности закрепиться на нужных рубежах. Терялась связь с соседями, прерывалась связь со штабами, прекращалось снабжение. Усталость, апатия и чувство безнадежности, овладевали людьми. При свете коптящего фитиля, плавающего в смрадном жиру, в низкой, прокопченной, дурно пахнущей избе, после суточного, изнурительного похода, с непрерывными стычками, Сережа, сняв промокшие сапоги и грязную гимнастерку, отдыхал, за чаем и курением. Белобрысые ребятишки, исподлобья поглядывая на него, перешептывались между собой. Еще не старая, но уже изможденная, крестьянка качала люльку.

— А хозяин где же, тетка? — спросил ее Сережа.

— А, кто его знает, где, — зло ответила крестьянка, — вот уж месяц, как в подводчиках ходит... Куда его загнали? А мне без него пропадом пропадать... Солдаты, барашка зарезали, сена, почитай, половину потравили... А завтра другие придут, опять хлеба, молока, сена давай!..

"Вот и разберись тут, — подумал Сережа, — за народ, как будто, воюем, а народ этот знать нас не хочет, не знает, как от нас избавиться... Все такой же непонятный, непроницаемый, враждебный".

В сенях послышались голоса. Слышно было, как кто-то чиркал там спичками, искал щеколду и сердито ругался. Наконец, кто-то высокий, в длинной кавалерийской шинели, наклоняясь, чтобы не удариться о притолоку, ввалился в избу.

— Вы командуете этой частью? — спросил страшно знакомым голосом офицер, растерянно оглядываясь в сумраке избы. — Отстал от полка, понимаете, заблудился, едва от красных ушел, и ваши чуть не пристрелили... Штабс-ротмистр Воейков. — отрекомендовался он.

— Ваничка, голубчик... Ты? — закричал, вскакивая, Сережа.

Бестолково суетясь, перебивая друг друга, они растерянно и растроганно целовались, хлопали друг друга по плечам, смеялись, задавали вопросы, не слушая ответов.

— Это же невероятно... — восклицал Ваничка. — А я спрашиваю, кто командует ротой? Свечин, говорят... Мне и в голову не пришло, что это ты... Ведь пять лет не видались, — цыганские его глаза с желтоватыми белками, сияли радостью.

"Все такой же кипучий и неукротимый, — думал Сережа, с нежностью глядя на возбужденного Ваничку, — а постарел и огрубел как-то. Вон седые волосы в его черных кудрях, и усы отпустил гусарские, кольцами закручены".

— Скажи там, чтобы лошадь мою покормили... Спасибо ей — унесла. Четыре за мной гнались... Одного уложил, другие отстали... Ну, слава Богу. Слава Богу. Ну, ты как? Дело наше, конечно, дрянь, но мы еще покажем...

До поздна сидели они за коньяком, оказавшимся в фляжке у Ванички. Табачный дым синими волнами плавал в душной теплой избе.

Заснули они рядом на сене, укрывшись одной ши-

нелью, так, как бывало спали они на охоте, в деревне. Скоро засерели подслеповатые окна избы. Хозяйка, вздыхая, зевая и почесываясь, пошла за водой и доить корову. Надо было вставать.

Ночь прошла спокойно, но на рассвете на опушке недалекого леса, появились всадники. Спрятанные за стогами сена секреты, промерзшие за ночь, открыли редкий, ленивый огонь.

— Ты оставайся, — сказал Сережа невыспавшемуся Ваничке, мрачно тянувшему папиросу и кашлявшему тяжелым утренним кашлем привычного курильщика, — а я пойду посмотреть.

— Ну, что там, и я пойду с тобой. Что в этой вони сидеть. Голова трещит, надо воздухом дыхнуть... Да и пора своих нагонять.

С удовольствием дыша крепким морозным воздухом, они вышли за стога, на околицу деревушки. В утренней дымке, чуть заволакивающей далекую лесную опушку, виднелись всадники. Редкие пули, посвистывая, сбивали заиндевевшие ветки ракит.

Статный и стройный, стянутый ремнями походного снаряжения, в гусарской краповой фуражке, стоял Ваничка, смотря в бинокль.

— Верно, разъезд какой-то, крупных сил нет,— сказал он, не отрываясь от бинокля. Не поме... — запнулся он вдруг, не закончив фразы.

Сережа оглянулся и увидел, что Ваничка качнулся и, медленно оседая, свалился на мерзлые колеи дороги. Бинокль, звякнув, откатился в сторону.

Ваничку приподняли. Смертельная желтизна медленно сгоняла матовую смуглость его лица. Его ястребиный нос и острый подбородок — сразу заострились, побелевшие, приоткрывшиеся губы, обнажили стиснутые, желтоватые зубы. Он трудно, захлебываясь, дышал.

— Любочке скажи... Жить надо... — смутно прохрипел он, рванулся и замер. Кровь, расплываясь коричневым пятном, напитывала грубое сукно шинели, обтекая вороненую пуговицу с двухглавым орлом.

"Ты знаеш, я люблю жизнь", — вспоминал Сережа слова из их ночного разговора, Ваничка говорил ярко и цветистов: — "Люблю любовь, глоток коньяку, когда промерзнешь, люблю гитару, выстрел в роще на весенней тяге... Одним словом — люблю все. И буду драться за это до последнего, до конца... Мертвой схваткой схвачусь..."

Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь:
Теперь, как в доме опустелом,
Все в нем и тихо, и темно,
Замолкло навсегда оно.

Еще в корпусе эти пушкинские строчки поразили Сережу звучащим в них вечным недоумением человека перед загадкой смерти. С тех пор, не раз приходилось ему вспоминать их, теряя на войне друзей и соратников. Однако, меньше всего он думал о том, что ему суждено будет вспомнить их над трупом Ванички в глухой, безвестной, курской деревушке.

С провалившимися и заросшими черной щетиной щеками, с лихорадочно блестевшими и воспаленными от недосыпаний глазами, ожесточенный сумрачный, пробивался Сережа со своей ротой на юг. Рота таяла. Отпадало все случайное, все неверное и неустойчивое. Старый дух аскетизма вновь объединил тех немногих, кто твердо знал, что будет идти до конца, во что бы то ни стало, и что бы то ни случилось.

У одной из донецких железнодорожных станций в плен попал тот самый Ларионов, который, в первые дни революции, мутил полк, вел большевицкую пропаганду и был самым ярым врагом Сережи. Однако, был тогда такой случай, в котором он показал себя с несколько неожиданной для Сережи стороны. Как то в полк приехал крупный большевик, военный врач Склянский, впоследствии помощник Троцкого. На берегу озера, под подступавшими к нему соснами, был устроен митинг.

— Правильно, правильно! — восторженно кричали расхлябанные солдаты, когда Склянский призывал их кончить войну и заключить союз с немецким пролетариатом. Маленькая кучка офицеров стояла отчужденно, обволакиваемая враждой и ненавистью. Кто-то из них неосторожно сделал какое-то замечание, приведшее солдат в ярость.

— В воду их всех побросать... В воду!... — раздались выкрики.

"Вот, вот, сейчас будет это", — подумал Сережа, ощупывая револьвер в кармане. К его удивлению, с необыкновенной страстностью, голосом, срывавшимся на высоких нотах, Ларионов стал убеждать солдат не прибегать к насилию.

— Будет время, — кричал он, указывая на офицеров, — они сами поймут свою неправоту и свои заблуждения.

— Правильно! Правильно! — вновь кричали солдаты. Офицеры были спасены.

— Что ж, Ларионов, — говорил ему Свечин, — повесить тебя должен, ведь большевик ты.

— Большевик, — твердо ответил Ларионов, вытирая ладонью окровавленный лоб. — Власть ваша теперь... Убьете меня, убьете еще десяток таких, а победить, все равно, не победите... Не с вами народ,— говорил он бесстрашно, твердо смотря в лицо Сережи своими ясными глазами, в которых казалось горели какие-то искорки скрытой одержимости.

— Молодец, — подумал Сережа, — хорошо себя держит.

— Раз до виселицы дело дошло, — говорил также бесстрашно Ларионов, — напишите жене моей, адрес вам дам... Ведь, все же служили вместе, — добавил он.

"Не офицерское это дело людей вешать... Да, и жизнь он мне спас в свое время..." — напряженно думал Сережа. — "Не будь жесток", — вспомнил он материнский завет. Сережа отпустил Ларионова.

Через несколько дней он был вновь, нетяжело, ранен. С чувством облегчения, которого ему было стыдно, он передал роту поручику Камышникову и, оставив полк, уехал в лазарет на Кавказский берег Черного моря.

Г. Месняев

(Окончание следует)

Елисаветградское Кавалерийское училище

(Окончание)

ПОХОД

Приблизительно недели за две-три до выпуска из Училища, дивизион юнкеров выступал на маневры. Для юнкеров наступала тяжелая пора настоящей солдатской жизни строевого кавалериста. Юнкера сами чистили и убирали лошадей, сами седлали, водили на водопой и купанье, ходили командами за фуражем, носили на себе перевязанное "арканчиками" сено и насыпали в торбы овес. Если эскадроны не располагались на ночлег квартиро-бивачным порядком, т. е. по дворам и хатам попутных сел и деревень, то лошади стояли на коновязях, а в 5-6 шагах от них располагались на соломе, покрытой попонами, в одну линию, юнкера. Под голову клались седла с вьюками, а укрывались шинелями. И как хорошо, сладко спалось тогда, в 18-20 лет, на свежей, мягкой соломе, в теплые южные ночи, после утомительного перехода, уборки лошадей, чистки винтовки. А в 4-5 часов утра по бивуаку уже ходил беспокойный и надоедливый "Абалдуй" и кричал:

— Довольно нежиться, господа, извольте подниматься на уборку!

И бивуак вмиг оживал. Быстро, сноровисто скатывались шинели и попоны, и пристраивались к седлам. Начиналась работа скребниц, щеток и суконок.

— Замочите гриву, Олиферов, как следует, на левую сторону, у вашей "Двойки", Осташев, немного холка набита, посмотрите не сбился ли потниковый войлок. У вашего "Суетливого", Корнилов, еще вчера хлябала подкова, надо подтянуть, — невесело покрикивал наш взводный Белявский. А на правом фланге эскадрона вахмистр юнкер Байрактаров уже о чем-то докладывал Командиру эскадрона и сейчас же раздалась его команда:

— Строиться на чай!

Не успели мы проглотить кружку горячего чаю, как уже по сигналу "Генерал-марш" наших трубачей, эскадроны начали седлать. Бережно, сноровисто, помогая друг другу, поднимали юнкера с земли тяжелые седла с полным вьюком и накладывали их на спины лошадей несколько наперед, ближе к холке, а затем сдвигали их назад по шерсти, чтобы волос гладко лежал под потником и не сбивался. Затем подтягивали подпруги, мундштучили.

— Закрепите чумбурный повод, Леонтьев... подтяните больше заднюю подпругу, Володин, это она (т. е. лошадь) у вас надулась... у вас Негрескул черезчур подтянута цепочка мундштука, два пальца должны проходить свободно, — раздавались голоса взводных Сербинова, Липчиновского.

Юнкера надели шапки и винтовки, и раздавалась команда вахмистра:

— Выводить строиться.

Не успели эскадроны выравняться, как следовала новая команда:

— Смирно, равнение направо!

Это шли к своим взводам сменные офицеры. Поздоровавшись с юнкерами, они останавливались и зоркими опытными глазами начинали осматривать и проверять правильность седловки, пригонку снаряжения и проч.

— Взводные, торопитесь с расчетом, — приказывали офицеры и сейчас же раздавались молодые, звонкие голоса:

"Первый, второй, третий..."

— Равняйсь! — раздается команда Шт.-Ротмистра Барона Будберга и сейчас же за ней:

— Садись! Не торопитесь господа, поменьше разговоров и шума. Первые номера первой шеренги выводят на 4 шага вперед, а вторые номера задней — осаживают на 4 шага, — напоминает требования устава Барон.

Мягко опустились в седла молодые сбитые тела юнкеров, разбирали поводья и усаживались юнкера.

— Эскадрон, равняйсь, смирно, шашки вон (пик в мое время еще не было на вооружении регулярной кавалерии), слушай, равнение на право, г. г. офицеры, — командует Барон.

Блеснули клинки вынутых шашек и эскадрон замер для встречи своего Командира. Медленно, шагом объехал фронт Ротмистр Адабаш, пытливо и зорко осматривая ряды юнкеров.

— Здравствуйте, господа! — крикнул он наконец.

— Здравия желаем, Ваше Высокоблагородие, — лихо, как один человек, ответила сотня молодых голосов.

— Станьте чище в затылок, юнкер Князь Стокасимов; выравняйте поводья, юнкер Караводин; отчего у вас фуражка одета без подбородного ремня, юнкер Тур: неправильно шашку держите, юнкер Барон Майдель; поворачивайте голову за начальством, юнкер Генкель, — раздавались замечания "Абалдуя". Но вот и это окончено.

— Эскадрон, шашки в ножны, направо марш, — и эскадрон юнкеров вытянулся в колонну по шести.

— Справа по три — дозоры, вперед, не зевать, господа.

1-й эскадрон юнкеров, наш противник, выступил накануне вечером. С ним был и Начальник Училища. Верстах в 4-х от ст. "Знаменка", от разъезда, бывшего под командой юнкера Успенского, старого, лет 35-ти конно-артиллериста 16-й конной батареи, которого мы называли "отцом", было получено донесение о том, что на опушке леса, у западной стороны станции Знаменки, обнаружены спешенные части противника.

— Рысью, — командует Ротмистр Адабаш, — правое плечо вперед, — и нам становится ясным, что Командир решил атаковать противника во фланг. Еще через некоторое время, мы строим взводы, а затем фронт эскадрона.

— Шашки к бою, господа! — командует Адабаш и эскадрон, постепенно переходя в карьер, с криками "ура", несется на противника.

Уже видны улыбающиеся лица юнкеров 1-го эскадрона Князя Бековича-Черкасского, Сумарокова, Чапкина, Папаригопуло, Бадурова, казанца Мартынова, крымцев Алтунджи и Барона Гимшсена. Еще последний залп по атакующей кавалерии и мы слышим команду Ротмистра Радкевича "стой!" и такую же протяжную команду нашего Командира. С трудом сдерживая разгоряченных коней и переводя их сначала в шаг, а затем останавливая, веселые и улыбающиеся подравниваются юнкера. А еще через минуту слышим долгожданный сигнал всеобщего отбоя:

"Славно мы врага побили, трубач труби отбой", — красиво играет трубач Венгеренко.

Коротким галопом подъезжает к фронту юнкеров, на "Фонтане", Начальник Училища Полковник Литвинов, здоровается с нами, благодарит за маневры и, после краткого разбора, приказывает спешить эскадроны, а затем вести их домой в Елисаветград.

Отдохнув и слегка закусив, садимся и выравниваемся.

— Песенники вперед, рысью! — командует Ротмистр Адабаш.

Лихо выскакивает и становится перед песенниками ловкий, красивый, отличный ездок, Мариуполец Коля Рубинштейн и красивым молодым тенором запевает старую, боевую песню славного Сунженско-Владикавказского полка Терского казачьего войска:

"Пыль клубится по дороге,
Слышны выстрелы порой,
То с набега удалого
Едут Сунженцы домой.

Под звуки песни, без команды и по знаку шашки Командира, эскадрон медленно тронулся в колонне по три по направлению к станции Треповке, а затем Елисаветграду. Но вот показался вдали и наш лагерь, крыши бараков, буфет Альбина Антоновича Бигера, приемная аллея, крыша коновязей.

"Прощай команда поваров.
Прощай пилав, прощай котлеты.
Прощай Штабс-Ротмистр Лысаков
Здорово, Господа Корнеты.

Замирают последние слова песни и слышится команда:

— Эскадрон, слезай!

Мы ведем лошадей в поводу к коновязям, где их принимают от нас конюхи, и медленно расходимся по палаткам и баракам. А еще через час обед, сдача винтовок и шашек, и ожидание счастливой минуты поздравления с производством в эстандарт-юнкера.

Но вот, настало и это.

Неожиданно, на два дня ранее предположенного, старшему классу приказано построиться в приемной аллее. Все в белых гимнастических рубахах, счастливые, радостные. Подходят сменные офицеры, эскадронные командиры и, наконец, Начальник Училища с адъютантом. Начальник Училища здоровается с нами и затем приказывает адъютанту прочесть приказ по войскам Одесского военного округа о переименовании нас в эстандарт-юнкера.

— Поздравляю вас, господа, желаю вам здоровья. Будьте честными, хорошими офицерами, служите верно своему Государю и Родине. — Такими словами напутствует нас, на сей раз с улыбкой, строгий Начальник училища.

Мы расходимся оживленные, счастливые. А через день, другой — разъезд, сначала в отпуск по домам, а затем по полкам.

Начинается новая эра нашей жизни.

"Прощай Училище на-веки,
Нам не забыть, что Школа есть..."

Господи, как хороша жизнь, как легко на душе.

Заканчивая свои воспоминания о нашей славной Школе, не могут не сказать о том, что в нашем 2-м эскадроне было много отличных юнкеров, прекрасных товарищей, а впоследствии, достойнейших храбрых офицеров нашей славной, несравненной, русской конницы.

Вот общие любимцы Вознесенцы, братья Радовы. Старший Никанор и младший Анатолий. Вот высокий, красивый Белгородец Барон Майдель, вот строгий, всегда серьезный и требовательный Лубенец взводный Петя Сербинов. Вот Ингерманландец Завадовский, впоследствии офицер Крымского дивизона, вот конно-артиллеристы: 15-й батареи Александр Зеленский и 16-й батареи "старик" Успенский, которого за его 35-летний возраст мы называли "отцом". Вот вечно веселый, хохотун и шутник Ахтырец Рогаля-Левицкий, вот высокий Одессец Володин, зеленый Малороссиец Шимановский, маленький коричневый Мариуполец Тур, славный, картавящий, всеми изводимый Кинбурнец Сережа Караводин, красивый Астраханец Митя Дмитриев, славный, добрый и симпатичный Астраханец Чекотовский, впоследствии Георгиевский Кавалер и командир славных Стародубов-

цев, вот белый Каргополец Замбиевский, белый Глуховец Кунцман, крановый Волынец Бровченко.

Где вы все, милые, хорошие друзья моей юности, воспоминание лучших дней моей жизни? Многие из вас погибли на поле брани за Веру, Царя и Родину, многие стали жертвой проклятой большевицкой власти; некоторые покончили жизнь самоубийством, не будучи в силах бороться с судьбой и переносить тяжесть невольного изгнания, без горячо любимой Родины. Многие живы, рассеянные по великому лику земли.

Всем вам: живым — слава, а мертвым — вечная память. Все вы были достойными питомцами Елисаветградской славной Школы, а затем лихими офицерами Русской Кавалерии.

Верю свято, что уже недалек час возрождения Родины, а значит и нашего Училища, Штандарт которого хранится в Белградской Русской церкви. Примет Его коленопреклоненный будущий Начальник Училища и передаст Штандартному портупей-юнкеру, который под звуки армейского похода благоговейно отнесет Его на правый фланг 2-го эскадрона юнкеров. Так было, — так будет.

Полковник *Фурман*

В Ингушском конном полку

(Из цикла "Кавказская Туземная Дивизия")

К ЧИТАТЕЛЯМ

Кавказская конная Туземная дивизия в рядах Российской Императорской Армии являлась одной из самых красочных боевых частей, принимавших участие в первой мировой войне. С началом борьбы против большевизма, офицеры и всадники дивизии приняли участие в рядах белых армий и, своей кровью запечатлели верность и преданность Российским государственным идеям. Так как годы летят неудержимо и, в настоящее время, большинство "туземцев" уже перешло в лучший мир, то я взял на себя смелость собрать и редактировать записки и воспоминания участников первой великой и гражданской войны, в рядах туземных конных полков, дабы оставить на страницах русской военной печати, для потомства, страницы бессмертных подвигов Кавказской Туземной Дивизии, во главе с ее Августейшим командиром.

Быть может сборник этих воспоминаний послужит в будущем материалом для истории Кавказской Туземной Дивизии, которую напишут люди, более меня знавшие и компетентные в военном деле.

Всем же соратникам моим по Туземной Дивизии, которые прочтут эти воспоминания, я шлю мой братский привет и просьбу прислать, со своей стороны, их воспоминания о службе в дивизии.

Ротмистр *Анатолий Марков*

В начале 1915 г., будучи в маршевом эскадроне 12-го Драгунского Стародубовского полка, в г. Новогеоргиевске, я получил приказ о переводе в Ингушский Конный полк Кавказской Конной Туземной Дивизии. Причины этого заключались в том, что выйдя по окончании Николаевского Кавалерийского училища в 1914 г. в Стародубовский полк, я был отправлен в запасный кавалерийский полк в Херсонскую губернию, при котором формировались маршевые эскадроны этого полка. Пребывание в глухом, степном городишке, каким был Новогеоргиевск, в 70 верстах от ближайшей железнодорожной станции, было невероятно скучно и томительно, тем более, что я, как и вся офицерская молодежь того времени, страстно стремился на войну. В январе, маршевый эскадрон, в котором я состоял, ушел на войну, а меня, накануне его отправления, перевели для обучения новобранцев при запасном полку. Это я счел для себя за личную обиду и решил, вопреки воле начальства, отправиться на войну немедленно. Приблизительно в том же положении оказался и мой приятель, Ахтырский гусар, прапорщик Косигнович, на выпуск моложе меня из Школы. Воспользовавшись тем, что один из командиров бригад Туземной Дивизии — князь Багратион, был близок с моей семьей, мы послали через него прошение на имя Великого Князя Михаила Александровича, о переводе нашем в один из полков его дивизии, о подвигах которой тогда говорили очень много в военной среде.

Перевод состоялся почти немедленно и, навестив по дороге родную усадьбу, я 12 марта был уже в Киеве, где мы должны были встретиться, по уговору, с Косигловичем, чтобы вместе ехать в полк, находившийся на Галиполийском фронте. Так как мы ехали с денщиками и лошадьми, то в Киеве нам был дан отдельный товарный вагон, в котором мы, с большими удобствами, расположились на походных койках, любуясь через открытую дверь, красивыми видами Малороссии. Через Проскуров, Гусятин и Бильче, мы достигли, наконец, с. Волковцы, в Восточной Галиции, в которой стоял на отдыхе Ингушский полк. Через два часа после нашего приезда, полк выступил на позиции и, мы едва успели явиться командиру полка и его помощнику.

Полковник Георгий Алексеевич Мерчуле, офицер постоянного состава Офицерской Кавалерийской Школы из знаменитой "смены богов", как в кавалерии называли офицеров - инструкторов Школы, получил полк при его сформировании, и им командовал до расформирования, после чего был убит большевиками во Владикавказе. Это был сухой, небольшого роста абхазец, с острой бородкой "а ла Генрих 4-й". Всегда тихий, спокойны, он произвел на

нас прекрасное впечатление. Его помощник, подполковник Абелов, высокий, стройный грузин, с резкими чертами лица и густыми черными бровями, также принадлежал к постоянному составу Кавалерийской школы. Это был тип прекрасного, выдержанного, кавалерийского офицера, причем он, как и большинство грузин, выделялся своей прирожденной вежливостью и тактом. Второго помощника командира полка, принца Наполеона-Мюрата, также бывшего офицера Школы, мы в полку не застали, так как, отморозив себе ноги на Карпатах, зимой 1914-1915 г.г., он находился в отпуску по болезни.

Косиглович получил назначение в 3-ю сотню, а я в 4-ю, но едва мы успели представиться их командирам, как полк сел на коней и покинул селение. Так как наши солдаты, с конями, отстали по дороге, то, как безлошадные, мы принуждены были остаться в Волковцах. На наше счастье, в селении, по каким-то причинам, задержался также полковой адъютант поручик Баранов, со своим ординарцем вольноопределяющимся Волковским. Оба они оказались настолько оригинальными типами, что я считаю нужным дать их краткое описание.

Александр Николаевич Баранов был сыном знаменитого Нижегородского губернатора, героя русско-турецкой войны. Будучи еще кадетом Пажеского корпуса, поручик Баранов отправился добровольцем на Китайскую войну и в рядах Пластунского батальона получил солдатский Георгиевский крест, не снимая во время похода, формы пажа. На военной службе он оставался после этого недолго, вышел в запас и, в начале 1914 г. вернулся в строй, вступив в ряды Туземной дивизии. Войну Александр Николаевич закончил в чине ротмистра, получив офицерский Георгиевский крест, и служил затем в Добровольческой армии, командуя отрядом особого назначения на Кавказе. При Врангеле, в Крыму, он был арестован и выслан заграницу за то, что на пристани в Севастополе наградил пощечиной военного министра Временного Правительства Гучкова, автора приказа № 1-й, который приехал было в Крым с предложением своих услуг. В эмиграции, впоследствии, в Париже, Баранов организовал небезызвестную "Свободную Трибуну", и умер в инвалидном доме два года тому назад.

Волковский был мой земляк по губернии и уезду. Это был пожилой человек, уже лет под пятьдесят, с полуседой бородой, весь увешанный крестами и медалями. Он был участником-добровольцем англо-бурской, китайской и японской войн.

4-й сотней, в которую я попал, командовал есаул Улагай, впоследствии сыгравший видную роль в Добровольческой армии, а затем, при возведении на престол в Албании короля Зогу. В момент моего приезда он был в отпуску, получив перед этим Георгиевский крест за блестящую конную атаку. Младшими офицерами были поручик Пешковский, бывший офицер 17 гус. Черниговского полка, корнет Шенгелай, на выпуск старше меня по Школе, переведенный из Запасного гвардейского полка, прапорщик Сурен Бек-Карганов, армянин, и три прапорщика милиции: осетин Агоев, и ингуши: Ардаган Ужахов и Кагызман Дудаев.

Через три дня, к моей радости, полк вернулся в Волковцы и нашу сотню расквартировали в фольварке местного помещика, польского графа. Этот последний приветствовал нас обедом, развел по комнатам, как своих гостей, но затем уже не показывался с верхнего этажа, где жил со своей семьей, предоставив нас самим себе.

На этом фольварке мы, через три дня, отпраздновали Байрам, считавшийся одновременно и праздником полка. По этому случаю нам с Косигловичем пришлось познакомиться со многими представителями дивизии, так как в Волковцы съезжалось много гостей из других полков и все начальство. Так как Великий Князь Михаил Александрович — начальник дивизии, был в отпуску в Петрограде, то его замещал и принимал парад полка, его заместитель, генерал князь Димитрий Багратион, уже пожилой, представительный старый барин. Он также был из состава славных "филисов" офицерской Школы, и вышел на войну командиром нашей первой бригады. С ним был также, только что сменивший на должности командира нашей бригады, Петра Николаевича Краснова, новый бригадный полковник Веттер-фон-Розенталь, высокий тощий немец, быстро затем исчезнувший с горизонта. Среди начальства был и командир наших однобригадников, князь Султан-Крым-Гирей, замещавший уехавшего командира, князя Александра Чавчавадзе. Султан был старшим в черкесском княжеском роде Гиреев, пользовался среди своих единоплеменников огромным авторитетом и имел, как и все Гиреи, чрезвычайно представительную внешность.

Все четыре сотни полка были выстроены в поле, перед фольварком и, имели весьма живописный вид, хотя непривычный для глаза строевого кавалерийского офицера. Каждый всадник был одет в черкеску, бешмет и папаху того цвета, который ему больше нравился, и сидел на коне какой угодно масти. Общего цвета были лишь огромные и лохматые рыжие папахи. После произнесенных почтенным полковым муллою, в зеленой чалме, красном халате, и с белой бородой, мусульманских молитв, полк прошел повзводно мимо начальства, затем, начались очень оригинальные скачки, согласно горскому обычаю.

Всадники, принимавшие в них участие, скакали "по восточному", т. е. без седел, и сняв с себя всю одежду, за исключением шаровар. Босые и мускулистые, на своих горбоносых лошадях, скакали черкесы и ингуши, помогая себе и лошади криком, руками и ногами. Все всадники бригады, как черкесы, так и ингуши, расположились вдоль линии пробега, сидя на корточках и, образуя узкий проход, по которому скакало человек двадцать конкурентов с криками и воплями, работая изо всех сил нагайкой по лошадиным спинам. Сидевшая вдоль линии скачек живописная публика, принимала также самое горячее участие в событии воплями, жестами и советами. На фини-

шах эти азиатские спортсмены, не стесняясь, колотили нагайками по мордам лошадей своих конкурентов. Зрелище было полно красок.

Последовавшая затем джигитовка была весьма слаба и, в сущности, состояла в сплошном издевательстве над лошадью, которую разгоняли в карьер, а затем, страшным рывком поводов, сажали сразу на задние ноги. Рубка была, по сравнению с регулярной кавалерией, также неважна. Все, однако, это изменилось, когда началась офицерская конная игра и рубка, в которой выделялись черкес ротмистр князь Келич-Султан-Гирей, из офицеров Уланского Белгородского полка, и ингуш поручик Султан Базоркин, окончивший вахмистром Тверское Кавалерийское училище.

Келич-Гирей представлял собой чрезвычайно импозантную и совершенно незабываемую фигуру. Атлетически сложенный, с широкими плечами, тонкой, как у девушки, талией и великолепной львиной головой скифского хана. Сила его была такова, что он легко сваливал на землю коня. В этот день ему, однако, не везло, так как на скаку конь его споткнулся и тяжело рухнул на землю, вместе с всадником. Ротмистр сильно расшибся и минут на десять даже потерял сознание. Келич-Гирей начал войну ротмистром и командовал 3-й сотней Черкесского полка и на этой должности окончил войну полковником, получив все возможные в его положении награды, включая Орден Св. Георгия и Оружие. В добровольческой Армии он уже был генералом и командовал Черкесской Дивизией. Уже 75-летним старцем, в последнюю мировую войну он командовал горцами в Казачьем корпусе ген. П. Н. Краснова, и в 1944 г., вместе с генералом Красновым и другими казаками, был выдан англичанами в Лиенце большевикам, которые повесили его в Москве.

После конных развлечений, кн. Багратион роздал георгиевские кресты, отличившимся в последних боях горцам. Как оказалось, в полку редкий всадник не имел креста, что, впрочем, было вполне понятно, так как все они были молодцы и пошли на войну по призванию, как природные воины. Вахмистра второй сотни Бек-Мурзаева, генерал вызывал три раза, и он получил в этот день "полный бант", как солдаты называли, все четыре степени георгиевского креста. Старик Волковский тоже получил два креста, после чего произошел забавный случай со следующим всадником, вызванным генералом из строя. Он наотрез отказался взять, полученную им георгиевскую медаль, заявив, что награда эта для сестер милосердия, а не для "джигита". Был случай, что всадник, или два, также отказались принять георгиевские кресты, на которых вместо Св. Георгия был выбит Государственный герб, как в начале войны это делалось для лиц не-христианского вероисповедания. К счастью, скоро правительство, отменило это правило и все георгиевские кавалеры стали награждаться одинаковыми для всех знаками отличия военного Ордена. Всадники-туземцы, отказавшиеся от крестов с двуглавым орлом, мотивировали это тем, что они хотят иметь крест не "с птицей", а с "джигитом", как они сами.

Праздник окончился парадным обедом, который был дан полком, на нашем фольварке, начальству и приглашенным. Играл хор трубачей, пели кавказские песни "Алла-Верды" и "Мравалджамие", являвшиеся традиционными застольными песнями кавказских частей и танцовали лезгинку. Многие, подвыпив, шумели больше, чем следует, не слушая друг друга. Большинство кавказцев страстные ораторы, но не всегда удачные, хотя и не обижаются, когда неудачный их оборот встречается дружным смехом. За столом мое внимание привлек к себе офицер штаба дивизии, командовавший конвоем Великого Князя, осетин ротмистр Кибиров. Громадного роста и свирепого вида, он пользовался громкой славой убийцы знаменитого разбойника Зелим-Хана, слава которого гремела по всему Кавказу за несколько лет до войны. Будучи офицеров Осетинского конного полка, Кибиров получил задание во что бы то ни стало, поймать или уничтожить неуловимого разбойника, в чем и преуспел после долгой, и часто эпической, борьбы. На войну Кибиров вышел командиром особой сотни прощенных государством абреков, возвращенных с каторги для того, чтобы на полях сражений заслужить свое прощение. Командовал он своей необыкновенной сотней отечески, поучая провинившихся толстой палкой, с которой постоянно ходил, будучи ранненым в ногу. В полку у нас, при котором он числился со своей сотней, говорили, что несмотря на свой пост предводителя бывших разбойников, Кибиров избегает показываться в Чеченский полк, где служили бывшие сподвижники Зелим-Хана, мести которых он должен был опасаться.

По окончании обеда, в саду, несколько офицеров протанцовали лезгинку, при чем прекрасным ее исполнителем оказался мой однокашник по Воронежскому корпусу, поручик Сосырко Мальсагов, ингуш по происхождению, при большевиках герой побега из Соловков, совместно с ротмистром Бессоновым. Их страшная эпопея описана Бессоновым в книге "26 тюрем и побег с Соловков". Фамилия Мальсаговых в полку была столь многочисленна, что при сформировании полка на Кавказе был даже проект создать из представителей этой фамилии особую сотню.

С верхнего балкона фольварка, невидимый за густой зеленью тополей, смотрел на наш чисто азиатский праздник, польский граф и его семья. На их лицах, трудно было прочесть, какое впечатление производит на них это необыкновенное и своеобразное зрелище, которое они видели, конечно, первый раз в жизни.

На другой день Черкесский полк пригласил нас на обед, в соседнее имение, где стоял его штаб. В густом парке, на круглой полянке, были поставлены столы амфитеатром, причем на верхнем из них сидело начальство. В середине обеда, началась стрельба, без которой, обыкновенно, не проходит на Кавказе ни одной веселой пирушки. Помню, как приехав впер-

вые в Сухум, я в ресторане увидел, поразившую меня, и рассмешившую надпись:

"Петь, стрелять и танцовать в общей зале строго воспрещается".

Выпившие кавказцы, в избытке восторга, то справа, то слева от меня, опорожняли магазины и барабаны своих револьверов и пистолетов, то вверх, в черное звездное небо, то вниз под стол, после каждого тоста, или речи. Порядок за столом, с большим искусством, поддерживал седоусый полковник-грузин, избранный на время вечеринки "тулумбашем". Само собой разумеется, что выстрелы, направленные пьяной рукой, не всегда проходят безнаказанно и очень часто случается, что в результате появляются раненые, а то и убитые, случайной пулей. Так было и в этот вечер, так как в самом разгаре револьверных салютов, раздался заячий крик и, с одного из деревьев кубарем скатился мальчишка-галичанин, раненый в ногу. Чтобы видеть лучше небывалое для него зрелище, он забрался на дерево. Младенец, несмотря на пулю в ноге и падение, отделался очень легко и, вероятно за всю свою жизнь не видел столько бумажек и серебра, сколько было ему собрано в чью-то папаху, за испуг и ранение.

Утром, 3 августа 1915 г., мы выступили на позицию. Отчаявшись дождаться моего вестового с лошадьми, застрявшего где-то по дороге из Каменец-Подольска, я купил у Кибирова рыжего, четырехвершкового кабардинца, на котором, как уверял его владелец, он убил Зелим-Хана. Это обстоятельство, однако, ничуть не сглаживало недостатки этого верблюда, который оакзался наредкость тугоуздым и, привыкнув итти впереди сотни, ни за что не желал соблюдать в строю дистанцию.

На походе полк представлял собой на редкость оригинальную живописную картину. Длинной и довольно беспорядочной вереницей, плохо соблюдая строй, тянулись сотни всадников, сидевших на конях всевозможных мастей и калибров. Одеты они были буквально, кто во что горазд, а именно, кто в бурку, кто в черкеску, кто в кожаную куртку или гимнастерку. Каждый носил папаху и башлык разного цвета, и не без фантазии. В посадке, в манере держаться на седле, в самой седловке и, даже в вооружении, чувствовалась индивидуальность каждого всадника, которая совершенно незаметна в регулярной кавалерии, где одинаковое обмундирование, седловка и выправка, стирают личность, и делают всех солдат похожими друг на друга. Здесь же было совершенно иначе. Каждый всадник носил винтовку и кинжал, как ему Бог положил на душу, направо, налево за плечами, стволом вверх или вниз, а то и по горскому обычаю, притороченной к седлу, так что только кончик ствола с мушкой, выглядывал из под кучи вьюка. На походе ехали, где рядами, где справа по три, а то и просто кучками. Отдельные всадники, несмотря на запрещение, поминутно, отъезжали от строя к обочине шоссе, а иногда и просто в поле. Утром и к вечеру постоянно, по нескольку человек, отъезжали от сотни, спешивались и, разослав бурки, начинали совершать намаз.

На ночевках, и при всяком удобном случае, всадники норовили незаметно отделиться от полка, с намерением утащить у жителей все, что плохо лежало. С этим командование боролось всеми мерами, вплоть до расстрела виновных, но за два первых года войны, было очень трудно выветрить из ингушей их чисто азиатский взгляд на войну, как на поход за добычей. С течением времени, однако, всадники все больше входили в понятие о современной войне, и полк, к концу войны, окончательно дисциплинировался и стал в этом отношении ничем не хуже любой кавалерийской части.

По началу же войны репутация Туземной Дивизии, или, как ее стали называть, с легкой руки австрийцев, "диких регнментов", наводила ужас на вражеское население. Галицийские крестьяне — газды и поляки, при встречах, старались, подальше обойти идущий полк, скрываясь за кустами и перелесками. Всадники провожали таких встречных пристальными и неприветливыми взглядами, как явно ускользающую от них добычу. На нашем пути, издали было видно, как в селах, завидя идущий полк, жители бросаются загонять скот, ребятишки, с плачем бегут по домам, толкая друг друга, а старики, сидящие у порогов, поспешно собирают свои костыли. При входе в деревню, мы наталкивались на вымершее селение, с на глухо закрытыми окнами и дверьми, и совершенно пустыми улицами...

К вечеру первого дня похода, мы подошли к длинной гати, обсаженной деревьями. Дорога шла возле Днестра. Под лошадиными копытами туповато гудела дорога. Фыркали кони, позванивали о стремена шашки. Там и сям вспыхивали в сумерках огоньки папирос. От шедшей впереди сотни наносило запахом конского пота и кисловатым душком ременной амуниции. Я любил, и никогда не забуду, этот характерный запах кавалерийской части, который впервые я ощутил в юнкерские дни, а затем долгие месяцы и годы он сопровождал меня по дорогам Малороссии, Буковины и Галиции, в донских и кубанских степях и, с течением времени, стал мне близок и дорог, как запах отчего дома...

Пройдя гать, мы свернули на какой-то луг, где спешились, отдав коней коноводам и, сотня, чуть видной в ночи, темной массой, выстроилась, по тихой команде вполголоса.

— Поручик Пешковский, — послышался из тьмы голос командира полка.

— Здесь, г. полковник.

— Ведите вашу сотню прямо по дороге до моста. Там встретит проводник от 12-й дивизии... доведет до окопов. С Богом!...,

Хлюпая сотнями ног по болотной дороге, сотня зашагала во тьме за своим командиром. Через пять минут, во мраке, вырисовались очертания деревянного моста, от перил которого отделилась и подошла к нам одинокая фигура.

— Проводник?

— Так точно, Ваше Высокоблагородие... Стародубского драгунского, — с хохлацким акцентом, ответил солдат.

— Ну веди... Далеко тут?

— Никак нет, через мост и... налево, в горку...

По дороге, я успел расспросить у драгуна новости о Стародубовском полку, который, после перевода в Туземную дивизию, я все же продолжал любить, и не мог считать чужим. Новости были скверные, почти все мои товарищи по выпуску и службе в Новогеоргиевске, были убиты или ранены. Корнет Внуков — убит шрапнелью в лоб, Брезгун ранен, Шенявский пропал без вести при проверке секретов, остался жив и не ранен только один Гижицкий.

В глухую полночь, мы добрались, наконец, до окопов, и залезли, вместе с Шенгелаем, в какую-то дыру, прикрытую досками. Стародубовцы сообщили, что окопы находятся в доброй версте от австрийцев, и на этом участке фронта, пока боев нет.

В эту, первую мою ночь, в окопах, действительно, почти не было огня со стороны неприятеля и лишь изредка, где-то вдали, одинокая австрийская винтовка выговаривала свое отчетливое "та-ку", и, высоко в небе над нами пела пуля. Около часу ночи начался ожесточенный ночной бой, вправо от нас, у деревни Колодрупки, и вся линия горизонта там обозначилась дрожащим, отражением артиллерийского и ружейного огня. Пулеметная и ружейная стрельба в этом злополучном месте, слились затем в беспрерывный треск, глухо гудела земля от взрывов и выстрелов артиллерии, бившей откуда-то сзади. По небу всю ночь бродили лучи прожекторов и из австрийских окопов, впереди нас, то там, то тут, медленно всплывали ракеты и, распустившись букетом, останавливались в воздухе, на несколько мгновений, превращая ночь в день.

Когда, наконец, ночь прошла, и мы, как кроты, вылезли из своей норы, все обсыпанные землей, было чудесное, летнее утро. Окопы наши оказались долговременными, были глубиной выше человеческого роста и, чтобы увидать из них что-либо на стороне противника, надо было лезть на бруствер. Впереди, насколько только хватал глаз, как перед окопами, так и сзади нас, шумело и колыхалось, на легком ветру, целое море кукурузы, закрывавшее от глаз весь видимый мир, почему секрет приходилось на ночь высылать далеко вперед за проволочные заграждения.

Если бы не певшие, от времени до времени, над головой пули, да погромыхивание какой-то батареи за горизонтом, ничто не напоминало бы здесь войны. Это всадники, поняли, оценили и, потому, насколько только хватал глаз, население окопов повылезло наверх и, расстелив на кукурузе бурки, расположилось на них по домашнему. Десяток фигур в черкесках и бешметах, с ведрами и манерками, сновали вдоль траншей за водой к Днестру, в который окопы упирались левым флангом. Через небольшие промежутки, над окопами, сидели кружками горцы, и в воздухе запахло жареной кукурузой и шашлыком. Эта мирная обстановка, однако, не понравилась австрийским наблюдателям, и, часам к 9 утра, с неприятельской стороны, глухо ударило орудие, и в воздухе быстро стал нарастать звук летящей гранаты. Достигнув предельного напряжения, звук сразу оборвался оглушительным взрывом. Снаряд лопнул перед проволочными заграждениями, подняв к небу столб земли, вырванных кольев и обрывок проволоки. Комки земли забарабанили по доскам окопного прикрытия.

— По окопам!.. дождались, таки, сукины-сыны! — заревел чей-то начальнический голос, — я тебе говорю, не сметь наверх вылезать, — продолжало сердиться невидимое начальство.

С недовольным ворчанием, волоча за собой бурки, полезли из кукурузы в окопы ингуши, как и все горцы вообще, терпеть не могшие сидеть в траншеях, что считалось среди них совсем не "джигитским" делом. По их понятиям, земля должна была быть убежищем для мертвых, а не для живых, почему, при малейшем недосмотре офицеров, они покидали, под всякими предлогами, окопы и, с чисто мусульманским фатализмом, предпочитали сидеть или лежать под выстрелами, чем находиться в безопасности под землей.

За первой гранатой последовала вторая, третья и четвертая, впрочем, без каких бы то ни было ощутительных результатов, так как снаряды или переносило, или недоносило, и они, хотя и весьма эффектно, но совершенно бесполезно рвались в кукурузе, давая многоэтажные фонтаны земли и листьев.

В сотне у нас был мальчик-доброволец, симбирский гимназист Коля Голубев, бежавший из дому на войну. Это был веселый чижик, юркий и беззаботный, не совсем себе отдававший, как и все дети, отчет в опасности, которая как будто не доходила до его сознания. В окопах сидеть ему было скучно и он постоянно болтался вдоль сотни, услуживая то одному, то другому офицеру, которые его очень любили. В первое же утро нашего сидения в окопах, Коля отправился из своей траншеи в кукурузу, как говорят солдаты "до ветру". Немедленно от близкого разрыва гранаты, ему пришлось удирать в блиндаж, не окончив своего дела. По забавному стечению обстоятельств, такая же история с ним произошла во второй, и третий раз, в тот же самый день. Сотня потешалась над мальчуганом, и дразнила его тем, что австрийцы решили запретить ему итти "до ветру".

Во вторую ночь нашего сидения в окопах, неожиданно, по всей линии секретов раздалась оживленная стрельба. Началось, как это всегда бывает, с отдельных выстрелов, перешедших затем в оживленную перестрелку, затем в дело вмешалась артиллерия. Вернувшиеся секреты принесли вести, что австрийские цепи вышли из своих окопов, и повели наступление вправо от нас, выслав в нашу сторону лишь заставы...

На второй день окопного сидения у Устья-Бискупе, как называлась соседняя деревня, мы, офицеры сотни, в обеденный час, с большим удобством, расположились в кукурузе, позади окопа, закусывая шашлыком и запивая его вином, присланном в бурдюке с Кавказа корнету Шенгелаю. В небе, как каждый день, на небольшой высоте, с утра, болтался ка-

кой-то авион, на который в те времена войска не обращали никого внимания из-за беспомощности, и малого значения, которое имела тогда авиация. В середине завтрака, когда бурдюк с кахетинским значительно похудел, мы заметили, что вокруг нас, по кукурузе, что-то щелкает, со звуком раскусанного ореха. Только через несколько минут кто-то сообразил, что наша кучка стала мишенью для авиона, который расстреливал нас из пулемета разрывными пулями. Пришлось перебраться в окоп, что было весьма своевременно, так как пули стали уже пылить землей на скатерть. Из-за того, что аппарат был очень высоко, мы даже не слышали звуки выстрелов.

Вечером нас сменили. Возвращаясь уже знакомой дорогой, через селение Устье-Бискупе, мы увидели на площади спешенный Заамурский конный полк, только что вышедший из жестокого боя, в котором он потерял чуть не четверть своего состава. Заамурцы молча, угрюмо сидели вокруг костров, повидимому физически и морально подавленные пережитым. У Коли Голубева в этом полку был брат, бежавший одновременно с ним из дома, тоже мальчик 15 лет. По просьбе Коли, мы с ним подъехали к одному из костров, вокруг которого, в понурых позах, сидели молчаливые фигуры. Я стал распрашивать пограничников о боях, на что они отвечали неохотно, повидимому, недавние воспоминания не доставляли им ничего приятного. Переезжая от одной группы к другой, Коля распрашивал о брате. Все отвечали незнанием, пока, наконец, какой-то голос из темноты не спросил:

— Это какой, же доброволец?... Что на Волге к нам пристал?... Сережей звали?

— Да, да, Сережа, рыжий такой, в третьем эскадроне служил, — подтвердил Коля.

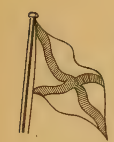
В ответ наступило неловкое молчание, а затем, после долгой паузы, невидимый голос, с сочувствием сказал:

— Ну, паренек... братишку твоего вчера убили... царство ему небесное. С подпрапорщиком вместе и похоронили.

Анатолий Маркос

(Продолжение следует)

На „Памяти Меркурия“

В каюте флагманского штурмана, на борту старого, доброго крейсера “Память Меркурия”, все блистало чистотой и порядком. Письменный стол, под иллюминатором, у стола, на шпигованном мате, стоял стул слева от стола, в полумраке виднелась полка, а на ней ящик с секстантом, и в чинном порядкѣ Лоция Черного и Азовского морей, мореходные таблицы и другие книги. В особом ящике, под полкой, — хронометры и четыредесятники. В отдраенный иллюминатор, морской бриз наполнял каюту бодрящим дыханием и чуть шевелил висящие на переборке дождевик и бинокль.

На баке отчетливо пробило шесть склянок.

— Ваше Благородие, на “Егории” сигнал — крейсерам сняться с якоря и итти по назначению, — послышался за дверью каюты, столь знакомый штурману голос сигнального боцманмата Воронцова, — никак не мог вас добудиться. Адмирал и командир уже на мостике, — продолжал он, — дозвольте взять карты?..

Размышлять было некогда. Одевшись, в одно мгновение, штурман очутился на мостике своего славного крейсера “Память Меркурия”, под сенью родного Георгиевского флага. На левом крыле стоит Начальник Бригады крейсеров, контр-адмирал Андрей Георгиевич Покровский, в своем неизменном, порыжевшем от непогод, пальто. Рядом с ним, горячо его в чем-то убеждающий, флагманский артиллерист М. Ю. Горденев и флаг-офицер А. П. Лукин, в щегольском бушлате и модной “нахимовской” фуражке. У машинного телеграфа — командир, кап. 1-го ранга Остроградский, рядом с ним старший офицер кап. 2-го ранга Андросов, а несколько поодаль — вахтенный начальник лейтенант Зубржицкий. Из окна штурманской рубки выглядывает розовое личико старшего штурмана старшего лейтенанта Ф. К. Виноградова.

— Что же это ты запаздываешь, деточка? — по обыкновению, зацепил своего начальника Федя, — сейчас даем ход...

Громкий голос старшего артиллериста “Сашеньки” Рыбалтовского, проверявшего связь с плутонгами и приборами управления огнем, перебил Виноградова. Поздоровавшись с адмиралом и командиром, флагманский штурман прошел в штурманскую рубку и, убедившись, что карты, лоции и прочее на местах, вышел на мостик. С наслаждением вдохнув в себя свежий морской воздух, он бросил взгляд на, знакомую еще с детства, панораму города и рейда, залитых лучами утреннего солнца и на корабль, с которым он так тесно сжился, и к которому так привязался. Ону видел, как на баке, боцман и команда, под наблюдением бакового офицера Роберта Вирена, заваливали “кат-балки” и убирали поручни, а на мостике — всех штабных и судовых сигнальщиков, рулевых, электриков и наблюдателей за подводными лодками, стоящих на постах или занятых разбором сигналов с флагманского корабля...

— Ваше Благородие, на “Евстафии” сигнал спущають, — слышится доклад сигнального боцманмата Долгова, вахтенному начальнику и “Ясно вижу — долой”, команда последнего.

— Отдавайте перлинь... Шары на малый. — командует старший офицер.

— Перлинь отдан, — доносится с бака звонкий голос Роби Вирена.

— Малый вперед, — слышно приказание командира, и ответные звонки машинного телеграфа. Корпус крейсера начинает слегка вздрагивать. Вот, бочка показалась на траверзе и тихо проносится назад.

— Бочка за кормой, — доносится с юта...

— Средний вперед, — приказывает командир, и чаще и сильней начинает вздрагивать корпус крейсера.

Быстро проносится Приморский бульвар, почти пустынный, в этот ранний час, колонна-памятник затопленным в Севастопольскую кампанию кораблям, Константиновская батарея, до сего времени, хранящая почетные следы англо-французских бомб, боны...

— Ваше Превосходительство, — докладывает адмиралу старший офицер, — крейсер "Кагул" вступает в кильватер, миноносцы "Дерзкий" и "Безпокойный" выходят из Южной бухты.

Адмирал оглянулся — в одном кабельтове за кормой "Меркурия", разрезая острым штевнем гладкую поверхность рейда, правя в кильватер, шел "Кагул". На мостике крейсера виднелась фигура командира флигель-адъютанта кап. I ранга Погуляева, старшего офицера, героя Чемульпо, Черниловского - Сокола, штурмана старшего лейтенанта Григоркова и других офицеров, а из Южной бухты, сверкая свежей окраской и сталью орудий, как бы "шутя и играя", лихо вынеслись оба миноносца. Послышались свистки, команда "смирно", и вот они уже далеко впереди.

На "Меркурии" и на "Кагуле" горнисты проиграли сигнал "отражение минной атаки" и, по этому сигналу, все шестидюймовки установились веером и грозно устремили свои жерла в назначенные сектора горизонта. Пройдены развалины древнего Херсонеса, видавшего под своими стенами дружины Князя Владимира и собор, место его крещения, остается позади и Херсонский маяк и, находящийся подле него, пост Службы Связи. Далеко, за кормою крейсеров, показываются высокие черные столбы дыма: это выходит из Севастополя Корабельная бригада. Пройдя Херсонесский маяк, крейсера легли на вест, в то время, еще, не пользовались каналом, протраливаемым по направлению на мыс Фиолент. Чудная погода радовала всех: весеннее солнце ласково грело и заливало ярким светом и море, и суда, и низменные, покрытые свежей зеленой травкой берега, и отдаленные мысы Фиолент и Айя. Далеко, далеко синел хребет Яйлы, над которым возвышался, казавшийся призрачным Чатыр-Даг — "Шатер-Гора".

Около девяти часов утра, маячивший впереди, "Безпокойный" просигнализировал боевым фонарем "вижу дымы на вест", и оба миноносца бросились вперед, в указанном направлении. Прибавив ход до полного, вслед за ними, пошли и оба крейсера. Вскоре, с мостика "Меркурия" усмотрели германский крейсер "Бреслау", в перестрелке с нашими миноносцами. Расстояние до "Бреслау" быстро уменьшалось, и когда дошло до 65 кабельтовых, "Бреслау" показал корму и стал уходить от крейсеров и наседающих на него миноносцев. В это же время он стал что-то сигнализировать "Меркурию" кормовым боевым фонарем.

— Хулиганит, — решили некоторые офицеры.

— А может он хочет сообщить что-нибудь интересное, — догадался Федя Виноградов.

Сообщение "Бреслау", переданное по международному коду, было принято, хотя ему и не отвечали, и переведено на русский язык. Германский крейсер сообщал, что утром он утопил частный русский пароход "Восточная Звезда"...

И, в самом деле, вскоре, по правому борту "Меркурия" были усмотрены какие-то обломки, разбитая шлюпка и поломанный спасательный круг, с уцелевшей надписью "....... Звезда".

Несмотря на самый полный ход, 22 узла, крейсера не могли догнать уходившего 28-узловым ходом противника, но продолжали гнаться за ним в расчете, что какой-нибудь слепой случай, вроде поломки в машине, или удачное попадание 4-х дюймового снаряда с миноносца, им поможет. Миноносцы же, пользуясь преимуществом в ходе и более дальнобойной, нежели на крейсерах, артиллерией, продолжали наседать на "Бреслау", и вели с ним оживленную перестрелку. Вскоре открылся второй дым, а еще через несколько минут, сам германский крейсерд-дредноут "Гебен", или, как турки называли его "Султан Явуз Селим", появился во всей своей мощи... Из обоих его труб валил густой черный дым, а под штевнем, почти до самой палубы, подымался белый бурун...

Сверкнуло пламя, буро-черный дым вырвался из дул носовых орудий и, ровно через 35 секунд, два громадных всплеска под носом "Меркурия" показали, что "Гебен" шутить не намерен... Теперь, уже, нашим крейсерам пришлось отходить на главные силы. Повернули и миноносцы, и, отстреливаясь от наседавшего на них "Бреслау", стали отходить к крейсерам. Через некоторое время, "Гебен" обстрел и преследование прекратил и лег на зюйд-вст. Вновь наши крейсера повернули, стараясь не упустить "Гебена" из вида, а миноносцы вновь погнались за "Бреслау", продолжая перестрелку.

Снова "Гебен" изменил курс, очевидно он желал отогнать чем-то мешавшие ему наши суда, снова несколько всплесков 11-дюймовых снарядов по носу и бортам крейсера, и снова нам пришлось отходить.

Между тем, Корабельная бригада, развивая свой "парадный" ход — 14 узлов, подходила к месту встречи и разворачивалась в боевой порядок. Корабли проходили мимо крейсеров в грозном молчании: за исключением нескольких сигнальщиков-дальномерщиков и наблюдателей за подводными лодками, ни одной живой души не было видно на палубах. Орудия подняты до предельного угла возвышения, на мостике головного "Евстафия" видна только фигура коман-

дира капитана I ранга Галанина и вахтенного флаг-офицера. С палуб кораблей каскадами сливалась, выбрасываемая пожарными помпами, вода. Картина была захватывающая...

"Гебен" боя не принял и, дав нашим кораблям приблизиться на дистанцию 10-12 миль, уменьшив ход до 14 узлов, лег на Босфор. Наши корабли, оставаясь в боевом порядке, легли на параллельный с ним курс. В полдень, на флагманском корабле "Евстафий" был поднят сигнал — "Команда имеет время обедать". Только тогда — на палубах кораблей стало заметно некоторое оживление, да и то ненадолго.

И после полудня, расстояние до противника не менялось, так как "Гебен" шел тем же курсом и ходом, что и Корабельная бригада. "Бреслау" же вел себя, как озорной мальчишка — все время менял свое место, то держался у "Гебена" по носу, то по корме, то приближался к нашим кораблям, то уходил куда-то за горизонт. Однажды, он подошел так близко к нашим кораблям, что его пришлось отогнать залпом носовой башни "Евстафия". После этого, он, как бы, смирился, и стал степенно держаться за кормой "Гебена".

Убийственно медленно тянулось время. Положение создавалось странное: шла какая-то бесцельная игра. Одна сторона желает боя, но не может принудить к нему противника, который принять боя не желает.

Очевидно, Командующий Флотом решил использовать, имеющиеся в его распоряжении оба современных миноносца. Во всяком случае, около 4-х часов дня, на стеньгах и рее "Евстафия" был поднят сигнал: "Миноносцам "Дерзкий" и "Беспокойный", с наступлением темносты, следовать по назначению" и второй "Рандеву в квадрате М432 в 6 часов утра". Вскоре после 4-х часов дня, неприятельские крейсера увеличили ход и после захода солнца потонули в вечерней мгле. Вслед за ними, скрылись и, увеличившие ход, "Дерзкий" и "Безпокойный".

. . . .

Тихая и ясная пасхальная ночь окутала землю. В уснувшем море, как в зеркале, отражались мириады звезд. На берегу, в бесчисленных городах и селах, миллионы людей готовились встретить Великий день. Здесь же, на кораблях, в глубокой тьме, над водяной бездной, тысячи людей готовились к убийственной схватке.

Как пара хищников, как тигры, вышедшие на ночную добычу, два миноносца ринулись вслед за уходящим противником. Глухо гудели форсунки в кочегарках, посылая нефть в раскаленные топки котлов. На мостиках, командиры и офицеры, сигнальщики и наблюдатели, впились биноклями в темную даль. У минных аппаратов застыли минеры, готовые каждую секунду выпустить во вражеские корабли стальные сигары, несущие тысячи смертей. Не менее 34-х узлов развили миноносцы.

Около 10 часов вечера, слева, слегка освещенные восходящей луной, показались силуэты германских крейсеров. Бешено форсируя ход, наши миноносцы стали выходить на позицию, удобную для минного залпа. Уже германские суда находятся позади траверза миноносцев...

— Товсь... (готовьсь), — раздается полузаглушенная команда с мостиков обоих миноносцев...

Предательский лунный свет осветил бурун под носом и белый пенистый след за кормой миноносцев. Неприятельские корабли окутались огненным кольцом загрохотавших выстрелов, а "Бреслау" осветил миноносцы своими мощными прожекторами.

— Пли... — почти одновременно раздалась команда и десяток стальных сигар тяжело шлепнулись в воду. Неприятель, очевидно, заметив момент минного залпа, немедленно прекратил стрельбу, закрыл прожектора и, повернув влево от миноносцев, открыл дымовую завесу. Взрыва мин не последовало. Видимо они прошли вдоль бортов.

Несмотря на неудачную атаку и на попадания, одним из которых был ранен инженер-механик мичман Брикке, миноносцы, настойчиво, всю ночь разыскивали неприятеля, но — его и след простыл. Всю ночь, наша эскадра шла следом за неприятелем, в расчете на то, что в случае успеха минной атаки, неприятель потеряет преимущество в ходе, и даст нам возможность переведаться с ним на более равных основаниях. К сожалению, предательский лунный свет дал возможность германцам обнаружить миноносцы, к тому же германцы не могли не ожидать атаки и, конечно, к ней готовились.

Ровно в полночь, на всех судах эскадры, судовые священники, отслужив у себя в каютах краткую Заутреню, обошли палубы и батареи, благословляя людей и поздравляя всех со Светлым Христовым Воскресением. Но вот, обход закончен, и снова мертвая тишина царит на всех судах, снова сотни глаз впиваются в темный горизонт. Светло только в кочегарках, где у раскаленных топок котлов, творится сущий ад: полуголые кочегары, в одних рабочих штанах, и пропотелых до-нельзя тельниках, орудуют у топок, подбрасывая новые и новые порции угля, а в машинных отделениях, вахтенные механики следят за работой машин и вспомогательных механизмов. Но и оттуда ни один луч света не проникает наружу. Тихо и спокойно на мостике и только изредка слышится голос вахтенного начальника:

— Как на румбе? — и полузаглушенный ответ рулевого:

— На румбе 222.

И вахтенный начальник, и вся смена сигнальщиков, не отрываясь, зорко взглядываются в горизонт, время от времени на мостике появляются адмирал и командир, вахтенный же чин штаба, если он не занят расшифровкой радио-телеграммы, сверх того, имеет неусыпное наблюдение за идущими судами эскадры.

Освещенные, лунным светом, корабли кажутся какими-то призраками.

А. Черноморцев

Последний комендант Высокой Горы в Порт-Артуре

22-23 ноября 1904 года

Тайфун еще бесился, на дворе мело, в дымовых трубах гудело и выло и сквозь щели окон и дверей врывался леденящий ветер.

Короткий день догорал... что может быть лучше, когда, в этот сезон, начинает вечереть во Владивостоке?

Сидишь в полутьме теплого уголка, у себя на берегу дома. — вестовой Никита, уже несколько раз "выставлялся" за попытки зажечь лампы.

В. П. и я сидели молча, погрузившись в свои думы. Вдруг, нечаянно, у В. П. вырвалось...

— А помнишь ли ты нашего однокашника Мишу Лосева? (Михаил Николаевич Лосев происходил из флотской семьи, и, по окончании 2-го Кадетского Корпуса, после конкурсных экзаменов, поступил в Техническое училище Морского Ведомства, переименованное впоследствии в Морское Инженерное Училище Императора Николая I. Учился он посредственно и был отставлен от производства на 6 месяюев, т. е. не получил "диплома").

— Конечно, — ответил я ему, — он еще тогда не гнушался "очищенной отечественной" и покучивал умеренно, и если мне не изменяет память, то в начале октября мы были у Панкратова (ресторан в Артуре "Саратов"), и несмотря на жестокий "мордокол" японской артиллерии, изрядно "подняли пары". При чем Мишка рассказывал следующие свои авантюры по сухопутной разведке.

Дело в том, что поручик 16-го В. С. С., П. В. Яфимович, его приятель, как-то уговорил его пойти с ним на разведку по тылам японцев и "рискнуть своей шкурой" (как выражался Лосев)... сказано, сделано, но эти разведки так увлекали Лосева, что не проходило недели, чтобы он не пускался в эти сомнительные авантюры... и всегда успешно. От судьбы не уйдешь, часто говорил он...

В. П. закурил сигару и, после продолжительного молчания, продолжал.

После моей эпопеи, "Морской по пешему", на Высокой Горе, я отвел свою роту в Квантунский экипаж... дня два я спал, и, представь себе, меня вдруг потянуло неудержимо-бессознательно туда, где "АД", где сознательно, мне, в первый раз в жизни, пришлось убивать себе подобных и странно, несмотря на дальность расстояния (от Нового Города до Высокой Горы около 4-х километров), я предпринимал несколько раз этот путь.

22 ноября, утром, Гора уже сильно курилась от разрывных японских снарядов, попадавших в склоны и вершины. Подойти даже путями сообщений было уже очень и очень трудно. Казалось огонь артиллерии неприятеля достиг своего предела... ну, да ты сам знаешь, что это за "ад", мое сердце мучительно сжималось, зная и думая, что там у самых двух гробов находится Севастопольская рота и часть 26 В.С.С. полка..., в угаре событий, может быть, память мне изменяет, но я ясно помню, что в местах, где должны быть резервы (а их в то время уже не было), было несколько цынготных стрелков, ходивших за своими частями, передвигаясь зачастую на коленях и четверенках, я встретил морского врача Э. А.

— Жарко, сказал "Эдя", отобьемся ли этот раз? Все в руках Всевышнего...

То, что я сам помню, это, что под нажимом волны за волной повторных атак японцев, далеко превосходивших в силах, защитники там, наверху, были буквально раздавлены. 23 ноября еще утром был убит подполковник Бутусов (пограничной стражи), около 12 ч. капитан Иващенко, и после подполковник Покровский, оба, кажется, 26 В. С. С. полка. В разбитых, развороченных блиндажах, засели жалкие остатки стрелков героев и ничтожная горсточка "Севастопольцев".

В этот день был тяжело ранен командир Севастопольской роты. Лосев, находившийся там, сейчас же принял командование этой ротой и выбив, из занятых окопов, японцев, перешел в контр-атаку, но раненый осколком 11 дюймового снаряда, не мог вести роту дальше. Контр-атака захлебнулась и они отошли к блиндажам, защищая достоинство и честь России и Императорского Флота. Таким образом, последним комендантом "Высокой Горы" суждено было быть Лосеву.

Еще 23 ноября в 4 ч. 30 м. (16 ч. 30 м.) ему удалось случайно соединиться по телефону со штабом 26 В. С. С. полка находившимся в Новом Городе, куда он сообщал, что японцы непосредственно около блиндажа (в это время уже вершины были заняты неприятелем). Утомленные, изнуренные и голодные стрелки и матросы, отстреливались из блиндажа, под командой своего доблестного, тяжело раненого командира. К 6-ти часам вечера трагедия закончилась. Лосева, без памяти, выволокли из развалин блиндажа, занятого японцами.

Сердце защиты Высокой Горы остановилось... Гора пала — последний комендант в плену а ключ Артура в руках неприятеля, перед которым, как на ладони, он весь... весь рейд... и остатки флота.

За столь доблестное дело и проявленный героизм, Государь Император пожаловал поручику корпуса инженеров механиков флота, мундир 26-го Восточно-Сибирского Стрелкового Полка и Георгия 4-й степени, (ордена с мечами он заслужил еще до падения Порт-Артура).

— Да, — сказал В. П., — кто мог подумать, что мы имели счастье быть однокашниками героя.

Темнело... Никита зажег огни... на "огонек" подошли друзья-приятели и более легкие темы завладели нашими воспоминаниями.

В. Орлов-Диаборский.

„ПАЛЛАДА“

Первым кораблем в Российском Императорском флоте, носившим имя "ПАЛЛАДА", был парусный фрегат, командиром которого в начале 30-х годов прошлого столетия, был будущий Адмирал — Павел Степанович Нахимов. Этот корабль отличался образцовым порядком, который на нем царил. Входил он в состав Балтийского флота.

Второй "ПАЛЛАДОЙ" был, построенный в 40-х годах прошлого века, новый парусный фрегат, который в 1853 году, под командованием кап. 1 ранга Унковского, был послан в Японию, с целью установить более тесную связь и сношения с этой, тогда еще только начавшей европеизироваться, страной. Эта миссия была возложена на адмирала Путятина, который и завершил ее блестяще. На этот переход был послан пасажиром Иван Александрович Гончаров, который прекрасно и описал его в своем "Фрегате Паллада". Начавшаяся в 1854 году, Крымская война не позволила извлечь пользы из достигнутого соглашения, а "ПАЛЛАДА", застигнутая войной у восточных берегов Сибири, была затоплена в Императорской Гавани, в Татарском проливе, так как, благодаря своей большой осадке, не могла укрыться от преследования англичан в Николаевске на Амуре.

Третьей "ПАЛЛАДОЙ" был бронепалубный крейсер в 6800 тонн водоизмещения, построенный в Петербурге, в 1899 году и входивший в состав 1-й Тихоокеанской эскадры в Порт-Артуре. Во время атаки японских миноносцев на наш флот, за день до объявления войны, крейсер "ПАЛЛАДА" был подорван, вместе с "ЦЕСАРЕВИЧЕМ" и "РЕТВИЗАНОМ". По окончании ремонта, "ПАЛЛАДА" принимала участие во всех боях и, по занятии Порт-Артура, была затоплена. Японцам удалось поднять крейсер и он плавал в составе японского флота, под названием "ТСУГАРУ".

Наконец, четвертая "ПАЛЛАДА" — броненосный крейсер, в 7775 тонн водоизмещения, спущенный на воду 10 ноября 1906 года и построенный по чертежам старого крейсера "БАЯН", считавшегося перед японской войной, одним из лучших представителей своего класса. 28 сентября 1914 года, будучи, под командой кап. 1 р. Магнуса, в дозоре, у входа в Финский залив, он был атакован германской подводной лодкой "У 26". Взрыв мины пришелся под бомбовым погребом и, в несколько секунд, крейсер, со всем своим личным составом, взлетел на воздух. На нем погибло 594 человека. Единственное, что удалось спасти с "ПАЛЛАДЫ", был судовой образ Нерукотворного Спаса, всплывший, через несколько минут, на месте гибели.

Г. Усаров.

(Журнал "Часовой" 1937 г.).

Скифская быль

Из цикла "Русь"
(II — Рожаничи)

СКИФСКАЯ БЫЛЬ

Меж Хвалынью-морем и хребтом Уралья,
На восток и запад от Аяк-реки, —
Крыльями кавыльими разметались дали,
Степи да пустыни, травы да пески.
Мреют окоемы в маревах горячих,
Да вольется изредка в ветровейный зов
Топот ног сайгачьих, стрепетовы плачи,
Беркутиный клекот, либо квохот дроф.

И ничто не скажет, как в века былые, —
В человечьем гомоне и мычаньи стад, —
Здесь прошли, что тучи, орды кочевые,
На манящий чем-то солнечный закат.

Отгремели сечи... отшумели станы...
След путей с кострами скрыла целина...
И истлели витязи, спящие в курганах,
Чьи давно забыты даже имена.

I.

Здесь, — за пол тысячелетья до Рождения Христова,
Согдиан и кимерийцев разметав и истребив, —
Из неведомой прародины появился варвар новый,
Светловласый, светлокожий, светлоокий всадник скиф.

И по всем тогдашним странам поползли с Кавказа
слухи,
Что в снегах гиперборейских породила скифов мгла,
Что они не знают страха, что они к пощаде глухи,
Что вожди их — боги Ночи, и что скифам несть
числа
Что они, идя без строя, обнаженные по пояс,
В бой бросаются со смехом, словно в пляску на пиру,
Без щита и без доспехов, боевые песни воя,
Почитая за потеху смерти страшную игру.

На пороге Закавказья, —
Между Урмией и Ваном,
Встретил их с железным станом
Царь Ассурский Сиаксар.

Скифы с первого удара
Разгромили Сиаксара —
И в пределы Малой Азии
Хлынул их степной пожар.

Не спасли Баал с Астартой! (1)

---

(1) Наиболее чтимые малоазийские боги того времени.

Навсегда исчезнув с карты,
Пали Мидия, Урарту,
Тибарены и Ассур.

По разрушенным столицам
Пронеслись, подобны птицам,
Их степные кобылицы
В чепраках из волчьих шкур.

Мир шатался. Гибли царства.
Даже силу и коварство
Исполинского Айрани (2)
Одолел, играя, скиф.

И все больше, дальше, шире,
Разливался ужас в мире,
До Евфрата, Иордани,
И до врат священных Фив.

II.

Шум от множества войск и смятенье от Фив до Саиса по Нилу.
Все оружие, хлеб и ладьи, всех князей и подручных своих,
Мицраимлян, нубийцев, ливийцев, колесничьи и пешие силы,
Собирает поспешно к себе правнук Ра, фараон Псамметих.

Ибо скифы идут на Египет. Из Тира, Сидона и Газы,
По горячим пескам Палестины уже добрели беглецы
И приносят такие известья, и шепчут такие рассказы,
Что в защите Мемфисских богов усумняются сами жрецы.

Но премудрый совет им дают птицеглавые древние боги,
Коим гибель от орд нечестивых грозит неминуче самим.
Да смирится на вид Рат-эн-Ром. (3). Да поклонится варварам в ноги.
Да клянется великою данью для них обложить Мицраим.

Благо скифы глупее младенцев, и лжи распознать не умеют.
Пусть же тот, на кого из вернейших укажет Изида сама,
Присягнет им, что дань соберут, — а пока — увлечет на Халдею
Им открыв, сколь Халдея богата, но скрыв, что в Халдее — чума.

III.

Беспощадна, бесконечна Аравийская пустыня:
Это... нет... не Тибарены, не Урарту, не Ассур...
На походе, от безводья, сколько скифов здесь погинет,
Прежде, чем они увидят золотой Халдейский Ур?

Караванная дорога меж барханов чуть плетется...
Ни жилища... ни былинки... ни сайгачьего следа...
На пути редки привалы... возле них редки колодцы....
Да и в тех колодцах редких — реже редкого вода.

Без травы и водопоев гинут кони на бездольи...
Разъедает потом с пылью язвы ног и струпья ран...
Наливает череп болью, заливает очи солью,
Разлитой по сухополью знойный солнечный дурман.

Небо, — словно и не небо, — от жарыни еле сине
И не желты, а белёсы раскаленные пески...
Только коршуны кругами опускаются к пустыне,
Да над падалью дерутся, объедая костяки.

Но идут упорно скифы, хоть итти давно постыло...
Хоть давно поход тот проклял изможденный ратный люд,
Но не скифам же сдаваться?.. и хоть тают... тают силы...
Все равно, они дотерпят... все равно они дойдут...

Отольются горько Уру
Все их муки и обиды...
Чай идут они не сдуру,
Доведет же, наконец,

Их в Халдею эта шкура!...
Эта баба!.. Это пугало!..
Безбородый, желтосмуглый,
Оскопленный в честь Изиды,
Бритолобый тощий жрец.

И. М.

(Продолжение следует)

---

(2) Иран — Персия.
(3) "Человек совершенный" — один из титулов фараона.

ДРОВОСЕК

— Ваше Благородие!

— Да....

— Ваше Благородие! — тщетно взывал денщик подпоручика Козельского, наклоняясь к изголовью постели спящего.

Наконец, после длительных взываний, и осторожных потрогиваний, усилия Фоменки увенчались успехом — подпоручик присел на кровати.

— Который час?

— Так что половина седьмого, Ваше Благородие.

Подпоручик Козельский вскочил, накинул халат, сунул ноги в туфли, и отправился умываться. Умывание и обтирание холодной водой, освежили его. Мысли прояснились; сон отлетел окончательно. Козельский взглянул в окно, — стекла наполовину замерзли и были покрыты затейливыми узорами. Стоял погожий, зимний день: солнечно и морозно. Из трубы дома напротив, шел дым, подымаясь извилистой грязно-серой струей, местами окрашенной в розовый цвет лучами восходящего солнца.

Через полчаса Козельский, выбритый, вымытый и причесанный, расположился завтракать. В комнате аппетитно пахло свеже-заваренным кофе и горячим хлебом. На столе лежал приказ по бригаде. Быстро пробежав, отдававшие литографской краской листы, Козельский убедился, что в них не содержалось решительно ничего плохого — ни дежурства, ни ненавистного наряда в местный госпиталь, ни, вообще, каких-либо неприятностей.

На душе у Козельского было светло и спокойно. Все шло отлично, как нельзя лучше. Он с наслаждением закурил папиросу. Глядя на синеватый табачный дым, клубившийся в косых лучах солнца, Козельский улыбнулся, вспомнив, как недавно он предложил папироску жене пехотного подполковника Нестерова, страстной курильщице, забывшей дома свой портигар. Нестерова, пожилая дама, взяла у Козельского папиросу, сказав со вздохом:

— Что-ж, попробуем обер-офицерскую.

Видимо, обер-офицерская папироса пришлась по вкусу старой штаб-офицерше, так как, затянувшись, она деловито справилась, какой табак курит Козельский? Козельский отвечал, что это табак братьев Коген, выше средний, ценой в 1 рубль 20 коп. четверть фунта. Нестерова, в ужасе, всплеснула руками:

— Да, что вы, батенька! Не по чину табак курите. Я вот, жена штаб-офицера, а никогда не курю табак дороже, чем 18 копеек четверть.

Спокойный и жизнерадостный, подпоручик надел шашку, пальто и вышел в длинный коридор. Пройдя мимо кухни, где помещался его денщик, он погладил серого кота Ваську. Васька выгнул спину и приветливо замурлыкал. Козельский вышел на крыльцо. Воздух был чистый и морозный. Узкая дорожка вилась через луг и выводила к набережной реки. На лугу лежал толстый слой снега, ярко блиставшего на солнце. Бодрым шагом Козельский взошел на мост и взглянул на реку. Река была покрыта льдом и снегом, белым по середине и грязноватым у берегов. Встречные солдаты отдавали честь и Козельский отвечал им с той тщательной щеголеватостью, которая была им усвоена еще в училище.

На дворе казармы люди делали гимнастику. Никого из офицеров еще не было. Старый сверхсрочно-служащий подпрапорщик Малько, взяв под козырек слегка дрожащей рукой, сиплым голосом скомандовал "Смирно!". Козельский звонко поздоровался. Ответ был бодрый, веселый и согласный. Занятия пошли своим чередом. Глядя на взводного фейерверкера Заводько, подпоручик Козельский вспомнил, как Заводько еще не так давно объяснял бестолковому канониру Шарафудинову:

"Гымнастыка служить нам для развытыя хвзыческих костей... Поутори, дурень".

Заводько отличный ездок, ловкий гимнаст и прекрасный строевик, ненавидел неуклюжих, неповоротливых увальней, не поддававшихся строевой выправке. Зачастую приходилось усмирять его рвение и вводить его в законные рамки. Ревностный служака, Заводько не мог понять, почему, например, нельзя заставлять в виде наказания ходить "гусиным шагом" или целый час кричать в отворенную дверцу печки "Я дурак". Заводько любил блеснуть своим "образованием", огорошив "беспонятную деревенщину" страшными словами: "Ось канала", "угол возвышения", "шенкель" и т. п. Однажды, объясняя устройство уровня, он пояснял: "Так что здэсь атмосферыческая ртуть свое двыжение имеет".

К полудню строевые занятия были окончены. В этот час большинство офицеров сходилось в собрание обедать. Заходили и "женатики" выпить рюмку водки и закусить; некоторые из них засиживались, и опаздывали домой к обеду, к великому негодованию домашних.

В собрании Козельский нашел почти всех в сборе.

Когда он вошел в столовую, адъютант поручик Иконников, подтянутый шатен, немного манерничавший и щуривший серые глаза, что-то оживленно рассказывал. Речь шла о том, как командир приказал вызвать "по делам службы" старшего капитана Акима Феодоровича Черняка, которого местные полицейские власти обвиняли в порубке деревьев, насаженных гимназистами местной гимназии, во время праздника древонасаждения.

— Получает наш Аким записку: — явиться по делам службы; форма одежды обыкновенная, — рассказывал поручик Иконников, улыбаясь и слегка щуря глаза. — Ну, думает наш Аким — не иначе, как производство в подполковники. Довольный одевается и летит в Управление. Входит... И что же. С места в карьер генерал огорашивает его словами: "Так то вы оправдываете мою аттестацию... И пошел... Да я вас. Да вы у меня..." Гром и молния. Да вы ведь знаете нашего командира, как вспылит, — не уймешь. А наш-то Аким стоит "руки по швам" и решительно не знает, в чем дело. — "Дровосеков не потерплю-с", гремит командир, а у Акима душа не на месте, стоит, а сам все думает: да за что же?

В конце концов, дело выясняется и Аким клянется, что никаких насаждений он никогда не рубил. А к переписке-то приложен рапорт полицеймейстера и там полностью значится:

"Н-ой артиллерийской бригады капитан Черняк, в сопровождении еще нескольких офицеров, фамилии коих остались не обнаруженными, такого-то числа, месяца, года, около 4-х часов утра, находясь в не полном сознании" (губернатор, знаете, сам генерал и постоянно повторяет, что "офицер не может быть пьян, а только более или менее нездоров", — отсюда и форма "в неполном сознании"), ну и так далее...

Адъютант остановился и, Козельскому показалось, что он как-то особенно лукаво и многозначительно взглянул в его сторону.

Бодрое и веселое настроение покинуло Козельского, на душе заскребли кошки. И так эта глупая история выплыла наружу. А он то был уверен, что она канула в вечность бесследно.

Ему живо вспомнился шумный, веселый ужин в ресторане гостиницы "Виктория". Общий зал с эст-

радей, где в тот вечер выступал заезжий женский хор, затем отдельный кабинет, сероглазая, со вздернутым носиком, хористка Таня, традиционная поездка на вокзал — пить кофе. Затем в его памяти был провал, а дальше случайно припоминалось, как он лихо "с оттяжкой", рубил какие-то молодые стволы. Помнилось, что к нему подошел городовой и, взял под козырек, косясь на его погон, полузакрытый капюшоном плаща, спросил:

— Ваше Высокоблагородие, разрешите узнать вашу фамилию.

Помнилось и то, как он, Козельский, шалости ради, не придавая значения своим словам, назвался капитаном Черняком, именно из озорства называя фамилию отличнейшего и смирнейшего офицера. Когда это было? Сколько уже времени прошло... И теперь... Этакая история. Козельский, потерявший вдруг аппетит, уныло дожевал поданный ему "бифштекс по гамбургски". Быстро проглотив незатейливое собранское "третье", он встал и вышел из собрания. На послеобеденных занятиях он был, против обыкновения, молчалив и рассеян. Время тянулось нудно.

В мозгу возникла масса решений. То Козельский решался застрелиться, и ему представлялось, как он лежит в гробу, желто-бледный, с дырочкой в виске от револьверной пули, у гроба рыдают его мать и отец, плачут сестра и братья. Вот его хоронят, выносят гроб, льются торжественно - печальные звуки "Коль Славен". Офицеры мрачны, а командир, поглаживая себе усы, говорит: "Жаль, жаль, хороший был офицер". Поздно, думает Козельский. Да, мертвые срама не имут.

То ему представляется, что он выходит в запас и поступает студентом в Путейку или Горный, как это сделал подпоручик Ткачев. Козельский видит себя в студенческой форме и ему делается грустно до слез: Ему до боли жаль и золотых погон и шашки на золотой портупее, и шпор "с малиновым звоном", и своего коня "Ганнибала", и строя, и всего того военного уклада жизни, к которому он так привык, с которым так сроднился. Нет! Добровольно Козельский в запас не уйдет. "Терпеть я штатских не могу и называю их шпаками", припоминается ему куплет юнкерской песенки.

Однако, надо было принимать решение — действовать. Унылый вид, обыкновенно жизнерадостного, подпоручика, обратил на себя внимание подполковника Денисова, и он спросил у молодого офицера — здоров ли он и все-ли у него благополучно.

— А то, знаете, бывает, — добавил подполковник. — Сам был молод. Был здрув... — и Денисов лукаво улыбнулся.

Вечер Козельский просидел дома. Пробовал читать — не читалось. Он то вставал, то снова валился на оттоманку. Часов около восьми зашел подпоручик Мертваго, приглашавший поехать с ним в цирк. Козельский отказался, сказав, что он проведет вечер дома. Это было до того необычно, что Мертваго сейчас же предложил ссудить его "монетой". Козельский отказался и поблагодарил. Часов около десяти, закусив кое-как, принесенным Фоменкой из собрания полухолодным ужином, Козельский лег спать. Он долго ворочался с бока на бок, прочел все положенные молитвы, подумал и прибавил еще 90-й псалом. Часов около 12-ти он заснул тяжелым сном. Ночь он провел беспокойно. Обычно Козельский почти никогда не видел снов, а тут, почему-то, ему снилось, то, что он падает стремглав с какой-то колокольни наблюдательного пункта, то будто он рубит лозу, наносит удар и видит, что вместо лозы стоит младший фейерверкер Крохалев, то, вдруг, появляется командир бригады, верхом на своей "Василисе", и указывая на него шашкой, кричит: "Под суд! Под суд!"

Утром Козельский встал разбитый, с болью в висках, но за ночь решение созрело само собой.

По окончании утренних занятий, Козельский отправился в Управление и, подойдя к адъютанту, заявил, что "древонасаждение рубил он, подпоручик Козельский, а капитан Черняк тут не при чем". Адъютант удивился и спросил, почему же жаловались на капитана Черняка. Козельский разъяснил. Поручик Иконников расхохотался и, видя волнение Козельского, потрепал его по плечу, сказав.

— Да ты, брат, не унывай, авось, выкрутим. Командир сегодня в отличном настроении духа, — и с тем отправился с докладом к командиру.

Командир, высокий, немного грузный генерал, с сильно поседевшими большими усами, с утра был в хорошем настроении.

В одной из батарей он смотрел занятия при орудиях, нашел все в порядке; в другой — зашел на конюшню, — лошади были в теле, дежурный по конюшне подлетел "соколом" и рапортовал молодцом: пошел на кухню — пища была великолепная, паек достигал 23-х золотников, каша упрела, щи были наваристы, в меру посолены, и поперчены.

"Славная бригада, отличная бригада", — думал про себя генерал Ляпунов, вернувшись в Управление. Найдя у себя на столе целую груду бумаг, генерал обратился к адъютанту с обычной шуткой:

— Что же это? Нам пишут или мы пишем? — что уже несомненно указывало на самое отличное расположение духа.

Поручик Иконников, исподволь, осторожно и дипломатически, навел разговор на капитана Черняка.

— А, "дровосек", — протянул командир и сдержанная улыбка заиграла под его пушистыми усами.

— Ваше Превосходительство, — продолжал поручик Иконников, — а, ведь, капитан Черняк, действительно, оказывается здесь не при чем

— А вы почему знаете? — спросил генерал.

— Да, вот, пришел подпоручик Козельский... Он доложит... — осторожно заметил адъютант.

Командир приказал позвать подпоручика Козельского.

Подпоручик вошел. Он был смущен и сосредоточен. Генерал встал и, в ответ на приветствие, протянул ему руку.

— Ваше Превосходительство, — взволнованно заговорил Козельский: — разрешите доложить. — Де-

ревья рубил я, а не капитан Черняк, — и Козельский, смущаясь, и часто повторяясь, изложил командиру всю историю.

Генерал смотрел в упор на волнующегося "фендрика". Он то хмурил брови, то покусывал ус. Козельский закончил повествование и замолк.

Командир жесточайшим образом "в пух и прах" разнес Козельского и тут же вынес Соломоново решение: — подпоручик Козельский принесет извинение капитану Черняку, отправится на семь суток под арест на гарнизонную гауптвахту за появление в публичном месте в ненадлежащем виде, и за обнажение холодного оружия, и еще семь суток за то, что, хотя и без злого умысла, позволил себе назваться чужим именем. Уладить дело с директором гимназии брался сам командир, предложив насадить новые деревья вместо попорченных.

— А теперь можете итти, но помните — в другой раз ответите по всей строгости законов.

Утром следующего дня, подпоручик Козельский, вручив шашку адъютанту, был водворен на гауптвахту.

Уныло потекли дни "на губе". Было стыдно перед нижними чинами, несшими караул. Хорошо еще, что караул был пехотный. Фоменко ежедневно носил Козельскому обеды и ужины из собрания, и служил живой связью с внешним миром. Изредка, перед закрытыми решеткой окнами гауптвахты, появлялся подпоручик Мертваго и делал приветственные знаки. Иногда ветер доносил с катка звуки духового оркестра.

Как-то, к концу первой недели со дня "ввержения в преисподнюю", Фоменко принес вместе с ужином узкий розовый конверт, от которого нежно пахло модными духами.

"Милый дровосек", — начиналось письмо, написанное полудетским наклонным почерком Лялечки Палленгрен, — "пропало наше веселое катанье на коньках и бег на лыжах. А все ваш дурной характер. Папа мне все рассказал. Как же вам не жаль молодых деревьев. Стыдно, стыдно. Надеюсь, что вас выпустят к нашему балу. Говорят, командир решил выпустить вас раньше срока. Пока посылаю вам, в утешение, ваши любимые сливочные тянучки. Ваша Ляля П.".

Это письмо, и в особенности подпись: "Ваша Ляля П.", окончательно вернули подпоручику всю его жизнерадостность. Он справился о коте Ваське, потрепал для чего-то Фоменку по плечу и, на радостях, дал ему рубль.

Вечер прошел необычайно весело. Ели тянучки, пили бесконечный чай с вареньем и пончиками, присланными другому узнику, отбывавшему заключение за "вступление в брак без разрешения", слушали рассказы неистощимого анекдотиста и рассказчика штабс-капитана Сокольского, севшего "в бест", за то, что был одет не по форме, а также за "резкий" ответ комендантскому штаб-офицеру.

Поздно вечером, умащиваясь на, принесенной Фоменкой, постели, подпоручик Козельский думал о том, что все же хорошо он сделал, что не вышел в запас и не застрелился. Впереди столько радостных и веселых дней, и бал в женской гимназии, где он будет танцовать с прелестной, такой милочкой, Лялечкой Палленгрон.

Отбыв 12 суток, подпоручик Козельский был выпущен на волю.

Прозвище "Дровосек" осталось за ним навсегда.

А. К.

Газовая война

— Поручик З., возьмите свой взвод (два орудия), добавьте телефонистов и разведчиков, и отправляйтесь на участок против цели № 7. Сегодня ночью будет атака со стороны немцев, на углу, против Звыжина. Вам необходимо держать под огнем цели № 7.

Это было в 16 году, когда в легкости исполнения приказания своего командира батареи не было трудностей.

— Здорово братцы, второй взвод. Собирайтесь и через час выезжаем на новую позицию, около деревни Малила. Взять двойное количество зарядных ящиков со снарядами.

Вот мы едем полевой дорогой — всюду цветы, их очень много кругом, но где же хаты, пахотные поля — их нет, нет почти сельских хозяев, все они попрятались, кто в землянках, а кто живет в палатках, в лесах или под телегами. Подъехали к деревне М., от которой осталась одна единственная хата с черноокой Марусенькой, а кругом одни трубы, да обгорелые яблони и груши. В полуверсте от этой большой деревни была удобная ложбина, где я и приказал поставить взвод и рыть окопы для прислуги, с хорошими прикрытиями. Наблюдательный пункт выбрал в пехотных окопах, в версте впереди, и, долго не затягивая времени, пристрелялся к опушке леса, к углу реки, где должна быть переправа и еще к двум - трем целям вдоль немецких окопов. Время остается до атаки еще много и я отправляюсь к хате, где черноокая Марусенька помогает моему денщику Петру ставить самовар, убрать хату, и приносит даже цветы, которые ставит на окно. Но недолговечно счастье весны, часам к четырем вечера, когда я прохожу по двору, меня бросает под сарай разорвавшийся во дворе снаряд, и каким-то чудом, не сносит мне голову. Позже все же гармонь, вкусные вишни и предвкушение хорошей ночи, сглаживают дневной обстрел.

Но, вот и долгожданная ночь, телефон на окне молчит, и я преспокойно укладываюсь в теплую постель. Сны сменяются один другим, и во сне слышна канонада, которой не хочется верить, а хочется спать и спать. Наконец, тревожные гудки телефона заставляют проснуться меня, и на вопрос: "Что?" — от-

лечают. что немцы обстреливают газовыми снарядами щением говорит. что мою маску он забыл на батарее. мой взвод. деревню и эту полосу.

Входит мой славный. беленький Петр,. и со сму- Быстро одеваюсь и бегу на взвод. Но бег был довольно дикий. Два часа утра, белый туман между деревьев и разбитых хат, вспышки разрывающихся снарядов то тут, то там, отдельная ружейная перестрелка и ужасный, разъедающий запах едкого газа, который сразу же вызывает слезы и не дает возможности быстро двигаться.

Но вот дальше лощина, через которую надо перейти, чтобы попасть к орудиям, вот где тяжело дышать. Газы от снарядов успели осесть, и я чувствую, что еще немного шагов и силы мои больше не выдержат ужасных газов. Но вот последние усилия, и я на взводе, где мне сейчас же дают запасную маску. Проходит некоторое время и связь с наблюдательным пунктом прерывается, благодаря снарядам, разорвавшим провод. Посылаю двух телефонистов на починку провода, но через пятнадцать, двадцать минут они возвращаются еле живые, и я их отправляю в резерв. Наконец связь налажена, но не надолго, и повторяется таже история.

Газовые снаряды рвутся вокруг наших двух орудий, но мы не прекращаем довольно частого огня по углу у деревни Звыжин, где происходит главный прорыв. Наше счастье, что нас обстреливают только газовыми снарядами, от осколков которых почти нет поражений. Вот подводят к орудиям снаряды. Лошади в пене, и поднимаются на дыбы при звуках разрывов и от газов. Несколько запряжек, в шесть лошадей каждая, с дикими глазами лошадей, с их бросанием в стороны и на дыбы, солдаты, выбрасывающие на землю лотки со снарядами, клубы дыма и газа — картина довольно жуткая, но вместе с тем, красочно живописная. Идут минуты. часы, но газ окружает нас попрежнему. Иногда маленький ветерок возбуждает во всех нас надежду, что вот сейчас станет легче дышнОть, но все это только обман и мы продолжаем медленно умирать. Уже несколько человек я отправил в тыл, как более легко поддавшихся отравлению газами.

Я посылаю, одного за другим, разведчиков, влево назад, к нашей батарее, но ни один не возвращается, а время идет удивительно медленно, и хотелось бы куда-либо улететь от этого ужасного дыма. Уже двенадцать часов дня, час, два, около трех, из дыма выныривает на взмыленной лошади разведчик с батареи сзади и сообщает, что наша батарея, которая стояла сзади и левее нас, отошла на три версты еще назад, т. к. немцы прорвали фронт у Звыжина и лавиной двинулись на один из Сибирских полков и на 40-ю дивизию. Только счастливая случайность, что мой взвод остался немного сбоку от главного прорыва немцев. Около часу дня мне лично удалось дойти вместе с телефонистом, до наших пехотных окопов, как раз против наших орудий. Окопы жутко пусты, но перенеся взгляд на угол Звыжина, я увидел, как довольно нахально, целыми сомкнутыми частями, немецкая пехота переваливала окопы 40-й дивизии. Я немедленно перенес огонь своего взвода на эти, хорошо видимые, цели и произвел в течении двадцати минут довольно много неожиданных поражений и паники у немцев, которые никак уже не предполагали, что если нет слева от них пехоты, которую они травили не только газовыми снарядами, но и из баллонов, то все же еще может остаться живой артиллерия, не совсем задушенная газами.

Следующий разведчик с нашей батареи сообщил мне что, согласно распоряжению командира батареи, я могу присоединиться со своими двумя орудиями к батарее. Только после того, как мы отъехали около версты от злосчастного места стоянки моего взвода, я, когда почувствовали струю свежего воздуха, мы в полной мере проснулись от полуобморочного состояния, ужаса и полного отчаяния медленно приближающейся смерти. Только спустя некоторый промежуток времени, еще несколько солдат умерло от последствий отравления газами, а я, как оказалось был не серьезно задет действием этих газов. Каково же было удивление и радость всей батареи, когда мы, почти невредимыми, подъезжали со своими орудиями к остальным орудиям второй батареи 6-й Сиб. Стр. арт. бригады. Никому не верилось, что наш, выдвинутый на полторы-две версты взвод, на одном из самых ответственных участков останется живым и почти невредимым.

Очень возможно, что выдвинутые, мой взвод 2-й батареи и взвод 3-й батареи очень симпатичного, хорошего и боевого штабс-капитана Гржибовского, сыграли решающую роль для начальника штаба, заведывающего этой операцией у немцев, куда направить удар главных сил пехоты против одной или другой стороны Звыжинского угла, после солидной подготовки газами. Как видно, начальник штаба предпочел двинуть свои силы против стороны, за которой стояла 40-я дивизия, а не 6-я Сибирская Стрелковая. Довольно долго мы еще стояли в этих краях, но я, слава Богу, больше не видел этой лощины моего взвода, а быть может старался не замечать, поднимая глаза на более дальние горизонты, на синее небо и белые облачка. Уже когда я был во Владивостоке, то я слышал, что штабс-капитан Гржибовский умер в Хабаровске, в 21 году, от последствий отравления газами.

М. А. Зайцев

Из Изюмской старины

Не трудно составить жизнеописания тех, чьи имена попали на скрижали истории; неизмеримо труднее обстоит дело с жизнеописанием лиц, имена коих не вписаны в эти скрижали; сведения о них, зачастую случайны, отрывочны, не блещут полностью данных; вот почему искатель этих сведений, любовно относящийся к своему делу, великою радостью радуется каждому новому штриху, на который он нападает, и который, последовательно, по прошествии немалого времени, и при затрате многих усилий, приблизит его, наконец, к столь чаемой возможности составления хоть краткой исторической поминки о том, кто, в служении своему Отечеству, доблестно соревнуя славе своего полка, заслужил того, чтобы остаться в памяти потомства.

Две, предлагаемые ниже, исторические поминки, составленные по данным Исторического Архива *Дороховского Очага,* и имеют целью запечатлеть память о двух славных командирах Изюмских гусар.

I.

ПОЛКОВНИК А. И. КУПФЕР

Родоначальником балтийской фамилии Купфер (саксонского происхождения), был, родившийся в 1656 году, Христофор-Адам Купфер, кантор и секретарь Городской Управы в г. Гольдингене (Курляндия), женатый на Маргарите-Елисавете Дидерих.

Правнук его, отец будущего командира Изюмских гусар, Иоган-Андрей Купфер (род. 1746. ум. 1825), судья в Митаве, был женат на Л. А. Герман. В 1795 году, германским императором Францем II, он, вместе с братом своим Георгом-Фридрихом, возвед и был в потомственное дворянство и принял фамилию фон Эрцдорф-Купфер. Он имел несколько сыновей.

Александр-Фридрих Иванович Купфер, будущий Изюмец, родился в 1785 году. К сожалению, данных о первых шагах его военной службы не имеется.

Участник кампаний 1812, 1813 и 1814 г.г. А. И. Купфер, в декабре 1814 года, в бытность его майором Елисаветградского гусарского полка, пожалован был прусским орденом.

10-го апреля 1820 года, будучи подполковником этого полка, А. И. Купфер тем же чином переведен был Лейб-Гвардии в Гусарский полк и 1-го января 1822 года произведен в полковники; 2-го января следующего, 1823 года, он назначен был командиром Изюмского Гусарского полка, на место полковника барона Унгерн-Штернберга, переведенного в Александрийский Гусарский полк; 10-го октября, в том же году, переведен был в Изюмский Гусарский полк, из Клястицкого (бывш. Гродненского) Гусарского полка, брат Александра Ивановича, ротмистр Эдуард Иванович Купфер.

Полковник Купфер неоднократно удостаивался Высочайших благоволений за блестящее состояние полка. Так было, например, в конце августа и начале сентября 1824 года, под Пензою, при производстве Императором Александром I смотра войскам и присутствии на маневрах 2-го пехотного корпуса, в который, в составе 2-й Гусарской дивизии, входил и Изюмский Гусарский полк; так было и в мае 1827 года, под Вязьмою, после произведенного Императором Николаем I смотра войскам того же корпуса и присутствия Государя на маневрах его и учени 2-й Гусарской дивизии.

В командование полковника Купфера, Изюмский полк принял славное участие в войне с турками 1828-1829 г.г., особенно отличившись под Силистрией и Кулевчей.

В его-же командование, Изюмский Гусарский полк, с 4-го февраля 1826 года, получил наименование Гусарского Эрц-Герцога Фердинанда полка.

Полковник Купфер не бросал своего полка в дело "на авось". Павлоградский гусар гр. М. Д. Бутурлин, в своих "Записках", вспоминая о полковнике Дрювиле, "старом Наполеоновском воине", принятом на русскую службу полковничьим чином, и состоявшем при корпусном штабе, пишет: "Под Силистрией он вздумал было сделать какую-то сумбурную демонстрацию или атаку на передовые турецкие посты или шанцы с целым Фердинандовым полком; но командир оного, полковник Купфер, заявил ему наотрез, что не даст своего полка для этой экспедиции, и имел, вероятно, право на то, потому что не слышно было, чтобы Купфер подпал под ответ, за непослушание. Отмечу кстати, — продолжает Бутурлин, — что жена Купфера, переодетая мужчиною (так как женщин не допускалось в действующей армии), гостила у мужа своего в палатке и новою Амазонкою участвовала верхом в преследовании Фердинандовым полком турок, сделавших вылазку из крепости".

Эта "новая Амазонка", жена А. И. Купфера, Екатерина Сергеевна, урожд. Слепцова, дочь Сергея Львовича и Марии Феодоровны Слепцовых.

А. И. Купфер был кавалером орденов: Св. Анны 2-й степени, с алмазами (1826), Св. Владимира 3-й степени (7 июня 1827) и, за выслугу беспорочно от вступления в Обер-офицерский чин 25-ти лет — Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-го класса (22 декабря 1827 года).

Эта последняя дата позволяет установить, что производство А. И. Купфера в первый офицерский чин, состоялась в конце 1802 г.

Свирепствовавшие, в Турецкую войну, в армии эпидемии, унесли немало жизней. В 1829 году, под Адрианополем, скончался полковник А. И. Купфер и брат его, майор Эдуард Иванович.

II.

ГЕНЕРАЛ-ОТ-КАВАЛЕРИИ С. И. САННИКОВ

Сергей Иванович Санников, сын Ивана Андреевича Санникова, состоя на службе в 1-м Конно-Пионерском дивизионе, 17-го октября 1862 года, в чине ротмистра, переведен был в Клястицкий Гусарский Его Велико-го-Герцогского Высочества, принца Людовига Гессенского полк, и вскоре назначен был адъютантом к Командующему Войсками Киевского Военного Округа. 29-го января 1866 года, ротмистр Санников произведен был в майоры, с отчислением по Армейской Кавалерии и с оставлением в той же должности Адъютанта, на которой пробыл до 27-го июля 1875 года, когда, в чине полковника, назначен был командиром 11-го Гусарского Изюмского Его Императорского-Королевского Высочества Наследного Принца Германского и Прусского полка.

В его командование Изюмцы приняли славное участие в Русско-Турецкой войне 1877—1878 г.г. и удостоились двух боевых наград: Высочайшим приказом, 17 апреля 1878 года, Изюмцам пожалованы были следующие боевые награды: 1) Знаки отличия на головные уборы, с прибавлением к имеющейся надписи — новой об отличиях, оказанных в 1877 и 1878 годах: "За отличие в 1812, 1813 и 1814 годах и в Турецкую войну 1877 и 1878 года". 2) Штаб и Обер-офицерам полка пожалованы на венгерки снуры Гвардейского образца. 7 июня того же года (1878), последовало Высочайшее повеление: "Для Армейских Гусарских полков считать высшей наградой, после Георгиевского Штандарта, серебряных труб и знаков отличия на головные уборы, — гвардейские снуры на венгерки штаб- и обер-офицерам, по образцу присвоенных второму Лейб-Гусарскому Павлоградскому Его Величества полку".

19 ноября 1878 года, "За боевую службу и охранение осадных батарей и левого берега Дуная", полковнику Санникову пожалован был орден Св. Анны 2-й степени с мечами, а 1-го января 1880 года, "в награду отличного мужества и храбрости, оказанных в разновременных делах с турками, во время минувшей войны", — орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

27 января 1883 года, за отличие по службе, командир Изюмцев произведен был в генерал-майоры, с назначением Командиром 1-й бригады 7-й Кавалерийской дивизии, а 2-го июня того же года (на основании приказа по Воен. Вед. 1861 года за № 255), зачислен в списки 33-го Драгунского Изюмского Е. И. К. В. Насл. Принца Герм. и Прусского полка, с оставлением в должности.

30 августа 1887 года ген.-майору Санникову пожалован орден Св. Равноапостольного Князя Владимира 3-й степени, а 14 ноября следующего 1888 года, он назначен был командиром 2-й бригады 10-й Кавалерийской дивизии, с оставлением по Арм. Кавалерии. 30-го августа 1891 года пожалован был ему орден Св. Станислава 1-й степени.

В 1895 году Изюмцы снова увидели своего старого Командира, так как 17-го февраля этого года ген.-майор Санников назначен был Командующим 11-й Кавалерийской дивизией, а 6-го декабря того же года, за отличие по службе, произведен был в Генерал-Лейтенанты, с утверждением в должности Начальника дивизии и с оставлением по Арм. Кавалерии.

6-го декабря 1898 года ген.-лейт. Санникову пожалован был орден Св. Анны 1-й степени, а 22-го августа следующего 1899 года, он награжден знаком отличия беспорочной службы "за 40 лет". —

25-го октября 1901 года (на основании Высочайшеу твержденных 3-го июля 1899 года, временных правил), престарелый Генерал-Лейтенант Санников уволен был от службы, с производством в Генералы-от-Кавалерии, с мундиром и пенсией.

Находясь в отставке, С. И. продолжал носить форму 33-го Драгунского Изюмского полка, когда же, в 1907 году, полк. переименован был (6-го декабря) по прежнему в 11-й Гусарский, — старый командир его подал на Высочайшее Имя прошение, в коем ходатайствовал, во внимание к получению Изюмцами боевых наград в Русско-Турецкую войну, во время его командования полком, о даровании ему права носить форму Изюмского Гусарского полка, на что последовало вскоре Высочайшее соизволение.

Генерал-от-Кавалерии С. И. Санников скончался в 1921 году.

А. Балашев

ХАБАРОВЦЫ

"СОККА"

"Сокка", так звали маленького стройного синеглазого кадетика. Отец его был Войсковым старшиной Забайкальского казачьего войска.

В кадетских корпусах, по какой-то странной, не писанной традиции, очень часто товарищеские прозвища, остававшиеся потом на все время пребывания в корпусе, прилипали по какому-нибудь случайному поводу. Нечаянно оброненное слово или какой-нибудь жест, и прозвище, совершенно незлобивое, было готово.

Сказал кадет после усталого дня учебы: "пуф", и прозвище было на всю жизнь. Сказал кадет во время игры в лапту, что он вспотел, как портянка и прозвали "портянкой". Так же и к маленькому голубоглазому кадетику Косте Черемисову приклеилось прозвище: "Сокка".

Как известно, в кадетском возрасте аппетит у кадет волчий, а рацион не очень-то обильный. Поэтому кадеты, во время завтрака или обеда, всегда старались получить прибавку к, уже проглоченной, порции.

Иногда "дядьки", разносившие обед, приносили ввиде прибавки только оставшийся от второго блюда

соус. Вот этого соуса однажды и попросил Костя Черемисов у раздатчика:

— Мне сок-ку. Сок-ку!

И прозвище прилипло. Костя стал "Сок-ком".

Костя рос и учился, живя в корпусе. Родители его находились где-то в далеком Забайкалье, куда Костя ездил только на каникулы.

Учился Костя хорошо, т. е. вполне хорошо, чтобы окончить прилично корпус. Потом вышел почему-то не в Кавалерийское училище, и не в казачье, а в пехотное Павловское.

Но по окончании взял вакансию в Уссурийский казачий полк, тогда еще бывший дивизоном.

По характеру, Костя был очень приятным товарищем, ни с кем никогда не дрался, не ругался, и не ссорился. Но и только. Зато ни с кем особенно не дружил.

Таким же он приятным остался и будучи офицером. Ни с кем не дружил, не сближался и не ухаживал за барышнями. Был привязан к одной пожилой паре, и с ними, как с родными, проводил время, играя в преферанс. Семья эта была преподавателями в кадетском корпусе, который Костя окончил, и потом и он перебрался в него на должность воспитателя.

Странно было видеть стройного молодого интересного офицера, подтянутого и тонкого, как девушка, в темно-зеленом казачьем чекмене, среди восьмилетних малышей и обрюзгших воспитателей. Маленькие кадетики, на прогулке возле здания корпуса, тормошили своего Костю, шалили с ним.

Два года Костя пробыл прикомандированным к корпусу, но неожиданно, перед самой войной 1914—18 г.г. оставил корпус и вернулся в полк на должность полкового адъютанта. И здесь, на такой щекотливой должности, Костя оставался тем же приятным офицером-товарищем, вполне подходившим к должности полкового адъютанта. На этой должности он и вышел на войну в чине подъесаула.

Когда в 1915 году, под Молодечно, какая-то сумасшедшая немецкая конная бригада, прорвала фронт и начала дебоширить в тылу наших войск, на долю Уссурийской конной дивизии выпала задача разыскать эту бригаду и принять меры к ее ликвидации.

Для выяснения положения бригады, были высланы несколько специальных разъездов. Начальником одного из разъездов был назначен Подъесаул Черемисинов. Младшим его офицером попал, прибывший уже после мобилизации, в полк, молодой хорунжий Донской. Проблуждав в поисках немецкой бригады долгое время, разъезд возвращался к дивизии. И вот, выезжая на опушку леса, он натыкается вплотную на всю немецкую бригаду, в развернутом строе.

Только небольшой интервал между полками был в середине бригады. Немцы опешили, и сразу не приняли никаких мер. У разъезда же было два выхода: повернуть и обратиться в бегство, совсем не позорное, ибо не всегда разъезду вменяется в обязанность вступать в бой даже с малым противником; или пойти на прорыв, т. е., на самоубийство. Второе решение и принял Костя Черемисинов.

Он быстро приказал, хорунжему Донскому встать позади разъезда, а сам скомандовал:

— За мной, в карьер, марш-марш и ринулся на своей, серой в яблоках, полукровке в прорыв между немецкими полками.

Опешившие немцы, уверенные, что за разъездом должны быть большие силы, и он является только приманкой, ждали появления этих сил.

Полукровка Кости стлалась над травой, неся на себе стройного офицера, с выхваченной шашкой над головой. За ним мчались с шашками "наголо" уссурийские казаки. Позади на казачьей лошади (прибыл в полк перед войной и не успел приобрести лошадь) хорунжий Донской.

Костя первым миновал немецкие ряды и стал дожидаться казаков. Когда он увидел, что все казаки благополучно миновали смерть и тянутся за ним, он остановился. Он не видел среди них хорунжего Донского.

В этот момент немецкая пуля уложила стоявшего неподвижно Костю. Немецкая бригада сомкнулась и никто не видел той драмы, какая происходила с отставшим Донским.

Немцы похоронили двух храбрых казачьих офицеров, поставили временные кресты и написали их фамилии, с объяснением их подвига.

Так погиб славный "Сок-ка", кадет Хабаровского Кадетского Корпуса, подъесаул Уссурийского казачьего полка, Черемисинов Константин Александрович, и с ним несчастный, оказавшийся изрубленным немецкими палашами, храбрый хорунжий Донской.

ЛЕНЬКА

"Ленькой" его звали лишь потому, что в одном полку их было трое. Отец и два сына. Ленька в отличие от "Сок-ки", был честолюбивым, неуживчивым и с карьеристическими наклонностями. Таков он был и в корпусе, таков в сотне Николаевского кавалерийского училища, которое окончил взводным портупей юнкером, таким он был и в полку. Учился он прекрасно. В полку из кожи лез, чтобы быть на первом месте. Нередко говаривал своим приятелям, проходя мимо ворца Командующего войсками округа, что он в этом дворце будет впоследствии жить.

Выдвижение Великим Князем Николаем Николаевичем армейских офицеров, отличившихся в русско-японскую войну на высокие посты, не давало ему, видимо, покоя.

С объявлением первой мировой войны "Ленька" подал прошение на Высочайшее Имя о прикомандировании его к действующей части, ввиду того, что полк не вышел на фронт сразу по мобилизации, а был задержан на несколько месяцев на стоянке. "Ленька" боялся, что война окончится быстро и без него. Но вот и полк вышел на войну. Во всех боях и стычках с неприятелем "Ленька", хоть и не проявлял особой храбрости там, где не представлялось

случая отличиться, но все-таки был смелым, дерзким воином. К 16-му году был уже молодым Войсковым Старшиной 28 лет. Награжден всеми боевыми орденами до Георгиевского оружия, включительно. Оставался Георгиевский крест, и вытекающие из него последствия.

Но конным частям не особенно охотно присуждались Георгиевские знаки отличия. Во-первых, для получения этой высокой офицерской награды нужны были свидетельские показания соседних воинских частей, видевших этот подвиг. Для этого нужно было находиться вблизи этих частей, а действия кавалерии очень часто бывали изолированы от свидетелей.

И вот "Ленька", видимо потеряв надежду получить Георгиевский крест в полку, пошел на риск. Это было как раз в то время, когда в пехоте был такой недостаток в старых офицерах, что была предоставлена возможность кавалерийским офицерам переходить временно в пехоту. "Ленька" и пошел на это.

Но ему не повезло. Будь у него под командой хороший боевой батальон, а не "петербургское беговое общество", как его называли, стоявшие вокруг полки, "Ленька", быть может, и уцелел, отличившись. И он отличился, но только лично. А для получения Георгиевского офицерского креста, этого было по статуту мало. Личный подвиг должен был быть связан с успехом дела.

Но "Ленька" все-таки повел в штыки своих "орлов". Это были новобранцы Н-ского пех. полка, набранные из петроградской шпаны с Обводного канала, т. е. прототипы тех, кто начал "знаменитую" февральскую революцию, сидя в казармах запасных полков в Петербурге.

При первом же пулеметном выстреле эти солдаты кидались обратно бежать, при чем некоторые накидывали на спину фалды своих шинелей, в надежде укрыться от неприятельских пуль и шрапнели.

Но "Леньке" ,все-таки, удалось, после многих неудачных попыток, заставить свой батальон оторваться от окопов и пойти за ним. Но в самый разгар перебежек "Ленька" получил тяжелую рану в коленную чашечку. Видя, что карта бита, "Ленька" приказал бывшим при нем нескольким уссурийским казакам, нести его перед батальоном. Казаки его подняли и понесли.

Солдаты, видя геройский поступок командира, подчинились общему стихийному порыву. Любимым выражением "Леньки" всегда было: "порыв не терпит перерыва". Но перерыв произошел. Разорвавшимся удачно пущенным снарядом, "Ленька" и его храбрые казаки, были уложены на месте.

Атака сорвалась и необстреленные солдаты отступили.

Так, смертью храбрых пал хабаровский кадет "Ленька". Леонид Александрович Савицкий, выпуска 1906 года.

Хабаровец

БУРКА

С первых наших каникул мы вернулись во второй класс, чувствуя себя уже заправскими, матерыми кадетами, и всеми силами старались иметь лихой и важный вид, особенно перед вновь поступившими в 1-й класс, новичками. Делились впечатлениями, рассказывая друг другу и поражая воображение "молодых" всевозможными приключениями, случившимися с нами летом, происшествиями и совершенными нами подвигами. Что греха таить, прибегали и к "художественному творчеству": без этого бы не так интересно и увлекательно, как у других.

Из отпуска кадет, князь М., привез кавказскую бурку, которой, в предвидении поездки на будущие Рождественские каникулы, его снабдил заботливый родитель, и которая, по приказанию начальства, была водворена в шинельную комнату. Князь М., пламенный кавказец, с гордостью рассказывал нам, какая это замечательная бурка, что ее не пробивает, а скользит по ней пуля, а разрубить ее можно только лучшим кавказским клинком "гурда" или "волчек". В доказательство он приводил нам какого-то знаменитого абрека, который стоял на скале, завернувшись в бурку и только смеялся, когда по ней, как орехи, щелкали и отскакивали русские пули. Мы слушали, развесивши уши, но К., отец которого командовал одной из батарей 21-й артиллерийской бригады, и который знал даже такое слово, как "баллистика", усумнился в качествах бурки и стал возражать. Разгорелся спор. Кн. М. чувствовал себя кровно оскорбленным и заявил, что он готов в любое время стать в своей бурке под пули. К. принял вызов. Сейчас же составились "пари" за и против, и были приглашены свидетели.

В первое же воскресенье К. принес из отпуска маленький пистолет "Монте-Кристо". Пользуясь тем, что шинельная была открыта, кн. М. притащил в класс свою бурку. Перед началом вечерних занятий класс был закрыт для посторонних. Была выставлена "махалка". Кн. М. надел бурку, которая была ему до пят, повернулся спиной и слегка нагнулся, так что под буркой ясно обозначилось выпуклое место. К. поднял пистолет. Щелкнул выстрел, эффект которого превзошел все ожидания. Кн. М. выскочил из под бурки, держась обеими руками за то место, которое только что выступало под буркой, а сама бурка, постояв несколько мгновений конусом, медленно поникла на пол. На парусиновых брюках М. расплывалось кровавое пятно. Некоторое время в классе царила мертвая тишина...

— Несут! Несут, — вдруг, как-то неожиданно и громко, крикнул махальный. Все бросились по местам. Кто-то запихнул злополучную бурку под парты.

В класс вошел воспитатель. Начались вечерние занятия...

Бедный кн. М. мог сидеть только на правой половине, но так как его место было с правой стороны парты, ему было очень неудобно. Боль усиливалась, и стараясь найти более удобную позу, он все время ерзал, за что даже получил замечание от ничего не подозревавшего воспитателя.

Наконец перемена. Воспитатель уходит. Сорвавшись с мест, мы окружили кн. М., штаны которого основательно пропитались кровью. Что делать? Прежде всего, конечно, нужно осмотреть рану. Бедному кн. М. пришлось демонстрировать и 26 "докторов", толпясь и толкая друг друга, спешили осмотреть рану и подать совет — один другого лучше. У кого-то нашлась подковка игрушечного магнита, которую вырывая друг от друга, все по очереди тыкали в рану. Появилась проволока, и нашлись желающие попытаться выковырять пулю. К счастью этот импровизированный консилиум был прерван новым криком дежурного: "Несут!"

Все стихло. Кн. М. едва успел надеть черные брюки К., которые были принесены из спальни и спрятать окровавленные. В класс вошел опять воспитатель. Во время второго часа вечерних занятий, по партам была передана записка: "Никому — ни слова", но во время утренних занятий кн. М. уже совершенно не мог сидеть, и попросился на докторский осмотр. Доктор вызвал воспитателя. Пришел и ротный командир. Случай был из ряда вон выходящий. Огнестрельная рана. Пулька вошла в мякоть на полтора сантиметра. Как? Откуда? Посыпались вопросы, но кн. М. был настоящим кадетом, и показал себя героем, не только во время операции по извлечению пули, местной анестезии тогда не применяли, но и на все вопросы решительно отвечал:

— Пистолет нашел во время прогулки по плацу. Стал рассматривать. Крутил, вэртэл, а он вистрэлил.

— Какой пистолет? Где он? Покажи.

Забыв о ране кн. М. помчался в роту прямо к К.

— Давай суда пистолет.

— Зачем? Что случилось?

— Гавару, давай скарэй. — Схватил и убежал. Пистолет, конечно, был немедленно отобран.

Разумеется, воспитателям такая версия показалась невероятной, но князь на своем стоял твердо:

— Не знаю... нашел... хотел пасматрэт... он выстрелил...

Впрочем, понимая, что добиваться от кадета выдачи какого-то несомненного виновника, бесполезно, воспитатели особенно не настаивали, но все мы, не зная того, что происходило в лазарете, волновались ожидая для себя неприятный последствий, особенно К. Поэтому, на следующее утро, когда кн. М. появился в классе (его хотя и оставили на несколько дней в лазарете, но, в наказание, заставили ходить на уроки), его окружили и забросали вопросами:

— Ну как? Что было? Где пистолет? О чем тебя спрашивали? Что ты говорил? и т. п.

И когда кн. М. рассказал о своем ответе ротному командиру, то К., все еще не веря, что грозу пронесло, спросил

— Ну, а он что сказал?

— Он минэ сказал: — хотэл би я знать, каким глазом ти сматрэл?

Владикавказец

ОБЗОР ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ

"ЗАПИСКИ МЕРЗАВЦА".

В начале нашей эмигрантской жизни, под таким заглавием, появилась в Париже книга писателя Ветлугина, который затем, как тогда говорили, "сменил вехи" и вернулся в СССР. Это заглавие припомнилось мне, когда я прочел произведение бывшего генерала и графа Алексея Игнатьева, под громким заглавием "Пятьдесят лет в строю".

Начать с того, что, господин Игнатьев, согласно его собственному свидетельству, в действительности был в строю всего три года, а затем, всю свою остальную жизнь и службу провел в штабных канцеляриях и на военно-дипломатическом поприще. Исходя из этого, гораздо правильнее было бы назвать ему свое произведение "Сорок семь лет вне строя".

Труд Алексея Игнатьева издан Государственным Издательством СССР, в двух томах и, своим содержанием является с одной стороны социальным заказом, а с другой — неудачной попыткой автора оправдать свой переход на службу к большевикам идейными причинами, а не растратой казенных денег, как это было в действительности.

Первая книга этих "воспоминаний" начинается явной ложью, о том, что будто бы никогда не придавая значения своему социальному происхождению, он, только попав в Париж, в начале первой мировой войны, будучи уже в чине полковника генерального штаба, узнал ВПЕРВЫЕ историю своей семьи и причину получения его дедом графского титула. Затем идет описание этой родословной и верной службы Игнатьевых Царю и Отечеству, которым изменил сам автор. Отца своего, известного генерал-губернатора графа Алексея Павловича, он, при этом изображает как революционера, тайно подготовлявшего свержение монархии, еще задолго до революции. Убийство этого последнего в Твери, совершенное в декабре 1906 года социал-революционером Ильинским, автор приписывает никому другому, как самому Императору Николаю II, который затем, будто бы, просил у него, как у сына убитого, прощение, вызвав в Зимний дворец и "...заискивающе заглядывая ему в глаза".

Далее следует описание того, как автор учился в Пажеском корпусе, был камер-пажом Императрицы и служил в Кавалергардском полку. При описании своей службы в гвардии и при Дворе, Игнатьев не в силах скрыть благородство и чисто отеческие отношения

офицеров-кавалергардов к своим солдатам. Чтобы, однако, не нарушить социального заказа, время от времени от прерывает это описание, совершенно не идущими к тесту, сообщениями о том, что его с младых лет тяготило богатство, и почет и он, дескать, не переставал болеть душой о "младшем брате". Попутно, он пытается замарать безупречную репутацию своих сослуживцев, провинившихся перед Советами, как например, барона П. Н. Врангеля и Маннергейма. Однако же, ничего не может придумать, кроме обвинения в "карьеризме" первого и характеризуя второго, как "иностранного наемника, который все умел делать образцово".

Единственные свои "три года в строю" Игнатьев прослужил в Кавалергардском полку, после чего поступил в Академию генерального штаба, по окончании которой, отправился в Манджурию, на Русско-японскую войну, которую провел на мелкой штабной должности, при генерале Куропаткине. После возвращения с войны, Игнатьев продолжает служить в разных штабах, причем в своих "воспоминаниях" не скупится на похвалы самому себе и порицания всему начальству, начиная от Государя Императора и кончая своими собственными товарищами. Описывая жизнь и быт гвардейских частей, он не останавливается перед явной клеветой, благо его новые "начальники" в этом не разбираются. Например, он рассказывает о том, что офицеры лейб-гвардии Гусарского полка крали солдатские копейки из писем, которые они цензуровали. Всякий военный, знавший Императорскую гвардию, может себе представить нелепость подобного обвинения.

Вслед затем идет длинное описание его службы на посту военного агента в Скандинавских странах, в котором он, по мере сил, лжет на Государя, обоих Государынь, их свиту и, в особенности, на Великую Княгиню Марию Павловну, которую, как "белую эмигрантку", ему поручено густо облить незаслуженною грязью. Кончается первый том его "воспоминаний" — отъездом в Париж, куда он только что назначен на пост военного агента.

Пребыванию его в Париже в войне 1914-17 гг. посвящен целиком второй том книги. Из него отчетливо явствует, что через руки Игнатьева, за четыре года войны, прошли миллиарды Русских денег, в погашение сделанных военным министерством во Франции заказов и, из этих громадных сумм, к его рукам прилипло столько что к концу войны, Игнатьев был уже не в состоянии представить отчета. Как он сам признается, уже с начала 1916 года, по Парижу поползли слухи о больших хищениях и взятках по Русским заказам, в которых общий голос обвинял нашего военного агента. Каковы были размеры этих хищений, можно судить по его же собственным словам: "...цифры с шестью и семью нулями, на первых порах, заставили меня содрогнуться но, человек ко всему привыкает и чеки, которые мне пришлось подписывать во время войны на сумму в два миллиарда триста миллионов, меня уже не смущали". Не скрывает он и того, что в Париже его считали вором, в доказательство чего приводит на стр. 186 следующий абзац: "...какой ужас, говорит всем супруга нашего артиллерийского представителя в Париже госпожа Свидерская, я вынуждена защищать в своем салоне репутацию нашего военного агента Игнатьева, про которого все, не стесняясь, говорят, что он взяточник". Здесь же он добавляет, что растрата в которой его обвиняли тогда, достигала 80 миллионов франков. На стр. 306, Игнатьев приводит такой разговор со своим собственным помощником: "Вы знаете, полковник, сказал мне Караулов, про вас говорят, что вы перевели на черный день 80 миллионов франков в швейцарские банки". "Почему не сто? отвѣтил я". Из этого диалога ясно, что Игнатьева называли вором в лицо его собственные подчиненные и ему, гвардии полковнику и военному агенту даже не приходило в голову — обидеться.

В дальнейшем, автор описывает прибытие в Марсель Русской бригады, получение известий о революции в России и бунт Русских солдат, распропагандированных большевицкими агентами. В угоду большевикам, Игнатьев утверждает, что солдаты были совершенно правы не только в бунте, но и в убийстве своих офицеров, которые сами, якобы, вызывали их на это и "...сами были в этом виноваты". При этом, явно нарушая истину, он рассказывает, что главари мятежников находились с ним в дружеских отношениях и бывали, тайно, у него на квартире. Главу об этом, он заканчивает словами: "героями умерли на французской земле эти семь солдат, приговоренных к расстрелу французским судом".

Сначала Временное Правительство, затем Колчак, Деникин и Врангель, неоднократно и безуспешно, требовали у Игнатьева дать, наконец, отчет в тех громадных суммах, которые продолжали находиться после революции у него на руках. На все требованія он отмалчивался, не имея никакой надежды скрыть при сдаче совершенную им растрату. Немногие друзья, которых он сохранил еще в Париже, неоднократно советовали ему оправдаться перед общественным мнением, но безуспешно. Так на стр. 367, автор приводит такой его разговор с приятелем, доктором А. И. Булатниковым: "...надо же наконец, граф, опровергнуть вам все эти толки, сказал мне доктор. Не только толки, ответил я, но даже на газетные пасквили я отвечать не собираюсь". Дело кончилось тем, что его, наконец, вызвал к себе Клемансо и в упор задал ему вопрос: "...вы не сдали денег Временному Правительству, адмиралу Колчаку, генералу Деникину, барону Врангелю, кому же вы дадите отчет в них?" — Русскому народу, ответил проворовавшийся граф, не находя другого выхода.

С этого момента, песня его в Париже была спета. Французское правительство объявило Игнатьева персоной "нон-грата" и собиралось его арестовать и предать уголовному суду. Жокей-клуб", членом которого он состоял и чрезвычайно этим гордился, исключил его с позором из своих членов. Мать и брат, жившие в Париже, прервали с ним какие бы то ни было отношения. Одновременно, он был исключен из объ-

единений пажей и кавалергардов. Чтобы спастись от тюрьмы, Игнатьев бросился в советское посольство, куда тогда приехал из Лондона Красин. Этому, последнему, он предложил следующую комбинацию: на счету Русского военного агента в Париже, кроме растраченных им 80 миллионов, еще имеется в парижских банках 175 миллионов франков, которые он, Игнатьев, готов сдать советскому правительству при условии, что это последнее покроет его растрату и даст ему возможность занять соответствующее положение на советской службе. Кроме того, Игнатьев обязался написать воспоминания, марающие Царское правительство и весь "старый режим".

Эти условия были Москвой приняты и, как ни странно, выполнены. Игнатьев был сначала прикомандирован к советскому посольству в Париже, а затем уехал в Москву, где занял нестроевую должность при комендатуре. Книга его воспоминаний кончается картиной парада на Красной площади в день юбилея октябрьской революции, причем сам предатель стоит на официальной трибуне вместе с генералитетом Красной армии.

Помимо издания его книги, советское правительство использовало предательство Игнатьева и в других областях пропаганды. Так, в дни наступления советских войск на Финляндию, я слышал по московскому радио, его выступление, направленное против главнокомандующего финскими войсками фельдмаршала Маннергейма. В виде воспоминаний о совместной службе в кавалергардах, Игнатьев, на хорошем французском языке, нес невероятную чушь, обвиняя барона в, никогда им несовершенных, преступлениях. Кроме того, в одном из номеров советского журнала "Огонек", появились фотографии посещения "вернувшимся из заграницы бывшим генералом и графом" его родового имения, превращенного в совхоз. На этих снимках, Игнатьев беседует со "своими бывшими крестьянами", причем, на лице его фигурирует вымученная улыбка человека, с которого публично сняли штаны и приказали при этом улыбаться. Это подтверждает и текст, в котором Алексей Игнатьев выражает благодарность Советам за то, что они его ограбили.

Анатолий Марков.

КАДЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

ПАРИЖ. — В воскресенье 4 ноября 1956 года, в, переполненной кадетами и приглашенными гостями — представителями воинских организаций, Церкви Знамения Божией Матери, при вынесенных Великокняжеском Флаге Обще-Кадетского Объединения и Знамени Русской Секции U.N.C. состоялась церемония освящения Памятной Доски и возжения Неугасимой Лампады, установленных, с благословения Настоятеля Храма Отца Архимандрита Романа, Обще-Кадетским Объединением в память своего Почетного Председателя Великого Князя Гавриила Константиновича и всех Российских кадет на полях брани павших и в мире скончавшихся. По окончании церемонии, была отслужена общая панихида по основателе Неугасимой Лампады кадете Первого корпуса Митрофане Митрофановиче Колтовском, всем почившим Шефам, Царственным кадетам и кадетам Российским, после чего, присутствующие были приглашены наверх, где, в помещении, любезно предоставленном Объединению Приходским Советом, развернут Музей Объединения и стены украшены военными гравюрами и группами.

После краткой молитвы Отца Настоятеля и пения всеми присутствующими молитвы "Спаси Господи люди твоя", Председатель Объединения обратился к присутствующим со следующими словами:

"Ваше Высочество, дорогие друзья — гости и братья—кадеты. От имени Обще-Кадетского Объединения прошу принять нашу глубокую благодарность, всех посетивших нас в сегодняшний торжественный и знаменательный день.

Двести лет существовали в Российской Империи Кадетские Корпуса. Двести лет, на всех границах Великого Государства, где бы ни угрожала опасность его целости и безопасности, вился Андреевский Флаг, сражались доблестные Российские войска и лилась кадетская кровь.

Победоносные войска кадета Первого корпуса Румянцева-Задунайского громили пруссаков и турок. Кадет Первого кадетского корпуса Александр Суворов, во главе своих чудо-богатырей, брал Измаил и Варшаву и переходил Альпы. В страшный 1812 год, кадет 2-го корпуса Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов-Смоленский, первый победил и разметал войска непобедимого Императора Наполеона. В последние годы, в Великую Войну 1914 года, воспитанные нашим незабвенным отцом Великим Князем Константином Константиновичем, молодые кадры кадет-офицеров геройски гибли в рядах нашей армии на Карпатах, при взятии твердынь Эрзерума, на полях Галиции и Польши. Путь "Победам Равного" героического отступления 1915 года устлан кадетскими трупами.

Рухнула Империя... Страшные кровавые силы материалистического интернационала завладели нашим Отечеством. Разразилась гражданская война и в первых рядах бойцов за свободу, в кубанских и донских степях оказались кадеты. Едва окончившие корпус юноши, 12-15-летние малыши встали в общем порыве на защиту свободы и чести своего Отечества. В черкесках и папахах, защитных гимнастерках и английских френчах, но всегда с погонами родного корпуса на плечах — падали мальчишки на кровавых полях За Веру, За Царя, За Отечество, За свободу своего Народа.

Так и ныне... Постаревшие физически, но по-прежнему твердые духом, единой большой семьей —

погоны разные, а душа одна — продолжают кадеты свою посильную службу Российской Государственности. Вышедшие за пять лет 21 номер нашего журнала "ВОЕННАЯ БЫЛЬ" хранят на своих страницах память о вечной славе Российского оружия. 10 номеров "ВЕСТНИКА" говорят о дружной спайке всех кадет — чинов Объединения, где бы они ни находились, скромная и незаметная со стороны, но огромная и такая необходимая работа, нашего Отдела Кадетской Помощи, руководимого неутомимым и блестящим работником кадетом-киевлянином Николаем Ивановичем Шировым развивается непрестанно и помогает и согревает жизнь наших однокашников впавших в беду.

Прошло сорок лет со дня, когда неугасимый пламень борьбы загорелся на южной окраине России. Пусть же возженная сегодня Лампада горит неугасимо и напоминает грядущим поколениям о доблести и любви к своему Отечеству Российского Кадета".

Вслед за тем, гостям была предложена легкая закуска. Все с интересом рассматривали гравюры и фотографии и делились впечатлениями о прошедшей памятной церемонии.

Торжество посетили Княгиня Ирина Иоанновна, Заместитель Председателя Обще-Воинского Союза генерал Лампе, Заместитель Председателя Главного Правления Союза Инвалидов генерал Поздпышев, Председатель Русской Секции U.N.C. полк. Разыграев, Председатель Объединения Конницы и Конной Артиллерии генерал Губин, члены Приходского Совета Храма Знамения Божией Матери в полном составе и много других дорогих гостей-друзей.

Почтовый ящик

Многоуважаемый Господин Редактор,

Довожу до Вашего сведения, что в "ВОЕННОЙ БЫЛИ" за № 20, от сентября с./г. в статье "Памяти последнего Начальника Гвардейской Стрелковой дивизии", за подписью полковника Х. А. Ауэ написано: "Федор — последний командир Преображенского полка".

Сообщаю Вам, что полковник барон Федор Иванович Штакельберг л.-гв. в Преображенском полку был начальник хозяйственной части, полком никогда не командовал.

12 августа 1917 года полковник барон Ф. И. Штакельберг, приказом по Армии и Флоту, был назначен командующим Гвардии Егерским полком.

Уважающий Вас Преображенского полка
полковник *Юрий Владимирович Зубов.*

Многоуважаемый Алексей Алексеевич, в статье моей "10 гренадерский Малороссийский полк", в номере "БЫЛИ" от 1 мая № 18 оказался небольшой пропуск, который прошу Вас заполнить в видах точности изложения: "от Кракова мы отошли к Ченстохову, где недолго задержались и отошли на р. Ниду, к Кельцам, где и зимовали, занимая позиции по реке Ниде, с начала декабря 1914 г. до конца апреля 1915 г. (в связи с прорывом 3 армии на р. Дунаец, вынужденный отход и, тогда, наступление у Островца Опатова).

За исправление буду очень благодарен.

Н. Витте.

Многоуважаемый Алексей Алексеевич, в № 18 журнала "ВОЕННАЯ БЫЛЬ" отмечено 200-летие основания гренадерских полков, заметкой Редакции и статьями гг. Сергея Савицкого и Н. Витте.

Беру на себя смелость исправить некоторые неточности вкравшиеся в эти статьи, по причинам очень уважительным, — отсутствию справочников.

1) Все гренадерские полки, вместо Государственного герба, на пуговицах и поясных бляхах, имели гранату. Белые пояса имели только три первых батальона. Эти батальоны были основаны гренадерскими. Четвертые батальоны полков были бывшие егерские. В середине XIX века, отдельные егерские батальоны были упразднены. Часть их была развернута в пехотные полки, а другая часть влилась четвертыми батальонами в бывшие трехбатальонные полки, получив общую форму полков но, в гренадерских полках, сохранив черные пояса.

2) Первый бой 3 гренадерская дивизия имела 13 августа 1914 года, под городом Замостье, понеся громадные потери в офицерском составе, особенно Сибирский полк.

3) Предельный минимальный рост для гренадер, в 2 арш. 6 вер. существовал до призыва 1913 года, т. е., до перехода к системе территориального комплектования.

С совершенным уважением *П. Мыльников.*

Редактору "ВОЕННОЙ БЫЛИ"

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич, приветствую Вас по случаю пятилетнего юбилея, редактируемого Вами журнала "ВОЕННАЯ БЫЛЬ", и желаю дальнейшего процветания этого прекрасного по духу и содержанию, издания. Жму Вашу руку.

В. Панаиот.

ПОЖЕРТВОВАНИЯ В ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА "ВОЕННАЯ БЫЛЬ"

С 1 апреля 1956 по 31 декабря 1956 года поступило: от Б. А. Арского — 180 фр., от С. А. Топоркова — 2420 фр., от П. А. Нечаева — 200 фр., от М. И. Селиверстова — 1050 фр., от Е. Н. Борщевой — 150 фр., от В. И. Димчевского — 500 фр., от Н. А. Косач 130 фр., от Е. М. Яконовского — 60 фр., от Н. Г. Керстич — 200 фр., от Б. Н. Мезенцева — 600 фр., от П. Г. Критского — 1000 фр., от М. А. Зайцева — 800 фр., от Е. В. Кравченко — 390 фр., от С. А. Швецова — 200 фр., от Группы кадет в Дорнштадте через А. Ф. Кирей — 1300 фр., от С. Я. Кремера — 690 фр., от М. М. Трофимова — 500 фр., от С. Г. Коблова — 500 фр., Итого: 10870 фр.

С прежде поступившими: 230390 фр.

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ“

ИЗ ПРИКАЗОВ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I в 1797 г.

8 июня 1797 года в Павловске.

"Его Императорское Величество всемилостивейше жалует во всей коннице всем обер-офицерам от ротмистра до корнета по одной лошади из ремонта безденежно на шесть лет; а кто пожелает взять деньгами вместо лошади, то получит сумму ремонтную, что и впредь производить".

21 июля 1797 года.

"Его Императорское Величество объявляет свое удовольствие лейб-гвардии Преображенского полка генерал-майора барона Аракчеева гренадерскому батальону за сегодняшнее ученье; и генерал-майору барону Аракчееву, штаб- и обер-офицерам объявляется похвала, а нижним чинам жалует по рублю и по 2 фунта говядины на человека.

Лейб-Гренадерского полку подполковнику Сазонову рекомендуется впредь лучше свою должность знать; оного же полку поручик Пантелеев всемилостивейше жалуется в капитаны в тот же полк".

14 августа 1797 года в г. Павловске.

"Лейб-гвардии Преображенского полку поручик Шепелев выключается в Елецкий Мушкетерский полк за незнание своей должности, за лень и нерадение, к чему он привык в бытность его при князьях Потемкине и Зубове, где вместо службы обращались в передней и в пляске".

Приказы эти извлечены из, принадлежащего библиотеке Ф. К. Опочинина, сборника печатных копий с Высочайших Его Императорского Величества отданных Приказов в 1797 году.

Извлек *Н. Н. Быкадоров.*

КАЗАК О ПРОИСХОЖДЕНИИ УРАЛЬСКОГО ВОЙСКА

На вопрос о происхождении Уральского Казачьего Войска, старый казак ответил:

— Скажу тебе притчу, угадаешь ли?

Говори, попробую.

Пчелка берет со всякого цветка по капле соку, что выходит?

Мед.

— Отгадал, — самодовольно заметил старик. — Подобно сему и наше дело: со всякого знатного сословия по молодцу и вышло славное и храброе Войско Яицкое, а по-нынешнему Уральское. Это не забывай голубчик и нашим братом уральским казаком не брезгуй.

Действительно, получив зарождение на Дону, Яицкое Войско восприняло в свой состав людей разнообразных народностей и даже вероисповеданий. В то время, как в других казачьих войсках требовалось, чтобы вступающий был христианин и давал обет без пощады губить басурман, яицкие казаки отличались крайней веротерпимостью, по отношению к иноверцам, добровольно приходившим к ним. Обращая своих пленных в христианство, Яицкое Войско позволяло приходившим к ним добровольно, жить по своей вере.

Извлек *А. Г.*

КУРЬЕЗ ИЗ СТАРИННОГО РУКОПИСНОГО СБОРНИКА

При основании Петром Великим коллегий взамен старых приказов, из Военной коллегии в Новгородский Приказ была послана бумага, в которой, между прочим, было написано:

"Прислать в военную коллегию старинных дел точные копии, а как сие учинить прислан при том экстракт".

Получив оный указ, в Новгороде собрали сход и стали думать: что это значит? Военная Коллегия? И что это за Евстрат? И что такое "точные копии"?

Один из более проворных и смышленных разрешил вопрос:

"Военная Коллегия? Это значит князя Меньшикова сестра Варвара". С этим все согласились и написали такой ответ:

"Милостивая Государыня Военная Коллегия Варвара Даниловна. Изволила ты к нам, рабам своим, в Новгород писать, что послан к нам Евстрат и мы оного Евстрата не видали, а искали по всем дворам три дня, что где оный Евстрат, не пристал ли где ночлеговать? И нигде не нашли. А точеных копиев во всем городе не отыскано-ж, а найден оставший от ратных людей бердыш, который Вашей Милости при сем посылается".

Подлинное подписано выборными города 17 марта 1701 года.

Извлек *Н. В. Быкадоров.*

Le Directeur: Mr A. Guering. Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из жизнетворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, бессонницы и в некоторых случая повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!

Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:

Laboratoire M. KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16e). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles) AUSTRALIE : V. Miller, 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.

„МОРСКИЕ ЗАПИСКИ“

издаваемые Обществом Офицеров Российского Императорского Флота в Америке, под редакцией старш. лейт. барона Г. Н. Таубе

Вышел и разослан подписчикам

№ 2/3 (42), т. XIV, 1956 г.

Подписная цена — 3 долл. в год.

Представитель на Францию: кап. 2 р. В. В. Скрябин.

Обращаться по адресу:

38, Bd de la République, Boulogne s/S.

НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

		Фр.
Н. Воронович	Вечерний звон (очерки прошлого 1891-1917)	600
Н. Воронович	Русско-японская война (воспоминания)	250
Н. Воронович	Всевидящее око (из быта Русской армии)	250
Ю. Н. Данилов	Русские отряды на французск. и македон. фронтах	350
П. Н. Богданович	Аракчеев граф и барон Российской Империи	500
А. Балашев	Для немногих (стихи) 2-е изд.	400
«Русский Журнал» № 1		75
Л. Н. Кузнецов	Волны жизни	350

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e) и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tottenham street, W 1.

Германия — у И. Н. Горяйкова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у П. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Италия — у Б. Н. Ширяева — Casa Postale, 102, San-Remo, Italie.

Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue Heliopolis, Ibrahimie.

Сан-Пауло — у С. К. Успенского — Caixa Postale 51-53.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — P. O. Box 304, Nyack (N.Y.)

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 1538, Steiner, San-Francisco, 15.

Канада — у А. С. Орлова — 224, Dovercourt R-d Toronto (ONT).

Австралия — а) у Калатилина — 50, Belemba ave Lakemba (N.S.W.), б) у Н. А. Коссач 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — Tunnel a Santa Ines, Villa Nina Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — Obligado 2130, Buenos-Aires.

№ 23

МАРТ 1957 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 6-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Обще-Кадетское Объединение, редакции «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и «ВЕСТНИКА» с глубокой скорбью извещают о кончине их дорогого однокашника и сотрудника полковника

Михаила Константиновича
ИСАЕВА

Панихида была отслужена 31 января 1957 года у Кадетской Лампады, в Париже.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1050 фр. с пересылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № 5 шил. год. подписка — 25 шил., в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16ᵉ). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

6-й год издания | № 23 МАРТ 1957 г. | Bimestriel. | Prix — 200 fr.

ДАВНЕЕ

(Окончание)

Постепенно стали спадать горячие волны, которые неуклонно наплывая, так долго заволакивали раскаленный мозг. Теряли свою настойчивость бредовые видения, преследовавшие Сережу и заставлявшие трепетать от страха его сердце, когда ему казалось, что он, нагоняемый кем-то беспощадным и злобным, бежал по длинным коридорам, туннелям и подземельям, натыкаясь на наглухо захлопываемые перед ним двери и теряясь в тупиках запутанных лабиринтов.

Он открыл глаза. Веселое весеннее солнце заливало комнатку, где он лежал. Отраженные солнечные зайчики трепетали на потолке. Скосив вбок глаза, он мог видеть через открытую дверь в соседнюю комнату, как, оборотившись к нему спиной, Любочка копалась в ящике комода, перебирая белье, а у ее ног, на ковре, горящем на солнце яркостью своих цветных пятен, ползал и копошился крошечный мальчик, с темными глазами покойного Ванички.

— Я был болен, и, верно долго... — соображал он, вспоминая свой приезд к Любочке, по дороге из лазарета в полк. Он вспомнил безнадежность свинцовых декабрьских дней, наполненных отчаянием поражения, распадением тылов, смятением беженских толп, растройством воинских частей и обозов. В этом смятенном и растерянном месиве испуганных людей, на одной из забитых до отказа узловых станций, совсем мимолетно, он встретил Олю Островскую с отцом, с которыми он едва успел перекинуться несколькими словами, их поезд ушел через несколько минут после их нечаянной встречи. Вспомнил он и вялость, тоскливую угнетенность, слабость и безразличие, овладевшие им, в первые, еще сознательные часы, поразившей его болезни.

— Любочка, — позвал он. Хотя голос его звучал едва слышно, напоминая собой скорей бессильный шопот. — Любочка его услыхала, стремительно обернулась и быстрым шагом подошла к кровати.

— Ну, слава Богу... очнулся... Не думала, что жить будешь. Очень тяжел был тиф и воспаление легких, — сказала она, кладя свою прохладную руку на его влажный лоб.

Сережа хотел взять эту руку, но не смог этого сделать из-за смертельной слабости, владевшей его обессиленным и потрясенным телом.

— Кто в городе? — прошептал он, смотря с тревогой и надеждой в глаза Любочки. Она на секунду замялась.

— Красные, — глухо сказала она. — Много пережили за это время... только чудом удалось спасти тебя.

Возвращаясь к жизни, Сережа не испытывал той чисто животной радости жизни, которую обычно переживают выздоравливающие после смертельно тяжелых болезней, и, которую сам он, в былые дни, переживал, оправляясь после тяжелых ранений. Самые мрачные, прямо-таки безнадежные мысли обуревали его. Дело было даже не в том, что он, совершенно беспомощный, слабый, раздетый, без копейки, очутился в смертельной опасности, лицом к лицу с неумолимым врагом. Это, конечно, было очень страшно, но еще страшнее было то, что он непреодолимой силой был переброшен во вражеский стан, что он не только не мог уже дальше продолжать борьбу с теми, кого он продолжал люто и кровно ненавидеть, но должен был как-то к ним приспособляться, заметать перед ними свои следы, и, хотя бы только внешне, отрекаться от всего того, без чего он не представлял своей жизни.

Боевая жизнь полка, где то там, без него, шла своим чередом. Он воображал все столь знакомое и привычное в этой жизни, чего он раньше не замечал, чем он, порой даже тяготился, но что теперь представлялось ему полным необыкновенного притяжения. Наверно, есть приказ об исключении его из полковых списков, как пропавшего без вести. Можно довольно легко представить, как будут реагировать на него отдельные офицеры, которых он уже больше никогда не увидит. Это было очевидно для него, ибо он понимал, что не имея за душой ни гроша, не имея ни знакомства, ни связей, ни нужных ловкости и уменья, — он обречен навсегда оставаться в этом страшном плену.

Он — офицер, капитан Свечин, отдавший свою молодость, свое здоровье и не раз отдававший свою кровь не за эту ублюдочную, марксистскую Россию, которая была теперь перед его глазами, а за Россию своих отцов, он должен будет теперь, спасая свою жизнь, пресмыкаться перед этим сбродом, творящим расправу над непокорными в подвалах ЧЕК-а и какого-то, доселе ему неведомого, особого отдела. Весь

антураж новой власти, весь обнаженный циничный стиль советского строя, его серость, убожество, отражавшиеся в этом безобразном, безграмотном, нерусском, языке их газет, воззваний, декретов с их пошлой революционной терминологией; отталкивающие изображения волосатых вождей; грязь, нарочитое презрение ко всему, что до сих пор украшало жизнь, все это было органически ему чуждо, все это дышало враждой и ненавистью ко всему тому, с чем он сжился, ко всему тому, что было для него кровно родным и близким.

Однако — жизнь продолжалась; она требовала своего, и, он был обязан как-то войти в нее, и найти в ней свое собственное место.

Прежде всего, обязан он был выполнить приказ ревкома о явке на регистрацию всех офицеров и солдат белой армии. Неисполнение этого приказа влекло за собой, для обнаруженного неисполнителя, расстрел и то же грозило лицам, его укрывавшим. В данном случае таким лицом могла быть Любочка. Сережа знал, что она готова для него на всяческий риск, и, вместе с тем понимал, что ее материнское сердце трепещет в страхе за ребенка. Он понимал, что в маленьком городке, в котором он очутился ,нельзя будет долго скрывать свое офицерство. Знал он и то, что жившая с ними на одном дворе, старуха Власьевна, торговавшая сейчас на улице семечками, видела его в офицерских погонах, и, следовательно, от одного ее слова зависит жизнь его и жизнь Любочки с ребенком.

Ну, что же, если надо погибать, то погибать одному, а не увлекать за собой Любочку и ее сына... Другого выхода нет. Надо идти и открываться и каяться перед каким-нибудь торжествующим хамом, — так непрестанно, и день и ночь, в мучительных колебаниях, терзался он.

— Не знаю, не знаю. Делай, как считаешь правильным, — говорила ему Любочка, когда он спрашивал ее совета. — Я сама так измучилась, так все меня гнетет, так все надоело, что хотела бы зарыться куда-нибудь, чтоб ничего не видеть, не слышать... А, вот, поступлю к ним на службу... надо есть, ростить и кормить Алешу.

Гибель мужа пережила она тяжело. Но все же не так, как можно было предполагать. В те суровые дни, люди привыкли к смерти, их сердца уже не были чувствительны, как прежде, да, и жизнь властно требовала тогда от людей упорства, настойчивости и силы, для того, чтобы удержаться на поверхности и не погибнуть. Предаваться горю было некогда.

Свежий мартовский ветер, весенние солнце и воздух, таящие всегда в себе нечто расслабляющее, заставили, впервые вышедшего из дома, Сережу, присесть на скамеечку у ворот, передохнуть, и справиться с легким головокружением.

С нерадостным любопытством и некоторым страхом смотрел он на улицу города, на одноэтажные аккуратные домики, на белый с большим зеленым куполом собор, на деревья маленького сквера с набухшими почками. Проходили и проезжали люди с портфелями, в фуражках с красными звездами, начальственно оглядывавшие покоренный и притаившийся городок, еще неоправившийся от страшных воспоминаний вторжения в него разнузданных, пьяных, буденновских орд. Шли местные коммунисты в рабочих кепках, с красными бантами. Уныло брел обыватель, в одежде похуже, волоча с базара, за жабры, свежую рыбу, подметающую мокрым хвостом, грязный троттуар.

В запущенном магазине, с пробитой пулями, давно немытой, зеркальной витриной — шла регистрация офицеров. Сережа заглянул в дверь. В синем махорочном дыму, в гомоне голосов, волновалась серая толпа небритых, часто со следами недавно перенесенного тифа, людей, одетых в старые солдатские шинели, в грязных папахах, с висящими, отстегнутыми углами, в обмотках и громадных нечищенных башмаках. У Сережи не хватило духа войти. "Завтра приду", — решил он, стыдясь своего малодушия.

Вдруг, хотя и вовсе неожиданно, но фантастически естественно, как бывает во сне, он увидел, идущего прямо на него, Ларионова. Тот шел бодрым, уверенным шагом, легко, как ходят люди, носимые удачей. Низ его коричневой кожанной куртки оттопыривал большой деревянный футляр кольта; глаза смотрели весело и твердо. Он, как будто, вовсе не удивился, увидев Сережу.

— Гуляете, товарищ Свечин? — спросил он с загадочной усмешкой, подчеркивая слово: "товарищ". Однако насмешливые искорки сразу потухли; светлые глаза Ларионова похолодели: — Немедленно уезжайте из города... Немедленно, — властно подчеркнул он.

Любочка плакала.

— Куда же ты, бедняга денешься, без документов, без денег, — говорила она, сквозь слезы, обнимая Сережу и нежно вороша ему, как встарь, волосы. — Вот, возьми паспорт Ванички, пригодится... вот его штатские брюки, ботинки английские, — продашь где-нибудь на толкучке. Ох, денег мало, всегдо двести рублей и занять негде.

Поздно, в темноте, стараясь не стучать калиткой, Сережа осторожно вышел и побрел на вокзал.

В душной темноте расшатанного, скрипящего товарного вагона, стиснутый со всех сторон тяжело спящими угрюмыми людьми, приткнувшимися к грязным мешкам с мукой и солью, под неизменный, мерный стук колес, Сережа мучительно размышлял обо всем, что приключилось с ним за последнее время.

— Боже мой, Боже мой, — мысленно говорил он. — Почему же мне выпало на долю оставаться здесь, сделаться всеми преследуемым и гонимым? Разве я был жесток, несправедлив, или грешнее, чем другие? Я не расстреливал, не вешал, не совершал насилий над населением, не грабил... Было, конечно, не мало искушений, не мало и грехов. Неужто были они так тяжки?

Он вспомнил подводчика, испугавшегося обстрела и пытавшегося ускакать из сферы огня, которого он, Сережа, хлестнул по лицу кнутом, оставившим на щеке багровый след. Вспомнил, как он оттолкнул, однажды, какого-то жалкого пожилого человека, пытавшегося

влезть в дверь теплушки, занятой офицерами. Вспомнил ,как он, делая вид, что ничего не замечает, прошел мимо двух солдат чужого полка, отнимавших на улице города какие-то вещи у обывателя. Было, в общем, немало того, что казалось прежде, мелким и незначительным и что теперь больно терзало совесть.

Бодро дул крепкий и свежий "моряк". Со свистом, шипением и громом, взметались волны на обрывистый, крутой берег, и, разливаясь пеной, отбегали назад, таща за собой шуршащую, мелкую гальку. Пустынность, опустошенность, молчание и обреченности витали над серым, разбитым, затейливо вьющимся вдоль морского берега, шоссе, недавним свидетелем многих человеческих драм. Уныло желтели прибрежные холмы, покрытые мелкими кустами держи-дерева. Брошенные, с выбитыми стеклами и распахнутыми дверьми, белели, здесь и там, некогда нарядные, дачи.

Сережа шагал по шоссе, подходя к Геленджику, овальная бухта которого, открывалась в своем неизменном великолепии, в рамке кипящего прибоя. Он сошел с шоссе и пошел вдоль морского обрыва, с высоты которого далеко виднелся пустынный каменистый пляж, а дальше белые домики Геленджика.

Кругом не было ни души. Только ниже тропинки, идущей вдоль лукоморья, на камнях, оперши́сь подбородком на руки, и пристально вглядываясь в бушующее море, сидела какая-то женщина, закутанная в большой серый платок. Ветер весело трепал прядь ее волос, выбившуюся из под платка. В ее позе, во всей его фигуре чувствовалась страшная усталость.

На фоне пустынного пляжа, вал разбивающихся с грохотом о берег бешенных волн, над которыми носились, борясь с силой ветра, пронзительно и жалостливо кричащие чайки, — эта слабая и хрупкая женская фигура была, как бы, воплощением безнадежного, трагического одиночества.

Когда зашумели камешки, оборвавшиеся вниз от шагов Сережи, она подняла голову и в ее глазах отразился привычный, застарелый страх. Что-то очень знакомое и близкое, но почти забытое, показалось Сереже в ее облике: в повороте головы, в очертаниях немного вздернутого носа, в выражении глаз, затуманенных тоской.

— Нет, не может быть... Неужели она?.. — подумал он, и сердце его заколотилось неровно и часто. Он приостановился, вглядываясь в это, явно испуганное, бледное и измученное лицо.

— Ольга Васильевна... Оля... — крикнул он, вне себя, сбегая вниз и скользя по осыпающимся камням.

Страх, сомнение, колебание, последовательно отразились в ее глазах, а, затем, сияющая радость осветила ее лицо.

— Вы... Старый друг. Милый, милый опричник! Сергей Алексеевич... Сережа... — торопливо и сбивчиво говорила она, узнав, наконец, в этом мрачном, небритом, изможденном мужчине, одетом в потрепанную, черную шинель военнопленного, в обмотки и разбитые башмаки "танки", того самого Сережу, который уже много лет тому назад, водил ее, тогда наивную и жизнерадостную уездную барышню, по ледяной поверхности катка.

— Сережа... милый, милый, — повторяла она и обильные слезы затопляли ее большие глаза. Она робко положила свои руки на его плечи. Первый раз за эти жестокие годы, услышал он, обращенные к нему, слова ласки и нежности, которых так жаждала его израненная душа. С нежностью, заливавшей его сердце, целовал он эти маленькие руки, с растрескавшей и огрубевшей кожей и обломанными ногтями.

— Ну, кто мог думать, — говорила она сквозь слезы, — только позавчера похоронила здесь папу... От тифа умер... Одна осталась, ни души родной... И, вот, вы... Бог вас привел... Что же делать? Как жить? Какой дорогой идти? — спрашивала она с тоской.

— Дорога одна — невеселая, безрадостная, — ответил он, — другие нам заказаны... Но идти надо... Куда? Один Бог ведает... Но, мы пойдем, и, пойдем вместе... Бог нам поможет...

Г. Месняев

Конец

В Ингушском конном полку

(Из цикла "Кавказская Туземная Дивизия")

(Продолжение)

За три дня стоянки в Устье Бискупе, где в эти дни собралась в окрестностях вся дивизия, мне пришлось познакомиться с ее офицерским, солдатским и конским составом. Это была своеобразная, оригинальная и совсем не похожая на другие регулярные, кавалерийские соединения часть. Начать с того, что офицерский состав дивизии отличался необыкновенной пестротой. В шести ее полках, из которых каждый имел всего по четыре сотни, служили офицеры гвардейской, и армейской кавалерии, артилеристы, пехотницы и, даже моряки. Были здесь громкие имена, известные кавказские офицеры-рыцари и герои, были совсем дикие и неграмотные прапорщики горской милиции из глухих горных аулов, храбрые и достойные люди в своей среде, но у которых, конечно, офицерского была только единственная звездочка на погонах. Все старшие офицеры дивизии, штаб-офицеры и командиры сотен, были великолепные кавалеристы, преисполненные лучших традиций, так или иначе, имевшие связи с Кавказом. Это были грузины князья Багратион, Чавчавадзе, Дадиани, Орбелиани, горцы Султаны: Бекович-Черкасский, Хагандоков, Ханы Эриванские, Ханы Шамхалы - Тарковские, русские гвардейцы: Гагарин, Вадбольский, Святополк - Мирский,

граф Келлер, граф Воронцов-Дашков, Лодыженский, Половцев, Старосельский, принц Наполеон-Мюрат, Альбрехт, граф Толстой, барон Врангель и другие.

Оригинальная, преисполненная кавказских традиций, Дивизия, сформировавшаяся в начале войны, под командованием брата Государя Великого Князя Михаила Александровича, привлекла к себе многих интересных людей и поистине героев. Князь Радзивилл, б. офицер Прусской армии служил в рядах Черкесского конного полка. Владелец огромных имений и родственник нескольких правящих домов, он был поляк по крови, но в начале войны стал в ряды Русской армии, считая, что только Россия может дать его родине самостоятельность. Ротмистр Ингушского конного полка — Валериан Яковлевич ~~Ивлев~~, седой и спокойный старик, был никто иной, как известный критик и знаток балета — редактар "Нивы"— Светлов. Он умер в глубокой старости, в эмиграции, в Париже.

Офицер постоянного состава Офицерской Кавалерийской Школы, Наполеон-Мюрат — французский принц из департамента Сены —, как у него было написано в послужном списке, служил помощником командира Ингушского конного полка. Правнук Наполитанского короля и маршала — принц Напо —, как его звали однополчане, отморозил себе в Карпатах ноги и остался на всю жизнь калекой. Он также умер в эмиграции, на юге Франции. По-русски он говорил плохо, хотя мать его была грузинская княжна — Дадиани.

Светлейший князь Георгий Грузинский — потомок царей Иверии, поступил в Ингушский конный полк добровольцем, из чиновников особых поручений при каком-то губернаторе. Будучи произведенным в офицеры, он стал полковым адъютантом. Как и большинство грузинских аристократов, он был глубоко предан России и считал себя русским не меньше Иванова или Петрова. Попав, после революции и гражданской войны, в Палестину, князь сделался объектом каких-то политических комбинаций англичан, имевших одно время тенденцию, воспользовавшись этим потомком грузинских царей, отделить Грузию от России. Князь Георгий, однако, наотрез отказался дать свое согласие на какие-бы то ни было махинации идущие во вред России и, умер в бедности, на скромной должности смотрителя военного кладбище в Иерусалиме.

Есаул Кучук-Улагай, командир сотни Ингушского конного полка блестящий офицер, черкес по происхождению, по окончании войны сыграл видную роль в белом движении, а затем, попав в эмиграцию, в Югославию, стал во главе движения в Албании в пользу короля Ахмета-Зогу, который сел на престол этой страны, благодаря отряду из русских офицеров, сформированному в Белграде. В этом отряде Улагая служили и другие офицеры туземной Дивизии, поступившие затем на албанскую военную службу. Албанский паспорт спас полковника Улагая в Лиенце при выдаче казачьего корпуса большевикам англичанами в 1944 году.

Вахмистр моей сотни Заурбек Бек-Боров, ингуш по происхождению, до войны служил полицмейстером в Асхабаде. За какие-то административные превышения власти, после ревизии сенатора Гарина, он был отдан под суд, но бежал из под стражи на Кавказ, а затем, в Персию. Здесь тогда происходила гражданская война, в которой Заурбек принял участие и, скоро стал во главе одной из сражавшихся армий. За все эти подвиги, Бек-Боров был произведен в полные персидские генералы, но скоро принужден был покинуть свою армию и бежать, вместе с шахом, в Россию. Будучи в нелегальном положении разыскиваемого властями человека, Бек-Боров воспользовался амнистией, данной Государем горцам в начале войны и поступил всадником в Туземную дивизию, дабы заслужить прощение своей вины. К концу войны он был произведен в офицеры и закончил ее поручиком, несмотря на свои 60 лет. В полку, одновременно с Заурбеком, служили офицерами также и его два сына ротмистр Султан-Боров, георгиевский кавалер, убитый на войне и, корнет Измаил младший офицер той сотни, где отец был вахмистром. Из внимания к сыновьям, старик, несмотря на свой вахмистерский чин, был принят у нас в сотенном офицерском собрании и сидел по кавказским обычаям, согласно которому человека чтут по возрасту, а не по чину, на председательском месте.

Состав дивизии, помимо старших командных постов состоял, как выше упоминалось, из офицеров всех родов оружия, переведенных в полки по собственному желанию и, сохранявших те чины, в которых они служили в своих основных частях. Только при производстве в следующие чины, уже состоя в дивизии, все они получали чины по кавалерии. Таким образом в полках были ротмистра, корнеты, штабс-капитаны, под-есаулы, хорунжие, и даже лейтенанты и капитаны второго ранга, как например, мой однополчанин, офицер гвардейского экипажа Картавцев. Моряки-же обслуживали и пулеметную команду дивизии в лице офицеров и матросов Балтийского экипажа, под командой лейтенанта Дитерихса.

Эту пеструю картину дополняла целая плеяда прапорщиков горской милиции, о которых я уже упоминал выше. В большинстве своем, это были люди между 40 и 60 годами, по происхождению из почетных людей своих селений и аулов.

В каждой сотне их было по несколько человек, хотя, в большинстве своем, они ничем не командовали, будучи неграмотными и не зная кавалерийского строя. Их роль была служить — отцами народа и быть посредниками между начальниками и всадниками не понимавшими русского языка. Из прапорщиков милиции были любопытные типы, служившие еще в турецкую войну, причем все они поголовно были смелые и мужественные люди, пользовавшиеся большим уважением всадников.

Что касается всадников полков, входящих в Туземную Дивизию, а именно: Кабардинского, 2-го Дагестанского, Татарского, Чеченского, Черкесского и Ингушского конных полков, то все они были добровольцы, принадлежащие к тем горским народам, название которых носили перечисленные полки.

Каждый из всадников получал жалование в размере 25 рублей в месяц, довольствие, вооружение и экипировку, за исключением шашки и кинжала, с которыми они поступали в полки из дома. Так как большинство всадников-горцев русского языка не понимало и строя не знало, то в полках с начала их формирования на Кавказе находились т. н. кадроые всадники, т. е. строевые казаки кавказских казачьих полков и горцы, ранее служившие в кавалерии, занимавшие должности вахмистров, урядников и инструкторов. Всадники ингуши являлись природными воинами, смотревшими на войну, как на честь и настоящее дело для мужчины. Они были храбры, мужественны и очень способны к усвоению военной науки, так что строевая подготовка пройденная ими, в течении нескольких месяцев, на Кавказе, а затем в районе Проскурова, где дивизия провела также несколько месяцев, была для них совершенно достаточна для того, чтобы полк стал хорошей строевой частью.

Однако, полк был мало пригоден к сидению в окопах и пешему бою, которые в то время требовались от строевой кавалерийской части. Причинами этого было во первых то. что казачьи карабины, которыми была вооружена Туземная Дивизия были непригодны для пешего боя, за отсутствием штыка и, кроме того, залповая стрельба из окопов на большие расстояния была весьма трудна для людей, которые в большинстве своем не знали русских цифр и поэтому не могли устанавливать прицельную рамку на винтовке. Кроме того, полк был очень мал по своему численному составу, так как в сотнях редко бывало более 75—90 всадников, что составляло всего 300—350 сабель на полк. Зато, беспримерными были ингуши в набегах по тылам противника, стычках и атаках, т. е. в действиях, где требовались личная храбрость, находчивость и решительность.

Отношения между офицерами и всадниками сильно отличались от таковых в регулярных частях конницы. В горцах не было никакого раболепства перед офицерами, они всегда сохраняли собственное достоинство и отнюдь не считали своих офицеров за господ —, тем более, за высшую расу. Ингуши народ демократический и, в отличие от других кавказских народов, не имели сословных различий, а если они коголибо уважали, то только за его личные качества, а отнюдь не за происхождение. Будучи небольшим народом, насчитывавшим едва 50.000 душ, ингуши все более или менее, знали друг друга и находились между собой в родственных отношеиях. Службу в своем полку они считали за большую честь и самым большим наказанием считалось — увольнение в первобытное состояние —, т. е. изгнание из полка, что было позором. Это не мешало, впрочем, отдельным людям, время от времени, отлучаться из полка на Кавказ, но обязательно с заменой себя, братом, кузеном или родственником. Понятия всадников о дисциплине были также своеобразны. Честь они отдавали только офицерам своего полка и, в крайнем случае, дивизии, из-за чего происходили часто истории. За своих стояли везде и всегда, мало считаясь, в этом случае, с военными законами и общепринятой моралью.

Конский состав полка был, за исключением офицерских лошадей, плох, из-за того, что ингуши не считали себя обязанными и не умели ходить за конями, так как эта обязанность у них, как у многих других горских народов, лежала на женщинах. С точки зрения строевого кавалериста, ездили горцы плохо и жестоко обращались с лошадьми. Горское седло имеет очень малый арчак, на котором находится очень мягкая, много раз простроченная, подушка. Все это вместе взятое, еще больше чем казачье седло, отделяет всадника от лошади, которую при подобной седловке совершенно не чувствуеш, почему прыгать на таковом седле почти нельзя. Торча, как воробей на заборе, на подобном седле, горец не столько сидит на нем или стоит на стременах, сколько держится за повод, почему горские лошади всегда задерганы и почти поголовно — звездочеты — т. е. при малейшем нажиме повода на рот, закидывают голову назад. Кроме того, благодаря постоянному употреблению нагайки, лошади в полку боялись каждого резкого движения всадника, почему на рубке часто обносили цель.

Помимо того, редко можно было видеть всадника-горца, чтобы он ехал шагом или тротом, — обычный алюр горцев был галоп или быстрая рысь, что неизменно вело к изматыванию конского состава. Бороться с этим злом, несмотря на все меры, которые принимались офицерством, было безнадежно.

Как уже упоминалось выше, первые два года войны было очень трудно внушить всадникам понятие об европейском способе ведения войны. Всякого жителя неприятельской территории они считали врагом, со всеми из этого вытекающими обстоятельствами, а его имущество своей законной добычей. В плен австрийцев они не брали вовсе и рубили головы всем сдавшимся.

Поэтому редкая стоянка полка в австрийской деревне обходилась без происшествий, особенно в начале войны, пока ингуши не привыкли к мысли, что мирное население не является врагом, и его имущества не принадлежат завоевателям.

Помню, как в один из первых дней моего пребывания в полку, не успели мы, офицеры, расположиться на ужин на какой-то стоянке, как по деревне понесся отчаянный бабий крик, как только могут кричать галичанки.

— Ра-туй-те, добры люди-и-и...

Посланный на этот вопль дежурный взвод, привел с собой к командиру сотни всадника и двух, дрожащих от страха "газду и газдыню". По их словам оказалось, что, горец ломился в хату, а когда его в нее не пустили, то он разбил окно и хотел в него лезть. В ответ на строгий вопрос есаула, горец возмущенно развел руками и обиженно ответил:

— Перви раз вижу такой народ... ничего взять еще нэ успел, только стэкло разбил, а... а он уже кирчит.

Служба полка, в те два года, которые я пробыл в нем, сводилась к сидению, время от времени, в окопах, разведках и сторожевом охранении. Изредка, полк принимал участие в общих боях, причем не раз отличался бешеными и лихими атаками, которые покрыли славой Туземную Дивизию, стали, если так можно выразиться, ее специальностью. Австрийцы панически боялись Туземной Дивизии и не были в состоянии выдержать конные атаки горцев, действительно, представлявшие собой страшное и незабываемое зрелище.

Больше же всего дивизии приходилось перемещаться с места на место вдоль австрийского фронта, так как командование нами затыкало прорывы или пускало передовой частью в наступление. Не берусь здесь описывать боевой истории Кавказской Туземной Дивизии, которая, как я надеюсь, будет написана людьми, более меня компетентными, упомяну лишь, о некоторых эпизодах, носивших характерный, для этой части, оттенок.

Помнится мне наша стоянка в галицийском селе Мельница, где нас смотрел Великий Князь Георгий Михайлович, привезший георгиевские кресты для дивизии от имени Государя. Квартирьеры отвели нам, офицерам четвертой сотни, ночевку в доме у местного ксендза. Утром, рано на заре, мы все проснулись от неистового рева, буквально раздиравшего уши. Оказалось, что это выступал из местечка куда-то ослиный, санитарный транспорт Татарского полка. По обычаю своей породы, ослы на утренней заре, считают своим долгом, как петухи, прочищать горло, что по условиям военного времени не везде и не всегда удобно. Поэтому, располагая свой санитарный обоз где-либо поблизости фронта, татары, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания противника, обычно привязывали кирпичи к хвостам ослов. Желая заорать, эти последние, имеют почему-то привычку поднимать вверх хвост, привязанные же кирпичи, не давая хвосту подняться, отбивали у ослов охоту к пению. Вчера вечером транспорт прибыл с фронта и кирпичи были отвязаны, почему горластые скотины утром наверстали все потерянное время.

Часам к 9 утра, полк был выстроен на площади местечка для встречи Великого Князя. Долгое ожидание катастрофически отразилось на стройности ингушского фронта. Непривыкшим к пешему строю горцам скоро надоело стоять, и большинство из них... сели на землю, поджав ноги. Перед лицом публики, глазевшей на парад, стоял, в зеленой чалме и красном жалованном халате, полковой мула, резко выделявшийся из группы начальства, одетого в темные черкески. Его необычайная, колоритная фигура, возбуждала любопытство местного населения, собравшегося поглазеть на торжество. Любопытство это скоро перешло в ужас, когда на вопрос синеглазой паненки, кто-то из офицеров, в шутку, ей ответил, что человек в красном — полковой палач. Панна, взвизгнув от ужаса и помянув "Матку-Боску Ченстоховску", сейчас же передала эту новость другим. Почтенный имам потом был очень удивлен тем почтением и страхом, которое ему оказывали в местечке, в своей простоте душевной не подозревая истины.

После добрых двух часов ожидания, в местечко, наконец, въехал большой черный автомобиль, в котором сидел наш Начальник Дивизии, кн. Багратион и с ним рядом Великий Князь, большого роста человек, с большими усами и золотыми свитскими аксельбантами, также одетый в черкеску. В ответ на его приветствие, полк ответил нестройным гамом, после чего начальство прошлось по фронту, с большим интересом разглядывая всадников, которых Великий Князь видел впервые. С привезенными крестами произошло недоразумение: большинство их у него были 4-й и 3-й степени, тогда, как у нас почти все всадники их уже имели и ждали золотых.

Сутки, которые мы провели на отдыхе на Мельнице, прошли очень весело. Паненки — племянницы ксендза, разглядывая нас, глазам своим не верили, что офицеры-христиане могли командовать таким "бардзо" фантастичным и экзоотическим вуйскем". Из всех окон за горцами следили, скрываясь за занавесками, с жутью и горячим любопытством, женские глаза. Воображаю, в каком виде докатились в это глухое, галицийское местечко, вести о "диких регментах", с такими невероятными прикрасами ходившие по Австрии и Германии.

За обедом и ужином нам приходилось в разговорах с хозяевами, по мере сил, защищаться от обвинений в кровожадности, объясняя им, что представляет из себя, в действительности, Туземная Дивизия. Оказалось, что наши гостеприимные амфитрионы, имели, несмотря на наружно культурный вид, самые дикие понятия о России, уж не говоря о Кавказе и Сибири. Защиту кавказских интересов взял на себя, как абхазец, Шенгелай, я же взялся за исправление в местечке репутации Сибири. Не помню, что именно рассказывал о Кавказе мой приятель, я же не поскупился в описании высокой сибирской цивилизации и договорился до того, что в сибирской тайге просвещение распространено так, что медведей привязывают в трактирах, а соболя желают доброго вечера охотникам.

Во время ужина быстроглазая и стройная служанка пристально нас всех разглядывала широкими, полными любопытства, глазами, причем особенное впечатление произвел на неее огнеглазый и черноусый осетин Агоев. Он со своей стороны все время косился на горняшку, многозначительно покручивая длинный ус. Выступление из Мельницы произошло внезапно, по тревоге, на заре, и из всей семьи хозяев, нас провожала лишь одна Зося, обнимавшая Агоева, со следами счастливой любви на лице.

Вечером, после перехода, мы остановились в каком-то фольварке, где наша сотня получила различные наряды. Мне, со взводом, досталось итти в прикрытие к какой-то тяжелой батарее. Выступив из деревни, мы больше часа шли в полной темноте куда-то в тыл. Дорогу нам показывал проводник-артиллерист. Под конец, когда с фронта перестал доноситься ру-

жейный огонь, и только глухо погромыхивала артиллерия, я усумнился в проводнике.

— Да ты дорогу то хорошо знаешь?

— Помилуйте, Ваше Благородие, чай мы на этой позиции уже два месяца проживаем.

— Ну, брат, удобная у вас позиция, ведь мы уже верст десять от фронта отъехали.

— Так тошно.

Достигнув, наконец, какой-то большой деревни, мы остановились у ее околицы, перед темной хатой, в которой, как мне объяснил проводник, жили офицеры его дивизиона. На мой вопрос, может ли меня принять его командир, заспанный деньщик ответил:

— Так что все г. г. офицеры сплять.

Расседлав коней, мы завернулись в бурки и улеглись на сене под каким-то навесом. Рано утром меня разбудила пронизывающая сырость тумана, закрывавшего землю до вершин деревьев. Когда через полчаса его разогнало взошедшее солнце, я увидел большой огород, закрытый с трех стороны старыми вербами, а с четвертой длинной хатой и хозяйственными строениями. Под вербами, в кустах, стояли попарно четыре длинные пушки, уставивши высоко в небо дула, закрытые кожанными чехлами. Тела их блестели от росы, кругом же никого не было, кроме дремавшего часового, хотя деревня уже проснулась и по улицам слышались мычание и блеяние овец. Деревня, повидимому, была не тронута еще войной и в ней текла мирная жизнь.

Заинтригованный такой мирной картиной, я пошел к хате, разыскивая невидимых артиллеристов. В разбитом окошке был приклеен хлебным мякишем заглавный лист "Огонька", из-за которого слышался солидный храп. Мне навстречу вышел из хаты и отдал честь распоясанный и заспанный солдатишка, повидимому командирский денщик.

— Послушай-ка, кавалер, — остановил я его, — где начальство ваше?

— Воны сплять и будить не приказано.

— Ну, брат, удобно же вы воюете здесь.

— Живем ничего, ваше благородие.

Я вернулся к своим горцам, которые заинтересовались орудиями, и окружив их, перекидывались гортанными словами, пересмеиваясь по поводу мирной артиллерийской позиции. Часам к 8 утра, наконец, из халупы вышел артиллерийский капитан, посмотрел на небо, потянулся и зевнул, щелкнув по-собачьи зубами, но, увидев меня, не закончил этого движения и принял военный вид. Я подошел к нему и представился. Капитан с большим интересом оглядел меня и всадников, и любезно пригласил напиться с ним чаю. В душной хате, на неубранных походных койках, сидело и лежало трое офицеров, вставших при нашем входе.

— Вот, господа офицеры, — сказал им капитан, — хорунжий прибыл к нам в прикрытие.

— Не хорунжий, г. капитан, а корнет Туземной Дивизии, — поправил я его, — только извините меня... от кого же вас здесь прикрывать. Здесь вы от фронта больше десяти верст.

— Ну, все же... неровен час.

— Простите еще раз за нескромность, почему вы не стреляете?

— Как это не стреляем?... Стреляем, вот только чаю напьемся, и начнем...

Действительно, через полчаса, один из поручиков вышел к орудиям и подал две или три негромкие команды прислуге, окружившей одну из пушек. Оглушительный грохот чуть не повалил меня на землю. Мирно стоявшие под навесом наши кони, жевавшие сено и ничего подобного не ожидавшие, присели на задние ноги, а крайний из них, рыжий кабардинец взводного, от неожиданности даже испустил громкий звук.

Выплюнув в голубое чистое небо тучу огня и дыма, орудие откинулось телом назад и замерло. По низам, садам и огородам загудело и покатилось эхо выстрела. Поручик повернулся и пошел в хату, солдаты закрыли намордником свою пушку и также разошлись по своим делам. Следующий выстрел, как они мне объяснили, "полагался через 40 минут". Как оказалось, этот тяжелый дивизион, который я со своим взводом из 12 всадников должен был "охранять", посылал свои снаряды на 12 верст, каждые полчаса, и производил этот полезный труд целыми месяцами, лишь во время сильных боев, увеличивая число выстрелов.

Анатолий Марков.

(Продолжение следует).

История одного ключа

Вместо предисловия

При спешной эвакуации из Владивостока, на судах Сибирской флотилии, адм. Старка, остатков Белой армии адмирала Колчака, в последних числах октября 1922 г., у меня, как и у большинства других офицеров, оказались брошенными ценные вещи и взято наскоро, что тогда казалось нужным. В том числе оказался чудом и ключ от ворот укрепления Канды крепости Карса, который дарю на память дорогой Верочке Калатилиной, родной сестре моей жены, относящейся бережно и любовно к нашей военной истории и хочу этими строками напомнить о прежней славе и доблести нашей Императорской Российской Армии.

Чтобы судить о том, насколько этот ключ является исторической реликвией моей семьи, опишу подробно штурм рускими войсками крепости Карс. Напоминаю, что Карс в то время считался сильною и хорошо вооруженною твердынею, и, только доблесть русского воина

сломила упорное сопротивление турок, преодолев все преграды и укрепления, только что построенные там английскими инженерами.

День пятого ноября 1877 г. выдался с морозцем, не очень крепким, но все же таки чувствительным. Воздух был сух, снега не было.

Кроме нескольких высших начальников, никто в огромном русском лагере не знал, что предстоит ночью, но множество незаметных, с первого взгляда, особенностей в обычной жизни лагеря, говорило за то, что ночь спокойно не пройдет, что предстоит какое-то важное дело. Например, был подтвержден строжайше приказ офицерами и солдатам не курить во время передвижения, понадобились зачем-то в большом количестве потайные фонари. Ротных собак приказано было держать на привязи и, таким образом, никуда при отлучке с места стоянки не брать с собою. Последнее ярче всего свидетельствовало о предстоящем ночном штурме.

(В 1855 г. под тем же Карсом собаки, увязавшиеся за штурмовыми колоннами, испортили Муравьеву все дело, своим лаем они выдали туркам приближение русских. Штурм тогда не удался).

В этот день около полудня были доставлены в Карский отряд георгиевские кресты. Раздавая их, генерал Лазарев напомнил своим воинам о прежней славе и выразил надежду, что и на этот раз они отличатся — возьмут Карс и, таким образом, развяжутся с турками...

Все это были признаки близкого штурма и, не одно сердце билось в течение всего этого дня с тревогой... Наконец, стало заметно вечереть. Мгла окутала и Карс, и его форты, и русский осадный лагерь незаметно перейдя в ночную темноту.

Ночь обещала быть именно такою, какая нужна была для успешного штурма. Совершенно ясное небо и полная луна, взошедшая на горизонте, обеспечивали достаточный свет, при полном безветрии. Мороз крепчал все более и более. Назначенные для штурма батальоны стояли на своих сборных пунктах. Люди ежились, притоптывали ногами, стараясь согреться. Все они свыклись уже с ожидавшими их впереди опасностями и относились к ним с равнодушным спокойствием.

Боевое движение началось в восемь с половиной часов, хотя еще часа за полтора до этого, колонны уже начали незаметно подвигаться вперед. Собак не удалось оставить на месте. Множество их увязалось за своими хозяевами, но на этот раз умные животные держали себя спокойно, во время движения, пока не начался решительный штурм, не тявкнула ни одна собаченка...

Для того, чтобы командующий отрядом и руководитель штурма, ген. Лазарев, мог возможно скорее узнать об его ходе, были установлены следующие сигналы: если взят форт Сувари, с него должны были пустить две ракеты, если взят Канлы — три, Гафиз — четыре. Если ген. Лазарев по этим сигналам увидел бы, что все три форта взяты, он пускает четыре ракеты, и по ним колонны Шатилова и Роопа должны были начать наступление. Шесть ракет разом — означали штурм Карадага.

Боевое движение началось при полнейшей тишине. Тишина была такая, что даже самое напряженное внимание не могло бы услышать среди нее каких-либо звуков надвигавшейся грозы. А, между тем, в этой тишине редкие цепи охотников осторожно, шаг за шагом, продвигались вперед, имея за собой штурмовые войска, шедшие вначале густыми колоннами и, по мере приближения к линии атаки, переходившие в разомкнутый строй ротных колонн.

Около девяти часов вечера кое-где начали раздаваться отдельные выстрелы передовых турецких пикетов, но они скоро смолкли, не встречая ответа. Только русские батареи у селения Джевра, как бы по сигналу, открыли канонаду против Техмисских высот, привлекая к этому пункту внимание и силы противника. Но не прошло и получаса, как почти по всей линии атаки вновь засверкали неприятельские выстрелы и через несколько минут они уже лились сплошным огнем из укреплений и траншей атакованных фортов.

Еще несколько мгновений, и первое "ура" раздалось на левом фланге атакующих. Это, под гром канонады, ворвалась в Сувари колонна князя Меликова. Проводник этой колонны оказался превосходным. Он подвел ее к укреплению незамеченною неприятелем. Кавказские стрелки и кубанцы-охотники, впереди, без выстрела, отбросили передовые турецкие пикеты, без выстрела же подошли под самое укрепление и, осыпанные картечью и ружейным огнем, бросились на него с фронта и обоих флангов. Одним порывом ворвались они в Сувари, штыками уничтожили его гарнизон, испортили и сбросили орудия, штыками же проложили себе путь через наткнувшуюся на них кавалерию и быстро двинулись к мосту через Карс-Чай, дабы войти в тыл укрепления Чим.

В это самое время, т. е., около девяти часов вечера, с Канлы тоже показались огни. Прошло менее минуты, послышалась и ружейная трескотня.

Это проснулись турки. Через четверть часа огни как как бы подвинулись вправо — загорелась такая же иллюминация на Гафизе. Иногда вспыхивало большое пламя, слышался громовой раскат выстрелов — это были дальнобойные пушки.

Бой теперь и кипел, и горел. Вдруг, в половине одиннадцатого, он стих и замер в тишине Канлы — самый грозный из передовых фортов.

На Караджураге, где во время штурма находилась "штаб-позиция", создалось впечатление, что Канлы взят. Но это впечатление быстро изменилось. После минутного молчания, Канлы снова заговорил. Однако, судя по линии огней, видно было, что стреляют не в сторону штурма, а вправо. Огни выделялись не блесткой, а длинным языком. Бой, очевидно, шел, но теперь уже роли изменились. Русские стрелковым огнем отбивались от турок, пытавшихся выбить их из

взятого форта. Линия турецких огоньков, вспыхивавших, словно по зажигательной нитке, виднелась с правой стороны форта. Она не вспыхивала, ни погасала, но, наконец, угасла совсем...

Распоряжавшийся штурмом Канды, граф М. И. Граббе направил полковника Кожункина с его тремя батальонами Севастопольцев, и двумя Имеретинцев, на левый фланг укрепления, а сам, с тремя батальонами — перновцев, севастопольцев и стрелков, двинулся к правому его флангу. Впереди шли охотники-севастопольцы, под командой подпоручика Ходйковского. Им приходилось пробираться через волчьи ямы, ограждавшие не только укрепления, но и ближайшие к нему траншеи и передовые редуты.

Картечный и ружейный огонь так и лился на смельчаков, но они шли вперед и, наконец, вскочили через бруствер, в передовой редут.

Удальцов-севастопольцев, поддерживали следовавшие за ними две роты Имеретинского полка, которые вел сам их полковой командир, полковник Карасев.

Гарнизон взятого редута был уничтожен и охотники ворвались в форт, успев овладеть частью его. Казалось, что их появление в этом сильнейшем укреплении было положительно неожиданностью для защитников последнего. Целый табор турок побросал ружья и сдался было в плен, думая, что эти, упавшие как снег на голову, роты только голова большой штурмовой колонны. Это ослепление скоро прошло, и сдавшиеся турки снова схватились за брошенные было ружья.

Подавляемые страшным огнем, охотники - севастопольцы все-таки не отступили и держались твердо в ожидании подкреплений.

А подкрепления не шли. Остальная часть колонны Вождакина, увидев передовой редут Канды занятым, подалась вправо и попала по дорудийный огонь батареи Фейзи-Бей. Чтобы избавиться от него, Вождакин приказал взять это укрепление. Тогда вся колонна с громким "ура", бросилась на ближайшую траншею, штыками смела все живое с нее, и, овладев батареею, начала устраиваться для движения вперед.

Командующий колонной полковник Вождакин был сильно контужен в самом начале этого движения и должен был оставить свои войска, передав начальство командиру Имеретинцев, полковнику Карасеву.

Первая колонна билась уже в форте, а, одновременно с нею, левая колонна, под командой самого графа Граббе, с четвертой ротой первого батальона ~~кавказских стрелков~~, вышедшей в охотники, и с остальными ротами того же батальона, следовавшими за нею, обошла редут правого фланга и кинулась на главное укрепление.

Граф Граббе, командир второй бригады первой гренадерской дивизии, был боевой кавказец. Он с 1854 г., почти тотчас по окончании Пажеского корпуса, служил в кавказских полках. В 1868 г. тяжелая рана, полученная в деле на р. Фарсе, когда он командовал Куринским полком, заставила его выйти в отставку, но с открытием войны, Граббе опять вернулся в строй, был сперва траншей-майором при осаде Карса, получив за подвиги орден св. Георгия 4-й степени и был произведен в генерал-майоры, с назначением командиром вышеупомянутой бригады.

Здоровье его было очень слабо, но он все-таки оставался под Карсом, хотя не один раз высказывал уверенность, что штурм благополучно для него не пройдет. Теперь, очутившись под Канды, Граббе послал часть стрелкового батальона для обхвата крайнего правого фланга, а сам с перновцами и севастопольцами, кинулся на штурм форта с фронта. Здесь, в нескольких шагах от цели, вынесшись вперед своих солдат и увлекая их за собой, Граббе был на-смерть поражен пулей, угодившей ему прямо в сердце. Но возбужденное им увлечение не пропало. Солдаты, видя смерть любимого командира, неистово кинулись на бруствер центрального укрепления.

Начальство над ними принял командир перновского полка, полковник Белинский. "Ура" разлилось вокруг Канды.

Вторая рота стрелкового батальона оказалась впереди всех.

Командир стрелков, майор Герич, так воодушевил своих людей, что они, сделав неимоверное усилие, успели овладеть вершиною бруствера центрального укрепления и, таким образом, явились на помощь уже изнемогавшим в бою охотникам - севастопольцам и Имеретинцам. Огонь турок стал заметно слабеть. Защитникам Канды приходилось теперь отбиваться с двух сторон. Посланные Граббе, до его смерти, стрелковые роты, обошли форт с тылу, и оттуда вскочили во внутрь главного укрепления. Внутри Канды закипел ожесточенный штыковой бой, во время которого погиб смертью храбрецов майор Герич.

Между тем, явилось новое непредвиденное обстоятельство, форт Канды замыкала, составляя его редут, казематированная казарма. В ней укрылись несколько сот турок, и, на овладевших укреплением героев, с двух ярусов казармы, неудержимо лился свинцовый дождь.

Канды был взят, но казарма оказывалась неприступной. Пули не только не допускали к ней людей, уже истомленных и ослабленных несколькими часами горячего кровавого боя, но и не допускали для них возможности держаться внутри укрепления.

Большая часть старших офицеров выбыла из строя, убыль в людях становилась все чувствительнее, а, между тем, нечего было и расчитывать на скорое прибытие сильных подкреплений. Нужно было так или иначе разделаться с башней. Полковник Белинский решил сделать эту попытку. Он вызвал охотников и сам бросился к воротам башни, чтобы разломать или сбросить их.

Свинцовый ливень так и обдавал сверху, напрасно жертвовавших жизнью, храбрецов. Их усилия были напрасны. Тяжелые железные ворота не поддавались. Белинский, пораженный на смерть, пал около них, остальные, волей-неволей, должны были отойти прочь. Под выстрелами казармы, в укреплении оставаться было невозможно. Войска вышли из него, за-

ложив свою цепь на вершине бруствера, а сами собрались во рву.

Между тем, сильнейший руженный и артиллерийский огонь охватил все пространство между Канды, Сувари и городом, из которого, а также из ближайших лагерей показались свежие турецкие войска.

Когда это положение выяснилось, командующий корпусом, г.-ад. Лорис-Меликов послал начальника инженерного корпуса, полковника Бульмеринга, принять начальство над войсками у Канды. Кроме того, было приказано итти на Канды кавалерии, под начальством ген.-лейт. князя Чавчавадзе, руководивший же боем Лазарев, направил туда же из резерва батальон владикавказцев и две роты Имеретинцев, к которым на пути следования, присоединился батальон перновцев, дотоле бывший в резерве колонны покойного Граббе.

Турки, засевшие в Казарме, вообразили, что они одержали победу и осмелели настолько, что стали выходить из нее и кидаться в атаку на засевшую вдоль вершины русскую цепь. Было уже близко к полуночи, а казарма и вместе с нею и Канды все еще держались.

Турецкие атаки из Казармы становились все упорнее, изнеможенные победители едва держались на своих местах.

В эту решительную минуту ген.-л. князь Чавчавадзе приказал двум первым, подоскакавшим к Канды сотням казачьего Волгского и Дагестанского конно-иррегулярного полков, спешившись, поддержать истомившуюся цепь. Быстро и отважно выполнили молодцы это дело. Мигом перебежали они ров, вскочили на едва доступную крутизну бруствера и залегли на нем.

Живой огонь их мигом заставил турок поспешно очистить внутренность укрепления и убраться назад в казарму. Тогда, явившийся уже в Канды, полковник Бульмеринг, разделил свои войска на две колонны и вновь отправил их в обход против обоих флангов Канды.

Левой колонной начальствовал он сам, правой полковник Карасев.

Впереди левой колонны был пущен севастопольский батальон полковника Энгеля. Он ударил на турок как раз в то время, когда кавалерия, под начальством князя Чавчавадзе, заскакала в тыл наступавшим от города свежим турецким войскам. Удар с двух сторон был так силен, что турки были отброшены, кавалеристы вслед за ними ворвались в лагерь за укреплением и, тесня неприятеля, вогнали его обратно в город.

К часу ночи все укрепление Канды, со всеми его системами траншей, было уже в Русских руках. Держалась еще казарма, но теперь победители были защищены от выстрелов из нее.

Кипень кровавого боя из-за Канды, поглотила все внимание руководителей штурма и совсем затушевала собою третий, отчаянный штурм, штурм укрепления Гафиз. С Караджукара приметили только, что Гафиз страшно расшумелся. Огоньки с него перебегали по невидимой в темноте линии, как будто турки не бились отчаянно, а просто устроили красивый фейерверк.

Трескотня ружейных выстрелов то и дело покрывалась глухими зловещими ударами — это верхние форты Араб и Карадаг вступили в бой. Скоро и они озарились десятками и сотнями, то и дело вспыхивающих и потухающих, огоньков. Слышно было протяжное, будто надорванно-стонущее "ура", но результат оставался на Караджукаре совершенно неизвестным...

Между тем, вот что произошло с Гафизом.

Генерал Алхазов, которому было поручено взять этот форт, разделил свои войска на две колонны. Правая состояла из 420 охотников Владикавказского и Кутаиского полка и саперной команды, с двумя кутаисскими батальонами в частном резерве, левая же состояла из двух батальонов Владикавказского же полка. Первою колонною командовал полковник Фадеев, второй — майор Урбанский. Колонны должны были одновременно атаковать Гафиз с обоих его фасов. У Алхазова в резерве оставалось по батальону тех же полков.

Будто по предварительному уговору, турки и эти колонны встретили огнем ровно в девять часов... Огонь из Гафиза был поддержан огнем из Карадага. Между этими укреплениями посреди были траншеи и колонне Фадеева, чтобы добраться до левого фаса Гафиза, нужно было прежде всего очистить их от неприятеля. Чтобы не подвергать их фланговому огню, молодцы Кутаисцы, без выстрела, с криком "ура", страшно звучащим в ночной темноте, кинулись на траншеи. Турки не выдержали натиска и начали спешно отступать и скоро обратились в бегство.

Кутаисцы кинулись вслед за ними и штыками гнали неприятеля от одного прикрытия к другому. Вряд ли они, в своем боевом увлечении, и сами сознавали, куда идут, преследуя беглецов. Зато увидал это и ясно понял, что может произойти из натиска, по принятому Кутаисцами направлению, Фадеев.

Выбитые из траншеи турки бежали не в Гафиз, а хорошо им знакомой дорогой в нагорный неприступный Карадаг, откуда даже и замечали их отступления.

Карадаг вовсе не входил в круг действий колонны Алхазова, против него, по диспозиции, должна была только демонстрировать колонна Рыдзевского, но на войне побеждает тот, кто умеет пользоваться внезапно складывающимися обстоятельствами. Фадеев, очевидно, помнил эту истину, указанную еще Суворовым. Собрав пять Кутаисских рот, он оставил совсем левый фас Гафиза и кинулся на батарею у подножья Карадага.

Куда-куда, а сюда турки никак не ожидали решительного наступления. С лёгкостью, какую трудно себе представить, овладели Кутаисцы батареей. Растерявшиеся турки бросили ее и опрометью, отстреливаясь находу, бросились вверх на гору к своему неприступному укреплению. Огонь их выстрелов показывал путь русским удальцам. В темноте, по едва доступной крутизне скатов, шли они по пятам за

врагом, хорошо знавшим здесь дорогу и, на его плечах ворвались в Карадаг...

Это была неизмеримо дерзкая по своей храбрости попытка, но не даром древняя пословица говорит, что "смелым Бог владеет", получаса не прошло, как гребень Карадага был взят и удальцы окружили Знарет. Подсаживая друг друга и цепляясь за неровности стены, взобрались они на верхнюю площадку башни, одни кинулись к орудиям, другие, не прерывая наступления, рванулись с тылу в самое карадагское укрепление... на

Мгновенно смолк и погрузился в темноту самый грозный из фортов Карса. Внезапность и быстрота атаки сделали невозможным дальнейшее сопротивление гарнизона. Большая часть его погибла на штыках атакующих, остальные в паническом ужасе кинулись к форту Араб, увлекая с собой назад турецкую пехоту, кинувшуюся было из лагеря на помощь Карадагу.

Совершенно непредвиденно и неожиданно, Фадеев со своими Кутаисецами и Владикавказцами разрешил труднейшую из задач штурма... Но и этим не ограничился этот "суворовец по духу", "смекалке и энергии". Следом за убегавшими к Арабу турками был отправлен им отряд охотников, под начальством прапорщика Поливанова. Молодцы, в своем неостывшем боевом увлечении, дорвались до самого Араба, но турки опамятовались, и их, пришедшие в себя и устроившиеся в боевой порядок, таборы встретили малочисленных храбрецов сплошным огнем. Поливанов пал почти около турецких рядов. Потерявший начальника и большинство рядовых, отряд должен был возвратиться назад.

Ободрившиеся турки перешли сами в наступление. Несколько раз кидались они штурмовать Карадаг, но каждый раз их отбрасывали с огромными потерями. Поздно хватились недавние защитники Карадага.

Чувство презренной зависти незнакомо было кавказским орлам, этим честным Царским слугам. Алхазов сейчас, как только узнал о непредвиенной удаче на Карадаге, послал Фадееву подкрепление, и Карадаг остался навсегда в руках русских.

Пока совершалось все это, майор Урбанский, начальник правой штурмовой поконны (Алхазовской), тоже сделал свое дело. Случай не дал ему неожиданной удачи, но герой и без этого обезпечил успех штурма на Гафиз. Он со воими Владикавказпами овладел всеми правофланговыми турецкими траншеями и оказал помощь Севастопольцам из колонны Вождакина при их атаке на серединную батарею Фейзи-бей.

Алхазов, узнав о всем происшедшем, немедленно приказал бывшему при нем командиру Владикавказского полка полковнику Козелкову взять из резерва батальон и штурмовать Гафиз оттуда, где должен был ворваться в него Фадеев. Как только Козелков повел солдат, генерал и сам пошел за ними следом.

Владикавказцы, ободренные успехами соратников, львами кинулись под встретивший их проливной огонь турок. — Ура — гремело, неумолкая. При первом же натиске турки подались во внутрь укрепления. Укрывшись и устроившишь за каменною казармою, разрушенной нашим бомбардированием, они решились было сами ударить на отряд Козелкова, однако, и здесь момент был пропущен. К Козелкову подоспел Алхазов с Кутаисцами. Оба отряда дружно ударили на врага, и Гафиз был взят. Колонна перешла в наступление и начала теснить к городу неприятельские войска, собиравшиеся за Гафизом.

Было около двух часов ночи. Кроме казармы в Канды, все укрепления на правом фланге были взяты и укреплены в руках штурмующих. Свободные части колонн Алхазова и Бульмеринга, завладев лагерями и ближайшими постройками, стали проникать и в самый Карс.

На левом фланге были Тохмис (укрепление по своей силе равное Карадагу), Чим, Вели-Паша и другие менее значительные укрепления. Против Тохмиса и Чима должна была действовать колонна Комарова.

Генерал отправил на Чим командира Пятигорского полка Букчиева с его тремя батальонами, артиллерийской и саперной командами, а подполковника Стахевича с двумя Ростовскими батальонами послал на гору Муха, чтобы демонстрацией против Тохмиса прикрыть движение первой колонны. На Столовой горе со всей артиллерией своей колонны был оставлен в резерве батальон Ростовцев.

Букчиев, который должен был переходить через Карс-Чай, подошел к мосту через него в восемь часов вечера, Стахевич к этому времени уже успел занять назначенную ему гору, сбросив с нее турецкие аванпосты.

Как раз в это время с Сувари загремели выстрелы — это атаковал укрепление Меликов. Услыхав пальбу, Букчиев сейчас же двинул вперед свою колонну и, пройдя мост, вошел в прибрежное ущелье Карс-Чай. Тут всей колонне пришлось окунуться в яростный огонь турок, засевших на кручах — пули сыпались и сверху, и с флангов, и с форта. Вызваны были охотники, и они кинулись на врага, поддерживаемые двумя ротами. Первые препятствия удалось им быстро уничтожить, но, сбитые с круч, турки собрались и внезапно появились на правом фланге Пятигорцев. К ним на помощь с Шарахских высот сползли таборы пехоты, отправленные в Сувари.

Колонна переменила фронт и сама атаковала неприятеля, бросившись на него в штыки. Турки отступили но, подкрепленные новыми таборами из Тохмиса, заняли ложементы и встретили нападавших проливным дождем ружейного огня. Букчиев неустрашимо вел свои батальоны, не обращая внимания на то, что Чим так и брызгал по его отряду свинцовым дождем. Энергия Пятигорцев была безпредельна. Каким-то путем до них дошла весть о случайном взя-

тки Карадага Кутаисцами, и это так воодушевило их, что они врезались в турок, чтобы на их плечах ворваться в передовые укрепления.

Живою волною влились в них Пятигорцы. Теперь они были под самыми верхами Тохмиса, и отступление казалось невозможным. Успех обещал блистательные результаты. Вблизи показались три Ростовские роты. Букчиев с криком — УРА — бросился на прикрытый путь и ров и все кто были кругом, с громовым — УРА — кинулись за своим командиром.

Тройным рядом, ружейного огня засверкали брустверы Тохмиса. Как из грозовой тучи, град пуль, картечи, ручных гранат полетел в ров. Герой-командир был ранен пулей в живот, но он будто и не заметил этой раны — весь окровавленный он звал своих удальцов вперед. Те ринулись за ним вверх по валу, и в это решительное мгновение разорвавшаяся ручная граната положила на месте Букчиева. Около него в одно время с ним полегло более полусотни шедших вперед охотников. Геройские усилия оказались напрасными — Чим был неприступен. Изнемогшие Пятигорцы и Ростовцы отхлынули на прилегающие высоты, спустились с них к Карс-Чаю и там начали устраиваться к повторению штурма, но теперь уже не на Тохмис, а на Чим, куда им и должно быть итти по диспозиции.

На Чим в это время должна была кинуться взявшая Сувари колонна Меликова. Штыками пробились кубанцы и кавказские стрелки к первой переправе через Карс-Чай и кто вброд, кто по плавучему мосту перебрались на другую сторону. Здесь, устроившись в ближайших улицах городского предместья, колонна внезапно вышла в тыл укрепления Чим.

Внезапная и энергичная атака открытого с горки укрепления представляла, казалось, все шансы на успех. Не желая дать неприятелю время устроиться и видя, что со всех сторон спешат подкрепления к гарнизонам и из ближайших домов открыт уже по нашим войскам ружейный огонь, командир колонны, князь Меликов, повел ближайшие подошедшие ее части на штурм. Чим встретил атакующих невообразимой массой огня, — из-за каждого большого камня на склоне высоты сыпались пули, и преодолеть эту свинцовую массу оказалось невозможным, тем более, что вождь колонны, князь Меликов, получил смертельную рану — по счету тринадцатую в его жизни. Колонна должна была отойти. На пути ее отступления попалось кладбище, и там засели кубанцы и стрелки, открыв отчаянную перестрелку с защитниками Чима. Жутко пришлось им тут. Силы турок наростали все более и более, а на скорое подкрепление надежды не было и волей-неволей засевшие было на кладбище воины стали отходить из него к берегу Карс-Чая.

В это время с величайшей энергией вершила порученное ей дело предназначенная для демонстрации против северо-западных фортов колонна полковника Черемисинова. Твердо шли Несвижцы против Лозь-Тепеси и даже успели занять передовые укрепления этого форта, но взять укрепление оказалось невозможным, несмотря на геройские подвиги и офицеров и солдат.

Столь же энергично и неотступно велась и демонстрация против Араба и Карадага мацринским отрядом ген. Шатилова. Этот заслуженный полководец пустил на Карадагские высоты хорошо знакомых с местностью абхазцев и гурийцев, но Карадаг был взят уже Кутаисцами к началу движения последних, и Шатилов приказал своим войскам штурмовать Араб.

Предшествуемые охотниками, под начальством поручика Тхоржевского, бросились на Араб с фронта два абхазских батальона. Один батальон был направлен для завладения промежутком между Арабом и Карадагом, а вслед за абхазцами и гурийцы атаковали укрепление с флангов и тыла. Тхоржевский со своими охотниками первым вскочил на бруствер, и Араб был взят не более, как в четверть часа. Оставшиеся в живых его защитники частью были взяты в плен, частью бежали в ущелье Карс-Чая, спасаясь под прикрытием нагорных шарохских и тохмисских фортов.

Наступил рассвет. Под угрозой разбить стены пушками, сдались казармы в Канлы. Участь Карса была решена.

Русскіе войска были уже в городе, запершийся в цитадели гарнизон отворил ворота направлявшимся на штурм их владикавказцам.

Только изредка с нагорных фортов Мухлиса, Вели-Паши, Тохмиса гремели орудийные выстрелы, прикрывавшие отступление турок за Карс-Чай.

С первыми лучами солнца на всем пространстве высот левого берега видны были огромные неприятельские колонны, выходившие из фортов и укреплений и направлявшиеся на Эрзерум и к перевалам Саганлуга.

Как только замечено было это движение, ген. Ропп сейчас же отправил всю свою кавалерию преследовать неприятеля, которого уже громила артиллерия колонны Черемисинова. Князю Щербатову было приказано преградить путь уходившим на Аравосток, драгуны-северцы и кизляро-гребенцы, под командою полковника Батиевского, должны были приостановить неприятельских кавалеристов, успѣвших прорвать цепь наших аванпостов, для удержания пехоты были выставлены ростовцы с 12-ю орудиями.

Преследование было удачно, турок ушло совсем немного.

К полудню 6-го ноября дело было кончено — Карс, со своими грозными фортами, с трехсотпушечным вооружением, с 32-таборным гарнизоном, снабженным огромным продовольственным и боевым запасом, перешел в руки победителей.

Депутация из наиболее уважаемых горожан вышла навстречу ген. Лазареву, когда он около полудня въезжал в покоренный город.

Общие потери при взятии Карса убитыми, ранеными и контуженными состояли: из двух генералов, 75-ти штаб и обер-офицеров и 2.196-ти нижних чинов. Потери турок были громадны — одних только

убитых в первые дни после штурма было подобрано более 2.500. Пять пашей, до 800 офицеров, 17.000 нижних чинов и 303 орудия стали трофеями победителей.

Энергия турок ослабела. Вскоре после занятия Карса, занят был и Эрзерум, и затем на Малоазиатском театре войны особенно выдающихся событий не было.

Честно послужили матери РОССИИ, ее орлы.

И генералы, и солдаты до конца исполнили свой святой долг. Офицеры везде служили примером своим подчиненным.

Слава героям. Да будет легкая навеки земля павшим на поле брани и усопшим в последующие годы.

МИР ИХ ПРАХУ.

При взятии крепости Карс, а в частности, укрепления Канды с его системой траншей, железными воротами Башни и двух-ярусной Казармы, как было указано выше, здесь были убиты герои-начальники: граф ГРАББЕ, майор ГЕРИЧ, полковник БЕЛИНСКИЙ, погибший у самых ворот, при нашем штурме.

После его гибели, начальником был назначен, начальник правой колонны полковник КАРАСЕВ, командир Имеретинского полка.

Ключ от железных ворот укрепленной башни (где так много легло наших храбрецов), форта Канды, что значит месть, был взят полковником КАРАСЕВЫМ, а впоследствии им был подарен, его же полка, молодому офицеру — моему отцу, вышедшему из Оренбургского юнкерского училища, (после окончания 1-го Сибирского кадетского Корпуса), в 157-й пехотный Имеретинский полк, во время Русско-Турецкой войны 1877-1878 г.г.

В полку моего отца любили, офицеры его звали — Мухтар-пашею.

Примечание: Подробности штурма крепости КАРС взяты из представленного Августейшим главнокомандующим Кавказской армией рапорта, а также составленного по устным рассказам моего дорогого отца.

Леонид Сейфуллин.

Скифская быль

(Продолжение)

IV

Хвала вам, Изида, Аммон и Озирис...
Хвала вам, все боги Хэффру...
За Край, где зачат я, родился и вырос,
За царственный Нил и священный папирус,
Душою от мук расцветая и ширясь,
Я с радостью в пытках умру.

О скифы, — туманов и Мрака исчадье!
Се ныне окончены ваши пути. —
Вы мнили из Ура с награбленной кладью
Обратно за данью в Египет идти? —

Безумцы! — моим вы доверились клятвам,
И выполнен мною вам данный обет:
Я в Ур вас привел. — Но из Ура назад вам
Уже ни пути, ни спасения — нет.

Дерзнувшие меч обнажить на Египет, —
Се ныне и вы да познаете страх:
Вас солнцем сожжет, и песками засыпет,
И ветры пустыни развеют ваш прах.

Вы преданы в руки свирепой Сохтэтцу*)
И бесов ее окружает вас тьма:
В душе вашей ужас, отчаянье — в сердце,
Смятение в мыслях, и в жилах — чума.

Мне сладостны ваши мученья и язвы.
И зрелище вашего смертного дня.
Хотя бы за это и в тысячу раз вы,
Терзаньям страшнейшим предали меня...

Хвала вам, Изида, Аммон и Озирис!..
Хвала вам, о боги Хэффру...
За вас, за Египет, за Нил, за папирус,
За дом, где зачат я, родился и вырос,
Я с радостью в муках умру...

V

А и вправь, дела у нас неважны... —
Сколь ни будь мы стойки и отважны, —
Что подеешь мужеством с чумой?
Так покуда силы не иссякли,
Надо нам скорее так ли, сяк ли
Из Халдеи поспешать домой...
Знать сильны Мемфисские заклятья:
Трупный смрад стоит над ратью, братья,
Чуть не каждый в Уре занемог...
Мы жреца, конечно, покарали, —
Ободрали, посолили и распяли...
Да с того — велик ли делу прок?..
Нам на гибель старый и погиб-то...
Не дойти нам, братья, до Египта:
Всей пустыней путь загорожен.
Все до капли выпиты колодцы...
Нам теперь одно и остается,
Что домой ломить на Бавилон.

---

*) Египетская, львицеголовая могиня мести, дочь Ра и супруга Птаха.

Хоть и много сил у Вавилона,
Хоть и многим не избечь полона,
И хоть лягут многие в пути,
Да с безводья вымереть не краше. —
И назад, в родные степи наши,
Нам пути иного не найти.
Пусть же все, — и женщины, и отроки
Сядут на-конь, вьюки пересмотрят,
Сохранят оружие одно...
А больных и слабых нам не надо:
Пусть цуг с обозами и стадом...
Хоть сквозь вражьи крепи и засады
Им пробиться вряд ли суждено.
Путь лежит нам тяжкий и кровавый.
Что поделать? Пасть — так уж со славой,
До конца оружье сохранив. —
Скиф умрет без жалобы и стоя...
Но во веки под ярмо чужое
Не склонится побежденный скиф!
Пусть, быть может, нас дойдет и мало
В наши степи, к синему Уралу,
Под родной, — не здешний, — небосклон...
Но и те, любовно издалеча,
Донесут от сгинувших на сече
Наш последний Родине поклон.
И свершат нам тризны по кочевьям,
И помянут девки плачем девьим,
И споют о нас навеселе...
Так чего ж нам, братья, опасаться? —
Павшим с честью — сладко будет спаться
Даже в здешней, вражеской земле.

VI

В Вавилоне великий готовится праздник:
Для вверженья пленников роются ямы,
Раскаляется печь для свершения казней,
И цветочные цепи плетутся для храма.

Вавилонские полчища силой немалой,
Наседают на скифов, бегущих от Ура, —
Рвут усталое войско во славу Баала,
Что шакалы — от ран ослабевшего тура.

Но хоть тур и ослаб, — осторожны шакалы:
Поотведав не раз его турьего рога,
Отбивают обозы, полоняют отсталых,
А ломящимся грудью — уступают дорогу.
Жаль! — не выйдет с сожженьем на празднестве толку —.

Слишком скифские воины злы и коварны:
Лучше сами себя добивают осколком,
Чем пощаду, — на время, — принять благодарно.

Не удастся пожрать вавилонскому богу
Ни красавиц-скифянок, ни детей белокурых...
Правда, взять-то их взяли живьем — и помногу —
По отбитым обозам с добычей из Ура...

Но хоть голыми заперты были и босыми, —
Полонянки в темницах при Бааловом храме
Чад своих удавили своими же косами,
А подружки подружек — руками.

VII

В стан прискакали лазутчики с поиска,
Скифы седлают в тревоге и в гневе. —
Силой несметной айранское войско
Им преградило дорогу на север:

Тьмы камнеметов, копейщиков, лучников,
Кони, верблюды, слоны, колесницы... —
Вряд ли сквозь эти айранские тучи
Скифам к родимым степям проломиться?..

Разве — назад повернуть к Вавилону?
Но и на юге — железной стеною
Все перевалы закрыли заслонами
Полчища вражьи, готовые к бою,

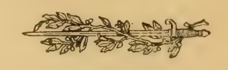
Что тут решат их жрецы и начальники,
Мудрые думой и кровью горячие? —
Лики их хмуры и очи печальны: —
Видно и им не по сердцу задача...

Видно и им, поседевшим на рати,
Знавшим немалые скорби иные,
Тяжко пожертвовать лучшими братьями,
Лишь бы домой прорвались остальные.

Только, уж значит, такая судьбина:
Лучшие из-веку гибнут на брани. —
Пусть же хоть память о них не остынет,
Слава о них — не увянет.

Н. М.

(Продолжение следует)

ДЕНЬ В МОРСКОМ КОРПУСЕ

(Посвящается выпуску 1915 года)

Зимнее петербургское утро.

На улицах светло или, во всяком случае, таково мнение фонарщика, который, проворно обежав линию керосиновых фонарей, ткнув своей длинной палкой в каждый из них, теперь уже медленно, возвращается в обратном направлении, убедиться, все ли лампы погасли.

Воздух полон той глубокой тишины, которую можно ощущать, если не сказать "слышать", когда все вокруг, крыши домов, тротуары, гранитный парапет набережной и сама заледенелая Нева, покрыты пушистым белым ковром, а свинцово-серое небо низко нависло над еще сонным городом. За исключением сгорбленной, ныряющей при каждом шаге вперед, фигуры фонарщика, на улице — никого, а когда он повернул за угол, стало совершенно безлюдно. Только с, покрытого ночным снегом, пьедестала чугунный адмирал Крузенштерн, одинокий на пустынной набережной, строго уставился на широкие двери парадного подъезда Морского корпуса. Последние, лениво падающие хлопья снега мягко садятся на его фуражку и плечи, подчеркивая его трагическую неподвижность.

В эти двери, каждую осень, на его глазах, неуверенной походкой входит новая сотня молодежи с разных концов России, и каждую весну, под его же взором, высыпает радостно-самоуверенная толпа мичманов, перед тем, как вступить на палубы кораблей военного флота пяти морей, омывающих берега Российской империи. Если бы этим чугунным устам, но согретым весенним солнцем, было бы дано произнести хоть несколько слов предостережения...

В утро, о котором идет речь, окна широкого фасада старинного здания Морского корпуса, выходящего на Николаевскую набережную, несмотря на ранний час — ярко освещены. Сквозь нижние ряды матовых стекол видны мелькающие внутри тени. Повседневная, до минут распределенная, жизнь семисот кадет и гардемарин, началась час тому назад, когда в спальнях отзвучали горны, играющие тягучий, навязчивый сигнал побудки.

— Вставайте, господа, не валяйтесь, — проходят меж рядов кроватей, дежурные по ротам.

В изголовьи каждой кровати, висит дощечка с фамилией ее владельца, что облегчает дежурному офицеру, проходящему минут через десять после сигнала, сердитым окриком по фамилии, извлечь из под одеял последние, наиболее упорно прячущиеся, головы любителей понежиться в теплой постели.

Гул голосов, плеск воды, стук рукомойников в умывалках. "Бодряги" растирают себе, голое по пояс тело, холодной водой, покрякивая, "неженки", пожимаясь от холода, ждут своей очереди, торопя тех, кто оказались первыми. Застегивая на ходу синие голландки, гардемарины спешат в ротное помещение, так как вскоре в дверях снова появится горнист и, с выпученными от натуги глазами, начнет играть сигнал для утреннего чая.

— Во фронт... Во фронт... — слышна команда дежурных и фельдфебелей.

Роты выстраиваются, каждая в своем помещении, затем, по лестницам и коридорам, направляются в Столовый зал, еще освещенный электричеством, садятся за столы с дымящимися, объемистыми кружками горячего чая. Возвращение обратно — не строем, а группами или в одиночку. Через десять минут:

— Переодеться в высокие сапоги, — раздается команда, перед утренней прогулкой.

Восемь часов утра. Из боковых ворот корпуса, одна за другой, вытягиваются три гардемаринских и три кадетских роты, перестраиваются в колонны повзводно и бодрым шагом, по свежему снегу, оживленные легким морозцем, в 15-20 минут огибают один из прилегающих к корпусу кварталов.

Два женских Института обращены своими фасадами на "линии", по которым проходят роты. Не обходится без любопытных взглядов в сторону их, тоже уже освещенных, окон, но, в них не один, а два ряда стекол — матовые, и если, очень редко, над ними мелькнет хорошенькая головка, то это лишь доказательство отваги барышни, взобравшейся на подоконник. Можно себе представить печальные последствия, если бы она была застигнута классной дамой в таком странном положении. Историческое происхождение второго ряда матовых стекол таково: однажды, Отец Удимов, общий законоучитель в институтах и в корпусе, пересекал улицу. Его взгляд был привлечен ажитацией в одном из окон корпуса, где два молодых человека выставляли листы бумаги, с крупными на них буквами. Обернувшись назад, он увидел подобное же явление в окнах института. Хотя, строго говоря, ни одна из заповедей нарушена не была, но его пастырское попечение не могло помириться с этим, несомненным, ущербом для добродетели благородных девиц и, по его совету, вторые ряды стекол были забелены в обоих институтах. С той поры, только раз в году, девичьи сердца били тревогу, это, в среду, на Масляной неделе, когда институток везли на дневное представление в Мариинский театр. Но, в этом случае, сами барышни торопились, как можно скорее проскочить расстояние от подъезда до дверцы кареты, под многочисленными взорами со стороны окон Корпуса, так как их ножки были обуты в безобразные "прюнелевые" ботинки.... Вы представляете себе весь ужас положения? А, уж, всегда найдется

пасмешник, с противоположной стороны что, открыв форточку, успеет крикнуть:

— А туфельки-то, туфельки, какие?

Так вот, наша Третья, то-есть Младшая Гардемаринская, рота, в высоких сапогах, в теплых бушлатах и с развевающимися ленточками фуражек, шагает по улице. На правом фланге взводов, "капралы" из старших гардемарин, поэтому, ближе к ним, соблюдается равнение, а чем дальше, тем строй небрежнее и слышны разговоры вполголоса, а иногда — взрывы громкого смеха.

За несколько шагов до поворота в поперечную улицу, вдруг предостерегающий голос:

— Лешка на углу!..

Это из первого взвода, глазастый Геринг заприметил черную бороду и "морскую грудь" Начальника Строевой части. Несмотря на ранний час, генерал-майор Е. вышел на наблюдательный пост, проверить порядок в ротах, на прогулке. Фельдфебель только глазом провел по рядам, как они уже были безукоризненны.

— Смирно... Равнение налево... — командует он.

— Голевы, голевы поворачивайте, — слышится сердитый голос с произношением второго "о" как "е".

Встреча с генералом не всегда сходит так благополучно, как сегодня. Иногда, рота идет не в ногу, небрежно, с разговорами, как вдруг, совершенно неожиданно, из-за угла раздается:

— Такая-то рота, стой...

Понятно ряды сломаны.

Приземистая, короткая фигура, переваливаясь с ноги на ногу, но, выпучивая грудь, чтобы иметь вид строевика, медленно приближается. Сквозь пенснэ, пронизывающие черные глаза обегают строй, немедленно находят и "сверлят" виновных.

— Ваша фамилия? — это кто-то выскочил вперед.

— А ваша? — кто-то отстал.

— Оба — две недели без отпуска и трое суток под арест. Доложите ротному командиру.

Незастегнутая пуговица или фуражка на затылок — стоят не меньше, а если еще фуражка с вынутым каркасом, вместо форменной "хлеборезки" — совсем плохо. Месяц без отпуска. Это уже совсем несчастье.

Борьба начальства с неформенными вещами обмундирования — беспощадна. Гардемарину хочется иметь вид "фортовый", то-есть по ноге сшитые собственные сапоги, заказанные у Луйка или Мутанена, а не безобразные, казенные, с рыжими голенищами. Палаш привлекателен, когда он длинный, со стальными ножнами и гривенником внутри, чтобы брячал при ходьбе, ударяясь о левую ногу, а не казенная "селедка" какая-то в кожаных ножнах. Волосы, говорится в Уставе, должны быть не длиннее одного дюйма, а как с такими волосами, добиться безукоризненного пробора, идучи на бал? Абсурд. По крайней мере, два дюйма необходимы, да еще сколько возни будет с бриллиантином, чтобы получилась прическа, а не торчащие вихры.

Во всяком случае, сегодня обошлось благополучно. По возвращении с прогулки, Геринга даже "покачали", а, "чтобы не зазнавался", потом опустили на пол. Теперь надо стянуть ненавистные "шмаргонские" сапоги, покурить и, захватив учебники, в класс.

Чтобы нашей, третей, роте попасть в классы, надо сначала пройти по Картинной Галерее со стенами, увешанными портретами знаменитых адмиралов. Затем, мимо приемной и парадного входа, по другому коридору с резными украшениями, реликвиями парусного флота на одной стене и с дверьми в кабинеты старших чинов корпуса — по другой. Место опасное. Здесь, совершенно неожиданно, можно встретить самого адмирала, директора корпуса. Должное уважение к его выдающейся личности и черные орлы на плечах, предел мечтаний каждого, не спасли его от прозвища "Чижик", за малый рост. Его помощник, инспектор классов, весьма образованный генерал Б., за свои рыжие, подвижные усы и глаза на выкате, во многих поколениях воспитанников, был известен под прозвищем "Таракан".

Не было преподавателя или корпусного офицера, кому изобретательный, кадетский ум не присвоил бы меткое и часто ядовитое прозвище, вроде "Макака", "Шишечка". "Ветчина с горошком", "Мотор", "Куропатка", беспощадно подмечая особенности наружности или характера.

В своей среде, гардемарины делились на "тоняг" и "корявцев". Первые, при самой расслабленной походке, брюках "клош", "фуражке без каркаса", умудрялись проявлять нужную выправку гораздо ловчее, чем старательные, — "брюки дудочкой", и во всем законопослушные, "корявцы". "Тоняга" отвечает на приветствие начальства спокойно, но убедительно, "корявец" же или выкрикнет "здравия желаю, Ваше Превосходительство" с "надрывом", или же, что еще хуже, от усердия покачнется, приставляя в критический момент ногу, и если начальство и пропустит этот факт без внимания, то только потому, что видно — человек старается.

Одновременно с оживлением по коридорам внутри, у главного подъезда, старик-швейцар, с многочисленными медалями на груди, едва успевал открывать наружную дверь для обучающего персонала, за десять минут до девяти, спешащего в корпус.

Обер-офицеры Флота, в ветром подбитых шинелях "деми-сезон", почтенные генералы и штаб-офицеры в теплых "женатых" пальто и калошах, штатские преподаватели в шубах и меховых шапках, один за другим, подходят пешком или подкатывают на извозчичьих санях.

Симпатии гардемарин принадлежат первым, то-есть строевым офицерам, так как это их связь с флотом. Вторые — уже осели плотно на берегу, нередко променяв свои флотские чины на полу-сухопутные "по адмиралтейству", а если и сохранили еще их, то белые просветы их погон, вместо обще-флотских черных, свидетельствуют о их принадлежности к штату корпуса. Эти "штатные" преподаватели и

воспитатели фатально погрязали в рутинных мелочах училищной схоластики, отрываясь от живых потребностей возрождающегося в те годы флота. В глазах молодежи, они утрачивали авторитет очень быстро. Наконец, третьи — штатские профессора гражданских учебных заведений, читавшие, одновременно, лекции в корпусе, были чужими. К ним было отношение вежливого безразличия ,какова бы ни была их педагогическая квалификация.

Сейчас, захватив соответствующие журналы в преподавательском зале, они разойдутся по классам и будут встречены в дверях дежурными, которые, скомандовав:

— Встать!.. Смирно!.. — начнут рапортовать:

— Господин преподаватель (или соответствующий чин), в таком то классе Морского Корпуса, по списку состоит гардемарин столько-то, больных — нет, отсутствующих — столько-то, — и дадут ему в руку рапортичку.

Преподаватель скажет:

— Садитесь, господа. — и начнется 50-минутная лекция.

Сегодня, у 3-го отделения, подряд две лекции — минного дела. Специально оборудованный класс находится внизу, в уровень со двором и в него, из Классного коридора, ведет винтовая лестница. По ней сейчас спускается грузная фигура капитана 1-го ранга Гроссмана. Внушительный нос, под ним навислые рыжеватые усы, плохо побритые щеки — это все первое впечатление, а после того, вы замечаете его небольшие, всегда добрые глаза, как бы ни старался "Леня" — его прозвище — придать им иногда гневное выражение. Только один раз его извели так, что он кричал:

— Я вам не Леонид Александрович, а господин капитан I ранга.

Но тут же недоразумение это было забыто.

И вот, случилось так, что на весь класс сегодня с утра напало какое-то буйное настроение. Беззащитный Клевенский, прозванный "учитель сельский", только за то, что все свободные часы он посвящал чтению Достоевского, был схвачен несколькими парами рук и, за минуту до входа Лени в класс, с пением, на мотив "Мариетты",

"Клевенский, учитель сельский.
Учитель сельский был Клевенский",

засунут в минный аппарат, головой вперед, к совку, а позади захлопнута крышка. В 60-сантиметровой диаметром трубе, Клевенский не может, конечно, шевельнуться, а Леня уже в дверях, дежурный рапортует и класс садится на свои места, после того, как Леня, басистым, шепелявым голосом произносит:

— Садитесь.

Засим, он кладет журнал на стол и направляется к классной доске, где, привычным жестом, проводит мокрой губкой по, мелом нарисованной на доске, змее.

История этой "змеи" такова: несколько лет тому назад, в один из понедельников, войдя в класс и сев на свое место, Леня загадочно ухмыльнулся, что всегда означало его желание поделиться с гардемаринами каким-либо происшествием.

— Вот, господа, вчера произошло со мною приключение, — начал он, — приехал я в Сестрорецк, на дачу к сестре, выхожу во двор, чтобы наколоть дров, наклонился и вижу, она ползет...

— Кто она, Леонид Александрович? Сестра?

— Нет, не сестра... змея, — отвечает Леня. — Ну, я, тогда схватил топор, и как ударил ее...

— Кого? Сестру?.. — с ужасом восклицает второй голос.

— Да нет же, змею... Ну, зачем я сестру убивать буду? — говорит Леня с досадой на непонятливых слушателей, а им только этого и надо. С тех пор, и навсегда, перед началом его лекции, на классной доске появлялась извилистая, жирная змея.

Вот уже минут пятнадцать, как продолжается лекция. Змея уже высохла, и на ее месте, одна за другою, появляются таблицы цифр и знаков. Поясняя их значение, Леня ходит от стола к доске, класс записывает в тетради, как вдруг, откуда-то раздается трагический голос:

— Братцы, выпустите...

Леня остановился и насторожился, а из совка продолжает взывать голос:

— Выпустите, руку отлежал...

Позади классных скамеек, Леня бросается к аппарату, наклоняется к совку его, но "морская грудь" не позволяет ему наклониться достаточно, чтобы заглянуть в аппарат.

— Кто там? — сердито спрашивает Леня.

— Это я, Леонид Александрович, Клевенский.

— Зачем вы туда залезли?

Молчание.

— Вылезайте, Клевенский, я вам приказываю. —

Опять молчание.

— Вылезайте немедленно, или я пожалуюсь директору и вас уволят, — уже кричит Леня.

— Леонид Александрович, да вед, я же сам не могу вылезть из аппарата...

Но, уже несколько человек, поняв, что дело зашло слишком далеко, деловито суетятся у аппарата, один открывает затвор, другие, за обе ноги, тащат Клевенского наружу, пока он, наконец, сконфуженный, не предстает перед Леней, принявшим "грозный" вид.

— Зачем вы залезли в аппарат? — начинает Леня снова допрос.

— Как я мог туда залезть сам? — оправдывается плаксивым тоном Клевенский, — они меня туда засунули — широкий жест на весь класс, который невозмутимо взирает на происходящее, как будто ничего особенного не произошло.

— Чтобы этого больше не было, — гневно вращает Леня глазами, — садитесь на ваше место, Кле-

генский, и слушайте внимательно мои объяснения. — уже более спокойным тоном заканчивает он и, вспомнив, на чем был прерван, направляется к доске и продолжает: ...так не забудьте же, мина образца 12-го года... — но, вскоре, звонок.

Во время десятиминутного перерыва, каждый старается приткнуться спиной к жарко натопленной печке в Компасном зале. Этот зал находится посреди классного коридора. На его полу, разноцветным сочетанием паркета, изображена картушка морского компаса, гигантских размеров. В данный момент, со стороны лазарета, по Классному коридору направляется генерал Конюшков, преподаватель штурманского дела и штурман Императорской Яхты "Штандарт". Сейчас же, десяток гардемарин приступают к "опыту": разделившись пополам, они загораживают с обоих сторон пространство между картушкой и стенами, так чтобы принудить старика пройти по ее середине, наступая на картушку. При этом "случайно" все оказываются спиной к идущему, то-есть, как бы, не видя генерала. Но Конюшков решительно расталкивает их, старательно обходя картушку.

— Ваше Превосходительство, — подходит к нему устроитель "опыта", Володя Шемиот, — почему вы никогда не пройдете посредине зала?

— Как же я буду ногами топтать картушку? Она меня всю жизнь кормит, — не останавливаясь, добродушно отвечает старик.

После перерыва начинается второй час лекции по минному делу. В момет, когда дежурный по классу командует "встать, смирно"!, Шемиот, на корточках, перед совком трагически шепчет:

— Клевенский, вылезай...

Шепот достаточно громкий, чтобы Леня, не дослушав рапорта, поспешил к аппарату и, полунаклонившись к совку, но не видя внутрь, закричал:

— Клевенский, вы опять там? Теперь уже довольно, я сейчас же иду к Директору корпуса и настою, чтобы вас уволили.

— Леонид Александрович, я здесь... — взывает Клевенский со своего места, среди класса. Шемиот уже, с невинным видом, сидит у себя за партой.

— Тогда кто же другой в аппарате? — рычит Леня, забегая с другого конца и открывая затвор. Убедившись, что ничьих ног за ним не торчит, он идет на свое место за преподавательским столиком.

У таких людей, как Леонид Александрович, корпус и мы, гардемарины, были второй семьей. Он нас любил всех, в совокупности и мы отвечали ему тем же, хотя и мучали порядком, но любя.

Всем, что у него происходило дома, он считал долгом поделиться с нами. Однажды, перед началом лекции, укоризненно качая головой, Леня говорит:

— Вот, какие теперь времена... Чему только детей учат? Приходит вчера моя дочка из гимназии, и прямо ко мне: — папа, папа, знаешь, что? Мы все произошли от обезьяны...

— Ну, разумеется, я ей в ответ: — это ты, голубушка, может от обезьяны произошла, а я от человека.

Д. А.

(Окончание следует)

18-я конная

"И в мире, так же, как в бою,
Всегда прославим часть свою".
(Из конно-артил. песни)

Просматривая свой архив, я нашел присланное мне пару лет тому назад стихотворение:...

Луна взошла над полигоном,
Отряд мишеней черных спит.
Наутро бой с дивизионом
Судьба на поле сем решит:

Свезут ли на мишенный двор
Мишеней жалкие остатки,
Врага-ль, несущего позор,
При свете дня заблещут пятки.

Вот показался неприятель —
Из Рясников дивизион...
И слышно было: О, Создатель,
К чему, зачем нам полигон.

Зачем нам пушки эти дали —
Покою только с ними нет...
Ах, как без них бы мы скакали,
И лихостью дивили свет... —

Это одно из тех произведений, иногда в прозе, иногда в стихах, которыми и доброжелатели конной артиллерии, не видящие часто собственных недугов, пытались направить ее на "путь истинный", отрезвить от вредного, по их мнению, увлечения конем, скачками, Кавалерийской Школой и чрезмерного пренебрежения стрельбой. Приведенное выше стихотворение относилось к концу 90-х годов, место действия — Шубковский полигон, стоявший в Рясниках дивизион — Донская казачья и 18 конная батарея..

Несколько лет спустя судьба подарила меня величайшим счастьем моей жизни — вакансией в 18-ю конную батарею.

И вот я на Шубковском полигоне... артиллерийский сбор подходил к концу: остались еще последние стрельбы, наконец, призовая и для нас начнутся веселые кавалерийские сборы.

И вдруг... приказ по Артиллерии сбора: Генерал Инспектор Артиллерии Великий Князь Сергей Михайлович прибудет завтра на полигон для производства смотровой стрельбы. Далее следовал перечень

назначенных на завтрашнюю стрельбу батарей от артиллерийских бригад и конных дивизионов, в их числе была 18-я конная.

Вместе с этим было приказано нарядить к Великому Князю офицеров-ординарцев по одному от стреляющей бригады и двух от конной артиллерии.

Чуть свет, выехал я наутро к месту встречи Великого Князя — это был маленький полустанок-платформа верстах в десяти от полигона.

К назначенному времени у ступенек, ведущих на платформу, стоял экипаж, запряженный тройкой звероподобных коней, немного поодаль собрались ординарцы: два от пеших артиллерийских бригад и, кроме меня, поручик Кононов от 2-го Конно-горного дивизиона. Раздался на платформе звонок, возвестивший отбытие Великокняжеского поезда с последней станции.

Быстро осмотрели лошадей, седловку, вестовые навели последний глянец и мы сели в седло и мысленно перекрестились: известно было, что Великий Князь шутить не любил.

Едва подошел поезд, как из вагона буквально выскочил, в сопровождении адъютанта Великий Князь. Стремительно сойдя с платформы и не обращая внимания на ординарцев, он сел в экипаж...

— Пошел!

Тройка рванула и... пошла.

Ординарцы от бригады, стоявшие ближе к экипажу, видимо не ожидали такого хода, и между уносящимся экипажем и нами образовалась сразу большая дистанция.

Переглянулись мы с Кононовым и, предоставив растерявшихся ездоков их судьбе, дали ход лошадям. Оба мы были на собственных лошадях, Кононов на своей "Ланце", взявшей не один приз на киевских ипподромах.

Дорога — широкая просека в старом лесу, лучи солнца еще не проникали сквозь листву — было прохладно, не пыльно... лошади шли отлично, вестовые не отставали.

Проскакав минут пятнадцать, экипаж достиг границы полигона — вот и первый пост сторожевого охранения...

Мчимся дальше, уже по полигону, и, наконец, видим сборный пункт, где в ожидании Великого Князя. находились все офицеры артиллерии.

Когда Великий Князь сошел с экипажа, его встретили генералы — Командиры бригад.

— Что делают здесь офицеры? — обратился к ним Генерал-Инспектор. — Отправьте их на домашние занятия, остаться лишь офицерам стреляющих батарей.

Начало не из приятных... Пока офицеры спешно покидали полигон, Великий Князь заметил, наконец, ординарцев... Нас только двое. Отрапортовали, отъехали...

— А где же остальные? Генерал К., где ваш ординарец? Генерал Ж. — ваш?

Отдано распоряжение первой стреляющей батарее занять позицию. Прошло немало времени, пока батарея выехала на закрытую позицию и устроилась на ней.

Позади наблюдательного пункта, где находился Великий Князь, послышался тяжелый лошадиный топот, отрывистый храп и перед Его Высочеством предстал ординарец... И всадник и лошадь были совершенно изнурены, седловка разболтана...

— Ген. К., что это за безобразие? — воскликнул Великий Князь, обращаясь к командиру бригады.

Растерянный генерал, признав в подъехавшем ординарце своего офицера, нашелся лишь ответить:

— Это пор. В., наш лучший ездок, Ваше Императорское Высочество.

Настроение на наблюдательном пункте все падало... разбор стрельбы был очень строг. Примерно в полдень Великий Князь приказал мне:

— Вызвать 18 конную на открытую позицию. — и я поскакал к стоявшей за пригорком батаре.

— Господин полковник, приказано выйти на открытую позицию...

— По коням, садись... — донеслос до меня и не успел я доложить Великому Князю о переданном приказании, как на пригорке появилась импозантная фигура Командира батареи: — молодой, красивый, отлично окончивший Кавалерийскую школу, ездок, под ним чистокровная кобыла "Эсфирь". В орудийной колонне вытягивалась за ним батарея.

Широкий взмах стеком и батарея на карьере построила фронт... Снова взмах стека и батарея помчалась мимо наблюдательного пункта.

За три года службы мне впервые пришлось увидеть со стороны выезд конной батареи на позицию — незабываемая картина беззаветной удали, не знающей препон.

Минута — и уже поворачиваются орудия, находу спрыгивают с коней номера, мчатся с лошадьми коноводы, за ними передки... а с батареи несется команда:

— По неприятельской цепи!..

Гремят выстрелы пристрелки, вот переход на поражение...

И поднимается с земли новая цель...

— Стой! Вправо по неприятельской артиллерии прицел...

В бинокль видны попадания, и тогда Великий Князь приказал пустить движущуюся мишень.

— Стой! По наступающей кавалерии!..

Лихо стреляет батарея по излюбленной цели, но "неприятель" все ближе и ближе...

— На картечь!..

— Два патрона беглый огонь!..

Трах, трах...

— Два патрона беглый огонь!..

Трах, трах...

И "наступающая кавалерия", изрешетенная пулями, стала перед батареей, сегодня был удачливый день 18-й: очевидно, стаканом снаряда был перебит канат, тянувший мишень.

"Отбой".

Командир и офицеры вызваны на наблюдательный

пункт, в отдалении батарея шагом идет домой... впереди песенники и, красавец запевало Антонович, вы-выводит высоким тенором:

Не мало войска у Царя:
Стрелки, уланы, егеря...

И хор подхватывает:

Но краше конных батарей
Не сыщешь войска у Царей"

Улыбаясь, в первый раз за сегодняшний день, Великий Князь, сам конно-артиллерист:

— Полковник Бородаевский, я сегодня видел впервые, что полевая конная батарея может дать такой карьер и притом, без одной мелькнувшей нагайки.

Счастлив наш "Папа", счастливы Господа...

— Передайте батарее мое спасибо.

Догоняю батарею, передаю милостивые слова...

— Раа... ааа... а... а... — несется в ответ.

Это было в июле 1908 года.

14-го августа 1914 года у деревни Камионки-Струмиловой та же 18-я конная отбивала картечью атаку венгерских гусар. Грозна картечь 18-й; лишь одиночные гусары доскакали на батарею, где их судьба решилась в рукопашной схватке с номерами. И видится мне, как идет походом 18-я:

Гордимся службою своей:
Утеху, радость видим в ней,

запевает, украшенный Георгиевским крестом, запевала:

и в мире, так же, как в бою,
всегда прославим часть свою, —

вступает хор.

За бой под Камионкой-Струмиловой, Командир батареи, подполковник Сокол-Черниловский, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., нижним чинам пожалованые Георгиевские петлицы "За военные отличия" на воротники мундиров.

А. фон Корвин-Вирзбицкий

Гусар Безручко

Глухой, душистый лес на Волыни. Дятел долбит кору; по верхушкам вековых сосен резвятся рыжие белки. Пахнет грибами и земляникой.

Железнодорожный путь; переезд, белая сторожка, грядки чахлого картофеля, подсолнухи.

Безручко — вдовец, четверо малых детей.

Знойные дни, прохлада тихих ночей.

1914 год, 17-е июля.

Загремело, покатилось эхо по молчаливому лесу. Один за другим понеслись по путям эшелоны на запад. Конские морды, тюки сена, юные лица драгун, казаков; гармонь — песни веселые, песни солдатские, полились по чаще лесной.

Проходили дни, недели. Со скрежетом потянулись по рельсам длинные составы — алые вагоны — 40 человек. То шла на смерть, за победой, наша могучая, серая, великая подвижница пехота. Сурово глядели в небеса, на площадках, жерла орудий.

Стоял Безручко на своем посту у переезда, слегка дрожал зеленый флажок в мозолистой руке. Вспомнилась ему молодость в Митавских драгунах; родной эскадрон, лихие учения на полях Ченстоховских, маневры у Калиша, на гранях державы Российской.

Не стерпело сердце солдатское; подал просьбу о присылке заместителя; снарядил ребятишек, положил им в мешок немного белья, пакет леденцов и отвел сироток в соседнее село, к старосте, на мирское попечение.

1915 год, июнь. Полыхают, в тучах ночных зарева пожаров. Гудят бои у Львова, Равы Русской. Идет лесами Бугскими маршевый эскадрон на пополнение Изюмских гусар. Назначен Безручко в эскадрон. Был он уже человек не молодой, лет за сорок, болезненный, глаза полузакрытые, ходил прихрамывая.

Не перечесть всех поисков, разведок конных, пеших, в которых побывал Безручко. Он как-то просто, молча, с кроткой улыбкой пристраивался к наряжаемой части. Ходил он в разведки с соседними эскадронами, а, порой и с, рядом в окопах сидевшей, пехотой.

Сменил раз наш эскадрон роту 56-го пех. Житомирского полка. Ротный, юный поручик в полинявшей от солнца и ливней гимнастерке, говорит мне:

— Жаль нашего фельдфебеля; вчера в атаке убит на проволоке; последний был кадровый унтер-офицер в роте.

В темень ночную ушла, позванивая котелками, пехота.

Рассвет, переливаются на солнце алмазами росинки в траве, ползают деловито букашки по гребню окопа. Гляжу вперед, перед нами засека из древесных стволов; шагах в полутораста впереди, густо оплетенный проволокой, кольцевой окоп предмостного укрепления австрийцев. Ясно виден в бинокль склонившийся у кольев убитый фельдфебель.

Проходит день, проходит ночь. Палит зной июля.

— Ваше Благородие, гляньте, Безручко идут хоронить покойника, — говорит мне гусар-наблюдатель.

Вижу: без фуражки, обнаженный до пояса, с белой рубахой на палке, медленно шагает к неприятельской проволоке Безручко. Подошел к кольям; помахал рукой австрийцам: мол, не стреляйте. Снял тело убитого, оттащил шагов на 20 в нашу сторону; положил покойника в воронку от снаряда, засыпал землей; опустился на колени: творит молитву. Молча, во весь рост стояли в своих окопах австрийцы, сняли кепи. Поднялся с колен Безручко; вновь помахал рукой австрийцам: спасибо, мол, что поняли свой

долг христианский и, медленно, прихрамывая, пошел назад. Ни одного выстрела. Целый день царила тишина на нашем участке.

1917 год, весна, революция.

Настала пора тягостных заданий нашей коннице: борьбы с самовольными уходами некоторых частей с позиции.

В июне наша дивизия вызвана в м. Почаев. 20-я пехотная дивизия оставила окопы на реке Серете и, требуя немедленного мира, без аннексий и контрибуций, ушла в тыл, в район м. Бережцы.

Кавалерия окружила это местечко кольцом сторожевого охранения. Мой эскадрон занимает участок у деревни Комнатка. По дороге на Бережцы выставлена полевая застава с пулеметами.

Утром на наш участок прибыли начальник дивизии, командир бригады, командир конно-артиллерийского дивизиона, на запыленной машине прикатил армейский комиссар.

Военный совет; решено — если 20-я дивизия не сложит оружия и не выйдет к полудню на дорогу к дер. Комнатке, конные батареи откроют беглый огонь по м. Бережцы.

Мы как-то отяжелели, страшный привкус во рту: до чего дожили.

Подходит вахмистр Григорьев:

— Г-н поручик, а Безручко что-то не видать спозаранку, кабы не отлучился бы куда, не положено.

10 часов, 11 часов. Артилерийские наблюдатели установили свой пост на крыше халупы. Со стороны заставы бежит ко мне гусар связи. Читаю донесение: "Голова пехотной колонны остановлена мною перед фронтом заставы; впереди колонны к-р полка, а с ним рядом мл.-оф. Безручко. Подпись: подпоручик Кмигевич".

Бегу на заставу. Стоит на дороге безоружная колонна пехоты, впереди Георгиевский кавалер, полковник, и рядом с ним с суковатой палкой-посохом Безручко.

Командир полка доложил нашему начальнику дивизии. Поутру пришел к ним этот кавалерийский унтер-офицер и как-то так просто, душевно, держал речь: "Довольно братскую кровь проливать, нужно поначалу врага выгнать с Родины, а потом уж мы договоримся, как жить будем дома". Гулом одобрения ответила толпа солдатская, стали в ряды, рассчитались и строем полк двинулся за своим командиром на положенное место.

Сразу легче стало у всех на душе. Следом за 79 пех. полком подошли и три остальные. Не было времени праздновать бескровную встречу: гремели бои на Западе.

— К коням, садись! — и 11 Кав. дивизия, на рысях, двинулась на прорыв к Тарнополю.

Где ластятся твои белые кости, старый, верный солдат Российский? Рубанул ли с плеча твою, рано поседевшую, голову чубатый Буденовец, в снежных степях задонских, или пал ты в атаке на польских улан, у Киева, мне не ведомо. Но, чудится мне, что родная земля упокоила твое израненное тело, а душа твоя чистая, парит в синеве Русских небес.

Старый гусар

Наступление Германцев на Литву и Курляндию в апреле 1915 года

Забытая страница доблести и героизма русской второочередной бригады: 269-й Новоржевский и 270-й Гатчинский пех. полки

Наш короткий отдых в Скадвилях был прерван в первых числах апреля месяца 1915 года, наступлением трех кавалерийских и трех пехотных дивизий германцев. Германцы шли тремя колоннами: от Юрбурга на Россиены, и далее — правая колонна германцев, в составе дивизий: баварской кавалерийской, 3-й кавалерийской и 36-й резервной пехотной;

По большому Таурогенскому шоссе — средняя колонна германцев, в составе: 78-й пехотной резервной дивизии;

Из района Мемеля — левая колонна германцев, в составе дивизий: 6-й кавалерийской и 6-й резервной пехотной.

К-р 269-го пех. Новоржевского полка, Полковник Филимонов, эвакуированный в тыл после своей контузии, 3-го марта, вновь вернулся и принял полк 13-го апреля. Наступление же германцев началось, согласно данным книги генерала Людендорфа, 14-го апреля старого стиля.

Полки нашей бригады стойко сопротивлялись натиску превосходных сил противника, но грандиозность германского наступления стала нам очевидной с самого начала, а потому нам ничего и не оставалось делать, как оказывая наибольшее сопротивление, отходить.

14-го апреля оба полка стали отходить к Скадвилям, причем арьергард вел бой с наступающими по пятам германцами.

15-го апреля целый день бой у Кельм, с обходящими наш фланг с востока, немецкими кавалеристами.

16-го и все утро 17-го, колонна Полковника Филимонова в составе обоих наших полков, вела бой у города Шавли. К этому времени немцы уже заняли станцию Муравьево и перерезали железнодорожную линию, идущую на восток к Вильно. Их передовые части стремились скорее достичь шоссе Шавли—Митава, чтобы преградить путь возможного нашего отступления. Штаб нашей дивизии и обозы, все же, успели утром проскочить к Митаве, мы же, к середине дня, оказались окруженными.

Наш 4-й батальон, насчитывавший в то время не более 600 штыков, получил приказание отступать левофланговой заставой, с тем, чтобы прикрыть дви-

жение главных сил колонны обоих наших полков и нашей доблестной, всегда нас выручавшей и никогда не бросавшей без своей помощи, артиллерии 1-го дивизиона 68-й артиллерийской бригады.

По обстоятельства сложились так, что когда наш 4-й батальон, оторвавшись от противника, вышел на линию города Шавли, восточнее его, то оказалось, что немецкая кавалерия отрезала нас от главных сил.

Главная наша колонна, отбившись от насевшего со всех сторон противника пробилась на шоссе и двинулась к Митаве. Счастье нашего 4-го батальона оказалось в том, что окружила нас только кавалерия, и мы, быстро это учтя, двинулись по-ротно на север, надеясь догнать полк. Несколько раз немцы пытались атаковать нас в конном строю, но стоило нам только остановиться и скомандовать "по кавалерии", как баварская конница поворачивала спину. Только в одном месте мы наткнулись на спешенную кавалерийскую часть с пулеметами, но стремительная атака одной из наших рот, обратила в бегство немцев, и путь был очищен. В это время мы нагнали оторвавшиеся части 4-го батальона Гатчинского полка и эта группа вошла в подчинение нашего командира, капитана Питка.

Решено было двигаться по возможности ближе к шоссе, чтобы догнать наш полк, но постоянные наскоки немецкой кавалерии заставили нас двигаться ближе к лесу. Люди были измучены до крайности. Сказывался период непрерывных маршей и боев. В этот день, 17-го апреля, мы не получили никакой пищи.

Часам к 8—9 вечера, немецкая кавалерия отстала и мы, выйдя на шоссе, стали приближаться к местечку Янишки. Впереди мы слышали отдаленный гул ружейной и артиллерийской стрельбы. Это наши главные силы, руководимые полковником Филимоновым, расчищали себе путь через длинное местечко Янишки. Между тем наши люди буквально падали от усталости, и стоило огромного труда, на коротких остановках, будить и поднимать роты. Наконец, перед рассветом 18-го апреля, в предутреннем тумане, вдали показалось местечко Янишки. Посланная вперед разведка обнаружила там противника. Наступать с нашими, совершенно измученными людьми, и очень ограниченными запасами патронов (осталось в среднем на бойца по 25-30 патронов), без пулеметов и без артиллерии, мы не рискнули. Где находились главные силы нашей колонны, мы в тот момент не знали, почему было решено повернуть на северо-восток и во что бы то ни стало пробиться к своим.

Наше отступление длилось четверо суток (18-21 апреля), от усталости и голода люди падали и засыпали, как мертвые. Поэтому были образованы группы сильных, на обязанности которых лежало поднимать и вести слабых. Все время нас преследовала, догнавшая немецкая кавалерия, заезжавшая вперед и делавшая засады. Однажды, мы были даже обстреляны малокалиберной артиллерией. У нас почти уже не было патронов, и мы все меньше и меньше вели ответную стрельбу, но, видимо, страх перед пехотой удерживал немцев от решительной схватки, а физически мы были почти сломлены, так как за трое суток смогли достать только по несколько картошек и ничтожное количество хлеба на человека. Колодцев по пути почти не попадалось, воду часто пили из старых дождевых луж. Только на третий день, после ночного боя, где мы смогли действовать свободно холодным оружием, немцы больше нас не преследовали и мы, через город Бауск, вышли на реку Западную Двину.

По выходе к Двине, мы были погружены на пароход и переброшены в Ригу. На другой день нас по железной дороге доставили в Митаву, а еще через несколько часов мы опять оказались в рядах нашего 269-го полка, который, до этой минуты, считал нас всех погибшими.

Между прочим, не могу не упомянуть о том впечатлении, которое мы произвели на рижскую публику, когда высадились с парохода и пошли в отведенное нам помещение. Многие женщины плакали, а мужчины старались помочь всем, чем могли нашим, особенно пострадавшим людям. Вид наш был действительно ужасный: кроме раненых, мы имели много пострадавших в походе — со стертыми в кровь ногами, разорванной обувью и одеждой.

Из рассказов офицеров полка, выяснилось, что три наших батальона и три Гатчинского полка, и две легких батареи, отбросив с трудом наседавших немцев, двинулись по шоссе Шавли—Митава и, подойдя вечером к местечку Янишки, были обстреляны артиллерией противника, зашедшего в наш глубокий тыл от станции Муравьево, находящейся между Шавлями и Либавой. Все наши шесть батальонов, под общим командованием нашего К-ра полка Полковника Филимонова, при поддержке нашей артиллерии перешли в самое решительное наступление и сбив передовые части ворвались в местечко, но дальше идти не могли, т. к. почти из каждого дома палили из пулеметов и винтовок. Тогда наши артиллеристы, с помощью пехоты, на руках подкатывали орудия и разбивали эти дома своим огнем, а пехота штыками доканчивала остальное. Ожесточение было ужасное с обоих сторон.

Как потом выяснилось — немцам было приказано пленить, так долго досаждавший им, Новоржевский полк. Но вместо этого наш полк блестяще прорвался и взял в плен не только солдат, офицеров, орудия, пулеметы, но и штаб этого смешанного немецкого отряда, хотя командир отряда успел застрелиться.

Этот бой может служить блестящим примером исключительной решительности нашего командира полка полковника Филименова, умения руководить подчиненными и вдохнуть отвагу в, измученных недельным боем и окруженных противником, своих солдат и офицеров.

Пусть мое воспоминание об этих доблестных воинах Российской Императорской Армии будет скромным памятником героям.

ВЕЧНАЯ ИМ СЛАВА, СЛАВА!..

В. Федуленко

Рота Его Величества

К 225-й годовщине основания Первого Кадетского корпуса

(Из воспоминаний знаменщика 1907 года)

Каждый корпус гордился своей историей, своим старшинством и кому же мы этим обязаны? Кто, как не Великий Князь Константин Константинович, был инициатором и проводником этого воспитания? Кому мы, когда-то мальчики-кадеты, а ныне... седовласые старики, обязаны сохранением на всю жизнь неумирающего чувства любви и гордости к нашим старым кадетским корпусам Российским, нашим родным гнездам. Существование в зарубежьи Обще-Кадетского Объединения и многолетняя деятельность покойного полковника Приходкина является лучшим к тому доказательством. Обязаны мы всем этим нашему первому воспитателю, ныне покойному Великому Князю Константину Константиновичу. Имя его останется навеки записанным золотыми буквами в истории Российской, и в частности, в истории военно-учебных заведений начала текущего века...

. . . .

Примерно с середины января 1907 года, начались у нас в корпусе приготовления к празднованию знаменательного юбилея — 175-летия основания нашего корпуса Императрицей Анной Иоанновной. В предыдущем веке, наше 150-летие прошло незаметно — в 1882 году корпуса, собственно, и не было, его заменяла 1-ая военная гимназия. Зато 125-летие, в 1857 году, было отпраздновано, как полагается. Корпус доживал свои последние годы, как корпус, — старшая рота была Гренадерской Его Величества и сам Государь был нашим Шефом.

В этом году, в принципе, было решено, насколько возможно, приблизить церемониал празднования к празднованию 125-летнего юбилея. Было предположено и осуществлено две части празднования: строевая — парад и Высочайший смотр в Царском Селе, и вторая — артистическая, заключавшаяся в концерте-бале. На этом последнем, отдельными номерами должны были быть урок танцев в корпусе при Императрице Екатерине II, блестяще поставленный нашим преподавателем танцев Лукьяновым, „Кренделем" в просторечьи, и выступления кадет в исторических формах корпуса с декламацией, освещавшей каждую эпоху.

В известной мастерской Лейферта были заказаны костюмы, по числу царствования — семь и отдельная форма для офицера корпуса, каковая роль предназначалась стройному красавцу подполковнику Иванову („Балерина" — прозван так за свое виртуозное фигурное катанье на коньках"). В парике с косицей, блестящем мундире, с эспантоном в руках, которым он уставно салютовал, он являл собой эффектную фигуру, во главе строя кадет в исторических мундирах.

Вооружение для каждой эпохи, было найдено в корпусном музее — ружья кремневые, карабины, ружья пистонные, штуцера, полу-сабли, шпаги и эспантоны. Добавочное снаряжение— патронные сумки и перевязи буйволовой кожи заказали специалисту. Парики были заказаны в мастерской Императорских театров. Таким образом, были приготовлены: форма эпохи основания — зеленый камзол с супервестом поверх, лосины и ботфорты со шпорами — кадет конной роты — вооружение: палаш на портупее и карабин на перевязи через плечо, накрест с лядункой. Лосиные перчатки с раструбом, парик и высокая треугольная шляпа.

Формы Елисаветы и Екатерины II — пехотные. Парики, треуголки, камзолы, узкие брюки и высокие гетры, башмаки с пряжками и на вооружении — кремневые ружья с трегранным штыком — сумка и полусабля накрест. Цвет мундира — зеленый, брюки — песочные, лацкана камзолы и обшлага — красные, позумент и пуговицы — золотые. Затем форма Павловская, мало отличавшаяся в нашем корпусе от старой Екатерининской. При Александре I парик исчез. На голове кивер лаковой кожи, черный, короткий по пояс, мундир, брюки узкие белые и черные гетры. При Николае I кивер сменила каска с белым плюмажем, мундир однобортный, черный с красным воротником и обшлагами, широкие, белые суконные панталоны на выпуск и обувь с тупыми носками. На груди, накрест, белые перевязи для патронной сумки и полусабли. Вооружение — пистонное ружье со штыком. На красных погонах — накладной вензель Императора Николая I — Шефской Гренадерской роты.

Затем форма времен Александра II — самая неказистая, военной гимназии, с уродливым кэпи и даже... без оружия. Замыкает колонну кадет Александра III в современной форме с берданкой. Подполковник Иванов нашел в музейной библиотеке все уставы за два века и по ним каждая эпоха разучила соответствующие ружейные приемы и церемониальный шаг.

Для декламаций в формах, было намечено 16 кадет — по два на эпоху, чтобы из них можно было бы выбрать лучших. Я попал сперва с Тепловым на эпоху Императора Николая I и начал было уже уроки под руководством артиста Александринского театра Юрьева, но, быстро, начальство спохватилось, что я

ведь знаменщик и форма эпохи была оставлена за Тепловым.

На юбилейный парад предполагалось вынести пять Знамен и Штандарт Конной Роты. Знаменщиками были вице-унтер-офицеры: при последнем Знамени 1832 года, ваш покорный слуга — Адриан Борщев, левее меня — Михайлов, Евдокимов, Радкевич, Хвостов и на левом фланге — Васильев. Шеренга получилась по ранжиру. Евдокимов нес в красивом панталере, малинового бархата с золотым позументом, Штандарт Конной Роты Анненской эпохи. Штандарт оказался самым тяжелым, правда и Евдокимов был весьма сильным кадетом.

С середины января, два раза в неделю, весь корпус отправлялся в манеж Павловского Училища, где нас основательно гоняли по доброму часу. Знаменщики парадировали отдельной шеренгой с ассистентами по бокам, в голове 1-й роты, но знамен, конечно, не брали — их заменяли обычные винтовки. Приемы со знаменем разучивались нами отдельно в нашем музее, где старые знамена хранились в стеклянном шкафу. Последнее же Знамя — Николаевское, стояло в церкви, в особой стойке, рядом с церковными хоругвями.

. . . .

Подходил долгожданный юбилей.

15 февраля, после уроков, в Сборном зале была отслужена панихида по всем усопшим Императорам и Императрицам, и всем воспитанникам корпуса "на брани живот свой положившим" за многие и славные войны Империи Российской, "от ран и болезней скончавшимся и в мире преставившимся". По сию пору, не могу забыть торжественности момента и красивого тенора нашего диакона О. Анатолия Покровского, провозгласившую Вечную Память. "Благочестивейшим Государям Императору Петру III, Павлу I, АлександруI, Николаю I, Александру II, Александу III... Благочестивейшим Государыням Императрицам Анне Иоановне, Елисавете Петровне и Екатерине Алексеевне..." — плавно несся по залу его красивый речитатив.

На исходе времен прошедшего полувека, часто мерещится мне эта панихида по прошлому, которая Волей Господа Всемогущего, перенеслась на будущее, тогда нам неведомое, а ныне тяжелое... памятное. "Не мир, а меч приношу вам", сказал Спаситель, но, Он же, в утешение дал нам и слова — "Мне отмщение и Аз воздам", и "Буду с вами во вся дни и до скончания веков"....

16 февраля с утра, корпус отправился на Царскосельский вокзал и оттуда поездом в Царское Село. Хорошо помню памятную картину — все четыре роты вышли из вагонов и выстроились на площади у вокзала. Мы, знаменщики, под водительством н. д. адъютанта, капитана П. К. Перегородского, вышли последними и, пройдя через здание вокзала, наверху подъезда, развернулись в одну шеренгу, взяв Знамена "на плечо". Снизу, с площади, раздался зычный голос директора генерала Григорьева: "корпус, смирно... Первая рота, под Знамена и Штандарт, слушай на-кра-ул". Грянул встречный марш нашего кадетского оркестра, и мы торжественно спустились по ступенькам, прошли через площадь и, повернув плечом, стали против середины 1-й роты. Подошли ассистенты, с шашками "под-высь", отсалютовали и стали по бокам шеренги. Перегородский, держа руку у козырька, отошел за правый фланг 1-й роты. Последовали команды: "к но-ге...", "на-плечо...", "справа по отделениям, левые плечи вперед... ша-гом... марш".

Под звуки оркестра, мы шли по улице-аллее, ведущей от вокзала к дворцу, крепко отбивая шаг по, усыпанному песком, снегу. Помню казус со мной — ветки деревьев низко простирались над тротуаром и улицей и вот я зацепил орлом древка за одну из них. Ветка сломилась и с треском упала прямо на штыки головного отделения. Произошла некоторая заминка, но все обошлось благополучно. Хочется отметить характерную черту нравов того времени: шедшие нам навстречу, по тротуарам, обыватели, при виде знамени, снимали шапки и крестились. Вот пример былого уважения нашего народа к реликвиям Императорской Армии.

На ночлег нас разместили в казармах лейб-гвардии Гусарского полка и наша первая рота попала в эскадрон Его Величества. Мы сочли это за хорошее предзнаменование. В Царское, с нами, прибыл объемистый багаж — сундуки и ящики с парадным обмундированием, а также одеяла и посуда для обеда. На полу казарм была постлана чистая солома и поверх нее одеяла. Кажется там же мы и обедали. Наши служители приносили нам кушанье и чай. Спали мы вповалку, полураздетыми. Рано утром, пошли смотреть конюшни, где гусары чистили своих чудных, серых в яблоках, лошадей. Каждая лошадь имела свой денник, освещенный электричеством. Потом мы мылись в умывалке эскадрона и стали одевать парадную форму. Все было совершенно новое, сшитое для этого случая и тут нас ожидал первый юрприз: на погонах новый трафарет — вместо прежнего "I К.", красовался вензель Императрицы Анны Иоанновны с короной.

Знамена и Штандарт, тотчас же по прибытии, были отнесены в казармы и сданы полковому караулу, где их, всю ночь охранял часовой гусар с обнаженной шашкой. Утром, получив Знамена, мы во главе с Перегородским, прошли прямо в большой манеж, где корпус был уже выстроен в полуротных колоннах, развернутым фронтом. Обычная встреча Знамен и, затем, началось подравнивание шеренг перед Высочайшим Смотром. К 10 часам в манеже уже собралась Свита Государя. На правом фланге корпуса встали Великий Князь Константин Константинович, Военный министр и помощник Великого Князя генерал Забелин.

Незабвенная минута. Оркестр грянул марш, директор с шашкой под-высь быстро пошел к дверям манежа, а там уже показалась фигура Государя Императора. Приняв рапорт, Государь медленно обошел

фронт, пройдя вплотную перед линией склоненных Знамен и отдав им честь. Ясно помню, как он каждого из нас осмотрел с головы до ног.

— Здравствуйте, мои Кадеты, — прозвучал его громкий, приятного тембра, голос и в ответ грянуло оглушительное:

— Здравия желаем, Ваше Императорское Величество! — и после него "ура", под звуки Гимна.

Государь дошел до левого фланга, где стояла шеренга в исторических формах и затем вернулся обратно на середину манежа. Последняя томительная минута ожидания и мертвой тишины... Ура и музыка смолкли...

Не помню точно начала Его речи, но мне врезалась в память следующая часть ее:

— "Дабы восстановить связь с прошлым, я вновь принимаю Шефство над Первым корпусом, но хочу, чтобы МОЯ Рота носила на погонах вензеля ее ПЕРВОГО ШЕФА, моего Прадеда Императора Николая I".

Речь кончилась, примерно, так: не сомневаюсь, что вы, МОИ кадеты, и Мне, и Сыну Моему, будете служить также доблестно и верно, как служили ваши предшественники Престолу и России за истекшие 175 лет. Поздравляю вас с юбилеем и желаю Корпусу здравия и благоденствия. — В ответ раздалось наше "покорнейше благодарим Ваше Императорское Величество" и бурное, долго не смолкавшее, ура...

Затем последовала команда директора: "К ноге... Горнисты и барабанщики на молитву... Знамена и штандарты к аналою..." Мы повернулись налево и пошли к ковру, где был приготовлен аналой для молебна. Стали мы правее его и, сняв фуражки, взяли древки в прием "на молитву". Государь со свитой стали по ту сторону ковра, прямо против нас и я пришелся как раз против Государя — нас разделяла ширина ковра — четыре шага.

Начался молебен. Служил священник Гусарского полка, в сослужении с нашим Батюшкой Отцом Василием Преображенским, при диаконе Отце Анатолии Покровском. Все продолжение молебна я рассматривал фигуру Государя, его мундир, сапоги и, в особенности, бриллиантовый перстень на мизинце левой руки — свадебный подарок его невесты, как я узнал впоследствии. Однако, хорошо помню, как я каждый раз опускал глаза при встрече с голубыми глазами Государя. Какая то мистическая сила заставляла меня это делать, думаю, что атавизм многих столетий служилого сословия предков. — Царь это не простой человек — в Нем есть что-то священное, вызывающее и радость и смущение подданного... Само собой разумеется, что я стоял как каменное изваяние, и когда надо было подать древко вперед, для окропления святой водой, то рука, как-то не сразу повиновалась.

— Отбой... Знамена и Штандарт на свои места... К церемониальному маршу... по-взводно... Его Величества рота, правое плечо вперед... прочие напра-во". Понеслись четкие команды Генерала Григорьева, а затем:

— На плечо... Первая рота... первый взвод... равнение направо... шагом м-арш. — Оркестр грянул марш и началось прохождение корпуса перед Государем.

Впереди, салютующий и отходящий в сторону генерал Григорьев, за ним мы — знаменщики с ассистентами по бокам, потом, с шашкой под-высь командир Роты Его Величества полковник Забелин. Сверкая штыками и гулко отбивая шаг, плавно проходили на уставной дистанции наши взводы, в замке вице-фельдфебель Сергей Богданович и линейный Окшевский с красным ротным значком на штыке.

— Спасибо МОЯ рота, — слышен голос Государя.

Затем проходят остальные три, их офицеры держат руку в белой перчатке у головного убора. Царское спасибо повторяется каждой роте. Вслед за взводом детей Приюта Императрицы Александры Федоровны, проходившего под командой маленького кадета 2-го класса, дефилируют по одному кадеты в исторических формах. Впереди красивая фигура Ф. Н. Иванова, салютующего эспантоном, за ним" тигровым шагом", идет наш красавец вице-унтер-офицер Кузьминский, в драгунской форме Конной Роты и салютует палашом, потом остальные — по эпохам. Кадет Дьяков — военный гимназист проходит частым шагом, после отбивающего темп Николаевской эпохи, Теплова и, за отсутствием винтовки, держит руку у козырька кэпи. Шествие заключает кадет Императора Александра III, с тяжелой берданкой на плече.

Парад кончился. Нас повели во дворец, где в огромных залах с зеркальными стенами, был накрыт завтрак "а ла фуршет" для всего корпуса. Государь Император и Обе Царицы обходили столы и приветливо с нами разговаривали. Мы с вице-фельдфебелем Богдановичем оказались на конце стола, где нашими соседями пришлись Князья Иоанн и Гавриил Константиновичи, наши недавние кадеты, а теперь портупей-юнкера Николаевского Кавалерийского Училища. Мы непринужденно с Ними разговаривали, отдавая дань царским яствам и винам. Помню, как вкусен был фазан под майонезом и какое вкусное красное вино подливал мне Князь Иоанн Константинович. Я был очень горд офицерским темляком от знаменного чехла, на штыке — это мне полагалось по уставу.

Часам к трем дня мы уже вернулись в корпус, счастливые, радостные и Цареву Роту уже ожидали накладные вензеля Императора Николая I. Их успели, по телефону, заказать из Царского Села, в Гостином Дворе, скупив сразу весь запас вензелей Технологического Института, студенты которого носили его на контр-погонах. Вензеля сразу же одели на погоны и, с гордостью, пошли в трехдневный отпуск, пожалованный нам Государем за отличный смотр. Впоследствии все участники парада получили от Государя по одному серебряному рублю, чеканки 1907 года.

А. В. Борщев

„ЦУКНУЛ...“

Это было давно... А так как я был тогда в 1-й роте Первого кадетского корпуса, то случилось это, повидимому, в учебные годы 1900-01 или 1901-02 гг. Случилось это зимой, в одну из суббот, то-есть в отпускной день.

В то время, я очень дружил с моим одноклассником Николаем Абрамовичем, переведенным в наш корпус из Тифлисского, прямо в 1-ю роту. Отец его, саперный офицер, остался в Тифлисе и Коля, не имея ни одной родной души в Петербурге, ходил в отпуск ко мне, вернее к моей крестной матери, женщине, материально, более чем обеспеченной, которая разрешала мне приводить в отпускные дни тех из моих друзей, которым некуда было идти.

В тот, запомнившийся мне, день нас отпустили раньше обыкновенного. Наш длинный путь с Васильевского острова на Калашниковскую набережную, мы начали с переезда Невы в электрическом вагончике и позволили себе прогулку от Невы через Александровский Сад, по Невскому (конечно, по "солнечной" его стороне), пробираясь на Михайловскую улицу, где была конечная станция одноконной "конки", привозившей нас к месту назначения. Несмотря на необходимость особой бдительности из-за большого количества встречаемых генералов и офицеров, которым нужно было не прозевать отдать честь или стать во фронт, мы наслаждались прогулкой, после недельного сидения в стенах корпуса. Спускаясь с Полицейского моста, мы подошли к фотографии Морозовской, посмотреть всегда интересные фотографии и отправились дальше.

В этот момент, справа нас обогнал какой-то средних лет штатский господин, в сопровождении двух кадет, повидимому, нашего корпуса. Два мальчика (не то что мы — кадеты строевой роты), очень стройные, и, по фигурам, похожие один на другого. Увидя нас, они, по правилам, существовавшим в то время в корпусе, отдали нам, как старшим кадетам, установленную честь, которую мы, не без удовольствия, приняли...

Была яркая зимняя погода, не частая в хмуром Петербурге, мы были молоды, шли в отпуск, нас почтили, как старших — все в нас играло...

Отдав "честь" молодым, я обратил внимание, что оба они имеют башлыки, продетыми под погоны, но на груди у них не было того "банта", который вспомнит, конечно, каждый, кто был в те времена кадетом и сооружал этот "бант" — неудача в правильном создании банта, иногда, давала офицеру, в момент ухода кадета в отпуск, основание отставить жаждущего отпуска и предложить ему вновь явиться... уже в воскресенье. А ведь вся прелесть то отпуска связана была у нас с вечером субботы...

Итак, у обогнавших нас кадет я обнаружил "потрясающую" небрежность — их башлыки не были свернуты "бантом", а просто легко завязаны "по-пажески". К слову сказать это обстоятельство всегда было предметом нашей кадетской зависти к пажам... Возмущенный такой неорежностью, я, не долго думая, обратился к ближайшему из них и, указывая на его башлык, сказал, чтобы он завязал его правильно... Бедный (я так думал) "молодой" реагировал на это как-то странно. Он растерянно посмотрел на меня, потом на штатского господина, с которым он шел, и... ничего мне не ответив, продолжал свой путь дальше. Это нас и удивило и, конечно, возмутило. Мы решили идти за "нарушителями порядка в форме одежды" и посмотреть, куда они идут?

А они шли дальше. С Невского свернули на Большую Конюшенную и продолжали свой путь... Присмотревшись к кадетам, мы увидели, что "нашим" кадетом был только тот, которому я сделал замечание, а "парный" был в форме 1-го Московского корпуса, хотя тоже отдал нам честь. Мы не понимали, в чем дело, но становилось как-то не по сеое... а штатский и кадеты, продолжая свой путь, прошли Мошков переулок, подошли к Мраморному дворцу и.., скрылись в его подъезде...

Стало как-то неуютно... стали с Абрамовичем соображать, в чем дело, и истина раскрылась перед нами... Совсем недавно, мы узнали, что Великий Князь Константин Константинович, поощряя вверенные ему корпуса, начал зачислять в них своих сыновей. В наш корпус, как мы это уже знали, был зачислен Князь Иоанн Константинович, а второй сын Великого Князя, Гавриил Константинович — "кажется" в 1-й Московский... Все стало для нас ясным... я цукнул никого иного, как нашего Августейшего кадета и, сопровождавший его штатский, как потом оказалось, гувернер молодых Князей, повидимому, не желая, чтобы первая встреча его воспитанников с однокашниками произошла в такой, непредусмотренной этикетом, форме, просто увел их от нас, делая вид, что не замечает, что мы их преследуем. Хочу отметить, что в те дни Князья еще не носили на шинеля коронационных медалей, наличие которых значительно раньше, показало бы мне с Абрамовичем, с кем мы имеем дело.

В общем, было интересно, но... жутко. Отпуск прошел, как-то неопределенно, а вернувшись в корпус, мы уже имели готовое решение — доложить по начальству о том, что произошло...

Воспитатель наш, подполковник Александр Александрович Соловьев, человек не слишком храбрый, до дрожи боявшийся нового нашего директора, полковника Покотило, который, после начальствования Виленским юнкерским училищем, должен был "привести в порядок" наш корпус, пришел в ужас. Меньше взволновался ротный командир, полковник Алексей Николаевич Бенземан. Доложить директору о происшедшем "криминале" он был обязан, и мы с Абрамовичем предстали перед суровым взглядом полковника Покотило.

Мне кажется, что и сам директор несколько ра-

стерялся, настолько происшедший случай выходил из рамок нормальной жизни корпуса. На всякий случай, сделав нам соответственное внушение (по теории, что это никогда не лишнее), он точно расспросил нас о подробностях происшествия и, сказав, для начала, что мне придется перед Августейшим кадетом извиниться, отправился с докладом к Великому Князю Константину Константиновичу, повидимому, готовый признать нас, своих кадет, во всяком случае, в чем-то виновными.

Настроение у нас было среднее, но, все же, кадеты оставались кадетами и в нашем, третьем отделении все жужжало, как муравейник. Извиняться?.. Почему? И в чем извиняться?.. Было то главное, на чем сосредоточилось кадетское волнение. Почему, наши должны были знать, что это Августейшие кадеты, которых мы еще никогда не видели? Почему они ходят не по форме одетыми? И почему должен извиняться кадет 1-й роты(!!), если он правильно указал младшему, что башлык одет не по форме? А если бы это был "рядовой" кадет и нарвался бы на строгого офицера, то было бы еще хуже?.. А тут, старший кадет мог спасти "молодого" от неприятности... Словом, кадетская масса рассудила все по своему, и с нетерпением (а я и с волнением), ожидала возвращения директора от Великого Князя...

Ждали... волновались, и... дождались...

К нашему удивлению и радостному недоумению, Великий Князь Константин Константинович решил все дело по... кадетски. Он сказал директору, что не видит никакого нарушения этикета, в том, что старший кадет сделал (слава Богу, вежливо), замечание младшему и тем спас его от других неприятных встреч и осложнений. Что он, конечно, не видит никакого основания подвергать старшего взысканию, и считает извинение — излишним. Я думаю, что, об извинении директор, может быть, и не заговаривал, увидя, как смотрит Великий Князь на происшедшее.

Итак, все кончилось благополучно, а авторитет Великого Князя, в нашей кадетской среде, стал еще выше, если это было возможно... Великий Князь нас понял и решил по нашему!

А. Лампе

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

К 225-й ГОДОВЩИНЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРВОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Отрывок из книги "Краткая история Первого кадетского корпуса, составленная бывшим воспитанником оного корпуса Александром Висковатовым. СПБ, 1832 год".

"1827 год есть один из самых достопамятных в летописях Первого кадетского корпуса. В сем году 18 июня, при выступлении кадет оного за город, в лагерь, Государь Император, к продолжению неизреченных к ним милостей, поставил в ряды их своего сына. Наследник Престола, в мундире рядового лейб-гвардии Павловского полка, шел в строю с кадетами до самой деревни Кузьминой, по Царскосельской дороге, а во время привала, по воле Государя, стал на часы у корпусного Знамени, пример, подобного которому не встречаем в истории от времен Петра Великого...

В следующие два дня, Его Императорское Высочество удостоил обедать с кадетами за одним столом, коим их угощал Государь Император при Царском Селе. ,

В пятинедельное пребывание кадет Первого кадетского корпуса в лагере, они неоднократно имели счастье видеть в рядах своих Наследника, то разделяющего их военные упражнения, то участвующего в их завтраках и обедах, гуляньях и играх. 15 июля, Государь Император дозволил Его Высочеству стать в строй Первого Кадетского корпуса, за унтер-офицера. Во все сие время Император и Императрица не переставали изъявлять кадетам новые милости, присутствовать при их воинских учениях и забавах, удостоивать лестными разговорами; одним словом, обходились с воспитанниками, как бы с собственными детьми своими.

"24 июля 1829 года, кадеты Первого корпуса имели счастье увидеть Наследника в одном с ними мундире и в одних рядах..."

"Милости Их Величеств к кадетам, казалось, возрастали с каждым днем, и дни, проведенные сими последними в 1829 году, в лагере, будут принадлежать к счастливейшим дням их жизни".

"В 1831 году, кадеты стояли опять лагерем, сначала при Петергофе, а после близ Царского Села, у Софии и были особенно осчастливлены милостью Монарха... Государь удостоил Первый кадетский корпус особенною милостью, — счастием, какого оный еще не имел с самого своего учреждения: принятием на Себя звания Шефа Корпуса. Высокая сия милость объявлена 25 июня, Самим Государем Императором батальону Первого кадетского корпуса, стоявшему в параде при Петергофском дворце. Но Император сим еще не ограничил Своих милостей к Первому корпусу: Ему благоугодно было осчастливить Его Повелением, чтобы Гренадерская рота сего заведения, носившая на себе прежде Имя Цесаревича Константина Павловича, именовалась ротою ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Но как изобразить тот восторг, в который были приведены офицеры и кадеты 5 июля 1831 года, когда Августейший их Шеф предстал перед ними в мундире их корпуса?"

"От самого учреждения своего до сего времени, благотворимый Венценосцами России, Первый кадетский корпус, как бы в признательность к такому вниманию, доставил государству столько полезных и име-

нитых людей, что одно перечисление их могло бы занять особую книгу... большая часть Военно-Учебных заведений имели директорами бывших воспитанников Первого кадетского корпуса, питомцы оного участвовали во всех победоносных походах Российских армий от Торнео до Эрзерума, от подошвы Арарата до берегов Сены, сражались с неприятелем на водах морей: Балтийского, Черного и Средиземного, имели участие в плаваниях вокруг света, в открытии новых стран и сами открывали новые (известный мореплаватель Флота капитан О. А. Коцебу воспитывался в Первом корпусе)... Надежда России, Наследник Престола окружен особами, образовавшимися в сем заведении (Воспитатель Наследника генерал-майор Мердер, состоявшие при Его Высочестве ген. адът. Ушаков и капитан лейб-гвардии Измайловского полка Юрьевич были кадетами и офицерами в Первом корпусе)".

"Чувства непоколебимой верности и благоговейной любви к Высоким виновникам их счастия пребудут в воспитанниках корпуса навсегда неизменными. Чувства сии, переходя от отца к сыну, от сына к внуку, переживут века и поколения, и в позднейшем потомстве будут несокрушимым щитом Престола, а с ним и Отечества".

Извлек *Владимир фон-Рихтер*

ИЗ НЕДАВНИХ БЫЛЕЙ

В Дагестанском Конном полку, в Японскую кампанию, штандартным унтер-офицером был 84-летний старый горец Суруйхайхан. В 1908 году он приехал в Петербург, чтобы представиться Государю. Приехав в столицу, Суруйхайхан пошел к своему бывшему полковому командиру генералу Хану Нахичеванскому и доложил, что хочет видеть своего Белого Царя, что просьб у него никаких нет, но, в виду того, что он уже видел Государей Николая I, Александра II и Александра III, он желает перед смертью, увидеть четвертого Императора.

Хан Нахичеванский ответил ему, что это сделать очень трудно. Старик Суруйхайхан, по своим понятиям, не мог допустить этого и стал упорно биться во все двери. Усилия его увенчались успехом, и он был представлен Начальнику Военно-Походной Канцелярии Его Величества князю Орлову. Мощная, громадная фигура Суруйхайхана, с длинной седой бородой, произвела огромное впечатление на князя и на другой же день, старик был представлен Императору Николаю II.

Государь подал старику руку и беседовал с ним около 10 минут. На вопрос Императора: "Что он может сделать для старика?", Суруйхайхан ответил:

— Мне ничего не нужно. Я видел твоего прадеда, деда и отца, сегодня Бог послал мне увидать и Тебя. Дай мне последнее счастье — покажи Наследника.

Государь приказал принести Наследника и передал Его на руки Суруйхайхана. Старик заплакал от счастья и, при прощании, получил потрет Императора с собственноручной надписью.

Извлек *Е. К.*

О БЫВШИХ В АРТИЛЛЕРИИ ФЕЛЬДЦЕЙГМЕЙСТЕРАХ И ГЛАВНЫХ КОМАНДИРАХ

Справка из книги Князя Долгорукого "Хроника Российской Императорской Армии".

1694 — В Пушкарском Приказе присутствовал Боярин Князь Урусов.
1699 — В том же Приказе Боярин Шеин.
1704 — Велено ведать Приказ Г. М. Брюсу.
1706 — Пожалован он в Г. Л.
1706 — Генерал - Фельдцейгмейстер Царевич Александр Аруйлович.
1711 — Генерал-Фельдцейгмейстер Брюс.
1726 — Г. Л. Гинтер.
1727 — Велено писаться ему Генералом.
1728 — Фельдцейгмейстером.
1729 — Генерал Миних.
1731 — Писался Генерал-Фельдцейгмейстером.
1732 — Пожалован Генерал-Фельдмаршалом.
1735 — Г. Фельдцейгмейстер Принц Гессен-Гамбургский и оба с Минихом управляли артиллерией по июль месяц 1736 года.
1742 — Оный принц пожалован в Фельдмаршалы.
1745 — Г. Фельдцейгмейстер Князь Репнин.
1756 — Г. Фельдцейгмейстер Граф Шувалов.
1762 — Г. Фельдцейгмейстер Вильбоа.
1765 — Г. Фельдцейгмейстер Граф Орлов.
1784 — Управлял Артиллерийским корпусом без названия Фельдцейгмейстера, от Артиллерии Генерал Барон Меллер-Закомельский.
1792 — Управлял Артиллерийским Корпусом Г. Фельдмаршал Князь Потемкин - Таврический.
1793 — Г. Фельдцейгмейстер Князь Зубов.
1796 — Вступил во управление Артиллерийского Корпуса Артиллерии Генерал Мелиссино, без названия Фельдцейгмейстера.
1797 — (26 декабря) — Инспектором всей Артиллерии, Артиллерии Г. М. Челищев, который потом произведен в Г. Л.
1798 — (28 января) — Фельдцейгмейстер Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Павлович.
1799 — Всей Артиллерии Инспектор Генерал - Лейтенант Барон Аракчеев.

Извлек *А. Г.*

От Редакции

В статье А. Балашева "Из Изюмской старины" (№ 22 "Военной Были") допущено, по вине корректора, некоторое количество ошибок. Просьба к читателям исправить таковые: 1) Х. А Купфер родился в 1655 г., а не в 1656, как указано; 2) Пропущено название прусского ордена, которым был пожалован Купфер — "Пур ле Мэрит"; 3) А. И. Купфер был назначен командиром Изюмского гусарского полка не 2-го, а 22 января 1823 г.; 4) Он же получил орден Св. Анны 2-й ст. с алмазами не в 1826 г., а в 1825.; 5) 1-й Конно-Пионерный дивизион, а не Конно-Пионерский; 6) Конец 1-го абзаца на стр. 22: "Его Императорско-Королевского Высочества", а "не Его Императорского-Королевского Высочества".

Приносим наши искренние извинения автору.

От Редакции: — В объявление о кончине Великого Князя Андрея Владимировича вкрались две опечатки: Великий Князь скончался 30, а не 29 октября и на 78, а не 77 году жизни.

Почтовый ящик

В №№ 20 и 21 "ВОЕННОЙ БЫЛИ" были помещены статьи г.г. Анатолия Маркова и Владимира фон-Рихтер, в которых рассматривался вопрос о касках в Русской и прусской армиях. Считаю целесо образным, для выяснения этого интересного вопроса, сообщить следующие факты: 1) Русская каска отличается, по своему виду, от прусской. Она выше, обладает большим козырьком, другой формы. Прусская — прилегает к голове. 2) В прусской Королевско4 армии, каска (Pickel haube) введена, согласно А. Р. О. с 23 октября 1842 года, то-есть до посещения Принцем Вильгельмом, впоследствии германским Императором Вильгельмом I, в июне 1843 г., Санкт-Петербурга. В Русской армии каска введена только в 1846 г., как указано в статье Анатолия Маркова, подтверждением чему служат не только Русские источники, но и книга профессора Knotel «Uniformbunde» имеющая мировую известность.

Борис фон-Царевский

В своих воспоминаниях о Елисаветградском Училище, полковник Фурман задает вопрос о своих однокашниках "Где они"? Я могу сообщить относительно упоминаемого им юнкера Петропольского — Митрофан Михайлович Петропольский, в чине полковника, умер и похоронен в Панчеве (Югославия). перед второй войной. Умер после долгих мучений, от рака языка. Вдова его проживает у брата, около Сан-Франциско. Ей около 99 лет..

П. Мыльников

Как отзвук тех же "Воспоминаний" полк. Фурмана, наш дорогой однокашник и сотрудник Сергей Петрович Можаров прислал для "Военной Были" рассказ, повествующий о судьбе другого товарища полковника Фурмана по училищу — юнкера Мелик-Гурджиева. Рассказ этот будет напечатан в одном из ближайших номеров журнала.

Редакция

Г-ну Николенко. — В Редакции есть письмо для Вас от П. Ф. Волошина. Просьба сообщить адрес, чтобы переслать его.

Памятные воинские даты на 1957 год

375 лет, со времени основания Сибирского Казачьего войска.
250 лет, с основания 5 драгунского Каргопольского и 1 уланского Петроградского полков.
225 лет, с основания Первого Кадетского Корпуса.
200 лет, сражения при Гросс-Егерсдорфе (19-VIII-1757 г.).
175 лет, с учреждения Ордена Святого Владимира.
» » рождения героя Кавказа генерала П. С. Котляревского.
150 лет, сражения при Прейссиш-Эйлау (27-I-1807) и при Фридланде (2-VI-1807).
» » заключения Тильзитского мира (27-VI-1807).
» » победы графа Гудовича при Арпачае (18-VI-1807).
» » взятия контр-адмиралом Пустошкиным крепости Анапа (29-IV-1807).
» » победы ген. Милорадовича при Обилешти (2-VI-1807).
» » похода вице-адмирала Сенявина в Архипелаг, взятия острова Тенедос и сражения при Афонской Горе.
» » основания 50 пехот. Белостокского, 126 пехот. Рыльского, 6 уланского Волынского и 8 гусарского Лубенского полков.
125 лет, рождения Генерал-Фельдцейхмейстера, Генерал-Фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича (13-X-1832).
» » основания Императорской Николаевской Военной Академии (26-XI-1832).
75 лет, кончины Генерала М. Д. Скобелева (26-VI-1882).

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

„ВЕСТНИК“

ежемесячная военно - национальная газета. Издание Обще - Кадетского Объединения
под редакцией **А. А. Геринга.**

VII год издания. Париж. Цена отд. номера: во Франции — 60 фр., Германии — 60 пф.,
странах заокеанских — 20 ам. ц.

Обращаться по адресу: А. А. Геринг. 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16).

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из жизнетворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, безсонницы и в некоторых случая повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!

Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:

Laboratoire B. KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16ᵉ). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE : V. Miller, 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.

„МОРСКИЕ ЗАПИСКИ“

издаваемые Обществом Офицеров Российского Императорского Флота в Америке, под редакцией старш. лейт. барона Г. Н. Таубе

Вышел и разослан подписчикам

№ 4 (43), т. XIV, 1956 г.

Подписная цена — 3 долл. в год.

Представитель на Францию: кап. 2 р.
В. В. Скрябин.

Обращаться по адресу:

38, Bd de la République, Boulogne s/S.

НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Автор	Название	Фр.
Г. Ишевский	Честь	600
Н. Воронович	Вечерний звон (очерки прошлого 1891-1917)	600
Н. Воронович	Русско-японская война (воспоминания)	250
Н. Воронович	Всевидящее око (из быта Русской армии)	250
Ю. Н. Данилов	Русские отряды на французск. и македон. фронтах	350
П. Н. Богданович	Аракчеев граф и барон Российской Империи	500
А. Балашев	Для немногих (стихи) 2-е изд.	400
«Русский Журнал» № 1		75
Л. И. Кульнев	Волны жизни	350

Поступила в продажу в Париже книга
Георгия ИШЕВСКОГО.

„ЧЕСТЬ“

Изд. О. К. О.

Литературное описание жизни Симбирского кадетского корпуса и воспитания Русской военной молодежи в Императорской России.

Продается в конторе «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и во всех Русских книжных магазинах.

Цена книги — 600 фр.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — **61, rue Chardon-Lagache, Paris (16ᵉ)** и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у Б. П. Мижевского — **69, rue de Parme.**

Лондон — у В. В. Барачевского — **26, Tottenham street, W 1.**

Германия — у И. Н. Горяйнова — **Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.**

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — **Bredgade 53, Copenhague.**

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — **Boulevard de Flandre Megrine.**

Италия — у Б. Н. Ширяева — **Casa Postale, 102, San-Remo, Italie.**

Александрия — у А. Л. Маркова — **56, rue Heliopolis, Ibrahimie.**

Сан-Пауло — у С. К. Успенского — **Caixa Postale 51-53.**

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — **P. O. Box 304, Nyack (N.Y.)**

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — **1538, Steiner, San-Francisco, 15.**

Канада — у А. С. Орлова — **224, Dovercourt R-d Toronto (ONT).**

Австралия — а) у Калатилина — **50, Belemba ave Lakemba (N.S.W.),** б) у Н. А. Косач **16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.**

Венецуэла — у К. А. Келльнера — **24, av. Sarria, Caracas.**

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — **Obligado 2130, Buenos-Aires.**

№ 24

МАЙ 1957 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 6-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSE MILITAIRE

ИЗДАНИЕ

ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ПАРИЖ

Обще-Кадетское Объединение и редакция журнала «Военная Быль» с глубокой скорбью извещают о кончине своего дорогого друга и сотрудника кадета Псковского кадетского корпуса

Михаила Алексеевича
Зайцева

последовавшей в С.А.С.Ш. 28 января 1957 г.. Панихида была отслужена у Кадетской Неугасимой Лампады в Париже.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1050 фр. с пересылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № 5 шил. год. подписка — 25 шил., в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16). Tel. MIR 72-55

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16ᵉ). MIR. 72-55

6-й год издания № 24 МАЙ 1957 г. Bimestriel. Prix — 200 fr.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

РЕДАКЦИЯ И ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» ПОЗДРАВЛЯЮТ ВСЕХ ДОРОГИХ СОТРУДНИКОВ, ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ, ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ СО СВЕТЛЫМИ ПРАЗДНИКАМИ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА.

ПАМЯТИ ДРУГА

Редеют кадетские ряды. Еще одна смерть, казалось бы такая ненужная и никчемная. 28 января с.г. скончался в Соединенных Штатах, в г. Ипсиланти наш друг, однокашник и верный сотрудник "Военной Были" кадет Псковского к. к. выпуска 1913 года, Михаил Алексеевич Зайцев. Блестящий офицер, проведший на фронте всю Великую войну в рядах, сначала, лейб-гвардии Мортирного Дивизиона, а затем 6-й Сибирской Стрелковой Артиллерийской бригады, награжденный всеми боевыми орденами до Св. Владимира 4-й степени включительно, тихо угас после долгой и мучительной болезни.

В эмиграции Михаил Алексеевич окончил университет и был преподавателем рисования и математики в Латвии и Германии. Талантливый художник, покойный принимал участие во многих выставках и устраивал самостоятельные, во многих городах Латвии, Германии и Соединенных Штатов. С первых дней зарождения нашего Объединения, покойный вступил в наши ряды и принимал деятельное участие в "Военной Были". Последний его очерк "Газовая война" помещен еще в № 22 журнала за этот год. В 1954 году, наш друг прислал в Объединение открытки своей работы с видами Пскова и Москвы. Десятки писем Михаила Алексеевича, рисующих его чистую светлую душу и верную привязанность к Кадетству и своему родному корпусу, хранятся в архиве Председателя Объединения.

Вечная память старому кадету и верному другу...

Алексей Геринг

Главы из повести „Пушкари"

11.

Привал. Солнце все выше. После тарахтения колес, фырканья лошадей — на привале стоит тишина. Слышно стрекотание кузнечиков, лесной гомон яснее и отчетливее.

— Искупаться бы — лениво цедит развалившийся в придорожной канавке старший офицер Капитан Тихоцкий.

— Эй молодежь.... по глотку вина, — кричит он, вытаскивая из сумки бутылку — Удельного.

От вина проходит сонливость и когда раздается команда — по коням, — разговор опять возобновляется. Переходим на артиллерийские темы: о новых методах стрельбы с двумя боковыми наблюдателями, о только что полученном угломере Михайловского-Турова, о назначенном новом начальнике полигона Полковнике Дынникове, про которого ходят слухи, что такого знатока стрельбы не было еще ни на одном полигоне. Его очковтирательством не проймешь.

— Покажет он, где раки зимуют нашей "первой скрипке".

"Первый скрипач" сонно качался в седле во главе батареи.

— Хотел ведь идти резвыми аллюрами, а плетемся, как черепахи, — ворчим мы.

Как-бы в ответ на это, Слопачинский вдруг оживляется, выпрямляется в седле и командует:

— Рысью марш...

Обгоняем 4-ю, на ходу кричим ей: "Не пыли пехота", и далеко уходим вперед.

Весело бегут встрепенувшиеся лошади. Батарейцы приободряются.

Жмель ложится в повод и рвется вперед. Идем все дальше — переменным аллюром.

Вдали мелькает серебряная полоска. Это река Тетерев. Полоса все ближе — тянет влагой и прохладой.

Слопачинский сворачивает с шоссе. Сразу стихает шум. Батарея выстраивает фронт на тесных интервалах.

— Людям можно искупаться; лошадей напоим перед выступлением, — распоряжается старший офицер.

Слопачинский передает ему командовани и сам с трубачем уезжает вперед. Становится веселее.

Еще минута и река оглашается шумом и хохотом. Лошадям задано сено — они его лениво жуют, но с жадностью смотрят на реку. Но — поить их нельзя. Боже упаси.

Лошадь /существо нежное: напоив горячую лошадь, — можно ее погубить. Опоенная лошадь — калека. В походе можно напоить, но сейчас же потребовать движения.

В те далекие времена — никаких купальных костюмов не водилось. Сбросив с себя верхнюю и нижнюю одежду и очутившись в чем мать родила, большинство солдат прикрывает левой рукой "срам", крестится правой и бросается в воду.

Течение тихое, река не глубокая — плавать и барахтаться можно сколько угодно.

Солидно спускается с берега в воду грузная фигура фельдфебеля Василия Петровича. Попав в воду, он мочит подмышки, фыркает, как кот и приседает, погружаясь с головой. Оттуда вылезает — на себя не похожий — его великолепные баки и усы виснут вниз и похож он на моржа.

— Дозвольте потереть спинку — разлетается к нему весельчак старший фееверкер Черкасов.

— Пошел, пошел... — добродушно отфыркивается Василий Петрович. В таком виде грозного начальника не изобразишь.

Молодцы фейерверкера и мы с ними, прыгаем в воду "ласточкой", делаем "сальто" и резвимся как щенята.

— Позвать сюда Джианашвили, — орет развеселившийся Дическул.

Десять голых фигур бросается разыскивать. Он спит под кустиком, накрывшись лопухом.

С хохотом и визгом его приволакивают на берег.

— Молись Аллаху.. Настал твой последний час, — кричит Дическул.

Джианашвили не на шутку трусит.

— Ваше Благородие, — орет он испуганно: — Я по закону не могу купаться до Байрама.

— Врешь, сукин сун, в воду его...

"Сын солнца" издает отчаянный вопль и летит в воду в полном облачении, мелькают в воздухе собственные, красные пантуфли.

Со свирепой рожей вылезает он на берег, но по всему видно, что он сам очень доволен блестящим спектаклем, который дал.

Поим лошадей, замачиваем им холки и темя и опять вытягиваем на шоссе.

— Молодежь, молодежь..., не увлекаться, — наставляет старший офицер. — Осмотреть хорошенько взводы. Нет ли натертых и набитых лошадей?.. Не хлябают ли подковы?..

Еду к своему взводу.... Кажется все благополучно.

По пути присоединяется Слопачинский — он похрапывал на дороге, поджидая нас.

В Березовку — приходим первые. 4-я и 6-я плетутся еще где-то сзади.

Командиры их не одобряют резвых аллюров. Колчигин командир 6-ой говорит, — что "хорошая лошадь, как девка, должна быть в теле". За свою ересь он очень поплатился в первые годы войны, когда батарея его, загрузала, во всех трудных и топких местах.

Гайрабетов, — пеший, встречает нас у околицы Березовки. Рапортует командиру.

— Ну и обед же будет сегодня, пальчики оближете — шепчет он нам, скосив глаза.

Рядом с Гайрабетовым "лорд мэр" Березовки, т. е., староста деревни. Борода лопатой, напомаженная маслом голова, на шее цепь.

— Бувайте здоровеньки Ваше Благородие, — и он с достоинством снимает шапку и кланяется Слопачинскому.

Слопачинский, неожиданно, с чисто польской галантностью, протягивает ему руку.

Это нам всем нравится.

— Молодец "Слопач", — говорит тихо Дическул: — совсем, как в романах Сенкевича.

— Поросеночка, то вам предоставил первый сорт, — говорит "лорд-мэр", — молочного... Будете довольны.....

Разведчики разводят запряжки по хатам. Посреди улицы аппетитно дымит кухня.

— Господа офицеры... прежде, чем идти в столовую, осмотреть как размещены люди и лошади, а там уж думайте о себе. "И к чему он это плетет?— думаем мы, — точно сами не знаем?".

Прежде всего солдат, — потом ты, — твердили нам с утра до вечера в стенах училища курсовые офицеры, батарейные командиры и Начальник училища Генерал Чернявский.

Обход длится довольно долго. В одной хате тесно, в другой, — нет сеновала, в третьей, помирает баба и нужно перевести десять ребят в другую.

— Ты чего смотрел? — ворчит Дическул, обращаясь к Гайрабетову.

— Да врет все проклятая, ничего она не помирает. Начала помирать — когда увидела солдат. Вот увидишь — завтра будет плясать с нашими солдатами. Жадна — и боится, что "москали" обокрадут. Не видит стерва, что у нас этого быть не может.

— Послать может доктора?.. — спрашивает Дическул бабу.

— Ох, ох, ох, — стонет она, но глаза лукаво бегают по нашим фигурам.

Выходим на площадь. Подтягивают 4-я и 6-я. Колчигин лихо сидит подбоченясь на собственном до-

родном гунтере, раскормленном, как иоркширская свинья.

— Ну, что господа кавалеристы?.. — цедит он: — много набитых лошадок?..

— Ни одной, г-н Полковник, — козыряю я.

— Ох, ох, ох.... Свежо предание, а верится с трудом... Ну, что-ж резвитесь... резвитесь... Резвость свойственна юности, — язвит он.

12.

Уже начинало смеркаться, когда мы отыскали хату, отведенную под офицерское собрание. Хозяин собрания поручик Петляков действительно превзошел себя: на столе красовалось все, что составляло гордость бакалейных лавок нашего города: колбасы всех сортов, сардины, селедки, аппетитно окруженные луком, зеленью и пр.

— Будет пирог с капустой и яйцами, — радостным голосом и краснея от застенчивости, докладывает Петляков.

Бутылок немного: рябиновка, только один графинчик казенной водки, остальное удельное вино, пиво, квас.

— На поверке, быть всем, — говорит командир дивизиона аппетитно закусывая рюмку водки селедкой; — пирог сможем доесть и потом.

Где-то вдали играет труба. Слышны глухие команды: “Выходи на поверку... Стройся...”

После зимних квартир, когда поверка производилась в закрытых казармах и каждой батареей отдельно, такое многолюдное собрание представляло довольно внушительное зрелище. На большой деревенской площади выстроились все три батареи, двенадцать батарейных трубачей стояли впереди. Среди них Кононов — старший трубач с совершенно исключительным, красивым тембром звука. Он один играл верхнюю терцию в вечерней заре.

И когда, при заходящем солнце, 400 солдат замерли в абсолютной тишине и смягченные простором гармонично и нежно зазвучали аккорды “ЗОРИ”, у многих в груди шевельнулось чувство гордости, чувство принадлежности к одной большой, тесно спаянной семье, чувство ответственности перед родиной за нашу военную работу и даже какое-то смутное предчувствие, что вот — вот, скоро, скоро — мы должны будем отплатить государству за все то, что оно сделало для нас: за ученье, за беззаботную юность, за всю радость нашего детства.

Грустно и трогательно прозвучали молитвы “ОТЧЕ НАШ”, “СПАСИ ГОСПОДИ” и, наконец, наш прекрасный величественный ГИМН.

Все знали, что в этот же, приблизительно, час вся Русская армия, по всему необъятному простору Русской земли — все эскадроны, сотни, роты, батареи, военные суда поют те-же молитвы Бога и своего Государя.

Любили-ли мы Своего Царя?

Никто из нас в те времена не задавал себе этого вопроса.

Наше детство (кадетские корпуса), юность и молодость проходили в стенах, с которых на наши шалости, горести и радости молчаливо смотрели портреты целого ряда Русских Царей.

Без Царя — мы как-то даже не представляли России.

Это была такая же неотъемлемая часть нашей родины, как любой орган человеческого тела.

У Л. Н. Толстого на вопрос Наташи Пьеру: Любит ли он ее? тот отвечает: “Вот смотри — это мой большой палец. Люблю ли я его?.. Я о нем и не думаю, а попробуй его отрезать”.

Все прошлое России было для нас связано в Русскими царями. Большинство корпусов, военных училищ имели шефами лиц династии или живых или скончавшихся.

Мы знали, хорошо сравнительно, историю, от нас не скрывались и темные ее страницы, мы знали, что среди Русских Царей были всякие, но отношение прививалось и было Пимено-Пушкинское:

— За грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

И все-таки, в свете всего пережитого, надо сознаться, что любили, мы мало, так же мало как и своих родителей.

— Ну, мама, папа, тетя... конечно их надо любить, уважать... но это так скучно...

За офицерскими парадными обедами, первый тост всегда был за Царя (до этого нельзя было курить), в театрах, в царские дни, играли, изумительный по красоте и величию, гимн.

И в том и в другом случае — держались официально, а иногда и небрежно: можно было видеть офицера, стоявшего в непринужденной позе, при исполнении гимна, что-то шепчущего, улыбающейся, хорошенькой соседке.

И когда пришли смутные годы, с их путаницей чувств долга, любви к Государю, исполнением своих обязанностей — любовь потонула. Во многом виноваты мы сами.

И теперь, когда из уст старых офицеров срываются небрежные слова, вроде:

— Безвольность Государя была одной из причин революции — мне всегда становится грустно.

Будто-бы не было в России царей и безвольных, и слабых (а царь Федор Иоаннович?) и все-таки Россия шла вперед и ковала мощь и славу своего государства.

Язва была глубже — и была, может быть, в нас самих. Но не хочется ворошить старых больных воспоминаний.

Как-то невольно приходят на память потрясающие строки Георгия Иванова:

— Эмалевый крестик в петлице,
Зеленой тужурки сукно,
Какие печальные лица...
И как это было давно...

Какие печальные лица.
И как безнадежно бледны:
Государь, Императрица
И четыре великих княжны.

13.

Еще два дня пути и мы подошли к месту нашей дневки, местечку Межиречье.

Квартирьеры привезли совершенно фантастические сведения: жители местечка никогда не видели солдат. Т. е. вернее воинских частей армии: видели только уходящих в запас одиночных людей.

— Какие-то готентоты, — сообщил Гайрабетов: — смотрят на нас, как на выходцев с луны... Весело.

До Межиречья оставалось едва ли 5 километров, как вдруг (как это бывает всегда на Юге России), где то вдали громыхнуло в небесах, колыхнула далекая молния и все стихло. Вслед за этим понесся вихрь, поднявший столбы пыли и опять наступило затишье.

Разразившаяся вслед за этим гроза была такой силы, что, казалось, наступил конец света. Казалось, что удары грома рвали небо с яростью и что после грозы на земле не останется ни одного живого существа, тем не менее мы были живы и двигались вперед.

Дождевые плащи имели только офицеры и то не все. Дорога превратилась в какое-то русло реки, по которому с брызгами катились колеса, изредка проваливаясь в невидимые ямы..

В Межиречье пришли уже с наступлением темноты. Торжественное вступление в царство "готентотов" сорвалось.

Быстро, уже под стихающей грозой, разместились по дворам.

— С завтрашнего дня начинаю копить деньги,— пробурчал Слопачинский: — Не дай Бог война — все будем иметь плащи. Посмотрите на что похожи наши шинели: на них смотреть страшно — от дождя они бухнут и весят в десять раз больше. Высушить их трудно.

— Я вот в прошлом году был в Германии. Что и говорить — солдаты одеты получше наших, — повествует он: — главное, что все это у них практично... Ну, как он будет в такой мокрой шинели манипулировать около орудия... Верьте мне Глебушка (я поежился) солдат — тоже, что хорошая скаковая лошадь: накормите его, хорошо оденьте, держите в чистоте и опрятности и он вам все вернет с процентами.

Надо отдать справедливость Слопачинскому — свои намерения он выполнил: на войну 1914 г., наша батарея вышла, имея плащи на всех солдат. Мало того, в наступившей зиме 14-го года, мы имели прекрасные, теплые, невероятно вонючие, романовские полушубки.

14.

Раннее утро после вчерашней грозы было ослепительное. С утра было видно, что такой же будет и весь день.

Мы еще валандались в постелях, брились, готовились пить чай с местными горячими кренделями, когда к нам ворвался с новостями Оношко.

Вот уж кто служил не по своей профессии! Ему бы быть каким-нибудь корреспондентом американской газеты, а не тащить лямку армейского офицера.

И откуда только черпал он свою информацию — уму непостижимо, но знал он все лучше всех и раньше всех.

— У меня пантофелева почта во всех местах губернии, — самодовольно, заявлял он.

— Новость № 1-й. Ночью со станции приехала на подводах наша бригадная аристократия — трубачи. С ними Анатолий (наш бригадный адъютант красавец усач — кумир всех гимназисток).

— Новость № 2: Местное "сосьете" состоит из: бати, ксендза, равина и заведующего почтовой конторой. Зимой все четверо мирно играют в винт. Симпатяги и не дураки выпить, кроме равина (не пьющего). Заведующий почтовой конторой — вот тип! — захлебывался Оношко, вот экземпляр! Молодой еще парень. Вероятно, чтобы показать свою светскость, — все время кривит физиономию в иронически презрительную гримасу. Разговаривать с ним абсолютно невозможно: на все вопросы ухмыляется и несет форменную несуразицу.

— Спрашиваю: давно ли тут служите?.. — кривит рожу и отвечает: — Смотря с какой точки...

— Любите ли музыку?.. опять гримаса: — "Соответственно".

— Прямо балда какая-то.

— Теперь самая сенсационная новость: батя, у которого дочь на выданьи, — решил, что такого случая, как присутствие в местечке целого дивизиона артиллерии, больше не будет, выдать свою дочку замуж не на Троицу, как предполагалось, а сегодня же. Будем "гулять" свадьбу в три часа. За женихом ночью послали лошадей с подставными и он уже приехал.

— Это семинарист нашей семинарии — симпатяга парень, но совсем ошалел от событий. Подумать только: ночью подняли с кровати, с благословения ректора впихнули в телегу и помчали... Куда?.. Зачѣм?... Венчаться... Ну... ну...

— Батюшка узнав, что в 4-ой батарее вольноопер Суворов, сын кладбищенского священника и бывший семинарист, упросил его организовать хор на свадьбе.

— Вставайте скорее — идем на репетицию. Суворов дописывает по слуху: — "Гряди, гряди, голубица"... Я уже позвал Зыкова и Козловского, батя просил ксендза и равина принять участие в хоре.

— У равина — тенор — прямо Карузо... Честное слово.. Петь в хоре будет, но на клирос становиться не хочет.

— На свадьбу приехал целый воз епархиалок (ученицы женский епархиальной школы). Есть — душки. Ну... вставайте скорей и на репетицию.

На репетицию собрались наши лучшие артистические силы: Козловский — баритон, Зыков — дей-

ствительно превосходный бас, Оношко, я и Дическул, воображавший себя замечательным певцом, но в действительности певший сипло и фальшиво.

Подошел ксендз и равин.

Ксендз уверял всех, что в Кракове, в бытность студентом, он чаровал своим голосом все местное общество, но когда мы запели он хрипел, как немазанная телега.

Вольноопределяющийся Суворов сильно волновался, еще бы: Штабс-Капитаны, Поручики, распекавшие его на учениях — вдруг стали его подчинеными.

Он робко предложил спеть — для того, чтобы распеться *"Господи помилуй"*. Спели кое-как. Все портили ксендз и Дическул, хрипевшие невпопад, да и некрасивыми голосами.

Дальше пошло лучше.

В прокимене: "Положил еси на главах их венцы", разошедшийся равин взял такое Ля - бемоль, что пение прервалось и мы забили в ладоши.

— Вот так тенор — ахнули.

Пробовали спеть концертное "Исайя ликуй", но оно не вышло из-за непонятливости 2-х теноров (я и Оношко) и Суворов показал простое.

Закончили торжественным многолетием — это вышло хорошо и пошли завтракать.

Свадьба удалась на славу. Венчал другой батюшка (не отец невесты). Епархиалки (четыре) пели на левом клиросе, тоненькими, но верными голосками простые песнопения. Мы же, с блеском (относительным, конечно), исполняли капитальные вещи.

Невеста была в обыкновенном платье (белое к ее страшному огорчению не успели закончить). Жених в длиннополом сюртуке, с чужого плеча повидимому, имел вид довольно унылый и ясно не отдавал себе отчет, что с ним проделывают. К тому же, он был явно утомлен бешеной ночной скачкой по мокрым и грязным дорогам. Церковь полна была офицеров. Шаферами были так же наши офицеры. Великолепный Анатоль, распустив усы, красовался в первом ряду, рядом с командиром дивизиона.

После прогремевшого многолетия новобрачным, все офицеры получили приглашение на вечерний "бал" в довольно большой дом батюшки при церкви.

Отец Василий сиял от восторга:

— Вот спасибо, вот спасибо... — пожимал он руки направо и налево — утешили старика.

П. Волошин

В Ингушском конном полку

(Продолжение)

Проводя два дня в прикрытии дивизиона, я предпочитал оставаться с моими людьми, нежели жить в офицерской халупе, где было и без того тесно. Совместная жизнь с всадниками-горцами была не то, что с русскими солдатами, ибо в горце имеются врожденные чувства дисциплины, уважение к старшему и деликатность.

Наиболее любопытным типом во взводе являлся мой старший урядник Бекир, крупный костистый и носатый терец лет уже 50. Он являлся, как я заметил, среди всадников чем-то вроде мусульманского начетника и был уважаем людьми. К военным опасностям он относился совершенно невозмутимо, что я было отнес к мусульманскому фатализму. Но потом узнал, что дело совсем другое. Оказывается, что его в свое время на каком-то священном озере, на Кавказе, заговорил от ранений и смерти от оружия какой-то горный знаменитый знахарь, в которого верили ингуши, почему Бекир был твердо уверен, что он неуязвим ни от снаряда, ни от пули, ни от штыка.

В полку было принято среди молодежи, чтобы офицеры везде и всегда были впереди взвода при наступлении и позади при отходе — это являлось для нас вопросом чести. При осуществлении этой традиции у нас во взводе, я, однако, натолкнулся на молчаливое, но упорное сопротивление взводного, который на этот предмет имел свою собственную точку зрения. Закрывая повсюду в минуту опасности меня собой, Бекир, как я потом только узнал, руководствовался при этом отнюдь не самопожертвованием для преданности своему офицеру, а чисто практическим соображением, что раз он сам неуязвим, то для чего же рисковать офицером. Эта твердокаменная вера в собственную неуязвимость меня одновременно и злила и вызывала зависть. Только подумать что мог бы наделать, при такой уверенности, честолюбивый человек на войне по части всяческого геройства, которое так культивировалось среди нашей полковой молодежи.

Однажды, находясь в сторожевом охранени, на берегу Днестра, я со своим взводом должен был занять небольшой сторожевой пост. К самой воде при этом высылался секрет из трех человек. Остальные же люди должны были находиться на склоне берега, в зарослях ивняка. В эту ночь, однако, были получены сведения о предполагавшейся переправе через реку противника, почему ввиду очень темной ночи, я к воде сел со всем своим взводом. Как всегда бывало с горцами, презиравшими всякие предосторожности, наше присутствие у веды было обнаружено противником из-за шума, который производили всадники, слышнаго далеко по воде. Австрийцы в эту ночь что-то нервничали, почему вместо обычной ленивой перестрелки через реку, начался довольно горячий огонь и пули стали ложиться кругом нас. Приказав взводу рассыпаться по берегу, во избежание лишних потерь, я остался на месте с одним Бекиром. На шум в кустах, который подняли расходившиеся горцы, авст-

рийцы усилили огонь, причем к винтовочным выстрелам присоединились два пулемета, которые буквально стригли ветки вокруг нас. Мы на огонь не отвечали, боясь обнаружить себя и лежали, уткнув нос в землю, по возможности, не шевелясь. В этот жуткий момент, мой взводный, вместо того, чтобы лежать смирно, неожиданно для меня вскочил и с шумом зашагал по кустам куда-то в сторону, что усилило австрийский огонь до предела возможного. Лег, он только после того, как я его обложил последними словами и, категорически приказал не двигаться. На заре, когда австрийцы успокоились, в утреннем тумане закрывавшем окрестности, мне удалось вывести людей из этого трудного положения и, первой моей задачей после этого было обрушиться на Бекира. В свое оправдание, он объяснил, что гулял он под выстрелы совсем не из молодечества, а потому что ему показалось, что его племянник, лежавший крайним, был ранен. Что же касается его самого, то ведь я должен знать, что его ни убить, ни ранить не могут. Ореол неприкосновенности и благочестия, которым пользовался Бекир в глазах остальных всадников нисколько не мешал тому, что он, как многие из горцев, был ловким вором и с чужой собственностью не стеснялся. Это, впрочем, в горах пороком не считалось, а являлось достоинством джигита.

Однажды, в этой области имел место следующий случай. Сменившись как-то из окопов, мы ночевали в одной из деревень, где в ту же ночь с нами рядом стояли Киевские гусары. Наши квартирьеры перепутали в темноте хаты и нам пришлось разместиться в перемешку с гусарами. Заснув в каком-то конском стойле на соломе, я оставил коня и вьюк на попечение моего вестового Ахмета Чертоева, чеченца редкой безпечности и лени. Утром, напившись чаю, мы выступили на позицию. Дорога шла вдоль реки, от которой потянуло сыростью. Потянувшись к задней луке, к которой обычно была приторочена бурка, я ее не нашел. Мрачно нахохлившийся Ахмет, мокрый как воробей, трусил в первой шеренге.

— Ахмед, где моя бурка? — обратился я к нему.

Ахмед оглядел с ног до головы меня и коня и решительно заявил:

— Бурка нет — значит ночью солдат украл.

— Какой солдат?

— Гусарскій солдат, что ночевал с нами вместе... Вахмистру надо сказать, пусть пошлет найти твоя бурка.

Мало веря в действительность такой меры, я все же вызвал Бекира и рассказал ему о пропаже. Старик, и всегда сопровождавший его, племянник, выслушали меня молча, повесив свои горбатые носы, как скворцы, а затем вернулись в строй. Длинный, утомительный день похода тянулся, как много других, таких же одинаковых и похожих один на другой. Густая грязь дороги, из которой с трудом кони вытаскивали ноги, со звуком вынутой пробки, мокрые унылые деревушки, брошенные поля, голые леса вдали, покрытые синеватым туманом... Завернутые в тряпье, уныло бредущие навстречу газды, шарахавшиеся от нас как от чорта в поле и, испуганно крестившиеся. Все такое надоевшее и привычное, так похоже на вчерашнее и завтрашнее. Теперь, много лет спустя, все годы войны в Галиции представляются мне, как безпрерывный поход днем и ночью под мелким, нудным дождем, без конца барабанившим по плечам и седлу... Незаметно подошел вечер и замелькали огни в селениях. Кони передней сотни застучали копытами по деревянному настилу моста. Мокрые и громоздкие, обвешанные оружием, мы сразу наполнили чистенькие комнаты "пана пробоща" запахом мокрой амуниции, конского пота и кожи. Добравшись до какого-то дивана, я упал на него объятый мертвым сном. Всю ночь снился мне летящий снаряд, разрыва которого я так и не дождался. Было раннее утро, когда я проснулся от осторожного стука в дверь.

В комнату втиснулся, наполняя ее запахом дождя и мокрой шерсти, взводный Бекир, в сопровождении неразлучного с ним племянника, тащившаго в обеих руках целый ворох бурок. Бекир, взял у него из рук верхнюю, развернул ее перед моими глазами.

— Твоя?..

На вороте бурки чернильным карандашом по холсту стояла четкая надпись — Корнет Николай Иванович Критский... За первой последовала вторая, третья и пятая, причем на вороте у каждой из них мелькали, написанные чернильным карандашом чины и имена.

— Где вы их достали? — изумился я.

— Как где?.. у солдат, в деревне, где вчера ночевали...

— Это что же вы мою бурку по всему гусарскому полку искали?

— А конешно твою... Ахмет Чертоев твоя нукер сказал, что фамилии написан карандашем... а она — Бекир при этом указал на своего племянника — она по-русски читать не знает.

Смущенный и пораженный такой исполнительностью моих подчиненных, я разыскал среди дюжины бурок принадлежавшую мне, приказал Бекиру отослать назад в с. Бильче все остальные, но, положа руку на сердце, не совсем уверен, что они дошли по назначению.

Не лучше было отношение ингушей и к казенной собственности. Долгое время в полку не могли добиться того, чтобы всадники не считали оружие предметом купли и продажи. Пришлось даже для этого отдать несколько человек под суд, за сделки с казенным оружием. В этой области также дело не обошлось без бытовых курьезов. Так, в одной из сотен, заведующий оружием, производя ревизию, не досчитался нескольких винтовок из запасных. Зная, однако, нравы горцев, он предупредил командира сотни, что рапорта, не подает, а приедет снова через несколько дней для новой ревизии, за каковой срок сотня должна пополнить недостачу. Сотня — меры при-

няла — и, в следующий приезд заведывающего оружием, он нашел десять винтовок — лишних.

Пики, как оружие горцам несвойственное, всадники не любили, и, в начале войны, когда ими были вооружены, то, просто говоря, бросали. Генерал Лечицкий, командовавший IX армией, в которую входила Туземная Дивизия, был недоволен, так как, не признавал ни привиллегий, ни особенностей, ни традиций за военными частями. Однако, наличие во главе дивизии, брата Государя Императора, сдерживало сердитого генерала от какого-либо выпада в ее отношении. В сентябре 1915 г., если не ошибаюсь, Великий Князь получил в командованиие корпус и покинул Туземную Дивизию. Лечицкий тогда решил отвести душу, и посчитаться с туземцами. Вытребованный по тревоге полк выстроился утром осеннего дождливого дня на опушке леса, после ночого перехода. Дождь превратил наши лохматые папахи, бурки и коней в мало презентабельную массу. Над развернутым фронтом полка, на неравных интервалах, торчало несколько десятков пик, остальные были брошены во время ночного перехода.

Из-за леса показалась группа конного начальства: высокий, седой Лечицкий в генеральском пальто на желтой подкладке, неловко, по пехотному, сидел на большой лошади. С суровым, как всегда, видом, он ехал вдоль строя полка, сердито и пристально всматриваясь в лица всадников.

Не трудно представить, о чем в эту минуту думал старый служака, достигший высокого поста, долгой строевой сужбой, глядя на эту опереточную, по его понятиям, часть, нарушавшую все его понятия о порядке и дисциплине. Эти оборванные полусолдаты-полуразбойники на своих лопоухих клячах так долго его возмущали своей, ни на что не похожей, наружностью и манерой войны, что теперь он решил показать, кто здесь начальник.

Прорвало Лечицкого, гораздо раньше, нежели он доехал, по уставу, до середины полка. Завалившись назад, он резко осадил коня. Маленький Мерчуле, изящно сидя на невысоком седле, подъехал и, небрежно касаясь папахи, что-то ответил на вопрос генерала. Ветер относил спокойный голос полковника, но сердитый крик командующего армией, прорывался через его порывы.

— Безобразие... навести порядок... не потерплю больше.

Резко прервав разговор с Мерчуле, генерал дал шпоры коню и, подлетев к фронту ингушей, ткнул в упор стэком в грудь чеченца Чантиева.

— Ты, — прокатился гневный генеральский крик, — тебе пика была выдана или нет?

— Выдан... твоя прысходительства, — весело оскалился Чантиев, очень довольный генеральским вниманием.

— Так куда же ты ее дел, сукин сын?

Черномазая рожа Чантиева окончательно расплылась в радостную улыбку.

— Нам пика не нужен, — рассудительно, объяснил он, — наша ингуш, чечен кинжал, шашка, винтовка имеем, а пика... наша бросил к... матери, — закончил он неожиданно свое объяснение.

В группе начальства, позади генерала, несмотря на серьезность минуты, кто-то не удержался и фыркнул. У Лечицкого выкатились глаза и покраснело лицо, повидимому, от негодования слова остановились у него на языке.

— Дур-рак, — рявкнул наконец генерал, как из пушки и, круто повернув коня отъехал к своей свите, что-то негодующе говоря.

Вестовым у меня, при приезде в полк, добровольно вызвался быть, всадник Ахмет Чертоев. Он был чеченец, а не ингуш, хотя служил в Ингушском полку. Видимо в Чеченском полку у него было слишком много кровников, чтобы он там мог быть в безопасности. Ахмет, как и большинство горцев, все галицийское и австрийское население почитал врагами, независимо от того, было ли оно военное или штатское, и очень осуждал начальство за то, что оно с ним церемонится. По вечерам, видимо желая научить меня уму-разуму, он много рассказывал о жизни в его родном ауле, где, по его словам, живут — настоящие джигиты, — не питающие слабодушия в отношении врагов. Рассказы его в большинстве случаев касались всякого рода стычек и битв черенцев друг с другом. Институт кровавой мести Ахмет не только одобрял, но и считал, что этот обычай, наравне с разбоем, является единственной и незаменимой школой для воспитания молодежи в воинском духе и традициях доброго старого времени, так как, по его мнению, настоящие войны, к сожалению, бывают слишком редко.

Мстить кровникам, по чеченским обычаям, оказывается, разрешается не только лично, но и через наемного убийцу-специалиста. Мести подвергались все мужчины вражеского рода от 15 до 60 лет, при всяком удобном случае, в любой час дня и ночи. Так как в его местах у всех чеченцев имеются кровники, то, благодаря этому обстоятельству, для всех мужчин необходимо ходить вооруженными, чтобы в каждый момент быть готовым к отражению атаки. По этой причине, в Чечне постоянный спрос на винтовки и револьверы, чего к сожалению, Русское начальство здесь на фронте не понимает и мешает перевозить с фронта оружие на Кавказ, поступая по его мнению в этом случае — как ишак. Это не только глупо, но и жестоко, так как, благодаря этому нелепому распоряжению, в Чечне многие были убиты безоружными...

Самым славнным подвигом в семье Ахмет считал большое сражение, которое его сородичи дали своим кровникам Алихановым. С обоих сторон билось около сотни человек, причем бой кончился десятками раненых и убитых с обоих сторон. Причиной его было то, что, Алихановы убили четырнадцатилетнего мальчика Чертоева, шедшего в школу. Получив известие об этом, все Чертоевы побросали работу в поле и дома и бросились к месту происшествия, дав одновременно с тем, знать по телефону всем своим родственникам в соседнее селение. Местный пристав, тоже из чечен-

цев, получив взятку, сделал вид, что ничего не знает. При подсчете потерь, оказалось, что главный богатырь семьи Чертовых — Султан, о подвигах которого мой Ахмет никогда не уставал врать, оказался убитым, но опять-таки геройски, как и подобало великому Джигиту.

— Двадцать мест дырка была, — с гордостью, закончил Ахмет свое повествование.

Анатолий Марков

(Окончание следует)

В песках Закаспия и садах Кахетии

(Из книги — от Тифлиса до Парижа)

В августе 1912 г., Тверской драгунский полк был на маневрах и стоял биваком там, где "сливаяся текли, обнявшись будто две сестры, струи Арагвы и Куры"; т. е., во Мцхете, древней столице Грузии. Именно сюда, в поисках хитона Христа, прибыла просветительница Грузии св. Нина и здесь обратила в христианство царя Мириана и его народ. Нас, молодых офицеров, в то время история Мцхета не интересовала. Важно было то, что маневры кончились и Тифлис был близко, с его серными банями, шашлыками в ресторанах, садом Горгиджанова, с синематографом — Аполло, — где можно было смотреть фильмы с Мозжухиным, Полонским, Коралли, Верой Холодной, Лисенко, Максом Линдером..., а там и отдых на Царских-Колодцах.

Был прекрасный, осенний вечер и лагерь, расположенный по склону горы, представлял из себя живописную картину. Всюду белели палатки, недалеко от нас высился старинный собор, в горах вспыхивали огоньки, эскадроны с песнями возвращались с водопоя. Внизу, у реки, копошилась пехота. Несмотря на усталость после трудного маневра в горах, не хотелось ложиться спать. Драгуны тоже, против обыкновения, бодрствовали. Русский солдат имеет удивительную способность приспособиться ко всякой обстановке: на Кавказе танцуют лезгинку — драгуны 2-го эскадрона изобрели нечто среднее между камаринской и лезгинкой, танцуют в присядку, хлопают в ладоши припевают: — Ай дай чубарики, да не дай чумарики.... Ай да-а-ли далила, ай да-али дали. — Кавказское сердце командира эскадрона, принца Фази, не выдерживает — он выползает из палатки в туфлях. с какой-то пестрой тюбитейкой на голове. При его приближении, хлопанье в ладоши усиливается...

На линии офицерских палаток появляются кунаки-Нижегородцы... Возвращаюсь в палатку.

— Завтра будем спать в чистой, сухой постели, — заявляю я, ложась на походную кровать, но в это время слышу голос за палаткой:

— Разрешите войтить?

— В чем дело?

— Так что командир полка требуют Ваше Благородие к себе.

"Ну, думаю, посылает в разъезд. Придется опять болтаться всю ночь в горах, продрогнуть. В начале маневров это интересно, а теперь"...

— Я посылаю вас далеко, — заявил мне командир полка, полковник Буш.

— Слушаюсь, господин полковник.

— Я Вас посылаю дальше, чем Вы думаете. Вы командируетесь в степи Закаспийской области, между Каспийским и Аральским морем, для переписи лошадей и верблюдов.

Хорошая марка требовала выказывать готовность исполнить, какое угодно поручение не выказывая ни удивления, ни смущения. Поэтому я еще раз коротко ответил:

— Слушаюсь, господин полковник. — Командиру полка это, видимо, понравилось.

— Вы получите от адъютанта предписание явиться в распоряжение Асхабадского Воинского Начальника. Когда можете отправиться?

— Сейчас, господин полковник.

Через полчаса я уже садился на коня. Тут только заметил, что деньщик Григоров собирается меня сопровождать.

— А ты куда, Григоров? Меня командируют одного. Береги мои вещи.

Григоров возмутился:

— Вещи, да почитай и вещей-то нетути, а в степях сваво человека иметь надыть... Как же так, одному?..

Он не договорил и сердито бросил узелок.

— Ну, помогай Вам Бог!

В Баку я присоединился к другим офицерам, командируемым на перепись. Это были все кунаки Тверцов — Грузины, Эриванцы, Тифлисцы, Мингрельцы и офицеры Кавказской Гренадерской артилл. бригады. Еще в Тифлисе я запасся, по совету пор. Жданко (который делал вид, что все знает), очками с красными стеклами, будто бы предохраняющими от укачивания на пароходе — для этой же цели у меня на груди висел мешечек с шафраном. От шафрана у меня подбородок сделался желтым. Присоединившийся к нам в Баку однополчанин пор. Хржонестовский (Пан), с завистью поглядывал на мои очки. Я его успокоил, заявив, что мы будем ими пользоваться по очереди. Когда подходили к пароходу, который гудел, то меня уже начало — мутить. — В начале качки я как-то еще держался, но когда надел, для верности, очки, то меня стало рвать. Я едва успел передать очки Пану. Надев очки, Пани предусмотрительно отправился в уборную. Вернулся он оттуда повеселевшим. Мы стали острить над другими, печально ожидающими своей участи, говоря, что их тошнит — по кошачьи, т. е., долго подходит.

Капитан Асламазов не выдержал и конфузливо попросил очки. Я дал ему в придачу и шафран, который он принялся было есть. Дольше всех держался Пурцеладзе. Он развел теорию о том, что все можно преодолеть силой воли. Действительно, невероятным усилием воли, он додержался до того момента, когда и его вырвало.

В Асхабаде мы узнали, что перепись будет в Мангишлакском уезде, и что нужно опять переехать морем от Красноводска до форта Александровского. Проделали мы кое-как и этот путь.

Комендант форта, при виде нас, всплеснул руками:

— Я уже донес, что наш уезд самый дикий во всей Российской Империи. Это ее последнее приобретение. В нем только пески и колодцы с горько-соленой водой. Жители кочевники. Сегодня у колодца можно найти кибитки, а завтра их уже там не будет. Фуража нет, провианта нет, дорог нет. Вообще ничего нет. Следовало бы организовать целую экспедицию с конвоем из казаков, с переводчиками, погонщиками верблюдов. На это нужны средства и время. А вас посылают за тысячу верст по одному в разных направлениях на голод и, может быть, на смерть. Я донес и за последствия не отвечаю. Я умываю руки...

Он так часто повторял: "умываю руки", что мы прозвали его "белоручкой". Глуховатый кап. Асламазов, не расслышав выраженія "белоручка", стал называть коменданта "белой внучкой".

Доблестные кавказцы не долго размышляли о предстоящих трудностях:

— Все равно поедем, а там, будь, что будет. Пусть комендант доносит куда нужно и нас отсюда выковыривают, а нам самим ныть не подобает. Наши сборы в далекий путь был коротки. Я купил себе верховую лошадь за 60 рублей, нанял проводника за 1 рубль в день и верблюда с погонщиком — тоже за 1 рубль в день. Проводник болтал немного по-русски. Выпили мы на прощанье по стакану вина и разъехались в разные стороны.

Когда едешь день другой, третий, в степи, то теряешь представление о времени и расстоянии. Абсолютная тишина, с непривычки, подавляет. Двигаешься вперед, но т. к. ни один предмет не приближается, то кажется, что стоишь на месте и у соседа лошадь тоже топчется на месте. Чем выше поднимается солнце, тем жара нестерпимее. Проводник подает бурку, объясняя, что лучи солнца бурку не пробьют. Целый день трясешься мелкой рысцой без дорог. Болит поясница, отекают ноги, пересыхает горло.

Изредка проводник останавливается, размышляет, смотрит по сторонам, изучает направление ветра потом делает знак рукой, в каком направлении надо следовать. Когда встречается подобие засохшей травы, то останавливаемся пасти лошадей и верблюда. Иногда вдали видны какие-то кладбища, видны колонны зданий, озера. Это миражи и часто все это видят одновременно все участники поездки. Но вот потянет дымком, лошади прибавляют ходу, все встрепенутся: близко колодец и кочевники киргизы. Горько-соленая вода не доставляет удовольствия.

Кочевники грязны и бедны. Живут они в кибитках, которые разбираются и погружаются на верблюдов. Чем дальше от форта в направленіи к Аральскому морю, тем киргизы более дики. Не знают, что такое офицер, что такое часы и т. д. Если спросишь, сколько верст до следующего колодца, то они не понимают, а поняв говорят: — крикнуть 30 раз. — Меры длины у них следующие: молодой киргиз кричит — его, где-то далеко слышат. Вот, расстояние от кричащего до самого дальнего, кто может услышать и является мерой длины. Забрел к ним как-то раз неосторожный купец из Астрахани. Они его убили, а имущество разграбили. — Как же его убивали? — спросил я, зная, что оружия у них нет, нет и дерева, на котором можно повесить. Оказалось, что купца все-таки — повесили, но только горизонтально: одни тянули аркан, накинутый на шею, а другие тянули купца за ноги. Много киргизов (они себя называют — казак), с проваленными носами. Один такой любезно, руками, заваривал мне чай... Есть гостеприимство. Попадаются стада баранов. В честь моего прибытия, иногда убивали барана, обычно хромого или больного. Варили его целиком и ели, конечно, без ножей и вилок. Обычно, женщины, не садятся есть с мужчинами, а стоят и смотрят жадными глазами. Я протянул одной кусочек мяса. Она скрестила руки сзади и ртом взяла мясо из моих рук. Проводник не мог толком объяснить мнѣ, почему она не взяла руками, — он все повторял, что она не должна была брать рукой....

Через несколько дней после отбытия, я заметил, что за нами следуют еще один верховой, потом двое, а затем набралось уже человек шесть. Сначала я думал, что это попутчики, но потом выяснилось, что ехали они в надежде поесть барашка или, что-нибудь из моих запасов. На моем верблюде была погружена мука, был рис, мясные консервы и овес для лошадей. Проводник варил рис и выворачивал в него банку мясных консервов. Из муки он делал лепешки в форме шариков (боурсак), — которые потом становились твердыми, как камень. В дороге киргиз берет иногда в рот такой шарик и сосет его безконечно долго.

Привели как-то ко мне больную женщину. Я вскипятил на костре воду, кинул туда кубик "магги" и дал ей выпить. Она боялась пить, но в конце-концов выпила. Я, между прочим, забыл спросить, чем она больна. Чем дальше, тем больше обращались ко мнѣ с просьбой кого-нибудь вылечить:

— Вот у этой женщины нет детей, дай ей твое — сурпа (суп), говорили мне, и я давал. Потом я уже стал давать толченный сахар, т. к. кубики были на исходе. Мне было неловко морочить людей, но проводник настаивал, говоря, что это подымает престиж, который необходим, т. к. мы заехали далеко и можем испытать участь астраханского купца.

Моя добровольная свита, по молчаливому соглашению, превратилась в конвой. В этом конвое оказался и их судья. Он был очень услужливый, но в конце-концов проворовался. Я переписывал тех кого слу-

чайно заставал, у колодца и это, конечно, была сплошная фантазия: они снимались и шли к другому колодцу и, может быть, попадали к другому переписчику. Многие уходили неизвестно куда, узнав о нашем приближении, т. к. был пущен слух, что наша цель, — отнять у них скотину.

Когда отошли мы верст 500 от форта, то проводник стал ныть, что дальше ехать опасно. И, действительно, у одного колодца, во время переписи, киргизы о чем-то возбужденно галдели. Когда я вошел к себе в кибитку, то туда ворвался какой-то дядя с воинственным видом. Проводник вскочил бледный и крикнул мне:

— Он говорит, что нас надо убивать!...

Галдеж за кибиткой усилился. Схватив шашку, я бросился на бунтовщика. Он стал убегать. Через расступившуюся толпу я погнался за ним.

Догнать его не удалось, но и бунт не удался. Я не знаю сколько времени болтались бы мы без цели в пустыне. Что было-бы, если бы я заболел или пал верблюд, который нес наше, приходящее к концу, продовольствие. В маршруте был указан колодец, который был так далеко, что проводник только безнадежно махнул рукой... Но, однажды, нас нагнал на особом верблюде-бегуне киргиз, посланный из форта с приказанием прекратить перепись. Путь свой киргиз проделал с невероятной быстротой; сам он был обветренный и высохший, как скелет.

Обратный путь был веселее. Мы много болтали. Киргизы задавали ряд вопросов:

— Паша (царь), может каждый день есть мясо?

Следовало сказать, что "да". Я неосторожно сказал, что паша, ест мясо даже два раза в день. На меня посмотрели с недоверием и покачали головами; сами они ели мясо очень и очень редко. Мои спутники затягивали с утра, что-то монотонное. В конце-концов, я уловил мотив и присоединялся к их хору. Иногда они пели о киргизе, умирающем в дороге.... Проводник с гордостью заявил, что их песни лучше русских, что в русских песнях нет смысла, и приводил пример: — Возле речки трава растет..... трава растет зеленая..... растет трава. — Это не мешало ему всю дорогу напевать:

"Жил-был у бабушки серенький козлик..."

Мы успели подружиться.

Между моими спутниками были и комики и философы и мечтатели. В общем, люди, как люди. Судья, который проворовался в начале путешествия, говорил о загробной жизни и пытался разгадать тайну мироздания. В веселом настроении, въехали мы в форт Александровский, распевая хором:

"Жил-был у бабушки серенький козлик..."

Запевал судья, а все остальные ударяли в ладоши и припевали:

"Вот-так, вот-так, серенький козликкк"

Выяснилось, что я заехал дальше всех и за меня уже начали беспокоиться. Хотя мы и рассчитались с проводниками, но они свою миссию не считали оконченной: каждый день являлись они в зал гарнизонного Собрания и принимали деятельное участие в заполнении списков переписи. С ученым видом, тыча пальцем в список, они давали советы. И надо признаться, что без их помощи, мы бы понаделали много ошибок.

— Господа, вот в списках Асламазова верблюды гораздо моложе моих...

— Интересно, сколько времени живет верблюд?— спрашивает Пурцеладзе.

Когда переводчики назвали средний возраст верблюдов, мы ахнули: теперь я цифру не помню, но она во много раз превосходила наши. Выходило, что Асламазов переписывал каких-то младенцев. Пац указывал такие большие расстояния между колодцами, что в один конец он должен был выйти за пределы уезда и добраться чуть-ли не до Китая...

Целой гурьбой, пришли проводники провожать нас на пристань. Впоследствии, я получил от своего Баймухана-Айбулата письмо, в котором он любезно спрашивал:

— Как Ваше издравствует?

Нужно признать, что перепись была плохо организована и печальный опыт не послужил на пользу, т. к. от нас даже не потребовали никакого донесения о ее выполнении. Отрадно то, что кавказские офицеры не отступили перед трудностями. Отрадно и то, что путешествие наше установило дружеские отношения с местным населением.

Г. Танутров (Жук).

(Окончание следует).

Скифская быль

(Продолжение)

VIII

Чуть заря молодая затеплилась в небе
Над айранскими степью и горными плешами,
Много воинов скифских, идущих по жребию,
Стан покинули сонный. И крадучись, пешими,

Потрепавши коней на прощанье по спинам,
Коих больше не всем оседлать доведется,
В предрассветной тиши шелестя камышинами,
Вереницей сокрылись в недальнем болотце.

Надо в тину и ил под водой закопаться
И, дыша кое-как через полые трости,
Неподвижными, лежа в грязи, дожидаться
Срока с тылу к айранцам пожаловать в гости.

Только выйдут не все из болотного плена
И в зловонной грязи захлебнется не мало:

Но и те, задыхаясь, другим не изменят
И не встанут доколе пора не настала.

Пусть тела их останутся в мокрой могиле.
Пусть их кости изгложут болотные гады —
Но зато, может быть, кто удушье осилит
Братьям, бьющимся в поле, поможет, как надо.

IX

Перед конной ратью тысяч в сорок,
Разлитой покуда хватит глаз,
Поднялся со свитой на пригорок
Сейраскер айранский Ахтаббас. (1)

И с несомого восьмью рабами ложа
Сверх толпы приспешников и слуг,
Оглянул блистательный вельможа
Тучи войск, стоящие округ.

Сзади конницы, не знающая счета, —
Пращники, копейщики, стрелки, —
Грудилась айранская пехота,
Строя к бою грозные полки.

Выли трубы... грохали кимвалы...
В конском ржаньи, под верблюжий рев
Даль гудела и земля стонала
От чугунной поступи слонов.

И готовы к смертному покосу,
В тучах пыли отстветом зарниц
Тускло взблескивали косы на колесах
Боевых айранских колесниц. (2)

А за бродом неширокой речки,
Где по камням пенилась вода, —
Молчаливо собиралась к сече
Скифская нестройная орда:

На степных гривастых кобылицах,
Обнаженные по пояс и без лат —
Но бесстрашно на усталых лицах
Их глаза суровые горят.

Пусть в походах вымотались кони.... —
Для последней воинской игры
Крепко сжали скифские ладони
Палицы, мечи и топоры:

Если счастье им и изменило,
Коль врага в бою не одолеть,
Монжо биться, сколько станет силы,
И на сече с честью умереть.

X

Холеной рукою в яхонтах и лалах,
Бороду разгладив, крашеную хною,
Сейраскер махнул — чтоб войско приступало
К битве и расправе с дикою ордою.

И тотчас на скифов, латами бряцая,
Все громить привыкшие с первого удара,
Строем неразрывным, что стена литая,
Двинулись тяжелой рысью клибанары. (3)

А чтоб скифским варварам не избечь расплаты
В час, когда их войско с места в бегство тронется,
Сразу в обе стороны гибельным охватом
Понеслась с верблюдами полевая конница.

И победой скорою и бесспорной гордый,
Зная, что противник ускользнуть не может,
Ахтаббас разгладил холеную бороду,
Отвалясь с усмешкой на подушки ложа.

Но охват не вышел и не вышло сечи:
Скифы заметались и наметом броским,
Латным клибанарам не пойдя навстречу,
Отступили к стану за свои повозки.

Был тот стан воздвигнут на вершине склона,
Окружен завалом из кустов колючих,
А возы в нем было до-верху гружены, —
Против стрел, — соломой и сухими сучьями.

Ахтаббас же набожно восхваля Ормузда,
"Сколь де эти варвары могут быть наивными"...
И велел вперед послать полки слоновьи,
Чтоб они повозки разметали бивнями.

И немедля, — с башнями стрельными на спинах,
Яростно трубя и грозная без меры
Понеслась на стан лавина исполинов,
Опьяненных хмелем, перцем и сикерой. (4)

Ахтаббас же набожно восхваля Ормузда,
Чьим соизволеньем будет враг раздавлен,
Повелел рабам коней седлать и взнуздывать
Да готовить барсов, для погонной травли. (5)

Только тут приключилась внезапность такая:
В стане скифском возы загорелись, что свечи,
И с горы покатились, гремя и пылая,
Растерявшейся рати слоновьей навстречу.

И, припомнив должно быть лесные пожары,
Обезумев от ужаса, тяжким наметом,
Вспять помчались слоны, разметя клибанаров
И топча побежавшую в страхе пехоту.

А из топей болота, с воинственным кличем,
В колдовских одеяньях из грязи и тины, —
В беззащитные с тылу ряды колесничьи
Ворвались зверовидные черные джинны. (6)

С визгом вздыбились кони... затрещали колеса...
И безудержным вихрем в пехотную гущу
Понеслись колесницы, ножами и косами
Подсекая колени айранцев бегущих.

И когда из-за огненно - дымной завесы,
Довершая разгром, небывалый доселе,
На косматых конях, что крылатые бесы,
Скифы с воем и гиком на них полетели,

Словно листья, осенней гонимые вьюгой,
Бестолково мечась и сшибаясь вслепую,
Убивая, топча и сминая друга друга, —
Вся айранская рать понеслась врассыпную.

И скача без седла на коне ошалелом,
Ахтаббас от недобрых предувствий заплакал.

Царь гневлив и суров: за подобное дело
Очень просто попасть неудачнику на-кол...

(Окончание следует)

Н. М.

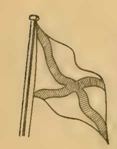
---

(1) Главный начальник войска (Сераскир); (2) Оси боевых колесниц продолжены кривыми косами, для подсечения ног у противника; (3) Отборная тяжелая айранская конница, всадники и кони, которой были защищены медными бляхами, а кони соединены в рядах, усаженной шипами цепью; (4) Для возбуждения ярости, слонов перед боем поили раздражающей смесью из вина, дикого меда, сикеры и жгучего перца: (5) В айранском войске имелись охотничьи барсы, натасканные на преследование и избиение бегущих; (6) Айранские злые духи.

ДЕНЬ В МОРСКОМ КОРПУСЕ

(Посвящается выпуску 1915 г.)

(Окончание)

Припоминаются и случаи уже в начале 1-й Мировой Войны, когда наша рота была старшей и было приказано сократить отпуска, увеличить число часов ученья и улучшить практическую тренировку, чтобы поскорее подготовить нас к выпуску. В том же Минном классе, Леня, предупреждает:

— Вот что, господа, все что я вам сейчас скажу — совершенно секретно. Убрать тетради. Ничего не записывать, а только лишь запоминайте наизусть. У кого плохая память — глазная поможет. Смотрите все на доску, я выпишу некоторые данные из П.М.С., т. е. Правила Минной Службы.

Называя данные, Леня одновременно пишет цифры в таблицу на доске.

Вдруг — трагический шопот:

— Леонид Александрович, кто-то в окно смотрит.

Одним жестом, Леня губкой стирает написанное и бросается к окну, что выходит во двор. Конечно — там никого.

— Что вы выдумали? Никого там нет, — ворчит он, сердито возвращаясь к доске и восстанавливая стертое.

— Почудилось, что ли? — невозмутимо отвечает голос из класса со вздохом сожаления.

Едва прошло полчаса, второй голос:

— Леонид Александрович! Мертваго записывает!

Это сущий абсурд, Мертваго самый исполнительный и дисциплинированный из всех нас; уже, конечно, не он бы нарушил запрещение.

— Мертваго! — кричит Леня, грозно от доски, — не смейте записывать, я вас под суд отдам.

— Леонид Александрович, да я не записываю. У меня и тетради на столе нет.

— Вот и хорошо. И не смейте записывать, раз я вам сказал, что это секретно.

Шпионаж — было больное место Лени.

Во время летнего практического плавания, незадолго до выпуска, мы были в Бьерке, где было назначено пройти курс подрывных работ. Курс — самый примитивный, никаких секретов в нем не было.

Но, гениальный план появляется в голове Шемиота, обычного организатора всяких “обкладов”, по Корпусной терминологии, или “бенефисов”, устраиваемых учащимися их наставникам по всей необъятной матушке России...

Он направляется к нашему доктору, Оскару Карловичу Эбербах и начинает:

— Скучаете, Оскар Карлович?

— Да, скучнова-а-то, — отвечает доктор.

— А вы попросились бы у Леонида Александровича отправиться с нами вместе на подрывные работы завтра утром: погуляете, можете рыбу половить, все же маленькое разнообразие?..

— Прекрасная идея, о-очень хорошо, — обрадовался доктор.

А Володя Шемиот спешит уже к Гроссману и с невиннейшим видом начинает издали:

— Не правда ли, Леонид Александрович, как опасны в военное время люди симпатизирующие врагу, немцам?

— Да, очень, очень опасны, — охотно соглашается Леня, — у нас в России ведь так много немцев!

— Т. е. людей с немецкими фамилиями, хотите вы сказать? И которые сочувствуют своим? — подливает Володя масло в огонь.

— Разные, конечно, семьи бывают. Вот моя фамилия тоже немецкая, а я даже не помню с каких пор мы, Гроссманы, в России.

— Ну, кто же и подумает о вас, Леонид Александрович, все же знают какой вы патриот... Вашему бра-

ту, артиллеристу, пехотный полк "Многая лета" пел, когда он, огнем своей батареи, выручил его из окружения, — это тоже из одного из Лениных рассказов в классе и Леня заулыбался от удовольствия, при этом воспоминании.

— А вот, с другой стороны, когда доктор почему-то начинает интересоваться подрывными работами?.. это совсем для меня не понятно?..

— Какой доктор? Эбербах? — насторожился Леня, сразу меняясь в тоне.

— Да, Оскар Карлович, кажется, собирается отправиться с нами... — глазом не моргнув провоцирует Володя.

На следующее утро, готовясь садиться на шлюпки, гардемарины толпятся у трапа, а Леня озабоченно отдает последние распоряжения, когда к нему подходит доктор. Потирая руки и с любезнейшей улыбкой, он говорит:

— Лео-о-нид Александрович, нельзя ли и мне с молодежью прокатиться на берег? Посмотреть на ваши упражнения со взрывами?

— На наши упражнения со взрывами? — холодно переспрашивает Леня, не замечая восторга гардемарин, уже предупрежденных Шемиотом и полного удивления доктора, не ожидавшего такой реакции на свою просьбу.

— По какой такой причине вас, доктора, — подчеркивает Леня, — и вдруг заинтересовали взрывы?

— Я хотел бы прогуляться... — растерянно отвечает Оскар Карлович.

— Нет уж, извините меня, доктор Эбербах, — официальным тоном говорит нахмурившись Леня, — но если бы даже адмирал приказал мне взять вас с собой, постороннего человека, я попросил бы его отменить приказ. А по своей воле, извините, к сожалению не могу.

Бедный Оскар, как опущенный в воду, отходит. Он, конечно, ничего не понимает.

— Какой у вас строгий характер, Леонид Александрович! — в полголоса замечает Володя, зная чем ему доставить удовольствие.

Найти случай — разыграть бедного Леню была какая-то гардемаринская потребность. Вроде, как у дорогих деточек по отношению няньки.

И на подрывных работах не обходится без проказы.

— Слушайте меня внимательно, — говорит нам Леня, после многочисленных окриков, собрав нас вокруг себя, — сейчас мы разорвем якорную цепь пяти фунтовым патроном. После того, как патрон будет прикреплен к цепи, один из вас вставит электрический запал, растянет шнур взрывателя, метров примерно 40-50, и с ящиком взрывателя спрячется под прикрытием, я дам один свисток. По нему — вы все разбегаетесь. Когда я дам два свистка — все немедленно под прикрытие, потому что по третьему свистку произойдет взрыв.

Робкий голос из толпы:

— Леонид Александрович, а это не опасно?..

— Ну, конечно, нет, что вы глупости спрашиваете? Конечно, надо исполнять точно, что сказано.

— А я не понял, — спрашивает второй, многозначительно обводя глазами своим товарищей, — приготовиться, мол. Как это вы сказали по первому свистку?

— Как? Ну, очень просто. Я возьму в рот свисток, вот так, и свистну.

Леня свистит. Этого только и надо: все бросаются в разные стороны, а Леня одиноко оглядывается вокруг:

— Да куда же вы все убежали? Ведь я это для пробы!.. — с досадой говорит он.

— А мы не знали... — следуют наивные ответы. — Вы сказали немедленно под прикрытие... Вот мы и побежали.

Все это не мешает идущему со шнуром разбрасывать его кольцами, так что, когда раздается взрыв — до него всего лишь метров 30, а не 40-50...

Вернемся к описываемому нами дню.

После двухчасовой лекции Минного Дела, 3-й час принадлежит генерал-майору Лосеву, читающему Лоцию.

С давних пор, прозвище генерала "Нищий" и вот почему: свою вступительную лекцию, в каждом новом выпуске, он начинает с рассказа о том, как ему было трудно сводить концы с концами на мичманском жалованьи, которое, в его время, было очень скудным: — Не так как сейчас, — добавляет он, хотя это совершенно не справедливо, и в наше время мичманское жалованье вызывало горькие жалобы "собачье, мол, мясо, никто о нас не заботится" и только во время войны были добавлены — столовые, "как не получающим столовых", по остроумной формулировке финансового отдела Морского Ведомства...

— На бал если приходилось итти, — рассказывал Лосев, — то вместо рубашки, под сюртуком была лишь крахмальная манишка, закрывающая грудь...

— А как же с манжетами, ваше превосходительство? — спрашивал из класса недоверчивый голос.

— С манжетами?.. Очень просто, батенька. Для торжественного случая у меня имелась одна лишь пара крахмальных манжет, прикрепленных на веревочке, вместо рукавов рубашки.

Мало кто верил этому рассказу тогда, хотя в будущем такие факты у некоторых мичманов встречались, но гардемарины реагировали тем, что прозвали его "Нищий".

Его манией было попрекать нас в лени, в тупоумии, часто даже без причины...

— Дворянские головки, думать не желают! — восклицал он иногда.

— Возмите для примера Черных Гардемарин? У них больше желания работать, у них не случается, чтобы триангуляционный пункт оказался бы среди железнодорожных путей, на насыпи, среди двух линий,— пояснял он каким-то случаем, правдоподобным или нет, будто бы случившимся несколько выпусков назад.

В наше время, незадолго до Первой Войны, для

усиления офицерских выпусков, которых не хватало на пополнение строющихся кораблей, были созданы параллельные Гардемаринские классы и их воспитанники имели черные погоны в отличие от наших, белых. Прием в эти классы был более либеральным, чем в корпус, но и Морской Корпус, уже несколько лет, как утратил свое строго привилегированное положение: выпуск 1912 года с гордостью именовал себя "последний дворянский", а в последующих было не мало сыновей штаб-офицеров, священников и гражданских, правда, не ниже статского советника.

К тому же, кажется, Лосев употреблял совершенно такой же прием в классах, где описывая наши добродетели он ставил нас в пример Черным гардемаринам. Такова уж была его натура. Во время репетиций, т. е. поверочных от времени до времени испытаний, что происходило по вечерам вторников и пятниц, он был ужасно криводушен: зарапортуется кто-либо из отвечающих гардемарин, а он, вместо того, чтобы остановить или поправить, одобрительно качает головой:

— Прекрасно. Очень хорошо. Продолжайте, — а когда отвечающий попадал в конце концов в тупик — он мелкими шажками бежал к своему столу и оттуда торжественно возвещал:

— Садитесь, батенька, вы ничего не знаете, и ставил плохой балл, который непосредственной угрозой имел отсутствие отпуска на неделе, а отдаленной — на понижение среднего годового, который при сложении с экзаменационным отражался на старшинстве производства в офицеры. Его не долюбливали, побаивались и на его лекциях царила тишина в ожидании звонка на перерыв.

Наконец, звонок прозвучал. Быстро собрав свои записки и классный журнал, Лосев семенит к дверям, едва кивнув классу, вставшему по команде дежурного.

Времени только - только хватает вернуться из классов в ротное помещение, как в дверях появляется горнист, играющий бодрящий сигнал "к обеду". Роты выстраиваются и через несколько минут стройными колоннами входят из четырех дверей в громадный двухсветный Столовый зал, всему Петербургу известный своей величиной: на Корпусной праздник, 6-го ноября по старому стилю, до 6000 приглашений на бал раздавалось воспитанниками и начальством и громадное количество танцующей молодежи наполняло его тогда. Обычно же за сотней столов сдвинутых по два вместе, помещалось не менее 700 чел. гардемарин и кадет, причем средняя часть зала еще оставалась свободной. Модель парусного брига "Наварин" и бронзовая фигура Петра Великого — его украшения.

Кормили в Корпусе хорошо и сытно. И еще, вне нормального меню, присылались из кухни, на каждый конец стола, где сидело 7 человек, по 4-5 так называемых "прибавочных" котлет, особо вкусных, которых в хороших ресторанах столицы было бы трудно найти. Разумеется — все были охотники на них, а на всех не хватало. Происходил розыгрыш: по команде одного из группы, "счет с такого-то, раз, два, три" — все выставляли на показ какое-либо число пальцев и, подсчитав сумму — разыгрывающий подсчитывал кому она доставалась; дело — серьезное, все меры принимались к очевидной правильности подсчета и большой палец, который всегда можно держать так что он принимает участие и нет, в счет не шел, говорилось: "без подлеца"... Выигравшие, запихивали котлету в середину пеклеванного хлеба и требовали от служителя еще чаю, а несчастливцы — поднимались из-за стола, так как после завтрака расходились по ротам в одиночку или группами, но не строем. Многие торопились во двор, "покикать" футбольный мяч, перекинуться в снежки, просто погулять на свежем воздухе, другие — шли покурить.

Курилка была гардемаринским клубом, где собирались для обсуждения важных новостей даже не курящие. Сейчас на подоконнике сидят два приятеля и один из них рассказывает другому:

— Знаешь, Мотя, кого я встретил на Невском, в прошлое воскресенье? Твоего, в прошлом году, соседа, Алешу Аронета.

— Ну, что же он? Шикарный кавалерист?

— О, да! Великолепен, он меня напугал, кстати сказать, — начал Володя, закуривая папироску. — Я шел позади прехорошенькой девицы, возле Казанского собора, приготовился заговорить, как она неожиданно переходит на солнечную сторону Невского. Вижу — офицеров нет, я решил рискнуть, перехожу тоже. Через несколько шагов вдруг слышу быстрые шаги, догоняющие меня и звон шпор. Голос позади:

— Э-э, па-а-аслушайте, гардемарин, — ну, думаю, — нарвался. — Прибавляю шагу, как будто не слышу. А голос, совершенно кавалерийским тоном продолжает:

— Э-э, что же это вы на солнечной стороне?.. — ну, я оборачиваюсь, придумывая наспех оправдание, глядь, — а это Аронет, ни более ни менее, малиновый звон шпор, шинель до пят, в одной руке — кривая сабля, во второй — прямой палаш, в чехлах, видно недавно купил.

— А ты что же? Думаешь Николаевскому училищу можно, а только нам солнечная сторона запрещена? Зазнался, я вижу, в лошадиной академии.

— Откуда же это он с саблями? — улыбаясь спрашивает тот, которого прозвище Мотя. Имея фамилию тоже начинающуюся на "А" (в классе сидели по алфавиту), он в течение двух лет был соседом Аронета и поверенным его сердечных тайн. Дальше старшей кадетской роты последний не пошел: его уволили за тихие успехи. Все математики у Алеши были неудовлетворительны, хотя знание языков и словесных предметов — вполне хорошее. Поэзией он даже увлекался и сам все время строчил стихи, посвященные "ЕЙ".

— Но я то знал, кто "ОНА", — начал рассказывать собеседник. — Когда мы плавали на "Верном" и стояли в Котке, на корабль приехали мать и сестра двух сыновей Великого Князя, которые плавали с нами. А Леша увидел их сестру и врезался по-уши. Такой — "Coup de foudre", что с этого дня Алешу ничего не могло отвлечь: от писания восторженных стихов, отражающих его восторги, хотя и без малей-

шей надежды на внимание. А между тем, увы, проза имеет свои права и требования. Урок физики. В класс входит преподаватель Вяхирев и направляется к столу. Алеша быстро крестится, для большего усердия в молитве, даже становится на скамейке на колени. До меня доносится что-то вроде "избави мя от лукавого", — это чтобы не вызвали к доске.

Но видимо молитва не услышана. "Лукавый", то есть Вяхирев, начинает именно с него:

— Арронет, пожалуйте сюда...

Алеша бледнеет, но делать нечего: трагически шепнув "подскажи", он встает. Поддергивая от волнения брюки, нерешительно, он идет к преподавательскому столу и слабым, просительным тоном обращается к Вяхиреву:

— Господин преподаватель, разрешите отказаться, у меня вчера голова болела.

Но Вяхирев неумолим:

— Невозможно, Арронет. У вас уже два отказа подряд помечены. Пожалуйте к доске. Расскажите нам о законе Бойля Марриота.

Алеша подходит к доске. Берет мел, крутит его в руке, тщательно и медленно выводит свою фамилию вверху, оглядываясь на меня вопросительно. Я делаю нужный рисунок на листе бумаги, изображающей сосуды, пишу формулу, если бы он хоть раз заглянул в книгу, а не писал стихи — он смог бы, ну, хоть что-нибудь ответить, так нет, Алеша рисует что-то вроде разреза коровьего вымя, подправляет, стирает, начинает снова какие-то несообразности, пока я замечаю, что Вяхирев смотрит в мой сторону и я принужден прекратить сигнализацию.

— Арронет садитесь, — говорит Вяхирев со вздохом, — на этот раз я принужден вам поставить ноль.

Алеша кладет мел и опустив голову мрачно возвращается на место. В конце года его уволили. По традиции, как почти все увольняемые из Корпуса, он стал кавалеристом. Но зачем же у него две сабли?

— Еще не знает в какой полк выйдет, — говорит, бросая папироску, Володя.

— А та из сабель, что не подойдет, будет на стене, изображать дедовское оружие, — смеется собеседник и оба направляются в роту, откуда доносится уже команда — по классам.

В нашей роте 8 параллельных классов или отделений.

В первых четырех находились — старослужащие — т. е. поступившие в самую младшую роту и три года уже пробывшие кадетами, перед тем, как получить на погоны якоря и стать гардемаринами, с принесением присяги на верность службе. Во вторых четырех — кадеты сухопутных корпусов и "нигилисты", как мы называли, поступившие по окончании полного курса гимназии или реального училища. Наш ротный командир, по прозвищу "Скрипка", так как он обладал потрясающей способностью "скрипеть" перед фронтом, отчитывая нас за какие-либо проступки, называл их довольно презрительно "молодые люди со стороны".

Заглянем теперь, на первой после завтрака лекции в класс второй полуроты. По классу, от двери к окнам, шагает, изредка останавливаясь перед доской, чтобы записать формулы, длинная фигура в черном сюртуке, преподаватель высшей математики Петров. Монотонным, глухим голосом, не глядя на класс, он читает свою лекцию, с видом скучнейшей обязанности.

После сытного завтрака, сидящие позади у натопленной печки, начинают постепенно клевать носом до уровня парты, затем вздрагивают и откинув голову назад, таращут глаза, когда неожиданно скрипнет по доске мел или у кого-либо упадет книга со стола. Сидящий на задней скамье, в углу у окна, гардемарин Горяйнов читает совершенно постороннюю книгу, комфротабельно держа ее перед собою. Но и на передней скамейке, в непосредственной близости преподавательского стола, сидит кадет-полочанин Шейнерт, беззастенчиво развернув перед собой "Новое Время".

Сегодня, к общему удивлению, Петров вдруг остановился, провел рукой по своей торчащей густой шевелюре и с грустным, как всегда обращенным куда-то позади класса взором, но тем же монотонным голосом, сказал:

— А вот всем, кто на моих лекциях читает посторонние книги или газеты, я на экзамене кол поставлю.

Сюрприз, после полугодового наблюдения за преподавателем, и классификации его как "безопасного", был столь неожидан, что, даже у сидящих вблизи печки, глаза приняли осмысленное выражение, а у Шейнерта сначала от удивления, открылся рот, а затем он деловито принялся складывать газету. Не так-то просто смутить Горяинова: обиженным тоном, вставая и оттолкнув книгу, он решился выступить на защиту класса:

— Напрасно, господин преподаватель, вы о нас такого мнения, мы все интересуемся математикой и очень даж, можно сказать, ... любим...

— И вам, Горяинов, кол поставлю, — был ответ Петрова, возобновившего хождение.

Прием принятый по отношению застенчивых или добродушных преподавателей, после получеиня подобного замечания, обычно был таков: класс начинал вполголоса гудеть:

— Придираться всякий может... Вы у нас самый строгий... Несправедливо.

Но сегодня — все растерялись, всегда считали Петрова за "Божью коровку", а он вот каким оказался.

Но Горяинов — упорствует.

— Ну, что ж, — говорит он, как бы в отчаянии разводя руками и затем бабьим жалостливым тоном выпаливает:

— Придираться всякий может... Вы у нас самый строгий... — но едва кончена его фраза, как ровный голос Петрова:

— Горяинов, выйдите вон из класса.

Последнему ничего не остается, как покорно направиться в классный коридор. Выход из класса не представляет еще опасности, так как несмотря на почти постоянное присутствие в коридоре дежурного

по батальону офицера и двух помощников инспектора классов, можно решительно направиться мимо них в уборную. Опасность — это снова появиться в коридоре и топтаться там, не имея возможности вернуться в класс, в этом случае прогуливающийся несомненно будет опрошен о причине этих странных прогулок и тогда — отвертеться нельзя, пожалуйте под арест. Если бы преподаватель знал порядки, он должен был бы добавить: "и явитесь дежурному офицеру", но так как был штатский, эта фраза не была добавлена и, по всей своей совести, Горяинов ограничился тем, что время до звонка, провел в принудительном заключении в уборной.

На последнюю лекцию после завтрака, вернемся в наш 3-й класс. Входит представительный, в хорошо сидящем форменном темно-зеленом сюртуке с погонами действительного статского советника преподаватель французского языка Monsieur Grisard. Седая бородка клинышком, пенсне на красивом с горбинкой носу, мягкие манеры благовоспитанного француза. M. Grisard'у несомненно за 50 лет, так как он был преподавателем в Корпусе более 30 лет и многие старшие чины флота обязаны ему теми или иными познаниями французского диалекта. Несмотря на долгую жизнь в России M. Grisard по-русски говорит неважно, а когда волнуется — и совсем плохо. Титул — ваше превосходительство — ему очень импонирует, что особенно громко подчеркнул рапортуя дежурный по классу, а когда весь класс следом за рапортом, еще стоя, провозгласил:

— Vive la France et la Russie et Monsieur Grisard aussi, старик прижал правую рку к сердцу и низко поклонившись с чувством поблагодарил:

— Merci Messieurs, merci. Asseyez vous, s'il vous plait.

Его лекции заключались главным образом в чтении и пересказе прочитанного своими словами, грамматика была уже изучена в предыдущие годы.

Наш класс резко делился на две почти равные части: половина была способна к математическим наукам, половина — к словесным и языкам. На французской лекции торжествовали последние, но если у доски оказывался "математик", то его выручали: класс прибегал к системе "заговаривания" M. Grisard, т. е. ему ставились самые разнообразные вопросы, на которые он считал вежливым ответить на каждый и нередко сам увлекался настолько болтовней, что вызванный к доске, постепенно приближаясь к партам, незаметно садился на свое место и когда заговаривание прерывалось, бедный M. Grisard с удивлением оглядывался на доску, возле которой уже никого не было...

Однажды, войдя в класс с некоторым запозданием — это было лет шестнадцать тому назад — он, задыхаясь от волнения быстрой ходьбы, сказал:

— Messieurs, je viens de voir un grand incendie de l'usine de Baltique, il pouvait que le feu a commencé pendant la nuit, и весь урок прошел в рассказе о пожаре Балтийского завода.

С тех пор, по крайней мере, раз в месяц, кто-либо просил:

— Ваше превосходительство, расскажите, как Балтийский завод сгорел?

Бедный старик вежливо повторял свой рассказ много раз, но в конце концов заметил, что это повторялось слишком часто и с этого момента, на подобную просьбу он, хитро улыбаясь, стал реагировать иначе:

— Eh bien, Monsieur, si vous voulez avoir un peu de causerie, ouvrez votre livre à la page (une telle), et venez ici, nous allons vous écouter avec grand plaisir... — говорил он, бросая значительный взгляд на класс. С тех пор просьбы рассказать о пожаре стали реже и приходилось подыскивать другие темы для заговаривания.

На пятой лекции классный день заканчивался Воспитанники возвращались в роты, но не надолго: предстояло или строевое ученье, или гимнастика, или фехтование, или какие-либо практические занятия.

У нашего класса сегодня занятия по Девиации компасов. В специально оборудованном зале находится десяток корабельных компасов, установленных на вращающихся платформах, заменяющих мостик корабля. При входе нас встречает капитан 2-го ранга Н. и распределяет по 2-3 человека в группу. Обязанность каждой заключается в измерении особым прибором магнитных сил и путем передвижений различных металлических шаров и пластинок уничтожение вредного действия этих сил на правильность показания компаса. Во вступительном слове, делая исторический обзор как теории так и самых приборов, П. начинает неизменно так:

— Иван Петрович де Колонг, это мой друг, господа, — и указательным пальцем тычет себя в грудь, чтобы мы знали, что лучи славы ученого совсем вблизи нас здесь, в этом классе, благодаря его дружбе к нашему преподавателю.

Вокруг, на стенах, висят советы практикующимся, почерпнутые из глубокого многолетнего опыта:

— Пишем то, что наблюдаем. А того, чего не наблюдаем — не пишем. Устно П. старается внушить нам преклонение перед законами природы:

— Даже вороны, господа, и те по определенному закону каркают, — говорит он.

Большинство тотчас же запрягается в классическое решение задания, т. е. путем рекомендуемых приемов приводят минут через 40-50 компас к его правильному показанию. Но, часть гардемарин знает, что всякую проблему можно решить двумя путями, от данных к результату и второй способ, именуемый на корпусном жаргоне "раком", т. е. от результата— к данным.

Между прочим, этот второй способ — излюбленный прием секретарей знаменитых политиков и штабных историографов в описании достижений их "патронов", т. е. министров и полководцев нашей эпохи, в исторических мемуарах или в описании баталий, поэтому не следует быть строгим, если в решении задач по Астрономии и Навигации гардемарины прибегали к тому же методу...

В 5 с половиной, практические занятия кончились. Оставалось полчаса времени перерыва перед сигналом на обед, по которому весь Корпус по-ротно направлялся фронтом в Столовый зал. По понедельникам и четвергам, обед сопровождается игрой оркестра на хорах. Наиболее любимой пьесой была: "Сиамский вахтпарад", но она была снята с репертуара начальством из-за тенденции всего Корпуса отбивать такт. Дежурные офицеры боялись, что на подобный аккомпанимент могли сбежаться сам директор и его помошники в страхе найти от столового зала одни развалины...

Остающийся вечер, а иногда и часть ночи, гардемарины проводили за чтением лекций, в подготовке к очередной репетиции. Личные успехи каждого, баллы полученные на репетициях и их средний годовой — были насущной заботой о будущем: они играли роль при выпуске из Корпуса, к чему большинство относилось серьезно. Балаганы и излишний шум во время вечерних занятий не поощрялся соседями. Это было массовое сидение за конторками непрерывной линией вытянувшимися вдоль стен ротного помещения.

Кто не мог сосредоточиться для "зубрежки" на миру, тот уходил в, пустующие по вечерам, классы. Занятия прерывались еще одним хождением фронтом на вечерний чай. По возвращении в роту пелось "Спаси Господи люди Твоя" и желающие могли ложиться сразу же спать, но таких беззаботных было немного, большинство возвращалось к учебникам и лампочи над конторками гасли постепенно. Последний свет гасился дежурным по роте в полночь.

Если прислушаться к обмену мнений между двумя-тремя приятелями, в перерывы свободные от занятий, обсуждающими Корпусной режим, нередко можно было услышать раздраженную фразу: "Это тюрьма какая-то", но когда в, новеньких с иголочки, офицерских кителях, мы в последний раз проходили по Картинной галлерее к выходу, никто не мог произнести ни слова, боясь выдать свое волнение: в горле стоял клубок, голос мог бы сорваться от переживаемого горя расставания со старым Корпусом, точно каждый предчувствовал, что мы его больше никогда, никогда не увидим...

Д. А.

„Полтава"

Петр Великий, в день Полтавской победы, писал адмиралу графу Ф. М. Апраксину... "ныне уже совершенный камень в основание Санкт-Петербурга положен помощью Божией".

Создатель Российского Императорского флота Петр Великий имел обыкновение давать имена своим новым кораблям в честь или побед, или Святых Православной церкви.

Посему первый корабль, построенный в Петербургском Адмиралтействе, и заложенный 2-го декабря 1709 года, был назван "ПОЛТАВА", а строителем его был сам Петр Великий.

Корабль был спущен на воду 15 июня 1712 г. Длина 130 ф. 5 д., ширина 38 ф. 4 д., углубление 15 ф. 5 д., 54 пушки, в одной закрытой батарейной палубе, а часть пушек на верхней палубе.

В 1713 году корабль плавал, под флагом *Державного Контр-адмирала* в Финском заливе. На нем Государь принимал Персидское посольство, а 27-го июня праздновал день Полтавской победы.

В 1716 году корабль был в составе Русской эскадры, когда Царь Петр Алексеевич командовал соединенным Русско-Британско-Датско-Голландским флотом и держал свой флаг у Борнгольма на корабле "Ингерманланд".

Этот корабль "Полтава" имел личный состав в 446 человек и просуществовал до 1732 года.

Второй корабль "ПОЛТАВА" — 66-пушечный, построен в Архангельске Качаловым. Заложен в августе 1741 года и спущен 15-го мая 1743 г. Длина 155 ф. 6 д., ширина 41 ф. 6 д., углубление 18 ф. В боях не участвовал и был разобран в Кронштадте в 1755 году.

Третий корабль "ПОЛТАВА" — построен в Архангельске, строитель — Ямес. Был заложен 15-го апреля 1753 года, спущен на воду 26-го апреля 1754 года. Размеры корабля точно такие, как и предыдущего. В боях участия не принимал, но в 1764 году был на смотру у Балтийского порта, в эскадре Адмирала Полянского. Смотр производила Императрица Екатерина Великая.

Четвертый корабль "ПОЛТАВА" построен в Херсоне, строитель Суровцев. Корабль был 110-пушечный. Заложен 22-го октября 1806 года, спущен на воду 20-го июня 1808 года. Длина 190 ф., ширина 52 ф., углубление 21 ф. 5 д. В 1810 году в составе эскадры Контр-Адмирала Сарычева действова лпротив турок.

Пятый корабль "ПОЛТАВА" был 90-пушечным кораблем. Построен в С.-Петербургском Адмиралтействе. Строитель Попов. Заложен 5-го декабря 1828 г. Спущен на воду 12-го октября 1829 года. Длина 191 ф., ширина 50 ф., углубление 20 ф. Во время Крымской кампании оборонял Кронштадт.

Шестой корабль "ПОЛТАВА" эскадренный броненосец, построен в С.-Петербурге на Новом Адмиралтействе. Строитель А. К. Леонтьев. Спущен был на воду в 1894 году. Длина 396 ф., ширина 70 ф., углубление 26 ф., водоизмещение 10.960 тонн. Индикаторных сил машин 11.265, скорость хода 16 узлов. Четыре 12-дюймовых и 12 шестидюймовых орудий, 42 скорострельных пушки. Участвовал в бою с япон-

ским флотом 28-го июля 1904 года. Вернулся в Порт-Артур. После занятия японцами Высокой горы 23-го ноября 1904 года был затоплен японскими снарядами на внутрением рейде Порт-Артура. Поднят японцами. Плавал под японским флагом и носил название "ТОНГО".

В 1916 году был выкуплен у Японии и получил новое название "ЧЕСМА". Дошел до Белого моря. После гражданской войны разобран в Англии, на слом, как и крейсер "Варяг".

Седьмой линейный корабль "ПОЛТАВА" дредноут. Построен на эллинге С.-Петербургского Адмиралтейского завода, строитель корабельный инженер полковник Моисеев. Водоизмещения 23.000 тонн. Механизмы 32 котла системы Нормана-Ярроу и 10 реактивных турбин Парсона приводили в движение 4 гребных вала постройки Франко-Русского завода в С.П.Б. Скорость хода 23,5 узла.

Главное вооружение 12 двенадцатидюймовых орудий в 52 калибра в 4-х башнях по оси корабля и 16 — 120 м/м. в бортовых плутонгах. Орудия — Обуховского сталелитейного завода, а броневой пояс и две броневые палубы — Ижорского завода Морского Ведомства. Спущен на воду 27 июня 1911 года.

Приказ по Морскому Ведомству.
С. Петербург, 27 июня 1911 года, № 86.

"В вечно памятный день славного Полтавского боя 27-го июня спущен на воду второй броненосец. Два века тому назад, далеко на юге, на полях Полтавских, наша доблестная Армия своею кровью закрепила за Родиной завоеванное, еще юным тогда флотом Петра Великого — Балтийское море. В воспоминание этого высокого дня, ныне благополучно Царствующему Императору благоугодно было наименовать спущенный корабль "ПОЛТАВОЮ".

Много времени протекло со дня славного боя, увенчавшего труды Державного флотоводца, многое изменилось в его Армии и Флоте. Им не раз приходилось плечо о плечо сражаться за славу и честь Родины, за Ее спокойствие и неприкосновенность,— переживать радостные дни торжеств и тяжкие утраты и невзгоды. Но пролитая кровь, за одно и то же дело, за честную и беззаветно верную службу Венценосцам и Родине, как лучший и надежный цемент всегда связывала моряков с армией.

Да поможет Господь Бог нашему возрождающемуся Флоту, на только что спущенном линейном корабле "ПОЛТАВА" доказать в минуты государственной опасности, что правнуки достойны памяти пращуров, что связь между Армией и Флотом крепка и неразрывна и ныне, как и встарь, в приснопамятные дни Великого Преобразователя Земли Русской".

Морской Министр
Вице-Адмирал *Григорович*

При спуске линейного корабля "ПОЛТАВА" 27 июня 1911 г. военные почести отдавались:

1. На самом корабле спускалась рота 1-го Балтийского экипажа с хором музыки;
2. На берегу — почетный караул 2-го Балтийского экипажа с хором музыки;
3. Салютовали: крейсер "АВРОРА", крейсер "АЛМАЗ" и эскадр. миноносец "ГЕНЕРАЛ КОНДРАТЕНКО".

Перед спуском корабля на воду, член Управы господин Хибур и гласный Думы господин Степенко внесли на корабль благословение города Полтавы — образ "СПАСА НЕРУКОТВОРЕННОГО".

УРА! УРА! УРА! — "ПОЛТАВА" тронулась и разрезала впервые синие воды Невы.

П. А. Волхонский

Первые добровольцы на Кубани и кубанцы в 1-ом походе

После захвата в России в 1917 году власти большевиками, к концу года, борьба на фронтах совершенно прекратилась и Кубанские части, вместе с другими, стали возвращаться домой.

Помимо усталости от трехлетней войны и долгой разлуки с семьями, сказались и пропаганда большевиков и казаки, по прибытии на Кубань, самовольно расходились по своим станицам.

На Кубань же со всех сторон надвигалась гроза. С севера большевицкие отряды из центральной России, а с юга совсем разложившиеся солдатские части Кавказской армии, возвращавшиеся через Кубанскую область к себе домой.

Кубанский Войсковой Атаман и Краевое Правительство, с ведома Командования Кавказской Армии, приступило к организации обороны края. Командующим войсками Кубанской области был назначен Ген. Штаба Генерал К. К. Черный, а начальником Полевого Штаба Ген. Штаба Полковник Б. Г. Науменко, оба коренные Кубанские казаки.

В распоряжении Командующего войсками в Екатеринодаре оказались лишь Кубанские офицеры, возвратившиеся со своими частями с фронта, не казачьи офицеры, прибывшие одиночным порядком, Екатеринодарская Школа прапорщиков всех казачьих войск и старики-казаки немногих ближайших станиц.

В конце ноября был сформирован первый небольшой Добровольческий отряд под командой лихого Войскового Старшины Галаева, Терского казака, служившего в линейном полку Кубанского казачьего войска, а батареей отряда командовал Георгиевский Кавалер капитан Е. Полянский. В декабре — второй Добровольческий отряд под командой Георгиевского же Кавалера военного летчика капитана Покровского.

В январе 1918 года был создан самый большой Добровольческий отряд "Спасения Кубани", под командой Георгиевского Кавалера Ген. Штаба полков-

ника Лесевицкого. Ядро этого отряда составили офицеры 5-й Кавказской казачьей дивизии, во главе с полковником Г. Я. Косиновым, только что прибывшие с фронта, а также в него вошли юнкера Николаевского кавалерийского и Киевского военного училищ и школ прапорщиков Екатеринодарской и Киевской Софийской, сотня Кубанских реалистов, добровольцы и даже женщины. 5-й пехотный взвод отряда назывался "кадетским". Он состоял, главным образом, из кадет Владикавказского кадетского корпуса и одиночек кадет из других корпусов и командовал этим взводом Терец Войсковой Старшина Кочетков, павший смертью храбрых 18 марта в бою под станицей Ново-Димитриевской. Офицерской батареей отряда командовал всегда спокойный и доблестный Есаул В. Я. Крамаров. Кроме этих трех главных отрядов, были еще небольшие отряды, вскоре прекратившие свое существование: есаула Бардижа (члена Государственной Думы), полковника Чекалова и др.

В конце января, отряды Галаева и Покровского, усиленные 2-мя взводами только что начавшего формироваться отряда полковника Лесевицкого, совершенно разбили крупные силы красных, "главковерх" красных юнкер Яковлев был убит, но погиб и доблестный начальник отряда Войсковой старшина Галаев и храбрый пулеметчик женщина-прапорщик Таня Бархаш.

Вскоре красные, стянув, кроме большевизированных частей 39-й пехотной дивизии, отряды: Армавирский, Майкопский, Воздвиженский, Темрюкский и другие, под командой "главкома" Сорокина — офицера из фельдшеров, обрушились сначала на отряд Покровского, а затем крупными силами на отряд Лесевицкого.

Полтора месяца жестокой зимы в неравном бою, Кубанские Добровольческие отряды бились днем и ночью с громадными силами красных. Многие офицеры, казаки и добровольцы проявили редкие примеры мужества и покрыли себя славой, а многие пали в боях на родной земле.

Постепенно кольцо противника суживалось и к концу февраля красные большими силами оттеснили Кубанские отряды к самому Екатеринодару. Согласно приказа Командующего Войсками, в ночь с 28 февраля на 1-ое марта все Кубанские Добровольческие отряды переправились через Кубань и сосредоточились в ауле Шенджий.

В Шенджий прибыли также Кубанский Войсковой Атаман генерал Филимонов, Краевое Правительство, Члены Рады, служащие войсковых учреждений и банковский обоз. Казаки старики отдельных пеших сотен станиц: Ново-Титаревской, Усть-Лабинской, Пашковской, Двинской, Старо-Корсуновской и др. почти все разошлись по своим станицам. Здесь произошло переформирование Кубанской Армии. Из пехоты отрядов были сформированы: Кубанский стрелковый полк под командой полковника Туненберга, ротного командира Киевского Военного училища, Отдельный Кубанский Пластунский батальон, под командой полковника Улагая, а при обозе охранная пешая сотня из стариков и служащих Войсковых учреждений, под командой полковника Образа. Кавалерия была сведена в два отряда: один под командой ген. штаба полковника Кузнецова, который вскоре во время выполнения боевого задания, был отрезан от армии, 2-й под командой лихого кавалериста полковника Г. Я. Косинова Черкесы были объединены в Черкесский конный полк, под командой генерала Султана Келеч-Гирея. Артиллерия, оставшаяся от отряда Лесевицкого, Галаева и Покровского была сведена в Кубанскую сводную батарею, под командой испытанного артиллериста есаула В. Я. Крамарова, а конная батарея — в отдельный конный взвод под командой есаула Корсуна и придана отряду полковника Кузнецова, с которым и погибла. Технические части были сведены в Кубанскую отдельную инженерную сотню под командой сначала капитана Бершова, а затем военного инженера полковника Попова. Санитарные части были сведены в Кубанский лазарет под начальством доктора Мащенко.

В рядах Кубанской армии был большой процент молодежи: юнкеров, кадет, реалистов и гимназистов, и несколько десятков молодых девушек, часть из которых были в строю добровольцами, а часть сестрами милосердия. Как сейчас вижу: двух сестер Е. и Л. Кадушкиных (младшая убита в походе), двух сестер Черных, К. Мащенко, О. Вербицкую, Е. Терентьеву, Н. Лебедеву, А. Пяту, Н. Крыжановскую, Серикову, Костенко и других, в жертвенном порыве, принимавших самое активное участие в спасении нашей многострадальной Родины.

3-го марта Кубанская Армия перешла в ст. Пензенскую и 6 марта двинулась с боем на аул Дворянский. 7, 8 и 9 марта Армия вела бой с красными у аула Гатмукай, а 10 и 11 марта, когда участвовали и все обозные, дралась с большими силами красных у ст. Калужской.

Несколько раз Кубанская Армия через радиостанцию пыталась наладить связ с генералом Корниловым, но у него, как, выснилось потом, радио-станции не было.

11 марта, во время разгара боя, пришел первый разъезд от генерала Корнилова и 14 марта Добровольческая и Кубанская Армии, после письменного договора командований, соединились вместе под общим командованием генерала Корнилова. Кубанская казачья кавалерия почти вся была сведена в Кубанский коннный, впоследствии Корниловский конный полк, под командой подполковника Корнилова, который вскоре выбыл из полка, а полком командовал полковник Г. Я. Косинов, а во втором Кубанском походе доблестный полковник В. Г. Науменко, теперешний Кубанский Войсковой Атаман. Остальные Кубанские части влились в состав Добровольческой Армии без изменения.

Добровольческая Армия, выйдя из Ростова 9-го февраля и пройдя еще до соединения с Кубанской Армией около 400 верст, через Кубанскую область, значительно пополнилась Кубанцами и не было, кажется, части, в которой бы не было Кубанцев. После

же соединения с Кубанской Армией, Добровольческая Армия увоилась и можно смело сказать, что больше половины состава были казаки. В кавалерии из трех полков два были Кубанскими, а в Конном полку, подполковника Глазенапа, 2-ая сотня также была Кубанской, под командой гв. есаула Малышенко, во 2-м же походе и этим полком командовал то же Кубанец, полковник К. Корсун.

Перед выходом в поход, командование Добровольческой Армии вело переговоры с Походным Донским Атаманом генералом Поповым, но генерал Попов с Добровольческой Армией не пошел, а ушел со своим отрядом в Сальские степи. В Кубанском походе из Донцов участвовали, главным образом, уцелевшие добровольцы Чернецовского и Баклановского отрядов, во главе со своим Войсковым Атаманом Богаевским, который сначала командовал полком, а после соединения Армии отдельной бригадой. 15 марта Добровольческая Армия выступила на Екатеринодар. Разлившиеся горные реки и потоки с ледяной водой. Армия переходила вброд и в невероятно тяжелых условиях, вела бой от 15 до 18 марта, особенно у ст. Ново-Дмитриевской и этот период боев называется "Ледяным походом".

Десять дней, и днем и ночью, продолжались упорные и жестокие бои за взятие Екатеринодара. Добровольцы соперничали в храбрости и, жалея патроны, которых было мало, ежедневно ходили в атаки, тесня красных все ближе и ближе к городу. Против 5.000 добровольцев, красные сосредоточили в районе Екатеринодара около 100.000 своих лучших частей и имели неограниченные запасы боеприпасов из складов Кавказской Армии, добровольцы же добывали их только в бою. Многие Кубанцы пали смертью храбрых под Екатеринодаром и среди них доблестный гв. полковник Рашпиль, командир Кубанского Гвардейского дивизиона.

29-го марта был убит храбрый командир Корниловского ударного полка полковник Нежинцев, а накануне назначенного штура Екатеринодара, 31 марта, убит наш Вождь, Сибирский казак Генерал Л. Г. Корнилов — Главнокомандующий Добровольческой Армией.

Генерал А. И. Деникин, учтя большие потери Армии, страшное физическое переутомление добровольцев, отсутствие снарядов и, ввиду потери любимого Вождя, надломленный дух Армии, отменил атаку города Екатеринодара и повел остатки Армии на Дон.

Один за другим опять шли жестокие бои: у ст. Андреевской, у немецкой колонии Гначбау, у Медведевской, где находчивостью и неустрашимостью генерала Маркова был взят бронепоезд красных с 400 снарядами и 100.000 винтовочными патронами, у Владимирских хуторов, у ст. Лежанки, у станицы Егорлыцкой, у Гуляй-Борисовки, у ст. Мечетской, Незамаевской, Екатериновской, у ст. Сосыки, Крыловской и Ново-Михайловской и, наконец, 30 апреля, по приходе на Дон, через месяц после смерти генерала Л. Г. Корнилова, был закончен 1-й Кубанский поход.

Первый поход продолжался 80 дней: от 9 февраля до 30 апреля, и из них 44 дня Армия вела бои. За эти дни Армия, по основному маршруту, прошла 1.050 верст. Боевое снабжение добывалось в боях, и в начале похода составляло около 600 снарядов и по сто пятьдесят патронов на добровольца, а к концу похода количество снарядов и патронов было почти то же.

В походе смертью храбрых пали — генерал Корнилов и около четырехсот участников похода, среди которых юные кадеты: Георгий Сергеевич Переверьев, 16 лет, 3-го Московского кад. корпуса, Сергей фон-Озаровский, 16 лет, Воронежского кад. корпуса, Данилов, 15 лет, Владикавсказского кад. корпуса и многие другие. Большинство раненых — около 1.500 человек, было вывезено с армией и отправлено на излечение в Новочеркасск, некоторые были ранены по несколько раз, а многие остались в строю.

Мало о себе писали первые добровольцы *"Рыцари Тернового Венца"* и мало известно в печати об их бессмертных подвигах.

Профессор ген.-штаба полковник Зайцов пишет, что 1-й Кубанский поход, будучи типичным корволантом Петра Великого, до сих пор является просто военно-исторической загадкой. Он говорит: "Оставив базу, идя в неизвестность будущего, добровольцы прошли сквозь большевицкое море туда, куда они хотели и, вопреки всем правилам современной тактики, они оказались непобежденными, что можно объяснить, только силой духа и любовью к Родине первых добровольцев. Великая Россия в великих муках родила горсть небывалых героев и военная история, в сущности еще не имела примера такого необычайного подъема духа, который был проявлен в походе генерала Корнилова", — так он заканчивает свое повествование о походе.

39 лет тому назад первые добровольцы, по словам основателя Добровольческой Армии генерала М. В. Алексеева, "зажгли светоч, чтобы была хоть одна светлая точка, среди охватившей Россию — тьмы"... Я глубоко уверен, что не далек тот светлый день, когда опять этот светоч разгорится ярким пламенем, а мы тогда, первые добровольцы, теперь уже старики, вместе со своими сыновьями и внуками исполним свой последний долг на земле перед горячо любимой Родиной.

Бог с теми, кто идет на подвиг.

Первопоходник *Вл. Третьяков*

ОТ РЕДАКЦИИ

В номера 22 и 23 журнала, в объявление о подписке вкралась досадная ошибка. Подписная цена на год в странах заокеанских, как и было раньше, — 4 дол. 50 ц., а не 4 дол., как это напечатано.

Производство в офицеры

В жизни каждого военного, самым счастливым днем является безусловно день производства в офицеры.

Этот день, конечно, остался в памяти каждого из нас, но в этот день было столько переживаний, что они, чередуясь одно с другим, теперь, когда прошло столько ремени, как бы стушевываются в одну общую радость, в одно волшебное воспоминание.

Все же, напрягая свою память, хочется вспомнить и хронологически и детально этот и последующие дни и записать все, что вспомнилось. Может быть эти воспоминания вызовут у читателей тоже их собственные переживания того далекого, чудного периода их жизни и они, вместе со мною, забудут хоть на время заботы теперешней жизни и переживут еще раз то, что, увы, вряд ли кто переживет.

В мое время день производства в офицеры приурочивался к празднику Л.-Гв. Преображенского полка, т. е. 6 августа.

Возвращаясь несколько назад, необходимо добавить, что воспитанники Пажеского Е.И.В. Корпуса, уже с 5-го июня прикомандировывались к тем полкам, куда они выходили, так что ко дню производства в офицеры, мы уже были как бы свои в полку. Во время нашего прикомандирования, мы носили нашу пажескую строевую форму и были на положении младшего офицера. Мы имели право здороваться с ротой, которая специально для этого выучила ответ: "Здравия желаем господин камер-паж". Мы имели право также столоваться в собрании, но не требовать вина (пить его не запрещалось), не несли нарядов и не получали жалованья (лишь Корпус выдавал нам за наш недоед какую-то сумму).

Я попал в 4 роту Лейб-Гвардии Егерского полка, которой командовал милейший и всеми любимый князь Иван Иванович Кугушев. Он меня знал с раннего детства, всегда называл по имени, а я так и не мог ему никогда сказать ты. Он сам попросил командира полка, чтобы меня назначили к нему в роту. Иван Иванович погиб смертью храбрых в бою под Пясковой Скалой. Такого доброго начальника у меня в моей жизни больше не было и, конечно, не будет.

На следующий день после нашего прикомандирования, в собрании был, в нашу честь, устроен завтрак, на котором мне, как старшему в выпуске, надлежало ответить на тост Командира полка, Генерала Яблочкина. Не обладая тогда способностями говорить тосты, я послал записочку В. И. Бутенко, прося составить ответный тост и, по такой же почте, получил ответ. Эти слова у меня остались и поныне в памяти. "Ваше Превосходительство. Мои товарищи и я сердечно благодарим Вас и всех офицеров за радушный прием и пьем за родной нам, с сегодняшнего дня, Л.-Гв .Егерский полк!".

6 августа — в 8 час. утра весь наш выпуск явился в барак Корпуса, находящийся на левом фланге Главного Лагеря у платформы Военная. Приятно было встретить своих прежних одноклассников после 2-х месячного перерыва и обменяться впечатлениями, но с другой стороны, было грустно от сознания, что сегодня же мы все разлетимся навсегда в разные стороны.

Нас построил наш ротный командир Полковник Карпинский(быв. егерь) и строем с песнями повел нас по средней линейке Главного Лагеря к церкви 1-й Гвардейской пехот. дивизии. Проходя мимо моего барака, я видел улыбающуюся физиономию моего деньщика (мы уже имели таковых) разглядывавшего и приготовлявшего мой офицерский китель.

На месте, где уже были собраны юнкера других училищ, нас всех построили покоем.

По окончании парада Л.-Гв. Преображенского полка, Государь Император на сером коне въехал на середину нашего расположения и, поздоровавшись с нами, изволил обратиться к нам со следующими высокомилостивыми словами:

"Господа, сегодня самый знаменательный и отрадный для вас день. Помните то, что Я вам скажу: Будьте в течение всей вашей жизни хорошими христианами, честными и преданными слугами своей Родины и своего Государя. Служите изо всех сил с полным сознанием, что, если каждый из вас честно и сознательно будет исполнять свое дело, какую бы маленькую должность не занимал, он этим принесет большую пользу Родине и своей части. Относитесь с уважением к своим начальникам и без критики; друг к другу, по товарищески, памятую, что все вы составляете частицу единой семьи великой Русской армии. Служите примером подчиненным вам нижним чинам, как в военное, так и в мирное время. От души желаю всем успеха в предстоящей вам службе и поздравляю вас, господа, с производством в офицеры".

Восторженный ответ: "покорно благодарим Ваше Императорское Величество", и громкие крики "ура" были ответом на эти слова Государя.

Сколько глубокого смысла, сердечности и искренности было в этих чудных словах.

Затем были вызваны вперед наш фельдфебель, 2 старших камер-пажа Государынь Императриц и портупей юнкер Николаевского Кавалерийского училища Орлов (крестник Государя).

Подошедший к Государю чин свиты подал Его Величеству 4 приказа на особой бумаге. Государь, взяв приказы в Свои руки, поздравил еще раз фельдфебеля (Своего камер-пажа) и затем, обратившись к 3-м остальным — передал им поздравление от Государыни Императрицы и вручил каждому по приказу. Таковые приказы нам раздавались во время этой церемонии. Под громкие и восторженные крики ура, Государь отбыл в собрание Л.-Гв. Преображенского полка.

Полковник Карпинский поздравил нас с производством и в последний раз скомандовал: "разой-

тись". Скорино, Нелавицкий и я подошли к нему и он нас поцеловал, как однополчан.

После этого, кто на извозчике, кто пешком, отправились по своим полкам, где мы, быстро переодевшись в офицерскую форму, явились Командиру полка и отправились в свои роты. Рота стояла построенная и после ответа на приветствие — добавила: Имеем честь поздравить Вас Ваше Высокоблагородие. Подошедший ко мне фельдфебель Семен Григорьевич Ерин, взяв руку под козырек, спросил разрешение от имени роты покачать меня. Тут необходимо сделать короткое пояснение. В полку, также как и в Корпусах, существовал обычай качать офицеров. Разница была в сохранении дисциплинарности. Въ Корпусе достаточно было какому-нибудь чудаку крикнуть "качать" (воспитателя или учителя), как толпа юношей обступала жертву и, положив ее на свои руки, трижды под крики раз, два три подбрасывала ее в высь.

В полку же было, собственно говоря, не качание, а скорее триумфальное шествие с криком ура. Егеря высоко несли того, кому предназначалось это выражение радости или любви. Обыкновенно это бывало или в день ротнаго праздника, или особенно удачной смотровой стрельбы, когда рота выбивала "сверх отличного".

Обыкновенно за это качание полагалось угощение (например по чарке водки), но отнюдь не оно руководило этими добрыми чувствами наших солдат.

На следующий день, в церкви Корпуса, был молебен, директор Корпуса поздравил нас с производством, сказал соответствующее слово и мы снялись общей группой.

Вечером, в ресторане Эрнест, — выпускной обед. При первом тосте, за Государя Императора, мы все одновременно надели наши кольца с надписью "один из тридцати девяти", положенные до тоста на дно бокала. Из тридцати девяти нас осталось в живых лишь 11. Через 3 дня мы явились в полк, так как в виду того, что через 10 дней предстоял наш полковой праздник в Высочейшем присутствии, нам не дали сразу полагающийся 28-ми дневный отпуск, а мы получили его лишь после полкового праздника. Мы присутствовали на ежедневных репетициях парада и церемониального марша.

На самом празнике, после парада, перед завтраком в Красносельском Дворце, вновь выпущенные офицеры были представлены Его Величеству. Я помню, как Государь, спросив мою фамилию, сказал, что Он помнить моего отца, скончавшагося за 6 месяцев до моего производства.

Сколько внимания и трогательности было в этих словах Русского Царя.

На следующий день я с Нелавицким уехал в отпуск в Ялту, чтобы, вернувшись оттуда, начать свою новую жизнь в полку.

В. А. Каменский

Офицерские гимнастическо-фехтовальные курсы в Киеве в 1913 году и 1-ая Русская Олимпиада

В 1913 году, состоя на службе в 9-й артиллерийской бригаде, в г. Полтаве, я был командирован от бригады на офицерские гимнастическо-фехтовальные курсы в г. Киев. Приехав в Киев и явившись в Комендантское Управление и начальнику курсов, я бросился сейчас же покупать нужное одеяние и искать комнату. Комнату нашел на окраине города, по пути трамвая в дачное место Дарницу, около рощи, ставшей известной по процессу Ющинского. В этой роще братом моей жены был найден убитый неизвестным русский мальчик Ющинский. Процесс прогремел во всем мире. Еврей Бейлис, завод которого был около этой рощи, был обвинен в ритуальном убийстве.

Я поместился в комнате вместе с офицером Севского полка, который тоже был на курсах. Курсы были за городом на Сырце, для них был сделан специальный городок, который возвышался над местностью. Были построены бараки для переодевания, складов и общий, вроде зала, где мы собирались для теоретических занятий. Мы во всем подчинялись начальнику курсов, так что даже свирепый комендант города Киева, известный всем генерал Медер, нас не мог арестовать без ведома начальника курсов. От него постоянно летели бумажки — жалобы на наших курсантов. Встретить коменданта и не быть арестованным, — это был редкий случай. Один заслуженный фельдфебель, увидя издали коменданта и зная, что он все равно найдет причину для ареста, скрылся в первый, открытый по пути двор, сел за поленицу дров и оттуда наблюдал. Ген. Медер подошел к двору, заглянул в него и стал ходить мимо, ожидая, когда фельдфебель выйдет, но не дождался и ушел. Другой раз ген. Медер встретил юнкера в калошах. Приказал их снять и нести за собою. Потом задержал другого юнкера. Тогда первый передал калоши второму, сказав, что это калоши генерала, а сам сбежал. Таких рассказов было множество.

Начались курсы. Для мало привычных к спорту они были очень тяжелы. Занятия шли всегда на воздухе, какая бы ни была погода и до пояса мы были раздеты. Поэтому солнце нас превратило, за время курсов, в совершенных негров. В городе думали, что мы занимаемся в коричневых фуфайках, настолько мы загорели. В начале все теряли в весе, что, по окончании курсов, нагонялось сторицей. Кроме гимнастики вольной и на снарядах, во всех видах, у нас преподавалась легкая атлетика, фехтование на рапирах, эспадронах и винтовках, рубка и бег в амуниции через препятствия. Преподавателями были офицеры, окон-

чившие Главную Гимнастическую Школу в Петербурге. Нас вначале поражало их искусство, но многие из нас, его постигли быстро. Стали тренироваться и ставить рекорды. В г. Киеве к концу наших курсов открывалась 1-ая Русская Олимпиада. У многих из нас была мысль принять участие в ней. Моя специальность сделалась легкая атлетика, особенно прыжки. Мой сожитель по комнате, тренировался на ходьбе на 10 тысяч метров. Тренировался он в окрестностях города. Я ехал на велосипеде, а он следовал за мной пешком, по всем правилам ходьбы.

Рекорды на курсах, по тому времени, были очень приличны. Еще до окончательной тренировки, я уже бегал на 100 метров — 11 секунд (теперь рекорд 10,5) и прыжок с места, без разбега, с которым я готовился на Олимпиаду — 2 метра 10 сант. На курсах мы еще учились делать сальто и группа велосипедистов рубила бабки из глины и прутья, как бы с лошадей. Все эти номера были проделаны на гимнастическом празднике, перед его окончанiем. На мое несчастье, я однажды, управляя велосипедом ногами на руле, налетел на бок дорожки, велосипед выскочил из под меня и я сел с высоты велосипеда на убитую, как камень дорожку. Какая-то кость дала трещину. Моя тренировка кончилась и на Олимпиаде я не выступал, хотя мой прыжок, без разбега, в длину — 3 м. 10 см., был вторым призом. Следовательно продолжая тренироваться я мог, возможно, достигнуть и лучшего результата. Приближалась Олимпиада. К нам приехали из Гл.-Гимн. Школы офицеры и солдаты, участники Олимпиады. Мы восторгались их слаженностью и их высоким качеством гимнастов. Эти их качества были оценены 1-ой Русской Олимпиадой, так как многие из них поставили рекорды и получили призы. Мой колега офицер Севского полка, с которым мы тренировались взял 2-ой приз по ходьбе на 10 тысяч метров. Его фигура была создана для этого: очень маленький копус и длиннейшие ноги.

1-ая Российская Олимпиада, 1913 года, совпала с Всероссийской выставкой, которая также происходила в г. Киеве.

Эти два события были причиной очень большого съезда публики со всей России. Киев ожил. На стадионе Олимпиады происходили состязания, а на территории выставки гремела музыка и давались атракционы. Олимпиада была большим событием в жизни России. Давно уже спорт стал выходить из своего застоя и Олимпиада должна была начать новую спортивную эру. Съезд спортсменов был достаточен, чтобы показать, что спорт в России, становится на новые рельсы и, что скоро она будет в первых рядах международных состязаний. К сожалению, война 1914 года прервала такое хорошее начало на долгое время. Результаты Олимпиады, конечно, далеки от достижений настоящего времени, но тогда поставленные рекорды были вполне хорошими и давали надежду на блестящее будущее. Большой стадион, тщательно подготовленный, с его дорожками, приборами веселил нашу душу и мы проводили иногда целые дни там, ожидая результатов состязаний.

Форма спортсменов — русских офицеров, была очень красива. Белые фуфайки с открытой шеей и руками, с двуглавым орлом на груди; синие брюки на штрипках, туго натянутые, спортивные туфли. Вольные движения, как и групповое фехтование были доведены до поразительной слаженности. Гимнастика дала гимнастов большого класса. Легкая атлетика была на большой высоте. Бег на дистанции и барьерный показал прекрасные результаты. Впечатление от Олимпиады осталось отрадное, незабываемое.

Сдав экзамены на курсах, офицеры курсов разъехались по своим частям, чтобы сделаться руководителями физического воспитания солдат. Летом 1914 года, я начал занятия по спорту, со своей бригадой, устраивая гимнастические праздники и состязания по легкой атлетике. Объявление мобилизации 1914 года, прервало занятия, все обратились к исполнению своих обязанностей по мобилизации. Началась кампания 1914 года.

Капитан *Л. Беляев*

Гвардейская Юнкерская Школа и ее подготовительный пансион

В прошлом году исполнилось 130 лет со дня учреждения 12 июля 1826 г. одного из наиболее славных военно-учебных заведений России, давшего Русской кавалерии большинство ее выдающихся начальников, почему я беру на себя смелость на страницах "Военной Были" дать краткий очерк этого гнезда, из которого вылетело столько знаменитых питомцев, носившего в русском кавалерийском мире имя "Славной Школы".

9 мая 1823 г. по мысли Великого Князя Николая Павловича, была основана для образования тех молодых дворян, которые, поступая в гвардейскую пехоту из университетов и из частных пансионов, не имели подготовки в военных науках, *"Школа Гвардейских Подпрапорщиков"*. Военно-учебное заведение это, в отзыве, Главного Штаба, получило наименование "Гвардейской Юнкерской Школы", и было подчинено главному надзору Великого Князя Николая Павловича. Первым командиром ее стал Лейб-Гвардии Измайловского полка полковник П. П. Годеин. Воспитанники Школы являлись подпрапорщики, командированные из всех полков гвардейской пехоты для прохождения курса, носившие в стенах Школы свою полковую форму. Им разрешалось иметь личную прислу-

ту из собственных крепостных или наемных людей в таком размере, чтобы один служитель приходился на пять человек подпрапорщиков. Торжественное открытие Школы произошло 18 августа 1823 г. в помещении Измайловских казарм Великим Князем Николаем Павловичем. Первый состав ее воспитанников был 39 человек, причем старший из них по службе подпрапорщик Л.-Гв. Московского полка Теличев был назначен фельдфебелем.

12 июля 1826 г. при Школе было учреждено кавалерийское отделение или эскадрон" и она была переименована в Школу Гвардейских Подпрапорщиков и Кавалерийских Юнкеров. Воспитанниками этого нового отделения являлись юнкера присылаемые из полков гвардейской кавалерии. Число юнкеров в эскадроне было определено 98, по рассчету 14 человек на каждый гвардейский кавалерийский полк. Первым командиром эскадрона Школы был назначен Кавалергардского полка ротмистр Гудим-Левкович, а вахмистром юнкер того-же полка Михаил Храповицкий.

В 1832 г., в Школу поступил из Московского университета М. Ю. Лермонтов. Первые дни пребывания его в Школе сопроводились случаем, имевшим для Лермонтова неприятные последствия на всю жизнь. Чтобы показать свою удаль перед товарищами, он в манеже, сел на молодую и необъезженную лошадь, которая сбила его на землю и при этом ударила копытом в ногу, настолько сильно, что молодого человека вынесли из манежа в лазарет. Лермонтов получил после этого искривление ноги, плохо сросшейся, по какому поводу товарищи прозвали его "Маешкой", словом являвшимся руссифицированной переделкой французского слова "Mayeux" — горбун. В это время, как раз вышел в свет французский роман этого имени, герой которого был хромой горбун, а так как Лермонтов вообще был сутуловат, то школьные товарищи находили, что это прозвище "весьма ему приличествует". Надо, впрочем, сказать, что сам Лермонтов на эту кличку не только не сердился, но и увековечил ее в известном своем стихотворении "Монго" из школьной жизни.

Будучи в Школе, Лермонтов написал несколько произведений, в которых описывал различные эпизоды юнкерской и лагерной жизни. Все они помещались в рукописном юнкерском журнале, издаваемом втайне от начальства в 1834 г. и которого вышло всего шесть номеров. Журнал этот выходил раз в неделю по средам и прочитывался громко в юнкерском клубе "курилке", при неумолкаемом смехе и шутках молодежи Здесь были помещены стихи Лермонтова: "Юнкерская молитва", "Петергофский праздник" и "Уланша". Последнее имеет отношение к тому, что — эскадрон — того времени делился на четыре взвода, из которых два были кирасирские, один гусарский и один уланский — самый шумный и веселый. Будучи юнкером Лермонтов написал в стенах Школы свое первое произведение "Хаджи-Абрек" и закончил отделку "Демона".

Память о великом русском поэте осталась крепко в Школе, в стенах которой, впоследствии, был учрежден Лермонтовский Музей и поставлен памятник юнкеру-поэту.

15 октября 1838 г. Школа была переформирована вससекомпное, военное училище — для приготовления офицеров, преимущественно для службы в гвардии — в составе 120 подпрапорщиков пехоты и 108 юнкеров кавалерии. Два добавочных низших класса, учрежденных при этом, соответствовали двум последним классам кадетских корпусов, а два старших продолжали быть специальными.

21 марта 1859 г., по случаю упразднения в Русской армии звания подпрапорщиков, была переименована в *Николаевское Училище Гвардейских Юнкеров* в память своего основателя Императора Николая 1-го, получив на погоны вензель этого государя.

1-го сентября 1864 г. Школа была переформирована снова, и в последний раз, и названа *Николаевским Кавалерийским Училищем,* причем пехотное отделение в ней было упразднено, а эскадрон увеличен до состава 200 юнкеров. Во вновь преобразованное училище было положено принимать лиц не моложе 16 лет из дворян, а также, состоявших в кавалерийских полках, юнкеров. Для воспитанников Пажеского Корпуса, окончивших кадетские классы и, желавших служить в гвардейской кавалерии, в эскадроне ежегодно имелось 10 вакансий.

Командиром эскадрона был назначен полковник гвардии барон Штакельберг, из числа юнкеров в вахмистры был произведен Константин Траубенберг. Два старших класса Школы были при этом приравнены к уставу и курсу военных училищ, младшие же два преобразованы в приготовительный пансион, по образцу тогдашних военных гимназий, в составе 100 человек воспитанников, разделенных на четыре класса, соответствовавших четырем старшим классам военной гимназии. С переходом в старший класс, пансионеры обучались верховой езде, под руководством командира эскадрона в училищном манеже. Пансион имел своего собственного директора, но находился под наблюдением начальника Николаевского Кавалерийского Училища. Пансион был открыт 4-го сентября 1864 г. и оставался при училище и, в его здании, в течение 14 лет до 1878 г., когда он был преобразован в самостоятельное учебное заведение с правами военных гимназий и переведен в собственное помещение на Офицерской улице. Первым начальником пансиона был назначен Статский Советник А. В. Шакеев, известный петербургский преподаватель истории, который затем занимал этот пост до самой своей смерти в 1870 г.; по имени его, пансион очень долго назывался "Шакеевским". В 1882 г. Подготовительный пансион Николаевского Кавалерийского Училища был переименован в *Николаевский Кадетский Корпус.*

Интересно отметить, что как Николаевское Кавалерийское Училище, так и Николаевский корпус, сохранили тесную связь со своим прошлым. Юнкера до самой революции продолжали по старине называть училище "Школой" и продолжали соблюдать ее старые традиции и обычаи времен Лермонтова и ее корпоративный дух, который был назван в Высочайшем

Манифесте 1 мая 1864 г: "весьма хорошего направления". В отличие от всех других военных училищ в России, в "Славной Школе", для юнкеров был сохранен старый обычай иметь наемных лакеев одного на пять человек воспитанников, которые чистили сапоги и следили за их одеждой.

Николаевский Кадетский Корпус продолжал сохранять свою связь с училищем и также в своем обиходе отличался от других корпусов тем, что имел тот же вензель Императора Николая I-го, какой носило Училище, вместо черных брюк, носил синие кавалерийские, цветной пояс и шашку вместо штыка. Старший его класс, как когда-то пансионеры "Шакеевского пансиона" — сохранил право обучаться езде в манеже училища, уж не говоря о том, что большинство окончивших корпус кадет шли в кавалерию.

Анатолий Марков

75 лет со дня моего поступления в Михайловскую Воронежскую Военную Гимназию

75 лет тому назад, т. е. в 1881-м году, в августе месяце, я поступил в первый класс Михайловской Воронежской Военной Гимназии.

Это было через пять с половиной месяцев после смерти Императора Александра II. Директором Военной Гимназии был генерал Глотов, инспектором — полковник Смирнов. Из преподавателей память моя удержала двух, а именно: законоучителя, почтенного протоиерея Дегаева, и учителя чистописания, подполковника Дорофеева, которого воспитанники называли "барабанные палки". Воспитанники гимназии, по классам, разделялись на четыре возраста. Первый и второй классы, куда я попал, входили в состав четвертого возраста.

Воспитатели были почти все штатские; в частности, в четвертом возрасте, были три штатских воспитателя, а четвертый — отставной лейтенант Левицкий, потерявший глаз в войне 77—78 г.г., и ходивший с черной повязкой на глазу.

Моим воспитателем был Фомин, фамилии двух других воспитателей, кроме Левицкого, были Путилов и Калина. Насколько приятно вспомнить Фомина, Путилова и Левицкого, настолько неприятно вспоминать Калина.

Мой воспитатель Фомин, всегда ровный, спокойный, заботливый, был, для нашего отделения, как бы отцом родным. Он был настолько заботлив, что воспитанников, получивших в течении недели неудовлетворительные отметки, приходил будить в 5 час. утра и помогал им выучить то, в чем они не успевали. В этом же роде были, для своих отделений, Левицкий и Путилов, чего нельзя сказать о воспитателе Калине. Уже самый внешний вид этого господина производил неприятное впечатление: небольшого роста, с угловатыми манерами, с некрасивым, несимпатичным лицом, крашенными в черный цвет волосами и прической "à la moujik". Походивший на обезьяну, Калина, ко всему этому, был зол и в "ручную" расправлялся с провинившимися малышами.

Помню, как сейчас, два шкафа с книгами, стоявшие в дежурной комнате воспитателей. Между шкафами был промежуток, куда Калина ставил провинившегося воспитанника и, читая ему нотации, довольно больно крутил ухо, дергал за щеку и сильно щелкал по носу.

О директоре ген. Глотове у меня в памяти осталось то, что он широко применял телесное наказание в виде порки, каковая экзекуция производилась в один определенный день недели.

Я был очень живой и шаловливый мальчик, а посему часто подвергался наказаниям и, видимо, так надоел своими проделками воспитателям, что было решено меня высечь, но, для этого надо было спросить разрешение моей матери, т. к. я был своекоштным.

Было написано моей матери, с просьбой дать разрешение. Мать моя категорически отказала, тогда со мной проделали следующее: в определенный для экзекуции день, меня повел воспитатель в цейхгауз, где производилась порка. Я страшно перепугался, в особенности, когда увидел в раскрытые двери скамейку, а на столе громадный пучек розог. По краям скамейки, куда клали наказуемого, стояли два служителя. Я страшно зарыдал, схватил воспитателя за руку, начал его дергать и, стал кричать: "не хочу, не хочу".

Затем, насколько помню, зашатался и мне сделалось дурно. Перепуганный воспитатель подхватил меня на руки и понес в лазарет, где я пролежал несколько дней. Случай со мной был не единичный, т. к. несколько воспитанников, которые подверглись телесному наказанию, его не вынесли и заболели. Одного даже пришлось взять домой.

Кормили нас не очень важно.

Перед зданием Военной Гимназии простирался огромный плац, где воспитанники гуляли в свободное время.

В углу плаца, к стороне улицы, была небольшая мелочная лавочка, где воспитанники покупали сладости. Деньги, которые родные присылали им, хранились у воспитателей и, о желающих купить сладости, старший в отделении составлял список, где, против каждой фамилии, выставлялась цифра, на какую сумму он хотел купить; эта бумажка, за подписью воспитателя, отдавалась Михайле (хозяину лавочки), который и отпускал товар, согласно указанным цифрам.

Описывать здание Гимназии с внешней и внутренней стороны не буду, т. к. думаю, что оно осталось неизменным вплоть до революции.

8-го ноября, в день Архистратига Михаила, в Военной Гимназии был ее праздник. Он начинался торжественным Богослужением в нашей церкви, которое совершал местный Архиерей.

Мы получали в этот день улучшенный обед и конфеты.

Не могу не упомянуть, что во время наступления экзаменов, малоуспевающие воспитанники считали, что, если они возьмут ватку с мощей Святителя Митрофания Воронежского, и положат в рот, за зубы, то это им поможет выдержать экзамен. Точно не помню сейчас, помогало это им или нет.

На этом и заканчиваю свои воспоминания.

Полковник *В. Богуславский*

Неприятное переживание

Французский язык у нас преподавал Mr Foissy, живой и веселый француз, как впоследствии оказалось, офицер запаса французской артиллерии.

Хотя особенными познаниями этого языка мы и не блистали, но дело шло, — и ко времени выпуска кадеты довольно прилично читали, переводили, а многие и пересказывали "à Livre ouvert".

Но вот наступил 1914 год, а с ним первая мировая война. Наш француз был призван и, после трогательного прощания, уехал во Францию.

Преподавать французский язык в старших классах стала М-ме Амираджиби — жена генерала русской армии, очень милая и далеко еще не старая дама. Баллы она ставила щедро, делать нам, взрослым юношам, замечания стеснялась, а жаловаться, по доброте душевной, не хотела. В результате мы очень быстро освоились с новым положением, распустились и многие совершенно перестали готовить уроки.

Однажды М-ме Адмираджиби вызвала "благородного корнета" кн. Микеладзе — моего друга, как и я, собиравшегося выходить в кавалерию. Микеладзе, сидевший сзади меня, как водится, урока не приготовил и, зная, что я во французском более или менее силен, стал толкать меня под партой ногой и просить ответить за него. Я встал и, стараясь делать во французском языке кавказский акцент, ко всеобщему удовольствию класса, ответил.

Француженка — поставила кн. Микеладзе 11 баллов и отпустила меня... с миром... Но едва я опустился на свое место, как услышал свою фамилию. Я отопел.

— Ковалевский, — повторила француженка.

В ужасе оглядываюсь и вижу, что весь класс смотрит на меня... На мое счастье, кроме м-ме Амираджиби, которая перелистывает журнал... Быстро ныряю за парты и появляюсь на поверхности подальше от своего места. По дороге содрал очки с Павлуши Квятковского и слегка выдернул из под пояса рубаху.

— Читайте, — говорит француженка.

Пытаюсь, но сквозь очки ничего не вижу (Павлушка был очень близорук). Чувствую, как краснею и начинаю обливаться потом, но не сдаюсь. Кое-как приспосабливаюсь. Читаю. Умышленно порчу свой, довольно приличный, выговор. Делаю тот же пересказ который только что делал кн. Микеладзе — только гораздо хуже... Наконец слышу желанное — садитесь. Пытка окончена, но против моей фамилии в журнале появляется жирная шестерка...

Сигнал. Едва закрылась дверь за м-ме Амираджиби, как в классе поднялся ужасный шум...

— Качать его... Качать. — Едва вырываюсь и выскакиваю из класса.

Несчастное совпадение?.. Педагогический прием?.. Теперь я совершенно уверен в последнем... Нужно сознаться, что прием удачный, так как с тех пор ответы за другого больше не повторялись.

Владикавказец

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

150-ЛЕТИЕ ОСНОВАНИЯ ДВОРЯНСКОГО ПОЛКА (1807-1957)

Дворянский полк был основан Государем Императором Александром Первым — 14 марта 1807 года.

В 1855 году переформирован в Константиновский кадетский корпус.

В 1859 году переформирован в Константиновское Военное (пехотное) Училище.

В 1894 году переформирован в Константиновское Артиллерийское Училище.

Первым Начальником Артиллерийского Училища был назначен полковник Василий Тимофеевич Чернявский.

В 1956 году Председателем Объединения была произведена регистрация бывших юнкеров-константиновцев, находящихся за рубежом. В Америке — 88 юнкеров, вне Америки — 43. Старейший по выпуску полковник С. П. Мартынов — 1894 года.

Сообщил *Константиновец*

ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ

Недавно скончавшаяся, Великая Княгиня Елена Владимировна была шефом 3 драгунского Новороссийского полка. Во время банкета, в Собрании, устроенного по случаю приезда в полк Царственного шефа, командир полка полковник князь Белосельский-

Белозерский доложил Великой Княгине, что в полку есть офицер, который никогда не расстается с портретом своего Шефа.

— Кто это? Скажите? — спросила Великая Княгиня.

— Это его секрет, — отвечал командир полка, — но для нас — желание Шефа — закон. Штабс-ротмистр Роговский, пожалуйте сюда.

Действительно, в бумажнике штабс-ротмистра, была вделана рамка, со вставленным в нее портретом красавицы — Великой Княгини.

Великая Княгиня поблагодарила Роговского "за внимание к Шефу", но, я думаю — она поняла, что помимо этого, тут сказалась и дань ее красоте.

Доблестный кавалерист штабс-ротмистр Антон Роговский пал смертью храбрых в 1914 году.

Сообщил *А. Л.*

ИВАН ИВАНОВИЧ БЕЦКИЙ, ДИРЕКТОР ИМПЕРАТОРСКОГО ШЛЯХЕТНОГО КОРПУСА

Генерал-поручик И. И. Бецкий в своей "Педагогической Системе", выработанной им и предложенной как проект для Воспитательных Домов и Кадетских Корпусов, с резкостью восстает против телесного наказания.

"Не должно никогда, — говорит он, — кадета бить шпагою или фухтелем. Сие столь вредное злоупотребление происходило прежде. Кто не видит, что жестокое сие наказание оцнюдь неприлично нежному возрасту... Болезненное сие наказание, производя ужас, заражает чувствиям Благородную душу должно воздерживать опасением пренебрежения или бесчестия, а не страхом телесного или вредительного наказания..."

Вместо побоев и розог, Бецкий разрешает, в случае необходимости, следующие исправительные меры: 1) Заставлять детей один или два часа, смотря по летам, стоять на одном месте, ни на что не опираясь; 2) Не пускать с другими гулять, сие весьма чувствительно детям, ибо от природы не любят покоя и насилия, что и доказывается в молодых животных; 3) Делать выговоры наедине, побуждая к раскаянию; 4) Пристыжать публичным выговором; 5) Хлеб и вода на 12 или 24 часа сносны для возраста от 5 до 10 лет; 6) Смотря по их возрасту, заставлять поститься, то-есть лишать завтрака, иногда и обеда, но никогда не отымать ужина; 7) Стояние в классе на коленях и 8) Наряды в караул на несколько времени.

Конечно, к перечисленным наказаниям рекомендовались всевозможные увещевания и объяснения на словах виноватому, как его вины, так и соответствующего ей наказания, чтобы дети знали, "что не по пустому воображению, не по прихоти и не по страсти, но праведно осуждаются от начальников своих и наказываются силою Устава".

Кроме того, запрещалось совершать наказание или делать выговоры в момент личного раздражения. Все эти человеколюбивые правила, приходились, конечно, далеко не по сердцу большей части тогдашних педагогов, привыкших к ежедневному избиению младенцев, по правилу Домостроя:

"Аще жезлом биеши сына, не умрет, но здрав будет"...

Этот гуманный педагог времен Императрицы Екатерины II, будучи уже совсем дряхлым, окончательно оставил Императорский Шляхетный Корпус в 1786 г.

Извлек *Эраст С—кий*
Суворовец 1-го выпуска

ЦАРЕВА ПРАВДА

После покорения Восточного Кавказа, земли, населенные ингушами перешли в собственность Терского Казачьего Войска, с тем, что ингуши платили ежегодную аренду за земли, на которых они жили. Так продолжалось до 1910 года, когда, вдруг, Областное Управление Терского Войска, после 54-х лет, решило аренду не возобновлять и предложило трем аулам ингушей — выселиться в горы. Выселению подлежало три тысячи семей. Выселяться было решительно некуда, кроме того, как сказано, ингуши с покон веков жили на этих землях, все эти обстоятельства могли вызвать восстание и жестокое кровопролитие.

Ингуши выбрали из трех аулов 6 стариков и отправили их в Тифлис с жалобой. Наместник Граф Воронцов был болен и не мог их принять — старики попали в Военно-Народное Управление, где им и было отказано в их просьбе.

Последняя надежда была на Государя Императора. Старики поехали на свой страх в Петербург. Там, через одного из офицеров Конвоя Его Величества, они попали к командиру его, который принял горячее участие в их деле и, на другой же день, доложил все дело Государю. Император Николай II возмутился всей этой историей и приказал Командиру Конвоя немедленно, по телеграмме Наместнику, отменить выселение и закрепить землю за ингушами. В 1914 году эти три аула дали самый большой контингент в Ингушский полк.

Сообщил *Е. К.*

ИЗ ЖИЗНИ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Несколько слов об игумене Варсонофии (1910 г.). Это был замечательный старец, имел дар прозорливости, каковую я сам на себе испытал, когда он принимал меня в монастырь и первый раз исповедал. Я онемел от ужаса, видя перед собою не обыкновенного человека, а Ангела во плоти, который читает мои сокровеннейшие мысли, напоминает факты,

которые я забыл, лица и прочее. Я был одержим неземным страхом. Он меня ободрил и сказал:

— Не бойся, это не я, грешный Варсонофий, а Бог мне открыл о тебе. При моей жизни никому не говори о том, что сейчас испытываешь, а после моей смерти можешь говорить".

Отец Варсонофий — в миру полковник Оренбургского Казачьего Войска Павел Иванович Плеханов, окончил Полоцкий кадетский корпус. Он был любимым духовным сыном отца Иоанна Кронштадтского, который и направил его в Оптину пустыню.

"Православная Русь"

Извлек *А. Г.*

ИЗ СТАРИННЫХ БЫЛЕЙ

Подпись на отпускном билете рядового:

"Всемилостивейшего Государя моего генерал-майор, Святой Анны 1-й степени и Анненской шпаги, табакерки с вензелевым изображением Его Величества, бриллиантами украшенной и тысячи душ кавалер Генерал-майор Каннабих" (Командир одного из артиллерийски полков в царствование Императора Павла I).

Извлек *А. Г.*

ГВАРДЕЙСКИЕ КИВЕРА

В царствование Государя Императора Николая II, возникла мысль ввести в полках гвардейской пехоты, кивера, которые, по мысли Государя, должны были напоминать форму Отечественной войны. Он просил своего двоюродного дядю Великого Князя Петра Николаевича, талантливого художника, составить проект этих киверов. Великий Князь сделал рисунки, которые были, затем, переданы на обсуждение особой комиссии, существовавшей в Военном министерстве, по вопросам формы обмундирования войск. Проект этот был комиссией принят, за небольшими изменениями, ведшими к удешевлению их стоимости.

Сообщил *Анатолий Марков*

ОБЗОР ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ

Г. Александровский — "Цусимский бой". 50 лет. 1905—1955. Нью-Йорк, 1956 г.

Поражение Русского флота у острова Цусима, 14—15 мая 1905 года, в сильнейшей степени потрясло и уязвило Русское национальное самолюбие. Воспоминание об этом трагическом событии до сих пор очень болезненно для Русского человека. В силу этого, по словам Г. Александровского, — Цусима — "это запретная тема из-за, своеобразно понимаемого, чувства скорби к погибшим друзьям, к ушедшему укладу жизни".

А, между тем, именно, ради воскрешения благородной памяти о Русских моряках, погибших в злосчастном сражении и ради, если не оправдания, то, во всяком случае, объяснения некоторых сторон ушедшего уклада жизни, — говорить о Цусимском бое и обо всем, что определило его исход, не только можно, но и должно. Эта мысль лежит в основе книги Г. Александровского, который, в частности, считает, что правдивая и объективная история цусимской катастрофы должна помочь развеять ту ложь, которая годами накопилась вокруг этого события, и которая особенно сгущена советским писателем Новиковым-Прибоем, описавшим Цусимское сражение со специальной целью — дискредитации Царского строя.

Г. Александровский не старается замолчать тех роковых, а иногда даже преступных действий Морского министерства тогдашней России, в сущности, обманувшего Государя и, из-за легкомыслия и непонятной доверчивости к суждениям капитана I ранга Кладо, пославшего Русский флот в тягчайший поход и почти на верную гибель. Автор книги совершенно прав, не замалчивая этого глубоко печального обстоятельства. Правды бояться не надо. Тем более, как очень убедительно показал Г. Александровский, совершение ошибок и промахов, граничащих иногда с преступлением, вовсе не являлось прерогативой "бездарного правительства старой России, как утверждали все ее ненавистники, а совершались и совершаются поднесь самыми передовым и демократическими правительствами. Мы были свидетелями уничтожения американского флота в Пирль-Харбор, на наших глазах, японцы потеряли весь свой флот у острова Лейте. "Эскадры обоих народов (русского и японского. — Г. М.), говорит Г. Александровский, сделались жертвой прогресса техники..." "Победе японцев над русскими в Цусимском бою способствовало лучшее качество кораблей, и орудий, и снарядов. Победе американцев над японцами в бою у острова Лейте помогло лучшее качество радара и морской авиации". "Опыт боя у острова Лейте, этой второй, символической, Цусимы, отверг, как несостоятельное, утверждение, что только русские могли быть разбиты так, как это с ними случилось в бою у острова Цусима".

Все это безусловно верно и справедливо, и особенно справедлив конечный вывод автора "Цусимского боя", о том, что нам, русским, этого боя стыдиться не приходится. Мало того, мы можем гордиться тем, что, кровь, обильно пролитая русскими моряками в Цусимском сражении, не была пролита даром: она дала прекрасные всходы, в виде возрождения русского флота к первой мировой войне, осуществленного, поддержанными Государем, молодыми офицерами флота. Такое возрождение опровергает все вымыслы о "бездарности" русского правительства. Бездарные правительства неспособны воскресать после

поражения и творчески преодолевать отсталость и ошибки. Большая заслуга автора книги и заключается в том, что он сумел красноречиво подчеркнуть это, имеющее громадное историческое значение, явление.

Все, что касается описания беспримерного геройства русских моряков и тех вершин, которых достигал русский жертвенный дух во время жестокого боя — сделано автором с большим подъемом и взволнованностью. Очень красочны описания судеб отдельных кораблей. Нельзя без волнения читать, например, слова машинного унтер-офицера Бабушкина, который, узнав о намерении адмирала Небогатова сдать эскадру, воскликнул: "Братцы... да что это такое? Адмирал жалеет нас, матросов, а нужно жалеть родину. Адмирал, ведь, не сестра милосердия".

Специалисты военно - морского дела и военно-морские историки скажут свое слово о достоинствах и недостатках (буде они имеются) труда Г. Александровского. Рядовой же читатель несомненно поблагодарит его за яркое и красноречивое прославление Русского мужества и геройства, и за правду о "Цусиме".

Г. М.

Почтовый ящик

Коренному драгуну. Таганрогский драгунский полк сформирован в 1775 году 16 января из Вятского (1701 г.) и Пермского (1703 г.) драгунских полков. В 1826 году 13 марта, будучи уланским, переименован в Белгородский уланский, впоследствии — 12 уланский Белгородский полк.

Многим читателям. — Старейшими военно-учебными заведениями в России были: Школа Математических и Навигацких Наук или Навигацкая Школа учрежденная в Москве 14 января 1701 г. и Инженерная Школа, основанная в Москве 6 января 1712 года. Старейший кадетский корпус в России основан 29 июля 1731 года под названием: Корпус кадетов для шляхетских детей как России, так и Лифляндских и Эстляндских провинций, впоследствии Первый Кадетский Корпус. Навигацкая Школа, впоследствии Морской Кадетский Корпус (1752 г.). Инженерная Школа — 2 Кадетский Корпус (1762 г.).

Для сведения. — Общество Любителей Русской Военной Старины. Председатель Правления — Князь Никита Сергеевич Трубецкой —

Генеральный Секретарь — Лев Николаевич Немиров —

Казначей — Александр Васильевич Щипков —

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. ... 3 rue des Cordelières, Paris

„ВЕСТНИК“

ежемесячная военно - национальная газета. Издание Обще - Кадетского Объединения под редакцией **А. А. Геринга.**

VII год издания. Париж. Цена отд. номера: во Франции — 60 фр., Германии — 60 пф., странах заокеанских — 20 ам. ц.

Обращаться по адресу: А. А. Геринг. 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16).

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из жизнетворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, безсонницы и в некоторых случая повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!

Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:

Laboratoire B. KALEFLUID. 66. Bd. Exelmans Paris (16). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman. 54, rue de l'Aqueduc. Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE : V. Miller. 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.

„МОРСКИЕ ЗАПИСКИ“

издаваемые Обществом Офицеров Российского Императорского Флота в Америке, под редакцией старш. лейт. барона Г. Н. Таубе

Вышел и разослан подписчикам

№ 4 (43), т. XIV, 1956 г.

Подписная цена — 3 долл. в год.

Представитель во Франции: кап. 2 р. В. В. Скрябин.

Обращаться по адресу:

38, Bd de la République. Boulogne s. S.

Издание Обще-Кадетского Объединения в Аргентине

«ВОЕННАЯ БИБЛИОТЕКА»

№ 1, цена 60 фр.

НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

	Фр.
Г. Ишевский — Честь	600
Г. Александровский — Цусимский бой. .	700
Ю. Н. Данилов — Русские отряды на франц. фронте	350
П. Н. Богданович — Аракчеев.	500
Л. И. Кульнев — Волны жизни	350
А. Балашев — Для немногих (стихи) ...	400
Н. Воронович — Вечерний звон	600
Н. Воронович — Русско-японская война.	250
Н. Воронович — Всевидящее око	250

Поступила в продажу в Париже книга

Георгия ИШЁВСКОГО.

„ЧЕСТЬ“

Изд. Обще-Кадетского Объединения.

Литературное описание жизни Симбирского кадетского корпуса и воспитания Русской военной молодежи в Императорской России.

Продается в конторе «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и во всех Русских книжных магазинах.

Цена книги — 600 фр.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache. Paris (16) и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tottenham street, W 1.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1. Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Neumoresa 86, Roma.

Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue Heliopolis. Ibrahimie.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — P. O. Box 304, Nyack (N.Y.)

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 1538, Steiner, San-Francisco, 15.

Канада — у А. С. Орлова — 224. Dovercourt R-d Toronto (ONT).

Австралия — а) у Калатнянна — 50, Belemba ave Lakemba (N.S.W.), б) у Н. А. Косач 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Кельнера — 24. av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — Obligado 2130, Buenos-Aires.

№ 25

ИЮЛЬ 1957 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 6-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Обще-Кадетское Объединение извещает, что в воскресенье, 2 июня, на Русском Кладбище в Сент-Женевьев была отслужена Панихида по Августейшем Генерал-Инспекторе Военно-Учебных заведений

ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ КОНСТАНТИНЕ КОНСТАНТИНОВИЧЕ

Почетном Председателе Обще-Кадетского Объединения

ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ГАВРИИЛЕ КОНСТАНТИНОВИЧЕ

полковнике **Борисе Дмитриевиче ПРИХОДКИНЕ** и всем кадетам Российским за Веру, Царя и Отечество голову свою сложившим, в смуте убиенным и в мире скончавшимся.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1050 фр. с пересылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № 5 шил. год. подписка — 25 шил., в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16ᵉ). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881-89 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

6-й год издания | № 25 ИЮЛЬ 1957 г. | Bimestriel. | Prix — 200 fr.

9 июля / 26 июня 1957 года исполняется 75 лет со дня кончины Кавалера Ордена Святого Георгия 2 и 3 степени, Шефа 14 Туркестанского Стрелкового полка, Генерал-Адъютанта Генерала от Инфантерии Михаила Дмитриевича С К О Б Е Л Е В А.

Семья Скобелевых

Как многие талантливые Русские люди, Михаил Дмитриевич происходил из семьи, вышедшей из глубины народной. Его дед, крестьянин-однодворец Иван Никитич Кобелев, в царствование Императрицы Екатерины, пошел охотником на военную службу, что, по тогдашним временам, при долгой и тяжелой солдатской службе, было явлением из ряда вон выходящим. Имеется предание, согласно которому, помимо влечения к военной жизни, Иван Никитич стал солдатом, чтобы уйти от злой жены, старше его годами, на которой его в юности женил отец.

На военной службе, молодому, видному и красивому солдату повезло, тем более, что он отличался недюжинным природным умом и беззаветной храбростью. Во время Суворовского похода в Италию, сержант Кобелев был за отличие произведен в фендрики, получил дворянство и к его фамилии "для благозвучности", была прибавлена литера "С", благодаря чему, потомство его уже стало Скобелевыми. Быстро повышаясь в чинах, Иван Никитич отличился под Аустерлицем и Лейпцигом, и, в Отечественную войну был уже в чине полковника, командуя полком. В бою под Смоленском, неприятельское ядро оторвало ему левую руку, а при Бородино, французская пуля настолько повредила ему правую, что врачи сочли нужным отрезать на ней два пальца. В этом сражении весь полк Скобелева погиб, а сам он, со знаменным взводом, был взят в плен. Предание говорит, что Наполеон, узнав о подвигах Ивана Никитича, отпустил его на свободу, предоставив раненому герою собственный экипаж. При отъезде Скобелева из плена, был выстроен почетный французский караул с оркестром музыки, который отдал ему воинские почести.

После взятия Парижа, в котором он участвовал, Иван Никитич, уже в чине генерал-лейтенанта, поселился в Петербурге, где был, как герой Отечественной войны, принят во всех светских салонах, что и привело его к вторичной женитьбе, на одной из представительниц высшего петербургского света. Назначенный затем Начальником Петербургского гарнизона, он, вскоре, вызвал неудовольствие Императора Николая Павловича, своим столкновением на разводе с одним иностранным дипломатом, и, в результате, потерял должность. Однако, через некоторое время, Государь сменил гнев на милость и назначил Скобелева на спокойную и почетную должность коменданта Петропавловской крепости, на каковой он и умер. Похоронен был Иван Никитич, как и все коменданты этой крепости, в ограде Петропавловского Собора.

Сын Ивана Никитича — Дмитрий Иванович, по примеру отца, служил также очень удачно, и в чине полковника, был флигель-адъютантом Императора Николая I, а затем генералом Его свиты. В турецкую войну 1877—78 г.г., Дмитрий Иванович, в чине генерал-лейтенанта, командовал Отрядом и был награжден Орденом Святого Георгия 3-й степени. В армии, Дмитрий Иванович, за свой вспыльчивый характер, носил кличку "Паши" и, к концу кампании, попал под начальство своего знаменитого сына — Скобелева 2-го, который перегнав по службе отца, шутя его подтягивал, на что старик, впрочем, не обижался. О нем существует анекдот, что, будто бы Император Александр II, при представлении его, спросил Дмитрия Ивановича: "Так вы, значит, отец и сын знаменитых Скобелевых?"

Сын Дмитрия Ивановича и внук бывшего крепостного, будущий "Белый Генерал", Михаил Дмитриевич, окончил Благородный Пансион Московского Университета и служил юнкером в Кавалергардском полку, а затем, по производстве в офицеры, лейбгвардии в Гродненском гусарском полку, был флигель-адъютантом, генерал-майором Свиты и, наконец, генерал-адъютантом Императора Александра II. Его блестящая карьера слишком хорошо известна, чтобы повторять рассказ о ней в этой краткой заметке.

Анатолий Марков

В песках Закаспия и садах Кахетии

(Из книги — от Тифлиса до Парижа)

(Окончание)

По возвращении из Закаспийской области, мы с Паном застали полк уже вернувшимся на Царские-Колодцы. Приятно было, после горько-соленой воды, песков и качки на море, сидеть на веранде полкового Собрания, пить прекрасное Саэро и вдыхать чистый, осенний воздух.

К веранде подходит Пан. Вид у него озабоченный:

— Только что узнал, что меня с тобой посылают на перепись лошадей и подвод в Кахетию.

— Ну, и отлично, нас, видно, считают теперь большими специалистами. А ты почему приуныл?

— Сопьемся, — печально заявил Пан.

Перемена жизни все-таки радовала. Через несколько дней мы с Паном уж входили в управление уездного начальника в г. Сигнах. Уездный начальник, полковник Алдатов, сидел в обществе членов комиссии по переписи лошадей — участкового пристава и ветеринарного врача.

— А, доблестные драгуны. Добро пожаловать... Эй, вы, там, писатели, вина сюда, сыр и стаканы... живо! — крикнул он писарям, которые радостно побросали свою работу и засуетились...

— За успех вашего предприятия! — поднял бокал Алданов.

Слово "сыр" писаря поняли по своему: они притащили "хачапури" (запеченный в тесте сыр), рагу из барашка, балык... Алдатов пришел в восторг.

— Молодцы ребята... сразу видно хорошую школу...

Мы узнали, что первая перепись будет на другой день в Сигнахе. Через час, напутствуемые добрыми пожеланиями Алдатова, мы вышли из управления.

— А теперь, в мою хату, — любезно предложил ветеринар.

У ветеринара в "хате" был накрыт стол человек на 20. Появились соседи, появились грузинские девушки с гитарой, пришел старик с чиануро́й (струнный инструмент). Обед затянулся и перешел в ужин с лезгинкой и пением. Молоденькие грузинки очаровательны: веселы, просты и не жеманны. Аккомпанируя себе на гитаре, они пели "Мхолот-Шине", пели много про знаменитого поэта Шота-Руставели, безнадежно влюбленного в царицу Тамару и написавшего поэму "Носящий барсову шкуру". В этой поэме он говорил о своей любви к Тамаре и под вымышленными именами героев поэмы, скрывал себя и царицу. Эта безнадежная любовь была причиной того, что, закончив поэму в 25-летнем возасте, он удалился в монастырь, где и окончил свою жизнь...

Утром, на другой день, нас поразила красивая картина. Сигнах расположен на склонах горы. Внизу видны грузинские деревушки Анага и Сакобо, дальше — виноградники, а вдали высится Кавказский хребет, с его снеговыми вершинами. Рядом с Сигнахом, тоже на склоне горы, расположен живописный монастырь св. Нины.

Площадь перед Управлением заполнена веселой толпой: это грузины привели лошадей и арбы, запряженные волами или буйволами. Из всех духанчиков, окружающих площадь, несутся веселые возгласы, звуки шарманки и хоровое пение. На перепись все смотрят, как на народное гулянье. Каждая подходящая повозка встречается одобрительными возгласами, а хозяин ее, погоняющий (стоя) волов, имеет вид победителя на олимпийских играх.

Мы сидели на площади за столиком. Полагалось, осматривая лошадь, определить ее рост и возраст, осматривая повозку — определить ее прочность. Куда там. Все неслось, кричало, напирало на столик. В клубах пыли, с невероятным скрипом, катили арбы и не было сил остановить это победное шествие... И опять, как в Закаспийской области, заполненные списки являлись плодом богатой фантазии. Ветеринар пытался у какой-то лошади определить возрасть по зубам — та посмотрела на него с удивлением, он махнул рукой и отошел. Через час участковый пристав стал проявлять признаки беспокойства и ныть, что пора кончить, ибо его жена ждет всех нас к обеду, что будет "сациви (индейка с ореховым соусом) и "чихиртма" (суп из курицы с большим количеством лука, заправленный к моменту подачи сметаной и сбитыми желтками).

К столу подъехал всадник. Это был помещик из Качерет, мой товарищ по корпусу, кн. Арчил Андронников, со своими друзьями.

— Завтра перепись у меня, я приехал закупить закусок, а вино у меня свое, — объявил он. Что мы будем у него обедать, было так естественно, что Арчил даже не потрудился нас пригласить. Я оглянулся на Пана.

— Еще два-три дня такой жизни, и я умру, — шепнул он мне.

Остаток дня мы пировали у пристава, а вечером выехали в Качереты. У Качерет мы заблудились в темноте. Потом выяснилось, что стоим мы перед домом князя Луарсаба Каралова.

— Вот у него и переночуем, — заявил пристав.

— Неловко, у него жена, четыре дочери, уже спят... — отговаривали его.

— Пустяки, вот увидите, они будут рады... — стук... стук... стук...

В комнатах мелькнул свет и в окно высунулся князь Луарсаб.

— А, комиссия?.. Милости просим, заходите. Эй вы, там, Мело, Нино, Даро "вставайте", — крикнул он вглубь квартиры. Через несколько минут мы сидели уже на мягких тахтах. Старшая дочь Луарсабо,

мело, с гитарой в руках, пела: "Тихо, так тихо, ночь наступает, лишь где-то слышна трель соловья"... Даро, с бубном в руках, скользила по ковру, Нино хлопала в ладоши... Из кухни доносился приятный запах жареного мяса.

"Вот, думаю, придет мамаша и приструнит дочек". Вошла мамаша, окинула живыми глазами присутствующих... и присоединилась к танцующим.

Просидев часа три, мы простились с хозяевами и пошли на перепись. Тут уж Арчил торопил нас кончать работу, т. к. обед был готов. В веселом настроении покидали мы Качереты. Мы спустились в Алазанскую долину. Везде тоже самое: радушный прием, гостеприимство...

Если грузины знали из молодых Тверцов только любителей охоты, которые бродили по всей Кахетии, то уж наших штаб-офицеров и ротмистров знали всех и за обедами неизменно поднимали бокал, то за Датико (Мамацева), то за Нико (Чавчавадзе), то за Фази или дядю Ростю, с просьбой передать привет. Тверской полк считали своим защитником. Такое отношение к Русскому полку нужно искать в истории Грузии за последние 2—3 столетия. Кахетия имела постоянных врагов в лице горцев Дагестана и лезгин Закаспийского округа. Их набеги прекратились только тогда, когда поперек их дороги стал русский солдат. Русские войска долгое время вели борьбу с горцами именно в тех местах, где наша комиссия весело и беззаботно проводила время.

— Кто это? — спросил я, однажды, указывая на великана, уже второй день следующего за нами.

— Как, вы не знаете? Это брат диакона в тифлисском соборе — Гаргаретелли. Его роль быстро определилась — это был незаменимый тулумбаш. В дальнейшем, мое заявление, что у нас есть свой подходящий походный тулумбаш, вызвало бурю восторга.

— Вот это марка, молодцы Тверские драгуны.

За обедом Гаргаретелли почти ничего не ел, конфузливо отказывался от предлагаемых ему блюд. Он ждал момента, чтобы начать говорить — в этом была его жизнь. Его тянуло к чему-то возвышенному, ему хотелось передать свои чувства другим. Проникновенным голосом он говорил:

— Преисполненный великих чувств, я высоко поднимаю свой бокал. На дне эта бокал слеза матери, в эта бокал драгоценны капля крови наша защитники драгунская Тверской полк, которому здэсь есть представитэли. Наши сердце в этом бокал. Сердце грузина-кахетинца. Сердце это визде. Пока ми живием, оно нас ведет к тому, что есть самое дорогое в жизни.

Пока он говорил, я мучительно решал вопрос — есть ли какой-нибудь смысл в этой речи, или это набор слов? Другие этим вопросом не занимались: они чувствовали, что Гаргаретелли взывает к чему-то хорошему, во что сам верит... и громкими криками выражали ему свое одобрение. И надо сказать, что в его голосе и во всем его существе чувствовался страстный призыв следовать по пути добра и справедливости. В тостах он был неистощим... но, конец был всегда один и тот же: становясь в величественную позу, он пел:

— Ах, зачэм увлекаться висем, когда можна астарожина поиграить и перестаит... — Слово "перестаит" он тянул долго. Это был апофеоз. После этого он потухал — до следующего раза.

Прошло сорок пять лет, а Гаргаретелли, поющий свое "перестаит", как живой стоит перед моим взором.

В селении Карданахи, мы попали в барский дом князя Вачнадзе. Хозяева отсутствовали, за исключением одного старика. На него можно было залюбоваться. Повидимому бывший военный, он был одет в темно-серую черкеску тонкого лезгинского сукна. Изящный, гостеприимный, он дополнял картину старого грузинского дома, с каменным балконом, над морем зелени, с коврами, тахтами, оружием на стенах, со старой прислугой, составляющей как бы часть семьи. Рассматривая фотографии на стене, я увидел, вдруг, фотографию Софочки. Старик заметил это и рассмеялся.

— Жаль, что раньше не приехали: Софочка была здесь и недавно уехала с родителями в Крым.

(О Софочке я буду говорить, если представится возможность, описывая свое пребывание в "Славной Школе").

Нигде потом я не пил такого прекрасного вина — знаменитого карданахского вина князей Вачнадзе. Оно хорошо на месте, т. к. при перевозке теряет свои качества.

Я хорошо помню места, где мы начинали перепись, но дальше все сливается в одну живописную картину.

Мы, кажется, переезжали р. Алазань. Пан незаметно исчез, после того, как ему предлагали выпить вино из турьего рога. Вернувшись в Сигнах, я нашел его в постели, окруженного бутылками с минеральными водами. Он производил впечатление человека, выздоравливающего после тяжелой болезни. Он говорил, что мы еще дешево отделались.

Г. Танутров (Жук)

В Ингушском конном полку

(Окончание)

В ночь на 28 октября 1915 г., полк выступил на позицию. У Ахмета, как на зло, захромала его кляча и, мне пришлось, скрепя сердце, взять на позицию обоих моих кабардинцев, чего я всегда избегал. Второй конь, которого продал мне Шенгелай, вороной кабардинец-иноходец, был прекрасной и нарядной лошадью, замечательно спокойной под седлом, что нельзя было не ценить на походе. Пришлось мне сесть на этого последнего, а Ахмету дать цибировского рыжего иноходца.

Выехав на гору около деревни Петликовцы-Новые, у которых с утра развертывался бой, мы увидели, как из-за пригорка, навстречу сотне, вскачь неслась походная кухня, по которой била беглым огнем какая-то австрийская батарея. На козлах ее, нахлестывая и без того скакавших лошадей, сидел перепуганный повар. Подскакивая на рытвинах и, избегая дороги, которая находилась под обстрелом, кухня металась из стороны в сторону, и из нее во все стороны брызгали щи.

Подскакав к командиру сотни, солдат сдержал свою упряжку, и, предупредил:

— Так что, Ваше Высокоблагородие, на гори дуже бьют з гармат, мэне чуть нэ вбило... и щи уси расплескамо.

Полк, после этого предупреждения, сошел с шоссе и застучал сотнями копыт по замерзшему в чугун от мороза вспаханному полю. Обойдя гору у фольварка Михал-поле, мы наткнулись на группу горцев, в живописном беспорядке лежавших под прикрытием стены. Это оказались черкесы, высланные сюда в качестве летучей почты. Здесь же расположился и наш полковой штаб.

Сотни, получив приказания, разошлись по назначенным им участкам. Нам досталась задача занять деревню Петликовцы-Новые и, выставив впереди ее сторожевое охранение, войти в соприкосновение с наступающими австрийцами. Невидимые, австрийские батареи, били по горе, по которой шло шоссе, чтобы не дать подойти подкреплениям.

Не успели мы двинуться, как на шоссе показался бешенно мчавшийся всадник. Раз за разом грянули австрийские пушки и вокруг скачущего выросли черные столбы разрывов. Только промчавшись по самому опасному участку, скакавший, наконец, догадался свернуть с шоссе и, тем же бешенным аллюром, направился к нам. Тут только мы узнали нашего добровольца Колю Голубова, который, как всегда, и здесь, сумел попасть не туда, куда надо. С вылезшими на лоб глазами, потеряв шапку, он подлетел к Шенгелаю на своей, измученной и мокрой, как мышь, лошаденке, и радостным голосом сообщил, что он, по собственной инициативе, "мотался в обоз" за офицерским обедом и, его чуть не убили. Все это мы видели и без его рассказа и, командир, изругав мальчишку, приказал ему больше не отходить от него ни на шаг, под угрозой "выпороть нагайкой, как сукинова сына".

Спустившись к речке и переехав мостик, мы заняли обстреливаемую артиллерией деревню, выставив за околицу, в сторону австрийцев, сторожевое охранение. В охранении с вечера дежурил Ужахов, а мы, остальные офицеры сотни, отлично выспались по хатам. Рано утром нас разбудил, присланный из охранения всадник, с известием, что австрийцы зашевелились и, повидимому, начали наступление. Выйдя из халупы я присел на копну, возле группы ингушей, собравшейся вокруг урядника Бекира. Они сидели и полулежали на снопах, в самом мирном разговоре, не имеющем никакого отношения к начавшемуся бою. Австрийская артиллерия, между тем, давно перенесла свой огонь по деревне и столбы разрывов усеивали все поле вокруг нас. Вынув бинокль из футляра, я увидел в туманной дали поля, наши отходящие секреты. а за ними длинные цепи наступающих австрийцев. Деревня, позади нас, в которой стояли наши коноводы, часам к 9 утра, накрытая артиллерией загорелась в нескольких местах, и по ее улицам, с криками и воплями, стали носиться бабы и ребята, нагруженные узлами и всевозможным скарбом; длинная лента бегущего населения запружила мост и тянулась в гору.

Крупный снаряд угодил под сарай, где стояли коноводы второй сотни. Вверх полетели доски и земля, коротко, предсмертно, проржала лошадь. Прибежавший оттуда всадник принес известие, что под сараем убило вахмистра и трех коней. Артиллерийский огонь, скоро перешедший в ураганный, через полчаса обратил мирную деревню в один сплошной костер, грозно гудевший за нашей спиной и трещавший под громом новых разрывов. На этот раз работали уже не одни трехдюймовки, а крупные орудия, посылавшие целые чемоданы, рвавшиеся со страшным грохотом, и поднимавшие в воздух, на большую высоту, массу земли и камней. Минуты две после их взрывов, с неба, нам на головы, продолжали сыпаться комья земли, и всякий сор. Голубое небо было покрыто белыми, долго стоявшими в воздухе, облачками шрапнельных разрывов, казавшимися, по сравнению с разрушительным действием гранат, детской игрой.

Из переулка горевшей деревни вывернулась и рысью поскакала к нам, стуча колесами по жнивью, патронная двуколка с "цинковками". Их сопровождал, дежуривший ночью, прапорщик Ужахов с "резервом" из десяти всадников.

Было очевидно, что наша жидкая цепочка не надолго задержит австрийцев перед деревней, да это и не входило в нашу задачу; после столкновения с противником, мы должны были отходить навстречу нашей пехоте.

— Смотри... Смотри... перебегают, — схватил меня за руку Ахмед, указывая, куда-то в даль. Между

копнами, действительно, показались крошечные, показавшиеся еще игрушечными, фигурки наступавших австрийских цепей. Над головой одновременно с тем запели пули, число которых увеличивалось с каждой минутой. Из-за копен по всей нашей линии захлопали выстрелы трехлинеек. Подняв прицел, я тщательно выцелил одну из перебегавших по жнивью фигурок, но не успел спустить курка, как Ужахов положил мне на плечо руку.

— Брось, не глупи... далеко еще, не стоит тратить патрона, — и что-то крикнул по-ингушски вдоль цепи. Из нее сорвался и побежал к нам, нагибаясь между копнами, всадник, в распахнутой бурке. Австрийские цепи тоже, повидимому, заметили, торчавшие из-за копен, редкие папахи и, вдали заработало сразу несколько пулеметов. Над головой густо зазвенел и стал дрожать воздух. Неожиданно грохот артиллерии сразу оборвался и наступила какая-то странная тишина, нарушавшаяся только треском пожара в деревне. Через минуту артиллерийский обстрел возобновился, но снаряды стали ложиться далеко за деревней по шоссе, которое обстреливалось утром. Неприятель освобождал место для атаки своей пехоты и устанавливал завесу против идущей к нам цепи.

Горцы в цепи также прекратили стрельбу, поснимали бурки и, закинув за плечи винтовки, готовились встретить неприятеля в шашки и кинжалы. Несмотря на то, что австрийские цепи были уже вблизи, вывернувшийся прямо на меня из ряда копен австриец, поразил внезапностью появления. С бешено забившимся сердцем, я прицелился в него из карабина и, затаив дыхание, спустил курок. Фигура, в голубом мундире, перекрещенная белыми ремнями снаряжения, остановилась, замахала руками и, провалилась как сквозь землю. Был ли он убит, ранен, или просто испуган близко пролетевшей пулей и лег на землю, осталось для меня неизвестным, так как тягучий звук трубы "по коням", раздавшийся сейчас же за моим выстрелом, подал сигнал к отступлению. Громыхая редкими выстрелами, наша цепь стала отходить к деревне, из-за крайних хат которой виднелись наши кони с коноводами.

Не успели мы, однако, дойти до первых хат деревни, как нам навстречу, с воем и визгом, выскочила развернутой лавой сотня Татарского полка и понеслась на австрийцев. Австрийцы, только что показавшиеся из-за копен, на чистое место, от неожиданности дрогнули и смешались. Промчавшиеся с тяжелым храпом и топотом коней через нашу цепь, татары, преследуя повернувших назад австрийцев, скрылись за копнами. Уже будучи на улицах деревни, мы услышали многоголосый крик удара в шашки.

Это была, виденная мною лишь отчасти, знаменитая атака татарской сотни ротмистра Трояновского, за которую он был награжден Орденом Св. Георгия. Атака эта отбросила первые австрийские цепи, смешала их и дала возможность подойти к нам на помощь пехотной бригаде. Татары, прорвав австрийские цепи, положившие оружие, наткнулись дальше на резервы, встретившие их залповым огнем. Бросившие было винтовки, перед атаковавшими их татарами, передние цепи снова взялись за оружие, и сотня Трояновского, под перекрестным огнем понесла большие потери. Прорвавшись тем не менее назад, к своим, татары за предательство не оставили в живых ни одного из захваченных пленных. У Трояновского была убита лошадь и он сел к одному из своих всадников на коня.

Посадив сотню на коней, наш командир повел ее через горящую деревню. Мы мчались между двумя сплошными стенами огня, по улицам, заваленным тлеющими бревнами ,под гул и треск пожара. Пули пели над головами и я, находясь во главе первого взвода, был почти уверен, что нас перебьют на половину в этом двойном аду пожара и войны. Храпя и ежеминутно шарахаясь в стороны, мой вороной прыгал поминутно через бревна и развалины, преградившие дорогу. Сзади, громко стуча копытами, с десятками лошадиных всхрапов, мчалась сотня. Дым слепил глаза и неудержимый кашель стоял нада сотней, как на довечьим стадом. Через несколько минут скачки с препятствиями, мы вынеслись, наконец, на какую-то площадь, где воздух был посвежей. Здесь, стоял встревоженный Абелов — помощник командираа полка, приводивший в порядок беспорядочную толпу второй сотни, только что выбитую австрийцами с окраины деревни. Ее командир ротмистр Апарин, стоял здесь же, вытирая пот с красного лица:

— Шенгелай! Выведите сотню из деревни и займите окопы на горе, — приказал, после минутной передышки Абелов.

Мы вышли рысью из деревни, перешли уже знакомый мостик и спешившись, заняли на полгоре за деревней, какие-то временные окопы. Откуда-то появившийся толстый полковник Татарского полка — Альбрехт принял командование над нашими двумя сотнями, где были остальные, я не знал.

Этих проклятых окопов, в которых можно было спрятаться только до пояса, я не забуду до гробовой доски. Не успели мы их занять, как австрийцы открыли ураганный артиллерийский обстрел очередями. Полчаса, проведенные здесь, показались мне целой вечностью. Воздух гудел и сотрясался, осколки гранат, как черти выли по всем направлениям, шрапнельные трубки с воем впивались в землю под самым носом. Ахмет, прижавшийся ко мне вплотную, дрожал мелкой, собачьей дрожью, шепча какие-то мусульманские молитвы. В довершение обстановки, кто то из крайнего взвода запел хриплым и диким голосом магометанскую молитву, которую поют горцы в минуту смертельной опасности.

За полчаса, из сотни, ранеными, убитыми и контуженными, выбыло около пятнадцати всадников, во главе с тяжело контуженным разрывом гранаты Агоевым. Весь, засыпанный с головы до ног землей, фонтаны которой сплошной стеной стояли вокруг, я тоскливо ждал конца, совершенно оглохнув от артиллерийского гула.

Вдруг, тихий говор пронесся по цепи, от одного

края до другого. Я машинально поднял голову, все всадники, высунувшись из окопов, несмотря на обстрел, смотрели куда-то назад. Я повернул голову и сразу почувствовал радостное чувство освобождения. Огромное, уходящее с наклоном к нам поле, было покрыто, насколько только хватал глаз, ровными, серыми цепями нашей пехоты, шедшей на выручку. Медленно двигались серые фигуры, такие спокойные и такие родные. Молча, не спеша, деловито, шли вперед малорослые солдатики в серых шинелях и, я, здесь впервые, со всей остротой, почувствовал и понял, что истинным хозяином войны и настоящей силой армии была и всегда останется эта скромная и многострадальная пехота, а не какой-либо другой род оружия и, уж, конечно, не наша, такая декоративная и обвешанная с ног до головы бесполезным здесь оружием дивизия горцев. Видимо, эти мысли пришли в голову не одному мне, так как крепкий, как кряж, бородатый капитан, проходивший в это время мимо меня с одной тросточкой, с нескрываемой иронией покосился на наши, засыпанные землей и бесполезные здесь кинжалы, револьверы и шашки.

Присев за пригорком в лощине, за окопами, чтобы перевести дух, мы тихо делились впечатлениями. Командир сотни, лежа на животе, писал донесение, люди оглядывали и успокаивали обрызганных грязью и забросанных землей коней, подведенных к нам коноводами, попавшими по дороге под артиллерийский обстрел. Прискакавший в это время от Абелова, на тревожно храпевшем коне, всадник, привез полковнику Альбрехту какой-то приказ.

Полковник передал конверт Шенгелаю. Этот, последний, сразу вскочил на ноги и скомандовал сотне "по коням". Звеня стременами и шашками, сотня села и сдержанным галопом спустилась опять к деревне. Австрийцы прозевали наше появление на горе и очередь легла далеко сзади. Опять знакомый деревянный мостик, запах болота и тины и, сотни, мешая ряды, взлетели на узкий настил гати. Сзади треснули и обвалились перила моста. Захрапела испуганная лошадь и копыта на перебой застучали по настилу. В это время австрийская граната разорвалась среди пехотных цепей, впереди нас. Бурый столб разрыва, разметав цепь, положил на месте бородатого капитана. Над воронкой тихо опадал, рассыпаясь, дым. Вторая граната звучно шлепнулась в грязь болотца и лопнув, обдала нас грязью и водой. Позади уходившей, от обстрела, карьером сотни, билась, рядом с мостом, чья-то раненая лошадь, тщетно стараясь подняться.

Полная жизни утром деревня, теперь представляла груду дымящихся развалин, была совершенно пустынна и только, на одном из поворотов улицы мотнулась от тяжелой массы людей и лошадей чья-то жалкая фигура. На деревенской площади, где мы сдержали храпевших и сразу взмокших коней, граната грохнула в одно из окон костела и обвалила стену. Посыпались кирпичи и из черного пролома вырвался желтый клуб дыма...

У лежащих на земле, сломанных ворот, один из горцев перевязывал товарища. Раненный, оскалив белые зубы, держал поводья обоих лошадей. Широкий бинт неумело ложился вокруг головы и из-под него по впалым щекам и острой бородке текла ручьем кровь.

Получив распоряжение от бывшего на площади Абелова, мы на рысях вышли из деревни в уже знакомое поле с копнами, на котором теперь лежали кое-где австрийские трупы.

Здесь Шенгелай остановил сотню, выравнял ее развернутым фронтом и, вытащив из ножен широкую шашку, скомандовал хриплым голосом:

— Пики к бою!... Шашки вон!.. Вправо по полю... рысью марш!..

Сотня заколыхалась и двинулась вперед, раздвигаясь на ходу в ломанную линию. Впереди, слева направо, закачалась шашка командира. По лошадиным крупам забарабанили плети и мой вороной, дрогнув всем телом и заложив уши, стал набирать скорость. Миновав две наши цепи, мы увидели вдали, отступавшие фигуры австрийцев. Навстречу сперва один, а затем сразу несколько, заработали пулеметы, и над головой завыли пули. Какое - то озерцо, в котором смачно чмокали и шипели, накаленные в полете пули, обрызгало мое лицо холодной грязью. С колотящимся, как молоток сердцем, я лег на шею остро-пахнувшего потом коня. За спиной загудела земля сотнями копыт и лошадиных храпов. Внезапно, перед глазами взметнулась голова вороного и я почувствовал, что куда-то лечу, после чего, ощутив оглушительный удар об землю, я потерял всякое представление о чем бы то ни было.

Оглушенный падением и не понимающий, что случилось, я пролежал на земле не меньше пяти минут; поднявшись на ноги, я не увидел вокруг себя ни одного человека. Конь лежал в пяти шагах сзади, неподвижно, и только задние ноги его и мокрый от потя бок дрожали мелкой дрожью. На месте головы лошади на земле расплывалась большая, красная лужа, пузырившаяся у шеи. Повернувшись, чтобы подойти к убитой лошади, я вдруг почувствовал гул в ушах и острую боль в плече и ноге, и принужден был сесть на землю. Как оказалось, шрапнельный стакан, снес голову вороному, и воздушной контузией ушиб мне грудь. При падении, я, кроме того, вывихнул плечо и разорвал связки на колене. Контузия отразилась на слухе, и я первую неделю в госпитале, постоянно слышал какой-то гул, который принимал за дальнюю артиллерийскую стрельбу. В лазаретах, сначала в Киеве, потом в родном Курске, а затем в Абасс-Тумане я провел почти год, после чего был причислен к 3-му разряду раненых и больше в полк не вернулся, получив назначение на административную должность в Генерал-Губернаторство Областей Турции, занятых по праву войны.

Анатолий Марков

Генерал-майор Яков Петрович Кульнев и его гусары

Кто же пьет под звук гитары?
Это Кульнева гусары"

У Русского Царя в чертогах есть палата
. . . .
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных, наших сил,
Покрытых славою чудесного похода,
И вечною памятью двенадцатого года.
Но в сей толпе суровой
Один меня влечет все больше...

Суровые воинственные черты лица, богатая, кудрявая растительность, особенно густые бакенбарды, придающие "волчий вид" одухотворенному лицу, а главное задумчивый грустный взгляд, уходящий куда-то в неведомую, таинственную даль, в бесконечность, где читаешь смерть и вместе с ней бессмертие. Я остановился и прочитал: Генерал-майор Яков Петрович Кульнев.

Кавалер орденов: Св. Анны 1-й степени, Св. Георгия 3-й степени и Прусского "Пур лэ мерит", имеющий золотую саблю с алмазами и надписью: "За храбрость", родился в 1763 г. в гор. Люцине, уездном городе Витебской губернии.

Происходя из небогатого дворянского рода, 8-ми лет поступил в Сухопутный Кадетский Корпус, в эпоху расцвета этого военного заведения, при знаменитом директоре Бецком, который окончил с большой серебряной медалью, и в 1785 г. выпущен поручиком в Черниговский пехотный полк.

Но судьба предназначила ему быть кавалеристом, и в том же году он переведен в С. Петербургский Драгунский полк, с коим пошел на вторую Турецкую войну, где был отмечен кн. Потемкиным 3.XI.1789 г. при сдаче крепости Бендер.

После Ясского мира, переведен в конно-егерский Переяславский полк, в корпус генерала Кнорринга, и участвовал в делах под Ошмянами, Лидою и у Вильно во время Польской войны. Корпус ген. Кнорринга присоединился к Армии Суворова, и Кульнев имел счастье обратить на себя внимание его.

Участвовал далее в разбитии польских войск Сераковского у Кобрина 4.IX.1794 г., преследовании поляков, в деле у селения Муховца и совершенном рассеянии их 8.IX у Брест-Литовска, где смелая кавалерийская атака и удар в штыки решили сражение. За сии дела произведен в ротмистры.

5.000-й отряд Мокрановского был охвачен у Кобылки, в 14 вер. от Праги. Кульнев находился в бою, где командовал сам Суворов. Поляки были истреблены. При штурме Праги 24.IX, русская конница прикрывала артиллерию, шедшую с резервами, за 7-ю штурмовыми колоннами; она ворвалась в Прагу, где пехота завладела валом, Кульнев с Переяславскими конными егерями, один из первых, вскочил в Прагу. 7.XI.1794 г. награжден чином майора. Переяславский конно-егерский полк вскоре был расформирован.

Кульнев был переведен в Сумский гусарский полк, стоявший тогда в гор. Сумах. Суворов в это время венчал лаврами русское оружие в Италии. Пылкой душе Кульнева наскучила однообразная жизнь мирной стоянки, в глуши, с обыденными балами и гусарскими пирушками; его манило на простор в ту неведомую, запретную даль, куда глядели глаза, как поет Шиллер в этой, родной всякому кавалеристу "Песни кавалериста":

— Живей друзья. На коня, на коня.
На поле! На волю честную!
На поле, на воле ждет доля меня.
И сердце под грудью я чую,
Кто смерти бестрепетно выдержит взгляд,
Один только волен, а кто он?.. Солдат.

Он надеялся участвовать в кампании 1805 года и отличиться.

"У войны свои прихоти на добро и зло и надо полагаться на волю Божию. Для чести и славы России не буду щадить живота своего", писал он брату. Но пламенное его желание не сбылось.

Полк в войне не участвовал. Потеряв надежду, Кульнев хотел оставить службу. Наконец, мечты его исполнились. Он был переведен в Гродненский гусарский полк, впоследствии Клястицкий, в чине подполковника, и выступил в летний поход 1807 г. Это была золотая пора истинного гусарства, полное военное братство, солдаты спасали в бою офицеров и наоборот. Все, сопряженное с риском, привлекало молодых офицеров; кража невест, волокитство, играли в карты даже на походе, верхом. Повод закладывался за левую руку, в которую брали карты, правою рукою снималась первая карта и клалась под правую ногу, вторая под левую, и т. д. Нигде, никогда не существовало такого истинного товарищества, как у гусар тех времен. Сплетень, подстрекательства не было — выключали из среды. При ссорах примиряли седые офицеры, перед авторитетом которых преклонялись.

Ф. В. Булгарин пишет: "Корпус офицеров в кавалерийском полку — это была одна семья, все было общее: и деньги, и время, и неприятности, и опасности". На саблях дрались из-за каждой мелочи, до первой крови, а затем, в ресторане — мировая за стаканом вина. На пистолетах редко — при вопросах чести. Кутили, бушевали; смелость, храбрость, лихость нижних чинов, воспитанных на преданиях старины — рассказы ветеранов:

"Свищет пуля — не моргни.
Если в деле — руби смело.
Коль в атаку повели,
Ты меня не задержи.

Богу душу поручи:
Есть нужда, так уж умри".

Кульнев ожил духом. Состоя в отряде генерала Платова, Гродненский гусарский полк, будучи разделен на мелкие отряды, вел бои с частями ген. Занончека, в коих особенно отличался Кульнев. Находясь в авангарде, сражался при Гутштадте 24.V.1807 г., а на другой день, с 2-мя эскадронами гусар, преследовал французов, вытесненных из Александорфа. Сбитый с позиций при реке Пассарге, неприятель хотел защищаться, рассыпав стрелков. Кульнев со своими и Ридигера эскадронами атаковал их, опрокинул и взял более 100 пленных. Увидя на другом берегу обоз, бросился вплавь через реку, отбил мортиру и до 40 ящиков с амуницией. Французы бросили на Кульнева 3 эскадрона. Он взорвал ящики, атаковал французов в конном строю, отбросил за милю, а сам отвел свои эскадроны, в виду превосходных сил неприятеля, за реку.

Здесь произошел подвиг рядового Гродненского гус. полка Акима Плеша, ярко рисующий доблесть гусар тех времен. Дав своему прикрытию, под командой унтер-офицера Кузьмина, кинуться в реку, Плеш бросил горящий фитиль. Страшный треск произвел тревогу в обоих армиях. Кульнев со своими эскадронами был уже на своей стороне. Плеш плыл верхом, а Кузьмин держал под уздцы пленного французского гусара.

После этого дела имя Кульнева стало хорошо известно в армии. Вручая ему орден Св. Владимира 4-й степени с бантом, генерал Беннигсен добавил:

"Шум ваших побед дошел до меня".

29.V. Кульнев участвовал в Гейльсберской битве, а 2.VI у Фридланда. Во время одной атаки, Гродненский гусарский полк, увлеченный известной пылкостью, был окружен французами. Плен Кульнева казался неизбежным, но он со своими гусарами пробился через превосходные силы неприятеля. Император Александр I наградил его чином полковника и орденом Св. Анны 2-й степени, а товарищи стали произносить его имя с большим уважением.

После Тильзитского мира началась война со Швецией.

"Люблю нашу матушку Россию за то, что у нас всегда где-нибудь, да дерутся", — радостно говорил Кульнев.

В ожидании подкреплений, шведские генералы отступили на север. Кульнев преследовал отряд ген. Адлеркрейца, отходивший от Таммерфорса через Киро, Нумиярви и Иллистро. Адлеркрейц с тысяча семьсот финнами шел безостановочно, среди вьюг, метелей, мороза до 25° по Реомюру. Кульнев не отставал от неприятеля, снабжавшегося населением. Лишенный вообще интендантского подвоза, действовавшего медленно и слабо, он отчаянно боролся с лютой стужей, голодом и лишениями.

Как только Адлеркрейц останавливался, на него нападал Кульнев. Нельзя было вводить в схватки много людей в узких, лежавших между снежными сугробами, тропинках. Как звероловы перестраивались солдаты, шли поодиночке, кидались на своих противников в штыки и приклады.

В конце марта Кульнев достиг Гамле - Карлебю, где поступил под начальство генерала Тучкова 1-го, пришедшего из Куопио и направившего его для наблюдения за шведами. 1.IV. со свойственной ему быстротой, настиг Кульнев шведов у Лалаиоки и опрокинул их передовые посты. 4.IV приблизился к Пихаиоки. Пехота наша, три батальона с 6-ю орудиями, шла береговою дорогою, а два эскадрона Гродненских гусар и 200 казаков, левое крыло, тянулись по льду Ботнического залива, не далеко от берега. Вскоре Кульнев догнал шведов, ставших на позицию. Пока пехота и артиллерия встречали русских пушечным и ружейным огнем, Нюландские драгуны пошли, льдом залива, в обход левого крыла. Кульнев приказал передовым казакам отступить, заманивая неприятельскую конницу, уже расстроенную движением по льду. Дав Нюландским драгунам приблизиться, Кульнев атаковал их своими гусарами и казаками, смял и преследовал по гладкой поверхности льда. Много драгун пало, а 70 взято в плен, среди них, руководивший операцией, начальник штаба шведских войск граф Левенгельм с адъютантом. Казаки, ранив его пикою в горло, собирались убить.

— Кульнев, Кульнев, спасите меня!, — кричал граф, увидя приближавшегося Кульнева, который немедленно бросился к нему, вызволил из рук казаков, вытер кровь и отвел в сторону. Сделавшись впоследствии известным дипломатом, Левенгельм всегда, с восторгом и умилением, говорил о Кульневе. Видя поражение конницы, шведская пехота отступила и была преследуема Кульневым до Пихаиоки. Шведский арьергард остановился у Брагештеда, был сбит и теснимым Кульневым до Сикаиоки, где, получив подкрепление, остановился. В 2-х верстах стояла шведская армия, успевшая уже соединиться.

Не зная о близости неприятельских главных сил и разделяя мнение Главнокомандующего о дальнейшем их отступлении, Кульнев атаковал авангард у Сикаиоки, прямо в центр. Сопротивление было сильнее обыкновенного, и Кульнев приказал обойти фланги, ослабив свой центр. Получив подкрепления, шведы ударили свежими войсками на центр расположения русских. Превосходство сил, несмотря на стойкость наших войск, заставили Кульнева отступить, потеряв убитыми, ранеными и пленными 350 человек. Шведы, провозгласили Сикаиокскую победу, а Кульнев, не щадя себя во время боя и кидаясь в самые опасные места, после не скрывал своего горя, что первая неудача в Финляндии выпала на его долю.

Здесь началась вторая, самая тяжелая часть кампании, отступление зарвавшейся и разбросанной на большом пространстве Русской армии. Отбросив Кульнева, шведы 15.IV атаковали отряд Булатова, разбили его на голову, взяв его самого в плен с про-

стреленной головой, а затем стали обходить левый фланг Тучкова 1-го. Огромное превосходство в силах, а также восстание народа, бывшего раньше вполне лойяльным, заставили Тучкова 1-го отступить на 150 верст до Гамле-Карлеби. Во время отступления, арьергардом командовал Кульнев. Приходилось бороться не столько с неприятельской армией, сколько с вооруженным народом, ломавшим мосты и плотины. Скрываясь в засеках, на скалах и в дремучих лесах, он производил внезапные нападения. Сражаясь в продолжении целого дня, Кульнев должен был личною бдительностью предохранять отряд свой от набегов ночью: "Я не сплю и не отдыхаю, чтобы армия спала и отдыхала". Он, можно сказать, надевал на себя одежду при начале войны, а снимал при заключении мира. Ночью снимал только саблю, кладя у изголовья. Только днем, получив известие от дальних разъездов, позволял себе умыться, переменить белье. Конь стоял всегда оседланным у ночлега. При первом известии о выстреле или движении неприятеля, с ординарцем или вестовым, являлся в цепь и лично удостоверялся, нужно ли поднимать весь авангард или его часть.

Ночью каждый, возвращавшийся начальник разъезда, обязан был будить его и доносить о виденном, что и происходило 7—8 раз за ночь. Малейшая оплошность начальника могла быть гибельна отряду, но искусно одолел Кульнев все трудности отступления.

Между морем, по которому мог приплыть враг, и взволнованным народом, гнездились наши гусары между прибрежными утесами, где, стоя на посту, были часто атакованы партизанами. Наши транспорты отбивались неприятелем до прибытия в отряд. В апреле началось таяние снегов. Сама природа остановила продвижение шведов. В июне операции возобновились.

Авангардом корпуса Тучкова 1-го, поступившего под начальство генерала Раевского, с целью соединиться с отрядом генерала Барклая-де-Толли, шедшим из Куопио, командовал Кульнев. Войдя в связь с Барклаем-де-Толли, Кульнев возвратился к Раевскому, стоявшему у Лаппо, при нападении на который он снова отличился.

После сражения у Лаппо 1.VI.1808 г. Раевский вынужден был отступить к Алаве. Кульнев прикрывал отступление, борясь с еще большими трудностями, чем при отходе от Гамле-Карлеби, ибо народная война была в полном разгаре. Подвергаясь нападениям днем и ночью, войска Раевского, оберегаемые Кульневым, не имели хлеба, солдаты рыли землю, искали картошку и, не находя ее, питались корнями. Не унывал Кульнев и бодростью духа и умением обращаться с солдатами поддерживал истощенные силы своего отряда. Находясь в тяжелом положении, Раевский созвал военный совет, на который был приглашен и Кульнев.

Единогласно решено было отступление, но оно было непродолжительным. В половине июля корпус Раевского принял будущий герой Финляндской войны генерал Каменский; широкое поле деятельности открылось для неутомимого и пылкого Кульнева.

Прибыв 14.VII к войскам, Каменский сначала продолжал отступление и стал между озерами Ланге и Паяна, от Кутоиса до Кумолакса. Шведы стояли у Сальми, где их главнокомандующий, граф Клингспор, ожидал подкреплений. Две недели прошли в бездействии. Отряд ген. Каменского был усилен до 10.000 человек, при 38 орудиях. Прибыл в том числе и 2-й батальон Л.-Гв. Уланского полка. Запасшись продовольствием, граф Каменский перешел в наступление, имея от главнокомандующего, графа Буксгевдена, вместо оперативного плана приказ: "Победить!" "Не взирая на мало число войск ваших", — писал ему Буксгевден, — "Вы должны разбить неприятеля. Боже помоги успехам вашим. Взоры всей армии устремлены на Вас".

Каменский вручил авангард, конечно, Кульневу, и двинулся из Алаво 19.VIII, намереваясь атаковать графа Клингспора, занимавшего сильную позицию впереди Сальми, у Куортанского озера. Под начальством Кульнева были: 3-й егерский полк, три роты Петровского, два эскадрона Гродненских гусар, казаки. Он повел атаку на шведов, засевших в редуте у Кухолашбы, с фронта, а конница охватила их с флангов, чтобы перехватить врага, в случае отступления. Видя это, шведы отступили до Маенея, построившись за рекой, где был у них шанец; Кульнев повторил маневр, и шведы побежали, преследуемые по пятам. В пылу погони, Кульнев вскочил на мост при Руона, длиною в 100 сажень, защищаемый батареями. Встреченный убийственным огнем, Кульнев должен был возвратиться и поставить свой авангард в виду главной позиции гр. Клигспора.

20.VIII произошло Куортанское сражение, отличавшееся особым упорством и ожесточением сражавшихся. Обе стороны остались на занимаемых ими позициях. Ночью, Каменский решил, наконец, отступить и приказал обозам вытягиваться на большую дорогу. В это время явился Кульнев.

— Граф! Шведы отступают.

Как всегда, последним предаваясь сну, Кульнев, после боя объезжал поле сражения, проверяя передовые цепи. Всматриваясь в шведский лагерь, он заметил, что их ведеты стояли реже обыкновенного, и было мало движения. Опытный взгляд угадал отступление. Каменский, ласковый с офицерами и солдатами, но гордый с генералами, бросился, при этой вести, на шею Кульневу. Это была самая большая заслуга Кульнева на всем его боевом поприще, даровавшая России победу в этой войне.

Ведь Каменский собирался уходить, шведы провозгласили бы себя победителями, и от России потребовались бы новые, большие усилия. Посланные Кульневым на разведку казаки донесли, что шведский лагерь пуст. Мост был починен и Кульнев, идя как всегда впереди, догонял шведов. Настигши их арьергард у Сальми, после троекратных атак, завершенных штыковой, он сбил их с позиций и гнал 10 верст. Граф Клингспор отступил к Оровайсу, тесни-

мый Кульневым. Позиция шведов считалась неприступной и Каменский приказал не начинать сражения, но нетерпеливый Кульнев ввязался в бой и, теснимый, во много раз превосходящим его неприятелем, вынужден был поспешно отступить. В это время подошел Каменский с главными силами. Была не битва, а побоище. Казалось неприступная, позиция была взята и на ней развился русский флаг.

Каменский, зная горячее, пылкое сердце Кульнева, всегда стремившегося итти вперед, не считаясь с препятствиями, не осудил его за ошибку, дав возможность загладить ее смелым преследованием, а кроме того, представил его к чину генерал-майора, считая Кульнева творцом победы. Здесь особенно ярко доказала свое превосходство новая тактика, введенная Кульневым — усиливать цепи застрельщиков не в центре их расположения, что легко обращало их в беспорядочную толпу, а на флангах; прорвавшийся неприятель сам попадал в клещи.

Кульнев, желая поддержать свою горячо любимую мать, находившуюся в затруднительном материальном положении, просил заменить ему повышение чином — денежной наградой. Император Александр I пожаловал ему орден Св. Георгия 3-й степени и 5 тысяч рублей, кои были, до копейки, переданы матери.

“За Богом молитва, за Государем служба не пропадет. Я счастлив”, — писал он брату.

Каменский решил использовать победу под Оровайсом и неуклонно шел вперед, имея впереди отряд Кульнева, имевший ежедневно перестрелки с неприятелем. Путь был очень труден — много речек и проливов, возобновление разрушенных мостов, переходы в брод.

11.IX Кульнев взял Гамле-Карлеби и продвинулся на три версты, но, остановившись у разрушенного моста, получил приказание дальше не идти, так как Главнокомандующий граф Буксгевден заключил 17.IX у Лахто перемирие со шведами. Гамле-Карлеби осталось за русскими и в нем стоял эскадрон Гродненских гусар, совсем оборвавшихся за поход. Русские и шведские офицеры ездили друг к другу в гости. Скромное угощение сопутствовало пирам и “беседам” — водка и карты. Между недавними врагами господствовало взаимное уважение и побратимство. Не случилось ни одного недоразумения между “гусарами Кульнева”, как тогда уже называли Гродненских гусар, и шведами.

Император Александр I прекратил 7.X.1808 г. перемирие, заключенное на севере между гр. Каменским и гр. Клингспором. Военные действия возобновились. Каменский пошел 20.X вперед, имея во главе Кульнева, который повел свой авангард на неприступную позицию при Химанго, оставленную шведами и догнал их при реке Каланоки, на укрепленных высотах. Дороги были испорчены, гусары утопали в грязи, мосты разрушены, продовольствия больше, чем недостаточно. Но, несмотря на это, Кульнев отбросил неприятеля 25.X за реку, но был там встречен артиллерийским огнем и вынужден остановиться. На следующий день подошел Каменский. Шведов необходимо было отбросить хотя бы уже из-за отсутствия продовольствия, которое надеялись найти в неразоренной еще войною местности, до прибытия запоздавших интендантских транспортов. 28.X у Пиотиса Кульнев был контужен, но остался в строю и стал у Каланоки, а Каменский повел корпус в обход по болотам. Заметив движение русских, шведы отступили, но Кульнев, не упуская их из вида, гнал до Пихаиоки. Здесь помог мороз. 2.XI.1808 г. река покрылась ледяною корою, на нее настлали солому, положили доски и поливали водою. Лед хрустел, но пройти удалось. Лошади пошли не по доскам, а вплавь расседланными — для них лед прорубили. Гусары шли по сделанной дорожке, а седла везли в лодках. Каменский повторил свой фланговый марш, шведы отступили, очистили Брагштедт и остановились у Сикаиоки, где уже побывали русские войска, во время весеннего похода, под командой того же Кульнева. Генерал Киеркер, сменивший гр. Клингспора, видя безвыходное положение, просил перемирия, уступая Улеаборг, с тем, что шведские войска очистят Финляндию до Торнео.

7.XI было заключено 2-е перемирие “Олькиокская Конвенция”. Русские заняли всю Финляндию. Гродненские гусары растянулись аванпостами вдоль реки Кеми. Для того, чтобы уяснить, хоть немного обстановку, при которой приходилось чудо-богатырям Кульнева завоевывать дику страну, где климат и природа были куда страшнее неприятеля, обратимся к Ф. В. Булгарину:

“В августе холода. В октябре морозы. В ноябре полная зима. Северный ветер под 66° северной широты, жег, как пламя; почти у всех щеки были покрыты струпьями. На бивуаках дежурные должны были обходить спящих и будить тех, у кого заметят следы отмораживания. Хуже всего было стоять на аванпостах, без огней, в ужасную стужу, в открытых местах. Приходилось закрываться от ветра срубленными елками, в виде веера, и плясать, т. е. перепрыгивать всю ночь с ноги на ногу, размахивая руками. Мундиры все изорвались; одежда — добытое тряпье; обуви недоставало. У Пиоптиса, так как стужа не успела скрепить почву, русский отряд очутился по пояс в топях и воде. За 8 часов прошли 5 верст. Гусары шли пешком, так как лошади не могли ступить по болоту, у людей, тянувшихся полузамерзшими тундрами, ноги коченели от холода, головы горели, пот лил с лица градом. По словам финского поэта Рунеберг:

“Мерз до костей и голодал,
Но побеждал, страдая”.

Так прошел Кульнев три раза Финляндию, два раза во главе авангарда, а один раз арьергарда, т. е. всегда выносил на себе всю тяжесть боев, сражаясь не только с врагом, но и природой, день и ночь не сходя с коня, ночуя на биваках, среди снегов или непроходимых болот, со свежими лаврами, но нередко без куска хлеба, ибо никакие обозы не поспевали, а интендантство плохо справлялось с поставленной задачей.

Как с покорением Кавказа тесно связано имя славного Нижегородского Драгунского полка, так с завоеванием Финляндии — доблестного Гродненского Гусарского и его героя Кульнева, который не только охранял армию и прокладывал дорогу, но был ее действительным "оком", что и привело к Куортанской победе, решившей кампанию: в те времена это была одна из важнейших задач кавалерии, особенно легкой.

12.XII.1808 г., через семь с половиной месяцев после производства в полковники, Император Александр I наградил его чином генерал-майора. 20.XII. 1808 г. все 10 эскадронов Гродненских гусар поступили в Нюландский корпус генерала Боговута.

В Гельсингфорсе парад "героев в лохмотьях" принимал гр. Буксгевден, смененный вскоре генералом Кноррингом, приказавшим Гродненскому полку идти к старой финляндской границе, для пополнения конского состава.

Непреклонная воля Императора Александра I определила кончить войну перенесением операций в недра шведского государства. Кн. Багратиону была указана дорога на Стокгольм, через Аландские острова, пока, союзница русских в данный период, северная зима, покрывала ледяным мостом пространства Балтийского моря от Финляндии до Швеции.

Поэтому только 2-й батальон Гродненцев, пять эскадронов, пошел к русской границе в Ребольский погост, Олонецкой губ., а 1-й был присоединен к 17.000 корпусу кн. Багратиона, собиравшемуся, в конце февраля 1809 г. между Або и Ништадтом, для похода на Аландские острова. Кульнев, батальон Гродненцев принял, и был затребован кн. Багратионом из Або в Гельсингфорс.

В этот день князь Багратион давал жителям столицы Финляндии бал. Это была та славная, рыцарская пора, когда бои сменялись балами, недавние враги пировали вместе, уважая и отдавая должное друг другу; лилась кровь, но вскоре она терялась в потоках вина, залечивавшего раны.

Одевшись в парадную форму, Кульнев поспешил на квартиру кн. Багратиона. Как только он вошел в залу, все, танцовавшие, остановились, сидевшие встали с мест, а все общество кинулось благодарить его за сохранение спокойствия жителей, где командовал он — герой Куортани, Сикайоки, Оровайса. Отойдя в сторону, кн. Багратион и Кульнев составили план первоначальных операций, обессмертивших последнего в анналах русской истории.

Деревни на малых островах были сожжены шведами, жители перебрались на Большой Аланд, где у ген. Дебельна было собрано шесть тысяч отборного войска и 4.000 вооруженных крестьян, которым король приказал во что бы то ни стало отстоять архипелаг. Авангард, состоявший из Гродненских гусар, Донцов, Уральцев и лейб-казаков вел Кульнев. 26.II 1809 г. выступили на острова с юга. Шведы уходили без боя, и все затруднения похода состояли в тяжких переходах по взгроможденным глыбам льда, через груды снега и полыньи. Войско остановилось на снежных сугробах и ночевало на покрытом льдами море.

— С нами Бог! Я перед вами, а кн. Багратион за нами! На марше быть бодрым и веселым. Уныние свойственно одним старым бабам. По прибытии на бивак, чарка водки, кашица с мясом, ложе из ельника и спокойная ночь! — приказы Кульнева при выступлении из Финляндии.

Правительство в Швеции переменилось и желало мира. К русскому Главнокомандующему были посланы парламентеры. Они были пропущены в нашу Главную квартиру, но кн. Багратион шел дальше. Идя во главе колонны гр. Строганова, забирая пушки и пленных, Кульнев настиг арьергард шведов у Эккера, на крайнем западном пункте острова. Разбитый он поспешно бежал в Швецию.

У Фребенсби, гусары атаковали на льду неприятельский арьергард, взяли 400 пленных и отбили знамя Сюдерманландского полка. У острова Сигналскера взяты снова с боем 2 пушки, 144 пленных, а полк. Энгельбрехтен с 14 офицерами и 422 ниж. чинов положили оружие. Бросая оружие, обоз, противник бежал в Швецию.

Главнокомандующий приказал оставить на Аландских островах отряд кн. Багратиона, а на шведский берег послать через Аландсгаф только конный отряд в составе 3-х эскадронов Гродненских гусар, Лейб-Уральской сотни и 400 Донцов, под командой Кульнева. Прибыла обувь и обмундирование; многие до этого тряпьем обматывали ноги.

Собравшийся у рыбачьих хижин Сигналскера отряд, услышал хорошо знакомый, грозный голос:

— Поход до шведских берегов венчает все труды наши. Сии волны истинная награда наша, честь и слава бессмертная. Море не страшно тому, кто уповает на Бога. Отдыхайте же товарищи!

Ночью выступил Кульнев. Шел 8 часов по следам шведов, через ледяные громады Аландсгофа, оглашаемые громом "ура".

Изумленные передовые отряды шведов не верили своим глазам, видя, как гарцовали казаки на льду моря. Шведские егеря встретили Кульнева за версту от берега. С обыкновенными его словами: "С нами Бог", — атаковали гусары шведов с фронта, казаки бросились с флангов и понеслись в их тыл. Шведы были смяты, бежали, оставив 86 пленных, и отстреливались из-за береговых утесов и деревьев. Кульнев спешил Уральцев, послав их перестреливаться, выстроил на льду спешенных гусар и потребовал сдачи прибрежного местечка Гриссельгама, уверив, что сопротивление бесполезно — идет сзади сильный русский корпус на Нертель, ближе к Стокгольму. Шведы прекратили бой.

— Благодарение Богу, честь и слава Российского воинства на берегах Швеции. Я с войском в Гриссельгаме воспеваю "Тебе, Бога, хвалим". На море мне дорога открыта, и я остаюсь здесь до получения ваших повелений, — докладывал Кульнев кн. Багратиону, который эту типичную депешу послал Императору Александру I.

От Гриссельгама до Стокгольма расстояние менее 100 верст.

Эскадроны расположились на большой дороге биваком, выслав разъезды вглубь страны. В этот же вечер в Стокгольме стало известно о появлении "Кульнева гусар" на шведской земле, что породило там панику.

Отряду угрожали две опасности: шведы, узнав о малочисленности отряда русских, могли выслать подавляющие силы, а, кроме того, перемена погоды. 7.III.1809 г. началась оттепель, что при южном ветре и прошедшем дожде угрожало взломом льда.

Посланный Кульневым, корнет Глебов привез от ген. Кноринга приказ, немедленно вернуться в Сингалсквер. В 6 часов вечера эскадроны достигли Аланда, море начинало вскрываться, пришлось сделать обход версты на 3. Сделав привал в Сингалскере, Гродненцы к утру 9.III пришли в Фребенсби, совершив, с потерею только четырех человек, поход, казавшийся немыслимым.

Прибывший в Або Император Александр I пожаловал Кульневу орден Св. Анны 1-й степени, а всем бывшим в Швеции войскам по два рубля и серебряную, на голубой ленте, медаль. Для России особенно важно было удержать Аландские острова, где был оставлен сильный гарнизон ген. Демидова, помощником был назначен Кульнев.

Военных действий больше не происходило, а по Фридрихсгамскому миру Финляндию и Аландские острова получила Россия.

В преданиях Гродненского Гусарского полка, "Поход через море" — стал вечной полковой легендой. Еще в 20-х годах прошлого века пели в нем:

"Вот вам, братцы, как ходили,
По льду к шведским берегам,
Да, как ворога разбили,
Как заняли Гриссельгам".

Б. фон-Царевский

(Окончание следует)

Могила героя

Где Кульнев наш, рушитель сил,
Свирепый пламень брани?
Он пал, главу на щит склонил,
И стиснул меч во длани.
Жуковский

В жизни часто бывают странные воспоминания... Они приходят вдруг; как будто свежий ветер налетел издалека в раскрытое окно... Всколыхнул занавеску, стряхнул пепел с догорающей папиросы и ушел, оставив на душе грусть.

Сегодня, глядя на заснеженные березы, я вспомнил, как, когда-то в Латвии, я посетил могилу героя Отечественной войны, генерал-майора, Якова Петровича Кульнева.

Тогда, также, как сегодня, стыли в розовом дымке морозные дали, также в серебряном инее стояли старые березы и злая поземка заметала дорогу.

Я вылез тогда из мучительно медленного товарно-пассажирского поезда на крошечной станции, в бывшей Псковской губернии, недалеко от советской границы.

Там, куда в снежной пыли, уходил, раскачивая сигнальным фонарем, последний вагон моего поезда — была Россия. Та Родина, которую я видел в последний раз сквозь грязный иллюминатор, мальчиком-кадетом, уходя на итальянском пароходе "Прага" из Новороссийска. Как давно это было...

Маленькая, занесенная глубокими сугробами, станция, жила своей незаметной, но кропотливой жизнью. Скрипя снегом, по платформе прошел начальник станции, с свернутым, полинялым красным флагом подмышкой. Из-за запотевшего окна дежурной комнаты слышался стук телеграфного аппарата. Где-то хлопнула дверь и чей-то женский голос, смешно цокая по-псковски, крикнул: "Аленка, идешь, что-ли?" Я оглянулся. От колодца, невдалеке, еле справляясь с огромными валенками, шла девочка-подросток, повязанная синим платочком. На ее детских плечах лежало гнутое крестьянское коромысло и покачивались два ведра воды. За станцией, на унавоженном, рыжем снегу, у изгрызенных деревянных коновязей понуро жевали сено несколько крестьянских лошаденок, запряженных в розвальни. Это была Россия...

—Кульнево-то? Эвоно, за лесом, баринок... — весело, блестя коричневыми, медвежьими глазками, сказал мне тщедушный мужичек, в рваном тулупе, подпоясанном веревкой, обдав меня запахом самогона. — За лесом, баринок.

Через полчаса я ехал, подпрыгивая на ухабах, к синевшему бору. Ходко бежала ладная крестьянская лошаденка, комья снега летели мне в лицо, и перед глазами маячила сбившаяся в сторону сыромятная шлея.

— Кульнев? — говорил за моей спиной подвыпивший возница, — знаем его. А как же? Герой... Отечественный... — затем он неизвестно для чего сплюнул в сторону и принялся скручивать козью ножку. Через минуту до меня долетел запах махорочного дыма. Мы ехали около часу молча.

— Вот оно, Кульнево, — сказал, наконец, возница, указывая кнутовищем вдоль дороги. Невдалеке на пригорке, окруженная старыми березами, стояла церковь. Бледное зимнее солнце тускло горело на ее крестах, давно не золоченных. Было видно, как редкие галки вились, борясь с ветром, вокруг ее зеленых куполов.

— Вот тут-ай и есть его могила... Отечественный!.. — еще раз убедительно повторил мой мужичек и, в сердцах, хлестнул свою лошаденку под заросшее зимней шерстью брюхо.

Мы свернули с большака и подъехали к домику настоятеля Кульневского храма. Маленький, с подслеповатыми, замерзшими окнами, весь заваленный огромными снежными сугробами, стоял он на косогоре, со всех сторон открытый ветрам. Полуразвалившийся плетень, около которого вились зигзагом следы, и жалась дрожащая под ветром рябина — все такое старое и бедное... такое родное.

На мой стук мне долго не открывали. Мне даже стало казаться, что дом пуст, но свеже порубленный хворост и чьи-то следы, ведшие от колодца к крыльцу, говорили о том, что в доме живут. Наконец, я услышал за дверью осторожные, шаркающие шаги. Дверь отворилась. На пороге стоял старик, в потертой лиловой рясе. Медный, местами позеленевший, крест висел у него на груди. Я попросил благословения. Батюшка благословил меня красной старческой рукой, глядя поверх меня в синее, холодное небо. Только теперь я увидел, что он был слеп... Я с трудом объяснил ему цель моего прихода.

— Так, так... — наконец, поняв меня, закивал он головой. — На могилу... Провожу, провожу, — бормотал он, одевая на голову меховой треух. — Уж, так и быть, провожу...

Через минуту мы шли с отцом Василием по заметенной снегом дороге, к церкви. Вокруг нас, с далеких снежных просторов, ветер мел поземку и печально и тонко пел в облетелых прутьях придорожных кустов...

— Сорок лет... вот этак... хожу... — бормотал, шаркая рыжими, кожанными колошами, подле меня, отец Василий, — Храм-то заштатный ныне... Попадью схоронил... Бог с ней... Сам ослепнул... все хожу... Раньше бывало, храмовой праздник... народу..., телег... из Петербурга некоторые господа приезжали, а теперь, тишь... холод Бог с ним... — и он, махнув рукой, закашлялся долгим старческим кашлем. Мы подходили к церкви.

Белая и легкая, в дивной прелести своего александровского ампира, она, как сказка, стояла на холме, окруженная столетними березами, убранными в серебро морозного инея.

Отец Василий вынул из-за пазухи огромный ключ и сняв свой треух — перекрестился: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа..."

Тяжело скрипнула зеленая, тяжелая дверь, и мы вошли в церковь. Было полутемно и гулко звучали наши шаги... Пахло ладоном и сыростью — так пахнет в пустых церквах, в старых гробницах. В занесенные снегом окна, с толстыми решетками, скупо пробивался дневной свет.

Направо у стены, — каменное надгробие... Несколько жестяных венков, с поблекшими от времени, георгиевскими лентами, прислонилось к нему. На зеленой от сырости стене, в стеклянном ящике, — кривая гусарская сабля, с георгиевским темляком. На гробовом камне старинной вязью начертано:

"Под камнем сим покоится тело героя Отечественной войны, генерал - майора Якова Петровича Кульнева", а еще ниже: "Прохожий. Кто бы ты ни был — воин, гражданин или купец, стань на месте сем, сними шляпу и почти память его слезою..."

Сын городничего заштатного городка Люцина — он грозил когда-то Стокгольму, перейдя по льду Ботнический залив... Наполеон сказал про него: "Если бы не этот Кульнев... мне было бы легче"... Это он взял в плен первого французского генерала и оставил ему его шпагу... Это его молодцы гусары пели песенку: "Не боимся Удино, он для нас одно..." Это он, этот огневой гусар, с заросшим бакенбардами лицом, лежа в луже собственной крови, в бою под Клястицами, крикнул:

— "Чего глядите?.. Ваше место там!.. По коням!..."

Все прошло... Осталась маленькая белая церковь среди снежных просторов... Остались эти черно-оранжевые ленты и на них "Клястицкие гусары — славному своему шефу".

Еще осталась слава — она вечна.

Кирилл фон Морр

ГЕНЕРАЛ КУЛЬНЕВ

Шведская песня, эпохи кампании 1808-1809 г.г.

Ведь вечер только настает,
Так разве вспомнить кой о чем?
Пусть речь о Кульневе пойдет,
Слыхал ли ты о нем?

Вот, тот умел — всем братом быть,
И умереть, и славно жить.
Он — первый в сечь, колоть, рубить...
И первый — лихо пить.

Своим, носившим смерть, клинком
Он нас глубоко уязвил,
Но также любим доблесть в нем,
Как будто б наш он был.

Хвала же Кульневу, любовь!
Легко ль найти бойца, как он?
Пусть часто пил он нашу кровь,
Таков войны закон.

Рунеберг

Скифская быль

(Окончание)

XI

Нелегко пробиваться сквозь дебри Кавказа...
А возможна нам, братья, дорога иная-ли? —
В непрестанных боях и от чумной заразы
Наши силы и так на две трети истаяли.

Коль обходом пойти, — в солончак Захвалынья, —
Наши кони подбились без корма и роздыха:
Не снести им путины в бестравной пустыне,
Без воды в полыханьи каленого воздуха.

Да коней мы и сами, пожалуй, не лучше,
Хоть бы нас в Захвалыньи враги и не трогали,
Кто из нас не поранен и хворью не мучан?
Так надежд на успех остается нам много-ли?

Тяжек путь по Кавказским крутым изволочьям,
Но обилен водой и лугами немалыми...
А что полон врагами — зато и короче, —
Лишь бы горными нам овладеть перевалами,

Пусть из тех перевалов ни один не свободен,
Пусть засеками подступы к ним загорожены,
Так ужели ж домой, на привольную Родину,
Топором и мечом мы пути не проложим?

Аль уже не по-скифски сердца наши бьются?
А о тех, кто поляжет в теснинах Кавказских,
По кочевьям родимым и песни споются,
И расскажутся внукам правдивые сказки.

XII

А и впрямь путинка вышла тяжеленька:
По тропам кремнистым и осклизлым так,
Что едва прохожи горному оленю —
Шел степной усталый скифский аргамак.

Сбиты в кровь копыта... голени изрезаны...
Изволочье каждое муками взято...
А коней и всадников, сверзнувшихся в бездны,
И полегших в стычках, — не считал никто.

По ущельям тесным, пропастям да осыпям, —
От Гаяна-озера до Кумы-реки,
Конские да скифские разметало кости,
Ржавые стремяна, шлемы да клинки.

Только, если было бы время для подсчета
Тех, кто не вернулся, вышедши на рать,
Вышло бы, что горцам дорогонько что-то
Обошлась попытка скифов доканать.

Не напрасно вдовы воинов кавказских
С — измала учили мальчиков-сирот,
Что со всеми биться можно без опаски,
А с единым скифом — просто не расчет.

Были горцами заняты все перевалы,
Все переправы и броды всех рек;
Каждые лаз и тропу преграждали
Груда завалов и гуща засек.

Сыпались сверху каменья и стрелы;
Кровь проливалась за каждую пядь;
Горцы из каждой щели то и дело
С визгом кидались на скифскую рать.

Но озверело, с рычаньем неистовым,
Грудью на грудь, и на стену — стеной,
Схватка за схваткой и приступ за приступом,
Скифы упорно ломились — домой.

И... проломились... Раскинясь без края,
Мягко струясь серебром ковыля,
С ласковым шелестом трав приняла их, —
Чад своих милых, — степная земля.

Дали степные сомкнулись за ними...
Ветром степным их следы замело... —
Так, что до нас только скифское имя
С древнею, скифскою славой дошло.

Словно народ тот на свете и не был...
Лишь с ветровеем, поющим в выси,
Скифские души, — меж степью и небом, —
Реют доселе над ширью Руси.

Меж морями с юга и лесами с севера,
От реки Урала по реку Дунай,
Нынче всюду села, шляхи да посевы, —
Тихий, мирный, сытный хлебородный край.

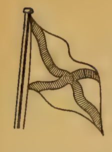
Отгремели сечи. Целина запахана.
Отошла навечно степовая быль.
Кости по курганам обернулись прахом.
Улетели дрофы и пропал ковыль.

Но коль сечи снова загремят над степью,
По завету предков, — дружно, как один,
Ворогу навстречу нерушимой крепью
За наследье скифа встанет славянин.

Пусть давно забыты скифские могилы.
Пусть исчезли скифы — их преемник здесь,
Ибо негасимо в наших Русских жилах
Капля крови скифской теплится поднесь.

П. М.

ПОДЪЕМ „РЕТВИЗАНА“

С 25 на 26 января 1904 года, в глухую полночь, наша Тихоокеанская эскадра, стоявшая на внешнем рейде порта "Артур", неожиданно, без объявления войны, подверглась нападению японского флота. При этом три корабля 1-го ранга, а именно: броненосцы "Ретвизан" и "Цесаревич", и крейсер "Паллада", получили тяжелые повреждения от неприятельских мин.

Немедленно был дан приказ ввести эскадру во внутренний рейд, под защиту береговых батарей крепости.

Однако, при отступлении эскадры с внешнего рейда, из трех, пострадавших кораблей, лишь "Цесаревичу" и "Палладе" удалось войти в Восточный бассейн в строе эскадры, в то время, как "Ретвизан", — самый современный, недавно прибывший с постройки из Америки, корабль, не мог развить требуемой скорости, вследствие чего, выйдя из строя эскадры и оказавшись последним в кильватерной колонне всех кораблей, приткнулся носовой частью в узком месте входа в бассейн между "Электрическим утесом" и "Тигровым полуостровом". Только счастливая случайность — невыполнение приказа: "держать все минные аппараты кораблей заряженными" — спасла "Ретвизан" от верной гибели, подобно броненосцу "Петропавловск", погибшему со всем штабом флота 31 марта того же года от детонации собственных мин. "Ретвизан" получил минный удар непосредственно в левый носовой минный аппарат (незаряженный).

Теоретически, от заполнения водою пострадавшего отсека, "Ретвизан" должен был получить не более 100 тон, что не отразилось бы на его плавучести, но, благодаря неисправности действия шаровых клапанов вентиляционной системы корабля, последний получил свыше 1.500 тонн воды, заполнившей соседние отсеки. Носовая часть корабля в ходу постепенно затоплялась — "Ретвизан" все более и более отставал от других кораблей, и при проходе наиболее узкой части пролива, получив сильный диферент на нос, затонул своей носовой частью.

Положение нашей эскадры стало критическим. Наиболее сильный броненосец, вооруженный, кроме всех мелких калибров 4-мя 12-дюймовыми орудиями в 2-х башенных установках, — последнее слово американской техники, — оказался выведенным из строя надолго, полузатопленным в проходе, на виду у неприятеля, а вся остальная эскадра, насчитывавшая до 70 вымпеов, оказалась запертою тем же "Ретвизаном" во внутреннем бассейне порта. Только благодаря громадным тихоокеанским приливам небольшие миноносцы могли входит или выходить из порта во время наивысшего уровня воды, то есть 2 раза в сутки. (Высота обычного прилива в порте "Артур" — 14 фут., т. е. 4,25 метра). Положение обострялось еще тем, что порт "Артур" обладал одним сухим доком, построенным по заказу китайского правительства французскими инженерами и недостаточным, по своим размерам, для ввода "Ретвизана", а также одним малым доком для миноносцев, также недостаточным для ввода наших эскадренных миноносцев. К постройке нового *аварийного* дока было лишь приступлено фирмою Борейша и Максимовича. Таким образом, вопрос об исправлении повреждений "Ретвизана" откладывался до окончания войны. Столь критическое положение "Ретвизана" и всего закупоренного им флота побудило меня, по собственной инициативе, попытаться построить, из имеющихся подручных материалов, из дерева, как бы часть пловучего дока, обнимающую пострадавшую часть корабля, что я назвал *кессоном* (по-французски — ящик). Для постройки кессона необходимо было получить:

1) Точные чертежи корабля, с обводами его подводной части;

2) Партию хороших корабельных плотников, и

3) лесной материал и инструменты.

Поиски чертежей не удались, так как "Ретвизан" лишь недавно прибыл из Америки, и в корабельной части порта чертежей не оказалось. Лишь у одного из офицеров "Ретвизана" я нашел сильно упрощенные, схематические чертежи, приложенные к меню парадного обеда, данного, американской судостроительной фирмой, по случаю спуска корабля на воду.

Относительно корабельных плотников надо заметить, что контингент всех портовых мастеровых состоял исключительно из китайцев, поставляемых подрядчиком Хо-лянь-шунь, состоявшим в порту на жалованьи. Ему же принадлежал весь корабельно-плотничий столярный инструмент. Как выяснилось впоследствии, этот китаец, одновременно, состоял на службе у японцев, а потому немедленно после начала военных действий, сбежал сам и увез в Чифу всех мастеров с инструментами. Это второе препятствие мне удалось решить просто, — мобилизовав моих русских десятников и указателей, освободившихся вследствие прекращения многих строительных работ порта.

Лесной материал я получил от порта, а инструменты удалось купить на местном рынке.

Тем временем, на борту "Ретвизана" кипела лихорадочная, но бестолковая работа корабельной части порта, совместно с командой "Ретвизана". На палубе корабля были монтированы 2 паровых насоса для откачки воды из носовой части корабля, тогда как никто не знал даже размеров пробоины. Откачивали воду из моря в море. Матросы в шутку называли эти два насоса по имени С.-Петербургских пожарных частей "Коломенская" и "Василеостровская".

Моей первой заботой была просьба командиру "Ретвизана", капитану 1-го ранга Щенсновичу — судовым водолазам измерить пробоину корабля. За это взялись как-то неохотно, и я получил лишь приблизительные размеры. Дело в том, что водолаз под

водою чувствует себя одиноким, он не свободен от суеверного страха, и не любит работать там, где есть трупы его товарищей. А это и имело место в данном случае. Кроме того водолазные работы были недостаточно продуктивны. Матрос - водолаз получал за каждый спуск 1 рубль серебром, а продолжительность работы под водою зависела лишь от него же. По данному водолазом сигналу, его поднимали наверх.

По сведениям водолазов оказалось, что пробоина начинается с нижнего края броневого пояса и имеет высоту 12—14 футов и длину около 33—35 футов, т. е. в нее могли бы въехать одновременно две тройки. Ясно, что при таких размерах пробоины, откачка воды помпами безрезультатна. Я решил приступить к постройке кессона, открытого сверху, длинною 36 футов. и высотою 32 фута.

Для сокращения высоты кессона на 12—14 футов, я надеялся, откачивая воду из кессона землесосом, с диаметром трубы в 24 дюйма. успеть откачать воду за время отлива. Недостаток времени и данных для рассчета прочности стен кессона принудил меня производить укрепление кессона во время откачки воды постановкою подкосов, упирая их в броневой пояс и уцелевшие шпангоуты корабля.

Постройка кессона в порту потребовала около двух недель, после чего он был доставлен к борту "Ретвизана" портовым 100-тонным краном, одновременно с двумя баржами с камнем для загрузки кессона в воду до требуемой глубины.

Во избежание большой фильтрации воды в возможные ели между бортом корабля и кессоном, все края последнего, прилегающие к кораблю, были снабжены мягкой подушкой из пакли. С наружной стороны подушки был прибит так называемый "воротник" из слоя войлока с двумя слоями парусины. В местах значительной протечки воды сквозь возможные щели, этот воротник самой фильтрацией воды зажимался в щель и тем достаточно уменьшал течь.

Опущенный краном на воду кессон держался на воде, как корыто, но, по мере нагрузки камня на внутреннюю площадку (пол кессона), он легко выравнивался. Постепенная и попеременная нагрузка внутренней площадки придали кессону правильное вертикальное положение. Погрузив кессон до требуемой глубины, осталось лишь подвести подкильные концы для того, чтобы прижать кессон для начала откачки. Но здесь произошла первая неудача. Оказалось, что, несмотря на наличие мягкой подушки, какое-то подводное препятствие не дает плотно прижать кессон к борту корабля в нужном месте. Спущенный водолаз сообщил, что одна из боковых стен кессона уперлась в большой чугунный прилив — пяту для стрелы противоминного заграждения. Эти пяты не были показаны на схематических чертежах, а водолазы их недосмотрели. Пришлось удалить кессон для соответствующих исправлений. Работы по постановке кессона, производились днем и ночью, не могли быть укрыты от японского наблюдения и шпионажа, и потому "они" каждую ночь производили минные атаки корабля, удачно отбиваемые огнем береговых батарей и артиллерией "Ретвизана". В ночь с 10 на 11-е февраля береговые прожекторы усмотрели вдали значительное количество коммерческих кораблей, державших курс на порт "Артур" и шедших без огней. Сначала предполагали, что это мирные купцы, везущие к нам товары и неимеющие никаких сведений о нападении Японии на наш флот. По ним были даны предостерегательные выстрелы, но пароходы не остановились; лишь когда они подошли ближе, наблюдатели заметили поднятые флаги белого цвета с красным. При совершенно тихой погоде, без ветра, трудно было различить подробности висячих флагов. Красный крест на белом фоне означает по международному коду: "Прошу пощады", а красный круг на белом фоне — японский коммерческий флаг. Наконец удалось различить красный круг и тогда по пароходам был открыт беглый огонь всех батарей. Они шли прямо на вход в бухту и на "Ретвизан". Это были пароходы-брандеры, груженные цементом, камнем и легко воспламеняющимися материалами. За каждым пароходом шел миноносец, с помощью шлюпок принимавших с брандера судовую команду, когда брандер был близок к потоплению. На капитанском мостике оставался один офицер и рулевой, а в машине 1 машинист, обреченные на гибель. Потоплением этих брандеров, японцы предполагали окончательно запереть нашу эскадру в бухте "Порт-Артур", что им однако не удалось. Все брандеры были уничтожены на внешнем рейде, в различных расстояниях от входа.

После тяжелой ночи, с 10 на 11-е феваралья, пришлось отнять кессон от броненосца и отбуксировать его во внутренний бассейн для перестройки и усиления. Расчет закончить откачку воды за время морского отлива, пользуясь лишь водоотливными средствами парохода "Силач", оказался неверным. Пришлось нарастить стены кессона на 14 футов в высоту, срубив из брусьев, сечение в 2х12 дюймов. Во избежание сильной фильтрации воды через щели между бортом корабля и прилегающими к нему стенами кессона, последние были снабжены мягкой подушкой и так называемым "воротником", состоящим из слоя войлока между двумя полотнищами парусины. Практика подтвердила отличное действие этого воротника. Фильтрующая сквозь войлок и парусину вода плотно обжимала щели между кораблем и кессоном и просачивалась в практически незначительном количестве. Все стены кессона были проконопачены и обшиты парусиной. В качестве водоотливного средства был приспособлен портовый багер-землесос, с всасывающей трубой, диаметром в 24 дюйма. Работы по перестройке кессона велись без перерыва, днем и ночью и были закончены втечении 12 суток, после чего, ранним утром, 24 февраля, кессон был снова подведен к "Ретвизану", загружен камнем и укреплен к пострадавшей части корабля подкильными концами стального тросса. Водолазы расправили воротник вдоль всех краев кессона, прилегающих к борту корабля, и укрепили внутри кессона трубу землесоса.

Наконец было приступлено к откачиванию воды.

Медленно отделилась от илистого дна носовая

часть корабля. С капитанского мостика раздалась команда: "Гюйс спустить"! Это значит, что корабль снова на ходу. Два сильных портовых судна отбуксировали "Ретвизан" вместе с кессоном, прижатым к нему давлением воды около 50.000 пудов, в Восточный бассейн под звуки народного гимна, исполненного всеми судовыми оркестрами. Команды всех кораблей кричали "Ура", стоя на палубах и реях. Совершенно случайно этот день совпал с прибытием из России адмирала Макарова с его штабом, так что в 12 часов дня он телеграфировал государю о вступлении в командование Тихоокеанской Эскадрой. а в 2 часа дня — о подъеме "Ретвизана".

Корпуса Морской Строительной Части
Военный Инженер Полковник

Заборовский

В марте 1904 г. мне было предложено попытаться поднять коммерческий пароход "Вел. Кн. Александр Михайлович", затонувший в западном бассейне порта с грузом 3.500 тонн сахалинского угля, необходимого для нашей эскадры.

Пароход имел два трюма — в носовой и кормовой части. Оба трюма были закрыты обычными дощатыми щитами, защищающими груз от атмосферных осадков и угольных искр, но проницаемых для воды под давлением. В борту парохода было несколько пробоин от снарядов, — сравнительно незначительного размера, которые удалось закрыть деревянными щитами помощью водолазных работ, а также и все открытые иллюминаторы парохода. Оставалось плотно закрыть люки обоих трюмов, находившиеся также под водою, на глубине около 10 футов. Один из люков был закрыт деревянным брусчатым щитом и сверху загружен камнем для уничтожения его плавучести. Второй люк было необходимо оставить сверху открытым для откачки воды трубою землесоса, диаметром 22 дюйма. Водолазами была открыта железная дверь, сообщающая оба трюма между собою.

На оставшийся открытым для откачивания воды люк был установлен бревенчатый сруб, высотою около 15 футов, загруженный снизу камнем и снабженный мягкой подушкой из пакли и воротником.

Все плотничные работы были исполнены на берегу, сруб и щит были доставлены к пароходу плавучим краном и установлены водолазами.

Подъем парохода со всеми предварительными работами были исполнены беспрепятственно в течении двухнедельного срока.

Полк. Заборовский

ПРИЗ

— Г-н лейтенант, расскажите нам что-нибудь, — слышались голоса мальчиков и юношей, окруживших своего воспитателя House-Master'a в British School for Russian Boys, в Константинополе, — ну, пожалуйства, очень просим... — не умолкал хор детских голосов.

Ученики только что вернулись в свое помещение из столовой и, по установившемуся порядку, хотели скоротать холодный зимний вечер, слушая рассказы воспитателя из интересующей их морской или военной жизни.

Надо сказать, эта школа, отличное, по идее, учреждение, собрала, пригрела, воспитала и обучила сотни обездоленных русских детей, частью сирот, частью таких, родители которых волей судеб остались в Советской России. Благодаря удачно подобранному педагогическому персоналу, школа сохранила их от денационализации..

Помещалась она в бывшей летней резиденции РоссийскогоИмператорского Посольства в Буюк-Дере, находившейся в двух — трех часах езды от Константинополя. Ученики жили в четырех домах. Каждым из домов заведывал так называемый House-Master, имевшей кроме того и помощника. На эти должности были приглашены русские офицеры. Преподавателями были частью офицеры Донского Императора Александра III кадетского корпуса, частью педагоги до-военного времени. Директором школы состоял английский священник -мр Черчуорд, а инспектором классов — бывший преподаватель английского языка в Лицее, училище Правоведения и Морском Корпусе, м-р Самсон.

Школа содержалась на средства, собираемые в Англии; много помогало и командоване оккупационными силами. Конечно, этих средств не хватало ни на пищу, ни на одежду. Пища была скудная и однообразная. Хуже всего обстояло с учебниками — их просто не было, и достать их, первое время, было совершенно невозможно. Преподаватели вынуждены были диктовать ученикам по своему предмету, а те должны были пользоваться составленным таким образом конспектом. По английским порядкам, ученики не распределялись по возрастам или классам, а все возрасты были перемешаны: ученики одного и того же класса помещалась в разных домах, а в одном доме жили ученики всех классов от 1-го до 7-го. Тяжелые, иногда прямо бедственные, условия переносились ими без ропота, настроение было бодрое и здоровое, а если и случались какие-либо проступки, то где, в каких пансионах, школах или корпусах их не было? Нельзя было жаловаться и на дисциплину: громадное большинство учеников были кадетами Донского Императора Александра III корпуса и своим примером они благотворно влияли на принятых со стороны, иногда испорченных улицей и беженскими условиями жизни, мальчиков. Дух же в школе держался превосходный.

Кадеты, в большинстве, не только сыновья казачьей старшины, но и рядовых казаков, обладали тем,

чему следовало бы поучиться и взрослым россиянам: чувством долга, преданности и беспредельной любви к Родине, верностью памяти убиенного Императора и глубокой, искренней религиозностью. Многие из старших воспитанников побывали на фронте, в боях... Они не желали признавать того, что они теперь только "ученики" или "воспитанники", они желали остаться тем, кем они были, то-есть кадетами Донского Императора Александра III Корпуса. Свой дом они считали сотней "хауз-мастера" — сотенным, помощника — вахмистром. Воспитателей и преподавателей они упорно титуловали по чинам, хотя последние, по приказанию английской администрации, даве уже переоделись в штатское платье.

Здоровые телом и духом, они увлекались спортом и школьные команды легко забивали на состязаниях упитанных английских матросов. Но это было летом. В зимнее же время, когда отсутствие соответствующей одежды и ботинок делало занятия спортом совершенно невозможным, они изнывали от скуки. Да и что можно было предпринять в воскресный или праздничный день, либо вечером в холодных и почти неосвещенных помещениях? Воспитатели делали все от них зависящее, чтобы хоть чем-нибудь развлечь воспитанников: доставали или покупали на последние гроши книги и читали их собравшимся. Обычно собирались около единственной, имевшейся печки. Затаив дыхание мальчики слушали и "Князя Серебряного". и "Хождение по мукам", и немногие другие произведения. Случалось, малыши засыпали — и тогда старшие относили их на руках в дортуары. Но все же чтение не всегда удовлетворяло, хотелось большего — живого слова. Слушая рассказы из военной и морской жизни, особенно войну, они были готовы сидеть до утра.

В воскресный день, о котором идет речь, погода была отвратительная. Свежий норд-ост гнал тяжелые тучи, шел снег с дождем. Особенно неуютно и холодно было в "посольском" доме, в котором помещалось около 180-ти воспитанников. Единственная печь в "холле" не была в состоянии отопить ряд спален, классы, большой зал и не могла просушить промоченные за день обувь и носки.

Около 5-ти часов воспитанники были приведены фронтом в дом и, после команды "разойтись", окружили своего воспитателя. Вот тут-то и начались просьбы рассказать им что-нибуд: про войну, излюбленную их тему.

Десятки пар голубых, серых, карих глаз, с мольбой устремились на него. Жаль было отказать, хотя усталость брала свое. Еще бы — 16 часов работы за день. Надо было вставать до побудки, разбудить и поднять разоспавшихся и разогревшихся юношей, произвести положенную гимнастику, построить на молитву, отвести в столовую к чаю, а в восемь часов начинались занятия в классах по разным предметам; два часа дополнительных занятий с неуспевающими, два часа приготовления уроков со своим классом, в промежутки отводить их к обеду и ужину, на прогулку или в баню, наблюсти за приборкой в помещениях и классах, следить за чистотой рук... словом обязанностей выше головы. Английская система мало чем отличалась от американской "потогонки". Хотелось прилечь, хоть на час. Ведь ночью все равно надо вставать несколько раз и сахарной водой отпаивать простуженных и кашляющих малышей. Но устоять перед умоляющими взглядами этих удивительно славных ребят было совершенно невозможно.

— Ну, ладно, расскажу что-нибуфь, но с условием, чтобы никто за моей спиной не шелопайничал...

— Никак нет, господин лейтенант, ручаемся честным словом, что все будет в порядке, — раздался протестующий хор.

Несколько пар рук уже тащили из учительской тяжелое, но удобное кресло и установили его перед печкой. Через минуту все уселись тесным кругом вокруг воспитателя. В темноте нельзя было разобрать лиц, только отблески горящих в печке поленьев отражались в глазах притихнувшей аудитории.

— Ну, что - ж вам рассказать? — начал воспитатель, — кажется рассказав вам все, что помню, боюсь, что я уже выдохся. — Кстати, дежурный, посматривай за уборной, а то опять какой-нибудь шелопай вздумает там закурить... Увидит директор, всыпет ему десяток "линьков", то есть я хотел сказать, лозанов, да и мне "фитиля" не миновать...

Курение строго преследовалось и директор собственноручно сек провинившихся. Попадало за недосмотр и воспитателю. Поэтому отданное распоряжение являлось не лишним предупреждением тому, кто не удержится от искушения выкурить "ахнарик", подобранный где-либо, чаще на улице, окурок. Дежурный старший воспитанник Тарасов, солидный парень лет 17-ти (в корпусе он наверно было бы уже урядником), строго посмотрел на собравшихся и только сказал "пусть попробует". Внушительность, с которой этот донской богатырь произнес эти слова, была такова, что вряд ли кому из самых заядлых курильщиков пришла бы охота "попробовать".

Итак аудитория разместилась вокруг печки, слабо освещаемая и еще слабее согреваемая.

Лейтенант, не спеша, свернул папиросу и закурил.

— Так вот, — начал он, — я кажется еще не рассказал вам, как наши черноморские крейсера захватили в плен интересный приз, — турецкий пароход-блокадопрорыватель, как молодой мичман, несмотря на отсутствие угля, этот пароход довел до Севастополя и за свою находчивость был произведен Государем Императором в лейтенанты. Насколько мне помнится, это случилось в июне или июле 1915 года. Наша крейсерская бригада получила распоряжение Командующего Флотом разрушить вновь построенные болгарами земляные укрепления и окопы селения Инада. Вы, конечно, знаете, хотя я в этом несколько сомневаюсь, где эта бухта находится? Для чего болгары нарыли там окопы, не знаю, но думаю, что они опасались нашего десанта. К сожалению, требуемого десанта мы получить не могли: все войска, предназначенные к высадке, дрались на юго-западном фронте, без патронов и снарядов, отступая и, в то же вре-

мя, нанося врагу тяжелые удары. Много ваших братьев-пластунов полегло там, в Галиции. Я познакомился с ними, когда пластунская дивизия проходила через Севастополь.

Во всяком случае, приказание было отдано и крейсера "Память Меркурия" и "Кагул", с тремя миноносцами, вышли в море. Погода была прекрасная и на другой день, к трем часам, крейсера подошли к Инаде.

Приказав "Кагулу" держаться милях в десяти от Инады к востоку, и быть в дозоре, начальник бригады, адмирал Покровский на крейсере "Память Меркурия", с миноносцами, вошел в эту, открытую для всех ветров, бухту. Окопы и укрепления были отысканы к северо-востоку от покинутого жителями селения. Неподалеку был замечен слабый болгарский отряд. Не успел еще крейсер "Память Меркурия" пристреляться, а миноносцы срыть небольшое земляное укрепление, как крейсер "Кагул" донес сигналом: "Вижу дым на зюйд-ост". Через несколько минут последовал другой сигнал: "Вижу пароход". — "Захватить", — последовало по радио лаконическое распоряжение начальника бригады адмирала Покровского. Пока шли переговоры, окопы были сметены, земляное укрепление срыто и отряд болгарской пехоты уничтожен.

Крейсер "Память Меркурия", под гордо развевающимся кормовым Георгиевским флагом, легко разрезая форштовнем гладкую синеву моря, в сопровождении миноносцев, вышел из бухты.

Если вместо этого парохода оказался бы германский крейсер "Гебен", положение отряда из двух слабых и тихоходных крейсеров стало бы критическим.

Германский кресйер, обладавший мощной 11-дюймовой артиллерией и значительно большей скоростью, утопил бы отряд, как на учении.

Но "Гебен", подорвавшийся на наших минах, был в починке в это время в бухте Стения, а вместо него, к нашему благополучию, оказался небольшой грузовой пароход — блокадо-прорыватель.

Владелец этой, довольно древней посудины, на свой риск и страх, прорывался через линию нашей блокады, перевозя в Румынию, соблюдавшую тогда нейтралитет, различные товары, вывозя оттуда необходимы для ведения войны грузы, как уголь, керосин и нефть, а также и предметы роскоши.

Конечно, только жажда наживы толкала его на такой риск. Несомненно одно — этот старенький пароход, после первого же удачного рейса, не только окупал свою стоимость, но, вероятно, приносил владельцу значительный барыш.

Пароход был остановлен выстрелом под нос. Впрочем он уйти и не пытался, понимая всю тщетность подобной попытки.

На пароход была послана призовая команда, а призовым командиром был назначен мичман Языков, молодой, очень скромный и дельный офицер.

Чтобы не задерживать отряда, мичман Языков получил распоряжение следовать в Севастополь самостоятельно, не дожидаясь окончания операции.

Когда "Кагул" присоединился к отряду, парохода и след простыл. Посланные миноносцы, благодаря наступившей темноте, его не обнаружили.

Через сутки отряд вошел на Севастопольский рейд. Конечно, Командующий флотом уже знал о захвате парохода, но, не имея сведений, где он находится и в каком сосоянии, беспокоился о судьбе мичмана Языкова и 20-ти человек призовой команды. Не успел еще "Память Меркурия" стать на свою бочку, как на флагманском корабле был поднят сигнал: "Догрузиться углем и быть в готовности идти в море на поиски захваченного парохода". Конечно для этой цели более пригодна пара миноносцев... впрочем, начальству это было виднее.

Еще не была закончена "догрузка", как наблюдательные посты Службы связи донесли, что с моря идет пароход...

Через несколько часов, мичман Языков являлся Начальнику Бригады с донесением о походе. Что же произошло с ним? Почему он опоздал чуть ли не на сутки?

Вот что сообщил мичман Языков: "Прибыв на пароход и опросив капитана и команду, он выяснил, что пароход следует в Констанцу с грузом фасоли в мешках, керосина в бидонах, а в качестве пассажиров на пароходе находится гарем какого-то паши.

Успокоив плачущих женщин и детей, мичман прежде всего, согласно Морского Устава, поставил часового к занимаемому ими помещению, а затем поднялся на мостик. Приказав капитану лечь на Севастополь, он поставил своих вооруженных людей в машину и кочегарку, а с остальными занял мостик. Скоро скрылся из виду "Кагул", хотя скорость турецкой развалины не превышала шести узлов, а засвежевший норд-ост еще более замедлил черепашью скорость парохода. Пароход стал клевать носом, а затем его стало класть с борта на борт.

Около полуночи, поднявшийся на мостик машинный унтер-офицер доложил, что уголь на исходе. Действительно, пар начал садиться и скорость уменьшилась до того, что судно почти не слушалось руля.

Мичман приказал экономить уголь возможно больше, пережигать мусор и жечь все, что могло быть сожжено в топках: шлюпки, деревянные стрелы, запасной рангоут. Ничто не помогало и запасы горючего иссякли. На рассвете пароход остановился. Его поставило лагом к крупной волне и начало раскачивать так, что по временам казалось, дряхлая посудина или перевернется, или рассыпется на части. Вой ветра, удары волн, крики и плач женщин усиливали чувство полной беспомощности и сознания безвыходности положения.

Блестящие идеи всегда являются внезапно, одна из них блеснула в голове молодого офицера — ведь фасоль горит, а если и плохо, то, имеемый в трюме керосин этому горю может пособить... Приказание отдано, трюмы вскрыты и мешки с фасолью и бидоны

с керосином беспрерывной чередой полились в кочегарку.

Мешки вспарывались, содержимое высыпалось на железную палубу, фасоль обильно поливалась керосином и подавалась в котел. Через час пар был поднят и пароход дал ход. Так или иначе, двигаясь 3-х—4-х узловым ходом, он приближался к цели.

Мичман строго допросил капитана и механика, почему у них было так мало угля? Они только разводили руками, униженно делали "селям" и повторяли "кысмет" (судьба) и "аман" (пощада), но все же капитан, указал на обросшую ракушками и водорослями подводную часть. Тут все сразу стало понятно, отсутствие доков, занятых починкой военных судов, и жадность грека-хозяина, являлись причиной запущенности судна, а недостаток угля легко объяснялся нашей блокадой Зунгулдака.

Во всяком случае, мичман благополучно привел судно в Севастополь.

На телеграфное донесение в Ставку, последовал телеграфный же Высочайший приказ: "Мичман Языков производится в лейтенанты".

Производство было шумно отпраздновано кают-кампанией "Кагула". Во время обеда, на вновь испеченного лейтенанта, по традиции, одели старые, позеленевшие от соленых брызг и непогоды, погоны с тремя звездочками.

Когда официальная часть торжества была окончена, командир крейсера обратился шутливо к тронутому приветствиями Языкову, и сказал:

— Помните только, дорогой, приказ адмирала Нахимова после Синопского боя: "Произведенных после боя лейтенантов, трактовать как мичманов".

Как известно, после Синопского боя, все участники мичмана, Высочайшим приказом, были произведены в лейтенанты. Согласно же приказу Нахимова, в случае маловажных упущений по службе их, как и мичманов, сажали на салинг.

На этом воспитатель закончил свой рассказ, и ответив на вопросы воспитанников, что случилось с пароходом и пассажирами, приказал строиться на молитву.

Воскресный день в школе был закончен.

А. Черноморцев

На берегах Тетерева

Родная Волынь, милый, уже далекий, но теперь еще более близкий моему стынущему сердцу, Житомир.

На горе, уступами тенистых садов, косогорами монастырской рощи, липовыми аллеями лазаретного парка, терассами Пушкинского бульвара, спускаешься ты круто в теснину, к зажатому в граните утесов, вечно бурливому Тетереву.

Вокруг — поля пшеницы, маки, васильки стоят — реют над ними с песнями жаворонки.

Немного дальше — леса глухие, бор вековой, распластали свои зеленые уделы во все концы света.

Площадь Александра Благословенного, собор, колокольня; гудит могучий колокол: стелятся плавно волны-перекаты звона бархатного, по просторам этой древле Русской земли.

Стоят в Житомире доблестные полки пехотные: 17-й Архангелогородский, 19-й Костромской, 20-й Галицкий, со своей верной спутницей 5-й Артиллерийской бригадой; боевой 9-й конно-артиллерийский дивизион: лихие драгуны — Казанцы.

Живет дружно гарнизон, единой семьей войсковой. С рассветом, на пригородных, оснеженных площадях звонко раздаются команды:

— Ат, два; ать, два; левой, левой; дай ногу!

Гудит земля; как по линейке движутся ротные шеренги; пулей перебегают стрелковые цепи; с криками "ура", "ура", со штыками на перевес несутся пехотинцы на соломенные чучела. В парках батарейных таинственно копошатся артиллеристы у своих орудий.

— Забросить стремена, справа по одному, на две лошади дистанция, ездой налево, шагом марш! Повод, рысью марш!

Идут в затылок золотисто-рыжие кони, звенят слегка удила, мерно колышутся бело-алые бескозырки.

—Локоть спокойно, довернуть носки, калека!

Розвалью похаживает посреди манежа юный корнет, стоят по углам лихие унтера, щелкают бичи. Мороз лют, искрится снег, паром конским затуманена смена, льдинки на усах.

— Смена. стой, слезай, выводить лошадей.

Посреди двора эскадронного, стоит старый вахмистр 2-го эскадрона, подпрапорщик Денис Абрамович. Рыжие баки, холеные усы, дубленый полушубок, вечно хлыст под локтем.

Турецкая кампания — три креста Военного ордена: один за Троянов перевал; другой за конную атаку в долине Роз, третий за первый дозор Российской конницы у берегов Мраморного моря. Четвертый — деревянный поставили драгуны над его свежей могилой у мест. Заложцы, на реке Серете, в августе 1914 года.

Подули теплые ветры, потемнели снега, робко зажурчали ручейки.

Грохот, ломятся оковы на реке — ледоход. Появились грачи, нежные подснежники, душистые ландыши, зацвела сирень. Подошла пора полковых учений.

Рань, спит еще безмятежно город; в тишине издалека слышен тропот, цокот тысяч конских копыт, по улице широкой идет полк Драгунский. Старший полковник, штандарт, трубачи, 6 эскадронов в

колонне по три. Позади, слегка прихрамывая, рысит старый, верный пес полковой, вороной Жук.

Переходим мост, заречные луга. Полк строит развернутый фронт, свежит ветер полей полусонные очи.

Вдали показалась группа всадников — Командир полка.

— Равняйсь, шашки вон, пики в руку. Полк смирна!.. Равнение направо, господа офицеры...

С места полным галопом, поскакал старший штаб-офицер, полковник Богородский, с рапортом к командиру полка, полковнику Кузьмину-Караваеву. Нежно полились по полю звуки полкового марша "Белая Дама".

— Здорово, красавцы 1-й!...

— Здравия желаем, Ваше Высокоблагородие!

— Трубачи по местам, ординарцы выезжай!

Понеслись всадники в карьер по местам. Предусмотрительно умчался и Жук, к санитарной линейке, на опушку леса.

Начиналось полковое учение; шло оно на галопе в течении 2-х часов, почти без перерыва. Готовился полк к подвижным сборам с Гвардией, к Высочайшему смотру в Красном Селе.

Конец июня — полк по железной дороге переброшен в Красное Село. Размещены мы в дер. Николаевке, рядом Гвардии Лейб-Атаманцы, один краше другого. С нами в бригаде другой полк армейский — Ахтырские гусары. День солнечный, день смотра. Красота! Счастье!

Под вечер того же дня, по тревоге, полк погрузился на станции. Понеслись эшелоны: Дно, Гомель, Овруч, Житомир. 8 часов мобилизации и на заре эскадроны двинулись походом на Бердичев. Посадка, грохот вагонов, поля, леса Волынские, юность беззаботная, песни привольные. Кременец — розданы боевые патроны. Полк легкой поступью пошел к границе.

Вишневец, замок Марины Мнишек, вдали озаренные закатным солнцем купола Почаевской Лавры; сиреневая гряда гор Кременецких. На запад в туманах стрельчатые башни, старо-польское барокко, католический монастырь на горе, в мест. Подкамень. Неведомая Австрия, земля Галицкая, Руссины.

Прошло дня два, стояли эскадроны драгунские, охраняя рубежи земли Русской. Третий день, полдень, пыль клубится по полю; галопом прискакали ординарцы из штаба полка: "Война".

— Седлай. Разъезд правофланговый, корнет Кудрявцев, 4-й взвод. Направление на переправу на Серете у дер. Янковцы.

Веером, рысью понеслись, на золотисто-рыжих конях, дозоры вперед. Средь пшеничных полей, средь маков, васильков защелкали ружейные выстрелы. Прощай, Житомир!

Старый гусар

Из воспоминаний конника

"Вперед, ребята, на картечь,
Поводья подтяни...
Кому суждено будет в поле лечь —
Того Бог помяни..."

(старый конно-артил. сигнал)

Кавалерийские сборы 11-й дивизии происходили в районе села Шубково, где обширный артиллерийский полигон представлял неограниченные возможности для учений всей дивизии, так называемых, линейных учений.

Сколько красоты и лихости было в этих учениях: четыре полка идут на широком аллюре в резервной колонне, конно-артиллерийский дивизион "в замке" позади...

— Артиллерия вперед!

По этой команде полки принимают от средины в сторону и, в образовавшийся коридор, не взирая ни на какую местность, бешеным карьером устремляются 12 конных орудий, чтобы, обогнав полки, сняться с передков:

— У нас заветы таковы:
Мы не жалеем головы. —

(из той же песни)

На том же полигоне был и небольшой скаковой круг, где происходили офицерские дивизионные скачки.

В 1910 году из Штаба дивизии поступило распоряжение об участии нижних чинов в призовой рубке и прыжках через препятствия от эскадрона по два человека, батарея приравнивалась к эскадрону.

Командир дивизиона приказал мне подготовить для состязаний людей от 18-й и 19-й конных батарей.

За мной числилось четыре года службы, из них три я был начальником учебной команды, через мои руки прошло свыше ста отборных канониров, так что выбрать подходящих людей было не трудно, но... четыре человека из трехсот, численный состав дивизиона, против сорока восьми выбранных из 3.6000 — численный состав дивизии — являлось таким ничтожным шансом, что я призадумался.

Конная артиллерия самый маленький род оружия, но зато и самый самолюбивый. Надо найти достойный выход из положения.

Не знаю, откуда привилось в команде выражение "развязка"? Про лихих солдат говорили "у него развязка", про слабых "в ему ж нет развязки".

Вот эту "развязку" в команде всячески культивировали — будь то рубка, гимнастика, джигитовка.

Вызвал я всех окончивших за три года команду,

рассказал, в чем дело... Ну, ребята, хоть пропадай, а "развязку" показать надо.

— Ваше Благородие, а что ежели джигитовку?

— Выходи желающие.

Желающих оказалось больше чем достаточно — молодец к молодцу — эти лицом в грязь не ударят.

Как пройдут для нас состязания, предугадать нельзя, хотя для них были выбраны отменные люди, но джигитовкой блеснем и оставим "впечатление".

Состязание для нижних чинов состоялось на второй день скачек. Чудная погода, трибуны полны нарядной публикой, пять хоров трубачей.

Последняя скачка... удар колокола возвестил первого, пришедшего на финиш.

Теперь, по программе, рубка для нижних чинов. Быстро расставили по дорожке станки. На старте выстроились по полкам участники состязания.

По взмаху алого флажка стартера отделился первый — драгун в синей безкозырке...

Мои люди стояли последними. Бесконечно, казалось, долго скакали драгуны, уланы, гусары, но, вот, с гиком пошел донец.

Приближалась наша очередь...

Спокойно, сосредоточенно, стояли конники с обнаженными клинками. На правом фланге вице-фейерверкер Лубинец — бледное лицо, в глазах злоба, стиснутые зубы.

Поднялся флажек...

— Лубинец, готовься!

— Пошел!

Сорвался с места Лубинец... еще не доходя до первого станка, блеснул клинок, описав полный круг, второй круг, и с третьего круга лоза, срезанная по метке, не дрогнув, вертикально свалилась, упершись концом в землю — классический удар.

Лубинец показал "развязку. Вместо уставных ударов, он рубил по-казачьи: такая рубка очень эффектна, но и требует большой ловкости и глазомера.

Вот он подходит к станку, на котором висит картошка.

Большинство рубивших вытягивали руку вперед, нацеливая клинок на картошку — отточенный клинок и инерция скачущей лошади делали свое дело.

Лубинец срубил нижнюю половину картошки с кругового взмаха.

Несется дальше на станок с толстым соломенным жгутом... Быстрым движением относит шашку назад, затем взмах вперед и привстав на стременах, обрушился могучим ударом на жгут — в воздухе мелькнули концы разрубленного жгута.

Еще несколько ударов и снова поднялся флажек, вызывая следующего, а Лубинец подскакал ко мне — лицо его сияло.

— Ваше Благородие, все начисто порубил.

Лихо прошли и остальные трое.

Рубку сменили прыжки через препятствия.

Опять стоим последними и время тянется, выматывая нервы.

Первое препятствие, как раз перед трибуной, длинный стол, уставленный бутылками, по обе его стороны скамейки, на них пирующие чучела.

Когда дошла, наконец, наша очередь, я выпустил сначала молодых, весной окончивших команду "вицеков" (вице-фейерверкеров). Со старта я видел лишь первое препятствие и через него все трое перемахнули чисто.

Последним должен был итти мой любимец Кузька.

С ним мы вместе пришли в батарею: я молодым офицером, он молодым солдатом. В команде молодых солдат оба мы учились у старых фейерверкеров конно-артиллерийской премудрости.

— Ты, Кузька, помни, что супротив конно-артиллерийского солдата никто не должен выстоить, — поучает дядька.

— Понимаю, г-н дядька, — дрожащим голосом вспотев, отвечает Кузька.

Через год Кузька в учебной команде, весной вице-фейерверкер, наводчик первого орудия... а теперь — Кузька нарядный, выправленный взводный, гордо сидит на своем строевом коне "Едином".

Поднялся флажок стартера...

— Ну, Кузька, с Богом!

— Понимаю, г-н дядька, — дрожащим голосом, баясь бросает Кузька, поднимая коня галопом. Спокойно пошел на первое препятствие... Вижу, как наклонился к шее лошади, подав вперед руки и... он уже по ту сторону препятствия, не зацепив ни одной бутылки.

Камнем преткновения было последнее препятствие — корзинка: небольшое пространство, ограниченное с четырех сторон барьерами, причем передний был откидной, служащий воротами. Надо было подскакать к корзине, открыть ворота и, не беря разбега вне корзинки, из нее выпрыгнуть. Преодоление этого препятствия осложнялось тем, что оно было расположено после открытой канавы, на которую шли полным ходом, благодаря чему, после прыжка, разгоряченные лошади часто обносили корзину или в борьбе с всадником кружились около ворот, а когда, наконец, ворота были открыты, редкая лошадь чисто выпрыгивала из корзинки.

Я подбежал к корзинке как раз, когда Кузька брал канаву... о, радость. "Единый" идет спокойно "в руках", резко сбавляя ход, подходя к корзине... Рывком отбрасывает Кузька ворота — путь открыт и.... вдруг, кто-то сзади закрывает мне руками глаза.

Не успел обернуться, как попал в объятия Феди Мухортова, Изюмского гусара.

— Корвин, поздравляю!

А Кузька, полным ходом, нагоняя время, мчался к финишу.

Убрали препятствия и донцы 12-го полка понеслись в лихой джигитовке.

Мы стояли наготове и едва успел проскакать последний донец, как, неожиданно для всех выскочили два всадника рядом, за их спинами, стоя на крупах лошадей, третий высоко держал черный бархатный флаг с цифрами 11 — Одиннадцатый Кон.-Арт. дивизион. Один за другим, стараясь перещеголять друг

друга, неслись конники... перелеты через седло на обе стороны, поднятие с земли платков, группы, чередовались с комическими номерами, требовавшими иногда исключительной "развязки".

Помню наших изумительных солдат: перед самой трибуной один канонир откинулся к задним ногам коня, чтобы поднять с земли платок. Конь споткнулся и вместе с всадником свалился... солдат остался лежать. Подбегаю — Литовченко, убился?

— Что убылся, Ваше Благородие, конно-артиллерийскую честь замарал...

. За конно-артиллерийскую честь заплатил поломанной ключицей.

Однако, внимание публики привлекает уже очередной номер, на этот раз не казачий, а наш собственный.

Шестерка лошадей, полная орудийная запряжка, на последней паре стоит ездовой — татарин, управляя шестеркой адними возжами, проносится карьером мимо трибун. Ездовой отбрасывает бич и вытягивавается, отдавая честь.

Играют трубачи. Офицеры, взявшие на скачках призы, поднимаются на трибуну, где Начальник Дивизии раздает им серебряные братины, ковши, кубки.

Каждого, получившего приз, приветствуют полковым маршем.

Перед трибуной выстраиваются удостоенные призов нижние чины.

Адъютант Штаба Дивизии вызывает: призы за рубку — 1-й 18-ой Конной батареи бомбардир Лубинец; 2-й 19-й конной батареи бомбардир Коренев.

Призы за прыжки: 1-й 18-й конной батареи старший фейерверкер Кузька. 3-й 18-й батареи бомбардир Скрыпцов. Четыре раза гремел наш марш.

Начальник Дивизии ген. Рудковский, сам бывший конно-артиллерист, вызвал меня и благодарил перед г.г. офицерами дивизии. И опять, как сквозь сон, я слышал наш марш.

Кавалерийские подвижные сборы, в том году, в составе 3-х Кавалерийских дивизий, закончились под Бердичевым, и батареи возвращались походным порядком, на зимние квартиры.

На последнем переходе вызвали вперед трубачей (11-й к-а див. содержал нештатный хор трубачей) и песенников.

Ко мне подъехал наш писарь.

— Ваше Благородие, сегодня "Инвалид" пришел.

— Ну, так что?

— Да так, что приказ есть о переводе Вашего Благородия в 1-ю Конную батарею.

Спереди доносились звуки корнета — наш штабтрубач на высоких нотах играл соло "Видел березку, склонилась она", сзади лилась развеселая хохлацкая песня:

Их вичирь, моя милая,
Был я в гостях у тибя,
Был я в гостях у тибя,
Огорчила ты миня. —

Я ехал, понурив голову и на холку моего красавца "Вулкана", упала украдкой не одна слеза...

Судьба уготовила мне перевод в 1-ю конную, в Тверь, вакансия, так редко присылаемая в Училище...

Здесь... через пару часов войдем в вонючее предместье Сурмичи, пройдем мимо покосившегося столба с дощечкой, на которой написано

"Уездный город Дубно, владение гр. Шуваловой, а дальше, тонущие в грязи каждую весну и осень казармы".

Откуда же моя печаль?

Я прощался с незабвенной 18-й Конной...

А. фон Корвин-Вирзбицкий

Происшествие в 23-м пехотном Низовском полку

Об одном случае, происшедшем 50 лет тому назад, случае серьезном, который мог иметь кровавые последствия, если бы находчивость и мужество решительного человека не отвратили их, повествуют дальнейшие строки настоящего очерка.

Была зима 1906 года, когда революционная буря колебала устои власти, а манифест 17 октября смущал умы.

В это время я служил в 23-м пехотном Низовском Генерала Фельдмаршала Графа Салтыкова полку, расквартированном в местечке Острово - Комарово, Ломжинской губернии, но, в момент описываемых событий, находился в командировке и подробности происшествия, случившегося в нашем полку, узнал только по возвращении.

Надо сказать, что в годы 1904—1906 в 23-м пех. Низовском полку многие кадровые офицеры полка находились в Действующей армии, сражавшейся против Японии, а вместо них около 20 прапорщиков, призванных из запаса, занимали командные должности младших офицеров. Много лет командовавший полком полковник Фотэнгауэр, отбыл к месту своего нового назначения в Сибирь, а вновь назначенный Командиром полка, Ген. Штаба Полковник Хамин, еще не приехал; два батальона полка находились в Петроковской губернии, неся там службу, по охране заводов, шахт и железнодорожных линий и мостов, от покушений со стороны революционеров.

Этими, удачными для них, обстоятельствами и воспользовались те, кому надо было вызвать беспорядки и разложение; образовавшаяся в полку секретная ячейка, воспользовалась тем, что солдатская масса, совершенно не разбиралась в политической обстановке, слепо подчиняясь приказаниям начальников, выявила из своей среды революционный комитет, напечатала приказ по полку, за подписью назначенного

им командира полка прапорщика, приказавшего прочесть этот приказ перед ротами и арестовать всех офицеров полка. Отдельные наряды исполнили это самочинное требование заговорщиков и все офицеры, приведенные в офицерское собрание, были арестованы и охранялись караулом.

Чем бы кончилась эта трагикомедия, сказать трудно, ибо узнавши о восстании штаб 6-й пех. дивизии, как равно и ее начальник Ген. Лейтенант Клаусс, не предприняли ничего, обсуждая создавшееся положение.

Командовавший же временно 22-м Нижегородским Е. И. В. Великой Княгини Веры Константиновны полком, полковник П. И. Роснянский принял персональное решение на собственный риск. Он был беззаветно мужествен, пользовался любовью офицеров и популярностью у солдат, будучи к ним строгим, но справедливым. Ему не было и 40 лет, а он был уже старшим полковником, ожидая назначения командиром полка. В те годы сделать такую блестящую карьеру армейскому офицеру, проведшему весь свой служебный стаж в том же полку, куда он был произведен, считалось исключительно редким.

Полковник Роснянский приказал оседлать коня и в сопровождении только одного горниста, без конвоя, поскакал в штаб 23-го пехотного Низовского полка, отдаленный от Остроленки, места, где служил полковник Роснянский и где находился штаб Начальника Дивизии 30-верстным расстоянием.

Прибыв на плац, вблизи коего были казармы полка, полковник Роснянский приказал горнисту сыграть "тревогу".

Услышав этот сигнал, все роты выбежали на плац и построились по Уставу, после чего из строя вышел прапорщик и, подойдя к полковнику Роснянскому, отрапортовал:

— Временно командующий полком, прапорщик такой-то (фамилии этого прапорщика ни автор этих строк, ни сын полк. Роснянского, капитан Роснянский, проживающий в Брюсселе, не помнит), на что последовало приказание полковника:

— Кругом, на гауптвахту, шагом марш! — и затем новое приказание: — Освободить всех арестованных офицеров" и петь гимн.

Когда звуки "Боже, Царя храни" умолкли, полковник Роснянский отдал новый приказ:

— Выдать зачинщиков.

Последних оказалось не более 40 человек и среди них беглый матрос с броненосца "Потемкин". Все они были отправлены на гауптвахту, хотя из них коекто успел скрыться.

Военный суд судил их, но, кажется, не очень строго, что же касается офицеров полка, то в отношении их никаких репрессий не было. Начальник Дивизии Ген. Лейт. Клаусс, повидимому, принял всю вину непредусмотрительности и бездействия власти лично на себя, скоро после этого происшествия вышел в отставку и кажется, удалился в монастырь.

Так закончилась эта печальная страница истории славного боевыми подвигами 23-го пех. Низовского Ген. Фельдмаршала Графа Салтыкова полка, на простреленных знаменах коего было отмечено его участие в сражении при Кунерсдорфе, Полтаве, Бородине и Севастополе, а, впоследствии, в боях Великой войны, где полк сильно пострадал, находясь в Армии ген. Самсонова.

С. Симонович

Кое-что из Русской археологии

Большинству из нас, военных, археология мало знакома. Прочитав советскую книгу "Основы Археологии" (А. Арциховский, М., 1955), у нас возникла мысль поделиться с читателями "Военной Были" не только общими, элементарными, теоретическими сведениями, но и теми, новыми заключениями отечественных археологов, к которым они пришли, благодаря все умножающимся раскопкам за последние десятилетия. В этой книге, учебнике исторических факультетов, всего 258 страниц, перечень же библиографии занял 16 страниц, из них полстраницы уделено "трудам" Маркса и К° (без таких ссылок — печатать не стали бы), на остальных 15 с половиной страницах — перечислены источники: 50 заглавий дореволюционных источников, от 1917 г. до 1936 г. — 68 заглавий, и от 1936 г. до 1956 г. — 365 заглавий.

В распоряжении исторической науки имеются источники письменные и вещественные, последние — изучаются археологами. Опыт доказал, что, при современной постановке этой науки в России и, благодаря интенсивным раскопкам — за 20-30 лет количество вещественных источников удваивается (в теории же — их количество бесконечно).

Раскапываются древние погребения, и укрепленные поселения, именуемые "городищами" (неукрепленные — называются "селищами"). Поселениям более древним, чем "городища" — присвоено название "стоянок".

Наше огромное прошлое археология делит на следующие периоды:

1) "Каменный век", обнимающий несколько сот тысяч лет человеческой истории.

2) "Бронзовый век".

3) "Железный век", и

4) Период образований феодальных государств на территории России и вокруг нее. Для определения археологической периодизации — главным образом служат ископаемые орудия труда.

Стык каменного века с бронзовым, на всем пространстве нашего континента, находится в конце 3-го тысячелетия до Р. Х. Стык бронзового с железным

веком — совпадает с началом 1-го тысячелетия до Р. Х.

Каменный век подразделяется на несколько эпох, названных по стоянкам, открытым во Франции. Первая из них "Шелль", обнимающая эпоху от 400 тысяч — 100 тысяч лет назад, характеризуется она кремневым ручным рубилом, полученным двухсторонней обивкой. На территории России самая древняя "шелльская" стоянка обнаружена в "Сатани Дар", в северо-западной Армении, более поздние стоянки открыты в "Яштухе", к северу от Сухума. В то время ледниковый покров, толщиной в 1—2 километра, покрывал Россию к северу от границы, означаемой впадением Ворсклы в Днепр, Хопра в Дон, Ветлуги в Волгу, и Чусовой в Каму.

Постепенно совершенствуются кремневые орудия и деревянный кол — превращается в копь, являющимся древнейшим оружием определенной формы, а шкуры начали принимать формы одежду. Следующий подраздел, называемый "Мустье" (закончившийся около 40 тысяч лет тому назад), отмечен появлением кремневых остроконечников для копий, и ножами. Тогда же появился новый тип вооружения "боласы", т. е. шары из известняка или песчаника, привязанные попарно к ремням, при кидании спутывавшими ноги человека или животного; шар большого размера, привязанный к палке — создал *кистень*. "Мустьерские" стоянки в России открыты близь Симферополя и Царицына, на Днепре, Донце, Десне и Кубани. Следующие три подразделения каменного века ("финьяк", "солюстре" и "мадлен"), заканчиваются в 12-м тысячелетии до Р. Х., и и следы обнаружены в Костенках, к югу от Воронежа, в Гагарине, к северу от Воронежа и в Мальте, около Иркутска. Люди жили тогда уже в полуземлянках и появлялись зачатки искусства, выраженные в изделиях скульптированных женских статуэток (их найдено около ста, из них 2/3 откопаны на территории России; делались из мягкого камня, кости или рога). Люди начали тогда формировать родовой строй, возглавляемый женщиной ("матриархат"). За тем следует "мезолит", закончившийся в 5-м тысячелетии до Р. Х., эта эпоха хорошо прослежена как в Крыму, так и в верховьях Волги. Появляются лук и стрелы (кремневые и костяные), кремешок вставлялся в расщепленное дерево, а также домашние животные, прежде всех собаки, быки и лошади; предполагается, что их исподволь приучили, подбирая детенышами, после охоты. Потом следует "неолит" (новый каменный век), характеризующийся появлением глинянной посуды — открытие чрезвычайной важности для археологии при определении этой эпохи и последующих бронзового и железного веков. Тогда же народились — топор, уже массивное кремневое оружие, и зернотерки, и долото, и новый вид оружия — булава просверленная, сферической формы. Утверждаются рыболовство и охота. Эта эпоха изучена благодаря раскопкам на берегах Азовского моря и на Оке, близь Мурома, а также около нижнего Тагила, на Урале, а в Сибири — на берегах Ангары; все это касается 4-го и 3-го тысячелетия до Р. Х. Бронзовому веку предшествовала эпоха "неолита" (и отличающийся от него "энеолит"), когда появилась медь, не вытеснившая однако камень, но поселения этой эпохи характеризуются появлением расписной керамики, при господстве мотыжного земледелия и постройки больших глинобитных домов, вмещавших целые роды. В России эта эпоха наилучшим образом изучена благодаря раскопкам около Триполья на Днепре, несколько южнее Киева, откуда общее название "Трипольских поселений", датируемых 3-м тысячелетием до Р. Х., в большом количестве раскопанным, преимущественно, в приднепровьи — и вплоть до Карпат. Жилищные постройки состояли из домов, длиной до 30-ти метров и шириной до 7-ми метров, основание домов состояло из столбов и прутьев. и обожженной глины, из коей делались и лежанки, и печи, жертвенники, и проч., Вероятно, каждое такое поселение занято было одним родом из нескольких сот людей, живших в нескольких домах вокруг центральной площади, где помещался скот, обнаружены зерна ячменя, проса и пшеницы. Из орудий труда найдены, в небольшом количестве, медные топоры, шила и колечки. Из кремня — мотыги и кривые серпы, ножи и скребки. Керамические изделия уже плоскодонны, что доказывает присутствие столов и плоских печей.

2-е тысячелетие до Р. Х., когда люди научились творить бронзу (90% меди плюс 10% олова, свинца или цинка), носит название *"Бронзового века"*. В эту эпоху люди разделились на земледельцев и скотоводов; в Европе, последние, делятся на четыре основных группы: первая — населяет степную полосу европейской России; вторая — лесостепную полосу средней России (где расселились "фатьяновские" племена); остальные две группы занимали территории к западу от России. В эту эпоху, на территории первых двух групп (т. е. России), охота уже утратила свое значение, и добывание мясной пищи перешло к скотоводству, которое давало людям еще и молоко, и его продукты, шкуры, шерсть, и впоследствии, — пряжу и ткани.

Владимир фон-Рихтер

(Продолжение следует)

Миниатюры прошлого

Среда нас воспитывает и невидимыми нитями связывает с собой... Какая сила была вложена в понятия: мой корпус, училище, а в особенности — мой полк. И вот теперь, много лет спустя, эти простые слова заставляют усиленно биться сердце, воскрешая прошлое.

1. — КАДЕТСКИЕ ГОДЫ

В корпусах, кадеты в своей массе были сыновья военных, и отпуска проводили во всевозможных лагерях и гарнизонах. С детских лет, словно губки, мы впитывали в себя особенности среды, традиции тех воинских частей, среди которых нам приходилось жить. Вернувшись из отпуск в, все это с энтузиазмом рассказывалось среди друзей и вместе переживалось. Особенно горячие споры вызывали понятия чисто отвлеченного характера, как то честь мундира, доблесть, присяга. Все это глубоко западало в наши юношеские души, давая им большое воспитательное содержание.

Вспоминаю я одного своего хорошего и доброго товарища по выпуску. Сын скромного пехотного подполковника, родился он и жил до корпуса в глубокой провинции, в казармах Н. пехотного полка. Туда же он ездил к родным в отпуск, проделывая добровольно, с полком, все маневры и походы.

Его единственное желание в жизни, было выйти и служить в этом полку, где ему все было родное и близкое. Я уверен, если бы ему предложили выйти в самый прославленный Гвардейский полк, он отказался бы наотрез.

Его желание сбылось, он вышел в свой родимый полк, и, как я слышал, был блестящий офицер, награжденный Георгиевским оружием, и неоднократно раненый.

А сколько, среди нас, старых кадет, в доброе старое время, было ему подобных. Для нас все полки Российской армии были хороши, а "свой" все же был лучший из всех; так думал каждый из нас.

2. — В ОТПУСКУ

Однажды, во время войны, будучи в отпуску в гор. Одессе, я приглашен был обедать в один, знакомый мне дом. Мы уже сели за стол, как неожиданно, раздался звонок, прислуга пошла открыть дверь, и минуту спустя, обращаясь ко мне, сказала:

— Барин, в передней вас ждут два офицера.

Извинившись перед хозяйкой, я вышел... Опираясь на палку, видимо тяжело раненый, стоял подполковник в форме Ахтырского гусарского полка:

— Я прошу вас извинить, мы по делам службы... Я подполковник Ведерников, штаб-офицер для поручений при коменданте города, по приказанию которого, вам надлежит с нами следовать в комендантское управления, для выяснения какого-то недоразумения.

Одевши шинель, я уселся с ними в небольшой казенный автомобиль, поджидавший у подъезда. В ногах у нас стоял ящик с вином, и мой гусарский подполковник, и сопровождавший его комендантский адъютант, уговаривали меня, по выяснению причин моего вызова, распить с ними бутылку-другую вина, по случаю столь неожиданного нашего знакомства; общих же знакомых у нас оказалось не мало в полках.

По прибытии в комендантское управления, меня ввели в кабинет "грозного коменданта" ген. Мельгунова. Я стал смирно; генерал порылся в каких-то бумагах на столе и, обращаясь ко мне, сказа:

— Вы такой-то?

— Так точно.

— Вам должно быть известно, что город Одесса является тылом Румынского фронта, и приезжающие офицеры обязаны в 24-часовой срок зарегистрироваться в Управлении? По рапорту, имеющемуся у меня, вы уже третьи сутки в городе, и не сочли нужным явиться. Закон военного времени обязывает меня вас арестовать. Корнет, будьте любезны передать мне ваше оружие, и сутки отсидеть на гауптвахте.

Рассуждать было нечего; отстегнув шашку, я передал ее, стоявшему здесь же, дежурному адъютанту, который, прицепив какой-то номер к моему красному темляку, спрятал ее в шкап, и предложил мне следовать за ним. Выйдя на улицу, мы почти сразу попали в какую-то второстепенную гостиницу, обращенную во время войны в офицерскую гауптвахту. У дверей стоял часовой. Мне отвели довольно чистый номер, с хорошей кроватью. Пришел лакей из соседнего ресторана, и я заказал себе обед, прерванный у моих знакомых. Не успел я еще хорошо осмотреться на своей "казенный квартире", как передо мной вырос отчетливый вестовой с бутылкой вина и запиской подполковника Ведерникова: "От души вам сочувствуем. Пьем за наши славные полки".

Ровно через сутки меня посетил, уже знакомый мне, комендантский адъютант, вернул мне шашку, прося расписаться в книге. Я был свободен.

3. — ТАК БЫЛО У НАС

Осень 1916 года; наши Гвардейские корпуса, после кровопролитных летних боев на р. Стоходе, получив наскоро пополнение, повели вновь упорную борьбу на подступах к Владимиру-Волынскому. Обескровленные полки таяли от потерь. Выбитый офицерский состав не мог быть пополнен и многие роты оставались без офицеров. Старые полки, гордые своим боевым прошлым, обратились к полкам Гвардейской кавалерии с просьбой о временном прикомандировании к ним младших офицеров.

В октябре месяце, смененные в окопах частями 1-го Туркестанского корпуса, полки конницы отведены были к коноводам в ближайший тыл. В моем полку, по приказанию, собраны были все офицеры, и командир полка, обрисовав положение на фронте, сказал:

— Господа, надо выручать родную нам пехоту и поддержать славу Императорской гвардии. Прошу высказаться всех обер-офицеров, за исключением командиров эскадронов, начальников отдельных команд и последнего выпуска молодежи. Кто из вас пожелал бы, оставаясь в форме полка, перейти временно в гвардейскую пехоту, для принятия роты.

Встало сразу несколько человек, их примеру последовали остальные... Командир полка, сам наш коренной Лейб-Драгун, сказал:

— Господа, признаюсь, другого ответа я от вас не ожидал. Но от нашего полка требуется всего восемь офицеров в Гвардейскую Стрелковую дивизию. Бросим жребий.

На следующий день, в штабе полка собрались все офицеры. Был отслужен напутственный молебен, после чего денщики вынесли подносы с бокалами вина; командир сказал краткое слово, трубачи заиграли полковой марш и восемь офицеров, сев верхом, в сопровождении своих вестовых и денщиков, с вьючными лошадьми, под крики ура и звуки полкового марша, отбыли в Гвардейскую Стрелковую дивизию, стоявшую в нескольких верстах от нас.

Не прошло и десяти дней, как в полк сообщили, что корнет Б. убит, а несколько дней спустя, Стрелки, вновь известили, что гордость нашего полка, георгиевский кавалер шт.-ротмистр С. погиб на проволоке противника, ведя свою роту в атаку.

Под самое Рождество, при наступившем на фронте затишьи, шесть оставшихся в живых, наших офицеров, вернулись из командировки в полк, большинство израненные, а двое украшенные Георгиевским оружием.

Д. де Витт

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ Я. И. КУЛЬНЕВА

На сем месте
Пал, увенчан победой,
Храбрый Кульнев,
Как верный сын,
За любезное Отечество сражаясь.
Славный конец его,
Был подобен славной жизни.
Галл, германец, швед,
Оттоман и сармат,
Зрели его мужество и неустрашимость.
На поле чести.
Стой, прохожий,
Кто бы ты ни был —
Гражданин или воин —
Опустись на колена
И почти память его молитвой.

(СПБ, 1844 г.)

Извлек *П. Шостак*

150-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ

17 июня 1807 года первый Российский корабль ошел в Сидней (Порт Джаксон, в те времена). Это ыл клиппер Русско-Американской компании “Нева”, од командой капитан-лейтенанта Гагемейстера. Кокабль простоял там две недели и ушел 1-го июля в ляску.

КОННАЯ АРТИЛЛЕРИЯ

В 1702 г., повелением Императора Петра I. драгунским полкам было придано по два 3-фунтовых единорога (короткая пушка) и этот год является годом начала существования полевой конной артиллерии, аковой, в те времена, не существовало в других армиях. Только через 54 года Конная Артиллерия, как таковая, появилась в прусской армии.

Впоследствии, число орудий при драгунских полках было увеличено до 4-х на полк. В 1794 году, конная артиллерия была переформирована в отдельный род войск и, в начале, ей была присвоена особая форма одежды: гусарские красные чакчиры, гусарские же ботики, желтый камзол с черным бархатным воротником и гусарскими жгутами, полу-аксельбант на левом плече и треугольная шляпа с султаном, но, со времени царствования Императора Александра I и до последних дней Российской Империи, форма одежды полевой конной артиллерии была драгунского образца, с сохранением бархата.

Прежде, во французской, итальянской армиях, и, ныне, в английской (в единственной Королевской Конной Батарее), конная артиллерия носила, а в английской армии и еще носит, гусарскую форму. Если форма драгунского образца, в Русской полевой конной артиллерии имела исторические истоки, то гусарская в других армиях, объяснялась лишь привилегированным положением этого рода конного войска.

В бою под Кунерсдорфом, впервые за свое существование, полевая конная артиллерия, из полковых соединений была сведена в отдельную группу, оказав своей коннице большие услуги. Наша конница, преследуя по пятам, разбитую на голову прусскую армию, захватила фургон с личными вещами Фридриха Великого. В этих вещах найдена партитура марша, композиции самого короля и его собственная флейта. Марш этот, впоследствии, был присвоен Российской конной артиллерии.

Зародившись в рядах конницы, полевая конная артиллерия всегда сохраняла тесную бытовую связь с кавалерией. Это так красиво выражено в стихах недавно скончавшегося Е. В. Кравченко, прочтенных

автором на обеде юнкеров Николаевского кавалерийского училища, в Париже, 15.XI.1936 г.

В плеяде воинских созвучий,
Где диссонансам места нет —
Звучит один аккорд могучий,
Рождая радостный ответ.

Он соткан отблесками славы
Былых сражения полей
И братских верных единением
Полков и конных батарей.

Мы знаем: время не изменит
Традиций славных глубину.
Мы пьем бокал за дорогую,
Родную, младшую сестру.

И последующие строки, звучащие ныне, похоронным маршем:

И ждем, когда опять сольется,
Оружья лязг и храп коней,
С стрельбой лихой "на пораженье"
Бессмертных конных батарей.

Сообщил *А. Левицкий*

ХРАБРЕЙШИЙ ИЗ ХРАБРЫХ — МИЛОРАДОВИЧ

Суворовского сподвижника, генерала графа Милорадовича, убитого впоследствии декабрьскими бунтовщиками, французы сравнивали со своим Мюратом и называли "Баярдом". Рыцарь, в полном смысле этого слова, Милорадович больше всего любил — славу, солдата и, подобно Суворову, скучал без войны. Император Александр I пожаловал ему, первому, "Знак Отличия Военного Ордена" (солдатский Георгиевский Крест), сказавши: "носи солдатский крест — ты друг солдата".

Милорадович получил широкое образование, но по-французски говорил неправильно и это обстоятельство дало повод для такоо рассказа:

Однажды, за обедом у Императора Александра I, граф Ланжерон, французский эмигрант, сидел между Милорадовичем и Уваровым, которые очень горячо, между собой, спорили. Государь обратился к Ланжерону с вопросом: "о чем идет их спор?"

— Извините, Государь, я их не понимаю — они говорят по-французски.

Между прочим, в обществе, генерала Уварова называли "генерал Je" — будто бы на вопрос Наполеона, "кто командовал кавалерией в блестящей атаке этого дня?", — Уваров ответил — Je".

Но, если у этих генералов была склонность говорить по-французски, то дрались они, все же, "по-русски".

Сообщил *А. Л.*

ЕЩЕ О ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

(Рассказ, слышанный мною от покойного генерала князя Бековича-Черкасского)

В период "первой революции" 1904—05 г.г., в Эривань был назначен военным губернатором генерал Принц Наполеон Бонапарт, Начальник Кавказской кавалерийской дивизии.

В краю шла, обостренная событиями, татарско-армянская борьба. Принц Бонапарт пригласил в дом Губернатора делегатов от татар, армян и Русского населения. При представлении делегаций, присутствовали все старшие начальники и, в том числе, командир дивизиона Северских драгун, состоявшего в распоряжении военного губернатора, подполковник Персидский Принц "X".

По возвращении Принца в полк, офицеры, бывшие в собрании, просили его рассказать — что он видел и слышал?

— Генерал Бонапарт вышел к делегатам и стал говорыть, хорошо говорыть. Армяне — плакали. Татары — плакали. Ну, почувствовал и я — что у меня текут — слезы...

— Но, о чем же он говорил? — перебили офицеры.

— Пойды!.. Поймы, если француз говорит порусски? — был ответ.

Сообщил *А. Л.*

НЕЧТО О ЛЕРМОНТОВЕ

В одном из гусарских полков, служил корнет, писавший недурные стихи. Командир полка, старый служака и завзятый кавалерист, узнав об этом, спросил командира эскадрона, как, дескать, служит этот корнет? Командир эскадрона отозвался с похвалой, после чего полковник приказал вызвать корнета к нему.

Корнет прибыл, командир полка поблагодарил его за хорошую службу, но потом, несколько замявшись, добавил:

— Только вот... стихи... луна, звезды, сентименты... как то, знаете, не подходят для гусарского корнета.

— Господин полковник, но, ведь, были же гусары, писавшие стихи? Лермонтов, например?

— Ну, и что же хорошего вышло? — гласил ответ полкового командира, — перевели в пехоту...

Сообщил *А. Л.*

ОБЗОР ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ

П. Н. Богданович. "Аракчеев. граф и барон Российской Империи". — 1956 г. Буэнос-Айрес.

Эта, очень интересная, по своей теме и по ее трактовке, книга — представляет собой довольно искусную, но совершенно безнадежную попытку обелить в глазах русских людей графа Аракчеева, человека, пользовавшегося и пользующегося и до сих пор, единодушной ненавистью, которой, пожалуй, не пользовался(кроме, разве, Бирона), ни один человек в русской истории. Как военный министр, как военный деятель, оказавший русской артиллерии, в эпоху наполеоновских войн, неоценимые услуги, — Аракчеев, конечно, сыграл благодетельную для России роль.

Однако, в оценке личности Аракчеева не так важна эта сторона его жизни. Заслуги его на военном поприще, бесспорно, велики, но они, к сожалению, совершенно обесценены, в исторической перспективе, тем злом, которое он причинил России своей жестокостью, бездушием, и угнетающим формализмом, вносимым им в свои отношения с людьми. Совершенно справедливо отмечает П. Н. Богданович, что идея создания военных поселений не принадлежала Аракчееву. Идея эта, может быть, и не была бы плоха, но осуществление и претворение ее в жизнь, сделанное Аракчеевым, было ужасно. В организации военных поселений, в их внутреннюю жизнь он внес столько ненужной жестокости, столько глумления и пренебрежения к личности солдата, да, и офицера, столько бездушной формальности и бессмысленной муштры, что поселения эти навсегда стали символом той "аракчеевщины", которая была безмерно тягостна для тогдашних русских людей.

Надо полагать, что и Минкина, сожительница графа, не отличалась мягким нравом, если она была убита крепостным, доведенным ее жестокостью до отчаяния. Отсюда нетрудно представить себе, какой дух, царил в аракчеевской вотчине Грузинах и оттуда разливался по всей России. Неужто можно заподозрить ясного и благожелательного Пушкина в умышленной клевете на Аракчеева, которого он знал не по книгам и архивным материалам, а как живого человека и как своего старшего современника.

Полковник П. Н. Богданович пытается объяснить всеобщую ненависть современников к Аракчееву и его "травлю" — происками той "боярщины", т. е. родовой русской аристократии, которая боялась возвышения мелкопоместного дворянства, препятствовавшего властолюбивым и честолюбивым замыслам этой "боярщины". А, так как, Аракчеев, вышедший из среды мелкопоместных, занял в государстве необыкновенно высокое положение, то, делается, де, понятной общая вражда к нему и его оклеветание.

Однако, такое объяснение не выдерживает никакой критики. Суворов, Кутузов, Барклай-де-Толли, Ермолов и многие другие великие и прославленные русские люди, — стяжали себе честь, славу и вечную признательность русских людей всех сословий, хотя они вовсе и не принадлежали к "боярщине", а вышли из скромных дворянских семей. Никто их за это не не ненавидел и никто на них не клеветал.

Русский народ полюбил их всех не только потому, что они были героичны, славны и блестящи, но за то, что они были человечны. Они любили и понимали солдата, не вырывали солдатских усов, не увлекались шпицрутенами и розгами, и не давали Царям жестоких и ожесточавших людей советов. Русский солдат сохранил о них светлую и благодарную память. А, вот, об Аракчееве, такой памяти не сохранилось, а совсем наоборот. Почему?

Говоря о прошлом, мы не должны бояться правды. Русское прошлое, в котором, как и везде, наряду со светлым и добрым, было немало и мрачного и жестокого, — не нуждается в подкрашивании и ретуши.

Они только вредят исторической истине, которая, в целом, возвеличивает великую Россию, ее Царей и русский народ. Обелять же необелимое и оправдывать неправедное, к чему, из благородных побуждений, стремился автор труда об Аракчееве, — дело не только бесполезное, но и вредное.

Г. Месняев

Почтовый ящик

По поводу исторической справки о ген.-майоре Каннабихе, приведенной в заметке г-на А. Г. "Из старинных былей", разрешите напомнить вашим читателям эпизод, рассказанный Ключевским в томе 5 его "Курса Русской Истории": "Раз, на смотру, бывший гатчинский офицер Каннабих, получив от Императора какое-то приказание, полетел, сломя голову, исполнять его. На скаку, с него слетела шляпа. — "Каннабих, Каннабих, — закричал ему вслед Император. — шляпу потерял". — "Но голова тут, Ваше Величество". — отвечал Каннабих, не останавливаясь. — "Дать ему тысячу душ", — сказал Император, довольный этим ответом".

Вот объяснение подписи: "...тысячи душ кавалер... Каннабих".

В. Солюс

Ноттингэм. Англия

Г-ну Николенко. — В Редакции есть письмо для вас от Павла Федоровича Волошина. Просьба сообщить адрес, чтобы переслать письмо.

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières. Paris.

„ВЕСТНИК“

ежемесячная военно - национальная газета. Издание Обще - Кадетского Объединения
под редакцией **А. А. Геринга.**

VII год издания. Париж. Цена отд. номера: во Франции — 60 фр., Германии — 60 пф.,
странах заокеанских — 20 ам. ц.
Обращаться по адресу: А. А. Геринг 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16).

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из жизнетворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, безсонницы и в некоторых случая повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!

Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:

Laboratoire B. KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16e). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE : V. Miller, 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.

„МОРСКИЕ ЗАПИСКИ“

издаваемые Обществом Офицеров Российского Императорского Флота в Америке, под редакцией старш. лейт. барона Г. Н. Таубе

Вышел и разослан подписчикам

№ 1/2 (44), т. XV, 1957.

Подписная цена — 3 долл. в год.

Представитель на Францию: кап. 2 р. В. В. Скрябин.

Обращаться по адресу:
38, Bd de la République, Boulogne s/S.

Издание Обще-Кадетского Объединения в Аргентине

«ВОЕННАЯ БИБЛИОТЕКА»

№ 1, цена 60 фр.

НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

	Фр.
Георгий Ишевский — Честь	600
И. А. Ильин — Наши задачи, в 2-х тт...	2.400
Ю. Н. Данилов — Русские отряды на франц. фронте	350
Г. Александровский — Цусимский бой..	700
«Возрождение», ежемесячные тетради..	200
А. Балашов — Для немногих, стихи....	400
П. Н. Богданович — Граф Аракчеев	500
Л. И. Кульнев — Волны жизни	350

Поступила в продажу в Париже книга
Георгия ИШЕВСКОГО.

„ЧЕСТЬ“

Изд. Обще-Кадетского Объединения.
Литературное описание жизни Симбирского кадетского корпуса и воспитания Русской военной молодежи в Императорской России.
Продается в конторе «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и во всех Русских книжных магазинах.
Цена книги — 600 фр.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e) и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tottenham street, W 1.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Neumoresa 86, Roma.

Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue Heliopolis, Ibrahimie.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — P. O. Box 304, Nyack (N.Y.)

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 avenue San-Francisco 18.

Канада — у А. С. Орлова — 224, Dovercourt R-d Toronto (ONT).

Австралия — а) у Калатилина — 50, Belemba ave Lakemba (N.S.W.), б) у Н. А. Косач 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — Obligado 2130, Buenos-Aires.

№ 26

СЕНТЯБРЬ 1957 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 6-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

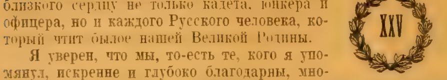
LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

К 25-му номеру „Военной Были"

Это, своего рода, "многолетие" журнала, близкого сердцу не только кадета, юнкера и офицера, но и каждого Русского человека, который чтит былое нашей Великой Родины.

Я уверен, что мы, то-есть те, кого я упомянул, искренне и глубоко благодарны, многоуважаемому Алексею Алексеевичу, за его почин, за его плодотворную, бескорыстную и огромную работу, по изданию "Военной Были", и от души желаем ему здоровья и подголетия для продолжения этого полезного и прекрасного дела.

Да здравствует дорогой Алексей Алексеевич!

Предеседатель всех Объедин. Суворовцев *А. Н. Потапов*

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1050 фр. с пересылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № 5 шил. год. подписка — 25 шил., в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16e). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881-89 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

6-й год издания № 26 СЕНТЯБРЬ 1957 г. Bimestriel. Prix — 200 fr.

Памяти Ротмистра Его Высочества Князя Иоанна Константиновича

В этом году исполняется 50 лет со дня производства в офицеры, лейб-гвардии в Конный полк, замученного коммунистами, покойного Князя Иоанна Константиновича. В 1907 году он был произведен в корнеты и, до самой революции, не покидал строя.

Старший сын Великого Князя Константина Константиновича, он унаследовал от своего отца замечательную благожелательность к окружающим его людям, какой бы они не были среды, и это качество, связанное с природной добротой, делало его обаятельнейшим человеком. Воспитанный в строгой и высоко культурной семье, Князь Иоанн Константинович весь был пропитан высоким чувством долга, которое сказывалось во всех его действиях. Глубоко верующий и религиозный человек, он много интересовался богословием и, в особенности, духовной музыкой.
но, пел на клиросе, в домовой-ли церкви, в полковом
но пел на клиросе, в домой ли церкви, в полковом ли Благовещенском соборе или в церкви Муравьевских казарм, во время войны, и постоянно читал Апостола. Эта, религиозная сторона его жизни, несколько удивляла его молодых однополчан, но и заставляла уважать его, так как он, неукоснительно, продолжал делать то, что находил должным.

Среди многих о нем воспоминаний, одно особенно сильно врезалось мне в душу, быть может потому, что в начале войны, мы, как-то сильнее чувствовали близость смерти, витавшей вокруг нас.

1914 год. Восточная Пруссия. Воскресенье. Полки 1-й гвардейской кавалерийской дивизии готовятся, дальше, итти в бой. В небольшой халупе, полковой священник, лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка, спешно служит обедню Преждеосвященных Даров, прислуживают два кирасира. Молящихся мало... Не до того... К Причастию подходят два человека: флигель-адъютант поручик Князь Иоанн Константинович, и я, в то время, еще рядовой-вольноопределяющийся. И помню до сих пор, как после Причастия, Князь Иоанн Константинович поздравил меня и сказал:

— Как стало легко на душе...

И действительно, как легко было после этого сесть на лошадь и, снова, идти в бой.

Впоследствии, я имел счастье иметь Князя Иоанна Константиновича командиром эскадрона (он командовал эскадроном молодых солдат, в Муравьевских казармах), и он удостоил меня своей дружбой. Вне службы, он, постоянно и запросто, бывал у меня в доме, мы, подолгу, с ним беседовали и, больше, чем кому-либо, мне дано было узнать, какой это был простой, отзывчивый, глубоко верующий, хороший Русский человек и офицер. Во время войны, Князь был награжден Георгиевским Оружием.

После революции, Князь Иоанн Константинович исполнил свою давнишнюю мечту — служить Богу и был посвящен в диаконы. Служение его проходило, между прочим, и в Иоанновском монастыре. Молва об этом быстро разнеслась в народе и церковь была всегда переполнена молящимися. Продолжалось это недолго, так как большевицкая власть запретила Князю служение в церкви, на что он с сокрушением жаловался своим друзьям-однополчанам.

Через несколько дней, после праздника Благовещения, в 1918 году, всем, еще не арестованным, членам Императорской фамилии было приказано собраться на Николаевском вокзале, для отправки в неизвестном направлении. Накануне, Князь Иоанн Константинович просил некоторых однополчан, бывших тогда в Петрограде, придти к нему в Мраморный дворец, чтобы проститься. Время было тревожное — собралось несколько офицеров, которым Князь роздал иконки и мелкие подарки на память...

18 июня 1918 года, в Алапаевске, Князь Иоанн со своими братьями Константином и Игорем, Великим Князем Сергеем Михайловичем, Великой Княгиней Елизаветой Федоровной и Князем Владимиром Палеем, был замучен коммунистами.

Помянем же молитвенно ротмистра Конной Гвардии Великомученика Князя Иоанна Константиновича и да не забудет и он нас в своих молитвах перед Всевышним.

А. Тучков

Генерал-майор Яков Петрович Кульнев и его гусары

(Окончание)

В феврале 1810 года, граф Каменский, прославившийся в Финляндии, был назначен Главнокомандующим на Дунае против турок, где война длилась три года. В числе выбранных им генералов, находился и доблестный его сподвижник на севере ген. Кульнев, назначенный шефом Белорусского гус. полка, находившегося в Валахии. Здесь, конечно, ему был поручен также авангард — батальон пехоты, 10 эскадронов конницы, 3 казачьих полка и полторы роты артиллерии с целью идти за Дунай, форсированный Кульневым для продвижения к Силистрии.

После покорения крепости 3.V.1810 г. армия двинулась к Шумле, предшествуемая авангардом графа Уварова, где находился и Кульнев. По приближении к крепости, показалась турецкая конница, быстро рассеянная Кульневым. 11.VII.1810 г., во время атаки русскими Шумлы, турки неоднократно обрушивались на, выдвинутую вперед, конницу Кульнева, но всегда дорого платили за эту смелость и были им отбиты. Не имея удачи под Шумлой, Каменский обратился на Рущук. Авангард вел Кульнев. Штурм Рущука был отбит. Каменский стянул от Шумлы остальные войска и, узнав о намерении Куманец-аги атаковать русских на переходе, выслал Кульнева с 2.000, отбросить неприятеля. Куманец-ага занимал большими силами лагерь на высоте. Кульнев нашел невозможным атаковать при наличии столь малых сил. Каменский прислал тысячу человек подкрепления. Получив также свежие войска, Куманец-ага перешел Янтру и расположился 3-мя лагерями у Батика, ожидая Великого Визаря из Шумлы.

Каменский повел против турок 20 тысяч войска двумя колоннами. Пока брали один турецкий лагерь, Кульнев, усиленный Малороссийским Гренадерским и 11-м Егерским полками, ударил им в тыл, разогнав бежавших из лагеря всадников, взял укрепления Дунайского берега и, когда выбитые оттуда турки, бежали к берегу, гнал их гусарами и казаками.

Брату Главнокомандующего Каменскому 1-му было приказано ударить на большой турецкий лагерь, а Кульневу с тыла. Удар с фронта не удался, а Кульнев ответил, что не может выполнить приказание из-за крутости возвышенности. Приказание было повторено и вновь отклонено Кульневым. Тогда, взбешенный Каменский, не терпевший противоречий, лично прискакал с приказом. Кульнев бросил саблю и уехал с поля сражения.

Каменский, зная безудержную вспыльчивость, а так же, доблесть и прежние заслуги, не только простил своего старого сослуживца, но представил его к награде. За Батинское сражение, Император Александр I даровал ему саблю с алмазами и надписью "За храбрость".

В январе 1811 года, Кульнев оставил Дунайскую армию, а в мае был назначен Шефом Гродненского гусарского полка, стоявшего тогда в Витебской губ.

Приближалась Отечественная война. Гродненский гусарский полк вошел в состав корпуса графа Витгенштейна, занимавшего Россиены и Кейданы, и начал отступать на Вилькомир и Солок, когда шефский адъютант, корнет Лизогуб, обнаружил вторжение неприятеля в пределы России. Корпус прикрывал Кульнев с Гродненским гусарским полком.

16.VI у Вилькомира оба батальона гусар бросились на неприятельскую пехоту, отбросили ее на версту, а затем стали переправляться. Командующему арьергардом корпуса, Кульневу, пришлось сражаться не только за Отечество, но и на родных полях, где беззаботно протекало его детство. Брат его жил в Люцине. Получив незадолго перед войной аренду за 12 лет, по тысяче рублей за год, со своего имения, он отдал ее целиком племяннице на приданное — матушка его уже скончалась. При отступлении к берегам Двины, он писал брату:

— Если я паду от меча неприятельского, то паду славно, почитая счастьем последнею каплею крови жертвовать защите Отечества. Возлагаю всегда упование на Всевышнего Творца и на грудь нашу. Мы будем стоять, как крепкие каменные стены за наше любезное Отечество. Молись за меня Богу. Герой, служащий Отечеству, никогда не умирает, а оживает в потомстве.

2.VII.1812 г. Русская армия покинула Дрисский лагерь, а Кульневу с Гродненским гусарским полком, 23-м и 25-м Егерскими, казачьим Платова 4-го, и ротой легкой артиллерии приказано было идти на левый берег Двины, для разведки, а в случае обнаружения больших сил неприятеля, перейти снова Двину у Друи и сжечь там мост. Впереди шел Гродненский гусарский полк под командой подполковника, впоследствии генерала от кавалерии, Ридигера.

3.VII.1812 г. разъезды донесли о нахождении в нескольких верстах французского отряда ген. Сент-Женист: 11-й конно-егерский и Польский 10-й гусарские полки. Ридигер внезапно ударил в конном строю и опрокинул неприятеля. Генерал Сент-Женист, взятый корнетом Глебовым. 3 офицера и 144 рядовых попали в плен, 300 французов убито и ранено. Русские потеряли: убитыми 12, ранеными — 6 офицеров и 57 рядовых. Этот бой вошел в историю под названием: "Бой под Друею".

Начальник штаба корпуса Витгенштейна ген. Довре, в своем "Precis de op. milit du I corps" пишет: — "Это кавалерийское дело, в котором Гродненский гусарский полк дал первые доказательства

того блестящего поведения, которым отличался в продолжении всей кампании, нам стоило 12 человек убитыми". Кульнев, собрав сведения о неприятеле и захватив важную переписку ген. Сент-Женист, ушел за Двину, не приписал успеха себе а просил наградить Ридигера. На каждый эскадрон пожаловано по 3 знака отличия. Конный бой показал на продвижение Наполеона I из Вильно и был первым успехом русских в этой войне. Имя Кульнева прогремело по всей России.

На привезенного в Москву ген. Сент-Женист, народ сбегался смотреть, как на диво. Корпусу Витгенштейна было приказано прикрывать Петербург, и он остановился близ Двины.

Удино занял Полоцк и 14.VII потянулся на Себеж. Граф Витгенштейн отправил за Двину Кульнева с 8-ю эскадронами, казачьим полком, всего 4.335 человек, при полутора-роте артиллерии.

13.VII. Кульнев рассеял несколько неприятельских отрядов, истребил обоз, взял в плен 432 человека и, что особенно важно, узнал от одного пленного офицера генерального штаба о движении Удино на Себеж.

16.VII.1812 г., перейдя Дриссу, имел столкновение с дивизией Корбино, прикрывавшей движение Макдональда: 8-й уланский, 7-й и 20-й конно-егерские полки. Сначала были брошены: лейб-эскадрон (шефский) и несколько сотен казаков Платова 4-го, а потом весь Гродненский полк на близком расстоянии, чтобы французы не могли построиться. 12 французских эскадронов были опрокинуты и отброшены к деревне Волынцам, где неприятель построился и остановился. Столкновения не произошло. Ночью французы отступили по Полоцкой и Дисненской дорогам, потеряв 3 офицера, доктора и 167 нижних чинов. Гродненский гусарский полк с 3-го по 17-е VII взял в плен 10 офицеров и 2.000 нижних чинов. Удино занял Клястицы, двигаясь к Петербургу. Витгенштейн хотел его задержать, приказал Кульневу вернуться на правый берег Двины и идти от Волынцев к Соколицам. Задержанный трудною переправой, Кульнев стоял 18.VII.1812 г. под Свольною, а Удино прибыл в 11 часов утра лично в Клястицы. Гродненский полк, шедший впереди авангарда, выслал в Якубово 2 эскадрона, где стояло французское прикрытие — пехотный полк. Встреченные залпами, гусары оттянулись, но пехота, двинутая за Гродненскими гусарами, уже строились для атаки Якубово. Удино брился, увидя "Les Hussards Bleus". В этот день шел пехотный бой; кавалерию, благодаря свойству местности, развернуть было невозможно. Вечером прибыл Витгенштейн с 1-м корпусом. 19.VII французы отступили к Клястицам, на очень удобную позицию: командующие высоты, река неглубокая, но непроходимая в брод, дома давали прикрытие; единственный мост находился под обстрелом французских батарей и стрелков, засевших в домах. Витгенштейн, не желая подвергать свои войска большим потерям, при штурме с фронта, приказал Кульневу обойти французов, отыскав переправу через Нищу. Кульнев, перейдя реку, стал выстраивать свои эскадроны.

Известная картина Гессе, в Зимнем Дворце, "Клястицкое сражение", копия которой подарена полку Г. Л. Эссеном, изображает этот момент. Удино, видя, что русские переправились у Гвоздов, приказал поджечь мост и готовиться к отступлению. В это самое время, с фронта, бросившись через пылающий мост, ударила пехота, а на фланге Кульнев начал свои атаки. Французы были выбиты и отступили по Полоцкой дороге. Этого только и ожидал Кульнев — все восемь эскадронов помчались на передовые части французов, показавшихся в открытой местности. Усталость мешала преследованию, но Кульнев бросил полк Гродненских гусар, Ямбургский драгунский, часть Рижского драгунского, Сводно-гренадерский батальон, отряд казаков, при 4-х конных орудиях. За ними шел ген.-майор Сазонов с 4-мя пехотными полками и батарейною ротой. Русские захватили обоз и 900 пленных. Кульневу приказано было гнать Удино, но не вдаваться в серьезный бой до прибытия главных сил, т. е. до 8 часов утра 20.VII.

Теряя обозы и пленных, Удино переправился через Дриссу у Сивошино. Против него стал биваком Кульнев; пеьота не могла дальше идти, кони также требовали отдыха. Увлеченный успехом Кульнев не дождался 8 часов утра, а с его обычной отвагой и горячностью, отличительными чертами его характера, двинулся вперед с наступлением рассвета — в 4 час. утра. Дорога шла по отлогой, болотистой местности, как бы длинная плотина на топком болоте. Сначала казаки, а за ними Гродненцы, были встречены орудийным и ружейным огнем, засевших в Боярщине, французов; их егоря, пробравшись по болотистому лесу, с обоих сторон обстреливали наших всадников, а орудия, занимавшие командные высоты, сразу подбили наши 3 конных орудия. Казаки, сметенные ружейным огнем, отступили толпою, а сзади пехота, из под Сивощина, не зная о происшедшем, напирала массою на ошеломленную конницу. Кульнев понял весь ужас положения, хотел прорваться, но дорога была запружена отступающими. Послал к Сазонову, шедшему с тяжелыми орудиями, но было поздно: его колонна находилась в полном отступлении. Часть рот успела пройти мост через Дриссу, часть была опрокинута в реку. Кульнев лихорадочно приводил в порядок остаток войск. 8 конных орудий расположились на Сивошинских высотах. В прикрытии "Les Hussards Bleus". "Видите, это хуже, чем под Оровайсом", — воскликнул Кульнев, обращаясь к Ридигеру. Давя всем корпусом, Удино старался не выпустить отряд Кульнева. Часть его войск, раньше переправилась через Дриссу и обходила наши войска, а другая наседала с фронта. Увидя неприятеля на фланге, Кульнев подскакал к своим гусарам и надорванным голосом прокричал:

— Победить или умереть!... За Царя и Отечество!.. Друзья, вперед за мной!...

Ведомый Кульневым и Ридигером, полк врезался

в карэ французских батальонов, очищая позицию от наседавших войск Удино. Ни под Фридландом, ни в Финляндии гусары не атаковали с таким ожесточением. Натиск французов продолжался. Отряд вынужден был дальше отступать. Конные орудия были сняты и гусарам вверено было спасение их. За Сивошиным, на нашем левом фланге, показались кирасиры Думерга. Видя слабое прикрытие батареи, они пытались ею овладеть, но были отброшены Гродненцами.

Грустный и расстроенный, шел Кульнев с Ридигером, вместе с последними рядами полка. Остановившись для отдачи приказания, подошел к одному орудию. Шальное ядро оторвало ему обе ноги.

— Друзья... спасайте Отечество, — и обращаясь к Ридигеру, указал на свой крест Св. Георгия: — увезите его... пусть неприятель не знает, что убил русского генерала.

В это время кирасиры Думерга, отброшенные раньше, вернулись для повторения атаки:

— Братцы, отомстим за нашего командира, — скомандовал Ридигер.

Полк молча, как один, без дальнейшей команды, помчался на несшегося к батарее противника, взял его в сабли, частью порубил и отбросил.

Граф Витгенштейн, выступив давно из Клястиц, приближался к полю сражения. Корнет Лизогуб, адъютант шефа полка, донес о смерти Кульнева. Гродненцы были уведены в резерв.

Французы, повторив ошибку Кульнева, зарвались, были разбиты и отступили к Полоцку. Кульнева не стало... Тело его похоронили у Сивошина, при впадении речки в Дриссу. Несколько елей оттеняют камень, на коем начертано было:

"На сем месте пал, увенчан победою, храбрый Кульнев, как верный сын за любезное Отечество сражаясь".

Славный конец его был подобен, славной жизни: оттоман, сармат, галл., германец, француз и швед знали его мужество и неустрашимость на поле чести. "Стой прохожий, кто бы ты ни был, гражданин или воин и почти память его слезою". По народной молве, Кульнев был похоронен подле того холма, где родился, ибо его мать, беременная им, ехала из Полоцка в Люцин, внезапно почувствовала боль, вышла из экипажа и родила сына на холме, где под елями потом боевые товарищи предали тело героя — матери — Земле. Тиртей 12 года, В. А. Жуковский облек эту народную молву в пленительные стихи:

"Где Кульнев наш, рушитель сил,
Свирепый пламень брани
Он пал, главу на щит склонив
И стиснув меч во длани
Где жизнь судьба ему дала,
Там брань его сразила
Где колыбель его была
Там днесь его могила
И тих его последний час
С молитвою священной
О милой матери угас
Герой наш незабвенный".

Кульнев пал, но память о нем на веки осталась в Русской армии, особенно в Гродненском гусарском полку, в рядах коего долго раздавалась песня, составленная во время Наполеоновских войн:

"Молодца мы потеряли,
Кульнева злодей убил,
Да за то и отчесали:
Дорого ты заплатил.
Сколько тысяч меж рядами,
Ты своими не дочтешь,
Сколько саблями, штыками
На плечах, ты ран несешь".

По приказу Императора Николая I, прах Кульнева был перевезен в 1831 г. в его имение "Ильзенберг", т. е. Кульнево, Режицкого уезда, Бердигальской волости. У могилы висят венки с лентами: от Клястицких гусар (бывших Гродненских), Л.-Гв. Гродненского полка, Первого Кадетского Корпуса, других войсковых частей и многих почитателей героя. В голове могилы — фамильный герб, а у ног большой портрет его. На правой стороне, в витрине, под стеклом, находится серебряная лавровая ветвь, увитая Георгиевской лентой и ментишкетным шнуром героя. Французское ядро, прервавшее жизнь Кульнева, находится у левого угла могилы. На лицевой стороне храма прикреплена, черного мрамора доска, на которой вырезана надпись-приказ Императора Николая I о перевозке праха.

Село "Кульнево", после 1-й мировой войны, вошло в состав Латвии. Могила, за исключением государственных гербов, с которых сбиты короны, не пострадала.

Ежегодно, 20.VII, по старому стилю, настоятель церкви о. Арсений Слесаренко, по совершении Божественной Литургии, служил панихиду на могиле героя и посвящал ему проповедь. Из Режицы прибывала русская скаутская дружина со знаменем и ставила 4-х почетных часовых у могилы.

Родовое имение Кульнева после 1920 г. было разделено на хутора; сама усадьба с барским домом принадлежала латгальцу хуторянину. Дом Кульнева, с большими комнатами, находился в запущенном состоянии, но все же хранил в себе следы былых времен.

В ознаменование славного Клястицкого сражения и доблести генерала Кульнева и его полка, заплатившего за свою пламенную любовь к Отечеству жизнью, Император Александр I повелел 17.II1824 г. переименовать Гродненский гусарский полк в Клястицкий. Незадолго до этого ген. Ридигер являлся Императору Александру I-му, знавшему хорошо его храбрость и хладнокровие. На вопрос Государя:

— Скажи мне откровенно, было ли тебе когда-нибудь страшно?

Ридигер ответил:

— Раз, Ваше Величество — в Сивошинском дефилэ, под Клястицами, — и рассказал подробности засады, защиту орудий, смерть Кульнева, атаку гусар. Несколько недель спустя последовало переименование полка.

Существовало предание, по которому граф Витгенштейн, любивший особенно Гродненцев, спасших его от плена под Полоцком, впервые назвал их Клястицами в память 1-й победы над французами. Долго после кончины Кульнева, называли их "гусарами Кульнева". Для того, чтобы славное имя, с коим было связано столько побед, осталось в армии, новый гусарский полк, сформированный 19.II того же года, на правах молодой гвардии, наименован был Лейб-Гвардии Гродненским гусарским. Командир Клястицкого гусарского полка, полковник Ильинский, старый Гродненец, поступивший в полк корнетом, четыре раза раненый и проделавший с полком кампании 1807, 1809—9, 1812—14 г.г., потерявший под Полоцком правую руку, сказал им в этот день:

— Мы дали вам то, что для нас ценнее всего — доброе имя. Носите его, как мы его носили.

На софрмирование нового Гродненского полка Клястицкий гусарский полк выделил 176 человек.

26.I.1909 г. Высочайше пожалован 6-му гусарскому Клястицкому полку вечный шеф — генерал-майор Кульнев, чем еще более упрочена духовная связь, существовавшая между ними.

Умер Кульнев 49-ти лет, прослужив 30 лет на военной службе. Он был, как описывают его адъютант Денис Давыдов, проделавший с ним Финляндскую и Турецкую войну и Ф. Булгарин, ростом 2 аршина 10 вершов, сухощав, несколько сутуловат. Темно-русые волосы его рано пробила седина; смуглое лицо, большой нос, черные глаза, под нависшими бровями, огромные бакенбарды и длинные усы, придавали ему вид угрюмый-боевой "волка". В обществе бывал задумчив и молчалив. Горе и нужда рано познакомились с ним. Недостаточное состояние заставило его, сперва по неволе, быть неприхотливым; суровый образ жизни соответствовал более солдатскому быту, к коему стремилось его сердце. Носил мундир из толстого, солдатского сукна с гарусными шнурами и оловянными пуговицами, но рейтузы и фуражка были всегда форменные, офицерские. Правда, он надевал, из балагурства, иногда, финский колпак, разного рода скуфеи и ермолки, а однажды надел на голову подаренный ему Денисом Давыдовым табачный кисет зеленого сафьяна, шитый золотом. Все это делалось на биваке, вне службы.

Причуды Кульнева происходили от его веселого, данного от рождения, характера, облеченного позже, под влиянием жизненный обстоятельств и основной его страсти — конных атак, в суровую форму. Он никогда не унывал, обладая неподдельной, самобытной оригинальностью характера.

Шумного разгула пирушек, обычных в гусарских полках, не любил, ел простую солдатскую пищу, часто лично приготовляемую. Под суровой оболочкой хранилась чуткая, образованная душа, горячее сердце, любившее не только своих родных, но и товарищей.

Покровительствовал постоянно разжалованным в рядовые штаб- и обер-офицерам, служившим в его отрядах. Во время Турецкой войны их было у него в авангарде до 20-ти человек; все они пользовались ласковым отеческим обхождением и все были произведены во время кампании в офицеры.

Раненые и пленные неприятели находили в Кульневе своего покровителя и защитника; спасенный им от разъяренных Гродненских гусар ген. Левенгельм, всю свою жизнь был ему благодарен и вспоминал его с восторгом. Генерал Сент-Женэст, обласканный и утешенный Кульневым после сдачи, прослезился, узнав о его смерти. Обладая оригинальным живым умом, сказывавшемся в письмах и приказах, был, особенно для военных тех времен, хорошо образован.

Его приказы:

"К ретираде всегда есть время, к победе редко", "Стремитесь туда, где растут лавры и приобретается слава", и многие другие были хорошо известны всей Армии. Он знал прекрасно историю. Любимыми героями его были: Ганнибал, и Суворов, особенно любил хронологию, а также языки — французский и немецкий.

Глубоко религиозный, пламенно любил Россию и ее воплощение — Царя. Мать свою обожал и ничего не щадил для ее спокойствия. Бескорыстие было одной из отличительных черт его. В одном из писем добавляет: "Утешаюсь в величии римской нищеты".

Товарищи пользовались его радушием и хлебосольством. "Живу по дон-кихотски", — говорил он: — странствующим Рыцарем Печального Образа, без кола и двора, но милости прошу пожаловать, только каждого со своим прибором— у меня один; голь на выдумки хитра, потчиваю вас собственной стряпней и чем Бог послал".

Ласковый с подчиненными, он был строг и неумолим по службе; не только за небрежность, или незнание службы, но даже за ошибку неумышленную, — ибо, — говорил он: — в военном деле всякая ошибка гибельна, отчего бы она не происходила".

Строгие приказы в отношении провинившихся, насмешливые выговоры с едкой язвительностью, делали службу под его начальством тяжелой. Особенно строго наказывал за грабительство, заботясь всеми силами о достаточной для солдат пище:

— Солдат должен быть чисть честью, а чтобы иметь право воздержать его от похищения чужого добра, надо, чтобы он ни в чем не нуждался, у голодного брюха, нет уха". Несмотря на это был любим товарищами офицерами, в виду своего характера, отличавшегося чисто русскими национальными чертами.

Отношение к жителям покоренной Финляндии было настолько отеческим, что они при встрече выражали ему глубокое уважение и трогательную признательность. Вспомним бал в Гельсингфорсе перед "походом через море". Тоже было и в Або. Об этом свидетельствуют строки финского поэта Рунеберга в "Рассказах Фендрика Столя", переведенных М. И. Головиным и помещенных в первый раз в "Северной Пчеле" в 1861 году:

"Взгляд сладок, нежен, добр, открыт —
Вот Кульнев был на вид.
Таков был он, кидаясь в бой,
Сверкая саблей, в сечу мчась,
Но, говорят, иной он был
Из свалки возвратясь:
Все в полушубке щеголял,
Да из двора во двор гулял,
Где приглянулось, там и стой —
Там он и гость ночной.
Он целовал и убивал с горячею душой...
Он к нам влетел, как шквал морской,
Не чуянный за час.
Ударил молнием из туч,
Еще неведом, но могуч:
Все сшиб, сорвал, разнес, сломил,
И сразу поразил...
Да, всякий знал его, любил,
Из наших финских войск, солдат.
И впрямь. Ведь старый Кульнев был
Чист, словно золото душой.

В нем чтили воина необычайной храбрости и истинного отца безоружных жителей.

При представлении, в Або, Император Алесандр I приветствовал его словами:

— Благодарю тебя за службу, но еще более за попечение о жителях. Знаю все, что ты делал для них, благодарю тебя.

Кульнев не мог удержаться, и слезы радости упали на его длинный ус. Нравственные качества и подвиги создали ему редкую славу народного героя, увенчанного доблестной кончиной на поле брани — первого генерала, павшего в Отечественную войну.

В Москве в этот день давали оперу "Старинные святки"; Сандунова, знаменитая тогда певица, неожиданно возгласила тогда "Славу" Витгенштейну и Тормасову, "поразившим вражеские силы". Зрители торжествовали. Затем она запела: — "Слава, слава генералу Кульневу, положившему живот свой за Отечество". — Голос задрожал, слезы брызнули из глаз; зрители залились слезами. Занавес уже не поднимался.

Таков был Я. П. Кульнев, как человек в мирной обстановке, где его не удовлетворяли "скучные песни земли". Его стихия был бой, рубка, атака в конном строю. В военное время он оживал, был весел, шутлив, разговорчив и тем веселее, чем более было опасности. Свист пуль и "ура" приводили его в восторг. Он забывал все, прежде всего самого себя стремясь в самую гущу боя, не считаясь ни с числом врага, ни с возможностью неудачи. Вспомним неосторожный налет на Сикаиоки, преждевременное начало битвы у Оровайса и бой у Боярщины под Клястицами, где он заплатил своей геройской смертью за свою отвагу и горячность — основные черты его характера. В заключение своей характеристики, Денис Давыдов называет его "одним из последних воинов, чисто русского семейства, тех славных орлов Суворовской школы, создавших русской армии ореол непобедимости, а Державе Российской — первое место в Европе, несмотря на все происки врагов ее.

Бой есть хаос, стихия разрушения. Цель командующего вырвать из этого апофеоза небытия, бытие — победу.

Провидением не было дано Кульневу качеств всеобъемлющего гения кавалерийского вождя, требующих, наряду со многими качествами, прежде всего соединения огненной отваги и пламенного сердца со смелым рассудком, хладнокровием и трезвой оценкой обстановки — в широком смысле слова "ориентирвкой в местности". "Выдающиеся кавалерийские начальники, — говорит подполковник прусской службы Брикс, коментатор книги подполковника и командора Канадской Гвардии Дэниссона "История конницы с древнейших времен", удостоившейся первой премии на мировом конкурсе 1871 года, устроенном Императором Алесксандром II: "Как учит нас история, являлись редко, создавая целые эпохи кавалерии. Объясняется это высокими требованиями — как рожденных талантов, способностей, так и воспитания, образования"...

И действительно, на протяжении всей мировой истории, это были считанные единицы. Но героев было много. Горячее сердце Кульнева не дозволяло ему спокойно, с рассчетом, стоять на поле сражения и ждать минуты для конной атаки, чтобы решить ею, как Зейдлиц у Росбаха и Цорндорфа судьбу сражения. Одержимый своей стихией, одухотворенный безграничной любовью к Отечеству, он стремился туда — в эту — Lützow wilde verwegene Jagd, как говорит такой же, как и Кульнев, поэт боя, Теодор Кэрнер, которому дано было свыше быть и поэтом лиры, увенчавшим свою безумную красивую жизнь, где слова не отличались от дел, геройской смертью 14.VIII. 1813 г., в конном бою с французами:

Смерть сверкает на лице,
Но несмотря на это, храбрые сердца не дрогнут,
Отечество спасено.
Если вы спросите черных, сраженных гусар:
Это была неустрашимая охота Люцова.

Люцов — командир знаменитого корпуса добровольцев, черных гусар. Атаковавший в конном строю знает, что в жизни нет ничего более захватывающего

по мощи эмоций. Земная жизнь, как бы, кончилась, ты оторвался от земли и ушел в другой, неведомый мир. Когда протрубили сбор, и сидишь на взмыленном коне, ты чувствуешь, что народился вновь для этой жизни. Поэтическая душа Кульнева искала этих моментов, дававших ему стимул жизни. Кавалеристом нужно родиться:

"Кавалеристом я рожден,
И раньше, чем в купели,
В солдатском кивере крещен,
И принят на шинели".

Таким и был ген.-майор Я. П. Кульнев. А потому всякий, в ком бьется кавалерийское сердце, проходя по Военной Галерее Зимнего Дворца, так долго стоит и вдохновляется этим взглядом, где читаешь смерть и бессмертие.

Эпилогом пусть послужат стихи, сочиненные, самым поэтическим лицом Русской Армии, адъютантом Кульнева, Денисом Давыдовым, во время перехода к Пихаиакам и на месте сообщенные ему,

— Поведай подвиги усатого героя,
О Муза, расскажи, как Кульнев воевал,
Как он среди снегов, в рубашке кочевал,
И в финском колпаке, являлся среди боя.
Пускай услышит свет,
Причуды Кульнева и гром его побед.

Румяный Левенгельм на бой приготовлялся,
И, завязав жабо, прическу поправлял,
Нюландский полк его на клячах выезжал,
— За ним и корпус весь Клингспора
пресмыкался.
О храбрые враги, куда стремились вы?
Отвага, говорят, ничто без головы.
Наш Кульнев, до зари, как сокол, встрепенулся,
Он воинов своих ко славе торопил:
Вставайте, — говорит, — вставайте, я проснулся.
С охотниками в бой. Бог храбрости и сил.
По чарке, да на коня, без холы и затеев,
Чем ближе, тем видней, тем легче бить злодеев.
Всѐ вмиг воспрянуло, все двинулось вперед...
О Муза, расскажи торжественный поход.

Борис фон-Царевский

„Сибирские стрелки"

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛОДЗИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Стояли ясные, осенние дни в Западной Польше — последние дни 1914 года. Погода вполне гармонировала с таким же настроением всех чинов наших армий Северо-Западного фронта, неудержимо надвигавшихся на территорию врага, в пределы Верхней Силезии и Познани.

После ряда упорных и тяжелых боев, враг, наконец, был сломлен и силы его настолько ослабели, что в последние дни он почти не оказывал сопротивления. Новый германский Главнокомандующий восточным фронтом, Гинденбург, получил категорический приказ Императора Вильгельма II во что бы то ни стало остановить русские армии от вторжения в пределы Германии. С этой целью, Штабом Вильгельма была обещана помощь в несколько корпусов, кои по окончании операций на французском фронте, предполагалось перебросить.

Разработанный план операции с начальником штаба ген. Людендорфом, заключался в следующем: мощным кулаком, сосредоточенным у Торна, обрушиться на правый фланг и тыл наших армий, наступавших от Варшавы, с попыткой не только отрезать им пути отступления к Висле, но стремиться окружить и уничтожить последние. Для выполнения операции необходимо было произвести перегруппировку сил, каковую выполнить быстро и секретно, чтобы удар оказался внезапным, в противном случае, успех был сомнителен.

Под прикрытием сильных ариергардов, главные силы 9-й германской армии, форсированным маршем, при широком использовании авто-транспорта, быстро достигли своих пределов, где и воспользовались для маневра чрезвычайно развитой железнодорожной сетью. К 30 октября германские войска закончили свою перегруппировку и заняли следующее исходное положение:

Ударная группа ген. Макензена, в составе 6-ти корпусов, с кавалерией, сосредоточилась в районе крепости Торн, получив задачу стремительно сокрушить северные корпуса нашего Завислинского фронта и двинуться на юг, в обход нашим войскам, расположенным в районе г. Лодзи, где и соединиться с частями, наступающими в обход г. Лодзи с запада. В случае успеха означенного маневра, 2-я наша армия обрекалась на уничтожение.

Германское командование, чтобы парализовать помощь со стороны нашей 5-й армии, направило против фронта последней группу ген. Войерша, в составе 2-х германских и 2-х австрийских корпусов, которые должны были перейти в наступление, в направлении Петроков — Пржеборж.

Против 4-й и 9-й наших армий, должны наступать 1-я и 4-я австро-венгерские армии, расположенные в районе Кракова.

Вобщем, к началу операции под Лодзью, германское командование имело на левом берегу р. Вислы до 16 корпусов, из коих 10 было германских.

Наши армии, в этот момент, миновали линию

Торн — Лодзь — Кельцы и находились на походе, в направлении к германской границе.

Наступление нашего фронта с севера прикрывал 5-й Сибирский Корпус, из состава 1-й армии ген. Ренненкампфа и кавалерийские части той же армии. 2-я армия ген. Шейдемана, в составе 5-ти корпусов, находилась западнее Лодзи, в районе Унеюв—Ласск, имея уступом справа 11-й арм. корпус. Кавалерия армии — конный корпус ген. Новикова и кавказская дивизия ген. Шарпантье, вели разведку на левом берегу р. Варты.

Южнее, непрерывном фронтом наступали: 5-я армия ген. Плеве, в составе 3-х корпусов, до Пржеборжа, 4-я армия ген. Эверта, в составе 4-х корпусов, до Вислы и левым флангом, южнее ее. Последняя армия входила в состав Юго-Западного фронта ген. Иванова. Таким образом ,на левом берегу Вислы, перед Лодзинской операцией, мы имели 16 корпусов, не считая кавалерии. В период же развития операции, мы получили из 1-й армии и резерва Ставки около 3-х корпусов. В то же время и германский фронт получил аналогичное подкрепление с Западного фронта.

Сопоставляя силы наши и противника, мы видим, что соотношение корпусов было почти равное. Что же касается боевой силы, то здесь, в огневом отношении, получается резкая разница между германскими и нашими корпусами. Германский корпус имел 48 тяжелых орудий, тройное превосходство в пулеметах и неограниченный запас огне-припасов. Мы же имели тяжелый дивизион в 12 орудий, из расчета 1 на 3 корпуса. Кроме того, артиллерийский запас огнеприпасов, у нас был весьма ограничен. Следовательно, боевая мощь германского корпуса была значительно выше нашей.

30-го октября ударная группа ген. Макензена повела стремительное наступление с северо-запада, между реками Вартой и Вислой, и превосходными силами обрушилась сначала на прикрывавший наше наступление, с севера у Влоцлавска, 5-й Сибирский корпус.

Корпус был одновременно атакован с фронта 1-м и 25-м рез. германск. корпусами, с фланга 20-м рез. корпусом и 1-м кавал. корпусом ген. Рихтгофена, через Избицу, в тыл.

В свою очередь 17-й и 11-й германские корпуса двинулись правым берегом реки Варты, с задачей: 17-му корпусу атаковать наш 11-й арм. корпус, 11-му корпусу атаковать правый фланг нашего 23-го корпуса у Унеюв. Означенное наступление должно быть прикрыто демонстрацией перед фронтом 2-й армии, что и было возложено на 3-й германский кавал. корпус ген. Фроммеля и корпус, сформированный из гарнизона креп. Познань.

Под натиском превосходных сил противника, наша кавалерия и сторожевое охранение отошли к главным силам.

С утра 31 октября и по 5-е ноября на фронте Влоцлавск — Плоцк — Ленчица — Унеюв, разгорелись жестокие и упорные бои. Несмотря на подавляющее превосходство сил противника, наши доблестные Сибирские стрелки 5-го Сибирского Корпуса, под губительным огнем немецкой тяжелой артиллерии, стойко отражали яростные атаки врага и неоднократно сами переходили в штыки, жестоко мстя врагу за каждую пядь покинутой земли.

Одновременно 11-й германский корпус, в своем движении к переправам через р. Норь у Хмельно и Домбио, встретил упорное сопротивление правофланговых частей 33-го нашего Корпуса и с большими потерями, на другой день, занял обе переправы; 1-я стрелковая бригада от Домбио отошла на восток к р. Бзуре, и заняла позицию у Ленчицы.

После отхода сибиряков к Плоцку, немцы, оставив 1-й рез. корпус и бригаду 25-го рез. корпуса, в качестве заслона, обрушились на наш 11-й арм. корпус, занимавший позицию Люблин — Ходов — Домбровице. Здесь противник также встретил надлежащий отпор и, несмотря на превосходство сил, сбить части корпуса не смог. Несмотря на упорное сопротивление, 11-му корпусу пришлось отойти к востоку от Кутно, вследствие отхода 1-й стрелковой бригады от Ленчицы к югу, что ставило под удар пути отступления корпуса на Лович.

В первые дни германского наступления, Главнокомандующий Северо-Западным фронтом, ген. Рузский, не придавал серьезного значения этому наступлению и продолжал, главными силами, наступление на запад, лишь частично парируя северо-западное наступление немцев, поддержкой данного участка частями 6-го Сибирского корпуса.

Дальнейшее наступление немцев ставило атакованные наши части во все более и более тяжелое положние, т. к. мы несли тяжелые потери от превосходных артиллерийских сил противника; наши части, шаг за шагом отходили на юго-восток к Бзуре, а местами и за нее.

Таким образом, движение наших главных сил на запад и атакованных частей на восток, дали возможность противнику заполнить означенный промежуток и устремиться на юг, перерезая коммуникационные пути наступающих на запад наших главных сил.

Только лишь 3-го ноября главнокомандующий ген. Рузский уяснил серьезность положения своего фронта, когда противник уже занял линию Ленчица — Кутно и стремительно пошел на юг. В эту ночь, ген. Рузский отдал приказ по фронту: остановить движение главных сил на запад и форсированным маршем двинуть части 2-й и 5-й армий на север. Освободившийся участок фронта 5-й армии занять 4-й, и последней войти в состав Юго-Западного фронта. Стремленье ген. Рузского перейти на участке фронта 11, 5-го Сибирск., 6-го Сибирск. корпусов в наступление, успеха не имело, так как, к этому времени, корпуса в боях с превосходными силами противника, уже понесли большие потери, да и не было достаточно мощной огневой поддержки.

Отбросив к востоку от Кутно наш 11-й арм. корпус и оставив против него заслон, германские корпуса стремительно двигались на юг, тесня превосходными силами наши, прибывшие с Ю.-З., корпуса 2-й

армии. Последние, подходя частями, не успевали развернуться, как немедленно подвергались яростным атакам врага. В столь тяжелых условиях, 2-я армия меняла свой фронт с запада на север, и развернулась полукольцом в районе Лодзи, преграждая дальнейший путь врагу в тыл нашего расположения.

5-го ноября обходная колонна ген. фон-Шеффера, в составе 2-го гвардейского принца Иоахима и 25-го рез. корпусов с кавалерией, после короткого боя с 1-й стрелк. бригадой, заняла г. Бржезины, выдвинув 6-ю кав. дивизию на юг к Лозанска-Воля. На следующий день, кровопролитные бои развернулись вокруг Лодзи.

Немцы вели яростные атаки по всему фронту нашей 2-й армии. Несмотря на большие потери, понесенные нашими частями в маневренный период перемены фронта, дух частей был настолько бодр и силен, что все атаки противника не только были отбиты, но доблестные части неоднократно переходили в штыковую контр-атаку, нанося врагу тяжелые потери. Лишь на левом фланге, 11-й герм. корпус потеснил части 23-го корпуса и занял Лютомирск, продолжая наступать на Пабияницы. Шедший справа, кавалер. корпус ген. Фроммеля, был у Винцентова остановлен конницей ген. Новикова.

В этот день, обходная колонна ген. фон-Шеффера беспрепятственно двигалась на юг и переправившись у Бентова, свернула на запад, дойдя до Хрущова. Кавалерия продолжала двигаться на Петроков, где у д. Бабы обнаружила нашу пехоту. Гвардия двинулась на юг к переправам через р. Мязгу у д. Бедона и Карпин, и повернула на запад на Воля — Ракова — Ржговь. 6-я гвардейская бригада немцев у д. Водонь, среди снежной метели и густого тумана, была неожиданно атакована доблестным 85-м пех. Выборгским полком и отброшена назад, но оправившись, вместе с соседней немецкой бригадой, вынудила наш полк отойти. Таким образом, правый фланг нашего Завислинского фронта был обойден и обходная колонна ген. фон-Шеффера находилась в глубоком нашем тылу, угрожая с юга частям, сражающимся вокруг Лодзи. Ген. Макензен, учитывая столь благоприятную обстановку, решил согласованной атакой своих корпусов востока и запада, замкнуть кольцо вокруг нашей Лодзинской группы.

В момент развития этой операции, в ночь на 6-е ноября, правофланговый корпус 5-й армии — 1-й Сибирский, пройдя форсированным маршем около 90 верст в 36 часов, вошел в соприкосновение с передовыми частями 11-го германого корпуса. Перед этим корпус шел на запад, в направлении на Бреславль, и последние несколько дней совершенно не имел соприкосновения с врагом, несмотря на то, что полковые команды конных разведчиков находились уже в пределах Германии. Столь необычное обстоятельство сильно смущало не одних только начальников, но и рядовых стрелков, которые, что называется, рвались в бой, а между тем враг все отходил, и, наконец, исчез в неизвестном направлении.

3-го ноября 1-й Сибирский корпус получил приказ двинуться на север, на помощь 2-й армии, где немецкая масса обрушилась на наши части в районе Лодзи.

Как орлы, полетели Сибирские стрелки навстречу врагу, уж давно соскучились они по "герману".

Двинулся 1-й Сибирский корпус двумя колоннами. 1-я Сибирская стрелковая дивизия (ген. Третьяков) на Лютомирск, имея в авангарде 1-й Сибирский стрелковый Его Величества полк (полк. Любицкий), и 2-я Сибирская стрелковая дивизия (ген. лейт. Поспелов) на Константинов, имея в авангарде 8-й Сибирский стр. полк (полк. Горностаев).

Ген. лейт. Третьяков, получив донесение от полковых команд конных разведчиков дивизии, что противник сжимает кольцо вокруг 2-й армии и промежуток для встречи немецких обходных колонн не более 15-ти верст(получалась, как бы подкова, к основанию которой подошел 1-й Сибирский корпус) и, учитывая всю серьезность положения нашей 2-й армии, с рассветом разворачивает все четыре полка в боевую линию, и мощным ударом сбивает левый конец подковы. Одновременно 2-я Сибирская стр. дивизия стремительно атакует левый фланг 11-го германского корпуса и вместе с 1-й Сибирской стрелк. дивизией отбрасывает врага на север, за р. Норь.

Молниеносная атака сибиряков увенчалась блестящей победой — взято в плен около 6 тысяч солдат, и более 20 орудий, а 11-й германский корпус настолько был потрепан, что в дальнейшем к активным действиям перейти не мог. Своевременный подход сибиряков и их блестящая победа спасли 2-ю армию от плена, и наш Северо-Западный фронт от поражения, а группу ген. фон-Шеффера, поставили в критическое положение. И все это сделано было без отдыха, после усиленного форсированного марша. Это могли сделать только русские чудо-богатыри.

Наше Верховное командование, учитывая чрезвычайную серьезность положения Лодзинской группы войск, приняло соответствующие меры, для полной ликвидации немецкого прорыва.

Войскам, расположенным на линии Илов — Лович приказано атаковать противника, дабы не дать ему возможности оказать помощь своим корпусам у Лодзи. Кроме того, в районе Лович, был спешно сформирован отряд "Ловичский", которому было приказано быстро выдвинуться четырьмя колоннами на фронте Стырков — Бржезины и атаковать в тыл немецкие корпуса, обходившие с севера нашу 2-ю армию.

С приходом к району Шадека 19-го арм. корпуса (ген. лейт. Горбатовского) и 7-й пех. дивизии, из состава 5-й армии и, вследствие поражения 11-го германского корпуса, прочность нашего левого фланга была надежно обеспечена.

Командовавший армией ген. Плеве снял с фронта 1-ю Сибирскую стр. дивизию и направил ее на Ржговь, чтобы приостановить движение группы ген. фон-Шеффера, в тыл нашим войскам у Лодзи.

В то же время, конница ген. Новикова была передвинута от Борщевицо к Тушину. Согласованное наступление наших войск с фронта и тыла, ставило 27-й и 20-й германские корпуса почти в безвыходное

положение, а группа ген. фон-Шеффера должна была быть окружена и полностью взята в плен. Но, к сожалению, этого не случилось. Командующий 1-й армией ген. Ренненкампф не сумел объединить действий колонн, высланных из Ловича и ему подчиненных. Войска, оставленные без руководства, продвигались вперед лишь со скоростью 8—12 верст в сутки, а расстояние до противника было около 30 верст. Жаль, что здесь не было 1-го Сибирского корпуса, а то бы вся ударная группа ген. Макензена была бы у нас в плену.

Попытки же ген. Макензена протянуть с запада руку помощи ген. фон-Шефферу, наступлением корпусов 11-го Познанского, Бреславского и 3-го кавалер. ген. Фроммеля, успеха не имели и наши доблестные войска 19-го корпуса, 7-й пехотной и 2-й Сибирской стр. дивизии не уступили врагу ни пяди своей позиции.

В то же время положение 20-го герм. корпуса становилось критическим, в тылу корпуса, на фронте Стрыков — Скошены — Свендов, вели атаки части Ловичского отряда, и одновременно, с фронта 24-я пехотная дивизия 1-го арм. корпуса (ген. Душкевич).

Командир 20-го герм. корпуса, видя безвыходность положения своих частей, с наступлением темноты, отошел на северо-запад, на линию Москула — Добра, чем окончательно порвал связь с группой ген. фон-Шеффера. В свою очередь, положение ген. фон-Шеффера становилось все более безнадежным, с запада надвигалась наша 1-я Сиб. стр. дивизия, с юга, от Петрокова, шли три полка 10-й пехотной дивизии, справа от Тушина конница ген. Новикова, и с севера надвигались сибирские полки 6-й Сибирской стр. дивизии.

Казалось, что дни и часы обходной колонны ген. фон-Шеффера сочтены и недалек тот момент, когда мы будем праздновать красивую победу, но злая судьба нам не сочувствовала.

С отходом 20-го герм. корпуса на север, ген. Макензен, наконец, убедился, что его ставка на пленение Лодзинской группы наших войск бита, и необходимо срочно принять меры, чтобы спасти остатки войск ген. фон-Шеффера. Последний, вечером 9-го ноября, получил приказ ген. Макензена отходить за р. Мязгу и прорываться к своим на север, через Бржезины.

Таким образом, вместо блестящей победы, группа ген. фон-Шеффера очутилась в мешке. Для объединения действий всех частей, направленных для пленения группы ген. фон-Шеффера, приказом Главнокомандующего ген. Рузского, был назначен Командир 1-го Сибирского стр. корпуса ген. от кав. Плешков, в распоряжение которого должны были войти и части Ловичского отряда, которые согласно выработанного плана, должны были распоряжением Командующего 1-й армией ген. Ренненкампфа, быть направлены в Бржезины, где и преградить дальнейший путь группе ген. фон-Шеффера на севере.

Обратный марш группы ген. фон-Шеффера был поистине трагичен.

Переправившись через р. Мязгу, он двинулся на север через деревни Борово — Галков и далее на Бржезины, ежеминутно ожидая нашей внезапной атаки с запада, юга и востока, что неоднократно и происходило, когда отдельные наши пехотные и кавалерийские части, обнаружив врага, стремительно бросались в атаку, образуя внезапные фронты в отступающих немецких колоннах. Эти прослойки перемежающихся фронтов напоминали собой, как бы "слоеный пирог", под столь шутливым названием прослыла операция под Лодзью.

В одной из внезапных атак, частями 1-й Сибирской стр. дивизии, сверх многих трофеев, был захвачен автомобиль принца Иоахима, каковой в трофеях указан не был (боясь потерять его для корпуса). В течении войны, означенный автомобиль был в распоряжении Командира 1-го Сибирск. арм. корпуса ген. Плешкова.

Одновременно, с севера путь был прегражден сибирскими стрелками 6-ой Сибирской стр. дивизии — 21 Сибир. стрелк. Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны и 23 Сибирск. стр. полками. Последние, двое суток упорно защищали путь на север и, несмотря на подавляющее превосходство сил немцев, с их сильной артиллерией, они медленно, с трудом, могли продвигаться вперед. Командир 2-го гвард. резервного корпуса, принц Иоахим, не надеясь выйти из нашего железного кольца, покинул корпус и улетел на аэроплане.

Вопрос о пленении всей группы ген. фон-Шеффера, в составе 2-го гвард. резерв., 25-го резерв. и 1-го гвард. кавал. корпусов, нашим командованием был решен и были приняты меры для перевозки будущих пленных в тыл.

После отчаянных усилий, немцам удалось, наконец, прорваться через жидкий фронт двух сибирских полков, остатки которых и отошли на запад в Лодзь. В 3 часа ночи на 11-е ноября, подавляющие силы немцев внезапно ворвались в Бржезины, где начался бой на улицах.

Остатки 6-й Сибирской стр. дивизии, занимавшие город, принуждены были отступить на восток, открыв для немцев путь на север.

В свою очередь, наше командование было вполне спокойно за фронт у Бржезин, так как в это время должны были туда подойти 43-я и 63-я пех. дивизии Ловичского отряда, а на самом деле, в момент боя они находились в гор. Лодзи, проскочив таким образом севернее Бржезин и, во время боя в последнем, спокойно ждали в Лодзи дальнейших распоряжений. Как выяснилось позже, приказом Командующего 1-й армией, они, вместо Бржезин были направлены в Лодзь, вопреки приказа Главнокомандующего ген. Рузского. Благодаря ошибке ген. Ренненкампфа, группа ген. фон-Шеффера избегла грозившего плена. За столь роковую ошибку и преступную вялость в руководстве войсками своей армии, ген. Рен-

ненкампф был отрешен от командования и предан суду.

В результате неблагоприятного для нас исхода Лодзинской битвы, мы потеряли большую часть строевого состава и за отсутствием запаса огнеприпасов, наши армии вынуждены были отойти на линию рек Бзура — Равка — Пилица, перейдя к позиционной войне.

— Ликующим кликом они возвестили:

Врагу не осилить Сибирских стрелков.
За Калиш и Польшу мы им отомстили,
Ударом могучих штыков.
Падите твердыни, идут исполины,
На страх и погибель германским полкам..
Идут Ермака боевые дружины,
Дорогу Сибирским стрелкам...

Подполковник *Д. Сейфуллин*

ЧЕРНИГОВСКИЕ ГУСАРЫ

(Памяти Е. И. В. Великого Князя Михаила Александровича)

Впереди идет Полковник
Молодой,
Государев Братец Он
Родной.
(Из песни Черниговских гусар)

В первых числах июля 1910 года, в лагерях Елизаветградского Кавалерийского Училища, при торжественной обстановке, во время разборки офицерских вакансий я назвал — 17 гусарский Черниговский Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Федоровны полк, — и с тех пор крепко связал свою жизнь с этой доблестной частью Российской Армии. Полученные мною в строю полка, два ранения, кровью соединили меня с ним.

Помню, как меня, после разборки вакансий, поздравляли Начальник Училища и Командир эскадрона с выходом в полк, которым командовал Брат Государя Великий Князь Михаил Александрович.

После выпуска и, быстро промелькнувшего, первого офицерского отпуска, с величайшим волнением, я являлся в канцелярию полка Помощнику Августейшего Командира полка Полковнику Блохину и представлялся г.г. офицерам.

Я получил назначение во 2-й эскадрон к молодому, вероятно, самому юному во всей кавалерии 32-летнему Ротмистру Щеголеву. Представление Великому Князю нас трех, выпущенных из училища офицеров, происходило в необыденной обстановке, на ипподроме Орловского Общества поощрения коннозаводства.

Первое мое знакомство с полком показало, что он во многом отличался от хорошо мне известных, с детских лет полков, расположенных на западной границе.

Резко в глаза бросался молодой, но с боевыми отличиями за Японскую войну, состав офицеров, число которых значительно превышало штатную потребность. Всего было, не считая Великого Князя, 44 офицера, из них два полковника, 2 подполковника, 6 ротмистров, 16 штаб-ротмистров, 4 поручика и 14 корнетов. Этот сверх-комплект офицеров с каждым годом увеличивался, вплоть до Великой войны.

Полк крепко сроднился с Орловским дворянством и помещичьей средой и жил дружно, но не замкнуто в своем кругу, как это было на западной границе.

При своем первом появлении в казарме эскадрона, я был поражен обилием всяких наглядных пособий и приборов, особенно, по стрелковому делу. Ничего подобного я не видел в Училище, и, к великому своему стыду, не знал, как ко многим из них приступиться.

Весь полк, положительно, щеголял рвением к службе и результаты этого были очень наглядны. Начиная с 1911 года, мы стояли первыми из пехотных и кавалерийских частей во всем Московском Военном Округе по стрельбе. В 1911 году, в Красном Селе, мы много лестного слышали от офицеров Гвардии о замечательно красивой и однообразной посадке в полку. Наконец, боевой экзамен в Великую войну полком был выдержан не менее блестяще.

Прекрасный наездник и кавалерист, наш обожаемый Командир полка, Великий Князь Михаил Александрович, не стеснялся в аллюрах на строевых учениях, и в расстояниях на маневрах. Полк, действительно, был всегда втянут в работу, а среди офицеров было не мало известных спортсменов, напр., Поручик Фомишкин, Шт. Ротмистр Ведерников и др. Постоянные полевые стипль-чезы и, вообще, резвые галопы, устраиваемые Великим Князем, поддерживали во всех, начиная со Штаб-офицеров, настоящий конный дух.

Как сейчас, мне вспоминается родной полк. Вот впереди Великий Князь на крупном караковом коне и за ним Полковой Адъютант Шт.-Ротмистр Сабуров на своем рыжем "Крайне Правом", за ними трубачи на серых конях и разномастные эскадроны, результат недавнего, в 1896 году, восстановления полка и чрезвычайно неудачного пополнения убыли полка в Японскую войну; 1-й эскадрон чисто вороной, 2-й вороной в чулках, 3-й и 4-й гнедые, 5-ый рыжий и караковый и 6-й с фронта вороной, а с тыла серый.

Сколько насмешек нам пришлось выслушать в Красном Селе со стороны Гвардии за нашу пестроту. А мы и этим гордились — все-таки не такие, как все остальные полки, хоть и пестры и низкорослы, но Гвардии ни в чем не уступим.

В 1911 году, вопреки порядку Шефского старшинства, Командующий Войсками Генерал от Кавалерии Плеве, всегда выражавший полку свое особенное

расположение, назначил нас на отбывание лагерного сбора в Красном Селе и Царского Смотра. Начались усиленные сборы, учения, смотры и прочее.

В июне мы прибыли в Царское Село и расположились на месте Кирасир Ее Величества в Братошинской Слободе. Вместе со славным Нижегородским драгунским полком мы составили 3-ю бригаду 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии под командой Свиты Его Величества Хана Нахичеванского.

Много нового и диковинного пришлось увидеть нам, скромным провинциалам армейцам, в Красном Селе, а некоторые эпизоды, я думаю, останутся на всегда в памяти у участников этого лагерного сбора.

Кончаются большие Красносельские маневры. Наша 1-я Гв. Кав. дивизия, после пятичасового форсированного марша, вышла у Сиверской во фланг противнику. К Начальнику дивизии подскакивает офицер Штаба Главнокомандующего и докладывает, что Его Императорское Величество и Английский Принц Коннаутский, желают видеть атаку кавалерии на батарею, расположенную от нас за лесом. Для этого был назначен наш полк, который сейчас же на рысях двинулся через лес. На опушке началось разворачивание полка для атаки. Влево от нас, на холме, стояла группа всадников и над нею колыхался Императорский Штандарт. Прямо перед нами, верстах в двух за перевалом, стояла, укрытая от взоров, батарея, все время интенсивно стрелявшая.

Сверкнули вынутые шашки и, по знаку нашего Командира, мы с места пошли полевым галопом. Уже проскакали половину расстояния, отделяющего нас от батареи, и, вдруг, перед фронтом всей линии полка появилось солидное препятствие — дорога, огороженная с обоих сторон чухонским забором. Никогда не приходилось целой частью брать в поле такой двойной барьер, а потому, невольно у каждого из нас мелькнула мысль — одолеем ли мы преграду, или оскандалимся на глазах у Царя?

Вот прыгает Великий Князь, за ним Командиры Эскадронов, наконец, подкатывается и масса эскадронов. Несколько мгновений, сопровождавшихся страшным треском проламываемых жердей, и весь полк уже прошел препятствие, не потеряв ни одной упавшей лошади, ни одного свалившегося всадника.

Стреляющая ураганным огнем батарея уже близка, мы усиливаем аллюр до предела, и в это время, перед нами неожиданно из окопов подымается длинной сплошной стеной пехота. Еле сдерживая коней, вплотную подскакиваем к ней. Раздаются требования пропустить нас, слышен сдержанный "мат", но пехота окаменела, стоит безмолвно, ощетиненная штыками. Только два эскадрона резерва нашли ворота в этой стене и доскакали до батареи, мы же остались до сигнала "отбой" стоять перед пехотой.

На 8 августа был назначен Царский Смотр, прибывшим из других округов полкам: Л.-Гв.-Гродненскому Гусарскому, 17-му др. Нижегородскому и нашему. В течение недели готовился полк к нему по заранее разработанной программе — шпаргалке. Были выработаны аллюры, точно на местности намечены направления, учтены требования начальства, вплоть до знаменитой "восьмерки в двойной взводной колонне". Словом, все было предусмотрено.

Настал день смотра. У Кавелахт выстроились наши полки, сверкающие начищенным до отказа снаряжением.

Вот двинулся к Царскому Валику караковый Гродненский полк. Звуки Гимна и крики "ура" возвестили нам о начале смотра.

Через полчаса отделился от нас Нижегородский полк.

Наконец, и мы, последние, двинулись рысью к Царскому Валику. Остановка, несколько минут выравнивания и справа появилась группа всадников, возглавляемая Его Императорским Величеством в форме Нижегородского полка.

Сверкнулии вынутые шашки и все замерло. Под звуки Гимна и крики "ура", Государь шагом проехал по фронту полка.

Шашки вложены в ножны. Полк с места двинулся полевым галопом. После нескольких, заученных, построений мы все заметили, что наш Командир полка на кровном коне от нас уходит, как от стоячих. Пришлось поднажать, и все дальнейшее учение прошло на полном махе лошадей. На одном из построений, Великий Князь сбивается со шпаргалки и начинается полная импровизация. Стали делать заезд развернутым фронтом полка, правым плечом на авангардный лагерь. Страшно было смотреть на заходящий 6-й эскадрон. Не имея возможности развить нужную скорость, он стал жать весь полк. Надо было закончить заезд, а Великий Князь, не оглядываясь назад, продолжал скакать дальше. У самой передней линейки Павловского и Николаевского училищ мы остановились. Командир полка подал знак поворота повзводно налево кругом, но, увы, по-уставному повернуться мы уже не могли, ибо наш эскадрон занимал фронт чуть ли не вдвое меньше нормального. Как люди повернулись, трудно объяснить, я и Корнет Данилов, стоявшие перед средними взводами, протолкаться вперед не могли и, только, когда полк вновь рванулся вперед, мы, грудью лошадей пробивая ряды, выскочили на свои места.

Прошла незабытая Великим Князем восьмерка в двойной взводной колонне и началась заключительная показная атака полка со стороны Кавелахт на Царский Валик.

Полным карьером мы приближались к Царской Ставке, и в это время, я думаю, не у меня одного мелькнула мысль, а не вылетят ли из строя полка, когда он остановится перед Государем, молодчики на тугоуздых лошадях.

Не доскакав десятка шагов до Государя, Великий Князь остановился и опустил шашку. Полк, пройдя по инерции еще несколько десятков шагов, как один, замер на месте.

Вновь, под звуки Гимна и крики "ура", Государь проехал вдоль фронта, благодаря эскадроны за учение.

С песнями и музыкой, возбужденные, возвраща-

лись мы со смотра домой. Офицеры были приглашены на Царский завтрак, куда сразу же и отправились.

В приемной Царского Павильона собрались все офицеры трех полков, бывших на смотру. Государь стал обходить собравшихся и со многими разговаривать. Дойдя до нашего полка, Государь обратил свое внимание на большое количество боевых наград у офицеров, и стал старших расспрашивать об их участии в Японской войне. Затем Он, тут же, поздравил старшего Ротмистра Обломиевского с производством в Подполковники.

За завтраком играл хор трубачей нашего полка.

Вечером, на спектакле в Красносельском театре, Государем Императором были произведены в Корнеты выдержавшие офицерский экзамен два вольноопределяющихся нашего полка — Степа Андреевский и Петров.

Много наших однополчан перешло в другой светлый мир за последние годы, но никто не может сказать, что Черниговский Гусарский полк перестал существовать.

Наш старый Штандарт, которому приносили присягу, под сенью которого собирались и сражались наши деды и отцы, и который является материализованным воплощением духа Черниговского полка, с нами, в почете и уважении.

Настанет время, с нами же он вернется на Родину и снова на парадах и смотрах будет реять над головами гусар, а в походе, завернутый в чехол, скромно занимать положенное место в строю полка и переносить вместе с ним все невзгоды и лишения. Так должно быть и так будет.

Из воспоминаний *Я. Смирнова*
Сообщил Корнет *Куторга*

Ординарческая служба при Великом Князе Николае Николаевиче

(Личные воспоминания)

1908 год. Большие маневры войск Петербургского военного округа.

От переменного состава (т. е. от учеников) Офицерской Кавалерийской Школы приказано назначить, на все время маневров, четырех ординарцев к Великому Князю Николаю Николаевичу — Главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа. Быть назначенным лестно, но и опасно, — легко можно было прямо с поля угодить на гауптвахту.

О Великом Князе шла молва, как о чрезвычайно строгом, вспыльчивом, а подчас и резком, начальнике. В свое время, он, как грозовая туча, пронесся над конницей, выметая железной метлой тех, кто не мог воспринять его, вполне разумных, требований.

Назначение ординарцами состоялось. Избранными оказались: 1-го Уланского Петербургского полка штабс-ротмистр Роговский, 13 гусарского Нарвского полка штабс-ротмистр Чембер, Забайкальский казак есаул Чеславский и я — тогда капитан 18-й конной батареи. Гадали: по какому признаку выбрали, решили, что искали тех, кто не терялся перед начальством.

Наш Начальник Школы призвал нас и обратился с коротким наставлением: "Вот именно, я назначаю вас ординарцами к Великому Князю. Так вот шпоры и полевой галоп".

Явились к Великому Князю, в Ропшинском дворце. Нашей "нянькой" Великий Князь назначил состоявшего при нем полковника графа Нирод. Мы приобрели исключительно заботливую "няньку".

Неся ординарческую службу, памятуя лаконическую инструкцию Начальника Школы, схватывали на лету приказания Великого Князя, который, иногда, горячась, не дослушивал повторения их, что входит в обязанности ординарца, мигом отделялись от свиты, и только тогда, когда исчезали из поля зрения Великого Князя, давали передышку нашим лошадям, умеряя резвый галоп.

В последние дни маневров, когда присутствовал Государь Император, свиты Государя и Великого Княяз сливались и в этом случае, когда возвращались, с переданным приказанием, нужно было докладывать Государю.

Государь всегда отпускал приветливым наклонением головы. Можно было наблюдать привычные жесты Государя: дотрагиваться до усов, подтягивать голенище сапог или поправлять погон.

Под вечер, приехав с поля, обедали мы в Ропшинском дворце, сидели за тем же столом, что и Государь и Великий Князь, нас садилось обедать человек 30—35.

Простота и приветливость Государя и вся обстановка давали иллюзию, как будто мы все были желанными гостями у радушного помещика.

К обеду подавалось обычно 5 блюд, но еще раньше, пока мы ждали выхода Государя и Великого Князя, в комнате, рядом со столовой, лакеи разносили на больших деревянных подносах, подвешенных ремнем на шее, водку и сандвичи.

Полагалось сделать в один тур: взять налитую рюмку, подойти к лакею с сандвичами и, выпив, поставить пустую рюмку на поднос третьего лакея, но более сноровистые успевали проделать всю операцию два и три раза.

Государь и Великий Князь выходили из внутренних покоев, выпивали по одной рюмке водки. Государь обыкновенно в это время разговаривал с кем-нибудь из присутствующих, но обходил и нас. Вопросы Государя, главным образом, касались, происходивших тогда маневров, а у кого Государь видел боевые ордена, спрашивал, за какой бой получен ор-

ден, при чем Государь проявлял солидные знания, касательно боевых действий в Русско - японскую войну.

Затем Государь и Великий Князь следовали в столовую, куда устремлялись и мы. За обедом подавали вина соответственно с блюдами. В конце обеда — кофе и бесподобный коньяк, на качество которого рекомендовал мне обратить внимание мой сосед по столу, полк. Харин. Государь пил очень мало, а Великий Князь, видимо, предпочитал всем напиткам шампанское. Лакеи, стоявшие позади стульев, следили, и если рюмка или бокал пусты, предлагали наполнить.

До прибытия Государя в маневренный район, Великий Князь и мы обедали иногда в палатке то одного, то другого гвардейского кавалерийского полка.

Завтракали обычно в сухомятку: в "адмиралтейский час" (в 12 ч. дня) подъезжали ландо, наполненные корзинами с бутербродами и бутылками удельного красного и белого вина. Мы, понятно, стеснялись проталкиваться, но это было замечено Великим Князем и он поручил нашей "няньке" графу Нирод следить, чтобы мы не оставались голодными.

В Рошпе день заканчивался обедом, после которого мы расходились по своим комнатам, в том же дворце. Для нас, ординарцев, отвели общую комнату, в ней же, на возвышении, не знаю, какое оно имело значение, раньше стояла походная кровать ген. Стаховича.

Предлагали чай, от которого почти все отказывались. Ложились спать очень рано, иногда развлекались перед сном игрою в карты, процветал английский "дурачек". Вставал на рассвете, и кофе или чай с обильной холодной закуской нам подавали в спальню. Предлагалось взять "на дорогу" бутерброды — они составляли наш железный седельный запас. Великий Князь садился на коня часов в 7 утра. Государь выезжал позже.

В нашей службе все шло гладко, маленькое происшествие и то кончилось благополучно.

Великий Князь послал одного ординарца с приказанием и, разгорячившись, не дал ему повторить приказания, а в нем фигурировало: наступать, либо отступать. Скачет ординарец и старается вспомнить: наступать или отступать, и, как на грех, передал обратное. Произошла путаница. Великий Князь неласково встретил возвратившегося ординарца. Это приключилось близь Красного Села:

— Видите каланчу в Красном Селе? Направление на каланчу галопом, — скомандовал Великий Князь. Значит на гауптвахту. Но тут, что-то сказал Великому Князю гр. Нирод, и приказано было вернуть провинившегося.

В присутствии Государя Великий Князь сдерживался, но в моменты азарта, ясно с разрешения Государя, он отделялся от свиты Государя, и мы неслись широким галопом, чтобы свалиться на голову какого-нибудь неудачливого Начальника. Но буря скоро утихала, Великий Князь, как каждый вспыльчивый человек, был отходчив.

В Петербургском округе для опыта, в артиллерии, были введены, так называемые в обиходе, "Петрушки". На артиллерийском наблюдательном пункте выставлялось что-то, схожее с рекламным плакатом на высоких подножках, на нем комбинацией разноцветных флагов указывалось: направление на цель, дистанция и род цели, по которой холостыми зарядами стреляет батарея.

Специалистом по расшифрованию "Петрушек", при Великом Князе, состоял кн. Эристов.

— Эристов, по какой цели стреляет эта батарея? — зачастую слышали мы вопросы Великого Князя.

Однажды, кн. Эристов доложил, что батарея стреляет впустую.

Меня послали к командиру этой батареи.

Симпатичный, и уже не молодой, подполковник, долго чертыхался, затем стал выражаться покруче, позвал своего фейерверкера:

— Опять мы напутали с тобой с этой треклятой "Петрушкой"?

По всей вероятности "Петрушки" были не в чести у артиллеристов.

Мой доклад, по возвращении, Великий Князь выслушал в пол-уха, что-то его отвлекало в ином направлении, на лице его ясно выражался сильный гнев и вполголоса Великий Князь произносил слова, явно мне напоминавшие только-что слышанные от артиллерийского подполковника.

Два ординарца, один за другим, вылетели, как ракеты, пущенны со станка, в направлении полка, командир которого завел полк в болото. Лошади ординарцев грузли в этом болоте и ординарцам с трудом удалось передать сердитое приказание Великого Князя.

По счастью тяжелая атмосфера разрядилась. Вдали и справа от нас неслась карьером на позицию 2-я батарея Л.-Гв. Конной артиллерии. Старик ген. М. И. Драгомиров однажды сказал:

— "Более дивно-поэтического момента, как выезд конной батареи на позицию, я в военной службе не знаю".

В это же время можно было залюбоваться, как мимо нас стройно, в боевом порядке для атаки на пехоту, галопом проходили щеголеватые уланы Е. Величества на чудных рыжих лошадях — ушедшие тени минувшего... Гроза прошла... Великий Князь приказал трубить сигнал "Коноводы" (он обозначал благодарность") и раскатистое "Рады старастья" пронеслось по всему широкому фронту улан и отозвалось в конной батарее.

В 1-ю Мировую войну, я знаю примеры атаки нашей конницы на пехоту: Ахтырские гусары, в бою под Дембио, при активной поддержке огня Туркестанской конно-горной батареи: жертвенная атака Митавских гусар у Нерадова; Туркменский конный полк в период Брусиловского наступления; 3-й Эскадрон Белорусского полка гусар, для выручки 14-й конной батареи. Художественным пером покойного ген. Краснова описана атака Заамурцев. На моих глазах Пав-

лоградские гусары и 2-й Донской казачий полк, посланы были в атаку в бою под Горюнгофом, но атака захлебнулась, так как немецкая пехота укрылась в лес, из которого немцам не дал высунуть носа огонь 4-х конных батарей.

Если бы при этих атаках присутствовал Великий Князь, его сердце возрадовалось бы. В этих блестящих действиях конницы, он увидел бы результаты того воспитания и боевой подготовки, над которыми много потрудился будучи Ген. Инсп. Конницы.

Из этого следует, что описанный мною эпизод — атака на маневрах гвардейских улан, не являлась лишь маневренным эффектом.

У Великого Князя настроение изменилось, и вызванный к нему командир полка, навлекший гнев Великого Князя, получил замечание в весьмая мягкой форме.

Уезжая, этот командир полка перекрестился, на что обратил внимание Великого Князя, он улыбнулся и, наверное, в это время, у него зародилось намерение огладить старого служаку, уже седеющего полковника, во всяком случае, он выбрал момент, чтобы подъехать к нему и громко произнести, так, что слышали солдаты полка:

— А полк-то, у Вас, молодецкий! — после чего он пожал руку командиру полка.

Как-то, в другой раз, как очередной ординарец, я находился около Великого Князя, во время его разговора с ген. Никитиным, командиром 18-го корпуса.

Решено было оповестить Н-ка артиллерийской группы, стоявшей на позиции, что огнем его батарей артиллерия противника подавлена и пехота отступает. Ген. Никитин высказал предположение, что ген. Вахарловский (Н-к группы), вышлет часть батарей вперед для преследования, (могло быть и иное решение, более осторожное), Великий Князь выразил свое согласие с ген. Никитиным, заявив: "Надеюсь".

Услышав фамилию Вахарловского, я вспомнил юнкерские годы — он был моим командиром батареи в Константиновском артиллерийском училище. только я подумал об этом, как был послан к нему. Доложив, узнавшему меня, ген. Вахарловскому обстановку, я добавил:

— Великий Князь надеется, что Вы выдвинете несколько батарей вперед.

Тотчас же, может быть, даже слишком поспешно, ген. Вахарловский разослал приказания, и к трем батареям, стоящим на позиции, крупной рысью стали подъезжать передки.

Повидимому, какая-то догадка мелькнула в голове у Великого Князя, так как, когда я вернулся, он шутливо погрозил мне пальцем и я почувствовал себя нашалившим кадетом.

Маневры приходили к концу, финал разыгрывался на военном поле под Красным Селом. Уже съехались приглашенные на маневры, они ездили отдельно, руководимые ген.-ад. Струковым. Иностранных Военных Агентов водил ген. шт. подполковник Соваж. Теперь уже к ландо, с вином и бутербродами, приехавшим ранее обычного, не проберешься. "Железный запас" в седельной кобуре пришелся кстати. Контрабандой отпивали для согревания из своей фляги коньяк.

Погода испортилась, холодный ветер и моросил дождь, но войска не надевали шинелей, а поэтому и Государь оставался в кителе. Свита Государя разрослась, ездил в ней и наш Ген. Инсп. артиллерии Великий Князь Сергей Михайлович. Увидев меня, своего конноартиллериста, сделал рукой приветственный жест и, очевидно, предполагая, что я мерзну в кителе, отвернул полу своего кителя, показав, что у него поддета шведская куртка.

Мелочи, все мелочи, все дорогие мелочи...

Но вот трубачи-конвойцы сыграли "отбой" и, как утренние петухи, запели, одна за другой, кавалерийские и артиллерийские трубы и им вторили на боевых нотах пехотные горнисты.

Теперь предстоял завтрак в Красном Селе в Высочайшем присутствии. Приглашались обычно иностранные военные атташе, и высшие военные чины, начиная с командиров отдельных частей, и потому, полученное через гр. Нирод нами приглашение, было совершенно неожиданным и это мы отнесли к вниманию Великого Князя.

Мы сели за столом, за который посадили генералов, рангом не выше бригадных, командиров полков и артиллерийских девизионов.

На соседа справа мне не повезло, рядом со мной сел моложавый, с фатоватым видом, командир армейского пехотного полка, со значком академии генерального штаба, на груди. С первых же слов, я определил ненавистный мне тип нудного псевдо-умника. Я почти не слушал, что он говорил, а говорил он много, авторитетно и скучно, и я совершенно перестал оборачиваться в его сторону, после его язвительных и мало остроумных вопросов, относительно наших наблюдений, строптивости и (самодурства) Великого Князя. Вот такие господа и распространяли невероятные, преувеличенные слухи о необузданной резкости Великого Князя.

Мы же получили от Великого Князя еще один знак внимания. После окончания завтрака, граф Нирод провел нас в аппартаменты Великого Князя, где нас ожидали Великая Княгиня Анастасия Николаевна и Великий Князь. После короткой церемонии представления Великой Княгине. Великий Князь, обращаясь к своей Августейшей Супруге, сказал несколько лестных слов по нашему адресу, и поблагодарив нас за службу. пошутил:

— Ну, а теперь.... — и показал руками скаковой посыл, — в Поставы.

В Поставах, Виленской губернии, проходился курс парфорсной охоты Кавалерийской Школой.

Отношение к нам Великого Князя открыло ту сторону его души, какая известна была немногим.

Государь... для нас, армейских офицеров, непривычная близость, к Государю создала незабываемую эпоху. Все мои воспоминания об этих днях одеты в праздничные одежды.

А. Левицкий

ЧЕТВЕРГОВ

От Редакции: Ныне покойный, писатель Иван Лукаш, в лице "Сотника Четвергова", дал, в одной из своих повестей, как бы прообраз типичного Русского офицера, отдававшего, на протяжении всей Русской истории, свою жизнь за Россию. В поэтической форме, в прекрасном стихотворении, печатаемом здесь, высокоодаренный поэт князь Н. В. Кудашев, блестяще развил ту же тему и ту же мысль.

Вспомнилось... Ивана Лукаша
Быль о воплощеньях Четвергова.
Хороша, как слава хороша,
Правда, облекаясь в слово...

Мнется под копытами трава,
Скалятся приплюснутые рожи, —
От восхода валит татарва,
Застилая русский день погожий.

На валах, в одном из городков,
С шестопером, бердышом иль пикой,
Стал за веру сотник Четвергов,
Против силы кочевой и дикой.

Натянулась туго тетива,
И стрела татарская запела...
"Марфинька, была бы ты жива,
Умираю за святое дело"...

Из Москвы, пригнувшись на скаку,
Вылетел посланец Гермогена...
Весело и любо седоку.
Клочьями с коня слетает пена.

"Проскочить бы только меж врагов,
Грамоту отдать, кому велели"...
Будет жив, заедет Четвергов,
Марфиньку проведать у качели...

Но с улыбкой тонкой на устах,
Пороху на полку подсыпая,
Из мушкета приложился лях...
"Марфинька. За веру умираю"...

Воет ветер... Снег да ледники.
На плечах колышутся лафеты, —
В Сан-Готард Суворова полки,
Движутся сегодня от рассвета.

Между вьюков, пушек и штыков,
С кручи поднимается на кручи,
Армии поручик Четвергов,
Рвет конверт, что давеча получен...

Марфинька с похода ждет домой...
На привале отписать ей надо.
Наклонилась... Тянет за собой,
Обрываясь в пропасть, коронада...

Третья Плевна... Бешенный Осман
Таборы бросает на редуты...
Смуглых, сухощавых египтян,
Диких курдов, лютых арнаутов...

Гвардии Султана бьют поход.
Янычар заколыхалось знамя...
Четвергов команду подает, —
Гренадеры щелкают курками...

Закурился залпами редут...
Падают... Врываются аскеры...
"Марфинька, моя могила тут, —
Умираю за Царя, за Веру"...

От Кубани "Ледяной Поход",
Флаг трехцветный развернули снова.
Между стройных офицерских рот,
Скромная фигура Четвергова...

Обгорела у костров пола,
Пулями простреленной шинели...
От любимой весточка пришла,
Через фронты, в стужу, и метели,

В Галлиполи есть "Долина Роз"...
На усопшем простыней покрыли
Ветхое письмо и прядь волос —
Горечь четверговой были...

Русский Корпус. На Балканах вновь
Четвергов шагает перед строем.
Хмурится насупленная бровь,
Видя крест над каждою верстою.

У костра, при свете зимних звезд,
В отблесках ракеты и разрыва,
На туманный номерный "Фельд-Пост"
Марфиньке писалось торопливо:

"Назначенье срочное в РОА.
По пути на день, другой заеду"...
— Платлинга зловещая молва,
Быль, не уступающая бреду...

Так погиб и этот Четвергов,
Жертвенностью гибель облекая,
Как и те — в течении веков,
За величье и свободу края.

На роду так видно, суждено, —
Ореол венца посмертной славы...
Было так в полях Бородино,
У Гуниба, около Полтавы...

Четвергова знает Кунерсдорф,
Кровь и дым Малахова Кургана,
У болот Мазурских зыбкий торф,
Под Мукденом шорох гаоляна...

Хороша, как слава хороша,
Правда, облекаясь в слово, —
Русская бессмертная душа,
В каждом воплощеньи Четвергова...

Кн. *Н. В. Кудашев*

МОРСКОЙ КОРПУС В БИЗЕРТЕ

(Очерк)

В феврале, 1921 г., выяснилась, наконец, судьба Морского корпуса, эвакуированного из Севастополя в Бизерту. Французские власти отвели для его помещения форт Джебель-Кебир, в 4-х километрах от города, на горе, носившей то же наименование. Ниже в километре от форта, в казематах которого разместились гардемаринские и кадетские роты, находился лагерь Сфайат. В его просторных бараках поселились: директор корпуса, воспитатели и преподаватели с их семьями.

Трудно пришлось по началу; питание было лагерное — военное. Провизия состояла из солдатского французского пайка и пища приготовлялась в котлах походных кухонь, т. е. в вареном виде: мясо или рыба (морские коты), бобы, чечевица и рис. Чередовалось это с военными консервами. Нелегко было переварить все это нежным желудкам детей-кадет и семействам служащих. Я занимал в корпусе место преподавателя пароходной механики и заведывал его технической частью.

Ко мне обратились корпусные дамы с просьбой, нельзя ли что-либо сделать, чтобы изменить способ приготовления пищи на более мирный. Имея в голове сложившуюся идею, я обратился к Директору Корпуса за разрешением построить кухню постоянного типа в одном из пустых бараков. Разрешение тотчас же было дано. Был март месяц, приближалась Пасха. Поехав на эскадру, стоявшую в порту Бизерта, я заказал на транспорте-мастерских "Кронштадт", стальные листы с прорезями и конфорками для плиты, боковые обручи и 2 больших духовых шкафа для печения. Затем обратился к французским морским властям, с просьбой прислать кирпича и глины, и по получении всего, засучив рукава, с помощью двух матросов, выложил отличную печь-плиту с двумя очагами, двумя духовками и бассейном для горячей воды. Наши корпусные повара стали показывать на ней свое кулинарное искусство: котлеты, шницеля и шнельклопсы, а также всякого рода запеканки. Подошедший праздник Пасхи и отпущенная специальная провизия, позволила нашим дамам напечь уйму баб и куличей, всех размеров и вкусов, и для меня был большой сюрприз, когда я, однажды, вернувшись с лекции домой, нашел на столе, кроме куличей, испеченных моей женой, еще много добавочных, принесенных дамским комитетом, в благодарность за мою работу. Успех первой работы вызвал просьбу учебной части устроить хорошее освещение в казематах форта, где жили и учились гардемарины и кадеты, так как в помещениях было очень темно (лишь узкие прорезы) и жить, и учиться надо было с помощью керосиновых фонарей, привезенных с эскадры.

Инспектор классов, кап. I ранга Н. Н. Александров, прекрасный техник, предложил мне идею построить ветряной двигатель и с его помощью заряжать аккумуляторы, от которых и пользоваться электрическим током. Тотчас же это было проведено в жизнь. От начальника штаба Командующего флотом, не только было получено разрешение снять с судов, нужные нам динамо, аккумуляторы и весь материал для освещения, но и помощь присылкой электриков, с эскадры, для установки его. Ветряк был нами расчитан и построен, мощные аккумуляторы с подводной лодки "Утка" установлены и, вскоре, был праздник; электрическое освещение в ротах, классах, а также в церкви. Иконостас, привезенный нами из Севастополя, был подновлен моей женой-художницей.

Следующей заботой явилось почти полное отсутствие морского обмундирования. Все обносилось и было самого разнообразного вида и цвета. Директор Корпуса, адмирал А. Н. Герасимов, распорядился об отпуске нам с эскадры сукна и тонкой парусины, которых, к счастью, было большое количество. (Сукно защитного цвета). Французы прислали из интендантства пару больших котлов для варки и несколько швейных машин. Из Туниса привезли краску для шерстяной материи: черную для брюк и шинелей и синюю для голландок.

У берега ручья, на склоне Джебель-Кебира, были установлены котлы и открылась русская красильня en gros. Ткань была порезана на куски, прекрасно покрашена, прополоскана в ручье и высушена в тени оливковых деревьев. Затем все перешло в руки Дамского Комитета. Зажужжали швейные машины и в недалеком будущем, мы увидели наших гардемарин и кадет, одетых строго по форме, в белых форменках, синих голландках и черных брюках, а для холодной погоды были перешиты и перекрашены английские шинели.

К этому времени сорганизовался прекрасный духовой оркестр из гардемарин и кадет, и в одну из пятниц (день для прогулок), под звуки Николаевского флотского марша, Морской Корпус, двинулся вниз, в город Бизерту, где и продефилировал по улицам города, к большому удивлению и радости населения. Такие прогулки продолжались, как только позволяла хорошая погода.

Научные занятия велись по программе Морского Училища, кроме того, в свободные часы, учебная часть устраивала лекции не относящиеся прямо к курсу. Особенным успехом пользовалась популярная астрономия, которую читал штатный астроном Пулковской обсерватории А. Н. Высоцкий, преподаватель астрономии в Корпусе, ныне директор Обсерватории в Скалистых горах, один из крупнейших авторитетов в Америке. Прогулки с целью изучения природы с преподавателем естественной истории, Импенецким, были также очень увлекательны.

Так дружно жила наша морская семья. Но проходило время. В начале лета прекрасно прошли экзамены и окончила свой курс 1-я рота. Ее место заступила 2-я, а за нею подошла к выпуску и 3-я. Окончившие полный курс наук, гардемарины, расписывались по кораблям эскадры. Покидая училище, вступали в суровую жизнь, с верой в Бога, и в свои силы. С помощью Федоровского комитета содействия юношеству, многие могли продолжать свое высшее образование, и хорошо устраивались в чужих краях.

В дальнейшем жизнь всех раскидала, кого куда, но все бывшие в Корпусе, с удовольствием вспоминают, свои первые шаги заграницей, пребывание в Бизерте, и жизнь на форту Джебель-Кебир.

Инженер-механик *И. Волхонский*

Памятник М. Ю. Лермонтову

Зажглась, друзья мои, война
И развились знамена чести;
Трубой заветною она,
Манит в поля кровавой мести.
Лермонтов

Каждый царскосельский лицеист свято чтит память своего Пушкина, так и мы, бывшие юнкера Николаевского Кавалерийского Училища, отдаем ту же дань нашему славному корнету поэту Лермонтову. Михаил Юрьевич Лермонтов родился в ночь с 2 на 3 октября 1814 года. В газетном фельетоне, приуроченном, к 140-летию со дня рождения поэта, И. Опишня дал описание его детства, справедливо заметив, что печальные исторические обстоятельства помешали достойно отметить столетие со дня смерти поэта, убитого на дуэли с майором Мартыновым 15 июля 1841 года. Автор фельетона перечислил и все известные труды, посвященные его памяти.

Следует подчеркнуть то обстоятельство, что в довоенной России, в среде нашей интеллигенции, к людям, выбравшим себе военную карьеру, относились свысока и, видимо, вследствие этого в биографических очерках Лермонтова уделялось очень немного строк, пребыванию его в военном училище.

Первое полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова было издано Марксом в 1891 году. Биограф — без подписи — утверждает, что "в письме, писанном (кому?) вслед за окончанием курса училища, Лермонтов называет два года, проведенные в Школе, ужасными, но прибавляет при этом, что "жил он в Школе, по наружности, весело и беспечно, одинаковой с товарищами жизнью". Прочтя же письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной, мы убеждаемся в том, что он по собственному влечению идет на военную службу, ибо пишет ей: "Быть может это особенная воля Провидения — умереть с пулей в груди — это стоит медленной агонии старика. Итак если начнется война, клянусь Вам Богом, всегда буду впереди".

15 июля сего года исполняется 116 лет со дня смерти поэта и я хочу, в связи с этим, познакомить читателей с тем, как сохранялась память о нем в нашей Школе, носившей в его время наименование "Школа подпрапорщиков и Гвардейских юнкеров". Традиции Училища прекрасно описаны Е. Вадимовым в его книжке "Корнеты и Звери". К сожалению трудно точно установить, появлению каких из них мы обязаны корнету Лермонтову. Но безусловно наша школьная "Звериада", по обилию в ней остроумных выражений, несомненно носит следы его участия в ее составлении. В наше время существовала так называемая "Лермонтовская черта" — символическая линия, прочерченная репейком шпоры "благородного корнета", которую не имел права перешагнуть "сугубый зверь".

По традиции же, вскорости после принесения присяги, вновь поступившими юнкерами, "корнетство" устраивало торжественное чтение "приказа по курилке", относительно которого молва утверждала, что он был впервые написан Лермонтовым. Помещение 2-го взвода, в котором состоял Лермонтов, официально считалось "Лермонтовским взводом", а одна из комнат классного флигеля всецело была посвящена ему и носила название "Лермонтовский музей". В него были перенесены бумаги из обоих столичных университетов, скудно освещающие студенческое время великого поэта, и документальные данные о службе его в полках. Там же сохранялись его подлинные рукописи, рисунки и несколько принадлежавших ему вещей. Заведывал музеем полковник Алтухов, почему-то строго следивший, чтобы при посещении музея мы не имели при себе ни бумаги, ни карандаша.

Следуя завету своего славного корнета:

"За золото купишь четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены,
Он и от вихря в степи не отстанет,
Он не изменит, он не обманет"...

Мы, являясь желанными гостями всех светских балов Петербурга, к досаде "прекрасного пола" не тратили особенно своих сил на головокружительные танцы, храня их для своего верного друга. Это было также своего рода традицией.

Я не помню памятников М. Ю. Лермонтову, в Европейской России. Тому, кому посчастливилось посетить, места его невольных скитаний, кому удалось побывать на Кавказе, навсегда запомнился живописный путь от станции "Минеральные Воды" до Кисловодска. Раннее утро, свежий степной воздух, наполненный ароматами цветущих полей, врывается во все окна железнодорожных вагонов: силуэты Бештау, Машука и Верблюд-горы окутаны легким тума-

ном, а по мере восхода солнца, вдали начинает открываться прекрасная панорама темно-синих вершин Кавказа. Быстро спускаясь от станции Бештау к Пятигорску, поезд останавливался под склоном Машука на "Лермонтовском разъезде". Взоры всех невольно приковывает вид места дуэли, со стоящим на нем памятником поэту. В то же время, на железнодорожной платформе, старый слепой бандурист, своею задушевною песней, придает какой-то особый, грустно-романтический, колорит этому историческому печальному месту. В течении многих лет Николаевское Кавалерийское Училище изыскивало возможности к собиранию необходимых средств для постановки памятника своему славному питомцу. В исполнение этого, ежегодно во время Великого поста часть Лермонтовского взвода отделялась одеялами и в ней юнкерами устраивалась "Лермонтовская выставка". За вход в нее взималось 50 коп., а за выход один рубль. Остроумные экспонаты и каррикатуры выставки касались главным образом, внутренней жизни, не щадя порою и начальство, которое также считало своим долгом посетить ее.

При входе лежал на бархатной подушке маленький гвоздик для обивки мебели. Это был "гвоздь выставки"; затем лежали 7 пар чистых и 7 пар грязных юнкерских замшевых перчаток: "7 пар чистых и 7 пар нечистых"; красовалась огромная шпора — "Шпора благородного корнета"; маленький стеклянный шарик висел на тонком волоске — "Жизнь сугубого"; на тарелочке лежал "Прогресс" — бисквитное печенье того же названия, продававшееся в юнкерской лавочке. Далее следовали: "Хвостик тетушки", "Камень преткновения", "Слезы крокодила" и все в таком же роде. А за отдельную плату можно было осмотреть выставку картин работы "земного бога" вахмистра эскадрона. Картина № 1 — "Вид пустыни Сахары с пирамиды". Картина № 2 — "Вид пирамиды с пустыни Сахары". Обе картины — два чистых листа ватманской бумаги с подписью вахмистра.

Великим же постом, в Михайловском манеже, устраивался конный праздник, сбор с которого шел также на постановку памятника. Участие в нем принимал, старший курс эскадрона, показывавший фигурную езду с дамами и сотня училища, с отличными ее номерами джигитовки и песнями. За один из этих праздников было выручено 12.000 рублей. Весь Петербург собирался в этот день в манеже во главе с Великими Князьями и высшим военным начальством. После праздника 1909 года, в манеже сотни училища была выставка проектов будущего памятника. Эксперт, юнкер сотни Б. Курбатов, остановил свое внимание на модели, изображающей поэта в форме Тенгинского пехотного полка, в бурке, стоящего на скале. Но комиссия одобрила другой проект — поэт в гусарской парадной форме, без головного убора, сидит на скамье, облокотившись на руку. В таком виде, наконец, в 1913 году, был сооружен и поставлен перед фасадом училища памятник нашему славному корнету.

Увы, многим из нас так и не удалось увидеть воочию результата, наших юнкерских, стараний.

О ты, питомец Школы Славной,
Поэт, мечтатель и корнет,
Смиривший музу с жизнью, бранной,
Угасший на рассвете лет.

Печорин, Мцыри, Демон мрачный,
Их окрылил твой смелый слог,
Тамары царственной лик страшный,
Как на яву, ты видеть мог.

Воспел заоблачное царство,
И битвы, горе и любовь,
Постиг воздушное пространство,
И мир волшебных, нежных снов.

Места твоих былых скитаний,
Кавказ чарующих высот,
В ряду моих воспоминаний,
С Бештау, Машуком встает.

Здесь густолистые чинары,
Внимали музе молодой,
Тебе играли сазандари,
Мотивы старины седой.

Вот город, блещущий огнями,
Хранящий память о Тебе,
Все с теми ж серыми водами,
Все в той же праздной суете.

Чей дух мятежный жаждал бури,
Где все порывы юных лет
Под склоном Машука уснули,
Твои мечты, навек, поэт.

И вот теперь, в года изгнанья,
Среди чужих для нас людей,
Слова твои и прорицанья,
Еще ценнее и милей.

Вл. Хороманский

Из воспоминаний о первой Великой войне

В октябре 1914 г., состоя в распоряжении Верховного Главнокомандующего, я получил от Его Императорского Высочества повеление вновь сформировать XIII армейский корпус, почти целиком погибший в катастрофе, которая в августе месяце того же года постигла нашу 2-ую армию ген. Самсонова в Восточной Пруссии.

Формирование должно было происходить в городе Лиде, Виленской губ., где были собраны чины войск Корпуса, которым посчастливилось прорваться из неприятельского окружения, или, которые избежали последнего находясь в глубоком тылу армии. В большинстве это были люди обозных команд, и, вообще, нестроевые.

На формирование Корпуса, должны были поступить офицеры и нижние чины, переведенные из других частей войск, а также офицеры предстоящих выпусков из военных училищ и новобранцы призыва текущего года. В числе немногих прорвавшихся из немецкого кольца офицеров был начальник штаба 5-й пехотной дивизии, ген. штаба полковник Выхаев, который стал моим помощником по формированию Корпуса.

Представившиеся мне в Лиде на смотр люди корпуса, не являли ничего похожего на бывшие строевые воинские части. Это были действительно лишь жалкие остатки, собранные в команды численностью от 100 до 00 человек от каждого из 8-ми пехотных полков Корпуса и его артиллерии, почти без вооружения и, что было прискорбнее всего, без своих полковых знамен, которые, в большинстве, перед сдачей войск в плен, были зарыты в землю, в тайных местах Восточной Пруссии.

Вскоре прибыли в Лиду назначенные на формирование корпуса, выпущенные из военных училищ и переведенные из других полков, офицеры. В числе прибывших был, выпущенный из Павловского училища в 1-й пех. Невский Е. В. Короля Эллинов полк, подпоручик Игнатьев, который, помимо своего рвения к службе, обратил на себя внимание некоторыми странностями, между прочим тем, что он привез с собою двух ручных животных морскую свинку и канарейку, с которыми не расставался, держа их, в случае надобности, даже в карманах своей одежды. Свое обычное тоскливое настроение он близким лицам объяснял разочарованием, постигшем его, когда он по выпуске из Училища, попал не в славный боевой полк, как он того ожидал, а в какую-то нестроевую команду, без боевого прошлого и без полковой святыни — знамени. Этим настроением молодого офицера объяснялся замкнутый образ жизни, который он повел в новой для него обстановке, но, с другой стороны, обратило на себя внимание, что, мало общаясь со своими товарищами-офицерами, он вел какие-то продолжительные таинственные беседы с состоявшим в команде Невского полка подпрапорщиком Удалых, который был одним из немногих строевых чинов полка, прорвавшихся из немецкого окружения.

Прошло немного времени после прибытия Игнатьева в Лиду, как было обнаружено бесследное исчезновение оттуда, как его, так и его собеседника — подпрапорщика. По производстве по этому делу расследования, недавшего никаких результатов, пришлось их поступок подвести под статью закона о побеге со службы в военное время, что грозило им обоим, в случае поимки, тяжелой ответственностью. Однако, недели две-три спустя произошло — так же неожиданно, как было исчезновение — появление с повинной бежавших чинов, переодетых в крестьянскую одежду, причем в оправдание своего поступка ими было предъявлено, обернутое под ободранным тулупом вокруг туловища офицера, полотнище полкового знамени, спасенное ими из тылового района неприятельской армии ценою невероятного по смелости предприятия.

Рассказ об этом, выслушанный мною лично от подпоручика Игнатьева, сводился к следующему:

Узнав из бесед с подпрапорщиком Удалых, что последний участвовал в зарытии знамени в землю в глухом месте, которое он брался отыскать, Игнатьев проникся пламенным желанием возвратить полку его священную хоругвь и уговорил своего собеседника принять в этом, вместе с ним участие. Во избежание препятствий со стороны начальства, решено было сделать это без спроса, тайно. Переодевшись крестьянами, заговорщики в темную ночь пустились в путь по выработанному заранее маршруту. Двигались по ночам, отдыхая днем в лесах и заброшенных постройках, питаясь чем Бог послал. Нечего говорить, какой бездны находчивости и изворотливости требовал этот легендарный набег двух русских смельчаков в тыл победоносной неприятельской армии, с двукратным прохождением двух линий сторожевого охранения, своего и немецкого. Особенно опасно было положение в неприятельском тылу, подавно после вырытия знамени, ввиду ответственности перед своим полком за возможный переход знамени из своих в руки врага. Во избежание плена нашим героям приходилось зорко следить за появлением неприятельских разъездов и при виде их еще вдали, скрываться, пользуясь местными укрытиями. Однажды им случилось для своего спасения погрузиться по пояс в кочковую трясину.

Об этом подвиге двух чинов 1-го Невского полка мною было донесено Великому Князю Николаю Николаевичу, который повелел командировать их в Ставку, для личного доклада Его Императорскому Высочеству. При этом представлении, герои удостоились милостивой благодарности и получения из рук Великого Князя заслуженных им орденских знаков — офицер — Св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантом, подпрапорщик — Георгиевский Крест 4-ой степени. Но особенное счастье выпало на их долю в том, что из Ставки они были командированы в Цар-

екое Село, для представления Государю Императору, где удостоились Царского Спасибо и получения из рук Его Императорского Величества по второй награде: Подпоручик Игнатьев — орден св. Георгия 4-ой степени, подпрапорщик Удалых — Георгиевский крест 3-й степени. Дело об их побеге со службы, было, разумеется прекращено.

Среди всех выпавших на его долю похвал и отличий и собственного удовлетворения от сознания исполненного долга, молодой офицер переживал свое личное горе: одно из двух любимых им животных — канарейка — погибла во время набега в Восточную Пруссию, утонув в просочившейся в его кармане воде, когда участники набега скрывались от немецкого разъезда в трясине. Другая любимица — морская свинка благополучно вынесла все тягости похода.

Вот то, что сохранилось у меня в памяти от эпизода спасения в 1914 году знамени 1-го пехотного Невского полка. Да послужит рассказанное в назидание подростающему поколению Русской эмиграции в этом примере, как в старой России умели служить своему Царю и своей Родине Русские люди.

В. Флуг.

1-ый Конный праздник Михайловского артиллерийского училища в Высочайшем присутствии

Начался 1911—1912 учебный год в Михайловском Артиллерийском Училище. Это был третий и последний год нашего пребывания в нем. Мы были в старшем классе. Год труда и последних усилий. Хороший результат этого года должен был нам открыть дорогу для всей последующей жизни, ибо составлялся список по баллам, а по этому списку, в лагерях, перед производством в офицеры, выбирались вакансии (части, их стоянки). Ввиду всего этого, об удовольствиях в этом году, мы не имели права и думать. Но два события этого года, нас вовлекли невольно в труд по устройству именно удовольствия. Это были: объявленный заранее день 1-го Конного праздника училища и 1-й бал, после 10-летнего перерыва.

Конный праздник устраивался впервые и поэтому подготовка к нему началась за несколько месяцев. Были объявлены списки юнкеров старшего класса, которые будут принимать участие в программе праздника. Подготовка велась энергично, несмотря на учебные занятия, которых было по горло. Пришлось отказаться от отпуска, чтобы все это совместить. Перед самым праздником, вдруг, объявили, что на празднике будет присутствовать Государь Император.

Это заставило всех, участвующих, еще серьезнее отнестись к подготовке. Подошел день праздника. С утра настроение было нервное, приподнятое. Манеж был вычищен, украшен. Лошади убраны по праздничному. Манеж был не велик, но давал возможность 4-м орудиям, в упряжках, производить сложное учение. Манеж был прямоугольником с двумя длинными и двумя короткими сторонами, защищенными деревянным барьером. За барьером были места для публики. Так как было 2 батареи, то орудийное учение и смены верховой езды, были произведены каждой батареей отдельно, а остальные номера, совместно. Команд не подавалось, все делали по звонкам.

Прибыл Государь Император со свитой, в которой были Военный Министр, Начальник Офицерской Кавалерийской Школы Ген. Химец, Начальники училищ и др.

Праздник начался фигурной ездой 4-х орудий нашей 1-й батареи. Мне выпала честь быть фейерверкером 1-го орудия, т. е. роль необычайно ответственная. За мной батарея делала все повороты и построения. Я употребил все усилия на сохранение внимания и спокойствия. Номер кончался движением, когда 4 орудия неслись галопом вдоль боковых барьеров, затем, на коротких сторонах, делали поворот и неслись навстречу взвод, взводу (взвод батареи — 2 орудия), проскакивали в интервалы и меняли направление. Этот момент был так эффектен и так грозен, что в публике раздавали испуганные крики, особенно дам, ибо казалось, что сейчас все столкнутся, перепутаются и произойдет катастрофа. Грохот орудий, стук осей о барьер, — создавали невероятный шум, а пыль и испарения лошадей, — туман, что еще увеличивало впечатление.

Батарея выстроилась. Публика усиленно аплодировала. Государь милостиво благодарил.

После этого была барьерная езда. Барьеры разного типа и величины. Красивый и интересный номер. Затем был тендэм, который состоял из 4 пар лошадей. Передняя лошадь была на вожжах, а ею управлял юнкер верхом на второй лошади, сзади. Этот номер был похож на цирковой, со свободными лошадями. Лошади были умилительно послушны и заслужили восторг публики.

Следующий номер — вольтижировка на лошади, идущей галопом по кругу, на корде. Мое участие выразилось в прыжках на лошадь и с лошади, вертушках, езде стоя, вверх ногами и сальто с крупа назад. Номером, в середине программы, была гимнастика. Строевые фигуры гимнастов, в гимнастических костюмах, летающих на турнике, параллельных брусьях и деревянной лошади, казались не людьми а бабочками. Казалось они не имеют веса, а крылья. Семилетний гимнастический стаж кадетских корпусов и 3-годичный училища, смог дать настоящих виртуозов. После гимнастики, был номер дей-

ствительно цирковой. Группа из 12 юнкеров делала сальто (через голову), прыжок с трамплина, через, последовательно, одну, две и до шести лошадей. Орудийных лошадей с огромными крупами, ставили под ряд, головами в разные стороны. Прыжок состоял из разбега по дорожке, на которой на бегу делали сальто, затем отталкивались от трамплина, совершали полет над лошадьми, и наконец, делали переворот, через голову, над последней лошадью. Если считать круп лошади в 1 метр, расстоянио от трамплина до 1-й лошади и промежутки между ними, то прыжок был длинною 7 метров. Наш номер имел большой успех.

Программа заканчивалась сменной фигурной ездой. Было две смены: 1-й и 2-й батареи. Смена состояла из 12-ти юнкеров верхами. В каждой смене, было 2 головных, ибо идущий сзади, при поворотах, оказывался 1-м и вел смену. Меня назначили 2-м головным. Смена делала вольты, принимая вдоль барьера и через середину манежа, перемены аллюра и вольтижировку. Кончался номер полевым галопом, на котором нужно было делать прыжки на землю, на две стороны, делать вертушки. Во время таких прыжков, в смене 2-й батареи, у лихого фельдфебеля, произошел казус. Когда, после прыжка, он садился на лошадь, его рейтузы лопнули пополам. Думаю, что это, если и заметила публика, то не вся. Лихой полевой галоп, с его прыжками и проскакиванием в промежутки, было зрелище, за которое публика нас долго благодарила.

Манеж затих. Смена выстроилась фронтом к Государю Императору и замерла.

Мягкий и ласковый голос Государя, благодарил нас за праздник, после чего, Он отбыл со свитой. Память об этом, отменно радостном, вечере, осталась на всю жизнь. *Л. А. Беляев*

Прощание с моими детьми

(К 150-летию Дворянского Полка 1807—1957)

В бумагах, скончавшегося 28 августа 1849 года, Великого Князя Михаила Павловича, было найдено, собственноручно им написанное, "Прощание с моими детьми Военно-Учебных заведений".

Привожу полный текст этого интересного и поучительного документа, копия которого, начиная с 1850 года, выдавалась на руки каждому воспитаннику Дворянского Полка, при его производстве в офицеры.

"Дети, отпуская вас на службу, я обращаюсь к вам не так, как ваш Начальник, но, как ОТЕЦ, вас душевно любящий, который следил за вами с юных ваших лет, который радовался вашим успехам, вашему постепенному развитию.

Теперь, вы выходите на поприще жизни военной; прощаюсь с вами: внемлите моему совету: не забывайте никогда БОГА, родителей ваших, которым вы одолжены вашим существованием и помните всегда, что вы одолжены нравственным вашим существованием Государю Императору, Его постоянным к вам милостям; Он, с младенчества вас призрел. Он вас возлелеял и, наконец, снабдил всем нужным для нового высшего поприща.

Как можете вы инако заслужить столь великие к вам Его благодеяния, как не щадя себя, ни в каком случае для его службы, не забывайте, что в России, в нашей славной РОССИИ, священные имена Государя и Отечества *нераздельны;* эта нераздельность — наша сила, пред которой неприятели наши всегда сокрушатся и крамоле не будет места.

Военная служба, сия благороднейшая служба, сколь представляет она вам в будущности славы; слава на поле битвы, для благородной души, сколь имеет отрады; и если участь удручила пасть на нем, то остается память, окружающая поверженного. Но это ли одна слава военного?

Ежечасное самопожертвование, постоянство и терпение в трудах без ропота, без устали, сколь они почтенны.

Достойный офицер обязан прежде всего повиноваться начальникам и наблюдать неукоснительно за исполнением его приказаний. Повиновение сие должно быть искренне и безусловно. Помните всегда, что настоящая *честь военного человека* состоит в благородном поведении, а потому избегайте всякого соблазна и не забывайте слов Самого Спасителя: "не введи нас во искушение".

Примите, дети, сие наставление *друга,* будьте уверены, что вблизи и издалека он всегда будет следить за вами, во всех ваших нуждах или, если вам нужен будет добрый совет, обращайтесь всегда к нему, как к верному пристанищу.

Прощайте, да благословит вас Господь Бог и да подкрепит на дела великие. За Богом молитва, а за Царем служба никогда не пропадают".

В портретном зале Константиновского Артиллерийского училища, стоял бюст Великого Князя Михаила Павловича, на мраморном пьедестале, к которому был прикреплен в форме пергамента бронзовый лист с выгравированным текстом документа "Прощание" (Орфография того времени).

Привожу теперь полностью текст этого документа, так как полагаю, что молодому поколению небезинтересно будет знать, на каких основах правды, чести и добра воспитывалась уже 100 лет назад Русская военная молодежь, та молодежь, которая посвятила себя тяжелому труду офицера — стоять до гробовой доски на страже Отечества и обучать младшего брата-солдата, как надо, не щадя живота, защищать свое Отечество.

Да сохранится память о славном прошлом в сердцах грядущих поколений. *Б. А. Николаев*

Кое-что из русской археологии

(Окончание)

В раскапываемых курганах этой эпохи, скелеты всегда скорчены и окрашены красной охрой; в зависимости от типа погребения, курганы делятся на катакомбные и срубные.

Нижние течения Волги, Дона и Днепра — усеяны этими степными курганами и сооружены они не только скифо-сарматскими племенами, но и более древними. Катакомбные погребения датируются концом 3-го и первой половиной 2-го тысячелетия до Р. Х. Погребения следующей, срубной, эпохи — относятся ко второй половине 2-го тысячелетия и продолжаются до начала 1-го тысячелетия после Р. Х. В частности, точно удалось исследовать погребения близ Хвалынска, Саратовской губ., где были найдены большие ножи с прямыми лезвиями, топоры с отверстием для рукоятки, (коих гораздо меньше найдено в Западной Европе), стрелы (еще кремневые, но серпы и женские украшения уже бронзовые). Исключительно интересны находки около с. Бородина, близ Белгорода Днепровского: там обнаружены топора из полированного нефрита, а в одном, вероятно, погребении родоначальника, копье, булава и кинжал сделаны из серебра.

Могильники бронзового века средней, лесной полосы России зовутся фатьяновскими (от с. Фатьянова, около Ярославля), раскопано их около 30-ти; встречаются они и около Москвы, в районе р. Суры — и до Чебоксар. Типы найденных каменных и бронзовых топоров — указывают на 2-е тысячелетие до Р. Х.; стрелы и копья — кремневые, но одно найденное копье — уже бронзовое. Пока ученые еще спорят о происхождении "фатьяновцев". Одни утверждают, что они поднялись в этот район вверх по Волге с Кавказа, а другие утверждают, что пришли они через Оку из Малороссии.

В начале 1-го тысячелетия до Р. Х. нарождается "железный век", а с ним вместе и "городища", т. е. укрепления, построенные из дерева и земли. С этих пор война стала обыкновенным явлением. "Железный век" растянулся и на все 1-е тысячелетие после Р. Х. В то время, степи между Дунаем и Доном были заселены скифами — выходцами из Средней Азии, говорящими на языке северо-иранской группы. О них много писали ученые греки классической эпохи, главным образом Геродот, живший в 5-м столетии до Р.Х. Под именем скифов, следует понимать разные племена, не принадлежащие к одной этнической группе, но объединенные одним и тем же языком, бытом и обычаями. К тому времени, они перешли от оседлого к кочевому скотоводству (преимущественно коневодству), но скифы, обитавшие севернее, вдоль лесной полосы России, занимались уже пашенным земледелием, сея не только пшеницу, просо и ячмень, но и рожь; по словам Геродота, они уже "экспортировали" избытки урожаев. Раскопки "Каменного городища" на Днепре, доказывают, что там было поселение скифских медных и железных литейщиков и кузнецов, сырье получали они из близ лежащих Криворожских месторождений.

Раскопки многочисленных курганов Южной России дали много ценных и золотых изделий, главным образом — оружия. Меч играл тогда главную роль, делался из железа и служил колющим оружием, ибо скифы, хотя и конники, вели бой в спешенном строю. Меч заканчивался эфесом, с полу-дугой вверху и крестовиной внизу. Знаменитые скифские лучники употребляли стрелы с бронзовыми наконечниками, исподволь изменившие свою форму из плоско-листовидных на трехгранно-пирамидальные. Некоторые сцены из военной жизни скифов запечатлены на сосуде, из сплава золота и серебра, найденном в Куль-Обском погребении, около Керчи. Воины одеты в узорчатые кафтаны и штаны (носившиеся тогда только "варварами"), двое изображенных заняты лечением зубов, третий починяет лук, двое других перевязывают друг другу раны, колчаны висят у всех на поясных ремнях, все они бородатые, волосы длинные, обувь короткая, мягкая. Погребенный в этом кургане "царь" имел на шее золотую "гривну". В "Солохском" кургане был найден золотой гребень с изображенными на нем двумя пешими и одним конным скифскими воинами, их щиты были сплетены вероятно из лозы.

Между VIII и II в. в. до Р. Х., жившие к востоку от Дона сарматы (или савроматы), распространились до Дуная. Геродот свидетельствует, что тогда у них существовал "матриархат", т. е. женщины господствовали над мужчинами, а девицы участвовали в сражениях, наравне с мужчинами. Тогда же Сарматские мечи сменили скифские; новые мечи были до одного метра длинной и служили для рубки в конном строю, железные стрелы вытеснили бронзовые.

Не укрепленные стоянки средне-русской лесной полосы сменились "городищами" (т. е. укреплениями) в середине 1-го тысячелетия до Р. Х. Они носят название "дьяковских" (ибо первое такое городище было расположено около с. Дьякова, на реке Москве), их теперь много раскопано в верховьях Волги, Камы и Оки. Их население было тогда скотоводческим (выкопанные костяки принадлежат: 47% лошадям, 25% коровам, 15% свиньям, 2% медведям, 1% зайцам) и ело оно преимущественно конину; земледелие было еще мотыжным; жилищами служили круглые или 4-угольные землянки; они всегда располагались по течению больших рек, на мысах, между ручьями и оврагами. Найденные наконечники стрел — костяные, трехгранные служили для охоты; меньше встречаются железные, плоские — служившие для войны; часто встречаются небольшие, железные ножи. Подобные городища встречаются к западу до границы Литвы и Эстонии.

К востоку от "дьяковцев", в бассейнах рек Камы,

Вятки, Чусовой и Белой, обитали "ананьевцы" (от названия дер. Ананьино, около Елабуги). Их могильники и городища датируются VII — II в. в. до Р. Х.: у них много сходства с бытом "дьяковцев", но есть большая разница в керамической посуде; ананьевцы часто обитали в длинных, по размерам, домах, служивших убежищем для больших групп людей, ведущих одно общее хозяйство; в могильниках находят топоры и железные копья, бронзовые и костяные стрелы, боевые ножи и молоты (чеканы), а также (у богатых) шейные гривны. Автор воздерживается от этнического определения "дьяковцев", но он склонен причислить "ананьевцев" (как и Геродот) к финно-язычеким племенам.

Тут мы опять подходим к весьма сложному вопросу о происхождении Славян, разрешение коего может быть выяснено только археологией. Кем были, с точки зрения этнической, все эти черви, меланхлены и прочие не скифские земледельческие племена, обитавшие, по свидетельству Геродота, в верховьях Днестра, и Буга, и на среднем течении Днепра? Современные русские археологи утверждают, что эти племена являются прямыми потомками скифов-земледельцев. Это решение принято благодаря раскопкам, так называемых "полей погребений" (датируемых от II в. до Р. Х. до V в. после Р. Х.), встречаемых на всей територии от Западной Чехии до левых притоков Днепра. Это те же "склавены" и "анты", описанные византийцами, и "венеды" римских историков. Мало того, не редки "поля погребений" и в лесной полосе России, в районе Смоленска, в верховьях рек Сейма, Десны, Припяти и даже Волги. Поэтому есть некоторые основания для предположения, что "дьяковцы" были тоже славянами, исподволь ассимилировавшими соседние, не славянские племена. Определение византийского историка Маврикия: "Славяне устраивают в своих жилищах много выходов", вполне оправдалось произведенными раскопками, как на право-, так и на левобережной Малороссии. Подобные жилища строились скифами-земледельцами (т. е. и Славянскими племенами скифской эпохи), еще до начала нашей эры, и состояли они из ряда землянок, выкопанных много ниже уровня земли и соединявшихся между собою системой внутренних проходов, что указывает на общинное хозяйство.

Самым северным славянским племенем были "словене", обитавшие в бассейнах рек Волхова, Шексны, Мологи, Мсты и Ловати. На востоке жили Кривичи, самое сильное и многочисленное племя, занимавшее территорию между верховьями Волги, Днепра и Западной Двины, т. е. от нынешнего Ярославля до границы Латвии. Вятичи расселились в бассейнах рек Оки, Угры и верховьях Дона (примыкая к нынешним Москве и Воронежу), ассимилировав не славянские племена Мещеру и Мурому. Вышеупомянутые племена, уже летописные, надо понимать, как союз племен, объединившихся уже к IV веку после Р. Х.

Чрезвычайно ценны результаты курганочных раскопок, датируемых от начала IX в. после Р. Х., производимых на всей территории России от Балтики до Черноморья и до Волги на востоке; в этих курганах часто встречаются погребения дружинников, уже выделившихся своим богатством и знатностью из общей массы населения; особенно выделяются курганы в соседстве дер. Гнездово, в верховьях Днепра, недалеко от Смоленска; их около 300; это было языческое кладбище древнего Смоленска, знакомого уже Константину Багрянородному в X веке, как один из крупных центров Руси. В наиболее крупном кургане (высотою 10 метров, окружностью 100 метров), очевидно был сожжен труп князя, с его прекрасным железным оружием, от которого остались: шлем, меч, копье и металлические части двух щитов. Украшением шлема (шишака конической формы), являлись железные пластинки, по узору схожие с хорошо знакомой и нам деревянной резьбой. Найденные в этом (и во многих соседних) кургане средне-азиатские монеты дают возможность определить эпоху X-м веком. Это огромное кладбище содержит наибольшее количество остатков оружия в России. Около 25% курганов пустые, объясняется это тем, что они были посвящены памяти воинов, погибших за пределами родины. Найденные в Гнездовских курганах широкие мечи, предназначенные для рубки, принадлежат к обще-европейскому типу IX — XI в. в., длинна их около метра, иногда они были окрашены в красное. Кольчуги сплетались из колечек, следовательно они появились на Руси ранее, чем в Западной Европе, столетия на два; там кольчуги исчезли в конце античности и появились снова во время начала крестовых походов в XII в. В тех же погребениях часто находят наконечники стрел — ромбовидные, и шлемы - шишаки — плавно конусообразные, заостренные вверху, совершенно не похожие на средневековые западно-европейские шлемы.

Все перечисленные части вооружения, являются неоспоримым доказательством, что в огромном большинстве гнездовских погребений, были сожжены славянские воины эпохи Олега и Игоря, вооруженные типичными русскими (а не норманскими, "варяжскими") шлемами, стрелами и кольчугами, но некоторые отдельные погребения доказывают, что в среду дружинников славян, действительно было вкраплено небольшое количество скандинавов, точно опознанные остатками типично - варяжского вооружения; очень распространенного в курганах Швеции. К таким же результатам привели раскопки Черниговских дружинных курганов, среди которых по богатству найденного оружия, выделяется "Черная Могила" (середины X века), где не найдено и следа какого-либо варяжского военного инвентаря. В этой, очевидно княжеской, богатой могиле, впервые найдена сабля, до того неизвестная ни Востоку, ни Западу, и изобретенная в ту эпоху степными кочевниками, населявшими степи к югу от Чернигова. К аналогичным результатам пришли современные археологи, после раскопок дружинных курганов и междуречья Волги—Оки: так, например, в курганах около села Михайловского (напротив Ярославля), найденный боевой

инвентарь IX — X в. в., тождествен со славянским оружием Гнездовских курганов.

Таким образом читатели "Военной Были" смогли составить некоторое представление о вооружении русских воинов, их холодном оружии, вплоть до второй половины XIV в., когда на Руси (почти одновременно с прочими европейскими странами), появилось огнестрельное оружие, начало которому положила артиллерия. Пушка изобретена была арабами в XIII в., и проникла в Европу через Испанию. В 1382 г. москвичи имели уже пушки, которые изготовлялись тогда посредством сварки выкованных из железа колец; литые медные пушки появились лишь в XV веке.

Считаем уместным упомянуть и о следующем первичном факте. Известно, что в конце X века из Киева началось распространение христианства на Руси. Вследствие этого горожане стремились отойти от "курганного" обряда погребений, который, однако, еще долго сохранялся крестьянами. Благодаря раскопкам таких крестьянских курганных погребений, мы имеем новое подтверждение, что расселение древне-русских племен, строго соответствовало границам, указанным в летописях; это подтверждение основано на откопанных наборах крестьянских женских украшений XI—XII в. в., в частности, височных колец, вплетавшихся женщинами в прически. Единственным исключением явилось племя Полян, жившее вокруг Киева. Крестьянки же всех прочих славянских племен строго придерживались типов колец, свойственных каждому племени в отдельности. Женщины Кривичей, племени наиболее многочисленного, жившего в районе верховьев Волги, Западной Двины и Днепра, носили браслетообразные кольца, вплетавшиеся в прическу по 6 штук. Кольца новгородских Словенок были ромбо-щитковые. Летопись гласит, что братья Радим и Вятко, со своими родами, расселились: первый по реке Сожу, где и народилось племя Радимичей, а второй — на реке Оке, откуда пошло племя Вятичей. Оказывается, что женские височные кольца этих двух родственных племен, очень схожи; у первых они семилучевые, у вторых семилопастные. Кольца Дреговичанок, населявших бассейн р. Припяти, имели напускные бусы из крупной медной зерни. Кольца Северянок (на реке Сейме), были спиральными. Древлянки (на реке Тетереве) носили кольца перстнеобразные.

Владимир фон Рихтер

Марш под барабан, времен Императора Александра I

Тра-та-там. Тра-та-там.
Офицеры по местам.

Как я рад, что парад
И хорошая погода,
И "она", не одна,
С тетушкой, в толпе народа.

Тра-та-там. Тра-та-там.
Офицеры по местам.

Вот идет первый взвод,
Богатырская фаланга,
И "она", уж одна,
С правого подходит фланга.

Тра-та-там. Тра-та-там.
Офицеры по местам.

А я тут ей салют,
Отдаю пренежным взглядом,
Взгляд на взгляд, как я рад,
Как доволен я парадом.

Тра-та-там. Тра-та-там.
Офицеры по местам.

Полк бегом и кругом,
Марсовое прошли поле.
Бьют отбой, и домой,
Службы нет и мы на воле.

Тра-та-там. Тра-та-там.
Офицеры по местам.

Я вперед, сквозь народ,
Чтоб ее увидеть близко...
Глядь на низ — о, сюрприз,
На земле лежит записка:

Тра-та-там. Тра-та-там.
Офицеры по местам.

"A ce soir, viens me voir,
Viens, mon cher, пройдите садом"
Я в раю, я пою,
Как доволен я парадом.

Слава суворовским кадетам, славной школе и царевым уланам

Ноябрь 1920 года. Набережная г. Феодосии. Части генерала Фостикова, погруженные на пароход, поднимают трапы и не принимают больше добровольцев из-за перегруженности парохода.

Погрузивши хозяйственную часть полка, я стоял на берегу, с двумя писарями, лейб-драгунами (Ломакин и Х.), и денежным ящиком, в нерешительности — ждать ли следующего случая погрузки здесь, или ехать в Керчь, где в это время находились все мои родные, с которыми я не мог проститься, так как шел с хозяйственной частью полка из Джанкоя; оставаться в Феодосии становилось небезопасно, так как местные рабочие уже выступили против добровольцев, а тыловые части, без начальства, начали мародировать и поджигать склады. Неожиданно, я увидел стоящего на берегу нашего "Земного бога" Васю Гуреева, и, если не ошибаюсь, его младшего брата...

На мой вопрос, что он хочет делать — машет рукой, указывая на пароход, и объявляет:

— Проводил своих, остаюсь в Крыму, может быть переберусь на Кавказ, в горы, буду продолжать борьбу.

На мое предложение ехать со мной в Керчь, где погрузиться на какой-нибудь пароход, категорически отказывается. Мы прощаемся, и он уходит в город.

"Реквизирую" пару чьих-то брошенных лошадей, уже запряженных в тачанку, открываю денежный ящик с оправдательными документами и одним именным пакетом командира Варшавской бригады, сажусь с двумя лейб-драгунами, заряжаем винтовки и едем по кратчайшей дороге в Керчь. В пути встречаем отдельных всадников неизвестных частей, а может быть и красных, или зеленых, уже не состоящих в добровольческой армии.

На знакомой пристани грузятся семьи добровольцев на пароход "Мечта", успеваю попрощаться с некоторыми членами семьи, иду на пароход со своими лейб-драгунами, и с единственным вьючным чемоданом... Началось скитание... Константинополь, Палестина, Иордания, Либан...

Что стало с моим милым Васей, где сложил свои кости этот кадет-Суворовец, лучший из выпуска Славной Школы 1908 года, и, вероятно, такой же общий любимец офицеров Л. Гв. Уланского Его Величества полка?

Г. Алеев

Николаевский кадетский корпус

Николаевский Кадетский Корпус ведет свое начало от "Частного Пансиона", основанного Александром Венедиктовичем Шакеевым 23 апреля 1833 года.

В 1859 году этот "Частный Пансион" был признан "Подготовительным Пансионом при Школе Гвардейских подпрапорщиков и Кавалерийских юнкеров".

В 1864 году, 5 сентября "Частный Пансион" преобразован в "Казенный Пансион" при той же Школе. Возглавитель его, директор Шакеев, получил чин ст. советника и оставлен директором. Штат воспитанников был установлен в 30 человек, при воспитателях: Христиче, Заторском и Фешстом.

После смерти А. В. Шакеева, 15 сентября 1870 года, был назначен директором полковник Федор Карлович Дитерихс, а с 1 сентября 1876 г. на должность директора был назначен полковник Яков Александрович Дружинин, принявший в свое ведение учебное заведение с 4-мя старшими классами (4, 5, 6 и 7-м). В 1878 году "Пансион" быле переведен из помещения "Школы", находившейся на Ново-Петергофском проспекте (впоследствии переименованного в Лермонтовский проспект), в дом № 23 по Офицерской улице и одновременно в "Пансионе" были добавлены и первые три младших класса.

6 декабря 1881 года, Высочайшим приказом, "Пансион" переименован в Николаевский кадетский корпус.

В 1884 году взвод кадет корпуса, участвовал в параде, в Зимнем Дворце, по случаю дня совершеннолетия Наследника Цесаревича Николая Александровича, под командой своего вице-вахмистра Евгения Карловича Миллера. В сентябре того же года звание "вице-вахмистра" заменено "вице - фельдфебелем", возрасты были переименованы в роты.

1 мая 1900 года директором корпуса назначен генерал-майор Григорий Михайлович Яковлев.

13 мая 1906 года в Петергофе, в Высочайшем присутствии, пожаловано корпусу знамя.

В 1907 году, в день храмового праздника корпуса, Великий Князь Константин Константинович, прочел Высочайший приказ о пожаловании строевым кадетам шашек и винтовок драгунского образца, а начальствующим лицам кавалерийской формы обмундирования.

23 ноября 1908 года, во время праздника, Великий Князь Константин Константинович, прочел приказ по Главному Управлению Военно-Учебных Заведений, чтобы день открытия "Пансиона Шакеева", т. е. 23 апреля 1833 г., считать днем основания Николаевского Кадетского Корпуса.

Последним директором корпуса был Генерал-майор Владимир Викторович Квадри.

И. Рубец

(Кадет корпус выпуска 1909 г.)

ОБЗОР ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ

Сумские гусары 1651-1951. — Издание Объединения 1 гусарского Сумского полка. Буэнос-Айрес, 1954 год.

Гусарство — совершенно своеобразное явление в истории Русской жизни, получившее свое отражение в Русской литературе и, главным образом, у Толстого ("Война и мир", "Два гусара"). Гусарская романтика чаровала не одно поколение Русских людей и дожила и до наших дней, о чем свидетельствует изданная последними сумскими гусарами книга об их родном полку.

Книга эта выгодно отличается от многих полковых историй, тем, что она не ограничивается сухим перечнем событий, имен и дат, связанных с историей полка, а дает подробное описание внутренней жизни полка, его быта и его особенностей с 1901 года (до этого года была доведена официальная история в дореволюционное время), до трагического конца славного полка в гражданскую войну.

Прибытие новобранцев, присяга, строевые будни, мелочи казарменной жизни, офицерские собрание, жизнь офицеров вне полка, в шумной и богатой Москве — все это получило отражение на страницах книги, будя дорогие воспоминания о далеком прошлом. В книге много иллюстраций, помогающих восстановить в воображении образы навсегда ушедшего.

Описанные в книге, предвоенные годы, были годами последней яркой вспышки жизни Русских кавалерийских полков, которая, как это ни грустно, никогда уже не повторится, хотя бы по одному тому, что машина убила коня, а шофер всадника. Но, тем ценнее, в наше прозаическое и сухое время, появление книг, говорящих нам о былом рыцарстве и благородстве. Будущий историк и будущий писатель, воспроизводя картины старой Русской жизни, во всем ее своеобразии, многогранности и великолепии — почерпнет немало интересного и волнующего из книги о сумских гусарах. В этом ее немалая ценность.

Г. М.

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

В КОННОМ СТРОЮ НА АНГЛИЙСКУЮ КАНОНЕРКУ

Генерал-лейтенант Николай Иванович Краснов, отец Донского Атамана Генерала П. Н. Краснова, по окончании Первого кадетского корпуса, был выпущен прапорщиком лейб-гвардии в 6-ю Донскую казачью батарею.

С началом Крымской кампании, он перевелся чином сотника в Донскую конно-артиллерийскую батарею № 3 и находился в отряде своего отца, Генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Краснова, походного Атамана казачьих полков Крымской армии, защищавших Таганрог и его окрестности.

При перестрелке с английскими канонерками, удачным попаданием, сотник Краснов подбил канонерку "Джоспер", лишившуюся управления и севшую на мель. Тогда, со своими номерами, к которым присоединились охотники от Донского N. 74-го полка, он, в конном строю атаковал канонерку и, взяв ее, снял четыре орудия, долгое время, до наших дней, стоявшие у входа в музей Новочеркасска. После атаки казаков, канонерка была потоплена огнем с английских военных кораблей.

Позже, окончив Академию генерального штаба и приобретя известность своими трудами по истории казачества, быть может, под влиянием таганрогской атаки, он стал провозвестником создания особого легкого казачьего флота, о чем написал специальную статью, помещенную в "Военном Сборнике" за 1885 год и проводил свою идею в ряде статей и публичных лекций.

Е. К.

(Из Архивов Донской Казачьей Артиллерии).

Генерал В. Т. ЧЕРНЯВСКИЙ

Первым начальником Константиновского Артиллерийского Училища был назначен полковник Василий Тимофеевич Чернявский, бывший до того командиром батареи Михайловского Артиллерийского Училища, который взял с собой оттуда несколько опытных офицеров и с их помощью, под своим мудрым руководством, сделал то, что, через несколько лет, молодое артиллерийское училище сравнялось со старым — Михайловским.

Генерал от Артиллерии В. Т. Чернявский, по окончании Русско-турецкой войны, в 1878 году, переходит в военно-учебное ведомство и более сорока лет не покидает своего поста в артиллерийских учебных заведениях, пройдя в них последовательный ряд должностей, от младшего офицера до Начальника Михайловской Артиллерийской Академии и Артиллерийских Училищ. Всем существом своим, он жил вместе с ними, душою же с ними и умер. Последний раз я встретился с нашим "артиллерийским дедом", в Сергиевском Артиллерийском Училище, незадолго до эвакуации Крыма, в 1920 году.

— Хочу подышать еще училищной жизнью, — говорил Василий Тимофеевич, посещая училище, Начальником которого состоял его бывший юнкер, а мой — инспектор классов, генерал-лейтенант Андрей Андреевич Нилус, скончавшийся на 80-м году жизни в Сирии в 1941 году.

В это, смутное, время, Сергиевское Училище было расположено в Севастополе, а генерал Чернявский, полуглухой, проживал на даче под Севастополем, у своих родных. Приехал Василий Тимофеевич на последний праздник Сергиевского Училища, в 1920 го-

ду, присутствовал на параде, на котором обратился с кратким словом к юнкерам, порадован был выправкой и отличным воинским видом молодежи, и закончил свою речь словами: "пока Россия имеет в своих рядах таких молодцов — она не умрет". За обедом, он произнес длинную, блестящую и задушевную речь, в которой излил свою наболевшую душу, вспомнил и заставил нас всех пережить все дорогое прошлое, не выдержал, и прослезился, сказав: "рад видеть моих артиллеристов, здесь, а что там, в Петрограде, с моими?"

Это была "лебединая песнь" Василия Тимофеевича. 8 марта 1932 года, в возрасте свыше 80 лет, генерал Чернявский тихо скончался в Петрограде, и похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.

Профессор генерал-лейтенант А. А. Нилус так начал свое слово, посвященное памяти своего учителя и воспитателя:

— Свалился дуб широкий, могучий, развесистый, столь долго осенявший своею тенью все наше поколение артиллеристов, еще с молодых лет. Умер наш старый "артиллерийский дед", всем нам молодым и старым, хорошо знакомый, памятный, и сердцу близкий. Всем нам, и михайловцам, и константиновцам, и сергиевцам, и николаевцам, щедро даривший частицы своего мощного духа твердой воли, прямого характера, справедливости, честности, доброты, участия, подкупающей простоты и все покрывал своею самобытностью, оригинальностью, сердечностью и прямолинейной откровенностью..."

А. С. Олехнович

Почтовый ящик

Я бы хотел дополнить некоторыми, мне известными данными, заметку об "Амазонской Роте", помещенную в № 14 журнала "Военная Быль".

Эта рота была сформирована в Крыму, приказанием князя Потемкина, для сопровождения Императрицы Екатерины II, при Ее путешествии по Крыму, в марте и апреле 1787 г. Ротой командовала Елена Ивановна Шидянская, по первому мужу, Сарбанцева. Рота имела особую форму и амазонки были вооружены ружьями при трех патронах. В моем, пропавшем в последнюю войну, архиве, имелась травюра, на которой было изображено, как эта рота, верхом, встречает Императрицу.

П. Ф. Рубец

На запрос, сообщаю: констапель — первый офицерский чин в Морской Артиллерии, существовал только до 1830 года. После преобразования Морской Артиллерии в 1830 году, кадеты, окончившие курс, производились уже в чин прапорщика Морской Артиллерии.

Эраст С—кий

В "Информационном Бюллетене" от 15 августа 1948 г. в Зальцбурге мне попалась заметка об одной оригинальной кавалерийской части в Русской коннице, о которой, якобы, упоминается в труде Георгия Соловейчика, посвященном биографии Светлейшего Князя Потемкина-Таврического. В "Информации" было напечатано: "В царствование Императрицы Екатерины II, Потемкин предполагал переселить всех евреев в Палестину, считая, что им принадлежит право владеть ею. Будучи уверен, что евреям придется вести тяжелую борьбу с неверными за Святую Землю, он решил приступить к созданию ядра будущих вооруженных сил Палестины, еще до изгнания из нее турок, а потому, сформировал конную часть, вооруженную саблями и пиками, и назвал ее "Израильским пикинерным полком". Шефом был назначен герцог Фердинанд Брауншвейгский.

Дальнейшая судьба этого оригинального полка не сказана. Интересно было бы найти этот труд Г. Соловейчика и проверить точность вышеуказанного сообщения. Может быть, кто-нибудь из читателей знает о нем?

П. Ф. Рубец

Вышел из печати и поступил в продажу

„Сборник Российской военной поэзии"

Выпуск I — Полковые и судовые песни и стихотворения. Издание Обще-Кадетского Объединения, под редакцией А. А. Геринга.

Цена: 400 фр. фр. В странах заокеанских: 1 долл.

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

„ВЕСТНИК“

ежемесячная военно - национальная газета. Издание Обще - Кадетского Объединения
под редакцией **А. А. Геринга.**

VII год издания. Париж. Цена отд. номера: во Франции — 60 фр., Германии — 60 пф.,
странах заокеанских — 20 ам. ц.

Обращаться по адресу: А. А. Геринг. 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16).

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из жизнетворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, безсонницы и в некоторых случая повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!

Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:

Laboratoire B. KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16e). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE : V. Miller, 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.

„МОРСКИЕ ЗАПИСКИ“

издаваемые Обществом Офицеров Российского Императорского Флота в Америке, под редакцией старш. лейт. барона Г. Н. Таубе

Вышел и разослан подписчикам

№ 1/2 (44), т. XV, 1957.

Подписная цена — 3 долл. в год.

Представитель на Францию: кап. 2 р. В. В. Скрябин.

Обращаться по адресу:

38, Bd de la République, Boulogne s/S.

Издание Обще-Кадетского Объединения в Аргентине

«ВОЕННАЯ БИБЛИОТЕКА»

№ 1, цена 60 фр.

НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

	Фр.
Георгий Ишевский — Честь	600
И. А. Ильин — Наши задачи, в 2-х тт...	2.400
Ю. Н. Данилов — Русские отряды на франц. фронте	350
Г. Александровский — Цусимский бой..	700
«Возрождение», ежемесячные тетради..	200
А. Балашов — Для немногих, стихи....	400
П. Н. Богданович — Граф Аракчеев	500
Л. И. Кульнев — Волны жизни	350

Поступила в продажу в Париже книга
Георгия ИШЕВСКОГО.

„ЧЕСТЬ“

Изд. Обще-Кадетского Объединения.
Литературное описание жизни Симбирского кадетского корпуса и воспитания Русской военной молодежи в Императорской России.
Продается в конторе «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и во всех Русских книжных магазинах.
Цена книги — 600 фр.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e) и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tottenham street, W 1.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Neumoresa 86, Roma.

Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue Heliopolis, Ibrahimie.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — P. O. Box 304, Nyack (N.Y.)

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 avenue San-Francisco 18.

Канада — у А. С. Орлова — 224, Dovercourt R-d Toronto (ONT).

Австралия — а) у Калатилина — 50, Belemba ave Lakemba (N.S.W.), б) у Н. А. Косач 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Рясянского — Obligado 2130, Buenos-Aires.

№ 27

НОЯБРЬ 1957 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 6-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Общество Любителей Русской Военной Старины и Обще-Кадетское Объединение извещают что, в воскресенье, 1 декабря 1957 года, в 14 часов, в зале Русской Консерватории состоится Панихида и Торжественное Собрание, посвященное памяти 75-летия кончины

ГЕНЕРАЛА

Михаила Дмитриевича СКОБЕЛЕВА

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1100 фр. с пересылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № 5 шил. год. подписка — 25 шил., в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16e). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881 - 89 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16ᵉ). MIR. 72-55

6-й год издания № 27 НОЯБРЬ 1957 Г. Bimestriel. Prix — 200 fr.

„6 НОЯБРЯ"

КАРТИНКА ИЗ ЖИЗНИ ВОСПИТАННИКОВ МОРСКОГО КОРПУСА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 1911 ГОДУ

Не столь важна юбилейная дата (45 лет) нашего выпуска из Морского Корпуса (1911 г.), сколь радостно воспоминание о Корпусе, с сожалением о быстро ушедших днях нашей беспечной молодости и нашей светлой мечты до конца своей жизни послужить на Славном Императорском Российском Флоте.

Невольно, перед мысленным взором, встают милые лица дорогих однокашников: проказников кадет, лихих гордешков, сердцегрызов-мичманов, важных, гордых лейтенантов и т. д., по иерархической лестнице, вплоть до престарелых, убеленных сединой, маститых адмиралов.

Всех нас связала "воедино", по духу и мыслям, все та же жесткая, деревянная и совсем простая "школьная семья".

В том далеком чудесном прошлом ,когда на паркете столовой и наших ротных зал Морского Корпуса, мы все безмолвно держали равнение по правофланговому и чувствовали всем телом и сердцем прикосновение локтем рядом стоящего во фронте, в эти дни и годы и была заложена наша "неразрывная товарищеская связь". Не эта ли самая лучшая и глубокоиспытанная форма военного воспитания дала нам в прошлом неисчислимые примеры офицерской доблести и самопожертвования?

Для наших братьев, кадет сухопутных корпусов, может быть неизвестна часто упоминаемая дата 6-го ноября, праздника Морского Корпуса.

Так обратимся к краткой исторической справке: основание Морского Корпуса исходит из "Школы Математических и Навигацких Наук", созданной Петром Великим в 1701 году в Москве, в Сухаревой башне, и после ряда преобразований и перемен, наименований, в 1752 Морская Академия стала Морским Шляхетским Кадетским Корпусом в Санкт-Петербурге, в доме, бывшем Миниха, на Васильевском острове, на углу Б. Невы и 11 линии, и тогда было решено построить церковь при корпусе, но осуществилось это только 16 марта 1797 года. Церковь была построена во имя Святого Павла Исповедника, коего память празднуется 6-го ноября, в день восшествия на престол Императора Павла 1-го, 6 ноября 1796 года.

В тот же день, празднует свой полковой праздник лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк.

Император Павел I, еще будучи Цесаревичем, имел звание Августейшего Генерал-Адмирала Флота и флот он очень любил. Эта священная для моряков дата, 6 ноября, настолько глубоко врезалась в память каждого, что с поминанием ее мигом воскресает прелестная картина празднования этого дня. День этот был известен всему Старому Петербургу; особенно были счастливы петербургские милые девицы, которые очень ценили приглашение на Морской бал. Морской бал открывал сезон зимних балов Петербурга, столицы Императорской России. На этом балу бывало избранное общество и удостаивали его своим присутствием Августейшие Великие Князья, Генерал-Адмирал Алексей Александрович, Генерал-Инспектор Военно-Учебных заведений Константин Константинович и Адмирал Александр Михайлович, сыновья последнего были воспитанниками Морского Корпуса.

Помещение Корпуса, за несколько дней до 6-го ноября, преображалось руками выпускных гардемарин в сказочный мир подводного царства, в таинственные языческие храмы и чарующие зеленые зимние сады, с уютными гротами с прохладительными напитками, фруктами и сладостями.

Несмотря на громадное помещение бесколонного Столового зала, где могли вместиться до 2.000 танцующих пар, еще танцовали в ротных залах, декорированных до неузнаваемости.

Кроме большого струнного оркестра Морского Корпуса, играли оркестр Лейб-Гвардии Финляндского полка (наши соседи по Васильевскому острову) и балалаечный оркестр Гвардейского Экипажа.

Все залы были битком набиты танцующими, медленно движущимися по течению.

Зал блистал золотом и серебром, разноцветных военных мундиров с выделяющимися среди них черными флотскими мундирами с золотым шитьем.

Дамы же расцвечивали красоту бала своими шикарными бальными туалетами, сшитыми специально к

Морскому балу и множеством драгоценных украшений и бриллиантов. Кругом все ярко блестело и шумело, под звуки бравурной музыки. Нам, дирижерам, приходилось надрывать горло, передавая команды на французском языке, для выполнения замысловатых фигур вальса или мазурки.

Морской оркестр Столового зала находился на галерее и, несмотря на летнюю форму одежды, обливался потом.

Что же делалось в самом зале — трудно себе представить. Разгоряченная, волнующаяся масса танцующих с нетерпением ждала выезда колесницы, разукрашенной цветами, с восседающими на ней грозным Морским Королем Нептуном и, у его ног, прелестной Венерой, разбрасывавшей котильонные значки в публику.

Колесница въезжала в гущу танцующих, под охраной 2-х плотных шеренг гардемарин, предохраняющих котильон от разграбления. Но котильонный бой разгорался и значки хватались, как победные трофеи, кавалерами для своих дам сердца.

Но вдруг раздаются волнующие звуки "Вальса цветов" Чайковского и снова дамы несутся в руках своих победителей, в упоительных и сладостных мечтах о будущем счастье.

Не знаю, братцы, как другие,
Но я ШЕСТОГО НОЯБРЯ.
Как будто силою стихии
Несусь на вольные моря.
На безграничные просторы,
Где только небо и вода —
Туда стремятся мои взоры,
Где шаловливая волна.
. . . .
. . . .
И берега, в мечтах, я зрею,
Куда корабль мой спешит,
Так ясно вижу и лелею
Неву, одетую в гранит.
Там Петербург красой блистает,
Там корпус славный наш стоит,
ШЕСТОГО ПРАЗДНИК он справляет,
В нем бал и музыка гремит.
. . . .

Борис Арский

На Черном море перед началом Крымской войны

Больше ста лет тому назад, 18 ноября 1853 года, две соединенные эскадры Черноморского флота, каждая из трех парусных линейных кораблей, под общим командованием вице-адмирала Нахимова, при младшем флагмане контр-адмирале Новосильском уничтожили на Синопском рейде сильную турецкую эскадру, стоявшую у самого берега под защитой мощных береговых батарей. Этой победой Черноморский флот вписал блестящие страницы в свою историю, уже богатую многочисленными славными делами и геройскими подвигами отдельных судов; вместе с тем Синопская победа была лебединой песней Черноморского парусного флота.

Чтобы полнее и всестороннее оценить эту победу и вытекающие из нее следствия, необходимо вернуться к началу 1853 года и посмотреть, как в то время представлялись политические взаимоотношения великих держав на Среднем и Ближнем Востоке.

Положение России в Туркестане и на Кавказе укреплялось, и границы ее медленно, но неуклонно продвигались к югу. Престиж России в Малой Азии и в Турции, после целого ряда победоносных войн, был очень высок и к тому же он все продолжал расти, и это, по разным причинам, но одинаково беспокоило и Англию, и Францию. Англия видела постепенное приближение русской границы к Индии, лучшему украшению английской короны, и начинала серьезно опасаться возможности русского вторжения в эту колонию; Франция обладала громадным коммерческим флотом, держала в своих руках почти всю морскую торговлю турецкого средиземноморского побережья и боялась, что всякое уменьшение турецкой территории сократит ее доходы от этой торговли; кроме того, император Наполеон III встречал большие затруднения внутри страны и надеялся, что, конечно, легкая и победоносная война против России будет популярна и отвлечет внимание французов от внутренних недоразумений. Таким образом Англия и Франция сходились на конечном выводе: во что бы то ни стало ослабить Россию. Обе державы принялись уговаривать Турцию объявить России войну, обещая туркам помощь деньгами и советами. Турки колебались, они слишком хорошо знали, что значит воевать против России, но тем не менее в споре, возникшем в Иерусалиме между православными и католиками по вопросу о святых местах, турки определенно и резко приняли сторону католиков.

Одновременно, вопреки подписанным договорам, они лишили Россию права покровительства православных в Турции, тогда как католики оставались под покровительством Франции, а протестанты Англии. В ответ на эту провокацию турок, русская армия, под начальством светлейшего князя Горчакова, заняла придунайские княжества Турции — Молдавию и Валахию, а для переговоров с турками и улаживания спорных вопросов в Константинополь был послан начальник главного морского штаба светлейший князь Меньшиков, взявший с собой помощником начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала Корнилова.

Переговоры были безуспешны и в мае Меньшиков и Корнилов вернулись в Севастополь. В ожидании возможной войны с Турцией Меньшиков был назначен главным начальником обороны Севастополя.

Турция не считала оккупацию Молдавии и Валахии за начало военных действий и была готова приступить к улаживанию всех спорных вопросов дипломатическим путем, но это совершенно не устраивало ни Англию, ни Францию, и чтобы, наконец, заставить Турцию объявить войну России, сильная соединенная англо-французская эскадра прошла Дарданеллы, нарушив этим статью русско-турецкого договора, стала на якорь перед Константинополем и туркам уже совершенно официально было сказано, что союзники не допустят нападение России на Турцию. Средство подействовало и Турция 22 сентября 1853 года послала извещение князю Горчакову, что, если он в двухнедельный срок не уведет свои войска из Молдавии и Валахии, то Турция объявит войну России; но пушки заговорили раньше назначенного турками срока.

Адмирал Корнилов понимал неизбежность войны с Турцией и в сентябре подал князю Меньшикову докладную записку о необходимости занять русскими десантами на европейском берегу Турции Сизополь, а на азиатском Синоп. Пункты эти были удобны для защиты их с сухого пути малыми отрядами и служили бы хорошими базами для русского флота. Опираясь на них, можно было бы совершенно прервать сообщение Константинополя с черноморским побережьем Турции. Возможно, что этот проект Корнилова стал известен союзникам, и в конце сентября командовавший английской эскадрой в Константинополе адмирал Дундас предупредил письмом князя Меньшикова, что "английский флот будет защищать территорию Турции против всякого покушения русских высадить на нее свои войска, как против всякого враждебного против нее действия русского флота".

В начале октября в Севастополе было получено известие, что сильная турецкая эскадра с десантом, запасом оружия и денег, готовится к выходу из Босфора и должна будет идти в Сухум, для поднятия восстания кавказских горцев против России. Поэтому 9 октября из Севастополя к Анатолийскому берегу была послана эскадра вице-адмирала Нахимова из 4 кораблей, 1 фрегата и 1 брига с заданием не допустить турецкую эскадру до Сухума и вместе с тем держаться оборонительной тактики, так как объявления войны еще не было.

Для крейсерства Меньшиков дал Нахимову следующую инструкцию: "По сведениям из Константинополя турецкий флот получил приказ, при встрече в море, атаковывать русские суда. Известие это не официальное, но может подвергнуть опасности внезапной атаки наши суда крейсерующие в море, а потому предписываю: Пароходу "Бессарабия" находиться в вашем отряде, Вашему Превосходительству распространить свое крейсерство к Анатолийскому берегу между мысом Керемпе и портом Амастра, чтобы быть на пути сообщения между Константинополем и Батумом. Можно подходить на вид берегов, но не атаковывать их без приказания высшаго начальства или открытия неприязненных действий со стороны турок. Все разбросанные по Черному морю от Кавказа до Босфора суда должны быть стянуты к вашей эскадре".

Получив такую инструкцию, Нахимов предупредил своих командиров, что, так как Россия не объявила войну, то при встрече с турецкими судами первый выстрел должен быть сделан с их стороны и только после того их уничтожить.

18 октября Корнилов с фрегатом "Коварна" послал Нахимову уведомление, что Меньшиков разрешает атаковывать турецкие суда, уничтожать военные и захватывать коммерческие. Не успела "Коварна" скрыться за горизонтом, как с корветом "Калипсо" Нахимову была послана отмена этого разрешения, так как было получено приказание Государя пока держаться оборонительного положения, несмотря на то, что на Дунае уже заговорили пушки: русская речная флотилия, поднимавшаяся по Дунаю, у селения Исакчи была турками обстреляна и были убиты начальник флотилии капитан 2-го ранга Варпаховский и несколько матросов. Только 1-го ноября пароход "Бессарабия" доставил Нахимову, все время находившемуся с эскадрой в море, давно ожидаемый манифест Государя об объявлении войны Турции .

Одновременно с посылкой Нахимову манифеста об объявлении войны, Корнилов с четырьмя пароходами и эскадрой контр-адмирала Новосильского из 6 линейных кораблей вышел в море для поисков шедшей к кавказским берегам турецкой эскадры. Начавшийся с утра 1-го ноября шторм продолжался два дня, Корнилов, боявшийся, чтобы ночью шторм не разбросал его корабли, приказал с наступлением темноты через каждые полчаса пускать с флагманского корабля ракету, в ответ на которую остальные суда должны были жечь фальшфейера, и эта периодическая иллюминация позволила ему сохранить соединенно всю эскадру; суда не только не растерялись, но даже не имели и больших повреждений. Корнилов был уверен, что бушевавший шторм заставил турецкую эскадру укрыться в одном из портов; Анатолийское побережье было под наблюдением эскадры Нахимова, державшейся у мыса Керемпе, поэтому Корнилов со своей эскадрой пошел к Румелийскому берегу, к мысу Калиакрия и, как разведчика, послал вперед пароход "Владимир", для осмотра болгарских портов; Валчика, Варны и Сизополи.

Вопреки ожиданиям Корнилова, в этих портах турецкой эскадры не было, но 4 ноября задержали шедшую из Босфора купеческую шхуну, от командира которой узнали, что турецкий флот стоит в Босфоре и там же стоят 7 английских и 8 французских судов, между которыми есть паровые, и что 2 турецких фрегата и 2 корвета за день перед этим пошли на восток. Немного позже был опрошен шкипер валашского судна, который подтвердил сведения о французских и английских судах и прибавил, что турецкая эскадра из 6 фрегатов и корветов крейсерует около пролива, а за 5 дней перед этим 8 больших пароходов повезли войска в Трапезунд. В бургасском заливе от капитана, только что пришедшего туда австрийского парохода, узнали, что крейсеровавший в море

турецкий отряд, из 6 судов, снова вошел в Босфор. Таким образом рухнула надежда Корнилова на нахождение и захват турецкой эскадры.

Угля на "Владимире" оставалось мало и Корнилов решил на нем с пароходами вернуться в Севастополь, а бывшую с ним парусную эскадру Новосильского отправил к Нахимову, с приказанием сообщить Нахимову все полученные сведения, передав ему из своей эскадры 2 восьмидесяти пушечных корабля, а с остальными судами вернуться в Севастополь.

Определив точное количество угля на "Владимире", Корнилов решил задержаться в море еще на сутки, отпустив остальные пароходы в Севастополь. Зона между Амастро и Босфором была Меньшиковым запрещена для русских кораблей, турецкой эскадры не было в западных портах, значит она или шла на восток, и тогда она встретится с эскадрой Нахимова, или же она укрывается в одном из портов запрещенной зоны, может быть в Пендераклии, говорил Корнилов, обсуждая этот вопрос с командиром "Владимира", капитан-лейтенантом Бутаковым, — "хорошо было бы осмотреть Пендераклию, но это запрещено". Из этого разговора Бутаков понял, что Корнилов не имеет права и не хочет приказать идти к Пендераклии, но был бы доволен, если бы "Владимир" оказался в виду этого порта, и Бутаков, не предупреждая Корнилова, самостоятельно пошел к Пендераклии вместо того, чтобы, согласно приказания Корнилова, идти к Амастро. На рассвете 5 ноября пришли на видимость Пендераклии и на горизонте, на северо-востоке, заметили, едва видимые в трубу, верхушки мачт шести судов и дым парохода. Считая, что "Владимир" находится у Амастро, Корнилов решил, что видимые верхушки матч принадлежат эскадре Нахимова, которая как раз должна была держаться в этих местах, а пароход должен быть "Бессарабия", но в последнем, на всякий случай, Корнилов хотел убедиться, и "Владимир" пошел на сближение с неизвестным пароходом. О находившейся за горизонтом эскадре перестали думать, а это именно и была эскадра Османа-паши из 5 фрегатов и 1 корвета.

Через час с четвертью самого полного хода, наконец, приблизились к пароходу, но была ли это "Бессарабия" или турецкий пароход, все-таки решить не могли, неизвестный пароход тоже был в нерешительности. "Владимир" был без флага, и на всякий случай изменил курс к берегу, но когда на "Владимире" подняли опознательный сигнал, пароход немедленно повернул на "Владимира" и поднял турецкий флаг: это был "Перваз-Бахри". Три часа продолжался упорный, жестокий бой и турки спустили флаг только после того, как командир, все офицеры, около трети команды были убиты и ранены. На "Владимире" был убит флаг-офицер Корнилова, лейтенант Железнов и 3 матроса, повреждения же турецкого парохода были так велики, что его потом, с большим трудом, довели до Севастополя. По окончании боя снова увидели на горизонте мачты двух, шедших под парусами, эскадр, сосчитали мачты и снова решили, что одна эскадра Нахимова, а более близко идущая к нему, эскадра Новосильского, которую Корнилов приказал догнать, чтобы с нею переслать Нахимову сведения, полученные от опроса взятых на пароходе пленных. Второй раз случай сыграл злую шутку с Корниловым: эскадра, к которой "Владимир" подошел, была, действительно, эскадра Новосильского, но вторая эскадра была не Нахимова, а того же Османа-паши, и вторично она была упущена.

К этому времени Нахимов сам уже имел некоторые сведения о противнике, так как 4 ноября пароход "Бессарабия", посланный им вдоль Анатолийского берега, для осмотра и опроса коммерческих судов, захватил в плен без единого выстрела турецкий транспортный пароход и привел к эскадре. Из опроса команды узнали, что в Синопе стоят 2 турецких фрегата, корвет и транспорт.

Новосильский, отделившись от пароходов Корнилова, хорошим ходом пошел на присоединение к Нахимову, с которым рассчитывал встретиться часа через два, но время проходило, а эскадры Нахимова все не было и только ночью произошла ожидаемая встреча. Утром Новосильский сообщил Нахимову имевшиеся у него сведения о противнике, передал из своей эскадры 2, предназначенные для Нахимова, корабля и, захватив с собой 2 наиболее пострадавших от штормов судна эскадры Нахимова и захваченный турецкий транспорт, ушел с ними в Севастополь.

Ночью с 8 на 9 ноября произошел может быть единственный в мировой истории парусных флотов случай. Фрегат "Флора", под командой капитан-лейтенанта Скоробогатова, находился у Кавказского берега около Гагр; был полный штиль и фрегат, лишенный возможности двигаться, беспомощно качался на мертвой зыби. Около 2 часов ночи на фрегате заметили на носу, в расстоянии около 10 кабельтов, силуэты трех пароходов и подняли опознательные огни. Не отвечая на огни, пароходы продолжали молча приближаться к фрегату, на котором пробили боевую тревогу и приготовились к бою. Пароходы были турецкие и находились под командой вице-адмирала Муштавера-паши (капитана английского флота, Следа, поступившего на турецкую службу). Завязался неравный бой неподвижного фрегата с тремя противниками, соединенная сила которых почти втрое превосходила силу "Флоры", не считая преимущества в возможности маневрирования. В течении ночи пароходы 8 раз атаковывали "Флору", но не могли выдерживать больше 20 минут меткий ответный огонь фрегата и каждый раз должны были отходить за предел дальности выстрелов "Флоры" для починки полученных повреждений. С рассветом турки четвертый раз атаковали "Флору", и так же безуспешно, но на этот раз их повреждения были так велики, что они прекратили бой и ушли окончательно. На "Флоре" ни убитых, ни раненых не было.

Нахимов, разобравшись во всех полученных им сведениях, пришел к выводу, что эскадра Османа-паши непременно должна придти в Синоп и решил со своей эскадрой перейти ко входу на Синопский рейд, а у Амастро оставить для наблюдения фрегат "Ка-

гул". В 6 часов вечера, при легком северо-восточном ветре, эскадра направилась к Синопу. К утру ветер засвежел и к полудню перешел в жесточайший шторм с дождем и снегом, рвавший обледенелые паруса и валявший корабли так, что они ноками рей почти касались воды, и по обледенелым палубам трудно было ходить. Три корабля получили такие повреждения в рангоуте, что не могли нести все паруса, пароход "Бессарабия" выглядел так, точно выдержал жестокий бой с упорным противником; кроме того, его запас угля подходил к концу. С такой пострадавшей эскадрой нельзя было и думать о бое с сильным противником, поэтому Нахимов отправил все пострадавшие корабли в Севастополь, с просьбой прислать ему другие корабли, способные вести неизбежный и близкий теперь бой с турками.

Оставшийся у Амастро фрегат "Кагул" имел ночь с 6 на 7 ноября с сильным дождем и шквалистым ветром, было совершенно невозможно видеть что-либо сквозь завесу падавшего дождя, к тому же все внимание экипажа было направлено на борьбу с начинающимся штормом, и именно в эту ночь, незамеченная "Кагулом", вошла в Амастро, укрываясь от шторма, эскадра Османа-паши: 5 фрегатов, 1 шлюп и 2 транспорта с десантом. Весь день седьмого, завеса дождя скрывала рейд Амастро, восьмого днем погода успокоилась и едва экипаж "Кагула" приготовился немного отдохнуть после долгой и упорной борьбы со штормом, как из Амастро вышла вся эскадра Османа-паши в полном составе и увидев одинокий русский фрегат, решила его захватить. О принятии боя нельзя было и думать: слишком подавляющее было неравенство сил, но "Кагул" был хорошим ходоком и в этом был шанс на его спасение; поставили все паруса, и, пользуясь благоприятным юго-западным ветром, взяли курс на Севастополь. Часть турецких судов отстала сразу, но 4 фрегата продолжали преследовать "Кагула" и только подойдя на видимость Крымского берега, Осман-паша прекратил безуспешную погоню и вернулся собирать свои отставшие суда, с которыми и направился в Синоп, удачно разминувшись в море с шедшей в Севастополь эскадрой Новосильского, благополучно выдержавшей шторм в море. Наступивший полный штиль временно остановил обе эскадры в расстоянии 50 миль одна от другой, после чего Осман-паша, разойдясь с эскадрой Нахимова, незамеченным пришел в Синоп.

11-го ноября Нахимов с 8 кораблями и бригом "Эней" также подошел к Синопу и с удивлением, вместо ожидаемых 2 фрегатов, увидел всю турецкую эскадру, состоящую теперь из 7 фрегатов, 3 корветов, 2 транспортов и 2 пароходов, стоящую вплотную к берегу, под защитой шести сильных береговых батарей.

Нахимов на "Императрице Марии" подошел к самому входу в бухту, внимательно рассмотрел расположение судов и батарей, и срочно отправил на бриге "Эней" письмо командиру Севастопольского порта вице-адмиралу Станюковичу, с просьбой немедленно вернуть ему бывшие в починке в Севастополе корабли его эскадры, крайне ему необходимые в виду предстоящего боя с сильным противником. По пути "Эней" должен был найти фрегат "Кагул" и передать ему приказ идти на присоединение к эскадре. Целый день потратил "Эней" на тщетные поиски "Кагула", не нашел его и пошел в Севастополь, а в это время "Кагул" сам уже шел от Крымского берега к Синопу.

В Севастополь "Эней" пришел 16 ноября и в тот же день к Нахимову пришло сильное подкрепление в виде эскадры Новосильского из 3 линейных кораблей, с ними же пришел и фрегат "Кагул", а на следующий день утром пришел и второй фрегат "Кулевчи". Это подкрепление было послано Нахимову сейчас же, как только в Севастополе узнали от пришедших для починки кораблей, что след турецкой эскадры найден.

Получив необходимое ему подкрепление, Нахимов считал себя уже достаточно сильным и решил атаковать турок возможно скорее. Больше месяца его эскадра болталась в море, выдержала шторм, искала противника, ждала его, наконец, он найден и нельзя было позволить ему выскочить из ловушки, пользуясь ночной темнотой и погодой. 17 ноября Нахимов собрал у себя совещание флагманов и капитанов, на котором был разработан план предстоящего сражения, распределены по кораблям суда противника и намечена тактика боя. Положение Нахимова было трудное: с эскадрой Новосильского ему было доставлено повеление Государя: 1. Турецкие приморские города не атаковывать, 2. Турецкий флот стараться истребить, если он вышел в море, 3. Стараться отрезать сообщение между Батумом и Константинополем, а с другой стороны война была объявлена официально, противник был перед ним и упустить его было невозможно. Атака была предположена на следующий день.

Ночь на 18 ноября была бурная, с сильным шквалистым восточным ветром и частым, холодным дождем; все небо было затянуто тяжелыми свинцовыми тучами и только в 9 часов утра стало, наконец, достаточно светло и эскадра, по сигналу адмирала, спустила гребные суда, имея погруженными на баркасы на всякий случай кбельтов и верп. В половине десятого на "Императрице Марии" был поднят сигнал: "Готовиться к бою, идти на Синопский рейд", на судах отслужили молебен, и с попутным ветром, хорошим ходом, пошли на неприятеля, перестроившись на ходу в две кильватерные колонны. Правую, наветренную, колонну составляли корабли: "Императрица Мария", 84 пушки, флаг вице-адмирала Нахимова, командир капитан 2-го ранга Барановский; "Великий князь Константин", 120 пушек, капитан 2-го ранга Ергомышев; "Чесма", 84 пушки, капитан 2-го ранга Микрюков. Левая, подветренная, колонна состояла из кораблей: "Париж", 120 пушек, флаг контр-адмирала Новосильского, капитан 1-го ранга Истомин; "Три Святителя", 120 пушек, капитан 1-го ранга Кутров; "Ростислав", 84 пушки, капитан 1-го ранга Кузнецов. Фрегаты: "Кагул", 44 пушки, капитан-лейтенант Спицын, и "Кулевчи", 52 пушки, капитан-лейтенант

Будищев, были оставлены под парусами перед входом в Синопскую бухту для перехватывания судов противника, если они попытаются выйти в море.

В 11 часов, по сигналу адмирала, команде дали обедать; в 12 часов на "Императрице Марии" был поднят обычный сигнал: "Адмирал показывает полдень", служивший для согласования часов на судах эскадры, еще полчаса шли в мертвом, напряженном молчании. Мимо первой и второй береговой батареи прошли вне дальности их выстрелов, имея курс на середину неприятельского расположения. В половине первого с флагманского турецкого фрегата раздался первый выстрел и сейчас же со всех турецких судов и береговых батарей был открыт беглый огонь по приближающимся русским судам, которые были засыпаны градом ядер, картечи и книпелей (особых снарядов, предназначенных для перебивания рангоута и такелажа). Особенно губителен был продольный огонь пятой батареи и фрегатов, находившихся в центре неприятельского расположения. Не отвечая на огонь турок, русские корабли подходили на дистанцию около двух с половиной кабельтов, становились на шпринг и сразу открывали беглый огонь из своих тяжелых бомбических орудий по заранее предназначенным для них противникам.

Корабль "Императрица Мария" стал на шпринг против находившегося в центре неприятельского расположения флагманского фрегата Османа-паши и немедленно открыл по нему беглый огонь из всех орудий борта. Не выдержав и получасового огня "Императрицы Марии", фрегат отклепал якорный канат, прекратил огонь и не спуская флага пошел на правый фланг своего расположения и выбросился на берег у шестой батареи. Покончив с главным противником "Императрица Мария" сосредоточила свой огонь на его соседнем фрегате, который, загоревшись, так же отклепал якорный канат и выбросился на берег у самого города, после чего "Императрица Мария" перенесла свой огонь на центральную пятую батарею.

Корабль "Великий князь Константин", ставший на шпринг правее "Императрицы Марии", открыл беглый огонь по четвертой батарее и по двум фрегатам, из которых один взорвался через 20 минут после начала боя, обсыпав своими обломками четвертую батарею и этим заставил ее временно прекратить стрельбу, что дало возможность "Великому князю Константину" сосредоточить всю силу своего огня на оставшихся фрегате и корвете. Через 10 минут удачным выстрелом у фрегата был перебит якорный канат и его ветром выбросило на остатки мола у греческого квартала города, вскоре затем корвет также выбросился на берег у пятой батареи, после чего на "Великом князе Константине" был пробит "отбой".

Корабль "Чесма", помогавший "Великому князю Константину" обстреливать фрегаты, по уничтожении последних, сосредоточил свой огонь на третьей и четвертой батареях и через несколько минут обстрела уничтожил последнюю совершенно.

Флагманский корабль контр-адмирала Новосильского "Париж" по постановке на шпринг рядом с "Императрицей Марией" открыл беглый огонь чрезвычайной силы по пятой батарее и находившимся рядом с ней фрегате и корвете, через полчаса корвет взорвался, а фрегат выбросился на берег.

Проводив несколькими продольными залпами дрейфовавший мимо него флагманский фрегат Османа-паши, "Париж" сосредоточил свой огонь на следующем фрегате и сбил у него фок и бизань-мачты, после чего фрегат сдрейфовал к берегу и загорелся. Покончив с фрегатами, "Париж" весь свой огонь сосредоточил на пятой батарее, наиболее сильной и опасной. Все действия корабля "Париж", как при постановке на шпринг, так и во время боя, были настолько точны, быстры и блестящи, что Нахимов, знавший, как высоко ценят на эскадре его похвалу, хотел тут же, во время боя, поднять "Парижу" сигнал: "Адмирал изъявляет свое удовольствие", но, к сожалению, это оказалось невозможным, так как на "Императрице Марии" все сигнальные фалы были перебиты.

Корабль "Три Святителя" вступил в бой с двумя фрегатами; один из первых неприятельских выстрелов перебил у него перлин шпринга, корабль развернулся по ветру и попал под продольный огонь шестой батареи, сильно повредивший рангоут корабля. Для завода верпа на полубаркас был послан мичман Варницкий, полубаркас был мгновенно разбит и мичман Варницкий был ранен щепкой в щеку, но, несмотря на рану, он со всеми людьми перескочил на баркас и благополучно выполнил поручение. Выправив свое положение "Три Святителя" возобновил прерванный бой с двумя фрегатами и принудил одного из них выброситься на берег.

Корабль "Ростислав", занявший место против правого фланга неприятельской линии, вступил в бой с шестой батареей и крайним фланговым корветом, который через час был принужден выброситься на берег. В это время выпущенная с шестой батареи граната попала в одно из средних орудий корабля, разорвала его, разбила палубу, бимсы, зажгла кокор заряда и обвес, закрывающий вход в пороховой погреб. Положение создалось исключительно опасное, так как тлеющие куски обвеса падали во вход погреба. Нерастерявшийся мичман Колокольцев успел запереть двери крюйт-камеры, приказал закрыть все люки и с оставшимися людьми потушил начавшийся пожар и все тлевшие куски обвеса. При этом были ранены и обожжены около 40 человек команды, виновная же батарея огнем "Ростислава" была приведена к молчанию.

Около часа дня, когда не было никакого сомнения в предстоящем полном уничтожении турецкой эскадры, пароход "Таиф", бывший под командой английского офицера и за 7 дней до этого участвовавший в атаке русского фрегата "Флора", снялся с якоря, вышел из линии боя и направился к выходу в море, где ему преградили путь дежурные фрегаты "Кагул" и "Кулевчи". Маневрируя, непрестанно меняя курсы и скорости, "Таиф" избежал боя с фрегатами и, обме-

нявшись с ними несколькими выстрелами, пошел в Константинополь с извещением о печальном для турок исходе Синопского боя.

В Севастополе князь Меньшиков, послав Нахимову в подкрепление эскадру Новосильского, не сомневался в победоносном исходе Синопского боя, вместе с тем, он также не сомневался, что в азарте боя Нахимов не остановится перед обстрелом города, а этого князь никоим образом не хотел, помня угрожающее письмо адмиралов союзной англо-французской эскадры в Константинополе.

Меньшиков не любил Нахимова: неопрятно одетый, всегда в эполетах, в старой, мятой фуражке, сдвинутой на затылок, адмирал шокировал князя, элегантного, исключительно образованного, зло остроумного и сухого царедворца. Победителя у Синопа нужно будет представить к производству в полные адмиралы и тогда Нахимов станет самым старшим адмиралом Черноморского флота, а этого Меньшиков совершенно не допускал, лавры победителя должны достаться Корнилову, элегантному, достаточно образованному, бывшему офицеру гвардейского экипажа, имевшему связи при дворе и лично известному Государю.

На беду, в момент отправки эскадры Новосильского Корнилов находился в Николаеве, где он ликвидировал накопившиеся в штабе флота текущие дела. Как только он вернулся в Севастополь, Меньшиков приказал ему с эскадрой пароходов немедленно идти к Синопу, где принять главное командование над соединенными русскими эскадрами и не допустить обстрела приморских кварталов города. Корнилова немного покоробило такое приказание князя, он возражал, но нерешительно, слабо: с одной стороны незаслуженная глубокая обида старому другу Нахимову, с другой стороны лавры победителя, производство и тогда уже, наверное, пост главного командира Черноморского флота, пост, о получении которого он дважды, без результатов хлопотал в Петербурге. В конце концов Корнилов согласился, получил подписанный Меньшиковым приказ о своем назначении командующим соединенными эскадрами и с пароходами: — "Одесса", "Крым", и "Херсонес", полным ходом пошел к Синопу. Подойдя к Синопскому мысу, увидев уходивший турецкий пароход "Таиф", Корнилов приказал "Крыму" и "Херсонесу" догнать и атаковать "Таифа", но это не удалось, так как "Таиф" был значительно быстроходнее русских пароходов.

Около четырех часов дня пароходы подошли к Синопской бухте; к этому времени сражение было уже кончено, Корнилов с облегчением уничтожил имевшийся у него приказ Меньшикова, как потерявший значение, и совершенно искренно поздравил Нахимова с блестящей победой. Бухта представляла чрезвычайно унылый вид: все суда противника были взорваны, или выбросились на берег, большинство из них горело. Дым пожаров и оставшийся дым замолкших пушек густой завесой покрывал Синопский рейд и из этой завесы иногда раздавались неожиданные выстрелы по русским судам. Думая, что это стреляют с берега, Нахимов послал на берег офицера объявить властям, "что если еще хоть один выстрел будет сделан по эскадре, то завтра утром не узнают место, где был Синоп". Парламентер не только не нашел властей, но даже ни одного турка не было в городе, все убежали в горы. Как потом выяснилось, команды турецких судов так спешили спастись на берег, что оставили на покидаемых и горящих судах заряженные пушки, которые по мере нагревания огнем пожара, выстреливали сами по себе. 3 фрегата, корвет и пароход, зажженные бросившей их командой взорвались, выбросившиеся на берег суда были в таком избитом состоянии, что огонь по ним был прекращен, хотя покинувшие их команды в панике забыли спустить флаги. Повсюду догорали остатки взорванных и сожженных судов, дымились пожары в припортовых кварталах города, покинутых бежавшими в панике жителями. Русские офицеры, посланные для осмотра еще незатонувших судов, нашли на них только раненых и убитых, все оставшиеся целыми бежали на берег. На флагманском фрегате был взят в плен ограбленный и оставленный офицерами и командой раненый старик Осман-паша; нашли и взяли в плен еще командиров одного из фрегатов и одного корвета. По свозе раненых на берег, все остатки судов были сожжены. Стоявшие в глубине бухты мелкие суда все затонули от попавших в них снарядов.

В результате Синопского боя турки потеряли 7 фрегатов, 8 корветов, 2 транспорта, 1 пароход, большое количество мелких торговых судов и около 2.000 человек убитыми и ранеными. Русские не потеряли ни одного корабля, потери же людьми были исключительно малы: убиты 1 офицер и 37 матросов, ранены и контужены 7 офицеров и 229 матросов; объясняется это тем, что турки стреляли главным образом по рангоуту и такелажу, чтобы лишить русские корабли возможности передвигаться, кроме того они ожидали, что по постановке на якоря команды будут посланы по реям крепить паруса, и тогда русские потери в людях были бы очень значительны. Нахимов предвидел эту возможность и, вместо крепления парусов, ограничился только взятием их на гитовы, подбиранием, работа, производимая исключительно людьми на верхней палубе.

Повреждения, полученные русскими кораблями в корпусах, рангоуте и такелаже, были настолько значительны, что потребовалось 36 часов непрерывной работы команд, чтобы приготовить суда к предстоящему переходу в Севастополь. Сильнее всех пострадала "Императрица Мария" и ее повреждения были так велики (60 пробоин в корпус и повреждены все мачты), что Нахимов вынужден был на время перехода перенести свой флаг на корабль "Великий князь Константин". К утру 20 ноября главнейшие повреждения были насколько возможно исправлены, и корабли направились в Севастополь. К этому моменту к эскадре присоединился четвертый пароход "Громоносец", что позволило взять на буксир четыре наиболее пострадавших корабля. Только "Париж" и "Чесма" шли самостоятельно; фрегаты "Кагул" и "Кулевчи"

конвоировали наиболее поврежденную "Императрицу Марию".

Переход предстоял чрезвычайно трудный, так как сделанные судовыми средствами исправления были слишком приблизительны. Особенно осложнилось положение, когда по выходе из-за Синопского мыса, эскадра встретила очень сильную зыбь от северо-востока и пароходы были вынуждены отдать буксиры, тем не менее переход был совершен благополучно, и днем 22 ноября, вся эскадра в полном составе стала на якорь на Севастопольском рейде.

По мнению знатоков морского дела, этот опасный переход израненной эскадры по бурному осеннему морю, можно назвать второй Синопской победой адмирала Нахимова.

Опасения князя Меньшикова оправдались полностью: в ответ на обстрел и разрушение приморских кварталов Синопа, Англия и Франция открыто выступили на защиту Турции и началась крайне тяжелая и неудачная для России Крымская война, кончившаяся гибелью всего Черноморского флота, осадой и взятием Севастополя и потерею права для России иметь своей военный флот на Черном море.

Капитан I ранга *Б. П. Каэмичев*

КУЛЬНЕВСКИЕ ТОРЖЕСТВА В 1932 Г.

"У этой могилы нам надо учиться, как любить нашу Родину-Россию".

По Северо-Западной железной дороге, в сторону С.-Петербурга от города Режицы, находится небольшая станция Межвиды. В юбилейный 1912 год, по Высочайшему повелению она была переименована в Кульнево. От этой станции, в западном направлении, в 4 верстах находится имение Кульнево, принадлежавшее генералу Я. П. Кульневу, прах которого покоится в склепе под Кульневской церковью.

Как известно Генерал Кульнев был убит французским ядром в 1812 г. у деревни Клястицы, командуя Гродненским гусарским полком, который впоследствии был переименован в гусарский Клястицкий Генерала Кульнева полк. Первоначально, генерал Кульнев был похоронен у поля боя, недалеко от деревни Сивуги или деревни Клястицы, но потом, по повелению Императора Николая I-го, прах Кульнева был перевезен в родное имение Кульнево и похоронен под кульневской церковью, сооруженной в александровском стиле во имя св. пророка Илии. В церкви с правой стороны в глубокой нише находится мраморная гробница над могилой генерала Кульнева, она обнесена чугунной оградой, столбики которой украшены позолоченными двуглавыми орлами. У изголовия гробницы на левом углу ядро, которое оборвало жизнь генерала. На верхней стороне, ясно вырезан герб рода Кульневых, ниже надпись: "Генерал-майор Я. П. Кульнев". С восточной стороны, под толстым стеклом, портрет Я. П. Кульнева, написанный от руки. На полукруглой стене находилась большая витрина, за стеклом которой, на подушке голубого бархата, хранилась серебрянная лавровая ветка, обвитая георгиевской лентой с орденом св. Георгия и гусарским шнуром. Витрину окружали металические венки. Над гробницей люстра-паникадило, сложенная из штыков и тесаков, вделанных в большое ядро-бомбу. У настоятеля хранилась книга "Генерал Кульнев", где повествовалась боевая жизнь генерала.

Во время захвата большевиками Балтики в 1918 - 1919 г. г. Настоятель Кульневской церкви отец Николай, его родственники и некоторые прихожане унесли тайком из церкви витрину, портрет генерала, все венки и спрятали по хуторам, все это и уцелело.

Ворвавшись в церковь и увидя золотые двуглавые орлы, большевики два орла сломали, но могилу не тронули. Уходя, сказали отцу Николаю, что еще явятся, чтобы вскрыть могилу, но Господь не допустил до этого.

Настоятелем Кульневской церкви был много лет протоиерей о. Николай (фамилию не помню). Когда отец Николай, потеряв зрение, ушел на покой, настоятелем был назначен его зять священник о. Арсений Слесаренко, который не меньше своего тестя заботился о могиле. Эта забота передалась другим. Могила утопала в цветах, часто служили панихиды по болярине Якову, много горело свечей и лампад. В день храмового праздника 20 июня по ст. ст. на Кульневские торжества приезжал глава православной Церкви в Латвии владыка Иоанн. Из соседних приходов приезжали священники и тысяч до трех русских людей из ближайших деревень и хуторов, привозя роскошные венки.

Все сараи, пуни и стодолы в имении и на хуторе у священника были заняты. Кому не хватало места зажигали костры на берегу реки и у костров коротали ночь. Духовенство находило приют в доме гостеприимного и хлебосольного кульневского священника.

Мы, русские скауты-разведчики и сокола, каждый год приходили походным порядком.

Постараюсь нарисовать картину Кульневских торжеств 1932 года. Рано утром 19 июня, мною был отправлен в Кульнево обоз из 2-х подвод походной кухни.

К 10 ч. утра 19 июня из Двинска к моей квартире приехали на велосипедах братья сокола и сестры соколки. Отряд построился развернутым фронтом, имея на правом фланге оркестр из 16 скаутов-разведчиков. В две шеренги стали сокола и соколки в парадной сокольской форме, а за соколами вытянулись в 2 шеренги скауты-разведчики, имея посохи у правой ноги. Всего в отряде было около 200 человек.

Приняв знамена и прочитав молитву, отряд под

моей командой и под бравурный марш выступил в Кульнево. Выйдя на Петербургское шоссе, я сделал привал. Оглянувшись, я был поражен: за отрядом следовали пешком, на бричках и повозках мамаши, папаши, тетушки, сестры, братья, друзья и подружки соколов и скаутов.

На походе, когда не играл оркестр, неслась русская красивая и могучая песня. Пел не только отряд, пели все, кто шел и ехал за отрядом. Из хуторов и деревень выбегали к шоссе старики, старухи, дети. Глядя на нас, они крестились и плакали. "Бородино" и "Взвейтесь соколы орлами" разносились по полям и рощам, которые давно не слыхали могучей русской песни.

Под "Староегерский" марш отряд, бодро и держа отчетливое равнение по взводам, прошел мимо имения Кульнево, церкви, через хутор священника и вступил в свой лагерь.

С наступлением темноты резкая труба оповестила "сбор" на вечернюю поверку. Отряд выстроился впереди лагеря, фронтом к саду хутора священника, где собралось все духовенство во главе с Владыкой и все гости.

После проверки по взводам и команды "смирно" трубач играл "Зорю".

День угас и наступил вечер теплый, светлый: луна в полном сиянии царила на небе, освещая мягким светом золотые кресты кульневской церкви, гусарскую усадьбу, хутор священника, белые палатки лагеря, тихую, голубую ленту реки и стройные шеренги отряда, играя отблесками на меди труб оркестра. Труба умолкла и после команды "на молитву, шапки долой" отряд дрогнул в три приема, взяв пилотки в изгиб левой руки. При полной тишине понеслась к небесам молитва "Отче Наш", после которой оркестр проиграл "Коль славен". Под короткий марш, отряд разбежался по палаткам и столам.

Ночь. Часовые у знамен, дежурный сокол по отряду и дневальные у палаток охраняли крепкий и здоровый сон русской молодежи. Ночь сменилась светлым и теплым днем. В 6 ч. утра после сигнала "подъем", отряд проснулся, зашевелился. К 10 ч. утра в стройной колонне, имея впереди два больших венка, подошел к кульневской церкви, где Владыка Иоанн и 8 священников служили литургию.

По углам гробницы стали 2 сокола и 2 разведчика почетными часовыми, а у изголовия 2 знаменщика. Церковь была полна молящимися. Дивно пел местный хор, который пополнился соколами, соколками, родственниками и друзьями соколов.

Перед началом панихиды, владыка Иоанн сказал слово, закончив его словами: "У этой могилы, нам надо учиться, как любить нашу Родину-Россию".

Когда знаменщики уходили из церкви и склонили над гробницей знамена, все молящиеся стали на колени. В глубокой благоговейной тишине были слышны рыдания и видны тихие слезы.

Перед воротами церкви, развернутым фронтом построился отряд, который приняв знамена, замер после моей команды "смирно".

Под встречный марш, подошли к параду и стали впереди ворот: принимающий парад полковник Дыдоров, брат староста Двинских соколов — доктор Б. Б. Зубарев, Владыка Иоанн и полковник ф.-Бек. Владыко Иоанн благословил парад.

Утром 21 июня, поблагодарив милого отца Арсения и его добрую матушку за любовь и ласку, отряд, пройдя усадьбу священника при крике собравшейся толпы гостей, подошел к Кульневской церкви. Была прочитана молитва перед походом, после которой, отряд вытянулся по дороге на Режицу.

Прибыв в Режицу, я поблагодарил свой милый Русский отряд за дисциплину, за поход и отпустил по домам.
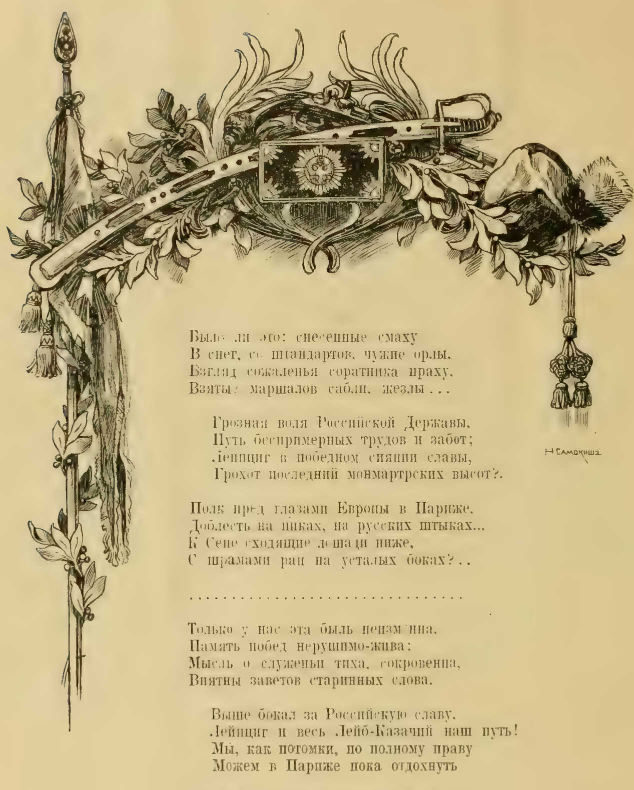
К. Лейман.

"Православная Жизнь".

Лейб-Казакам

К Полковому Празднику

Было ли это: снесенные смаху
В снег, со штандартов, чужие орлы,
Взгляд сожаленья соратника праху,
Взятые маршалов сабли, жезлы...

Грозная воля Российской Державы,
Путь беспримерных трудов и забот;
Лейпциг в победном сиянии славы,
Грохот последний монмартрских высот?.

Полк пред глазами Европы в Париже,
Доблесть на пиках, на русских штыках...
К Сене сходящие лошади ниже,
С шрамами ран на усталых боках?..

. . . .

Только у нас эта быль неизменна,
Память побед нерушимо-жива;
Мысль о служеньи тиха, сокровенна,
Внятны заветов старинных слова.

Выше бокал за Российскую славу,
Лейпциг и весь Лейб-Казачий наш путь!
Мы, как потомки, по полному праву
Можем в Париже пока отдохнуть

С верой, что солнце победы осветит
Наших штандартов седеющий шелк.
Новою славой когда-то ответит
Славе прадедов бессмертный наш Полк!

Иван Сагацкий

———

От Батума к Трапезунду

Старая тетрадь, случайно, сохранилась у меня. Она пожелтела, истрепалась и требует срочного ремонта.

Так же срочно нажимает на меня и неутомимый редактор "Военной Были" А. А. Геринг. Исполняю его желание. В эти дни своего отпуска, окунаюсь в область воспоминаний, в славное, незабываемое прошлое и посвящаю этот бесхитростный труд Начальнику Приморского Отряда и Коменданту Михайловской крепости, генералу Ляхову, трагически погибшему, в дни лихолетия, в Батуме.

Тяжелый момент, на Кавказском фронте, в конце 1915 г. и начале 1916 года, когда, из-за нерешительных действий генерала Ельшина, Михайловская крепость, вместе с Батумом, едва не попала в руки неприятеля — прошел. Вновь назначенный, вместо отозванного генерала Ельшина, генерал Ляхов очистил Батумскую область от противника, восстановил порядок и вновь поднял престиж Русского имени среди местного мусульманского населения. Правым флангом своего Отряда, он, сначала, занял селение Хопа, за турецкой границей, а затем, продвинулся и закрепил за собой правый берег реки Архаве. Таким образом, к началу решительного наступления, к концу января 1916 года, Приморский Отряд занимал на турецкой территории весь правый берег реки Архаве, на всем ее протяжении до 7 пограничного столба. 7-й пограничный столб и Парехесский перевал занимали части Чорохского Отряда, прикрывавшие Мургульское ущелье и Джансульский медный завод. Наконец, крайний левый фланг Приморского Отряда, Артвинский Отряд охранял город Артвин и Артвинское шоссе, связывавшее последний с областным центром городом Батумом.

В конце января 1916 года, правый фланг Приморского Отряда перешел в наступление и оторвался от Чорохского Отряда, для которого Парехский перевал, Керуенг-Даг, Патаджур и, вообще, весь Понтийский Тавр оказались непроходимы, из-за обилия снега и гьюг, бушующих здесь и заметающих все пути сообщения. При дальнейшем наступлении, этот Отряд был расформирован и части его, по возвращении в Батум, были влиты в главные силы Приморского Отряда.

В заключение моего предисловия, должен сказать, что во главе первой, то-есть до появления 5-го Кавказского Пешего Пограничного полка, на фронте Приморского Отряда, для ясности картины, мне пришлось пользоваться не только своим дневником, но и внимательно ознакомиться с трудом генерала Масловского, бывшего Начальником Оперативного Отделения Штаба Кавказской Армии.. Труд этот дает полную боевую обстановку описываемого мною момента на Кавказском фронте.

I

После разгрома 3-й турецкой армии в Азанкейском сражении, в конце декабря 1915 года, при выходе Кавказской Армии к знаменитым и неприступным позициям "Деви-Бойну", когда Командующий Кавказской Армией решил штурмовать Эрзерум, Главным Командованием было приказано Начальнику Приморского Отряда перейти в наступление, с целью не дать возможности противнику производить необходимые ему переброски частей к району Эрзерума. Согласно полученному приказанию, Начальник Приморского Отряда и Комендант Михайловской крепости генерал Ляхов принял все меры к подготовке продвижения своих частей вперед и, в конце января 1916 года, перешел в решительное наступление против турок.

К этому моменту, в состав Приморского Отряда и гарнизона Михайловской крепости входили: 8 батальонов, 3 батальона Крепостной Артиллерии, 8 Ополченских дружин, 1 Добровольческая дружина, 2 конных сотни, 1 добровольческая конная сотня, 24 орудия, 4 инженерных роты, и, в городе Батуме, спешно формировался из оттянутого с фронта Отдельного батальона 25-й Пограничной бригады 5 Кавказский пеший Пограничный полк. Это давало возможность довести количество пехоты до 12 батальонов. Силы противника исчислялись в 16 батальонов и 14 орудий, но, к февралю 1916 года, они значительно усилились прибывшими из района Константинополя подкреплениями. Нужно сказать, что подкрепления подходили к туркам постоянно, по мере развития операции.

Одной из географических особенностей театра военных действий в приморском направлении было то, что главный массив Понтийского Тавра, приближаясь к Черному морю в районе нашей государственной границы, у Седьмого пограничного столба на Парехском перевале, постепенно отодвигался от моря в юго-западном направлении, расширяя тем плацдарм для частей, действующих в этом направлении. Этот громадный хребет, в обычное время непроходимый зимой, из-за обилия покрывающего его снега, до периода таяния, давал возможность вести вполне самостоятельные операции, вне зависимости от линии общего фронта. От центрального массива, параллельно друг другу, уступами сбегали к морю продольные хребты, разделенные глубокими ущельями, с быстрыми, и, порою, многоводными ручьями и речками с ледяной водой. Все склоны гор, на протяжении Анатолийского побережья, покрыты зарослями девственных лесов и трудно проходимы, мало заселены и почти не имеют путей сообщения.

Прибрежная полоса наоборот — густо заселена, земля обработана и, помимо апельсиновых рощ, повсюду тянутся насаждения орехов, фунтука, табака и кукурузы. Обилие пастбищ давало населению воз-

можность заниматься скотоводством, а близость моря — рыболовством и торговлей. Все эти параллельные хребты являли собою по существу идеальные позиции для обороны, но уязвимость их была в том, что они легко обстреливались во фланги и тыл господствующим на море флотом и легко обходились при помощи десантных операций.

23-го января 1916 года генерал Ляхов, всеми силами своего Отряда, атаковал турок на сильно укрепленных позициях левого берега реки Архаве, и, при содействии Батумского Отряда судов, к вечеру того же дня сбил противника. Турки отошли к Сумли и Вице. Продолжая безостановочное движение вперед, 26 января передовые части Приморского Отряда подошли к реке Вице-Су, а, вслед за ними, по правому берегу той же реки, сосредоточился и весь Приморский Отряд. Несмотря на то, что противник занял исключительно выгодные позиции на высотах левого берега Вице-Су, генерал Ляхов решил сбросить его оттуда, для чего и отдал распоряжение: Пластунам выйти в обход правого фланга противника, а Батумскому Отряду судов поддержать фланговым огнем с моря, атаку правого фланга Приморского Отряда.

В течении всего дня 2 февраля, линейный корабль "Ростислав", 4 миноносца и 2 канонерских лодки громят своим огнем турецкие позиции и, несмотря на контр-атаки турок, в ночь на 3 февраля, наши части решительно атакуют противника и сбивают его с левого берега реки Вице-Су. 6 февраля, отбросив противника за реку Беюк-Дере, Приморский Отряд останавливается, для подготовки дальнейшего наступления. Вполне современно оборудованные турецкие позиции были очень сильны, река глубока и не имела бродов.

В это же самое время, обстановка на Кавказском фронте складывалась так, что, после взятия Эрзерума и выдвижения частей 1-го Кавказского корпуса в сторону Мамахатуна, Командующему Армией необходимо было прервать связь стоявшей перед ним 3-й турецкой армии с центром страны. Промежуточной базой этой армии являлся Трапезунд и, как большой порт, он же был главным пунктом ее снабжения. Во исполнение этого плана, генерал Ляхов решил овладеть позициями турок по левому берегу Беюк-Дере, путем обхода их правого фланга по склонам, мало доступного в это время года, Понтийского Тавра, с одновременной высадкой специально сформированного в Батуме десанта, в тыл левого фланга их армии. Батумский Отряд судов должен был артиллерийским обстрелом способствовать успеху десантного Отряда.

19 февраля, во исполнение полученной директивы, Батумский Отряд судов начинает усиленный обстрел турецких позиций, а части Приморского Отряда готовятся к решительному наступлению.

II

Путь мы в Ризе проложили,
В Трапезунде Русский флаг,
Натаджур зимой суровой
Наш и наш Дагести Даг.
(Из солдатской песни)

В это время, в Батуме происходило следующее: к 19 февраля 1916 года, в рядах 5-го Кавказского Пешаго пограничнаго полка, полностью имелось только два батальона (8 пеших сотен) и 1 конная сотня. 3-й и 4-й батальоны, со всеми полагающимися по штатам полку командами и нестроевой сотней, находились еще в стадии формирования и в предстоящей операции, принять участия не могли.

19 февраля, в полдень, после раздачи обеда, два батальона были построены в районе расположения полка, по Пушкинскому проспекту и, после напутственного Молебна, двинуты в порт, где и погрузились на два тральщика, с расчетом, по батальону на каждый. Без нестроевых чинов, состав каждой сотни был в 221 штык, при двух ружьях-пулеметах. Дессантному Отряду была придана пулеметная команда одного из пластунских батальонов, то-есть 8 пулеметов Максима.

Как встревоженный улей, гудел Батумский порт, в этот светлый, солнечный день 19 февраля. Почти весь город собрался провожать десантный отряд, в котором было немало прирожденных батумцев или служивших раньше в этом славном, чистом и уютном городе, с его сказочной природой. У тральщиков, ошвартованных у стенки Наливной Гавани — давка. Родные, знакомые, просто любопытные — милые и дорогие лица. Торопливые, перекрестные разговоры, всевозможные пожелания и просьбы, слезы на глазах. Фантастические слухи. Говорят, что идем брать Трапезунд, а некоторые, горячие головы, посылают нас прямо к берегам Босфора. Корабли забрасываются цветами, пачками папирос, апельсинами, обильно растущими в этом благодатном краю и всей той снедью, что имелась на лотках и расхватывалась провожающими у юрких торговцев и разносчиков.

Но время отхода приближается. На мостике царит оживление. Отдаются последние распоряжения и, через несколько томительных минут, раздается зычная команда, покрывающая гул голосов:

— Отдать концы.

Затрещал звонок машинного телеграфа, под винтами забурлила вода и корабли, плавно забирая ход, отделились от стенки, ворочая через разведенные боны, к выходу в открытое море. Словно по команде, замелькали в воздухе фуражки, шляпы, дамские платочки и зонтики, посылая последнее "прощай", а затем, сначала одиночными голосами, дружно подхваченными всеми провожающими, стройнее и шире, полились с берега волнующие и трогательные звуки молитвы. Громадная толпа, обнажив головы, осеняя себя и уходящие корабли крестным знамением, пела "Спаси Господи люди Твоя".

В ответ, с кораблей, загремел торжественно-мощный Народный Гимн "Боже Царя храни", подхваченный на берегу, провожающими. Громовое "ура", перекатами, неслось над Батумским портом. У многих на глазах навертывались слезы. Минуты были — незабываемые.

В 14 часов, отряд из двух тральщиков, под конвоем двух миноносцев, вышел в открытое море, имея завесу из линейных кораблей Черноморского флота.

Довольно рискованная, в это время года, десантная операция в тыл противника, была глубоко продумана Штабом Михайловской Крепости и разработана до мельчайших подробностей. Вытребованные для нее из Ростова, специальные тральщики, типа "Елпидифор", заблаговременно прибыли в Батум. На них машинное отделение находилось в корме и, благодаря малой осадке, они могли вплотную подходить к берегу, врезываясь носом в прибрежную гальку или песок. На носу были приспособлены двойные широкие сходни, которые, при помощи паровых лебедок, опускались прямо на берег. Тут же на носу, прикрытые броневыми щитами, помещались по одной скорострельной трехдюймовке на борт.

Сверх того, тральщики были вооружены каждый двумя 47-мм. пушками Гочкиса. Место на кораблях было точно рассчитано для каждого взвода и неоднократные маневры приучили солдат к порядку высадки. На каждый взвод были выданы длинные бамбуковые легкие шесты с национальными флагами, которые давали бы возможность наблюдателям, корректирующим стрельбу с моря, видеть расположение частей, высадившихся скрытно в густых зарослях рододендрона, обильно растущего на прибрежных горах.

Через два часа по выходе в море, командирами батальонов, подполковниками Сташевским и Германом, были собраны командиры сотен и младшие офицеры и, в их присутствии, был вскрыт секретный пакет, содержание которого было:

"Противник занимает сильно укрепленные позиции по левому берегу реки Беюк-Дере, имея наблюдение за морем и охрану побережья в тылу, небольшими частями. Приказываю: на рассвете 20 февраля, 1-му батальону 5-го Кавказского Пешаго пограничного полка высадиться на одну версту западнее селения Атинэ, атаковать противника, сбить его и занять высоты, прилегающие к названному селению. 2-му батальону того же полка высадиться восточнее селения Атинэ, у отдельной башни на берегу моря, сбросить противника с окружающих высот и одной сотней занять селение Атинэ. При высадке, в первую очередь уничтожить телеграфную и телефонную связь противника. По исполнении сего, удержаться на позициях до подхода главных сил Приморского Отряда.

Подпись: Генерал *Ляхов.*

В пояснение данной задачи, старшими начальниками было указано, что еще накануне, 18 февраля, генерал Ляхов, с чинами своего штаба и командирами батальонов и сотен, вышел на миноносце в секретную рекогносцировку к турецким берегам. Осмотрев их с моря и изучив местность, генерал Ляхов, тогда же и решил высадить дессант у селения Атинэ.

Придя в Орта-Хопу, наш отряд простоял до глубокой ночи на рейде и вышел в море с таким расчетом, чтобы подойти к месту высадки, с наступлением рассвета. На редкость, для этого времени года, чудная погода. Спокойное море. Теплая, темная, безлунная ночь. Она казалась еще темнее из-за полнейшаго мрака на кораблях. Все люди и иллюминаторы наглухо задраены. Отличительные огни не горят. Курить на палубе, строжайше, воспрещено. Приняты все меры, дабы не обнаружить себя преждевременно. Слышен только мерный гул машин. Изредка всплеснет рассекаемая волна, иногда замаячит чуть заметный огонек на корме головного миноносца, ведущего нас во мрак неизвестности. Душевное состояние тревожное, но несколько стаканов доброго кахетинского поднимают настроение. Брезжит рассвет. Смутно вырезается берег, на фоне темных гор. Чуть виднеются на нем силуэты каких-то построек, темные пятна садов, тонкие иглы минаретов. Отряд у цели своего назначения. Тральщики круто ворочают к берегу, миноносцы отстают, медленно продвигаясь между ними. Берег ширится и растет. В трюмах поданы команды. Люди в полной боевой готовности и заряженные орудия готовы к бою.

На берегу, пока спокойном и пустынном, вдруг заметались какие-то тени. Быстро скрылись, вновь появились. Стала ясно видна неприятельская цепь. Сгибаясь, держа винтовки в руках, турецкие солдаты стали быстро подниматься на прибрежные холмы, исчезая в зарослях кустарника. Но, в этот же момент, послышалось слабое шуршание песка, легкое вздрагивание корабля и маленький толчек. Тральщик, носом своим, врезался в берег. Громкая команда с мостика, сходни упали и, взвод за взводом, гуськом, в затылок друг другу, молниеносно стали выгружаться сотни, рассыпаясь в цепь, тут же на берегу.

Люди, назначенные к уничтожению телеграфной и телефонной связи противника, вооруженные большими ножницами и когтями, кинулись к телеграфным столбам, на дороге, пролегавшей тут же у берега моря. Мгновенно провода были порваны, часть столбов повалена и селение Атинэ и турецкие позиции по реке Беюк-Дере были отрезаны от своей базы в городе Ризе.

Ошеломленные турки дали возможность дессантному отряду высадиться без выстрела. Прекрасно вышколенные пограничники, в рекордное время, чуть ли не в 8—10 минут выгрузились и батальон развернулся и занял исходное положение. И только тогда, когда наши цепи, не ложась, начали быстро взбираться на высоты, прилегающие к берегу, со стороны турок, наконец, затрещала беспорядочная стрельба.

Частый огонь, чередующийся с залпами, резкие удары орудий с миноносцев, где-то вспыхнувшее "ура", быстро подхваченное по всему фронту атакующих частей, все эти звуки перекатывались по уще-

льям, отдаваясь эхом в горах. Сотни пошли в штыки. Противник дрогнул, разом оборвал огонь, и, оторвавшись от наседающих сотен, бежал в горы. Захватив пленных, полевое орудие, не успевшее дать ни одного выстрела и много снарядов, к десяти часам утра, сотни, окопавшись, полукольцом заняли позиции в горах, в 6-8 километрах от селения Атинэ.

Дессант был выполнен настолько удачно, а главное неожиданно для противника, что линия их обороны по реке Беюк-Дере была ими оставлена, турки спешно отходили и обстановка позволила Приморскому Отряду уже к 13 часам пройти селение Атинэ и продвинуться вперед, чтобы войти в соприкосновение с отступающим противником. К 15 часам, батальоны, покинув свои позиции, были стянуты к берегу и вновь погружены на свои тральщики. На берегу сотни встречал генерал Ляхов и благодарил за лихое дело. После погрузки 1-го батальона, произошел непредвиденный случай. Основательно врезавшись в берег, тральщик не смог самостоятельно сойти с мели, несмотря на то, что все люди были сгруппированы на корме, находившейся на свободной воде. Завезенный, с транспорта № 79, буксир лопнул и, только после больших усилий, транспорту № 79, совместно с одним из миноносцев, удалось снять наш тральщик и вывести его на чистую воду. Невольно мелькнула мысль — что было бы с нами, если бы дессант был неудачен?

Георгий Аустрин

(Продолжение следует)

Из Польши на Украину

С III-й Русской Армией Генерала Врангеля

37 лет тому назад, летом 1920-го года, в Польше находилось значительное количество офицеров, казаков и солдат, попавших в Красную Армию после Новороссийской катастрофы и перешедших затем к полякам, или попавших к ним в плен, во время советского наступления на Варшаву.

Переходили одиночным порядком, группами и даже целыми частями. Еще до начала отступления Советских Армий, в составе Польской Армии на фронте действовали: отряд Ген. Балаховича, при котором позже был сформирован Донской полк Полк. Духопельникова с 2-х орудийной батареей (Полковник Бабкин), бригада Есаула Сальникова (Донской полк с батареей, перешедший из Конной Армии Буденного), бригада Есаула Яковлева (донцы, терцы, волчанцы с батареей) и в составе Украинской Армии — Донской полк Есаула Фролова с батареей, развернутый из дивизиона 42-го Дон. каз. полка, отказавшагося интернироваться с Армией Ген. Бредова.

Затем началось формирование в г. Калише III-й Русской Армии Генерала Врангеля (Командующий Армией Ген. Пермикин) в составе: 1-й стрелковой дивизии Ген. Бабошко, 2-й стр. дивизии Ген. Палена (из кадров С. - Зап. Армии) и сводной каз. дивизии Ген. Трусова (Донской, Оренбургский и Уральский полки, Кубанский дивизион и Донская батарея).

Незадолго до заключения перемирия с поляками, недоформированные, слабо или совсем невооруженные, части III-й Русской Армии, были спешно вывезены на Украину, где совместно с Украинской Армией должны были самостоятельно продолжать борьбу, с целью облегчить положение в Крыму. За исключением отряда Ген. Балаховича туда же были направлены и казачьи части, находившиеся до этого в составе Польской Армии, где они должны были войти в состав Сводной Каз. дивизии.

Об этом периоде мало что было помещено в печати.

Сохранившийся у меня дневник является поэтому довольно ценным, т. к. отражает обстановку и настроения той эпохи, хотя в нем и нет ничего сенсационного.

Изо дня в день я записывал события и те, большею частью фантастические слухи, которые доходили до нас в то время.

Еще живые участники этих событий, да и другие, не без интереса прочтут эти, уже давно перевернутые, страницы прошлого.

(Из дневника рядового офицера.)

9-го октября н. ст. 1920 г.
Лагерь № 5 в Калише.

Днем вбежал в наше помещение комендант лагеря - майор и сказал, чтобы все укладывали, т. к. приказано, чтобы к утру все казаки были вывезены из лагеря. Куда поедем — точно неизвестно: наша батарея отправляется последним эшелоном. Первым отправляется Донской полк, затем Оренбургский, потом Уральцы и, наконец, мы. Готовимся. Сдали матрасы и одеяла. Поедем утром, поэтому ночуем на голых нарах.

Раздался слух, что наше поспешное отправление зависит от того, что поляки заключили мир с Советами, а Германия объявила войну Польше.

Мне последнее кажется весьма неправдоподобным.

10-го октября.

Утром увидели, что эшелон Донского полка еще не отправлен. Днем он все еще продолжает стоять. Пошли слухи, что якобы у нас отберут лошадей. Оказалось все вздор. Были две причины: во-первых не было еще получено приказа о выступлении от Ген. Трусова и во-вторых искали одеяла, т. к. Донской полк и Оренбурцы не сдали около 150 одеял. Одна только батарея сдала все.

Вечером ходили в лагерный театр — на проща-

ние. Играли недурно. Шло: "Дама в зеленой маске" и "Исполнительный лист". Во время второго действия поднялся сильный шум. Оказалось, что отходит эшелон Донского полка и казаки с шумом покидали зал.

11-го октября.

За ночь ушло три эшелона. Утром грузился Уральский полк, а за ним поедем мы. Уедем все же не раньше вечера. Узнали, что по требованию можно дешево достать водки. Послали хозяина собрания купить тридцать бутылок.

К обеду пришла в лагерь партия пленных из Щелково. Среди них оказались два телефониста, ушедшие первыми от красных и И-ий (студент, был у меня артельщиком в 1-м партизанском арт. взводе Донской Арт-рии). Накормили, как могли офицеров — человек 10, затем обедали сами. Пригласили командира бригады Полк. Дэ-Маньян, который уезжает с нашим эшелоном.

Около 4-х часов подали, наконец, нам эшелон для погрузки. Говорят, что поедем через Львов и Краков на Волынь.

Сегодня за обедом достали номер газеты за 10-е октября. В нем оказалось уже напечатанным наше письмо. Кроме того очень интересная сводка Польского Штаба. Оказывается Ген. Желиговский, во главе Литовско-Белорусской дивизии, оставшись недоволен условиями перемирия с литовцами, согласно которых Вильно отходило к ним, как уроженец этой губернии, не подчинился приказам польского командования, сложил с себя командование группой войск и со своими солдатами продолжает наступать, причем занял Вильно, отказавшись наотрез от предложения французского губернатора объявить его вольным городом.

К вечеру погрузились. Ужинаем в вагоне. Когда кончали, пришел капитан Станкевич — польский офицер старой русской службы. Ужин затянулся. В конце его нам подали классный вагон. Я поместился вместе с Есаулом П. Когда поезд тронулся, разговорились о прошлых боях. Пришел командир с зав. хозяйством. Я сказал, что сегодня мы начинаем ехать в Новочеркасск — предстоит много интересного. Едем через Краков - Львов - Броды в Ровно.

12-го октября.

Лодзь. Проснулись утром — стоим. Оказывается железно-дорожная забастовка. Командир поехал в город. Есаул П. поручил ему купить диагонали, т. к. в России ее не купишь ни за какие деньги. Мой вестовой Астахов принес молоко. Литр стоит 8 марок. Стоим весь день. В 7 ч. вечера, наконец, трогаемся. Часов в 9 в наш вагон начинает набиваться публика, т. к. вследствие забастовки движение пассажирских поездов прекращено.

Кое-кого выставляем, остальные стесняют нас до утра.

Поляки заключают перемирие.

13-го октября.

Подъезжаем к Кракову. Прибыли туда в полдень. Пообедали на питательном пункте — обед неважный: скверный суп и мамалыга. В 15 часов поезд отошел. Вечером впервые пропустили 6 роберов в винт.

14-го октября.

В 15 часов приехали во Львов. В магазинах всего много, но город грязноват.

15-го октября.

Броды. На рассвете опять влезли два жолнежа и дама. Бригада Есаула Яковлева пошла на Проскуров.

Сейчас (13 часов 45 минут) переезжаем границу между Броды и Радзивиловым. Повсюду видны следы войны: окопы, проволока, сожженные станции.

Опять забастовка и отсутствие паровозов, благодаря чему в Радзивилове застряли. На станции грузятся части бригады Есаула Яковлева. При бригаде Донская батарея, больше по названию. Офицеров Донских артиллеристов в ней нет совершенно, казаков всего 35 человек.

16-го октября.

Радзивилов. В 11 ч. 45 м. благодаря настойчивости польских улан, едущих с нами в количестве 30 человек, наконец, поехали дальше.Едем отвратительно.

17-го октября.

Ст. Здолбуново. Маршрут немного изменен. Сегодня доедем до ст. Оженин, а оттуда три дня итти походом.

Около 12-ти часов окончили выгрузку, закусили и тронулись на город Острог. Ночевать остановились в 3-х верстах за ним в д. Вильбовно, куда пришли с наступлением темноты, т. е. часов в 8 вечера.

18-го октября.

В 9 ч. 30 м. выступили в м. Славута, но до него не дошли. Останавились в д. Коломня. Расположились свободно. Произвели разбивку пополнения. Ко мне попали 1 офицер и 5 казаков. Предположено здесь формироваться.

Вечером приехал из штаба отряда Полковник Дэ-Маньян и сообщил, что мы переходим в район Заславля, где остановимся окончательно и будем формироваться, при чем сразу батарея развернется в дивизион.

Вновь прибывший Есаул С-й сегодня именинник. Выпили по паре рюмок и пошли спать. Завтра выступаем.

19-го октября.

В 9 ч. утра выступили в д. Липарка. Дорога тяжелая — песок. В д остановились отдохнуть и закусить. Во время еды проходили мимо части бригады Есаула Сальникова и батарея. Командир ее зашел к нам.

Сообщают новости все приятные:

1 — Ген. Врангель занял Киев.

2 — Ген. Балахович, занявши Минск, объявил поход на Москву.

Мы будем формироваться и получим все. Одну батарею целиком (орудия) получим из Львова, а вторую из Ровно. Обмундирование 20.000 комплектов уже идет.

20-го октября.

В 9 ч. выступили из Изъяславля в д. Ленковцы. Переход довольно большой, да еще дали крюку. По дороге командир бригады сообщил, что к нам (в дивизию) вливается полк Духопельникова.

Перед нами фронт в 60-ти верстах и охраняется конными польскими патрулями. На этом участке стоят три свежих дивизии красных.

Понадеялся на собрание и не обедал дома. Как и следовало ожидать, из собрания ничего не вышло, и я остался почти голодным.

Вечером получили приказание перейти в д. Четырбоки, а на наше место перейдут Оренбурцы. Завтра поедем: командир — ругаться, а я квартирьером.

21-го октября.

Утром с квартирьерами поехал в Четырбоки. Пробовали спорить с н-ком штаба, но ничего не вышло. Расположились все же ничего, хотя в моем районе лучшие квартиры заняли к-р, зав. хоз. и н-к отряда.

22-го октября.

Утром ел вареники с маком. Обед принесли из собрания совершенно холодный.

Вечером командир батареи собрал всех офицеров и сообщил следующее: простоим мы в деревне Четырбоки дней 10-12, а затем перейдем на первый фланг Украинской Армии.

Поляки будут удовлетворять нас сахаром, жирами, свечами, мылом, табаком и прочей мелочью, остальное же будем черпать из местных средств через дивизионное интендантство.

Из лагеря идут к нам 2.500 казаков пополнения.

Ассигновано нам: 20 бронированных автомобилей и 25 французских аэропланов. Снабжать поляки будут до 22-го ноября.

Лошадей обещано 3.000 на всю группу войск Ген. Пермикина.

Всех дам отправят в г. Остров-Познанский, где им будет предоставлен полный пансион Американским Красным Крестом.

Савинков поехал с Балаховичем, а у нас будет дипломатическим представителем Философов.

Жалованье в будущем будем получать Романовскими рублями. Батарея разворачивается в дивизион, приказ о чем уже пишется. При полках и дивизионе будут устроены лавочки. Товар будет закупаться в г. Острове.

23-го октября.

Утром разрешил хозяину привести воз дров для взвода. Как и предполагал — вышел скандал. Все крестьяне поехали за дровами. Пришлось ловить, останавливать и развозить по всем дворам. В результате ругня.

Вернулся зав. хоз. из Шепетовки. Привез булок, салтисону, сахару и свечей. Цены в четыре с половиной раза больше, чем в Калише.

24-го октября.

Утром встал, наелся оладьев со сметаной и пошел бродить. Скучно. Кое-как дотянули до обеда. На обед собрались все. Посмотрели очередные каррикатуры Сотника С-ва и разошлись. Есаул П. имел беседу с к-ром батареи и, как выяснилось из разговора, к-р возьмет Сотника К-ва в дивизион. Я, вероятно, буду командовать 2-й батареей, а он будет у меня старшим офицером, а зав. хозяйством Сотник Д-щев.

25-го октября.

Во взводе пала лошадь "Ойра". День прошел скучно.

36-го октября.

Есаул П. сшил сапоги. Сделаны очень прилично. Завтра закажу свои. Хорунжий Н. скоро поедет в Остров за товаром для лавочки. Ночью выпал маленький снег.

27-го октября.

После обеда сыграли сбор офицерам. Собрались. Пришел командир и сообщил новости: числа 2-го — 4-го будет заключен мир между Польшей и большевиками. Польские войска отойдут за р. Горынь. Вследствие этого мы отходим в район Волочиска. Переход верст 80 с расчетом на 6 дней.

Армия идет тремя колоннами: восточная — отряд Ген. Бабошко, западная — отряд Ген. Палена, средняя — наш отряд Ген. Трусова.

Двигаться будут: 1) Отряд Ген. Бабошко — на Козько — Пашковцы — Писаревка — Купель — Войтовцы. Выступает 28-го октября. 2) Отряд Ген. Палена выступает 28-го октября и идет на Белгородку — Ледуховку — Свинно — Буковцы. 3) Наш отряд выступает 28-го и переходит: ,

28-го октября — Штаб и Донской полк — Влатановка — Сахновцы.

Уральский полк — Лещаны. Оренбургский полк: Марковцы — ф. Бейзимы. Батарея — с. Бейзимы. Бригада Есаула Сальникова — Суньджин — Вербовцы.

— 29-го октября — Штаб и Донской полк — Трусиловка — Федоровка. Уральский полк — Кушмановка. Оренбургский полк — Пузырьки, Батарея — Зеленая. Бригада Сальникова — Новое Село.

30-го октября. Штаб и Донской полк —Колки. Оренбургский полк — Васильевка. Уральский — Олейники. Батарея — Волица Полевая. Бригада Есаула Сальникова — Леданка.

31-го октября — Дневка.

1-го ноября. Штаб дивизии и Донской полк — Базалия. Уральский полк — Воробьевка — Лазузин Мал. Оренбургский полк — Богдановка. Батарея — Базалия. Бригада Есаула Сальникова — Ордынцо — Мадаровка.

2-го ноября. Штаб — Лонки. Донской полк — Ма-

начин. Уральский полк — Клинины — Гонеровка. Оренбургский полк — Рабневка. Батарея — Янушевцы.

Красных против нас две дивизии башкир.

28-го октября.

В восемь с половиною часов выступили и перешли в с. Безимы. Квартира неважная, но хозяева попались радушные.

Есаул П. остановился у еврея. Квартира чистенькая, но холодная. Порядочно книг. В старом юмористическом журнале времен Косьмы Пруткова прочел продолжение басни "Стрекоза и муравей":

"Легковерна, но умна,
Стрекоза вняла совету
И пошла по белу свету
С той поры плясать она.
Легкокрылая плутовка
Повела дела так ловко,
Что к весне была она
И богата, и знатна..."

Переписать не было времени, цитирую по памяти. В то же время с муравьем случилась беда:

"Ручеек, такой затейник,
Весь размыл он муравейник..."

и пришел муравей просить помощи у стрекозы — та отказала:

"Сам себе ты строил рай,
Ну так сам и умирай".

29-го октября.

На дворе порядочный мороз. Закусил жареного сала, оладьев с медом, выпил кавы с молоком и мы выступили.

В д. Новое Село командир бригады сообщил, что есть распоряжение дойти до места ночлега и дальше не двигаться.

По дороге встретили Украинских офицеров и солдат. Едут мобилизовать. Ночевать остановились в д. Зеленая.

30-го октября.

Утром пришел Кирсаныч (урядник) и сказал, что в 9 часов выступаем обратно, но не в Четырбоки, а в с. Безимы.

Утром разнесся слух, что красные нарушили перемирие и где-то напали на поляков, а последние в свою очередь атаковали их.

31-го октября.

С. Безимы. Вечером приехал из штаба командир и привез новость: завтра выступаем на восток.

Мирные переговоры, происходящие в Минске и Бердичеве, отложены до 15-го ноября. Мы должны стать на линию фронта и произвести там дебош. Помогать нам будут украинцы.

Полк. Н-ов вернулся из Варшавы и сообщил, что видел батарею, которая бродит, и поляки не знают, кому ее сдать.

Приказом по отряду приказано конных казаков свести в сводные сотни и всем нашить на левый рукав верхней одежды крест из белой тесьмы шириною полтора дюйма.

Немедленно появилось крылатое слово "к р е с т о н о с ц ы".

(Мера эта, как говорили, была вызвана тем, что в Уральском полку, перешедшем целиком от красных, многие носили "буденовки" и трудно было различать, кто они: белые или красные).

Е. Ковалев

(Окончание следует)

Ноябрьские бои за Высокую гору под Порт-Артуром

Одной из самых славных страниц обороны Порт-Артура является 10-дневный бой за Высокую гору в ноябре 1904 года.

В северо-западной стороне Порт-Артура находилась горная гряда под названием Угловых Гор. Самая высшая точка ее достигала 100 саж. (203 метра) и получила название Высокой горы. Японцы же ее называли "высота 203". Она была отличной и сильной от природы позицией и командовала над окружающей местностью, являлась тактическим ключем и имела широкий кругозор во все стороны. С нее был хорошо виден внутренний рейд, где укрывался Русский флот.

В конце мая 1904 г. Угловые горы поступили в распоряжение командира 5 В.-Сиб. стр. полка Полковника Третьякова (окончившаго, в свое время, Николаевскую военно-инженерную академию). С этого времени они начали серьезно укрепляться: на Высокой Горе был отрыт кольцевой окоп с профилью для стрельбы, стоя со ступеньки, были устроены блиндажи, козырьки над окопами. Впереди были расположены проволочные заграждения. Далее был отрыт крытый ход сообщения. Была построена батарея для двух скорострельных орудий.

Соседние с Высокой Горой высоты: горы Фальшивая, Плоская, Дивизионная также усиленно укреплялись.

Впервые Высокую Гору японцы атаковали с 6 по 9 сентября, но были отбиты.

Выход и приближение эскадры адмирала Рождественского очень тревожил японцев, т. к., соединившись с уцелевшими судами Порт-Артура и Владивостокской эскадры, она могла бы стать грозной силой, поэтому ген. Ноги получил решительное приказание

взять Высокую Гору и устроить на ней наблюдательный пункт, дабы, при помощи артиллерии, можно было бы уничтожить суда Порт-Артурской эскадры. Одновременно, армия ген. Ноги, получила ряд подкреплений и была доведена до численности 100 тысяч человек и заключала в себе 21 пехотных полка.

С этими силами ген. Ноги попытался еще раз взять Порт-Артур штурмом. 13 ноября японцы открыли сильный огонь по Высокой Горе, причем в бомбардировке принимали участие 11-дюймовые мортиры и 6-дюймовые пушки. Обстрел этот причинил много разрушений.

Гарнизон Высокой Горы состоял из трех рот 5-го В.-Сиб. стр. полка, одной роты 14-го Вост. Сиб. стр. полка и одной роты 15-го Вост. Сиб. стр. полка. Комендантом горы был храбрый капитан 5-го В.-Сиб. стр. полка Стемпневский I.

Ввиду ожидаемого штурма были подтянуты роты резерва: нестроевые роты 5, 13 и 28 полков (ввиду большого недостатка в бойцах нестроевые роты также должны были итти в бой).

14 ноября японцы снова усиленно обстреливали Высокую Гору, причем огонь, главным образом, был направлен на редуты, высеченные в скале. 11-дюймовые снаряды откалывали большие глыбы гранита, разрушения были велики, но потери в людях не столь велики, т. к. редуты занимались только часовыми.

Одновременно бомбардировалась соседняя Плоская Гора. В 17 час. японская пехота атаковала Высокую и Плоскую горы. На Высокой горе атака была отбита, а на Плоской горе японцы первоначально имели успех, но затем. подоспевшими резервами были отбиты.

Гарнизон Плоской горы состоял из двух рот 5-го Вост. Сиб. стр. полка, четырех рот 27-го полка,. одной сборной роты и охотничьей команды. При отбитии атак японцев много помог взвод двух батарей 4-й Вост. Сиб. стр. арт. бригады, своим огнем во фланг и в тыл японцам.

15 ноября японцы вновь открыли сильный огонь по Высокой и Плоской горам. и пошли затем на штурм. Атака была столь стремительна, что несколько человек добралось до левой вершины Высокой горы и поставили свой флаг. но были подоспевшими резервами сброшены с горы и перебиты. На этот раз на помощь были двинуты рота 7-го запасного батальона и сборная рота 3-го Вост. Сиб. стр. дивизии. Затем были посланы нестроевая рота 15-го полка и еще рота 7-го запасного батальона (89 человек). Все это поясняет острую нужду в резерве. Усиленный огонь поддерживался все время и потери в людях были значительны.

Резервы таяли и. поэтому на горы были дополнительно посланы: рота моряков и нестроевые роты 14-го и 16-го полков.

На Плоской горе дела были также неважны. Окопы были разбиты и потери велики. Туда была послана рота 27-го полка. Комендант Высокой горы донес, что разрушения большие и что много людей выбыло из строя.

В 16,30 час. японцы снова пошли на штурм и заняли часть окопов; создалось тревожное положение. Были посланы еще три роты резерва из разных частей. Эти роты лично повел в атаку генерал Третьяков. Она была столь решительной, что японцы были выбиты и окопы вновь заняты. На горе закипела работа по исправлению повреждений.

Когда японцы собрались атаковать Высокую гору, то около двух рот их собралось в параллели, хорошо видной с Плоской горы, где находились два пулемета моряков. Пулеметчики заметили скопление людей и открыли по ним меткий пулеметный огонь. Японцы при этом понесли большие потери.

Комендантство над Высокой горой принял Шт.-Капитан 5-го полка Белозеров.

16 ноября всю ночь японцы обстреливали Высокую гору и в 6.30 час. снова атаковали ее. Атака была снова отбита, причем одна колонна атакующих была разогнана огнем нашей скорострельной артиллерии. В резерв на Высокую гору были отправлены рота 15-го полка и рота моряков.

Огонь японцев был очень силен и потери и разрушения были большие.

В 16 час. собравшаяся масса японцев бросилась на штурм и проникла на самую вершину горы и поставила там свой флаг. Туда бежал Шт-Капитан Белозеров со взводом стрелков. На Высокую гору были посланы три роты моряков, а на Плоскую гору — три госпитальные роты (в госпиталях госпитальные служители были заменены дружинниками).

Во время геройской контр-атаки Шт.-Капитан Белозеров был смертельно ранен.

Несмотря на численное превосходство японцев, они были выгнаны штыками, а флаг был сбит. Высокая гора к вечеру была очищена от японцев, благодаря мужеству стрелков и удачной стрельбе артиллерии 4 и 5 фортов и скорострельных орудий 4-й Вост. Сиб. стр. арт. бригады. Одновременно японцами велась атака и на Плоскую гору, но они там были отбиты. Комендантом Высокой горы стал снова кап. Стемпневский I.

Потери среди людей были велики, т. к., ввиду частых атак японцев, их нужно было держать в стрелковых окопах, а не блиндажах.

17 ноября обстрел горы продолжался, но новые атаки были отбиты, несмотря на потери. Чувствовался большой недостаток в артиллерийских снарядах. Винтовки также часто выбывали из строя: вследствие пыли от разрывов затворы нельзя было закрыть. Большую помощь оказывали бомбочки, которые стрелки бросали в наступающих японцев. Напр. 17 ноября было брошено более семи тысяч. Бомбочки изготовлялись в портовых мастерских.

С продовольствием дело обстояло плохо: нижние чины получали четверть фунта конины два раза в неделю, а остальные дни пробавлялись пустой похлебкой с хлебом.

При отбитии дневной атаки были ранены осколками 11-дюймового снаряда командир 5-го полка ген. майор Третьяков и комендант Высокой горы капитан

Стемпневский I (умер). Этот свирепый штурм продолжался 4 часа, но был отражен. Резервы были все израсходованы и поэтому с Дивизионной горы взяли часть гарнизона. В 9 час. вечера все постепенно успокоилось и на горе начались работы по исправлению повреждений и разрушений.

В 9.30 час. вечера японцы снова бросились штурмовать гору, потеснили наши слабые разрозненные части и проникли в левый редут. Создалось тяжелое положение. Подошла первая охотничья команда 5-го полка, бросилась в контр-атаку и почти сразу очистила от японцев левую вершину. Ген. Третьяков, несмотря на ранение, все время оставался на горе. Потери защитников горы были велики. Новым Комендантом Высокой горы был назначен командир 26-го полка Побилевский. Вследствие недоедания многие нижние чины болели куриной слепотой и их на ночь отпускали с горы, т. к. они все равно не могли приносить пользы.

Разрушения на горе были большие, напр., из 43 блиндажей уцелело только два. Хотя главный удар японцев и был направлен на Высокую гору, но они одновременно атаковали Плоскую гору и заняли часть окопов.

Комендант горы, подполковник Будянский, собрал весь, имевшийся под руками, резерв и решительной атакой отбросил японцев.

18 и 19 ноября были более спокойными днями и этим воспользовались, чтобы установить на горе порядок. Дело в том, что у японцев в эти дни производилась смена частей, т. к. полки ходившие в атаку понесли большие потери. Комендантом горы был назначен капитан 26-го полка Веселовский.

20 ноября. Ночью была произведена небольшая вылазка с русской стороны, для выяснения сил японцев, их расположения и близости. Эта вылазка принесла большую пользу, т. к. удалось узнать, что японцы близко и в больших силах.

В 6 час. утра внезапно начался сильный обстрел горы и посыпался град снарядов. Один из снарядов упал на наблюдательный пункт и убил коменданта горы кап. Веселовского и вторично ранил ген. Третьякова.

21 ноября Высокая гора днем и ночью обстреливалась артиллерийским огнем и мелкие партии японцев постоянно тревожили защитников. Японцы отдохнули и стягивали свои силы.

С русской стороны на Высокую гору были отправлены 2, 3 и 4 роты 5-го полка, пополненные госпитальными служителями, и все три под командой зауряд-прапорщиков. Начальником горы был назначен в 1-ю очередь подполковник Органов и комендантом пор. Иващенко, во 2-ю очередь — подполк. пограничной стражи Бутусов и комендантом — кап. 27-го полка Солоникио.

22 ноября. С 6 часов утра японцы принялись усиленно забрасывать Высокую гору всевозможными снарядами. Видно было накопление японцев в окопах и ходах сообщения. Начальником Горы в этот день был подполковник Бутусов, а комендантом поручик Иващенко. К 9 час. утра были затребованы резервные роты: всего четыре слабого состава. Японцы все сильнее и сильнее вели атаку на горы и, наконец, проникли в левый редут. Положение становилось очень тревожным. Начальник Горы, подполк. Бутусов, был убит, а комендант, пор. Иващенко ранен. После ранения пор. Иващенко, на Высокой Горе одно время единственным распорядителем был зауряд-прапорщик 5-го полка Абрамов. Временным комендантом горы был назначен шт.-кап. 5-го полка Сазонов, который решительно повел людей в атаку, но при этом был тяжело ушиблен камнем и потерял сознание. Стрелки, потерявшие руководителя, остановились и залегли. Положение становилось все хуже.

К 4 час. дня в роли коменданта Горы и руководителя обороны оказался инженер-механик флота Лосев, отличавшийся мужеством, но незнакомый с горой. Гора в это время защищалась шестью, сильно поредевшими ротами (около 300 штыков), а со стороны японцев наступало три полка. Постепенно японцы овладели всей горой.

Начало темнеть. Последний раз с Горы говорили по телефону в 4 часа 30 м., после чего на вызовы не отвечали. Тогда на все форты и укрепления было передано приказание открыть по Высокой горе артиллерийский огонь ровно в 6 час. вечера.

Начали собирать роты резерва для производства контр-атаки и овладения Горой. Японцы, заняв Гору, вели сильный ружейный огонь по Чайной долине и всем подступам к горе, что очень замедлило подход подкреплений.

В Чайной долине был смертельно ранен ген.-майор Церпитский, приехавший наводить порядок в тылу Горы. Постепенно стягивались роты. Всего набралось 800—1.000 человек, что было слишком мало для отобрания Горы, занятой восемью батальонами японцев.

В 5 час. 30 м. вечера ген. Кондратенко решил отменить приказ относительно обстрела горы артиллерийским огнем в 6 час. вечера. К сожалению, этот приказ не дошел до всех и в 6 час. вечера некоторые батареи открыли недружный огонь по Высокой горе.

К этому времени на Высокой горе еще держалась небольшая кучка стрелков 2-й роты 5-го полка с зауряд-прапорщиком Фоминым. Видя, что гора обстреливается своей артиллерией, они вывели заключение, что она окончательно оставлена своими и поэтому решили отступить. При этом отходе пришлось пробиваться через японскую дозорную заставу.

Собранный отряд разделили на три колонны: правая колонна должна была атаковать правую вершину, средняя седловину, а левая левую вершину. Организацией отряда и подготовкой атаки руководили ген.-майор Ирман, подполк. Органов и кап. Пабилевский. Людям были розданы бомбочки.

В 6 часов вечера роты пошли в атаку, подбадриваемые ген. Ирманом. Японцы встретили атакующих жестоким огнем. Кое-где роты имели успех, но затем, потерявши начальников, залегли. В темноте ничего нельзя было разобрать. Урон же был велик.

После ряда отдельных атак, видя безнадежность положения, ген. Кондратенко, после совещания с ген. Ирманом, приказал отойти, т. к. атаковать в восемь раз сильнейшего противника (по английским сведениям), занявшего сильную позицию и успевшего устроиться, было бесцельно. После этого решения, ген. Кондратенко сказал:

— Ну, теперь начинается агония Порт-Артура....

Насколько велики были потери, указывает то, что 5-м полком командовал штабс-капитан. Было также решено: очистить Плоскую и Фальшивую горы, т. к., с занятием Высокой горы, они теряли свое значение, и занять позицию от 1-го форта к 5-му форту. Было приказано остатки рот, забрав имущество, отвести на "основную позицию".

Отступление было совершено спокойно и японцы его не заметили, так что 24 ноября они, после сильной артиллерийской подготовки, атаковали уже оставленную Дивизионную гору.

23 ноября, уже после оставления горы, японцы взяли в плен в телефонном блиндаже инж.-механика флота Лосева, раненого подпоручика Гудкова и двух солдат.

24 ноября с Высокой горы пробрались два стрелка. Овладев горой, японцы устроили на ней наблюдательный пункт, с которого успешно корректировали огонь 11-дюймовых орудий по флоту, стоявшему на внутреннем рейде, суда которого постепенно затонули, кроме броненосца "Севастополь", командир которого, кап. Эссен, вывел его на внешний рейд. Этот броненосец отразил ряд атак японских миноносцев с потерями для них и, наконец, сильно поврежденный, был выведен на глубину в 150 футов и там затоплен. Геройское сопротивление этого судна вызвало большое восхищение в Порт-Артуре.

Значение Высокой горы для Порт-Артура было очень велико и потеря ее имела решительное значение для дальнейшей обороны. За время боев на Высокой горе и Плоской горе там перебывало более 80 рот и команд. Число раненых и убитых с русской стороны простиралось от 5.000 до 7.000 человек. В 5-м В.-Сиб. стр. полку выбыло из строя 14 офицеров, 17 зауряд-прапорщиков и более тысячи двухсот нижних чинов. В конце боя многими ротами командовали зауряд-прапорщики.

Японцы потеряли в боях за Высокую гору около 10.000 человек.

Орденом Св. Георгия 3 ст. был награжден ген.-майор Ирман, 4-й степени: ген.-майор Третьяков, подполк. Будянский, подполк. Бутусов, шт.-кап. Белозеров, пор. Иващенко и другие.

Н. Н. Р.

КАВКАЗСКИЙ КОННО-ГОРНЫЙ

Вступая с радостью великой
В Кавказа славные ряды,
Сольемся в их заветном клике,
"Аллаверды, Аллаверды!"

В. Н. Рафтопулло

Кавказский Конно-Горный Артиллерийский дивизион был сформирован осенью 1911-го года и вступил в состав Кавказской Кавалерийской дивизии.

Стоянкой был назначен гор. Александрополь Эриванской губ., где были расквартированы два пехотных полка, Артиллерийская бригада и 18-й драгунский Северский Короля Датского Христиана IX полк.

На первый взгляд Александрополь казался, благодаря построенным почти из черного камня и притом с плоскими крышами домам, только что выгоревшим городом.

Однако, по узким кривым улицам степенно шествовали, отплевываясь по сторонам, груженные углем верблюды, весело подпрыгивали, стараясь избавиться от поклажи, ишаки; погонщики неистово орали на своих животных и были такие же черные, как и все окружающее.

Если не считать нескольких чахлых деревьев в так называемом "сквере", растительности не было никакой.

За неимением казарм, к постройке которых только что приступили, дивизион разместили в разных частях города по обывательским квартирам.

В этой "черной" обстановке забился пульс нового Конно-Артиллерийского дивизиона.

На формирование дивизиона были назначены офицеры из разных конных батарей, с разных концов России, вплоть до Туркестана. Люди и лошади были присланы также из разных конных батарей и частично кавалерийских полков.

Началась дружная работа: обучали новобранцев, съезжали батареи, велись занятия в учебной команде и даже раздавались звуки гамм нарождающихся нештатных трубачей.

...Он подарил нас трубачами,
Наш Сербин, грозный адъютант....

Дивизионная "Звериада"

Быстро сказался наш девиз—"Возлюбим друг друга, да одномыслием исповемы": каждый офицер принес с собой частицу своей батареи, каждый солдат — слова одних и тех же песен, певшихся во всех батареях.... все принесенное жертвенно складывалось на алтарь новорожденного, чтобы он, выростая, впитал в себя вековую единую традицию Конной Артиллерии.

Не много прошло времени с тех пор, как на улицах Александрополя появились солдаты с желтыми этишкетными снурами и литерами К. Г. на алых погонах, и вот весь гарнизон увидел на ближайшем параде новую часть в незнакомых касках с черными

гребнями, отбивавшую по-гвардейски ногу под старый Егерский марш своих трубачей.

Это был Кавказский Конно-Горный дивизион.

Новый 1912 год семья Конно-Горцев встречала в уютном собрании гостеприимных Северских драгун. Для нас, чужих еще на Кавказе, это был первый "выход в свет" и здесь открылась нам новая страница книги жизни, под заголовком: "Кавказские адаты" (обычаи, традиции).

После официальных новогодних поздравлений, сопровождаемых кликами "ура" и звуками маршей, все заняли места за длинным столом. Из числа старших офицеров полка был прежде всего выбран "Тамада" — неограниченный хозяин стола.

Обязанности Тамады весьма сложны и требуют от него много такта, находчивости и остроумия. Он дает общий тон столу, следит за тем, чтобы оживление не иссякало, и в нужный момент приходит на помощь — где веселье переходит через край, он уж там. А тосты? Нужно сохранить их последовательность и, Боже упаси, никого не забыть. Никто за столом не имеет права от себя предложить тост без разрешения Тамады — виновника ожидает штрафная азарпеша.

"Таланты" Тамады расценивались очень высоко. Наилучшим Тамадой на весь Кавказ почитался генерал Баратов.

Искрилось вино в бокалах, лилось в азарпеши...

От одного к другому в круговую переходила азарпеша и каждым глотком из нее мы приобщались к Кавказу, его заветам, славным драгунам.

...Открывается дверь в зал и тихо, на носках, позвякивая шпорами, вошли полковые песенники. Выстроились, впереди бунчуки, тулумбасы (род азиатского барабана).

По знаку старшего началось пение... Какое пение!...

В полках дивизии было принято петь лишь полковые песни, свидетельствующие о славных подвигах. Каждый эскадрон имел свою песню, воспоминание об участии в лихом деле, прославившем Кавказских драгун.

Много пелось победных песен о лихих атаках:

...И снова шашки засверкали,
И снова кровью налились...

об исполненном долге:

Майоры Кусов и Наврузов
Царю дарованный обет
Сумели доблестно исполнить,
И слава им на много лет...

Но среди ликующих бунчуков, вдруг тулумбасы возвестили горе неудачи:

...Восемнадцать из нас отступили в тот раз,
Остальные ребята побиты...
Господа позади, каждый с пулей в груди,
Отступая ребят подбодряли.

И в отступлении есть своя доблесть:

...И не даром Кавказ будет помнить о нас,
И начальство зовет молодцами...

В 1856 г. из Нижегородского драгунского полка были выделены эскадроны для образования Северского драгунского полка, с этими эскадронами ушли и песни об общих победах, и появились новые — свои.

— Когда наш Царь-Освободитель
Войну неверным объявил,
Тогда, казалось, Вседержитель
Войска на бой благословил.

Мы шли на бой, как на забаву,
Не страшны Северцам враги:
Чем больше их, тем больше славы
Мы получить тогда могли. —

Торжественно все за столом поднялись.

— Пал Ардаган, твердыня Карса,
Хоть крепость сильная была,
Но перед Русскими войсками
Она держаться не могла.

И на полях Аравартана
Арабистанские полки,
Забыв присягу из Корана,
Бежали, кто куда могли. —

Аравартан — слава Северских драгун, особо чтимый 3-го июня боевой праздник. Широкие Георгиевские ленты на штандарте — вечная память об этом дне.

Тихо, как пришли, ушли песенники, а память о их песнях живет во мне по сей день.

Тамада, давший редкое переживание своими песенниками, уже хлопочет у новой азарпеши... льется вино...

И звонкий голос, с нарочито подчеркнутым кавказским акцентом, с которым часто говорят русские на Кавказе, запевает:

— Со времен давным-давно забытых,
В преданьях Иверской земли,
От наших предков знаменитых
Одно мы слово сберегли... —

Старая песня, "Символ веры" кавказцев, в ней неписанные заповеди куначества.

...И шли мы дружно, к схваткам новым,
Не ожидая череды...

Нам каждый гость дается Богом,
Какой бы ни был он среды...
У нас, под сенью каждой хаты,
Есть уголок для кунака...

Не забыта й звонко гуляющая по рукам азарпеша. И несущийся до утренней зари голос Тулумбаша. И полная преданность Хозяину земли Русской:

...Когда же Гость — Отец Державный,
Земному Солнцу кто не рад,
Поднимутся за тост заздравный,
Эльбрус, Казбек и Арарат.
И грянем дружно, всем Кавказом,
На все наречья и лады,
Единым словом, одним разом,
Аллаверды, Аллаверды.

Долго несмолкаемое "ура"... Боже Царя храни...

Наш баян кап. В. П. Рафтопулло просит слова:
— Аллаверды к Вам.
и на дружный ответ "Якшиол", говорит — сейчас мы, Конно-Горцы, впервые пропоем нашу "Аллаверды", в которой отразятся наши чувства.

Поднялись Конно-Горцы и на мотив только что умолкнувшей песни пропели слова Капитана В. П. Рафтопулло:

По воле Царской и по слову,
В числе двух конных батарей,
Явились мы собратом новым,
В семью Драгун-Богатырей.
Вступая с радостью великой
В Кавказа славные ряды,
Сольемся в их заветном клике,
"Аллаверды, Аллаверды!"

Аллаверды вам ветераны,
Герои доблестных побед,
Вы покорили эти страны
И дали лихости завет.
Вы водрузили Стяг Державный
На высях каменной гряды,
За вас мы пьем фиал задравный;
Аллаверды, Аллаверды!

Аллаверды — святое слово,
В нем братство, сила и любовь
И хоть оно для нас и ново,
Но уж волнует нашу кровь,
Нас, побратав оно в дни боя,
Ни от одной спасет беды —
Так грянем вместе громовое
Аллаверды, Аллаверды!

Приемля нас, вы в нас найдете
Родню по духу и делам,
Вы в нашей хартии прочтете
Страницы грозныя врагам.
Мы крещены в боях лучами
Наполеоновской звезды,
Споем-же, братья, вместе с вами
Аллаверды, Аллаврды!

Давно известна всему миру,
От Бородинских еще сеч,
И наша лихость без завета,
И наша грозная картечь.
Любя кровавыя забавы,
Своей дождавшись череды,
Не посрамим мы вашей славы, —
Клянемся в том — Аллаверды!

В мечтаньях зрим мы дни такие,
Их жаждет сердце поскорей:
Гремят раскаты боевые
Кавказских конных батарей
И в бой летят Нижегородцы,
Тверцов и Северцев ряды,
И лава Сунженцев несется...
Аллаверды, Аллаверды!

Мы все подошли к Командиру полка и Капитан Рафтопулло передал ему широкую малиновую ленту, на которой серебром были отпечатаны слова нашей песни.

Эта песня явилась связующим звеном между нами и Кавказом и часто пелась потом, чередуясь куплетами со старой Кавказской:

"С времен давным-давно забытых".

Сколько я знаю, из всех бывших на встрече 1912 года Конно-Горцев, кроме меня, остались всего трое...
"Аллаверды к Вам".

Вспомните о нашем таком богатом прошлом, воспоминаний никто отнять не может, и в этом их ценность.
"Якшиол" — "Да будет так".

А. фон Корвин-Вирзбицкий

Отрывок из книги „Шесть лет войны“ 1914—1920

Во время отступления 1915 года в Галиции, 7-я Кавалерийская дивизия задержалась у города Пржеворска. Видимо 1-я бригада осталась перед городом, так как батареи поставили прямо в центре — на площади. Наша II-я бригада, гусары и казаки, прошли через город. Казаки остались в резерве, а нас, Белоруссцев, спешили и мы заняли бугры по фронту левее шоссе, ведущего на север. Австрийская пехота продвигалась влево от нас, стараясь выйти нам в тыл. Их артиллерия била лениво, да и наша из города, редко проявляла себя; снарядов у нас к этому времени уже почти не оставалось.

Мой взводный, Максименко, еще не вернулся после ранения, и я оставался за взводного 3-го взвода 1-го эскадрона. Спешив взвод, положил людей в цепь, ведя огонь, командуя прицел, и вдруг замечаю — некоторые гусары щелкают затворами, целятся, спускают курок. Глаза открыты, но новых обойм не вкладывают, а дуют впустую, спят наяву. Вот до какой степени усталости можно дойти.

Пролежали мы в цепи часа два и австрийцы как будто задержались, по крайней мере их продвижение наперерез шоссе, в сфере нашего обстрела, прекратилось.

Вдруг нам скомандовали: “По коням”, мы побежали в лесок, где были коноводы. Команда “садись”. Мы вышли на луг правее шоссе и полк построился развернутым фронтом. Штандарт передали в четвертый эскадрон.

Видим, — верстах в двух от нас из леса выскакивает во взводной колонне кавалерия и тоже строит фронт. Дело к вечеру, солнце на них, — видно все, как на ладони. Кони вороные, рейтузы красные, венгерки синие, шапки черные. Выскочил второй полк и показывается третий, — дивизия.

Нас бригада, но зато мы — Белоруссцы и 11-й Донской; против нас и дивизия австрийская выдержать не может.

Старые гусары стали брать пики у молодых и перестраиваться в 1-ю шеренгу. Молодые — рады: многие к пике не привыкли. На взводах у нас: на первом штабс-ротмистр Волков, на четвертом поручик Натензон. На втором корнет Львов и на нашем корнет Нечаев. Маленький, коренастый, большие черные усы, по прозванию “Черномор”. Из господ — поручик Натензон тоже взял пику. Кони тоже поняли, что будет атака. Не стоят, прядают ушами, задняя шеренга прямо через переднюю на австрияков заглядывает. Вижу, — молодые гусары в задней шеренге нервничают. Думаю, — надо кое-какое унтер-офицерское наставление сказать:

— Слушайте хлопцы, — говорю: — осмотреть подпруги, попробуй шашку. Задние при ударе норови влево от своей передней шеренги и не рубай, а коли. Под ноги все время; коней не распускай; после, как сшибем, — сразу держись строя, — жди второй атаки: Держи дистанцию, не жмись и не растягивай, — на кавалерию идем. - Бобкин, раззява, закрути трочек!

Сам у себя попробовал подпруги, подумал, чтобы оставить место Нечаеву осадить в строй. В это время команда:

— Равнение на середину, полк шагом марш!

Снял фуражку, перекрестился, и тут даже не подумал, а, вернее сказать, — почувствовал: вот, — когда-то, может быть лет сто тому назад, Белорусский полк строился для атаки. На правом фланге 3-го взвода 1-го эскадрона тоже стоял неведомый мне унтер-офицер. И так же он сказал наставление гусарам, и так же пробовал подпруги, и так же крестился, и готовился дать ответ Господу Богу. И не имеет никакого значения, если меня уже не будет, — все будет исполнено, как полагается по уставу и по присяге. Другой унтер-офицер станет на мое место и он также спокойно и уверенно осмотрит людей и также без колебания исполнит свой долг.

В минуту высокого нервного напряжения, — перед конной атакой, готовясь дать ответ Господу Богу, — я инстинктивно почувствовал преемственную связь со своими предками. Связь эта не прерывалась со времени наших первых Московских войск, может быть от самой Куликовской битвы. Также приходили в войска “молодые”. Также им давали каждому “дядьку”, старого солдата, который учил их уму-разуму и солдатской службе, и солдатскому быту. Потом этот “молодой” сам становился “дядькой” и передавал своему “молодому” то же наставление. Так шли сотни лет и тот мой взводный, — запасный старший унтер-офицер Ахтырец с серьгой в ухе, и носом крючком, окающий по-нижегородски, и утиравший незаметно слезу, слушая песню, как “поехал казак на чужбину далеко”, передал это наставление мне, молодому гусару присяги 1911 года. И что с одной стороны удивительно, а с другой стороны совершенно понятно, — очень многое в этом наставлении прямо совпадало с заветами Суворова. И, конечно, и до Суворова дошли наставления в свое время и он вник в них, и они помогли ему воспитать своих солдат и выиграть чуть не сто сражений. И, пожалуй, самое ценное, что было мне сказано, всего несколько слов, но, мне кажется, эти слова следовало бы положить в основу воинского обучения всех армий мира. Вот эти слова: “Если у тебя когда-либо будет хоть один солдат под командованием, — помни, что ты отвечаешь за него перед Богом, перед начальством и перед своей совестью”.

Австрийские войска против нас тоже шли шагом и уже оставалось может быть только с версту, — казалось даже лица уже были видны. Вдруг австрийский строй сломался; запылили взводы “налево кругом” и на рысях пошли обратно в лес. Не выдержали австрийцы.

Мы также разлетелись повзводно, так как артил-

лерия противника, молчавшая некоторое время, пустила по нас несколько шрапнелей, втянулись в лесок и спешились.

Тут же подошли на рысях батареи из города. Наши два эскадрона остались в прикрытии. А затем батареи и мы за ними, летели хорошим галопом по шоссе под артиллерийским и пулеметным обстрелом. Орудия прямо прыгали с колеса на колесо.

Потерь было немного. Убитых не помню, а ранеными человека 3, и несколько коней. У батарейцев еще в городе, на площади, был убит поручик Д.

Р. П.

Иностранные части в Русской армии

В 1707 г. сербу Апостолу Кисичу было дано право набирать из "волохских" искуснейших людей двух ротмистров, трех поручиков, трех хорунжих и 300 рядовых, для формирования "Волохской хорунчи". В 1711 г. она была уже развернута в шесть полков, а именно: Первый и Второй полки Тонского, полк Кисича, полк Никулина, полк Киржева и полк Абазин. Все эти части носили гусарскую форму и являлись первыми, гусарскими полками в Русской армии. Они были упразднены в 1721 г.

В 1716 г. император Петр I выдал замуж свою племянницу царевну Екатерину Иоанновну, за герцога Мекленбургского Карла-Леопольда, и, в качестве личной гвардии царевны, отправил с нею в Мекленбург два русских полка.

В 1719 г. из-за политических разногласий с герцогом, по приказу Царя, не только оба русских полка были возвращены в Россию, но с ними вместе были взяты Петром и шесть мекленбургских полков, которые были расквартированы на Украине, под именем "Мекленбургского корпуса".

В 1727 г. сербскому майору Ивану Албанцу было приказано сформировать "Сербский гусарский полк". 24 декабря 1751 г. было "дозволено" другому сербу, полковнику австрийской службы, Хорвату, поселиться в местности за Днепром, названной "Новой Сербией", сформировать там из сербских выходцев два полка: "Гусарский" и "Пандурский". 11 января ему же было приказано сформировать еще два полка, а именно: "2-й Гусарский" и "2-й Пандурский".

Между 1740 и 1763 г.г. был сформирован из молдаво-валахов "Молдаванский полк", переименованный в 1764 г. в "Самарский", а затем им был укомплектован вновь созданный "Бахмутский" полк.

В 1753 г. полковникам австрийской службы Шевичу и Депрерадовичу было приказано сформировать два полка сербов и черногорцев. В 1764 г. оба эти полка были расформированы и ими был укомплектован упомянутый выше "Бахмутский гусарский полк", упраздненный в свою очередь в 1776 г. В тот же 1776 г. были сформированы полки: "Македонский" и "Далматский", которые затем были оба слиты в 1783 г. в один "Александрийский Легко-Конный".

В 1775 г. черногорцы, греки и албанцы, поступившие на службу в 1770 г. в Российский флот, во время экспедиции в Адриатику графа А. Г. Орлова, прибыв в Россию, составили в Керчи и Еникалэ "Сербско-Албанское войско".

В 1788 г. генерал-поручик Иван Александрович Заборовский получил приказ отправиться в Тоскану и там приложить "все старания, дабы собрать всех корсиканцев, принимавших участие в восстании ген. Паоли против Франции на Корсике и служивших затем на английской службе, и, составив из них корпус, послать его в Сиракузу, к флоту "капитану бригадирского ранга Псаро". По ордеру адмирала Грейга, для этой цели Заборовскому было выдано 2.400 червонцев. В своем докладе Императрице Заборовский писал, что ему удалось взять на русскую службу всего 70 человек корсиканцев, от которых после кампании в Архипелаге, по докладу контр-адмирала Грейга от 2 ноября 1789 г., осталось 50 человек, при трех капитанах, одном поручике и трех прапорщиках, а также 10 человек, "принятых в чине прапорщиков и носящих офицерский мундир". Одним из этих офицеров был известный Анжело Франчески, сподвижник Паоли, сражавшийся с французами в 1769 г. за свободу Корсики.

26 июня 1797 г. был сформирован "Польский конный полк", принявший в 1796 г. наименование "Польского генерала-майора Домбровского" полка, а затем в 1799 г. "Полка генерал-майора Гатиева", и, наконец, в 1801 г. "Польского конного", который был расформирован в 1833 г.

В 1799 г. 30 декабря, по приглашению императора Павла, через министра иностранных дел, князя Горчакова, корпус французских эмигрантов принца Кондэ прибыл в Россию, и принял присягу на верность императору. На русской службе французы сохранили целость и единство своих частей и командования, но получили русское обмундирование. Одновременно с этим полки Кондэ получили знамена с Российским двуглавым орлом, но с лилиями Бурбонов на четырех углах. Корпус, состоявший из 7.000 сабель и штыков, был расквартирован в Польше, а именно: штаб, во главе с принцем Кондэ, стал в Дубно, в замке князя Любомирского; полк Бурбонов и драгуны герцога Энгиенского — в Луцке, немецкий полк князя Людовика Гогенлоэ в Ковеле; полк принца Кондэ — во Владимире Волынском и, наконец, кавалерийский полк герцога де-Бари в Дукачах. Французы после этого в июле 1799 г. присоединились в Австрии к корпусу генерала Римского-Корсакова и, участвовали в сражении при Констанцком озере. После выхода России из европейской коалиции против Бонапарта, корпус Кондэ, приказом императора Павла от 1-го января 1800 г. был исключен из списков Русской армии.

23-го апреля 1807 г. из поляков был сформирован "Конно-Волынский полк", переименованный затем в

"Уланский Волынский", организованный на "рыцарских началах", т. е. дворяне в нем служили офицерами или "товарищами", которые, хотя и были на солдатской вакансии, но на привелегированном положении. "Товарищи" были вооружены пиками и составляли в развернутом строю переднюю шеренгу, как на парадах, так и в бою.

В 1812 г. в городе Орле были сформированы из пленных французов, итальянцев и голландцев, особые легионы, вступившие на русскую службу. О формировании легионов, прототипом которых послужили русско-немецкие легионы, дан был Высочайший рескрипт, на имя князя М. И. Голенищева-Кутузова 8-го ноября 1812 г. Губернские власти из разных городов России выслали в Орел, пожелавших вступить на службу военнопленных из природных французов, итальянцев и голландцев. Во главе формирования был поставлен генерал-майор барон Гернсдорф, в помощь же ему были командированы ген.-майоры: граф Сиверс, Энгельгард и Удом. В составе легионов было 29 офицеров, 38 унтер-офицеров, 9 музыкантов, 292 рядовых и 4 нестроевых чина. Из пленных сформировали три роты, которые были двинуты на Витебск и поступили в состав русской резервной армии. Многие из этих легионеров после войны навсегда остались в России. Об этом оригинальном и мало известном формировании 29 марта 1912 г. был прочитан доклад В. Апухтиным в Орловском отделе "Императорского Военно-Исторического Общества", на основании, найденных в орловском архиве документов, а затем был напечатан в журнале общества.

В 1914 г., после опубликования Верховным Главнокомандующим Великим Князем Николаем Николаевичем известной декларации о будущем предоставлении автономии Польше после войны, польский национальный комитет издал сообщение, в котором говорилось о приказе по юго-западному фронту о сформировании в гор. Ново-Александрии организации дружин ополчения из поляков, со включением в русскую регулярную армию и принятием их на содержание государства. За дружинами было признано право пользования польской командой и обеспечены им все роды оружия, включая артиллерию. Легионы, составленные из этих дружин, должны были поступить под командование офицеров-поляков, назначенных из армии. Польский, национальный комитет, поддерживавший организацию легионов, в виду их значения для национального польского дела, вошел в соглашение с военными властями, с целью создания организационного комитета польских легионеров. Состав комитета был следующий: председатель, с титулом начальника организаций польских легионеров — генерал от инфантерии Свидзинский; члены: генерал-майоры: Стемпковский Шиманский, Балицкий, граф Броэль-Плятер, Садзевич и, начальник управления организаций — подполковник Горчинский.

После февральской революции 13 июля 1917 года генерал-лейтенант Иосиф Романович Довбор-Мусницкий, бывший командир 38-го армейского корпуса принял в командование все польские легионы, сведенные в польский корпус, который в следующем году, по соглашению с немцами, был демобилизован.

В 1918 г. генерал Довбор-Мусницкий был назначен Главнокомандующим Великопольскими войсками, и, положил начало армии независимой Польши.

В октябре 1915 г. в Россию, из Бельгии был отправлен бронированный дивизион автомобилей, прибывший через Архангельск на Галицийский фронт, под командованием майора Колон. После смотра его Государем, в декабре 1915 г., в Царском Селе, дивизион был отправлен на Галицийский фронт, где майора Колона сменил майор Семэ, приняв участие во всех боях здесь. После большевицкой революции положение дивизиона стало трагическим и, он, пройдя многие мытарства, в конце концов, вернулся на родину, сохранив свое знамя, через Сибирь, Владивосток, Сан-Франциско и Нью-Иорк, совершив таким образом кругосветное путешествие.

Помимо бельгийцев, на русском фронте, во время войны 1914—1917 г.г. участвовал также отряд броневых английских машин с английским персоналом, но, к сожалению, мне не удалось получить о нем сведений.

Анатолий Марков

„АРМЯНСКИЙ ГЕНЕРАЛ"

(К воспоминаниям полковника Фурмана)

В первый год моего пребывания в Елизаветградском Юнкерском училище, мне пришлось встретиться с Меликом Гурдиевым при следующих обстоятельствах. Проходя по зале Училища, увидел небольшую группу юнкеров, окружавших одного юнкера с малиновыми погонами с серебром и № 46 из Кавказской дивизии. Раздавался веселый смех и разные восклицания. Подойдя ближе, я увидел юнкера с короткими ногами и длинным туловищем, с четырехугольным лицом, длинным мясистым носом, почти достигающим до нижней губы, с низким отлогим лбом, с головой, укрепленной на толстой шее, причем голова была почти без затылка, и шла наискось к верху, как говорят, была "клином". Глаза его были маленькие, темно-коричневые и глубоко спрятанные под густыми черными бровями, нижняя часть лица темно-синеватого цвета от выбритой черной бороды. Первые слова, которые я услышал, были:

— Ты, Мелик, умный?

— Нэт, я нэ умный.

— Ну, что же, ты дурак?

— Нэт, я не дурак.

— Кто же ты?

Прищурив хитро глаза под густыми бровями, он отвечал:

— Я полво умный.

Это вызвало дружный громкий смех и сочувственные возгласы:

- Верно, верно, — ты действительно, немного полуумный.

Потом не раз приходилось слышать эти вопросы, задаваемые Мелику, и слышать его ответы юнкерам старшего класса, вызывающие смех и веселое настроение.

У нас не было названия "Корнет", т. к. до корнетов было далеко и выпускали нас Эстандарт-Юнкерами; мы не получали жалованья и никаких денег, а существовали на "собственный счет", и, как говорилось, "без расходов от казны"; носили офицерскую кокарду, офицерский темляк и даже кант на рейтузах не полагался, и мы его носили по "вольности дворянской", и громадный угол на левом рукаве; почти доходящий до погона, из такого широкого галуна и малым просветом на погонах, что можно было принять за погоны вахмистерские.

В старшем классе мне пришлось быть в одном отделении с Меликовым, т. к. Кавказская дивизия была в 1-м эскадроне Радкевича. Тактику преподавал Ген.-Штаба полковник Зандер, он был типичный немец, аккуратный, выдержанный, спокойный, корректный и терпеливый с юнкерами. Объясняя свой предмет, он стал предлагать Мелику повторить, что он усвоил из его объяснений. Эти повторения столь были живы и веселы, что к нам набивалось много юнкеров из других классов и сидели уже по трое вместо двух на скамейке, отчасти скрываясь от своих преподавателей, и больше послушать повторения Мелика.

Он, рассказывая о фуражировках, путал слова и со своим кавказским акцентом уверял, что производят "Инквизиции" вместо "Реквизиции", что вызывало дружный смех юнкеров, и старательное, и подробное объяснение полк. Зандера разницы между "Инквизицией" — "Реквизицией", причем говорилось, что первая была в Испании, и сжигались еретики на кострах, а теперь это не применяется, а "Реквизиция" производится во время войны и это взятие силой фуража и продуктов или за деньги, или за квитанции, по которым можно получить деньги в отдаленном будущем.

Однажды, объясняя нам о сторожевом охранении, полк. Зандер начертил на доске три дороги, похожие на куриную лапу, в соединении их поставил главный караул, а на трех пальцах поставил по заставе, от каждой выставил сторожевые посты и предложил зачертить в тетради, как схему.

В следующий раз он принес "трехверстки" и "восковки" и, предусмотрительно, раздав каждому юнкеру разные карты, предложил расставить на восковках сторожевое охранение фронтом на север указанных деревень, обозначив дороги и местные предметы. Таким образом нельзя было воспользоваться помощью и советом ни справа, ни слева, ни спереди, ни сзади, т. к. у всех были разные задачи и надо было их решать каждому самому. Все углубились в решение своей задачи, и вдруг Мелик встает первым и несет свою задачу к полк. Зандеру, тот кладет ее вместе с трехверсткой на свой стол. Только к концу урока стали подавать остальные. Многие юнкера окружили Мелика и спрашивали, как это он так быстро решил задачу, на что тот, хитро улыбаясь, говорил, что он очень хорошо решил и надеется получить хорошую отметку.

Через некоторое время пришел полк. Зандер с трехверстками, стал вызывать юнкеров, объяснять ошибки и показывать, как было бы лучше расставить охранение. Когда все задачи были рассмотрены и были выставлены баллы, полк. Зандер обратился к Мелику Гурджиеву и сказал:

— Я вашу восковку прикладывал к трехверстке около полутора часа, и она никуда не приходилась; пожалуйте сюда и приложите ее сами, и я, наконец, узнаю, как ее надо приложить?

Мелик подошел к столу, попробовал приложить, но увидел, что это бесполезно и откровенно сознался, сказав:

— Я, господин полковник, савсэм не прикладывал к трехверстке.

— Куда же вы ее все-таки прикладывали?

— Я ее прикладывал к схэме, что вы чертили на доскэ.

Тогда невозмутимый немец возмутился до того, что схватил перо, и поставил большой "0" на его восковку, кажется, сломал перо, и на восковке была видна большая клякса, вероятно, жалея потерянные полтора часа времени и что он не разгадал, так просто решавшуюся загадку.

Окончивши училище, мы поехали по полкам, а Мелик остался на второй год в старшем классе и получил почетное звание "Майора" и, вероятно, поэтому не поехал в свой полк, не желая ехать юнкером и демонстрировать свою неудачу. Вот почему он и производил столь сильное впечатление на прибывающих гимназистов, кадет и другую молодежь.

Проходя вторично курс старшего класса, ему удалось окончить по I разряду, вероятно, благодаря своей популярности среди преподавателей училища. Таким образом он получил возможность быть произведенным по всей кавалерии. Благодаря счастливому случаю, он был произведен в Корнеты драгунского полка, стоявшего в Средней России. Там с ним произошел смешной случай. На своей новой квартире, которую он устраивал, его однополчане застали Мелика стоящим посреди комнаты со щеткой в руках и тыкающим в потолок.

— Что ты делаешь, Мелик?

— Да вот, ищу сэрэдину, куда хочу повэсить красный фонарь.

— Да что ж тут искать, возьми две "диагонали", и, где они пересекутся, тут и будет середина.

— Ах, дюша мой, а где их купить, и что они будут стоить?

Молодые корнеты с хохотом постарались ему объяснить, что покупать ничего не надо и что стоить они ничего не будут.

Собираясь на большой бал в Дворянском Собра-

нии, Мелик постарался навести на себя красоту, поналег на фиксатуар, пудру и духи, и израсходовал почти пол-пузырька духов. На балу он подошел к одной барышне, которая ему нравилась. Та, увидавши его напудренным и сильно надушенным, сказала:

— Да, вы, Мелик, "Кокет"!..

На что обозленный Мелик ответил:

— Если я Кокэт, то ви "Кокотка".

Барышня, конечно, ударилась в слезы, произошел некоторый переполох, распорядители и офицеры полка старались успокоить барышню, уверяя ее, что Мелик не хотел ее оскорбить и обидеть, и что он плохо разбирается не только в иностранных словах, но даже в русских. Барышня уехала с бала, и пришлось старшим офицерам полка ехать к ее семье, и извиняться за неприятный случай.

После этого несколько молодых корнетов пришли к Мелику, и полушутя, полусерьезно, повалили его на турецкий диван и, при помощи стэков, старались ему разъяснить разницу между словами "кокетка" и "кокотка", что до некоторой степени им удалось.

При первом удобном случае он перебрался в Кавказский запасной дивизион, стоявший в г. Армавире, и там среди своих однодивизников мирно пребывал до ротмистерского чина, и, когда на смотру Генерал-Инспектора Ремонтов и Запасной Кавалерии Генерал-лейтенанта Винтулова, спросившего его, где у него записаны недостатки лошадей, Мелик стукнул себя по лбу рукой, и сказал:

— Все недостатки у меня тут!..

Ни генерал, и никто из присутствовавших этого не оспаривал.

Когда мода на самоопределение до самоотделения дошла до Армавира, то, несмотря на то, что великий гений и отец народов Сталин, ничего не имел против самоопределения, а самоотделение не одобрил, Мелик все-таки самоопределился и самоотделился, и перебрался в Армянскую республику, где, как говорили, сделался армянским генералом.

С. Мжр.

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

ИЗ СМОТРОВ ГЕНЕРАЛА ДРАГОМИРОВА

О генерале Михаиле Ивановиче Драгомирове ходило много рассказов, не мало из них — придуманных. Так и сообщаемый мною эпизод может показаться анекдотичным, но мне его рассказал генерал М. Д. Нечволодов, когда-то командовавший батальоном в 129 пехотном Бессарабском полку.

Так вот, генерал Драгомиров производил смотр новобранцев в этом полку. Нужно отметить, что М. И. Драгомиров имел своего "конька" — Устав караульной службы, знание которого он требовал, как говорится, "на зубок".

Один новобранец, обратил внимание генерала своим веселым видом.

— Какой ты губернии? — спросил Драгомиров.

— Хвалиться не буду — Витебской! — был бойкий ответ.

— Вижу, что ты молодчина и Устав, ты, наверное, знаешь? Скажи, — умереть я могу?

— Так точно, Ваше Высокопревосходительство, можете.

— Ну вот — я умер. Гроб внесли в церковь и оставили там на ночь открытым, а тебя поставили часовым. Ты остался один и, вдруг, среди ночи, я поднимаюсь из гроба... Что ты будешь делать?

— Так что, прикладом по голове, чтобы легли обратно.

— И тебе не жаль меня будет?

— Так точно, — жалко, но в Уставе сказано — в каком виде я принял пост, в таком должен и сдать. Принял Ваше Высокопревосходительно лежачим — лежачим обязан и сдать.

М. И. Драгомиров пришел в восторг от находчивости молодого солдата.

А. Л.

ПОЛКОВНИК МОСИН

В собрании Обще-Кадетского Объединения, на стене, среди прочих, висит фотография. На ней изображены три полковника-академика, с ясно видимыми академическими значками. Средний из них, держит наперевес, в левой руке, нашу Русскую трехлинейную винтовку, с открытым затвором и примкнутым штыком, а в правой — обойму с пятью патронами, еще с тупыми пулями. Он как бы готовится опустить обойму в затворную коробку. Внизу фотографии, написаны фамилии всех трех полковников. Средний из них, держащий винтовку — полковник Мосин.

И вспоминаю я 75-летний юбилей нашего, в то время, Михайловского Воронежского кадетского корпуса. Было это, вероятно, в 1897 году, когда я был еще в пятом классе.

На торжестве, в большом актовом зале, перед строем всех четырех рот корпуса, в присутствии всех служащих, преподавателей и большого числа бывших кадет, разных возрастов (некоторые старики в давно несуществующих военных формах), появился наш бывший кадет полковник Мосин — конструктор Русской трехлинейной винтовки. К этому празднеству, он поднес в дар родному корпусу винтовку своей конструкции. Она помещалась в красивом полированном ящике, на крышке которого помещалась медная дощечка с выгравированной на ней дарственной надписью.

Эта винтовка, в своем ящике, хранилась всегда в одном из книжных шкафов фундаментальной библиотеки, находившейся в правой стороне актового зала.

А. Лазорин

ДЫНЯ С ПОЛЬЗОЮ

В тот год осенние войсковые маневры затянулись очень надолго. Ими руководил сам Командующий Киевским военным округом генерал Иванов. Начинались они с маневров незначительных частей; но, постепенно продвигаясь с востока на запад, они сливались одна с другой и образовывали все более и более крупные войсковые единицы. В конечном результате маневры должны были закончиться столкновением одного армейского корпуса с другим.

Этот маневр застал одну из батарей Н-ой Артиллерийской Бригады на дневке, в глухом углу Гадячского уезда, Полтавской губернии. Батарейная офицерская столовая поместилась в чистой комнате, в домике одного обывателя, предоставившего для столовой и свою кухню. Невелик был и состав г.г. офицеров: старый, солидный командир батареи и два-три офицера. Кроме того для довольствия к ним присоединился командир Бригады, молодой генерал, и его адъютант.

Отдых и хорошая погода обеспечили общее веселое настроение, оно еще больше улучшилось, когда заведующий столовой, перед завтраком, заявил:

— Господа, после завтрака Вас ожидает сюрприз.

И действительно, после обычно хорошего завтрака, были поданы отличные арбузы.

— А вы знаете, господа, — сказал генерал, — я читал в газетах, что теперь есть признаки холерных заболеваний, а в этом случае дыни менее вредны, чем арбузы.

На это командир батареи, знавший, что генерал предпочитает коньяк всем другим напиткам, заметил:

— А вы знаете, Ваше Превосходительство, если приправить арбуз рюмкою коньяка, то получится совершенная дыня!

— Неужели? — с удивленным лицом, сказал генерал.

— Петр Петрович, — обратился он к заведующему столовой, — а у вас есть коньяк?

Коньяк нашелся, и генерал был успокоен в своей холеро-боязни.

На другой день вестовые разыскали дыни, и они были поданы к столу: но коньяка не было. На что генерал заметил:

— Ну, уж, если арбузы с коньяком никому не повредили, то дыни с коньяком могут быть только полезны.

— Ваше Превосходительство, — ответил заведующий столовой, — я совершенно согласен с Вашим мнением, и потому приготовил бутылочку коньяка, чтобы можно было покушать дыню с пользою.

И с этими словами поставил на стол бутылку великолепного коньяка Мартель, марки Экстра, с белою, литографированной этикеткой.

И с этого дня бутылочка коньяка не сходила со стола офицерской столовой... то ли для перевоплощения арбуза в дыню, или для возможности кушать дыню с пользою.

А. Лазорин

ИЗ ПЕТЕРБУРГСКИХ БЫЛЕЙ

В С. Петербурге в Пушкинскую эпоху жило много оригинальных и замечательных людей:

Вот на Миллионной — особняк с изящной внутренней отделкой, принадлежащий азмечательной женщине Кн. Е. И. Голицыной. Своей красотой она напоминала древнее греческое изваяние. В ее салоне собиралось немногочисленное, но избранное общество. Называли ее салон храминой, тем более, что "Princesse Nocturne" (собрания у нее происходили ночью), нельзя было признать обыкновенной светской барыней, Это была жрица какого-то высокого, чистого служения.

Неподалеку от ее дома, в Мошковом переулке, жил преоригинальный человек Кн. В. Ф. Одоевский. Литератор, химик, музыкант, чернокнижник — он путался в хаосе разнообразных познаний. Его одеяние, остроконечный колпак на голове, делали его похожим на алхимика. Человек бесконечной доброты, он делал все зависящее от него для вступавших на литературное поприще.

Князь пользовался дружеским расположением Вел. Кн. Елены Павловны. У него можно было встретить А. С. Пушкина, Жуковского, П. А. Вяземского, графиню Лаваль, старую Княгиню Н. П. Голицыну (Пиковую Даму) и другую Голицину. "Princesse Nocturne" посещала Одоевского и Н. Н. Пушкина — первая красавица того времени.

Ни у кого не было таких фантастических обедов, как у него: пулярда начиненная бузиной или ромашкой, соуса перегонялись в химической реторте...

Другая, необыкновенная по разнообразию своих знаний и талантов, личность гр. М. Ю. Виельгорский, имел роскошный дом на Михайловской площади. Шуман назвал его "гениальным диллетантом". Берлиоз определил его дом, как настоящий храм изящных искусств. Среди слабостей графа нужно отметить: любовь к гастрономии и венгерскому вину. Однажды за ужином у Императрицы Александры Феодоровны, он, после особого внимания, оказанного им венгерскому вину, встал из-за стола, покачнулся и остался на четвереньках. Когда Государь Николай I спросил, что с ним, граф, подымаясь с полу, спокойно ответил:

"Mais rien du tout, Sire, je ramassais une épingle".

Гр. Г. А. Строганов, после назначения в Государственный Совет, поселился в доме графини Н. П. Строгановой на углу Невского и Михайловской. Он недолго прослужил на военной службе, а затем сделал блестящую дипломатическую карьеру. В молодости, он отличался красотой и слава об его любовных подвигах была настолько велика, что Байрон — увековечил его имя в своем "Дон-Жуане":

...За что же этот срам?
Граф Строганов писал мне ряд посланий,
Осталась я глуха к его мольбам...

говорит Донна Джулия, вменяя это себе в особую заслугу.

Последней владелицей дома, где проживал Суворовский генерал гр. М. А. Милорадович, на углу Невского и Морской, была белокурая красавица М. Ф. Калержи, ученица Шопена, дружившая с Листом, Рубинштейном, Венявским, Виардо-Гарсиа. Ее любили Меримэ, Теофиль Готье. Гейне воспел ее в "Romanzero". Художник Каульбах называл ее вдохновительницей его лучших созданий. В ее салоне Вяземский познакомился с Стендаль.

Когда до Листа дошла весть об ее кончине, он дал в Веймаре в ее память грандиозный концерт. Лист, вспоминая ее игру, сказал, что это была не игра, но единственное в своем роде воссоздание творчества.

Сообщил *А. Л.*

Почтовый ящик

В статье "Ординарческая служба при Великом Князе Николае Николаевиче" ("Военная Быль" № 26) А. Левицкий пишет:

"В первую мировую войну я знаю примеры атаки нашей конницы на пехоту: Ахтырские гусары, в бою под Дембио, при активной поддержке огня Туркестанской Конно - Горной батареи..."

Туркестанская конно-горная батарея полковника Багалдина, равно, как и 4-я Донская казачья батарея, несомненно оказали поддержку своим огнем атаке Ахтырских гусар, но главную и решительную поддержку атаке оказала, выехавшая на открытую позицию 5-я Донская казачья батарея полковника Седова, который за это дело и был награжден Георгиевским оружием. Это подтверждает выписка из Высочайшего Приказа о награждении:

"Командиру 5-й Донской Казачьей батареи, Войсковому Старшине Илье Седову за то, что в бою 29 августа 1914 года, при д. Демния, вывел батарею на открытую позицию, на расстояние около 300—400 сажен от наступающей пехоты неприятеля, и, находясь под действительным ружейным и артиллерийским огнем, способствовал своей самоотверженностью, мужеством, спокойствием и решительной командой, атаке нашей кавалерии".

Е. Ковалев

И. Ф. РУБЕЦ—Обстоятельный труд Г. Соловейчика появился по английски перед последней войной. В 40-х годах, его напечатало по-французски большое парижское издательство (забыл какое) и я его читал. "Оригинальному полку" посвящено несколько страниц. Им командовал Беркович. В Отечественную войну он (полк) присоединился к Наполеону. Вообще эта книга заслуживает отзыва для *"Военной Были"*, но его должен дать специалист. Соловейчик талантливый журналист и, работая на основе английских архивов, дает много, нам Русским, неизвестного. Перед Потемкиным он преклоняется. Екатерину II рисует именно ВЕЛИКОЙ.

П. Калинин

В РЕДАКЦИЮ. — Дорогой кадет. С глубоким волнением читаю, перечитываю, в своем глухом углу, сборники выпестованной тобою *"Были"*. Чудится шелест седых знамен, родные полки, истомленные безмерными переходами по липкой грязи осеннего бездорожья, разворачивают боевые порядки и движутся твердо, цепями, вперед к победе, а то и, просто, чтобы принять молчаливо раннюю смерть.

Поля Галиции, Мазурские озера, дубравы Волыни, снежные кряжи Карпат: — всюду, быльем поросшие, давно безвестные бугры-могилы наших боевых сверстников.

Встают перед взором заветы нашей кадетской юности: "сам погибай, а друга выручай", "один за всех, а все за одного", а разве это не красота — наказ Славной Школы, что запечатлен на наших выпускных перстнях, и, понятно, в наших сердцах: "И были вечными друзьями Солдат, Корнет и Генерал".

Хорошо, что *"Быль"* твоя претворилась в ценное хранилище-память о щедро пролитой крови Российских Армий. Думаю, что нам, старцам, суждено, в этом направлении многое сделать. Если бы до них дошло, юные воспитанники советских военных школ с интересом и вниманием внимали бы повести о том, чем жили, как служили и умирали за нашу Мать-Отчизну былые поколения — их деды и отцы.

Старый Гусар

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из жизнетворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, безсонницы и в некоторых случая повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!

Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:

Laboratoire B. KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16e). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE : V. Miller, 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.

Поступила в продажу в Париже книга
Георгия ИШЕВСКОГО.

„ЧЕСТЬ“

Изд. Обще-Кадетского Объединения.
Литературное описание жизни Симбирского кадетского корпуса и воспитания Русской военной молодежи в Императорской России.
Продается в конторе «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и во всех Русских книжных магазинах.
Цена книги — 600 фр.

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1958 ГОД НА БОЛЬШОЙ ВОЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„Военная Быль"

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Седьмой год издания. Выходит ШЕСТЬ раз в год.

В 1957 году, в журнале были помещены произведения: Г. Алеева, Бориса Арского, Г. Аустрина, Д. А., А. Балашева, Л. Беляева, В. Богуславского, А. В. Борщова (†), П. Ф. Волошина, Ив. Волхонского, Владикавказца, А. Геринга, Д. Де-Витт, И. Заборовского (†), М. Зайцева (†), Б. П. Казмичева, В. Каменского, Е. Ковалева, А. фон-Корвин-Вирзбицкого, князя Н. В. Кудашева, А. К., А. А. Лампе, А. А. Левицкого, К. Леймана, Анатолия Маркова, Г. Месняева, С. Мжр, Кирилла фон-Морр, Н. М., Б. А. Николаева, В. П. Орлова-Диаборского, А. Потапова, Р. П., Владимира фон-Рихтер, И. Ф. Рубец, Н. Н. Р., Ивана Сагацкого, Л. Сейфулина, Симоновича, Я. Смирнова, Старого гусара, Г. Танутрова (Жука), А. Тучкова, Вл. Третьякова, Г. Усарова, Вл. Хороманского, Бориса фон-Царевского и А. Черно морцева.

Подписка принимается по адресу Редакции, а также у всех Представителей журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА, С ПЕРЕСЫЛКОЙ НА ГОД:

Во Франции и колониях — 1100 фр., в Англии и Австралии — 25 шил., в С.А.С.Ш. и Канаде — 4 дол. 50 центов.

Отдельные №№, соответственно: 200 фр., 2 гер. марки, 5 анг. шил. и 80 америк. центов.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1958 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник"

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Восьмой год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:

61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей « ВОЕННОЙ БЫЛИ » и « ВЕСТНИКА ».

Подписная цена с пересылкой на год:

700 фр. фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.

В газете — постоянные отделы: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

№ 28

ЯНВАРЬ 1958 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 7-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ

ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ПАРИЖ

Сумские кадеты, Обще-Кадетское Объединение и Объединение юнкеров Николаевского Кавалерийского Училища извещают, что в первую годовщину смерти их дорогого однокашника и друга **ПОЛКОВНИКА**

Евгения Васильевича КРАВЧЕНКО

у Кадетской Лампады, в Церкви Знамения Божией Матери, после Литургии, 9 февраля 1958 года будет отслужена панихида.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1100 фр. с пересылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № 5 шил. год. подписка — 25 шил., в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16ᵉ). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881 - 89 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

7-й год издания | № 28 ЯНВАРЬ 1958 Г. | Bimestriel. | Prix — 200 fr.

Редакция «ВОЕННОЙ БЫЛИ» поздравляет всех своих сотрудников, представителей, подписчиков и читателей с Праздниками Рождества Христова и Новым Годом.

Гренадеры под Плевной

"Грянет слава трубой,
За Дунаем, за рекой,
По горам твоим Балканским
Раздалась слава о нас".

(Из гренад. солд. песни)

В истекшем году исполнилось 80 лет (28 ноября 1877 г.) со дня падения Плевны, дня, когда Гренадеры приняли на себя главный удар турок.

Страдания балканских славян под игом Ислама и освободительная борьба сербов и черногорцев вызвали в тогдашнем Русском обществе необыкновенное возбуждение и сочувствие к братьям славянам. Как результат такового, 12 апреля 1877 г., Император Александр II объявил войну Турции. Княжество Румыния не только согласилось пропустить через Румынию Русские войска к Дунаю, но и само примкнуло к России.

Русская армия, под водительством Великого Князя Николая Николаевича Старшего, переправилась через Дунай и, продвигаясь правым своим флангом, подошла к укрепленному лагерю при городе Плевна, в котором укрылся талантливый генерал Осман Паша. В то же время на Кавказском театре войны наши войска, под начальством Великого Князя Михаиле Николаевича, подошли к Батуму и Карсу, и взяли их. На этом фронте, покрыла себя славой в боях 1-я Гренадерская дивизия, за что ее полки получили Георгиевские знамена и серебряные трубы с Георгиевскими лентами.

На Балканах к октябрю того же года Гренадерский корпус (2-я и 3-я Гренад. дивизии) был уже сосредоточен под Плевной в Западном Отряде Дунайской армии, предназначенной для обложения армии Османа Паши. Позиция впереди горного Нетрополя, по обе стороны дороги из Видина к Плевне, была занята 3-й Гренадерской дивизией, перед фронтом которой в 3-х верстах протекала река Вид с каменным мостом.

Ввиду наиболее вероятного направления прорыва Османа-Паши из Плевны, именно здесь было особенно обращено внимание на этот участок, где под руководством генерала Тотлебена, героя Крымской войны, были возведены укрепления двух линий обороны.

Наша стотысячная армия, при 300 орудиях, занимала линию обложения вокруг Плевны, длиною до 70 верст в окружности, в то время как турецкая армия Османа Паши в количестве 50.000 человек при 100 орудиях имела фронт вокруг Плевны, около 35 верст.

В распоряжении Командира Гренадерского корпуса ген. Ганецкого находились 2-я и 3-я Гренадерские дивизии с их артиллерией, 17-й Архангелогородский и 18-й Вологодский пехотные полки, 9-я кавалерийская дивизия с 7-й конной батареей, 4-й Донской полк со 2-й Донской батареей и 2 роты 4-го саперного батальона.

В конце ноября стали поступать сведения от перебежчиков о намерении Османа Паши пробиться из Плевны.

Утром 26/11 на позицию отряда ген. Скобелева перебежал турецкий барабанщик болгарин Готов, который показал, что три дня тому назад Османом Пашой был отдан приказ о выступлении его армии в Видин, что розданы аскерам новая обувь, запасы сухарей, исправлено оружие, и что больные и раненые останутся в Плевне.

Это показание отличалось правдивостью. С 26/II артиллерийский огонь неприятеля стал заметно слабеть, а 27/II совершенно замолк и наступило полное затишье.

К вечеру 27/II разразилась неожиданная снежная мятель. В это время, на участке Гренадер, разъездами 2-го эскадрона 9-го Гусарского Киевского полка майора Киреева, около 6 час. вечера, была замечена колонна турок, шедшая к мосту.

С наступлением ночи мятель утихла, небо покрылось свинцовыми облаками и видимость сильно уменьшилась. Около полуночи разъезды майора Киреева подошли к самой реке и услышали шум колес

я наводку нового моста. Об этом было тотчас же доложено Ген. Ганецкому.

Около 3-х часов утра генерал получил от майора Киреева новое донесение: у реки замечено большое скопление турок, а от начальника штаба Плевно-Ловчинского отряда телеграмму, что турки готовятся к наступлению и сосредотачиваются у моста на реке Вид.

В ночь на 28 ноября на позиции 6-го участка дежурными частями были: на правом фланге 5-й Гренадерский Киевский полк, а в центре — 9-й Грен. Сибирский полк. Ближайшими поддержками этих полков были: 6-й Грен. Таврический и 10-й Грен. Малороссийский полки. Ночь приближалась к рассвету и все затянулось густым туманом.

Командующий 3-й Грен. дивизией Ген. Данилов, лично заметив турецкое наступление, приказал пустить сигнальную ракету, артиллерии открыть огонь и приблизиться подвижному резерву: 11-му Грен. Фанагорийскому и 12-му Грен. Астраханскому полкам. Турки открыли по 6-му участку ураганный артиллерийский огонь и пошли в атаку вместе с артиллерией. Наступление их было стремительно. За цепями следовали резервы.

Наша артиллерия не умолкала, наваливая груды тел. Сибирцы с расстояния 200 шагов встретили их залпами, но турок это не задержало.

Первыми жертвами озлобленного врага были две роты Сибирцев, выдвинутые несколько вперед, которые заплатили своей жизнью за защиту своей позиции, отбиваясь огнем и штыками, и все легли в неравном бою вместе с начальником майором Лихачевым. Раненых турки прикалывали.

У земляного укрепления № 3, где 2-я батарея кап. Иванова била на картечь, турки зашли с флангов и оставшейся прислуге батареи удалось увезти только 2 орудия и 6 замков.

В укреплении № 4 3-й батареи подполк. Квантена, отбиваясь на картечь, увезли только 6 орудий: под остальными двумя были выбиты лошади.

В центре позиции, 2-й батальон Сибирцев стал отходить, понеся большую убыль в людях.

Захватив первую линию, турки ринулись на вторую, но в это время (около 9-ти час. утра), подоспел 10-й Грен. Малороссийский полк. Приняв на себя Сибирцев, Малороссийцы пошли в атаку и, неся огромные потери, задержали врага.

На помощь были двинуты Фанагорийцы и Астраханцы. Стройными рядами эти 2 полка, со штыками на перевес, с грозным "ура", кинулись в атаку, с таким одушевлением, что турки дрогнули, отхлынули и стали отходить. Подошедший к правому флангу 7-й Грен. Самогитский полк так же принял участие в атаке. Штыками и огнем все эти полки выбивали из траншей и преследовали без остановки ошеломленных турок, местами обращая их в бегство. Были взяты обратно 8 Гренадерских орудий.

Наша артиллерия, продвигаясь вместе с пехотой, осыпала врага картечью и гранатами, производя страшные среди них опустошения.

Турки бежали к мостам, которые были запружены, бросались прямо в воду. Картина боя была ужасна. Турецкие резервы, бывшие на правом берегу реки, бросились было в самую Плевну, но там их встретили залпы русских войск, уже занявших город.

Армия Османа Паши была окружена со всех сторон, и в 2 час. дня был выкинут турками белый флаг. Стрельба прекратилась.

Приняв парламентеров, к-р 1-й роты 11-го Грен. Фанагорийского полка, шт.-кап. Мочульский, направил их к командиру корпуса. Могучее "ура" гремело на 40 верст кругом.

Радости солдат не было конца. Они целовались и поздравляли друг друга с победой.

Прибывший в это время на поле сражения Великий Князь Главнокомандующий объехал войска и благодарил за победу.

Всего было взято в плен 10 пашей (генералов), 128 штаб-офицеров, 2.000 обер-офицеров, 36.000 аскеров, 12.000 кавалерии и 77 орудий. Потери турок за этот день были около 6.000 человек.

В бывшей ставке Османа Паши, в присутствии Августейшего Главнокомандующего было совершено благодарственное молебствие и сделан салют в сто один выстрел.

А. Волков

От Батума к Трапезунду

(Продолжение)

На утро, 21 февраля, на рассвете, вновь предстояла высадка в селении Менаври, в тылу у турок. Как и накануне, Отряд судов снова простоял до глубокой ночи на рейде селения Атинэ, озаряемый заревом догорающих пожаров. Инженерные склады, магазины и большие многоэтажные дома были подожжены и нашей артиллерией, и турками, при их спешном отступлении. Точно в таком же порядке, как и накануне, в глубоком мраке, подошли наши суда 21-го февраля к с. Менаври. Едва только были опущены сходни, как противник открыл сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Берег застонал от грохота, озаряемый молниями вспышек непрерывной стрельбы. Тральщики и миноносцы ответили беглым огнем из всех своих 12 орудий.

Догорающая ночь, необычайная, для солдат, обстановка на воде, треск ружейной стрельбы и орудийный грохот создали, в первые минуты, какую-то растерянность, близкую к панике. Люди залегли на палубе, некоторые, сидя на корточках, открыли беспорядочную стрельбу в воздух, внося тем еще большую сумятицу в растерявшуюся массу. Но момент

неожиданности прошел. Энергичная команда, чувство дисциплины, а, может быть, и несколько унтер-офицерских тумаков, победили стадное чувство и взводы стали сбегать по сходням, рассыпаясь в цепь, тут же на берегу. Любопытно отметить, что в этот, первый момент растерянности, матросы, комендоры у носовых орудии, в коротких промежутках между выстрелами, помогали офицерам и унтер-офицерам наводить порядок, хватая растерявшихся солдат и давая им по шее, с прибавлением устно всей родословной, выталкивали их на сходни.

Хотя стрельба, с обоих сторон и достигла высшего напряжения (на тральщиках был израсходован почти весь запас снарядов), чувствовалось, что напряжение огня противника слабеет. Лихорадочный, мало действительный, почти не наносящий потерь огонь, давал понять, что он долго не выдержит, и что настал момент перейти в решительную атаку. Да и было пора. Сквозь тьму умирающей ночи все яснее и яснее стали обрисовываться контуры прибрежных гор, местами ярко озаренные заревом горящих домов.

С могучим "ура", сотни ринулись вперед. Треск горящих и рушащихся домов, далеко разбрасывающих снопы искр, удушливый дым, отчаянные вопли женщин и плач детей, мычание обезумевшего и мечущегося между уцелевшими постройками, скота, страшное "ура", с пронзительным свистом, порыв и стремительность — такова была картина атаки, на рассвете 21 февраля 1916 года, увенчавшая лаврами наши знамена. Четыре орудия, масса пленных, во главе с командиром батальона и много оружия, попали в руки пограничникам.

Незамедлительно, продолжая, веером движение вперед и захватывая повсюду пленных, к вечеру того же дня, сотни окопались и заняли удобные для обороны позиции, верстах в десяти примерно от селения Менаври. Ночь прошла спокойно, но, с наступлением рассвета, на всех участках левого фланга, занимаемого 2-м батальоном, была слышна сильная стрельба. То турки, отступая под давлением Приморского Отряда и натыкаясь на наши дессантные части, метались вдоль фронта нашего расположения.

Тем временем, пленный командир турецкого батальона, при опросе его в штабе, показал: о готовящемся нами дессанте в тыл их позиций турецкое командование знало, но не располагало сведениями о месте высадки. Предполагалась дата высадки в ночь с 20 на 21 февраля. Все меры были предприняты и только счастливый случай, что высадка была произведена на сутки раньше, спас дессантный отряд от, могших быть, неприятностей и операция не была сорвана, но, такого, в переводе на Русский язык, нахальства, чтобы высадить второй дессант, непосредственно за первым, мы не ожидали, заявил пленный штаб-офицер. "Здесь, в селении Менаври, у меня, помимо батальона пехоты и прочих мелких частей, находилось еще 4 орудия. Позиции, обращенные фронтом к морю, были подготовлены и укреплены заблаговременно и мы, конечно, могли бы отразить попытку высадиться в районе Менаври, в том масштабе, о котором нам сообщалось. Заметив огонек в море, наши посты не придали ему никакого значения, приняв его за очередной миноносец, крейсирующий у наших берегов. Появление же кораблей, выросших у самого берега, нанесло известный психологический удар, результаты которого вы сами видели".

И, действительно, насколько беспорядочно было отступление, вернее бегство противника, свидетельствовало то, что в селах, расположенных в районе, занятом дессантным Отрядом, было задержано много переодетых турецких солдат, не успевших уничтожить или скрыть свое обмундирование, валявшееся в кустах, возле домов, где они прятались.

К 10 часам утра, высланная вперед разведка противника не обнаружила, а, затем, было получено распоряжение батальонам свернуться и возвратиться в Менаври, где им были даны и отдых, и горячая пища — Приморский Стряд прошел Менаври и спешил в догонку оторвавшемуся противнику.

"Порыв не терпит перерыва" и ближайшей целью генерала Ляхова было овладение городом Ризе, где были сосредоточены большие интендантские склады и магазины противника, снабжавшие весь левый фланг турецкой армии, на приморском направлении. В связи с этим, генерал Ляхов приказал: "Продолжая безостановочное движение в западном направлении, левому флангу Приморского Отряда обойти, по склонам Понтийского Тавра, город Ризе. Прочим частям атаковать противника с фронта. 1-му батальону 5-го Кавказского Пограничного полка, сообразуясь с общей обстановкой, высадиться у маяка, западнее г. Ризе, дабы не дать возможности туркам уничтожить или вывезти, имеющиеся там, запасы, а 2-му батальону того же полка — присоединиться к главным силам Приморского Отряда, для его усиления".

Во исполнение полученной задачи, 1-й батальон пограничников переночевал в Менаври и в полдень 23 февраля, погрузился на свой тральщик, который, под прикрытием двух миноносцев и канонерской лодки "Терец", взял курс на порт Ризе. Далеко, на горизонте, четко обрисовывался силуэт линейного корабля "Императрица Мария".

Казалось, сама природа способствовала генералу Ляхову в ведении морских операций. В это время года, Черное море, в полной мере, оправдывало свое название, бушуя и вздымаясь огромными валами, неделями прерывая всякое сообщение между портами Черноморского побережья. Чудные, по весеннему, солнечные дни. Уснувшее море, точно вылитое из бирюзы, нежно поплескивало о борта тральщика, лениво играя в радостных лучах горячего солнца. На фоне голубого неба, лазоревый берег в рамке зеленых гор, покрытых зарослями рододендрона и азалии, переходящих вдали в синеватую дымку главного хребта Понтийского Тавра, с причудливыми вершинами, уходящими ввысь и окутанными плотной пеленой девственного снега.

К 16 часам открылся город Ризе, среди садов и апельсиновых рощ, расположенный в глубине обширной бухты, окруженный цепью гор и освещенный яр-

кими лучами заходящего солнца. Своими белыми домами, с таинственными громадами мечетей, в массе ажурных минаретов, со стройными, как свечи, кипарисами, окружающими их, он невольно пленял взор. Проходим мимо города, но, в хороший бинокль, ясно видны на зданиях белые флаги. Новость, с быстротой молнии, распространяется по кораблю. Повсюду гул радостных голосов. Но вот и громадный белый маяк. Медленно подходит к нему тральщик. Плавно опускаются сходни — батальон на берегу. На маяке, как и на ближайших домах небольшого селения, развеваются белые флаги. Противник ушел и долго еще после весь Приморский Отряд питался запасами турецкого интендантства, брошенного им и не уничтоженного в громадных складах города Ризе.

Заняв позицию в четырех верстах от берега моря, западнее маяка и войдя в связь с подошедшими частями Приморского Отряда слева, батальон заночевал, выставив сторожевое охранение. Высланные на утро разведывательные отряды имели столкновение с заставами противника в устье реки Калапатамос—Дараси. По их сведениям, турки заняли позиции по левому берегу той же реки, имея заставы охранения на правом ее берегу. К вечеру 25 февраля, согласно приказанию Начальника Отряда, 5-й Кавказский Пограничный полк, оттеснив сторожевое охранение турок, занял позиции по правому берегу реки Калапатамос—Дере, войдя в связь с пластунами справа и 19-м Туркестанским Стрелковым полком, слева.

III

С раннего утра 26 февраля, на участке полка, закипела лихорадочная работа, под руководством прибывших из Батума сапер Михайловского крепостного батальона, по приведению позиций в оборонительное состояние. Трассировались и отрывались окопы полной профили, с блиндажами, траверсами и бойницами. Проводились ходы сообщения. Перед позициями вырубался и выжигался кустарник, мешающий обзору и обстрелу, впереди лежащей, местности. Из-за отсутствия колючей проволоки, которая еще не была привезена, по скатам, обращенным в сторону противника, валился лес, из которого устраивали засеки. Попутно, выбирались артиллерийские позиции, налаживалась служба связи и дело снабжения частей боевыми припасами и продуктами питания. Для прикрытия работ, от каждой сотни было выдвинуто на левый берег по взводу, при офицере, которые и заняли там позиции, окопавшись против своих сотен. Турки, занимавшие командующие высоты по левому берегу реки, очень беспокоили эти заставы своим огнем и, втечении дня, они были буквально отрезаны от своих частей. Телефон часто не работал, так как провода нередко перебивались пулями, а проверка линии была возможна только ночью. Ночью же, при соблюдении полной тишины, производилась смена застав и приходили санитары с носилками. Под покровом тех же ночей, саперы навели, из подручного материала, несколько мостов, чем облегчили смену застав. Мосты эти очень нам пригодились, при дальнейшем наступлении.

Но недолго дал Генерал Ляхов Приморскому Отряду простоять на занимаемых позициях. 5-го марта правый его фланг (пластуны), при поддержке судовой артиллерии "Ростислава", переходит реку, сбивает турок и закрепляет их позиции за собой. Бешеные контр-атаки турок отбиваются лихими пластунами, а 7 марта, на рассвете, весь Приморский Отряд переходит в решительное наступление, преодолевает сопротивление врага по всему фронту и выдвигается на линию города Оф — гора Сос-Даги.

8 марта, в 10 часов утра, 1-й батальон пограничников получил приказание сдать свой боевой участок 3му батальону, только что сформированному и прибывшему из Батума, и отойти в Отрядный резерв, в селение Фатхия. Поход выдался тяжелый. После небольшого перерыва, лившийй накануне дождь полил с новой силой и превратил все дороги и тропинки в сплошное месиво из жидкой глины. Ноги вязли и скользили, местами грязь доходила чуть ли не до колен. Люди падали от усталости. С большим трудом, к вечеру, сильно растянувшийся батальон добрался до селения Фатхия. Здесь он был встречен квартирьерами, разместившими его под кровом турецких домишек. Три дня отдыха дали возможность людям привести себя в порядок, помыться и почиститься, но упорные бои заставили командование, вновь, стянуть все наличные силы, на линию Оф — Сос-Даги. 1-й батальон выступил из селения Фатхия, через Кабак-Кей, в район Сос-Даги. В это же самое время прибыл, наконец, и наш 4-й батальон, со всеми командами и немедленно двинут в район города Оф. Весь полк был в сборе.

К 17 часам 12 марта, 1-й батальон прибыл к месту своего назначения и остался в резерве боевого участка. По всему фронту трещала сильная ружейная стрельба. Отчетливо строчили пулеметы беглым огнем били наши орудия. Впереди расстилалась глубокая и широкая долина реки Балбази-Дараси, затянутая вуалью предвечернего тумана. Противоположную сторону долины замыкал довольно высокий и пологий хребет, резко выделявшийся в пурпуровых лучах заходящего солнца. Слева, в шрапнельных и гранатных разрывах, дымился мрачный Соег-Даги. Бой разгорался. Турки яростно переходят в контратаки. Тягучее, заунывное "Алла" смешивается с нашим "ура". Дело доходит до штыков. Гора Соег-Даги несколько раз переходит из рук в руки. Слышны удары тяжелой артиллерии — то "Ростислав", с моря, громит турок своими десятидюймовыми орудиями, содействуя частям, берущим г. Оф. Ночью, на участке нашего 2-го батальона, с трудом удерживающего занятую им турецкую позицию, введены в дело последние резервы. Полная тревоги и напряжения ночь прошла. В проблесках наступающего дня, Приморский Отряд окончательно закрепил за собой все взятые неприятельские позиции. Соег-Даги — пал. Понеся большие потери, турки начали отходить на

аранее укрепленные позиции по реке Кара-Дере, рикрывавшие город Трапезунд.

По обнаружении отхода противника, весь Приморский Отряд был двинут вперед. В районе Соег-Даги ылало несколько деревень. Горели дома и мечети. десь особенно отличились пластуны и туркестанцы. десь, турки установили пулеметы на минаретах и го заставило наши войска предать мечети огню. Ожесточенность была так велика, что пленных не брали. а правом фланге, принявший боевое крещение, наш -й батальон, ворвавшись в город Оф, захватил в лен турецкую роту, со всем командным составом.

Противник отошел и, при своем отходе, поджег еса, пышно растущие в этой части Анатолийского обережья. Лесные пожары, сильно пересеченная, орой трудно проходимая, местность очень затрудняи продвижение Приморского Отряда и дали возможость туркам оторваться от него.

Трое суток продвигался полк вперед, не видя турок перед собой. Переходы были, правда, небольшие, но очень утомительные. Горы пылали огнем. Сиый туман окутывал ущелья и стелился черно-багроой тучей по их склонам. Нужно было или обходить есные пожары или прорубать просеки, для движения перед. Для ночных биваков приходилось кругом окаываться, чтобы огонь не подошел к спящим. Эта орьба с огненной стихией была настоящим бедствим для наступающих частей. Целый день похода, с небольшими привалами, кручи, копоть и дым, разъдающие глаза и стесняющие дыхание, ночные наяды для борьбы с огнем, все это страшно изматыало и утомляло людей. Колонны сильно растягивались, люди с трудом брели, черные от копоти, с воспаленными глазами и потрескавшимися губами. Но сему бывает конец. Полоса пожаров была пройдена 16 марта, в прохладе наступающего вечера, сотни едленно спускались в глубокую, окаймленную горами, котловину.

Внизу, в зелени и лепестках цветущих фруктовых еревьев, широко и привольно раскинулось большое ело "Зида". Четыре селения поменьше — ютились о склонам гор. Пять больших каменных церквей гоорили, что население здесь православное — очевидо греки, живущие здесь с незапамятных времен и, ак видно, в достатке. Сотни подтянулись. С песнями, отбивая шаг, забыв усталость, они вошли в селение Зида, встреченные колокольным звоном всех церквей. Радость жителей была неподдельна, раздраженные своими неудачами турки вымещали свою злобу на христианском населении. Если здесь не было поголовной резни, как в Армении, то все же, на путях к Трапезунду нам неоднократно приходилось видеть изуродованные трупы мужчин, женщин и, даже, девушек-подростков.

Жители высыпали на улицы, восторженно приветствуя вступавшие войска. Женщины, с кувшинами и чашками в руках, поили наших солдат молоком и водой. Молодежь забрасывала проходивших цветами, мужчины стояли без шапок. Выставив сторожевое охранение и выслав разведку, в сторону противника, полк расположился биваком.

Весело запылали костры у походных палаток. Их мигающее пламя озаряло ближайшие постройки, кусты и деревья. С реки потянуло прохладой и сыростью. Слышался гул голосов, где-то в стороне пофыркивали кони вьючного обоза. К нежному аромату цветущих персиков и миндаля, резко примешался запах махорки и тот особый, присущий только Русскому солдату, где бы и в какой обстановке он не находился. К 8 часам вечера, все свободные чины полка, во главе с командиром, полковником Гамалеем, собрались в местном соборе, где греческим духовенством был отслужен торжественный молебен. Храм был переполнен молящимися, а площадь перед ним запружена народом.

Стемнело окончательно. Груды звезд высыпали в ясном, весеннем небе, точно блестки бисерного узора, разбросанные по плащу темного бархата, накинутому над засыпающей, грешной землей. Далеко в горах слышен протяжный вой шакалов, точно плач — то тоскливо жалобный, то хохочущий. Ночь прошла спокойно, а главное весело. В селениях, помимо брошенного турками мучного склада, к которому были приставлены наши часовые, оказались немалые запасы коньяку и ликеров. Наше появление дало повод "православным" сразу же удвоить цены на бутылки коньяку, братьев Метакса.

Георгий Аустрин

(Продолжение следует)

С Назаровым под Вознесенском

(1919 г.)

Вместо предисловия

Имя и необыкновенное боевое прошлое полковника Феодора Дмитриевича *Назарова* заслуживают внимания любого военного историка, интересующегося Гражданской войной. Назаров появился в боях под Таганрогом в самые первые дни Гражданской войны, во главе собственного партизанского отряда, и кончил войну с большевиками во Внешней Монголии, сложив свою жизнь на поле брани только тогда, когда все мы уже устраивали за-границей нашу спокойную жизнь. Все было кончено — Крым, борьба генерала Семенова.... Назаров продолжал войну один на Дальнем Востоке. Красная армия должна была приложить много усилий прежде, чем затихли последние выстрелы его отряда...

Деятельность Назарова прошла вне запаха тыловых учреждений. Назаров, как офицер, сторонился

его и предпочитал ему другие, более грубые, запахи фронта.

Имя Назарова стало широко известным на Дону в 1918 — 1919 годах по сводкам и приказам по Войску Донскому, где неоднократно отмечалась блестящая боевая деятельность сначала есаула, потом полковника Назарова во главе 42-го Донского Казачьего полка в операциях под Царицыным и позже, на Украине.

Полк Назарова в эпоху расцвета его славы под Вознесенском, насколько мне не изменяет память, состоял из: 2-х конных сотен, представлявших собой Партизанский конный дивизион; 2-х конных регулярных сотен; 9 пеших, передвигавшихся исключительно на подводах; подрывной команды и команды связи; очень сильной пулеметной команды и двух 3-дюймовых пушек, отбитых у большевиков.

Этот 42-й или, как его называли более просто "Назаровский" полк, набранный из казаков низовых станиц, главным образом из станицы Ново-Николаевской Таганрогского округа, составлял со 2-м Лабинским Кубанским полком Отдельную Казачью бригаду, приданную к Добровольческой Армии на Украине. Бригадой командовал генерал-майор Скляров.

Вспоминая, виденное и пережитое в рядах Назаровского полка, где я провел лето 1919 года добровольцем в 1-м взводе 1-й партизанской конной сотни, я хочу внести посильную лепту участия в сохранение истории этого доблестного полка и отдать долг уважения имени моего боевого командира.

Да будет легка ему азиатская земля, приявшая его честную и смелую жизнь! Глубокий поклон ему от его бывшего партизана.

Я увидел Назарова в первый раз в нашей станице Ново-Николаевской, — летом 1918 г.: небольшого роста, подтянутый офицер, со смуглым лицом и коротко подстриженными черными усиками, шел, тихо разговаривая, как будто с самим собою, по улице станицы. За его спиной совершенно свободно следовал заседланный караковый конь. Он очень внимательно прислушивался к словам шедшего впереди его офицера. Стоявший рядом со мной пожилой казак шепнул мне:

— Это наш Назаров. Погляди-ка, как он разговаривает с конем... Больших кровей лошадь.... Н-да... — и прищелкнул в восхищении языком.

Пройдя вперед, Назаров остановился и сказал что-то лошади. Та сама подошла к нему и Назаров спокойно сел на нее. А потом, повернув коня, он послал его на ближайший плетень сада. Лошадь легко перемахнула через него и сейчас же, почти с места, взяла его обратно. Мы переглянулись с казаком в изумлении.

Мое близкое знакомство с Назаровым оказалось, к сожалению, весьма неудачным.

Кончив Донской кадетский корпус в 1919 году, я опять приехал в мою станицу. Невдалеке от нашего дома, на церковной площади, происходило каждый день обучение молодых казаков, предназначенных для пополнения 42-го Донского полка.

Однажды с группой сверстников-друзей я издали наблюдал за учением, когда заметил подъезжающего к нам верхом Назарова.

Приблизившись к нам, он спросил:

— Господа, не может ли кто-нибудь из вас посмотреть за моей лошадью? Мне надо проверить моих казаков. Если же кто-нибудь из вас умеет сидеть на лошади, то он сможет проездить моего "Зораба". Хотите, кадет? — обратился Назаров ко мне.

Я вспыхнул от гордости и ответил:

— Так точно, господин есаул!

— Тогда садитесь и поезжайте. "Зораб" выезжен очень хорошо, но, помните, что это — чистокровный англо-араб. Поэтому в мыле не приводите его обратно.

Я сел на лошадь и поехал по улице, ведшей к нашему дому.

"Зораб" шел легко, танцуя и прося повода. Проезжая мимо нашего сада, я заметил в нем мать и приветственно помахал ей рукой. Но тут произошло что-то ужасное: из-подворотни ближайшего дома наперерез "Зорабу" вынеслось три огромных волкодава, они в ярости бросились под ноги коню, стараясь укусить его. "Зораб" от испуга прыгнул в сторону, взвился на дыбы и потом, заложив уши назад, помчался полным карьером по улице... Фуражка моя слетела. Я вцепился в коня и не старался удержать его.

Только на самой окраине станицы мне удалось перевести "Зораба" на шаг. Перепуганный конь дрожал всем телом. К моему глубокому стыду, он был совершенно мокрый и покрытый хлопьями мыла.

Когда я привел его на площадь, Назаров очень строго посмотрел на меня, но не сказал ничего обидного. Я был очень смущен.

Некоторое время спустя станица опустела: молодые казаки ушли на фронт. Как-то не сговариваясь, несколько моих друзей и я сам решили ехать тоже к Назарову в полк.

Самое трудное было уговорить мать добровольно отпустить меня на фронт. Бежать из дому, как это я уже делал в начале Гражданской войны, я больше не хотел. Мать, узнав о моем решении, умоляла меня не бросать ее: отца уже не было, старший брат дрался на Кубани, в рядах Дроздовского конного полка. Но я был непоколебим и угрожал, в случае отказа, уехать на фронт без благословения. Мы проговорили с матерью всю ночь. Когда стало уже светать, мать в изнеможении тяжело вздохнула и сказала мне:

— Ну, что ж, тогда поезжай с Богом. Пойдем, помолимся вместе....

Мы стали с нею на колени перед нашими почерневшими старинными образами, а затем мать, заливаясь слезами, простила и благословила меня в ратный путь.

Мы сначала приехали в Кривой Рог, только-что очищенный от большевиков восстанием офицеров. Запуганный хозяин пустой гостиницы, где нам были отведены комнаты, долго и растерянно извинялся за беспорядок: в залах валялись переломанная мебель, груды разбитого стекла, на полу виднелись какие-то подозрительные темные пятна, обои были испещрены следами пуль.

Потом мы проехали Никополь и, наконец, в имении "Красное озеро", в Екатеринославской губернии, догнали 42-й полк. Назаров принял нас и приказал зачислить всех в 1-й взвод 1-й Партизанской конной сотни. Ею командовал выслужившийся из простых казаков в германскую войну хорунжий Воропаев, высокий, сухощавый и молчаливый, с темным от степного загара лицом. Вахмистром же нашим оказался новочеркасский реалист Иван Ашуркин, доблестный партизан Чернецовского отряда и Степного похода.

Командиром Партизанского конного дивизиона был сын директора Новочеркасской гимназии есаул Фролов. Небольшого роста, со светлыми волосами, в пенснэ, всегда веселый, он был общим любимцем партизан. Точно также любили все и Назарова.

42-й полк стоял на отдыхе, приводя себя в порядок после недавних боев на Днепре, в особенности у Кичкаского моста. Большевики, кажется, отходили на запад, в сторону Херсонской губернии.

Через несколько дней полк выступил в поход. Деятельность наших конных сотен проходила в разведке и в охранении полка, продвигавшегося вперед довольно осторожно. Разъезды, наконец, выяснили, что противник несомненно отходит прямо на запад и такими же этапами, как и 42-й полк. Из-за этого расстояние, отделявшее нас от большевиков, оказывалось почти все время неизменным, приблизительно 30—50 верст. Войти в соприкосновение с красными нашим разъездам никак не удавалось.

В одну из дневок, наш взвод, под начальством казака-урядника, был послан за фуражем в соседнюю слободу. Придя туда, мы расположились с лошадьми во дворе богатого мужика, которому было поручено собрать и подготовить к отправке заказанный фураж. Я остался с лошадьми и моими друзьями на воздухе, а партизаны разошлись по соседним дворам, в поисках еды.

Некоторое время спустя, из хаты хозяина понеслись громкие бабьи крики, плач, возмущенные голоса. Мы увидели нашего взводного урядника и нескольких партизан, тянувших из дома ворох какого-то добра. Они отбивались от насевших на них баб, которые умоляли казаков отдать им вещи. За ними выскочил и сам хозяин, окруженный мужиками, возмущенный и тоже увещевавший казаков. В это время мальчишка — сын хозяина, пользуясь суматохой, бросился в конюшню и сейчас же вылетел из нее галопом на неоседланной крестьянской лошади. Пронесшись через двор, он карьером помчался в штаб полка.

Не прошло и четверти часа, как мы услышали вдали приближающийся звон бубенчиков. Затем во двор, в облаке пыли, внеслась тачанка. С нее сошел Назаров и его адъютант. Они прямо направились к дому хозяина. На пороге Назаров сказал уряднику:

— Немедленно собрать взвод!

Когда взвод выстроился, Назаров подошел к строю и размеренно объявил:

— Здесь произошел грабеж. Я сажусь один в глубине комнаты, что налево от входа, спиной к двери, и кладу перед собой часы. Даю ровно десять минут, чтобы все награбленное было возвращено и сложено у порога комнаты. Если после десяти минут хозяин мне заявит, что чего-то не хватает, будет обыск. Виновного лично пристрелю тут же на месте. — Назаров вынул из кобуры наган, проверил барабан и вошел в избу.

Поднялась суматоха: из сум и подушек быстро появились запрятанные в них вещи. Торопясь, почти бегом, провинившиеся сносили их в хату и, бросив на пороге комнаты, сконфуженно возвращались ко взводу. Все это было закончено в несколько минут.

Через четверть часа Назаров вышел из дома, закладывая наган в кобуру. Мужики и бабы, утирая слезы, громко благодарили его и кланялись до земли. Зрелище было не из приятных.

Назаров бросил взводу:

— Все в порядке. Чтобы подобного больше не повторялось!

Сев в тачанку, он приказал вознице трогать и понесся обратно в полк.

На следующий день Партизанский дивизион выступил дальше. Стояло очень жаркое и сухое лето. Каждый день разведка сообщала один и тот же результат: — Противник отходит на запад и находится приблизительно в 40—50 верстах. — Каждое утро в безлюдной ровной степи расходились дозоры, вытягивались по проселочной дороге головные конные части 42-го полка. Хлеб кое-где был уже скошен. В других местах расстилались еще несжатые кукурузные поля, дозревающие бахчи.

Мы прошли какое-то богатое пустое имение, где нашли штаб нашей бригады. Потом опять открылись со всех сторон необозримые пространства Херсонской степи...

На одной из остановок поздно вечером меня вызвали по списку:

— Ты назначаешься в глубокую разведку, — сообщил мне вахмистр Ашуркин.

В полной темноте, назначенная в разведку группа партизан собралась на окраине деревни. При свете потайного фонаря начальник разъезда прочитал поставленную нам задачу. Она сводилась к тому, чтобы во что бы то ни стало догнать отступающего противника, войти в боевое соприкосновение с ним и этим выяснить его силы.

Мы тронулись в путь. Разговаривать и курить было строжайше запрещено. До рассвета разъезд шел очень осторожно, с сильно подтянутыми дозорами, но, как только начало светать, дозоры продвинулись да-

леко вперед и в стороны, а колонна пошла переменным аллюром.

Около полудня, слева от дороги показались постройки кирпичного завода отца Троцкого.

Часам к двум, под палящим безветренным небом, отряд добрался до деревушки немецких колонистов, вытянувшейся вдоль большого шляха, который уходил прямо на юг. Немцы спокойно приняли нас, сами занялись нашими лошадьми и потом кормили партизан сытным завтраком. Они сказали, что накануне здесь прошел небольшой отряд большевиков. Награбив у них всякого добра, красные сейчас же ушли дальше на запад. Большевики могли быть в данный момент в соседней большой слободе. До нее оставалось еще немного более пяти верст. Начальник разъезда прикинул время и, несмотря на утомленность лошадей и людей, решил итти дальше. Когда мы выезжали из деревни, на юге, далеко над горизонтом, наметился большой высокий столб пыли. Немец-колонист беспокойно поглядел на него и сказал:

— Кто-то идет сюда... Много людей, а кто они? Ваших тут нет. Уходите, пока вас не заметили.... — и объяснил дорогу к слободе.

За деревней расстилалось довольно большое болото. Через него была положена длинная шаткая гать. Пройдя ее, мы свернули с дороги и пошли рысью по открытому полю.

Солнце спускалось низко над горизонтом, когда разъезд остановился. Перед нами лежала широкая лощина, за нею, верстах в полутора от нас, — большая слобода, утопавшая в зелени садов.

Начальник разъезда, рассмотрев подступы к ней, вызвал трех охотников и приказал им въехать в слободу с разных направлений. Выяснив от жителей, где находятся в данный момент большевики, партизаны должны были немедленно присоединиться к отряду.

Два партизана начали разъезжаться, спускаясь по склону лощины. Третий немного задержался и, когда он собрался ехать, разглядывавший в бинокль местность юнкер обратил наше внимание на какого-то конного в защитной форме, стоявшего в полуверсте от нас в открытом поле. Он не замечал нас и продолжал разговаривать с какой-то бабой. Мы указали конного нашему третьему охотнику и тот, сбросив винтовку, сразу пошел к конному. Тот долго не замечал нашего партизана и только тогда, когда последний выстрелил на скаку в него, и перешел в карьер, красноармеец поднял свою лошадь и помчался к слободе. Оба всадника исчезли в зелени ее садов.

Наступила полная тишина. Мы ждали дальнейшего, всматриваясь в окраины деревни.

Вдруг в нескольких местах послышались беспорядочные выстрелы, перешедшие вскоре в настоящую перестрелку. Она вспыхивала с промежутками несколько раз. Где-то в глубине деревни заработал пулемет. Стрельба отдалялась, потом стихла совсем. Наступило томительное долгое молчание. Наши партизаны не появлялись обратно. Все становилось возможным: может быть, все они трое были перебиты в деревне.

Несколько партизан вызвались ехать в слободу узнать, в чем дело, но в это время на окраине ее один за другим показались наши разведчики.

Они рассказали, что в слободе они нарвались на группу большевиков, грузивших какое-то имущество на подводы. Красные открыли огонь, и бросились уходить в сторону полустанка Трикраты. От местных жителей партизаны узнали, что большевики отходят на город Вознесенск, где много красных. До Вознесенска оставалось верст десять. Встреченный в слободе отряд большевиков насчитывал человек пятьдесят. Конный же, обнаруженный в поле, успел уйти от нашего партизана благодаря большой резвости его лошади.

Задача была выполнена. Сейчас же наш отряд повернул обратно и пошел бодрым ходом на соединение с полком. Уже в темноте мы прошли болото и прибыли в немецкую деревушку, так гостеприимно встретившую нас днем. Жители сообщили нам, что не больше часа тому назад здесь прошла на север большая колонна красных. Это от нее поднимался в степи высокий столб пыли, замеченный нами раньше. Таким образом, наш отряд необыкновенно удачно прошел туда и обратно: только что проследовавшая колонна большевиков и не подозревала о нашем присутствии в ее тылу. Мы шли всю ночь переменным аллюром, с очень короткими остановками, и только на следующий день, мертвые от усталости, от покрытых почти ста верст пути, присоединились к полку.

Пока мы отдыхали, по всем сотням шла быстрая и спокойная подготовка к предстоящим операциям. Немного погодя, полк выступил.

Проходя одну из деревень, населенную исключительно евреями, мы очень развеселились: вдоль дороги, в каждом дворе, стояли смирно, отдавая честь, все обитатели — старики, бабы и дети. Рядом с ними были приготовлены ведра с водой. Поднесший воду моему коню старик оказался в большом затруднении: у него не хватало сил держать ведро одной рукой и отдавать честь другой, не отрывая ее от ермолки...

Этот забавный парад был подготовлен, конечно, вахмистром Ашуркиным, проехавшим здесь до нас с группой квартирьеров.

Еще дальше я сам вызвался ехать квартирьером с тем же Ашуркиным и несколькими партизанами.

В степи мы заметили около самой дороги небольшую кучку людей: у развалин какой-то постройки стояло человек шесть казаков и заседланных лошадей. Один из них, держа лошадей, флегматично крутил папироску. Другие казаки держались полукругом и молчали. За ними, у стены, лицом к нам, стояло четыре каких-то человека, одетых не по-крестьянски, и перед ними два пожилых казака. Я прислушался. Один из старых казаков, пощипывая свою бородку, спрашивал:

— Так, значит, ты говоришь, что ты — не жид?

От стены донеслось:

— Побей меня, Бог... Никогда не был жид. Зачем мне? Я такой же, как и все...

— А хрест-то на тебе есть? Показывай!

— Я оставил его дома. Зачем он мне в степи?

— Хм... Так ты русский.. А ну-ка скажи: кукуруза... — и казак приложил руку к уху, наклонив его к допрашиваемому.

— Ну, что... кукугуза...

— Как? Повтори еще раз.

— Ку-ку-гуза... ну-да, ку-ку-гуза...

Казак молча взял его за пуговицу и отодвинул в сторону.

— А вам чего тут, господин кадет? — вдруг обратился ко мне недружелюбно ведший допрос казак: — Не ваше, значит, это дело. Наш разъезд нашел их в степу и нас только это касается... Поезжайте дальше... Мы сами разберемся!..

Мы переглянулись и отъехали. Минуть десять спустя позади глухо хлопнули два винтовочных выстрела.

К полку в эти дни продолжали присоединяться одиночками и группами добровольцы. Среди них было немало немцев-колонистов, сильно пострадавших от большевиков и ненавидевших соседей-евреев, которые в какой-то мере помогали красным. В деревушке поступил в наш дивизион рыжий рослый немец, недавно угощавший нас у себя обедом. Хотя он очень плохо говорил по-русски, ему поручили синий партизанский значек и он с гордостью на своей собственной лошади стал в голове колонны. Так мы пришли в слободу, где наш разъезд столкнулся с большевиками.

Иван Сагацкий

(Продолжение следует)

Из Польши на Украину

С III-й РУССКОЙ АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ

(Окончание)

1-го ноября.

В 9 часов утра выступили в с. Козьково. Переход 16 верст. В д. Рутор сделали легкий привал. Конным и кучерам выдали винтовки. Вечером на квартире у Есаула П. были устроены "досвитки".

2-го ноября.

В 9 ч. выступили в д. Чернятина Большая. Переход 25 верст. Деревня оказалась занятой поляками. Устроились неважно и в хате довольно-таки бодрящая температура.

3-го ноября.

В 9 ч. выступили в м. Красилов. Переход 20 верст. В местечке можно кое-что купить. Квартира попалась чистая, но холодная и голодная.

Хорунжий П. вернулся. В штабе Армии ему сказали, что к нам в отряд идет дивизион из Ровно.

Вечером был у Есаула П. У него хорошая квартира у поляков, хорошенькая барышня. Угостили яблоками, чаем с сахаром, маслом, молоком, повидлом.

4-го ноября.

Сегодня в 8 ч. выехал с квартирьерами в д. Мартыновку, а батарея осталась в м. Красилов. Переход верст 25. Деревня оказалась свободной. Стоят только 7 человек с офицером Терского полка (бригады Есаула Яковлева). Вечером приехал артельщик и фуражир. Завтра должна прибыть батарея.

5-го ноября.

Утром развел квартиры. Постройки прекрасные. Познакомился с учительницами — их две. Взял почитать книгу. Вечером получил приказание вернуться обратно в Красилов. Через десять минут привезли другое — оставаться.

6-го ноября.

Часов в 5 вечера получил приказание ехать в д. д. Везденьки и там ночевать. Туда же приехали Подъесаул М. и Хорунжий Н.. Передали новости: Донской полк и батарея будут называться имени Атамана Краснова (в отношении батареи это не подтвердилось и она была названа позже — Атамана Каледина), а Донской полк и батарея бригады Есаула Сальникова — имени Ген. Мамонтова. Идут нелады с Яковлевым. Донцы освободили арестованного офицера и увели 40 человек терцев.

7-го ноября.

С утра развели квартиры. Деревня ничего. Сегодня воскресенье и везде варят вареники. Конфликт с Яковлевым усилился. Передают, что Донской полк собирается перейти к нам.

8-го ноября.

Утром пошел к Подъесаулу М. Поел вареников. Поляки 10-го заключают мир. К ним отходит Волынская губ. Мы стоим сейчас как раз на границе. Полк Духопельникова вошел в состав бригады Ес. Сальникова. Батарея его пока отдельная. К нам идет, по слухам, полк Есаула Фролова (800-900 коней и много пулеметов). В 11 ч. ночи получил приказание, что завтра переходим в д. Мартыновка. Я еду квартирьером.

9-го ноября.

Утром зашел к командиру. Он показал мне приказ Есаула Яковлева по дивизии от 7-го ноября, где он говорит о недоразумениях с нашими частями и

приказывает всякую появившуюся в районе дивизии часть обезоруживать и направлять в штаб дивизии. Поехал прямой дорогой, не через Черный Остров, а восточнее и приехал, как и следовало ожидать, без всяких недоразумений.

10-го ноября.

Ночью получил приказание о том, что завтра в 8 ч. построиться и идти в д. Грузевицу, где нас будет смотреть французский генерал.

11-го ноября.

Ходили в Грузевицу. Повторилась обычная история — ждали, ждали, недождались и разошлись. Только что мы ушли, как говорят французский генерал приехал.

При нашей дивизии формируется дивизион: одна сотня кубанская и одна из крымских татар.

Днем, случайным выстрелом, казак нашей батареи Емельянов ранил из револьвера девочку. Так как это внучка моей старой хозяйки, то бабка ходит и стонет.

12-го ноября.

Д. Мартыновка. Утром зашел Украинский комендант и сообщил, что этой ночью в м. Черный Остров вырезали два еврейских семейства. Утром же отрывали тело польского Каменец-Подольского губернатора, зарубленного конницей Буденного в д. Мартыновке.

После обеда приехал командир из Проскурова. Город грязный. Цены, по сравнению с Польшей, огромные. Туда перешел Донской полк на охрану города.

Дивизия Ген. Бабошко и бригада Есаула Сальникова пододвинуты ближе к фронту, т. к. там был прорыв у Деражни, который украинцы ликвидировали.

Разговаривал он с Есаулом Печерским (Терец) перешедшим к нам от Яковлева. Тот передал, что Яковлев —штабс-капитан артиллерии, не казак. Меня это заинтересовало. До сих пор я не обращал внимания — мало ли в России Яковлевых — но теперь начинаю думать, не тот ли это Яковлев, которого я знал.

(Позже, когда я встретил его однажды в Польше, оказалось, что это действительно мой сверстник по Михайловскому Арт. Училищу I-го ускоренного выпуска, б. кадет Воронежского кад. корпуса. Нормально мои сверстники окончили Великую войну штабс-капитанами. Как и когда он стал есаулом — мне неизвестно. В училище — то были первые месяцы войны, о казаках говорили много, но он симпатий к ним не питал, утверждая, что они никуда не годятся. Какие у него были для этого данные, не знаю, но апломб уже в то время у него был большой.

Со своей бригадой он участвовал в конце августа в операции против Кон. Армии Буденного, попавшей в мешок в районе Замостья и жестоко потрепанной в этой операции. По советским источникам (Л. Клюев. Первая конная красная армия на Польском фронте в 1920 г. Гос. воен. изд. Москва 1932) 27-го августа 1920 г. 4-я кав. дивизия Буденного в районе м. Тышковцы вступила в ожесточенный бой с каз. бригадой Ес. Яковлева в 750 шашек и к вечеру этого дня конной атакой разбила ее, захватив 120 пленных, 3 орудия и 200 лошадей. 28-го августа были захвачены пленные 1-го Терского и 2-го Донского полков. 29-го августа у Шевня II-я кав. дивизия разбила остатки каз. бригады.

К этим сообщениям следует относиться, впрочем, с большой сдержанностью, т. к. 31-го августа, при отходе на Грубешов, 4-я кав. дивизия опять разбила "упорно сопротивлявшиеся два батальона 30-го полка, батальон 142-го полка и два эскадрона казачьей дивизии, взяв до 700 пленных и изрубив до 400 и освободив дорогу для выхода Конармии на Грубешов".

Коннице Буденного (4-я, 6-я, 11-я и 14-я кав. дивизии и отдельная бригада особого назначения) хотя и удалось выбраться из мешка, но, неотступно преследуемая поляками, она теряла материальную часть и обоз и понесла тяжелые потери. В бою у д. Рачице 3-я бригада 14-й кав. дивизии почти полностью погибла, потеряв весь свой командный и комиссарский состав. Совершенно измотанная конница Буденного 24-го сентября получила приказ оторваться от противника и отойти в район г. Бердичева.

Обещают вскоре выдать жалованье.

Население Проскурова, особенно интеллигенция, настроено резко против Петлюры.

В украинской газете пишут, что Ген. Врангель отступает под натиском на новые позиции.

13-го ноября.

Командир, зав. хозяйством и подъесаул М. поехал в село Бубновку. Я остался заместителем. Вечером вызвали командиров частей на важное совещание. Ездил в штаб. Новости таковы: красные прорвали Украинский фронт в центре и главные силы их действуют от Копайгорода на Елгушково. Там же работает конная бригада тов. Котовского в составе 500 коней.

Для ликвидации прорыва направлены: 3-я, 4-я и 5-я Украинские дивизии.

На левом фланге Запорожская дивизия, при поддержке конной бригады Есаула Яковлева, перешла в наступление.

Бригада Есаула Сальникова, усиленная двумя сотнями уральцев, сосредотачивается в районе дивизии Ген. Бабошко.

Наша Сводно-казачья дивизия переходит завтра в район г. Проскурова. Батарея, штаб и терский дивизион в с. Ружична (3 версты к югу от Проскурова).

Полк Есаула Фролова действует пока самостоятельно с украинцами.

Ген. Махров возвратился из Парижа. В Варшаву приехал председатель Донского Круга Харламов и еще какой-то донской генерал, фамилию которого Ес. Л. не мог назвать (Сычев?).

14-го ноября.

В 9 ч. утра выступили и перешли в д. Ружична. Село хотя и большое, но бедное. Командир еще не

вернулся. Нет продуктов, фуража и нечем кормить. Вечером вызвали в штаб. Разрешено нам реквизировать лошадей. Опять утешили, что пушки идут, а в Штаба Армии есть амуниция.

15-го ноября.

Приехал командир. Завтра и послезавтра идем в Черный Остров для организации дивизионного транспорта и доформирования.

16-го ноября.

С утра выступили в Черный Остров. Ночью прошли отступающие украинские обозы. Оказывается на фронте дела дрянь. Наша дивизия получает к вечеру диспозицию. Украинцы определенно метутся.

В Черном Острове расположились хорошо. Мой взвод в Марьяновке, первый — на Большой Горе, а обоз, разведчики и штабные повозки в самом местечке.

Вечером собрались у командира и разговаривали о положении. Если дела не поправятся — придется интернироваться. Сведения с фронта таковы: Ген. Бабошко отбил два бронепоезда — "Углекоп" и "Лейтенант Шмитт". Красные прорвались на Ярмолинцы. Сальников и польский партизанский полк остались в тылу у красных. Все это слухи.

Завтра переходим в д. Дзелинцы. Штаб Армии в Черный Остров.

17-го ноября.

Утром пошел в собрание. На завтрак оказалась только жареная картошка, но потом хозяйка принесла сметаны, сыру и молока — правда немного. В 10 часов выступили в д. Баглаи (переход 16 верст), оставив в местечке Есаула П. с командой казаков.

На фронте дела как-будто поправились.

18-го ноября.

Днем получили приказ перейти в с. Гайданская. Наши части отходят с целью занять более узкий фронт. Есаул П. прислал утром сахару, табаку, бумаги и, найденный у жителей, пулемет.

Ввиду того, что Гайданская занята, остановились в д. Рабиевка. Тут же обозы нашей дивизии.

Вечером была слышна орудийная стрельба.

19-го ноября.

Днем, под влиянием тревожных слухов о положении на фронте, поднялась паника. Обозы смелись в м. Купели. Мы пошли вслед за ними. По дороге пошли сведения более успокоительные. В местечке поляки. Нас не трогают. Остановились ночевать.

20-го ноября.

20-го ноября.

М. Купели. Утром пошли к командиру. У него сидели польские офицеры. Выясняется наша судьба.

В 12 ч. сдали винтовки, патроны, пулемет, повозки и лошадей. Все это описали, но не отобрали, а под конвоем польских солдат все поехало с батареей.

После обеда перешли в д. Левковцы. В штаб дивизии послали донесение, при чем поляки дали пропуск.

Бой идет. Пока польскую границу перешли обозы, батарея дивизии Ген. Бабошко и не знаю какие части бригады Ес. Сальникова. Ясно слышны орудийные выстрелы. Изредка видны вдали высокие разрывы шрапнели.

21-го ноября.

Дер. Левковцы. В 12 ч. ясно слышна орудийная, ружейная и пулеметная стрельба. Послали Хорунжего С. выяснить обстановку. Оказывается большевики уже дошли до самой границы. Штаб дивизии и конные сотни стоят в д. Холодец. Где перешла границу пехота — неизвестно. Вечером получили приказ выступить в д. Авратин. Поляки не пустили — нет приказа. Послали за приказом и, получив его часов в 11 вечера, двинулись. Пройдя Авратин пошли дальше на Новую Греблю. Перед входом белый флаг. Оказывается, что это уже в районе красных. Спешно пошли дальше и к 6 час. утра пришли в д. Пальчинцы.

23-го ноября.

В 7 ч. выступили догонять дивизию. Прошли благополучно. В д. Камиенцы поляки произвели перетруску. Вещей, кроме казенных, не брали. Лошадей также оставили. В 8 ч. вечера остановились ночевать в д. Терпиловка. Вечером были слышны орудийные выстрелы.

25-го ноября.

В д. Клевановка, куда перешли накануне, до нас дошли слухи, что Ген. Врангель разбит и с 20-ю тысячами погрузился и уехал по одним сведениям в Сочи, а по другим в Константинополь.

30-го ноября.

Продукты стали давать лучше. Сегодня получили буханку хлеба на 4 человека, банку консервов на двух, селедку и по 40 штук сигареток. Сегодня читали сводку о Ген. Врангеле. Оказывается он под натиском в десятеро больших сил противника и сильного десанта в Керчи, должен был эвакуироваться на 100 судах в Константинополь. Всего уехало 120 тысяч, из них 75 тысяч бойцов.

10-го декабря.

Перешли в район Тарнополя и получили приказ, чтобы комиссиям сдать лошадей, седла, повозки и упряжь. Оставить только походные кухни с лошадьми. На следующий день все сдали.

Простояв в районе Тарнополя до конца года, мы получили, наконец, 31-го декабря приказ выступить и грузиться на станции Кулачки (14 верст от Тарнополя). Выступили только 3-го января, в 3 ч. с наступлением темноты прошли Тарнополь, выбрались, наконец, на дорогу — но убийственную дорогу, грязь по колено, и в 9 ч. промокшие под дождем и все в

грязи пришли на станцию и через полтора часа погрузились в холодные вагоны.

1-го января утром поехали в Остров-Домжинский, куда прибыли 9-го, а 10-го января пришли в артиллерийские казармы (б. русские), где Сводно-Казачья дивизия и была интернирована. Прочие части 3-й Русской Армии были интернированы по другим городам. 12-го февраля перешли рядом в Кмаровские казармы, где помещения были еще лучше. Туда же через несколько дней прибыла 1-я стр. дивизия, а затем Донской полк Полк. Духопельникова и Донской полк Есаула Фролова. Туда же были присланы 70 казаков — Донцов, Кубанцев и Терцев, перешедших от красных в районе г. Лепеля, где они стояли на пограничной службе. 20-го августа 1-я стр. дивизия ушла в м. Тухоль (на Поморье). Туда же 1-го ноября была направлена и Св. Каз. дивизия. Это был б. немецкий лагерь для военно-пленных с плохими бараками, и здесь началась ликвидация армии постепенным разъездом на работы.

Е. Ковалев.

День на крейсере

Отстоявший "собаку", то - есть вахту от 12 часов ночи до 4 часов утра, мичман М., буркнув:

— Все в порядке. На вахту — свистали. Книга приказаний в рубке, — поспешно спускается по трапу вниз, предвкушая долгожданный сон, тот, что на крейсере называется "крепкий, казачий".

Сменивший его мичман А., стоит некоторое время в обалдении после резкой перемены между прерванными сновидениями и действительностью на палубе крейсера. Пятиминутное одевание, чтобы выскочить наверх, точно в момент 8-го удара "склянок", не позднее, было недостаточным перерывом, чтобы очнуться от снов, опоздание же на вахту — единственное преступление в мичманском кодексе, которое непростительно, все остальные грехи имеют свои компромиссы.

Вокруг темно. На шкафуте, при слабом освещении пары электрических лампочек, выстраивается "заступающее", как говорят матросы, отделение на вахту. Новый вахтенный унтер-офицер распределяет людей по постам, выкрикивая их номера, заменяющие на корабле для краткости фамилии, а затем, когда последний "дневальный фитиля", повернувшись по строевому, направляется к своему месту на баке, получает от своего предшественника "сдачу", т. е. сведения о спущенных шлюпках, особые распоряжения и другие детали судовой жизни, что теплится и ночью на крейсере. Затем, оба подходят с рапортом к вахтенному начальнику, который, выслушав их, еще хриплым голосом, командует:

— Подвахтенные вниз.

Первый час этой вахты — самый тяжелый в ощущениях мичмана: попробовать ходить, заставляя себя следовать одной и той же половицы палубы, не пройти и десяти шагов не качнувшись. Если присесть на одну лишь минуту на стул в рубке — голова поехала куда-то вокруг, а нос неожиданно клюнул вниз... Не годится, лучше походить, хотя бы покачиваясь.

— Теперь, — думает мичман А., — зайти в рубку покурить и все будет в порядке. — Курить на вахте воспрещается, но... — хотел бы я одним лишь глазом видеть такого образцового вахтенного начальника, который не курил бы на ночной вахте. — Находиться в рубке — тоже не полагается, но раз книга приказаний старшего офицера там, значит войти туда необходимо. А пока ее читаешь — присесть тоже не большое преступление: крейсер на якоре, погода на рейде тихая, что может случиться? Опасность, следовательно, грозит только со стороны трапа, выходящего в рубку прямо из командирского корридора... — Но что бы ни рассказывали о странностях командира (мичман попал на крейсер недавно прямо из корпуса) — не ходит же он без сапог. — Я же услышу его шаги. Одно движение — и я на палубе — с этими мыслями А. садится, закуривает папиросу и медленно читает распоряжение о побудке команды, завтраке, мытье чехлов и брезентов, скачивании палубы, чистке меди, одним словом все то, что надо выполнить до подъема флага. К концу чтения он чувствует, как ослабевшие мускулы приковывают все его тело к стулу и появляется тяга хоть на мгновение опереться локтями на стол, положить голову... "Но, нет, не поддамся", — вскакивает он, — "лучше обойду всех вахтенных, а там — и рассвет вскоре".

Решительными шагами мичман направляется по шкафуту на бак. Возле фителя двое вахтенных разговаривают вполголоса, на полубаке у гюйса часовой не спит, его там слишком продувает ветром. По продольному мостику мичман возвращается обратно, чувствуя себя бодрым, сон пропал бесследно и в этот-то момент на кормовом мостике он натыкается на прикурнувшую к прожектору, в полусидячем положении, фигуру уснувшего сигнальщика.

— Ты что же это. Спать? — хлопает он его по плечу. Виноватый вскакивает как от электрического тока.

— Так что разомлел, вашескобродь, — выпучив глаза, лепечет матрос.

— А ты не млей, Левченко, вне очереди на "собаку" поставлю.... Сигнальщики, — громко окрикивает вахтенный начальник. — Что это вышка сигналит?

— Так что катер с "Громобоя" вызывают... опоздавшие господа на берегу ждут, — докладывает сигнальный старшина, "понимающим" тоном, вполголоса.

"Не иначе, что Н. и Л.", — соображает мичман, который с этими двумя приятелями сам был до пол-

ночи в ресторане, но последним вечерним катером вернулся на крейсер, в предвидении вахты, как это было ни досадно. — "Вот, черти, куда же они направились после двух часов ночи, когда закрылся ресторан", — и эти соображения заставляют его временно забыть о виновном сигнальщике.

Предрассветная картина рейда невольно привлекает его внимание: бледно-розовый горизонт в стороне моря постепенно переходит в темно-синий купол неба с уже гаснущими звездами. Противоположная же сторона купола покоится на сонном и молчаливом городе, куда убегают из порта вереницы светящихся точек уличных фонарей. Резко очерчена двойной линией таких же точек береговая полоса, половина из них — на набережной и почти столь же яркая вторая половина — отражения в темно-фиолетовых водах вблизи береговой черты.

"Вот, она, спит сейчас, и так регулярно каждую ночь, и не имеет представления о тех красотах, что мы наблюдаем иногда на ночных вахтах", — думает мичман, воображение которого стремится за светящимися точками внутрь города. Оставив тайну, кто "она", на ответственности мичмана, мы только заметим, что его сердце смягчается, и спускаясь с мостика, и в тот момент вспомнив о заснувшем сигнальщике, он его не наказывает, а лишь строго говорит:

— Так смотри, Левченко, чтобы это в последний раз было.

— Так точно, вашскобродь, — радостно отвечает провинившийся и подмигивает старшине: — Пронесло, мол, хороший мичман.

— Вахтенный. Побудка, — командует А. и в последний раз идет в рубку покурить и возобновить в памяти приказания старшего офицера.

Переходя с протяжного призыва на настойчивый и кончая почти веселым, звучит горн, поднимая из подвесных коек шестьсот здоровых молодцов команды крейсера.

— Койки наверх, — следуют трели дудок, одна за другой, боцмана и дежурные по палубам подхватывают распоряжения с вахты.

Солнце еще едва над горизонтом и только лишь слегка своими скупыми северными лучами начинает согревать море и воздух, а уже утренняя приборка идет полным ходом на палубе крейсера. В засученных выше колен рабочих парусиновых штанах, кто щетками, кто деревянными лопатами, матросы "проходят" верхнюю палубу от форштевня и до самой кормы, где застыла фигура часового над двуглавым золотым орлом. Бодро, весело и с шутками шлепают матросы голыми пятками по лужам воды из помп. Вахтенный начальник обходит все углы, следя, чтобы не было пропусков, сухих мест, не протертых швабрами.

— Доброе утро, отец Константин, — встречает он судового священника, направляющегося к нему, выбирая места посуше, и одновременно А. замечает матроса, что с виноватым видом держится позади батюшки.

— Что случилось?

— Да вот он, — оборачиваясь и укоризненно показывая пальцем на матроса, говорит отец Константин, — такие слова употребляет, ругательства самого последнего отбора, слышать противно. И стыд его не берет.

— Ты что же это, с. с...., при батюшке ругаешься, ядрена твоя вошь, — строго замечает вахтенный начальник, а священник, отмахнувшись рукой при первых же словах мичмана "для вразумления" замеченного в брани матроса, спешит скорей прочь, боясь услышать еще более соленый лексикон.

Палуба сверкает белизной. Чистка меди приближается к концу и старший боцман, кондуктор Чуркин, плавающий на старом крейсере еще до времени его постройки, т. е. видевший его и в боях с японцами, и в заграничном плавании с гардемаринами, и в штормы с лиловыми тучами, превращавшими день в ночь, и под яркими летними лучами солнца во время высочайших смотров. Он заглядывает по пути во все закоулки, направляясь к вахтенному начальнику с рапортичкой в руке. Там помечены все сведения о наличном составе, больных, арестованных, о количестве угля, о запасе пресной питьевой воды.

При приближении Чуркина, мичман А. первый здоровается со стариком, обращаясь к нему по имени и отчеству, чтобы предупредить его официальный рапорт, но боцман все же вытягивается, отдавая честь и передает рапортичку, которую даже не читая, вахтенный начальник шлет старшему офицеру, несомненно уже на ногах и вероятно в одиночестве пьющему кофе в кают-кампании.

В руках у Чуркина дудка, по многолетней привычке. Но пользуется ею он редко, чаще ее цепочкою, для подбодрения того "молодого", который, случится, забудет, что на корабле все приказания исполняются бегом.

— Вахтенный. Доложи мичману Колюбакину, что без 20 минут восемь.

— Есть, — отвечает унтер-офицер и дробью спустившись по трапу в офицерский коридор, стучит в дверь каюты вступающего на вахту офицера. Изнутри — никакого ответа. Вторичный стук, более настойчивый, — также без результата. Тогда вахтенный решительно открывает дверь и, шагнув внутрь, трясет спящего мичмана за плечо.

— Вставайте, вашескобродь, без двадцати минут, вам "на вахту".

— Отстань, — слышится слабый протест.

— Пожалуйте на вахту.... Время "без четверти восемь".

— Хорошо. Скажи — я встаю.

Но вахтенный знает, как тяжел на подъем мичман, и, выходя, поручает его вестовому Пронину.

— Пронин, поди не давай "Коле" уснуть, — говорит он.

Надо сказать, что хотя мичмана зовут Константин Николаевич, но с первого дня на крейсере, а.

вероятно, еще со времен Корпуса, его принято называть в кают-кампании "Коля Бакин", и это же передалось команде, возможно через вестовых. Пронин стоит несколько минут, укоризненно глядя на своего барина, а затем — решительно тянет с него одеяло, приговаривая:

— На вахту вам, на вахту, вставайте скорее, десять минут остается.

Тогда Коля, наконец, вскакивает, протирает глаза, хватает часы и убедившись, что на них без 12 минут восемь, наспех натягивает одежду, бросается к умывальнику.

— Ну что же это, Пронин, опять не разбудили меня во-время, — сердится он.

5—6 минут на туалет, скорее с вешалки шарф, кортик, фуражку в руки и — беглым шагом в кают-кампанию, где Пронин уже ставит перед ним стакан горячего кофе, придвигает булочки, сыр и масло. Но садиться — нет времени. Булочки свежие, аппетитные. Коля набивает рот, обжигается горячим кофе, а уже слышен доклад вахтенного старшему офицеру:

— Вашскобродь, через пять минут подъем флага, без церемонии.

— Доложи командиру, — отвечает старший офицер, одевая фуражку и обращаясь к Коле:

— Константин Николаевич, ты на вахту? — на крейсере все офицеры были на "ты".

— Так точно, Александр Семенович, — и тянется за вторым стаканом кофе.

— Так вот, когда вступишь на вахту, спусти второй паровой катер, а номер 1-й подними; 2-й гребной катер — послать на берег, на песок, "выдраить" его как следует: на нем же отправь вымыть артиллерийские чехлы. Чуркин знает какие. Маты тоже не забудь.

— Есть, есть, — в промежуток между двумя кусками булки отвечает Коля, который одновременно слышит за собой шаги старших специалистов, идущих наверх, для рапорта командиру, каждый по своей части. А староф быстро доканчивает:

— К 9-ти часам капитанский вельбот к трапу, командир едет к адмиралу. Да не забудь шестерку за провизией послать пораньше, — говорит он уже в дверях, спеша выскочить наверх, т. к. по коридору слышны шаги командира.

Через минуту сверху доносится команда:

— На флаг. На гюйс. Смирно! — и едва Коля приближается к концу второго стакана, — "флаг и гюйс поднять!"

Коля, не успев даже закурить после кофе, — а курить смертельно хочется, — нахлобучивает фуражку и бросается к трапу. Его голова уже на уровне палубы, когда после медленного подъема флага, вахтенный начальник командует:

— Вольно. Свистать на вахту!

Одергивая полы кителя и принимая служебный вид, Коля подходит к мичману А., который бодро его встречает:

— Здорово, Коля. Принимай бразды правления и распоряжайся, — говорит он, уже снимая шарф, — все распоряжения до подъема флага выполнены. Все в порядке. Второе отделение на вахте.

При слове "распоряжения", Коля чувствует легкое смущение, т. к. не совсем уверен, что запомнил все распоряжения старофа. — "Из-за этого проклятого горячего кофе", — думает он с досадой, — "опять меня поздно разбудили" — и, приближаясь к кормовой рубке, слышит голос командира, говорящего спускающемуся позади него по трапу старофу:

— Александр Семенович, перед моей поездкой к адмиралу я бы хотел обсудить с вами кое-что. Приходите ко мне после кофе.

Коля заглядывает в книгу приказаний, не записано ли там случайно и то, что надлежит сделать после подъема флага, но к своему огорчению видит, что там нет ничего касающегося его вахты, а вместе с тем сознает, что в голове у него не все сохранилось, часть — несомненно забыта.

Последняя надежда это старший боцман. Он — поверенный старшего офицера для всех дел на корабле.

— Вахтенный. Позвать старшего боцмана.

Появляется Чуркин.

— Иван Матвеевич, не говорил ли вам старший офицер о работах на сегодня утром, — дипломатически спрашивает он.

— Так точно, ваше высокоблагородие, говорили насчет чехлов для посылки на берег, для стирки. Они готовы. Насчет паровых катеров, один спустить, а другой "поднять".

— А еще что? — допытывает Коля, стараясь восстановить в памяти все.

— Больше, кажись, ничего не говорили, — извиняющимся тоном отвечает Чуркин.

"Староф" на совещании у командира... Переспросить его — случая не будет", — обдумывает мичман. — Да и признаться в забывчивости, о, довольно этого его прищуренного взгляда, когда каешься ему в оплошности, лучше — не надо. Что касается парового катера — сомнений больше нет и Коля бодро начинает "аврал".

— Гини второго парового катера развести, — командует он. — Свистать обе вахты наверх, на гини второго парового катера, — следуют команды одна за другой. Топот босых ног по палубе. С сознанием собственной важности Коля поднимается на мостик, откуда его голова, украшенная черными бачками (за что второе прозвище "Пушкинзон"), едва видна над парусиновыми обвесами поручней, когда он выглядывает вниз, в ожидании доклада о готовности катера к спуску. А в это время, на левом шкафуте, младший боцман Угрюмов вразумляет кого-то сдавленным шопотом

— Куда ты, нечистая сила, хаком палубу дерешь?.. Рыбаков, косой твой нос, ну, подними ж явл, животная!

Крюков не должно быть на крейсере во время аврала, но молодой матрос держи ухо востро, если прохрипит поблизости голос боцмана: не зевай и на него лучше не взгляни, остолбенеешь, как кролик перед удавом.

— Погребнык, чурбан бесчувственный, унутрь носком закладывай, унутрь, тебе говорю, чубук вятский, — сердитый шопот старшины на катере, что готовится к спуску.

— Готово, васкобродь, — официальный голос Чуркина снизу.

— На гинях. Гини нажать. Ходом гини! — полузакрыв глаза и нараспев заливается Коля, а внизу, старший боцман внимательно поглядывая на приподнимающийся со стелажей катер:

— Валиком, так вас и так, "валиком", исправляет он команду с мостика, относясь к сотням двум матросов, "нажимающих" на "лопаря".

Но вот катер вывален за борт, стопора сняты.

— Ги-и-ни травить! — поет тенором Коля, в восторге командовать авралом.

— Легче ребята, понемногу травить, на стопорах не зевай, — внушительным шопотом корректирует Чуркин маневр, следя за скоростью, с которой катер приближается к воде и зная по опыту, что если лопаря начнут "сучить", никакие стопора не остановят, даже если руки ребят будут обожжены в кровь.

— Раздернуть. Катер на бакштов!

На этом катере разводят пары, а другой, номер 1, подают под гини и под не менее одушевленную команду вахтенного начальника:

— Ходом, ходом! — катер плавно поднимается вверх. На этот раз боцмана "ободряют" цепочками по мягким частям тех из топающих по палубе, как лошади, ребят, которые совершенно очевидно для опытного глаза, наваливаются только по виду.

Между тем, время подходит к 9-ти часам.

— На первый вельбот, вельбот к правому трапу, — командует Коля и без пяти минут шлет вахтенного:

— Доложи старшему офицеру и командиру, что вельбот у трапа.

— Доложил, вашскобродь, командир сейчас выходят, — возвращается посланный.

— Четверо фалрепных на правую.

Сначала появляется староф и идет прямо на верхнюю площадку трапа, взглянуть на гребцов.

— Фуражки поправить... Грести как один... Отваливаться всем в раз. Ты уж присмотри, Бакулин,— говорит он старшине, красивому унтер-офицеру с длинными усами, сидящему "загребным".

— Есть, вашскобродь, — доносится снизу.

Коля уставился на рубку. В точности, когда толстая фигура командира появляется в дверях рубки, он молодцевато гаркает:

— Смирно! Свистать фалрепных! — и становится в затылок старофу, уже с рукой у козырька, ожидающего приближающегося командира. Последний, грузно переваливаясь с ноги на ногу и с выпяченным вперед животом, приподнимает волосатую руку для ответного приветствия офицерам, изображая любезную улыбку на свеже выбритом (по случаю визита к адмиралу), одутловатом толстом лице.

— Не беспокойтесь, господа, — шепелявит он ласковым тоном.

Это — всему флоту известный под прозвищем "Шлепа", один из выдвинувшихся своею храбростью в эпоху Порт-Артура, ныне капитан 1-го ранга, барон Ш., командир крейсера.

— Здравия желаем вашскобродь, — доносится дружный ответ гребцов снизу.

С первым же дружным всплеском весел, который сразу же выносит вельбот на его длину от борта крейсера, Коля командует:

— Горнист. Захождение, — и все, находящиеся на верхней палубе, повернувшись лицом в сторону удаляющегося вельбота, невольно любуются его бегу под дружными упругими гребками шести отборных молодцов-гребцов, гордости старшего офицера, который одобрительно следит за ними, пока они не "зашабашили" у борта адмиральского крейсера.

(Продолжение следует).

Мирная полковая жизнь

(Из книги "От Тифлиса до Парижа)

О полковых стоянках, расположенных вдали от городов и железных дорог, принято было, в военной среде, говорить с пренебрежением. Эпитетами — захолустье... дыра... медвежий угол... — награждались эти, зачастую живописные, места. В корпусах и училищах с юношеским задором называли какой-нибудь "Кара-Курт", где стоит, якобы никому неизвестный, "Асландузский Господа нашего Иисуса Христа резервный батальон". К концу подвижных сборов, однако, взгляд на медвежьи углы изменялся. Трудности походов в горах, дожди, сырое белье, сухие бутерброды — начинали надоедать и в палатках все чаще и чаще поговаривали о спокойной и привольной жизни в штаб-квартире. Но город Тифлис имел свою прелесть и, пока полк 4 дня шел походным порядком к Царским Колодцам, большинство офицеров, под разными предлогами, задерживались в нем.

Жизнь на Царских Колодцах не сразу входила в обычную колею. Молодым офицерам лучше было в эскадроны не показываться: там царили вахмистры и каптенармус. После похода разбирались седла, сушились потники, смазывалась кожа. Пройти нельзя было из-за развешанных матрасов, одеял... Солдаты разбирали и чистили винтовки...

На послеобеденных занятиях "словесностью", солдаты мужественно борολись со сном, а "заучающий" унтер-офицер вопрошает:

— А ну-ка ты, Васюков, скажи нам, что есть штандарт?

— Штандарт есть священная воинская хоругвь.

— А как надо иттить у бой?

— У бой бадо иттить смело и весело, не щадя живота свово до последней капли крови.

— А ты, Жевага, расскажи нам про суворовское поучение воину перед боем.

— Сам похибай, а товарища выручай, лезь упиред хоша-бы передних и били, ежели тебе трудно, то неприятелю не легше, а может и чижельше твово, только ты свое трудное видишь, а неприятельское не видишь, а вано беспременно есть...

— Ну, хорошо, видать, что знаешь.

Офицеры еще полны воспоминаниями о прошедших маневрах. Говорят о новом командире корпуса — Шуваеве. Небольшого роста с бородой-лопатой, живой, энергичный, Шуваев вникает во все и все хочет видеть своими глазами. Неутомимо носится он от полка к полку на своей кобыле "Свирель", которая идет иноходью таким ходом, что ординарцы должны идти полевым галопом. Будучи человеком весьма религиозным, обратил он внимание на то, что на маневрах мало уделяют время молитве и отметил это в приказе. Как-то раз поднялся он на холм и видит, что пехота наступает цепью.

— Что они делают?.. В сфере действительного ружейного огня идут во весь рост!.. Ложись! — кричит он.

Цепь уже далеко, но идущий сзади фельдфебель все-таки слышит и бежит к командиру роты с докладом.

— Что же он такое крикнул? — спрашивает ротный.

— Вроде как бы "молись".

— Молись?... Цепь стой... на молитву шапки долой... поют: — "Отче наш, иже еси на небесех"...

Шуваев снимает фуражку, набожно крестится, поглаживает бороду. Ординарец Ахмед Дударов (Тверец) толкает локтем Тимура Наврузова (Нижегородца) оба снимают фуражки и истово крестятся.

— На-кройсь!..

Генерал надевает фуражку. Слышна команда — "цепь вперед!"

"Опять, опять они не ложатся". Цепь уже далеко. Генерал несется на ближайший пригорок и опять кричит:

— Ложись!

Цепь останавливается и слышно, как поют "Спаси Го-о споди лю-ди Твоя"...

По команде "На-кройсь!", генерал надевает фуражку, поворачивает назад свою "Свирель" и бормочет:

— Удивительный народ эти кавказцы: когда нужно, то не молятся, а вот в сфере действительного ружейного огня непрерывно молятся и идут во весь рост... своеобразное войско... к нему надо привыкнуть...

Время шло... Жизнь в полку шла по веками выработанному образцу, но, все же, в занятия с солдатами каждый офицер вносил что-то свое, в зависимости от темперамента.

В первом эскадроне, "эскадроне Его Высочества" (Шефом полка был Наследник Цесаревич), старше меня по выпуску был кн. Амилахвари. Спокойный, уравновешенный и доброжелательный, Алеша Амилахвари был хороший семьянин и глядя на него, занимающегося с солдатами, чувствовалось, что он не делает разницы между ними и своими детишками— Мартой, Ирой и Никой. Вот, выстраивает он своих новобранцев и вызывает по одному на рубку. Солдат должен поднять лошадь в галоп, срубить на скаку лозу, поставленную вертикально, срубить дальше влажную глину, установленную пирамидой на особой подкладке и проколоть чучело, изображающее неприятельского солдата. Обычно, новички не могут рассчитать удар и наносят его слишком поздно. Лошади боятся проходить мимо чучел. Унтер-офицеры увлекаются и кричат:

— Руби... коли... шпоры...

Алеша Амилахвари ласково смотрит на промахнувшегося солдата и говорит:

— Шляпа.

Иногда только слово шляпа он заменяет другим, того же значения, но более сильным словом.

У корнета Горчакова картина другая. Богатырь и сорви-голова, он сам вскакивает на коня и несется с поднятой шашкой. Рубит с такой силой, что смотреть страшно. Седло сворачивается набок и Борис летит на землю — падает спиной на шашку, встает и хохочет. Уже во время войны, встречая солдат Тверцов, я спрашивал их:

— А как воюет поручик Горчаков?

На это солдаты отвечали:

— Они на фронте такое разделывают!..

Слово "разделывают" в солдатских устах означало многое.

Русские офицеры приносили с собой на Кавказ что-то свое "российское". Корнет Ильинский любит водочку с подходящей закуской и приятельскую беседу на веранде полкового собрания. Водочка, водочкой..., но вот что гласит телеграмма, посланная в 1916 г. Шефу полка Наследнику Цесаревичу из экспедиционного корпуса в Персии:

"7-го марта третий эскадрон Тверского драгунского имени Вашего Императорского Высочества полка врезался в ряды курдской конницы, превышавшей численностью больше, чем в три раза, рассеял, многих изрубил и тем самым выручил свою пехоту из опасного положения. Счастлив порадовать этим обожаемого Августейшего Шефа. Полковник Хартен".

Участниками этого боя были: командир эскадрона ротмистр Байсагалов, шт. ротмистр Ильинский, кор-

нет Бремен 2-й (в полку было три брата Бремен), вахмистр подпрапорщик Кучеренко.

Ротмистр Байсагалов, "Габро", как его звали в полку, был милейший человек и добряк. Вид у него был совсем не воинственный и трудно представить себе его во главе эскадрона, врубающегося в самую гущу неприятеля, да еще такого серьезного, как конница курдов. Военная история полна примеров, когда скромный, тихий и застенчивый человек в бою оказывался героем.

В офицерском собрании много говорят о нарождающейся авиации. Никому из нас еще не приходилось видеть летающий аэроплан, но на скаковом кругу в "Дидубэй" (под Тифлисом) на наших глазах летчик Уточкин пытался подняться на воздух. Аппарат его, едва отделившись от земли, потерпел аварию. Но вот пришли газеты, возвещающие, что над Тифлисом пролетел летчик Ефимов. Газеты указывали на какой высоте шел аэроплан. По вопросу о том, что можно было различить, глядя на аэроплан в бинокль — мнения разделились. Одни говорили, что ни надписи, ни летчика не видно, другие утверждали обратное. Спорят долго, держат пари и решают запросить Нижегородцев, т. к. аэроплан пролетел над предместьем Тифлиса (Навтлуг) в тот день и час, когда полк был выстроен для парада.

— Господа, да ведь Гига (корнет кн. Бобутов) присутствовал на этом параде, он должен знать, кто из нас прав... Гига, кто же из нас прав?

Князь Гига отличается своей молчаливостью. Он никогда не говорит и отец его (штаб-офицер полка) часто кричит ему, в шутку, через стол:

— Гига, помолчи немного, дай другим высказаться.

Вот и теперь он сидит спокойно и внимательно слушает доводы сторон.

— Кто из нас прав, скажи?

— Вот они... — отвечает, наконец, Гига.

В противоположность ему, пор. Градганд (Ася), говорит долго и обстоятельно.

— Послушай, Ася, расскажи нам, как ты тонул в Алазани.

Ася начинает:

— Надо вам сказать, что течение Алазани очень быстрое. Чтобы определить скорость течения реки, надо отмерить на берегу реки, скажем, версту, бросить какой-нибудь предмет...

— Мы это и без тебя знаем, ближе к делу...

— Мой конь вошел в воду и начал плыть. Когда конь плывет, то он в воде занимает положение, при котором передняя часть его корпуса выше задней и всадник не должен натягивать поводья...

— Ася, дорогой, нам уже в училище об этом говорили... твой конь стал тонуть...

— Надо удивляться тому, что никто не учит плавать ни лошадь, ни собаку, а они плавают, а вот мы...

— А ты можешь плавать?

— Начинающему плавать надо преодолеть...

— Ты нам скажи, наконец, утонул ты или нет? с угрожающим видом мы приближаемся к нему. — Говори коротко. Если не утонул, то как выбрался на берег?

— На берегу был кустарник "Кара-агач". Кара, по-татарски — черный. Агач — дерево.

— Ася, черт тебя возьми, ты ухватился за него?

—На этих кустарниках есть шипы...

Когда Ася заявляет, наконец, что он вылез на берег, то мы кричим "ура!", а он продолжает ораторствовать о спасении тонущих и об искусственном дыхании. Ася отличался своим поразительным хладнокровием. Однажды, на квартире кор. Нечволодова, собрались охотники. Сидят, курят... в клубах дыма Ася ходит из угла в угол и что-то говорит. Я рассматривал ружье, и, не подозревая, что оно заряжено дробью, нажал курок в тот момент, когда Ася проходил мимо ружья. Раздался оглушительный выстрел, лампа потухла, комната наполнилась дымом и пылью от штукатурки. И почти одновременно, в темноте, раздался голос Аси:

— А, ведь, ты мог меня убить. — И сказал он таким же тоном, каким говорил до выстрела.

Есть солдатская песня: "Мы три года прослужили, ни о чем мы не тужили — стал четвертый наступать, стали думать и гадать". На четвертый год пребывания в полку я тоже стал думать и гадать. Какое-то неясное желание создать что-то свое, достигнуть в чем-то совершенства стало меня мучать. Я думал о том, что инженер строит дом или мост и результаты его трудов видны постоянно. Куровод совершенствует породу кур, расширяет свое дело и наслаждается результатами. Счастье в совершенстве. Правда, и армия совершенствуется, но это нечто общее. И притом видимость все одна и та же: учишь солдата ездить, стрелять, рубить... А потом они уходят домой, становятся опять хлебопашцами и никогда их больше не встречаешь. Вот, например, у поручика Нечволодова свой дом. Сегодня он провел бетонную дорожку из дома к кухне, завтра он посыпает песком аллеи в саду, посадит дерево и так до бесконечности... И будет он всем этим любоваться, и каждый день несет ему какой-то новый интерес. Я никогда не мечтал о славе — мне просто хотелось стать на путь какого-то совершенства. Правда, я с увлечением учил моих разведчиков и по несколько часов в день занимался доездкой молодых лошадей и это мне доставляло удовольствие. Мне доставляло удовольствие видеть, что лошадь под седлом ходит все лучше и лучше. Приятно сидеть на хорошо выезженной лошади и чувствовать, что конь и всадник составляют одно целое. В то время все увлекались теорией "Бога езды" Джемса Филлиса. Даже такой крупный государственный деятель, как Клемансо, в молодости, увлекался ездой и написал об этом целую книгу.

Понемногу, все офицеры в полку как-то построили свою жизнь сообразно своим вкусам. Была группа охотников, были любители поиграть в картишки, были и любители чтения. В полку была обширная библиотека, постоянно пополняемая новыми книгами. Не

могу понять, почему я не заинтересовался чтением, а между тем, в школьные годы я пожирал книгу одну за другой. Возьму, бывало, кусок хлеба, намажу маслом и вареньем и отправляюсь в сад. В саду была купальня. Я забирался на ее крышу, ложился в тени деревьев и читал, забывая все на свете. Я читал без разбору. Читал я и русских классиков и потом считал, что их уже больше читать не надо. Никогда мне никто потом не объяснил, что книгу человек читает все новыми и новыми глазами.

Я решил заняться самообразованием. Вместо того, чтобы порыться в полковой библиотеке или поговорить хотя бы с полковником Яхонтовым (дядей Ростей) — писателем, поэтом и братом известной писательницы Желиховской, я написал в книгоиздательство "Знание", и мне прислали целую кучу книг. Одна из книг говорила о солнечных протуберанцах, об изогонах и изотермах. В это время Нечволодов обратился ко мне за советом, как назвать его новую собаку.

— Изотермой, — ответил я.

Денщик Григоров, принимавший участие в совете, возмутился:

— Коли ежели собака далече забежит, то ефтой самой Низаферой не докличешься. — Собаку назвали Султаном.

Со своими сомнениями я пошел к Жданко. Он имел вид человека, знающего все и отличался особым апломбом. Вынимая часы, он говорил:

— Я купил эти часы из-за их хорошей марки. Это настоящий хронометр...

— А который у тебя час?

Жданко смотрит — часы стоят. Но и это его не смущает. Это даже хорошо. В Англии особенное внимание обращают на испытание новых машин. Мои часы в периоде испытания. Когда его назначили заведывать мобилизационным отделом, то он сделался особенно важным, и кроме усов, отпускал еще подусники.

— Послушай, старик (мы его так звали), — обратился я к нему, — мы зря коптим небо, надо что-нибудь придумать.

Жданко вынул изо рта трубку:

— Что касается меня, то я небо не копчу, но вообще согласен что-нибудь придумать...

Мы стали перебирать все возможности. В полку много вольноопределяющихся, прибалтийских немцев-баронов, есть и знающие английский язык. Можно изучить английский, немецкий и французский языки. Можно начать готовиться в академию Генерального Штаба. Достаточно подать заявление в инженерное ведомство и получить бесплатно участок земли под постройку дома (аренда на 99 лет). Самый дом можно построить в рассрочку: вывести фундамент и заложить, вывести стены — заложить и т. д. Дом будет не чета крестьянским домишкам, в которых живет часть офицеров. В нем будут все удобства: электричество, ванна, душ и т. д.

Жданко заявил:

— Всякий вопрос надо решить академически. Он взял лист бумаги и написал: участок — даром. Фундамент — средства на постройку фундамента: жалованье — 1.218 руб. в год, но следует вычесть расходы. Закон больших чисел требует, чтобы смета расхода была составлена возможно большим числом лиц, а затем уже взята средняя пропорциональная. Мы оба отдельно должны подсчитать наши расходы, т. е. питание, одежду, квартиру и обязательные вычеты из жалованья (библиотека, собрание, почта, парадные обеды, и др. развлечения, парикмахер...).

Мы принялись считать.

— Ну, что готово? Сколько у себя остается от жалованья? — спросил Жданко.

Я смущенно заявил, что ничего не остается.

— У меня тоже ничего. — Жданко вывел на бумаге 0 — 0 = 0. Бумага была отложена в сторону. Мы продолжали мечтать: вот, напр., наши занятия с разведчиками... нет ни одного приличного руководства. Есть разные сочинения, которые полезно прочесть офицеру, но такого руководства, по которому можно было бы день за днем проходить полный курс подготовки солдата к экзамену на разведчика — нет. Мы можем создать памятку, в которой весь курс был бы изложен языком, понятным для солдата, чтобы он сам мог ее читать. Мы решили составить "Памятку разведчику Тверцу". Жданко заявил:

— Это будет ценный вклад в военную литературу.

Мы принялись за работу. Выяснилось, что удобнее было, когда я говорил, а Жданко писал. Иногда мы спорили, но, в общем, дело шло гладко. Когда в памятке приводились примеры и нужно было давать фамилии начальников разъездов или дозорных, то я услужливо предлагал фамилии своих разведчиков. Потом Жданко спохватывался и мы стали давать фамилии по очереди. Мы писали от руки, а потом отдавали отпечатывать на машинке писарю. "Ценный вклад" рос. Росло и наше нетерпение увидеть его оконченным. И вот наступил момент, когда мы могли сдать материал в печать. В один радостный день, писарь Ольховый, который печатал материал, прибежал к нам рано утром, и с гордостью заявил:

— Ваше благородие — наша книга уже прибыла.

В этот день я испытал редкое удовольствие держать в руках, вышедшую из печати, свою книгу.

Г. Тацитров (Жук)

Как они умирали

"...Но не вздохами печали
Память павших мы почтим,
А в нетленные скрижали
Имена их начертим..."

Ко дню поминовения воинов, живот свой на поле брани положивших, я счел своевременным вспомнить о тех безвестных героях-мучениках, которые, получив в бою тяжелые, страшные ранения, умирали в госпиталях прифронтовой полосы. Везти их дальше в тыл не было смысла — они были обречены. Их единственной наградой за все моральные и физические страдания был деревянный солдатский крест и то не всегда.

Все рассказанное здесь — не выдумка досужего писаки, а истинная быль. Я даже привожу запомнившиеся мне подлинные имена и фамилии некоторых героев рассказа. Печальна будет моя повесть.

В начале 1915 г., во время атаки германских передовых укреплений, я был ранен и попал в госпиталь. Это был полевой запасный госпиталь с трехзначным номером, занимавший здание реального училища в городе Г. Наши войска продолжали яростно атаковать позиции противника. До города доносился зловещий гул орудий и новые караваны раненых прибывали с фронта, удаленного всего на 12 верст от города. За недостатком перевозочных средств, легко-раненые, которые могли передвигаться самостоятельно, шли пешком с фронта в тыл. Придя в город, они являлись в первый попавшийся госпиталь. Но, увы, все было переполнено, и их отовсюду выпроваживали. Они бродили по городу, в поисках пристанища, с перевязанными руками и головами.

Итак, я попал в госпиталь. Первое время, пока приходил в чувство после ранения и был прикован к постели, я лишь поверхностно мог знакомиться с жизнью госпиталя и его пансионеров. Только в перевязочной, лежа на узком белом столе, мне случалось видеть, как рядом перевязывали моих товарищей по несчастью. Но вот, после первых робких попыток хождения на костылях, я начал, наконец, передвигаться и проникать во все углы госпиталя.

Я познакомился с простыми русскими людьми, мужественно и безропотно переносившими страдания и примирившимися с увечьями.

Из персонала госпиталя мне запомнились: главный врач д-р Вейнберг (Рейнгарт), ординаторы — доктора Остроумов, Каменский и еще один, не помню фамилию. Сестры: Полина Павловна Краснощекова, Алла Константиновна, Вера Ивановна, г-жа Остроумова (жена доктора) и еще две-три переменного состава. Этот немногочисленный персонал обслуживал почти всегда переполненный госпиталь.

В дни сильных боев бывало, что не только все классы реального училища были заняты, но раненые лежали на полу на соломе, вдоль всего корридора, и даже в церкви. Конечно, для этих не было ни белья, ни одеял. Были случаи, когда, недождавшись первой перевязки, раненый умирал на соломе и не всегда удавалось установить его фамилию.

В госпитале не было рентгеновского кабинета, хирургические операции делались "на глазок". Обязанности хирургов исполняли д-ра Остроумов (окулист) и Каменский (кожн. и венер.). Они учились хирургии на безответных солдатах. Из-за недостатка анестезирующих средств, мелкие операции иногда делались, как во времена Крымской кампании. Я видел однажды, как д-р Каменский щипцами "откусил" острый кусок кости, торчавший из оторванного осколком снаряда пальца солдата. Санитар держал руку, сестра отвернула в сторону голову оперируемого. Раздался хруст, заглушенный диким воем. Я не могу бросить ни одного упрека персоналу госпиталя. Принимая во внимание условия, в которых приходилось работать, недостаточность необходимых медицинских средств и, порой, непосильную нагрузку, можно было простить те недочеты, которые могли оказаться. Не было даже костылей для раненых в ногу. Была лишь одна пара коротких палок с перекладиной на одном конце и это все. Я заказал себе костыли в городе, ими пользовался весь госпиталь и после моей выписки, они там и остались.

В особенности работа сестер заслуживала похвал и восхищения. Полина Павловна в 39 лет казалась старушкой. Она была кадровой сестрой мирного времени. Это был ангел-хранитель раненого солдата. В своих мягких, бесшумных туфлях, она появлялась всюду, где нужно было облегчить страдания. Просила у офицеров папиросы для своих тяжело-раненых солдат. Я всегда старался попасть к ней на перевязку. Она умела сделать так, чтобы свести боль к минимуму.

Полина Павловна часто приходила ко мне поделиться мыслями о том или ином из своих питомцев. Рассказывала, кто куда и как ранен, как переносит страдания, и есть ли надежда на излечение. Брала у меня десяток папирос и убегала раздавать их раненым. Однажды показала мне полученное от какого-то молодого человека письмо, автор наводил справку о своем умершем в госпитале друге. Спрашивал, какие были последние слова покойного и просил написать на его могильном кресте присланные стихи.

Полина Павловна была огорчена, она не могла догадаться, о ком шла речь в письме. Фамилия ей ничего не говорила, сколько ни перебирала в памяти прошедших перед ней покойников. Да и могилу найти было бы невозможно.

Остальные сестры тоже работали не за страх, а за совесть. Как сейчас помню, в большой палате, в среднем ряду, лежал сибирский стрелок Арсений Наковьюк, у которого левая верхняя часть черепа была снесена и мозг был совершенно обнажен. Правая половина тела и речь были парализованы. Он произносил лишь одно слово — мама. Повидимому, это

не был призыв к матери, которая, как когда-то в детстве, могла бы утешить свое страдающее дитя, — это было единственное слово, единственный звук, которым он мог обратить на себя внимание, попытаться выразить какую-то мысль. Он часто курил, держа папиросу в левой руке, и пепел бережно стряхивал на пол. Глаза его бродили по потолку. Он никогда не стонал, даже во время перевязок. Он несомненно был в полном сознании, сердился, когда его не могли понять и, пытаясь что-то сказать, повторял все то же слово — мама.

Его кормили с ложечки жидкой кашицей. Через 10 минут все съеденное выбрасывалось наружу. Повязка на голове все время напитывалась сукровицей и ее приходилось часто менять. Я читал его историю болезни, и мне запомнилась такая фраза: "выпячивание мозгового вещества прогрессирует".

Он чах и стал похожим на скелет, но молодое тело боролось за жизнь и его агония была медленной. Понадобилось около месяца, чтобы погасить в нем последнюю искру жизни. Наковьюк умер так же тихо, как и страдал. Однажды ночью я подслушал разговор дежурной сестры с доктором Остроумовым. Сестра умоляла доктора сделать укол Наковьюку, чтобы он уснул навеки и был избавлен от напрасных страданий. Никакие доводы не убедили доктора, он категорически отказался, назвав подобный акт преступлением. Во дворе госпиталя был барак, наполненный черными гробами одного размера. Для экономии места, гробы без крышек были вложены один в другой, а крышки — сложены кучей отдельно. Умершего на носилках уносили в мертвецкую (тоже барак рядом со складом гробов), там его клали в гроб.

В назначенный для похорон час приходило отделение ополченцев (чел. 10), и прибывали низкие простые погребальные дроги. Гроб выносили сперва на двор, где батюшка служил панихиду. Раненые, кто мог, выходили на двор, другие смотрели в окна. Всегда находилось 2—3 певчих в помощь псаломщику. После "Вечной памяти" ополченцы брали "на караул" свои берданки, барабанщик бил дробь, гроб ставили на катафалк и шествие трогалось.

Впереди шел батюшка, рядом с ним псаломщик, за гробом — ополченцы, предшествуемые барабанщиком, который от времени до времени сотрясал воздух жуткой дробью военного похоронного ритуала. Редкая неделя проходила без 2—3 погребений.

В том же ряду, где и Наковьюк, лежал недолго один солдат, у которого пуля прошла от колена почти до ступни, вдоль всей голени, раздробив кости. Он страшно страдал, и его стоны не давали никому покоя ни днем, ни ночью. Только под действием морфия он забывался немного. Его нога была обречена, она начала уже чернеть. Ни уговоры сестер и соседей по койке, ни гнев врачей не могли убедить его согласиться на ампутацию. Прошло 2—3 дня и, наконец, совершенно обессилев, он подозвал сестру и дал согласие. Было уже поздно, но все же доктора решили попытаться спасти его. Я видел, когда, после операции, его выносили из операционной. Он уже проснулся после наркоза и тихо стонал. Весь день и всю ночь его не было слышно. Он спал. Утром сосед приподнял простыню с его лица и сказал "помер".

Его ногу положили в гроб к накануне умершему раненому, а самого похоронили с одной ногой.

Был еще драгун 15-го драгунского Переяславского полка Иван Плотников, Псковской губернии. У него пуля попала в то место лба, где начинаются волосы. Вначале Плотников казался легко раненым: приносил себе сам обед, разговаривал... Но вскоре слег, поднялась температура и, пролежав недели три, тихо отошел в вечность.

Однажды вечером привезли партию раненых, сестры до поздна перевязывали их. Я зашел в перевязочную. На столе лежал раненый в голову. Сестра уже заканчивала перевязку и разговаривала с ним. Он почему-то вообразил, что попал в плен и этим был очень огорчен. Сестра уверяла его, что здесь русские и что он вовсе не в плену, что скоро поправится и поедет домой, и называла его Петей. По говору это был крестьянин великоросс. Подойдя ближе, я замер от неожиданного страшного зрелища: глаза Пети вываливались из орбит, как будто бы их вырвали. Он был слеп. Ему не суждено было увидеть родную деревню: всю ночь стонал он и метался в предсмертных муках, а к утру жизнь его оборвалась.

Был еще однажды привезен ночью раненый в живот, у которого были отморожены обе руки и обе ноги. Полина Павловна долго возилась с ним, пока он не впал в забытье. Его тоже похоронили с барабанным боем.

В одной из маленьких палат лежал раненый, судя по фамилии, прибалтийский житель. У него пуля, попав в правую верхнюю часть лба, прошла позади глаза, зацепила язык и вышла под нижней челюстью недалеко от шеи. Этой же пулей была ранена правая рука. Он всегда сидел в постели, облокотившись на, подложенные под спину, подушки, и ежеминутно вытирал полотенцем, текущую из открытого рта, слюну. Я присутствовал при его перевязке и видел его раны. Правый глаз налит кровью, он им, конечно, не видел. Говорить он не мог, принятие пищи было сложно и болезненно. Повидимому, он остался жив, т. к. его эвакуировали вглубь России.

Наш госпиталь был передаточной инстанцией, куда доставляли раненых прямо с фронта в санитарных повозках или в санитарных поездах, — это был ближайший тыл. В госпитале приводили в порядок раны, делали спешные операции и, периодически, по мере прибытия санитарных поездов из глубокого тыла, разгружали госпиталь и готовились принять свежую партию раненых. Тяжело-раненых, пока не выяснена их судьба, никуда не отправляли. Они умирали здесь, на месте.

В госпитале была палата смертников, куда клали обреченных на смерть гангренозных. Запах в палате был ужасный, — разлагались человеческие тела. Каждый раненый знал, что это за палата, знали и

те, кого туда отправляли. Впрочем, чаще всего они бывали уже в полусознании.

Я заходил туда и даже раз присутствовал при разговоре сестры с бредившим умирающим. Он говорил о своих семейных делах, принимая сестру за свою жену.

Помню еще унтер-офицера Иванченко, рыжеватого блондина с длинными усами. Когда его принесли в большую палату, глаза его были закрыты, вдоль тела лежали на носилках бескровные руки. Восковое лицо и заострившийся нос делали его похожим на покойника. Он получил пулю около правой ключицы, она прошла вдоль тела и вышла где-то около поясницы. Легкое, печень и, вероятно, почка были задеты.

Дней десять Иванченко лежал с закрытыми глазами, не подавая признаков жизни. Его перевязывали, как-то питали. Каждое утро сосед по койке объявлял: "дышит". Ни доктора, ни сестры не питали никакой надежды, — он был обречен.

И вдруг однажды Иванченко открыл глаза и, опершись о кровать руками, сел. Его согбенная фигура, едва поворачивавшаяся голова, худое бледное лицо с, дико вращавшимися, голубыми глазами, напоминали картину воскресения Лазаря. Сбежались все, кто мог ходить, послышались доброжелательные солдатские шутки, у всех на лицах — удивление, радость... Прибежали сестры, пришел доктор. Иванченко даже заговорил малороссийским говорком. Его речь была отрывиста и отчетлива, как слова команды.

С этого дня Иванченко стал фаворитом всего госпиталя. Около его кровати всегда был кто-нибудь. Ему несли все — книги, газеты, фрукты, конфеты... Сестры играли с ним в шашки. Он был разговорчив, резонер, говорил баском, с достоинством, витиевато. Никогда не говорил, что был ранен под Сувалками, а всегда: "в районе Сувалкского боя". Это был хороший, крепко сшитый хохол. Когда у него начал розоветь цвет лица, хотя ходить он еще не мог, его отправили в Москву.

В госпитале была лишь одна офицерская палата (человек на 10—12), тяжело-раненых в ней никогда не было.

Однажды привезли раненого подполковника. Его внесли в палату и, в ожидании, пока приготовят постель, поставили носилки на пол. Он был в обрызганной кровью шинели, голова — вся забинтована, на повязке — кровавые пятна. В окладистой бороде с проседью я заметил застрявшую соломинку. Глаза были закрыты, он тяжело дышал, сопел, был без сознания.

Не успели ему приготовить место, как в палату быстро вошел главный врач и, не стесняясь присутствовавших, возмущенным тоном произнес примерно такой монолог: "Почему его привезли сюда... Кто приказал?.. У нас нет офицерского гроба, нет и оркестра... Сейчас же отправить в местный лазарет, там все налажено для офицерских похорон". И мне припомнились слова поэта: "И от берега крутого оттолкнул его веслом, и мертвец вниз поплыл снова за могилой и крестом".

В этом рассказе приведены случаи тяжелых ранений лишь наиболее меня поразившие, прошло же их передо мной очень много.

Я пролежал в госпитале около 4-х месяцев, от эвакуации отказывался, т. к., имея родных в городе, мне незачем было ехать в чужие места.

Если мы чтим убитых в бою, то во сколько больше мы должны чтить тех мучеников, которые медленно, с сознанием полной безнадежности положения, в муках угасали в многочисленных госпиталях.

Слава воинам за Родину живот свой положившим...

В. К. Цимбалюк

Наступление 1-й бригады 68-й пех. див. в Вост. Пруссию в марте 1915 г.

1-го марта 1915 года 269-й пехотный Новоржевский полк выступил в поход и 2-го марта мы подошли к местечку Таурогген, вблизи немецкой границы.

В это время в 10-й Армии происходили тяжелые бои.

На нашу бригаду возложена была задача произвести возможно широкое и энергичное наступление в направлении на Тильзит, а на правом фланге у Балтийского моря была собрана группа из ратников и морского батальона с приданной к ним от нас одной шести-орудийной батареи.

По данным нашей разведки в городе Мемеле войск было мало, почему приказано было нашей правофланговой группе взять Мемель и по возможности развить наступление дальше.

Наша батарея во взятии Мемеля сыграла главную роль и командир ее за это дело получил Георгиевский крест. Войска этой группы были не на должной высоте и долго удержать Мемель не смогли, но задачу в оттягивании на себя внимания и сил противника выполнили.

Действие же нашей бригады развивалось следующим образом:

270-й Гатчинский полк должен был обойти с правого фланга местечко Таурогген и выйти немцам в тыл, наш же 269-й Новоржевский полк должен был наступать на Таурогген в лоб, по шоссе.

3-го марта, на рассвете, наш полк повел наступление. Позиции немцев были очень сильно укреплены проволокой и имели много пулеметов. У них имелась также тяжелая артиллерия, чего мы, конечно, не имели. Две наши доблестные легкие батареи сделали все, что было в их силах для облегчения нашего наступления, но проволоки и окопов разрушить не могли.

По свидетельству генерала К. К. Акинтиевского,

бывшего старшим адъютантом штаба 68-й пехотной дивизии, полковник Филимонов, имея данные об укреплениях немцев под Таурогеном и являясь вообще противником долбления стенок головою, был против атаки Таурогена в лоб, с шоссе. Однако, генерал Апухтин категорически требовал именно такого, а никакого иного, наступления и взятия Таурогена именно этим путем. Генерал Аккпнтиевский заявляет, что полковник Филимонов исполнил приказание начальника дивизии лишь по третьему разу.

3-й батальон, выдвинутый вперед, подвергся страшному губительному огню; 4-й батальон, идя за ним уступом за левым флангом, срочно начал продвигаться на помощь 3-му.

1-й и 2-й батальоны вели наступление западнее шоссе.

Наше наступление велось по всем правилам полевого и стрелкового устава. Прекрасно обученные солдаты спокойно исполняли приказания своих офицеров и быстро продвигались к проволоке противника, но отсутствие действительной артиллерийской помощи вызвало сильные потери в наших рядах.

3-й батальон пытался броситься в атаку, но не дойдя до проволоки залег. Такая же участь постигла и 4-й батальон. Потери в этих двух батальонах были очень большие. Командир 3-го батальона, капитан Затеплипский был ранен смертельно. Командир 4-го батальона, капитан Питка, был тяжело ранен. В обоих батальонах убито и ранено много офицеров и солдат.

4-й батальон, после ранения капитана Питка, принял его заместитель командир 15-й роты, поручик Домброво, но он был тут же ранен и батальон принял командир 16-й роты, поручик Юрий Осипов. Автору этих записок, через час после начала боя, пришлось командовать двумя ротами этого батальона, а он был лишь в чине прапорщика, выпуска 1-го декабря 1914 года. Соседняя со мной рота перешла в командование моего однокашника, прапорщика Николая Иконникова, но он был скоро тяжело ранен в голову и во главе роты стал старый фельдфебель — подпрапорщик Дородний.

Бой шел по всему фронту. Но отсутствие тяжелой артиллерии предрешило исход нашего наступления. Однако штаб дивизии требовал продолжения наступления. Он был уверен, что 270-й Гатчинский полк успеет выйти в тыл немцам. Командир полка, полковник Филимонов, просил Начальника дивизии несколько отвести его батальоны, дабы прекратить бессмысленное избиение своей части немцами, но получил категорический отказ. Вскоре связь со штабом дивизии, находившимся в 10—12 верстах от места боя, была прервана из-за повреждения телеграфных и телефонных проводов немецкими снарядами. Исправление заняло много времени. Погода этим временем начала портиться. Пошел сначала дождь, а потом началась пурга. Полк продолжал вести перестрелку и нести значительные потери. Тяжелый снаряд, разорвавшийся рядом со штабом полка, сильно контузил командира полка, полковника Филимонова, но он остался в строю.

Наконец, был получен приказ отходить. С большим трудом, промокшие и замерзающие наши цепи медленно отошли и заняли исходную позицию перед местечком Тауроген. Где находился 270-й Гатчинский полк — было неизвестно, однако, стало ясно, что операция с обходом немцев не удалась. Между тем состояние здоровья командира полка, после контузии, сильно ухудшилось и полк принял от него, его помощник, полковник Тернэ.

4-го марта наш полк простоял на своей позиции, занимаясь усиленной разведкой.

5-го марта полк снова был двинут на Тауроген, который, после небольшой перестрелки со слабыми силами немцев, был занят. Потери наши на сей раз были незначительны, ибо немцы, будучи к этому времени, действительно обойдены нашим Гатчинским полком, не стали ввязываться в серьезный бой у Таурогена, а спешили ускользнуть из мешка.

Наш 269-й полк устремился к границе Восточной Пруссии и весь следующий день мы гнали германцев.

269-й полк вновь вступил в пределы Восточной Пруссии. Не помню точно, но наше продвижение с боями продолжалось дня четыре. Заняты были ряд местечек в Восточной Пруссии. Наша задача — привлечение на себя новых сил противника была выполнена. На одном из рубежей мы остановились и три дня и три ночи непрерывно вели бой с перешедшими в контр-атаку значительными силами немцев. В течение этих трех суток, наши части не получали горячей пищи, так как походным кухням подойти было невозможно — артиллерия противника и днем, и ночью засыпала снарядами не только наши позиции, но и тылы. Ночью с большим трудом подносили только патроны, хлеб и сахар. Надо заметить, что днем все время шел дождь, а ночью сильно морозило. Физически мы все очень страдали: окопы были полны воды и грязи, укрытия от непогоды мы не имели, смены не было и не могло быть, так как все резервы были уже ранее использованы. Стонавших и кричавших раненых выносили из окопов в тыл лишь с наступлением темноты, так как днем такие попытки кончались всегда гибелью и раненого и санитаров.

В начь с 13-го на 14-е марта 1915 года нам было приказано отойти. Моя рота отходила в арьергарде, и оказалась последней Русской воинской частью, ушедшей с германской территории в Великую войну 1914—17 г. г. Уже на Русской границе, у небольшого мостика через речку, нас ожидала смена — новый арьергард под командой штабс-капитана Тимэ. После прохода моей роты мост был сожжен.

Через день, наша бригада, сильно пострадавшая в последних боях, и не имея в своем тылу никаких резервов, вынуждена была под натиском превосходных сил противника отойти на исходные позиции.

В. В. Федуленко

Командир 2-й конной

Генерал Алексей Павлович С—кий происходил из потомственных дворян Смоленской губернии. Более 250 лет, предки его Московским Царям да Государям Империи Российской, верою и правдой, служили в потешных полках Царевича Петра, в гвардии Государевой да в армии, к тому же в войсках разных: во флоте, коннице, пушкарях, да в пехоте..., а родоначальнику фамилии С—ких, предку его Ефиму, — по выходе его из Польши, за взятие города Смоленска "из-за короля Польского", вотчины для угодья в родовое владение пожалованы были, что в грамоте Царя Алексея Михайловича значится, а копия грамоты сей в архиве Министерства Юстиции, что в Москве, — хранится...

На врагов государевых и отечества с ратью родичи его ходили с Петром 1-м под Азов да Полтаву, а при матушке Екатерине с турками дрались. При Павле Петровиче, под начальством Суворова. в Швейцарском походе участие принимали... В Бородинском бою сражались, да Наполеона из Москвы гнали. А деду Алексея Павловича С—кого, "отставному подпоручику Ивану С—кому", за преграждение французскому отряду доступа у Свитских Мхов к крепости Белой, Всемилостивейше Анну 4-й ст. Государь Александр I пожаловать изволил... Опять из 6-го пехотного Либавского полка, прапорщик С—кий на мраморную доску в храме Христа Спасителя записан был, как в Отечественную войну убиенный...

При Государе Николае I турецкую крепость Браилов брали, да в Севастопольской обороне защитниками были,... а в турецкой кампании при Александре II, под Шипкой и Плевной, молодым еще, сам генерал участие имел.

Гордился генерал дедами да прадедами своими, да как не гордиться было, когда кровь у них в жилах военная текла, а в роду его по прямой мужской линии все военными были и все участниками сражений с поляками, турками да французами, и все то за славу, честь и величие матушки России. А в родовом гербе его корона дворянская: воин с пищалью да лев рычащий стоят, латинская буква "S" на щите том, да полумесяц со звездою сияют...

В 6-ю книгу имя его записано, — в книгу древних дворянских родов.

В послужной список Генерала, целый музей бы вместился... и чего только там не было: и чины, и ордена, и награды — похвалы: за рвение к службе, о призах за отличную стрельбу, да за первоклассную езду вписано...

Отличным ездоком Алексей Павлович слыл, природным конником считался.

В те времена, в 80-е годы, командовал он 2-й конной батареей и знали его не только по Твери, но и по всему Московскому Округу, "уже больно занятный был: чудаком его называли", любил он шуточки, прибауточки да каламбуры всякие, а по службе все же строг был: "требовательный, но к подчиненным справедливый". К тому же дамским кавалером считался; хотя и женатый, но в дамском обществе свой человек. Анекдотики всякие выдумывал... ну, и потешал всех, а дамы от него в восторге были — хихикали... Фокусы разные проделывал, а сколько трюков знал, всего пером не описать.

Таков был подполковник Алексей Павлович С—кий, командир Славной 2-й конной батареи...

— Вот к примеру, ежели, нагрянет в 4 ч. утра на конюшню, выслушает рапорт и узнает, что кобыла "Планета" захирела, обязательно прикажут подать ему конский помет, а потом будут копаться в нем да выяснять, что кобыла изволила откушать накануне... — рассказывал дежурный по конюшне.

А вот еще случай, когда над командиром дамочки гарнизонные вдоволь посмеялись: гарцевал как-то Алексей Павлович на своем любимом жеребце, а ветер подул да фуражку с него сорвал, а из-под фуражки баллончик выскочил: "испугались дамы, а затем в хохот пустились: парик-то у командира сорвался", — не знали они, что кавалер их паричек носит...

А время шло и шло... Откомандовал Подполковник С—кий своей 2-й конной, в полковники попал и дивизион получил, а с производством в генералы назначен был командиром 3-й Гренадерской артиллерийской бригады в Рославль, а затем 1-й Гренадерской в Москве командовал. По службе все больше выдвигался и на парадах выделялся, а в один прекрасный день удостоился благодарности на смотру в Высочайшем присутствии... Вот лихо промчалась одна из его батарей, — только колесо у зарядного ящика сорвалось, да соскочило, — скандал да и только,... но командир не растерялся: инструментальная повозка. на карьере подскочила, пыл подняла, да в пару секунд колесо вправлено было, что называется "на ходу".

— Отлично, генерал... все видел... — поздравил его Император Александр III, здороваясь с начальниками отдельных частей, после смотра.

— Как себя чувствуешь, генерал, что думаешь дальше делать?..

— В отставку, Ваше Императорское Величество... больше ничего... Никуда не гожусь, Ваше Императорское Величество.

— Как никуда не годишься?.. Такой молодчина и никуда не годен... кто тебе сказал?..

— Жена, Ваше Императорское Величество, — рявкнул генерал.

Государь улыбнулся... принял отставку Алексея Павловича и назначил его в Опекунский Совет.

В 1905 году, в Москве, сидя в кресле, в своем доме и читая газету о сдаче Порт-Артура, генерал С—кий, доблестный командир 2-й конной, внезапно скончался от разрыва сердца.

Эраст С—кий
Суворовец 1-го выпуска

ДЖИГИТЫ

Большинство племен кавказских горцев, как известно, прирожденные наездники; они ловко, непринужденно и красиво сидят в седле и любят коня, хотя зачастую обращаются с ним очень жестоко.

В регулярной кавалерии, в основу выездки строевой лошади, ставится строгая последовательность и мягкость: ласковое обращение с ней, что, конечно, требует очень много времени и терпения, тогда, как горец, за отсутствием в своем характере терпения, требует от лошади немедленного подчинения воле всадника, для чего прибегает зачастую к суровым мерам.

Вспоминая прохождение мною курса Офицерской Школы, я хорошо помню моего однокурсника Штабс-ротмистра, князя Келеч Султана-Гирея, впоследствии Начальника Черкесской Дивизии в Добровольческой Армии. Великолепный ездок, человек красивого и отлетического сложения, он обладал одновременно с тем сильной и мягкой рукой при выездке. Однако, как у настоящего горца, у него не хватало, зачастую, терпения и потому, когда во время сменной езды, мы слышали в манеже грохот, стук и звук падения, можно было, не поворачивая головы в сторону шума, угадать, что это штабс-ротмистр Султан-Гирей, выведенный из терпения, вошел в конфликт со своей лошадью. Эта, последняя, обыкновенно, после минутного своеволия, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, сжимаемая железными шенкелями своего всадника, получив пару горячих хлыстов, сдавалась на милость победителя.

Вторая отличительная черта горца — это любовь к быстрым и широким аллюрам. Горец-всадник, едущий шагом — это явление необычное. В одиночестве, вдали от начальства, он всегда скачет. Бороться с этим злом было совершенно бесполезно. Все приказы, внушения и уговоры были недействительны. и даже денежная подачка, о которой будет сказано ниже, давала очень слабые результаты.

В Дагестанском Конном полку был ротмистр Якимиди, уроженец благодатной Кахетии; человек уже немолодой, очень веселый, всеми любимый и большой любитель выпить и закусить, как большинство его земляков. Обращался он со всеми по-приятельски, на "ты", и всегда с прибавлением слова "душка"...

— Здравствуй, душка... Выпьем, душка... и т. п.

На войну он смотрел, не в обиду ему будь сказано, с точки зрения гастронома, как некоторые городские охотники на охоту. Он не столько увлекался мыслью встретить неприятеля, как подысканием симпатичных лужаек и уютных уголков, где можно было бы постелить бурку и организовать хорошую выпивку.

— Боевые качества бурки, — говорил он, — заключаются не в том, что она удобна или неудобна для верховой езды, а в том, что на ней хорошо пьется вино — драгоценное свойство в походной жизни.

Вина и водки поглощал он огромное количество, и одновременно с этим глотал какие-то, всегда имевшиеся при нем пилюли. На вопрос кого-то из приятелей: для чего он глотает это лекарство, он однажды ответил:

— Душка, вино и водка разрушают здоровье, а пилюли его восстанавливают, таким образом они между собой дерутся, а я нейтралитет держу, вино пью и здоровье сохраняю.

С этим ротмистром Якимиди произошел однажды любопытный случай, о котором я хочу рассказать.

Однажды, в жаркий летний день, у дороги, в какой-то галицийской деревушке, на балконе небольшого домика, сидел ротмистр Якимиди, со своими приятелями-офицерами и, по обыкновению, выпивал и закусывал. Беседа их текла тихо и мирно, как вдруг из-за угла выехал едущий шагом по дороге всадник Дагестанского полка. Якимиди, увидев едущего шагом горца, в первый момент как бы остолбенел от удивления, а затем, быстро вскочив, крикнул лезгину:

— Стой, душка! Наконец-то, в первый раз в жизни, вижу всадника-горца, едущего шагом... Молодец, душка, вот тебе за это три рубля...

Всадник с достоинством улыбнулся, не спеша спрятал бумажку за пазуху бешмета, поблагодарил ротмистра, и... ударив коня плетью, вскачь понесся по дороге, оставив за собой клуб пыли, в которой остался разочарованный ротмистр.

Отплевываясь и потрясая кулаком, Якимиди кричал вдогонку горцу:

— Душка!.. Чертов сын!.. Куда же ты попер, как сумасшедший?..

Полковник *Александр Немирович-Данченко*

Антология правовых добродетелей

ОТ РЕДАКЦИИ:

Хотя предлагаемая статья и не носит специально военного характера, но мы считаем все же нужным ее напечатать, т. к. она превозносит те принципы, которые как раз лежали в основе воспитания Российского Воинства. Мы надеемся, что эти начала — столь дорогие сердцу каждого русского офицера — будут в дальнейшем краеугольным камнем в нравственном сознании Российской молодежи.

Идея "Совершенного Человека" с самой зари истории неустанно занимала воображение людей. Древние греки олицетворяли эту идею в своих богах и героях, воплощавших не только физическую красоту,

но и нравственные, и интеллектуальные совершенства — по представлениям, конечно, того времени, а не нашим. Несколько позже в свои права вступила философия и для определения высоты лишь одного *внутреннего* мира, создала понятие "калокагатии", т. е. как бы "химического" соединения в одном человеке духовной красоты, мудрости и доброты, — о которой вздыхал еще покойный М. А. Алданов в своей "Ульмской Ночи". По мере развития человечества, идея совершенства начала, однако, все более и более дифференцироваться.

Прежде всего люди заметили, что интеллектуальная высота того или другого человека далеко не всегда влечет за собой высоту нравственную. Взять хотя бы, для примера, лорда Френсиса Бекона, одного из основателей Новой Философии, который при своих исключительных интеллектуальных дарованиях, совершенно не стеснялся в средствах для достижения своих личных целей. Он не только брал взятки "как лев", но даже в процессе графа Эссекса, своего благодетеля, сыграл, повидимому, предательскую роль. И это — человек, написавший "Новый Органон" и бывший, как многие думают, настоящим автором пьес Шекспира! Таких примеров в истории очень много, поэтому, не останавливаясь на них, я пойду дальше.

Отделив интеллектуальные качества от нравственных, сосредоточимся теперь на этих последних и посмотрим, нет ли и в пределах самой нравственности тоже известного дуализма? На данный вопрос приходится ответить в равной мере положительно, т. к. эта двойственность человеческих нравственных качеств резко бросается в глаза. В самом деле, опыт учит нас, что есть добродетели *морального* порядка, которым противостоят добродетели *правовые*. Первые — моральные — основываются на *чувстве* любви и милосердия, и являются как бы непосредственной, необдуманной реакцией на предстоящее вашему духовному взору *содержание* конкретной действительности; вторые же — правовые — построены на *сознании долга* и направлены на поддержание *формы* общественной жизни, без которой вообще не может быть никакого содержания, и все подлежит крушению.

Моральные добродетели, по существу — "христианские". Я пишу последнее слово в кавычках, так как эти качества, конечно, были и в Древнем Мире, и даже у тех людей, которые никогда о христианстве не слыхали. К ним относятся: доброта, милосердие, острая жалостливость, стремление помочь слабому и другие; что же касается правовых качеств человека, то они носят жесткий, "римский" характер и сводятся, главным образом, к правдивости, верности слову, лояльности, справедливости и fair play.

Эти, по существу, разные качества в совершенном человеке могут совмещаться, но обыкновенно у отдельных людей преобладают то одни, то другие. Поэтому на деле мы зачастую встречаем как бы *два разных типа людей:* одни вас пожалеют и помогут вам, но Боже вас упаси на них положиться; другие же сдержанны, жестковаты, но их слово — золото, и на них держится вся ткань нормальной общественной жизни.

Преобладание в народе одного типа нравственности над другим создает и характер нравственной жизни целого народа. Есть народы, поэтому, *правового и морального типа.* В древности мы имеем греков и римлян, как наиболее яркие примеры указанного выше противостояния. Как известно, греческие законы были значительно мягче и милосерднее римских — горе только в том, что, за отсутствием лояльности, их никто не соблюдал и все, как говорится, "ловчили", что приводило к полному крушению социальной жизни; что же касается Рима, то его Железный Закон возвышался над жизнью как незыблемая скала — и приобщил, в конце концов, почти все народы тогдашнего мира к благам общей культуры, созданной, впрочем, не столько римлянами, сколько греками.

Такой остроты и четкости нравственного противостояния мы не находим у современных народов, однако, все же можно сказать, что кельтические и славянские народы — скорее *морального* типа, а германские — в большинстве, *правового.* Говоря это, сразу же подчеркиваю, что данная характеристика только *приблизительна* и что она выражает лишь некоторую тенденцию в том или другом направлении.

Переходя теперь к *русскому народу* — что меня в данном случае особенно интересует — следует сразу же указать, что уклон его нравственной жизни в сторону *морали* — а не права — констатируют не только иностранцы, но и многие из Русских. Если не ошибаюсь, то покойный Н. А. Бердяев, например, в одной из своих книг, указывает на то, что сама *идея права* (в римском смысле) вообще чужда Русскому сознанию, а Достоевский сделал даже из *морального* характера Русского народа основную тему своих произведений. Что же касается иностранцев, наблюдавших Русских людей даже в самые критические моменты их истории и при полном крушении общественной нравственности (в эпоху революции и большевизма), — то и они все, в один голос, свидетельствуют о природженном гостеприимстве, *доброте* и приветливости нашего народа. Нужно прибавить, с другой стороны, что эти же иностранцы, говоря о *правовой* стороне характера Русских вообще, склонны даже иногда преувеличивать пониженную лояльность, приверженность ко лжи и "византинизм" наших соотечественников. В последнем отношении очень характерна книга профессора Легра о "Русской Душе", где он специально собрал на эту тему огромное количество неблагоприятных отзывов иностранцев, посещавших Россию в до-Петровские времена.

Как бы там ни было, но в заключение, мне кажется, все же нужно признать, что при всем высоком *моральном* уровне нашего народа, в *правовом* отношении он несколько дефективен — и что мы должны приложить все усилия, чтобы этот недостаток сгладить и вытравить, и по возможности, выправить "крен Русского корабля на левый борт".

Достижимо ли это, однако, в полной мере? Я ду-

маю, что нет, и что никаким воспитанием, например, вы не превратите "Рогожина" в расчетливого и законопослушного "Карла Ивановича". В основе характера человека или же народа лежат наследственные, биологические черты, которые проявляются в "первом же крике ребенка" и которых даже "могила не исправит". Воспитание сглаживает несколько эти черты, а железный закон государства сдерживает их проявление в том случае, когда они отрицательные. Достаточно, однако, санкциям закона рухнуть, чтобы эти черты расцвели махровым цветом! Тот, кто присутствовал при революциях, прекрасно это знает: с одной стороны, сколько внешне законопослушных, благочестивых и мирных граждан, которые на деле вдруг оказываются "чекистами", — и сколько, с другой стороны, людей "безобразного и неприличного поведения", которые готовы рискнуть своей жизнью во время революций, чтобы спасти ближнего, или же погибнуть в борьбе с насилием!

В данном случае *воспитание* вполне аналогично *образованию,* которому тоже никогда не удавалось обратить ни одного "прирожденного болвана" в гения — благодаря чему мир буквально кишит "учеными попугаями", украшенными часто даже университетскими степенями.

Не будем поэтому возлагать слишком больших надежд и на воспитание, которое может лишь сгладить природные недостатки, искусственно создать некоторую *инерцию* в желательном направлении и только внешне восстановить как бы равновесие внутренних качеств человека. Когда много людей воспитано в определенном направлении, то это дает некоторую *устойчивость* государству в период кризисов, под условием, однако, что *они длятся не слишком долго.*

Вывод из сказанного, в отношении России, напрашивается сам собой. Если у Русских людей, *от природы,* действительно моральные добродетели преобладают над правовыми, то воспитывать их нужно, упирая именно *на последние.* Пусть Церковь, попрежнему, проповедует христианское милосердие (которого у Русских всегда был непочатый угол) — однако, *главный упор* в воспитании юношества нужно делать на *право, лояльность* и *правдивость.* Это может быть легко достигнуто развертыванием, скажем, в хрестоматиях, перед воображением молодых людей — отдельных исторических сцен, которые не говорят о доброте, любви или же милосердии, но указывают на *долг* и как бы призывают ценить *государство* и все то, что способствует *устойчивости* людских отношений между собой. Кратким *наброском* такой хрестоматии, которую я назвал бы "Антологией правовых добродетелей" и является все нижеследующее. Книг под рукой у меня нет, и я могу излагая ошибаться в мелочах. Смысл, однако, сообщаемого я передам правильно.

1.

В эпоху завоевания Туркестана, один Русский солдат был замучен до смерти туркменами за то, что не хотел отречься от своей веры. Человек этот, сам ясно того не понимая, мыслил православие как национальную религию, или как стандартную философию Русского народа. Речь его перед смертью весьма характерна в этом смысле и, если память мне не изменяет, то она начиналась, примерно, следующими словами: "Мне, как приносившему присягу Государю Императору и т. д.".

Об этом изумительном случае говорит Достоевский в своем "Дневнике писателя", удивляясь, что Русская пресса пишет часто о всякой чепухе, а такой волнующий и значительный факт пропустила, по своей близорукости, между пальцев. Всем Русским, церковно-настроенным патриотам, безнадежно мечтающим, однако, об экуменичности, следовало бы хорошенько продумать описанный случай.

Этот простой Русский человек, этот герой-солдатик, не был искушен в богословских тонкостях и даже никогда не слыхал о Filioque, — но сложил то он свою голову не за универсального, кафолического и экуменического Бога, а за "Бога своих отцов", т. е. за "Русского Бога" — и за Государя Императора, которому он присягал, и который, перед лицом врага, воплощал в его сознании всю мощь его Народа и Российской Империи!

2.

Другой случай известен всем из "Русской Истории" Ключевского, но я все же считаю полезным о нем упомянуть.

Среди молодых людей, посланных Петром Великим заграницу, для обучения, был один дворянин из бедной семьи, Неплюев. Он отлично справился с учобой и стал морским офицером. Петр определил его на первых порах, для практики, в инструментальную мастерскую при Адмиралтействе, куда сам приходил каждый день, наблюдать за работой и самому упражняться.

Однажды, Неплюев загулял с вечера на именинах у приятеля, проспал утром положенный час, и явился на работу с запозданием, когда Государь был уже в мастерской. С Петром шутить было нельзя и Неплюев честно ему во всем признался: "Простите, Ваше Величество, я вчера у приятеля на именинах *перехватил малость* и никак утром не мог подняться". У Петра, смотревшего на него очень сурово, при этих словах лицо осветилось радостью и он, положив Неплюеву руку на плечо, сказал: "Спасибо тебе, милый, что не соврал. А что касается винца — то чем черт не шутит: и со мной, брат, это случалось. Я сегодня буду крестить матросского сына — так мы пойдем вместе, там и опохмелишься".

Петр I был, поистине, великий герой — и все его действия отмечены печатью незаурядности. Достаточно вспомнить хотя бы его тост, после Полтавы, за графа Пипера и побежденных шведов, как за "своих учителей". Поэтому я всегда внутренне краснею, когда мои соотечественники, как это теперь при-

нято, стараются умалить его значение. У него, однако, так же как у Цезаря и Наполеона, был *черный пункт* в жизни.

Для Петра это — когда он, взяв Нарву, ударил по лицу шведского полковника, коменданта крепости, за безнадежное ему (Петру) сопротивление, повлекшее за собой уличный бой и бесполезное пролитие крови. У Цезаря черным пунктом является бессмысленное убийство уже пленного героя Верцингеторикса, а у Наполеона — это расстрел, во рву Венсенского замка, герцога Энгиенского — лучшего и благороднейшего из французских принцев крови, который, вдобавок, лично высоко ценил Наполеона, как героя и полководца. Но что поделаешь — и на солнце бывают пятна!

3.

Когда, во время Второй Мировой войны, немцы стали, под общим руководством генерала Краснова, создавать из пленных казаков части для борьбы с большевизмом, — то со своей, немецкой, стороны, они постивили над этими образованиями начальником генерала фон-Паннвиц. Этот генерал был человек суровый — но он сжился со своими казаками и научился даже говорить по-русски.

После падения Германии, эти казачьи части, как известно, по требованию Сталина были выданы союзниками большевикам и посланы в зарешеченных вагонах "на убой" в Советскую Россию. Генерала фон-Паннвиц победители сперва тоже хотели судить в Нюренберге, но потом опомнились, т. к. жестокостей последний не совершал, и вся вина его была лишь в том, что он, как немец, служил своему отечеству. Таким образом, фон-Паннвиц и остался на свободе.

Через некоторое время этот генерал, живший недалеко от одной железнодорожной станции, узнал, что через нее должны пройти "каторжные" поезда с "убойными казаками". Он тогда явился на эту станцию в полной немецкой генеральной форме, но с кубанской шапкой на голове, и вытянувшись в струнку лицом к проходящим вагонам, все время отдавал честь, пока не прошел последний эшелон... Что же касается казаков, то проходя мимо, они все время кричали ему через решетки вагонов: "Прощай, батько Паннвиц!"

Трудно себе представить адэкватно, что переживал при этом немецкий генерал... Известно лишь то, что через некоторое время он *добровольно* отдался в руки большевиков, прося его судить вместе с генералом Красновым.

И, действительно, несколько позже его и осудили с названным Русским генералом и одновременно с последним повесили в Москве...

Этот поступок фон-Паннвица, казалось бы, бесцельный, может быть определен только одним словом: Благородство!

Николай А. Реймерс

(Окончание следует)

ОБЗОР ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ

Г. Александровский. — "Цусимский бой".
Русская Зарубежная Морская Библиотека № 76.
Нью-Йорк, 1956 год

"К сожалению, никто из, ныне здравствующих, офицеров Императорского Флота не проявил инициативы и не пожертвовал своим временем, чтобы попытаться очистить память забытых героев...", говорит автор. Упрек справедливый и тяжелый. Но, может быть, где-нибудь, имеются неизданные труды на эту тему, могущие снять его? Лично для себя принимаю его целиком, тем более, что Русско-Японская война была для меня, с корпуса, больным местом. Тем большую благодарность заслуживает автор, исправивший наш общий грех и сделавший это превосходно.

Как живые, проходят перед читателями все корабли, с их командирами и личным составом, их геройская борьба и славная гибель. Сам Рожественский, Бэр, Бухвостов, Миклуха-Маклай, Керн, Коломейцев и ряд других офицеров и матросов. Для всех них, Александровский нашел верные слова. Он выразил их, по отношению к капитану 1-го ранга Бухвостову, его офицерам и матросам, в следующих выражениях:

"Некому поведать, какую драму они пережили, и каким страданиям были подвергнуты в течении пятичасового боя с неприятелем, и огнем, и, еще более долгого, боя с ледяной водой. Их геройство осталось безымянным. Их совместный подвиг связан навеки с именем их корабля — "Император Александр III".

Такие же слова можно сказать и по адресу всех остальных героев, погибших на "Суворове", "Бородине", "Ослябе", "Адмирале Ушакове" и других кораблях. Вечная им память и слава.

Столь же верные слова сказал автор и по адресу преступников, покрывших позором сдачи несчастный, но почетный бой, который без их преступления остался бы неомраченным. И потому — вечный позор Небогатову, В. В. Смирнову, Баранову и их единомышленникам.

Г. Александровский упоминает мало известный факт, что один из первых, попавших в наши корабли в Цусимском бою, снарядов разорвался в судовой церкви "Суворова". "Это попадание было символичным. Оно, как бы, предсказало трагическую судьбу не только эскадры, но и всей Российской Империи". "Духовная сила Церкви Христовой остается неоскверненной, но народ, отошедший от Церкви, усумнившийся в ней, хулящий ее, обречен испить свою горькую чашу до дна. Вместе с виновниками погибнут и праведные — за то, что не нашлось в них достаточно моральных сил, чтобы во время остановить своих заблудших братьев". "С того времени прошло пол-

столетия, но горькая чаша, к краю которой прикоснулись губы участников Цусимского сражения, еще не испита нами до сегодняшнего дня".

У Небогатова и его позорных помощников не оказалось моральных сил, не было чести, веры и верности. Их поступок не получил достаточного осуждения и потому... "нет ничего удивительного в том, что, спустя 12 лет, в самый критический момент существования Российской Империи, в февральские дни 1917 года, появился не один Небогатов, а десятки их..." "Страна, граждане которой не умели держать данного ими честного слова, была опасно больна".

Вторую часть книги Александровский посвятил разбору и критике боя. Его исследование артиллерийских результатов боя с обоих сторон блестяще показывает, что стреляли мы не только не хуже, но, вероятно, лучше японцев. Не вина артиллеристов, что наши снаряды давали слабые разрывы и то не всегда, тогда, как японские разрывались даже при ударе о воду и вызывали, при всяком попадании, ужасающие пожары.

Стратегический разбор менее ярок, да автор и не претендует на полноту разбора, приведя лишь мнения различных морских писателей. Позволю себе сказать то, чего, насколько мне известно, ни в одном описании похода и боя не было сказано. Ошибка Рожественского заключалась в том, что он, с самого начала, поставил себе неправильную цель — прорыв на Владивосток. Эта цель была внушена ему директивой Морского министерства. Беря на себя тяжелую задачу, он должен был отбросить эту цель. Совершенно очевидно, что целью похода могло быть *только бой* и уничтожение неприятельских сил. Мог ли он этого достичь? Прорыв мог привести, при максимальной удаче, лишь к тому, чтобы, как говорит автор, "примириться с неизбежностью потерь в бою и ценою гибели нескольких кораблей прорваться с остальными во Владивосток".

Имел ли такой прорыв смысл? Ведь мы были слабее японцев. Гибель нескольких кораблей только увеличила бы эту слабость. Стало быть нужно было решать совсем иную задачу — как разбить главные силы японцев. Если бы Рожественский поставил себе такую цель, — у него нашлась бы воля, чтобы отвергнуть, навязанную ему, 3-ю эскадру. Он знал, что она его свяжет, понимал, что она не усилит, а ослабит, и просил Государя отказаться от ее посылки. Только вместо того, чтобы указать истинную причину таковой просьбы, он высказал сомнение, что Адмиралтейство сможет хорошо отремонтировать эти старые корабли. Государь ответил ему, что корабли отремонтированы исправно, но, если он считает задачу невыполнимой, ему предоставляется право вернуться в Кронштадт.

После этой телеграммы, у него уже не было выхода. Честь и самолюбие не могли позволить ему возвратиться, и он принял на себя невыполнимую миссию, зная, какую тяжелую задачу она ставит эскадре.

Однако, если откинуть 3-ю эскадру, то у Рождественского теоретически был шанс на успех в бою. Не следует забывать, что существования у японцев снарядов нового типа, дающих разрывы, которые наши снаряды дать не могли, нам известно, не было. Поэтому Рожественский мог думать, что качество снарядов у обоих сторон равноценно, и имел основание считать, что шансы не так уж неравны.

Но, вернемся к золотым словам Г. Александровского:

"...Нам нечего бояться вспомнить Цусиму. Правде надо было смотреть в глаза. Одной правдой является, что нас побили за нашу техническую отсталость. Постараемся никогда об этом не забывать и в будущем не отставать от технического прогресса".

"Но, в Цусиме есть еще *другая правда.* Правда, которой мы должны гордиться. Правда, которая показала, что Русский народ не потерял своего героического духа. Эта правда — *доблестное поведение подавляющей части личного состава второй Тихоокеанской эскадры".* "На этой правде, мы должны, воспитывать нашу смену".

Вот почему книга Г. Александровского должна находиться в каждой библиотеке каждого Русского человека, чтобы они, на примерах Миклухи-Маклая, Бухвостова, Родионова, Клочковского, Керна, унтер-офицера Бабушкина и других героев, воспитывали своих детей.

Е. фон-Шильдкнехт

С. П. МЕЛЬГУНОВ — Легенда о сепаратном мире (канун революции)ъ — стр. 506 — Париж 1957 г.

Книга исключительной ценности, восстанавливающая историческую правду об оклеветанной Царской чете и, особенно, об Императрице Александре Федоровне. Это книга—одна из немногих изданных в эмиграции, которая, в свое время, должна будет обязательно быть привезена в освобожденную Россию теми эмигрантами, которые не только доживут до этого момента, но, которые, по настоящему, хотят правды.

В результате долгой, исключительно добросовестной, кропотливой и правдивой работы, Сергей Петрович Мельгунов, человек независимой и смелой мысли, пришел к непреложному выводу, к тому, что "с легендой о сепаратном мире, порожденной общественной возбужденностью военного времени и поддержанной тенденциозной обличительной историографией, насколько речь идет о верховной власти, раз навсегда, должно быть покончено". "Оклеветанная тень погибшей Императрицы требует исторической правды".

Ныне, трудами честного, беспристрастного и независимого историка, коим был покойный С. П. Мельгунов, эта историческая правда дана. Все вымыслы "тенденциозной обличительной историографии" — разоблачены и опровергнуты. "В самый трагический момент своей жизни, — говорит С. П. Мельгунов, — стоя на краю пропасти и неминуемой гибели, они (Царская чета), находили и мужество, и силы говорить о "национальном позоре", которым ознаменова-

лось окончание войны". Книга дает очень много исторического материала, тщательно и умело проверенного, о событиях, предшествовавших революции и о настроениях разных кругов тогдашнего Русского общества. Она очень ярко воссоздает ту атмосферу общего помрачения Российских умов того времени, которое подвинуло многих добросовестных и честных Русских людей на ложные и опрометчивые поступки, приведшие Россию к катастрофе. Для будущих историков и для всех, кто будет стараться понять смысл и дух тогдашних событий, настроений и увлечений тогдашних Русских людей, книга С. П. Мельгунова сослужит неоценимую пользу.

Г. М.

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

ЕВФРАТСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

Сообщаю вам одну историческую подробность, о которой мало кто знает: "Высочайшим Приказом от 1-го января 1917 года было образовано Евфратское Казачье Войско из армян и добровольцев". Таким образом, казачьих войск было не 12, как обычно считают, а 13.

Сообщил *И. Ф. Рубец*

РУССКИЕ АМАЗОНКИ

При Русских Царях еще существовали Амазонские отряды. Они набирались из комнатной прислуги, все, как на подбор, были рослые, красивые "дворцовые женки". Ехали верхом по-мужски, перед колымагой Царицы, и имели собственную форму: на головах у них были особые белые шляпы с полями, подбитые тафтой телесного цвета. Широкие желтые шелковые ленты ниспадали со шляп по самые плечи и были унизаны золотыми пуговками, жемчугом и украшены золотыми кистями. Спереди — короткая белая фата закрывала лицо до подбородка. Длинные, широкие шубки и желтые сапоги. Отряд состоял из 24 женщин. Очевидно, этот женский отряд Москва заимствовала у Золотой Орды, где султанши имели каждая своих амазонок.

Сообщил *И. Ф. Рубец*

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 27 журнала "Военная Быль" была помещена статья под заглавием "Армянский генерал", которая была принята некоторыми нашими читателями-армянами, как оскорбительная для их национального достоинства. Редакция очень сожалеет о помещении этой статьи, вызвавшей, совершенно для нее неожиданную, реакцию некоторых читателей.

КАВКАЗСКИЕ ГЕРОИ

Князь А., известный своей доблестью старый кавказский генерал, приехал в Петербург представляться Государю Императору, по случаю возведения в звание Генерал-Адъютанта.

Император Александр III обласкал генерала и удостоил его приглашения в этот день к столу.

— Не могу, Ваше Величество.

— Но, почему? — изумился Государь.

— Кунаку обещал...

Государь рассмеялся и отложил свое приглашение.

Сообщил *А. Л.*

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из жизнетворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, безсонницы и в некоторых случая повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!

Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:

Laboratoire B, KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16e). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE : V. Miller, 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.

„Сборник Российской военной поэзии"

Выпуск I — Полковые и судовые песни и стихотворения. Издание Обще-Кадетского Объединения, под редакцией А. А. Геринга. Осталось ограниченное количество экземпляров. Цена: 400 фр. фр. В странах заокеанских: 1 долл.

НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

	Фр.
Георгий Ишевский — Честь	600
И. А. Ильин — Наши задачи, в 2-х тт. . .	2.400
Ю. Н. Данилов — Русские отряды на франц. фронте	350
Г. Александровский — Цусимский бой . .	700
А. Балашов — Для немногих, стихи . . .	400
Л. И. Кульнев — Волны жизни	350
Г. В. Месняев За гранью прошлых дней	700
К. Г. Булгаков — Русский и герман. воен. мир о творч. К. Попова	450
«Возрождение», ежемесячные тетради . .	200
Русская военная библиотека вып. I	60

ЗНАЧКИ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ.

Продаются у казначея: Б. М. Марин, 19, рю Плюме, Париж 15.

Почтовый счет: Париж — 9325-52.

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1958 ГОД НА БОЛЬШОЙ ВОЕННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„Военная Быль"

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Седьмой год издания. Выходит ШЕСТЬ раз в год.

В 1957 году, в журнале были помещены произведения: Г. Алеева, Бориса Арского, Г. Аустрина, Д. А., А. Балашева, Л. Беляева, В. Богуславского, А. В. Борщова (†), П. Ф. Волошина, Ив. Волхонского, Владикавказца, А. Геринга, Д. Де-Витт, Н. Заборовского (†), М. Зайцева (†), Б. П. Казмичева, В. Каменского, Е. Ковалева, А. фон-Корвин-Вирзбицкого, князя Н. В. Кудашева, А. К., А. А. Лампе, А. А. Левицкого, К. Леймана, Анатолия Маркова, Г. Месняева, С. Мжр, Кирилла фон-Морр, Н. М., Б. А. Николаева, В. П. Орлова-Диаборского, А. Потапова, Р. П., Владимира фон-Рихтер, И. Ф. Рубец, Н. Н. Р., Ивана Сагацкого, Л. Сейфулина, Симоновича, Я. Смирнова, Старого гусара, Г. Танутрова (Жука), А. Тучкова, Вл. Третьякова, Г. Усарова, Вл. Хороманского, Бориса фон-Царевского и А. Черно морцева.

Подписка принимается по адресу Редакции, а также у всех Представителей журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА, С ПЕРЕСЫЛКОЙ НА ГОД:

Во Франции и колониях — 1100 фр., в Англии и Австралии — 25 шил., в С.А.С.Ш. и Канаде — 4 дол. 50 центов.

Отдельные №№, соответственно: 200 фр., 2 гер. марки, 5 анг. шил. и 80 америк. центов.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1958 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ
ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник"

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Восьмой год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:

61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей « ВОЕННОЙ БЫЛИ » и « ВЕСТНИКА ».

Подписная цена с пересылкой на год:

700 фр. фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.

В газете — постоянные отделы: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

№ 29

МАРТ 1958 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 7-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Обще-Кадетское Объединение извещает, что в третью годовщину кончины почетного Председателя Объединения

ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Гавриила Константиновича

панихида будет отслужена у Его ПамятнойДоски и Кадетской Неугасимой Лампады, в Церкви Знамения Божией Матери, в воскресенье 9 марта 1958 года, в 14 час. 30 м.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1100 фр. с пересылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № — 5 шил. год. подписка — 25 шил., в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16ᵉ). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881 - 89 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

7-й год издания № 29 МАРТ 1958 Г. Bimestriel. Prix — 200 fr.

От Батума к Трапезунду

(Продолжение).

В виду намеченной перегруппировки сил, нашему полку было приказано передать взятое направление 19-му Туркестанскому стрелковому полку и двинуться к берегу Черного моря. Рано утром, полк покинул греческие села и вытянулся длинной змеей, по ущелью реки, впадающей в море. Наша головная 1-я сотня скоро достигла берега моря. Раннее утро. Море не шелохнется. Горы задернуты пеленой облаков, причудливо стелящихся по их склонам. Синие вершины обнажены. Озаренные брызжущими лучами восходящего солнца, они прекрасны в своем величии. Сизые дымки костров стелятся над землей. В ожидании похода, люди балуются чайком. Взводные и отделенные проверяют людей, патроны и оружие. Сегодня предстоит встреча с врагом — надо быть наготове.

На море, до того пустынном, появились дымки. Скоро невооруженным глазом можно было разглядеть госпитальное судно "Португалия", громадный пассажирский пароход, застрявший из-за войны в Черном море и так нам всем хорошо знакомый по Батуму. Переделанный в госпитальное судно, с громадным медицинским персоналом, отлично оборудованными операционными, перевязочными и палатами, "Португалия" обслуживала наш фронт по эвакуации больных и раненых. Окрашенная в белый цвет, с громадным красным крестом на трубе, с флагами Красного Креста на стеньгах, она в сопровождении двух миноносцев тихо приближалась к берегу, готовясь принять до 800 раненых, сосредоточенных для удобства эвакуации в прибрежных селах побережья.

На небольшом плато, терассами убегающем вниз, к берегу моря, окаймленном порослью шиповника и ежевики, с которого открывался чудный вид на бирюзовое море, только что разбуженное первыми поцелуями солнечных лучей, в ожидании выступления стояла группа офицеров 1-го батальона. Шла оживленная беседа. Покуривая неизменные батумские "Дели-Баб", офицеры восхищались стройными очертаниями "Португалии" и сопровождающих ее миноносцев.Как вдруг, на наших глазах, средняя часть "Португалии" окуталась темно-желтым облаком дыма. На миг скрыт весь корабль, слышны глухие удары. В рассеивающемся дыме, нос и корма "Португалии", описывая дугу, вдруг начали стремительно подыматься вверх. На миг показалась подводная часть, окрашенная суриком, будто залитая кровью смертельно раненой "Португалии" и от красавца корабля, сломанного пополам, ничего не осталось.

Миноносцы открыли беглый огонь, как видно для отражения минной атаки и, как бешеные, стали метаться в районе гибели корабля и затем, подобрав кого было возможно, скрылись в направлении Ризе. Трагическая гибель "Португалии" произвела удручающее впечатление на нас всех и каждый, мысленно, рисовал себе картину ужасов, царивших на гибнущем корабле.

В заключение не могу не отметить рассказа офицеров 4-го батальона, который, после взятия г. Оф, продвигался берегом моря на соединение с полком. Спустя некоторое время, после гибели "Португалии", группа офицеров, стоявшая на самом берегу, во главе с командиром батальона ротмистром Канн, большим балагуром и весельчаком, заметила в море большую доску, на которой лежала фигура в белом и гребла руками, направляя ее к берегу. Когда она подплыла ближе, то, к всеобщему удивлению, в этой фигуре узнали нашего полкового батюшку, оставшегося в Батуме. Весь мокрый, в облепившем его тело нижнем белье, со шляпой на голове, отец Лука Хунцадзе был настолько комичен, что несмотря на трагичность его положения, Канн расхохотался и закричал:

— О, отец Лука в пучине морской... Выдыбай, грешник велий, выдыбай!..

Почувствовав под собой твердую почву, отец Лука бросил доску-спасительницу и выбрался на берег весь мокрый, с прилипшим к телу бельем, с длинными космами волос, свисавшими из-под мокрой шляпы. Весь синий, стуча зубами от холода, он подошел прямо к смеющемуся ротмистру Канн и сказал:

— Ну, смотри... все прощу, а этого никогда не забуду.

Измученного и продрогшего батюшку сейчас же обогрели, переодели, накормили, а, главное, заставили выпить солидную порцию коньяка, по случаю благополучного прибытия в полк.

Противник был недалеко. Он тоже видел гибель "Португалии" и продвигавшиеся вперед сотни вскоре столкнулись с его передовыми частями. Завяза-

лась жаркая перестрелка, но, уже к вечеру, турки отошли под прикрытие своих позиций у реки Кара-Дере. Заняв на берегу моря Хамуркан, пограничники вплотную подошли к передовой линии турок и, окопавшись, заняли участок от берега моря и по хребту влево, до стыка с 19-м Туркестанским стрелковым полком.

В ближайшем будущем предстояла новая фаза борьбы, борьбы упорной, решавшей участь Трапезунда. Турки это поняли и стянули все наличные силы, пополнили их подкреплениями из Константинополя, при помощи немецких инженеров сильно укрепили подступы к Трапезунду, и, видимо, решили, во что бы то ни стало, удержать за собой названный район. Генерал Ляхов учел обстановку и остановил Приморский Отряд перед рекой Кара-Дере. Ему нужно было время, дабы выждать подходящие морем подкрепления, без которых численно слабому Приморскому Отряду было рискованно начинать операцию по овладению Трапезундским укрепленным районом. С другой стороны, большой скачек вперед разумно требовал приведения в порядок тыла и организации нормального снабжения фронта всем необходимым.

IV

Наступившее затишье на фронте Приморского Отряда предвещало бурю. Обе стороны усиленно готовились к решительной схватке. Наш 1-й батальон, составляя правый фланг Приморского Отряда, окопавшись, тремя сотнями занял позиции от берега моря и влево по хребту, тянувшемуся параллельно позиции турок. Горный взвод Михайловской Крепостной Артиллерии установил свои орудия непосредственно за участком 2-й сотни. На самом берегу моря, уступом сзади, в резерве, расположился Пластунский батальон с пулеметной командой и Мортирный взвод Михайловской Крепостной Артиллерии. 1-я сотня осталась в батальонном резерве и стала бивуаком за серединой батальона, ближе к его правому флангу, в лощине, скрывающей ее от взоров противника. Отсюда, как на ладони, открывалась полоса берега, убегающего вдаль. У подножья гор, в долине небольшой речушки, виден был Хамуркан, уже разбухший от интендантских складов и обозов разных частей. Ближе к позициям расположились несколько летучек Красного Креста и питательный пункт. По дороге из Ризе, тянулись молоканские транспорты, пополнявшие наши запасы. На берегу моря, кипела работа по разгрузке приходящих тральщиков.

23 марта, в 8 часов утра, в бухту Сюрмене, в сопровождении трех подводных лодок, вошел под Андреевским флагом неприятельский крейсер "Бреслау". Плавно, чуть рассекая воду носом, приблизился он к фронту нашего расположения, развернулся левым бортом и Андреевский флаг, гордо реявший на гафеле, стал медленно спускаться, а на его место взвился алый с белым полумесяцем. Бортовой залп из всех шестидюймовых орудий гулко пронесся над водой. Вслед за первым залпом, последовал второй, а затем, с дистанции предельной близости, "Бреслау" открыл беглый огонь по нашему расположению. Горы и леса вздрогнули, ухнули и застонали перекатным эхо в оврагах и ущельях, разбуженных грохотом орудийной стрельбы. Громадные столбы черного дыма, смешанные с землей, деревьями и камнями взметались вдоль окопов нашего батальона. С пронзительным воем и скрежетом неслись снаряды с "Бреслау", сверля воздух и внося смерть и разрушение в наши ряды. Его фланговый огонь был настолько меток и действителен, что не прошло и нескольких минут, как весь скат горы, обращенный в нашу сторону, покрылся бегущими людьми. Нависла угроза турецкого наступления. Без приказания, 1-я сотня, рассыпавшись в цепь, залегла по гребню лощины, готовая прикрыть бегущих и привести их в порядок. С нашей стороны открывался обширный кругозор. Отчетливо выделялись позиции турок, наши и "Бреслау" с подводными лодками, продолжавший бешено громить участок 1-го батальона. Сзади виднелся Хамуркан, на рейде которого стоял наш тральщик, севший накануне на мель, из-за туманной погоды. Работы по его снятию еще не начинались и он, явно, был обречен на уничтожение появившимися судами противника.

Вскоре, район расположения нашей сотни стал наводняться людьми главным образом пластунами, стоявшими в резерве, на открытом берегу моря, не имевшими никаких убежищ, и, в первую голову, попавшими под обстрел "Бреслау". Многие бежали без винтовок, но нужно сказать к чести их пулеметчиков, что они, побросав свои вещевые мешки, задыхаясь от усталости и тяжести, тащили на себе свои пулеметы, карабкаясь на солидные кручи и подгоняемые огнем артиллерии неприятельского крейсера. Вливаясь в боевой порядок 1-й сотни, пластуны, накапливаясь, стали занимать позицию, удлинняя наш правый фланг. По их рассказам, в тот момент, когда "Бреслау", под Андреевским флагом, подошел к нашим позициям, большая толпа казаков собралась на берегу. Первый залп, последовавший одновременно с переменой флага, дал несколько рикошетов по воде, поднимая большие фонтаны. Кто-то пустил слух, что всплыло много оглушенной рыбы. Нашлись любители полакомиться свежей рыбкой и полезли в воду. Но второй залп, угодивший в расположение вьючного обоза и бивачного расположения батальона, дал понять, что здесь что-то не то. Поднялась суматоха. Некоторые станичники, оставшиеся на берегу, стали махать своими папахами в сторону "Бреслау" и кричать:

— Куда, бисова душа, стреляешь? Тут свои... Стреляй правее!..

Но, когда это не помогло и снаряды начали ложиться по берегу и хребту, занятому пограничниками, все стало понятно и все, кто мог, ринулись в горы. Хотя обстановка и продолжала оставаться серьезной, мы от души посмеялись над рыболовами, попавшими в переплет.

Чо этим не кончилось и сегодняшний день сулил

нам еще много неожиданностей. Перешедшие в наступление турки не смогли добраться до наших окопов и где рвались их же собственные снаряды, а "Бреслау" внезапно прекратил огонь и вместе с подводными лодками пошел к Хамуркану. Этот момент был использован и части 1-го батальона вновь заняли свои позиции и начали обстрел подошедших турок, которых быстро и отогнали. Через несколько минут, мы стали свидетелями, как "Бреслау" начал расстреливать злополучный тральщик, упорно не шедший ко дну. Перелеты с "Бреслау" попадали в Хамуркан, что вызвало панику среди нестроевых чинов всех частей и часть обозов рвануло в горы. Изрешетенный тральщик держался на воде. "Бреслау" прекратил огонь и одна из подводных лодок подошла к тральщику почти вплотную и в упор стала расстреливать его из своего орудия. Тральщик загорелся и, вскоре, представлял из себя пылающий костер. Пустив несколько прощальных очередей по Хамуркану, турки прекратили огонь и скрылись за горизонтом.

Можно с уверенностью сказать, что несчастный тральщик спас все положение — он помог восстановить порядок на участке нашего 1-го батальона, а в Хамуркане уцелели все склады, подвергавшиеся опасности быть уничтоженными артиллерийским огнем.

К 17 часам, из Батума, пришел линейный корабль "Ростислав" или, как его называли солдаты, "Расчесал", очевидно вызванный телеграфом, стал против позиции турок и, действительно, начал "чесать" их беглым огнем своих 10-дюймовых орудий. Громкое ура перекатывалось по нашим окопам, приветствуя удачные попадания артиллерии старика "Ростислава".

Тет де пон, прикрывающий переправу через реку Кара-Дере, давая возможность противнику спокойно и скрытно накапливать силы для действия против нашего правого фланга, заставил генерала Ляхова, не ожидая подхода подкреплений, собственными силами попытаться сбить его и закрепить за собой правый берег реки Кара-Дере. 24 марта два миноносца, в продолжении дня, обстреливали позиции турок, а пограничникам было приказано быть наготове, атаковать и взять на рассвете позиции турок.

24-го марта вечером наша 1-я сотня покинула бивак и, оставаясь в батальонном резерве, заняла позиции 4-й сотни, чтобы иметь возможность, в зависимости от дальнейшей обстановки, в любой момент поддержать атакующие части. В 21 час, имея проводников из 4-й сотни, мы двинулись в путь.

Погода испортилась. Накрапывал дождик. Тяжелые, свинцовые тучи низко стелились к земле, окутывая своими холодными объятиями вершины гор. Тьма была непроглядная. Приходилось двигаться буквально на ощупь, в затылок друг другу. Чуть приметная тропинка змеилась среди густых зарослей молодого леса. Оттянутые ветки, выпрямляясь, как пружины, больно хлестали по всем частям тела, вызывая раздражение и брань. Тишину ночи будило шуршание камней под ногами, да тяжелое дыхание идущих. нагруженных людей. Изредка звякнет плохо пригнанный котелок или баклага, раздастся резкий лязг скрестившихся штыков. Снова тишина и однообразный гул двухсот пар ног, мерный, клонящий ко сну. В конечном результате, сотня заблудилась. Проводники сбились с дороги и сотня болтается нивесть где. Темнота — ни единой звездочки. Телефонисты вызвались пойти поискать провод, который они тянули от штаба батальона на позицию, и вот... они его нашли. И вот сотня, гуськом, продираясь через заросли, без всяких дорог, потянулась за ними.

Только на рассвете добралась сотня до места своего назначения. В окопах уже никого не было, но на противоположном скате шла оживленная стрельба и полк, с боем, продвигался вперед. Турецкая артиллерия, беглым огнем, обстреливала хребет, уже, очевидно, занятый его сотнями и часть снарядов начала рваться в нашем расположении. Резкие залпы, частый огонь, треск пулеметов потрясали воздух. Ущелье гудело от шума стрельбы. Включившись в провод, командир сотни получил приказание немедленно двигаться вперед и занять прорыв, образовавшийся между 4-й сотней нашего и 9-й 2-го батальона.

Параллельно нашим позициям, тянулся невысокий и довольно пологий хребет, постепенно спускавшийся к берегу моря. Внизу расстилалась долина, расширявшаяся к устью Ката-Бери, довольно широкой и полноводной, катящей свои мутные воды почти у самого подножия наших позиций. В устье ее, на левом берегу, ближе к противнику. раскинулось большое торговое село Сюрмене, с солидными, в несколько этажей, постройками. Громадная мечеть с высоким, как игла, минаретом занимала центральную часть поселения. У входа в Сюрмене, старинный мост, с несколькими пролетами, соединял оба берега. но часть его, с нашей стороны, турки взорвали и он зиял своей брешью. Тут же, от самого берега моря тянулись громадные штабели дров и досок, не дождавшихся своей отправки по назначению.

На сей раз Приморский Отряд вплотную подошел к линии обороны Трапезунда. Она была сильно укреплена немцами и давила своей неприступностью. На другой день, вьючники, доставившие нам продовольствие из Хамурканских складов, сообщили, что в Ризе прибыло много транспортов в сопровождении военных кораблей и, в настоящее время, там происходит выгрузка свежих частей. Слухи были подтверждены официально. В район Ризе прибыли две Пластунские бригады, которые, по высадке на берег, должны были занять позиции на левом фланге Приморского Отряда.

Противник, очевидно, чувствовал или знал о подходе к нам подкреплений, ибо, этой же ночью, пытался атаковать наши части, но неудачно. Атака, главным образом, велась в расположении 5-го Кавказского пограничного полка. Наступающие турки были обнаружены разведчиками 3-го батальона, искавшими "удобные броды", на случай дальнейшего наступления. Разведчики открыли огонь и, отойдя к своим сот-

ням, предупредили их о наступлении врага. Бой, разгоревшийся на участке 3-го батальона, перекинулся вправо, до самого берега моря. Обнаруженный противник, поддержанный своей артиллерией, открыл сильный огонь. Пули с треском и жужжанием неслись над нашими окопами. Загремели наши резкие, выдержанные залпы, но вскоре они прекратились и все перешло в страшный захлебывающийся рокот частой стрельбы. Яркие вспышки ручных гранат Новицкого, треск заливающихся пулеметов, резкие удары орудий, стоны раненых — дополняли жуткую картину этой ночи. Высоко в небе, звездами, рассыпались ракеты и на мгновение озаряли призрачным светом отроги гор, кусты, деревья и темные пятна движущихся цепей.

Противник отошел за реку. С обеих сторон стрельба стала замирать. Но до рассвета редкая перестрелка заставляла быть на чеку.

С подходом двух Пластунских бригад, занявших левый фланг Приморского Отряда, 5-й Кавказский Пограничный полк был отодвинут правее. Против нашего участка теперь находились селение Сюрмене и шоссейная дорога, связывающая Ризе с Трапезундом, а на реке — подорванный мост и дровянные склады на берегу моря. Пользуясь моментом затишья, каждая сотня высылала офицерские разведки для отыскания бродов, но река была глубока и, в лучшем случае, глубина брода доходила до пояса и выше, и являлась серьезным препятствием для дальнейшего движения вперед.

Тем временем, генерал Ляхов неоднократно посещал наши позиции и изучал обстановку на месте. Полк получил пополнение из 221 пехотного запасного батальона. Командирам сотен выдали подробные карты Трапезундского района. Впервые появившиеся наши самолеты производили ежедневно воздушную разведку. И, наконец, на наших участках появились новые Горные и Мортирные дивизионы Михайловской Крепостной Артиллерии.

31-го марта была получена диспозиция генерала Ляхова, с которой были ознакомлены не только старшие и младшие офицеры, но и рядовые. Согласно ей, 1 и 2 Пластунские бригады, с приданными им 15 и 17 Пластунскими батальонами, на рассвете 1-го апреля, должны были, с обходом правого фланга турок, перейти в решительное наступление и сбить противника с занимаемых позиций, и правому флангу Отряда — 5-й Пограничный, 19-й Туркестанский полки и Сводный батальон Михайловской Крепостной Артиллерии, в 12 ч. перейти Кара-Дере, атаковать турецкие позиции и взять их. Ко 2 апреля всем частям Приморского Отряда овладеть укреплениями противника по левому берегу реки Янук-Дараси.

В дальнейшем диспозиция была выработана на каждый последующий день и в ней точно и определенно были указаны направления и рубежи наступления. Последняя дата диспозиции 7-е апреля, по которой 5-му Кавказскому пешему Пограничному полку было приказано атаковать и взять форты и город Трапезунд. По исполнении сего, 1-му батальону отойти в Отрядный резерв, в селение Мигирджи, а прочим частям Отряда — взять "Дживишглик" и "Платану", окопаться, ожидать атаки превосходных сил противника и не отдавать Трапезунд.

Г. Аустрин

(Окончание следует)

С Назаровым под Вознесенском

(Продолжение)

Создавшаяся в это время обстановка на фронте представлялась следующим образом: Одесса, только что была взята восставшими офицерами. Под натиском Добровольческой Армии большевики отступали с боями на север, вдоль единственной железнодорожной линии, ведшей на Бирзулу. Среди красноармейских частей были полки, сформированные целиком из матросов Черноморского флота, отличавшиеся особенным мужеством и жестокостью в бою. Отступление большевиков поддерживалось десятком бронепоездов, которые были вооружены и легкими, и тяжелыми морскими орудиями. В массе отступавших, где -то был и Раковский, вывозивший с собою все денежные запасы ограбленных одесских банков.

Бригаде генерала Склярова была поручена задача перерезать красным путь отступления, захватив и удерживая Вознесенск с его большим мостом через Буг и важными железнодорожными депо.

Назаров подтвердил по сотням, что по установленным в его полку правилам, треть всей добычи, захваченной в бою, отойдет взявшим ее, будь то золотые запасы города Одессы или что-нибудь иное.

Мы недолго отдыхали в слободе. После полдня раздалась команда и сотни стали вытягиваться по проселочной дороге, обходя идущие справа подводы с пехотой 42-го полка, среди которых, в черной старомодной карете, ехал Назаров. В хвосте этой длинной колонны тянулись две трех-дюймовые пушки назаровцев. Чувствовалось, что происходит что-то важное. Партизанские сотни пошли рысью вперед.

Ровная и открытая местность слегка повышалась. На близкой линии горизонта намечалось несколько низких холмов. Туда галопом проскакал Назаров, обогнав нас. Вторая конная партизанская пошла вправо. Командир сотни назначил меня коноводом и я принял пять лошадей партизан моего взвода. Сотня спешилась и, рассыпаясь в цепь, пошла вперед. Партизаны вскоре исчезли за перегибом местности.

Немного погодя везший донесение казак сообщил, что невдалеке виден полустанок Трикраты, и к нему со стороны Вознесенска подходит бронепоезд.

Вдруг впереди послышалась ружейная стрельба. Потом над полем грянуло с треском несколько низких разрывов шрапнели. Следующая очеред покрыла лошадей и коноводов, другие разрывы наметились около холма, где находился Назаров. Беглым артиллерийским огнем бронепоезд обстреливал весь участок 42-го полка. В грохоте шрапнелей и гранат, по степи потянулся к нам крик:

— Коноводов!..

На горизонте появились быстро отходившие назад партизаны. Они разобрали лошадей. Сотня села и. рассыпаясь в лаву, пошла вперед.

С перегиба местности открылась картина: впереди полого-снижающиеся поля несжатой кукурузы и приблизительно в одной версте от нас постройки полустанка Трикраты; немного вправо, у проселочной дороги, пересекавшей железнодорожную линию, поднятый шлагбаум. Дорога эта поднималась и, извиваясь лентой в степи, вела на запад в сторону Буга. Влево, за поворотом железнодорожного пути, виднелись дымки паровозов, дома Вознесенска, небольшое светлое пятно Буга. Только что прошедший бронепоезд красных, перенося огонь на разные участки нашего расположения, быстро уходил на север.

Сотни, не получая приказаний, стояли под огнем. Наконец, командир сотни, вынув шашку, крикнул:

— Сотня за мною... марш!..

Лава выравнялась, перешла в рысь, потом в галоп. С полустанка стреляли, но, когда мы уже подходили к полотну железной дороги, выстрелы стихли. Станцию мы нашли пустой.

Взвод получил приказание выводить все пустые вагоны с запасных путей и набивать их чем попало, чтобы зажечь их на главном пути. Другие взводы занялись чисткой станционных построек, резкой проводов и пр. В это время, заметивший нас издали бронепоезд вдруг сразу перенес свой огонь на занятый нами полустанок. Под разрывами снарядов мы с трудом справлялись с делом. Несколько вагонов было уже подведено к главному пути, но мы никак не могли справиться с заклиненной стрелкой. Пока над нею возились несколько человек, остальные продолжали искать и подносить дерево, солому, шпалы и набивать ими вагоны.

В это время кто-то крикнул:

— Осторожно, справа от Вознесенска, подходит товарный поезд.

Около вагонов, посредине двора, был колодец с журавлем. За ним стоял домик железнодорожника. На ступеньках его, глядя на нашу суету, переговаривались между собою две женщины — одна уже старая, другая моложе, с ребенком на руках.

Внезапно из домика на двор выбежал железнодорожник. Громко ругая нас непечатными словами, он бросился к колодцу.

— Осторожно... поезд из Вознесенска в одной версте. Впереди, кажется, пушка, — снова прокричали с главного пути.

Стало ясно, что мы никак уже не успеем вывести вагоны на него. Партизаны начали поджигать вагоны. Но в этот момент железнодорожник подбежал с ведром воды и выплеснул его в огонь. Он сейчас же побежал опять к колодцу. Его поймал за рукав партизан:

— — Брось, не время шутить с огнем!... — но железнодорожник вырвался и стал набирать воду снова. Так, ругая нас, он умудрился выплеснуть в горящие вагоны еще два ведра. Но, когда он опять от колодца закричал, указывая в сторону Вознесенска:

— Подождите, сейчас наши дадут вам "белогвардейская св....", — совершенно озверевший партизан бросил окружающим: — "Разойдись!", — и, вскинув винтовку, выстрелил ему в затылок. Железнодорожник с наполненным ведром грохнулся на землю...

Раздумывать было некогда. С противоположной стороны полотна раздалась команда:

— По коням!..

Под непрекращающимся обстрелом бронепоезда, и уже на виду у состава, шедшего из Вознесенска, мы оставили станцию и помчались обратно к холмам. Дойдя благополучно до них, сотня остановилась и снова повернулась лицом к полустанку. Правее нас, против шлагбаума, виднелась лава 2-й партизанской сотни. Подходивший к станци поезд был составлен следующим образом: впереди на открытой платформе стоял черный автомобиль, который партизаны издали приняли за пушку; дальше был паровоз и за ним вагонов сорок товарного поезда. Состав продвигался вперед очень осторожно. Бронепоезд прекратил огонь и еле был заметен на горизонте, верстах в пяти от нас. Все с любопытством следили за товарным поездом. Из полуоткрытых вагонов его виднелись фигурки красных, стрелявших по сотне. Поезд проходил Трикраты.

Когда платформа с автомобилем оказалась около шлагбаума, с нее, с изумительной быстротою, на наших глазах был сгружен на дорогу автомобиль.

— Давай пушки! Бей по автомобилю!.. — понеслось по лаве. Большевики из вагонов усилили огонь. Поезд остановился.

У шлагбаума происходило какое-то замешательство. Увы, обе наши пушки, видимо, меняли в это время позицию, молчали и только, когда от шлагбаума автомобиль с четырьмя людьми во всем черном понесся в сторону Буга, послышались выстрелы наших орудий. Автомобиль мчался среди разрывов и благополучно уходил на запад.

Паровоз с пустой платформой вдруг отделился от состава и, набирая ход, начал уходить под прикрытие бронепоезда. Наши пушки выпустили и его. Тогда из брошенного состава понесся рев и ругань. Большевики, бросив стрельбу, тянули кулаки вслед уходившему паровозу...

Хорунжий Воропаев сделал знак шашкой и лава 1-й партизанской пошла на поезд. Оттуда снова град пуль. Сотня шла рысью, прямо в лоб, и начинала охватывать поезд слева. 2-я партизанская огибала его справа. Потом все бросились вперед полным карьером. Уже отчетливо были видны лица красноармейцев.

выцеливавших нас из вагонов, но потом их огонь сразу оборвался. Подлетев к первому вагону, я увидел, что он был пуст. Поезд оказался брошенным большевиками, не выдержавшими конной атаки. Когда я объехал его, с другой стороны уже стояла большая толпа пленных в одном белье. Их выстраивали в одну линию. Высокий офицер 2-й сотни, в маленькой кубанской папахе, сбитой на затылок, с рыжеватыми усами и неподвижно-стальными глазами, спокойно следил за построением. Он появился в полку не так давно, спасшись, несмотря на серьезную рану, от большевиков, которые буквально на его глазах, перебили всю его семью в имении.

Когда все было готово, он подошел к правофланговому пленному и спросил его:

— Ты где служил раньше?

— Я матрос Черноморского флота.

— А ты помнишь, какой был флаг на русских военных кораблях?

— Белый.

— А на белом было ли еще что-нибудь?

— Какой-то синий крест... Андреевский, что ли, а что мне до него? — нагло ухмыльнувшись, ответил матрос.

— Так вспомни об этом кресте сейчас! — и офицер, перевернув нагайку, дважды по диагонали ударил матроса по лицу окованной рукояткой. Тот наклонил голову, выплюнув выбитые зубы...

Так офицер, с теми же вопросами обходил весь фронт захваченного в плен 5-го матросского полка.

— Кадет, — услышал я за спиной: — отыщите Командира полка и устно от моего имени передайте ему донесение об исходе атаки. — Хорунжий Воронцов назвал мне цифры захваченных пленных, имущества и оружия, и я помчался к холмам, где должен был быть Назаров.

Я нашел его по "Зорабу", свободно стоявшему за спиной Федора Дмитриевича. Назаров, не отрываясь от бинокля, продолжал рассматривать местность.

— Отлично, — отозвался он, когда я кончил доклад: — передайте командиру сотни, что мы идем дальше в Вознесенск.

На заходе солнца мы вступали в город. На окраине его нас встретил оркестр музыки, игравший до изнеможения старый Егерский марш. Музыканты, почти исключительно местные евреи, представляли собой пеструю толпу оборванцев, но все трубы оркестра были обвиты широкими, слишком бросающимися в глаза, национальными лентами. .

Наша сотня была расквартирована тут же на северной окраине Вознесенска.

Втечении нескольких дней мы отдыхали спокойно. Город даже устроил нам какой-то концерт-бал. 1-я партизанская сотня, как наиболее потрудившаяся за последние дни, была назначена в резерв полка. Настроение в городе было, однако, весьма тревожное и все держались на-чеку; по сведениям, в Вознесенске скрывалось много большевиков, спасшихся из-под Трикрат, и группа комиссаров, которых никак не могла выловить наша контр-разведка. С другой стороны, из-под Одессы должны были рано или поздно подойти прорывающиеся на север красные. Штаб полка разрешил только короткие отлучки, да и то почти исключительно по служебным делам.

И вот за Бугом послышались орудийные выстрелы. Над Вознесенском загудели первые снаряды большевиков, пробивавших себе путь на север. Снаряды рвались в разных местах города, но больше всего обстреливалась сторона расположения нашей сотни: красные нащупывали пороховые склады, находившиеся где-то в степи, невдалеке от нас.

В это время произошла любопытнейшая история. Как-то утром, несмотря на обстрел города, мои друзья отлучились, поручив мне присматривать за лошадьми и вещами.

Оставшись один, я начал рассеянно рассматривать нашу комнату. По стенам ее между олеографиями и полувыцветшими фотографиями были приколоты кнопками какие-то открытки. Разглядывая их вблизи, я машинально, будучи с детства страстным коллекционером марок, поинтересовался узнать, что за марки находятся на обратной их стороне. Отогнув осторожно угол одной открытки, я узнал старую русскую восьмикопеечную марку и мысленно решил попросить ее для себя, когда увижу хозяина. Однако мое любопытство на этом не остановилось и я перешел к осмотру других открыток.

За наклонно-висевшей большой фотографией в раме я заметил пачку свернутых в трубку бумаг. Среди них торчали углы засунутых туда открыток. Я протянул руку за одной из них, но она была сильно сжата бумагами. Я потянул ее, но тогда вместе с нею вывалился из-за портрета на пол весь ворох бумаг. Некоторые из них при падении раскрылись. Это были какие-то счета, свидетельства из сельского совета и т. д. Но одна маленькая бумажка почему-то привлекла мое внимание, как я думаю теперь, просто необычно плохим качеством ее бумаги. Я развернул ее и сразу не понял, в чем дело. В верхнем левом углу ее стояла советская эмблема — серп, молот и прочее, под нею "5-ый матросский пехотный полк". Дальше удостоверялось, что предъявитель сего документа (имя рек) является, действительно, рядовым этого полка, что подписью и печатью удостоверяется. Внизу стоял росчерк комиссара. Дата выдачи свидетельства была совсем недавняя. Я сильно опешил, когда сообразил, что указанные в удостоверении имя и фамилия те же, что и нашего хозяина. Я спрятал в карман эту бумажку, привел в порядок рассыпанные свертки и, когда вернулся Ашуркин, рассказал ему о моей находке. Сейчас же вдвоем мы выработали план действий и, для верности, решили не говорить о нем решительно никому.

Утром следующего дня мы под каким-то предлогом дали хозяйке пачку денег и заказали ей к вечеру хороший обед. А самом хозяину было поручено раздобыть четверть крепкого самогона. К обеду мы пригласили и его, а также, чтобы было ему веселей,

посоветовали привести с собой двух его родственников-мужиков, живших неподалеку на нашей улице.

Когда все собрались — нас четверо партизан и трое крестьян, — мы сразу приступили к еде, широко угощая водкой мужиков. После полуночи, когда они оказались достаточно пьяны, я встал, подошел к двери, запер ее и положил ключ в карман.

— Довольно, — переменив тон, обратился Ашуркин к гостям: — теперь будем говорить о делах. Кто из вас служил у большевиков и дрался против нас?

Пьяные мужики не поняли сразу вопроса, но, Ашуркин потянулся к заряженной винтовке, они, заметив, что тот взводит курок, сразу стихли. Видимо, они стали быстро приходить в себя.

— Никто не служил и не дрался против вас. Какие мы военные? Мы хлеборобы. Будь они прокляты — все эти большевики... — запротестовали наперебой мужики.

Тогда Ашуркин вынул из кармана рубашки удостоверение, которое я передал ему, и, глядя на хозяина, начал разворачивать бумажку. Мы с напряжением следили за мужиками. Глаза хозяина раскрывались все больше и больше...

— Ты знаешь, что тут написано? — строго спросил его Ашуркин.

— Нет... — с трудом ответил тот.

— Так я тебе прочитаю, чтобы прочистить память, — и Ашуркин, не торопясь, прочитал свидетельство.

— Как ты думаешь, что теперь тебя ожидает? И всех вас?

Мужики повалились в ноги:

— Не губите, родимые... жена, трое детишек... помилуйте...

Мы молчали, не перерывая их: план удавался блестяще.

— Так что же вы сделаете с нами?.. — спросил, наконец, в отчаянии один из мужиков.

Ашуркин взглянул на меня. Я незаметно кивнул одобрительно головой.

— Вот что: пока, с этим удостоверением, отведем вас в штаб, как скрывающихся в городе большевиков. А там начальство само решит, что делать с вами...

Мужики снова заголосили, умоляя не делать этого. Тогда Ашуркин сказал им:

— Дело, конечно, очень серьезное для вас, но, пожалуй, есть выход, и это единственный... В городе скрывается несколько важных комиссаров. Так вот, если вы укажете точно, где они, шкура ваша будет цела и вы будете выпущены на свободу... Решайте... Пять минут вам на размышление, а потом в дорогу...

Мы оставили мужиков в покое и начали одевать амуницию.

Мужики осторожно зашептались, совещаясь о чем-то между собой. Через несколько минут хозяин сказал:

— Согласны. Мы укажем вам четырех комиссаров, которых знаем, но вы берите их сами. Один из них проклятый и лютый: спит всегда один, обвешанный пистолетами. Много он тут в Вознесенске до вас перебил народу.

Глубокой ночью мы повели мужиков в штаб полка. Разбуженный командир дивизиона, есаул Фролов, узнав, в чем дело, немедленно назначил отряд для поимки комиссаров.

Первые три не оказали особенного сопротивления. С четвертым же, самым опасным, пришлось пережить неприятные моменты. Рядом с ним, на столике и под подушкой лежали два заряженных револьвера, но, когда комиссар открыл глаза, было поздно: его успели схватить сонного, в постели.

На следующий день все четверо были расстреляны партизанами на окраине города. Мужики, выдавшие их, были отпущены, по нашему настоянию, на полную свободу.

Артиллерийский обстрел Вознесенска не прекращался. Где-то на холмах, за Бугом, уже шли бои. Там был, кажется, в это время, 2-й Лабинский Кубанский полк. Звуки боя как - будто приближались к городу. По нараставшей силе обстрела, в котором участвовали тяжелые орудия, чувствовалось, что большевики наседают, и положение становилось тревожным.

В один из таких дней, после полдня, прискакал казак и крикнул:

— Тревога! Все на сборный пункт!

Мы понеслись к штабу полка. Оттуда сотни пошли в центр города и остановились на церковной площади. Бой заметно приближался к Бугу.

Наша компания пошла в домик священника, стоявший тут же неподалеку. Радушная попадья и сам батюшка начали угощать нас чаем, но в комнату поспешно вошел партизан:

— По коням. Сотню вызывают на фронт.

Мы двинулись рысью, направляясь к мосту через Буг. Пройдя его, мы сразу увидели у дороги палатки перевязочного нашего пункта, фельдшеров в запачканных кровью блузах, подходивших раненых. Над головой свистели пули, другие на излете шлепались на землю.

Немного дальше пришлось сойти с проселочной дороги, чтобы пропустить медленно двигавшуюся навстречу тачанку. В ней сидел офицер 42-го полка, поддерживая красивую молоденькую сестру милосердия. Голова ее была откинута назад, глаза безжизненно сомкнуты. Ее платье было широко открыто, обнажая грудь. Там среди широкой паутины ярко красных брызг чернела точка и из нее непрерывной струйкой стекала кровь.

— Ишь ты, как ее хватило бедную... А такая молодая и красивая... Жалко ее, — сказал кто-то позади. Партизаны с состраданием оборачивались на нее.

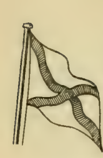
Еще дальше, по пахотному полю, двигалась большая толпа пленных в одном белье. Ее гнали в тыл. Это были опять матросы — рослые, озлобленные, с ненавистью поглядывавшие на нас.

Иван Сагацкий

(Продолжение следует)

День на крейсере

(Продолжение)

После "отбоя", когда все снова зашевелилось на палубе и старший офицер, видимо занятый какими-то своими мыслями, направился к трапу и спустился вниз, Коля в должном порядке распорядился отправкой гребного катера с брезентами, матами, ведрами и щетками на берег, на пляж.

— Вашскобродь, — раздалось с мостика, где полдюжины сигнальщиков торопливо возились с сигнальными флагами: — Сигнал адмирала: 2-й бригаде крейсеров шлюпочное ученье под парусами.

— Отрепетовать сигнал. Свистать всех наверх, команда на все гребные суда! Вахтенный! Старшему офицеру доложи... — но староф уже быстро поднимался наверх, чтобы вступить в командование авралом, едва длинный звонок в кают-кампании вызвал всех офицеров наверх.

Со спуском сигнала на адмиральском крейсере, должны поползти на своих талях книзу все шлюпки одновременно. Резким рывком летят сигнальные флаги вниз и в тот же момент с переднего мостика раздается самоуверенный баритон старофа:

— Та-а-ли травить!

По шкентелям спускаются в шлюпки, вперемежку с командой, офицеры, не дожидаясь момента, когда они коснутся воды. Староф ревнивым взглядом следит за другими крейсерами, не опередили-ль они. —

— Нет, все в порядке. Нетерпеливым тоном он подбадривает, свесившись с мостика:

— На шлюпках. Отваливать по способности. Рангоут ставить! — и затем в мегафон, так что его голос разносится по всему рейду: — Подвахтенные вниз! — что означает конец аврала, сегодня выполненного ранее, чем на остальных кораблях бригады, хотя бы даже на несколько секунд.

Поглаживая свою холеную "A la Henri IV" бороду, он с довольным видом проходит мимо вахтенного начальника:

— Гм, Коля, как будто не плохо, гм. Раньше других, что ты думаешь? — и не дожидаясь ответа, направляется на ют, откуда удобнее всего следить в бинокль за своими шлюпками, которые теперь в общей стае белых бабочек — баркасов, катеров, шестерок и вельботов всей бригады, выполняли распоряжения и различные маневры по сигналам адмиральского крейсера.

"Кажется адмирал был наверху при спуске шлюпок", — думает староф, которого не покидает мысль показать себя, с тех пор, как он слышал от штабных, что его имя среди кандидатов на получение в команду миноносца. — "Стать независимым капитаном... Хотя бы на третий ранг. А может на второй. Вон ведь сколько *"новиков"* в постройке, движение несомненно будет", — такие мысли неотступно вертятся в голове и нередко он уже спрашивал мичмана А.:

— Ты перейдешь ко мне, когда я буду капитаном?

Молодой офицер, недавно из Корпуса и значит во всеоружии навигационной премудрости, которую Александр Семенович стал позабывать, имел некоторую ценность в эти времена адмирала Эссена, командующего Балтийским Флотом и посылающего корабли для плавания по Финским шхерам, где быть постоянно на безошибочном курсе необходимо.

Пока староф предавался своим радужным надеждам на юте, за спиной у находящегося на шканцах Коли, послышался нерешительный, но настойчивый голос:

— Вашскобродь, разрешите доложить?

Коля повернулся и увидел стоящего с приложенной к козырьку рукой старшего баталера, кондуктора Гринева.

— В чем дело, Гринев? — добродушным тоном, успокоенный, что все идет как по маслу, вопреки предчувствий, вступая на вахту, спросил Коля.

— Так что насчет провизии... Разрешите спросить, будет ли шестерка на берег?

Коля в отчаянии хлопает себя по-лбу: — "Вот оно, что забыто. Шестерка... Проклятая шестерка за провизией... Ее то я не запомнил из приказаний старшего... Да еще он подчеркнул, чтобы я ее послал пораньше, а тут", — Коля смотрит на часы... — "Половина одиннадцатого". — Настроение его резко падает.... Вполголоса он говорит вахтенному:

— Свистать на шестерку, артельщиков и буфетчиков наверх, к левому трапу.

Но он не учитывает рвения вахтенного унтерофицера, который, как нарочно, особенно громко, после трели дудки, которая холодит Коле сердце, командует:

— Артельщики, буфетчики, ходи к левому трапу!

"Ну, чего он так орет?" — морщится Коля, а позади уже слышны шаги приближающегося старшего офицера.

— Константин Николаевич, — раздраженно спрашивает он. — Что это значит? Ты только сейчас посылаешь шестерку? — и его глаза сверлят Колины так, что тот виновато отворачивается в сторону и лепечет.:

— Виноват, Александр Семенович. Я забыл. Совершенно упустил из виду...

— Нельзя же так. Пора тебе научиться служить... На более молодых мичманов я смогу положиться, а ты старше, — голос старофа злой и борода даже дрожит от сдерживаемого негодования. — Мои немногие распоряжения — и ты не выполнил... Я не могу следить за всем сам, к тому же я был занят все утро с командиром... И это не просто мой каприз, если я тебя просил послать шестерку пораньше, это

потому лишь, что попав на берег поздно, люди будут ждать открытия магазинов после обеденного перерыва, а пока — шататься по городу с ленточкой нашего крейсера. Я совершенно не желаю, чтобы все говорили, что у меня люди распущены!

— Вашскобродь! — голос с мостика. — Командир отвалил от адмирала.

— Горнист наверх! Четверо фалрепных на правую! — уоитым голосом, но стараясь не выдать своих переживаний, командует Коля.

Вельбот несется, красиво рассекая волну, белые буруны появляются у его форштевня каждый раз, как он столкнется с нею, подняв облако брызг, а гребцы, как один откинутся назад, вровень с бортом. Нет во всем мире гребли красивее, чем на русских капитанских вельботах.

Снова "захождение" звучит с крейсера, снова сбегающие по трапу вниз фалрепные, а наверху его вытянувшиеся при отдании чести староф и вахтенный начальник.

Но на сей раз, что-то неприятное в выражении глаз командира, направленных через плечо старофа прямо на Колю, и вместо обычного "не беспокойтесь", он дожидается конца Колиного рапорта:

— Господин капитан первого ранга, на крейсере Его Величества таком-то, вахту править наряжен! — после чего, преследуя строгим взглядом отступившего по всем правилам Устава шаг влево вахтенного начальника, командир уничтожающим тоном проговорил:

— Плохо то, что на крейсере Его Величества, за кормой болтается пустой, никому не нужный конец,— и с этими словами "Шлепа", не обернувшись назад, направился тяжелой своей походкой к себе, оставив Колю в состоянии остолбенения, с рукой у козырька и со старофом, вопросительно на него взирающим.

— Давайте отбой. Что же вы ждете? — старший офицер даже перешел на вы, что означало максимум презрения.

— Горнист, исполнительный! — сдавленным голосом командует Коля и бросается на ют, позади опередившего его дежурного боцмана, который, случившись у трапа, тоже слышал замечание командира.

Коля приближается к кормовому флагу как раз в тот момент, когда боцман уже ткнул довольно ощутительно в ребра дневального на бакштове, то есть главного виновника несчастья: он забыл поднять конец сразу же, как стоявшая на нем шестерка оттянулась к левому трапу за артельщиками и подходящий к правому трапу командир заметил это вопиющее безобразие: конец за бортом военного корабля.

В 11 часов, по сигналу с адмиральского крейсера шлюпочное учение заканчивается и гребные суда, одно за другим, по возвращении на свой крейсер поднято "по способности".

— На палубе прибраться! — слышна команда, а через четверть часа: — Пробу подать!

По последней команде, судовой кок в белом колпаке и с безукоризненным фартуком, в сопровождении старшего боцмана, появляется с подносом на шханцах. На подносе — хлеб, соль, миска жирных щей с пайком мяса: на флоте кормят отлично, опровергнуть мог бы пытаться лишь тот, кому не пришлось никогда попробовать пищи на корабле.

По докладу с вахты появляется старший офицер и командир. Все находящиеся на палубе стоят по команде "смирно", пока последний пробует щи, унося на своих повислых усах приятное о них воспоминание, хотя наглаженная салфетка лежит тут же на подносе. Староф, всегда обладающий хорошим аппетитом, доканчивает миску, и после тщательного вытирания своей холеной бороды, говорит вахтенному начальнику:

— Свистать к вину и обедать, — и сам спускается вниз, неизменно спрашивая проходя мимо офицерского буфета:

— Вестовые, а что у нас сегодня на обед?

Буфетчик Еремеев перечисляет закуски и блюда, и если среди последних оказывается "жареная навага", на лице старофа появляется полное удовлетворение.

— Павлуша, навага! Поднавалимся, гм? — шутит он, по-мальчишески подталкивая локтем проходящего мимо старшего штурмана.

— Рыба знатная и без костей, — соглашается тот, уступая старофу дорогу в дверях кают-кампании. Закусочный стол накрыт отдельно и офицеры уже толпятся вокруг него.

— Батюшка, благословите, — говорит староф священнику и, когда еще не отзвучало, после краткой молитвы, общее "аминь", у старофа на вилке оказывается маринованный гриб, а штурман, подтягивая басом, уже наливает ему первую рюмку водки.

— Штурман, дальше от комода! — острит кто-то.

— Сегодня, что-то закусь не богатая, — возглашает мичман Заболотский, подмигивая в сторону старшего доктора, ведающего столом.

— Не переизбрать ли кормящего, господа? — подхватывает еще кто-то, чтобы поддеть доктора.

— Если вам не нравится, я готов и очень рад сложить с себя эту обузу, — сейчас же реагирует доктор. — Да и вообще я бы хотел поднять этот вопрос: при теперешнем кают-кампанейском взносе, я скоро не буду давать общественную водку на стол. Требуйте по личным чекам... каждый в свою пропорцию.

— Ну, не сердись, Николай Павлович, они же шутят. За твое здоровье! — утихомиривает доктора староф, боясь, что тот и в самом деле может "закинуться", тогда попробуй найти еще более подходящего кормящего, чем доктор, самый не занятый человек крейсера: серьезные больные списываются немедленно в береговой госпиталь, а на приеме в лазарете процветали лишь касторка, аспирин, перевязки легких поранений во время работ, для чего младший доктор и фельдшер были вполне достаточны.

Пока господа офицеры толпятся вокруг закусочного стола, на верхней палубе возле громадной ендовы с ромом (крейсер недавно был в заграничном плавании и в его трюме не мало бочек с ромом, не-

досягаемых для таможни), стоит старший баталер со списком команды и отмечает подходящих по очереди матросов выпить хороших размеров чарку. Сначала "аристократия", т. е. боцмана, унтер-офицеры, сверхсрочно-служащие, не пожелавшие вернуться по отбытии их призыва домой. Из них никто не пропускает этого приятного момента и, истово перекрестившись, закинув кверху глотку, они медленно и осторожно, чтобы не пролить драгоценной капли, льют в нее Ямайский ром. Молодые матросы еще не натренировались, пьют залпом и иногда задыхаясь и откашливаясь, некоторые вообще отсутствуют, предпочитая получить взамен деньги "за непитое вино", выражаясь языком казенных ведомостей.

— Горнист! Обедать!

У камбуза уже тянется хвост старшин столов с вместительными баками, в которые немедленно после сигнала, начинается разлитие щей и отсчет заранее приготовленных пайков мяса. Внизу, в палубах, за подвесными столами, в приятном ожидании уже сидят матросы с приготовленными караваями свежего и душистого хлеба и с ложками в руках. Громкое чавканье продолжится минут двадцать, пока ложки с точностью метронома опускаются по очереди в баки до полного их опорожнения. Кто еще сидит за столом, но уже после хорошего зевка крестит рот, кто уже встал и, удовлетворенно икнув, направляется в свой излюбленный для сна угол. Наступает часовой "отдых", во время которого на корабле поднимается флаг "ОН", означающий, что на нем соблюдается полный покой и даже проходящий мимо на катере адмирал не будет встречен сигналом на горне "захождение", ни тем более вызовом команды наверх, во фронт, как в остальное время дня, от подъема до спуска флага.

В кают-кампании господа еще за столом. На "барском" его конце председательствует староф, а от него к "баковому" концу стола, сидят по старшинству и по обеим сторонам старший доктор, старший механик и другие специалисты. На "баке" председательствует старший из мичманов "староста". С этого конца, в торжественные приемы, а иногда даже в присутствии приглашенного адмирала, исходят всегда самые неожиданные по своему содержанию тосты, заставляющие нередко ухмыляться сидящих в середине стола лейтенантов, а уж бедный староф начинает тотчас ерзать в своем кресле и как хозяин кают-кампании принужден быстро переменить тему или так скоректировать "гаф", чтобы он прошел незаметно.

— Садись и не рипайся! — проявляет и староста свой авторитет по адресу выпалившего тост мичмана, которому после водки непривычная мадера ударила в голову невзначай и вопреки правилам хорошего воспитания....

Обычно же, как сегодня, баковый конец занят обсуждением или вчерашних приключений на берегу, или "фитилем" на службе. А их — немало, утренние неудачи Коли уже известны:

Не повезло сегодня Коле.

— Бедный "Пушкинзон", — слышатся замечания об отсутствующем.

О том, что командир был у адмирала и что последний довольно кисло подчеркнул ему необходимость приведения старого крейсера в более современную боевую готовность путем усиленной тренировки личного состава, просочилось каким-то образом и к мичманам на "бак". Двух разных мнений не было, что "Шлепа" не на высоте, что если его до сих пор не сменили, то причиной — его выдающиеся заслуги в Японскую войну. Каковы бы ни были "Шлепины" недостатки и странности, как бы ни был поношен и засален его сюртук, но в торжественных случаях этот сюртук от двойного подбородка и до шарфа, препоясывающего его фигуру в том месте, где природой было предположено быть талии, был весь в орденах с мечами, а сбоку — золотая сабля.

И вместе с тем, попытки старших специалистов крейсера модернизировать его боевые расписания — редко санкционировались командиром, привыкшим к иным укладам службы и отсталым понятиям о готовности военного корабля. Теперь требовалось от крейсера большая подвижность, ловкость маневрирования, вход в такую щель, как внутренняя Ревельская гавань, без помощи буксиров, а крейсер, к тому же был трудный для управления из-за плохо спроектированных гребных валов. Особенно, когда неподходящий ветер начинал "парусить" его высокие три трубы, на мостике начинался "балет".

— Правая машина средний вперед, левая — малый назад! — шепелявил командир с медвежьей грацией спеша с одного крыла мостика на другой и пытливо следя за носом крейсера, но последний отклонялся в нежелаемую сторону.

— Стой масина! — повышал голос "Шлепа".

— Есть, стоп машины, — отвечал стоящий на ручках телеграфа старший писарь Какаулин, назначенный по авралу на телеграф, по особому приказу командира, как самый расторопный из унтер-офицеров.

— Правая масина малый вперед, левая — полный назад! — командовал "Шлепа", но порыв ветра уваливал крейсер под-ветер, как бы ни работала рулевая машина.

— Полная масина, правый назад! — раздавался вопль и командир топтал свою фуражку, бросался к Какаулину, готовый его ударить, а тот стоял, обалдело глядя на телеграф, т. к. "полной" машины на корабле не существовало.

— Стой! Стоп! — уже визжал, а не командовал "Шлепа". — Отдать якорь! — Александр Семенович! Завести конец на набережную. Спустить паровой катер, — бесновался по мостику командир.

Такие картины, конечно, были не в его пользу и подрывали "Шлепин" авторитет, а мичманский язычек ведь острый....

Д. А.

(Окончание следует)

Конец Оренбургского-Неплюевского корпуса в 1920 г.

21 декабря 1919 г. нас распустили на праздники и мы, расставив по обычаю парты по стенкам класса, приготовились коротать время до начала занятий: разъезжаться было некуда, а в Иркутске мало у кого были знакомые и родные, — город для нас, оренбуржцев, был незнакомый.

Мой сосед по койке, хорошенький Володька Поляков, сразу же исчез в отпуск, а вернувшись, укладываясь спать, рассказал, что Черемхово занято взбунтовавшимися рабочими.

25 декабря, после обедни, был молебен, — выпуск 7-го класса был ускоренный, в 1-й роте на дверях спальни 7-го класса появилась надпись "юнкера" и большинство выпускных переоделись в синие галифэ и сапоги, пошли разговоры, кто куда: кто в гардемарины во Владивосток, большинство же собиралось в Оренбургское Военное Училище, в Иркутское никто не думал идти: оно ничем не было связано с нами.

К вечеру стало известно о восстании в Глазково и в Военном городке стоявших там частей сиб. дивизии, бывшей под командой ген. Потапова (чья фамилия, впоследствии в 1927 г. упоминалась в деле Треста): 56-го стрелкового полка и других частей. Для Иркутска это было безопасно: мост через Ангару был сорван торосами, два же других полка этой дивизии, стоявшие в городе, держали нейтралитет и поэтому в самом городе пока было тихо.

Тишина продолжалась до 27 декабря, когда вечером стрельба затрещала по городу: взбунтовался и перешел на сторону красных отряд особого назначения под командой управляющего Иркутской губернией Яковлева. Их выбили из города, но они задержались в Знаменке, — предместьи Иркутска.

В руки красных попал 2-й Оренбургский Кадет. Корпус, расположенный в двухэтажном кирпичном доме, недалеко от Знаменской церкви.

Начавшиеся военные действия нас как будто бы и не касались: по расписанию звенела труба, сигналы, мы строились на утреннюю и вечернюю молитвы, на чай, обед и ужин; по расписанию выходили от 2 до 4 на прогулку во двор. Во дворе было оживленно, — все ходили, бегали, возились, — надо же было согреться на морозе, но самым любимым занятием было, выйдя на набережную; смотреть на Ангару. Правда она не была той красавицей, которой я любовался по утрам в начале ноября: белая, широкая долина Иркута, синяя кайма леса над ближними сопками, розовый свет утренней зари и темносиняя ширь Ангары, по которой гордо и величаво, быстро неслись белоснежные, точно сахарные, льдины из Байкала. Шагах в ста, ниже Корпуса, была пристань парома, ходившего на длинном канате от берега к берегу. Было занятно смотреть: под носом парома вскипал белый бурун, а от него самого, черного и грязного, будто брезгливо, сторонились чистые, холодные льдины.

Теперь по Ангаре, шурша и потрескивая, густо шло "сало", — серые льдины кашей заполняли всю реку — и это имело свою положительную сторону: теперь город не окутывался на версту от берега, непроницаемым, серым, густым, страшным туманом.

На следующий день после начала восстания, когда мы загипнотизированно смотрели на это страшное, быстро идущее, ледяное месиво, прискакали два всадника, — прапорщик и юнкер, вооруженные японскими винтовками.

— Кадеты, — задыхаясь от скачки, крикнул нам прапорщик, — кто переехал на пароме и пошел в город? — два человека... мы из контрразведки...

Мы ответили, что не видали, — только что вышли на прогулку, а паром уже с неделю не ходит из-за сала. Он недоверчиво выслушал, — видно не поверил и бросив угрожающе "смотрите, Кадеты", тронул коня и завернул с Набережной на Ланинскую улицу.

Потом, уже когда шли бои, мимо нас проходил по Набережной патруль Иркутского училища. Юнкера проходили молча, неся с собой патроны в коробках с удобными саквояжными ручками.

28 декабря огонь усилился и по Корпусу стали стрелять со Знаменки. Пули щелкали по наружной стене, влетали через окна и обивали штукатурку с внутренних стен. Поэтому нашу роту убрали из 1-го и 2-го отделения 5-го класса и из спален 4-го и 5-го классов, и перевели в нижний коридор, куда выходили классы 1-й и 3-й роты и в спальни 1-й и 3-й роты, находившихся в поперечном крыле здания (здание было в виде буквы Т). В чужих классах и спальнях было, однако, и неудобно, и неуютно, поэтому часть нашего 2-го отделения потихоньку пробралась обратно в класс, накинула на себя шинели и рассевшись по партам вдоль наружной стены, занялась чтением; впрочем, высидели недолго, — только до обеда: в классе было холодно. Ночью мы спали в своей спальне; там тоже было холодно, в пробитые стекла тянул стылый ветер, по наружной стене цокали пули и порой на спящих у внутренней стены, валилась сбитая ими штукатурка. Укрывшись потеплее, я сладко спал и только порой, проснувшись, слышал в дремоте, как на Ушаковке идет стрельба, как гудит пурга, и как звенит снег о стекла окон.

На ночь в Корпус стал присылаться караул, — военный министр ген. Ханжин, заботился о своих однокашниках неплюевцах. В карауле было человек 15 офицеров, они сидели в левом крыле нижнего коридора за длинным столом, принесенным из столовой, пили чай и закусывали белым хлебом, которого приносили им большую бельевую корзину.

***

2 января был корпусной праздник. День был мглистый, вьюжистый; стрельба на Ушаковке притихла, — только изредка улавливало ухо срываю-

досягаемых для таможни), стоит старший баталер со списком команды и отмечает подходящих по очереди матросов выпить хороших размеров чарку. Сначала "аристократия", т. е. боцмана, унтер-офицеры, сверхсрочно-служащие, не пожелавшие вернуться по отбытии их призыва домой. Из них никто не пропускает этого приятного момента и, истово перекрестившись, закинув кверху глотку, они медленно и осторожно, чтобы не пролить драгоценной капли, льют в нее Ямайский ром. Молодые матросы еще не натренировались, пьют залпом и иногда задыхаясь и откашливаясь, некоторые вообще отсутствуют, предпочитая получить взамен деньги "за непитое вино", выражаясь языком казенных ведомостей.

— Горнист! Обедать!

У камбуза уже тянется хвост старшин столов с вместительными баками, в которые немедленно после сигнала, начинается разлитие щей и отсчет заранее приготовленных пайков мяса. Внизу, в палубах, за подвесными столами, в приятном ожидании уже сидят матросы с приготовленными караваями свежего и душистого хлеба и с ложками в руках. Громкое чавканье продолжится минут двадцать, пока ложки с точностью метронома опускаются по очереди в баки до полного их опорожнения. Кто еще сидит за столом, но уже после хорошего зевка крестит рот, кто уже встал и, удовлетворенно икнув, направляется в свой излюбленный для сна угол. Наступает часовой "отдых", во время которого на корабле поднимается флаг "ОН", означающий, что на нем соблюдается полный покой и даже проходящий мимо на катере адмирал не будет встречен сигналом на горне "захождение", ни тем более вызовом команды наверх, во фронт, как в остальное время дня, от подъема до спуска флага.

В кают-кампании господа еще за столом. На "барском" его конце председательствует староф, а от него к "баковому" концу стола, сидят по старшинству и по обеим сторонам старший доктор, старший механик и другие специалисты. На "баке" председательствует старший из мичманов "староста". С этого конца, в торжественные приемы, а иногда даже в присутствии приглашенного адмирала, исходят всегда самые неожиданные по своему содержанию тосты, заставляющие нередко ухмыляться сидящих в середине стола лейтенантов, а уж бедный староф начинает тотчас ерзать в своем кресле и как хозяин кают-кампании принужден быстро переменить тему или так скоректировать "гаф", чтобы он прошел незаметно.

Садись и не рипайся! — проявляет и староста свой авторитет по адресу выпалившего тост мичмана, которому после водки непривычная мадера ударила в голову невзначай и вопреки правилам хорошего воспитания....

Обычно же, как сегодня, баковый конец занят обсуждением или вчерашних приключений на берегу, или "фиглем" на службе. А их — немало, утренние неудачи Коли уже известны:

— Не повезло сегодня Коле.

— Бедный "Пушкинзон", — слышатся замечания об отсутствующем.

О том, что командир был у адмирала и что последний довольно кисло подчеркнул ему необходимость приведения старого крейсера в более современную боевую готовность путем усиленной тренировки личного состава, просочилось каким-то образом и к мичманам на "бак". Двух разных мнений не было, что "Шлепа" не на высоте, что если его до сих пор не сменили, то причиной — его выдающиеся заслуги в Японскую войну. Каковы бы ни были "Шлепины" недостатки и странности, как бы ни был поношен и засален его сюртук, но в торжественных случаях этот сюртук от двойного подбородка и до шарфа, преопоясывающего его фигуру в том месте, где природой было предположено быть талии, был весь в орденах с мечами, а сбоку — золотая сабля.

И вместе с тем, попытки старших специалистов крейсера модернизировать его боевые расписания — редко санкционировались командиром, привыкшим к иным укладам службы и отсталым понятиям о готовности военного корабля. Теперь требовалось от крейсера большая подвижность, ловкость маневрирования, вход в такую щель, как внутренняя Ревельская гавань, без помощи буксиров, а крейсер, к тому же был трудный для управления из-за плохо спроектированных гребных валов. Особенно, когда неподходящий ветер начинал "парусить" его высокие три трубы, на мостике начинался "балет".

— Правая машина средний вперед, левая — малый назад! — шепелявил командир с медвежьей грацией спеша с одного крыла мостика на другой и пытливо следя за носом крейсера, но последний отклонялся в нежелаемую сторону.

— Стой масина! — повышал голос "Шлепа".

— Есть, стоп машины, — отвечал стоящий на ручках телеграфа старший писарь Какаулин, назначенный по авралу на телеграф, по особому приказу командира, как самый расторопный из унтер-офицеров.

— Правая масина малый вперед, левая — полный назад! — командовал "Шлепа", но порыв ветра уваливал крейсер под-ветер, как бы ни работала рулевая машина.

— Полная масина, правый назад! — раздавался вопль и командир топтал свою фуражку, бросался к Какаулину, готовый его ударить, а тот стоял, обалдело глядя на телеграф, т. к. "полной" машины на корабле не существовало.

— Стой! Стоп! — уже визжал, а не командовал "Шлепа". — Отдать якорь! — Александр Семенович! Завести конец на набережную. Спустить паровой катер, — бесновался по мостику командир.

Такие картины, конечно, были не в его пользу и подрывали "Шлепин" авторитет, а мичманский язычек ведь острый....

Д. А.

(Окончание следует)

Конец Оренбургского-Неплюевского корпуса в 1920 г.

21 декабря 1919 г. нас распустили на праздники и мы, расставив по обычаю парты по стенкам класса, приготовились коротать время до начала занятий: разъезжаться было некуда, а в Иркутске мало у кого были знакомые и родные, — город для нас, оренбуржцев, был незнакомый.

Мой сосед по койке, хорошенький Володька Поляков, сразу же исчез в отпуск, а вернувшись, укладываясь спать, рассказал, что Черемхово занято взбунтовавшимися рабочими.

25 декабря, после обедни, был молебен, — выпуск 7-го класса был ускоренный, в 1-й роте на дверях спальни 7-го класса появилась надпись "юнкера" и большинство выпускных переоделись в синие галифэ и сапоги, пошли разговоры, кто куда: кто в гардемарины во Владивосток, большинство же собиралось в Оренбургское Военное Училище, в Иркутское никто не думал идти: оно ничем не было связано с нами.

К вечеру стало известно о восстании в Глазково и в Военном городке стоявших там частей сиб. дивизии, бывшей под командой ген. Потапова (чья фамилия, впоследствии в 1927 г. упоминалась в деле Треста): 56-го стрелкового полка и других частей. Для Иркутска это было безопасно: мост через Ангару был сорван торосами, два же других полка этой дивизии, стоявшие в городе, держали нейтралитет и поэтому в самом городе пока было тихо.

Тишина продолжалась до 27 декабря, когда вечером стрельба затрещала по городу: взбунтовался и перешел на сторону красных отряд особого назначения под командой управляющего Иркутской губернией Яковлева. Их выбили из города, но они задержались в Знаменке, — предместьи Иркутска.

В руки красных попал 2-й Оренбургский Кадет. Корпус, расположенный в двухэтажном кирпичном доме, недалеко от Знаменской церкви.

Начавшиеся военные действия нас как будто бы и не касались: по расписанию звенела труба, сигналы, мы строились на утреннюю и вечернюю молитвы, на чай, обед и ужин; по расписанию выходили от 2 до 4 на прогулку во двор. Во дворе было оживленно, — все ходили, бегали, возились, — надо же было согреться на морозе, но самым любимым занятием было, выйдя на набережную, смотреть на Ангару. Правда она не была той красавицей, которой я любовался по утрам в начале ноября: белая, широкая долина Иркута, синяя кайма леса над ближними сопками, розовый свет утренней зари и темносиняя ширь Ангары, по которой гордо и величаво, быстро неслись белоснежные, точно сахарные, льдины из Байкала. Шагах в ста, ниже Корпуса, была пристань парома, ходившего на длинном канате от берега к берегу. Было занятно смотреть: под носом парома вскипал белый бурун, а от него самого, черного и грязного, будто брезгливо, сторонились чистые, холодные льдины.

Теперь по Ангаре, шурша и потрескивая, густо шло "сало", — серые льдины кашей заполняли всю реку — и это имело свою положительную сторону: теперь город не окутывался на версту от берега, непроницаемым, серым, густым, страшным туманом.

На следующий день после начала восстания, когда мы загипнотизированно смотрели на это страшное, быстро идущее, ледяное месиво, прискакали два всадника, — прапорщик и юнкер, вооруженные японскими винтовками.

— Кадеты, — задыхаясь от скачки, крикнул нам прапорщик, — кто переехал на пароме и пошел в город? — два человека... мы из контрразведки...

Мы ответили, что не видали, — только что вышли на прогулку, а паром уже с неделю не ходит из-за сала. Он недоверчиво выслушал, — видно не поверил и бросив угрожающе "смотрите, Кадеты", тронул коня и завернул с Набережной на Ланинскую улицу.

Потом, уже когда шли бои, мимо нас проходил по Набережной патруль Иркутского училища. Юнкера проходили молча, неся с собой патроны в коробках с удобными саквояжными ручками.

28 декабря огонь усилился и по Корпусу стали стрелять со Знаменки. Пули щелкали по наружной стене, влетали через окна и обивали штукатурку с внутренних стен. Поэтому нашу роту убрали из 1-го и 2-го отделения 5-го класса и из спален 4-го и 5-го классов, и перевели в нижний коридор, куда выходили классы 1-й и 3-й роты и в спальни 1-й и 3-й роты, находившихся в поперечном крыле здания (здание было в виде буквы Т). В чужих классах и спальнях было, однако, и неудобно, и неуютно, поэтому часть нашего 2-го отделения потихоньку пробралась обратно в класс, накинула на себя шинели и рассевшись по партам вдоль наружной стены, занялась чтением; впрочем, высидели недолго, — только до обеда: в классе было холодно. Ночью мы спали в своей спальне: там тоже было холодно, в пробитые стекла тянул стылый ветер, по наружной стене цокали пули и порой на спящих у внутренней стены, валилась сбитая ими штукатурка. Укрывшись потеплее, я сладко спал и только порой, проснувшись, слышал в дремоте, как на Ушаковке идет стрельба, как гудит пурга, и как звенит снег о стекла окон.

На ночь в Корпус стал присылаться караул, — военный министр ген. Ханжин, заботился о своих однокашниках неплюевцах. В карауле было человек 15 офицеров, они сидели в левом крыле нижнего коридора за длинным столом, принесенным из столовой, пили чай и закусывали белым хлебом, которого приносили им большую бельевую корзину.

**

2 января был корпусной праздник. День был мглистый, вьюжистый; стрельба на Ушаковке притихла, — только изредка улавливало ухо срываю-

щуюся очередь пулеметов, да редко — то тут, то там хлопали ружейные выстрелы. В церкви, она была на нашем этаже, служить было безопасно: от Ушаковки ее закрывали колокольня и сама Богоявленская церковь.

Строй выглядел нарядно: все были одеты в новые лохматые синие рубаки, в новые брюки (правда из скверного материала), но это не был привычный строй в черных мундирах с сверкающими пуговицами и было только одно общее: светло-синий неплюевский погон. Мысль, невольно, возвращалась к прошлому, — в прошлом году мы справляли праздник у себя, а через три дня, 5 января, человек тридцать кадет, строем, позади три подводы с вещами, под барабан прошли в последний раз по Николаевской, мимо Собора, свернули на Гостинодворскую и через станицу вышли на Орский тракт. Большинство присоединилось по дороге, потом на длинном пути до Иркутска.

После обедни, нас поздравили с праздником, напомнили, что скоро столетие корпуса, передали поздравления от других корпусов, от Оренбургского Военного Училища — никаких торжеств не было, не было даже парада во дворе, и только на обед было выдано на третье блюдо — желтый кисель из сибирской облепихи.

После обеда в Корпус пришли трое псковичей.

Псковичей можно было сразу узнать и отличить от нас, иркутян и "двадцатикопеечников" (прозвище 2-го Оренб. Кадет. Корпуса) не только по погонам, но и по шапкам: они почему-то носили черные шапки-ушанки, а не папахи. Меня поразило не то, что они были вооружены винтовками, а то, что шли они как-то крадучись — остерегаясь встречи с "зверями". Как только они вошли в спальню 7-го класса, двери были заперты и завешаны одеялами, и сразу же поднялся сильный крик. К сбежавшейся на шум 3-й роте вышел фельдфебель и приказал никому близко не болтаться. Через четверть часа пришло трое воспитателей 1-й роты, потрогали ручку запертых дверей, о чем-то поговорили между собой минут десять, а затем ушли.

Перед ужином, когда псковичи ушли во-свояси, стало известно, в чем было дело: приходил их генерал выпуска и требовал помощи:

— Мы и иркутяне, — сказал он, — уже пятый день на линии фронта. Нам, псковичам, тяжело, — у нас в первой роте человек 50 не больше, помогает, чем может, даже третья рота. Дайте помощь.

7-й класс решил послать добровольцев от первой и второй роты: ведь и к нам мог придти каждую минуту приказ о выходе на фронт, а никого не будет.

Добровольцев набралось 31 человек: вице-фельдфебель и четыре вице из 7-го класса, четыре кадета из 5-го класса, один из четвертого, остальные из 6-го. Как спали мы рядом — Поляков, Деев, Наумов и я, так и пошли все вместе.

Первоначальное решение идти после ужина и с винтовками пришлось переменить: директор узнал откуда-то о решении и начал принимать свои меры: у ружейной пирамиды и ящиков с патронами стал воспитатель 6-го класса, поручик Посавер и сказал, что застрелит каждого, кто только попытается взять винтовку. Поэтому было приказано выходить сразу же, одеваясь на ходу, мы пробегали мимо ружейной пирамиды, по черному ходу выскакивали на двор, затем, через незапертую маленькую калитку в задних воротах, оставленную открытой для персонала, выбегали на Набережную, а с Набережной за угол — на Ланинскую и, построившись, пошли быстро, чуть не бегом.

Объяснение поведения воспитателей можно искать в событиях 23 марта 1918 г., когда казаки станицы Красногорской, под командой Воскового Старшины Лукина, сделали набег на Оренбург и чуть было его не захватили, то 15 кадет 2-го Оренб. Корпуса приняли участие в бою против красных. За это, выбив казаков из города, красные на другой день расстреляли 7 воспитателей этого корпуса.

Через полчаса быстрого хода, мы вышли на площадь, к казармам Иркутского Казачьего Дивизона, рядом в морозной ночной мгле белела церковь, и за ней здание Иркутской Духовной Семинарии, в которой был расположен Псковский Корпус.

Короткие переговоры — и нас завели в деревянную казарму, затем мы из казармы пошли в огромный деревянный цейхауз — меня поразило там бесконечное количество трехярусных ружейных пирамид с кавалерийскими винтовками.

Сразу же началась боевая служба, — нас разбили на три смены и нарядили на службу. Первое мое назначение было идти на поверку постов на расположенном рядом Большом базаре. Посты поверял сотник — адъютант Иркутского атамана. Мы ходили в морозной тишине от поста к посту, гулко скрипели шаги по снегу и было жутко, проверив часового, возвращаться обратно: на постах стояли егеря из двух оставшихся рот егерского батальона, две других 28-го декабря пытались перейти к красным, и на Ушаковке часто чернели на белом, сверкающем под луной, снегу их трупы, — потом выяснилось их число — 170.

По смене, мы очутились в довольно прохладной казарме; на койках, к моему удивлению, спало довольно много казаков, спокойно раздевшись, как будто бы не было фронта и боев. На столах была приготовлена для нас еда: ведра со щами, кипятком, куча буханок черного хлеба и в патронной цинке сахар. Щи никого не привлекли, но на чай, раздобыв несколько кружек, мы насели основательно, — сахар был немеряный — его насыпали полкружки и, долив водой и согрев этот сироп на печке, пили с наслаждением. За чаем, псковичи рассказывали о боях за Казанскую крепость в ноябре 1917 г., которую они защищали вместе с юнкерами, о боях за Казань в августе 1918 г. Так прошло время до смены.

Во второй раз мне пришлось идти в конюшни, за садом дивизиона, в них укрывалась сторожевая застава крайнего фланга нашей позиции. Прямо перед конюшней было бугроватое поле, занесенное сне-

том, затем Ушаковка, а за ней, шагах в двухстах, чернела роща, носившая название "архиерейской дачи".

За два часа, все сильно замерзли и, когда на 3-й смене стало светать, все с удовольствием отправились в казарму.

Ночь прошла тихо — только изредка, где-либо срывалась короткая пулеметная очередь, да щелкали два-три ружейных выстрела. Перед нашим приходом огонь был сильный и в саду дивизиона был убит иркутянин 6-го класса Евгений Кончаловский.

Часам к 9-ти, к нашему крайнему удовольствию, пришел приказ открыть огонь по Знаменке. Все, кроме уснувших из 2-й смены, отправились стрелять по роще, по колокольне знаменской церкви, откуда то и дело трещал красный пулемет, по домам предместья. Цели не было, — никого не видно, — и скоро стрельба прискучила, теперь ее пришлось вести уже по наряду. Если ружейным огнем красные и не отвечали, то с колокольни по забору очень хорошо резанули из пулемета по нам: щепки от заборных столбов осыпались прямо на голову.

К часу нас пришли сменять семеновцы. Мы с Васькой тотчас же полетели смотреть на них, овеянных легендою и славой. Солдаты были рослые, в папахах и полушубках, с громадными, как показалось, винтовками со штыками. Мы с нашими кавалерийскими винтовками без штыков казались малютками перед ними. Долго глазеть не пришлось: нам приказали поставить винтовки в пирамиду и идти к штабу, в гостиницу Модерн.

Только что мы построили перед штабом фронт, как к нам быстро выбежал на крыльцо генерал в защитных погонах, френче, без шинели и шапки, с черными пучками подбритых под носом усов — Сычев. Он коротко поблагодарил нас за службу и приказал идти в корпус, домой.

Дома нас встречали сухо: "навоевались, герои, аники-воины. Ну, смотрите", — сказал нам наш воспитатель полковник Александров, — "идите раздеваться".

На следующий день стрельба стихла, — было заключено перемирие на 24 часа. Мы замазали пулевые дыры в стеклах жеванным хлебом, чтобы не дуло, и начали вспоминать свое приключение и строить планы о дальнейшей эвакуации, по Амуру на пароходах, как нам хотелось. Ночью с 4-го на 5-ое вдруг поднялась сильная стрельба, бухнуло даже несколько орудийных выстрелов, затем все смолкло. Мы решили, что красных выбили из города, и уснули спокойно.

Утром проснулись уже в красном Иркутске. Когда пришли воспитатели, мы выслушали эту ошеломляющую весть и спросили: "а почему нас бросили"? Полковник Вишневецкий разгладил свою скобелевскую бороду и ответил:

— Времени мало было, на эвакуацию дали только 6 часов, а у нас одной крупчатки более 400 пудов, да имущества, да вещи...

Сколько было правды в его словах теперь сказать трудно. Сычев бросил не только два военных училища, не только 3 кадетских корпуса, но и 900 пудов золота в подвалах Иркутского гос. банка, как это выяснилось впоследствии.

События пошли быстро: 6-го приехали красные, еще эсеры и им сдали оружие первой роты; затем воспитатели и 1-я рота учинили повальный обыск в нашей и 3-й роте, нет ли у кого-нибудь оружия. Перед тем днем, когда приказали снять погоны 10-го, в сумерках, когда мы собирались уже уходить со двора, вдруг с Ланинской на Набережную, визжа полозьями по снегу, какие-то кадеты вытащили бочку на санях. Сани тащили иркутяне — мы сгрудились к ним. Дотащив сани до ворот, они, их было человек семь, стали. Двое, по виду семиклассники, коротко бросили остальным: "ждите здесь", пошли вместе с одним вице в первую роту. Иркутяне, в серых шинелях, молча стояли около бочки. Понемногу завязался разговор. Я подошел к одному из них, постоял немного и когда смолк разговор, спросил его:

— Ну, а теперь что?

Он оглянул меня, потом всех других, и как-то нехотя сухо ответил:

— Теперь всяк по себе.

Через полчаса входившие в 1-ю роту иркутяне вышли вместе с нашим генералом выпуска, высоким оренбургским татарином Еникеевым. Они попрощались, и взявшись за веревки, потянули бочку, на ходу один сказал:

— Здесь за углом колонка, там нальем с полбочки.

Из-за бочки кто-то возразил:

— Да, на черта она нам?

Тогда высокие, тянувшие бочку, цыкнули:

— Молчи, баран, а если красные полюбопытствуют, что везем от реки пустую бочку, тогда что сказать?"

На следующий день утром приказали снять и спороть погоны; я замешкался с выполнением приказа. и, после обеда, вместе с Васей Деевым, пошел на прогулку. Гуляя, мы вышли на задний двор и наткнулись на кучку семиклассников, во главе которых шел генерал выпуска; увидев нас, он остановился и закричал:

— Эй ты! Как тебя! Еленевский, что ли? Поди сюда!

Мы подошли и стали смирно, на душе стало неприятно: разговор с генералом выпуска всегда скверная вещь, — может приказать и выдрать за провинности.

— Ты что всех опять подводишь? — заорал он. — Почему погоны до сих пор не спорол? Ты думаешь опять пакости делать и не отвечать? Не бойсь, как только спросят, кто был на фронте, — тебя нам не жалко, так первого же выдадим, да и тебя, Деев, тоже! Марш сейчас же в роту спарывать погоны!

Мы переглянулись с Васей и пошли в роту. Деев, длинный, худой, с экземой на лице, задумался. Про-

нырливый Володя Поляков все время исчезал в город и однажды, укладываясь спать, сказал:

— Ну, ребята, до-свиданья, — еду на восток к отцу, в японской миссии там берут.

Коренастый, смуглый Наумов, всегда одиноко и молчаливо гулявший по коридору, пробурчал будто бы нехотя:

— А я домой, в Оренбург, тут верно делать нечего...

На другой день Поляков попросил помочь вынести его вещи на двор и исчез. Наумов тоже исчез тихо и незаметно: только на другой день кто-то сказал, что видел его, идущего на станцию с вещами.

Вася Деев ходил все время мрачный и ругал меня за всякие провинности. 17-го января было полно событий. Солдаты устроили манифестацию и ходили с плакатами "Вся власть Советам". Чехи выдали адмирала Колчака красным, а после обеда Вася коротко бросил мне:

— Бежим Шурка к атаману Семенову!

— Ладно, — соглашался я, — а как проедем только?

— С японской миссией, там берут, одевайся быстрее, да идем скорее.

Мы оделись и пошли искать ее, она перебралась в поезд. Мы поспешили туда, — короткий, зимний день кончался.

Дорога на станцию шла через Ангару, — моста понтонного, не было, а по льду были проложены доски, уже полузанесенные снегом, скользкие и без ограды. В трех или четырех местах были полыньи; в них черная вода кипела и злобно бурлила, вверх сизыми столбами поднимался пар в морозную стыль. Я со страхом смотрел на них и облегченно вздохнул только войдя на берег.

Миссию нашли быстро. Ее комендант, капитан Хирото, оглянул нас через очки, спросил кто мы, что надо, почему хотим ехать, и тушью, кисточкой, на прозрачной бумаге, написал пропуск в вагон — кубогрейку. Радостно, поблагодарив его, мы отправились искать свое место.

Было совсем темно, когда мы подошли к вагону и забарабанили в дверь кулаками. Негромкий разговор внутри вагона смолк, и чей-то напряженный голос, спросил из-за двери: "Что надо?"

Услыхав в ответ, что у нас пропуск на этот вагон от капитана Хирото, чуть откатили дверь и недовольно пробурчали: "Давай сюда", мы поколебались с минуту, но потом дали, почти сразу же дверь откатилась пошире и нам сказали :"Влезай".

В темном вагоне мы объяснились с будущими спутниками, затем выскочили наружу и пошли за вещами.

В роте, за это время, произошло перемена: деревянные переборки, отделявшие спальню 4-го класса от наших классов, были сняты и теперь тут был общий дортуар для нашей 2-й роты. Мы с трудом разыскали свои кровати и торопливо начали укладку своих вещей. Денег не было, идти к пленным австрийцам, работавшим в Корпусе и давать что-либо на вагонку было поздно, да и не безопасно. Выручил одноклассник Крипаков, купивший два моих одеяла за 400 рублей. Вася Деев кончил укладку, выпрямился и сказал:

— Ну, ребята, кто хочет с нами? Айда сейчас же только, — сразу идем.

На нас угрюмо покосились и из кучки классных заправил, сидевших вместе: мордатый Шмотин, белокурый Зайцев, хорошенький Корин, веснущатый Иванов, длинный и бледный Фоектисов, кто-то скупо и презрительно процедил сквозь зубы:

— Вы, авантюристы, вам родного Корпуса не жаль.

Худенький, смуглый и вертлявый симбирец Янченко, прослуживший год в 4-й Волжской Батарее, встал с своей кровати, подошел к нам и сказал примирительно:

— Армия без начальства не будет, не офицерами будем, так командирами, дело не в названии.

— Раз так, прощайте, братцы.

Мы подхватили свои вещи и вышли в коридор, и на лестнице разделились; я, с вещами, торопливо выскочил на Набережную и отбежав квартал, остановился за углом первой улицы и стал ждать. Деев пошел прощаться с командиром роты, полковником Азарьевым, вр. и. д. директора Корпуса, — боялись, как бы он не задержал нас. Гулко билось сердце, начинали коченеть ноги.

Ангара, ставшая на Крещенье, дыбилась диким хаосом безобразных торосов. В морозной мгле вправо чуть мерцали огоньки Иннокентьевки, влево над станцией стояло зарево электрических фонарей и перекликались гудки паровозов. Потерев застывающие руки, вдруг услыхал скрип снега под ногами торопливо бегущего человека; из-за угла выскочил Вася и, схватив свой сундучок, зашагал немного спокойнее.

— Хотел задержать, лысый черт, — задыхаясь дымными клубами пара, выбрасывал на ходу Деев.

— Куда? Зачем? Нельзя, надо разрешение, пропуск.

А я:

— Счастливо оставаться, господин полковник, да в дверь, да по лестнице, да на двор; что-то мне кричали вслед, кто-то бежал за мной, а я ходу, ходу, да и удрал.

На станции нас ждала новая беда: поезда на старом месте, на 5-м пути не было. Мы в ужасе заметались, — спросить было некого, да и нельзя. С гулом маневрировали поезда, пронзительными гудками перекликались паровозы и бесконечными заборами стояли какие-то пустые вагоны. Вдруг откуда то изза стрелки, скрипя мерзлыми осями, на нас поползли товарные вагоны. Мы вгляделись в них и облегченно вздохнули, а на душе стало радостно: на дверях каждого белел флаг с красным солнцем посредине. Одиннадцатый была кубогрейка.

Мы постучали в дверь, ее чуть откинули и кто-то сказал в темноту вагона, чуть освещенную красноватыми бликами от печки: "Наши кадеты", — а нам.

откатывая дверь шире: "Давайте вещи, во время пришли, через полчаса уезжаем".

Минуту спустя мы сидели на своих сундучках, посредине вагона. Кто-то зажег свечку и мы разглядывали своих спутников: прис. повер. В. С. Иванова, ген. штаба подполковника кн. Крапоткина, ген. штаба кап. А. А. Маркевича, двух неизвестных поручиков, такого же безымянного прапорщика, двух юнкеров Оренбургского уч. ухитрившихся удрать из под красной охраны; к нам прибавились еще двое безизвестных кадет: Вася и Шура. Нары маленькие и на них приходилось спать посменно, однако нас пустили сразу наверх и не будили до утра.

А. Еленевский

(Окончание следует)

Дочь Кексгольмского полка

СКАЗКА—БЫЛЬ

В 1910 году известным капельмейстером и композитором *Главачом* была написана "Историческая музыкальная картина на 200-летие Л.-Гв. Кексгольмского Императора Австрийского Полка". В этой картине-попурри из разных песен, арий, гимнов и маршей, напоминающих главные исторические моменты полковой хроники Кексгольмцев, — 168-й год жизни полка был отмечен... колыбельной песней. Слушателю, непосвященному в семейную жизнь Кексгольмцев, было бы трудно понять, что должна означать эта песня, сплетающаяся с лихой солдатской песней "По горам твоим Балканским" и с Болгарским гимном "Шуми Марица"; для посвященных же она напоминала о том, как 12-го января 1878 года, за Балканами, в долине Марицы, Бог послал дочку 168-летнему Старцу-Полку.

1.

Полвека назад, за неделю до Рождества Христова, Кексгольмцы, как и многие Полки Русской Армии, пережили воистину страшные ночи, полные ужасов для "святочных рассказов", — на перевалах через Балканы, в походных палатках, под метелью в снежных сугробах... "Новый Год" встречали уже за Балканами, но ужасы войны продолжались: 4 января отгремел последний и блестящий ночной рукопашный бой Литовцев и Кексгольмцев у дер. Карагач, а 5-го, после занятия Филиппополя, полки вступили на Адрианопольское шоссе, памятное тем, кто видели его в те дни, как самый страшный призрак войны 1877-78 г.г. Это шоссе было путем победоносного марша Русской армии, путем отступления турок и крестным путем обезумевших беженцев. После занятия Софии и Филиппополя, все турецкое и отчасти болгарское население, охваченное паникой и увлекаемое отступающей армией, бросилось на шоссе. Все смешалось. Зима еще не сдавала, стояли холода, и поля были покрыты снегом. И войска пробивали себе дорогу среди биваков и обозов беженцев, погибавших от голода и холода. Местами это были обозы трупов: мертвые семьи наполняли повозки; местами это были биваки, наполненные "живыми картинами", составленными из мертвых людей. Снежный покров скрывал многое, но еще ужасней казалось скрытое, когда из-под снега была видна лишь рука или нога человека...

Кто долго шагает в строю походной колонны, тому начинает казаться, что встречные картины как будто сами проходят мимо него, стоящего на месте. И так же мимо начинают проходить и ужасы человеческих страданий, превосходящие пределы чувствительности. Люди идут понуро, как бы равнодушные и притупленные, и только время от времени, когда кто-нибудь бросит в протянутую руку умирающего беженца, "Христа ради", свой последний сухарь, становится понятно, что добро еще не умерло на земле.

Так, понуро шли и Кексгольмцы под вечер 12-го января, пересекая долину и минуя разгромленную и выгоревшую деревню Курчешма. В строю полка была молодежь, были старые запасные солдаты, оставившие жен и детей на далекой родине.

И вдруг не выдержало одно сердце того ужаса, который представлялся взорам, и вспыхнуло всем состраданием и всею жалостью, подавленными в понурых рядах. У дороги, у потухавшего костра сидела полумертвая женщина с безумным взглядом, прижимавшая к груди ребенка и бессвязно что-то говорившая на непонятном языке. Рядовой Михаил Саенко выскочил из строя, принял ребенка, запахнул полой своей шинели и вернулся в ряды. Мать осталась умирать у костра. а девочка вступила в ряды чуждого Полка-Старика, заменившего ей отца на всю жизнь.

"Кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает". Рота приняла дитя во имя Его и несла Христа, передавая с рук на руки святую и радостную ношу. Со всех сторон глядели на девочку любовные отчие взоры; все просветлелось, ободрилось, ряды очнулись, и от конца до конца походной колонны Кексгольмского полка понеслась радостная весть: Бог благословил нас дочкой!

Истинные причины войн часто покрываются иными побуждениями, для воодушевления "народа" и войск. Истинной причиной Русско-Турецкой войны было разрешение Славянской проблемы и вопроса о проливах, побуждениями для народа и войск была защита попираемой веры Христовой и угнетаемых братьев от изуверов, нещадящих даже детей. Не почувствовали ли 12-го января солдатские ряды Кексгольмцев, что они достигли цели войны и одержали величайшую победу над врагами Христа и всех угнетенных? Для Полка осталось навсегда неизвестным

была ли девочка, назвавшая себя "Айше", турчанкой или болгаркой, но не все ли равно? Это было дитя человеческое. Христолюбивый подвиг Саенки, совершенный в те дни, когда угнетатели и угнетенные, торопясь свести последние счеты, с равной жестокостью уничтожали детей, не зависел в своей красоте от того, была ли Айше православной или магометанкой.

2.

То в строю на руках солдат, то в обозе, в аптечной двуколке, превращенной в походную кроватку, Айше разделила с Полком и Русской Гвардией победоносный марш от Адрианополя до стен Царь-Града.

Весну и лето 1878-го года Кексгольмцы провели на биваках на берегу Мраморного моря, в 25-ти верстах от Константинополя, у м. Беюк-Чекмедже. Сколько славных воспоминаний! На тех самых Принцевых островах, которые в 1920—1921 годах стали жалким приютом русских беженцев, 9-го июля 1878-го года был дан, надолго оставшийся памятным своим богатством и блеском "Бал Шампетр" 3-й гвардейской пехотной дивизии, в честь Главного Командования и международного общества...

Там же на биваке "под стенами Царь-Града", среди офицерских, солдатских палаток, гуляла общая любимица полка, маленькая Айше, — лучший живой трофей, какой можно было добыть в той войне, — и там же состоялось общее собрание офицеров полка, принявшее единогласное решение, — признать Айше дочерью полка, взять ее с собою в Россию и принять на себя все заботы о ее воспитании и благосостоянии до времени совершеннолетия.

В августе полк отправился на родину, в свою варшавскую стоянку.

3.

Весной 1879 года, в офицерском собрании кексгольмцев, совершилось необычайное: в присутствии всего общества офицеров, полковой священник отец Мещерский крестил в купели утопавшей в сирени 5-летнюю Айше — Дочь Кексгольмского полка — и нарек ей имя Марии, в честь Государыни Императрицы Марии Александровны. Восприемником был поручик Константин Николаевич Коновалов, избранный из молодых сравнительно офицеров, чтобы подольше не расставался с крестной дочкой; восприемницей — Софья Алексеевна Панютина, жена командира полка (старого преображенца) генерал-майора Всеволода Федоровича Панютина; старшим опекуном был избран капитан Александр Константинович Рейхенбах — старый кадет Первого Корпуса.

В августе того же года Государь Александр II был в полку, проездом через Варшаву. В голубой гостиной собрания Государь увидел портрет Маши, снятой сидящей на большом диком камне.

— А это ваша дочь!

Государь подозвал опекунов и крестного, и задал вопросы о будущем девочки. Отвечали, что собирались просить Государыню зачислить нашу дочку кандидаткой в Варшавский Александро-Мариинский институт.

— Я сам похлопочу у Государыни.

Спустя немного времени 6-летняя Маша была зачислена в институт пенсионеркой Ее Величества с наименованием "Кексгольмской" в честь усыновившего ее полка.

4.

Примерно до 10-летнего возраста (года рождения не знали), Маша жила в семье Панютиных, ставшей для нее как бы родной семьей. В 1883 году Машу отвезли в институт.

"Отец" следил за успехом дочки: по субботам в офицерском собрании вывешивались Машины баллы, по воскресеньям опекуны и крестный ездили к ней "на прием", и дарили конфеты; с каждым годом появлялись в гостиной все новые портреты подрастающей дочери. Маша училась усердно, была всегда неизменно тиха и послушна, и ценила свою связь с полком и свою фамилию — его имя. Говорят, что подруги от нее слыхали не раз в ответ на склонения к шаловливым затеям: "Вам все равно, а за меня будет краснеть весь мой полк".

Мы были с Машей сверстниками по выпускам, но я был еще юнкером, хотя уже взявший вакансию в полк, когда читал в газетах о Дочери "моего" полка и о празднествах по случаю окончания ею института 7-го июля 1890 г. Помню, с каким восторгом я читал об институтском акте, на котором были все офицеры моего полка, о молебне 8-го июля в лагере перед строем полка, встретившего Машу, и об обеде и бале в собрании, где был весь персонал института и весь выпуск "Марии Кексгольмской". И помню, как мне трудно было понять и определить свои будущие взаимоотношения с "дочерью" того полка, в который через два месяца я выйду молодым офицером.

5.

После выпуска из института Маша жила в семье В. Ф. Панютина, командовавшего в те годы 11-й пех. дивизией в Луцке.

Осенью того же 1890 г. на Волыни, в присутствии Императора Александра III и Императрицы Марии Феодоровны, происходили знаменитые Ровенские маневры, на которые была стянута 200-тысячная армия во главе с 3-й Гвардейской пехотной дивизией. Дочь Кексгольмского полка была замечена и удостоена представления Государыне Императрице Марии Феодоровне и приглашения во время заключительного парада в Царскую Ставку — любоваться прохождением "Отца" и его славных братьев.

В зимние сезоны 90 и 91 годов, то к святкам, то на масленицу, Маша приезжала в полк, останавливаясь в семье своего "крестного". Тогда начинались балы, спектакли, вечеринки в семьях, и молодежь и старшие офицеры веселились каким-то особенно хорошим дружным и чистым весельем.

Нас, молодых офицеров, вновь выпущенных в полк, знакомили с Машей. Старые офицеры, участники войны, называли ее Машей и говорили ей "ты"; мы же, новые, говорили на "вы" и называли Марией Константиновной. В то же время мы были "просты" с нею и держались так, как держатся с родными сестрами.

Ни подчеркивать, ни напоминать ей, что она наша "дочь" не было принято, но Маша, прекрасно воспитанная, скромная и на редкость тактичная, сама умела во время сказать, что полк ей отец, и просто взглядом своих прекрасных, добрых глаз давала чувствовать, что связана с нами не формой, не долгом, не честолюбием или тщеславием, а действительно сердечной преданностью.

Трудно представить себе естественность в таких необычных и условных отношениях девушки и целого общества офицеров, но эта естественность была, она сложилась общей и нам, и Маше любовью к полку, нашей любовью к "его" дочери и ее преданностью нам, "его" офицерам.

Маша нас связывала, в вопросах о ней мы никогда не расходились и преклонялись перед ней, как перед самой нужной, живой традицией родного полка. Мы все держались близко к Маше, когда она бывала в полку; ни с кем, конечно, так много не танцевали на балах, ни за кем так не ухаживали, и, в то же время, в нашей офицерской среде было какое-то отеческое чувство, которое исключало всякий намек на ухаживание, претящее чувству и сознанию родства.

Маша была для нас дочерью полка, то - есть нашей сестрой.

Нас спрашивали иногда, — отчего никто не делает предложения Маше? — Правду сказать, этот вопрос звучал так странно, что трудно было ответить.

Но вот подошло время. Летом 1892 года старый полковник нам объявил, что Маше сделано предложение. Опекуны поехали в Луцк познакомиться с претендентом — корнетом 33-го, тогда драгунского, Изюмского полка Александром Иосифовичем Шлеммер. Помню общее собрание после их возвращения, их доклад о впечатлениях, вопросы, суждение и баллотирование, вероятно единственное в военно-бытовой истории, вопроса: принять ли предложение корнета? Предложение было принято и тут же были намечены все распорядки.

И выдали Машу "по хорошему", — по старым обычаям, не сироткой и не бесприданницей, и со всей красотой, какую полк мог придать свадьбе своей любимой дочки. Был и мальчишник — холостой пир, был и девишник — блестящий бал, были и приемы, и встречи почетных гостей.

Венчали Машу 4-го ноября в нашей церкви; ее шаферами были братья-офицеры полка, шаферами жениха — его брат и Изюмцы: наш командир полка генерал Д. М. Резвой был посаженным отцом, посаженной матерью была Н. С. Павлова — из рода Панютиных, старшим гостем был герой перехода Гвардии через Балканы — Гурко, почетным гостем — флигель-адъютант Императора Австрийского, полк. Клепш.

Во время раута в офицерском собрании была подана хлеб-соль — простой каравай солдатского хлеба, но там же Маше были вручены драгоценные браслеты от Императрицы Марии Феодоровны и от Шефа полка, и "отцовский" свадебный подарок — серебро для хозяйства, с полковыми гербами. Много было здравиц и приветов, но милее их всех была телеграмма: "Покорнейше прошу передать мое сердечное поздравление новобрачным. Желаю им счастья и благополучия. Общество офицеров дорогого полка благодарю за приглашение и поздравляю с семейным, радостным праздником. Запасный рядовой Кексгольмского полка Михаил Дмитриевич Саенко".

6.

После замужества связь Маши с полком никогда не прерывалась.

На ее визитных карточках значилось: "Мария Константиновна Шлеммер. Дочь Л.-Гв. Кексгольмского полка".

Она носила брошку — наш герб и нашей же гербовою печатью, принадлежавшей ей по девичьей фамилии, запечатывала свои письма.

Не было случая в жизни полка, на который не отозвалась бы Маша; она присылала вклады на украшение новой "церкви родного моего полка", участвовала с нами в подписках и складчинах при несчастных случаях с солдатами, участвовала вместе со всеми старыми кексгольмцами в постановке перед Офицерским Собранием памятника Петру Великому ко дню 200-летнего юбилея, делала подарки собранию и часто приезжала в полк на балы и праздники. Не была в обиде и Дочка на отношение к ней Старика; в новом собрании ей принадлежала одна гостиная, называвшаяся "комнатой Дочери Полка", там были собраны все ее портреты и карточки, и так же не было случая, когда бы полк не отозвался на ее семейную радость или горе. — Все было так, как водится между отцом и дочерью. И внуками нашими стали Машины сыновья Павлик и Жоржик.

7.

Но знаменательнее и, пожалуй трогательнее всего были отношения к Маше солдат. Для них "Дочь Полка" не была ни офицерской затеей, ни господским делом. Нет, они знали, что это их дитя, что Маша-Айше, пригретая Саенкой, и что господа офицеры усыновили полку их "дочурку". Интерес их к Маше был страстный: они любили слушать рассказы о ней и читать книжечку о дочери, написанную Гродненским гусаром Ю. Л. Ельцом; когда же она бывала в полку, порывы солдат ей навстречу, их стремление к ней, и их "ура" при виде Маши бывали стихийны. И для меня, несомненно, что Дочь Полка была одною из основ совершенно исключительной близости между солдатами и офицерами в Кексгольмском полку: солдаты считали Машу своей солдатской дочерью и любили офицеров за заботы о ней. Маша

как связывала. Сама же она в отношении к солдатам была необыкновенно нежна во всю свою жизнь и обращалась к ним с обаятельной чистосердечностью, воистину точно родная. Всегда казалось, что между нею и ими есть что-то "свое", что другим непостижимо.

Стихотворение, присланное Маше к свадьбе старым офицером полка, капитаном Бабкиным, кончалось словами:

"Не забывай солдат — детей случайной родины своей!"

Маша выполнила свято этот завет.

8.

Война и революция — последние главы повести о Дочери Полка.

Полк-отец выступил в поход. Маша заявила, что ее долг быть сестрой милосердия при родном полку, приехала из Москвы, где она жила, и вступила в учрежденный офицерами 3-й гв. пех. дивизии лазарет имени Великого Князя Николая Николаевича. В том лазарете были сестрами — жены, матери и сестры офицеров дивизии; через них и Машины руки и ласковые заботы проходили десятки офицеров и сотни солдат родных им полков. И часто из лазарета в полк возвращались поправившиеся с рассказами о святой из святых сестер, о тихой, скромной сестрице Маше.

Революция застала Машу с лазаретом дивизии во Владикавказе; случайно, нам довелось там встретиться. Маша была уже больна; начинался туберкулезный процесс; она была покорна судьбе и грустна. Так же случайно мы встретились еще раз в ноябре 1919 г. в Сочи. Она была уже в санатории для туберкулезных сестер милосердия и угасала. Все рушилось в ее сказочной жизни: погибала вторая родина, рассеялся полк, муж был где-то далеко в сумятице гражданской войны. Павлик, старший сын, еще в июне 1918 г. погиб на фронте Добровольческой Армии.

В январе 1920 г., в ужасный норд-ост мы опять встретились на палубе парохода, на переходе из Туапсе в Новороссийск; Маша ехала к мужу. Я прожил у них несколько дней, и мы расстались навсегда. В марте Маша оказалась в Ялте, снова в санатории для туберкулезных сестер, и там угасла 7/20 августа 1920 года. За гробом печальной и скромной процессии, через весь город на Новое кладбище, шел муж, едва поднявшийся после тифа, четыре старых офицера, оказавшиеся в Ялте, и сестра одного офицера, — жена офицера Изюмского полка.

9.

Так кончилась сказка, или лучше сказать — сказочно прекрасная, до ее страшной развязки, быль из жизни старой Русской Армии. Конец ее ужасен: как все, что случилось с марта 1917 года, он был надругательством над всем нашим прошлым, не разбирая и не щадя того, что было и должно остаться навсегда светлым, чистым и прекрасным.

Бедная Маша! Она, утратившая кровную семью и первую родину, восприняла безусловно, всем сердцем и душой, в России — новую родину, в полку — отца, в офицерской и солдатской среде — свою семью и братьев.

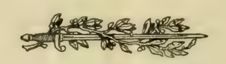
И все это еще при жизни ее распалось и развеялось.

Наша литература чрезвычайно бедна очерками военного быта, но и те произведения, которые черпают содержание из военной жизни, несравнимо чаще изображают отрицательные явления и отрицательные типы, говоря лишь о том дурном, чего не должно было бы быть. Таковы, за редкими исключениями, типы и факты, выхваченные из жизни и подобранные один к одному нашими лучшими и средними писателями. Ни хороших романов, ни драм, ни опер из военной жизни, проникнутых любовью к Русской Армии и военной среде и восхвалявших героизм, верность и благородство, доблесть и самопожертвование — мы почти что не знаем, и с трудом находим в родной литературе отрывки и случайные картины для воспитательного чтения в школах, почитающих своей задачей внушать эти возвышенные и нужные для государственного служения чувства.

Почему это так? Неужели же в жизни бытие Русской Армии, давшей знаменитые в военной истории, образцы самозабвенной доблести, были только тени? Почему литература других культурных народов полна образцами новейшего героического эпоса?.. И, наконец, почему здесь, в эмиграции, мы нашли книгу на венгерском языке со многими иллюстрациями "Мария Кексгольмская"? Почему какие-то венгерцы нашли нужным рассказать своему народу и воинам эту повесть, принадлежащую нам?

Нет, не столько быт Русской Армии, сколько русские бытописатели виноваты в том, что создавшиеся в нашей Армии типы несравненной красоты и ее подвиги, неведомые Армиям ни восточной, ни западной культуры, остались под спудом и не использованы для истинного украшения нашей литературы и для воспитания нашей молодежи.

В. Адамович

Лубочные картинки Восточной войны 1853-56

Когда появился на Руси этот вид графики? Может быть даже в XVI в., но уже наверное в XVII. Название "лубочные" (была такая же и литература) происходит от слова "луб" — липовая кора, на которой вырезывались примитивы этих картинок 400—300 лет тому назад; следовательно они были — гравюрами в зародыше, делом рук кустарей. Наше старое поколение помнит эти картинки, после икон служивших главным украшением мещанских и крестьянских жилищ и бывшие спокон веков в большом спросе у всего Русского простонародия, но, по словам Д. И. Ровинского, были и барские", к которым он, например, относит карикатуры на французов эпохи Отечественной войны 1812 г.; к этому разряду могут быть, конечно, причислены ксило и олеографии военного характера, висевшие на стенах коридоров кадетских корпусов; а в начале 1-й мировой войны — они прославляли сказочное богатырство Кузьмы Крючкова... В нынешней России, лубочные картинки давно исчезли, ибо, по мнению советских литературоведов, они были "политическим орудием пропаганды правящих классов". В столь обобщенном утверждении есть, некотороя только, доля правды.

Влечение к этим картинкам существовало не только у простонародия, но и у исследователей, и собирателей родной старины; в итоге, особенно к середине прошлого века, создался ряд частных коллекций и появилось несколько печатных исследований, возглавляемых трудами непревзойденного Д. И. Ровинского; тысячи этих листов описаны им в четырех томах исследований "Сборника отделения Русского языка и словесности Императорской Академии Наук", в 80-х годах предыдущего века, и в тогда же им изданном "Подробном Словаре русских гравированных портретов", а многие из них воспроизведены им в "Материалах для русской иконографии" (12 выпусков, СПБ. 1884—1891). Обнародованные в 1850 году новые цензурные правила привели к тому, что многие гравированные доски были уничтожены. Специализировавшееся на лубках, одно только Сытинское издательство имело полмиллионный годовой оборот в начале нашего века.

Вышеупомянутые труды Ровинского (и не его только) дают ясное понятие, чем пробавлялось наше простонародие по части художеств и как оно восполняло свои духовные запросы; темы лубочных картин были чрезвычайно разнообразными: религиозные, былинные, сказочные, всякие заимствования из аналогичных иностранных источников; иллюстрировались поверья и суеверья и т. д. Однако Ровинский, почему то, обошел (в первом указанном труде) "военные" картинки, т. е. изображение битв и их героев, но в "словаре" он указывал и на все, известные ему, лубочные портреты, появившиеся до 80-х годов. Это надо иметь ввиду потому, что все личности, изображенные в описываемой ниже серии лубков (Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи, Г. Ад. Н. Н. Муравьев, Генерал Данненберг, Тимофеев, Павлов, Саймонов, Подп. Головачев, Священник Судковский и проч.), в "Словаре" не упомянуты, следовательно Ровинскому эта серия картинок известна не была, что служит доказательством ее исключительной редкости и что объяснить пока нельзя.

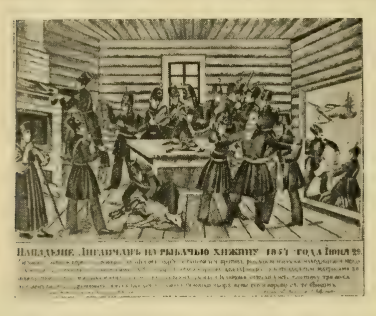
Все экземпляры этой серии. размером в два листа, кои именовались, на техническом языке офеней (пеших торговцев, доставлявших всякую лубочную литературу даже в самые отдаленные поселения севера и востока России) "двойниками", ("ординарками" звались картинки на одном листе); были еще "тройники" и, наконец, "четверки" или "полностенки". Описываемые здесь лубки черные, одноцветные назывались "простаками" и попадали в продажу гораздо реже, чем "зацветы", т. е. раскрашенные листы.

Эта серия из 13 листов — гравированные или литографированные лубки, в большинстве оттисненные на дешевой тонкой "писчей" бумаге фабрики Маршева. К сожалению, эта серия неполная, ибо в "Сборнике известей", относящихся до настоящей войны (изданном Н. Путиловым, СПБ. 1854—55 г.), в конце 4-й, упомянуты три лубка, изданные в самом начале Крымской войны, но не находящиеся в числе 13 описываемых листов: 1) "Рекрутский набор", 2) "Сны Султана" и "Синопское сражение"; большое спасибо Ю. А. Топоркову за эту справку. А. Ф. Долгополов (и ему большое спасибо) сообщает, что у него имеется альбом (заглавие на обложке — на французском языке), с 63 лубками, но переизданных Сытиным, с оригиналов, ко дню Коронования Императора Александра III; среди них есть несколько относящихся к Крымской войне, но их заглавия и тексты не сходны с таковыми, описываемыми в этой статье. При описании, сохранена "оригинальная" орфография лубков и все наиболее дикие ошибки — отмечены; надо быть специалистом, чтобы написать "телѣнок" или "крузѣ", "Сивостополь" и "навѣстно", "предуведоющий" и "фрѣтат"...

Бросается в глаза то, что: 1) на этих лубках запечатлены самые незначительные события этой безотрадной войны; 2) все крупные личности, на которых базировалась оборона Севастополя (Нахимов, Истомин, Корнилов, Тотлебен, Хрулев...) минуты, а Н. Н. Муравьев — подвизался на Кавказском фронте; 3) Топография и архитектура изображенных местностей и полей сражений — ничего общего с действительностью не имеют. Лубки — как лубки, о какой-либо" художественности" речи нет, хорошо, что не раскрашенные (для раскраски листы отсылались тысячами в некоторые села центральной России, где многие сотни семейств "малевали" их из рода в род), а продавались лубки по 1—1½ копейки за штуку, в розничной продаже.

Ниже, следуют точные описания всех тринадцати картинок:

1) Заглавие и текст: “Нападение англичан на рыбачью хижину 1854-го года июня 29. Английский винтовой корвет крейсируя в Белом море остановился

Фотография А. Т. Рэйнэй.

против рыбацкой избушки, находящейся между селениями Чабанским и Кусонемским, съехавшие с этого корвета два офицера с пятнадцатью матросами, вошли в помянутую избушку, и найдя в ней крестьянина Василия Климова, отняли у него винтовку, три ножа, 50 сажен бичевы, 15 деревянных ложек, бумажный кушак, головной убор жены его, и корову с теленком”. “Печатать позволяется. Москва 1854 года, ноября, 8 дня. Цензор В. Флеров. Печат. в Металлогр. А. Лаврентьевой”.

Гравированная картинка, изображающая внутренность этой избушки, справа — открытая на море дверь, виден трехмачтовый корабль и лодка; тут же два матроса вяжут корову, остальные, наполнившие избушку, “присваивают” все перечисленные выше предметы, включая теленка; слева с ухватом стоит жена Климова.

Конечно, и в русской, и в английской литературе описывается (в каждой по своему) ряд десантных операций в Белом море, но именно этот маленький эпизод — не упомянут... Кстати, на всех этих лубках, неприятельские матросы (и солдаты), одеты в романтические формы (в данном случае — форма не матросская, а скорее стрелковая).

2) Заглавие и текст: “Сражение при Сивостополе 24-го октября 1854-го года. В присутствии Их Императорских Высочеств Великих Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, под командою Командира 4-го пехотного корпуса Генерала от Инфантерии Данненберга, Генерал-Лейтенанта Соймонова, Генерал-Лейтенанта Павлова”. “Печ. позв. Москва 28 февраля 1855-го г. Цензор В. Флеров. Фев. 28 д. 1855 г. Мос. Печ. в Металлогр. Петра Н. Шарапова — Москв. Город. Пол. Ведомости № 248-й”.

Гравированная картинка, долженствующая изображать некую фантастическую сцену знаменательного Инкерманского сражения, тоже проигранного нами из-за бесталанности старших начальников. Это типичный лубок, исказивший действительность в малейших подробностях: на обоих берегах морского заливчика (в котором стоят три стреляющих трехмачтовых корабля), высятся грандиозные каменные укрепления Севастополя — в клубах порохового дыма. На переднем плане, шагах в 500 от этой “сильнейшей крепости”, скачут — 5 всадников (надо думать, оба Великих Князя, Генерал Данненберг и 2 адъютанта. Нет: в этот день они были только в обществе Главн. кн. Меньшикова...), между стреляющими нашими пехотой и артиллерией; далее — изображены тесные колонны, идущие в атаку друг на друга, пехота и кавалерия... Известно, что поле сражения, называемого Инкерманским, находилось в нескольких верстах к востоку от севастопольской линии укреплений, к сожалению, не имевших ничего общего с изображенными на картинке. Великие Князья, прибывшие в Севастополь накануне этого боя, под “действительным” огнем, конечно, не были. Что может значить последняя фраза напеча-

Фотография А. Т. Рэйнэй.

танного текста: — Моск(овские) Город(ские) Пол(ицейские) Ведомости № 248-й? По нашему мнению, что ссылка на источник, откуда взята тема этого лубка.

3) Заглавие и текст: “1854-го года, октября 24-го дня. Сражение при Севастополе во время большой вылазки под командой Генерал - Майора Тимофеева. Печатать позволяет. Москва 1855 года. мая 12 дня. Цензор Н. фон-Крузе. Печат. в Металлографии А. Лаврентьевой. Москва, 1855 года”.

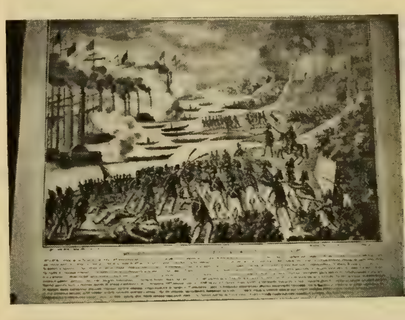
Гравированный лубок — не уступающий предыдущему по несуразности. Правый угол гравюры занят “Севастополем”, изображенным вроде средневекового (западно-европейского) города, с высоченными, толстыми стенами; из амбразур пушки извергают огонь и дым. Одних церковных куполов (и башен) не менее десятка... На первом плане — Ген.-Майор

Тимофеев, с адъютантом, на бравых конях — ведут в атаку молодецкий Минский полк на густую колонну, судя по форме, англичан, далее, под огнем полутора десятка русских — улепетывает полусотня неприятелей, но одеты они точь-точь, как наши казаки... Вылазка небольшого отряда ген. Тимофеева из 6-го бастиона, увенчавшаяся "местным" успехом — могла бы нам вернуть победу, если бы... другие начальники наступающих колонн следовали его примеру. Колонна Тимофеева сражалась с французами, а не с англичанами, и английских знамен там быть не могло.

4) Заглавие и текст: "Вылазка из Севастополя, произведенная 18-го на 19-е апреля 1855-го года. В ночь с 18-го на 19-е, после отбития неприятельского отряда, вышедшего из траншей для производства подступов, сделана была нами малая вылазка, в направлении к неприятельским воронкам впереди 4-го бастиона, дабы привлечь туда большие силы и потом взорвать. Заблаговременно приготовленные пять горнов. Предприятие это увенчалось успехом, работы, устроенные здесь осаждающими, были разрушены, и после взрыва слышны были из второй воронки стоны раненых и видны были..." (далее неразборчиво. — В. Р.). "Издание Н. П. Шарапова. Печ. Позв. М. 19 мая 1855 г. Цензор Н. фон-Крузе. Лит. Сергея Стрельцова. Москва 1855 года".

Этот лубок — ручная литография (вид графики, приходивший тогда в упадок под натиском машины), а не гравюра; в ней просвечивают определенные признаки карикатуры в изображениях, летящих в воздух, французов после взрыва; это один из эпизодов минной войны, особенно усилившейся под Севастополем в это время. В официальной английской истории этой войны, это событие описано, конечно. как успех французов.

5) Заглавие и текст: Бомбардирование Таганрога. Донесение Генерал-Лейтенанта Краснова, от 22-го мая 1855 года № 502-й. 20 и 21 мая прибыли на Таганрогский рейд 10 неприятельских пароходов, к вечеру 21-го присоединилась к ним многочисленная флотилия из паровых судов и канонерских лодок и гребных судов, небольшая лодка с белым флагом подъехала к Воронцовской пристани с парламентерами, требовали сдать немедленно Таганрог и вывести оттуда войска; в случае отказа угрожали взять город посредством сильного десанта, ,привезшего с собой. По совещании с Таганрогским Военным Губернатором Генерал - Майором Графом Толстым, я приказал отвечать: "Что военная честь запрещает без боя уступить город и войска наши готовы умереть за Государя и, если неприятель хочет доказать сострадание жителям, то прошу его выйти на берег и вступить со мною в бой; дабы оружие решило, кому владеть сегодня Таганрогом"... в 9½ часов неприятель открыл огонь по бывшей крепости, а ныне госпиталя, на котором был выкинут госпитальный флаг. Для охранения главного доступа по крутому подъему, командовал Г. Генерал-майор Граф Толстой, у спуска поставлен был Таганрогский полубатальон и до 200 наскоро вооруженных жителей. В случае атаки неприятеля, Граф Толстой должен был с пехотою ударить в штыки и опрокинуть его при помощи 300 казаков донского № 68 полка; а Учебный полк ударить атакующему во фланг и тем решить дело. Но союзники, вместо высадки, выстроив 50 разных су-

Фотография А. Т. Рэйнэй.

дов, вооруженные пушками, открыли адскую канонаду, продолжавшуюся 6½ часов и 7 больших судов, с огромными бомбическими орудиями и ракетными станками, стоя в отдалении, действовали по городу навесно. А в 3½ часа неприятель высадил до 300 человек десант, укрылся за кустами и начал пальбу из штуцеров. Подполковник Македонский, рассыпав роту свою, в ограде, защищенной садом, в одно мгновение принудил неприятельских стрелков отступить и дружным ударом в штыки, опрокинул их, и принудил бежать к своим лодкам. После страшной канонады, продолжавшейся не более 1/4 часа. Союзники убедились, что Русские войска невозможно испугать никакой канонадою, удалились к Мариуполю. Вед. Моск. Городс. Полиц.". "Печ. позв. Москв. 7 июня 1855 г. Цен. Н. фон-Крузе. Издание П. Н. Шарапова, Москва, 1855 г. Печ. в лит. Сергея Стрельцова".

Это лубок тоже литографированный: он изображает действительно "страшную" картину, пережитую Таганрогом во время "адской канонады", так красочно описанной Генер. Красновым. Может быть поэтому, такому назначительному происшествию посвящены даже две картинки (эта и последующая: на первой автор запечатлел событие, глядя с востока, а на второй — с запада). Левая сторона первого лубка — загромождена стеной неприятельского парового флота, шагах в... 100 от берега и обстреливающего высокоположенный город из "огромных бомбических орудий и ракетных станков".... Справа видна величественная крепость (тогда превращенная в госпиталь) и по ее сторонам, внизу — церковь и монастырь с прочими портовыми постройками. Казаки и пехота атакуют убегающий к лодкам неприятельский

десант... Наша историческая литература основывалась, вероятно, на Красновском донесении, очень кратко вспоминает этот ничтожный эпизод, с той только разницей, что продолжительность неприятельского бомбардирования отмечена, как полчаса до десанта и полчаса после него, и вследствие которого было уничтожено около 100 домов, 12 было убитых и несколько десятков ранено; затем эскадра ушла озорничать в Мариуполь. В английской литературе рассказано несколько иначе и подробнее: убедившись, что этот красивый приморский городок обороняется гарнизоном в 3.200 человек, командующий эскадрой попросил подкрепление из 3-х пароходов и 12 канонерских лодок; затем военный пароход "Рекрут", став на якорь в полутора километрах от берега, открыл по городу огонь и под его прикрытием канонерские лодки приблизились к берегу, обстреляли русских и заставили их отступить; пользуясь этим лейтенант Бэклей, на 4-весельной шлюпке, высадился с волонтерами на берег и поджег портовые здания (его действия названы "не только храбрыми", но и отчаянными). Любопытная подробность рассказана в хронике "Военной Были" № 26: Захват 4-х пушек с одной из канонерок, севшей тогда на мель... в Таганроге русской артиллерии не было, но 2 наши пушки защищали Геническ.

Б. фон-Рихтер

(Окончание следует)

Антология правовых добродетелей

(Окончание)

4

То, что я теперь хочу передать, рассказывает бывший немецкий авиатор Удетт в своих, вышедших сравнительно недавно, "Воспоминаниях".

Во время Первой Мировой войны Удетт был одним из лучших германских летчиков, непосредственно, может быть, следуя за знаменитым бароном Рихтгофеном. По окончании войны он уехал в Америку, где был испытателем новых самолетов, коммерческим летчиком и т. п. Во время Второй войны Удетт опять боролся за свое отечество, а теперь, на склоне лет, описал свою богатую воспоминаниями жизнь.

Однажды, в самом начале Первой войны, он вылетел на разведку в направлении французских позиций. Аппарат был у него довольно примитивный, но у французов в тех местах и того не было. Летел он над неприятельскими окопами совершенно спокойно, как на маневрах. Вдруг он видит, что снизу штопором поднимается какой-то авион, который немедленно его и аттаковывает. В те далекие времена, когда еще Антони Фоккер не изобрел способа стрелять между лопастей пропеллера, бой сводился к тому, чтобы, на расстоянии нескольких десятков метров, вертеться в воздухе друг вокруг друга и стрелять в неприятеля лишь тогда, когда он окажется сбоку, на травезре. По этой системе в воздухе и началась дуэль, причем расстояние между самолетами, моментами, было столь незначительно, что Удетт смог даже прочесть название французского авиона: «Le vieux Charles», начертанное на его борту, и по этому названию понять, с кем он имеет дело: это был знаменитый Гинемер, первый французский летчик!

Бой и эквилибристика в воздухе длились уже некоторое время, когда вдруг у Удетта заклинило пулемет, так что он стал бесполезен. Немецкий летчик бил по нему кулаком, тряс его, чтобы расклинить, но все было бесполезно — оружие отказывалось действовать. Положение было, поистине, ужасное: он обречен был крутиться в воздухе вокруг Гинемера, пока последний его не собьет! И вдруг — новая перемена декорации: французский летчик заметил, в конце концов, что его противник ударяет по умолкшему пулемету — и сразу понял, в чем дело. После этого Гинемер описал еще один круг в воздухе, снова пролетел мимо Удетта и, приветливо помахав ему рукой, камнем начал спускаться к своим позициям...

Мужественное сердце этого французского героя не могло допустить столь неравного поединка.

5

Во время Первой Мировой войны, одна английская часть, под начальством генерала, была послана на подмогу в северную Италию. Английские войска расположились в окопах против того сектора австрийского фронта, где среди солдат преобладал славянский элемент. В связи с этим английский штаб прислал своему генералу прокламации на одном из славянских языков и предложил ему, по возможности, перебрасывать их в неприятельские окопы. Смысл прокламаций был тот, что славянам, дескать, нечего защищать Австрию и ее немецкого Императора Франца, а лучше им перейти на сторону союзников, которые обещают им самостоятельность и уже образовали даже из эмигрантов соответствующие правительства.

На получение этих прокламаций английский генерал, будучи человеком "старой школы", сейчас же ответил рапортом по начальству, прося — или перевести его в другое место, или же, за выслугой лет, уволить в отставку: "Я здесь, — пояснил он, — чтобы вести войну, а совсем не для того, чтобы побуждать подданных к бунту против их *законного государя*".

Такой же точки зрения, кстати, придерживался и наш Государь Император, неизменно отказывая дать свое согласие на формирование батальонов из пленных славян, с целью борьбы против Австрии. Для него это было вопросом чести и fair-play.

6.

Теперь приведу один известный античный рассказ, который, однако, многие, наверное, уже позабыли.

В древних Сиракузах правил жесточайший тиран, Дионисий. Человек он был выдающегося ума и с огромной интеллектуальной любознательностью. Он всегда был окружен философами, учеными и поэтами, и с удовольствием принимал участие в их беседах. При его дворе, между прочим, был и основатель гедонизма, философ Аристипп, об остроумных проделках которого нам рассказывает Диоген Лаэртский.

Что касается нравственной стороны тирана Дионисия, то он был ярким примером "сверхчеловека", так как не только отличался жестокостью и неразборчивостью в средствах, — но и умением, при помощи остроумной аргументации, отрицать идею нравственности вообще. Подданные его ненавидели и это часто приводило к покушениям.

Однажды, во время какой-то церемонии, один из его подданных, Дамон, пытался его заколоть кинжалом, но был схвачен стражей. По приказанию тирана Дамону связали руки и собирались тут же его казнить, для устрашения. Однако, в самый последний момент Дамон обратился к тирану с такими словами:

— Послушай, Дионисий, я хотел тебя убить, но признаю, что проиграл и заслужил смерть. Прошу тебя, однако, отсрочить казнь до завтрашнего полудня. Дело в том, что в деревне под Сиракузами сегодня вечером должна быть свадьба моей сестры: родители наши умерли, и я единственный человек, могущий их заменить в церемонии. Ты ведь тоже грек и должен меня понять. Если ты меня отпустишь, я завтра в полдень буду на этом же самом месте.

Дионисий задумался, а потом сказал Дамону:

— Я готов исполнить твою просьбу, если у тебя есть заложник, который останется здесь вместо тебя.

— У меня есть друг Финтий, который согласится меня заменить, — ответил Дамон.

Финтия вызвали и он остался вместо Дамона. На следующий день время почти истекло, а Дамона все не было! Стража начала уже вязать руки Финтию, готовя его к казни, когда из-за угла дома показался бегущий Дамон, весь в пыли и едва держащийся на ногах:

— Простите меня — и ты, тиран, и ты, друг Финтий, за задержку, — сказал он. — Мои друзья на свадьбе перепились и хотели силой меня удержать, но я вырвался — и вот я здесь!

Дионисий долго молчал, опустив голову, а потом, как бы очнувшись и обращаясь ко всем присутствующим, громко сказал, что буквально потрясен таким проявлением дружбы. Он приказал страже немедленно отпустить на свободу обоих друзей и, прощаясь с ними, просил их *принять его третьим номером в их дружеский союз.*

7.

Во время Второй Мировой войны, в Германии был один авиационный генерал, рыцарь фон-Грейм (Ritter v. Greim). По своему аристократическому происхождению, он был чужд той среде, которая представляла собою главную массу национал-социализма. Однако, Гитлер увлек его своим национальным направлением и любовью к Германии — и Грейм присягнул ему не за страх, а за совесть. Я видел потрет этого немецкого рыцаря. У него было красивое и *твердое* лицо — такое, о котором, опысывая бюст Юлия Цезаря, говорит В. Розанов: "о него можно было разбиться".

В самом конце крушения Германии, когда Берлин уже был наполовину занят красными войсками, а Гитлер доживал последние дни в канцлерском бункере, Грейм решил, что настал момент "уплатить по последнему счету".

Сев на самолет, которым управляла его подруга, очень смелая женщина-авиатор, он вылетел в Берлин и опустился перед бункером Гитлера. При посадке фон-Грейм получил ранение, но в бункере был врач и ему оказали медицинскую помощь.

Явившись к фюреру, Грейм сказал, что прилетел, чтобы умереть вместе с ним. Гитлер поблагодарил его за верность, но уже плохо представляя себе действительное положение вещей, приказал Грейму вернуться в Южную Германию и постараться создать там военный кулак из оставшихся частей.

Генералу оставалось только повиноваться. Он снова сел со своей подругой в авион, и, под обстрелом, полетел на юг. Однако, бедному рыцарю не повезло: его самолет был подбит американцами и он, при вынужденной посадке, снова был ранен. Американцы перенесли его в свой лазарет, уложили сперва, как он был, на койку и, по какой-то случайности, оставили его на несколько минут одного. Когда они вернулись, рыцарь фон-Грейм был уже мертв — он застрелился.

По-немецки это называется: die Treue.

Примерно так же, за много лет до Грейма, поступили и князь Долгорукий, доктор Боткин и другие герои и героини, *добровольно* разделившие мученическую судьбу нашей Императорской Семьи. Я не говорил специально и подробно об этом изумительном примере *русского героизма и лойяльности*, так как всем национально мыслящим Русским людям он и без меня хорошо известен.

8.

В Англии, вскоре после окончания Первой войны, один очень богатый баронет был похищен гангстерами. Имени его я не помню, но буду для удобства называть его сэр Генри Локвуд. В те уже далекие времена Альбион был еще Старой саксонской Англией, и не успел стать, как теперь, снова кельтической Британией. Со смертной казнью тогда еще не шутили и не проливали над судьбой убийц "крокодиловых слез". Поэтому баронет врят ли рисковал жизнью, даже отказавшись уплатить выкуп, однако, ему как сильно занятому и деловому человеку, было мучительно, в течение долгого периода быть выключенным из жизни.

Будучи, однако, как сказано выше, чрезвычайно богатым, он охотно согласился выплатить сравнительно скромный куш. Гангстеры укрыли его в загородной вилле и, пока шли переговоры о выкупе, баронет "резался" с ними с утра до вечера в карты.

Наконец деньги были уплочены и баронет честно выпущен на свободу. Как только это произошло, в английском суде сейчас же было поднято дело против "неизвестного", и сэр Генри Локвуд был вызван в суд, как первый свидетель обвинения.

Судья просил баронета рассказать суду все, что он знает и заметил, чтобы помочь властям поймать преступников, но сэр Генри ответил ему следующими словами:

— Ваша Милость, из протокола дела вам должно быть известно, что *одним из условий* моего освобождения было то, что я не сообщу никаких сведений, способствующих поимке этих людей, причем *я дал им свое слово.*

На это судья сказал ему:

— Мне, в самом деле, это известно, сэр Генри, но я считаю, что опасность в будущем угрожает всем гражданам. Поэтому я, на основании закона, все же требую, чтобы вы ответили на мой вопрос!

На эти слова судьи баронет реагировал снова следующим образом:

— Я готов согласиться с вами, Ваша Милость, что тот принцип, который вы выдвинули — внешняя безопасность английских граждан — очень высок и очень широк; но я позволю себе заметить, что *принцип верности слову,* данному даже преступникам, еще важней и шире, и что без этого принципа нельзя построить не только английской, но и вообще никакой социальной жизни. Поэтому, мне кажется, что в интересах *тех же наших граждан,* чтобы *мое слово* и в данном случае было соблюдено.

Судья долго молчал, размышляя, а потом в заключение сказал:

— Вы правы, сэр Генри, и я отказываюсь от своего требования.

Какая высота политического смысла и какая глубина понимания социальных отношений!

9.

Во время войны Пирра, царя Эпирского, против Рима, он, как известно, терял в боях огромное количество солдат, не достигая в то же время решительных результатов ("Пиррова победа"). Осматривая поля сражений, он видел убитых римлян, которые лежали стройными рядами, как скошенное сено, не отступив ни на шаг. Будучи очень умным человеком, он скоро понял, что *такого народа* ему не одолеть, и стал подумывать о возможно более почетном мире. Для этой цели он решил наперед оказать своему противнику любезность, и к празднику Сатурналий отпустил две тысячи неприятельских пленных воинов в Рим, на честное слово, с обязательством вернуться после праздников обратно, в плен. Все *без исключения* римляне вернулись обратно. И это — на фоне *общего предательства,* столь характерного для всех других народов средиземноморского бассейна, в ту далекую эпоху!

Случай этот рассказывает Моммсен в своей "Истории Рима".

10.

Дело происходило в эпоху Второй войны, во время вторжения немцев в Бельгию. В одном английском аристократическом клубе, в Лондоне, джентльмены обменивались мнениями по военным вопросам, когда один отставной майор, член клуба, предложил пари, на очень большую сумму, что немцы, в Дюнкирхене, сбросят англичан в море. Пари было заключено и через некоторое время майор его выиграл, получив очень большое количество денег. *Чрезвычайно показательно,* что никому даже и в голову не пришло заподозрить этого майора в отсутствии патриотизма, или же в желании немцам победы. Благодаря своему глубокому государственному и правовому инстинкту, англичане прекрасно понимали, что *это пари* по смыслу совершенно таково же, как если бы оно было заключено о том, какова будет завтра погода.

Воображаю, что сталось бы с бедным майором, если бы это пари было заключено на континенте!

11.

Предлагаемый теперь эпизод взят мною из талантливых "Мемуаров" Кошко, начальника Императорского Уголовного Розыска.

Как-то ночью в Москве было совершено убийство. Все подозрения и улики сходились на одном французе, жившем там недалеко. Француз, однако, не был виновен и имел "алиби", но не захотел им воспользоваться. Этот рыцарственный и исключительно благородный человек предпочел рисковать каторгой, нежели скомпрометировать одну русскую даму, у которой, на другом конце города, он был в столь поздний час — как раз в момент, когда произошло убийство.

В конце концов случайно удалось обнаружить настоящего убийцу, а Кошко потом, стороной, узнал все детали о благородном поведении француза.

12.

Расскажу еще один случай. Его передает полковник Биркин в одном из томов своих воспоминаний. Однажды поздно вечером в казарме каким-то образом напился пьяным солдат-татарин. Человек он был вообще чрезвычайно добрый и дисциплинированный и, как правило, никогда не пил, следуя мусульманскому закону. Но тут это произошло, в нем проснулась его дикая природа и им почему-то овладело бешенство того порядка, которое Стефан Цвейг называет "амок".

Схватив подвернувшуюся под руки заряженную винтовку и держа палец на спуске курка, он кричал всем неистовым голосом:

— Не подходи — застрелю!

Сперва товарищи, потом фельдфебель, пытались

его уговаривать на расстоянии, но он, с налитыми кровью глазами, твердил все то же.

Когда все средства были использованы безрезультатно, решили обратиться к высшему и последнему — вызвать ротного командира. Этот офицер был очень строг по службе, но чудно кормил солдат и был от природы очень справедлив и благороден. Его все любили, а главное — уважали. Узнав от солдат детали, капитан сразу понял, что нужно действовать и что он рискует жизнью.

Когда он вошел в казарму, татарин весь затрясся и, направив немедленно на него ружье, закричал совсем звериным голосом:

— Не подходи — застрелю!

Тогда офицер, вытянув в направления татарина руку с обличающим указательным пальцем, в бешенстве прокричал ему:

— Кого это ты хочешь убить, сукин сын — меня? Твоего ротного командира, который кормит вас всех, сукиных сынов, на совесть и заботится о вас всех, как отец родной? Так знай, чтоб тебя так, если у меня есть среди солдат такой навоз, как ты, то я и жить не хочу — стреляй, сукин сын!

Сказав это, капитан решительно, грудью, двинулся на солдата. Бедный же татарин при этом задрожал всем телом, бросил винтовку и стал на колени. Протянув в направлении ротного обе руки, он только и смог сказать жалостным голосом:

— Помилуйте меня Ваше Благородие — шайтан попутал!

Описанный мною офицер — вот это настоящий человек, и на таких людях, а не на краснобаях, создается и держится государство!

13.

Один мой приятель рассказал мне как-то следующую историю.

Его отец, известный вице-адмирал, задолго до Первой войны, был членом Адмиралтейств-Совета. Там он как-то заспорил со своим коллегой по Совету, адмиралом Кремер, которого хотя и любил, но считал немного "немчурой". Кремер сказал:

— Я служу Государю Императору и России!

На что отец моего друга ответил:

— А я служу России и Государю Императору!

Мой приятель, очень либеральный от природы человек, рассказал мне этот эпизод с сыновней гордостью, будучи совершенно уверен, что мне нечего возразить. Однако, я ему ответил следующее:

— Твой отец, я знаю, был очень милый человек, но в рассказанном тобой случае прав был Кремер, а не он. *Государь Император* есть понятие совершенно точное, тогда как *Россия* — вещь весьма сложная, которую все понимают по своему. Не забывай, что и Пугачев, и Керенский тоже стояли "за Россию". Только потому, что формулу Кремера недостаточно понимали в нашем отечестве — мы с тобой и очутились на берегах Сены.

Николай А. Реймерс

Чувства русского при взятии Парижа

Прогремел бранный гром:
Вихрем мчась за Царем,
Полетел армий строй,
Как на пир — в грозный бой.

Росс воспрянул — враг дрожит,
Росс предстал — враг бежит,
Грянул Росс — враг сражен...
Пожелал — мир спасен.

Россов Царь, торжествуй,
Веселись и ликуй!
Возгласят в род и род,
Что велик Твой народ,

Что Тобой — хищный пал,
Что Ты мир — миру дал.

Ты в морях — Понт кипит,
Ты в полях — твердь дрожит,
Ты в венце — свет блажен;
И велик, и смирен:

Бог в Тебе... в Боге Ты.
Так, сам Бог с высоты

Ниспошлет благодать,
Чтоб Ты мир мог пленять
Не мечом, не войной,
Но добром, тишиной.

Твой престол — всем покров,
Твой закон — всем любовь,
Власть Твоя — власть Небес.
Россов Царь, Ты вознес

Выше всех Твой народ:
Торжествуй в род и род!

С. Висковатов

Юбилейный бал

(Из воспоминаний знаменщика 1907 года)

Деятельные приготовления ко второй части нашего 175-летнего юбилея начались уже с конца января. Заключались они, главным образом, в украшении ротных зал. Примыкавший к Сборному зал 4-й роты, имевший посредине двойной ряд толстых упоров, превращался в подобие древне-московского терема. Картонные щиты, расписанные соответствующими узорами, закрывали упоры и стены, а своды потолка покрывались такими же расписанными узорами холстами. Получилось очень красиво и удачно. Кадеты работали под руководством опытных декораторов. Зал 3-й роты обращался в еловый лес, зимний сад с искусственным снегом на полу и на ветвях деревьев. В глубине леса были поставлены чучела волков и медведей, там же была картонная "избушка на курьих ножках". В зале 2-й роты, была отделена часть против первых дверей, убранная в виде внутренности египетской пирамиды. Стены были расписаны иероглифами, убранство — восточное, с коврами, диванами, курильницами на треножниках и т. п. Зал бывшей 1-й, ныне роты Его Величества, оставался в своем обычном виде, с гостиной в углу и зеленым попугаем. В гостиную добавили много мебели и уложили пол коврами.

Электрическое освещение было усилено, по лестницам и коридорам висели гирлянды разноцветных лампочек. Классы и спальни оставались открытыми, для осмотра гостями, на балу. В огромном столовом зале были накрыты столы буфета, с прохладительными напитками, мороженым, фруктами и чаем. Голые, каменные плиты бесконечных коридоров были накрыты коврами-дорожками, начиная от музея и Церковного подъезда.

Бал состоялся вечером 19 февраля. Открыт он был большой концертной программой, во главе с "Уроком танцев в корпусе при Екатерине II". На сцене появился наш учитель танцев Сергей Иванович Лукьянов ("Крендель"), в костюме XVIII века, в парике, и с ним скрипач и десяток кадет младших классов, в костюмах эпохи. Им давался урок не то гавота, не то менуэта, под звуки скрипки. Вслед за этим, на эстраду выходили кадеты в исторических формах всех царствований и прославляли достижения корпуса в ту или иную эпоху.

Я запомнил только самое начало: Кузьминский, в своей пышно-кавалерийской форме, в ботфортах с огромными шпорами, делал церемониальный поклон гостям, а затем, приняв "геройскую позу", декламировал:

"Со мною восстает былого яркие следы и образы, хотя еще неясны и туманны... вот милый корпус мой, Орлиное гнездо..." и т. д.

Дальше, память моя не сохранила слов. Лучшим декламатором оказался Дьяков — военный гимназист, эпохи Императора Александра II. Мой друг Теплов был смущен и говорил не особенно внятно, несмотря на все усилия суфлера, которым было никто иной, как знаменитый артист Александринского театра — Юрьев. Далее следовала музыкальная программа, в коей участвовали кадеты корпуса. Но об этой части в моей памяти не осталось ни малейшего следа.

Постараюсь описать все как было, по порядку. Съезд начался в 9 часов. Богданович, Радкевич и я были назначены пажами к Выс. Особам, ожидавшимся на балу. Богданович к Великому Князю Константину Константиновичу, я — к Принцу Александру Петровичу Ольденбургскому и Радкевич — к его сыну Принцу Петру Александровичу, оба последние были кадеты нашего корпуса. На левое плечо нам одели черно-красные ленты, в виде полу-аксельбанта и сверху золотошифр Императрицы Анны Иоанновны. Мы должны были встречать Высочайших Гостей на первой площадке лестницы Церковного подъезда, оставаться при них во время концерта, стоя за их креслами первого ряда, а в антракте, провожать по коридору в Египетскую комнату, где для них и лиц их свиты был приготовлен чай. Помню, что мне вменялось в обязанность предупреждать старика Принца Александра Петровича о числе ступенек лестницы. Он шел под руку с супругой Принцессой Евгенией Максимилиановной. Мы оставались у двери Египетской комнаты, пока Высочайшие гости пили чай, который разливали и подавали корпусные дамы. По окончании концерта, часов около 12, Высочайшие Особы уехали, и мы, проводив их до подъезда, оказались свободны. На балу остались лишь Князья Иоанн и Гавриил Константиновичи, которые от души веселились и много танцевали с барышнями, кадетскими сестрами и кузинами, совершенно запросто, без церемонных приглашений и этикетных представлений с реверансами. Вообще, как я уже упоминал, Князья Константиновичи умели себя держать удивительно мило и просто, с нами — кадетами, на чисто товарищеской ноге. Из массы важных гостей выделялась высокая фигура в синей гусарской венгерке генерал-адъютанта барона Мейендорфа.

Всего гостей было, вероятно, около двух тысяч, но наш громадный Сборный Зал легко их всех вместил и танцовать было достаточно свободно. "Котильон" развозили на "автомобиле". Его строителем был мой товарищ по отделению Халютин. Был он сделан в натуральную величину из картона и дерева и приводился в движение скрытыми педалями, на манер велосипеда, на которые нажимал сам "шофер" Халютин, в соответствующем костюме, с очками и

перчатками. Он усиленно гудел сиреной, дабы танцующие сторонились и давали дорогу. В те далекие времена, автомобиль ведь считался редкостью... Впоследствии, Халютин стал одним из первых военных автомобилистов и был инструктором в Учебной автомобильной Роте. Кстати, вспомню про Халютина один факт-анекдот: был он, на летних каникулах, с родителями заграницей, в Вене, и вот, "ничтоже сумняшеся", одел там свою кадетскую форму и отправился гулять по улицам, козыряя встречным австрийским офицером. В итоге, он нарвался на нашего военного агента, получил от него выговор и приказание немедленно переодеться в штатское.

Бал наш был исключительно удачным, длился до пяти часов утра и оставил у всех отличное воспоминание. Между прочим, кадеты в исторических формах, танцовали в них же, но, вскоре, были вынуждены снять парики, в которых было невыносимо жарко.

В конце марта, от корпуса, была отправлена делегация в Царское Село, для поднесения Государю Императору нагрудного знака, который полагался всем офицерам Первого Корпуса при парадной форме и носился на ленте, вокруг воротника мундира. В делегацию входили: Директор корпуса генерал-лейтенант Григорьев, командир Роты Его Величества полковник Забелин и вице-фельдфебель Богданович. Знак был очень красивый, серебряный с черным эмалевым орлом. По старой традиции, эти знаки были собственностью корпуса и давались офицерам. его под расписку, в особой книге, хранившейся в музее.

Государь милостиво принял делегацию, запросто говорил с Богдановичем и расписался в книге, но не на новой странице, как этого хотел директор, а внизу последнего расписавшегося, в ней офицера-воспитателя. На прощанье, Он сказал Богдановичу: "А почему у тебя на поясе нет штыка? Я хочу, чтобы кадеты строевой роты носили холодное оружие при отпускной форме". После этого, нам дали, подобно юнкерам, штыки в лакированных ножнах. Тогда же Государь утвердил право всем бывшим кадетам корпуса носить на левой стороне мундира, сюртука и кителя нагрудный знак уменьшенного размера. Сверх этого, Рота Его Величества получила право иметь сверх барабанщиков и горнистов, еще и флейтистов, подобно Гвардии — этим было восстановлено прежнее наше Павловское отличие. Наконец, в 1909 году Наследник Цесаревич Алексей Николаевич был зачислен в списки корпуса, в первое отделение первого класса подполковника Федора Степановича Иванова.

А. В. Борщов

Миниатюры прошлого

(Из семейной хроники)

1.

Дед мой, со стороны матери, был коренной офицер Уланского Его Величества полка и, незадолго до начала Балканской войны, был назначен командиром Лубенских гусар, с которыми и выступил в поход. Разбитые турецкие части отступали, под натиском Русских войск, уничтожая все на своем пути и вырезая христианское население. Придя в сожженную и опустошенную болгарскую деревушку, полк стал на бивуак. По близости Штаба полка, где-то послышался плач ребенка. Дед послал гусара узнать, в чем дело. Из под обломков сгоревшего дома извлекли мальчика, на вид не более двух лет. Напуганный мальчик плакал и не мог ничего сказать. Дед сжалился над несчастным ребенком и отправил его в обоз, поручив своему денщику накормить и отогреть мальчика, а в дальнейшем отослать его в Москву, к нашей семье.

В доме моей матери сиротку обласкали и полюбили, как родного. Его крестили и дали ему имя Михаил. Впоследствии, дед мой выхлопотал ему фамилию — Лубенцов, в память полка, которым он командовал и форму которого Государь сохранил ему пожизненно. Когда мальчик стал подрастать, его отдали в гимназию, а затем в кадетский корпус. Окончив Военное училище, он вышел в один из гренадерских полков, в Москве. Он был очень болезненен и отличался слабым здоровьем. Моя семья постоянно принимала в нем участие. Я помню его у нас в семье, когда он приезжал гостить — небольшого роста, очень смуглый, в форме капитана гренадерского полка. Мы, дети, очень его любили и называли "дядя Миша". Здоровье его все ухудшалось и, наконец, перед самой войной 1914 года он умер.

2.

В 1905—1910 г. г. мой отец был Начальником Николаевского Кавалерийского Училища и вся семья наша жила в Петербурге. Иной раз по воскресеньям, отец мой любил уезжать в Царское Село, погулять по засыпанному снегом парку, подышать свежим воздухом и в такие дни, вечером, всегда обедал у своей двоюродной сестры. Моя тетушка, еще не старая вдова, сравнительно бодрая, жила постоянно со своей семьей в Царском, вдали от столичного шума, воспитывая своих детей. Гостеприимная, дружная семья жила в довольстве, ни в чем себе не отказывая и ежегодно, летом, уезжала заграницу.

Тетушка моя, глубокоуважаемая и образованная женщина, была, подобно многим в те времена, с порядочным либеральным уклоном. В те времена , в известном обществе это почиталось как бы призна-

ком "хорошего тона". В семье ее часто бывал молодой композитор, только что окончивший консерваторию и которому предсказывали блестящую будущность. Отец мой любил музыку и, отдыхая в уютной обстановке, иной раз слушал его композиции. Подошло время молодому композитору отбывать воинскую повинность и, как жителя Царского Села, его устроили вольноопределяющимся в 4-й Стрелковый Императорской Фамилии полк. Однажды тетушка была у нас в Петербурге и уговаривала отца непременно быть в ближайшее воскресенье в Царском, где у нее предполагался небольшой музыкальный вечер. Тут же она добавила:

— Ради Бога, только, сделай вид, что не замечаешь нашего "композитора" — он будет в штатском платье. Ты должен понять, что как только он надевает солдатский мундир, у него сразу же исчезает вдохновение и он совершенно не может играть.

— Ну, что же, хорошо, что ты меня предупредила — не желая делать тебе неприятностей, я просто не буду.

— Как? Почему? — взмолилась тетушка.

— Да просто потому, что встретив твою "знаменитость" в пиджаке, я просто отправлю его под арест, — ответил мой отец.

Прошли года, грянула революция, моя либеральная тетушка, во славу провозглашенной "свободы и равенства", была ограблена до нитки, и выброшена из своего особняка, а через несколько лет умерла от голоду. От души ее жалею, но все же хочу верить, что у всех этих "милых сердобольных и либеральных" тетушек, когда-нибудь, хоть и поздно, все же открылись глаза и они поняли весь вред, который приносили своей постоянной критикой и не всегда умными рассуждениями, подрывая этим жизнь страны и свое собственное благополучие.

Д. Де-Витт

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

ШПИОНОМАНИЯ

В Русско-японскую войну, в войсках, особенно прибывших из Европейской России, на каждого китайца смотрели как на шпиона. Конечно, китайцам не за что было особенно любить пришельцев — Русских, но такие же чувства они питали и по отношению японцев. Генерал Куропаткин издал разумный приказ, которым он воспрещал расправляться с заподозренными китайцами "на месте".

Однажды в сотню привели под конвоем китайца, заподозренного в сигнализации японцам (он жег сушку на сопках, для удобрения поля). Назначен был казак, для сопровождения его в Штаб Корпуса. "Шпиона" посадили в арбу (фудутунку) и повезли. Было жарко. Казаку захотелось "почаевать" — забайкальцы пили чай, если позволяла обстановка, раз пять в день. Казак выпил котелок чая, покурил трубку и задремал, Китаец, воспользовавшись этим обстоятельством, а также благожелательным нейтралитетом возницы, тоже китайца, спрыгнул с арбы и был таков. Казак проснулся, увидел исчезновение пленника, но нисколько не взволновался, а приказал ехать дальше. По дороге, он схватил первого попавшегося "ходю", и засунул его в фудутунку.

В Штабе, не без труда разобрались, в чем дело, и на казака, естественно, было наложено взыскание. Лихой забайкалец оправдывался перед своим командиром сотни, князем Мурузи, так:

— Ваше Сиятельство, да это наверное такой же шпион, как тот, которого мне дали отвезти в штаб...

А. Л.

НА РАЗБИВКЕ НОВОБРАНЦЕВ

Новобранцев, приходящих на укомплектование гвардейских частей, распределяли по полкам, в Михайловском манеже. При распределении, лейб-гвардии в Конногренадерский полк попал деревенский парень — очень худой.

Кто не помнит высокого и очень худого командира конно-гренадер Великого Князя Дмитрия Константиновича? Подходит он к этому парню, спрашивает о причине худобы, и потом успокаивает:

— Ну, ничего. На наших полковых харчах ты скоро поправишься.

— Глядя на тебя, не очень-то на ваших харчах поправляются, — выразил сомнение наивный парень.

(Рассказ слышан мною от старого конно-гренадера).

А. Л.

ВАХМИСТРЫ И ФЕЛЬДФЕБЕЛЯ

Горячими патриотами своих полков и батарей, в старой армии были вахмистры и фельдфебеля. Умный психолог генерал М. И. Драгомиров всегда относился к ним с уважением.

Помню, будучи еще кадетом, я затесался на своем пони в свиту Начальника 12-й кавалерийской дивизии, во время одного из смотров генерала Драгомирова. Объезжая дивизию, он остановился перед старым, заслуженным вахмистром 35 драгунского Белгородского полка, и поздоровался с ним отдельно.

— Здравствуйте, — и добавил имя и отчество вахмистра.

А вот смотр в Межибужьи — 3-я Стрелковая бригада, в которой, как на подбор, командиры всех частей, тогда еще батальонов, были с крупными боевыми наградами за Турецкую войну 1877—78 г. г., а среди фельдфебелей было много георгиевских кавалеров. Объехав бригаду, генерал Драгомиров вызвал г.г. офицеров и фельдфебелей:

— Мне нечего делать смотр бригаде, вижу, что молодцы, орлы. Господа офицеры, берите пример со своих доблестных командиров и берегите этих старых служак, — закончил он, указывая рукой на фельдфебелей.

Нужно сказать, что манера выражать свои мысли у фельдфебелей бывала оригинальная. Мой вахмистр, обходя на маневрах коновязи, говорил однажды:

— Подберыть седловку, бо ожидается неожиданная тревога.

А вот рассказ бывшего вольноопределяющегося 2-й Конной батареи. Вахмистром этой батареи был старый заслуженный георгиевский кавалер. Батарея стояла на полигоне под Клементьевым и учение всегда производилось на плацу, близ женского монастыря. Бравый вахмистр вывел батарею на конное учение и решил, до прихода господ офицеров, "прогреть" батарею. Провел рысью, затем в карьер — остался недоволен:

— Нет, братцы, не так. Когда конная батарея идет галопом, — колеса должны касаться земли только из вежливости, и чтобы игуменья этого женского монастыря воскликнула: "Ах, почему я не канонир 2-й Конной Генерала Ермолова батареи".

А. Л.

Памятные воинские даты на 1958 год

400 лет выхода Русского Государства к берегам Балтийского моря — взятие г. Нарвы Царем Иоанном Грозным в 1558 году.
350 лет начала осады поляками Троице-Сергиевской Лавры в 1608 г.
275 лет начала регулярной армии (23 мая 1683 г.).
250 лет сражения при Лесной (28 сентября 1708 г.).
250 лет основания полков: 13 Белозерского, 16 Ладожского и 63 Углицкого пехотных, 4 драгунского Новотроицко - Екатеринославского и 3 уланского Смоленского.
200 лет сражения при Цорндорфе.
175 лет присоединения Крыма и основания Черноморского флота.
175 лет основания 18 гусарского Нежинского полка (стар. 28 VI 1783 г.).
150 лет с начала войны со Швецией (9 февраля 1808 года).
125 лет первого исполнения Гимна "БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ" (октябрь 1833 г.).
125 лет дессанта в Босфоре (1833).
100 лет присоединения Приамурского Края (8 апреля 1858 г.).
100 лет со дня рождения Великого Князя Константина Константиновича.
100 лет со дня основания Псковского кадетского корпуса.
25 лет со дня кончины генерала Н. Н. Юденича.

"ВОЕННАЯ БЫЛЬ"

Как отрадно читать нам "ВОЕННУЮ БЫЛЬ" —
Так нам дорого, свято былое!
И, стирая с былого забвения пыль,
Вновь забьется, как встарь. ретивое.

Да, "ВОЕННАЯ БЫЛЬ" — это в прошлое взгляд,
Это — чудная жизнь войсковая,
Это — наших вождей и соратников ряд,
Это — слава полков боевая.

Это — светлая юнкерской жизни заря,
Офицерский мундир незабвенный.
Это — служба во славу Руси и Царя —
Все журнал нам напомнил военный.

Это Царская Русь, с его светит страниц,
Дивный образ Царя Николая,
Перед тенью Царя повергаюсь я ниц,
И судьба не страшит меня злая.

Штабс-ротмистр *Н. П. Михайлов*

КЕРЕНСКИЙ И СТАРЫЙ СОЛДАТ

Керенский, ставши Верховным Главнокомандующим, объезжал войска. Дошла очередь до 2-го лейб-драгунского Псковского полка. Командир, полковник Кусов не пожелал представлять свой полк, остался дома, а своего денщика отпустил на парад.

Денщик, после смотра, поделился с командиром своими впечатлениям:

— Приехали на автомобиле, много чего-то говорили, такой ласковый, поручкались со всеми солдатами.

— А с господами офицерами? — задал вопрос полковник Кусов.

— С господами офицерами?.. Не посмели... — был ответ.

Сообщил *А. Л.*

НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

	Фр.
Георгий Ишевский — Честь	600
И. А. Ильин — Наши задачи, в 2-х тт.	2.400
Ю. Н. Данилов — Русские отряды на франц. фронте	350
Г. Александровский — Цусимский бой	700
А. Балашов — Для немногих, стихи	400
Л. И. Кульнев — Волны жизни	350
Г. В. Месняев — За гранью прошлых дней	700
К. Г. Булгаков — Русский и герман. воен. мир о творч. К. Попова	450
«Возрождение», ежемесячные тетради	200
Русская военная библиотека вып. I	60

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1958 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ
ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией **А. А. ГЕРИНГА.**

Восьмой год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:
61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей « ВОЕННОЙ БЫЛИ » и « ВЕСТНИКА ».

Подписная цена с пересылкой на год :
700 фр. фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.
В газете — постоянные отделы: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из жизнетворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, безсонницы и в некоторых случая повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.
ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!
Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:
Laboratoire B. KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16e). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE : V. Miller, 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.

„Сборник Российской военной поэзии“

Выпуск I — Полковые и судовые песни и стихотворения. Издание Обще-Кадетского Объединения. под редакцией А. А. Геринга.
Осталось ограниченное количество экземпляров.
Цена: 400 фр. фр. В странах заокеанских: 1 долл.

ЗНАЧКИ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ.
Продаются у казначея: Б. М. Марин, 19, рю Плюме, Париж 15.
Почтовый счет: Париж — 9325-52.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:
Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e) и в Русских книжных магазинах.
Юг Франции — у А. Я. Фока — 57, рю Марешаль Жоффр, Ницца (А. М.).
Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.
Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tottenham street, W 1.
Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.
Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.
Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.
Италия — у В. Н. Дюкина — Via Neumoresa 86, Roma.
Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue Heliopolis, Ibrahimie.
Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — P. O. Box 304, Nyack (N.Y.)
Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 avenue San-Francisco 18.
Канада — у А. С. Орлова — 164, Close Ane, Toronto (ONT).
Австралия — а) у Калатилина — 50, Belemba ave Lakemba (N.S.W.), б) у Н. А. Косач 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.
Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.
Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — Obligado 2130, Buenos-Aires.

№ 30

МАЙ 1958 г.

ГОД ИЗДАНІЯ 7-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Обще-Кадетское Объединение извещает, что ежегодная поездка на могилу нашего Почетного Председателя

ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Гавриила Константиновича

состоится в воскресенье 8 июня 1958 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ **во Франции и колониях — 1100 фр. с пересылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № — 5 шил. год. подписка — 25 шил., в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол. 50 ц.**

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16ᵉ). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881 - 89 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

7-й год издания № 30 МАЙ 1958 Г. Bimestriel. Prix — 200 fr.

От Батума к Трапезунду

(ОКОНЧАНИЕ)

V

В последних числах марта месяца погода резко изменилась к худшему. Густой туман, с раннего утра, плотно обволакивал горы и непроницаемой мглой стелился по долинам и ущельям. Назойливый, по-осеннему мелкий, пронизывающий дождь моросил над головами и заставлял плотнее укутываться в мокрые шинели и бурки. В такие дни приходилось быть особенно бдительными, чутко прислушиваться к малейшему шороху или треску. В таком густом тумане всегда можно было ожидать внезапного нападения и всяких неприятностей, связанных с ним. После обеда, туман обыкновенно рассеивался, проглядывало солнце и так продолжалось почти каждый день.

С раннего утра 1 апреля началась подготовка к наступлению. Производилась необходимая перегруппировка, указывались исходные точки, повторялась задача и цель наступления, проверялся и пополнялся огневой запас. Согласно последнему распоряжению, мы и туркестанцы должны были наступать, имея в первой линии по два батальона. Остальные батальоны должны были двигаться непосредственно в затылок, образуя вторую линию; в общем резерве правофлангового участка оставался батальон Михайловской крепостной артиллерии. Сказать откровенно — настроение было не из важных. Каждый прекрасно отдавал себе отчет в трудности атаки противника, занимавшего сильно укрепленные позиции. Смущало и то, что атака почему-то была назначена на полдень, а не с рассветом, когда, пользуясь туманом, можно было бы более удобно и скрытно подойти к неприятельскому расположению. Теперь вся надежда возлагалась на Николу Угодника, да на густой туман, еще скрывавший нас от противника. Но к 11 часам, когда люди уже пообедали, подул легкий ветерок и к полному нашему неудовольствию, проклятый туман, плотной пеленой державшийся над Кара-Дере, взвился вверх клубами, исчезая в лучах засиявшего солнца. Растаял он и на море, и невольный вздох облегчения вырвался в этот момент не из одной груди. Диспозиция генерала Ляхова стала ясна. В обширной бухте Сюрмене стояли два наших линейных корабля "Ростислав" и "Пантелеймон". Вокруг них скользили по всем направлениям миноносцы и тральщики. Около 15 судов стояли на море, готовые начать артиллерийский бой и поддержать наше наступление.

Ровно в 11 часов раздался первый выстрел с флагманского корабля "Ростислав". Ухнуло 10-дюймовое орудие и, точно сигнал к бою, выстрел этот был подхвачен всеми кораблями и береговой артиллерией. Не прошло и нескольких минут после первого выстрела, как весь хребет, занимаемый турками, представлял из себя полнейший хаос. Гигантские столбы дыма, земли, камней и деревьев фонтанами взметались высоко в небо. Воздух звенел и дрожал от оглушительных взрывов и уже нельзя было уловить отдельных выстрелов, они слились в протяжный, громовой и чудовищный рев. Методично, квадрат за квадратом, расстреливали наши суда ярусы турецких укреплений, засыпая их градом снарядов. Колоссальные разрывы 12, 10, 8 и 6-дюймовых снарядов буквально сметали все. Вековые каштановые и ореховые деревья выворачивались с корнями, срезались, как бритвой, и своими ветвями и стволами заваливали изуродованную землю. Горная артиллерия не отставала. Повсюду, где разрывались бризантные снаряды, вспыхивали белые облачка шрапнельных разрывов. 6-дюймовые мортиры громили и позиции турок, и селение Сюрмене. Трехэтажные дома, с грохотом, рассыпались под их ударами и будто страшный смерч или ураган прошел над долиною и смел все на своем пути. Турецкие позиции молчали, словно вымершие, под громовыми раскатами наших пушек, но это только казалось. Едва наши цепи подошли к реке и начали переправу, молчавшие и, как нам казалось, уничтоженные, горы ожили и заговорили рокотом частой ружейной стрельбы. Надрывно застучали пулеметы и глухие удары гранат вперемежку с облачками шрапнельных разрывов, часто и метко покрыли наши цепи, на берегу реки. Цепи залегли. Турки заранее отлично пристрелялись к реке и к подступам к ней, и вода в реке бурлила под градом свинца. Невольно явилось чувство восхищения и уважения к противнику, так упорно державшемуся под убийственным огнем нашей артиллерии. Вспоминался и визит к нам "Бреслау", огонь которого был ничтожен по сравнению с сегодняшним.

Но едва только турецкая артиллерия открыла

огонь, преграждавший доступ к реке, вся мощь огня наших судов обрушилась на нее и она была буквально задавлена, заглушена и, если целиком и не уничтожена, то, во всяком случае, принуждена была замолчать навсегда. Тем временем наши цепи стали накапливаться на левом берегу реки, готовясь перейти в атаку. Переправа была трудной и немало жертв поглотили мутные воды Кара-Дере. В более легкие условия попал наш крайний правый фланг. Громадные штабеля досок и дров, сложенные по берегу моря и вдоль реки, послужили ему надежным прикрытием и, пользуясь им, первая сотня вплотную подошла к дымящимся развалинам селения Сюрмене.

При переходе реки вброд, под мостом, люди 1-го взвода, под огнем повалили несколько телеграфных столбов, быстро снесли их на мост, и, связав телеграфной проволокой и попавшимися веревками, перекинули через провал на мосту. С правого берега кое-как укрепили столбы, набросали настил из досок и сотня, без задержки, на ходу рассыпаясь в цепь, взяла свое направление. За нами, накапливаясь, стеной двигались цепи второй линии. Но атаки не последовало. Турки, морально потрясенные действием могучей артиллерии, разгромившей неприступные позиции и нанесшей им, как показали пленные, тяжелые потери, видя приближение пехоты, не выдержали и стали спешно бросать свою линию обороны и уходить за реку Янук-Дараси.

С уверенностью можно сказать, что бой с незначительными сравнительно потерями, был выигран только благодаря действию нашей судовой и полевой артиллерии. Сегодня каждый солдат чувствовал свою силу и мощь, и гордился ими. Авторитет генерала Ляхова поднялся на небывалую высоту.

Бой кончился. Спешно взбираемся на хребет, только что покинутый турками. С содроганием проходим мимо царства мертвых. Окопов почти нет, а их было несколько ярусов. Все разрушено, исковеркано и завалено. Надежные укрытия и блиндажи не выдержали огня морской артиллерии и только куски толстых бревен и балок, торчавших из-под земли, свидетельствовали о том, что здесь было укрытие или блиндаж, быть может похоронившие в своих недрах не один десяток несчастных солдат. Громадные воронки капризно изменили местность и словно от боли дрожали листья вырванных с корнями увядающих деревьев.

Взобравшись на гребень, наша сотня получила новое распоряжение — спуститься вниз к берегу моря и продолжать движение вперед по шоссе, огибающему мыс Сюрмене, общим направлением на реку Янук-Дараси. Тут же, на шоссе, в маленьком покинутом селении сотня разместилась на ночлег, обеспечив себя выставленным сторожевым охранением. В сумерках угасающего вечера, ослепительно полыхали молнии и резко грохотали в море орудия наших линейных кораблей. Неутомимые моряки, уже впереди нас, громили вторую линию укрепленных позиций по реке Янук-Дараси и подготовляли нам почву для дальнейшего наступления.

Ранним утром, еще до восхода солнца, подошли мы к Янук-Дараси. Легкий пар клубился над широкой рекой. Было свежо, но ясное небо, чуть подернутое рябью белых облаков, уже окрашенных в алый оттенок, предвещало ясный и жаркий день. Далеко, в море, ползла черная полоса дыма приближавшихся кораблей. С первыми лучами восходящего солнца река была оставлена позади и ленты извивающихся змеек, начавших подъем сотен покрыли склоны турецких позиций. Позиции эти были очень сильны, прекрасно оборудованы, укреплены и окутаны проволокой по всем правилам инженерного искусства. Без единого выстрела были они брошены турками. Хотя расстояние до Трапезунда не превышало 20-ти верст, движение левого фланга Отряда замедлялось чрезвычайно пересеченной местностью. Счастливое исключение составляла наша сотня, продолжавшая движение вдоль берега моря, по шоссе, но нам часто приходилось останавливаться, чтобы не потерять связи с соседями слева.

К четырем часам дня на участке нашего батальона завязалась горячая перестрелка с арьергардными частями турок, занимавшими высоты у берега моря. Тяжелая артиллерия линейных кораблей тотчас же открыла огонь и, под его прикрытием, сотни пошли в атаку. Атака блестяще удалась и противник был сбит. Умолкшая морская артиллерия вдруг снова заговорила и всей своей тяжестью обрушилась на высоты, уже нами занятые. Немедленно была оповещена Служба Связи Черноморского Флота, находившаяся на берегу и огонь был быстро прекращен. К сожалению, наш 1-й батальон понес потери от огня своей же артиллерии.

С наступлением вечера движение вперед было приостановлено. Упираясь правым флангом в море, сотня, рассыпанная в цепь, тут же окопалась. Ночь прошла спокойно, но все продрогли от сырости и рано поднялись. С нетерпением ждем закипающий чай и появление солнца, так как день снова обещает быть великолепным. С любопытством осматриваем место нашей ночевки. Перед нами расстилается довольно обширная долина. Невысокие горы, покрытые зеленью, словно расступились и отошли от моря. Пологий песчаный берег переходил в обширные заросли фундука и фруктовых садов, среди которых струилась сонная речка. Но так и не удалось нам выпить спокойно кружку чая. Дышавшая полным миром и спокойствием долина вдруг проснулась от треска стрельбы. Турки, занимавшие Зеленые Горы, заметили у нас внизу движение и открыли частый ружейный огонь. Снова запели назойливые свинцовые шмели над головами и заставили "примениться к местности". Та-ку, та-ку — все чаще и чаще стало доноситься с Зеленых Гор. "Батум просит турок", говорили солдаты и, действительно, в звуках турецких выстрелов, как бы слышалось: "Ба-тум, Ба-тум..." "Трааая-пезонд", как бы в ответ, раздался резкий залп, подхваченный эхом в горах слева, с участка 2-й сотни и застрочил пулемет. Страдный день начался. Далеко, в море, маячили силуэты линейных кораблей.

Уснувшее синее море чуть колыхалось под легким дыханием ветерка. Стая дельфинов шаловливо резвилась в спокойном просторе синевы, лениво кувыркаясь по вспененной воде.

Но на этот раз не дельфины привлекли всеобщее внимание. В море появилась какя-то точка, быстро летящая к берегу. Скоро и простым глазом можно было увидеть, что это паровой катер одного из линейных кораблей. Катер лихо подошел к берегу, саженях в ста впереди нашей позиции и, ко всеобщему изумлению, из него выскочил на прибрежный песок сам генерал Ляхов. Высокий, стройный, в белой папахе и черкеске, с башлыком за спиной, не обращая внимания на усилившуюся стрельбу турок, сосредоточенную теперь по катеру, он во весь рост, спокойно стал рассматривать в Цейс место турецкого расположения. Чуть в стороне от него стоял Начальник Штаба Михайловской крепости полковник Караулов и о чем-то говорил с адъютантом. Все взоры были устремлены на бесстрашного и лихого Начальника Приморского Отряда. Так же спокойно генерал Ляхов повернулся спиной к туркам, что-то крикнул на катер и подбежавший в ту же минуту матрос вручил ему семафорные флажки. Повернувшись лицом к морю, генерал Ляхов лично просемафорил что-то на успевшие подойти ближе линейные корабли и в ответ с них загремела стрельба. Катер оттолкнулся от берега и ушел обратно. Не прошло и двух часов, как Зеленые Горы остались у нас в далеком тылу. Дальше противник отходил без выстрела и мы беспрепятственно двигались по шоссе.

Ночевка в обширном запущенном саду предстояла спокойная. Турки, в достаточной мере издерганные, едва ли были способны предпринять что-либо серьезное. С аппетитом, за оживленной беседой, поужинала и напилась чаю небольшая, уже крепко спаянная сотенная офицерская семья. Проверены охранения и секреты, отданы распоряжения на случай тревоги и, усталые, растянулись мы на приготовленных вестовыми постелях, в небольшом домишке, тут же в саду.

— Вашбродь... — послышался сквозь сон настойчивый зов телефониста, дежурившего у аппарата в соседней комнате, — Вашбродь, так что из секретов привели двух турецких офицеров. Прикажете впустить?

Мигом, как рукой, сняло тяжелый сон. Уже на ногах, при свете мигающей свечи, мы с любопытством разглядывали ночных посетителей, стоявших у дверей, под конвоем двух рослых молодцов с винтовками. При помощи вахмистра Поповича, в совершенстве владевшего турецким языком, выяснилось, что один из них — капитан (юзбаши), а другой — поручик. Оба командиры рот Жандармского полка, сражающегося против нас. Они добровольно перешли к нам. Капитан с волнением говорил, что по его мнению, Турция, вовлеченная в авантюру немцами, погибнет. Война с Русскими не пользуется никакой популярностью. Бесконечные неудачи по всему фронту и поражения последних дней окончательно подорвали веру в конечный успех войны и "мы, как офицеры, честно говорим вам. что нам стыдно за армию, а позор Родины — тяжек для нас. Конечно, мы могли найти и другой выход — покончить с собой, но морально надломленные, мы остались все же людьми и у нас не хватило силы воли это сделать".

— Думает ли ваше командование защищать Трапезунд? — спросил я.

— Да, решено защищать, если из Байбурта успеют подойти свежие дивизии. Без них Трапезунд не в состоянии держаться и будет, безусловно, отдан без боя.

За стаканом чая, предложенного туркам, разговор коснулся последнего боя на Кара-Дере и тех потерь, которые нанесла им наша артиллерия.

— У нас был сплошной ад, — говорили они и, вот, нервы их сдали настолько, что они, забыв долг офицера и бросив своих солдат, очутились у нас.

Отправив их в штаб батальона, мы снова завалились продолжать прерваный сон.

Следующий день, 4 апреля, полк продвигался, не встречая никакого сопротивления. Сзади полка, под присмотром полковых пастухов из нестроевых, плелись стада коров и баранов, отбитых у турок. Мяса у нас было вдоволь и в смысле питания дело обстояло настолько хорошо, что долго впоследствии, уже на Огнетском направлении и особенно в Персии, не раз вспоминались нам чудесные шашлыки, которыми мы объедались у ворот Трапезунда.

Утром 5 апреля, в районе селения Дрона, сотни перешли реку Келафка-Дараси, по многопролетному, длинному и почти неповрежденному мосту, и тут же на берегу сделали большой привал. Из штаба было получено приказание соблюдать осторожность, так как мы уже находились в зоне обстрела крепостной артиллерии противника. Невольно все присмирели в ожидании сюрпризов со стороны невидимого, но близкого врага. Горизонт был чист и только невдалеке от берега маячило два наших больших турбинных миноносца. Линейные корабли, израсходовавшие за эти дни немало снарядов и угля, ушли в Севастополь пополнить запасы к предстоящему взятию Трапезунда. В ожидании дальнейших распоряжений полк, оставаясь в исходном положении, выпустил вперед щупальцы разведывательных отрядов и обеспечил себя сторожевым охранением. Не теряя времени, кашевары принялись за свою несложную стряпню и полк успел пообедать. После обеда потянуло ко сну и мы слегка задремали.

Страшной силы взрывы, следовавшие один за другим со стороны Трапезунда, заставили нас всех вскочить на ноги. Первая мысль была — турецкая артиллерия открыла огонь, — но не слышно было полета снарядов и все стало ясно: турки бросают город и взрывают свои склады.

— Сотни вперед! — раздалась команда командира батальона и наша сотня, разобрав винтовки из козел, чуть ли не бегом бросилась по шоссе к Трапезунду.

Дорога змеилась в горах, но, чтобы выиграть вре-

мя, мы шли напрямик, спускаясь к берегу моря. Но вот и последние повороты. Шоссе стрелою сбегает в долину реки Марнам-Дараси, взлетает на мост и теряется в садах и предмостных постройках. Город перед нами.

Город Трапезунд расположен под горой, на всхолмленной равнине, длинным горбатым мысом врезающейся в синюю гладь моря. Издали, город — почти европейский. Начало истории Трапезунда таится еще в пещерах каменного века, в изобилии имеющихся в горах и вокруг города. Времена исторического расцвета и громкой славы его длились с XIII по вторую половину XV века. В XIII веке это была мощная Империя, рухнувшая в XV веке вместе с Византией к ногам победителей — турок. В городе до сих пор сохранились развалины дворца и акрополя царствовавшей династии Комненов. За развалинами дворца, на склоне горы, командующей с востока городом, приютился женский монастырь имени Девы Марии, основанный в V веке. В далекой древности город был обнесен крепкой, местами еще сохранившейся, стеной из булыжного камня.

Перед входом в город, нашей сотне суждено было быть свидетельницей картины, достойной кисти художника-баталиста — прямо на нас, подымая облако пыли рысью двигалась большая и пестрая кавалькада. Американский консул, греческий митрополит, глава мусульманского духовенства, чиновники муниципалитета во главе со своим начальником. Всех их осенял громадный белый шелковый флаг, а в руках одного из представителей города находилось громадное позолоченное блюдо с ключом от города Трапезунда. Город сдавался на милость победителя и ключ от него везли генералу Ляхову.

Наша сотня первой вошла в Трапезунд. На всех домах белые флаги. Греческие дома пестреют своими голубыми и нашими трехцветными. Кое-где уже начался грабеж. Православные греки — разбазаривать турецкие лавки. Пришлось принять суровые меры и пресечь начинающееся безобразие. Вскоре подтянулся и весь наш первый батальон и, вслед за ним, сводный батальон Михайловской крепостной артиллерии. Для поддержания порядка, были назначены патрули и караулы, и жизнь быстро вошла в нормальную колею. Город не пострадал от взрывов и только повсюду валялись битые стекла. Наш батальон разместился в просторных казармах, при входе в город с востока. Началась гарнизонная служба, в ожидании прихода полиции, должностных лиц и налажения всего того сложного аппарата, который именуется гражданским управлением. Местные греки указывали места, где находились брошенные турецкие орудия или части их, утопленные в колодцах, но у нас не было времени заниматься сбором трофеев. В то же время, батальон готовился к параду, который был назначен на 7 апреля.

Нужно сказать, что по диспозиции генерала Ляхова мы должны были брать Трапезунд 7-го апреля. Турки с этой диспозицией не согласились и отдали его без боя 5-го апреля, то-есть на два дня раньше. 7 апреля на рейде Трапезунда появились наши линейные корабли и миноносцы, присланные для поддержки Приморского Отряда при овладении этим городом.

На громадном плацу, перед казармами, был построен 1-й батальон 5-го Кавказского пешего Пограничного полка и сводный батальон Михайловской Крепостной артиллерии. Парад принимал Командующий Кавказской армией Генерал Юденич. При прохождении церемониальным маршем, с моря слышалась стрельба — это наши корабли отражали атаку немецких подводных лодок.

8 апреля наш батальон получил распоряжение, оставаясь в отрядном резерве, занять село Мичирджи, находящееся на Эрзерумском шоссе, на полпути между Трапезундом и Дживизликом, занятым 19-м Туркестанским стрелковым полком, и расположиться на отдых. Наша 1-я сотня выступила влево в горы, выставила там сторожевое охранение и вошла в связь с пластунами, занимавшими позиции вдоль Понтийского Тавра, по направлению к истокам реки Кара-Дере. Этот хребет, суровый зимой, с наступлением весны уже делался вполне проходимым и Приморскому Отряду пришлось сильно загнуть свой левый фланг для стыка со 2-м Туркестанским корпусом, находившимся на Байбуртском направлении.

Трапезундская эпопея закончилась. На фронте наступило затишье. В мае и июне, когда турки получили подкрепление, начались снова бои. В июне месяце им удалось прорвать наш фронт, как раз на стыке со 2-м Туркестанским корпусом, и выйти в сторону гор. Оф, на Черноморском побережьи. Операция эта была быстро ликвидирована, так же, как и одновременные попытки вернуть Трапезунд. В июне месяце, морем, в район Трапезунда прибыло две пехотных дивизии со своей артиллерией и Приморский Отряд был переименован в 5-й Кавказский корпус, который принял генерал Яблочкин. Генерал Ляхов, награжденный Орденом Святого Георгия, покинул Отряд и получил в командование 39-ю пехотную дивизию. Особенно тепло прощался он с нашим полком, его детищем, и всем офицерам, участникам десантных операций, оставил на память свои фотографии с трогательной надписью.

1 июля началась для нашего корпуса Эрзинджанская операция. 2-й Туркестанский корпус перешел в наступление, чтобы взять Байбурт, расположенный в излучине верхнего течения реки Чорох-Су, 5-й же Кавказский, ударом во фланг противника, должен был способствовать Туркестанцам. На крепких позициях турок у горы Кара-Абдалг, 5-й Кавказский Пограничный полк, имея во главе 1-й батальон, прорвал фронт турок. К 4 июля в батальоне из 4-х полных сотен, осталось 2 офицера и 80 рядовых, но дело было сделано и полк, покинув навсегда Приморское направление, вышел на линию Зигана-Ханлари, Арзасса. Понесший такие потери полк был оставлен в корпусном резерве.

Шоссе Трапезунд — Эрзерум было в Русских руках и построенный на нем полк встречал Наместника на Кавказе, Великого Князя Николая Николаевича, ехавшего из Эрзерума в Трапезунд. Медленно проходил автомобиль Великого Князя мимо построенных сотен, державших винтовки на-караул. Стоя в машине, во весь свой богатырский рост, Великий Князь поздоровался с полком.

— Государь Император повелел мне передать вам, сверх-доблестные орлы Кавказской армии, Свое Спасибо...

— Рады стараться, Ваше Императорское Высочество, — и громовое "ура" долго неслось вслед уходящим машинам.

Полк двинулся в Далтабан.

Г. Аустрин

День на крейсере

(Окончание)

Только-что спущен сигнал "ОН", с одновременно сыгранной побудкой. На вахте образцовый вахтенный начальник, лейтенант Р., которому так стараются подражать все мичмана крейсера. Да как и не подражать? На вахте у Р. никогда не бывает "тумана", т. е. оплошности в выполнении распоряжений, незамеченного сигнала, опоздания в каком-либо маневре. Никогда не спеша, Левушка, таково его имя, всегда во-время там, где что-либо "заело" и то, что без него не клеилось, после двух-трех его коротких, полупрезрительным тоном брошенных распоряжений, немедленно и безукоризненно выполнялось.

Староф подходит к нему.

— Лев Николаевич, сыграй боевую тревогу, а потом будет длительное артиллерийское ученье, по просьбе Петра Петровича.

Петр Петрович — это старший артиллерист, который в сопровождении своего помощника лейтенанта С. уже направляется по продольному мостику в сторону боевой рубки.

— Горнист! Боевую тревогу! — командует Р. и передает вахту старофу, сам направляясь в "низы", т. к. он, по тревоге, начальник трюмо-пожарного дивизиона, т. е. заведующий всеми мерами безопасности крейсера от потопления в бою.

Крейсер ожил топотом ног по палубам и трапам, ведущим наверх. Боевая тревога — смысл подготовки корабля для нескольких минут современного боя, когда его судьба будет решена. После продолжительного пребывания в резерве или плавании с учебными целями, эта сторона подготовки была заброшена и теперь, когда Балтийский флот, под руководством адмирала Эссена, достигал верхов тренировки, старый крейсер, но с новейшими, недавно установленными на нем орудиями и автоматическими, мало еще известными приборами управления огнем, нуждался в обучении его личного состава.

Быстро снимаются чехлы с пушек, открываются горловины погребов, откуда электрические лебедки подают снаряды.

По левому борту мичман М. обходит орудия своего "плутонга", т. е. батареи. Проверяет установку прицелов по стрелкам циферблатов, управляемым электрическим током из боевой рубки. Чтобы дать тренировку подаче снарядов, он дает приказание своему помощнику, артиллерийскому унтер-офицеру:

— Шлех, беседку со светящимися подать.

Шлех бросается к переговорочной трубе и, готовый лопнуть от натуги, дует в нее, чтобы внизу, в погребе, привлечь внимание свистком.

— У погреби! У погреби! — взывает он, пока наконец, слышит, что кто-то подошел и, свитнув в ответ, слушает — Лядушшенко, Лядушшенко, — с досадой кричит он, — тебе говорю...

— Чаво? — сонный голос снизу, из преисподней.

— Тебе говорю Лядушшенко, накати светяшшую.

— Да кто приказал? — слышен недовольный голос старшины погреба, привыкшего обычно дремать во время тревоги, а не отыскивать "светяшшую" среди других снарядов погреба.

— Да ен, ен, — твердит Шлех, стесняясь, т. к. мичман находится совсем рядом, а Лядущенко не понимает этого, снова досадливым тоном переспрашивает:

— Да кто ен?

— Да я ж тебе говорю, ен... Ну, палутонговый...

Слыша эти споры, мичман М. подскакивает к переговорной трубе и звенящим от раздражения голосом:

— В погребе! Старшина!

— Есть, вашскобродь! — меняется у Лядущенко тон на молодцеватый.

— Долго я буду ждать беседку со светящимися?

— Есть, со светящими! — слышен ответ и тотчас же, погромыхивая приводами тросов и шкивов, на свет Божий выскакивает беседка со снарядами.

— Три раза повторить подачу. Десять секунд на каждую. Проверьте, — приказывает офицер, направляясь на мостик, куда вызваны все плутонговые командиры, для получения инструкций от старшего артиллериста.

По последнему сигналу из боевой рубки, пушки "до отказу" задраны наверх, т. е. на максимальную дистанцию в 82 кабельтовых, которой так горд старший артиллерист. Все орудия крейсера наведены в одну точку, где-то далеко за городом, и Петр Петрович менторским тоном объясняет:

— Вы даете 2 с половиной больше. затем — полтора меньше и теперь переходите на поражение. Все

орудия — беглый огонь, и... — он с удивлением смотрит, свесившись с мостика вниз, так как с легким "т-р-р" на их роликах, все пушки левого борта двигаются быстро куда-то, упираясь дулами в воду у самого борта крейсера. Старший офицер бросается к телефону и нервно спрашивает:

— Во втором плутонге. Что вы делаете?

Командир плутонга катится горохом по трапу вниз, ничего не понимая, пока не застает следующее: по плутонгу проходит старик, артиллерийский кондуктор Бобров, который видя, что офицера нет, а в полупортик видна та самая злосчастная шестерка, из-за которой Коля получил "фитиль", теперь возвращается с берега, не задумываясь, командует:

— В проходящую шлюпку цельсь! — (в точности как его учили "распоряжаться" лет 20 тому назад на учебном судне "Эдинбургский").

Увидя бегущего со злым лицом офицера, старик понимает, что сделал не то, что следует, и растерянно тянется, отдавая честь.

— Виноват, вашскобродь, это я для практики...

— Да вы белены объелись, что ли? Какая практика? Вы в бою в проходящие шлюпки наводить собираетесь!..

— Чтоб людей занять... Без дела чтоб не были...

— Людей надо учить, как и что делать во время боя, а не занимать их глупыми наводками в шестерку с провизией!... Нет, уж лучше вы не вмешивайтесь!.. — говорит мичман, исправляя установку прицелов и возвращается на мостик доложить, что произошло с его плутонгом.

— Положительно, от таких пережитков старины, как наши Бобровы с "Эдинбургского", лучше избавиться совершенно. Нам нужны новые унтер-офицеры, — говорит старший артиллерист. — Впрочем, это дело командира.... Теперь, произведите, господа, плутонговое учение, — добавляет он, отпуская офицеров.

На шкафуте, унтер-офицер Шлех обучает прислугу плутонга заряжанию пушек.

— Слушай ребята, запоминай отчетливо, чтобы никакой бузы не было, ежели плутонговый проверять будет. Если он скомандует: смена номеров, на-ле-во, все поворачивайся направо, кроме первого номера, что остается на месте.

"Батюшки, упаси, — думает, почесывая за ухом и тужась понять, снарядный подносчик Теленкин Иван. — Как пригнали нас на службу, да сдали во Флотский Экипаж в Кронштадте, все учили нас, если там взводный или ротный скомандует "на-лево, поворачивай", значит, всего себя налево, и жди, что будет потом, а здесь — как видно, наоборот. Ну и трудная наука эта антилерия..."

О том, что Устав существует со времен Петра Великого, да и вообще знал ли Теленкин о Петре? Пожалуй, что и нет. Геральдика Теленкина незамысловатая: в Псковской губернии деревенька его отца соприкасалась с барским имением. Он помнит, что когда отелилась их корова Пеструха, то, спустя недели две, его мать пожаловалась отцу, тоже Ивану, что молока не хватает для семьи, телушка все, мол, высасывает из коровы. Отец нашего Ивана был мужик разумный и строгий, баловства даже от теленка принять не мог, на следующее же утро, подойдя к теленку, он посадил его себе на плечи и, легко перешагнув забор, пустил его в барский сад.

"Плетень — барский, я его не поврежу. А трава — Божья, пусть телушка покушает", — бормотал он.

Мычала корова, мычал и теленок с другой стороны плетня, но с этого дня они были разъединены навсегда. Но вот, прошло месяца два и как-то, по другую сторону плетня, показалась голова помещика, случившегося в этой части сада.

— Иван! — крикнул он, — не твоя ли это корова у меня в саду?

Тот вышел из избы на зов и, так как был он человек правильный, любил правду, согласился он немедленно:

— Пожалуй, что и моя.

— Так почему же она здесь? — нерешительно спросил барин.

— Не взыщи... От маткиного вымя телушку отделили... Объедала семью. А тебя не объест, вона травы-то сколько!

— Да мне травы не жаль, а вот она всю мою малину помяла, молодые яблони поломает, — возразил барин. — Она уже большая, ей пора в стадо. Ты бы ее обратно взял.

— Не сумлевайся, барин, возьму, — и с этими словами Иван шагнул через плетень, и, как ни брыкалась молодая корова, которая уже пудов пяти была, он понатужился, но так же легко и осторожно перенес ее через забор, на свою сторону.

— Ну и силища! — покачал головой барин, — хорош теленок? — добавил он.

Собравшиеся поглазеть соседи заухылялись, а, когда возник вопрос, под какой фамилией на призыв записать молодого, они посоветовали дать ему в честь его отца фамилию Теленкина, в отличие от других Иванов. Но это было только, чтобы угодить начальству, а письма из деревни приходили всегда по адресу:

"Царский крейсер такой-то, получить Ивану Иванычу Скопской губернии", а уж это было дело ротного командира спрашивать перед фронтом:

— Кто здесь Иван Иванович из Псковской губернии? — и выдать письмо по принадлежности.

Унтер-офицер Шлех сначала косился на Теленкина, когда он без "прибойника" досылал снаряд так, что его медный поясок врезался в винтовые нарезы внутри пушки, т. к. это нарушало порядок и прибойничный оставался как бы без своего назначения, но, заметив одобрительные улыбки офицеров, Шлех успокоился и Иван уже не стеснялся со снарядом, весом фунтов 60, который он совал в дуло пушки, как хлеб в печь, быстро и легко, а прибойничный только переминался с ноги на ногу, для отбивания такта, прибойник же держал у плеча.

В это время, пока производилось артиллерийское

учение, шестерка с провизией была у трапа, полная бочек, мешков и корзин.

Так как отбой боевой тревоги был сыгран, на вахте снова Р., с высоты верхней площадки трапа обдумывал, как бы, не опрокинув, поднять полуоткрытую бочку с кислой капустой. Он приказывает завести пару дополнительных оттяжек и бочка мирно ползет на талях кверху, когда со шканцев раздается шепелявый голос:

— Лейтенант Р., как вы поднимаете боцку?

— Стропом, господин капитан первого ранга.

— Нет, простите, это не строп!

— Никак нет, это строп!

— Нет, не строп! — уже топает ногами Шлепа, раздраженный с утра.

Всеприсущий староф высовывается за борт, взглянуть, в чем дело.

— Александр Семенович, — меняя тон на жалобный, обращается к нему командир: — Смените лейтенанта Р. с вахты.

— Есть! — официально отвечает староф и, видя невдалеке лейтенанта барона Р., известного его приятеля под прозвищем "Яшка", говорит ему:

— Федор Лотарович, вступи, пожалуйста на вахту, на остающиеся полчаса.

Лейтенант же Р., задетый в своем служебном достоинстве, снимает шарф, сдает вахту и, уходя, в досаде громко говорит:

— А все же это строп.

Но последний голос за командиром:

— Александр Семенович, арестуйте лейтенанта Р. на сутки, с приставлением "пикадора", — и Шлепа, голова кверху, уходит на ют.

В 5 часов пополудни слышна дудка:

— Окончить все работы и занятия. На палубе прибраться. Палубу подмести!

Таким образом заканчивается трудовой день. В нем больше всего забот для старшего офицера. Сотни мелочей не могут обойтись без его внимания и взгляда, он должен быть повсюду одновременно, все видеть и всем распорядиться.

Теперь, отбросив фуражку на стол, он падает, а не садится на кожаный диван в кают-кампании, вблизи уже сидящего с газетой в руках, в своем излюбленном кресле, старшего артиллериста и устало произносит:

— Уф!..

— Что, намотался? — с усмешкой спрашивает его Петр Петрович, опуская газету.

— Возле 6-го орудия масляные пятна на палубе, — бросает тот вместо ответа.

— Но комендоры же подкладывают брезент, при смазывании пушек, — сразу же принимает на свой счет замечание старарт.

— Да, подкладывают. Ты всегда за своих людей заступаешься... Но брезенты с обоих сторон вымазаны тавотом... Остаются следы...

— Комендоры обязаны мыть только чехлы пушек...

— Да, я знаю, но это не меняет дело... Палуба грязная. Не все ли равно, по какой причине?..

Петр Петрович видит, что староф нервничает и советует дружески:

— Знаешь что, съезжай-ка ты на берег. Рассейся немного и перемени атмосферу.

— Да я даже не знаю, съезжает ли "он", — подразумевая командира.

Староф не может отлучиться с корабля, если командир на берегу.

— Пойди и спроси его прямо... Не ожидай приглашения, — говорит Петр Петрович, который сам, как старый холостяк, бывает на берегу редко, но уж тогда остается там несколько дней, причем его вестовой Матвеюк выезжает вперед, занять комнату в отеле и подготовить все необходимое для "семейной" жизни...

Пока происходит этот разговор, наверху на юте инженер-механик Шевчук, после обхода трюмов, куда он берет с собой духовое ружье для стрельбы по крысам, появляется вблизи прогуливающегося там вахтенного начальника. И в этот-то момент, из-за угла рубки, самодовольно хрюкая, появляется жирная свинья, в полном сознании своей важности, как командирской маскотты, и что ей нигде пути не заказаны. Но ее розовые части, пониже штопора, такая заманчивая мишень, что Шевчук не выдерживает, вскидывает ружье и дробинка видимо попадает метко, так как свинья делает что-то среднее между реверансом и приседанием на все четыре и, с неистовой истерикой, покидает ют, как раз в тот момент, когда из рубки появляется массивная фигура Шлепы и застает Шевчука прицеливающимся во второй раз, чтобы ускорить бег свиньи.

— Мичман Севцук! — раздается голос Шлепы,— это цто вы обизаете мою Цюску?

— Цюска, бедная моя Цюска, поди сюда, — нежно чешет командир за ушами свою любимицу, одновременно обращаясь к старофу, который появляется спросить разрешение съехать на берег:

— Александр Семенович, предложите мицману Севцуку не обизать больсе бедное зивотное... мою Цюску,— продолжает он гладить, еще всхлипывающую, но уже снова обнаглевшую, свинью.

— Позалуйста, поеззайте на берег, — добавляет он на вопрос старофа.

Если Шевчук так легко отделался, то это лишь потому, что с недавнего времени он в фаворе у командира, и вот почему.

Несколько дней тому назад, Шлепа съезжал на берег. Два мичмана, Шевчук и Коля, опоздавшие на очередную шлюпку, но одетые по береговому, топтались у трапа, в ожидании съезжающего на своем вельботе капитана. При его появлении наверху, оба вытянулись, отдавая честь и умильно на него поглядывая.

— На берег хотите? — догадался тот.

— Так точно! Если разрешите с вами, господин капитан первого ранга.

— Проходите! — галантно пропустил их вперед по трапу Шлепа.

При подходе к пристани, чтобы не быть в долгу в отношении командирской любезности, Коля выскакивает первый и проявляя инициативу, кричит: — "Такси" проезжавшему мимо финскому шоферу. Когда тот подъехал, Коля почтительно открывает дверцу и, вытянувшись, ожидает командира. Но Шлепа — скуповат. Неожиданный расход на такси совершенно не входит в его программу, он бросает гневные взгляды на Колю, который, увлеченный своей находчивостью, не замечает. Но вместе с тем, Шлепа не решается, что же ему делать, садиться или итти пешком. Как хитрый малоросс, Шевчук спасает положение:

— Это он для нас, господин капитан первого ранга, мы спешим, — вкрадчиво и почти на-ухо рапортует он командиру.

— А, Севцук! Для вас? — оживляется Шлепа. — Оцень, оцень хоросо. Позалуйста, поеззайте, я хотел бы прогуляться песком, — добавляет он с облегчением. — Я визу, вы господа больсие... — и, с достоинством заложив руки за-спину, он величественно направляется по набережной.

— Садись, Коля, первый, — приглашает теперь Шевчук, — так как ты платишь. И по меньшей мере довезешь меня до Эспланады. Не стесняйся, садись, честь и место.

Ужин в кают-кампании проходит без оживления, вяло. Большинство офицеров резко недовольны случаем с Р., вмешательством командира в мелочи судовой службы. "Что, у него другого дела нет?" — была общая реакция.

Мичман К., который сегодня был пропускным, свободным от вахты, имел все основания провести приятный вечер на берегу, с одной знакомой дамой, специально приехавшей из Петербурга его повидать. Вместо этого — он попал в караул: когда на корабле имеется арестованный офицер, караульным начальником должен быть офицер тоже, вместо обычного унтер-офицера. Нечего говорить про Колю, он сидел за столом в полном расстройстве чувств, пожалуй, предпочел бы участь невинно пострадавшего и пользующегося общими симпатиями Р., чем сознавать себя "шляпой", действительно "натуманившим" на вахте.

— Да ты не горюй, Коля, выпей вот лучше пивочка, — говорит ему механик Данилевич.

— Ага. — сразу оживает Коля. — Ты, значит, меня угощаешь, — и быстро к буфетчику: — Еремеев, две бутылки пива и чек дашь подписать господину Данилевичу.

— Еще третью бутылку и на тот же чек, — подхватывает еще чей-то голос.

Данилевич уже сожалеет, что выразил сочувствие и спешит подписать чек, пока он не возрос. Вообще говоря, кают-кампания крейсера дружная и молодая. На 24 офицера только трое женатых, командир, старший офицер и старший механик. В жалованьи молодежь лишь расписывается в конце месяца, а наличные в кармане только тогда, когда удалось "загнуться" у ревизора. Но сегодня — близок конец месяца, все рессурсы истощены и приходится ограничиться напитками "на запиши", на корабле, без съезда на берег. Вечер предстоит скучный, нельзя ожидать ни с какой стороны подъема настроения, как это случилось, скажем, позавчера: часов в десять вечера у кого-то мелькнула "блестящая идея":

— А что, господа, не закусить ли?

Староф поддерживает "блестящие идеи" всегда.

— Еремеев, — звонит он буфетчика, — что ты можешь нам предложить?

— Горячие биточки, сосиски, холодную закуску, — начинает тот перечислять свой обычный репертуар, но староф морщится:

— Ну, а что-нибудь этакое, повкуснее, — говорит он.

— Селедочку заправим, можно пирожки завернуть, — продолжает буфетчик.

— Ну вот, уже лучше. Ты уж подумай сам... Да доложить господам по каютам, если кто хочет закусить.

Желающими оказались все и вскоре человек двадцать офицеров заняли места за накрытыми столами, обмениваясь шутками и отыскивая предлог для оправдания экспромпта, который закончился приветствием сменившегося после "собаки" С.

Сегодня вечер начинается с того, что лейтенанты садятся за "трик-трак", за круглым столом вблизи двери из командирского коридора. Петр Петрович, оставшийся за старофа, сидит в своем кресле, со стаканом чая на грелке, под рукой. Он в кают-кампании авторитет по вопросам истории, внешней и внутренней политики, хотя обсуждение последней, так-же, как религиозных вопросов, по Уставу запрещены, но иногда все же без нее не обходится.

Его оппонентом является неизбежно младший доктор, на официальном языке "лекарь" В. По окончании медицинского факультета университета, он, попав на крейсер, оставался штатским в душе, радикалом, по причине поверхностного образования, неизменно терпящим фиаско в спорах с Петром Петровичем, обладающим многими поколениями воспитанной логикой понимания хода истории, через экономические и социальные фазы которой все нации и народы должны пройти без скачков в неизвестное, что казалось таким привлекательным молодому доктору.

Пожалуй он был единственным членом кают-кампании на положении "чужого" человека "от сохи", как подтрунивали над ним мичмана в своем кругу.

По случаю заметки в газете о нужде флота России, что была одной из обсуждаемых тем в те дни, вспыхнул короткий спор двух антагонистов, но трио из скрипки, виолончели и пианино, начавшее под руководством старшего доктора концерт, положило ему предел. В гостиной четыре лейтенанта сменили "трик-трак" на "домино".

Мичман А., в ожидании вступить на "собаку", сидел на диване против двери в командирское помещение и мечтал о том времени, когда прослуживши 2 года, он пойдет в Офицерские Классы для специализации, а потом, кто знает, может и в Академию... "Только то плохо, что Академия ведет обычно к службе на берегу, — думал А., — но не доходить же и до состояния, вроде как наш командир..." — и в этот самый момент он замечает, что дверь в коридор как бы сама собой начинает приоткрываться, шире и шире становится открываемое пространство и вдруг мичман увидел, как в нем сначала появилась голова Шлепы, а затем постепенно и вся его массивная фигура.

По правилам, командир посещает кают-кампанию только по приглашению ее офицеров, переданному через старофа. Но, видимо, Шлепа не выдержал своего принужденного одиночества, так как он делает вдруг два решительных шага и оказывается за спиной одного из играющих в "домино", лейтенанта барона Р. Последний видит в зеркало, кто находится за его спиной, но делает вид, что не замечает.

— Кладите пять и семь, кладите пять и семь, — шепчет Шлепа, одновременно заглядывая в игру соседа тоже. Тогда Р. не оборачиваясь:

— А подсказчику ком грязи за-щеку, — самым спокойным образом и тоном.

— Нет, простите, я не подсказывал, — раздается протест командира.

Теперь уже — общее движение. Офицеры встают, с официальным видом, но молча. Петр Петрович неохотно, как бы по обязанности старшего, направляется к неожиданному гостю. Встреча так холодна, что Шлепа растерянно поворачивается вправо, влево, не зная как выйти из неловкого положения. Его взгляд падает на старшего доктора, со скрипкой в руках, прервавшего музыку и тоже, в замешательстве, поправляющего свое пенсне. Почти бросившись к нему, как бы за спасением, Шлепа шепелявит:

— Я к вам, доктор, книзку попросить, цитать мне нетего, — объясняет он свое вторжение в кают-кампанию и, повернувшись к офицерам:

— Просю вас, господа, не беспокойтесь позалуйста, я к доктору, — и следуя за последним, покидает кают-кампанию.

В догонку раздается дружный смех. Смеются все от чистого сердца, вставляя замечания по адресу капитана:

— Это я ему за Левушку... Пусть скушает, — говорит Яшка, закуривая папиросу, удовлетворенно падая в кресло.

— Здорово же ты его угостил. Он ведь гастроном, — слышны голоса.

И, верно, причиной дружеского расположения командира к старшему доктору служила обязанность последнего, как кормящего. Однажды Шлепа спросил:

— А цто, доктор, вы пецонку любите?

Доктор ответил утвердительно:

— Как же, как же, особенно если она в сметане.

— Так уж вы, Николай Павлович, — заказывайте пеценку поцасце, — облизывая губы от приятных воспоминаний попросил Шлепа. С той поры вошло в правило:

— Фурс, — звал он своего вестового. — Что сегодня на обед?

— Печенка, вашскобродь, — рапортовал Фурс.

— Пригласи старшего доктора к обеду, — давал распоряжение командир.

Старший доктор был тоже не плохой едок, но Шлепа превосходил его азартом, когда на столе появлялась печенка, он откладывал нож и вилку в сторону и, ломая ее пальцами, мокал прямо в соус из сметаны, следы которого на усах задерживались до самого конца обеда.

Когда доктор вернулся в кают-кампанию, она была пуста. Мичман А. направлялся уже к двери, чтобы вступить на "собаку", один лишь Петр Петрович еще доканчивал за стаканом холодного чая свое "Новое Время".

— Чаю? — спросил он доктора.

— Нет, спасибо... Я у него там два стакана выпил, пока он мне в жилетку плакал. Жаловался, что всегда раньше его соплаватели были с ним дружны, а теперь, он чувствует, его недолюбливают. Но я и не отрицал. Что я мог ему сказать?

— Сказать мы ему, конечно, ничего не можем. О том, что он "последний из могикан", ему дадут понять очень скоро, как я слышал, Эссен ведь всех знает... Ну, что-ж, пора на боковую. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Петр Петрович.

Д. А.

С Назаровым под Вознесенском

(Окончание)

У самого подножья холмов мы увидели, наконец, Назарова. Он сидел на "Зорабе" лицом к нам. Англо-араб, смешно расставив ноги, обнюхивал воздух и поводил ушами, прислушиваясь к пулям, пролетавшим над его головой.

Сотня развернула фронт перед Назаровым. Он оглядел нас и коротко сказал:

— Вы только что встретили пленных, которых взяла конной атакой 2-я партизанская сотня... Помните, что вы — 1-я сотня партизанская конная... С Богом!

Командир сотни повел нас вправо по лощине. Звуки боя на холмах стали отодвигаться влево. Так мы прошли довольно далеко. Хорунжий Воропаев при-

слушивался к тому, что происходило наверху, наконец, остановил сотню и, круто повернув ее налево, послал нас на скаты холмов.

Мы поднимались верхом, рассыпавшись в лаву. Подъем был длительный и утомительный. Вдруг ружейная перестрелка стала отчетливо слышна совсем близко. Оставалось еще немного, чтобы дойти до самой вершины холма, как вдруг, шагах в пятидесяти впереди, мы заметили несколько красноармейцев, стрелявших по нас с колена. Сотня бросилась вперед и вылетела наверх.

Оттуда, озаренная заходящим солнцем, открылась с фланга вся длинная большевицкая цепь. При виде нашей атаки в ней началась паника. Красные стали разбегаться по кукурузным полям, бросая оружие. На местах остались небольшие группы и одиночки, отходившие отстреливаясь, назад.

Несколько человек, в том числе я сам, кадет Кунделеков, Воронежского корпуса, рыжий немец со значком и другие, следуя за командиром дивизиона — есаулом Фроловым, который вынесся далеко вперед на своем вороном жеребце, с одной лишь плетью в руках, врезались в цепь. Не обращая внимания на огонь и не сдававшихся красных, мы вылетели потом на пустое место, где кроме снопов пшеницы ничего как будто не было. Но вдруг из-за одной из копен поднялся рослый матрос во всем черном, с винтовкой на перевес. Он был весь увешан по диагонали пулеметными лентами, но, видимо, уже расстрелял все патроны. Подскакавший с другой стороны Фролов закричал ему, приказывая сдаться. Но красноармеец ответил матерной руганью и, пригнувшись вперед, ранил штыком взвившегося на дыбы коня Фролова. Мы моментально окружили матроса. Перебегая с места на место, он крутился, стараясь достать кого-нибудь из нас. Вольноопределяющийся Горбатов спрыгнул тогда с лошади. Он крикнул: "посторонись!", стоявшим против него партизанам и выстрелил в матроса. Тот, широко взмахнув в стороны руками, повалился лицом на поле.

Очистив занятую местность, сотня свернулась в колонну и спустилась с холмов. Стрельба прекратилась по всему фронту. Было уже темно, когда мы привели лошадей в порядок и начали устраиваться на ночлег в какой-то большой крестьянской постройке. Но, едва я вытянулся на соломе, как услышал мое имя: я назначался с одним пожилым казаком в сторожевое охранение. Мы выехали с ним и забрались в самую гущу кукурузного поля. Там казак предложил мне:

— Вот что браток, то-есть, господин кадет: вы, значит, выезжайте вперед и становитесь верхом часовым, а я туточки останусь подчаском. Через час я подменю вас, а еще через час нам обоим придет смена из сотни. — Я охотно согласился и выехал вперед один.

Ночь была темная, облачная и ветреная. Одному было жутко от разных шорохов, шелеста листьев, скрипенья стеблей кукурузы. Время потянулось очень медленно и напряженно. Я всматривался в темноту. Большевики должны были быть где-то невдалеке и каждую минуту в кромешной темноте можно было ожидать всего.

Позже за тучами начало светлеть: где-то за ними пробивалась луна. Конь стоял смирно и тихо. В конце концов мне стало беспокойно: "Почему подчасок не сменяет мен? Прошло уже, наверно, не один, а два часа, может быть, и больше. Не уехал ли он куда-нибудь, бросив меня здесь одного? Почему не подходит смена из сотни?" Но я оставался на месте, не осмеливаясь бросить пост.

Прошло еще много времени. "Ну и черт с ним, с этим паршивым казачишкой. Потом объяснюсь с ним", решил я, окончательно свыкшись с ночным страхом.

Потом мне показалось, что стало еще светлее. Действительно, это не был уже лунный свет, а на востоке брезжила настоящая заря. Детали поля становились ближе и яснее. И вот где-то, как мне показалось, свистнула пуля, за ней еще одна, третья прошла высоко над моей головой. Я заволновался: может быть красные заметили меня и просто стараются сбить.

Позади было все тихо. В лощине лежала легкая дымка тумана. Когда достаточно рассвело, я принял, наконец, решение и тронул коня обратно. Пули свистели чаще.

Довольно далеко, уже на краю несжатого поля, я заметил лошадь казака. Рядом с нею, на земле, мой подчасок спал безмятежным сном.

— Это так ты, старый хрен, ревностно несешь свою службу? — набросился я на него. — Оставил меня одного на часах всю ночь, а сам тут дуешь, как ни в чем не бывало. — И я обругал его крепкими словами. Казак равнодушно почесывался, слушая меня, и нерешительно говорил что-то в свое оправдание:

— Ну, что ж и заснул. Пришли бы сами разбудить. Да и чего тут такого? Значит не я, а сама сотня виновата, что никто не сменил нас.

В степи завязалась серьезная перестрелка. Мы с казаком решили возвращаться в сотню.

Когда вдали наметились постройки, в которых ночевала наша сотня, мне показалось, что там не было никакого движения, и это было странно. Небо стало светло-розовое, вот-вот должно было появиться солнце.

— А что, если наша сотня ушла и забыла о нас? — обратился я к казаку: — посмотри-ка, отец, что это за пыль слева?

Казак приложил ладонь к глазам и всмотрелся:

— А и верно: наша сотня и есть. Вон впереди и значек наш Назаровский. Стало быть, надо их нагонять...

Мы пустили лошадей галопом. Присоединившись, наконец, к сотне я, уставший за предыдущий бой и бессонную ночь, налетел на Ашуркина:

— Что же ты за вахмистр, если бросаешь своих партизан?

Он смущенно улыбнулся:

— Не сердись, Ваньчук. Виноват. Ты, конечно,

прав. Все проспали ночь мертвым сном. Но не время сейчас ругаться: мы идем снова в бой. Слышишь, какая там заваривается каша?

В самом деле, бой стал ожесточенным. К звукам пулеметов и винтовочным присоединялись орудийные выстрелы. Подошедшие к станции Константиновке бронепоезда красных начали обстрел участка. Сотня быстро подходила к противнику. Мы шли колонной по шести в открытой степи. Солнце встало и мгновенно залило всю местность первыми, косыми своими лучами.

Пули широкой волной неслись прямо на нас, но мы не убавляли аллюра. Вдруг впереди, среди копен, показались серые фигуры людей. Воропаев сделал знакомый знак шашкой. Мы вышли на галопе в лаву и потом сразу бросились вперед. Еще несколько напряженных мгновений и слева, на солнце, сверкнула одна шашка, ближе другая... Началась рубка бегущей цепи.

Вскоре все было кончено. Тут и там валялись по всему полю трупы убитых, брошенные винтовки, гранаты и пр.

Взводный урядник внимательно обходил копны пшеницы с револьвером в руке. Из одной из них торчали наружу каблуки сапог.

— Вылезай, а то пристрелю сейчас же! — закричал взводный.

Копна зашевелилась и из нее, покрытый соломой, появился матрос. Таким же способом из других копен и стогов было извлечено еще немало красных. Бой стих по всей линии фронта.

Ашуркин, уехавший один в сторону станции, вернулся оттуда с пустой гильзой шестидюймового морского орудия. Красные бронепоезда бросили позицию и ушли назад.

Сотня отдохнула и, выстроившись, тронулась обратно в Вознесенск. Солнце стояло высоко и припекало в степи. Мы возвращались знакомым путем, натыкаясь на следы недавних боев: валющийся штык, брошенную фуражку, кровавые тряпки, воронки от снарядов...

Потом сразу открылся внизу Вознесенск, голубоватая лента Буга, мост. В небе неподвижно застыли облака. От земли шел еле-уловимый запах пороха, полевых цветов и чего-то другого...

Шедшая впереди лошадь вдруг шарахнулась в сторону...

— Повод влево! — послышалась команда.

Мы обходили неубранный еще труп красноармейца. Убитый лежал на спине лицом к небу. Ноги и руки его были широко разбросаны в стороны. Рядом валялась винтовка со штыком. Ставшие бесцветными глаза его с ужасом смотрели вверх. Лицо и руки совершенно темного цвета сливались с кожаной одеждой в сплошное черное пятно.

— А, да это наш вчерашний знакомый матрос, — сказал Горбатов: — тот самый, что ранил штыком коня есаула Фролова. Вот и успокоилась навсегда его злоба.

— Вы что там загрустили? — прервал наступившее молчание подъехавший сзади Ашуркин: — а, ну-ка давайте любимую Назаровскую!

И тотчас же высокий тенор одного из партизан завел:

“Мы на лодочке катались,
А под лодочкой вода.
Девка платье замочила,
А на мальчика беда...”

Партизаны бодро подтянулись в седлах и радостно ответили ему хором:

“Девченочка,
Молоденькая,
Какая-ж ты
Хорошенькая”.

Сотня спускалась с холмов в полуденное марево лощины Вознесенска. Даль голубела со всех сторон и над головой где-то звенели невидимые жаворонки.

Было начало августа. Полк, удержав Вознесенск, стоял в бездействии и никто не знал, когда и куда тронется он дальше. Увы, подходило время расставаться с полком и уезжать в Новочеркасск для поступления в юнкерское училище.

Мы вчетвером пришли вечером на квартиру Назарова с просьбой отпустить нас из полка. Федор Димитриевич задумался и спросил:

— Действительно ли вам так нужно поступать сейчас в училище? У меня в полку вы можете быть произведены в офицеры гораздо раньше. Наша борьба с большевиками приходит к концу и поддерживается исключительно духом такой молодежи, как вы. Уйдете вы — молодежь из полков, что останется от этого духа? Жалею, но задерживать не могу. Будучи юнкерами, вспоминайте всегда то, что увидели в моем полку. Здесь вы прошли настоящую боевую подготовку к званию офицера. Спасибо вам всем за службу на поле брани! — Назаров вздохнул, вызвал адъютанта и приказал ему к завтрашнему утру приготовить нам нужные бумаги.

Мы прощались с боевыми товарищами очень просто. Уводя с собой лошадей, мы отправились в обратный путь на реквизированной подводе.

Путешествие предстояло длинное и небезопасное: сменяя каждый день подводы, мы должны были пересечь большую часть Херсонской губернии, где после недавних разгромов бродили одиночками и группами разбежавшиеся красные. Так надо было добраться до Екатерининской железной дороги и сесть, наконец, в поезд.

Мы ехали несколько дней подряд этапами по 20—25 верст и все шло благополучно. Но как - то утром на дороге, навстречу нам показалось вдали несколько человек. Мы остановили возницу и осмотрели винтовки, поджидая подходивших людей. Их оказалось трое, в защитной форме, но без оружия. Приблизившись к нам и заметив наши винтовки, люди остановились в нерешительности.

— Кто вы такие? — крикнули мы им.

— Свои, — донесся голос.

По их одежде было ясно, что это были красные.

— Подходите и показывайте бумаги. Иначе начнем стрелять.

— Ты откуда? — обратился мой приятель-юнкер к молодому белобрысому парню без фуражки.

Тот не пробовал запираться и сразу сознался, что был мобилизован силой в красную армию. Полк его недавно был разбит белыми и разбежался; сам же он возвращался в свое село. Парень показал свое удостоверение.

Второй и третий красноармейцы были с монгольскими лицами. Они оба оказались китайцами. Первый из них рассказал о себе приблизительно то же самое, что и светловолосый русский парень. Он тоже предъявил удостоверение. Другой же китаец не говорил по-русски ни слова. Он очень волновался и плохо понимал то, что ему переводил его товарищ. Он долго искал по карманам свое удостоверение и, наконец, извлек из складок пазухи какую-то грязную бумажку. Это было, действительно, свидетельство, подписанное полковым комиссаром, но на обратной стороне его чернильным карандашем было помечено: "Немедленно расстрелять. Поручик такой-то". Мы переглянулись.

Юнкер сказал первым двум:

— Вы оба можете итти, но, придя в деревню, явитесь сейчас же нашему коменданту. Скажите ему, что вы встретили нас, показали нам бумаги и что мы отпустили вас. А ты, — обратился юнкер к третьему красноармейцу, — подожди здесь. Ну, живей! — крикнул он отпущенным на свободу. Те бросились бегом от повозки.

Ашуркин и юнкер о чем-то тихо совещались. Но, когда я увидел, что Ашуркин поджал губы, собираясь слезать с подводы, я понял его намерение и остановил его:

— Нет, довольно. Мы только что ушли от этого. В деревне есть наша комендатура. Она сама решит, что надо сделать с этим китайцем. Деваться ему все равно некуда с его косой мордой. Прошу тебя, умоляю, отпусти его. Судьба найдет его сама. Иначе будет полный произвол, да и возница рядом... Не только для этого воевали мы. Он — безоружный...

Ашуркин не соглашался со мной, спорил, ругался и даже озверел, но, потом улыбнулся и сказал:

— Ну, хорошо, только для тебя, — и дав слово не расстреливать на месте китайца, слез с подводы. Он объяснил красноармейцу, что дает ему шанс спастись. Ашуркин будет медленно считать до десяти, но, произнеся слово десять — будет стрелять в него. На этот раз китаец как будто все понял. Едва только Ашуркин поднял винтовку и сказал "раз", мы крикнули китайцу: "беги!". Тот с совершенно изумительной быстротой бросился вперед и помчался по дороге к деревне. Когда Ашуркин подходил к восьми, красноармеец был уже далеко. По слову "десять" Ашуркин выстрелил. Пуля, видимо, прошла близко от бежавшего, так как он сразу наддал ходу и несколько мгновений спустя совсем исчез из виду. Мы покатились от хохота и тронулись дальше.

Доехав до указанной нам станции Екатерининской дороги, мы получили от военных властей необходимые бумаги и пришли на вокзал.

Вдруг на перроне началась суета, появился рослый жандарм и строго одетый по форме начальник станции. Они и прочие служащие освобождали платформу от толпы.

— Господа, прошу вас уйти в помещение вокзала, — обратился к нам начальник станции: — приказано, чтобы на платформе никого не было: сейчас проходит обратно со станции Пологи поезд Главнокомандующего...

Вдали послышался протяжный нарастающий звук свистка паровоза. Еще немного и поезд влетел на станцию... Мелькнули, в сияющих на солнце вагонах, алые и голубые фуражки конвоя, ослепительно белые портупеи казаков, в лицо ударило волной запахов хорошей кухни, тонкого вина... В облаке густой пыли поезд Главнокомандующего исчез из глаз, как мимолетное видение.

— Великая, Единая, Неделимая... — послышался за спиной негромкий голос. В эти словах почувствовалась ирония и грусть. И, как отзвук мысли, сразу представились мне недавно пройденные, залитые палящим солнцем, херсонские степи, гул далекого боя, белые толпы пленных и где-то там далеко-далеко, в одном из маленьких домиков Вознесенска, сидящий при свете свечи Федор Димитриевич Назаров, задумавшийся над каким-то большим и тяжелым вопросом....

В последний раз я видел Назарова в 1920 году, в Крыму, на станции Джанкой, куда было отвезено училище после боев под Каховкой. Меня вызвали к Начальнику училища.

Генерал Максимов сказал мне:

— Портупей-юнкер, полковник Назаров, ваш бывший командир полка, хочет повидать юнкеров — своих партизан: вы найдете его поезд на запасных путях.

Я быстро отыскал его и представился адъютанту Назарова, который сейчас же доложил обо мне. Из вагона вышел Федор Дмитриевич в новых полковничьих погонах и, поздоровавшись, рассказал мне, что после отступления к Румынии 42-й полк попал в Польшу и там был разоружен. Сам он смог выбраться оттуда и не так давно приехал в Крым. Генерал Врангель разрешил ему формировать новый отдельный отряд под своим именем.

— Кто же сейчас в Атаманском училище из моих партизан? — спросил Назаров.

— Осталось только двое: Ашуркин и я.

— А почему он не пришел?

— Тяжело ранен пулей в голову навылет под Каховкой, господин полковник, — ответил я.

Назаров подумал и сказал:

— Я хотел бы повидать моего бывшего вахмистра. Где он?

Мы пошли к вагонам с нашими ранеными. Ашур-

кин сидел у двери открытого товарного вагона. Узнать его было невозможно, так как вся голова его была наглухо забинтована, и только для глаз были оставлены небольшие щелки.

— Он ничего не понимает и не может говорить, — объяснил один из легко раненых юнкеров.

— К тебе пришел полковник Назаров, — повторил я Ашуркину несколько раз, но он продолжал тихо стонать, покачивая головой в обе стороны и не слыша ничего. Федор Дмитриевич долго смотрел на него молча, потом взял под козырек и отошел от вагона.

Уже в 1924 году от приехавшего в Париж из Японии генерала Хрещатицкого, который занимал большой пост в армии Семенова, я узнал, что Назаров во главе большого партизанского отряда продолжал войну с большевиками где-то во Внешней Монголии.

Еще несколько лет спустя, после окончательной ликвидации Белого Движения на окраинах Сибири, мне передали, что Федор Димитриевич Назаров, окруженный большими силами Дальневосточной Красной Армии, доблестно погиб в бою со всем своим отрядом.

Иван Сагацкий

Конец Оренбургского - Неплюевского корпуса в 1920 г.

(Окончание)

Проснулись мы поздно. Поезд стоял на Слюдянке. На дворе было солнечно, ясно и нестерпимо тянуло на воздух из душного, стылого и грязного вагона. Собрав от всех поручения и получив деньги на покупку снеди, мы весело соскочили на чистый перрон, покрытый свежим белым снежком, и чуть не вприпрыжку побежали к станционной лавке. Вдоль поезда уже образовалась целая брехаловка: все русские, ехавшие в поезде, а их было более двухсот, устроили прогулку, утреннее гуляние. Когда мы, сделав все покупки, пошли обратно, то влились в этот поток и, радостно вдыхал чистый, холодный воздух, шли, наслаждаясь солнцем, воздухом и своей молодой жизнью. Уже недалеко был вагон коменданта миссии, как из дверей вокзала вышло двое, — один в русской серой шинели, другой в английской, зеленой. На груди у них краснели красные тряпки, связанные бантами. Они прорезали поток гуляющих и вызвали коменданта миссии наружу. Я поравнялся с ними и должен был принять чуть вправо, чтобы не зацепить их локтем. Капитан Хирото вышел в своей желтой шинели, в фуражке с красным околышем и прямым козырьком. Он спросил их голосом в котором слышался твердый, жесткий иностранный акцент:

— Кто вы? Что надо?

Человек в серой шинели махнул рукой на английскую шинель:

— Он комендант поселка, я комендант станции: сейчас время тревожное, а у вас, — он повел рукой в сторону гуляющих, — едет много всякого народа, мы хотим, как и на всех других поездах, проверить документы и задержать подозрительных...

Мы с Васей замедлили шаги; ноги как-то странно отяжелели, мне ясно вырисовалась вчерашняя черная, клокочущая ангарская прорубь. Капитан Хирото поднял голову; зайчики от стекол его очков прыгнули по синей стенке вагона и погасли, а он твердо отчеканил:

— Это не большевики и не эсеры, значит люди не плохие, не опасные, а хорошие. Хотите взять их из японской императорской миссии? Попробуйте!

Он повернулся в сторону вагонов с конвоем и по-японски что-то крикнул резко, властно и громко.

Часовой японец, в странной высокой, ушатой меховой шапке, повторил его крик и выбросил винтовку на изготовку, широкий штык на ней сверкнул молнией на солнце и погас. И почти мгновенно, с грохотом стали откатываться двери теплушек и из них посыпались вооруженные солдаты, стремглав рассыпаясь в цепь. На крышу вагона втаскивали Гочкис, два других Гочкиса поставили на перроне. Через минуту суета стихла: вокруг поезда стояла боевая цепь японских солдат. Красные коменданты, озлобленные, смотрели на эти приготовления, а затем растерянно забормотали:

— Да мы что. Мы ничего. Мы так только, порядок...

Но капитан Хирото их не слушал, он повернулся, окинул взглядом вагоны, увидел, кого ему было нужно, невысокого русского генерала Дидерихса, молча смотревшего из двери классного вагона на эту сцену, подошел к нему, четко отдал честь и произнес:

— Разрешите просить вас, Ваше Превосходительство, прекратить гуляние ваших людей по станции без дела...

Я толкнул Ваську локтем и мы торопливо зашагали к вагону, придерживая руками рассыпающиеся покупки.

В зале читинского вокзала тусклым желтым светом горит электричество; в беспрерывно открывающиеся двери дымными клубами влетает и растекается по полу пар: на дворе мороз и пуржит; на каменных плитках пола, по всем направлениям, мокрые следы, кое-где лежат комья желтого, нерастаявшего снега. Мы стоим у стенки, потерянные, и растерянно, с жадным вниманием, вглядываемся в лица людей, — наши добрые покровители В. С. Иванов и капитан Маркевич, всегда заботившиеся о нас, ушли, на прощанье дали по четыреста рублей, а теперь надо было устраиваться на ночь. Куда идти? Кого

просить о помощи в чужом, равнодушном к нам, городе?

— Еленевский! Ты откуда тут? — окликает меня чей-то знакомый голос. Обернувшись вижу плотного портупей-юнкера эскадрона Оренбургского Военного училища.

— Николаев! — радостно вскрикиваю и сразу же начинаю выкидывать новости: "твоя мама и Мишка в Иркутске застряли, а я выскочил с японской миссией... Ты где тут сам?"

— На броневике "Семеновце", а что?

— У тебя переночевать нельзя ли? Нам только на эту ночь, а завтра...

— Нет, у меня нельзя, вы дуйте к коменданту города, он...

— Вы, Неплюевцы, как уцелели? — раздается сзади голос.

Мы оборачиваемся и видим высокого полковника, сразу все трое вытягиваемся, щелкаем каблуками, звенят шпоры Николаева, берем под козырек.

— Вы как уцелели? — повторяет он вопрос, — да опустите руки.

Васька, полный недоумения, спрашивает:

— А почему, господин полковник, уцелели?

— Да ведь Корпус то ваш, — объясняет полковник, окружили красные; вы дрались, затем подняли белый флаг, а, когда красные подошли поближе, опять открыли огонь, ну когда красные ворвались, так перебили всех, даже третью роту...

При его словах мне вспомнилась тонная фигура маленького поручика Посавэра, напряженной струной стоящего у пирамиды с винтовками, на ящиках патронов и трозящего застрелить каждого, кто только тронет винтовку, и я подумал: "Вишь ты, чего натрепали? И кто только эти басни набрехал? Неужели же сейчас, когда все бегут или изменяют, только одни мы, мальчишки, кадеты и можем драться беззаветно?.." На другой день сухощавый и чернявый портупей юнкер Зимин, фанатичный строевик, выстраивая команду вновь прибывших юнкеров Читинского атамана Семенова военного училища, с глубоким неодобрением смотрел на то, как мы с Васькой небрежно, по-кадетски, — чуть-чуть поднимая ногу, отбиваем шаг, вперял в нас возмущенный взор и кричал:

— Ногу! Юнкер, ногу поверни!..

...Бронепоезд "Семеновец" перевели с главной ветки в Даурии на маленькую боковую, у самого вокзала. На дежурстве в броневой коробке делать нечего. От нечего делать я залез на пушку Норденфельда и примостился за железным, избитым пулями щитом, и, греясь на ласковом, по-осеннему чуть греющем солнце, в сотый раз ленивым взглядом окидывал знакомую, надоевшую картину — осеннюю даурскую рыжую степь, ряды казарм, "Форт № 1" — двухэтажную казарму, в которой заделаны в нижнем этаже все окна и двери, на приставную лестницу, по которой кто-то ползет наверх с ведром воды, к часовому, что бродит около пушки образца еще 1877 г., там, где стоит пушка, снята крыша. Потом перевожу глаза вправо, к станции, и застываю от изумления: от станции к броневику идет женщина, окруженная кадетами третьей роты.

Это Анна Бенедиктовна Боровская, вывезшая из красного Иркутска десятка два кадет третьей роты. В большинстве, это были иркутяне, но среди них был и неплюевец — Павлик Иванов. Он первый рассказал мне скорбную историю превращения Неплюевского Кадетского Корпуса в 29-ю Иркутскую Советскую Трудовую школу... "зверей кого поарестовали, а кто поразбежался, первая и вторая рота тоже кто куда, — кто на работу устроился, кого в Красную армию мобилизовали, кто в Оренбург поехал, домой. А нашей третьей роте деваться некуда, — у кого братья были, так они их позабирали, а у кого родные в Оренбурге, с кем ехать? Некуда, не с кем нам ехать. Сидим голодные, в одном белье — обмундирование, одеяла у нас что позабирали, что мы сами с голоду попроедали, в городе вонь страшная, пойдешь с голоду на огороды картошку воровать — поймают если, бьют до полусмерти... Хорошо, взяла меня тетя Боровская, а то бы пропал..."

— Куда же, Павлик? — полюбопытствовал я, — к родным, что ли?

— Да лезь ты сюда в коробку броневую, тут у меня сахар есть, хлеб, тебе погоны наши не надо ли?

Ни от хлеба, ни от сахара, ни от погон Павлик не отказался, а куда ехать, не знал и сам. Родных у него не было, в конце концов он еще с пятью кадетами остался у нас, во 2-й юнкерской пулеметной команде конвоя атамана Семенова. С нами они отступили из Забайкалья в Приморье и в декабре, по демобилизации армии в Гродеково, уехали в Омский Корпус на Русский Остров.

...Лето 1921 г. было сухое, засушливое, кругом горели леса, синим дымным туманом застилало ближние сопки и дальние горы, в горле першила гарь. В середине августа, возвращаясь из командировки,— с охраны от хунхузов поселка Фалдеевского, слезая с поезда я увидел на безоружном часовом, уныло оглядывавшем станцию, поселок и бесконечные эшелоны нашей кочевой столицы Гродеково, светло-синий неплюевский погон. Я подошел к часовому ближе — ба! да это Борька Медвецкий, уральский казак, одпокашник, только 1-го отделения. Мы обнялись с ним и стали делиться с ним новостями.

— Ну, превратили нас в 29-ю Советскую Трудовую школу; занятий, ясно, не было больше никаких... Думали, как наши взяли в феврале Иннокентьевку, и нас освободят, красные весь забор бойницами издырявили, железо с крыши посдирали — на укрытия, днем еще туда - сюда болтались, а ночью разбежались, — кабы мы знали, что наши мимо пройдут, так тогда убежали бы... ну, прошли наши, остались мы у красных насовсем. Брюхо с голоду подвело, стали мы на работу поддаваться, харчить-то хочется. 1-ю роту, кого в красную армию забрали, кто на работу

пошел, кто домой словчился уехать. Ну, удалось мне проводником на поезд пристроиться... стал я, значит, по дороге кататься. И не думал ничего, а тут вдруг, по ошибке что ли, поезд в Маньчжурию зашел; ну, я и слез сразу; другой случай такой, когда бы представился? Ну, дальше без приключений, денег на дорогу дали наши офицеры, приехал сюда; хотел на Русский Остров в Корпус, да меня здесь спешили, в Комендантскую команду взяли, не нравится до черта тут, в Корпус надо.

— А звери как?

— Да кто как, кто разбежался, кого порасстреляли, — моего Вишневецкого в Красноярске расстреляли, а твой, Александров, учителем в политшколе стал, — встретил его раз на вокзале...

— Чего? — не понял я, — какой еще политшколе?

— Да Читинской партийной политшколе, не понимаешь, что ли, балда? Русский язык да географию там преподает...

"Ага! Так вот оно что!" — мелькнуло в голове и в памяти всплыла картина... На дворе был страшный ноябрьский туман с Ангары, плотной серой ватой он обволакивал здания и по улице, в пяти шагах, ничего не было видно. Рассказывали, что иркутяне, пока у них классы были отдельно от спальни, ходили утром и вечером под бой двенадцати барабанов, чтобы кто-нибудь случайно отбившись из строя, особенно третья рота, не начал плутать, а знал бы, где идут.

По случаю этого тумана нас не вывели на послеобеденную прогулку на двор и мы сидели в классах и коридорах, где целые сутки горело электричество. Когда проиграли отбой с прогулки, я вышел из коридора 1-й роты, где шестиклассник Мишка Николаев рассказывал мне о боях под Уральском, куда он перекочевал, когда красные стали занимать Оренбург. Под ногами гремела железная лестница и в ушах стояли последние мишкины слова:

— ...Ну, матросы или латыши, было наплевать: они идут, стреляют, а мы лежим, молчим, молчим, а как подойдут шагов на двести, ну мы по ним залп, другой, третий, ура и в штыки, они и бегут, а вот были сволочи, чапаевцы какие-то, одеты в черное, идут молча, без выстрела, ух как страшно было: мы сразу стрелять начали, а потом ничего, — всыпали им раза два, стали и они стрелять по нам, как матросы или латыши...

В нашей роте посредине коридора стоял полк. Александров, рыжие усы свисали вниз, он стоял тяжелой глыбой, глубоко засунув руки в карманы форменных штанов на выпуск. Около него кучей, тесно сбившись, стояли человек с десяток — все казаки. Увидев своего воспитателя, я сразу же присмирел и потихоньку подойдя сзади, стал сбоку и начал слушать. Говорил полк. Александров и его слова звучали веско и каменно-твердо...

— Ну, а что хорошего? Все войско разорили, что станиц то пожгли — Красногорскую первую, а сколько их? Все войско теперь разорено, а кто виноват?

— Так ведь война же, господин полковник, — чуть не сразу вскрикнули два-три голоса, — на войне не без урону же...

— А кто войско в войну втянул? — долбил воспитатель, атаман! Вы что думаете? Войско ему так и простит, что он всех под разорение подвел? Вишь ты не захотел подчиниться, — ну откажись от булавы, другой бы взялся, — хоть тот же Каргин, уладили бы дело по-хорошему...

Внизу на площадке проиграл сигнал, по классам. Полк. Александров оглянулся и оборвал:

—Довольно болтать — марш по местам!

...В вагоне, на верхних нарах тепло и от огонька, единственной свечки, кажется уютно. Я нежусь в тепле и с тоской думаю о моменте, когда все начнут зевать и устраиваться на ночь, а мне придется слезать вниз на нижние нары, в стылый холод у щели в стенке вагона, откуда особенно злобно морозит ледяной ветер и, заснув на час, вскакивать, трясясь в ознобе, начинать яростно швырять дрова в печку синими, непослушными руками, а, когда разгоралось пламя и железо печки начинало краснеть, тянуть к раскаляющемуся железу жесткие руки с негнущимися скрюченными пальцами. На этих верхних нарах все начальство нашей сотни, все штабс-капитаны: красивый смуглый Плюснин, суровый Дорошков, деликатный Тарасов и худощавый Вержба. Вержба любит поговорить и сейчас он лениво тянет:

— Ну и телепаемся же мы, господа, пятый день едем, а до Хабаровска никак не дотянемся, послезавтра уже и Рождество, уже и 1922-й год наступает. И скучища же, — как в Верхнеудинской Чека, впрочем, там не скука, а тоска и страх были — от мордобоя до мордобоя...

— Как от мордобоя до мордобоя? Не понимаю я...

— Не понимаете, прапорщик? Просто, очень просто, — приведут на допрос да в морду, аж с ног валишься... поднимешься, а тебя с другого борту, да еще, да еще, да еще, кстати, вы Неплюевского Корпуса? Со мной в подвале сидел неплюевец, вице-унтер-офицер Мякутин, — расстреляли его за попытку перехода к белым. Попался и не сумел выкрутиться...

Вице-унтер Мякутин, худенький, какой-то сероватый, ты был с нами тогда, в саду Иркутского дивизиона, ты стрелял из соседней бойницы, под бойницей ярко алела на белом снегу лужа крови убитого Кончаловского; ты был талантливым поэтом и про тебя говорили уже тогда — "он прославит родной Корпус". Почему не ушел с нами тогда в январе? Не знал? Не умел, что ли? И вот пуля в затылок, по чьей вине? На ком лежит твоя кровь и тебе подобных? Капля на мне с Деевым, а остальное на ком?

А. Еленевский

Лубочные картинки Восточной войны 1853-56

(Окончание)

От Редакции: Вследствии недоразумения, тексты лубков, помещенные в № 29, были изменены орфографически, в чем Редакция приносит свои извинения автору и читателям. В настоящем номере подписи под лубками напечатаны в их первоначальном виде.

---

6) Заглавие и текст: "Отраженіе Англичанъ отъ города Таганрога 1855-го года Маія 22 дня. — Печат. поз. Москва 17 Іюня 1855 г. Ценсоръ В. Флеровъ. — Печат. М. 27 Іюня 1855 г. въ Металл. А. Лаврентьебой". — Этот гравированный лубок имеет лишь одно только заглавие; его левая сторона изображает город Таганрог (без признаков порта, как и на предшествующей картине), на совершенно плоском берегу, с 4-мя каменными церквами и домами, без могучей крепости. Шеренга из 8 Русских пехотинцев, имея сзади 3-х офицеров и 8 конных казаков — сбрасывает в море, штыками и пиками, высадившихся из лодок англичан; 8 других пехотинцев, засевших за оградой монастыря, — громят огнем, имея сзади резерв из трех десятков ополченцев; шагах в ста от берега — в двух линиях, стоят 10 двухтрубных пароходов, два из них бомбардируют склады дерева; население города вышло на улицы. Этот лубок гораздо менее "страшен", чем предыдущий и "адского" в нем мало.

7) На этой, литографированной, *карикатуре,* вместо заглавия, — две стихотворные пародии — на песенку и басню, первая — "Тройка":

"Вотъ мчится тройка удалая,
А глупость бодро правитъ ей...
И въ бездну тащитъ, какъ шальная,
Разно-калиберныхъ коней!"

Вторая пародия — "Три товарища":

"Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
НАЛАДЪ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.
Однажды лебедь, ракъ да щука,
Вѣсти съ Поклажай возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись,
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу.
Поклажа бы для нихъ казалась и легка,
Да лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ?
Судить не намъ.
Да только возъ и нынѣ тамъ".

"Печ. Позв. М. 17 Іюня 1855 г. Цензоръ Н. фонъ-Крузе. Лит. Сергѣя Стрѣльцова. Москва 1855 г.".

Эта лубочная потуга на карикатуру — пожалуй самая неуместная и не прозорливая: ведь июнь месяц 1855 г. — был началом агонии беспримерной защиты Севастополя, случившейся через три месяца... С правой стороны этой литографии — "могучие" стены Севастополя, усеянные пушками, из-за стен высятся семь церковных колоколен; полевая пушка с тремя стоящими на вытяжку артиллеристами. С левой стороны лубка, на другой стороне морского заливчика мчится "тройка" (долженствующая неминуемо ринуться в этот залив), у коренника голова султана, голова левой пристяжной — Наполеона III, правой — трудно определимая голова: на сардинского короля Эммануила вовсе не похожа, может быть сардинский премьер Кавур? Ямщика изображает королева Виктория, одетая балериной, в ее левой руке вожжи,а в правой — волчок-паяц. На заднем фоне, перед 6-ю палатками и неприятельскими пехотинцами стоит наша крестьянская телега, нагруженная военными аттрибутами и в ее оглобли впряжены: лебедь — улетающий, рак — уходящий в воду, и щука — ныряющая в воды залива... В море — мирно плавающие лодки!..

8) Заглавие и текст: "Подъ Севастополемъ перемиріе на несколько часовъ для уборки тѣлъ Маія 25-го 1855 года. — По предложенію Союзниковъ съ собоихъ сторонъ выкинуты были переговорные флаги и назначено несколько часовъ для уборки тѣлъ. Сперва носили тѣла на носилкахъ, потомъ волокли и возили на повозкахъ до тѣхъ поръ, пока не терпѣливый французкій Генералъ махнулъ рукой сказалъ: Довольно: закричалъ дѣлайте съ остальными, что хотите, — мы больше не примемъ. Во время уборки тѣлъ Нашему Генералу сказалъ Англинскій Генералъ: у васъ должны быть очень хорошіе шпіоны? Онъ ему отвѣчалъ, почему вы такъ полагайтѣ? Потому что васъ предупредили о штурмѣ и вы успѣли приготовится. О да! Шпіонъ предуведающій насъ о штурмѣ отличный, зовутъ его усиленное бомбондированіе. Англичанинъ поклонился и ускакалъ восвояси. — "Печ. позв. М. 25 Іюля 1855 г. Ценсоръ В. Флеровъ. — Печат. въ Метал. А. Лаврентьевой. Москва 1855 года".

На этом мрачном лубке (гравюре) — справа, опять неприступный, величественный, весь каменный Севастополь, левее — морская бухта с пароходами и кораблями, далее шагах в 120 от севастопольских стен, — неприятельские траншеи; все небольшое поле покрыто солдатами, погребающими, уносящими и увозящими трупы. На переднем плане группа Русских и Французских офицеров, закуривающих друг у друга сигары, далее — тот "нетерпеливый французский генерал", о котором говорится в тексте. Подобные перемирия были и до, и после, но в данном случае лубочный хроникер ошибся, ибо это перемирие состоялось 28 мая ст. ст. (9 июня по новому стилю), после того, как одни французы потеряли 8.684 чел. при захвате Камчатского, Селенгинского и Волынско-

го люпетов, но на Малаховом кургане они еще осеклись.

9) Заглавие и текст: "6 Іюня 1855, (По) — Бѣда одержанная у Севастополя французами, съ многоязычнамъ участіемъ 6(18) Іюня 1855, въ ознаменованіе такой же побѣды предъ Ватерлоо "6(18) Іюня 1815 года, 40 лѣтъ назадъ". — Лит. Д. Сироткина.— М. Юнкласъ. — Печатать позволяется. С. Петербургъ, 10 Іюля 1855 г. — Цензоръ В. Бекетовъ". — Литографированная карикатура, с подписью автора ("Юнк-лас" — псевдоним?), изданная в Петербурге. Этот незнакомый художник отлично овладел карандашом и был талантливым юмористом, он запечатлел сцену блестяще отбитого штурма 6(18) июня, когда был "сыгран четвертый акт севастопольской трагедии..." (см. "Севастопольская страда", стр. 586-7). С правой стороны литографии изображена часть бастиона с пушками и с сидящим на амбразуре Русским солдатиком, показывающим французам "нос"; ниже и вправо, через обрыв — нарисована добрая сотня комических фигур французов, сбрасываемых вниз штыками и прикладами Русских солдат, и убегающих к "исходному пункту" держась за хвост чертяки; лежат два французских знамени, порванных пополам; на одной половине слог "По", на другой — слово "Бѣда"....

10) Заглавие и текст: "Подвигъ англичанъ въ Финскомъ заливѣ". — Лит. Д. Сироткина — М. Юнкласъ. — Печатать позволяется, С. Петербургъ, 10 Іюля 1855 г. Ценсоръ В. Бекетовъ"..

По обоим сторонам этой картинки, литографированной карикатуры (автор — тот же талантливый Юнклас), напечатан длиннейший текст под заглавием: "Донесеніе Британскаго Адмирала", следующего содержания: "Флагъ и оружіе Великобританіи озарены вновь неувядаемою славою! Въ исторію прибавляется еще блестящая страница!.. Послѣ продолжительнаго плаванія, ознаменованнаго препровождаемыми при семъ призами, состоящими изъ Чухонскихъ лайбъ съ рыбою, масломъ, солью и дровами, мы замѣтили наконецъ сильно вооруженную крѣпость, куда подъ защитою флотской канонады и бомбардированья произведена была высадка нѣсколькихъ полковъ. Встрѣченный многочисленный непріятель бѣжалъ въ крайнемъ безпорядкѣ, оставивъ на мѣстѣ множество убитыхъ тѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ между зданиями открытъ былъ цѣлый корпусъ арміи въ засадѣ, отъ куда коварный непріятель явно имѣлъ вѣроломное намѣреніе измѣннически отрѣзать насъ отъ берега и атаковать. Но мужественные войска наши, вдохновенные храбрыми начальниками и неустрашимымъ командиромъ, отступили во время и почти въ порядкѣ. Это блистательное обстоятельство нужно приписать отличной распорядительности командующихъ: Лорда В., Виконта С. и Милорда Л., испытанной твердости начальниковъ. Къ сожалѣнію нѣкоторые изъ храбрѣйшихъ въ пылу отваги, при отступленіи понесли тяжелыя контузіи въ спину, отъ звѣрски злобнаго непріятеля, не уважившаго даже переговорный нашъ флагъ, который мы употребили при отступленіи. Убитыми и ранеными очень немного. — Дондасъ. — При полученіи сего извѣстія въ Лондонѣ приказано палить изъ пушекъ и звонить въ колокола. Въ ратушѣ по этому случаю былъ балъ. Вечеромъ въ городѣ была иллюминація и въ театрахъ пѣли народный гимнъ. Въ парламентѣ было особое засѣданіе и прѣнія о наградахъ отличившимся, о мѣрах противъ неуваженія Русскими переговорнаго флага, о блокадѣ

Фотография А. Т. Рэйнэй.

нейтральныхъ береговъ и о дополнительномъ займѣ въ 25 милл. фун. стер., который къ общему удовольствію утвержденъ огромнам большинствомъ. На биржѣ курсъ поднялся неимовѣрно имянно до 99 1/2 процентовъ".

Эта, весьма забавная, артистически исполненная карикатура изображает придуманный художником случай, олицетворяющий, раздутые Западом, действия союзного флота на Балтийском море. С правой стороны картинки — в облаках порохового дыма — видны, красиво и со знанием исполненные, силуэты неприятельских кораблей, сильным огнем прикрывающие многочисленный десант; слева, на берегу, стоят две избушки и, между ними, висят две Русские военные шинели, каска и бескозырка. Союзники ведут ожесточенный бой не с Русскими солдатами, их на картине нет, а с разными домашними животными; на заднем плане, под напором высадившейся из лодок пехоты — в панике улепетывают стада гусей и куриц, во главе со свинками, а мирно проветривающиеся шинели — страстно защищаются брыкающимся ослом и бодающим козлом... Эту карикатуру, никак нельзя приурочить к какому-нибудь определенному событию, да еще в "Финском" заливе (такие цирковые сцены бывали в "Ботническом"), это юмористическая картинка высмеивает действия сильнейшего союзнического флота в Балтийском море — вообще (и что повторилось на Азовском море). Адмирал Дюндас, заменивший отозванного за "бездейст-

вие" адмирала Нэпира ("завоевателя" Аландских островов), — главным образом, целился на Кронштадт, но его мечта осталась мечтою.

11) Заглавие и текст: "Въ Бѣломъ Морѣ бомбардированіе Ставропигнальнаго Первокласнаго Соловецкаго Монастыря Двумя Англинскими паровыми Фрѣгатами съ Архимедовыми машинами Іюля 7-го числа 1854 го-

Фотография А. Т. Рэйнэй.

да. Замѣчанія которыя мѣста зданіи Монастырскихъ непріятель бросалъ бомбы. 1 Въ день празднованія Казанской Божіей Матери бомба пролетѣла на сквозь повыше Лика Божіеи Матери, Знаменія Пресвятыя Богородицы иконы эта надъ западными дверями въ большой холодной соборъ 4 на Никольской церкви здѣланъ небольшой проломъ и сорванъ желзный листъ спарядомъ, 7 въ Кладбищенской Церкви, находящейся замонастыремъ есть знакъ, что ядро навылетъ прошло. 9 Непріятель пускалъ бомбы въ часовни но оныя не попадали. 16. Пробивало крышу ядромъ и въ виду Крес наго хода, но никому вреда не причинило, всѣ сослезами и радостью шли по стѣнѣ. 6. Непріятельское судно пустило ядро в Св. ворота но непопало а въ стѣну, и стало продолжать бомбардировку 15 Гостинница замонастыремъ деревянная ни повреждена". — "Печатать позволя. Москва 13 Августа 1855 го. Цензоръ В. Флерофъ. Печатана въ Металографіи В. Зернова".

На этой гравированной картинке, в обычном лубочном стиле, очень выразительно представлены (как бы с птичьего полета) Соловецкий Монастырь и его окрестности, и бомбардирование его (номера текста точно указывают, куда попали снаряды) английскими вооруженными пароходами "Миранда" и "Бриск" в продолжении целого дня 7 июля, на что монастырские батареи отвечали орудийным и ружейным огнем. Повествования "Архангельских Губернских Ведомостей" и английское конечно не сходятся в изложении подробностей, но обе версии подтверждают, что защитники монастыря высадки не допустили и англичане удалились, дабы поживиться в незащищенных пунктах Северного побережья (см. первую картинку).

12) Заглавие и текст: "Дѣйствіе па Очаковском Мысу. 22 сентября. 4. непріятельскіе парохода приблизились къ Николаевской батареѣ, командующій отрядомъ Подполковникъ Головачевъ встретилъ калеными ядрами изъ орудій батярей, вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ огонь и флотилія изъ 5-ти канонерныхъ лодокъ подъ начальствомъ капитаномъ 2-го ранга Ендогурова. Въ дѣйствіе продолжавшиеся 3 1/2 часа Благочинный Очаковской — церкви Гаврило Сутковской прибывъ на батарѣю благословлялъ Крестомъ защитниковъ подъ непріятельскими выстрелами и помогалъ заряжать орудія". — "Печат. позволя... Москва 13 Августа 1855-го. Ценсоръ Н: фонъ-Крузе. Печата. въ Металлографіи В. Зернова М. П. вѣдом. Окт. 12 дн. 1854 года".

На этом гравированном лубке, слева изображено селение с каменными домами и церковью, жители стоят на улице. По низкому морскому берегу, за каменной стенкой — расположена 5-ти орудийная стреляющая батарея, около нее, верхом, подполковник Головачев. Священник О. Г. Сутковский, с крестом в руке, другой рукой подает бомбардиру ядро, справа — море и шагах в 130 от берега стоят 4 неприятельских стреляющих парохода (у одного — перебита мачта). Вдали, в клубах дыма, видна Ендогуровская флотилия из 5, тоже стреляющих, лодок. (Ссылка на "Московские Полиц. Ведомости" от 12 октября 1854 г. доказывает, откуда, автор лубков черпал сведения). К сожалению, я не нашел следов этого события ни в Русской, ни в иностранной литературе.

13) Заглавие и текст: "Взятіе Крѣпости Карса 1855 года. — Непоколебимое мужество храбрыхъ

Фотография А. Т. Рэйнэй.

Кавказкихъ Войскъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: 16-го Ноября крѣпость Карсъ сдалась Главнокомандующему Отдѣльнымъ Кавказкимъ Корпусомъ, Генералъ-Адъютанту Муравьеву. — Печ. позв. Москва 13

Генваря 1856 г. Цензоръ Н. Фонъ-Крузѣ. — Печ. въ Металл. А. Лаврентьевой, Москва 1856. Года.".

Навеянные этой короткой серией лубков, невеселые воспоминания отчасти рассеиваются при виде этой гравированной картинки, с изображением торжественной сдачи Карса ("необходимый *крупный козырь* для дипломатической игры...") Ген-Адъютанту Н. Н. Муравьеву-Карскому, награжденному орденом Святого Георгия 2 ст. Он, во главе своего штаба, сзади справа — шеренги пехоты и кавказских стрелков при знаменах и трубачах. Перед Муравьевым — многочисленная турецкая делегация, преподносящая ему крепостные ключи. Из крепости (над которой развевается уже Русское Знамя) движется безоружная турецкая колонна, сдающая свои знамена Русским солдатам.

Владимир фон-Рихтер

Статья уже была отослана в Редакцию, когда нам посчастливилось просмотреть очень редкое, роскошное 4-томное издание, включающее текст (по нумерации Ровинского) и многие репродукции, известного московского мецената-промышленника А. В. Морозова, озаглавленное "Каталог Русских потретов" (а параллельно — немецкое заглавие следующее: «Katalog meiner Sammlung russischer Porträts in Kupferstich und Lithographie...» Leipzig, 1913).

Богатейший Морозов, напечатавший этот каталог своего замечательного собрания Русских гравированных и литографических портретов почти через 25 лет, после появления в свет 2-томного "Подробного Словаря Русских гравированных портретов" Д. А. Ровинского (СПБ, 1889), как истый коллекционер (и соревнователь), приложил, конечно, все усилия, дабы "дополнить", "восполнить" и "исправить" Словарь своего маститого предшественника. Как часто случается — в морозовском издании не было многих листов, бывших в коллекции Ровинского (или описанных им по другим собраниям), но еще большим количеством он "перегнал" Ровинского. Здесь будет кстати отметить весьма существенную разницу между этими двумя источниками: Ровинский описал только гравированные портреты, а Морозов включил в описание и литографированные (конечно, и за 25 лет, число портретов, естественно, увеличилось).

Итак, мы обнаружили в морозовском каталоге описания трех крымских лубков, после описания которых, с несомненным удовлетворением, была поставлена пометка: "У Ровинского не описан". Эти три лубка еще раз подтверждают наше мнение о большой редкости писанной выше серии, ибо ни одного из наших лубков и Морозову достать не удалось; оказавшиеся же в его собрании — только восполняют описываемую серию. Первый из них, кроме того, исправляет выраженное нами мнение, что все крупные личности, на которых основывалась оборона Севастополя — были на лубках упущены. Вот эти три морозовских лубка, согласно их описания:

1) *Корнилов,* Владимир Алексеевич (1806-1854); вице-адмирал, знаменитый защитник Севастополя. Народная картинка в большой лист, гравированная резцом: "Бомбардировка Севастополя", и затем 6 строк описания большой бомбардировки в ночь с 4 на 5 октября 1854 года, когда Корнилов был смертельно ранен. Он изображен в тот момент, когда его раненого уносят с поля битвы. Цензурная пометка В. Флерова 14 февраля 1855 г. Печат. в металлогр. Еф. Яковлева (Ров. не описан).

Следующие два лубка являются только *вариантами* уже вышеописанных нами под номерами 2 и 12.

2) *Михаил Николаевич,* Великий Князь Генерал-Фельдмаршал и Наместник Кавказа с 1863 года по 1881. Родился в 1832 г. Двухлистовая народная картинка, гравированная резцом "1854-го года октября 24-го дня сражение при Севастополѣ во время большой вылазки... Их Императорския Высочества Великия Князья Николай Николаевичь и Михаилъ Николаевичь явили себя на полѣ битвы подъ сильнѣйшимъ непрiятельскимъ огнемъ... пубуждало всѣхъ и каждаго къ исполненiю священнаго долга Царю и Отечеству". — Издание металлографии А. Лаврентьевой. Цензурная пометка 31 декабря 1854 г. (Ров. не описан). (Под именем Великого Князя Николая Николаевича Старшего почему-то этот лубок не упомянут. В. Р.).

3) *Головачев,* подполковник конной артиллерии. Большая народная картинка, гравированная резцом, изображающая его подвиг. "Отраженiе 4-хъ англо-французскихъ пароходовъ на Очаковскомъ мысѣ Черного моря, 22-го сентября 1854-го года" и 6 строк описания. Напечатано в металлографии Еф. Яковлева ценз. пом. 16 октября 1854 г. (Ров. не описан).

Владимир фон-Рихтер

В 1910 году Офицерская Кавалерийская Школа праздновала свой 100-летний юбилей.

Преобразованная, в конце прошлого столетия генералом-инспектором кавалерии Великим Князем Николаем Николаевичем, она внесла единообразие в систему выездки лошадей и вместе с тем, практикуемая в Школе полевая езда, с преодолением очень серьезных препятствий, с резвыми пробегами на большие расстояния, выработали правильный взгляд на использование конского состава конницы, до этого несколько превратный. Она с гордостью могла обернуться на свою работу и в праве была отпраздновать свой юбилей торжественно. Государь Император проявил к Школе чрезвычайное внимание и оба дня празднования прошли в Высочайшем присутствии.

В первый день, 9 мая, весь состав Школы, состоящий из эскадрона Постоянного Состава, сводного офицерского эскадрона Переменного состава, взвода офицеров Казачьего отдела и сводного эскадрона Отдела наездников, в конном строю, отправился в Царское Село, где произведен был Высочайший смотр и прибивка нового штандарта.

Эскадрон переменного состава, в рядах которого находились офицеры различных гвардейских и армейских кавалерийских полков и конных батарей, в красивых формах, на отлично выезженных, высококровных лошадях, имея на правом фланге, в колете Л. Гв. Конного полка, Вел. Кн. Дмитрия Павловича, выглядел нарядно, а когда этот эскадрон проходил коротким галопом перед Царем, при чем все лошади, как одна, галопом с правой ноги, невольно в памяти вставала конница Императора Николая I на курцгалопе с быстротой движения, равной шагу гренадера.

Второй день празднества проходил в Петербурге, в манеже Школы. Торжество началось со сменной езды инструкторов, при чем вся смена, как и отдельные ездоки, показывала выездку лошадей на высшую школу. Следующие смены — переменного состава поражали необыкновенной стройностью эволюций и чистотой прыжков через барьеры. Отлично прошла езда смены наездников (нижних чинов, учеников школы), вольтижировка, джигитовка Казачьего отдела.

В программу вошли два номера, особенно заинтересовавшие гостей: красиво, на широком аллюре, развернулись две конных группы, по 12-ти офицеров в каждой, с надетыми на головы фехтовальными масками, на них развевались султаны, в одной групре белые, в противоположной — красные, Всадники ринулись друг на друга, сверкая эспадронами, стараясь сбить султаны белые у красных и наоборот. Долго продолжался финальный бой, хотя на одной стороне остался один, а его преследовали трое.

По окончании этого боя, в манеж влетела резвым галопом лошадь, в седле которой посажено было чучело, а ее атаковали всадники офицеры, один с пикой, другой с обнаженной шашкой, они стремились нанести удар, чтобы свалить чучело. Симпатии всех оказались на стороне свободно скачущей лошади, которая с удивительной находчивостью увертывалась от всадников, пока они ее не прижали в угол манежа и там пикой был нанесен сокрушающий удар по чучелу.

Приблизительно по такому же расписанию, ежегодно устраивался конный праздник в конце зимнего сезона, но в данном случае присутствие Государя прибавило воодушевление всем участникам. Государь пробыл до конца и только тогда, когда выехала в манеж парфорсная охота: дрессированная стая гончих, окруженных доезжачими в красных камзолах, Государь поднялся с кресла и, поблагодарив всех, направился к выходу, сопровождаемый криками "ура".

Будничная работа офицеров Переменного состава заключалась в езде и выездке, на младшем курсе трех, а на старшем четырех лошадей, затем фехтование, вольтижировка. Слушали лекции по истории конницы, тактике, артиллерии, подрывному делу, а также по конским наукам: теории верховой езды, иппологии, ковке.

Зимний сезон сменялся выходом в Красное Село в лагерь. Короткий курс топографических съемок, а в остальное время полевая езда по пересеченной местности, преодоление серьезных полевых препятствий, а на кругу, близь расположения Школы, возведенных по особому плану препятствий, спуски с крутизны, все это являлось подготовкой к парфорсным охотам, завершающим курс и на младшем классе, и при окончании Школы.

Много представлялось удобных случаев "закопать репу", что, по кавалерийской терминологии, означает падение с коня или с конем вместе. Падения регистрировались самими школьниками и облагались штрафом в размере рубля за падение. На средства "репного капитала", по окончании Школы, приобретались серебряные чарки, на одной стороне которой гравировались чин и фамилия, на другой рисунок репы, затем, дробь, в числителе количество падений владельца чарки, а в знаменателе — общее количество падений курса за два года, какое иногда превышало цифру 300, т. к. избежать паденье вместе с лошадью почти никому не удавалось. Падение с лошади нередко случалось в первичной стадии подъездки молодых еще совсем сырых лошадей, особенно астраханских дикарей (калмыцкой породы), кои, чтобы избавиться от всадника, проделывают курбеты, не хуже ковбойских мустангов —эти падения даже не регистрировались. Главный доход "репных капиталов" получался в лагерях и во время парфорсных охот в Поставах Виленской Губ., куда переезжала Школа, сначала младший курс на три недели, потом старший на шесть, — те и другие со своими собственными и казенными лошадьми.

"Поставы" — большое имение гр. Пшездецких, на обширных полях которого происходили парфорсные охоты.

Дом, где мы жили, почему-то называли замком, хотя по архитектуре он такового не напоминал. В некотором удалении от него построены были казармы, конюшни, загоны для гончих и зверинец.

С собаками шла серьезная работа по дрессировке их под руководством англичанина мистера Футтэр, в помощь ему назначались солдаты, коих называли "Футтэрами".

Любопытно понаблюдать кормление гончих. Г. Футтэр вызывал из стаи по одной, она послушно выскакивала, прыгала через барьеры и подбегала к кормушке. Выедала свою порцию, после чего вытирали ей губы. Реже г. Футтэр вызывал две, три собаки. Остальные терпеливо выжидали своей очереди.

Зверя тренировали на огороженном плацу.

Парфорсная охота-травля зверя до его изнеможения к нам пришла из Англии, и, если имела распространение в Западной Европе, то в России она не культивировалась.

Но помимо охоты по зверю, которая и является настоящей парфорсной охотой, в Школе, с учебной целью, устраивались охоты по искусственному следу, проведенному известным способом, обманывающим собаку, по заранее намеченному маршруту. Кроме естественных препятствий, на пути охоты, возводили разнообразные, полевого характера, препятствия, кои охотники должны были преодолевать. Комбинация этих препятствий в каждой охоте менялась.

Соблюдался установленный церемониал, побудка производилась по сигналу "Cors de chasse", назовем их охотничьими волторнами (без клапанов). Четыре волторниста играли отрывок красивого мотива из "Волшебного стрелка".

После утреннего завтрака мы все выходили из замка во двор, где нас поджидали поседланные лошади. Вестовой начальника охоты генерала Химец водил знаменитую "Примадонну", подарок Сомюрской Кавалерийской Школы, тут же стая гончих и, в своих красных камзолах, г. Футтэр и его помощники. Начальник охоты выходит. "Г. г. офицеры", и, после этого, мы садимся на коней и, в погожий осенний день, группа всадников, предшествуемая собачьей стаей, двигалась за начальником охоты, к определенному, заранеее назначенному пункту.

Среди нас и кандидаты на должность Командира Кавалерийского полка — для них это испытание физической пригодности. Может быть им совсем не весело участвовать в несколько рискованном спорте, принимая во внимание, что возраст армейских полковников нередко превышал 50, но, что касается нас, то эти охоты доставляли нам незабываемое удовольствие. "Земное счастье на спине у лошади", цитировал П. Н. Краснов, сам тоже с нами в Поставах.

Между прочим, некоторые полковники впали в мрачное настроение, одному мотив "Волшебного Стрелка" показался похожим на похоронный марш. Другой попытку мою сострить принял чрезвычайно рогато. Дело в том, что по искусственному следу было несколько направлений, изученных нами еще на младшем курсе; перед одной такой охотой я поинтересовался, в каком направлении будет сегодняшняя охота. Начальник курса ответил: "по терассам". Охота трудная "прыжки вниз" — это и есть терассы, кочковатое болото, перелески... Я довольно громко продекламировал:

"Много рыцарей прекрасных
Будет сорошено с коня..."

Ближайший ко мне полковник обернулся на меня и что-то неодобрительно пробормотал.

Как и нужно было ожидать, наши потери в этой охоте оказались значительными. Не успела еще охота двинуться вперед по команде Начальника охоты "напускай", как один незадачливый полковник опередил коня на прыжке вниз. Не обошлось и без курьезов, но все это послужило только предметом для шуток и темой для стихов, сочиненных П. Н. Красновым.

После нескольких охот, два полковника отчислились, решив ограничиться кандидатурой на должность воинских начальников.

Трудно было найти местность более поучительную для охоты: холмистая, с пахотными полосами по скатам холмов, образующих те терассы, о которых я говорил, тоже и кочковатое болото, перелески, озера, целые площади срубленного леса, ограды, дренажные каналы, валы с канавой, обрамляющие дороги, крутые спуски...

Со всеми этими "неприятностями" приходилось встречаться во время охоты по зверю, который самостоятельно выбирает направление, когда он несется, спасаясь от преследующих его гончих. Вот извлечение из журнала охоты:

Матерой зверь, выслеженный собаками и выгнанный из леса, хотел спасти шкуру, устремившись в рощу, бывшую в 2-х — 2-х с половиной верстах от леса, вел охоту очень резвым пейсом, но собаки не дали ему спрятаться в рощу и выгнали его на открытую местность, представлявшую собой срубленный лес, заставив охотников или лавировать между пнями или прыгать через них. Добежав до озера, зверь кинулся вплавь, за ним собаки, охотники искали брода. Вода в озере, в броде, достигала коленей всадников. Охота кончилась в 16 верстах от начального пункта. (Редакцию я конечно не мог запомнить буквально).

Прочтя эту запись, ротмистр старого времени наверно найдет ее "жюльверноватой".

Вообще говоря, во время охоты по зверю нужно соблюдать правило: холодно горячиться. С одной стороны необходимо разбираться во время поисков зверя собаками в собачьих переговорах, выждать, не носиться бесцельно за собаками, не топтать собак, что считается "уголовным преступлением", также, как затирать след. Неумелые охотники могли совершенно испортить охоту, так приключилось однажды, до 7 ч. вечера продолжалась охота и зверя упустили: собаки то находили его следы, то теряли.

С другой стороны требуется зорко следить, чтобы не пропустить момента, когда собаки нагнали зверя

в "зрячую" и скакать, наметив кратчайшее направление или наперерез, или вслед гону, вот тут - то встречаются неожиданно препятствия и, если вы преувеличиваете спокойность вашей лошади, то неминуемо ляжете с ней костьми на радость нашего присяжного фотографа шт.-ротм. Далматова — он всегда оказывался там, где случались "интересные" падения. Их попадало на пленку немало, когда охотники входили в азарт.

Собаки сильно переживали охоту, одна старательная собака, при гоне в "зрячую" погибла от разрыва сердца.

В конце концов, зверь загнан, со всех сторон подскакивают участники охоты. Начальник охоты, выждав минуты две-три, громко возглашает "Ала-ли", и те, кто прибыли к месту конца охоты, к этому времени, получают сосновую ветку с пуговицей — знак выполнения охоты. Прибывший первым считается "королем охоты".

По возвращении с охоты, "король" приветствует всех вином, ходит в круговую кубок, изображающий голову оленя, и иной раз бывало по поговорке: "день служба Царская, а ночь гусарская".

Королевская эмблема — часть ноги загнанного зверя. Такой "варварский" обычай ведется издавна.

Возвращение с охоты всегда веселое, идут обсуждения перепетий охоты, иногда, может быть подперченные фантазией.

Случались и неудачные охоты, об одной я уже упомянул. Другая: зверь не пожелал обратиться в бегство, а намеревался посадить собак на рога, собаки облепили его и охота кончилась, не начавшись.

Воспитательное значение этого барского спорта признано было столь полезным для конницы, что, начиная с 1910 года, ежегодно, осенью, генерала Химец командировали в место расположения кавалерийских дивизий. К нам в 4-ю кавалерийскую дивизию, в 1913 году прибыли ген. Химец, адъютант Школы бар. Таубе, комендант Постав, ротмистр Воликовский, г-н Футтэр с собаками и один обреченный зверь. Во время охоты на зверя неопытность ездоков обнаружилась большим числом падений (до 20 процентов) участников.

Продолжая свое повествование о потонувшем мире, возвращаюсь вновь в Поставы.

В Поставах, в промежутке между охотами производилась проездка лошадей, затем досуг наш заполнялся разными спортивными развлечениями и конкурсом игры на биллиарде. Для конкур-иппик, построили головоломные препятствия. Устраивалось спортивное состязание "Course aux cloches", состязание, собственно говоря, интересное для флиртующих пар, кои сознательно не желают понять, откуда раздается звон колокола, куда, по условиям состязания, они должны стремиться, но у нас в школе, при отсутствии дамского элемента, желание прискакать первым, в крайности вторым, к месту "колокольни", вызывало соревнование. Моим дополнительным развлечением послужили поездки к знакомому помещику потравить зайчиков. Ездил я вместе с кн. К. А. Тумановым, полковником Нижегородского драг. полка и наш выезд назывался "автомобиль Его Сиятельства". На фотографии крестьянская фурманка, запряженная лохматой лошаденкой, сидим кн. Туманов и я, на козлах унылый литовец. Другая фотография: та же фурманка без пассажиров, возница держит под уздцы своего испуганного коня, а через повозку прыгает всадник, пример "прыжкомании"; заразились от Пинерольской Кавалерийской Школы в Италии, которой наши школьники не хотели уступить в смелости и искусстве. Итальянцы нам прислали увеличенную фотографию, сидящих вокруг длинного стола офицеров, на столе бутылки, стаканы. Прыгает через стол, в том месте, где стол никем и ничем не занят, итальянский офицер, сидя на очень нарядном коне.

Решено ответить им тем же, но с того места стола, через который прыгает наш всадник, на гунтере, не убрали бутылок и бокалов. Снят чистый прыжок, не опрокинуто ни одной бутылки, ни одного бокала.

Одно время происходил оживленный обмен снимками. Состязались и в спуске с крутизны, но тут прибегали к трюкажу, мастерству фотографа. Всадник лежит спиною на крупе лошади совсем отдавши повод, лошадь на подобранных задних ногах, как на салазках, съезжает с крутизны, поддерживая равновесие передними ногами. Это все, что полагается, но на фотографии получается впечатление, будто лошадь сползает по отвесной стене.

Итальянская школа широко рекламировалась на экране, но фотографии из жизни нашей школы находили место лишь в частных альбомах, по причине общей неосведомленности, и могла появиться в русской газете, правда уже в эмиграции, статья, в которой приписывалось Жоржу Клемансо, любителю верховой езды, авторство книги о верховой езде, будто изданной под псевдонимом Джемс Филисс. Если бы бойкий репортер перелистал страницы этой книги, которая в действительности существовала, то сразу бы наткнулся на портрет автора книги Джемса Филиса, снятого верхом на коне "в движении", или "галоп назад", или "испанский шаг".

Джемс Филисс — главный инструктор Школы и его система выездки лошади принята во всей Русской коннице.

Эта система была известна и в спортивных кругах Франции, а ее практическим пропагандистом до сих пор является ген. А. А. Губин. Мы — его ученики в Школе почитали его как прекрасного ездока, знатока лошади и инструктора высшей марки, и нисколько не удивляюсь его блестящей карьере во Франции, в этой области.

А. Левицкий

Царский смотр

29 октября 1904 года, в 5 часов утра, полк покинул свои уютные и теплые казармы и вышел в темноту и густой туман, следуя из Двинска, через пехотный лагерь, на девятый участок, большое ровное поле за пехотным лагерем, где полки 25-й дивизии, будучи в лагере, производили полковые и батальонные занятия, где предстоял Царский смотр.

Уже было почти светло, когда по разным дорогам полки 25-й пехотной дивизии подходили к 9-му участку, который быстро покрывался стройными квадратами батальонов. Дивизия вытянулась для Высочайшего парада в одну линию, фронтом к реке Западной Двине, имея на правом фланге Лифляндцев, левее которых стали Юрьевцы, Ивангородцы, Островцы, 25-я артиллерийская бригада, обозы, полевые госпиталя, словом все, что уходило на войну из Двинска.

Из свинцового, мрачного неба моросил осенний мелкий дождик.

С трех сторон 9-го участка, по опушке леса, стояла густая, темная и широкая полоса народа, который пришел из Двинска и окрестных деревень посмотреть на своего Государя и как Он прощается со своими войсками, которые отбывают на войну.

Ровно по расписанию, к десяти часам утра, громкое ура со стороны лагеря оповестило о приезде Царя, который подъехал к полю в открытой коляске.

Когда Государь сел верхом на коня и стал подъезжать к параду, то начальник дивизии, привстав на стременах и, подняв обнаженную шашку над головой, зычным своим голосом скомандовав:

— Дивизия смирно! По полкам слушай на кра-ул! — плавно поскакал навстречу Государю.

И словно повинуясь просьбе, легкий и прохладный ветерок разорвал темные тучи и озарило парад ясное солнышко, лучи которого заиграли на стали клинков и штыков.

После команды командира полка: "шай на... кра... ул!"— полк дрогнул, в два приема, повернув головы в сторону Государя.

Знамя склонилось.

На правом фланге полка полились дивные и могучие звуки гимна *"Боже Царя храни"*.

На темно-гнедом и спокойном коне, в скромной стрелковой форме, Государь медленно подъехал к полку, сопровождаемый блестящей свитой. Государь поздоровался с полком, негромко сказав:

— Здравствуйте Лифляндцы!

Дружный ответ и могучее ура разнеслось по полю и эхом ударилось о темный лес за Двиной.

После объезда нашего полка, Государя встречали Юрьевцы, Ивангородцы, Островцы, Артиллеристы и остальные части дивизии.

Объехав фронт, Государь остановился перед полком. По команде командира полка, полк снял папахи и стал на колени.

Государь не торопясь снял белую перчатку с правой руки, потом снял стрелковую фуражку, которую прижал левым локтем к эфесу шашки и принял от дежурного флигель-адъютанта золотой "Нерукотворенный образ Спасителя", благословил полк на далекий поход и на боевую службу.

Когда 1-й и 2-й батальоны повернулись фронтом к 3-му и 4-му батальонам, Государь, проезжая между батальонами, спокойным голосом сказал:

— *Послужите России и мне,* — произошло что-то невероятное.

Вслед за Государем двинулись Лифляндцы, стройность шеренг нарушилась, папахи полетели вверх, ура неслось по полю и только резкий сигнал к церемониальному маршу возобновил порядок и тишину.

Полк, перестроившись, подходил к линии жолонеров. По команде "прямо", я правым локтем оторвался от линейного и не замечая своего шага, как бы на крыльях, легко проходил мимо Того, Кто посылал нас на войну, Кто ждал от нас верной службы и Кто печалился за нас.

Впиваясь в Него глазами, я ясно видел, как Государь поднял правую руку, в белой перчатке, к козырьку фуражки с малиновым кантом, и как крупные слезы падали на пальто стального цвета.

Царское спасибо слабо долетело до меня, заглушенное староегерским маршем.

Когда полки стали по своим местам, Государь пересел в коляску и под громкий крик "ура" войск и народа покинул девятый участок.

После обеда и отдыха, полк возвращался в казармы. Роты песен не пели. Каждый из нас остро переживал сегодняшний Царев парад.

И нередко в далекой и неприветливой Манчжурии, по землянкам на сопках, старые Лифляндцы баяли молодым о том, как Царь завещал послужить *России* и *Ему*.

К. Лейман

От издательства „Военная Быль"

В виду общего повышения цен и крайне затруднительного материального положения издания журналов «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» и «ВЕСТНИК», Издательство очень просит всех подписчиков, не внесших еще своей подписной платы за 1958 год, озаботиться внесением таковой, незамедлительно. Наших Представителей, не расчитавшихся с Издательством за много номеров, убедительно просим поторопиться с этим расчетом.

Воспоминания участника в боях под Ахалцыхом

К концу июля месяца 1828 года, перед Русским действующим корпусом выдвигалась обстоятельствами трудная задача, от решения которой зависела вся дальнейшая судьба войны.

Позади был уже ряд совершенных подвигов: перед могуществом войск склонился неприступный Карс, пали крепости Ахалкалаки и Хортвис; но впереди лежало неизвестное будущее, там, вдали, стоял грозный Ахалцых, исконное гнездо разбойничьего племени.

Как ни испытано было мужество кавказских войск, как ни был поднят дух их предшествовавшими, славными делами, но покорение Ахалцыха едва ли не превышало силы малочисленного, восьмитысячного Русского корпуса; по крайней мере оно обещало ему чрезмерные трудности.

Ахалцых, по-турецки "Ахизка", т. е. сильная крепость, стоя на высоком утесистом берегу Ахалцых-чая, сам по себе был почти неприступен. Кроме того, он был окружен страной, населенной народностями чрезвычайно воинствеными. Карапапахи, лазы, курды, туркмены, жившие здесь, были бесстрашными суровыми воинами, привыкшими жить грабежами и разбоями.

По системе, принятой турецким правительством, мусульмане ахалцыхской провинции освобождались от всех податей, но зато были обязаны иметь исправное вооружение и, по первому требованию, являться в поле. Христиане и евреи не участвовали в этих народных ополчениях; они отбывали подать за всех и сверх того платили по червонцу с души, на содержание войска. Таким образом, Ахалцыхский пашалык резко отличался от соседнего с ним пашалыка Карского, где мирное население или вовсе не принимало участия, или принимало только пассивное участие в обороне родины.

Турки, с самого начала, увидели выгоду иметь на самой границе такое крепкое гнездо предприимчивых и храбрых людей, и старались, всеми мерами, поддерживать здесь прилив воинственного населения. Сюда и бежало все, что не хотело подчиниться Русским порядкам, что искало спасения от кары закона. Отсюда также высылались беспрестанно мусульманские проповедники, возбуждавшие мятеж среди подвластного России татарского населения и служившие сильнейшим тормозом к утверждению Русского владычества над Кавказом. Но зато буйные обитатели Ахалцыхского пашалыка знали себе цену и ни во что не ставили турецкое правительство. Султаны оставили его в покое, довольствуясь добровольным подчинением себе грозного Ахалцыха. Зато и Ахалцых служил твердым оплотом малоазиатских провинций.

С этими-то воинственными племенами Паскевичу и предстояла теперь кровавая борьба.

Правда, из пяти крепостей в пашалыке — две, Ахалкалаки и Хортвис, уже находились в русских руках, но оставались непокоренными еще три: Ацхур, закрывавший вход в Боржомское ущелье; Ардаган, на пути к Арзеруму и, наконец, самый Ахалцых, гордо хранивший память о том, как за 19 лет перед сим он устоял перед напором русской силы, когда подходил к нему сам Тормасов. Событие это утвердило Ахалцых в мысли, что он никому, кроме самого себя, покоряться не будет. Ряд поражений, понесенных турецкими войсками в последнее время, не заставили его серьезно взглянуть на предстоящую ему борьбу; напротив, падение Карса, Ахалкалаки и Хортвиса только подняло его гордость и породило презрение к побежденным. В порыве первой ярости жители выгнали своего правителя, военное дарование которого возбуждало сомнение, и послали сказать Киос-Магомет-паше, спешившему к ним на помощь:

— В наших стенах более десяти тысяч храбрых воинов-защитников и потому не нуждаемся в помощи твоих воинов, которых трудно будет продовольствовать, сами выдержим все усилия русских.

И Ахалцых, уверенный в самом себе, спокойно выжидал прибытие русских войск, которые уже двигались к крепости.

От Ахалкалак к Ахалцыху вели две дороги: одна, окружная в 160 верст, удобная для колес и изобильная пастбищами, шла на Ардаган; другая, кратчайшая, имела всего верст 60, но зато проходила через высокий лесистый хребет Цихеджварο, по таким местам, где до сих пор не только не проезжало ни одной арбы, но и вьючная езда считалась неудобной. Несмотря, однако, на все неудобства и трудности упомянутой дороги, Паскевич избрал именно этот последний путь, так как кратчайшее расстояние давало ему возможность предупредить армию Киос-Магомета под Ахалцыхом и взять крепость ранее прибытия к ней турецких подкреплений; между тем, двигаясь по дороге через Ардаган, он безусловно должен был столкнуться с этой армией, и тогда движение к Ахалцыху могло бы быть гарантировано только при условии полного поражения Киоса-Магомет-паши. В виду таких соображений, поход на Цихеджваро был решен окончательно и русский корпус выступил изпод Ахалкалак 2-го августа.

Но едва войска сделали один переход, и Цихеджварские горы приняли их в свои грозные каменные объятия, как предусмотрительность Паскевича начала оправдываться: получены были известия, что Киос-Магомет-паша, спустившись с Саганлугских гор и оставив Карс в стороне, спешно идет к Ардагану с тем, чтобы предупредить Паскевича под Ахалцыхом. Известия эти шли от карапапахов. Паскевич тотчас отправил к ним прокламацию, приглашая весь карапапахский народ вступить в русское подданство. Карапапахи ответили, что охотно приняли бы такое предложение, если бы не угрожало им прибытие турецких войск, которые идут в числе 30 тысяч человек при 15 орудиях.

Известие о Киос-паше чрезвычайно усложнило по-

ложение русского корпуса и вновь выдвинуло на сцену вопрос о выборе дороги.

Явилось опасение, что турки, заняв Ардаган, вышлют особый отряд преградить прямую горную дорогу к Ахалцыху, а в этом случае малочисленный русский корпус, застигнутый со своими тяжелыми обозами посреди утесистых гор и лесных дефиле, рисковал очутиться в самом невыгодном положении.

Естественно поэтому было подумать, не идти ли сначала на Ардаган, чтобы разбить турок в полевом сражении и отбросить их к Карсу, за твердое положение которого можно было ручаться.

С другой стороны, возникали подозрения в верности самих известий: карапапахам не трудно было выдумать их, чтобы найти благовидный предлог избегнуть русской зависимости. А в этом случае, идя на Ардаган, Паскевич бесполезно терял драгоценное время и, действительно, мог дать туркам возможность подоспеть на помощь к Ахалцыху. Колебание, однако, продолжалось недолго.

При невозможности послать к Ардагану сильные кавалерийские партии, Паскевич решил отправить ночью, для проверки известий, переводчика капитана Шемир-Беглярова, а корпусу приказал идти напрямик через горы.

Хребет Цихеджваро поистине один из самых недоступных отрогов Малого Кавказа. Таких гор нет ни в Армении, ни в Грузии.

Там, не исключая заоблачного Безобдала, существуют хотя какие-нибудь арбяные дороги, а здесь не было даже вьючных.

Чтобы отважиться на такой поход, нужно было иметь, действительно, глубокую веру в мощную натуру кавказского солдата.

И в военной истории немного найдется примеров, где бы усилия человека, до такой степени, торжествовали над преградами, воздвигаемыми ему природой. Без путей и дорог прошла русская армия через высокие горы, где ходили лишь тучи, да гуляли вольные ветры, и через дремучие, веками нетронутые, леса, где каждый шаг добывался тяжелыми усилиями.

Целая гренадерская бригада, вместе с пионерным батальоном, высланная вперед, прямо из Хортвиса, два дня разрабатывала лесную тропу, то лепившуюся по крутым скатам над страшными безднами, то спускавшуюся в такие трущобы, откуда, казалось, не было выхода. По этой то, прорубленной войсками, дороге, среди густого леса, тянулась в гору осадная артиллерия и скрипели арбы ее тяжелого и длинного парка.

К каждому орудию пришлось назначать по 200 человек рабочих, даже легкие повозки и те тащили на канатах или же подвязывали к их колесам огромные сосновые деревья, которые, волочась по земле, служили тормозами и сдерживали их при спусках. По словам одного очевидца, при одном крутом повороте, на спуске, 24-фунтовая пушка, вырвавшись из сильных рук 120 гренадер и опрокинувшись, своею страшною тяжестью исковеркала железные дроги, на которых лежала, раздавила дышловых лошадей и, покатившись вниз, вырвала с корнями две вековых сосны. Испытанная выносливость кавказского солдата не раз подвергалась здесь тяжким испытаниям, но она все превозмогла и вышла победительницей из борьбы с самой природой. Довольно сказать, что по этой ужасной дороге, войска в три дня, без роздыха, прошли более 60 верст, и 3-го августа, в лучах уже заходившего солнца, перед ними открылся Ахалцых, подобный орлиному гнезду, висевшему на неприступных утесах.

Авангард, спустившись с гор, стал на правом берегу Куры. За ним постепенно подходили остальные войска.

Невесело, кровавой полосой, захватывавшей собою пол-горизонта, спускалось солнце за угрюмые вершины окрестных гор.

Вокруг русского стана запылали костры из сухого кустарника и срубленных смолистых сосен, и скоро под ними, черными облаками, закрутился дым. Утомленные солдаты, в ожидании ужина, дремали; не слышно было ни песен, ни музыки; и только с глухим рокотаньем, будившим сонное эхо, падали горные ручьи на дно глубоких оврагов, да на вершинах гор, тихо качаясь, шумел сосновый, вековечный лес; а из-за леса плавно поднималась молодая луна и кидала робкий свет на тихий сон Кавказского корпуса.

Во всю эту ночь, тяжести тянулись еще через горы. Последний обоз и арьергард переправились только под самое утро и нашли русский корпус, уже стоявший лагерем на берегу Куры, в шести верстах от Ахалцыха.

Только здесь явился, наконец, из своей опасной поездки капитан Бегляров; он категорически объявил Паскевичу, что на помощь карапапахов рассчитывать невозможно, что Киос-паша уже прошел Ардаган и сегодня, т. е. 4-го августа, должен быть в Ахалцыхе. Отдаленные залпы крепостных орудий не замедлили подтвердить это известие. Было ясно, что турки предупредили русский корпус, что силы и средства их учетверились против тех, которые надеялся найти в Ахалцыхе Паскевич, и что теперь придется иметь дело уже не с одним гарнизоном.

Положение русских было тем опаснее, что ожидаемые подкрепления еще не пришли, и под Ахалцыхом стояло не больше восьми тысяч штыков; эти штыки были ермоловского закала, вернувшиеся из Персии, испробованные в Карсе, но все же их было слишком мало против сорока тысяч отважных людей, прикрытых грозной крепостью. Правда, из Грузии через Боржомское ущелье форсированным маршем уже двигались, на соединение с Паскевичем, шесть рот Херсонского гренадерского полка и полк донских казаков с четырьмя орудиями, но и эти силы прибавили бы к корпусу всего 1.800 человек, да и прибыть они могли не ранее 7-го августа.

К полудню, гул пушечных выстрелов, которыми крепость, вероятно, встречала прибывших пашей, смолк. Но в сумерках поднялась сильная ружейная перестрелка за Курою — турки напали на русских

фуражиров. Малочисленное прикрытие во-время, однако, заметило врагов и приняло их огнем и штыком. Чтобы ночью не повторилось тревоги, батальон егерей, под командою подполковника Миклашевского, переправлен был за Куру и на одной из высот заложил редут. Предосторожность оказалась далеко не лишней, и редут пригодился на следующее утро.

Наступило 5-е августа. Солнце застало Паскевича на высокой горе, откуда он долго и внимательно рассматривал в зрительную трубу окрестности Ахалцыха. Оставаться на позиции, не имевшей даже достаточного количества пастбищ, казалось еще опаснее, чем идти вперед, и Паскевич решился подвинуться к городу, чтобы, по крайней мере, иметь за собою большее пространство для фуражировок. Оставив на прежнем месте вагенбург, под прикрытием 42-го егерского полка с 12-ю орудиями, он приказал остальным полкам переправляться на левый берег Куры. Переправа началась в 10 часов утра; быстрая вода подходила солдатам под мышки, и тем не менее, под прикрытием поставленного на том берегу редута Миклашевского, войска перешли через реку в стройном порядке.

Неприятель, попытавшийся помешать переправе, попал под пушечные выстрелы с редута и, отодвинувшись к городу, расположился на высотах, по обе стороны Ахалцых-чая. Русские войска также остановились. Был полдень, солнце палило невыносимо; солдаты составили ружья в козлы и отдыхали под прикрытием густой завесы стрелков. Конныя толпы турок дерзко наездничали перед русской цепью, но стрелкам не велено было завязывать боя.

Между тем, осматривая окрестность, Паскевич остановил внимание на высоком холме Таушан-тапа, который командовал крепостью. Туда и назначено было вести главную атаку.

— Если нам удастся овладеть этой высотой, — сказал Паскевич окружающим его генералам, — то лагерь наш будет вполне обеспечен.

В четыре часа пополудни, когда жара спала, колонны стали в ружье и, с барабанным боем, двинулись вперед. 16 батарейных орудий рысью выехали на высоту и открыли учащенный огонь по турецким батальонам, стоявшим в поле. Турки отступили; часть их потянулась в крепость, другая на противоположный берег Ахалцых-чая. Пока русская кавалерия с конной артиллерией преследовала отступающих, пехота беспрепятственно заняла Таушан-тапу, лежавшую на пушечный выстрел от крепости, и Паскевич тотчас приказал заложить на вершине ее редут, чтобы прочно удержать за собою эту возвышенную позицию. Позади этого холма, на левом же берегу Ахалцых-чая, в двух с половиной верстах против восточного фаса города, решено было поставить лагерь, и вагенбургу послано приказание следовать туда же.

Прикрытый со стороны Ахалцыха сильным редутом, на высоте Таушан-тапа, русский лагерь не был, однако, обеспечен с левого фланга. Местность противоположного правого берега Ахалцых-чая, изрытая оврагами, позволяла туркам делать засады и незаметно подкрадываться почти к самым палаткам. Чтобы избежать этого серьезного неудобства, Паскевич выдвинул на правый берег батальон егерей с подполковником Миклашевским, приказав ему заложить новый редут так, чтобы преградить дороги, выходящие из гор со стороны небольшой подгорной деревни Марда.

На правый берег отправлен был и сводный кавалерийский полк, из дивизиона драгун и дивизиона улан, под общей командой полковника Раевского.

Было шесть часов вечера. Неприятельская конница держалась на высотах, примыкающих к городским палисадам, и пряталась в оврагах. Но едва переправа и движение русских обозов к новому лагерю обозначились ясно, как вся масса этой конницы тронулась вперед, по обе стороны Ахалцых-чая, и вдруг понеслась в карьер, стараясь с двух сторон прорваться к вагенбургу.

Четыре тысячи турок обрушились на правый фланг русской позиции, где стояла батарея, под прикрытием Эриванского полка.

Встреченные картечью и беглым огнем двух батальонов, они круто повернули влево, чтобы проскочить лощиной, и наткнулись на батальон Грузинского полка, стоявший также с батареей на самой оконечности правого фланга. Два казачьих полка и татарская конница насели на бегущих и взяли знамя.

На левом фланге, за рекой Ахалцых-чаем, шло, между тем, также жаркое дело. Едва егеря Миклашевского приступили к работам редута, как должны были сомкнуться в карэ, чтобы отбить атаку несущейся на них кавалерии. Батальон устоял, но одна атака сменялась другой и, в конце концов, егеря рисковали быть раздавленными, если бы не помогла удачная стрельба четырех орудий, бывших под командою гвардейской артиллерии поручика Черневецкого.

А тут вскоре подоспел на помощь и батальон Эриванского полка, бегом направленный Паскевичем с правого фланга.

Заметив его приближение, неприятель отхлынул от егерей, и теперь всей массой обрушился на подходившие сюда же эскадроны Раевского. Завязалось жаркое кавалерийское дело.

Отправленный с места еще при самом начале боя, Раевский взял направление как раз во фланг неприятеля. Однако, неровная местность, овраги, крутые подъемы и спуски замедлили несколько движение конницы, и едва головные части ее стали вытягиваться из глубокого, длинного оврага, на высоты левого берега, как турки понеслись к ней навстречу. Раевский с своей стороны подал сигнал, и первая линия пошла в атаку. Командир сводного уланского полка, Анреп, сам вел Серпуховский эскадрон и врезался в густые толпы неприятеля.

Весь левый фланг турок был опрокинут и прогнан к Ахалцыху. Занятые горячим преследованием, уланы не могли видеть, что делалось позади их, а там совершалась кровавая катастрофа.

4-й эскадрон Нижегородского полка, пок коман-

дой майора Казасси, бросившись вперед одновременно с уланами, смял правое крыло неприятеля, но увлеченный погоней, занесся слишком далеко и был окружен тысячными толпами турок. Храброму эскадрону приходилось рассчитываться за свое увлечение. Видя, что в конном строю устоять невозможно, драгуны, не теряя мужества, спешились, сомкнулись в кружок и несколько минут держались в таком положении. Но ряды быстро редели, убитые кони расстраивали круг, оборона слабела, и эскадрон, держа в поводу лошадей, медленно стал отодвигаться назад, теснимый толпами неприятеля.

Только одна минута колебания и гибель стала бы неизбежной. Но колебания не было. Бегом подоспел сюда батальон Миклашевского, во весь опор, прискакал из 2-й линии 3-й эскадрон Нижегородского полка с подполковником Андронниковым и картина боя мгновенно изменилась. Освобожденный от натиска, эскадрон Казасси быстро сел на коней и оба эскадрона разом ринулись на массу конных турок.

Не долог, но упорен был бой. Все перемешалось в одну общую кучу. Не было счету геройским подвигам одиночных драгун, с редким самоотверженнем выручавших друг друга в этой неравной сече. Прапорщики Петренко и князь Чавчавадзе (Язон) пробились до самых знамен, увлекая за собой эскадроны. Лошадь под Чавчавадзе изранена, переменить ее было некогда и он рубится на ослабевшем, покрытом кровью коне, рискуя ежеминутно, что не выдержит добрый карабахский конь и рухнет вместе со всадником наземь, под конские копыта...

Вот толпа конных турок навалилась на прапорщика Буткевича. Издали видно только, как, сверкая на солнце, поднимаются и опускаются вражеские сабли. Рядовой Макаров (из разжалованных) бросается к нему на помощь; он уложил двух-трех турок, но не спас своего офицера, и вынес только изрубленное тело его.

В другом месте, какой-то отчаянный турецкий наездник, врезавшийся в ряды эскадрона, крушит все, что попадет ему под руку; он уже изрубил двух драгун и насел на третьего, как прапорщик Попков смертельным ударом сабли повергает его на землю. Здесь какой-то драгун схватился один с целой массой курдов, но на помощь к нему летит прапорщик Чавчавадзе 3-й (Спиридон), он разгоняет курдов и вырывает из их рук драгуна, уже раненого тремя ударами пик. Под другим Чавчавадзе (Романом) убита лошадь, он пеший отбивается над трупом ее один от целой кучи врагов... Его выручают драгуны. Там офицер спасает солдата, здесь солдат умирает за своего офицера...

Не выдержали турки боя с этими сказочными, сверхестественными бойцами, и тысячи их, объятые страхом, бежали перед двумя эскадронами. Драгуны, врезываясь в толпы их, рассчитывались теперь за свою первую неудачу.

Между тем, в то время, когда большая часть кавалерии уже введена была в дело и в резерве оставался только один эскадрон Борисоглебского уланского полка, стоявший под начальством ротмистра Лау во взводной колонне, новая двухтысячная толпа турок, никем незамеченная, скрыто пробралась глухим, бездорожным оврагом и вдруг выдвинулась в тылу борисоглебцев. От этой минуты зависело все. Дрогни Борисоглебцы и русский корпус потерял бы половину своей кавалерии: расстроенная боем, стиснутая двумя живыми стенами, с фронта и с тыла, она неминуемо погибла бы в жестокой сече одного против пятнадцати.

Но ротмистр Лау был отличный офицер, обладавший необыкновенным спокойствием духа. Внезапность его не озадачила.

— Назад строй эскадрон! — скомандовал он ровным, спокойным голосом, и эскадрон, в карьер, как на учении, исполнил построение и стал как вкопанный лицом к неприятелю.

Еще секунда — прозвучала труба, пики наклонились, и эскадрон ринулся "с места марш-марш".

Турки, пораженные моментальным превращением маленькой кучки людей в стройный развернутый фронт эскадрона, стремительно несущийся прямо на них, с наклоненными пиками, повернули назад и беспорядочной толпой кинулись в ту же лощину, из которой выскочили. Уланы пронеслись за ними почти вплоть до оврага. Но вот эскадрон круто осадил лошадей, стройно заехал назад, свернулся, на походе, опять во взводную колонну, и ротмистр Лау рысью отвел его на прежнее место.

— Стой — равняйсь! Пики по плечу! — И эскадрон стал, точно за минуту перед тем и не готовился вступить в упорную битву с сильнейшим врагом...

Главнокомандующий с высокого кургана видел это молодецкое дело и в подвиге храброго ротмистра справедливо оценил больше всего то, что, не увлекаясь бесцельной погоней, он поспешил возвратиться к прямому своему назначению — служить поддержкой для первой линии.

Дело ротмистра Лау было эпилогом, закончившим бой 5-го августа. Быстро спускавшаяся ночь разъединила боровшихся противников. Преследование мало-по-малу прекратилось, и Нижегородцы вместе с Серпуховскими уланами, на взмыленных, измученных лошадях, вернулись в лагерь.

Свели счеты и оказалось, что вся потеря в корпусе не превышала 44 человека, выбывших преимущественно из эскадрона майора Казасси.

Горсть русской кавалерии, сражавшаяся на левом фланге, покрыла себя в этот день блестящей славой. Сам Паскевич писал к Государю, что кавалерийский бой 5-го августа есть один из тех редких случаев в военных событиях, который обращает на себя особое внимание и даст настоящую меру для определения превосходной храбрости полков Нижегородского драгунского и сводного уланского.

Не могли не признать этого и враги, участвовавшие в битве. Когда, по окончании сражения, главнокомандующий спросил одного из пленных карапапах-

ских старшин: "как действовала русская конница?" Тот отвечал:

— Мы прежде рубили ваших казаков, а сегодня, одетые в какие-то белые балахоны, они без страху лезли вперед, и против них устоять было невозможно.

Карапапахский старшина простодушно полагал, что донские казаки, которых они встречали при вторжении в Грузии единственная русская конница, и драгуны с уланами, сражавшиеся в летних кителях, казались ему все теми же донскими казаками.

Кавалерския дума нашла походного атамана генерал-майора Дернова, полковника Анрепа, майора Казасси и ротмистра Лу достойными ордена Георгия 4-й степени. О подвиге Раевского Паскевич свидетельствовал перед Государем, ходатайствуя о награждении его орденом св. Георгия 3-го класса, но Государю угодно было заменить эту награду чином генерал-майора.

Битва 5-го августа была заключительным актом тяжелого похода к высоким стенам Ахалцыха, но в то же время она является первым звеном к цепи предстоящих кровавых событий. Над осажденной крепостью и над русским лагерем ангел смерти уже простирал свои мрачные крылья.

Из военного архива Подполк. *Д. Сейфуллина*

ОБЗОР ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ

О КНИГЕ Г. В. МЕСНЯЕВА

Я пишу эти строки, чтобы горячо рекомендовать вниманию читателей недавно вышедшую в свет книгу Г. В. Месняева: "За гранью прошлых дней". Прозведение это замечательно во многих отношениях, и я читал его с глубоким волнением: от самого начала и до конца, книга эта овеяна и проникнута дыханием подлинного романтизма и поэзии, от которых нас, в течение последнего полувека, старательно отучали многие из Русских писателей. В своем художественном подъеме Месняев достигает местами — с полной оригинальностью и без всякой подражательности — подлинных высот, не уступая даже лучшим из классиков того же жанра...

То, что я пишу, не только субъективное ощущение. В самом деле, если бы меня просили в краткой и лапидарной форме, определить высшую цель художественной литературы, то я сказал бы, что это — стремление, при помощи *прекрасного,* как формы, поднять людей до созерцания *возвышенного,* как содержания.

В основе Прекрасного, как прием, лежит обобщающая деятельность продуктивного воображения, заменяющая единичные предметы и события их родовыми, типичными образами; что же касается Возвышенного, то — не вдаваясь здесь в философские тонкости — можно сказать, что это не что иное, как конкретное изображение и как бы воплощение той или другой из объективных и абсолютных *ценностей.*

Указанную мною высшую задачу современная литература почти совершенно забыла — и если писатель талантливо, наглядно и *типично* описывает хотя бы самую незначительную действительность, то литературная критика готова уже аплодировать, считая, что этот автор достиг вполне последнего предела художества.

На самом же деле, это совсем не так: нужно уметь не только хорошо и типически описывать, но и зорко видеть и чувствовать, *что именно* из всего многообразия жизни *достойно описания!* Можно прекрасно и типично описать скучных, глупых и бездарных людей и их жалкую грызню между собой, но, какой от этого будет прок? В лучшем случае это будет только этюд, подобный *живописному эскизу,* типически изображающему в красках на полотне грязную босую ногу усталого путника...

Нет, настоящий писатель не только умеет типично и в родовых описывать, но и обладает, кроме того, *высокой душой,* видящей вокруг себя не один лишь существующие *вещи и события,* но также и самодовлеющие объективные *ценности* — и только на последних главным образом, и сосредоточивает свое

К ПОЛКОВОМУ ПРАЗДНИКУ.

Знамя лейб-гвардии Гренадерского полка в Галлиполи. Адьютант капитан Г. А. Бенземан.

внимание. Этим он поднимает также и читателя до созерцания *возвышенного*, как такового, и до ощущения *духовности* и *ценности жизни вообще*.

Всеми указанными качествами подлинного, большого писателя Г. В. Месняев обладает в полной мере — и чтение его книги, в условиях нашей жизни, равносильно вдыханию свежего лесного воздуха, после пьяной оргии в накуренной и заплеванной комнате...

Д-р Фил. *Н. А. Реймерс*

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ“

ВЫДЕРЖКА И НЕУСТРАШИМОСТЬ

25 и 26 августа 1831 года полк, имея за левым флангом батарею, участвовал в сражении за предместье Варшавы — Воля.

Генерал-фельдмаршал Граф Паскевич-Эриванский, находясь на линии полка, наблюдал за сражением. Не слыша выстрелов нашей батареи он послал, с адъютантом, приказание ее командиру — немедленно открыть огонь по противнику, но батарея продолжала молчать. Тогда фельдмаршал сам поскакал на батарею и, подъехав к ее командиру, спросил:

— Почему вы не стреляете?

Вместо ответа, командир батареи взял бомбу, и положив ее себе на ладонь, зажег фитиль. Огонь медленно приближался к бомбе. Фельдмаршал и командир батареи спокойно смотрели друг на друга. Свита Фельдмаршала, на полном аллюре ускакала, оставив двух неустрашимых. Фитиль догорел и бомба не взорвалась. Фельмаршалу все стало понятно.

(Выписка из истории 97 пехотного Лифляндского Генерал-Фельдмаршала графа Шереметева полка).

Извлек старый Лифляндец
К. Лейман

НЕМЕЦКИЕ КАЗАКИ

В 1813 году, по приказанию Фридриха-Вильгельма, в прусской армии был создан гвардейский казачий эскадрон, вооружение и обмундирование которого почти полностью совпало с таковым же донских казаков, с которыми немецкие казаки и разделили потом поход по Европе и участвовали во взятии Парижа, в 1814 году. Впоследствии, немецкие казаки были переформированы в гвардейский кирасирский полк, войдя в него четвертым эскадроном. Форма этих казаков находилась в Берлинском музее. Эту заметку сообщил знаменитый международный знаток военных форм профессор Кастелем.

Сообщил *И. Ф. Рубец*

ГЕНЕРАЛ КУЛЬГАЧЕВ

6-ым армейским корпусом, одно время командовал генерал Кульгачев. Играя несколько под Суворова, он чудил и почему-то подчеркнуто небрежно одевался.

Приехал он в 8-ю Конную батарею, экзаменовать учителей молодых солдат, "дядек", в просторечьи. Вызывает одного из них и задает ему задачу:

— Покажи, как ты будешь обучать. Вообрази что я не генерал, а молодой солдат. Понял?

— Так точно, Вашество, понял.

— Ну, начинай, — при этих словах, генерал сел на табурет, в небрежной позе, заложив ногу за ногу и покачивая одной ногой.

— Ваше Превосходительство...

Генерал обрывает его и опять разъясняет, что перед ним не генерал, а "молодой солдат Кульгачев".

"Учитель" никак не может понять, что от него требуется указать на неподходящую позу молодого солдата.

Поручик Витрешко, обучающий дядек и стоявший позади генерала, указывает своему солдату на генеральские ноги. Расторопный бомбардир осмелел:

— Так что, молодой солдат Кульгачев, солдат должон ходить опрятно. Свиньей солдату ходить не полагается. Сапоги надо чистить.

Не ожидавший такого ответа, генерал вскочил, сунул своему "дядьке" в руку рубль и похвалил:

— Спасибо, молодец.

На этом смотр и закончился.

Извлек *А. Левицький*
(Из архива 4-го Конно-Артил. Дивизиона)

ГЕНЕРАЛ ЛИНЕВИЧ

В первый период борьбы с китайскими боксерами, в 1900—01 г.г., европейские государства ограничились десантом Морской Пехоты, японцы — высадили небольшой отряд, наибольшее количество войск выставили Русские и ими командовал генерал Линевич.

Зашел вопрос о возглавлении этого международного отряда. На военном совете, японец полковник Фушима настаивал на подчинении всех войск английскому адмиралу, как старшему в чине.

— Что он говорит? — спросил генерал Линевич своего переводчика капитана Нечволодова и, когда тот перевел, Линевич возразил

— Скажите этой Фукашиме, что старший здесь — я, а почему — объяснять не буду.

До прибытия к "шапочному разбору" германского фельдмаршала Вальдерзее, генерал Линевич командовал международным отрядом.

Генерал Линевич был очень популярен среди сибирских войск и офицеры, равно как и солдаты, называли его "папашка". В Русско-японскую войну, будучи Командующим 1-й армией, генерал Линевич, как-то обходил совершенно открыто окопы. Началась стрельба, его предупреждают, что по нему стреляют... Генерал Линевич успокаивает:

— Не по мне, — по моему Штабу.

А чины штаба, в это время, шли по окопам, тесно прижимаясь к брустверу.

Сообщил *А. Л.*

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1958 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ
ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник"

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Восьмой год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:
61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей « ВОЕННОЙ БЫЛИ » и « ВЕСТНИКА ».

Подписная цена с пересылкой на год:
700 фр. фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.
В газете — постоянные отделы: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из жизнетворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, безсонницы и в некоторых случая повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.
ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!
Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:
Laboratoire B. KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16e). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE : V. Miller, 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.

„Сборник Российской военной поэзии"

Выпуск I — Полковые и судовые песни и стихотворения. Издание Обще-Кадетского Объединения, под редакцией А. А. Геринга.
Осталось **ограниченное количество экземпляров.**
Цена: 400 фр. фр. В странах заокеанских: 1 долл.

ЗНАЧКИ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ.
Продаются у казначея: Б. М. Марин, 19, рю Плюме, Париж 15.
Почтовый счет: Париж — 9325-52.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e) и в Русских книжных магазинах.
Юг Франции — у А. Я. Фока — 57, рю Марешаль Жоффр, Ницца (А. М.).
Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.
Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tottenham street, W 1.
Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.
Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.
Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.
Италия — у В. Н. Дюкина — Via Neumoresa 86, Roma.
Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue Heliopolis, Ibrahimie.
Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — P. O. Box 304, Nyack (N.Y.)
Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 avenue San-Francisco 18.
Канада — у А. С. Орлова — 235, Indian Grove, Toronto (ONT).
Австралия — а) у Калатилина — 50, Belemba ave Lakemba (N.S.W.), б) у Н. А. Косач 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.
Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.
Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — Obligado 2130, Buenos-Aires.

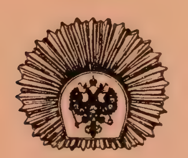
№ 31

ИЮЛЬ 1958 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 7-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Обще-Кадетское Объединение извещает что в воскресенье 15 июня, в 43-ю годовщину кончины

ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Константина Константиновича

у Кадетской Неугасимой Лампады, в Храме Знамения Божией Матери, в Париже, была отслужена панихида.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1100 фр. с пересылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № — 5 шил. год. подписка — 25 шил., в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16ᵉ). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881 - 89 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

7-й год издания № 31 ИЮЛЬ 1958 Г. Bimestriel. Prix — 200 fr.

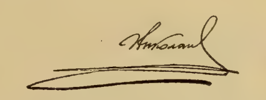
4/17 июля 1958 года

Сорок лет не есть юбилей, не есть памятная дата, но это случай — отметить страшное событие в Русской истории. Сорок лет прошло со дня страшной гибели Царя Николая II, Императрицы Александры Федоровны, Великих Княжен Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии и последнего Царственного кадета, Надежи Государства Российского, Цесаревича Алексея Николаевича.

Руками наемных, международных убийц, при полном попустительстве ВСЕГО Русского народа, в эту темную ночь погибла вся Царская Семья.

Много сказано и написано слов, много еще будет сказано и написано по поводу этой трагедии.

Кадеты Российские, дети и воспитанники Великой Империи, склоните молча головы.

С твердою верою в милость Божию и с непоколебимою уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской.

Николай

Русские под Ахалцыхом в 1828 г.

Трудно и ненадежно было положение русского корпуса под стенами Ахалцыха. Отбросив 5-го Августа массы турецкой кавалерии, стремившейся преградить ему путь, он занял на восточной стороне города более или менее обеспеченную позицию, но этот успех был каплею в море перед тем, что еще оставалось преодолеть. Восемь тысяч русских солдат имели перед собой не одну только сильную крепость, но им приходилось еще считаться с целою тридцатитысячною турецкою армиею, которая каждую минуту могла перейти в наступление.

Никогда, быть может, репутация Паскевича и судьба его корпуса не были в таком сомнительном положении, как под стенами Ахалцыха. Здесь решался вопрос целой кампании и все последующие успехи русских войск в Азиатской Турции были только следствием упорных битв, выдержанных ими под этой крепостью.

К счастью, Паскевич нашел себе хорошого союзника в вечной медлительности и нерешительности турок. Вместо того, чтобы 6-го Августа возобновить нападение свежими силами, в которых у турок недостатка не было, Киос-Магомет-паша предоставил русским войскам безпрепятственно укреплять свою позицию и Паскевич в тот же день поставил два новые редута, обезпечившие тыл и правый фланг русского лагеря.

Теперь спокойно можно было ожидать подкреплений, уже спешивших из Грузии. И, действительно, в полдень 7-го Августа прибыли наконец шесть рот Херсонских гренадер, Донской полк Грекова и 4 орудия, под общею командою генерал-маиора Попова. Турецкая конница маячила по соседним горам, но не осмелилась помешать его соединению с Паскевичем.

Нужно сказать, что небольшой отряд Попова еще с начала войны отправлен был в Боржомское ущелье для разработки дороги к Ахалцыху. В наши дни в целой Грузии нет более красивого и живописного места, как знаменитый Боржом с его прелестными дачами. Но в те времена — это была дикая, угрюмая пустынная местность, в дремучих дебрях которой скрывались не только лезгины, делавшие отсюда свои кровавые набеги на Карталинию. Из трех дорог, вед-

ших из Грузии, боржомская была самая трудная. Она лепилась по левому берегу Куры и так была стеснена нависшими скалами, что по ней едва могли проходить грузинские арбы, а там, где Кура стремительно билась о преграждавшие ей путь каменные утесы, и этот трудный путь исчезал.

Приходилось вести дорогу обходами по карнизам скал, подниматься на высоту шести тысяч футов и по таким тропам, по которым не всегда рисковали пускаться даже привычные туземцы. Самый выход из ущелья сторожил небольшой но крепкий замок Ацхур, построенный на высоком, отвесном утесе.

Это был ключ Боржомского ущелья. И здесь-то, где теснина так суживалась, что дорога пролегала под самыми пушками замка, ацхурский гарнизон попытался преградить дорогу Херсонцам.

Гренадеры прогнали вылазку пушечными выстрелами и переправились через Куру под огнем неприятеля, потеряв ранеными 12 нижних чинов.

5-го Августа, в тот день, когда Паскевич подступал к Ахалцыху, Херсонский полк вышел наконец в долину Куры и с ближних гор ясно увидел дым пушечных выстрелов и облака пыли, поднимавшиеся со стороны осажденной крепости. Через два дня отряд Попова уже подходил к главному русскому лагерю.

7-е и 8-е Августа прошли спокойно. Неприятель бездействовал. А между тем эти три дня. так нерасчетливо потерянные турками, дали возможность русским войскам отдохнуть и оправиться. Паскевич каждый день производил рекогносцировки, ближе знакомясь с положением крепости, изучая ее верки, соображая свои средства со средствами противника. Эти сравнения были далеко не в пользу русского корпуса. Оказывалось даже, что главный редут, Таушантапа, не соответствовал своему назначению и артиллерия, помещенная в редуте, вовсе не могла обстреливать лежащего впереди кургана. Чтобы обезпечить лагерь от нечаянной вылазки со стороны восточных ворот, пришлось на полугоре, обращенной к крепости, устроить каменные завалы для стрелков и ложемент на целую роту пехоты. Но этого было еще недостаточно и в ночь на 8 Августа Паскевич заложил внизу, между курганом и крепостью, новый редут всего в трехстах саженях от городского полисада.

К утру редут был готов и на нем стояло уже девять батарейных орудий и одна двухпудовая мортира, которые могли начать бомбардирование города. Так положено было начало осаде Ахалцыха.

Между тем, 8-го Августа, в этот последний день обоюдного бездействия противников, случилось обстоятельство, выведшее русские войска из их выжидательного положения.

Утром Паскевич получил тревожное известие, что на помощь к Ахалцыху идут еще 10 тысяч лазов под начальством паши Мейданского и что через несколько дней они уже будут под крепостью.

Явилось предположение, что турки только потому и бездействовали, чтобы усыпить внимание русских и, дождавшись прибытия лазов, разом уже всеми силами нагрянуть на их лагерь.

Паскевич собрал военный совет. Подавляющее неравенство русских и турецких сил было так очевидно, что на решение совета предложен был роковой вопрос: оставаться ли под Ахалцыхом или отступить через Боржомское ущелье в Грузию, чтобы собрать там подкрепление и только тогда уже снова двинуться к Ахалцыху? Не подлежало никакому сомнению, что настоящая осада могла начаться только с того момента, как вспомогательный турецкий корпус будет разбит под стенами крепости, — и в вопросе, поставленном Паскевичем, это разумелось само собою. Пущин, в своих записках, рассказывает, что он участвовал в этом совете и, как младший, первый подал голос за наступление. "Мое мнение", — сказал он, "сегодня же ночью внезапно напасть на турок в их собственном лагере, разбить их и тем освободиться от блокады, в которой они держат наши войска". Мнение это было принято всеми единогласно.

С вечера отданы были все приказания. Генерал Муравьев с Гренадерскою бригадой, сводным баталионом и тремя ротами пионеров остался для прикрытия лагеря. Остальные войска — 8 баталионов пехоты, вся конница и 25 орудий предназначались для ночной экспедиции, под личным предводительством главнокомандующего. Поход был объявлен в полночь.

Из показаний лазутчиков Паскевич уже знал, что турецкая Армия стояла в четырех лагерях, из которых первый располагался на высотах против северного фаса крепости. Другой на западе близ укрепленной башни Каядага, а остальные два, Су-Килисса и Ашага-Памач, на большой Ардаганской дороге. Эти последние лагеря держали под своим наблюдением весь правый гористый берег Ахалцых-чая и дорога к ним прикрывалась сильным ретраншементом, поставленным турками у подгородной деревни Марда. Действовать по этому пути Паскевичу было крайне рисковано, а атака должна была начаться с северного лагеря.

Но и там кратчайшая дорога, лежавшая у подошвы северных высот, преграждалась сильным люнетом, сложенным из бревен и укрепленным двумя бастионами.

Нужно было найти другой, более скрытый путь, а это, при совершенном недостатке благонадежных проводников, было нелегко. К счастию, некто Мутабек, один из ахалкалакских старшин, плененный при взятии крепости, добровольно предложил свои услуги. Обласканный Паскевичем, этот суровый, непреклонный мусульманин, предался ему всею душою, — и теперь на его верности основан был весь успех экспедиции.

Мута-бек отлично знал окрестную местность и повел отряд обходною дорогою на селения Цыйра и Цхурут, огибая крепость с северной стороны на расстоянии двух или трех верст.

Войска следовали лощиной, прикрытые горами, и не могли быть замеченными турками. Дорога вообще не представляла особенных трудностей, но ночь была так темна, что войска, при частых подъемах, растя-

нулись, а Херсонский полк, следовавший в ариергарде, и вовсе сбился с дороги. Пока его ждали, прошло добрых полчаса времени. Стало уже светать, а войска, вместо того, чтобы быть на месте, только что еще выдвигались из селения Цыйра. Между тем тяжелый гул шагов идущей пехоты и стук колес артиллерии давно обратили на себя внимание турецких аванпостов. И едва в предрассветной мгле обозначились перед ними темные полосы двигавшихся колонн, как грянул сигнальный выстрел, и тревога быстро разнеслась по всем четырем турецким лагерям.

Теперь русскому отряду самому нужно было с минуты на минуту ожидать нападения, а он находился еще в трех верстах от головного турецкого лагеря и среди местности совершенно неудобной. Но всякия сомнения и колебания были уже невозможны, приходилось принять бой там, где застал неприятель. Впереди отряда виднелись высоты, идущия параллельно северному фасу крепости и Паскевич быстро решился занять их, как единственную позицию, которая представлялась ему в этой малоизвестной местности. Но пока войска переходили крутые рытвины и выбивались из рыхлых пашень против них уже были сосредоточены огромные массы вражеских сил. Позиция, случайно занятая Паскевичем, имела свои выгоды и свои недостатки. Она представляла довольно большое плато, на котором свободно могли расположиться войска. Но против этих высот лежали такия же, параллельные им другие высоты, отрезанные от первых глубоким извилистым оврагом с крутыми скалистыми берегами и там то, на крепкой позиции, теперь уже стояла турецкая пехота с большим числом артиллерийских орудий.

Самый овраг тянулся сперва параллельно крепости, а потом вдруг круто, почти под прямым углом, поворачивал к северу и, огибая высоты русской позиции, терялся вдали, в низменных болотах за деревнею Цхуру-той. За этой-то второй частью оврага сосредоточились огромные массы турецкой конницы.

Таким образом русская позиция представляла собой прямой угол, вершина и стороны которого обстреливались перекрестным огнем неприятеля. Правда, овраг, подобно рву, прикрывал позицию со всех сторон, но зато, по тому же оврагу, как по траншеям, неприятель мог безопасно подводить свои войска и укрывать резерв. Но так или иначе, а другого выбора не было, и Паскевич поставил отряд в оборонительное положение. Два Донские полка с четырьмя орудиями отправлены были назад для связи с отрядом Муравьева и для прикрытия дороги к вагенбургу. На левом фланге позиции, под командой полковника гвардии Сенявина, стоял Сводный пехотный полк, составленный на время экспедиции из баталиона Эриванцев и баталиона 41-го Егерского полка с 6-ю орудиями. В центре, в самой вершине угла, образованной перегибом оврага, расположился Херсонский гренадерский полк с 4-мя орудиями, под начальством генерал-маиора Попова. Правый фланг отбрасывался направлением оврага совершенно назад, почти под прямым углом к левому флангу и был занят сводным баталионом пехоты, двумя ротами Козловцев и ротой пионер, двумя казачьими полками и двумя полевыми орудиями. На самой оконечности его, уже упираясь в деревню Цхурут, стоял Ширванский пехотный полк с четырьмя батарейными орудиями. Кавалерийская бригада Раевского, татарская конница, линейные казаки и весь 42-й Егерский полк составляли резерв, при нем находился и граф Паскевич.

Едва русские войска разместились на позиции, как турки, под покровительством огня своей артиллерии, с двух сторон повели атаку. Было часов шесть утра. Русская артиллерия, почти вся выдвинутая в первую линию, встретила наступавших жестоким картечным огнем и остановила напор. Неприятель смешался и стал отступать, горячо преследуемый огнем стрелковых цепей. Одновременно с этим и на левом фланге турецкая кавалерия также пыталась обскакать позицию, чтобы прорваться к русскому лагерю, но, встретив и здесь не менее мужественный отпор со стороны егерей и видя приближавшиеся рысью казачьи полки, повернула назад.

Из этого первого столкновения Паскевич вынес уверенность, что на занятой позиции можно отразить все нападения турок, и решил сохранять оборонительное положение до тех пор, пока неприятель, утомленный безплодными атаками, сам не предоставит ему удобного случая к победе.

Малочисленность отряда Паскевича не укрылась между тем от внимания Киос-Магомет-паши и, раздраженный неудачей, он приказал во что бы то ни стало смять русский корпус.

В 7 часов утра началась вторая атака. Турецкие колонны шли по дну глубокого оврага против русского центра, прикрытые от огня артиллерии высокими берегами, они шли смело, с распущенными знаменами и с криком "Алла". Чтобы удержать их натиск, Херсонский гренадерский полк подвинулся вперед к самому оврагу, а стрелковая цепь его спустилась еще ниже на полускат, — и лицом к лицу встретилась с поднимавшеюся из оврага турецкою пехотою. Обе цепи столкнулись и двинулись друг на друга с ожесточением. Начался упорный штыковой бой. Спорный овраг несколько раз переходил из рук в руки, наполняясь трупами.

Подняться из оврага с тем, чтобы ударить на русских в упор и разом всею своею массою, у турок не хватало духа, они по мелочам тратили свою запальчивую храбрость и рукопашный бой шел то кучками, то врассыпную. Стоявшие сзади колонны только подкрепляли свое стрелковые цепи.

Начальник штаба барон Остен-Сакен сам отправился на место сражения. Спокойно, шагом разъезжал он посреди стрелков, под огнем неприятеля и делал нужные распоряжения, иногда посылая сказать Паскевичу, что "стрелки ведут себя хорошо".

Целый час в этом пункте шла отчаянная борьба, турки, наконец, не выдержали и стали подаваться назад. Стрелки 2-го баталиона, увлеченные преследованием, перешли за ними через овраг и раскинули цепь уже на той стороне его, по гребню двойной высоты,

тянувшейся параллельно русскому правому флангу. Это была неосторожность, за которую они и поплатились кровавыми жертвами. Еще стрелки не успели оглядеться на новой позиции, как из-за гребня соседней горы внезапно выдвинулись высокие, остроконечные шапки делибашей и человек четыреста турецкой конницы ринулись на цепь, не успевшую даже сбежаться, как следует, в кучки. Херсонцам пришлось отбиваться поодиночке штыками, прикладами и выстрелами в упор. Баталионы стоявшие вдали, бегом бросились на выручку и открыли через овраг батальный огонь. С большой центральной русской батареи также посыпались ядра. Но все это, казалось, уже не могло спасти стрелков и минут десять их даже не было видно за турецкой конницей. Все считали их погибшими.

Паскевич с высокой горы видел как на ладони все поле сражения. Он отвернулся и сказал с досадою: "Не надо было так далеко высылать стрелков — вот и пропали".

Вдруг кто-то крикнул: "Ваше Сиятельство, цепь уцелела".

Паскевич обернулся. Разорванные, перемешанные с делибашами, кучки Херсонцев бойко отбиваются, а толпы делибашей редеют и в безпорядке скачут назад. Паскевич велел тотчас узнать фамилию офицера, командовавшего стрелками, и, минуя другие ордена, послал ему прямо орден Св. Владимира.

Поредевшую цепь тотчас отвели назад за овраг.

Наступило получасовое затишье. Турки готовились к третьей атаке и их колонны опять формировались в овраге.

Но на этот раз Паскевич решился предупредить удар контр-ударом и сам двинул вперед Сводный полк Сенявина.

3-й баталион Эриванского полка наступал в первой линии, а Егеря — во второй. Под сильным огнем спустились они с высот, дошли до оврага и Эриванцы ударили в штыки. Турки, в свою очередь, приняли Эриванцев штыками же и кровь полилась рекою. В несколько минут из баталиона все ротные командиры, пять офицеров и до ста нижних чинов выбыли из строя. Здесь был убит и командовавший стрелковою цепью молодой офицер лейб-гвардии Финляндского полка подпоручик Дубовский, первый проложивший дорогу в ряды неприятеля.

Несмотря на страшную убыль, Эриванцы дружно ломили вперед, и турки уже готовились уступить, как вдруг грянул оглушительный треск и дрогнуло поле. Неприятельская граната попала в зарядный ящик, стоявший при одной из рот 41-го полка и взорвала его на воздух. В одно мгновение несчастное каре потонуло в густых клубах черного дыма, из которого среди огненных языков мелькали растерзанные трупы. Пальба на мгновение смолкла и, казалось, все застыло в трепетном недоумении.

В этот момент все неприятельские резервы, доселе скрытые за высотами, вдруг выдвинулись на горы, оглашая воздух неистовыми криками. Но Эриванцы уже успели оправиться от своего минутного смущения. Ротные командиры штабс-капитаны Калпинский, Гуралев и Кириллов, все трое уже раненые, снова явились перед своими ротами, еще раз сомкнули их и с такою стремительностью бросились вперед, что турки дали тыл и Гренадеры отбили у них два знамени.

Сделать больше того, что сделали Эриванцы, было нельзя и баталионы отвели назад. Они шли гордо, с сознанием исполненного долга и живым свидетельством этого были развевавшиеся впереди их турецкие знамена.

Было уже два часа пополудни. Усталость и зной заставили обе стороны приостановить свои действия. Уже восемь часов шла непрерывная битва. Русские отразили все нападения, но сами не подвинулись ни шагу вперед и турки, опираясь правым флангом на крепость, попрежному сохраняли свои позиции. Овладеть оврагом также не удалось и три полка, последовательно ходившие отбивать его у турок, потеряли, как говорит очевидец, до 500 человек.

Положение становилось серьезным. Паскевич, по рассказам Пушина (прапорщика Кавказского пионерного баталиона, бывшего в числе приближенных Паскевича), сидел на батарее в самом мрачном настроении духа, никто из частных начальников, знавших его раздражительность, не решался подходить к нему ни за советом, ни за приказанием. А между тем турки, ободренные бездействием русских, в четвертый раз перешли в наступление.

Ружейная перестрелка цепей скоро обратилась в живой безпрерывный огонь, смешанный с громом орудийных выстрелов, а турецкие колонны опять стояли в роковом овраге.

В это время Пушин, как рассказывает он сам, желая чем нибудь помочь делу, сел на коня и, не сказавши никому, поехал вдоль оврага, чтобы ближе ознакомиться с местностью. Этот обзор навел его на счастливую мысль, которую, возвратившись назад, он не замедлил сообщить Паскевичу: "Взять и удержать за собою овраг", — сказал он ему: "невозможно. Все дело в сильном люнете, который мы миновали ночью и который стоит у самого устья оврага".

"Возьмите его", прибавил он, "и тогда и овраг, и лагери, все будет наше".

Паскевич увидел верность этого замечания и, после короткого раздумья, спросил: "А кого я *пошлю* штурмовать?"

Пушин указал на Ширванский полк. Полк этот действительно еще не был в деле и Паскевич потребовал к себе командира его, полковника Бородина. Бородин, бывший адъютант Паскевича, отлично знавший характер своего начальника, спросил как бы в рассеянности: "Какое укрепление, Ваше Сиятельство?" И, когда тот указал ему на люнет, Бородин промолвил небрежно: "Ну, его можно взять мимоходом". "Итак, с Богом", сказал на это обрадованный Паскевич.

Бородин поскакал к полку, чтобы ввести его в битву. Одним Ширванцам штурмовать крепкий люнет было бы, однако, крайне рисковано и потому решено

было выдвинуть из резерва весь 42-й Егерский полк и в то же время послать приказание Муравьеву, чтобы он с одним или двумя баталионами штурмовал люнет с другой стороны. С этим приказанием посланы были два казака и вместе с ними Пушин. Они пустились по разным направлениям и, проскакав в интервалы между турецкою конницею, стоявшею на дороге, все трое благополучно достигли лагеря.

Приказание было передано и Муравьев с первым баталионом Эриванского полка двинулся к люнету. За ним пошли две роты Егерей и две роты пионер, под общею командою лейб-гвардии Преображенского полка полковника Вентковского.

Между тем, чтобы отвлечь внимание турок именно от этого люнета, Паскевич распорядился сделать демонстрацию против левого фланга неприятеля. Баталион Херсонского полка, кавалерийская бригада Раевского, Донский полк Карпова и татарская конница, с четырьмя орудиями, переправились через овраг и стали в боевом порядке на высотах против главного турецкого лагеря, расположенного по ту сторону Ахалцых-чая у Су-Килисса. Внезапное появление на этом пути сильной русской конницы озадачило турецких пашей.

Вся неприятельская конница быстро стянулась к своему левому флангу и завязала дело. Но Карпов, высланный вперед с Донцами и татарами, маневрировал так превосходно, что втянул ее в бой и, когда неприятель вплотную насел на казаков, те разсыпались и открыли стоявшую позади их батарею. Картечный залп и турки поскакали назад, преследуемые Нижегородцами, слева уланами.

Поражение конницы, устлавшей путь людскими и конскими трупами, заставило Киос-Магомет-пашу серьезнее взглянуть на опасность, которая грозила главному турецкому лагерю, оставшемуся почти без войск, и большая часть пехоты, стянутой против русской позиции, спешно переведена была к Су-Килиссу.

Таким образом боевая линия турок растянулась влево почти на десять верст, и оборона люнета ослабела. Этого только и ждал Паскевич от своей демонстрации. Он приказал генерал-майору Гилленшмидту выдвинуть вперед на высоты против турецкого люнета 8 батарейных и 6 легких казачьих орудий, под прикрытием которых должны были собраться штурмовые колонны.

Турки с изумлением смотрели на эти передвижения войск, не проникая их цели, а между тем к люнету уже подходил 42-й Егерский полк с генерал-майором Корольковым. Ни одним выстрелом не отвечали бастионы на огонь русской артиллерии и это дало повод думать, что укрепление или вовсе брошено, или защищено очень слабо. Отчасти под этим впечатлением, отчасти, видя приближение Ширванцев с одной и колонны Муравьева с другой стороны, Корольков решился начать атаку с одними Егерями.

Свинцовые, тяжелые тучи, давно надвигавшиеся с запада, теперь закрыли весь горизонт и разразились сильным дождем с громом и молнией. В это самое время шесть казачьих орудий, под командой есаула Зубкова, вынеслись вперед и, снявшись с передков в расстоянии 80 сажень от люнета, открыли по нем картечный огонь.

Под его защитой 42-й Егерский полк бросился на укрепление. Неприятель молча подпустил его на сто шагов и вдруг встретил убийственным залпом. Опешенные егеря остановились. Генерал Корольков, желая ободрить солдат, выскочил вперед с криком: "За мной, на батарею", — и в ту же минуту пал пораженный двумя пулями в грудь и голову. Его смерть окончательно смутила егерей и они открыли безпорядочную пальбу по люнету. Тогда турки сделали вылазку и бросились на них в штыки и кинжалы.

Плохо пришлось бы егерям, если бы в эту минуту не поспешили Ширванцы. В грозной тишине и порядке вел Бородин свои баталионы, не обращая никакого внимания на то, что происходило перед его глазами. Скользя по мокрой траве, с намокшими ружьями, выдвинулись они из за фланга 42-го полка и с криком "ура" пошли прямо на турецкие укрепление. Но в ту же минуту загремело "ура" и с другой стороны — то штурмовал люнет 1-й баталион Эриванцев, прибывший сюда с Муравьевым.

Теперь турки, сделавшие вылазку, были отрезаны и, бросившись обратно в люнет, нашли его уже занятым русскою пехотой.

Теперь отчаяннее закипел бой по самому люнету. Майор Михайлов и командир 1-й роты поручик лейб-гвардии Егерского полка, барон Врангель первые пробили дорогу к брустверу, и вслед за ними егеря ворвались в шансы. Но на их долю уже не досталось боевых трофеев: 4 орудия и 7 знамен были взяты колоннами Бородина и Муравьева. И долго после того два храбрые полка, Ширванский и Эриванский, оспаривали друг у друга честь взятия люнета. Справедливость требует, однако, сказать, что Ширванский полк встретил меньшее сопротивление и овладел бастионом почти без урона, тогда как баталион Эриванцев в кровавом рукопашном бою потерял 35 нижних чинов и лишился почти всех своих офицеров. Одному только полковнику Вентковскому, первому взошедшему на вал во главе Эриванцев — удалось выйти целым и невредимым. Командир баталиона, подполковник Кошутин, был ранен в то время, когда взбирался на бруствер, ротный командир поручик Оников ранен в рукопашном бою кинжалом. Командир 2-й роты поручик Мишенко прострелен пулею в грудь навылет. Командир 3-й роты поручик Елисуйский убит. И недаром писал Паскевич в своем донесении Государю, что "атака на укрепленный бастионами лагерь сделана была с удивительною храбростью. Это одно из лучших дел" — говорит он, "которые я видел в моей жизни. Офицеры удивительной храбрости..."

С падением люнета пал и раскинутый на северных высотах турецкий лагерь. Из числа 1.500 турок, находившихся в ретраншементе, более трети легло на месте, остальные бежали, увлекая за собою и войска, бывшие в лагере. Преследование продолжалось почти до самого городского полисада и узкое пространство

между люнетом и воротами города было завалено трупами.

Сам Киос-Магомет-паша, пытавшийся восстановить порядок, был ранен пулею в ногу и отвезен в Ахалцых, куда отступил и весь 5-тысячный отряд его пехоты.

Теперь демонстрация против главного лагеря превратилась неожиданно в действительное наступление. Как только Пущин привез известие о взятии люнета, Паскевич двинул вперед свою кавалерию, а за нею Херсонцев и сводный полк егерей.

Многочисленные толпы неприятеля, видя кругом себя общее поражение, быстро были охвачены паникой и безпорядочно отступали по всему протяжению поля. "Странно было видеть", — говорит один очевидец, «как перед какими-нибудь 4-5 баталионами бежали эти огромные массы, не оказывая даже сопротивления, которого надо было ожидать, судя по началу боя".

Преследование их продолжалось с такою живостью, что 2 казачьих полка и татары на плечах турок ворвались во второй лагерь, драгуны и уланы — в третий.

Выбитый из Су-Килисса неприятель пытался было занять высоты, примыкавшие к этой деревне, чтобы прикрыть отступление своей артиллерии и многочисленных обозов, столпившихся на Ардаганской дороге, но деморализация во всем турецком войске была уже такова, что едва показался головной эскадрон Нижегородского полка, как все снова обратилось в бегство. Драгуны, уланы, казаки преследуя бежавших, мимоходом захватили четвертый лагерь и взяли два орудия, пять знамен и до 500 пленных.

Вспомогательный турецкий корпус теперь весь рассеялся и турки, по одиночке, бросились лесными тропами и бежали к Ардагану.

Трофеями боя были: 10 орудий, 10 знамен, 4 лагеря со всем имуществом, все обозы, подвижные магазины, транспорты, парки. Говорят, что число знамен и орудий могло бы быть гораздо значительнее, если бы конница продолжала преследование, но Паскевич сам остановил ее, сказав окружающим: "Припомните, господа, слова одного римского полководца, что бегущему неприятелю надобно строить золотой мост".

Недешево досталась и русским эта блестящая победа: одно орудие было подбито, один зарядный ящик был взорван. Действующий корпус потерял по официальным сведениям одного генерала, более тридцати офицеров и до 500 нижних чинов, но, по словам современников, потери русских были значительнее.

Те же современники свидетельствуют, что подъем нравственного духа в войсках и в начальниках был так велик, что командир Ширванского полка полковник Бородин просил разрешения Паскевича тотчас штурмовать Ахалцых и это разрешение едва не было дано ему. Быстро спускавшаяся ночь, однако, устранила всякую мысль о возможности нового штурма.

Русская пехота ночевала в отбитом люнете, кавалерия — за 20 верст от Ахалцыха, там, где окончила свое преследование.

На следующий день весь экспедиционный отряд возвратился в лагерь.

Теперь Ахалцых стоял перед русскими один, безпомощный, но грозный твердою решимостью погибнуть или отстоять свою вековую независимость.

Из военного архива
Подполковника Л. Сейфуллина

Главы из повести „Пушкари"

17.

Бал был в полном разгаре.

"Епархиалочки" оказались на высоте положения: они с деревенской грацией, отставив мизинчики и с возбужденно горящими глазами отплясывали с увлечением: польку-кокетку, краковьяк, мазурку и прочие незамысловатые танцы того времени.

В мазурке пленил всех Дическул. На своих длинных ногах, распустив усы, он выделывал антраша, сделавшие-бы честь цирковому гимнасту: он падал на колени, потом вскакивал и выбрасывал, к ужасу и восторгу своей дамы, свои ноги чуть-ли не в уровень с ее прической. Притоптывал так, что звенели канделябры, и опять несся, как скаковой конь на невидимое препятствие, волоча за собой ошалевшую и испуганную даму, и снова неожиданно падал. Потанцуй он такую мазурку в училище, он отделался-бы, по меньшей мере, тремя сутками ареста, но здесь это было весело и неплохо.

Подвыпивший пан-пробощ, выйдя из соседней комнаты, где он с "Верди-Пашей", батюшкой и раввином сражались в винт, глядя на антраша Дическула, одобрительно кивал головой и не скрывал своего восторга. "Добже, добже, пане", похваливал он и, казалось, вот-вот скинет он свою сутану и пустится вплясь.

— Можно мне познакомить Вас с моей тетей? разлетелась ко мне одна из девушек. — Она тут никого не знает и только что приехала.

"Вот не было печали..." — подумал я, только-что нацелившись пригласить маленькую блондинку — одну из бойких епархиалок: — "Иди теперь, веди скучные разговоры с какой-нибудь высохшей старой девой... Черт-бы побрал эту "тетю"...

Епархиалочка повела меня в соседнюю комнату — маленькую гостинную (в обыкновенное время повидимому кабинет отца Василия).

"Тетя" сидела ко мне спиной и с кем-то разговаривала. Я обратил мельком внимание, что рука ея

лежавшая на ручке кресла была совершенно изумительной красоты: тонкие пальцы, без всяких колец, небрежно сжимали ручку кресла и были такие, какие я видел на старинных гравюрах.

Тетя повернулась и оказалась совершенно молоденькой женщиной. Немножко нахмурившись, она протянула мне руку, после представления епархиалочкой и спросила:

— Ведь, Вы, если не ошибаюсь, племянник Веры Павловны Суходольской? Вот забавно! Я, ведь, бывала в Петербурге у Веры Павловны довольно часто. Как это мы с Вами не встретились? Я у нее-же познакомилась со своим теперешним мужем.

— Вы... замужем?.. спросил я.

— О, уже целый год — и она улыбнулась.

И вдруг произошло чудо: точно удар грома разразился над моей головой и я почти с ужасом увидел ряд ослепительно-белых зубов и понял, что предо мной настоящая красавица.

Это было одно из тех русских прекрасных лиц, которых прелесть не может передать ни фотография, ни даже кисть художника. Что было в ней прелестного?.. словами даже и сказать нельзя: у нея был чуть вздернутый носик неправильной формы, но очаровательный в своей детской невинности, совершенно гладкая прическа с большим пышным узлом сзади, открывавшим такую-же детскую нежную шею.

Казалась она с первого взгляда немного полной но, это только казалось, настолько вся ее фигура была стройна и гармонична. Сильно развитая грудь при очень тоненькой талии (совершенно изумительной для ее комплекции) делала ее юной и легкой.

Не так, как все барышни того времени (это было новинкой), она носила обувь не на высоких каблуках, а на низких. Сильные и довольно крупные ее ноги были в чулках телесного цвета (тоже было новинкой). Но самое прельстительное в ней была ее улыбка, блиставшая, как солнце, и делавшая ее необыкновенно нежной и трогательной.

Чувствую, что портрет неудачен — уж очень много прошло с тех пор времени, да и тогда я не мог как следует разобраться во всей ее прелести. Помню только, что впечатление было ошеломляющим.

Чувствуя, что я просто поглупел, уставившись на нее и ища выхода из положения, я предложил ей пройти в большую комнату, где танцевали.

Она легко встала с кресла, спокойно, даже несколько медлительно, вышла в дверь и положила мне руку на плечо.

Тут — я ахнул вторично: чуть сделав легкое движение — всем телом, она быстро поймала ритм вальса и плавно, широкими кругами (так у нас немногие умели делать), влилась в танец.

Я танцевал хорошо. Моя сестра — институтка Олечка не давала дома всем покоя, готовая танцевать днем и ночью. Ее подруги танцевали превосходно, но так, как шла в ритме вальса Ксения Аркадьевна (ее все звали Саня или Саночка) — я видел первый раз.

Все взоры приковались к ней. Дическул, пробегая, шепнул: "Откуда такая принцесса?.."

— Да вы танцуете, как настоящая балерина, с восторгом сказал я.

— Я и есть настоящая балерина, — с улыбкой ответила она. — Ведь, в Петербурге я была в балетной школе и выступала уже на сцене, а теперь имела-бы уже "партии", да вот замужество помешало. — Она лукаво на меня посмотрела.

Через пять минут Саночка была королевой вечера.

К ней нельзя было протолпиться. Она буквально переходила из рук в руки.

Я уже мучился ревностью, видя, что Дическул, Оношко, Зыков от нее не отходят: один держал веер, другой подавал стул, третий бегал за лимонадом.

— Ай, да бабка! восторгался Дическул, неся стакан с лимонадом мимо меня: — Не зевай брат, не будь шляпой — ты, кажется, ей понравился.

Но куда там... я был в полном унынии, куда мне соваться — и я чувствовал, что неожиданно (так казалось тогда) влюбился по-уши.

Я вышел в садик: музыка стала тише.

Мягкая украинская ночь, еще прохладная в мае, делала пейзаж фантастическим и нежным.

О чем я тогда задумался и вспомнить трудно, как вдруг рядом со мной раздался мягкий голос:

— О чем мечтаете?.. это была Саночка.

— О вас — неожиданно сорвался я, позабыв свою обычную застенчивость.

— Ого... Хотите немножко прогуляться? Ночь-то какая... Хотите пройдем на мельницу?.. тут два шага...

Она легко взяла меня под руку.

— Так неужели думали обо мне?.. Какая честь... Ну, расказывайте, свои думы: какая я по Вашему?.. Красивая?.. умная?.. счастливая?.. несчастная?..

Она была разгорячена танцами и все ее молодое и прекрасное тело, которое я чувствовал через легкое платье, жгло меня огнем. Точно сорвавшись с узды, я начал с восторгом описывать какая она чудная, какая красавица...

— А я и не знала, что я такая... — с улыбкой слушая мои излияния, сказала она и, вдруг выдернув свою руку из под моей и охватив меня обоими руками за шею, прижалась всем лицом к моим губам и ответила таким длинным сладким поцелуем, что я совершенно потерял голову...

Мы подошли к мельнице, сели на какую-то сломанную скамейку. Оба молчали. О чем было говорить — все было ясн.о

Нашего отсутствия никто не заметил (так мне казалось тогда). Веселье было в полном разгаре: Гайрабетов с тремя столовыми ножами в зубах (за неимением кинжалов), откалывал лезгинку.

Офицеры и барышни хлопали в ладоши и выкрикивали: "Ташши, ташши"...

Потом начались опять танцы. Саночка опять носилась по залу. Офицеры учили барышень только что вошедшим тогда в моду: па-де-грасс и коханочке.

Я зашел в соседнюю комнату, где был буфет с закусками.

У буфета стоял бывший жених, теперь уже новобрачный, видимо, чем-то расстроенный и пил одну

рюмку за другой. Стоявший рядом заведующий почтовой конторой старался его в чем-то утешить.

Новобрачный бормотал пьяным голосом:

— Нет, тебе этого не понять, — на что почтарь отвечал, по своему обыкновению, какими-то загадочными словами:

— В зависимости... Безответственное положение...

Я хотел было уйти, но оба, особенно молодой муж, буквально в меня вцепились.

— Господин офицер!.. Вот разрешите наш спор: я ему доказываю, что преждевременная женитьба добром не кончается, а он этого никак понять не может...

— Позвольте, но, ведь, Вы только-что сейчас из-под венца?.. — с удивлением спросил я.

— Это, как сказать, — промямлил с иронической улыбкой почтарь.

Мы выпили по три рюмки водки, после которых муж предложил мне немедленно выпить на "брудершафт". В том состоянии душевного смятения и восторга, в котором я был тогда, мне было все равно и, через минуту, он кричал, напирая на меня:

— Не хочу быть попом!.. Не заставят!.. Вот все брошу к черту и удеру на Ямайку!..

— Куда?.. — недоуменно спросил я.

— Все равно куда... В Африку!.. к индусам!..

— Вы-бы поменьше пили, Порфирий Петрович, — сказала наставительно стоявшая рядом благообразная старушка: — а то вас бес мутит...

— Анна Петровна! — завопил Порфирий Петрович уже пьяным голосом:

— Оставьте нас!..
Вы не читали
Сии кровавые скрижали...

но я уже неслушал его и прошел в "залу".

Танцуя, я все время, всеми своими нервами, ощущал Саночку. Вот она танцует с Зыковым, вот с Гайрабетовым, а вот и сам Слопачинский, тряхнув стариной, пригласил ее на мазурку.

В те времена, танцы шли с массой всяких фигур: по команде дирижера (Дическул) пары то выстраивались в одну колонну, то все танцующие вились змеей по комнате.

Во время одной из фигур моя рука очутилась в Саночкиной: я ощутил легкое пожатие и, чуть нагнувшись ко мне, она едва слышно шепнула: "Выходите через 15 минут" и потом, еще попозже, вторично: "через пять".

Не стоит и вспоминать, что было "через пять".

18.

Провожало нас, на другое утро, все местечко.

Подносили "посошок", уже когда мы были верьхами. Барышни, в помятых от "танцев" платьях, с уставшими, но веселыми лицами, кричали "ура", до тех пор, пока мы не втянулись в соседнюю рощу.

Что-то сильно рвануло у меня в груди, когда мы огибали мельницу.

Саночки среди провожавших не было.

— У Саночки болит голова, она легла спать и просила меня всех поцеловать — лукаво скосив глаза, сказала мне одна из барышень, при прощании.

За рощей нас догнал на велосипеде сын батюшки Павлуша. Он отпросился на целую неделю у отца и ехал с нами на полигон.

Сиял весь радостью и, видимо, был влюблен всем своим двенадцатилетним сердцем во всех офицеров, солдат, лошадей и пушки.

Слопачинский важно зачислил его в команду разведчиков и, на ближайшем-же привале, Павлик получил лошадь. Велосипед сдали в обоз, под надзор деньщика Гайрабетова. Ко всеобщему изумлению, оказалось, что "Сын Солнца" отлично ездил на велосипеде, и он гордо "рулил" в хвосте колоны.

19.

Напрасно я думал, что все прошло "незаметно". Когда я подъехал на первый взвод, к Дическулу, он сморщил нос и пробасил:

— Так погиб казак!.. Погиб для всего казацкого рыцарства...

— Ты что это?.. — воскликнул я.

— Ничего, это я вспомнил Тараса Бульбу...

— Поди к черту, — вспылил я, причем здесь Бульба?.. Я был твоим другом, но после этого — не желаю тебя знать...

— Запишем... Что-ж на дуэль может-быть вызовешь?..

— И вызову!.. крикнул я и, со злобой вонзив шпоры в бока ничем неповинной Жизели, поскакал к своему взводу.

— Боже мой, Боже мой... думал я, все знают... Какой позор!

И мне стало казаться, что все, что произошло, известно всем до последнего солдата, что все надо мной потешаются и я исподлобья смотрел уже со злобой на ездовых и ненавидел их, таких дорогих моему сердцу еще вчера.

Неожиданно подъехал Дическул. Я отвернулся от него, надувшись.

— Стой, стой, Глебушка... Не валяй дурака... Из за баб что-ли ссориться будем?.. — Это... не баба, а ты не поймешь... Я ее люблю... — Я на ней женюсь... разведу с мужем... Поступлю в академию...

— Какую академию? спрашиваю недоуменно...

— А так все говорят, когда влюбляются: поступлю в академию... Создадим красивую жизнь...

Совершенно неожиданно, в голове колонны, трубачи грянули вальс.

В утренний час в лесу он звучал немного странно, но смягченный расстоянием и простором был легок, задумчив и печален.

У меня навернулись слезы...

— Ну, и все кончено... сказал Дическул, протягивая мне руку... Аминь.

Я вздохнул и пожал ее.

20.

Через два дня мы вступили в Горынь-град, где нам предстояло провести все лето. Тут все было уже посерьезнее: квартирьерами были не Гайрабетов, а штабс-капитаны во главе с бригадным казначеем капитаном Калистро.

Трубачи играли марш "Вступление в Париж".

На кровном гунтере "Версенжеториксе" (в России произносили "Верценгеторикс" — вот-бы моего Гавриленку заставить выучить это имя), в сопровождении "рейдкнехта" (так он важно называл своего вестового) и бригадного наездника Белова, старика 74 лет, но ездившего, по французскому выражению, "как бог" и сидевшего на караковой кобыле, на которой никто не хотел ездить из-за ее неукротимого злого нрава, встречал дивизион Генерал Войно-Оранский.

— Здорово, молодцы земли Русской! играя под Суворова здоровался он с батареями.

"Молодцы земли Русской" кричали в ответ установленные слова, квартирьеры весело улыбались, сияло южное солнце, не чужое, а наше родное Русское. Веселые звуки музыки ликующе неслись в небеса, шумела речка Горынь, деньщики суетились около двуколок, пахло вкусным дымом из кухонь.

Началась незыбываемая летняя страда, встречаемая с радостным волнением всеми: от седоусого полковника — до юного подпоручика.

21.

Детские годы,
Прекрасные дни...
Как вешние воды,
Промчались они.

Почти пятьдесят лет отделяют от меня эти никогда и нигде не забываемые годы.

Много воды утекло с тех пор.

Милая моя мама, которая, 25 лет тому назад, была еще жива и писала мне (нас всех у нея было 14; многие померли еще в детстве, война и революция унесли или выбросили из отечества других), писала мне:

"Саночка-то твоя, (от мамы у нас не было тайн и она была в курсе всех наших романов), два года блистала на сцене Большого театра под фамилией... (я ахнул, так-как в те годы знал всех артистов по газетам), была "женой" комиссара Л. (Я еще раз ахнул: видел в газетах портреты, но, конечно, догадаться не мог кто это? вот-бы теперь найти их). Умерла неожиданно и "скоропостижно" слегка подчеркнуто...

Что за этим скрывалось... — убита?.. покончила с собой?.. Никогда не узнаю... Никогда...

22.

Людям моего возраста Господь Бог редко... ах, как редко, дает ключ и разрешает войти в большой таинственный сад. Сад этот называется — Садом Воспоминаний.

И, когда на мою долю выпадает это счастье и огромным ржавым ключем я отпираю тяжелую дверь входа в сад, я попадаю в таинственный и прекрасный мир. У каждого входящего в сад есть свои любимые в нем дорожки, уголки и аллеи.

Неизменно в моей первой аллее встречаю серую высокую фигуру старика в старинном сюртуке и сером же необычайной формы цилиндре. Он медленно, не замечая меня, идет навстречу и тихо сам с собой говорит.

Узнаю его: это Ганс Христиан Андерсен. Он на меня не смотрит, но я весь замираю: перед моими глазами проносятся: Оле-Лук — Ойе; двери, поющие: Шнип-Шнап-Шнуре-Бассалуре; Оловянный солдатик, сломанные игрушки, разговаривающие чайники, капризные и прекрасные принцессы, голый король.

А кто это едет на старой кляче, гордо подбоченясь?.. Да, ведь, это-Рыцарь Печального Образа, сам Дон-Кихот Ламанческий. За ним на маленьком ослике — Санчо. Он что-то жует и, видимо, доволен всем на свете. Вижу великана Гулливера, Капитана Немо, Робинзона Крузо с Пятницей и кого только нет в этой аллее!

Сворачиваю в сторону; тут другие лица: и мой отец, и мать, и Саночка, и Дическул, и Слопачинский.

Время летит: где-то звенит тоненький колокольчик...

Визит окончен.

23.

Вот и конец первой части моей повести.

Где вы все, когда-то такие близкие и родные мне лицан..

Где мать?.. мама (не могу даже найти прилагательного для этого слова: какой вздор написать дорогая, милая, когда я до сих пор, почти физически, ощущаю себя кусочком ея тела).

Где она, всегда немного печальная, нежная, всегда все прощавшая, всю свою жизнь родившая, кормившая, лечившая, учившая и страдавшая за своих 14 ребят?

Где схоронена она на далекой родине — остался ли на ея могиле хоть бугорок?

Где милая Саночка, так прекрасно умевшая любить?..

Где безвестные могилы застенчивого Коли Ситкевича, в 14 году, с двумя оторванными ногами имевшего силы вытащить из кармана все свои сбережения (600 рублей) и последними словами которого были: "Передайте эти деньги моему взводу"? Он был круглый сирота.

Осталось-ли что-либо от могилы Бори Дическула, принесенного на наблюдательный пункт 5-ой с начисто оторванной головой?

Нет пылкого Гайрабетова (которого и теперь вспоминаю с улыбкой), буквально, разорванного на части взбунтовавшимися пехотными солдатами в 17 году...

Можно-ли в старенькой, сгорбленном парижском шофере узнать когда-то миловидного мальчика Жоржика Долинского?..

Жив-ли знаменитый Сын Солнца?..

— Что-ж грустить?.. печалиться?.. плакать?..

Никогда!.. Никогда!..

Жизнь продолжается, все идет своим чередом. Мир Божий прекрасен. Все имеет свое оправдание, свою разумность.

Нет мамы... но есть тысячи, миллионы матерей, чужих для меня, меня нетрогающих, незнаемых, но дорогих и близких для кого-то.

Нет Саночки, так прекрасно умевшей любить, но есть миллионы других Саночек, еще может-быть милее и прекраснее, еще лучше кого -то любящих.

Нет Дическула, Гайрабетова, Сережи Зыкова, Оношки — но есть новая молодежь с такими-же радостями и горестями, смотрящая на то-же небо, на те-же звезды и луну, на которые смотрели мы, на которые смотрел и Александр Сергеевич Пушкин, и Николай Васильевич Гоголь, и Антон Павлович. Чехов.

И все-таки назойливая слеза набегает на глаза.

— Вытри слезы... вытри... шепчет мне какой-то внутренний голос. Кто это?.. кто?.. но я бессилен это сделать, да и не хочу.

Пусть-же эти несколько строк, написанных с затуманенными глазами, будут жалким, ничтожным букетиком на все далекие, дорогие мне могилы.

П. Волошин

Последний бой на Персиановке

(10 ФЕВРАЛЯ 1918 Г.)

Жуткие январьские дни эпохи Каледина.

Примерно 11-го января, присутствуя на собрании офицеров в офицерском собрании в г. Новочеркаске, я впервые видел и слышал Атамана Каледина, его помощника М. П. Богаевского, Походного Атамана Ген. Назарова и известного партизана Полк. Чернецова.

В тот момент власть в станице Каменской был захвачена Подтелковым, отряд Полковника Чернецова стоял на станции Новочеркаск и частично был распущен на два дня, путь к городу был открыт.

"Г.г. офицеры, вам нужно внутренне пообчиститься. У меня на всем фронте 67 штыков. Я говорю здесь с вами, но путь к Атаманскому Дворцу открыт и большевики могут его захватить". (Каледин).

"Ваше Высокопревосходительство, на станции стоит мой отряд и, пока я жив, я этого не допущу", — громко и решительно заявил быстро вышедший из рядов маленького роста, черноглазый и энергичный Чернецов.

Обратившись к офицерам, он сказал, что ему нужно немедленно человек 50 офицеров всех родов оружия, на один день, пока соберется его отряд.

Отсчитав необходимое число и отказавшись от лишних, поблагодарив их, он тотчас отправился на вокзал, выдал винтовки и пулеметы, часть оставил для охраны станции и эшелона, а с остальными в ту же ночь занял ст. Шахты.

Новочеркаск немного встряхнулся. Усилили патрулирование по городу и охрану центральной телефонной станции и других важных пунктов. Началось формирование новых партизанских отрядов.

В двадцатых числах, Управление Донской Артиллерии приступило к формированию партизанской артиллерии из добровольцев и мне было поручено формирование первого взвода. Никаких определенных указаний на этот счет не было дано и все предоставлялось моей собственной инициативе.

Я приступил к записи добровольцев.

К вечеру первого дня (это было в начале последней трети января), меня запросили по телефону о количестве записавшихся и приказали отослать всех на следующий день на пополнение офицерского арт. взвода на станцию Зверево.

Я продолжал запись. Добровольцы приходили понемногу, в большинстве гимназисты и реалисты последних классов, два-три юнкера, офицеры разных родов оружия, чином не старше подъесаула. Но попадались и чиновники, и учителя ср. уч. заведений и даже предложили услуги два профессора Политехнического Института, от которых, поблагодарив их, я отказался.

Хуже обстояло дело с материальной частью и лошадьми. Все это приходилось собирать по частям в разных концах города и даже ближайших станицах. Большую помощь оказывал Полк. Ильин, рывшийся в Арт. запасе, арсенале, разных складах и присылавший то банник, то хомут, то масло, или указывавший, где можно взять брошенную такой-то батареей лошадь или телефонную двуколку.

С бору, да с сосенки сколачивалось самое необходимое и к концу месяца взвод имел: 2 орудия, 2 зарядных ящика, телефонную двуколку и строго необходимое число лошадей для запряжки. Имелось также 2 пулемета Люиса, расточенных под русский патрон, с наскоро обученной в юнкерском училище командой.

27-го января 1918 г. приказом Начальника Донской Артиллерии Генерала Астахова взводу было присвоено наименование "1-го Партизанского Артиллерийского взвода Донской Артиллерии", а я назначен его командиром.

К концу месяца приступлено было к формированию других взводов (2-го и 3-го). Мой взвод заканчивал формирование в юнкерском училище.

В день похорон Атамана Каледина, я выслал одно орудие под командой сотника Нефедова для отдания последних воинских почестей усопшему.

Это было все, чем могла быть представлена тогда

Донская артиллерия, но и этому единственному орудию не пришлось проводить прах Атамана до могилы.

Когда траурная процессия двинулась по Платовскому проспекту, орудие свернуло во двор юнкерского училища,, так-как я получил приказание немедленно доставить два мои орудия на станцию для погрузки и отправки на фронт для пополнения материальной части, а мне обещали дать на следующий день два других орудия. Это было исполнено.

Наличие материальной части, людей и лошадей, далеко еще не означало готовности взвода к выступлению на фронт. Кроме небольшого числа офицеров артиллеристов, все остальные партизаны, сплошь юноши, артиллерийского дела совсем не знали, учить их в период формирования было некогда и я просил дать мне хоть два-три дня для самых необходимых занятий.

В этом мне категорически отказали.

В Управлении Артиллерии все это отлично понимали, но фронт был уже под городом Александро-Грушевским (ст. Шахты) и в бой надо было бросать все, что имелось под рукой. Этого требовала обстановка.

1-го февраля (ст. ст.) распоряжением Штаба Походного Атамана взвод был придан к отряду Полк. Черевкова (бывш. Чернецовский) и начал погрузку на ст. Новочеркасск. 2-го февраля отряд прибыл на ст. Каменоломня.

В пути Генерал Абрамов ознакомил командный состав с обстановкой.

В тяжелом бою 4-го февраля у ст. Каменоломня при 20-ти градусном морозе, где взвод заканчивал выгрузку под артиллерийским огнем и мой классный вагон был пробит снарядом, а на позиции было ранено ружейными пулями три арт. лошади, выявились не только все недочеты поспешного формирования, но и трудность совместных действий коня с черепахой.

Черепахой оказался мой взвод.

Превосходство было явно на стороне противника и с наступлением сумерек наши эшелоны с пехотой стали отходить на ст. Персиановка, я-же, покинутый всеми, если не считать двух-трех разъездов, обогнавших вскоре мой взвод, ночью в трескучий мороз, на слабых, некованных лошадях, из коих три были ранены, застрявая в каждой балке, должен был отходить самостоятельно на ст. Персиановка, куда и прибыл поздно ночью.

Честь и хвала тем славным 12-ти юношам-ездовым, которые совершили этот тяжелый поход без всякой предварительной подготовки.

На следующий день мне приказано было отправиться на ст. Новочеркасск и там доформироваться. Надо было снова погрузить орудия и лошадей.

После бессонной ночи, которую я провел в качествѣ стрелочника и сцепщика, помогая коменданту подать мои вагоны к платформе, мой эшелон утром смог, наконец, отойти на ст. Новочеркасск.

В Новочеркасскѣ я получил на пополнение несколько лошадей, немного людей, установил орудия на платформы, приспособив для стрельбы, и 10-го февраля снова отправился на ст. Персиановка.

Родные, с детства знакомые места. Наш кадетский лагерь, роща, передняя линейка. Поезд замедлил ход и остановился на станции. Вспомнился отъезд отсюда, после объявления войны, в Михайловское Училище, а

Ген. Иван Петрович Астахов,
Начальник Донской Артиллерии в январе 1918 г.

в начале июня 1915 г. на фронт в Действующую Армию.

После обеда я вызван был с боевым эшелоном к лагерной платформе для борьбы с красным бронепоездом, появившимся от Каменоломни и пытавшимся прорваться на Персиановку. Быстро проехали лагерь Донской Артиллерии, затем юнкерский и остановились у северной опушки рощи.

Здесь в окрестности каждый год разносился гул орудийной стрельбы, когда Донские льготные батареи вели на полигоне учебные стрельбы, по обозначенному противнику. Теперь перед нами был настоящий противник, которому последние донские орудия должны были преградить путь.

Довольно пасмурный февральский день склонялся к вечеру. Полковник Лысенко с подрывниками пошел вперед взорвать ж.-д. путь. В двух с половиною верстах, еще не выйдя на прямую, дымил красный бронепоезд, но огня пока не открывал. Мы приготовились к бою. В полутора-двух верстах правее ж. д. я заметил шедший в нашу сторону конный разъезд. Там

еще могли быть наши, но никто не мог сказать мне ничего определенного.

Когда вернулись подрывники, я, чтобы выяснить положение, выпустил по нем шрапнель на высоком разрыве. Всадники повернули коней и карьером пронеслись назад в сторону противника. Красный бронепоезд вышел на прямую и открыл по нас огонь шрапнелью. Снаряды рвались хорошо, на нормальных разрывах, но чуть-чуть левее. Я мог стрелять вперед только из одного головного орудия и открыл огонь гранатой. Прекрасный наводчик этого орудия прапорщик Мельников работал уверенно и быстро. Наблюдать было очень трудно. Пасмурный день клонился к вечеру, а телеграфные столбы вдали образовывали как-бы забор. После первых-же наших выстрелов, по нас был открыт еще и пулеметный огонь. Это было хуже. Там настоящий бронепоезд, у нас кроме щита и стоявшего сзади зарядного ящика, никакого укрытия.

Я усилил огонь. После нескольких выстрелов, пулеметный и орудийный огонь противника вдруг сразу прекратился и красный бронепоезд пошел назад к ст. Каменоломня. Видимо, с нашей стороны были удачные попадания.

Выгрузив затем, согласно полученного приказа, одно орудие с запряжкой, которое осталось в юнкерской роще, я с боевым эшелоном вернулся на ст. Персиановка.

День 11-го февраля прошел спокойно, но в это время участь Ростова и Новочеркасска была уже решена.

В результате боя 10-го февраля Персиановка была удержана нами вплоть до 12-го февраля, дня оставления Новочеркасска и ухода в "Степной поход".

Немногочисленная партизанская артиллерия (несколько орудий), участвовавшая в боях на подступах к Новочеркасску, прекратила в этот день свое существование. В "Степной поход" выступили из Новочеркасска только более поздние формирования, а именно: Семилетовская батарея — 2 орудия (Шт. кап. Букин), одно орудие 2-го Парт. арт. взв. Дон. Артиллерии (Сотник Мелехов) и 3-й Парт. арт. взв. Кон. Артиллерии (Подъес. Неживов).

Ни о чем не предупрежденный, не получая никаких приказаний, я узнал о немедленном отходе от Полк. Мамонтова, без указания куда, утром 12-го февраля лишь в последний момент, когда эшелоны уже начали отходить, и выступил слишком поздно. Мой запас снарядов, ружейных патронов, пулеметы, продовольствие и фураж — все осталось в вагонах. Тем не менее я вывел свой взвод со ст. Персиановка и довел его до ж. д. вокзала в Новочеркасске.

На Новочеркасских косогорах мои плохо или совсем не кованные лошади совершенно выбились из сил. На вокзале с минуты на минуту ожидалось выступление местных большевиков в депо и последние эшелоны отходили на Аксай. Медлить было нельзя. По совету встреченных на вокзале двух старших артиллеристов, я отпустил партизан, часть которых присоединилась к другим отрядам, часть-же, вопреки моим советам, во что-бы то ни стало хотела проститься с родными, за что некоторые поплатились.

Оставшись один, я вынул стреляющие приспособления и панорамы, и хотел запречь телефонную двуколку, но с уходившего с последней заставой паровоза мне крикнули, что вокзал уже занят и посоветовали уходить поскорее.

Сложив панорамы и проч. в мешок, я вскочил на коня и рысью направился вдоль ж. д. моста через р. Аксай, где стоял Атаманский отряд, ожидавший Атамана Назарова. Только здесь я узнал, что отходят на Старочеркасск.

При большей распорядительности командования, я мог-бы вывести мой взвод в "Степной поход", но все было кончено.

Е. Ковалев

Легендарный дивизион

"В атаку водим передки
И гоним банником полки".
Из конно-артил. песни.

Поздней осенью 1914 года, когда в Варшаву доносились уже звуки разрывов германской тяжелой артиллерии, по Иерусалимской аллее походным порядком проходил на погрузку на Варшаво-Венский вокзал прибывший из далекой Сибири 1-й Конно-горный артиллерийский дивизион.

Вооруженный миниатюрными, давно устаревшего образца, орудиями, этот дивизион вступил в войну, как средневековый рыцарь с поднятым забралом — его орудия были без щитов — и покрыл себя неувядаемой славой.

В каждом роде оружия были части расквартированные в трущобах, вдали от железных дорог и всякой культуры. На юнкерском жаргоне такие стоянки именовались "дырами" и были уделом малоуспешных, которые при разборке вакансий расписывались под теми дырами, которые им оставались.

В отношении стоянок Конная батарея не являлась исключением и всем юнкерам "мечтавшим" о службе в Конной артиллерии, было известно, что среди "дыр" на последнем месте стояло село Спасское, или урочище Зайсановка, Уссурийской области — стоянка 1-го Конного горного дивизиона.

Однако, юнкера, считавшие за счастье службу в Конной артиллерии, брали вакансии не в города, а в батареи, где бы они не стояли..

1-й Конно-горный дивизион, несмотря на Зайсановку, построенные своими руками конюшни, где зи-

мой царил жуткий холод, был вакансией далеко не малоуспешных... так в 1909 году вышли в него два портупей-юнкера-конника.

Один из них прослужил в дивизионе всего три года: Балканская война — он в рядах Болгарской артиллерии, Великая война — в строю Белгородских улан, Гражданская — начальник туземной дивизии и, наконец, испанский легионер. Казалось бы такой богатый послужной список, в котором занесено и Георгиевское оружие, — есть о чем вспомнить... Описывая один из кровавых боев в Испании, легионер Шинкаренко (Белогорский) вспоминает: "Завтра 14 октября наш Покров... праздник моей батареи "русской".

Этот офицер-идеалист, как и другие выходившие в заведомую дыру, не опускались в ней и впитывали в себя, как с молоком матери, те прочныя начала, коими прославлен 1-й Конно-горный.

А вот солдат, случайно по набору попавшій в Зайсановку и получивший там "закал" 1-го Конногорного дивизиона.

Его я встретил в 1916 году на какой-то прифронтовой станции. Лохматая серая папаха, на широкой груди "бант", на подпрапорщицких погонах серебряные литеры I. Г.

Увидев меня, подпрапорщик немедленно подошел. "Здравия желаю Вашему Высокоблагородию, дозвольте доложить, у нас в дивизионе все слава Богу и господа все здоровы и воюем исправно. Изволили слышать, Ваше Высокобрагородие, как капитан Насонов австрийскую батарею в плен взял?"

Говорили мы с подпрапорщиком, как было принято во всей конной артиллерии, если где-нибудь встречались офицеры, даже раньше незнакомые.

А при расставании, — "Выше Высокоблагородие, дозвольте узнать вашу фамилию, беспримерно передам от В. В. поклон, господа наши рады будут".

Конно-артиллеристы ревниво, но без зависти, следили за доблестью проявленной в боях родными батареями и радовались каждому новому лавру вплетенному в общий Конно-артиллерийский венок.

Слыхали мы о подполковнике Богомольце, командире 1-й батареи, 1-го Конно-горного, прославившегося своими беззаветно лихими выездами под губительнейшим огнем противника.

Слыхали от пластунов, как капитан Омельянович-Павленко, старший офицер 1-й батареи 1-го Конногорного, доставил ночью в окопы пластунов два орудия своего взвода и на рассвете, когда неприятель устремился на наши окопы, выкатил в ручную орудия на гребень окопа и спокойно в упор разил своим огнем врага. Храбрейший из храбрых, поразивший своими действиями пластунов.

Слыхал ли я о капитане Насонове? Кто же не слыхал о беспримерной атаке, воскресившей подвиги героев Отечественной войны 1812 года, имена которых свято хранила Конная артиллерия в своих песнях:

Ермолов, Яшвиль, а с седьмой
Наш Захаржевский удалой,
Никитин, Рот, Сухозанет
И Костенецкий — славы цвет.
Арнольди, Марков и Хрулев
Вы стая славная орлов,
Мы ваши внуки и сыны
В деяниях славы и войны.

1916 г. 28 мая. Развивая успех Брусиловского прорыва, наша пехота теснила Австрийцев. 2-я батарея 1-го Конно-горного, выделенная из 3-го Кавалерийского корпуса Генерал-Лейтенанта графа Келлера для содействия пехоте, самоотверженно сопровождала пехотные цепи, способствуя общему успеху.

Командир дивизиона полковник Богалдин, кавалер Георгиевского креста и Георгиевского оружия, полученных им в период недавнего блестящего командования Туркестанской Конно-горной батареей, наблюдая с мельницы за боем, около 3-х часов дня заметил, как вдруг все поле впереди местечка Заставно покрылось беспорядочно отступающими австрийцами.

"Вот бы теперь сюда кавалерию", воскликнул, продолжая наблюдение за противником полковник, но он знал, что кавалерии на этом участке фронта не было.

Отступление австрийцев принимало все более хаотичесчий характер и видит полковник, как через Заставно уходит на рысях австрийская батарея.

Не выдержало сердце лихого конника, не задумываясь над той ответственностью, которая могла бы лечь на него в случае неудачи, отдает приказание на батарею:

"Вызвать всѣх офицеров и нижних чинов батареи к атаке, направление на Заставно, стремительно проскочить его и дальше действовать в зависимости от сложившейся обстановки".

Вызвать на батарее коноводов было делом нескольких минут.

"Садись, шашки к бою, полевой галоп", — раздались команды и от позиции поскакали широкикм фронтом 60-65 всадников.

Средний взвод, дававший направление, вел сам командир батареи подполковник Ширинкин, на правом взводе скакал поручик Бауман, левый взвод вел капитан Насонов.

Атака была встречена ружейным огнем с опушки местечка, но "марш-марш" и громоподобное "ура" сделали свое дело и Конно-горцы ворвались в местечко.

Австрийцы, ошеломленные атакой, побросали оружие, появились первые пленные.

Исполняя директиву командира дивизиона, подполковник Ширинкин не задерживался, а пошел дальше через местечко, оказавшееся довольно большим.

Капитан Насонов со своим взводом попал в местечке на дорогу и, оторвавшись от других взводов, выскочил раньше их из Заставно.

"Ваше Высокоблагородие", — закричал скакав-

щий впереди разведчик, — "да вон ихняя батарея уходит".

"За мной, на батарею, ура", — и это "ура", подхваченное молодцами, грозно прокатилось по полю.

25 всадников устремились в догонку батареи.

С окраины Заставно удержавшиеся еще там австрийцы открыли огонь по атакующим, какая-то отступавшая рота, видя опасность грозящую их батарее, повернула назад и, стреляя на ходу, побежала на выручку.

Огонь не остановил порыва Конно-горцев и они настигали уже батарею.

Австрийцы нахлестывали лошадей и отстреливались из штуцеров и револьверов. Настолько велика была паника, что батарея не попыталась даже сняться с передков, остановить хотя бы последнее орудие и картечью уничтожить горсточку храбрецов.

Засверкали клинки лихих рубак, еще в мирное время отличавшихся своей рубкой, на состязаниях Уссурийской конной бригады.

Скача по обе стороны, вдоль колонны и нанося удары направо и налево, они наконец, настигли голову батареи и, пристрѣлив нескольких лошадей, остановили головное орудие. Следовавшее за ним, поломав дышло, свалилось в обочину дороги и тогда батарея остановилась.

Несмотря на все время не прекращавшийся, хотя и безпорядочный обстрел, Конно-горцы сноровито вытащили орудие, заменили лошадей, ездовых и, завернув батарею назад, доставили ее на свою позицию.

Трофеем этого налета оказалась 3-я батарея 5-го полевого артиллерийского полка в полном составе 4-х орудий, 30 лошадей в амуниции, двух офицеров и 79 нижних чинов. Командир батареи-капитан доблестно защищавшийся был убит.

Пленные австрийцы говорили, что они не могли понять откуда взялись напавшие на них дикие казаки.

Потери Конно-горцев — 1 убитый и двое раненых.

Когда Генерал-Лейтенанту графу Келлеру было доложено о взятии австрийской батареи, он немедленно донес об этом Его Величеству и Государь Император, минуя Георгиевскую Думу, пожаловал Капитану Насонову орден Святого Великомученика Георгия Победоносца 4-й степени, нижним чинам, участникам атаки пожалованы Георгиевские кресты.

Вечная слава легендарному дивизиону.

Из 10-11 г.г. офицеров кадрового состава, с которыми дивизион выступил на войну, семь удостоены десятью Георгиевскими наградами:

Орден Св. Георгия 4-й ст.:

1. Подполк. Богомолец.
2. Капитан Омельянович-Павленко.
3. Капитан Насонов.
4. Шт.-Кап. Соколовский.

Георгиевское оружие:

1. Подполковник Богомолец
2. Капит. Омельянович-Павленко.
3. Шт.-Кап. Соколовский.
4. Шт.-Кап. Дубяго.
5. Поручик Конради.
6. Поручик Бауман.

Вечная память его героям:

Полковнику Богалдину, вдохновителю атаки на австрийскую батарею, павшему смертию храбрых во главе своего 12-го драгунского Стародубовского полка в конной атаке под Вале-Путно.

Полковнику Насонову, в эмиграции, пресекшему свою жизнь выстрелом из револьвера.

А. фон-Корвин-Вирзбицкий

Портрет Императора Константина I Всероссийского

Количество описанных в нашей специальной литературе всяких Русских графических портретов — достигало 12.000; из них, например, около 700 листов изображают (какое разнообразие!) Императрицу Екатерину Великую, а Великий Князь Константин Павлович, очень нелюбивший своих портретов, запечатлен на 113 листах. Тут будет уместным описать один эпизод, случившийся в Мраморном дворце, во время многолетней совместной жизни Константина Павловича и известного художника А. О. Орловского. Однажды, Цесаревич, перед которым все дрожали, за что-то рассердившись, подошел к Орловскому со сжатыми кулаками и, в припадке гнева, закричал: "Ты знаешь ли, что я с тобою сделаю?" — Орловский ответил самым хладнокровным образом: "А вы знаете, Ваше Высочество, что сделаю с вами я?" Великий Князь, не ожидавший, конечно, такого ответа, отпрыгнул на несколько шагов и тогда Орловский докончил фразу: "*Я нарисую* Ваше Высочество таким — каким теперь вижу...". Константин Павлович, несмотря на возбужденное состояние, понял значение этой *угрозы*... рассмеялся, извинился и обнял художника...

В старой России, исподволь, был создан ряд государственных и частных коллекций самых разнообразных гравюр и литографий (конечно, не машинной фабрикации); наиболее выдающимися (более чем по сто тысяч листов в каждой) были: в библиотеке Императора Николая Александровича и у сенатора Е. Е. фон-Рейтера. Во всех описаниях и исследованиях, наиболее редкие листы отмечены их рыночной стоимостью и местонахождением; среди них числятся и все графические портреты "Императора Константи-

на I", а среди выдающихся редкостей нашей нумизматики — выделяются рубли, с такой же надписью. В начале текущего века, в России, эти портреты оценивались в 100 рублей и выше.

Здесь изображен один из литографированных портретов (из нашего собрания), а задачей этой статьи является пояснение — при каких обстоятельствах появились эти чисто исторические курьезы.

Из всех четырех сыновей Императора Павла I, Цесаревич Константин Павлович наиболее походил на своего отца неказистой наружностью, чертами характера и трагизмом жизни. Родился он хилым ребенком в 1779 г. Вместе с Александром Павловичем, его взяла под свою опеку бабушка Императрица Екатерина II, родителям же их редко показывали. Будучи только двух лет от роду, страшась света и холода, Константин уже проявлял те черты характера, которые вредили ему всю жизнь — в одном из писем, бабушка отмечает его необыкновенную живость, неспособность сосредоточиваться. Когда ему было 12 лет, бабушка указывала на его буянство ("seigneur à batons rompus"), увеличивающееся непостоянство характера, чрезмерное увлечение военщиной, но и на ум и сердечность. Воспитание обоих внуков Императрица поручила Лагарпу и Салтыкову, изложив свой взгляд на эту задачу в знаменитой "Инструкции", оставшейся — теорией. В 1796 году, в припадке гнева, Константин укусил Салтыкова в руку, в это же время, Салтыков писал Императрице о "невыносимом" поведении Константина Павловича, часто передразнивавшего своего отца. В своих воспоминаниях, князь Адам Чарторыжский говорит, что Константин отзывался о своей бабушке "avec une rudesse sans mesure et en des termes les plus inconvenables"...

В том же 1796 году, когда ему было только 17 лет, "невыносимого" юношу женили на принцессе Юлиане Саксен-Кобургской, но уже в 1801 г. (год убийства Императора Павла) она покинула мужа и вернулась к себе. Почему?.. По словам ее брата, короля Бельгийского Леопольда, Константин Павлович, по своему, любил жену, нареченную в России Анной Федоровной, но... между ними встала Императрица Мария Федоровна, мать Константина, другие источники дают другие объяснения — уж очень, мол, военщиной была отравлена семейная жизнь, вставать приходилось в 5 часов утра, под барабанный бой...

15 лет прожил Константин Павлович, после разлуки с женой, в одиночестве, пока не встретил в 1815 году польку — графиню Иоанну Грудзинскую. После пяти лет ухаживания, он добился ее согласия на брак, таковой его с Великой Княгиней Анной Федоровной был расторгнут 20 марта 1820 года и он сочетался вторым браком с Грудзинской, 12 мая того же года. Супруге его был дарован титул Светлейшей Княгини Лович.

Немного ранее, летом 1819 года, в Красном Селе, Император Александр Павлович, *впервые*, высказался о возможности и своего отречения от престола и отречения Константина Павловича в пользу следующего по старшинству брата Великого Князя Николая Павловича, тогда уже женатого и имевшего сына. Ссылаясь на упадок духовных и физических сил своих и на все возрастающие трудности управления государством, сказав, что вследствие этого у него назревает мысль об отречении от престола, он продолжал: "..я не раз говорил об этом с братом Константином, но он, будучи почти одних со мною лет и в тех же семейных обстоятельствах (то-есть бездетным. В. Р.) и с *врожденным*, сверх того, отвращением к престолу, решительно не хочет наследовать мне, а на вас — яв-

КОНСТАНТИН I.

ный знак благодати Божией, даровавшей вам сына. Итак, вы должны наперед знать, что призываетесь в будущем к Императорскому сану". Впоследствии, Император Александр I не раз возвращался к этой теме в разговорах с Великим Князем Николаем, но... в категорической форме Николаю Павловичу *никогда* этого сказано не было...

При вступлении Константина Павловича во второй, морганатический, брак, его решение об отречении приняло, конечно, самую определенную форму, ибо, соответственным манифестом, его вторая супруга и (предположительно) дети — устранялись от прав Императорской Фамилии. В 1821 году, при встрече со своим любимым братом, Великим Князем Михаилом Павловичем, Константин говорил о своем отречении от престола, как вопросе решенном; в том же смысле писали друг дргу письма Император Александр I и

Великий Князь Константин, в январе и феврале 1822 года.

16 августа 1823 года Император Александр I подписал манифест, в силу которого, после его смерти, престол наследует Великий Князь Николай Павлович. Этот манифест и копии с упомянутых писем (Александра и Константина), в совершенной тайне, сведома лишь трех высших сановников, были отосланы Архиепископу Московскому Филарету, с собственноручной надписью Императора Александра I: "Хранить в Успенском Соборе с государственными актами, до востребования моего, а в случае моей кончины — *открыть прежде всякого другого действия*". (По настоянию Архиепископа Филарета, *копии* со всех этих документов, имевших силу государственного закона, были посланы в Санкт-Петербург, в Сенат, Синод и Государственный Совет).

События, имевшие место через два с лишним года, доказали факт доныне необъяснимый, что ни Великий Князь Константин, ни Великий Князь Николай — ничего *о манифесте* от 26 августа 1823 года — *не знали!*.. А Великого Князя Константина Павловича титуловали "Императором" две с лишним недели! И Россия была потрясена восстанием декабристов 14 декабря 1825 года.

Проглядывая историческую литературу этой эпохи, бросается в глаза загадочность поведения Великого Князя Константина Павловича, в эти трагические дни, когда курьеры летали между Варшавой и Петербургом. А в Петербурге? Как только туда дошло известие о кончине Императора Александра I, то-есть 27 ноября, Великий Князь Николай Павлович и все высшие государственные чины сейчас же присягнули Императору Константину I. Только 13 декабря, "тайна" была окончательно открыта в Петербурге. Великий Князь Николай Павлович принял сан Императора, а на следующий день — одновременно состоялись и присяга петербургского гарнизона, и мятеж на Сенатской площади.

Вот тогда-то, между 27 ноября и 13 декабря 1825 г., впопыхах, увидели свет Божий и рубли, и графические портреты "Императора Константина I", но, столь же быстро, эти исторические курьезы исчезли из обращения, за чем строго следила администрация. Мало что удалось припрятать, кое-что ускользнуло заграницу.

Ниже следует перечисление известных ныне графических портретов Императора Константина I (надо обратить внимание на исчезновение или появление на них аксельбантов и вензелей на эполетах).

ГРАВИРОВАННЫЕ ПОРТРЕТЫ

1) С оригинала художника А. О. Орловского, поясной, с лысиной, три четверти вправо. В первых отпечатках подпись: "Константин I (Император и Самодержец) Всеросийский". Во вторых отпечатках (т. е. после 14 декабря 1825 г.) подпись изменена и гласит на польском языке: "Wielki Xioze Kostantyn (Naszelny Dowodzca Wojska Polskiego") (то-есть, "Великий Князь Константин Главнокомандующий Польского войска"), и тут *приделаны* аксельбанты и вензеля А I с коронами на эполетах.

2) С того же оригинала, в овале: на первых отпечатках подпись: "грав. И. Куликовъ. — Константинъ I (Императоръ и Самодержец) Всероссiйскiй", во вторых отпечатках — подпись переделана на "Его Императорское Высочество"..."

3) С оригинала Беннера, на три четверти влево; в первых отпечатках подпись "Его Высочество Великiй Князь (Константинъ Павловичъ)". Во вторых — вензеля на эполетах и аксельбанты счищены и подпись заменена на: "Его Величество Императоръ Константинъ, первый". Все вышеперечисленные гравированные портреты были в огромной коллекции описавшего их — Д. И. Ровинского, но были ли у него (и даже у Морозова) нижеперечисленные *литографированные* портреты — в этом позволительно сомневаться, ибо он *кратко* их упоминает, ограничиваясь следующими неполными данными.

4) "Рис. А. Уткинъ, печат. въ лит. В. Рыкалова", это лист изображенный при этой статье.

5) "Carl Beggrow" с подписью на французском языке: "Constantin Ier, Empereur de toutes les Russies".

6) "Lith. de Ducarme — A. Foucauld" (все три в треугольных шляпах).

7) "Antonin Mme, Lith. de Ducarme". Кроме этих:

8) В овале на три четверти влево, в треуголке, с аксельбантами (?), но со счищенными вензелями на эполетах; вверху двуглавый орел. Овал вставлен в прямоугольную раму. Подпись: "Его Величество Императоръ и Самодержецъ Всероссiйскiй, Константинъ Павловичъ". Справа внизу, под рамкой, украшенной гербами Империи, "Рис. и гр. О. Киселевъ".

Константин Павлович умер от холеры в Витебске 15 июня 1831 г. в присутствии тяжело больной Светлейшей Княгини Лович, которая скончалась в том же году, 17 ноября.

Итак, мальчиком — предназначавшийся на трон Империи Византийской — Константин Павлович, помимо желания, несколько дней носил сан Императора Всероссийского. Жил он в эпоху великих событий и потрясений, но память по себе оставил только, как человек оригинальный, может быть, мечтавший стать королем польским. Знаменательно рассуждение молодого Императора Николая I, высказанное им в разговоре с матерью, Императрицей Марией Федоровной, тотчас же после событий 13-14 декабря. Мария Федоровна сказала:

«Et bien Nicolas, prosternez-vous devant votre frère Constantin, car il est respectable et sublime dans son inaltérable détermination de vous abandonner le trône».

Николай Павлович ответил, отчеканив:

«Avant que je me prosterne, comme vous le dites, Maman, veuillez-vous permettre d'en apprendre la raison, car j'ignore lequel des deux sacrifices *dans une pareille circonstance* est le

plus grand: de la part de celui qui refuse, ou bien de celui — qui accepte». Русская карикатура т. III. 1913 г. 4) Русский биограф. словарь 1903 г. 5) *Толузанов-Белавенец* — Подвиг 300-летнего служения Российских Государей Дома Романовых 1913 г. (где воспроизведен тот же портрет, что и в этой статье) и т. д. За справку же весьма признателен Н. Л. Пашенному.

Владимир фон-Рихтер

ИСТОЧНИКИ:

1) *Морозов А.* — Каталог моего собрания. 1912-13 гг. 2) *Ровинский Д. А.* — Подроб. словарь Рус. гравир. портретов 1889 г. 3) *Верещагин В. А.* —

В. Р.

Ловичский отряд

(ВОСПОМИНАНИЯ)

Во второй половине октября 1914 года, части 43 пехотной дивизии вышли со стороны крепости Новогеоргиевск на шоссе Блоне-Сохачев.

Группа немецкой армии, после неудачной попытки наступления на Варшаву, отошла. Произведя перегруппировку своих войск, она заняла частями ландштурма позиции восточнее города Сохачева.

Во исполнение боевого приказа 169 пехотный Ново-Трокский полк, после артиллерийской подготовки, сбил противника с занимаемых им позиций. Были взяты пленные, а метким огнем артиллерии был сбит неприятельский воздушный шар (колбаса).

Противник, отступая, оказывал небольшое сопротивление наступлению дивизии, части которой 28-го октября заняли позиции западнее местечка Кросневице.

Согласно общих директив командующаго 1-й Армией генерала-от-кавалерии П. К. фон-Ренненкампфа, части 1-й Армии должны были подготовиться для дальнейшего наступления, в частности, 43 пехотная дивизия на город Коло и дальше вглубь Германии.

Но со стороны противника с утра 30-го октября началась усиленная артиллерийская подготовка, для начала наступления на наши позиции.

31-го октября, после ураганного артиллерийского огня, противник перешел в наступление. Многократные атаки противника отбивались доблестными полками дивизии (169 Ново-Трокский, 170 Молодечненский, 171 Кобринский и 172 Лидский полки).

Согласно донесения командира 171 пехотнаго Кобринского полка, Кобринцами до сумерек было отбито тринадцать атак немцев. Убитые лежали у самых окопов и оттуда же раздавались стоны раненых.

Командир полка просил разрешения выслать санитаров для подбора раненых, но начальник дивизии строго запретил, считая, что противник, под прикрытием санитаров, сможет ворваться в окопы.

В 23 часа было передано из штаба корпуса приказание Командующего Армией: с рассветом перейти в контр-наступление.

Во исполнение этого приказа, цепи 171 Кобринского полка в назначенное время начали наступление, но, встреченные сильным заградительным ружейным и пулеметным огнем, пробежав несколько десятков шагов, залегли. (Впереди лежащая местность была ровная и гладкая). В 10 часов поступило новое приказание начать немедленный отход.

К вечеру штаб дивизии прибыл в переполненный отступающими войсками город Кутно, не задерживаясь, двинулся дальше и около часу ночи прибыл на ночлег на сахарный завод Добржелин.

Через несколько времени была установлена телефонная связь с частями и дивизией. В начале шестого часа была получена телефонограмма, что кавалерия противника атакует батарею 43-й артиллерийской бригады. Затем телефонная связь прекратилась. В дальнейшем выяснилось, что попытка атаковать нашу 5-ю батарею не увенчалась успехом.

Как-только начал брезжить рассвет, начальник дивизии генерал-лейтенант Слюсаренко приказал подавать лошадей, чтобы ехать в штаб корпуса. Около 7-ми часов выехали на шоссе, идущее в сторону господского двора Пнево, где находился штаб корпуса. (Командир корпуса генерал-от-инфантерии Чурин). Не успев отъехать от Добржелина несколько сот шагов, мы увидели, что разъезд противника его уже занял.

Подъзжая к господскому двору Пнево, увидел, как восточнее его, на расстоянии 500-700 шагов от железнодорожной станции Пнево, сибиряки радисты (сибирская радио-телеграфная рота) поспешно складывали мачту радиостанции, а у подъезда господского двора стояли поседланные лошади для командира 2-го армейского корпуса и чинов штаба, так-как автомобили были уже отправлены в тыл. Жидкие цели саперной роты занимали позицию на западной окраине поместья. Здесь-же около дома стояли две сотни молодцов-донцов и в то время, когда командир корпуса садился на лошадь, старший из есаулов подал команду: “пики к бою, шашки вон”, дабы, одновременно с отъездом командира корпуса, для его прикрытия, броситься в атаку на кавалерию противника. В это-же время по дороге с юга подошел баталион 104 пехотного Устюжского полка и была подана команда“ баталион поротно, роты по-взводно, стройся”.

Роты рассыпались в цепь, сменив сапер, и прочно заняли позицию. Конница противника не рискнула наступать на нашу богатырскую пехоту.

Немецкое командование, заставив отступить наши части, двинуло против них кавалерию с конной артиллерией, а, главным силам приказало быстрым маневром произвести перегуппировку своих войск и бросило крупные силы против соседней нашей 2-й Армии, штаб которой находился в городе Лодзи.

В это время штаб 43-й пехотной дивизии прибыл в г. Лодзь, где и стал на квартиры, а части дивизии расположились в окрестностях города, так-как, согласно приказа командующего армией, дивизия назначена была находиться в армейском резерве.

В то-же время немцы крупными силами начали наступление на 2-ю Армию и стали обходить ее фланги, так, что создалась угроза окружения Армии.

Согласно директиве Главнокомандующаго Западным Фронтом, приказано было генералом Ренненкампфом, для выручки из тяжелого положения 2-й Армии сформировать особый отряд под командованием начальника 43-й пехотной дивизии генерала Слюсаренко. Отряд этот получил название Ловичского.

В состав нового отряда вошли: 43-я пехотная дивизия, бригада 63-й пехотной дивизии, полк Офицерской стрелковой школы, 9 и 10 Туркестанские стрелковые полки и 6-я Сибирская стрелковая дивизия, части которой, по мере выгрузки, следовали в пункты сосредоточения дивизи.

6-го ноября штаб Ловичского отряда перешел в город Брезины и расположился в здании почтовой конторы, которая находилась на восточной окраине города. Кроме штаба отряда в городе находились: этапный комендант, полевой госпиталь и парковая бригада.

В штабе отряда закипела работа по выработке плана наступления и распределению частей, по мере их подхода.

К 9-му ноября, части отряда были сосредоточены на исходных пунктах с тем, чтобы 10-го ноября перейти в наступление. 10-го ноября в 10 часов вечера в штаб отряда приехал Свиты Его Величества генерал-майор граф Шувалов с предписанием от командующего Армией генерала Ренненкампфа произвести расследование, почему операция идет так медленно.

Около 12-ти часов, граф Шувалов подошел к прямому проводу штаба отряда и попросил к аппарату генерала Ренненкампфа. Когда последний подошел к аппарату, то Шувалов доложил, что в действиях генерала Слюсаренко не нашел ничего предосудительного и что операция развивается успешно и нормально.

Ответ генерала Ренненкампфа был: "все-же я отрешаю от командования генерала Слюсаренко и предлагаю вам, дорогой граф, вступить в командование отрядом".

Около 14 часов генерал Слюсаренко попрощался с нами и уехал.

Около 17 часов приехал в штаб отряда генерального штаба подполковник Меньчуков с предписанием командующего Армией вступить в исполнение должности начальника штаба отряда, а начальнику штаба, генерального штаба полковнику Балтийскому, отправиться в резерв чинов.

Через 2-3 часа, едва успев ознакомиться со обстановкой и войти (конечно поверхностно) в курс дел, подполковник Меньчуков приступил к составлению своего приказа о переходе в наступление.

Опять перемена. 10 ноября утром (операция уже началась) прибыл в штаб вновь назначенный начальник отряда генерал-лейтенант Васильев.

Боевой приказ был написан хорошо, но была допущена одна (как потом оказалось в ходе операции фатальная), ошибка. Давая боевые задания частям отряда, не были указаны конечные пункты движения колонн. Ошибка не была умышленной, но явилась результатом той спешки, при которой родился боевой приказ.

10 ноября колонна 43-й пехотной дивизии, двигаясь по указанному направлению, не встретила на своем пути противника и подошла к окопам 24-й пехотной дивизии, входившей в состав 2-й Армии.

Дивизия была встречена криками "ура" и, продолжая движение, вошла в Лодзь.

Командующий 2-ю Армиею генерал Шейдеман, бывший командир 2-го армейского корпуса (26 и 43 пехотные дивизии) произвел парад дивизии, после чего разрешил частям расположиться на отдых. Таким образом, между колоннами была нарушена связь и образовался прорыв, которым в дальнейшем и воспользовался противник.

Немцы, обнаружив, что могут быть окружены, стали искать лазеек, чтобы выйти из трудного положения. Они крупными силами предприняли наступление против 6-й Сибирской стрелковой дивизии.

В 13 часов поступило донесение от начальника 6-й Сибирской дивизии, что, отражая атаки противника, он влил в бой последний резерв и просит поддержать его присылкой поддержки, так-как противник ведет наступление крупными силами.

Около 14 часов поступило донесение от генерал-майора Тернавского, командующего 43-й пехотной дивизией, что вверенная ему колонна вошла в город Лодзь и расположилась на привал. Тотчас-же было послано приказание генералу Тернавскому немедленно выступить на поддержку Сибирских стрелков. Это приказание Генералу Тернавскому было отправлено в трех экземплярах по разным дорогам.

Примерно около 18 часов вернулся самокатчик Молодяев и доложил, что приказание генералу Тернавскому передал, но расписки, несмотря на просьбу, в получении приказа не получил.

Генерал-майор Тернавский, получив приказание немедленно выступить на поддержку 6-й Сибирской стрелковой дивизии, *приказания не исполнил,* предпочитая отдыхать в г. Лодзи.

В это время 9-й и 10-й Туркестанские стрелковые полки, полк Офицерской Стрелковой школы и бригада 63-й пехотной дивизи вели успешно бой с немцами, взяли около 2000 пленных, пулеметы и часть обоза.

Истекая кровью, доблестные полки 6-й Сибирской стрелковой дивизии, отражая многочисленные атаки превосходных сил противника, не поддержанные резервами, принуждены были оставить занимаемые позиции и начать постепенный отход, что дало возможность немцам (3 гв. резервной дивизии с другими частями) выйти из окружения.

Около 19 часов в штаб прибыл этапный комендант и доложил, что немецкие разъезды подходят к городу. На это начальник штаба рассмеялся и предложил этапному коменданту идти домой и спокойно отдыхать.

В 22 часа вторично пришел этапный комендант и доложил, что немцы на западной окраине города. Услыхав это, подполковник Меньчуков пригрозил коменданту отдачей под суд за распространение панических слухов... Но... Около 3-х часов, Начальник отряда со штабом, под свист ружейных и пулеметных пуль, едва успели выехать из занятого немецкими частями города Бржезины.

Счастливо избежав пленения, штаб отряда прибыл на станцию Колюшки, где и расположился.

С нового места расположения штаба отряда каждые два часа посылались срочные донесения командующему 1-й Армией генералу Ренненкампфу.

Наконец, пришла телеграмма, согласно которой штаб Ловичскаго отряда был расформирован.

Генерал Ренненкампф, генерал Шейдеман и начальник штаба 2-й Армии генерал Чагин были отрешены от занимаемых должностей.

Генерал-лейтенант В. А. Слюсаренко полностью реабилитирован и вступил в командование своею 43-й дивизиею.

А, ведь, могло быть иначе...

В. Панаиот

Полковник Петр Николаевич Шамшев

В мирное время и в начале 1-й Мировой войны полковник Шамшев командовал 1/32 батареей, потом 11/32 дивизионом, а в конце войны 12-й артиллерийской бригадой. Сугубо "кацапской" внешности, среднего роста, с бородавкой на лысине, беззубый и сморщенный, с бородой, растущей во все стороны, как ей вздумалось, он выглядел гораздо старше своих лет. Ему было всего лишь около 50-ти тогда, когда он командовал бригадой. В общем он был похож на Иоанна Грозного, каким его изобразил Репин на своей знаменитой картине, но только глаза были, конечно, совершенно иными. Красавцем его никто бы не назвал и тем не менее он был любимцем всей 32-й бригады, и офицеров, и солдат.

Одевался он соответственно своей внешности и даже еще хуже. Носил обтрепанный коротенький китель, производивший впечатление, что он из него вырос, с короткими рукавами, продолжение которых составляли длинные рукава одетой снизу серой фуфайки. Его штаны были, наоборот, скроены "на вырост". Они были чрезвычайно обширными с особым "конвертом" сзади, который, по словам полковника, был чрезвычайно удобным при влезании на лошадь. Сапоги были опять-таки коротенькими, а остававшаяся незакрытой верхняя часть голени маскировалась концом длинных серых носков, неумещавшихся в сапогах. Зимой, впрочем, он носил валенки.

Наиболее замечательной частью его обмундирования была, однако, шинель. "Я удивляюсь", — говорил по поводу нее телефонист 5-й батареи Шмуль Сонц:— "как полковник Шамшев может носить такую шинель? Я бы ее не надел ни за что". Но полковник Шамшев имел свои основания быть одетым так, как он был одет. Что касается шинели, она была, вероятно, когда-то вполне приличной солдатской шинелью. Во время мобилизации 1914 года Петр Николаевич обернул ее погоны защитной тряпкой, как было заведено для войны, начертал на ней чернильным карандашем две полоски, долженствовавшие изображать штаб-офицерские просветы на нормальных погонах и добавил к этому еще три кляксы, в соответствии с тремя звездочками подполковника.

Дожди, мочившие всех нас потом на войне, размыли и даже отчасти вообще смыли эту художественную работу и потому, впоследствии, чин Петра Николаевича был не совсем ясным для лиц, видевших его впервые. На фронте это ему не мешало — его знали все, до пехотных солдат включительно. Другое дело было в тылу, во время отпуска. Он сам, смеясь, рассказывал нам эпизод, с ним случившийся.

Когда однажды в Киеве он захотел навестить знакомых, швейцар отказался впустить его в дом. Тогда Шамшев распахнул свое знаменитое "пальто" и показал удивленному швейцару орден св. Георгия 4-й степени, св. Владимира 3-й степени на шее и золотой эфес Георгиевской шашки. Швейцар покачал головой, но все же впустил.

Шинель эта имела, однако, и свою хорошую сторону: зуб времени имел на нее самое незначительное влияние. Превратив ее сразу в Бог знает что, он затем оставил ее в том виде в покое, и потому, даже в 1920 году, у Врангеля, она не стала хуже, чем мы ее привыкли видеть.

Как я уже упомянул, Петр Николаевич имел веские соображения для ношения такой формы одежды, а именно — пользу службы.

— Смотрите, — говорил он нам: — я сяду в эту грязь (и полковник при этом действительно в нее садился) и отдохну. А вы боитесь испачкать свою одежду, а потому стоите и устанете. И вот, когда надо будет показать максимум энергии, я то сделаю, а вы — только кое-что и кое-как.

Он был, конечно, прав. Человек не смеет быть рабом своей одежды и он показывал один из практических способов, как поставить одежду на подобающее ей место, чтобы она не зазнавалась чрезмерно, как то мы видим в жизни на каждом шагу и в особенности — в мирное время.

Какая бы ни была жара, Шамшев был всегда в шинели и движением ладони, поставленной ребром, сгонял с лысины ручьи пота.

— Петр Николаевич, — говорили мы ему, — отчего вы не снимите шинель?

— Ох, искушение, — отвечал он. — Старите вы меня. Вы все почему-то считаете, что надо закалять-

ся против холода, но никогда не думаете, что то же самое нужно делать и в отношении жары.

И когда кто-нибудь приезжал к нему летом без пальто, он всегда отмечал этот печальный, с его точки зрения, факт:

— Вы без пальто? Легкомысленно, — и качал неодобрительно головой.

В смысле вечности, шинель полковника была исключением. Его прочая одежда изнашивалась и время от времени подлежала замене. В особенности протирались его замечательные штаны: и от седла, и от того, что он садился куда попало. Шамшев, вообще, утверждал, что "одежду человек должен носить так долго, пока она, разложившись на составные части, сама с него свалится". Но сам он этого процесса разложения не замечал и следить за ним было добровольно взятой на себя обязанностью адъютанта, штабс-капитана Макарова. И вот, время от времени, адъютант, окинув своего командира испытующим оком, говорил ему:

— Петр Николаевич. Достаньте из "Гинтера" запасные штаны и переоденьтесь, эти уже протерлись.

— Ох, искушение! Старите вы меня, — отвечал на это полковник своей любимой фразой.

— Перемените штаны, — настаивал адъютант.

— Ох, искушение, — повторял командир, — если я надену новые брюки, у меня не будет запасных и кто мне сошьет такие же с "конвертом"?

— Не беспокойтесь, — настаивал адъютант. — Старые брюки вы дадите мне. Я их пошлю своей жене в Киев, а она уже постарается, чтобы портной сшил вам точную копию. Переодевайтесь.

И полковник сдавался.

То же самое было и со стрижкой.. Когда адъютант замечал, что начальство начинает походить на дикообраза, звал парикмахера и говорил командиру:

— Садитесь на стул. Вас сейчас обстригут.

А парикмахер с ножницами делал угрожающий шаг вперед. Полковник только успевал прошептать свое "ох, искушение" и уже сидел на стуле, покорившись судьбе. Такой диктаторский способ адъютант завел для того, чтобы избежать длительных препирательств, вроде "а нельзя ли этого избежать? А нельзя ли отложить?" и т. д.

О внешности полковника заботился, таким образом, адъютант, но что касается забот о его комфорте, они естественно принадлежали вестовому (после стольких лет я забыл его имя). Дело осложнялось тем, что Петр Николаевич держался точно предписанных норм и потому, кроме "чемодана-кровати системы Гинтер", на войну ничего не взял. На внутренней стороне этого инструмента была табличка с перечнем вещей, которые рекомендовалось туда уложить, чтобы иметь с собой действительно все самое необходимое, в обрез, конечно, и не считаясь с индивидуальными вкусами.

И вот, Петр Николаевич, при укладке во время мобилизации, придерживался строго этой инструкции, вплоть до "фотографии любимой женщины" и "двух плиток шоколада". Фотографию, впрочем, он, если и возил, то нам не показывал, но одной из "двух плиток шоколада" угостил осенью 1916 года присутствовавших на его наблюдательном пункте и воздавших хвалу господину Гинтеру за предусмотрительность.

Война, однако, вместо ожидавшихся нескольких месяцев, растянулась на годы и малая емкость чемодана могла быть причиной того, что Петру Николаевичу пришлось бы переносить массу неудобств и лишений, если бы вестовой не старался дополнить снаряжение своего полковника.

Двуколка, положенная по штату артиллерийским штаб-офицерам, была достаточно просторной для багажа в несколько раз большего, чем одинокий "Гинтер", и вестовой воспользовался оставшимся пространством, наполнив его всевозможными, нужными, по его мнению, вещами. Из экономии, он при этом, конечно, ничего не покупал, но просто брал, где только можно было брать без скандала, и наполнил двуколку до верху.

Занятый высшими соображениями, полковник не замечал, что перед его кроватью, на глинобитном полу хаты, лежит коврик не хозяйский, но вынутый из его же двуколки; что он сам сидит не на скамейке, а на настоящем стуле и пользуется посудой не этих, но бывших хозяев, и т. д. Но раз или два раза в год, увидев случайно свою двуколку наполненной до краев, он проявлял совершенно неуместное, с точки зрения вестового, любопытство, которое кончалось нервным потрясением для обоих: командира и вестового. Мне пришлось, однажды, в селе Перковцы, в марте 1916 года, с группой офицеров, сидевших на завалинках, присутствовать при такой трагедии.

— Это что такое? — грозно кричал Петр Николаевич, вытаскивая из двуколки ковер.

— Ковер, — уныло отвечал вестовой.

— Откуда он взялся?

— От благодарного населения, — следовал опять унылый, но прямой ответ.

— От населения? — еще более возвышал голос полковник, выбрасывая ковер из двуколки и извлекая следующий предмет: — А это что такое?

— Утюг, — сознавался вестовой.

Утюг постигала та же участь, а на лице вестового было написано душевное страдание — для него такая ревизия была инквизицией. И она продолжалась, пока в двуколке не оставалось ничего, кроме места для "чемодана-кровати системы Гинтера", а полковник, устав от пережитого волнения, не скрывался в хате.

— Вот видите, — обратился затем вестовой к нам, свидетелям этой сцены, за сочувствием: — Ведь о нем же забочусь, а он.... — вестовой безнадежно махнул рукой.

— Знаешь что, — сказал ему, смеясь, капитан Курзеньев: — Я не подзадариваю, но на твоем бы месте собрал бы все и уложил обратно в двуколку.

— А вы думаете я этого не сделаю? — ответил вестовой и занялся сбором и укладкой.

Ведь следующую "ревизию" можно было ожидать

только в весьма отдаленном будущем (и с такими же результатами, конечно).

В мирное время Петр Николаевич был замечен высшим начальством и стал в артиллерии исключением: получил батарею и производство в подполковники без прохождения курса Офицерской Артиллерийской Школы, обязательного для всех капитанов артиллерии, так как Командующий войсками Округа представил о нем специальное донесение, что, мол, знания капитана Шамшева настолько обширны, что посылать его в школу не стоит.

Естественно, что на стрельбе Шамшев пользовался полной свободой и мог производить любые эксперименты, хотя бы и в разрез с официальными "Правилами стрельбы". Помню такой случай, когда я был еще новичком в 32-й бригаде. На зимней стрельбе, получив при первой очереди только "клевки", Шамшев подал команду:

— Уровень больше 0-02- вместо уставного -0-10- (или 0-20). — Я выразил свое удивление соседям.

—Напрасно вы думаете, что Шамшев не умеет стрелять, — ответил мне один из них с неудовольствием в голосе: — Если он подал команду -0-02-, это лишь значит, что у него была какая-то определенная мысль, которая нам остается неизвестной.

Потом я убедился, что в стрельбе у него было вообще очень много интересных мыслей, но так как он ничего не писал, то только некоторые из них становились достоянием узкого кружка его слушателей. К тактике же, общей и артиллерийской, он был совершенно равнодушен (как 90 процентов русских, австро-венгерских и, надо полагать, и прочих артиллеристов того времени). Я объясняю себе это тем, что в тактике нет (или — почти нет) прицелов, угломеров и уровней, а Шамшев жил стрельбой и тем, что к ней непосредственно относится.

И вот (в мирное время) по воскресеньям, идя на обед в офицерское собрание, я часто видел группу офицеров 1-й батареи, занимавшуюся приборами для стрельбы под руководством своего командира. Не знаю, насколько искренне были заинтересованы в этом подчиненные, но Шамшев — вне всякого сомнения.

Как-то летом я ехал в экипаже, вместе с ним, из города на Шубковский полигон и всю дорогу Шамшев меня экзаменовал на местности:

— Если позиция здесь, то где вы поставите передки? Если наблюдательный пункт там, где будет позиция батареи? Если точка наводки здесь, а цель там, какой угломер вы скомандуете? Какая дистанция до этого дерева? и т. д. и т. д.

Я и не заметил, как мы приехали.

Иногда он любил что-нибудь рассказывать, всегда интересно и с большим юмором, напр., как в кадетском корпусе играл с товарищами в индейцев. Мог также иронизировать и даже быть ядовитым. Он презирал лентяев, пьяниц и незнаек, и изощрялся на их счет, в глаза и за глаза, а на войне вздыхал, что с подобными господами нельзя поступить, как с негодными лошадьми: собрать комиссию, составить акт и пристрелить. Помню такой случай: 5/32 батарею сменяла 2-я батарея 1-го отдельного горного артиллерийского дивизиона (в мирное время — 3-й дивизион нашей бригады), которой командовал подполковник Иоаким (Кима) Радчевский. Он приехал вместе с поручиком Гогичайшвили (Гоги), нашим подпрапорщиком в мирное время. На все, что надо было принять к сведению или сделать, "Кима" говорил:

— Гоги, заметьте это. Гоги, вы это сделаете. Гоги, вы поедете...

Шамшев (тогда командир II/32 дивизиона) слушал молча, и когда "Кима" и "Гоги" ушли, сказал нам:

— Слышали? Все Гоги да Гоги! К чему тогда "Кима"? Комиссию, акт, пристрелить!

Но говоря так жестоко, Петр Николаевич принадлежал к числу тех людей, которые не обидят и мухи. Досужие люди подсчитали, что число дисциплинарных взысканий, наложенных на нижних чинов в течении определенного времени было: у 3-й батареи — 103, у 1-й — только 3. Но притом, однако, никто не мог сказать, что дисциплина у 1-й батареи слабее, чем у 3-й. Это было как раз наоборот, ибо тень неудовольствия на лице командира 1-й батареи была большим наказанием для провинившегося, чем крик, брань, "рукоприкладство" и в конце — уставные меры командира 3-й (и 7-й) батареи.

Кроме того, у командира 1-й батареи, благодаря человеческому обращению командира с подчиненными, никому не надо было кривить душой, тогда, как у 3-й батареи существовал своего рода молчаливый заговор против жестокого командира, возглавляемый старшим офицером батареи, старавшимся как только было можно защитить солдат, и все это, конечно, только разваливало дисциплину.

"На войне нет дисциплины, но только взаимное согласие". Книга Рене Кентона, которому принадлежит приведенное изречение, вышла только после 1-й мировой войны, но Шамшев завел в свое батарее это "взаимное согласие" уже в мирное время, по собственной инициативе. Однако, потом, в должности командира дивизиона, он проявлял определенное "непротивление злу" в отношении одного из командиров батареи и таким образом в этом отношении не был исключением среди своего поколения. Но все-таки, несмотря на свою "керенщину", полковник Шамшев был блестящим артиллерийским офицером.

Он не совершил на войне никаких геройских подвигов: не взял Берлина, не взорвал Тенгинское укрепление и даже "смертию своею не запечатлел" чего-нибудь, но вся жизнь его на войне была постоянным геройством и самоотвержением, и потому никто из офицеров и солдат не сомневался в том, что орден св. Георгия и Георгиевское оружие он носит по заслугам. О роли же офицера на войне он сам говорил так:

— Офицер, поскольку не будет убит на войне, может сказать только тогда, что он исполнил свой долг, если умрет от истощения сил, на другой день после заключения мира. Но он должен хорошо знать

и рассчитать свои силы, потому что, если он того не сделает и умрет хотя бы накануне заключения мира, это будет означать, что своего долга перед Родиной он не исполнил.

— А вы, Петр Николаевич, рассчитали? — спрашивали мы.

— Рассчитал, — коротко отвечал Шамшев и делал всегда гораздо больше, чем можно требовать от хорошего командира дивизиона. Он всегда знал весь фронт дивизии до мельчайших подробностей, а перед прорывом у Окны (в конце мая 1916 года) зашел даже так далеко, что сосчитал не только пулеметные, но и ружейные бойницы в линиях обороны противника. Такое знание позиции противника позволило ему быть неоценимым сотрудником "трех волхвов", подготовлявших прорыв.

"Три волхва", замечу, были: подполковник Василий Фадеевич Кирей, командир 4-й батареи и два чужих нам полковника: Рудольф и фамилию другого не помню. Они были назначены командующим армией генералом Лечицким, за неимением толковых артиллерийских генералов в 9-й армии. Душой всего дела был Кирей. Шамшев не попал в число "волхвов" вероятно потому, что был скромным человеком, неизвестным командующему армией. Но не попав туда, он, конечно, был привлечен к их работе (об этом упоминает и Кирей в своей книге "Артиллерия атаки и обороны").

Когда большая часть артиллерии, 211 орудий, заняли (или должны были в ближайших же днях занять) позицию в селе Ржавенцы, и телефонисты должны были поставить свои, так сказать, бесконечные телефонные линии, мог бы настать (и часто уже наставал) хаос, так как телефонисты потом не узнавали своих линий, а индукция, со своей стороны, передавала разговоры и команду не по адресу.

Вот тут-то и вмешался Шамшев: шесты с проводами, в зависимости их направления в отношении стран света, делались различной, но определенной высоты, а провода в ходах сообщений велись на "коликах Шамшева", по зарубкам и, тот или иной, телефонист вел свой провод всегда по одной и той же зарубке на колике, забитом на определенной стороне хода сообщения. Манипуляция с проводами таким образом упростилась, а скрещивание проводов упразднилось. Мелочь, но весьма существенная.

Затем, в сотрудничестве со своим большим приятелем, командиром 126-го пех. Рыльского полка полковником Дафальским (к 1.I.1916 г. единственным полковником русской армии с Георгием на шее), он разработал план уничтожения солидных проволочных заграждений на всем фронте полка без выстрела со стороны артиллерии и без потерь со стороны пехоты.

План был основан на том, что ночью пехота может стрелять только вперед, перед собой, ибо, что делается по сторонам, она не видит. Таким образом возникают мертвые пространства, и полковники определили точно, где именно. И вот потом, ночью перед битвой, полк вылез наружу, закинул в заграждение якоря, благополучно вернулся в свои окопы и затем стянул все к своим окопам.

Придя утром на наблюдательный пункт, я, что называется, не верил своим глазам: вчера там было проволочное заграждение, сегодня — чисто. Если принять в расчет, что для пробития одного прохода шириной всего лишь в полтора метра нужно иметь батарею и 800 снарядов (75 мм.), то сколько батарей и снарядов было таким путем съэкономлено, т. е. могло получить иное, более существенное, назначение.

В начале 1915 года нашей бригадой командовал известный герой, писатель и профессор, молодой генерал-майор Леонид Николаевич Гобято. Он прославился еще поручиком при обороне Порт-Артура. Был человек безумной храбрости и о себе говорил, что, мол, "страдает редкой аномалией — абсолютным отсутствием страха". Всем своим поведением он подтверждал это ежедневно на глазах у целой дивизии, и потом солдаты говорили, что "если бы все наши генералы были похожи на Гобято, мы были бы в Берлине в 1914 году".

И вот он настолько ценил Шамшева, что уезжая обратно в свою 35-ю артиллерийскую бригаду (где потом был вскоре убит в районе штаба дивизии!), сделал оригинальный жест: передал командование бригадой, минуя командиров дивизионов, командующему 1-й батареей полковнику Шамшеву.

Шамшев оказался "поставленным в неловкое положение" и сейчас же приехал к "папе М.", командиру 2-го дивизиона "извиниться", а затем, для соблюдения декорума, начальник дивизии восстановил в правах "папу М.", а Шамшев вернулся в свою батарею. Случай показывает, между прочим, и то, что и Гобято страдал "керенщиной" и, познав "папу М.", не выгнал его вообще вон.

Одно время, осенью, Шамшев был мучителем нашего командира бригады генерал-майора Обручешникова. Генерал играл в винт, пил, если что-либо удавалось достать, ел, спал и "не мог отличить фокса от мопса", а бригадой фактически командовал бригадный адъютант штабс-капитан Таматин, отличный офицер.

И вот, однажды, тогдашний начальник дивизии, известный генерал А. С. Лукомский, уличил нашего генерала в незнании, что делают и где стоят его батареи. Установив этот печальный факт, Лукомский, согласно общему правилу ("керенщина" еще раз) оставил нашего генерала в покое и пригласил Шамшева на неофициальную должность как бы "начальника артиллерии дивизии". Шамшев поселился вместе с Обручешниковым.

Последний заметил, что его игнорируют и решил "исправиться": подзубрить место позиций батарей. Проще всего было бы, конечно, их объехать и осмотреть, но генерал был на это неспособен. Поэтому, он решил ограничиться теорией: картой и практическими знаниями своего сожителя. Разговоры по этому поводу происходили в таком духе:

— Петр Николаеви, где стоит 3-я батарея?

— 500 шагов севернее мостика.

— Петр Николаевич, а где этот мостик?

— 150 шагов западнее группы хат.

Генералу становится не по себе и, оставив 3-ю батарею в покое, он пробует следующую, в тщетной надежде, что Шамшев, может быть, случайно проговорится:

— Петр Николаевич, а где стоит 4-я батарея?

— На окраине леса.

— Какого леса?

— Буковэго.

Тут генералу становится ясно, что от полковника он ничего не добьется, и он умолкает... на этот лишь день, а на следующий повторяется то же самое, с различными вариациями.

Шамшев мечтал о том времени, когда будет изобретен особый "прибор, для определения причитающегося содержания". Он объяснял нам свою идею так. 20-го числа все имеющие получить жалование становятся в затылок по чинам, подходят к прибору и нажимают определенную кнопку. Прибор моментально оценивает служебную деятельность каждого за истекший месяц и отщелкивает в специальном окошечке, например:

100 процентов — офицер исполнил свои обязанности, или 50 — исполнил только на половину, или 200 — работал за двоих, или 0 — ничего не делал, или "Доплатить 100 процентов" — проявлял вредную деятельность.

И добавлял Петр Николаевич:

— Наш генерал только в исключительных случаях получал бы "ноль", а нормально — постоянно бы доплачивал. Изобретите такой прибор? — обращался он к нам: — Он совершенно необходим.

В 1917 году Шамшев получил 12-ю артиллерийскую бригаду и стал нашим левым соседом в XXIII армейском корпусе, которым тогда командовал "наш" Кирей, шагнувший так высоко в течении лишь одного года.

Была революция и о деятельности Петра Николаевича там я имею лишь скудные сведения. Я слышал, что он был произведен в генерал-майоры, но. сказав при этом свое обычное "ох, искушение", он на производство не реагировал и продолжал подписываться "полковник Шамшев". У него была такая манера: ко мне, например, он в официальных случаях всегда обращался со словами "поручик".

— Петр Николаевич, — возражал я: — я уже 2-й год штабс-капитан!

— А чем бы вы были, если бы не было войны?— спрашивал он.

— Поручиком, конечно, — отвечал я.

— Ну, вот видите, — заканчивал он. — Вполне поэтому логично, что он "не признавал" и собственного производства в генералы.

Затем мы слышали гул его орудий уже тогда, когда сами окончательно умолкли, и делали из этого заключение, что и там, несмотря на все комитеты, его авторитет остается на своей высоте. Потом умолк и он. Развлекался тем, что плел из прутьев корзины и продавал их желающим за свечку и серебряный пятак. Свечка нужна была ему, чтобы при ее свете сплести следующую корзину, а пятачек будто бы шел на материал.

Но и тогда он оказался настолько силен, что когда новое украинское правительство отдало приказ о демобилизации, он, для того, чтобы иметь дорогу свободной, вел свою бригаду ночными переходами на протяжении нескольких сот верст в назначенный ему город и там нормально демобилизовался. Материал был сложен в складах и, как он сам впоследствии рассказывал, немедленно же был разграблен местными жителями.

В 1920 году, когда я служил в Севастопольском местном батальоне, один из моих коллег, штабс-капитан Ильенко (тоже артиллерист) рассказывал мне как-то о своей поездке в район Стрелецкой бухты и, между прочим, упомянул, что через бухту его перевозил на катере какой-то оригинальный старик. От местных жителей он услышал, что это старый адмирал, давно в отставке, который, мол, не может расстаться с морем и плавает по Стрелецкой бухте, управляя хотя бы таким мизерным суденышком. Мне даже говорили его фамилию, — добавил Ильенко, — но я забыл ее. Помню только, что она какая-то шепелявая.

Меня вдруг, что называется, осенило:

— Шамшев ли? — спросил я.

— Да, да, — ответил Ильенко, — конечно Шамшев.

— Могу вас разочаровать в таком случае, — заметил я, — это вовсе не адмирал, но командир 12-й артиллерийской бригады, а перед тем — мой командир дивизиона.

Открытие, что Шамшев находится в Севастополе, дало мне мысль объединить под его командой разбросанных офицеров 32-й артиллерийской бригады и для начала создать хотя бы одну батарею. Я сейчас же сообщил эту мысль полковнику К. В. Курзеньеву, бывшему командиру 5/32 батареи, который сразу одобрил ее:

— Конечно, — сказал он, — в батарее Шамшева я могу быть орудийным фейерверкером.

— Едем к нему сейчас же, — предложил я и мы поехали.

Пароходик через Стрелецкую бухту в этот день почему-то не ходил. Мы взяли лодку и, подплывая к противоположному берегу, увидели Шамшева, на котором была известная нам шинель. После радостной встречи он повел нас в свое жилище, отчаянную комнату, в которой единственную ее меблировку составляла старая "чемодан-кровать системы Гинтер", а на полу валялись рыболовные сети.

Шамшев был теперь — начальник полигона. Его назначил на эту должность наш общий старый соратник, генерал Василий Фадеевич Кирей. "Полигон" был вполне мифический, но Петр Николаевич не мог сидеть без дела и потому нашел себе занятие: плел сети, ловил рыбу и в качестве рулевого на паровом катере перевозил народ через Стрелецкую бухту. На-

род этот, между прочим, обращался к нему со словом "отец", о чем Шамшев сообщил улыбаясь.

Он, конечно, приветствовал наше предложение воскресить и возглавлять 32-ю артиллерийскую бригаду. Оставалось установить некоторые адреса наших офицеров, списаться с ними, а затем возбудить соответствующее ходатайство.

Однако, из этого ничего не вышло, так как дела на Перекопе приняли такой оборот, что наш проект пришлось похоронить, а вместо этого — садиться на пароходы и отплывать в неизвестность.

Петра Николаевича я больше никогда не встречал и ничего о нем не слышал.

В. Е. Милоданович

„Пустой случай"

Полковник отпил из своей граненой кружки и сказал: "Да-с, друзья, мои, звери сугубые, какой фенрик не мечтает о белом эмалированном крестике?.. Какому желторотому корнету не грезилась, порой, бессмертная атака Кавалергардов под Аустерлицем? "Regardez, mes généraux, c'est l'ataque des dieux", — сказал тогда Наполеон... Кому из них не снился бешеный карьер уланских эскадронов Домбровского под Соммой-Сьерой?.. Конные рейды Латур-Мобура или кривые клинки Цитеновских гусар?.. ну, и всякая такая штука... Все это само собой понятно, ведь, каждый офицер учится и живет для подвига, для того, чтобы умереть... "Живот за други своя". Так-то, судари мои-с..." (полковник любил изъясняться по старинному).

"А вот я вам расскажу другое", — он снова приложился к своей кружке и, аккуратно вытерев чистым носовым платком свои седые, прокуренные усы, продолжал: "и тут не о блестящих атаках будет речь, а о подвиге совершенно другого рода... Расскажу я вам, с вашего разрешения, дорогие мои звери, о том, чем силен был когда-то еще Русский офицер. Случай этот довольно пустой... впрочем, как на чей взгляд.

В те далекие времена, а это было еще задолго до первой мировой войны, имел я честь служить в славном А-ском полку. Полк этот, хоть и скромный, как вы знаете, один из славнейших среди славных полков Российской конницы нашей. Серебряные трубы за Бородино, Георгиевский штандарт за Фер-Шампенуаз... "Не нам, не нам, а имени Твоему". Драгунские кони паслись тогда на Елисейских полях... Э, да что говорить, таких полков больше нет на свете, да уж, конечно, и не будет.

Полк наш, как вам известно, стоял в Митаве, бывшей столице Курляндии. Нужно вам сказать, что городок это прелестнейший, особенно летом. Узкие улички и старинные баронские особнячки тонут в цветущих липах и звенят миллионами пчел. Тихо несет мимо города свои полные воды красавица Аа. Огромный, окруженный столетними деревьями дворец Курляндских герцогов, строенный самим Растрелли, бросает свою мрачную тень на гладь реки. Старушка-Митава вся в прошлом. Много видели ее площади, ее старые фасады домов... Между прочим, в подвальной каплице замка, мне еще довелось видеть тяжелые, свинцовые саркофаги герцогов Курляндских и Семигальских, а при блаженной памяти Императоре Павле I-м пребыванье свое имел в Митаве брат казненного Людовика XVI-го, граф д'Артуа, будущий король Франции. Многое бывало...

Впрочем, должен сказать, что сонная Митава являла порой собой скуку изрядную. Полк наш, скромный и из небогатых, не позволял себе ни абонементных лож в театрах, ни француженок-содержанток, ни кровных рысаков под голубыми сетками, — все это было в столицах... что же? — каждому свое.

Мы жили маленькой, дружной полковой семьей и были довольны: утром манеж и "вольт налево", "рысью марш"... Потом занятия в эскадроне, обед в собрании (эх, хорошо у нас борщ варил, помню, повар). Ну, конечно, рюмка водки к этому, ну, другая, а больше ни-ни, — не сапожники... Натурально, иногда бывали и кутежи "с дамами" из Риги, да, ведь, это на частных квартирах, дело, как говорится, семейное. Повторяю еще раз, стоянка была тихая и жили мы тихо. В баронские дворцы-особняки нас, господ офицеров, приглашали редко, да и тосчища там бывала смертная. Иной раз на губернаторских балах в лепном розовом зале замка, где еще по узорчатому паркету сам Эрнет Иоган Бирон прогуливался, — там бывало по назначению вальсы и мазурки танцевали, а так в общем тихо.

Состояли мы однобригадниками другого полка, были то славные гусары Иркутские. Была это отдельная бригада Хана Нахичеванскаго. Хан начальником был ласковым, хотя временами и крутым. Ну, и не враг бутылки. Видели, мы молодежь, его редко, а слышать — слышали, будто конник его превосходительство изрядный, а пуще всего бережет субординацию и честь господ офицеров ему подначальных.

Случилось все это со мной зимой, помню, в Крещенские морозы. Как всегда нанес ветер с моря огромные снеговые сугробы и засыпал ими узкие улички старого города. Окованная льдом река стала и потянулись по ней, оставляя за собой длинные, синие следы, возы с дровами. Вечером рано гасли огни в окнах домов, ветер свистел в оголенных, черных липах и печально, и тонко били часы на башне старинной церкви Св. Олафа. Скучно на этом свете, господа...

Я уже докладывал вам, что зимой, нам-молодежи, кроме офицерского собрания деваться бывало некуда. Единственное место встречи местного бо-монда, куда и нам ходить не возбранялось, была старинная гостиница "Zur goldener Brücke", стоявшая в городе еще, пожалуй, со времен рыцарских. Здесь, под дубовыми, закоптелыми балками потолка можно было все-

гда съесть порцию хорошаго бифштекса или пару горячих сосисок с капустой, а то просто посидеть с приятелем в нише зала за доброй кружкой пива... Широкий, как зев легендарного дракона, камин, бывало, весело трещит сырыми березовыми поленьями. За заиндевевшими окнами стонет северная вьюга... Хорошо сидеть в такой вечер в теплой трактирной зале и слушать, как мерно и важно тикают большие часы на стене, как в отдельной комнате сухо стучат друг о друга биллиардные шары... а на плечах двадцать лет... Помню, на закоптелом камине старинной вязью стояли слова: "Anno Domini 1662". Кто только не перебывал здесь?.. Если послушать рассказы старожилов, если заглянуть в пыльные архивы города, можно было узнать, что здесь пребывание когда-то изволил иметь XII-й Карл-Северный Лев, шедший воевать неведомую Московию, здесь живал Великий Преобразователь России Петр I-й. Что в морозные ночи заезжали сюда во двор, на заиндевелых конях, усатые рейтеры Шереметьева, первого графа Российского, научившагося, после Нарвы, бить своих учителей... Всего бывало... По старым книгам и рассказам любопытствующий узнал-бы, что именно тут, в этой гостинице, тягался когда-то Сашка Меньшиков, Светлейший князь Ижорский, со своим ривалем Морицем Саксонским из-за руки вдовствующей герцогини Курляндской Анны Иоанновны. Здесь еще вам показали-бы покой, в котором после Тильзита ночевал и "обед кушать изволил" Государь Император Александр I-й... В мое время, на правой обочине гостинничного камина еще можно было с трудом разобрать слова: "Pendant la marche sur Saint Petersbourg, Vive l'Empereur!"

"В мое время, звери дорогие", и полковник стал скручивать себе толстую, в палец папиросу, — "нас молодежь влекло сюда иное.

Это "иное", — скажу вам прямо, — были две хорошенькие дочки хозяина, прислуживавшие там. Звали их Амальхен и Аннхен. Обе пухленькие, обе блондиночки, обе с прелестными ямочками на щеках — они были так похожи одна на другую, что отличить их было трудно. Часто Амальхен называли Аннхен или наоборот. Эти маленькие недоразумения не вызывали ничего, кроме звонкого девичьего смеха, с одной стороны, и горячих извинений благородного корнетства, с другой. Друзья мои", — здесь голос нашего рассказчика принял другие нотки, "даю вам слово офицера, что ничего дурного о сих молодых девушках сказать было нельзя. Верьте слову-с.

Долго-ли, коротко-ли, скажу прямо и без экивоков, случилось мне влюбиться в меньшую из сестер Аннхен без памяти. Уж как это случилось, до сих пор ума не приложу. Я собирался бросить полк, тайно обвенчаться, уехать за-границу и... что еще не взбредет в голову влюбленного драгунского корнета? Все, свободное от службы, время я проводил в "Zur goldener Brücke".

Вечер, о котором я хочу вам рассказать, я помню особенно живо. В этот день в полку был не то парад, не то смотр и устал я адски. Уже было темно, когда мы сидели с Аннхен в глубокой нише, за задернутой алой, суконной портьерой. Все было сказано: о нашей любви, о будущем, о жестоких сердцах людей. Доверчиво глядели на меня синие глазки моей Аннхен, я сжимал в своей, чуть влажную от волненія, ручку.. За окном бушевала северная вьюга и узорчатые, старинные часы на стене важно и мерно отсчитывали время. Мы с Аннхен не решили ничего... а завтра манеж и... все то-же. Где-то, как мне показалось, далеко, хлопнула дверь... вторая. Кто-то с улицы вошел в зал, нам было не до того, мы прильнули друг к другу. Через секунду я ясно услышал: "Вот здесь, господа", — говорил чей-то штаб-офицерский бас. И вдруг чья-то рука отдернула портьеру, за которой мы сидели. Я обмер... Передо мной стоял Его Превосходительство Хан-Нахичеванский, за ним несколько чинов его штаба. Все в легком подпитие. Минута была прескверная... Бедная Аннхен залилась румянцем и, сделав нечто вроде книксена, выскочила из злополучной ниши. Я поклонился. Несколько секунд все молчали. "Ну, что же", — пряча в черных усах улыбку, сказал Хан, — "невпопад". С этими словами его большая, волосатая рука задернула портьеру и я остался один. Ну, быть беде, говорил я себе, застегивая еще непросохшее пальто. Я вышел.

Тускло горели уходящие вдаль редкие фонари города, с реки неслась снежная поземка. "Сколько я раз говорил дураку, крепче держись за луку, — рассуждал я, пробираясь к себе сквозь высокие сугробы. "Эх, черт..."

. . . .

"Ваше Благородие, вас к телефону из штаба бригады", — дернул за рукав писарь, когда я, задумавшись о вчерашнем, гонял раннюю смену в манеже. "Ну, так и есть", подумал я, "начинается"...

Полковой адъютант, как мне показалось, особенно выразительно взглянул на меня, когда я взбежал на широкие ступеньки штаба. Я взял трубку и чей-то сухой голос сказал: "С вами хочет говорить Его Превосходительство". Мне казалось, что ноги у меня стали ватные. "Все, все пропало", пронеслось у меня в мозгу. Я слушал и не верил своим ушам. Я ясно узнал голос Хана: "Я прошу вас, корнет, принять мои извинения... Мне не следовало э... э... отдергивать вчера портьеры. Еще раз прошу принять извинения. Ваша дама обворожительна"... Я шел в эскадрон, как во сне. Вечером в "Zur goldener Brüke" меня ждал другой сюрприз: накануне рассыльный привез огромный букет белых роз — это было для Аннхен от Хана".

Полковник помолчал, допил свою кружку и добавил: "Это было от Рыцаря, от Русского Офицера...

Много лет прошло с тех пор, а случай сей, дорогие сугубцы, я помню до сих пор, как-будто он случился вчера".

Полковник кончил, молчали и мы. Слышно было, как где-то на колокольне пробило одиннадцать раз.

"Однако, пора домой", — сказал кто-то из нас. Мы расплатились и вышли на улицу. Порывистый ветер дул с невидимых теперь Альп и качал облетевшие сучья чахлых акаций бульвара.

Вдаль, в морозную мглу ночи уходили тусклые огни уличных фонарей и гулко звучали наши шаги по асфальту чужого нам Мюнхена.

Кирилл фон-Морр

О ПИСАТЕЛЯХ

От Редакции:

Ввиду того, что большинство эмигрантских газет и журналов как чумы боятся всякой действительно новой и смелой мысли — мы, в интересах Русской Культуры, и предложили нашему другу, д-ру фил. и бывшему мичману Российского Флота А. А. Реймерс, напечатать его статью в "Военной Были", хотя ее содержание, казалось бы, совершенно выходит из рамок нашего журнала. Мы исходили вдобавок из того, что русские военные люди всегда интересовались широкими проблемами, вследствие чего офицерство сыграло выдающуюся роль в развитии не только государственной, но и словесной культуры Российской Империи. Мы надеемся, что читатели найдут рекомендованную статью и любопытной, и поучительной.

Как странно устроена жизнь: в ней часто, поистине, великие вещи сплетены в один клубок с весьма низменными и высоко комическими! Ярким примером сказанного может служить то, что я называю "джунглями безсмертия".

Уже Гераклит, загадочный философ из Эфеса, учил, что царем и отцом всего в мире является война. Идея эта дожила и до нашего времени, уже в сильно дифференцированной форме: у Гоббса — это борьба "всех против всех", у Дарвина она носит характер борьбы видов, у Маркса — классов, а у Гумпловича — рас. Смысл, однако, всюду один и тот же: непрерывная потасовка, на которую моралисты стараются стыдливо закрывать глаза.

В самом деле, не вникая здесь особенно в философские тонкости, можно сказать, что человек с самого своего рождения "на ножах" с другими — за жизненные блага, за женщин, за власть и т. п.

Так продолжается всю жизнь, до того момента, когда человек начинает нутром чувствовать, что пребывание его в этой сутолоке не вечно и что скоро может наступить "закат солнца".

С идеей смерти, как таковой, человеческое сознание не в состоянии примириться, так как можно представить себе, в сознании, все что угодно, *кроме уничтожения самого сознания.* В связи с этим один греческий философ очень строумно сказал, что смерти бояться нечего, так как пока вы живы — ее нет, а когда вы умерли — вас нет, т. е. нет того, кто мог бы, в своем сознании, констатировать наличность смерти.

Неуничтожимость сознания часто проявляется и в жизни детей, на пороге половой зрелости. Обиженный родителями мальчик часто думает, конечно не серьезно, о самоубийстве и представляет себе следующую сцену: он лежит в гробу, над которым плачут родители, *и сам же он,* спрятавшись за шкафом, смотрет с удовлетворением на эту картину.

С годами *чувство бренности* начинает тяготить людей и заставляет их бессознательно стремиться найти к нему как бы противоядие. Одни ищут его в родовом начале и биологии и стремятся как бы *пережить самих себя* в своем потомстве. Эта идея была всегда близка особенно еврейскому народу, у которого в древности образ загробного мира (шеол) был очень мало разработан. У других же народов, уже с самого начала, мы имеем в достаточной степени развитую идею индивидуального безсмертия.

Кроме этих, так сказать, "народных" форм безсмертия, есть еще и хитроумные философские учения об условиях сохранения человеческой "самости". Они исходят главным образом из доктрины *об абсолютных, вневременных ценностях:* поскольку человек приобщается (в своем поведении или мышлении) к этим ценностям — постольку он и безсмертен, так как эти ценности, уже по своему смыслу, находятся вне времени. На этой форме "безсмертия" особенно настаивают В. Винделбанд и П. Боранецкий.

Тут следует добавить, что у этого последнего — т. е. транецендентального — вида безсмертия есть и свой эмпирический суррогат. Так как понятие приобщения к абсолютной ценности недостаточно ясно, то практически, в жизни, его заменяет признание вашей ценности другими людьми. Благодаря этому у многих жажда безсмертия выражается в форме *стремления к славе* и к тому, чтобы эта слава пережила их самих и продолжала всегда жить в сознании людей.

Само собой понятно, что этот феномен ярче всего проявляется в научных, литературных и артистических сферах — и тут то и начинается форменный цирк: *за безсмертие* люди стремятся "перерезать друг другу горло" с такой же энергией, как и за кусок мяса! Тут и "удары под ножку", и обман, и звериные хитрости. Люди объединяются как бы в "страховые общества", цель которых, например, заключается в том, чтобы, хваля друг друга (laudo ut laudes), самим легче печататься и не допускать к печатанию других. Не менее яркий "катч" за величину букв вашего имени на афишах происходит и между артистами. Эти "джунгли безсмертия" явление очень любопытное, возвышенно, — так как, в конце концов, безкорыстное — и в тоже время невероятно комическое!

Подите на литературные и поэтические собрания, послушайте, что говорят вокруг вас — и вы в этом немедленно убедитесь.

2.

Одна из форм указанного выше явления еще более забавна. Чтобы понять ее как следует, нужно вспомнить учение Генриха Риккерта о "второстепенных исторических индивидуумах". По Риккерту, История есть конкретный, необратимый процесс развития, отмечающий не все, а только "ценное" в жизни. "Исторический индивидуум" это тот человек, которого, благодаря его ценности, по мнению современников, следует запомнить. Но так как эти люди в жизни окружены другими, находящимися с ними в жизненных отношениях, то в Истории запоминаются и эти последние, хотя сами они (даже будучи достойными людьми) часто и не имеют для этого достаточной ценности. Так, напр., благодаря Сократу запомнился Critон, а благодаря Суворову — его деньщик Прохор. Выдающийся человек, продолжая жить в сознании людей, как бы приобщает частично к своему "безсмертию" и других, его окружающих. Эти люди, обязанные своим частичным безсмертием подлинному герою и называются Риккертом "второстепенными историческими индивидуумами".

Когда это явление происходит естественно, оно носит чисто возвышенный характер: герой, как бы от избытка, делится великодушно частицами своего "безсмертия" с близкими ему людьми; когда же этот феномен носит искуственный, "спекулятивный" характер, то он приобретает черты высокого комизма.

Чтобы легче понять вторую, комическую, форму этого "полубезсмертия", вспомним хотя бы о том, что люди неумеющие плавать всегда хватаются за полу сильного пловца в надежде, что он и их вытянет. Так же самое и многие люди, часто бездарные, всю свою "безсмертную карьеру" *сознательно строят* на своей случайной близости к настоящему герою. Тут то и начинается подлинный комизм.

Нормальная форма указанного явления, это — или печатание прямых "Воспоминаний об X", или же постоянное стремление подобных джентльменов начинять свои собственные писания многочисленными упоминаниями о близости к тому ики другому герою. Схема при этом всегда, приблизительно, такая:

— Сидим мы как то с Львом Толстым, а он мне и говорит: "Выпьем, Володя, по единой". — "Выпьем, Лева", — отвечаю я ему и т. д.

Когда это явление не предумышленно и не связано с личным интересом, то в нем, конечно, нет ничего предосудительного и может даже заключаться большая заслуга; когда же оно "спекулятивно", то невольно вызывает улыбку. В самом деле, сколько существует авторов, вся литературная карьера которых построена на этом знаменитом "Выпьем, Лева"!

3.

Мне пришлось как то присутствовать на лекции одного талантливого поэта и деятеля искусства вообще, который делился своими воспоминаниями о русской до-революционной элите конца XIX и начала XX веков. Среду эту я знал только по именам, которые всегда встречаешь в прессе окруженными фимиамом уважения. Так как своего суждения о всех этих людях я не имел, то и пошел на лекцию без всякой отрицательной презумпции, а просто, чтобы узнать, в чем дело и по возможности составить себе собственное мнение.

И это мнение, в известной степени, я себе и составил, так как лекция была очень талантливая и толковая, причем лектор не только сообщал факты и излагал мнения *этой элиты* по разным вопросам искусства, религии и политики, но и цитировал целые отрывки, извлеченные из разных авторов.

Должен признаться, что впечатление у меня получилось ошеломляющее. Прежде всего, большинство из этих людей показалось мне "бесами" в гораздо большей степени, нежели "бѣсы" Достоевского! В самом деле, почти все эти известные деятели, воплощавшие русскую интеллектуальную элиту, прямо таки "блистали" полным *отсутствием государственного инстинкта.* Они только и делали, что болтали о "свободе", причем никому из них в голову даже не приходило, что интегральным элементом всякой — даже интеллектуальной — свободы является *Городовой,* т. е. государство. И это люди, в большинстве случаев, никогда не служившие на военной службе и имевшие всегда неограниченное количество свободного времени, чтобы "творить" и "размышлять".

Далее: конечно, не все представители человечества созданы для абстрактной и научной, т. е. холодной мысли, но то, что среди этой огромной массы непрерывно споривших — об искусстве и религии — джентльменов не нашлось буквально *ни одного,* который подошел бы к этим вопросам *научно, т. е. беспредпосылочно и безнадрывно,* — это тоже прямотаки изумительно!

Прежде всего об искусстве. Для того, чтобы сделать понятной мою мысль, я позволю себе цитировать свои собственные слова, из моей книги "Le Concept du Beau". Там в одном месте я говорю следующее: "Каких бы взглядов на искусство человек ни держался, но он должен твердо признать, что рассуждения о поэзии сами не должны быть поэзией и что в мыслях о красоте ценна не красота этих мыслей, а их истинность".

В самом деле, поэзия — поэзией, но когда вы хотите понять, что это вообще такое, то вы должны к ней подойти *как к любому объекту научного исследования,* т. е. холодно. Пусть поэты, не рассуждая, пишут стихи, которые усладят наши чувства — это их призвание; когда же мыслитель подходит к этим вопросам теоретически, то он должен прежде всего *мыслить, а не переживать.*

Все высказанные только что идеи вихрем пронеслись в моей голове, когда я слушал цитируемый лектором отрывок о религиозном смысле искусства, принадлежащий перу одного бывшего марксиста, ставшего спиритуалистом и превратившегося, в конце-концов, уже в эмиграции, в "великого русского религиозного философа". Этот отрывок весь был по-

строен так, чтобы воздействовать на *чувство,* а не на разум, и состоял он из ряда риторических вопросов и целого леса восклицательных знаков. "Не хватает лишь аккомпанимента на гитаре", подумал я при этом с грустью. Сказать, что искусство вообще нельзя даже пытаться уложить в научные понятия, было бы противоречием опыту, т. к. не нужно забывать, что современником великого поэта Гете был великий философ Кант, который в своей "Критике способности суждения" сделал величайшую попытку понять Искусство, как таковое. Гете — творил, а Кант — за него мыслил!

Так же обстоит дело у этих "мыслителей русского серебрянного века" и с религией. У меня впечатление, что все эти люди хотели лишь обратить на себя внимание, т. к. никому из них, буквально, не пришло в голову не только решить, но даже и поставить себе хотя бы следующие вопросы:

Во-первых, чем религия вообще отличается от философии — тоже вообще? Вместо этого, чтобы не ломать себе головы и не думать, создали понятие "религиозной философии" — нечто вроде понятия "добровольно-принудительного займа или работы", столь распространенного теперь в СССР.

Во-вторых, они не спросили себя, говоря о религии вообще, законно ли все время подменять это понятие христианством, т. е. одной из религий, каковых имеются сотни, включая сюда и фетишизм?

В третьих, никто из них не заинтересовался вопросом, в чем главное различие структур католицизма и православия и какую из этих религий нужно с этой точки зрения (т. е. со стороны структуры) считать более совершенной, исходя из идеи религии вообще? Прибавлю, что вопрос этот нужно, конечно, решать *не с точки зрения человека, принадлежащего к одному или другому из этих верований.*

В-четвертых, они не подумали о том, каково отношение между религией и церковью, и возможна ли религия вообще вне церковности? Не является ли церковь *основным* элементом любой религии, подобно тому как свобода мысли служит фундаментом всякой философии?

Когда подумаешь теперь, что вся эта когорта "путанников" и "бесов" шла сомкнутыми рядами в атаку на *русскую государственность и цезарепапизм,* то становится прямо-таки жутко!

Да не подумают читатели, что в своей оценке русской элиты я проявляю отсутствие патриотизма. В полном согласии с Петром Великим, я полагаю, что за свой народ нужно стоять не потому, что он хорош, а потому, что он *свой.* Великий Русский Император презирал многих своих соотечественников за лживость и воровство — от того то он и "лез из кожи", чтобы *их исправить,* т. к. это был *его народ.* Апплодировать всякой глупости только потому, что она русского происхождения, — я считаю плохим патриотизмом!

4.

Я всегда полагал, что "Отцы и Дети" Тургенева, лучший роман русской литературы. Прежде всего, это настоящий *роман,* т. е. ряд конкретных драматических ситуаций и событий, которые вы сперва *переживаете,* а потом уже над ними думаете. В противоположность многим романам Достоевского, это не есть закамуфлированный трактат на заданную тему, где устами героев прямо высказывается то, что думает автор. "Отцы и Дети" — настоящее художественное произведение именно потому, что об его основной идее никто из участников не говорит, однако идея эта для вдумчивого читателя с каждой прочитанной и *пережитой* страницей делается все более и более ясной.

В противоположность трактаку, все в этом романе *конкретно,* все выявляется *из поступков,* а не из слов, и центр тяжести всего целого не в интеллектуальных элементах, а в характерах действующих лиц, в первую голову — Базарова.

До сих пор я говорил о совершенстве *формы* этого романа, что же касается его художественного содержания, т. е. идеи, которая несопредственно не высказывается, то ее особенностью является то, что она *по существу и жизненно правильная.* Это утверждение звучит очень смешно для современных критиков, которые отвыкли оценивать идеи *по чувству* и довольствуются только *новизной* и только ей одной апплодируют.

Перед тем как объяснить, в чем заключается основная идея "Отцов и Детей" и в чем ее правильность, я приведу пример *неправильных идей,* лежащих в основе некоторых других романов.

Возьмем хотя бы "Войну и Мир". То идолопоклонство, которое окружает имя Льва Толстого и которое основано на его *якобы исключительной художественной правдивости,* меня всегда глубоко поражало. Лично, как человек, он был несомненно правдивый; как писателю, ему тоже иногда удавалось, против своих собственных убеждений, высказывать художественную правду. Примером может служить правдивое описание Карла Ивановича, несмотря на то, что немцев он вообще не любил. Но, когда в основу целой огромной эпопеи сознательно кладется абсолютно ложная идея, то в чем же тогда может заключаться правдивость художника?

Эта ложная основная идея "Войны и Мира" заключается в том, что *личность якобы вообще не имеет никакого значения в истории, что все определяется какими то "слепыми стремлениями масс" и что Наполеон настолько же мало определял ход истории, как, скажем, и Платон Каратаев.* Для серьезно мыслящих и знающих жизнь людей эта идея не что иное, как "противоположное общее место", цель которого лишь в том, чтобы обратить на "оригинального" автора всеобщее внимание. В самом деле, если следовать методу мышления Толстого о Наполеоне, то его самого тоже нельзя рассматривать как автора "Войны и Мира": если бы не было пера и бумаги, которые не он сфабриковал, то ему не удалось бы написать этого романа.

Толстой, мне кажется, все же сам почувствовал, что в "Войне и Мире" он своей основной мысли *художественно не доказал,* что и заставило его просто

и механически втиснуть в роман небольшой абстрактный трактат о значении личности в Истории. Должен прибавить, что этот трактат написан в интеллектуальном смысле так *безпомощно и бездоказательно,* что я испытывал чувство неловкости при его чтении.

Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить этот толстовский "трактатец" с соответственными главами из "Системы логики" Дж. Ст. Милля или же с "Границами естественно-научного образования понятий" Генриха Риккерта.

Итак, приходится признать, что правдивость "Войны и Мира" весьма проблематична в целом, поскольку в основу этой книги положена идея по существу ложная, которая как тиски сжимает роман и лишает его жизненности. В этом отношении произведение Толстого напоминает советские книги, построенные по принципу "социалистического реализма": все, что в них есть хорошого, проведено контрабандой, в противоречии с марксистской мыслью, лежащей в основе. В самом деле, описание охоты, напр., Ростовых оттого, может быть, и хорошо, что в нем не проводится основная идея книги о том, что личность не может иметь никакого влияния на ход событий. В противном случае у читателя получалось бы впечатление, что в охоте вообще воля и умение охотников не играют никакой роли, а все определяется "слепыми стремлениями зайцев, волков, медведей и собак".

Возвращаясь, наконец, к "Отцам и Детям" Тургенева, скажу, что в этом романе дело обстоит совершенно иначе. Тургенев ни на минуту не забывает, что высшая цель художественной литературы — это изобразить, в конкретном виде, *возвышенное* в жизни. И Тургенев, в данном случае, это возвышенное выдвигает, поставив перед глазами читателя — *героя,* воплощающего духовную ценность и господство духа над материей. Искусство автора при этом проявляется особенно в том, что для изображения духовной ценности он сознательно выбрал героя с материалистическими идеями, зная прекрасно, что ценность человека *определяется совсем не его мировозрением,* которое может быть случайным, а его *характером и поступками.* Грустно делается на душе, когда подумаешь, что наша "просвещенная" критика всегда рассматривала Базарова как материалиста!

В данном случае нужно признать, что Тургенев действительно оказался нашей публике "не по плечу", т. к. его роман проникнут идеей хотя и правильной, но *для обыденного сознания* слишком парадоксальной и мало доступной. В более подробном изложении эта идея заключается в следующем.

Нравственная ценность человека совершенно не зависит от его взглядов, которые могут меняться и часто связаны с эпохой и чисто внешними обстоятельствами; внутрення же его "самость" носит биологический, наследственный характер и всю жизнь остается неизменной. Разве покойный проф. П. Б. Струве стал лучше, как человек, когда отверг марксизм и сделался идеалистом? Базаров жил в эпоху Бюхнера и Молешотта и всосал материалистические взгляды из всей тогдашней университетской атмосферы. Все это — внешнее. В глубине же своего существа — это идеалист, а совсем не "шкурник". Базаров представлял собою яркий тип *безкорыстного* ученого, человека оригинального и обладавшего огромной любознательностью. Он был равнодушен к мелочам жизни и наделен высшим мужеством перед лицом неизбежной смерти. Последнее особенно знаменательно, т. к. ни в какия безсмертия он не верил.

В этом исключительно талантливом изображении *идеализма,* воплощенного в герое с *материалистическими взглядами,* и заключается глубокая правда и ценность романа Тургенева.

Как странно, в самом деле, что этого никто не понял, несмотря на то, что опыт все время оправдывает эту идею Тургенева. И, действительно, с одной стороны, мы часто встречаем людей с самыми "возвышенными взглядами", желающих блага всему человечеству (не меньше!), но которые на деле снимут с вас последние штаны, если вы зазеваетесь. С другой стороны — сплошь и рядом скептики, материалисты и атеисты оказываются милейшими и добрейшими людьми. Вспомним, для примера, "благодетелей рода человеческого" Вольтера и Руссо, как известно, лично не блеставших нравственными качествами, — и подумаем о скептике Юме и материалисте Дидро, которые были, поистине, великолепными людьми. Искавший всю жизнь "правду" Лев Толстой, будучи студентом, в разговоре со своим братом Николаем, назвал одного господина "дрянью" только за то, что он был без перчаток, а "развратитель юношества" Арцыбашев в начале революции, рискуя жизнью, занял по отношению к большевикам совершенно непримиримую позицию, в то время как его коллеги "писатели-идеалисты" все более или менее "поустраивались".

Над всем этим нужно подумать, как следует, и, главное, не руководствуясь при этом раз на всегда установленными оценками нашей "общественности".

Николай А. Реймерс

Из музея Петровского-Полтавского кадетского корпуса

Музей Петровского Полтавского кадетского корпуса обладал большой редкостью: табакеркой собственной работы Императора Петра I. В 1754 году, табакерка эта была подарена Императрицей Елисаветой Петровной — Агафье Яковлевне Саблуковой, а затем, Саблуков отдал ее генералу от артиллерии Алексею Ивановичу Корсакову. После смерти этого последнего, табакерка хранилась у его сына штабс-капитана гвардии Николая Алексеевича, который в завещании своем высказал пожелание, чтобы дети его, из уважения к памяти великого преобразователя России, хранили ее, как святыню, и не передавали в частные руки. Дети принесли эту табакерку, в 1856 году, в дар Полтавскому корпусу. ("Исторический Вестник" ном. 6 — 1909 г.).

В иконостасе церкви этого корпуса имелся образ Царицы Александры, написанный Тарасом Шевченко, в бытность его учеником Академии Художеств. (Древняя и новая Россия 1875 г., ном. 6).

Извлек *А. Г.*

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1958 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Восьмой год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:
61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей « ВОЕННОЙ БЫЛИ » и « ВЕСТНИКА ».

Подписная цена с пересылкой на год:
700 фр. фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.
В газете — постоянные отделы: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из жизнетворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, безсонницы и в некоторых случая повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.
ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!
Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:
Laboratoire B. KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16e). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE : V. Miller, 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.

„Сборник Российской военной поэзии“

Выпуск I — Полковые и судовые песни и стихотворения. Издание Обще-Кадетского Объединения, под редакцией А. А. Геринга.
Осталось **ограниченное количество экземпляров.**
Цена: 400 фр. фр. В странах заокеанских: 1 долл.

ЗНАЧКИ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ.
Продаются у казначея: Б. М. Марин, 18, rue Plumet, Paris 15.
Почтовый счет: Париж — 9325-52.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e) и в Русских книжных магазинах.

Юг Франции — у А. Я. Фока — 57, рю Марешаль Жоффр, Ницца (A. M.).

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tottenham street, W 1.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Neumoresa 86, Roma.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — P. O. Box 304, Nyack (N.Y.)

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 avenue San-Francisco 18.

Канада — у А. С. Орлова — 235, Indian Grove, Toronto (ONT).

Австралия — а) у Калатилина — 50, Belemba ave Lakemba (N.S.W.), б) у Н. А. Косач 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — Obligado 2130, Buenos-Aires.

№ 32

СЕНТЯБРЬ 1958 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 7-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ

ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ПАРИЖ

Председатель, Правление и все члены Обще-Кадетского Объединения, с глубоким горем извещают о безвременной кончине их друга-однокашника и бессменного члена Правления

Александра Полуэктовича РУССАКОВИЧА

Отпевание состоялось у Кадетской Лампады, в Храме Знамения Божией Матери, в Париже и погребение на кладбище Сент-Женевьев, 25 июля 1958 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1100 фр. с пересылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № — 5 шил. год. подписка — 25 шил., в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881 - 89 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR 72-55

7-й год издания № 32 СЕНТЯБРЬ 1958 Г. Bimestriel. Prix — 200 fr.

Памяти друга и соратника

25 июля 1958 года, друзья и соратники по Объединению, опустили в могилу Александра Полуэктовича Руссаковича. Страшная, внезапная смерть прервала жизнь этого здорового, полного сил, всеми любимого, неутомимого работника. Два первых года "Военной Были" и шесть лет "Вестника", до перехода этих журналов на типографский шрифт — тесно связаны с именем нашего друга. Как забыть незабываемое? Вечера в моей маленькой квартирке, где под непосредственным руководством Александра Полуэктовича крутился наш ротатор и выбрасывал страницы наших изданий? Единственный, среди нас, специалист этого дела, он и работал и обучал "будущие кадры" и подбадривал всех окружающих. А потом, укладка и брошюровка номера, сдобренная веселым смехом, рассказами, шутками, по большей части, того же неутомимого Руссаковича.

Люди уходят — таков закон жизни но, некоторые из них, оставляют по себе нетленную память в сердцах друзей и близких, явный, вполне материальный след их неутомимой работы. Два года "Были" и шесть лет "Вестника" останутся вечной и незыблемой памятью нашего дорогого и верного друга Руссаковича.

Алексей Геринг

АЛЕКСАНДР ПОЛУЭКТОВИЧ РУССАКОВИЧ

ТРУБАЧ

Памяти РУССАКОВИЧА

Он трубил нам сборы и тревогу,
Знал всегда чему была пора —
Выходили в дальний путь-дорогу,
По его сигналу, юнкера.

Далеко в земле галиполийской
Нам такой немилой и чужой
Пел всегда о доблести Российской
Он своею звонкою трубой.

И звучала памятью героям
Вечерами медная "Заря",
Поминали молчаливым строем
Мы Россию, Веру и Царя.

У могилы, дрогнувшие руки
Обожгла оплывшая свеча
И надгробных песнопений звуки
Проводили в вечность трубача.

А. ГЕНКИН

День 4-го марта 1917 года на крейсере

I. «ПОВЕРНУЛАСЬ СТРАНИЦА ИСТОРИИ...»

По офицерскому коридору крейсера, быстрым флотским шагом шел дежурный вестовой Матвеюк. Постучав поочереди в каждую дверь, для скорости, не дожидаясь ответа заглянув внутрь каюты, однообразным тоном докладывал: "Вашскобродь, старший офицер просят вас в кают-компанию".

Матвеюку уже пора быть в запасе, но вспыхнула война и он остался на крейсере. Не подозревал старый матрос, по какой причине, в столь необычный час, — было около 10 часов утра, — старший офицер, Борис Николаевич Рыбкин, временно командующий крейсером за отсутствующего в отпуску командира, вызывал офицеров.

Старшие специалисты и доктора пришли первыми. Строевые офицеры и механики, разбросанные службой в разных палубах корабля, позднее. Мичмана Астанова вестовой нашел в Церковной палубе, на занятиях с учениками строевых унтер-офицеров и, когда мичман перешагнул порог кают-кампании, почти все офицеры были в сборе. Последним входил трюмный механик и старший офицер попросил его закрыть за собою дверь в корридор, где могли случиться вестовые.

Капитан 2-го ранга Рыбкин был старый миноносный капитан, сравнительно недавно назначенный на крейсер старшим офицером перед тем, как получить в командование корабль 2-го ранга.

Астанову бросилось в глаза то, что, всегда невозмутимо спокойный, он был бледен и стоял, опираясь на спинку своего председательского кресла, нервно барабаня по ней пальцами.

Едва дверь захлопнулась, он строго обвел группу офицеров пристальным, полным горечи, немигающим взглядом и суровым голосом отчеканил:

— Господа, я уведомлен Штабом Командующего Флотом о совершившемся печальном историческом событии: Государь Император отрекся от престола. В пользу кого — пока неизвестно, об этом я уведомлю вас, как только узнаю сам. Прошу вас всех сохранять полное спокойствие и пока держать это известие в секрете. Чтобы не показывать команде виду, что мы о чем то совещаемся, прошу вас немедленно вернуться к вашим текущим занятиям.

Гробовое молчание встретило его слова. Трагедия известия усиливалась его полной неожиданностью. Старый доктор так и сел на ближайший стул, видимо подкосились ноги. Старший артиллерист, Петр Петрович Феодосьев, нахмурившись, круто повернулся и направился к выходу. За ним двинулся штурман, лейтенант Любимов, с опущенной головой, ощетинившимися усами и красный от волнения. Минер Острогорский, наиболее экспансивный из всех, не смолчал:

— Добились своего проклятые политиканы... Республику захотели, — и он с злостью швырнул папиросу в попельницу, но, взглянув на расстроенное лицо старшого офицера, тотчас же добавил:

— Извините, Борис Николаевич... Сорвалось... Я иду к себе.

Следуя общему примеру, Астанов вышел из кают-компании, но, чувствуя, что он сейчас не в состоянии продолжать занятия с учениками, вошел к себе в каюту и, в раздумьи опустившись в кресло, уставился в тусклый иллюминатор.

"Россия — без монархии", — мелькнула несуразная мысль, "что же будет дальше?". О Республике у него было очень смутное понятие. Во Франции — там они привыкли к ней но, по существующим среди русского офицерства взглядам, это было нечто низшее, вульгарное, мещанское. Презрительное восклицание Острогорского еще звучало в ушах и в душе Астанов к нему вполне присоединился. Потом — естественно его мысли перешли на то, каково же его личное отношение к Царю и его семье?

Ему вспомнилось детство, в возрасте 8-9 лет, когда его семья жила в провинциальном городе, где отец находился, как тогда говорилось, на "коронной" службе. В служебном кабинете отца висели портреты Царя и Царицы. Когда в комнате никого не было, мальчуган, сидя на кожаном диване, нередко с детским обожанием любовался на красавицу Государыню. Строгие черты ее лица так отличались от обыденных женских лиц, подчеркивая тем ее величие в его воображении. Позднее, когда переехали в Петербург, служба отца была без оффициальной приемной, портреты куда то убрали, но зато сам он поступил в Морской корпус, куда, почти ежегодно, приезжал Государь. Посещения его были обычно без особой парадности и он показался кадету, в обычной обстановке Корпуса, много проще и "человечнее", чем в расшитом красном гусарском доломане на портрете.

Когда Государь приехал в Корпус в день праздника 6-го Ноября, в 1914-м году, и медленно проходил по фронту гардемарин и кадет, обводя всех взглядом своих добрых серо-голубоватых глаз, в обстановке уже начавшейся войны, энтузиазм был неописуемый.

Как второй знаменщик, для выноса старого Екатерининского знамени на парадах, Астанов находился впереди фронта и не далее, как на расстоянии склоненного для салюта знамени, перед тем, Кто олицетворял собою все могущество Империи, величие и преемственность ее истории.

Трудно понять это чувство, не пережив его самим, когда даже легкое от ветхости древко, на котором от знамени остались одне лишь шелковые ленты, дрожит в руках, становятся влажными глаза и кажется, что под фуражкой шевелятся волосы. Нельзя его форму-

лировать терминами определяющими обычные человеческие эмоции и счастлив тот, кому пришлось его испытать...

Нередко впоследствии, Астанов пытался анализировать свои эти ощущения — и не мог, а между тем, избитые выражения "обожаемый монарх" и "припадая к стопам Его Величества" оффициального лексикона, обычно коробили его, звуча как-то материально раболепски и в противоречии чистоте и святости его внутренних переживаний, которые он ревниво хранил для себя.

Последний раз Астанов видел Государя, при производстве в офицеры, в Царском Селе. На крыльце дворца находилась вся Царская Семья. Увы, вид больного Наследника, на руках у боцмана Деревенько, непроизвольно кольнул сердце, но стоящая позади Государыня, в розовых летних платьях четыре Великие Княжны, сияли веселостью, молодостью и свежестью в тот июльский день.

Государь, в белом флотском кителе, спустившись к стоявшим во фронте корабельным гардемаринам, произнес напутственное слово и поздравил их с производством в мичмана. Это был последний раз, что Астанов Его видел.

Ну, а потом? — Одновременно с неудачами на фронте, поползли ядовитые слухи по стране. Слухи заползли и на Действующий Флот, офицерский состав которого был совершенно в стороне от политики, исходя уже из того факта, что эта тема для разговоров была исключена Морским Уставом. Нечего и говорить, что кадровое офицерство, кроме быть может единичных "уродов" в его семье, было никак не склонно к обсуждению явных пасквилей на Царскую Семью, в противоположность, даже, некоторым Петербургским салонам.

Что касается шопотов о неурядице в правительственных кругах, они становились все громче и громче, не слышать их — было невозможно.

Астанову припомнился недавний случай, быть может две-три недели назад.

На крейсер нередко приезжал военный врач Дибенский, из Свеаборгской крепости. Он принимал участие в музыкальных концертах и его приезды ценились в кают-кампании всеми без исключения. Но, в последний раз, он появился не вечером, как обычно, а днем и сразу же отсел с судовым старшим врачем Самуновичем отдельно, на дальний диван, шепча последнему что-то до неприличия долго. Астанов, как и другие, отчетливо видел взволнованные лица обоих собеседников. Самунович, всегда самодовольный и жизнерадостный толстяк, слушал гостя насторожившись, с открытым ртом, нервно облизывая губы, точно ему не хватало воздуха. Как только Дибенский уехал, офицеры гурьбой обступили Самуновича, продолжавшего чесать себе затылок.

— Николай Павлович, что случилось? Что вам Дибеша рассказывал такое, что вы утруждаете вашу респектабельную пятерню?... Ну расскажите, не томите, — приставали к нему со всех сторон.

Старший доктор, несмотря на свой по наружности простоватый вид, был "дипломат", осторожный когда надо и его соплаватели в шутку острили об его "Палестинском" происхождении, что кстати сказать походило на истину, не только по характеру, но и по наружности.

Самунович долго не решался говорить, отнекивался, "да нет", "ничего", но в конце концов человек не камень и болтливость — порок ораторов.

— Видите ли, Дибеша только что из Петрограда... Рассказывал, конечно, и о том, что нам всем известно, о чехарде в министерствах, о разрухе в продовольствии, о брожениях среди рабочих. Но вот другое кое-что посерьезнее, — здесь Самунович понизил голос, — Дибеша говорит, что даже среди великих князей есть сторонники переворота... С поддержкой некоторых генералов из Ставки... Ну, конечно, Дибеша говорит то, что слышал, как и я, за что купил — за то и продаю... Может статься, что это преувеличено... Дибеша говорит, что существует идея насильственного переворота... как бы заговор...

— Против кого? — спросил вдруг ледяным тоном лейтенант Острогорский.

— Дибеша говорит... он утверждает, что из серьезных источников, что будто бы, — тут доктор замялся.

— Да ну же, говори, — нервно заметил старший артиллерист Феодосьев, авторитет в кают-компании в вопросах толкования газетных политических новостей, человек прекрасно знавший историю, обладавший большой эрудицией и насмешливым пессимистическим взглядом на человечество.

— Будто бы... против Государя, — прошептал доктор, — только я не уверен, не то, чтобы потребовать удаления Государыни, не то чтобы он сам отрекся от престола в пользу Наследника, с регентством Великого Князя Николая Николаевича, популярность которого растет в Армии... Но возможно, что и Михаила Александровича, как более близкого к трону....

— Твой Дибеша, Николай Павлович, — с расстановкой и холодно проговорил Острогорский, — распускает злостные слухи... Это — вранье, этого не может быть, я никогда не поверю, что в Ставке, в разгар войны и среди генералов обязанных их карьерой Престолу, происходил бы заговор против Престола.

— Андроша, я передаю то, что он мне рассказал... и по вашей же просьбе, — обводя присутствующих взглядом, с обидой в голосе отвечал доктор, делая плаксивое лицо.

— Вранье, — еще раз сердито отчеканил Острогорский, уходя из кают-компании. Старший артиллерист, Петр Петрович молчал, на его скулах появились два красных пятна и, опустившись в свое излюбленное кресло, он уставился задумчимо в полупортик, не реагируя на этот, пожалуй первый, разговор о политике в кают-компании.

— Послушай, Негр, — так прервал писание сидевшего у себя за столом в каюте, своего друга по

Корпусу, Криштофовича, входя к нему, Астанов. — Брось свои любовные послания к черту, будь человеком хоть раз в жизни, а не Африканцем... Послушай, что я тебе расскажу, — и он передал в деталях занесенные из столицы слухи, сопровождая своими коментариями, что к его удивлению Петр Петрович отнесся к ним серьезно, без протеста, и, значит, допускает в них возможность доли правды.

— Что ты обо всем этом думаешь? — заключил он.

Криштофович с сожалением отодвинул послание на голубой с золотым обрезом бумаге и нехотя повернулся к своему взволнованному приятелю, расположившемуся на его койке.

— Прежде всего — осторожнее сапогами с одеялом... А затем, ты спрашиваешь, что я думаю? — я ничего не думаю. Я лишь сожалею, что когда генерал Эйкар учил нас Законоведению, он не потрудился разъяснить нам элементарные вещи о политических партиях, всю эту хитрую игру политиканов. Ведь, по совести говоря, мы не в состоянии даже составить себе ясное представление о том, что читали в литературе: одни авторы твердят, что наш народ богоносец, предан престолу и отечеству, чужд европейской болезни именуемой социализмом, а другие — мрачно рисуют нарастание народного гнева против угнетателей, то есть того же Царя, его чиновников, помещиков, попов и других кровопийц, включая нас, офицеров, — усмехнулся Негр. — Мы совершенно не знаем нашего народа. Ну что ты можешь сказать о твоей хваленой роте, ты разве знаешь своих людей?

— Я думаю, — с горячностью отвечал Астанов, — что если бы действительно случился дворцовый переворот, нас команда подняла бы на штыки...

— Так они верны Государю? Ошибаешся, мой друг, все пошло бы как в 905-м году, с теми же вожаками или им подобными... Вот и сейчас, мы не раз слышали, что приезжают какие-то агитаторы из Петрограда, собирают митинги на "Карпатах" (так назывались холмы возле Гельсингфорса, где происходили сборища матросов). Уж поверь — это стрелянные воробьи и они то заберут в свои лапы толпу... И твою роту в том числе, — засмеялся Негр, поворачиваясь к столу и берясь снова за перо, чтобы прекратить разговор.

— Да, но что же нам делать, если бы произошли события? — настаивал Астанов.

— Что и другие, — пожал плечами собеседник. Видно будет. А пока — оставь меня в покое, я не докончил мое письмо.

— Счастливый влюбленный, и откуда у тебя столько постоянства и энергии писать письма. Да еще в подарок получил шелковое стеганное одеяло и запрещаешь друзьям садиться на эту святыню! Интересно, Негр, она его сама вышивала, в присутствии мужа, или оно было заказано, можно полюбопытствовать?

— Проваливай, проваливай, ты меня только сбил с мысли...

— Если бы их было поменьше — было бы лучше, — выходя, заметил Астанов.

Вскоре после этого разговора, Негра перевели флаг-офицером в штаб бригады и тогда у Астанова не стало ни одного собеседника: при всей дружбе с другими соплавателями, такие вопросы о политике в разговорах не поднимались.

Однажды лишь, может дней десять назад, в его каюту постучался вестовой Поклад.

— Вашскобродь, вас старший офицер просят к себе.

Старший офицер пригласил вошедшего к нему мичмана садиться, предложил папиросу и, слегка заикаясь по своей привычке, начал:

— Должен вас предупредить, дорогой мой, что мое вам сообщение будет конфиденциального характера. Приказом Командующего Флотом, большие корабли должны приготовить каждый по дессантной роте. Вы, конечно, слышали, что в столице неспокойно, что от времени до времени вспыхивают безпорядки и неизвестно во что все это только выльется? Ну, о том судить не нам. Во всяком случае, если бы эти беспорядки приняли серьезные размеры, есть опасение, что Финляндия, не без немецкой, конечно, пропаганды, попробует отложиться. Я уже лет пятнадцать плаваю на миноносцах, базируясь на Гельсинки. Мое мнение, что финны находятся на привилегированном положении по сравнению с русскими. Они не отягощены воиской повинностью, их налоги легче и вообще они живут, как у Христа за пазухой. Если бы не стратегическое положение Финляндии, лучше бы с ней просто распрощаться: ступай себе матушка, поживи независимо. Но не нам это дело решать, наше дело быть готовыми ко всяким случайностям. Командир, после моего доклада, выбрал вашу роту в целом, как дессантную. У вас люди из деревень, фабричных нет, здоровая, хорошая рота. Если вы с нею повторите строевые учения, что кстати сказать, будущим унтер-офицерам только на пользу, поупражняетесь с пулеметом — вот и все, что надо. Я миноносный офицер, строй забыл, вам, как молодому и недавно из корпуса это дело более знакомо. Повторите Строевой Устав..."

— У меня его нет, Борис Николаевич...

— Я вам достану.

— А в чем могут состоять наши прямые обязанности в случае высадки?

— Ну, патрули по городу, охрана казенных учреждений, складов, припасов и оружия в порту, — отвечал старший офицер. Затем, помолчав, он продолжал:

— А я вот сижу и обмозговываю. Как бы мне улучшить командную жизнь? Я заметил, что судовая баня наша грязна, особенно, когда машинисты сменяются с вахты, а про кочегаров и говорить нечего: "духи" приносят столько угля с собой. Я обдумываю, как бы мне их отделить? Опять же, надо чтобы вы, господа с вахты, усилили надзор за мытьем коек, белья. Самим же людям будет лучше потом, когда вер-

нутся домой: привычка к гигиене выработается, пусть ее с собой в деревню принесут.

Эти воспоминания Астанова, перебиравшего теперь в уме все недавние разговоры на корабле, были прерваны вахтенным, доложившим, что ему пора собираться на вахту.

Вахта в те дни была нестрогая, разрешалось даже сидеть в рубке и читать. Крейсер стоял во льду, превратившем рейд в сплошное белое поле, на котором выделялись лишь темной полосой дороги от порта в сторону обеих бригад линейных кораблей, стоявших от Звериного острова вглубину бухты и с веткой на Вторую бригаду крейсеров, между ними и портом.

Посреди вахты, Астанов проводил идущего в штаб бригады Рыбкина. Последний рекомендовал ему уделять больше внимания, чтобы посторонние не проникали на крейсер, так как опасность могла появиться только с берега.

Через некоторое время стали являться семейные из города.

Появился трюмный Первухин, сверхсрочный, хорошого надежного характера, положительный человек. Сегодня он приблизился с рапортом о явке с берега, покачиваясь, рапортуя, дохнул струей спиртового перегара на вахтенного начальника.

— Да ты пьян, Первухин, как ты дежурить будешь? — спросил последний.

— И... и, ничего, Вашскобродь, дело привышное. У Первухина на дежурстве все в порядке... Уж такой сегодня день, совсем особенный день выдался. И што дальше будя — кто его зная, можа лучше будя?... — философствовал пьяный.

Астанов догадался на что намекал Первухин и понял, что на берегу уже узнали об отречении Государя. Свои догадки он сообщил старшему офицеру по его возвращения от адмирала.

— Да это, увы, ни для кого не секрет,, — вяло махнул рукою Рыбкин, — я сам о том объявлю после молитвы, таково распоряжение Штаба, — и он спустился вниз.

В восемь часов прозвучал как всегда горн "на молитву". Как всегда столпилась команда и к ней лицом, одев епитрахиль, стоял священник, дожидаясь знака старшего офицера, чтобы начать богослужение. Все было как обычно, за исключением лишь того, что присутствовали без исключения все офицеры и не один из них молился с большим прилежанием, чем обычно, хотя, никто, конечно, не догадывался, что это была последняя молитва на Крейсере.

Едва прозвучало общее "аминь", старший офицер выступил вперед. Некоторое время он молчал, борясь со своим внутренним волнением, затем выпрямившись и обведя передние ряды команды медленным взглядом, он так же, как несколько часов тому назад перед офицерами, громко и отчетливо произнес извещение об отречении Государя от престола.

Дружное "ура" грянуло неожиданно со стороны машинной команды. Глаза Рыбкина блеснули:

— Не "ура", кричать, а плакать надо! — воскликнул он и, резко повернувшись, направился по корридору из Церковной палубы. Офицеры последовали за ним. Проходя мимо своей роты, Астанов взглянул на лица матросов: они были напряженно сосредоточенны, серьезны, на многих написано удивление. Кондукторы и унтер-офицеры стояли с опущенными головами, в полной нерешительности, как принять известие. Ему казалось, что старший боцман Чукин, плавающий на крейсере со времени его постройки, тяжело и громко вздохнул.

В кают-компании шли вялые разговоры о насущных мелочах. В моменты общих несчастий, люди склонны верить в чудо, что вот-вот случится что-то такое, что, если не изменит, то по крайней мере сократит размеры несчастья, подаст луч надежды и никто не затрагивает больную тему. Но теперь, когда в течение целого томительного дня, не последовало никаких и ни откуда известий, в сознание каждого проникла мысль, что совершившемуся — возврата нет...

— Вашскобродь, — докладывал старшему офицеру вахтенный, так что сигнал с "Кречета": прислать по два делегата от матросов в Штаб Командующего Флотом.

— Скажи дежурному фельдфебелю, чтобы распорядился...

— Так что делегаты уже выбраны, вашскобродь, дожидаются у трапа — отвечал вахтенный. Старофу оставалось только усмехнуться: каким то путем команде все было известно заранее. Машинист Маркин и кочегар Толстолобов были первыми "демократическими" представителями Крейсера, кто их выбрал и как — было неизвестно.

Делегаты отсутствовали недолго и по возвращении прямо с верхней палубы прошли в кают-кампанию. Офицеры с интересом столпились вокруг них.

— Так что Командующий Флотом сказал нам, что как теперь значит новое правительство в Петрограде, демократическое, то и нам надо сразу же образовать судовой комитет на демократических началах. Комитет должен следить за внутреннею жизнью на корабле и за несознательными... Ну которые дисциплину нарушают и революцию провалить могут. А что правительство теперь временное а потом будет конситю... конституционная монархия, — запнулся Маркин, — А можа — республика, что все это еще не известно. — заключил он и никто конечно не мог проверить было ли так в точности сказано адмиралом Непениным, или это была смесь его слов с тем, что было почерпнуто Маркиным на митингах на "Карпатах".

— Демократическая, демократия, вот она новая песня... Революцию как бы не провалить. А о России и о войне подумали? Как бы вам Вильгельм не прописал демократию..., — раздраженно усмехнулся Острогорский, собираясь еще что-то сказать, но безнадежно махнул рукой и быстрыми шагами направился к своей каюте.

Астанов стоял у стола, набивая папиросами портсигар, когда, без предупреждения, со стуком, распахнулась дверь его каюты. Он недовольно обер-

нулся. На пороге стоял вестовой Прошин. От испуга, не в состоянии произнести слов, которые только спустя несколько мгновений посыпались несвязано из его перекошенного рта:

— Сюда, скорее, нашсокродь, к господину Острогорскому, — и он побежал обратно.

Чувствуя недоброе, Астанов ринулся за ним, всего лишь несколько шагов разделяли их каюты. Держа за ручку открытую настежь дверь, Прошин указывал во внутрь каюты. Острогорский стоял, повернувшись спиной. а в зеркале отражалось его лицо, искаженное гримасой ожидания боли, с широко выпученными глазами, на белом как бумага овале лица. В правой, поднимающейся нерешительно к верху руке, блестнула при электричестве притоговленная бритва.

— Андрюша, что с тобой? Брось это!... Немедленно брось — и, шагнув через порог, Астанов схватил его сзади за локти. Стукнула падающая на пол бритва.

— Я? Я — ничего... — неестественным тоном, точно с ватой во рту, пробормотал Острогорский и вслед за сим бессмысленный хохот: Ха-ха-ха... демократия... Де-мократия!...

Астанов махнул вестовому рукой уйти и захлопнул дверь. Насильно усадив с собою рядом на койку Острогорского, он чувствовал, как его самого разбирает дрожь. Первыми, пришедшими на ум, словами он старался успокоить своего старшего друга, участника недавних совместных "проворотов" на берегу и поездок в отпуск в Петроград.

— Ну как ты о своих, домашних, не подумал?... Что ты затеял, Андрей? Ведь нам еще ничего достоверно не известно, что будет дальше?... Может все утрясется, переменится к лучшему, — говорил он, стараясь придать уверенность своему голосу.

— Все утрясется, ты говоришь? Ты веришь?

— Ну конечно! Ведь не может же это продолжаться... — старался Астанов убеждать друга, не веря однако сам. — Ты просто утомлен и в твоем воображении все преувеличено, старайся ни о чем не думать и спокойно ждать. Хочешь воды? Хочешь чаю, я позову Прошина.

— Нет, нет, не надо никого... Посиди со мной, потом. можешь идти... Но не говори, пожалуйста, никому, — шептал бледными еще губами Острогорский, постепенно, видимо, успокаиваясь, хотя продолжая морщиться как от головной боли.

Выходя от Острогорского уже после 10 часов вечера и проходя мимо денежного сундука, Астанов увидел толпу матросов окружавших старшего офицера и двоих-троих офицеров. Выдвинувшись вперед, теперь уже уверенный в поддержке стоявших позади, машинистов и кочегаров, Маркин убеждал офицеров в необходимости сдать оружие.

— И команда будет покойнее и вам, господа офицеры, лучше... Ребята боятся вашего выступления...

— Маркин, послушай, какое может быть выступление?... Ведь не сам ли я объявил вам об отречении Государя? Ведь сам Командующий Флотом вызывал вас и признал факт отречения, вы слышали его сами - спокойно возражал старший офицер.

— Оно конечно так, но ребята боятся. Сдайте оружие к денежному сундуку, под охрану часового, пожалуйства, господа офицеры, всем тогда спокойно будет и ребята не будут опасаться, что офицеры против народа пойдут...

Астанов тогда впервые понял, что на корабле был "народ" и был опасный для народа элемент — офицеры. До того момента старый крейсер, со всеми его недостатками и положительными качествами, неразделъно с его личным составом, включая офицеров и матросов, был в его понятии одушвленной единицей, со своим собственным лицом. Теперь, всего лишь втечении нескольких часов, под влиянием внешних и неведомых сил, которые инстинктом он чувствовал враждебными Флоту и чуждыми России, на корабле образовалось два лагеря: один — офицеры с подорванною моралью, свидетелем чего он только что был, другой — матросы, утратившие дисциплину, едва лишь стало известно об отречении Государя. Между двумя лагерями разверзлась пропасть недоверия, неприязни, быть может, открытой острой вражды в недалеком будущем. Он привык к сознанию, несмотря на молодость своих лет, своего неоспоримого авторитета для сотни матросов его роты и платил им взамен попечением о их развлечениях, об отпуске в деревню, когда узнавал из им же просматриваемых, по обстоятельствам военной цензуры, писем о насущной необходимости их там присутствия. Теперь он знал, что его авторитет выхвачен из его рук десятком главарей под руководством полуграмотного Маркина, даже без борьбы, только лишь потому, что он не знал как надо было подойти к людям в такой момент и не только он, но и более старшие его соплаватели, все оказалось низведенными из руководителей на положение поднадзорных. И где же? — У себя на корабле, в своем собственном доме.

Сдача оружия — казалась незначительным, без практического смысла, хотя и унизительным, фактом.

Не дожидаясь конца переговоров, он пошел к себе и, закрыв дверь каюты, сел за стол, подперев руками голову, задумался о недавних политических событиях, известных ему из газет. В свое время он удивился, когда на расчитанную на эффект в стране фразу депутата Милюкова в Государственной Думе, "что, это, глупость или измена", правительство почувствовало себя столь слабым, что не потрудилось защитить от клеветы семью Царя, которому оно присягало. О группе Милюкова Астанов знал по наслышке, что это люди принадлежащие к свободным профессиям, крупные, имеющие большие доходы адвокаты, профессора, нередко с личными средствами для того, чтобы вести в столице широкую жизнь. Знал что, в отличие от них, существуют профессионалы-революционеры, в большинстве случаев из неудачников, обозленных на жизнь, морально неряшливые, которым нечего терять что бы ни случилось. Некоторые из них — фанатики. По молодости и отсутствию жизненного опыта, Астанову не хотелось верить, что

их фанатизм направлен лишь к успеху их партии. Он думал, что если люди идут на преступление, иногда жертвуя собственной жизнью, то все же с мыслью о родине, о ее благополучии, а не для выполнения лишь партийных "наказов", имеющих базой абстрактную утопию. При воспоминании о декабристах, у него всегда возникало сожаление о их конфликте с монархией. Революционеров, которые убили Царя-Освободителя только из опасения, что монархия могла бы стать настолько популярной, что они сами утратили бы под собой почву, Астанов презирал до глубины души.

Среди деятелей последних лет ему был понятен и близок сердцу лишь Столыпин, ответивший думским лидерам:

"Вам нужны великие потрясения, а мне нужна великая Россия", Столыпин начал проводить в жизнь реформы, но его убили тоже...

Уже поздно, вероятно около полуночи, сидя со своими размышлениями и куря папиросу за папиросой, мичман услышал стук в дверь.

— Войдите, — обернулся он.

В полуоткрытую дверь Астанов увидел человек пять матросов. Один из них, видимо из машинной команды, так как лицо его было незнакомо, не глядя в глаза, а куда то в сторону, проговорил:

— Судовой комитет просит вас передать ваше оружие под надзор часовому у денежного сундука. Старший офицер согласился.

У Астанова был казенный "Наган" и был кортик. Его сабля, мундир, треуголка, вообще все парадные вещи были дома в Петрограде, как ненужные во время войны предметы обмундирования. Поднявшись с места и не торопясь, он передал пришедшим оружие, не поднимая на вошедших глаз, так как было чего то стыдно, неизвестно, за них или за себя.

Кортик был на портупее. Его отцепили, портупею положили обратно на стул. Следовало бы сказать "не отцепляйте", так как на портупее были его Астанова инициалы и по ним кортик мог быть отличен от десятка других, ему подобных, но о возвращении его обратно не думалось: ведь, все было кончено... Пусть берут, что хотят.

Матросы были неуверены в своих движениях, ушли молча, не закрыв плотно дверь и Астанов услышал, как они постучали в дверь к Острогорскому.

— Возьмите вон там, в шкафу, — послышался его голос с нотками презрения и раздражения. Повидимому, пришедшие повиновались, так как дальнейших слов не последовало. — Так и мне надо было ответить... А я — сам передал, — сконфуженно подумал мичман. — Ну что же, мы арестованы, значит? Чего же ждать дальше?

Астанов нередко читал в романах описание бунтов, особенно на парусниках, в отдаленных морях. Читал о беспорядках в военном британском флоте, с требованиями прибавки жалования, или как протест против жестокого обращения, телесные наказания в нем применялись и по сие время, читал о французской революции, но одно читать в книгах, и другое — быть самому участником событий в действительности.

Еще через час, дверь быстро открылась и вестовой Соколов скользнул внутрь каюты со свертком в руках. Он поставил что-то в шкаф и захлопнул его дверцу.

— Мое охотничье ружье и патроны к нему... — прошептал он. — Неизвестно что случится, а если понадобится, все же сможете защищаться...

Это было так трогательно, что первым движением хотелось пожать Соколову руку, но страх за мелодраматичность рукопожатия остановил мичмана.

— Что происходит на крейсере? — спросил он. Мы арестованы или нет?

— Комитет заседает все время. Приходят матросы и доносят на офицеров, если были обиды или что. Про старшего офицера говорят, что он строг был, что с мытьем белья и коек придирался... Комитет все выслушивает, обсуждает, записывает. Вы за себя не беспокойтесь, свои вас любят... Вот только с других кораблей приходят, — добавил он, с сомнением покачивая головой, — вмешиваются... — и он исчез за дверью.

Астанов вспомнил происшедший с ним недавно случай, когда, после хорошего кутежа на берегу, возвращаясь поздно ночью, едва сев в такси и дав название корабля шоферу, он по пути крепко уснул. Рассказывал на следующий день ночной вахтенный начальник: "Подъезжает к борту такси и стоит. Никто не выходит. Я смотрю сверху трапа вниз и не могу ничего понять. Вдруг человека три с вахты бегом спускаются на лед, подхватывают тебя на плечи и в два счета прямо в каюту... Картина, знаешь...

Но теперь было не до воспоминаний фривольного характера, хотя, по существу, случай свидетельствовал об отношениях существовавших у нижних чинов с офицерами. А теперь — подозрение, недоверие, отрава распространяемая какими то чужими пришельцами с берега или с других кораблей: судя по отдаленному гулу голосов в палубе, команда продолжала всю ночь что-то обсуждать и спорить.

Сам того не заметив, мичман утратил способность думать, точно провалившись в темную пропасть: не отдавая себе отчета, он прилег на койке, на которой сидел после прихода вестового, и теперь, не раздевшись, спал тяжелым сном.

Д. А.

(Окончание следует)

Три времени года в четырех стенах

ПОВЕСТЬ

Посвящается сестре моей Елене ПОСНОВОЙ, урожден. ВОЛОШИН-ПЕТРИЧЕНКО, полтавской институтке и хохлушке.

ЧАСТЬ I

ОСЕНЬ

1. ИНТРОДУКЦИЯ

Как это было давно! Боже мой, как давно! Хочется вспомнить: с какого же дня в нашей маленькой жизни, начиналась осень? Напрягаю память и пытаюсь вспомнить (помнится, что с чего-то неприятного). Наконец вспоминаю: с фразы мамы, услышанной сквозь утренний сон, (какое блаженство, проснувшись знать, что можно еще вдоволь поваляться в теплой постели, поглядеть сквозь сонные ресницы на, пробивающийся сквозь гардины, луч солнца, подумать о предстоящем прекрасном (на каникулах ведь все прекрасно) и интересном дне).

Мама разговаривает с прачкой:

— Смотри-же, Горпина, раньше всего: белье "паничей". В понедельник, через неделю, их уже отправлять в корпус.

Что-то неприятное, как червяк заползает в душу: через неделю... в Понедельник...

Прощай лето! Прощай купанье на реке Каменке, прогулки на лодке по Тетереву, друзья кадеты — Воронежцы — Трофимовы, первые еще робкие попытки ухаживанья за гимназистками, маевки, вечерние посиделки в роще, с обязательным кулешом и сиденье, почти до рассвета, на "брехаловке".

2. БРЕХАЛОВКА

О, эта «брехаловка"! Можно-ли ее когда-нибудь забыть? Маленький, маленький мостик через канавку, отделявшую наш хутор от шоссейной дороги: Житомир—Новоград-Волынск.

Собирались мы на этом мостике, уже после сидения в роще и кулеша — поздно, поздно вечером.

Мы — это два еще совсем юных офицера, водивших с нами компанию, мы были с ними даже на "ты", но почтительно добавляли:

— Ты, Николай Сергеевич, Ты, Петр Августинович, юнкер Саша Пикачев, студент Коля Гладкий, нас 5 кадет разных корпусов и 5-6 подростков девочек гимназисток и институток.

Располагались: кто на лавочках мостика, кто просто лежа на траве канавки и начинались разговоры. О чем?

Мало мы еще знали, мало видели в этом громадном, странном, прекрасном мире. Офицеры, юнкер и студент видели немногим-больше нашего.

Студент, как полагается, толковал иногда о политике, кого-то критиковал, упоминал иногда слово: "правительство". Слушали его добродушно, в одно ухо впуская, в другое выпуская. У нас уже была прививка: наши цветные погоны, стены корпуса, в которых мы уже соприкоснулись с "великодержавностью" нашей родины, чувство того, что мы какникак, а уже начали, в какой то мере ей служить.

Колю Гладкого любили просто за то, что он был славный малый, хорошо плавал, ловил с нами в речке раков, катался на лодке.

Выплывала луна, шоссе вилось белой полоской, терявшейся где-то далеко в лесу

"Сквозь туман кремнистый путь блестит"

с реки доносился несмолкаемый концерт лягушечьего хора, как ни странно, нисколько не нарушавший ночной тишины, изредка по шоссе тарахтела, замирая вдали, крестьянская телега и опять все замирало.

И это ночное созерцание прекрасного Божьего мира, как-то само собой, связывалось с сознанием величия и нашей Родины (частицы этого мира), ее громадности, простора, ее непобедимости.

Где-то, далеко от нас, были столицы: Петербург и Москва. Там все: величественно прекрасно! Там живет Государь, там все лучшие учебные заведения, военные училища, чудные театры, там расквартированы лучшие полки русской армии: гвардия, в которой мы и служить наверняка не будем, а кой кто не увидит никогда и Петербурга, но она наша: "своя" ,она частица того Русского, великого, что составляет нашу страну и мы ее любим, мы ею гордимся.

"Преображенцы", "Семеновцы", "Кавалергарды", "Конно-гренадеры" дороги нам, как милые и старые страницы истории. Мы плохо знаем даже Киев (о нем нам рассказывают офицеры, Коля Гладкий и Саша Пикачев), а мы уже включили его в наше сердце, как мать городов Российских, как столицу Юга России, как драгоценный камень Русской короны.

О чем только не говорится в тихую, теплую, лунную ночь, на маленьком мостике? Разговоры о будущей жизни, службе, только что виденной пьесе в театре, прочитанной книге, музыке, прерываются шутками над девочками, над нами самими, задумчивой песней или просто молчанием.

Как все ново! Как полно интереса! Где уж тут думать о сне!?

Расходимся, когда уже начинает светать. А завтра — начнется новый день, такой-же прекрасный, как и прошедший, а может быть и еще лучше и прекрасней. И все это должно окончиться в Понедельник!

Прощай поездки с папой на стрельбище, верховая езда, другими словами: прощай весь тот домаш-

ний рай, о котором мечтаешь все скучные дни в стенах корпуса.

3. ПАНЫЧИ

"Панычи" — это я и брат Глебушка. Я — перешел в 4-ый класс, Глебушка — во второй. У него, конечно, летом свой маленький и для него интересный, мирок. В наш кружок старших, он не допускается.

Он слышит, что говорит мама и откровенно всхлипывает под одеялом. Итак: еще — неделя и "панычи" кончаются, превращаясь в кадет 4-го и 2-го класса Петровского-Полтавского кад. Корпуса.

Отдергиваю занавески на окнах: Боже — до чего же прекрасен Божий мир! Лучи солнца врываются в комнату, на дворе все залито солнцем, стрелой носятся ласточки, украинский разгоревшийся день "роскошен и упоителен".

В голову лезут мысли, как у приговоренного к казни, когда его везут на эшафот: "Еще площадь... потом длинная улица, потом.. еще площадь... О! еще далеко!"

"Еще семь дней: завтра, после-завтра, потом еще завтра, еще после-завтра... О — еще много дней свободы, вольности, лета, солнца.

4. ОТЪЕЗД

Но, с неумолимой неизбежностью, проходит день за днем... и вот уже и день отъезда.

Чемоданы уложены, новые, пахучие кусочки мыла, зубная щетка, конверты, почтовая бумага — все на своих местах. Шесть рублей денег — спрятаны в кошелек. По три мне и Глебушке (по рублю на обед в Казатине и по 2 рубля на первый месяц). С мальчишеской зоркостью и наблюдательностью, знаю, каких трудов, тайком от нас, стоило бедной маме их собрать.

Экипаж с кучером солдатом уже у крыльца (до станции 7 верст). Отца нет. Он уже попрощался с нами в минувшую Субботу и ушел с полком на маневры. В столовой вся семья: бабушка, мама, маленькие братишки: Федя и Миша, сестра Олечка, денщик Карпо, прачка Горпина, кухарка Матвеевна.

Традиционно все садимся, молчим, потом крестимся на образ в правом углу возле двери.

— Ну-с с Богом! — говорит мама. На глазах у нее слезы, плачет и Глебушка и в три ручья разливается чувствительная Матвеевна (больше по крестьянской традиции, чем от эмоциональных переживаний). У меня в носу что-то отчаянно свербит, но разве можно плакать кадету 4-го класса?

Эх... эх...

Целуемся со всеми по очереди, начиная от бабушки и до младших братьев (счастливцы — им никуда не уезжать), которых, по их несмышленности, больше занимает процесс прощанья, чем горечь разлуки.

**
*

Крошечный вокзал Житомирской узко-колейной дороги — набит битком: тут и кадеты разных корпусов, и гимназисты, реалисты, институтки. Мамы, папы, бабушки, сестры, просто провожающие. Последний чай с пирожком (до сих пор в памяти, как за него расплачивалась мама, может быть последними в этом месяце, серебрянными гривениками), последние поцелуи (поспешные и потому невнимательные), отдельный вагончик "для учащихся", свисток и поезд медленно трогается с места.

Еще видны машущие руки, платки, милый силуэт мамы... но вот — поворот за группу тополей — и все сразу скрывается.

Прощай лето! Впереди — тяжелый год занятий, классы, долгие зимние, скучные дни.

5. ДОРОГА

В вагончике постепенно, после толкотни при отъезде, все понемногу устраивается и утрясается. Маленький Глебушка, засунут в самый уголок. В неудобной позе, с шинелью в накидку, застегнутой дома еще мамой, он приткнулся к стенке с самым унылим видом. Из за своей болезненности, он мамин любимчик, и вероятно остро переживает разлуку. Как его утешить?

Достаю бутерброды, пирожки, сую ему. Шепчу:
— Только не хнычь! Еще впереди Киев... Увидим дядю Колю, Верочку и Тасю (двоюродных сестер).

Глебушка печально жует бутерброды, шмыгает носом и утирает слезы.

В вагоне задают тон кадеты псковичи 6-го и 7-го классов. За многие годы поездок домой — они уже привыкли к частым встречам и расставаниям. Они рассказывают такие смешные истории из корпусной жизни, что около них постепенно собирается целая толпа. Стоит непрерывный хохот, аханье и оханье.

Рыков, шестиклассник рассказывает:

— У нас ходить в кухню (подвал) — строго воспрещено. Мы втроем, забрались однажды, пристали к эконому,, выклянчили по куску пирога и уже собирались давать тягу, как вдруг, сверху по лестнице, раздались звуки шпор. Уже по звуку их, мы узнали, что идет Директор Корпуса. Как спастись? Из кухни в столовую поднималась и опускалась подъемная платформа, на которой, обыкновенно, подавали в столовую хлеб и блюда. Вот спасенье!

Вскакиваем на платформу и шепчем кухонному мужику: — "Крути наверх. Завтра принесем рубль!" Парень схватился за веревку и мы поплыли наверх. Вдруг — стоп! Что за черт! Внизу разговор: — «Что поднимаешь?" — "Булки Ваше Превосходительство". — "А... булки. Опускай ка их. Я хочу попробовать".

Площадка идет вниз.

"Так вот они, какие булки... медленно и зловеще произносит Директор: — "Пожалуйте все булки за мной!"

И бедные булки отсидели по двое суток на хлебе и воде.

— А знаете, почему у нас на погонах П. К.?

Мы не знаем.

— Э, да вы ничего не знаете...

Псковским Кадетам
Позволено Курить
Папиросы Крученые
Пачка Копейка
Подписал Курбатов (тогдашний директор).

И, как бы в доказательство сказанного, он достает и закуривает папироску. Малыши смотрят на него с восторгом, разинув рот. Самый старший пскович, красивый мальчик, с пробивающимися уже усиками, рассказывает свой летний роман. Преувеличенные детали его рассказа довольно нескромны и слушатели, хотя и хихикают, но конфузятся. Ловелас — явно не имеет успеха: малыши предпочитают рассказы о похищении булок.

**
*

Медленно плетется узко-колейка. До Бердичева — всего лишь 50 верст, а едем уже третий час. Бердичев — большая узловая станция: поезда идут отсюда по трем направлениям, здесь начинается широкая коллея, большие вагоны, новые — американские паровозы с большими колесами. В Бердичеве вливаются новые ручейки кадет, едущих из Одессы, Николаева.

Проезжаем только одну станцию (вернее полустанок, Глуховцы, и — опять пересадка. Но какая? Сказка — а не пересадка. Нам, выросшим на хуторе и в деревне, проводившим целые дни в обществе деревенских ребятишек, уже наше скромное полковое собрание — казалось каким-то пышным шато, и Житомирский собор - верхом великолепия и красоты. Чем же был для нас Казатинский вокзал?

О! Это был сказочный дворец.

И, действительно — он был великолепен. Огромный зал с массой столов (накрытых белоснежными скатертями), уставленных пальмами и пирамидами вин, наголо бритые лакеи-татары, огромный буфет с массой закусок, 4 выхода на перроны, величественный швейцар, появлявшийся время от времени в одной из дверей и каким-то особенным, утробным голосом возглашавший: "Знаменка, Одесса... 1-ый звонок. Поезд на втором пути..."

Все было — великолепно и подавляло своим величием.

В Казатине — мы должны были обедать. Новый хозяин-татарин установил для учащихся плату: один рубль за обед из пяти блюд. Но приступить к обеду было не так просто!

Надо было проделать то, что потом на войне называлось «ориентировкой в обстановке". Мы, маленькие военные, обязаны были найти в зале старшего из военных и испросить его "разрешения сесть за стол". Это было не так легко! За столами сидело до сотни обедающих: штатских, дам, офицеров... Многие были повязаны салфетками до ушей. В те времена роскошные бороды и усы доставляли много хлопот обедающим.

Разберись тут, кто старший? Помогли, как всегда, бойкие псковичи.

Рыков, оглядывает зал взглядом Наполеона перед Аустерлицким сражением: — "Э... ребята... — снисходительно поясняет он. — Вон там, в углу есть завязанный салфеткой. Ну, вот тот самый — у кого баки и усы. Это — генерал, я его хорошо знаю. Валим прямо к нему, хорошенько только козыряйте; он любит отчетливость".

Целая фаланга напрявляется к обедающему генералу. Вперед выталкивают малышей, из которых самый маленький Глебушка. Его тыкают все время в спину, так как он безпрестанно теряет направление (столы — почти на уровне его головы).

Генерал поглощен обедом, когда над его ухом раздается целый хор голосов: — "Ваше Превосходительство! Разрешите сесть обедать"... Генерал, слегка оторопев, снимает салфетку и оказывается, неожиданно для всех нас, совсем юным корнетом, правда с усами и баками.

Он разражается смехом и с удовольствием глядит на молодые, краснощекие мордочки, уставившиеся на него.

— Это кто-же из вас произвел меня в генералы? — грозно спрашивает он: — Ты что-ли? — тычет он пальцем в Глебушку, у которого, от страха, уже блестят на глазах слезы.

— Ну, ладно — садитесь, садитесь! Впрочем — лучше спросите все-таки, вон там сидит Штабс-Капитан. Кажется никого старше в зале нет.

Новый маневр, под любопытными взглядами обедающих, продолжается. Наконец и Штабс-Капитанское разрешение — получено и вся компания благополучно усаживается. Начинается обед... Но... это не обед. Это пиршество Лукулла: бульон с пирожками, жареная рыба, отбивная котлета с гарниром, пирожное и чашка кофе с молоком. И все за один рубль!

Все идет хорошо, но во время обеда — инцидент, вгоняющий меня в краску: Глебка, неожиданно хватает со стола звонок и резко звонит. Весь стол на него оборачивается. К Глебке подходит татарин-лакей (я с ужасом гляжу на сцену):

— Что хочешь барчук?

— Порежьте мне, пожалуйста мясо... Я сам не могу...

Татарин улыбается, берет нож и вилку и исполняет просьбу.

— Вот так! Кушай на здоровье барчук. — Он ласково смотрит на крошечного Глебушку: — Горчицы хочешь, принесу?

— Мерси! — светски галантно отвечает Глебка. После обеда шпыняю его:

— Ты что-же это... Не мог попросить кого нибудь из старших, раньше чем устраивать скандал на всю станцию...

— Да он сам сказал мне: если, что надо... позвони...

Здесь нас называют уже "барчуками". "Паничи" остались далеко на хуторе и в деревне, а еще немного исчезнут и "барчуки" и "паничи" и останутся только кадеты.

П. Ф. Волошин

(Продолжение следует).

Инженерный Замок и его легенды

Михайловский дворец, получивший впоследствии наименование Инженерного Замка, построен в С.-Петербурге в конце 18-го столетия, в царствование императора ПАВЛА I-го.

Говорят, причиной его постройки являлось опасение императора измены и желание создать себе в столице более надежное жилище, чем огромный Зимний Дворец.

Михайловский замок, являвшийся по своему положению и постройке прекрасной защитой от нападения извне, не мог спасти толстыми стенами от предательства, и в ночь на 12 марта 1801 года император Павел был убит, в своей опочивальне, группой заговорщиков.

Уже само местоположение замка являлось удобным для обороны. Находясь в центре столицы, он был выстроен на совершенно открытом месте, вдали от каких-либо строений. С восточной стороны замка протекала довольно широкая река Фонтанка, а с северной — проточный канал в несколько десятков метров ширины, за которым был разбит Летний сад; с запада в данное время проходит Садовая улица, а за ней большой казенный сад; но сто лет назад это была открытая площадь — часть, так называемого — Царицына Луга, или Марсова Поля.

С юга — Инженерная площадь, на которой стоит бронзовая конная статуя ПЕТРА I-го.

Кажется, с западной стороны раньше были каналы, со временем засыпанные за ненадобностью.

Не смотря на свою оригинальную архитектуру, портики и большие прекрасные залы Замка производили мрачное впечатление. Уж больно много было в нем разных закоулков, лабиринтов и переходов. Вид с внешней стороны поражал несоразмерно высоким фундаметом, а кое-где расположенные амбразуры-бойницы и ужасный оранжево-красный цвет самого здания тоже не придавали ему привлекательности.

Но самое главное — нельзя отделаться от мысли, что это место коварного цареубийства.

Неудивительно, что эта обстановка способствовала созданию фантастических слухов и легенд, которые отнюдь не рассеялись после того, как указом свыше, замок был превращен в самый материалистический реальный центр: в нем было помещено несколько отделов военно-инженерного ведомства.

Математика и фортификация не смогли одолеть флюидов суеверия и, из поколения в поколение, временные обитатели Замка передавали легенды о появлениях в нем убитого царя.

Может быть, печальное прошлое невидимо отражалось от угрюмых стен; может быть, эти флюиды тронули какия-то тончайшие струны души у величайшего русского психолога Достоевского, проведшего несколько лет своей жизни в стенах этого замка юнкером Инженерного училища.

После Русско-Японской войны, в Михайловском замке помещались следующие учреждения: Гл. Военно-Инженерное Управление, переименованное в последние годы перед войной в Гл. Военно-Техническое Управление, Николаевское Инженерное Училище, Школа чертежников-кондукторов и, в последнее время Военно-Автомобильное Управление.

В двух больших залах была расположена библиотека Николаевской Инженерной Академии. Сама Академия в это время находилась в здании на Садовой ул. № 4. Несколько этажей Замка были отведены под квартиры служащих. В Замке были две православные церкви: одна — большая, переделенная из церкви Мальтийского Ордена, гросмейстером которого был когда-то император Павел. В этой церкви юнкера Инженерного Училища говели во время Великого поста; посещалась она, частной публикой. В ней обращали на себя внимание два громадных скульптурных изображения летящих ангелов, находившихся перед алтарем. Такие фигуры можно встретить только в католических храмах.

Другая церковь, чисто домового характера, была переделана из той спальни царя, где произошло убийство. Это была специально училищная церковь, в которой мы — юнкера молились каждое воскресенье, хотя и не одновременно всем баталионом, в виду небольших размеров церкви, а по очереди — то первая, то вторая рота. Стены этой церкви были выложены резным ореховым деревом, в котором были вставлены черные мраморные доски с именами убитых, в разных войнах, бывших питомцев училища. Потолок церкви изображал синее небо, покрытое желтыми звездами. Нарисовано это было, по правде сказать, довольно аляповато.

Предание гласило, что долгое время спальня сохранялась в первоначальном виде и там хранились мундир, треуголка и шпага убитого царя.

В замке было множество закоулков, лестниц, переходов и, чтобы изучить план, требовалось не мало времени.

Инженерное Училище занимало восточную и северную часть здания, при чем, помещения рот, столовая и околодок (лазарет) были в первом этаже, а

классы и парадные залы — во втором. В третьем были офицерские квартиры; в подвалах — кухни, мастерские и цейхгауз.

В каждой из двух рот училища было несколько больших и малых комнат, при этом они были расположены не по прямой линии, а дугообразно, некоторые же — под углом. Я нарочно останавливаюсь на этом, т. к. большинство наших В. Уч. Заведений имели помещения казарменного типа, в которых ротные спальни и классы были вытянуты в струнку. Таким расположением своих аппартаментов наше училище выгодно отличалось от прочих училищ.

Никаких крупных перестроек в Замке не производилось и он имел такой-же вид, как и сто лет назад. В некоторых залах, как напр., в академической библиотеке, потолок был художественно разрисован на мифологические сюжеты, с толстыми амурами и полногрудыми богинями. Говорили, что в ротных спальнях были подобные же рисунки, но, чтобы не вводить юнкеров в соблазн, начальство приказало затянуть потолки холстом, обратная сторона которого была выбелена.

Раньше Училище занимало большую часть Замка, между прочим, ему принадлежал огромный Белый зал, находящийся в южной части здания. В этом зале в прежние годы стояло училищное знамя и при нем всегда юнкер-часовой. Одно из преданий гласит, что однажды юнкер стоявший у знамени, увидел приближающуюся фигуру убитого императора и в страхе позорно бежал, а видение преследовало его.

В наше время вход в Белый зал юнкерам был воспрещен. Знамя находилось в квартире начальника училища.

Прежде, один раз в год, училище устраивало большой бал. Тогда раскрывались запертые двери и длинные анфилады зал, при ярком освещении приобретали вновь дворцовое величие.

Последние годы перед войной, балов этих, покакой-то причине не было. Бывали, так называемые, вечеринки, или балы в миниатюре, отплясывали под оркестр Л. Гв. Саперного баталиона. Во время этих вечеринок тоже открывались некоторые комнаты, недоступные нам, юнкерам в другие дни. Получали доступ мы и в инспекторскую, обращавшуюся в небольшой салон.

Там висел удивительный портрет императора Павла с буквально живыми глазами и с какой стороны не подойти к портрету, горящий взгляд неотступно следовал за проходящим. Передавали легенду, что этот портрет, по временам, выходит из своей рамы и обходит замок.

Большинство эпизодов из явлений убитого императора приурочивалось ко дню 12-го марта. Один из таких случаев произошел за год, или за два до моего поступления в училище, т. е. в 1909 или 1910 г. О нем я хочу рассказать.

Учебные требования в Инженерном училище были очень велики и терять времени было нельзя, т. ч. по ночам, дневальные юнкера большую часть своего бодрствования проводили за зубрением каких-нибудь руководств или за черчением проэктов, сидя за специально отведенным столом, находящимся в одной из спален. Когда у дневального начинают слипаться веки, он обычно отправляется в обход ротных помещений, или заходит в умывалку покурить, что между прочим, не разрешалось. Иногда в спальни заглянет дежурный офицер; еще реже кто-либо из более высокого начальства. Тогда дневальный вытягивается перед пришедшим и, приложив руку к безкозырке, пропускает его и сопровождает до конца своей роты.

Таким дневальным, в роковое число 12-го марта, был юнкер младшего класса Лилиенталь. Увлекся-ли он математическими вычислениями, или задумался о превратностях юнкерской жизни, но до него неожиданно донеслись звуки шагов приближающихся из соседней комнаты. Это вывело его из Нирваны.

Думая, что идет дежурный офицер и, желая его во-время встретить, Лилиенталь вскочил и двинулся ему на встречу. Сделал он это так порывисто, что табуретка, на которой он сидел, со стуком упала, разбудив несколько юнкеров, увидевших следующую картину: перед открытой дверью стоит Лилиенталь и рапортует: «Ваше Императорское Величество, во время дежурства по 1-ой роте Николаевского Инженерного училища, никаких происшествий не случилось". Отрапортовав, он делает шаг в сторону и падает пластом. Подбежавшие юнкера видять его в глубоком обмороке и с трудом приводят в чувство. Нечего говорить, что никакого обмана здесь быть не могло. Я лично знал Лилиенталя юнкером старшего курса, а затем и офицером Л. Гв. Саперного баталиона. Это был очень серьезный человек. Ничего легкомысленного в нем не было.

В годы, предшествовавшие Великой войне, было распространено увлечение спиритизмом. В Инженерном училище, среди юнкеров, тоже образовался кружок спиритов, куда примкнул и я.

Кружок этот просуществовал недолгое время; последний его сеанс был довольно интересен и его стоит описать. Надо сказать что собирались мы для столоверчения в подвальном помещении, в коррилорчике между баталионным цейхгаузом и мастерскими. Вечером и цейхгауз и мастерские были заперты, но в корридорчик имелся доступ. В виду своей отдаленности от шумных ротных зал и благодаря своей светонепроницаемости, он являлся весьма удобным помещением для любителей вызывания потусторонних духов. Трехножный столик без гвоздей нашелся; нашелся также среди нас и медиум — юнкер Марков.

В один из вечеров мы, человек пять, или шесть юнкеров, сидя в подвале, вызывали духов. Сеанс был не из удачных: духи являлись какие-то второстепенные и наконец, чтобы поднять общее настроение, кто-то из участников предложил вызвать дух императора Павла I-го. Предложение это не встретило общего сочувствия. Откровенно говоря, было жутковато, да и как-то непочтительно вызывать дух убитого императо-

ра, в том самом здании, где произошло убийство. В конце концов, юный задор и любопытство взяли верх и мы решили попробовать, но с принятием некоторых мер предосторожности, а именно: на случай неприятных казусов, чтобы иметь возможность сразу прервать сеанс, у электрического выключателя поставили дежурным юнкера Марчевского.

Электричество погасили. Мы своими распростертыми ладонями смыкаем круг и один из нас, по определенному ритуалу, вызывает дух убитого императора. Проходит несколько минут томительного ожидания, я чувствую, как, сидящий рядом со мной Марков, впадает в транс и по напряженным пальцам пробегает ток, предшествующий движению стола. В этот момент раздается пронизительный крик и зажигается электричество. Оказывается, кричал Марчевский и, при вспыхнувшем свете, он предстал перед нами в довольно жалком виде — бледный, с перепуганной физиономией. Внезапно разбуженный, Марков чувствовал себя тоже не важно.

На наши расспросы, Марчевский рассказал следующее: "Потушив электричество, я оставил руку аа выключателе, чтобы, в случае тревоги, иметь возможность немедленно зажечь свет. Стал и вглядываюсь в полную темноту. Через некоторое время, мне показались, у противоположной стены, неясные контуры шкафа с полками и я старался вспомнить, действительно ли он там стоял или это мне только мерещется. Но контуры становятся рельефнее и вдруг на одной из полок вырисовывается треуголка. У меня является желание зажечь электричество, но в этот момент мою руку, находившуюся на выключателе, хватают холодные костлявые пальцы, как бы запрещая мне зажигать свет, что я все-таки сделал с большим усилием".

Основательно перепуганный вид Марчевского не внушал никакого сомнения в его правдивости.

Как-то неприятно было продолжать после этого сеанс и мы прекратили. Да и вообще, после этого случая, мое увлечение спиритизмом, в стенах Инженерного Замка, пошло на убыль.

Конечно, по мнению скептиков, здесь играло роль самовнушение. Очень может быть, что и так. Но не является-ли сама сила внушения одним из звеньев, соединяющих наш мир реальный с миром нереальным,, метафизическим и даже духовным.

Остановлюсь еще на маленьком эпизоде, случившимся с моим приятелем, Дмитрием Александровичем Маркевичем, бывшим раньше, как и я, кадетом Суворовского кадетского корпуса, а затем — юнкером Николаевского Инженерного училища.

Однажды летом, Маркевич из Уст-Ижорского лагеря, где стояли все инженерные части С. Петербургского военного округа, поехал на два дня в отпуск в Петербург. Обстоятельства сложились так, что в столице ему негде было переночевать, а в лагерь возвращаться до конца отпуска не хотелось. Тут он сообразил, что Инженерный замок в это время пустует и решил попроситься туда на ночлег.

Швейцар впустил его, но предупредил, что из ротных спален все кровати вынесены и есть только одна кровать в маленькой комнате, где зимой помещался дежурный служитель.

Маркевич обрадовался, что нашел наконец пристанище и, поблагодарив швейцара, отправился в эту коморку и завалился на боковую. Швейцар запер входную дверь и ушел к себе.

Ночью Маркевич проснулся от какого-то шума, Прислушался и ясно услыхал приближающиеся шаги. Шел кто-то, как будто в туфлях. Зная, что в помещение в это время никого не могло быть, он основательно струсил. Шаги, в начале ясные, стали стихать. Слышно было, как идущий удаляется, пройдя мимо его комнаты. Маркевич долго не мог уснуть, ожидая повторения явления, но оно не повторилось.

Маркевич человек не робкого десятка, притом энергичный и жизнерадостный. Каждый раз, рассказывая об этом происшествии, он добавлял: первый раз в жизни я чувствовал, как волосы зашевелились на моей голове.

Сергей Авенариус

Эвакуация Сибирского Императора Александра I Кадетского корпуса из Омска

Летом 1919 года положение на фронте Сибирской армии заставляло опасаться за судьбу гор. Омска и поэтому Верховный правитель адмирал А. В. Колчак приказал эвакуировать корпус во Владивосток. Эвакуировать ценное имущество, накопленное годами, было совершенно невозможно из-за ограниченного числа предоставленных вагонов, поэтому пришлось взять лишь самое необходимое, и кадеты выехали из г. Омска с самыми ограниченными запасами.

Перед отправлением эшелона, состоявшего ив простых вагонов-теплушек, был отслужен напутственный молебен. Путь до Иркутска эшелон прошел быстро. В Иркутске кадеты были приняты тепло кадетами-иркутянами. Осмотрев корпус и город, кадеты продолжали свой путь. Красоты Байкала произвели на всех огромное впечатление. Некоторые даже купались в холодной воде Байкала, не боясь погружаться в его глубокие воды.

Быстрому передвижению по Забайкалью способствовала любезность атамана Семенова. Последний предложил оставить корпус в Чите, но директор корпуса ген.-лейт. Нарбут не согласился. И эшелон направился в Манчжурию.

30 августа эшелон благополучно прибыл во Владивосток, где ему были отведены казармы 9-й артиллерийской бригады на Русском острове, в 3-х верстах от пристани Подножье. Казармы оказались совершенно непригодными для учебного заведения,

поэтому были снаряжены китайские и корейские рабочие, быстро приведшие помещение в нужный порядок. Начальству Владивостокской крепости удалось достать необходимую обстановку и утварь из войсковых складов. Хуже обстояло дело с продовольствием и обмундированием, из-за падения сибирских денег. Весь корпус жил впроголодь, а обмундирование удалось достать у англичан, и кадеты щеголяли сначала в форме английской пехоты, а потом румынской. Учебные занятия тоже постепенно налаживались, конечно, относительно. В качестве служителей, работали военнопленные мадьяры и немцы, но они устроили забастовку, требуя условий наравне с кадетами и были уволены. Их места заняли сами кадеты.

Осенью 1919 года по городу ходили слухи о готовящемся политическом выступлении Гайда вместе с Якушевым. Оно произошло 17 ноября. Для подавления восстания было вызвано несколько рот Школы Нокса, взвод Артил. Училища и гардемарины Морского Училища, в состав которого входили кадеты-сибиряки.

В конце декабря, 7-й класс ускоренно закончил курс и часть кадет поступила в Морское Училище, остальные в Читинское Военное Училище. 26 ноября 1920 г. те же части участвовали в подавлении бунта Егерского батальона.

В ночь с 30 на 31 января корабли "Орел" и «Якут" вышли в море, увозя гардемарин Морского Училища.

31 января образовалось новое демократическое правительство возглавляемое А. С. Медведевым, а комендантом Владивостока стал подполковник Краковецкий. Он посетил корпус и дал приказ всем офицерам и кадетам надеть красные звездочки и на приветствие отвечать не "здравия желаю", а "здравствуйте". Приказу этому пришлось подчиняться лишь в дни его приезда, а остальное время приветствия ограничивались обычным отданием чести. Чтобы не надевать звезд, кадеты стали носить фуфайки и другую не форменную одежду. Несмотря на трудность существования, ни кадеты, ни педагоги не падали духом, а взялись за разного рода работы — огородничество, столярное и сапожное дело, устроили музей, театр и т. д. Директор хлопотал, через японское и французское консульства об эвакуации корпуса в более безопасное место.

В середине 21-го года из Центра пришел приказ ликвидировать корпус, как остаток прежнего режима "Николаевщины". Повинуясь этому распоряжению, областное правительство передало корпус из военного ведомства в отдел народного образования. Далее, последовало распоряженіе закончить учебный год к 1 апреля, причем в дальнейшем 7 класс не должен был существовать. Таким образом уничтожалась вся первая рота. К этому же сроку должны были быть устранены начальствующие лица и заменены из центра: это означало, что с 1 апреля корпус всецело переходил в руки большевиков. Осуществлению этого плана помешал майский переворот, в котором кадеты приняли деятельное участие.

Во Владивостоке образовалось национальное правительство, возглавляемое прис. пов. С. Д. Меркуловым, продержавшееся до июня. 23 июля Правителем Приамурского Земского края и Воеводой Земской рати был единогласно избран ген. лейт. М. К. Дитерихс. С фронта доходили неутешительные вести; особенно тяжело было слышать о разгроме Корниловского военного училища, в составе которого было много кадет-сибиряков. Под влиянием этих вестей весь 7-й класс подал докладную записку с просьбой об отправке его на фронт, но так как в городе была нужна надежная боевая единица, то просьба их не была удовлетворена.

В октябре 1922 года, стали готовиться к новой эвакуации, под влиянием слухов о том, что японцы оставляют Приморье. Кадетским корпусам (Омскому и Хабаровскому) было сначала объявлено, что за неимением перевозочных средств, они будут оставлены на Русском острове. Директора корпусов посетили правителя Края, ген. лейт. М. К. Дитерихса с просьбой взять корпуса, но получили отказ в виду большого числа кадет и неимения перевозочных средств. Тогда директор Сибирского корпуса напомнил об эскадре контр-ад. Старка. Ген. Дитерихс снесся с ним по телефону и вопрос был решен положительно. Было созвано собрание педагогов и объявлено об эвакуации.

Возник вопрос о маленьких кадетах и большинством голосов было решено взять с собой только тех из них, у которых есть братья в старших классах, остальных же, поступивших в корпус во Владивостоке имеющих родных, оставить на Русском острове под начальством инспектора классов полк. С. Ф. Загуба.

Сразу после этого начались приготовления к эвакуации. Кадетам был выдан комплект обмундирования в таком размере, чтобы каждый мог нести сам свой багаж, — не исключалась необходимость от Посьета идти пешком. 2 октября служили напутственный молебен и строем направились на пристань Подножье, под звуки кадетских оркестров. По каким то причинам, посадка была отложена на следующий день и корпусам пришлось оставаться на пристани под открытым небом, несмотря на моросивший дождь и резкий ветер. Мало кто думал о сне в эту ночь, последнюю в России.

Нашлись агитаторы, пытавшиеся уговаривать кадет оставаться в России, но они сразу же были с позором изгнаны. В 8 час. утра началась посадка корпусов. Старшие классы были помещены на палубе канонерской лодки «Диомид", младшие — на траспорте "Защитник".

Утром, 25 октября 1922 г., корпуса покинули Россию. При отходе эскадры, кадетские оркестры заиграли "Боже Царя храни". Во Владивостоке уже слышны были выстрѣлы и начались пожары. Ночью эскадра прошла Посьет, — последний пункт Русской земли. Из опасения нападения со стороны

красных, на берег были отправлены небольшие дозоры. Они сообщили о приближении большевиков и, в 6 ч. утра 27 октября, эскадра снялась с якоря, направляясь в Корею.

Из за туманной погоды, суда потеряли друг друга из вида и только 31 октября они собрались в порту Гензан. Эскадра, состоящая из буксирных кораблей мелкого тоннажа, искала убежища в ближайших бухтах, а «Диомид" заходил в бухты Корейскую, Корниловскую и Палладу.

Кадеты исполняли на кораблях обязанности матросов, были размещены в трюмах и машинных отделениях и получали довольствие наравне с командой. Во время стоянки на рейде Гензан, сходили на берег и даже имели возможность побывать в бане, где были смущены простотой тамошних нравов: мужчины и женщины купались в одном и том же помещении. На кораблях находились и другие пассажиры из состава Дальневосточной армии и беженцы.

Покинув Гензан 8 ноября и пересекая Японское море, эскадра на заре проходила мимо острова Цусима. Все были вызваны на палубу, для отдания чести погибшим героям Японской войны и были отслужены панихиды.

В Фузане, южно-корейском порту, куда эскадра пришла в 10 час. утра, японцами был оказан эскадре радушный прием. Когда кадеты шли строем, возвращаясь из бани, японцы и японки, стоя шпалерами по улицам, щедро раздавали кадетам различные сладости, пряники, орехи и мандарины. В Фузане эскадра простояла только 5 дней и 2 декабря вышла в море.

Этот последний переход оказался трагическим. Эскадра попала в страшный тайфун и потеряла один из лучших своих кораблей "Лейтенант Дыдымов", погибший 4 декабря со всеми пассажирами: 14 кадетами-сибиряками. Остальные корабли, сильно потрепанные, все же добрались до Вузунга (Шанхай — Китай).

Контр-адмирал Старк намеревался идти с эскадрой в Америку и хлопотал о разрешении кадетам сойти на берег, но местные власти, опасаясь взять на себя обязанность по содержнию корпусов, не соглашались выдать разрешение на высадку в Шанхае. Образовавшийся в Шанхае, благотворительный комитет снесся с военным атташе в Японии, ген. Подтягиным. обещавшим корпусам ежемесячную поддержку в размере 1000 иен и кадеты стали небольшими группами перебираться в город.

Русскую эмигрантскую колонию Шанхая в это время возглавлял бывший генеральный консул императорской России В. Ф. Гроссе. Он заявил директорам корпусов, что не может ничем помочь им в дальнейшей судьбе корпусов и высказался в самых мрачных красках о дальнейшей судьбе корпусов в случае эвакуации. Приехав со своей супругой на корабль, он советовал кадетам возвращаться обратно в Россию. Жена его обратилась к маленькому кадетику со словами:

Что, кадетик, скучно тебе здесь? Наверное ты с удовольствием вернулся бы к своей мамочке?

На что кадетик, не долго думая и чинно взяв под козырек ответил:

— Я скорее брошусь в море, чем вернусь к большевикам.

Огорошенная таким ответом кадетика, супруга консула отвернулась от него, сказав:

— Научили!..

Такое заключение казалось нелепым, так как никто ведь не мог предвидеть подобного вопроса с ее стороны, а тем более ответа кадетика. После этого, "высокие гости" уехали.

При содействии благотворительного комитета, был арендован большой особняк с обширным участком земли. Несмотря на тесноту и примитивную обстановку, сразу удалось организовать занятия. Группа дам, работавших в комитете, предложила заниматься с кадетами английским языком, столь необходимым в Шанхае. Были возобновлены регулярные богослужения сначала в нижнем этаже здания, а позднее в, сооруженной на участке, походной церкви, открытие которой состоялось перед праздниками св. Пасхи.

Церковь посещалась многочисленным прихожанами, причем многие из них старались быть чем нибудь полезными кадетам, приглашали их к себе в отпуск и делали им подарки. Корпусные оркестры, выступившие на одном из балов, сразу обратили на себя внимание шанхайского общества. Под руководством одного из видных музыкантов шанхайского муниципального оркестра, кадеты сделали большие успехи и получили приглашение играть на скачках за вознаграждение, что имело большое значение в скромном бюджете корпусов. В корпусах, были организованы различные мастерские, также приносившие некоторый доход.

Весной 1923 года был первый выпуск заграницей. Судьбой кадет стали постепенно интересоваться представители иностранной колонии Шанхая, главным образом французской и английской, во главе с начальником всех французских школ Шанхая Шарлем Гробуа.

6/19 декабря, в день праздника сибирского корпуса, было организовано торжественное богослужение и парад.

В феврале 1924 года первая партия кадет, в которую входили классы от приготовительного до 4-го, во главе с директором Омского корпуса ген. Руссетом, на американском пароходе "Президент Харриссон" отправилась в Сербию. Ехали они очень удобно, хотя в третьем классе, и видели со стороны пассажиров и администрации самое внимательное к себе отношение. Когда с одним из кадет произошло несчастье, — он сломал себе лебедкой руку, — администрация поместила его в походный госпиталь и добровольно выплатила родителям кадета 10.000 дол. компенсации.

Кадеты участвовали в музыкальных вечерах и

имели большой успех, сопровождавшийся сбором в их пользу.

В Генуе кадеты сошли с парохода и поехали по жел. дороге до Белграда, где их встретил полк. Базаревич, ведавший делами русских эмигрантов.

Кадеты, оставшиеся в Шанхае, также ждали скорого отъезда в Югославию. Им пришел на помощь китаец-предприниматель, выдав авансом необходимую сумму, и 6-го ноября кадеты погрузились на пароход.

Как только корпуса более или менее благополучно устроились в гор. Сплите, была отправлена телеграмма вел. кн. Николаю Николаевичу, и от него и от ген. Врангеля получены поздравления. Но кадет тревожила мысль, удастся ли им остаться всем вместе, и не будут ли корпуса расформированы. К сожалению, их тревога подтвердилась. Югославское правительство объявило, что не может сохранить сибирские корпуса, так как в стране уже имеются три Русских корпуса и вновь прибывших решено было разместить по этим корпусам. Кадеты были разосланы в разные стороны: младшие в Донской корпус в Черногорию, другие в Русский корпус в Сараево. Окончивших разбили на группы: одну отправили на технические курсы в Крагуэваце; другую — на железнодорожные курсы в Белграде.

Директора корпуса Попов-Азотов и Корнилов в трогательных словах прощались со своими воспитанниками, пожелав им лучших дней жизни и приказав хранить заветы корпусов.

М. Мелик-Нубар.

Из героических времен

Годы летят, и нас, живых свидетелей борьбы за честь и бытие Великой России, становится все меньше. Вот почему, я считаю своим долгом, не ожидая юбилейных сроков, молодежи рассказать а старикам напомнить о совершенных российскими патриотами подвигах. Кто знает, чья очередь переступить за порог вечности?

В будущем 1958 году исполнится 40 лет тяжелому, но малоизвестному походу — отступлению остатков Терского фронта на Кубань, на соединение с Добрармией.

Принимая участие в самом зарождении восстания на Тереке в 1918 году, участвуя в самом восстании и находясь впоследствии при генерале Левшине, представителе Добрармии в Терской области и Дагестане, я имел возможность непосредственно воспринимать все развертывание событий.

В момент восстания, политическая обстановка на Тереке сложилась, для казачества, неудачно: руководящие посты захватила и цепко за них держалась, энергичная группа социалистов, возглавляемая эс-эр-ом Бичераховым, братом генерала, Занимавшие в это время Баку, англичане дали возможность генералу создать там для них прекрасный отряд, обеспеченный всем необходимым. Крохи от его снабжения, благодаря родственным отношениям того и другого Бичераховых, перепадали и восставшим терцам, полагаю — без ведома англичан.

Велико-державно мыслящие круги Терского казачества планомерно подготовляли восстание, но оно в июне месяце вспыхнуло неожиданно, стихийно и, волею судеб, все руководство им оказалось в чуждых казачеству руках, ведших его чуждыми путями, к чуждым политическим идеалам.

К Ноябрю 1918 года, разочарование казаков и самоубийство последнего Командующего фронтом, героя и патриота, генерала Э. М. Мистулова послужило сигналом к прекращению борьбы: казаки кинулись к своим хатам, а пресловутое "правительство" в Баку, под защиту англичан.

На фоне общего развала и растерянности, особенно ярко выделилась спокойная, уверенная фигура Представителя Добрармии, Свиты Его Величества генерал-майора Д. Ф. Левшина. С самого начала Белой борьбы, он находился в Кисловодске, занятом большевиками, и держал связь с Белым командованием. Весной 1918 года ему пришлось покинуть Кисловодск, оставя там, среди большевиков, всю свою семью, и скрыться на берегах Терека. Одаренный большой энергией, проницательностью и организаторским талантом, он еще с самого своего появления в Кисловодске вошел в контакт с государственно-мыслящими деятелями Терека и стал маяком велико-державной идеи.

Возглавившее восстание, социалистическое правительство предполагало освободить Область собственными силами, до подхода Добрармии, что позволило бы ему разговаривать с ее командованием в духе равенства и независимости. Осмотрительная политика генерала Левшина дала возможность лучшим элементам казачества сорганизоваться и, таким образом, сохранить свое лицо оставшись верным России.

В первых числах Августа я получил приказание от генерала Левшина остаться при нем в качестве адъютанта, таким образом я оказался в курсе всей, ведшейся им, работы. К этому времени у него были в разных местах, в том числе и в составе самого Правительства, свои наблюдатели. Позднее создан был и штаб, числом около 12 человек. Наши сношения с Добрармией осуществлялись изредка курьерами, (двое из них подпол. Амелунг и ротм. Ломакин погибли, пробираясь в Кисловодск, один — мичман Иовлев — жив и поныне). Обычно, при помощи Правительства, получившего из Баку радио-станцию, но не имевшего нашего шифра, и потому до некоторой степени нуждавшегося в генерале. Отношение к нему

было холодно-вежливым и настороженным: Правительство чувствовало рост его престижа. В середине Августа, генерал, из верных источников получил предупреждение: соблюдать осторожность и нигде не показываться одному и без оружия. С этого времени я к своим обязанностям адъютанта присединил и обязанности неотлучного телохранителя, что, как показало время, повидимому было не лишным.

В конце Ноября месяца я, заболев свирепствовавшей тогда "испанкой" с тяжелым осложнением, лежал в ж. дор. гостиннице, в Нальчике.

Сначала распространились слухи о самоубийстве Командующего фронтом, а к концу того же дня прибыл ген. Левшин со своим штабом.

На другой день стали подходить отдельные части, ставя себя в распоряжение генерала.

Пришел войсковой старшина К. К. Агоев, Георгиевский кавалер, пользовавшийся общею любовью, с большим числом казаков всех родов оружия, полковник Литвинов со своей офицерской ротой, человек около 80-90, штабс-ротмистр Даутоков-Серебряков с отрядом кабардинцев в несколько сот человек. Всего набралось около 3.000 бойцов при 11 орудиях и 1 аэроплане. Это был отбор людей, решивших биться до конца. Цель у всех была одна: влиться в ряды Добрармии, находившейся в то время в районе Екатеринодара. Среди прибывших было много больных "испанкой", едва двигавшихся, людей, были и легко раненые.

Переполненный всякого рода беженцами Нальчик заволновался и закипел. К гостиннице все время приходили люди справляться что решил предпринять генерал.

Находясь в Нальчике, мы были прижаты к горам: с севера надвигалась красная армия, с запада грозила Минераловодская группа красных, по железным дорогам курсировали бронепоезда.

На состоявшемся военном совете выяснилась полная невозможность идти к Добрармии степью, на Минераловодскую группу. Оставался единственный путь — по горам, в обход Кисловодска с юга. Ввиду поздней осени, почти зимы, горные дороги были едва ли проходимы, кроме того во все время похода мы подставляли свой фланг под удар Минераловодской группы. Но выбора не было. По приблизительному подсчету с нами готовилось отходить около 2.000 беженцев из Нальчика и окрестностей.

Первым распоряжением генерала было — собрать все, что можно из перевозочных средств. Начальником штаба он назначил явившегося в его распоряжение пехотного ген. майора Гусаковского.

Утро следующего дня выдалось холодное и пасмурное. Все окутывал густой туман, от одного телеграфного столба не было видно другого. Собрать удалось около 500 тачанок и подвод, и на них в первую очередь погрузили всех, кто не мог идти пешком. Вследствие невозможности улететь, аэроплан был приведен в негодность и оставлен.

Поход наш, с соблюдением всех мер охранения, начался в 9 часов.

По направлению Кошерокова селения (аула) вытянулась по покрытой лужами дороге длинная лента повозок и пеших людей. Позади нее следовал арьергард. По мере удаления от Нальчика все чаще и чаще, стали долетать до нашего слуха выстрелы: это местные большевики не то выражали радость от избавления от присутствия белых, не то расправлялись с немогшими уйти и оставшимися.

За Кошероковым мы почувствовали весь ужас горных дорог, арбяных, проложенных лишь двухколесными арбами. На крутых подъемах и спусках они имели вид просто широких промоин.

Тачанка, на которой полулежал я и примащивалось, сменяясь, несколько офицеров нашего штаба, шла в хвосте колонны. Начали попадаться то перевернувшаяся и брошенная походная кухня, то сломанные повозки, то павшие лошади. Это было начало, а впереди лежали еще не десятки, а сотни верст такого пути.

В офицерской роте полковника Литвинова, Туркестанского стрелка и Георгиевского кавалера, едва ли не половину составляли кадеты. Некоторые из них ростом не превышали носимых ими с гордостью тяжелых пехотных винтовок. Эта рота, иногда именовавшаяся по казачьи, — сотней, считалась надежной частью и в боях сбивала и гнала перед собой толпы красноармейцев, далеко превышавших их числом. На подъемах, в разряженном воздухе, где и здоровому взрослому, но непривычному человеку было тяжело идти, больные "испанкой" с желтыми, испитыми лицами, хватались за задки повозок и только таким образом передвигались шаг за шагом. Особенно тяжело было видеть полу-детей, кадет.

Упоение ли легко достигнутой ликвидацией Терского фронта лишило красных их обычной предприимчивости, или горное бездорожье и зимняя погода, но они нас не преследовали и лишь один раз попытались со стороны Кисловодска перерезать нам путь. Наступление их было отбито кабардинцами отряда шт. ротм. Даутокова-Серебрякова.

Трудность похода состояла в преодолении подъемов и спусков и в отвратительной погоде. Герои-Терцы ухитрялись все же с нечеловеческим напряжением тащить все свои 11 орудий, в том числе тяжелые гаубицы. Все эти орудия они дотянули до Добрармии.

Потекли однообразные и утомительные дни похода, в долинах по грязи, на вершинах по снегу. И все время в густом тумане. Запасов провианта конечно не было и приходилось питаться главным образом мясом, без хлеба, а часто и без соли. К счастью, баранов доставать удавалось, сена для лошадей, по пути, попадалось вдоволь.

Врезался в память один из наших ночлегов. В сумерках, мы поднялись на высокое плоскогорье, густо покрытое стогами; для ночевки это было самое удобное место. Тотчас же запылали костры. Устав-

шие, измученные переходом, люди зарывались в душистое горное сено. Ветер и холод давали себя знать. Не ужинавши, я расстелил на сене бурку, и закутавшись в нее по кавказски, конвертом, заснул мгновенно. Проснулся я утром, с ощущением приятной теплоты, попробовал откинуть полу бурки — она не поддается: за ночь выпал снег и все было покрыто толстым слоем. Бивуак наш был уже в движении: куда то вели поить коней, строились части, запрягались повозки. В авангард была назначена офицерская рота. Раздалась команда и рота, стараясь в пушистом снегу отбивать шаг, молодцовато прошла перед генералом "нашим генералом", как его называли эти кадетики и офицеры. Он стоял навытяжку, с сосредоточенным выражением лица, держа руку у папахи, во время прохождения части, Пол. Литвинов скомандовал песню и тенор-запевала начал "Бородино". В горном воздухе голоса звучали глухо и слабо. На месте ночевки роты чернели на снегу своими кадетскими шинелями девять жалких фигурок, положенные рядом. Бедные, милые мальчики-герои, жизнь свою за честь России отдавшие. Несколько человек с лопатами в руках готовилось рыть неглубокую братскую могилу. Сколько подобных безвестных могил оставили мы на местах наших следующих ночевок — кто знает? Считать их было некому.

Вспоминается еще одна картина. Дня за три до конца нашего похода — высокое плоскогорье, снег по щиколотку и густой, густой туман. Вечереет и подмораживает. Черное месиво, образовавшейся от движения колонны дороги, твердеет, колеса повозок время от времени перестают вертеться. Мы кончаем особенно длинный и утомительный переход. Ночевать негде, надо во что бы то ни стало дойти до лежащего где то впереди большого, полуразрушенного и брошенного хутора: там найдется и сено, и какие то обломки для костров, найдутся и навесы, или крыши. Колонна еле-еле движется. И вот, справа и слева начинают попадаться лежащие в снегу темные фигуры упавших и немогущих подняться людей, выбившихся из сил. Поднимать и класть их некуда, повозки и так все уже перегружены. Этот переход мы кончили уже в темноте, и лишь тогда генерал мог отрядить подводы подбирать их. Всех ли удалось найти?

Я ходил еще с трудом и потому не видел, что мы оставили на этом ночлеге, знаю лишь, что на рассвете тут скончалась жена моего однодивизника ротмистра Баранова.

Поход наш окончился в станице Бекешевской. Атаман полковник Беломестов принял все меры, чтобы радушно принять, разместить и накормить всех, что было не легко, так как станица сама много пострадала от красных. Это была уже земля Добрармии. Нас окружали приветливые лица и люди носившие погоны. Особое ликование вызвало у артиллеристов появление 2-х наших тяжелых гаубиц, в тот период Добрармия в них чувствовала недостаток.

На следующий день генерал Левшин со штабом двинулся на повозках в Екатеринодар, где находилось Командование.

За этот поход начальники частей были представлены к производству.

Штабс-ротмистр Даутоков-Серебряков, произведенный в генерал-майоры, погиб под Царицыным, командуя созданной им Кабардинской дивизей. Полковник Литвинов — также генерал-майор, в 1945 году захвачен в Югославии большевиками и отвезен в СССР. Войсковой старшина, тоже генерал-майор, К. К. Агоев, ныне здравствующий Атаман Терского Войска находится в Америке.

Генерал Д. Ф. Левшин скончался в эмиграции в Париже. Его самоотверженной и дальновидной политической работе Добрармия обязана тем, что, придя на Терек, она встретила там верное России Терское Казачество, а не самостоятельную Терскую Казаче-крестьянскую республику, созданную Бичераховым и его друзьями. Мало кому известно, какого напряжения и решимости стоила генералу его деятельность: окончив свое дело, он благородно остался в тени.

Я далек от мысли равнять этот поход с Ледяным, но вся борьба восставшего Терского Казачества, протекавшая в ненормальных условиях недоверия Правительства к командному составу, когда им менялись Командующие фронтом и были введены выборное начало, запрещение носить погоны и пользоваться дисциплинарной властью, когда недостаток боеприпасов, находившихся в руках Правительства, заставлял иногда выдавать пехоте перед боем лишь по три патрона на винтовку, наконец — самый отход зимой по горам измученных и полуголодных людей, стремившихся лишь к продолжению борьбы с большевиками" конечно заслуживают наименование: "Героические времена".

А. А. Арсеньев

Мне очень нравится, что ротмистр С. Н. Греве, в своих "Записках пограничника", Отдельный Корпус Пограничной Стражи назвал "Ожерелье Земли Русской". Это его название чрезвычайно удачно, красиво и метко и я, приступая к составлению, по памяти, краткого очерка об охране границ Русской земли, заимствую у ротмистра-пограничника и озаглавливаю свой очерк:

Ожерелье Земли Русской

Для охраны границ, вернее для охраны южных окраин Московского государства от набегов татар, диких кочевников и буйных турецких орд, Царь Иоанн IV переселял разный бродячий и городовой люд на юг, где эти переселенцы вместе с малороссийским казачеством, которое, не видя конца нестерпимого польского ига, бежало в южные степи Русской земли, образовали поселки, которые укреплялись, окапывались валами и окружались рвом и частоколом. Таким образом целый ряд поселков-крепостей образовался вдоль южной границы Русской земли.

Ратные люди этих поселков-крепостей организовывались в дружины, выбирали из своей среды старшин, под водительством которых, отражали ворогов, защищая землю Московского государства, свои семьи и свое имущество. Спустя много лет эти дружины в поселках-крепостях разрослись и образовались полки, коими командовали полковники.

Западные границы охраняли от поляков, литовцев, ливонских рыцарей-меченосцев и шведов, Московские, Смоленские и Новгородские дружинники, осаждая рыцарские замки и держа заслоны на судоходных реках и торговых дорогах.

В начале не было формы, одевались кто как хотел и как мог, но потом, когда полки стали именоваться по поселкам-крепостям, была установлена форма. Полковую одежду стражника составляли: небольшая овечья шапка-папаха с суконным верхом, черный суконный кафтан, синие шаровары и высокие смазные сапоги. Служба этих сторожевых полков была конная и пешая. Полки укомплектовывались детьми служивших в полках и беглыми казаками из Малороссии.

По мере того, как Россия вела войны с Турцией и западными соседями, границы ее, подойдя к Каспийскому, Черному и Балтийскому морям увеличили и осложнили охрану, которую, в то время, несли казачьи полки.

Император Александр I-й повелел учредить постоянную войсковую пограничную стражу, подчинив ее министру финансов.

Пограничная стража комплектовалась, по образцу Армии, рекрутами на 5-ти летний срок, а офицерский состав комплектовался из отличных офицеров пехотных и кавалерийских полков Гвардии и Армии.

Пограничная стража была разбита на бригады, бригады на отделы и отделы на отряды. Отряд составлял 4-5 постов-кордонов. Две или три бригады входили в подчинение начальникам таможенных округов, что вызывало много недоразумений.

Охрана границы неслась конными и пешими чинами Пограничной стражи, которых на постах состояло от 15-ти до 20 человек.

К примеру: Рижская Пограничная бригада подчинялась начальнику таможенного Рижского округа действительному статскому советнику Твердянскому, который был глубоко штатский человек и в военном деле не понимал ничего, почему очень часто возникали крупные скандалы, при проезде его по бригаде.

В помощь чинам Пограничной стражи на морских границах были назначены в распоряжение командиров бригад яхты и шхуны (в Рижской бригаде — шхуны "Часовой" и "Страж"), а также на постах имелись парусные катера и содержались вольнонаемные, из местных жителей, лоцмана.

При формировании Пограничной стражи была установлена следующая форма: для офицеров — головной убор черная фуражка с тремя зелеными кантами и кокардой общеофицерского образца, черного каракуля папаха с суконным верхом, обитым золотым галуном и кокардой. Короткий двухбортный мундир черного сукна с зелеными кантами и золотыми петлицами на воротнике и с золотыми катушками на обшлагах рукавов. Как петлицы, так и катушки были с пуговицами. Рейтузы были светло-синего цвета с зеленым кантом. Высокие сапоги со шпорами. Пальто общеофицерского покроя с зелеными петлицами. Погоны золотые с зелеными просветами и серебряными звездочками. Портупея и шарф — общеофицерского образца. Лядунка казачьего образца из черной лаковой кожи с золотым двуглавым орлом и галуном. В летнее время, полагался двухбортный белый китель и белый чехол на тулье фуражки. На южных границах, летом фуражка вся белая. Эполеты кавалерийского образца. Чины офицерам были присвоены по армейской пехоте, а в 1884 году были отменены и присвоены по армейской кавалерии.

Обмундирование для солдат-стражников было следующее: головной убор — черная фуражка с козырьком, тремя зелеными кантами и кокардой, папаха овечья черная с суконным верхом и зелеными кантами и кокардой. Мундир — куртка двухбортный из черного сукна с зелеными кантами, петлицами и погонами, с отложным воротником. Рейтузы серо-синего цвета и высокие сапоги. Шинель кавалерийского образца с зелеными петлицами и погонами. В летнее время, полагалась белая гимнастерка и белый чехол на фуражку, который, с наступлением вечерней темноты, снимался у часовых на границе.

Офицеры были вооружены шашкой и револьвером, а солдаты винтовками (Крнка, Бердана) и

шашками. Старшие и младшие вахмистра были вооружены шашками и револьверами. Конское снаряжение (седло с прибором) было общекавалерийского образца. Конский состав был разношерстный, но отличался выносливостью, быстротой на аллюрах и чуткостью.

За очень малым исключением, помещения для офицеров и солдат на постах были хорошие, будь то казенные или наемные. Солдаты на постах столовались очень хорошо, ведя артельное хозяйство по постам самостоятельно.

Опытные и сверхсрочные вахмистры, служившие в отрядах по много лет и державшие в отрядах дисциплину, были отличными помощниками командирам Отрядов, отличными учителями для солдат и, выйдя из пограничной солдатской среды, были для солдат добрыми начальниками и защитниками в солдатской беде.

В 1894 г. по повелению Государя Александра III Пограничная стража была переорганизована, изъята от Таможенного департамента и названа Отдельным Корпусом Пограничной Стражи. Первым командиром Отдельного Корпуса Пограничной Стражи был назначен Генерал от артиллерии Свиньин.

К моменту переорганизации Пограничной стражи в Отдельный Корпус, границу России охраняли 31 бригада и 2 отдела.

Шефом Отдельного Корпуса Пограничной Стражи Император Александр III-й назначил министра финансов С. Ю. Витте.

Начиная с 1895 года, каждую весну с границ приезжали в С.-Петербург для участия в Майском параде по 2-3 солдата от каждой бригады.

В летние месяцы, с границы в штабы бригад, собирали одну треть конных и пеших солдат, которых сбивали в конные и пешие сотни для летнего сбора и участия в совместных маневрах с войсковыми частями. Из конных и пеших сотен 2-3-х бригад формировали дивизионы, которые, пройдя учебный летний сбор и практические с войсками походы, к августу возвращались в отряды на границу.

В 1896 году, у офицеров была отменена казачья лядунка и дана общекавалерийская и у всех чинов корпуса отменен на руковах пехотный обшлаг и дан кавалерийского образца.

В 1908 году чинам Отдельного Корпуса Пограничной Стражи дана новая форма уланского покроя с черными кантами. Дана офицерская сабля. Всем чинам дана фуражка с зеленой тулеей и папаха с зеленым верхом.

В силу сложившейся политической обстановки на Дальнем Востоке, был сформирован Заамурский Округ Отдельного Корпуса Пограничной Стражи, начальником коего бвыл назначен генерал Чичагов.

Чины Заамурского Округа несли службу по охране Китайско-Восточной железной дороги и некоторые сотни составляли гарнизоны городов и вообще населенных пунктов Восточной Сибири и Манчжурии. С возникновением Русско-Японской войны полки и батареи Заамурского округа, пополненные офицерами-добровольцами с границ Европейской России, влились в действующую армию и, участвуя в боях и набегах на тылы армий врага, украсили славой Отдельный корпус Пограничной стражи и себя. Только благодаря бдительности, добросовестному и старательному отношению к службе чинов Заамурского Округа Корпуса Пограничной Стражи, пара рельс Китайско-Восточной железной дороги, успешно без задержки, подавала войска на поля Манчжурии.

С объявлением войны Германии и Австро-Венгрии офицеры и солдаты Отдельного Корпуса Пограничной Стражи занадной границы, от Балтийского моря и до Хотина, через три часа, перейдя границу, вступили в пределы противника, ведя разведку, бои с передовыми частями германской и австрийской армий и удерживая натиск вражеских кавалерийских дивизий. С приходом на фронт кавалерийских и пехотных полков, пограничные разрозненные отряды были отведены в ближайший тыл, где быстро были соединены в конные и пешие полки и уйдя из министерства финансов, были на время войны зачислены по военному министерству, в Дйствующую Армию, где, как отличные войска, были желательны в любом кавалерийском корпусе и на любом фронте. Кажется мне, что в 15-м году на Варшавский фронт с Дальнего Востока прибыли Конные полки Заамурского Округа, на своих крепких, выносливых, но малорослых конях. Много пролили крови красочные венгерские гусары от атак лихих конников Заамурцев.

Только проклятый бунт, проклятого 1917 года, прервал честную, тяжелую и боевую службу Пограничников Царю и России и утаил все геройские подвиги, полные красоты и доблести чинов Ожерелья земли русской.

Константин Лейман

Отвальная

Ну, друзья!.. Нальем полнее чаши,
Помянем в прощальный этот миг
Нашу юность... службу... дружбу нашу
И отсутствующих — павших и живых.
Знать, уж так заведено на свете,
Чтоб в какой-то непреложный срок
Прокатиться по дорожке в нети,
Кликнул нас незваный ямщичок.
Дайте ж руки вам пожать, ребята, —
Напоследок в очи заглянуть...
Может статься, будет без возврата
Мой далекий одинокий путь.
Не беда! — Коль мне возврат не сужен,
Так, ведь, это просто потому,
Что сейчас ни людям я не нужен,
Ни себе не нужен самому.
Но, быть может недалеко время, —
И обратно на Святую Русь
Я душою вместе с вами всеми,
В ваших душах песнею вернусь.

И. М.

Фанагорийские гренадеры

В царствование Императрицы Екатерины II-й, Россия вела с Турцией вторую войну. Все наши войска были сосредоточены около Дуная и на Кавказе. Главнокомандующим был князь Потемкин, а Суворов стоял, с отдельным корпусом, в городе Бырляде.

В корпусе Суворова были отдельные гренадерские баталионы, принимавшие участие в победе Суворова на реке Рымнике, где наши войска разбили вдесятеро сильнейшего неприятеля, за что Суворов получил графское достоинство и прозвание Рымникского.

Вот из этих гренадерских баталионов сам Суворов и сформировал Фанагорийский Гренадерский полк и был назначен Шефом полка. Это назначение и название произошло вследствии того, что Суворов незадолго перед этим был с отрядом на реке Кубани, где силой и лаской покорил многие племена и земли их присоединил к России. Фанагория — это остров и город в устье реки Кубани.

20-го Апреля 1790 года в Армии князя Потемкина, из гренадерских рот разных пехотных полков: Новгородского, Ростовского, Вологодского, Днепровского, Архангелогородского, Черниговского, Тульского и Углицкого был сформирован новый Фанагорийский Гренадерский полк и в Русской Армии стало два Фанагорийских полка.

25-го Мая 1790 года князь Потемкин писал генерал-майору Каховскому и генерал-поручику Гудовичу: "Фанагорийский Гренадерский полк, составленный ныне из баталионов гренадерских в Суворовском корпусе находящихся Малороссийский гренадерский учинен конным Гренадерским полком Военного Ордена, вследствии того, соединяющимся теперь под команду Вашего Превосходительства четырем баталионам Фанагорийского (старого) полка извольте приказать именоваться Малороссийским гренадерским пехотным полком, о чем от меня как в комиссию, так и прочие команды дано знать".

Поэтому 25-го Мая, когда в Армии остался один Фанагорийский полк, считается за окончательный день сформирования полка. Полк был в составе 4-х баталионов, по 4-е роты в каждом и имел 2 знамени.

Свое боевое крещение Фанагорийский Гренадерский полк принял в декабре того-же 1790 года при взятии Измаила.

От князя Потемкина Суворов получил приказание взять Измаил, куда сейчас же поспешил, взяв с собой молодой Фанагорийский гренадерский полк. 6-го Декабря полк уже был под Измаилом.

Между тем, русские войска безуспешно третий раз осаждали Измаил и, на военном совете, было решено отойти от города со всеми войсками.

Подъезжая к Измаилу, Суворов встретил отходящие войска, вернул их, ободрил полки, и созвал начальников на совет.

Когда Суворову доложили, что крепость взять нельзя, то он ответил: "Нужно взять, стыдно Русским войскам в третий раз уходить от крепости. Матушка-Царица велела взять".

Крепость Измаил была вполне приспособлена к обороне: рвы доходили до 5 сажень, вал до 3-х. Войска у турок было 42 тысячи, более 200 орудий, большой запас провианта.

Суворов имел 31 тысячу войска и около 40 небольших орудий.

Штурм был назначен на 11 Декабря, а до этого дня войска готовили лестницы, плели туры, вязали фашины и сам Суворов учил их, как надо штурмовать.

Фанагорийский Гренадерский полк был назначен итти в 1-й колонне по берегу Дуная, против каменного редута Табия.

Впереди колонны должны были итти 150 человек Апшеронских стрелков, потом рабочие с турами и фашинами, а затем 1-й и 3-й баталионы Фанагорийцев. 2-й и 4-й баталионы составляли поддержку колонны. Суворов напоминал — чтобы в бою выручать товарища, наблюдать, как бы турки не взорвали пороховой погреб и тем не наделали нам беды, ничего не зажигать, не бить стариков, женщин и детей.

Ночью с 10 на 11 Декабря, в 5 часов утра, по сигнальной ракете Фанагорийцы пошли на штурм.

С фронта, Табия взять было нельзя, так как батареи и траншеи были расположены в несколько рядов, почему полк обогнул редут и с фланга и тыла взял несколько батарей.

На встречу гренадерам, турки вышли из редута и пошли в атаку.

Об этой рукопашной схватке Суворов доносил, что "Апшеронские стрелки и Фанагорийские гренадеры дрались, как львы".

Вернувшись в редут, турки открыли страшный огонь и бросали ручные гранаты, но этим не остановили гренадер, которые, обогнув редут, с криком "ура" — "с нами Бог", — прокладывали себе дорогу штыками, задние откидывали камни, отворяли ворота и впускали подкрепление. Таким образом, Фанагорийцы отворили Бросские и Хотинские ворота.

После 2-х часового боя, весь вал был в наших руках, но внутри крепости неприятель защищал дома и улицы.

Всем войскам дали передохнуть, привели в порядок и опять повели вперед. Бой закипел с новой силой и ожесточением. На русских нападали даже старики и женщины.

В одном каменном доме засел комендант крепости

старый Айдос-Мехмед-паша с отборным войском. Они долго не сдавались и против них послали 1-й батальон Фанагорийцев, который повел сам командир полка Золотухин.

Два часа бились с засевшими турками и, наконец, выбив ворота, ворвались в дом, где более половины турок были переколоты штыками, а остальные сдались. Их вывели и стали отбирать оружие, но тут один янычар убил из пистолета офицера, за что солдаты перекололи всех пленных вместе с пашей.

На другой день, после молебна, Суворов поспешил к своим Фанагорийцам и от души благодарил их.

Полк в этом бою потерял убитыми более 400 человек.

За взятие Измаила всем офицерам были даны золотые кресты, а солдатам — медали с надписью "За отменную храбрость".

В настоящее время эти офицерские золотые кресты носятся, как полковой нагрудный знак.

А. Волков

Морское Инженерное училище Императора Николая I

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПЛАВАНИЯ 1909-1913 Г.Г.

Лучшей порой моего пребывания в Училище были летние практические плавания. Я их очень любил: дружная гердемаринская семья и прекрасные руководители создавали атмосферу здоровья, бодрости телесной и душевной. Усиленный паек (морское довольствие), плавание, гребной и парусный спорт, свежий морской иодистый воздух — все это возвращало нам силы, истраченные на трудные зимние занятия.

Перед плаванием, наш высший училищный состав вел упорную борьбу с Адмиралтейством, чтобы получить соответствующий тонаж.

У нас, к сожалению, не было своего постоянного отряда, как у Морского корпуса и нам постоянно старались всучить старый хлам вроде парусной шхуны «Мечта" (это для будущих инженеров), а если что механическое, то колесный пароход "Петербург", бывшая яхта командира Кронштадтского порта, имевший коробчатые котлы с давлением пара в одну атмосферу и машину "с обратной ногой" системы какого-то Джонстоуна.

Судовым механиком на нем был старик, машинный унтер-офицер Клюев, сверхсрочно служащий, должно быть с постройки корабля, который один знал все секреты управления этой машиной.

Командовал кораблем в тот год лейтенант Пини, а старший инженер-механик был полковник И. С. Горюнов, командир 2-й роты училища. Плавание состояло в обучении управлением котлами и машиной этого "Пироскафа", посменно. Переходы были Биорко-Кронштадт и обратно.

На ходу все было хорошо, держали пар на две атмосферы и смазывали машину где нужно, ну, а с приходом в порты, вернее с, пришвартовкой к молу или пристани, дело было много сложнее. Подходя к пристани, Пини командовал по телеграфу и голосом "малый ход", "стоп" что передавал нам и Горюнов, стоя на том же мостике, но над люком машинного отделения. Клюев отвечал: "есть стоп" и отдавал нам приказание прикрыть паровой стопорный клапан в закрыть его. Пароход, по инерции, шел вперед и колеса продолжали крутиться. Мы же, в числе четырех человек дружно брали огромную скобу, вернее, овальное кольцо, лежавшее на своем месте около машины и подносили к движущимся частям ее, шатунам и балансирам. Затем раздавалась команда "малый назад" и у нас в машине начиналось священнодействие. Клюев, смотря на два штыра, делавшие при ходе машины какое то сложное движение, командовал "на-ки-ды-вай". Мы опускали скобу на два штыра и задний ход был готов. Стоявший у стопорного клапана, открывал пар и машина, после секундного раздумья, начинала вращать валы гребных колес в обратном направлении. Надо сказать что Клюев нами всегда был доволен и у нас не получалось срыва, т. е. не приходилось дожидаться следующего момента подхода шипов в надлежащее положение. Зимой следующего года Клюев умер и "пироскаф" был сдан к порту.

Затем мы плавали на "Мечте". Там командиром был полковник Кесарий Моисеевич Талят-Келпш, командир 1-й роты училища, умнейший человек и золотое сердце. Время проведенное на "Мечте" было одним из самых приятных. Собственно говоря, мы только жили на шхуне, а занятия были по сборке механизмов миноносцев типа «Циклон" № 220 и 222. Нам их дали с разобранными механизмами, мы их собрали, вычистили котлы с арматурой, затем все опробовали и на них пришли в Кронштадт. В этот период у нас было приключение на ярмарке в Кирка-Койивисто (Биеркэ-зунд).

В праздник Св. Петра и Павла день выдался на редкость хороший. После обеда, мы съехали на берег на гребных судах. Биоркэ-зунд известно как место свидания двух Императоров: Государя Николая II и Вильгельма II германского. В честь этого свидания, в селении Койвисто построена лютеранская церковь из серого гранита, очень монументальная. Койвисто представляло в то время дачную местность, где жило много семейств русских моряков, стоявших там отрядов. На Транзундском рейде, Учебно-минный отряд, около Койвиста — Морское Инженерное училище, Водолазная школа Балтийского флота и Отряд Подводного плавания, М. И. У. имело свой, остров, под названием "Сахалин", за его сходство с Дальневосточным. На острове были постройки, баня и тир для стрельбы.

Ярмарка в Койвисто представляла несколько балаганов с качелями, бараками со сластями и тир для призовой стрельбы. Он был богато обставлен. Большое количество качающихся курительных трубок и несколько картонов для призовой стрельбы на всевозможные вещи украшавшие полки барака. Выстрел по трубкам стоил 10 пенни, а по картону — 1 марка. Выпив замечательного кофе со сливками и пирожными и рюмку, другую шведского пунша "Арак" из морошки, мы пошли развлекаться. Стали пробовать карабины, т. е. их пристреливать. Через несколько времени к нам подошел наш единственный "военный" (из кадет Киевского корпуса, Вася Бердяев, впоследствии фолдфебель 2-й роты). Попробовав несколько карабинов, он остановился на одном из них и заявил: "Ну, теперь Ваня, и вы ребята, помогайте мне деньгами, буду бить по картону". И начал. Первым выстрелом, он попал в черное пятно посередине. "Ну что хотите". Я говорю: "Бери, Вася, самовар". Готово. Дальше выстрел-кофейник, дальше-гармонь, чайник, чашки, столовый сервиз и так далее. К 5 часам тир закрылся за недостатком призов. Хозяин, честный фин, упаковал все в карзины, которые мы обещали вернуть и мы торжественно увезли все на "Мечту". Милый старик Кесарий Моисеевич пришел в ужас от происшедшего. Подумав, он посоветывал нам подарить все это семействам нашей училищной команды, что мы и сделали. Такого стрелка, как Вася я видел еще только раз в жизни.

В нашей группе был еще феномен, но другого рода — чемпион плавания, Генрих Голинский, погибший в начале войны на "Палладе". Он был громадного роста, правофланговый, прекрасного сложения с античной мускулатурой. Генрих имел большой успех у дам и в Койвисто завел роман с одной очень молодой и красивой особой, муж которой часто отсутствовал. Чтобы бывать почаще у предмета своей страсти, он придумал оригинальный способ сообщения. Почти каждый вечер, когда начинало темнеть, Генрих снимал с себе одежду, связывал ее узлом на толове и спускался по шторм-трапу в воду. "Мечта" стояла на бочке в двух милях от берега. Прекрасным брассом, он удалялся от нее к берегу. С восходом солнца вахтенный слышал всплеск воды и спускал штормтрап, чтобы принять возвращавшегося Ромео. Кесарий Моисеевич знал, конечно, об этом, но делал вид, что ему ничего не известно.

Генриха все любили за его замечательно спокойный характер и воспитанность.

Практическое плавание касалось также и обучения нас минному делу. Теоретический курс мы проходили зимой в училище, а летом, в течение месяца, плавали по одному на миноносцах и производили сборку мин Уайтхеда в мастерских транспорта "Анадырь", в Учебно-минном отряде Балтийского флота, на Транзундском рейде.

Я плавал на «французе", миноносце "Мощный" и на нем же участвовал в охране Императорской Фамилии на рейде "Штандарт" в шхерах.

По окончании сборки данной мне мины и ее проверки, на аппарате кондуктора Реброва (прокачка мины), я должен был выстрелить ею из кормового палубного аппарата.

В назначенный день миноносец вышел на рейд, где я увидел вдали две плавучие вешки на буксире минного катера. По проверке курса и расстояния, по сигналу командира, дернул ручку аппарата и мина плавно скользнула в воду. Взяв первоначальную глубину, она, под действием прибора Обри, должна была выровняться и идти к цели, т. е. пройти между вешками. О ужас! Моя мина почти тотчас же утонула, т. к. на гладкой поверхности рейда вместо дорожки были пузыри воздуха на одном месте и миноносец сделал нужный маневр и бросил буек, на месте потопления мины.

Сигнал "команде обедать". Мы отправились на базу. После обеда прибывшие к месту водолазы подняли мину и доставили ее нам. При осмотре оказалось, что зарядное отделение, наполненное парафином (по учебному), было вмято и в усах мины был зажат кусок, черного от времени, дерева, очень большой прочности. Приборы были все в исправности, правильно установлены и должны были действовать хорошо. Оказалось, что я, единственный раз в жизни, стрелявший миной, попал в цель, т. к. на пути мины была затонувшая лайба, должно быть Петровских времен. Этот кусок дерева я взял себе на память и сделал из него пресс-папье.

Следующее плавание было на кононерской лодке "Сивуч". Рейсы Кронштадт, Либава, порт Императора Александра III с его прекрасным Морским Собранием и чудною кондитерской Бойница — пирожки с крыжовником. Это был каботаж т. е. остановка во всех промежуточных портах. Мы практиковались на ролях машинистов и кочегаров.

Последнее училищное плавание у нас было на учебном судне Машинной школы Балтийского Флота "Океан", на котором были установлены котлы системы Бельвиля, приводившие нас в ужас, трудностью управления ими. На нем мы несли ответственную службу машинных и кочегарных старшин и имели первое заграничное плавание в порты Кильского канала.

Кораблем командовал капитан I-го ранга Григорьев, известный полярный мореход, а старшим офицером был капитан 2-го ранга Александр Прокофьевич Максимов по прозванию "Профук", перешедший в Порт-Артуре из армии во флот, гроза машинных команд, у которого за проступки было минимальное наказание 32 часа на продольном мостике, в полном дессантном снаряжении.

В начале революции, я встретил его в Гельсингфорсе во главе Кронштадтской матросской делегации и на мой вопрос, что он должен быть по крайней мере четвертован, мне ответил: "Ничего не понимаю из случившегося, на плечах меня носят сволочи". Дальнейшей его судьбы не знаю.

Вторую половину последнего года училищного плавания мы провели на берегу на заводах, при чем мне посчастливилось попасть на С.П.Б. Адмиралтейский завод, где строился Л. К. "Полтава", на котором я прослужил всю войну с и стройки до конца его дней.

П. А. Волхонский

Светлой памяти Директора Владикавказского кадетского корпуса ген.-майора Российского

Воскресают в памяти те далекие времена юности, когда, согласно одного из стихотворений Августейшего поэта К. Р. "Широкий путь, усеянный цветами, в даль голубую убегал". Вспоминается родной корпус в феерической рамке панорамы кавказских гор. И самые даже не приятные эпизоды из жизни корпуса кажутся теперь такими милыми, окрашенными розовой дымкой весны жизни.

Вот вспоминается ранняя весна 1914 года. Под лучами южного, весеннего солнца искрился вдали снеговой конус Казбека. Природа просыпалась после недолгой южной зимы. Весело журчали ручейки последнего тающего снега. Издали доносился великопостный звон церквей. Земля, полная животворных сил, казалось, ликовала, сбросив недавние оковы.

Но не таково было настроение у кадет первой роты Владикавказского кадетского корпуса, которая строилась к завтраку в этот весенний ликующий день.

Только что прошла Масляница и вся рота была под впечатлением рокового финала празднования Масляницы одним из выпускных кадет, которого строгий директор только что исключил из корпуса.

Великий пост, неясные слухи о войне с Германией и дыхание ранней весны нервировали кадет, а сознание своего полного безсилия помочь попавшему в беду, создавало мрачное настроение роте.

Правило кадетской жизни "сам погибай, а товарища выручай" не было здесь применимо. Все разыгралось так быстро, что помочь нельзя.

Выпуск 1914 года и без того какой-то невезучий (неудачный). Дошло до 7-го класса только одно отделение, из 3-х отделений первого класса. И все время что нибудь у них случается: только что Вице-фельдфебеля сместили, а в этот момент, директор корпуса исключает уже второго по счету кадета из выпускного класса, уменьшая и без того поредевшие ряды выпуска.

С весны 1913 года принял корпус новый директор Генерального Штаба Генерал-Майор Российский. Полная противуположность старого директора, который, обремененный возрастом, летами службы и солидным брюшком, последнее время появлялся среди кадет только лишь в исключительно-торжественных случаях жизни корпуса. Новый же директор корпуса, только что откомандовавший полком для ценза, полный сил и энергии, всегда подтянутый, все время инспектирует корпус. Нет угла корпуса, которого он не посетил бы в течение дня. Неустанно подтягивает и кадет, и офицеров-воспитателей. Достается всем, правда, за дело. Но после мирного существования во времена старого директора, это создает нервное настроение и у кадет и у офицеров-воспитателей, не смотря на то, что все изменения, внесенные им, в жизни корпуса разумны.

Кормить стали лучше, всюду подтянутость, чистота и порядок, кадетам I-й роты, даже не имеющим родных и знакомых, разрешены отпуска, как в военных училищах. Вообще, в I-й роте он старался ввести порядки военных училищ, поскольку это было возможно в рамках кадетского корпуса, так например, дежурный по роте кадет стал командовать ротой и пр.

В своих коротких, но выразительных, речах кадетам, он всегда подчеркивал высокое признание офицера, девизом которого должно быть всегда "Жизнь Царю, сердце даме, а честь самому себе" и вследствие этого не находил достаточно резких слов, чтобы заклеймить некрасивые поступки кадет, которые умаляли воинское звание, честь и достоинство кадета. Единственный недостаток его была вспыльчивость и, когда он цукал, то не стеснялся в выражениях, не уловив еще в начале нюанса разницы службы в строю и в военно-учебных заведениях. Вот и тогда исключил он кадет за дело вполне правильно, но слишком резкая была перемена и смутное недовольство царило среди кадет. Во время прогулок на плацу, многие кадеты надевали фуражку, надвигая ее козырьком на глаза, что означало на немом кадетском языке: "Недоволен начальством".

Раздались обычные команды и рота, мерно отбивая шаг, подчеркивая отчетливость, стала спускаться со 2-го этажа помещения роты и втягиваться в столовую. Директор был уже в столовой. Команда "смирно, равнение направо". Директор, пропустив первые ряды роты, как всегда, поздоровался: "Здорово I-я строевая", и тут, как то стихийно, без предварительного сговора, недовольство прорвалось. В ответ послышался только одинокий, жидкий голос: «Здраа" — и сейчас же смолк. Директор побагровел и сейчас же скомандовал: "I-я рота слушай мою команду... кругом марш". Рота, отчетливо выполнив комаду, стала удаляться из столовой. Снова команда: "Кругом, марш" и затем во второй раз: "Здорово, первая строевая рота". На этот раз в ответ — полное молчание.

Директор обратился к дежурному офицеру-воспитателю и сказал:

— Уведите кадет в роту, видно они не хотят завтракать.

Снова команда дежурного офицера-воспитателя и рота, не солоно хлебавши, удалилась. Полный скандал. В помещении роты дежурный офицер-воспитатель выстроил роту и сейчас же появился директор корпуса. После обычных команд, директор долго цукал роту и кончил цук восклицанием:

— Разве вы строевая рота? Вы обозная команда, — и, обращаясь к ротному командиру, сказал: — отобрать у них штыки и винтовки.

После чего директор удалился, уступая место командиру роты полковнику Казанцеву, который в свою очередь, вне себя от скандала, "трагически спел". Мрачно слушали кадеты цук "Таранки", так называли кадеты ротного командира, даже на этот раз забыли задать тон, как обычно, перед песнями "Таранки": "До, ре, ми, фа, соль" — всегда раздавалось под сурдинку то на левом, то на правом фланге роты, в зависимости от того, где находился командир роты. Но на этот раз "Таранка" пропел без задания тона.

Наконец, командир роты кончил свой цук и роту распустили. Тихо расходились кадеты, изредка коментируя только что происшедшее событие. Кто-то мрачно процитировал начало известного кадетского стихотворения:

— Винтовка, ты осиротела, погиб твой юный друг кадет.

Другой кадет сказал:

— Ну и черт с ним, должен же он понять в конце концов, что кадет не солдат.

Но, в общем, у всех кадет настроение похоронное. С младших классов корпуса I-я рота была мечтой кадет. Взоры всех младших кадет были обращены на I-ю строевую роту и ею они гордились. Здесь все было наряднее, чем в остальных ротах и порядок всегда царил примерный. И, зная это, кадеты I-й роты особенно старались поддержать репутацию роты, щеголяя выправкой, отчетливостью марша и ружейных приемов. Недаром один из генералов, командовавший парадом Владикавказского гарнизона, в которых всегда участвовала I-я строевая рота, растроганно восторгаясь отчетливостью церемониального марша роты, снял с себя свой Георгиевский крест и, благодаря кадет за доставленное ему удовольствие видеть в таком блестящем порядке парадирующую роту, поднес Георгиевский крест первому Георгиевскому кавалеру из кадет корпуса. Этот крест потом был в корпусной церкви за стеклом иконы.

К обеду выстроилась "обозная команда" все так же в невеселом настроении, хотя дежурный по роте кадет Галаев, неисправимый весельчак, все время посматривал и трогал рукою то место на поясе, где еще перед завтраком у него висел штык, как будто удивляясь, куда он мог исчезнуть и где теперь болтался на ремешке одинокий ключ "от оружейки".

Так на положении "обозной команды" рота прожила около двух недель, по истечении которых вице-фельдфебель Стефанов принес извинение роты директору корпуса и инцидент был улажен.

Два исключенных кадета, при содействии директора копуса, благополучно выдержали экстернами экзамен за полный курс кадетского корпуса и поступили в военные училище, осенью 1914 года также как и кадеты выпуска, не потеряв ничего, но получив наглядный урок от директора корпуса в чем состоит воинская дисциплина.

Со временем, кадеты поняли и оценили своего нового директора, особенно после его трагической кончины на следующий день корпусного праздника 6-го Октября 1914 года, когда он умер от разрыва сердца, уже перед отъездом в действующую Армию, куда он перевелся накануне. Судьба оберегла его от последующих событий, наших поражений в Великой войне и гражданской и не пришлось ему пережить развала нашей старой России и вкусить горький хлеб изгнания.

Эта судьба выпала на долю его питомцев, многие из которых, несмотря на службу в "обозной команде", на полях сражений осуществили заветы своего директора: "Жизнь Царю, сердце даме, а честь самому себе".

Но верится, если бы не эта скоропостижная кончина, он сумел бы так же блестяще выполнить свой долг перед Родиной, как на войне, так и в изгнании, как выполнил он свой долг на посту директора корпуса. Мир его праху.

И. Беляевский

НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

	Фр.
Георгий Ишевский — Честь	600
И. А. Ильин — Наши задачи, в 2-х тт.	2.400
Ю. Н. Данилов — Русские отряды на франц. фронте	350
Г. Александровский — Цусимский бой	700
А. Балашов — Для немногих, стихи	400
Л. И. Кульнев — Волны жизни	350
Г. В. Месняев — За гранью прошлых дней	700
К. Г. Булгаков — Русский и герман. воен. мир о творч. К. Попова	450
«Возрождение», ежемесячные тетради	200
Марина Цветаева — Лебединый стан	500
Первые начавшие. — Сборник под редак. Ген. Шт. Полковника Ряснянского	600
Вестник Совета Зарубежного Воинства № 3, посв. Генералу Врангелю	100
Иван Новгород-Северский — Чудны Лики Твои Пресвятая	175
Иван Новгород-Северский — Полное собр. соч. в переп.	1000

Случай при Царском проезде

Начавши свои кадетские годы в Петербурге в Первом кадетском корпусе, я позже, по состоянию здоровия, был переведен в кадетский Императора Александра II корпус, помещавшийся в центре города на углу Садовой и Итальянской улиц. В нашем ближайшем соседстве находился огромный Михайловский манеж, где ежегодно, в день Тезоименитства Государева, 6-го декабря, происходил парад представителей частей гвардии. В этот же день, мы должны были являться из отпуска в корпус к обедне, молебну и церковному параду, после которого вновь увольнялись в отпуск до вечера. Церковная служба и церемонии кончались обыкновенно у нас несколько раньше парада в Михайловском маненеже и еще перед окончанием последнего мы уже расходились в отпуск.

Почти каждый год, большое количество кадет разных возрастов задерживалось на углу Итальянской и Екатерининской в ожидании разъезда из манежа и проезда Государя Императора, который, обыкновенно с Вдовствующей Императрицей, медленно проезжал в маленькой одноконной карете по Екатерининской, в направлении к Невскому. Войск на улицах, во время проезда, обыкновенно не было. Видны были лишь наряды городской полиции, которая нам никогда не препятствовала задерживаться на углу Итальянской и Екатерининской, откуда прекрасно виден выход из манежа а, наоборот, предлагала стать в одня шеренгу вдоль тротуара. Таким образом получалась провизированная кадетская шпалера. Штатской публики набиралось обыкновенно очень не много и, во время проезда, жиденько покрикивали "ура". Государь часто замечал кадет и, ласково улыбаясь, отвечал на наше приветствие, прикладывая руку к барашковой шапочке Стрелков Императорской Фамилии. Так оно бывало из года в год и вошло у нас в привычку ожидать Царского проезда после обедни 6-го Декабря.

Случай о котором я хочу рассказать, произошел, если не ошибаюсь в 1912 году.

По обыкновению, мы стояли на углу Итальянской и Екатерининской улиц, в ожидании проезда Государя. Из манежа приглушено доносились звуки музыки и крики "ура". Войск на улице не было, лишь наряды городской полиции. На тротуарах Екатерининской собралось некоторое количество случайной публики, также ожидающей проезда. Наконец, церемония в манеже окончилась и начался разъезд.

С нашего места видно было как Вдовствующая Императрица и Государь вышли из манежа и сели в карету, которая двинулась и свернула в Екатерининскую улицу.

Почти в тот момент, когда карета сворачивала с площади в Екатерининскую улицу, я заметил, как с противуположного тротуара из группы публики вышел какой то, высокого роста и довольно бедно одетый, человек. По виду он мне казался рабочий или маленький служащий. Он в два прыжка очутился почти посреди улицы, как раз на пути приближающегося царского экипажа. Никто этого человека не задерживал, но думаю не у меня одного тоскливо засосало под сердцем.

Карета быстро приближалась и вдруг человек опустился на одно колено и быстро поднял руку, в которой что то блеснуло, но, слава Богу, не оружие, а какой то большой конверт, вероятно прошение.

В это время карета поравнялась с ним и медленно остановилась. С той стороны, где сидел Государь, опустилось окно, высунулась рука в белой перчатке и серый рукав офицерской шинели и спокойно взяла конверт. Окно вновь закрылось и карета рысью двинулась далее к Невскому, куда и свернула. Все осталось совершенно спокойным.

Двое городовых повели удачного просителя в участок. Незнакомец шел спокойно с довольным видом. Он своего достиг и передал прошение непосредственно в царские руки.

Публика расходилась, так как смотреть уже было не на что, как будто бы ничего не случилось.

Да в самом деле ничего особенного и не случилось. В столице России, Русский человек передал прошение своему Государю и Государь собственно и подал тон, как должно было к этому отнестись. Он просто остановил, поровнявшись с незнакомцем, свой экипаж, взял прошение и поехал далее.

Мы разошлись в отпуск, оживленно обсуждая с попутчиками только что виденное.

С тех пор прошло много лет. Случалось мне в рассеянии видеть проводы значительных лиц в странах с иными режимами.

Видел я в городе Брно проводы чехословацких президентов Массарика и Бенеша. Видел в том же городе проводы Гитлера после захвата чехословацкой республики. Видел въезд в Афины будущего главы греческого правительства полковника Пластираса. В конце концов, видел в Германии, вскоре после капитуляции проезд главнокомандующего только что победившей армии, а ныне президента Соединенных Штатов генерала Эйзенхауера — от описания этих проездов я однако воздержусь, так как сравнение могло бы послужить к острой критике иных порядков, что не является целью этой небольшой заметки.

Ф. Кочетов

Улан 5-го уланского Литовского полка

Я не знал его, но его сын рассказывал мне что отцу стукнуло 72 года и он, до сих пор, занимается парой лошадей в сельском хозяйстве сына. В 1935 году, я строил деревянный мост а сын бывшего улана занимался доставкой балок с лесопильного завода. Как-то, я спросил сына, как здоровье отца, о котором я слышал от него, может быть, двадцать раз. "Плохо, говорит, совсем плохо, перестал ходить в костел, с соседями не разговаривает а, главное, перестал есть". "Зубов нет?" "Нет, зубы все есть но, к каше не притронется — все ему не так. Бывают дни когда еще играет во дворе с внучатами — он командует а дети изображают улан, с деревянными шашками, им же выструганными. Команды подает по русски, дети, видно, понимают — бегают то рысью, то галопом. В такие дни, после занятий, поест немножко а потом — опять одним чаем живет".

— А вы, обращается он ко мне, служили в Русской кавалерии?

— Нет, я служил в артиллерии и в польской только отбывал повторительный курс.

Я обещал придти, поговорить со стариком-отцом.

— Будьте добры, пан инженер, зайдите к нам. Халупа моя недалеко отсюда, десятая за поворотом дороги, на берегу речки.

В воскресенье, часов около двух, я был во дворе моего знакомого. В тени навеса, около телеги, стоял старик в полотяных штанах, босой, в расстегнутой рубахе и возился с каким-то канатом. Все его, движение, повадка, выражение лица не оставляли сомнения что он, несколько, не в своем уме. Он, почти, не обратил на меня внимания и продолжал развязывать и завязывать узел каната. Я решил рискнуть:

— Эй, улан, какого полка?

Старик выпрямился, взял под козырек и отрапортовал:

— 5 уланского Литовского Его Королевского Величества Короля Виктора-Эммануила III полка.

— Ты знаешь, кто я?

— Никак нет, Ваше Высокоблагородие.

— Опусти руку... Я полковой адьютант. До командира полка дошли слухи будто ты недоволен пищей?

— Ваше Высокобрагородие, разрешите доложить — все вранье, чтобы я был недоволен пищей... Пища — отличная и претензий, за все время службы, не заявлял.

— Спасибо за службу...

— Рад стараться, Ваше Высокоблагородие.

— Значит, я доложу командиру полка что никаких претензий не поступало.

Сын и невестка наблюдали эту сцену из окна. Невестка вынесла два горшечка простокваши и по краюхе черного хлеба. Старик снял шапку и запел "Очи всех на Тя Господи уповают...". Мы сели на скамейку у стены халупы и принялись за простоквашу. День жаркий, молоко замечательное, хлеб вкусный.

— У нас в полку, всегда так, Ваше Высокоблагородие.

— Ну, будь здоров, улан, а в случае чего, приходи ко мне в полковую канцелярию.

В течении четырех лет "правда чистая слилася с бредом, рассудок с помешательством ума" и претензий, на "полковую" пищу не поступало. Старик ел все, надел серо-синие штаны и высокие сапоги.

В мае 1939 года его отнесли на католическое приходское кладбище, но полковой трубач не протрубил над его могилой последнего сигнала:

«Спи боец, ты честно пал,
Тебе Творец сон мирный дал
Спи, спи, забудь что ты страдал".

ЮДЖИН

ПЕХОТА

"Пехота это есть самая сильная часть войск в мире, которая все время ходит. Вона проходит там, где ни один человек не может пройти: по кущах, ярах, болотах и собирается в кучи", — так отвечал молодой солдат белорусс Хороща на уроке словесности, на вопрос — что такое пехота?

Хороща был прав, он своим бойким языком красочно выразил сущность пехоты.

Когда, во время второй мировой войны, мне приходилось видеть французскую, немецкую и американскую пехоту, перевозимую колоннами автомобилей, мне невольно вспомнилось, как в 1914-1915 г. осенью, наша пехота, утопая по щиколотку (иногда и глубже), месила грязь на разбитых польских дорогах.

Общий вес нагрузки пехотинца равнялся 72 фунта, включая винтовку, патроны, шанцевый инструмент и все что нес на себе солдат. А во что этот груз обращался после 12-20 часов пребывания под мелким осенним дождем, — никому не было известно.

Гвардейский ранец, по моему, был практичнее вещевого мешка армейского пехотинца и удобнее для носки. Не буду вдаваться в подробности устройства вещевого мешка, скажу лишь, что ни изобретатели, ни утвердившее его начальство не отдавали себе отчета в том что это было за "идолище", как выражались солдаты. Это было истинное орудие пытки.

Не могу обойти молчанием и ремень на винтовке пехотного образца. Для ружейных приемов и парадов он был удобно и красиво натянут, но для носки "на ремне" не годился, особенно если солдат мал ростом, — приклад почти тянулся по земле. Солдаты сами

выходили из положения: мешок подвязывали повыше палаточной веревкой на манер заплечного ранца, а ремень регулировали куском шнурка или телефонного провода.

При переброске пехоты на большие расстояния и спешно, пользовались жел. дорогой, но для дистанций в 50-150 верст перевозочных средств не полагалось.

Пока фронт еще не стабилизовался и противники не засели в окопы, дороги Польши являли собой жуткое зрелище: всюду была видна размешанная грязь, мокрая пехота, загнанные, со слипшимися от грязи до самой репицы хвостами, тяжелодышавшие обозные лошади, оттащенные за хвост и гриву к краю дороги, трупы павших от истощения лошадей, еще живые, но уже обреченные, лежащие на земле лошади, перед мордами которых добрая солдатская рука положила по кучке сена.

Бывали случаи, когда делали по 40 верст в день и больше, по грязи и под дождем и, придя на ночевку, разбивали палатки на мокрой земле.

Нахлебавшись супу, варившегося на походе и разболтавшегося в закрытом котле до того, что не оставалось ни одного кусочка картошки (это было жидкое месиво, в котором попадались волокна консервированного мяса) и напившись чаю с, твердыми как камень, сухарями из черного хлеба, ложились спать.

Подстилки никакой — мокрая земля. Если есть немного соломы, листьев или "перекатиполе" попадется — это уже комфорт.

Бывали и холодные ночи, с заморозками под утро. Спать невозможно, — тело теряет слишком много тепла с паром, выходящим из мокрой одежды.

Солдаты по одному вылезают из палаток погреться у костра, разложенного предприимчивыми "земляками". Задремав, часто сжигали полы шинелей и подметки.

Палатка была на шесть человек, в ней лежали в два ряда, по три в ряд, головами друг к другу. Двум средним лучше всего: каждого из них греют два крайних.

Каждый солдат нес на себе полотнище (одна шестая палатки), веревку для скрепления полотнищ, полустойку и приколыш. Утром все это сворачивалось и, вместе с остальным багажем, навьючивалось на натертые грузом плечи, и вновь в поход, попив предварительно горячего чаю, с теми же каменными сухарями. После 3-4 дней такого похода, роты не досчитывались до 20 процентов состава.

Всегда были, так называемые, бессапожные, у которых сапоги либо совсем развалились, либо были в таком состоянии, что приходилось подвязывать подошву шнурком или проволокой. Ясно, что они не могли успевать за ротой. Другие отставали по слабости здоровья. Но были и такие, которые забегали тайком в соседнюю деревушку молочка попить или сальца достать. Как бы там ни было отставшие приучались где то болтаться самостоятельно, дисциплина падала.

Начальство боролось с этим явлением, накладывало взыскания и не всегда справедливо. Бывали случаи (очень редко), когда отставший пропадал без вести.

Однажды случилось нашей роте, после очень тяжелого перехода, расположиться на ночевку в деревенских хатах. Деревушка была расположена не на столбовой дороге, а как то в стороне, воинские части через нее не проходили. Это обстоятельство было очень ценно так как давало надежду не только обсушиться после целого дня похода под дождем, но и достать что-нибудь "порубать" (поесть). И вот, наевшись и напившись чаю, "народ" ложится на разостланную на земляном полу, солому. Винтовки стоят в углу кучей, портянки сушатся у печки... тепло... в зубах "козья ножка". Махорочный дым затемняет и без того тусклый свет "каганца". Лежат, "гуторят", у всех на лицах благодушная улыбка. Некоторые уже захрапели и почесываются во сне. Впереди длинная ночь под крышей, в тепле, с сытым брюхом... Что за блаженство!..

Вдруг дверь скрипнула и вошел фельдфебель. Выражение его лица не предвещало ничего доброго. "Живо вставай и выходи. Наша рота идет в сторожевое охранение, живо", — возвестил он и вышел.

Солдаты нехотя начинают подыматься, все нахмурены, даже не ругаются.

Вдруг Морозов, ротный балагур, подталкивая под бок одного из спящих солдат, возгласил, имитируя белорусскую речь: "Хороща, вставай, приихали! Станция Здолбуново, парасядка на Казятин".

Все засмеялись, на душе стало веселее.

В. Цимбалюк

ОБЗОР ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ

"ПЕРВЫЕ — НАЧАВШИЕ". Издание Главного Правления Союза участников I-го Кубанского похода. Под ред. Ген. Штаба полковника *С. Н. Рясняиского. Нью-Йорк, 1958 год.*

Изданный первопоходниками к их сорокалетнему юбилею, сборник "Первые — начавшие", очень ярко отражает ту жизненную правду о первых добровольцах, сущность которой очень образно и выпукло высказал Генерал Антон Иванович Деникин в своих словах, приведенных в сборнике. Он так писал о Добровольческой Армии: "Те кто видел в ней, овеянный страданиями и мученичеством подвиг — правы. И те, кто видел грязь, пятнавшую чистое знамя, во многих случаях искренни".

"Был подвиг, была и грязь. Герозим и жестокость. Сострадание и ненависть. Социальная терпимость и инстинкт классовой розни. Первые явления возносили, со вторыми боролись. Но вторые отнюдь

не были преобладающими; история отметит тот важный для познания русской народной души факт, как, на почве кровавых извращений революции, обывательской тины и интеллигентского маразма, могло вырасти такое положительное явление как добровольчество, при всех его теневых сторонах, сохранившее героический образ и национальную идею".

Издавая, в честь и память своих вождей и соратников, памятку, первопоходники, в известной степени, уже стали голосом истории, объясняющим сущность и смысл бессмертного первого похода. Составление этой Памятки они поручили коренному добровольцу, прошедшему этот путь от Быховского заточения до Галиполи и дальше, генерального штаба полковнику С. Н. Ряснянскому, который, кровно чувствуя природу добровольчества и зная его со всех сторон, сумел представить его и всесторонне и предельно правдиво.

Достигнуть этого удалось ему включением в Сборник не только материалов, рисующих героическую сторону Первого похода, но и внесением в его описание например, Дневника I-го Кубанского Похода, составленного из множества жизненных и бытовых подробностей, исключительно ярко рисующих не в стиле победных реляций, а повседневными, прозическими, иногда забавными, штрихами, подлинную жизнь добровольцев за каждый день их похода. "От усталости, на малых привалах, все сразу валятся на землю. Но еще горше необходимость на этих коротких остановках бежать "до ветру". Нужно, на спех, стаскивать с себя что положено в этом случае, потом все заправлять на свое место и успеть стать в строй до конца привала, а иначе приходится бегом догонять свою роту" — говорится в записи от 14 февраля, когда армия шла по "Соляному Шляху", по которому, когда-то, чумаки возили соль. Такие записи, лишенные всякой героичности, придают повествованию необыкновенную жизненность и создают живое представление об условиях каждодневной жизни добровольцев.

"Сестры милосердия в походе" — страницы, которые должны храниться в Русской памяти — вечно. "За отсутствием санитаров, пишет врач 6-го Отделения лазарета В. Иляхинский — сестрам вместе с врачами нужно было выезжать в санитарных повозках к цепям для вывоза раненых, находясь при этом, под артиллерийским и ружейным огнем, в меньшей степени, но такая же опасность была и в обозе лазарета, когда армия, находясь в окружении врага, подвергалась со всех сторон обстрелу".

Всего, что собрано в юбилейной памятке первопоходников не перескажешь. Да это и не требуется. О первом походе наиболее чуткий из русских писателей, И. С. Шмелев писал: "Это подвиг — проявление высокого Русского гражданства: в подвиге этом не было ни различия классов, ни возраста, ни пола — все было равно, едино, все было — общая жертва жизнью". Составитель Памятки, полковник С. Н. Ряснянский сумел всем, что он заботливо собрал и включил в нее, полностью подтвердить справедливость проникновенных слов нашего любимого писателя.

Внешняя сторона Памятки очень нарядная. Она напечатана на прекрасной бумаге, снабжена многими, очень интересными и редкими, фотографиями, наглядной картой похода и облечена в художественную обложку, исполненную первопоходником поручиком Г. Гольшмидтом.

Г. МЕСНЯЕВ

Почтовый ящик

В № 28 журнала "ВОЕННАЯ БЫЛЬ", помещена статья "Командир 2-й Конной". Автор ее не называет полностью фамилии этого командира но старые конно-артиллеристы знают, о ком он пишет.

На смотру Военного Министра генерала П. С. Ванновского, этот командир 2-й конной показывал ряд таких перестроений на широких аллюрах, со снятием с передков и открытием огня, которые может себе позволить только командир, уверенный в себе, в своем коне, в своей батерее. Генерал Ванновский, выразил свое удовольствие, между прочим, сказал: "это какой-то цирк, головоломная акробатика"...

Вероятно генерал С-кий заразил такой же лихостью и свои гренадерские батареи, но молниеносная операция с колесом, при помощи подскакавшей карьером "инструментальной повозки", у всех артиллеристов может вызвать только улыбку.

А. ЛЕВИЦКИЙ

Прошу не отказать в любезности, указать на следующие опечатки в моей статье: "Последний бой на Персияновке".

1) Напечатано: "Семилетовская батарея" (шт. кап. Букин). Следует читать: "шт. кап. Щукин".

2) Напечатано: "3-й Парт. арт. взвод Кон. Артиллерии". Следует читать: "3-й Парт. арт. взвод Донской Артиллерии".

3) Напечатано: "Я... рысью направился вдоль ж. д. моста через р. Аксай". Следует читать: «Я... рысью направился вдоль ж. д. до моста через р. Аксай".

Е. КОВАЛЕВ

Как жаль что нет СХЕМ к "Ловичскому Отряду". Это одно из интереснейших и запутанных сражений. Генерал Головин говорил что "он очень жалеет того, кто в Академии вытянет билет "Лодзинский бой".

Журнал захватывает своими статьями, даже в "Пушкарях" нет "разыгрывания" командиров батарей, дивизионов, этого штатского направления.

Бог Вам в помощь.

С почтением *ЧИТАТЕЛЬ*.

Le Directeur: Mr A. Guering. Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1958 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Восьмой год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:
61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей « ВОЕННОЙ БЫЛИ » и « ВЕСТНИКА ».

Подписная цена с пересылкой на год:
700 фр. фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.
В газете — постоянные отделы: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из жизнетворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, безсонницы и в некоторых случая повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!

Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:

Laboratoire B. KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16e). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE : V. Miller, 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.

„Сборник Российской военной поэзии“

Выпуск I — Полковые и судовые песни и стихотворения. Издание Обще-Кадетского Объединения, под редакцией А. А. Геринга.
Осталось **ограниченное количество экземпляров.**
Цена: 400 фр. фр. В странах заокеанских: 1 долл.

ЗНАЧКИ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ.

Продаются у казначея: Б. М. Марин, 18, rue Plumet, Paris 15.
Почтовый счет: Париж — 9325-52.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — **61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e)** и в Русских книжных магазинах.

Юг Франции — у А. Я. Фока — 57, рю Марешаль Жоффр, Ницца (А. М.).

Брюссель — у Б. П. Мижевского — **69, rue** de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 23, Alder Grave, London N. W. 2.

Германия — у И. Н. Горяйнова — **Hamburg** Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — **Bredgade 53, Copenhague.**

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Neumoresa 86, Roma.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — P. O. Box 304, Nyack (N.Y.)

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — **272, 2 avenue San-Francisco 18.**

Канада — у А. С. Орлова — 235, Indian Grove, Toronto (ONT).

Австралия — а) у Калатилина — **50, Belemba ave Lakemba (N.S.W.),** б) у Н. А. Косач **16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.**

Венецуэла — у К. А. Келльнера — **24, av.** Sarria, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — **Obligado 2130, Buenos-Aires.**

№ 33

НОЯБРЬ 1958 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 7-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ

ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ПАРИЖ

ПОД ПОЧЕТНЫМ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА КНЯЖНЫ ВЕРЫ КОНСТАНТИНОВНЫ РОССИЙСКИЕ КАДЕТЫ устраивают Торжественное Собрание в ознаменование СТОЛЕТИЯ со дня рождения

Великого Князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА

Собрание состоится в 14½ часов в воскресенье 30 ноября 1958 года в зале Жан Гужон (8, рю Жан Гужон Париж 8).

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1100 фр. с пересылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № — 5 шил. год. подписка — 25 шил., в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16ᵉ). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881 - 89 Париж, *A. Guerina.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

7-й год издания № 33 НОЯБРЬ 1958 Г. Bimestriel. Prix — 200 fr.

Его Императорское Высочество
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ
в мундире Пажеского Его Величества корпуса

Его Императорское Высочество
Великий Князь Константин Константинович

РОДИЛСЯ В СТРЕЛЬНЕ 10 АВГУСТА 1858 ГОДА.

Кавалер Ордена Святого Георгия 4-й степени (1877 г.), Сенатор, Генерал-Адъютант, Генерал-от-Инфантерии, Генерал-Инспектор Военно-Учебных Заведений, Президент Императорской Академии Наук, Почетный Академик Разряда изящной словесности Императорской Академии Наук, Почетный Член Николаевской Инженерной Академии, Президент Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Президент Общества Спасания на водах, Православного Палестинского Общества и СПБ Яхт-Клуба, Действительный Член Императорских Обществ Поощрения Художеств и Русского Музыкального, Почетный Попечитель Педагогических Курсов и Константиновской женской гимназии, Почетный Член Императорской Военно-Медицинской Академии.

Шеф 15 гренадерского Тифлисского Имени Своего полка, 2-й роты 4 Стрелкового Императорской Фамилии полка. Числится в полках лейб-гвардии Преображенском, Измайловском, 4 Стрелковом Императорской Фамилии, Конном, 1-й Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Михайловича батарее лейб-гвардии 3-й Артиллерийской бригады, Гвардейском Экипаже.

Посмертно, Шеф Киевского Военного Училища, Одесского и 1-го Русского кадетских корпусов. Числится в списках Пажеского Его Величества корпуса и Павловского Военного Училища..

Командовал ротой лейб-гвардии Измайловского полка — 7 л. 6 м. лейб-гвардии Преображенским полком с 23 апреля 1891 г. по 8 марта 1900 г., находился во внутреннем плавании на судах Флота — 11 мес. и в заграничном — 2 года 5 мес. Участвовал в кампании 1877-78 гг. в составе экипажа фрегата «СВЕТЛАНА» и на Дунае.

К столетию дня рождения
Великого Князя Константина Константиновича

(Из воспоминаний знаменщика)

Переходя к вопросу о нашем кадетском воспитании в ту, отдаленную ныне, эпоху начала столетия, я считаю первым своим долгом упомянуть нашего Главного Воспитателя, ныне давно покойного Великого Князя Константина Константиновича. Он был исключительной и одаренной личностью.

Участник Русско-турецкой войны, Георгиевский кавалер, много лет своей жизни отдавший строевой службе Л. Гв. в Измайловском полку, любивший военное дело и свою службу, он оставался одновременно человеком высоко-культурным, гуманным, талантливым поэтом. Кто не знает чудных стихов К. Р.?

Августейшему Президенту Академии Наук, как нельзя лучше, подходил и пост Начальника Военно-Учебных Заведений.

Кому, как не ему, был близок и понятен тезис, что "Хорошая Армия должна иметь блестящий офицерский состав".

Блестящий, не только в отживших уже понятиях внешней выправки и муштры, но культурный и воспитанный в первую очередь. Способный сохранить традиционную Николаевскую внешность, не в ущерб моральному, культурному и научному постоянному совершенствованию. Не отставать от века и психической эволюции военного дела — а эту необходимость Россия не могла не видеть на примере франко-прусской войны 1870 года. Не надо забывать, что либерально-революционные влияния охватывали русское общество с добрых пол-века уже, а кадеты и юнкера постоянно соприкасались в повседневной жизни с тлетворными влияниями "нигилизма", к сожалению уже достаточно пустившего корни в гражданских учебных заведениях, особенно в Университетах.

От всего этого надо было оберечь наши юные души, падкие порою на разного рода подпольные нашептывания.

Великий Князь Константин отлично понял, что борьба со злом не могла расчитывать на успех одними только репрессивными мерами. Откуда вящшая несправедливость обвинений Великого Князя некоторыми военными старой школы в том, что он якобы распускал кадетские корпуса.

Если некоторая распущенность и наблюдалась в иных корпусах, то, по справедливости, ответственность за это ложилась на директоров и воспитательский состав.

Выше я указал, что Великий Князь смотрел на репрессивные меры, как на крайность, иногда без-

условно необходимую, но не являющуюся основным методом воспитания.

Как хороший психолог, он был безусловно прав. Палочная дисциплина 18-го века, по Фридриховским заветам, по духу своему, не могла подойти к русским традициям. Кладя в основу воспитания моральный элемент, Великий Князь Константин требовал, в первую очередь, религиозное образование, исторически связанное с русским патриотизмом.

Всем поступавшим кадетам от корпуса давался красиво переплетенный том Евангелия с русским и славянским текстом (Издание Синодальной типографии). На первой странице была соответствующая надпись за подписью Великого Князя и печать корпуса.

Я не могу точно припомнить текст надписи, но смысл ее был таков: Это Евангелие есть благословение Корпуса и напутствие на всю грядущую жизнь будущего офицера Русской Армии. К сожалению, это Евангелие мною утрачено вместе с другими многими книгами и вещами в советской России.

Каждое утро, перед уроками, дежурный по отделению кадет должен был громко читать соответствующую главу на данный день, указанный в таблицах приложений.

Так по, приказу Великого Князя, это делалось у нас все семь лет моей корпусной жизни.

А наше военно-историческое воспитание? Обилие батальных картин, Корпусный Музей и культ военной старины, кто-же, как не Великий Князь был главным инициатором и проводником этого воспитательного приема? Кому, когда-то мальчики-кадеты, а ныне седовласые старики обязаны сохранением на всю жизнь неумирающего чувства любви и гордости к нашим старым гнездам?

Нашему Первому Воспитателю, ныне почившему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу. Имя Его останется навеки записанным золотыми буквами в истории России и в частности Ее Военно-Учебных Заведений начала текущего века.

Существующее в зарубежьи Обще-Кадетское Объединение и многолетняя деятельность покойного полковника Приходкина является лучшим к тому доказательством.

Живо вспоминаю частые приезды Великого Князя в корпус. Он запросто появлялся у нас в здании в самые разнообразные часы.

В урочное время, его приход в классные помещения был всегда вероятен, так как Главное Управление Военно-Учебных Заведений помещалось рядом с нами в смежном здании на Кадетской линии Васильевского Острова. Между двумя зданиями был и внутренний корридор, по которому Августейший Генерал-Инспектор мог пройти к нам прямо из своего рабочего кабинета.

Я помню его неожиданные появления также в спальне, в момент утренней побудки. Его Высочество любил шутить с кадетами и однажды, в умывальне взял кадета 2-го класса за плечи и подставил его голой шеей под холодную струю крана, не бойся-мол холодной воды и не забывай мыть шею по утрам. Появлялся и в столовой, и в ротных залах, в свободные часы.

Кадеты младших классов его всегда обступали тесным кругом и слышались голоса: “Ваше Высочество, покажите клинок шашки”. Тогда Великий Князь брался за эфес особо кривой своей шашки и вытягивал ее на половину, показывая ее, редчайший по закалке и художественной чеканке, дамасский клинок старой турецкой сабли. Вероятно память войны 1877 года.

Один раз смелый кадет задал вопрос: “А за что Вы, Ваше Высочество, “Жоржа” получили”, на что он, улыбаясь, ответил, своим несколько картавым голосом: “За турецкую кампанию”.

Еще одна сценка осталась у меня в памяти навсегда: урок географии капитана Матиаса. Неожиданно открывается стеклянная дверь из корридора и входит Великий Князь, сопровождаемый дежурным офицером. “Встать, смирно”. — “Здравствуйте, мои кадеты”. “Здравия желаем, Ваше Императорское Высочество”. — “Садитесь”, — и, обращаясь к Матиасу, “продолжайте урок”. Великий Князь садится на парту “на камчатке”, молчит и слушает ответы вызванного к карте кадета, по описанию немецких рек. Неожиданно слышен его голос: “А скажи мне, где находится Лиссабон”. Кадет смутился совершенно: какое, думает, имеет отношение Лиссабон, к бассейну Одера, может быть, это какой то приток, который не помечен в курсе. Путается в мыслях и молчит “как пень”. Великий Князь толкает под бок своего соседа по парте: “А ну, ты, подскажи”. Опять скандальное молчание. “Ну, а ты, третий в первом ряду справа” — молчание. Милый Димитрий Михайлович Матиас краснеет и теребит нервно борт сюртука. Всему классу становится жутко от этого глупого молчания.

— Ну так где-же Лиссабон? — опять несется столь знакомый нам голос с “камчатки”.

Глаза Великого Князя устремляются на меня: “скажи хоть, ты, наконец”.

Я встаю, вытягиваюсь в струнку и, вероятно, торжествующим голосом выпаливаю: “Столица Португалии, Ваше Императорское Высочество”.

— Ну, наконец-то, слава Богу, — говорит Великий Князь, ласково-насмешливо глядя на меня. Потом подошел к кафедре, что-то в полголоса сказал Матиасу и быстрым шагом вышел в корридор.

Нет, когда я вспоминаю теперь высокую, красивую фигуру нашего покойного главного начальника перед кадетским строем, либо запросто окруженную кадетской толпой в ротном зале, то мне, неизменно, приходит мысленное сравнение: больше отец и дети, чем Главный Начальник и его подчиненные. Близость и обаяние такого представителя Царствующего Дома — разве это не способствовало для нас, юношей, привитию крепких монархических чувств?

А. В. Борщов

В огонь турецких батарей

Накануне Восточной войны (Крымской), Тверской драгунский полк был расположен в одном из маленьких городков средней России — Белгороде, Курской губернии.

Дружелюбное отношение к жителям Белгорода сроднило полк с гостеприимными гражданами, а потому, когда стало известно о назначении Тверцов на Кавказ (в декабре 1853 г.), то прощание их с жителями отличалось теплым радушием, которое свойственно вообще русскому человеку. Белгородцы, желая, по-русскому обычаю, проводить драгун хлебом-солью, пригласили нижних чинов на обед.

Собравшись в доме купца Мичулина, драгуны, за дружеской трапезой, выражали жителям Белгорода благодарность за то сердечное расположение, которое они всегда оказывали им. Офицеров полка Белгородцы чествовали роскошным обедом в доме купца Чумичова.

6 декабря полк выстроился на площади, которую покрывала многочисленная толпа жителей. После молебна, предводитель дворянства и горожане благословили Тверцов иконой Св. Чудотворца Николая. Еще через минуту раздалась команда: "На коней", — и Тверцы стройными рядами двинулись в путь.

Кроме Тверцов, на Кавказ выступил из г. Бирюча, Воронежской губернии, Новороссийский драгунский полк под командой полковника Танутрова.

Командир Тверцов полковник И. М. Куколевский почти всю свою службу провел в полку. Он не был новичком в военном деле. Он участвовал в борьбе с конфедератами в Польше и в усмирении мятежа в Венгрии и Трансильвании.

Была зима и полку предстояло пройти походным порядком около 1 000 верст только до северного Кавказа. Временами мороз доходил до 30 градусов и драгунам приходилось при вьюгах, вести лошадей в поводу по обледенелым дорогам. Повсюду драгуны встречали радушный прием, повсюду находили приют, чарку водки, кусок мяса и гостеприимного хозяина.

Пройдя около 1 000 верст, Тверцы прибыли в Пятигорск на северном Кавказе. Здесь полк простоял несколько дней. Пятигорское общество дало бал в честь прибывших частей. Тверцы, на прощанье, дали от себя бал пятигорцам.

Впереди предстояло самое трудное: переход через кавказский хребет. От Владикавказа полк двинулся по Военно-Грузинской дороге. Величие и грандиозность кавказских гор, отвесные скалы, с вершин которых грозили обвалом снежные глыбы — все это неотразимо действовало на воображение драгун, привыкших к безпредельным равнинам России. Дорога идет, извиваясь среди угрюмых скал, по левому берегу Терека, а от Ларса переходит на правый и вступает в знаменитое Дарьяльское ущелье. Здесь самая узкая теснина Терека, сдавленная голыми, отвесными громадами. Терек здесь действительно "косматый". Его грязная, буро-серая пена вплескивает, мечется, кружится, завиваясь в громадные кудри. Стон, вопли и глухой гул сталкивающихся волн, не находящих выхода, не смолкая стоит в воздухе. А посмотришь вниз на бушующий Терек — голова кружится: все мрачно, небо представляется узкой полоской, далекой, недосягаемой.

Бешеные горные речки вливаются в Терек из боковых ущелий. Иногда виднеются вдали горные аулы. Мрачными, совиными гнездами кажутся они, сложенные из камня и прикрепленные на головокружительной высоте к голым утесам. Ни одного зеленого кустика, ни одного цветочка или белого пятна не видно в этом безотрадном логовище хищников. Там нет домов, там только каменные башни — одни пониже, другие повыше.

Посреди Дарьяльского ущелья, по настоящее время сохранился один из замечательных памятников, так называемый "Дарьяльский Замок".

От этого замка дорога начинает круто подыматься до самой станции Казбек, у которой начинается перевал через главный хребет. Дорога здесь разделяется на две: одна, собственно Военно-Грузинская, идет через Крестовую и Гут-гору, другая — Военно-Осетинская — идет левее и выше.

Полк свернул на Военно-Осетинскую, так как на Военно-Грузинской были завалы. Труден был переход через хребет, снег и мятели, заносившие дорогу, заставляли полк двигаться медленно, ощупью каждый шаг вперед доставался борьбой с суровой стихией. Темною безконечной лентой, тянулся по горам полк. Дорога была так узка, что люди шли по одному, ведя лошадей в поводу. Один рядовой сорвался в кручу вместе с лошадью, отделался он ушибами, а лошадь пришлось пристрелить.

Тремя днями позже, по той-же дороге, шли Новороссийцы. Упавший завал засыпал пять офицеров и 25 драгун. У станции Пассанаур полк вышел опять на Военно-Грузинскую дорогу. Станция Пассанаур лежит в самой живописной местности долины р. Арагвы.

В этом районе живут три племени, выделяющиеся среди кавказских племен своей резко выраженной оригинальностью. Это хевсуры, тушины и пшавы. Есть предположение, что это потомки крестоносцев, проходивших через Кавказ. На мирном костюме их нашиты белые кресты, а боевой наряд состоит из железного шлема с сеткой, проволочной рубахи, или лат, железных наколенников и рукавиц. Этот наряд дополняется щитом и палашом, которые украшены надписями и изображениями корон, орлов, всадников.

Ружье в чехле из косматого медвежьего меха придает дикость хевсуру с его орлиным лицом, побуревшим от солнца и ветра.

На майских парадах в столице при Императоре Александре II, внимание толпы всегда привлекали гиганты, закованные в свои доспехи, с колчанами, наполненными стрелами, и с туго натянутыми луками — это были хевсуры.

Интересная подробность: эти суровые воины очень

гуманны по отношению к детям. Бить дитя, как бы оно не провинились, считается величайшим позором.

Тверцы шли по Военно-Грузинской дороге в то время, когда уж шла война с Турцией и до них доходили слухи о блистательных делах в Закавказье — под Баяндуром, Баш-Кадык-Ларом, Ацхуром, Ахалкалаком... Произносились имена героев побед — кн. Бебутова, кн. Андроникова, кн. Обрельяни, кн. Чавчавадзе и других. Назывались полки, которые стали потом "кунаками" Тверцов — Нижегородцы, Эриванцы, Грузинцы, Мингрельцы, Тифлисцы...

Но и в горах Кавказа продолжала литься кровь. Там развевалось кровавое знамя священной войны (газават). Грозный Шамиль, имам Чечни и Дагестана, одна из замечательных личностей 19-го века, давно уже вел борьбу с Русскими, как равный с ними противник.

Наконец кавказский хребет остался позади, и от Душета Тверцы шли по Карталинии, уже при совершенно изменившейся обстановке. Солнце грело по летнему. Грузинское духовенство встречало с хоругвями и жители присоединялись к общим молитвам о даровании победы Русскому воинству.

15-го марта 1854 года полк вступил наконец в Тифлис. В этот день Тифлис представлял небывалое оживление. У жителей города еще хранились предания о последнем разрушении столицы Грузии персами, когда в 1795 году Ага-Магомет-Хан совершенно разрушил Тифлис, расхитил все богатство страны и увел в плен 30 000 человек. На пороге новой войны с Турцией, грузины видели в лице прибывающих Тверцов защитников их от своих давних врагов — турок. Парадный Головинский проспект на всем протяжении своем, от дома Наместника до Московской заставы и далеко за заставу, представлял живую, непрерывную стену. Наконец, на равнине за Верой, показался чудный, длинный строй, величественно подвигавшийся вперед. Бесконечной живой лентой, блестящей сталью и медью, расстилались перед глазами зрителей ряды драгун Тверцов.

Тифлисцы встретили полк с исключительным радушием. Развлечения сменялись обедами, на которых лилось кахетинское вино, произносились речи и по рукам ходила "азарпеша", а драгуны удивляли лихими Русскими песнями. Все слои общества принимали участие в чествовании Тверцов: высшие общество, купечество, макалаки и амкары (рабочие цехи). Для встречи частей собирали пожертвования и каждый драгун получил по 20 копеек серебром.

Из Тифлиса полк выступил на театр военных действий против врага, который стоял у порога Грузии.

В манифесте Императора Николая I-го (по случаю объявления войны) между прочим говорилось:

"Наконец, сбросив ныне всякую личину, Англия и Франция объявили, что несогласие наше с Турцией есть дело в глазах их второстепенное, но что общая их цель — обессилить Россию, отторгнуть у нее часть областей и низвести с той степени могущества, на которую Она возведена Всевышнею десницей".

12 мая Тверцы прибыли в Александрополь, перешли реку Арпачай и стали лагерем рядом с Нижегородцами.

На Кавказе с давних пор установился обычай гостеприимства. Не только офицеры, но и солдаты следовали ему. Прибывающую новую часть, как офицеры, так и солдаты старались приютить и угостить. Это врожденное качество русского человека еще более окрепло на Кавказе от примера горцев, отличающихся гостеприимством. Нижегородцы и Эриванцы задушевно встретили своих соратников по прежним войнам. Они, так же, как и Гренадеры Грузинцы, "куначились" с Тверцами и куначество это свято поддерживалось и поддерживается по сей день (уже в эмиграции).

Русский отряд, под командой кн. Бебутова, выступил в направлении на Карс.

КЮРЮК-ДАРА

23 июля в лагере под Кюрюк-Дара жизнь походная шла своим обычным чередом. Был жаркий день и только к вечеру потянуло прохладой. Ожила линия офицерских палаток. Никто не хотел ложиться спать. Разложив бурки, офицеры лежали небольшими группами, слышался смех и оживленный разговор. Никто не подозревал, что завтра будет одно из величайших и кровопролитнейших сражений.

Ночью к нашим передовым цепям охранения осторожно приблизились два армянина, которые сообщили сведения настолько важные, что их посадили на крупы коней и марш-маршем доставили в ставку корпусного командира. Выяснилось, что на Русский отряд, силою в 18 тысяч человек, двинут отряд турок, силою в 65 тысяч воинов.

Уже поздно вечером, к группе офицеров, лежавщих на бурках, подбежал вестовой от начальника отряда.

— Ваше Благородие, — крикнул он, обращаясь к адьютанту, — пожалуйте скорее к Их Сиятельству, очень требуют.

— Что такое? Зачем? — посыпались вопросы.

— Не могу знать.

Четверть часа прошло в томительном ожидании.

— Лагерь велено снимать. Идем в поход. Будет сражение, — объявил адъютант и эти короткие фразы привели все в движение. Палатки снимались, вьюки и оружие приводились в порядок. Темная, немая ночь смотрела таинственно. В ожидании дальнейших распоряжений, офицеры продолжали лежать кучками на бурках. Настроение у всех было приподнятое. Спорили о планах турок, веселый смех продолжался. Послышалась военная песня. Было не до сна. Некоторые старые солдаты подходили к коновязям и с особой нежностью ласкали своих коней, сознавая, что конь по братски разделит с ними труд и опасность и что его быстроте быть может будут они обязаны своей жизнью. Было замечено, что большая часть лошадей в ту ночь отдыхала лежа (обычно лошади дремлют стоя, лишь на короткий срок ложась перед рассветом).

Это считалось верным признаком близкого сражения.

. . . .

Пол-века тому назад профессор Ключевский говорил: "Европа продолжает видеть в нас представителей монгольской косности, каких то навязанных приемышей культурного мира". Так Европа и продолжает смотреть на Россию по сей день. Писателями, журналистами и политиками в суждениях о России применяются слова: "рабство, кнут, варварство". 1854 год — то время крепостного права в России. Посмотрим — как они вели себя "рабовладельцы и рабы" в минуты тяжелого испытания в, взятом на угад, бою под Кюрюк-Дара. Не буду утруждать читателя подробным описанием боя.

Первые лучи восходящего солнца застали наш отряд в движении по направлению к противнику. На высотах Караяла уже виднелись значки башибузуков, а в долине — густые колонны пехоты и конницы турок. Донесения поступали непрерывно и указывали, что вся 65-ти тысячная масса турок находится в состоянии полного наступления. Наш левый фланг опустошала неприятельская артиллерия и командующий конницей генерал Багговут приказал Тверцам атаковать 12-ти орудийную батарею.

Для Тверцов наступила решительная минута. На виду всей Армии, на глазах старых кавказских полков, им надлежало показать пример храбрости и занять достойное место среди этих полков.

Драгуны, под командой командира полка, полковника Куколевского, кинулись вперед молча, равняясь, как на параде, под картечью 40 орудий двух батарей, бивших с фронта и с фланга. Только строй медных касок сверкал в пыли. Во главе атакующих шел на сером карабахском коне командир бригады, доблестный граф Нирод. Турки не выдержали этой безмолвной атаки. Баталионы, прикрывающие батареи, были отброшены и Тверцы завладели орудиями. Дальше, атаки Тверцов шли непрерывно одна за другой. Упорный бой длился несколько часов. Серый конь графа Нирода покрылся кровью, но продолжал носить своего доблестного седока. Тверцами командовал раненый Куколевский. Атаки Тверцов сменялись атаками Нижегородцев. Овеянные боевой славой, турецкие "арабистанские" баталионы держались стойко. Падали передние ряды аскеров — их заменяли другие. Этими повторными атаками баталионы правого фланга турок были остановлены, разметаны и угроза обхода наших войск слева была устранена.

В это время против нашего правого фланга нависла угроза обхода со стороны колонны Измаила-паши. Тысячи башибузуков и регулярная конница, поддержанная пехотой, начинала уже обходить наш правый фланг. Видя эту угрозу, генерал Багговут подхватил дивизион Тверцов, три сотни Донцов и 2 конно-ракетные комады, с которыми, пройдя 4 версты полевым галопом, мимо всей боевой линии, бросился на турок. К этому времени напор их был уже так силен, что казаки и наши мусульманские полки стали подаваться назад. Под генералом Багговутом убиты две лошади. Убита лошадь под командиром дивизиона Тверцов бароном Корфом.

В этот день лошади оставались без водопоя 10 часов, сделали карьером и рысью до 20 верст и утомление их было так велико, что в последней атаке эскадроны ходили рысью.

Тем временем участь всего боя уже решалась в центре: наша пехота подходила вплотную к главной массе неприятельской пехоты. Семь наших баталионов должны были сломить двадцать турецких, или бой проигрывался. Доблестные кунаки Тверцов — Эриванцы и Грузинцы вступили в рукопашную. В эти торжественные минуты тысячи снарядов бороздили пространство и землю, сопровождая свой полет визгом, свистом, шипеньем, всеми звуками ада. И смерть летала по рядам бойцов. Эриванцы состязались с Грузинцами в подвигах и трудно описать их все.

В то время, когда командир дивизиона Тверцов, барон Корф, своими атаками опрокинул турецких улан и выручил шесть рот Ряжцев, когда, увлекшись преследованием, не заметил, что сам оказался совершенно отрезанным от своих войск, громкое "ура" из центра возвестило о победе нашей Гренадерской бригады. Но того "ура" не довелось уже услышать барону Корфу, павшему на поле брани. Пробившись через толпы неприятеля, дивизион Корфа участвовал в последней атаке турецких колонн. Под ударами Тверцов и Новоросийцев колонны эти пришли в замешательство и хлынули назад. После этого были смяты и обращены в бегство башибузуки, курды и регулярная кавалерия.

В самом начале боя, при взятии батареи, поручик Иевлев, пораженный смертельной пулей в грудь, упал с коня. Когда к нему подскочил рядовой Яковлев и Мордвинов, чтобы поднять и доставить на перевязочный пункт, он сказал:

— Спасибо вам, ребята, ступайте во фронт, вы там нужнее.

Это были последние слова героя. Тогда же полковник Куколевский был окружен неприятелем, ранен в руку и неминуемо погиб бы, но его выручили унтер-офицер Шабанов и рядовые Чернов и Иванчикин. Под полковником Спициным была убита лошадь. Унтер-офицер Николаевский подвел ему своего коня.

— Садитесь, Ваше Высокоблагородие, а я себе раздобуду турецкую лошадь.

В это время поле битвы переходило из рук в руки. Оставаясь пешим, Николаевский знал, что рисковал быть изрубленным или взятым в плен. Прикрывая собой поручика Арцишевского, которого окружили три турка, вахмистр Путинцев был ранен штыком в бок, но остался в строю. Полковник Спицин был заколот штыком. Его вырвал из рук турок рядовой Адрианов и вынес из боя. Адрианов же в начале боя отвел от Спицина сабельный удар.

Я не перечисляю все случаи выручки драгунами своих офицеров. Прочтите описание боя любого полка и вы увидете одну и ту же картину — в бою солдаты гибнут, выручая своих офицеров. Это не есть

требование начальства — это вложено глубоко в душу простого Русского человека.

Интересно, что на разных участках фронта умирающие офицеры почти в одних и тех же выражениях отказывались от помощи солдата. Пораженный двумя пулями в грудь, барон Корф сказал подбежавшим к нему солдатам:

— Ребята, ваше место впереди. Я уже умираю. Ступайте помогать товарищам, — т. е. сказал почти то же самое, что сказал убитый раньше поручик Иевлев.

Грозная числом, но сокрушенная нашими войсками турецкая армия отступала к Карсу, по следам ее, с барабанным боем, шла наша пехота. ("Русская Армия была сильна только на парадах", — писал как то академик А. Моруа. А некий Ж. Демулен писал, что русские всегда умели драться только против русских и в числе поражений русских приводил Полтаву. А кто свалил трех величайших полководцев — Карла XII, Фридриха Великого и Наполеона, могли бы мы их спросить? Автор).

Бой окончился. Медленно потянулись эскадроны к сборному пункту. Прошли поле, недавно покрытое роскошной зеленью, теперь заваленное ранеными и убитыми. Всюду разбросаны окровавленные, изуродованные и растоптанные тела.

"Мы", — говорит участник боя "двигались молча, под впечатлением тяжелого, ошеломляющего запаха свежей крови и пороха. В ушах продолжался отдаваться канонадный гул, смутно чувствовало сердце минувшую опасность. Сама природа смотрела невесело. Полуденное солнце тускло светило из-за порохового дыма, затянувшего серо-синеватою пеленой всю окрестность".

Дорого обошелся Тверцам "кровавый бой при Кюрюк-Дара": полк потерял только убитыми 6 офицеров, 78 нижних чинов и 188 лошадей.

3 Георгиевских штандарта, по одному на дивизион, были наградой и памятником на вечные времена о деле. которое отвело почетное место среди кавказских войск старому и заслуженному полку.

В далеком Белгороде, горожане с интересом следили за действиями "своего полка". Получив известие о первом бое на Кавказе, Белгородцы изъявили друг другу радость по поводу успехов полка и горесть о потере своих знакомых и о потере 78 нижних чинов. Целый год, по добровольному обету жителей, производились панихиды и заздравные молебны.

История полка не только полна примерами преданности солдата офицерам, говорит она также и о заботах офицеров о солдатах, о любви к ним.

Вот примеры: умерший от огнестрельной раны в военном госпитале. поручик Войнаховский, перед кончиной своей, написал командиру полка письмо, в котором, между прочим, говорилось:

"Прошу Вас, просьбой уже покойника, все, что принадлежит мне, все вещи без разбора и лошадей моих отдать находившемуся при мне казенному деньщику Якову Лужному. Это награда за его честность, преданность, за все спокойствие, доставляемое мне его службой".

Ровно через год после боя у Кюрюк-Дара, был смертельно ранен под Карсом командир полка полковник Куколевский. Неприятельское ядро разорвало в куски его ногу. Тогда же был ранен берейтор Кайзер. Обоих раненых переложили в телегу и отправили в тыл. В дороге, Куколевский все время заботился об удобстве берейтора, подкладывая под его плечо траву, лежавшую в телеге. Перед смертью он подписал завещание, в котором указал сумму денег жертвуемую им на полковую церковь, в эскадроны и т. д. В завещании указано, что унтер-офицеру Федосееву выдать 100 рублей серебром, лошадь и седло. (У Куколевского было 59 собственных лошадей, поставленных им в строй и обоз).

Перечисляются также по фамилиям унтер-офицеры и рядовые с указанием суммы от 25 до 100 рублей, завещанных им.

Г. Танутров (Жук)

Три времени года в четырех стенах

ПОВЕСТЬ *(Продолжение)*

К концу обеда, неожиданно появляется разжалованный генерал. Он, видимо, вкусно пообедал, выпил и поэтому настроен благодушно:

— Сидите ,сидите... — роняет он небрежно и сам подсаживается к нам.

— Моих кажется нет? — оглядывает он группу. Он аракчеевец, т. е. бывший кадет Нижегородского корпуса. На нем элегантная драгунская форма, сам он ловок, строен, крепко сбит. И как это только мы могли его принять за генерала? Все это самонадеянные псковичи наделали!

— Ну-с! А кто же из вас мечтает о славной Школе? (Николаевское кавалерийское уличище). Ты что-ли? — смотрит он на Глебушку. Я холодею, зная, что Глебка не изжил еще своей затаенной мечты — быть пожарным. Вдруг ляпнет! Но Глебка надувает губы и неожиданно выпаливает:

— Мерси!

— То-то, смотри мне! — грозит ему пальцем корнет: в школе вас всех приведут в христианскую веру! Он что-то шепчет лакею и через несколько минут нам приносят целое блюдо пирожных.

— Лопайте, лопайте, сугубцы... объедайте бедного корнета — все равно он едет на поправку к предкам в деревню.

- Фастов, Киев — первый звонок. Поезд на первом пути...

**
*

И вот опять стучат колеса, мелькают уютные украинские станции, деревушки с чистыми белыми хатками и фруктовыми садиками. Спутанная на передние ноги кобылка с жеребенком, неестественно испуганными скачками убегает от страшного поезда. Солнце медленно движется к горизонту. На станциях — та же веселая южная толпа в летних костюмах. На одной из станций, бойкий гимназист, дождавшись, когда поезд уже тронулся, подскочил к окну нашего вагона и во всю глотку заорал:

"Кадет
На палочку надет.
Палочка трещит,
Кадет пищит!"

— Морду расквашу! — взревел, срываясь с места наш семиклассник Яценко, (подсевший к нам в Казатине), и ринулся на площадку вагона. Но поезд уже набирал ход, нахальный гимназист превратился в крошечную точку на платформе и Яценко, истощив на ветер весь знакомый ему репертуар ругательств, — возвращается успокоенный и довольный на свое место.

— На редкость нахальный экземпляр! — философски изрекает он и уже совершенно беззлобно закуривает папироску, а когда малыши начинают ругать гимназистов, — он даже за них вступается.

— Ну нет! Среди них есть славные ребята и большие шутники, я в Пскове с ними очень дружил!

В вагоне темнеет. То справа, то слева виден диск заходящего солнца. На станциях, когда стихает грохот колес, стоит такая вечерняя тишина, что кажется слышны звуки за 10 верст. Вот где-то далеко, далеко прогрохотала телега — и снова все стихло. Из открытого окна чуть тренькнул телеграф и опять — тишина, тишина.

Глебушка прикурнул носом в угол и заснул.

Я выхожу на площадку вагона: как хорошо! Какой мир и покой разлиты в засыпающей природе!

И мог ли я хоть на секунду подумать тогда, что этот край родной мой край, населеный таким прекрасным, добрым, ласковым и спокойным народом — станет когда-то для меня лишь далеким, далеким, дорогим воспоминанием, что только в редкие минуты изгнаннической жизни мелькнет в памяти белая хатка, цветущий садик, миловидная дивчина около, свисток паровоза в вечерних сумерках.

Мысленно целую каждую пядь твоей земли, моя далекая, прекрасная страна, моя Россия, моя Украйна.

6. КИЕВ. ДЯДЯ КОЛЯ.

В вагоне зажгли свечи, поезд трогается, постепенно становится все темнее и темнее. Еще две-три станции и Киев. Станции все известны: сейчас будет Фастов, потом Мотовиловка, Васильков, Боярка, Жуляны, один или два товарных Киева и, наконец, сам собственно Киев-город.

В кадетские годы мы Киев проскальзывали както мимоходом: приезжали поздно вечером, до 12 часов ночи были у дяди Коли, а в 1 час поезд уже увозил нас в Полтаву. Всю прелесть этого, незабываемого города мы смогли оценить только впоследствии, когда бывали в нем продолжительное время. Но и те детские, мимолетные впечатления — до сих пор живы в душе. Эти впечатления: Киев громаден, великолепен, он — столица Юга России, мать городов Русских. В Киеве знаменитый Владимирский собор, который расписывали Васнецов, Нестеров, Врубель.

Жители приветливы, любят шутку, толпа нарядна и всегда весела, девушки все сплошь — красивы. Киевская опера, после столиц, одна из лучших в России, театр Соловцова — чудесный! И много еще чудес в Киеве. О них нам рассказывают, немного свысока, (как глубоким провинциалам), едущие с нами кадеты Киевляне.

Они немного снобируют, считая себя умнее других корпусов (и действительно в военных училищах — Киевляне по наукам — первые). Для них лучше Киева нет ни одного города в мире! Корпус их — самый лучший, духовой оркестр — лучший в городе, такой же и хор. Без конца склоняется во всех падежах какая-то смешная фамилия: Папа-Афанасопуло. Это, не то капельмейстер, не то регент хора — личность во всяком случае легендарная, ибо о нем говорится с таким же благоговением, с каким католики говорят о Папе Римском.

Много рассказывают о знаменитом Генерал-губернаторе Киева и Командующем войсками генерале Драгомирове и еще больше о коменданте города генерале Медере (десятки, действительно смешных, анекдотов).

— А наша кадетская роща! — захлебываясь вступает в разговор малыш-киевлянин, — где? У кого есть такая? Там и пруды, и речки, и дикие звери водятся!...

Мы, полтавцы, скромно молчим: у нас нет ни Папы-Афанасопуло, ни диких зверей, ни озер, но и у нас есть чем похвастаться: Яценко, как боевого коня, выдвигает нашего знаменитого протодиакона Гайдамаку, который, якобы, может своей октавой тушить свечи в соборе.

Кроме того, у нас на погонах вензель Императора Петра I-го, а не какие то две скромные буквы: В. К. Словом, кое-как отбились от бойких киевлян.

**
*

Но, вот и Киев. Поезд замедляет ход, начинают мелькать освещенные домики. Еще долго и медленно постукивают колеса, пока мы не останавливаемся окончательно у перрона огромного барака-станции. Большой вокзал — с хохлацкой ленью, все строится, да строится.

— Доки сонце зийде — роса очи выист — острят Киевляне.

Первое, что мы ищем на перроне вокзала, — это

фигуру дяди Коли. Неужели забыл о нашем приезде? Но нет?

Вот он — стройный и высокий, в светлом офицерском пальто — уже ясно виден. Из всех многочисленных "дядей" нашего славного, но захудалого и обедневшего рода — дяда Коля — самый красивый. Он настолько красив, что это замечают даже малыши кадеты: у него — прекрасные голубые глаза, с черными ресницами, вьющиеся каштановые волосы, небольшие усы. Говорит он красивым грудным голосом.

Подросши, мы узнали, что он очень нравился женщинам и что тетя безумно ревновала его. Ничего этого, конечно, в детские годы мы не замечали, но искренно любили дядю за его ласковость, доброту и красоту.

Забегая вперед, хочется сказать, что погиб он в разгаре революции, такой ужасной смертью, о которой невозможно вспомнить без содрогания и которую помнят многие Киевляне.

Дядя Коля командует в Тираспольском полку нестроевой ротой; в его распоряжении много лошадей и чтобы нас побаловать, он приезжает за нами — на самой лучшей из команды, которую мы, конечно, именуем рысаком. Солдат-кучер, второй год, один и тот же: Исиков. Мы сдаем чемоданы на хранение, выходим на площадь и дядя негромко зовет:

— Исиков! — Откуда-то, из темноты, слышно: — Здесь! — и к вокзалу подкатывает "рысак", запряженный в довольно нарядный экипаж. Здороваемся с Исиковым за руку. Он вежливо пожимает нам руки и поздравляет с приездом.

В Киеве, в те времена, — электрическое освещение уже было на главных улицах. Проезжаем, залитые светом "дуговых" фонарей центральные улицы, сворачиваем в боковые — уже с керосиновыми фонариками. Перед каждым домиком, выходящие на улицу садики, с деревьями и цветами.

Исиков подкатывает к одному из таких домиков и мы — у дяди Коли.

Вся семья в сборе: тетя, Вера и Тася, принаряженные, сидят за столом, на котором шумит самовар, лежат булочки, ветчина, пирожные. После объятий и неизбежных вопросов:

— Здорова-ли мама?

— Выросли-ли Федя, Миша, Оля?

— Как идет наше ученье? — все садимся за стол и начинается чаепитие. Время летит. Стрелка часов близится к 11. Еще немного — и нужно уже ехать на вокзал на последний этап: Киев-Полтава, а там...

***

Дядя достает гитару и, довольно приятным баритончиком, поет какую-то старенькую песню (всегда одну и ту-же. И откуда только он ее выкопал):

Лэди! Вы со мной шутили,
Бог простит вам — вы дитя,
Но вы жизнь мне отравили,
Сердце вырвали шутя.

Заставляют спеть что-нибудь и нас с Глебкой. Мы оба поем в корпусном хоре: Глебка — дискантом, я — альтом. Перед самыми каникулами в корпусе праздновали юбилей Жуковского и мы хорошо знаем кантату ему посвященную (пели ее и дома), поэтому мы довольно стройно и на два голоса исполняем:

Твоих стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

Кантата имеет бурный успех: нас заставляют повторить ее еще раз, и потом еще раз. Сестры записывают слова в альбом. Глебка с важностью изрекает:

— Не нужно записывать! Это слова Пушкина.

Он уже клюет носом и тетя укладывает его в соседней комнате на кровать.

— Пусть поспит, хоть немножко! Он ведь еще совсем малыш!

Сестры суют мне альбом, с просьбой что-нибудь написать и я, думая, что это чрезвычайно остроумно, пишу эпиграф из "Сорочинской ярмарки" (Энеида — Котляревского):

Пцняв хвист, мов собака,
Мов Каин затрусывсь увесь;
Из носа потекла табака!

И делаю внизу четкую подпись: "На память о кадете 4-го класса 1-го отделения Петровского-Полтавского кадетского корпуса".

Даже теперь, по прошествии стольких лет, стыдно за свою глупость. А ведь я знал в то время много прекрасных стихотворений. Прошу сестер не читать написанного до нашего отъезда, но любопытная Вера не может утерпеть.

— А... это конечно намек на Тасю. У нее тоже течет иногда, из носа...

Тася (очень хорошенькая и уже кокетливая, несмотря на свои 10 лет), взвивается как ужаленная: еще бы так оскорбить, да, еще при гостях, кузенах...

— Ты... ты... она не находит слов для нанесения контр-удара: а ты... влюблена в историка. А он на тебя и смотреть не хочет. "Весь" Киев об этом знает!

Закипает бой, укрощаемый тетей. Обе сидят некоторое время надувшись, как мыши на крупу.

Но вот и полночь. Будим Глебушку — опять поцелуи, объятия, обещания часто писать (никогда не исполняемые) и тот же Исиков мчит нас на вокзал. Дядя крестит нас уже у вагона, сует каждому, несмотря на протесты, по полтиннику: "На марки, на марки!" — говорит он, втискивая деньги в наши карманы. Третий звонок — и поезд Киево-Полтавской дороги уплывает в темную, южную, украинскую ночь.

В вагоне — одни полтавцы. Есть несколько гимназистов Полтавской Гимназии. Есть и несколько одноклассников. Часа два болтаем о том, о сем, вспоминаем эпизоды корпусной жизни, педагогов, воспитателей.

— Кто будет читать нам геометрию?

— Правда-ли, что первая рота будет шефская?

— Кто будет фельдфебелем?

Постепенно все начинаем зевать, а минут через 20 весь вагон погружается в сладкий сон.

7. МЫСЛИ НЕМНОГО ГРУСТНЫЕ

Корпус! Корпус! Какие разнообразные чувства будит это слово в детской душенке! Какая болезненная операция — отрыв от родной семьи, от любящей ласковой мамы, от сурового на вид, но доброго отца, от маленьких братьев, сестер.

Сколько горьких слез пролито по темным уголкам самой маленькой из рот корпуса — 4-ой! Сколько залитых слезами листков почтовой бумаги неслось по разным уголкам нашей необъятной родины!

— Мама, милая, возьми меня домой! Я буду делать все, что ты хочешь. Буду слушаться тебя, не буду бить Фендика (Федю) и Олечку. О, как труно в бедном, детском и таком ограниченном репертуаре слов, найти именно те, которые хоть немножко смогли бы выразить чувства, волнующие маленькую душу.

***

Все, в начале, для новичка — чуждо!

Офицеры своего полка были для нас "добрыми дядями", шутившими с нами, угощавшими нас пирожками, рассказывавшими нам смешные истории, ласкавшими нас.

Здесь офицер-воспитатель: это начальник, вольный чуть-ли ни в жизни и смерти малыша (так казалось). Вместо: Ваней, Сашей, Павликов и Глебушек мы становились вдруг: Павленками, Соколовскими, Ильяшенками. Как это было в начале дико!

Для многих ребят, из медвежьих углов Полтавщины, камнем преткновения долгое время служили новые казарменные слова: "пригонка", "обмундирование", "каптенармус", "фельдфебель", "ранжир" и пр. Первое время пугали даже — гимнастика, строй, не говоря уже о карцере.

8. МОДУЛЯЦИЯ В МАЖОР

Я начал ученье в корпусе в переломную эпоху.

Свою повесть о корпусе писатель Куприн озаглавил: "На Переломе". Может быть он хотел этому заглавию придать смысл: перелома житейского, может быть возрастного, но по моему (да, конечно, не только по моему) эпоха начала 20-го столетия была действительно "переломной" и переломной в лучшую сторону, я-бы сказал: в сторону замечательную.

По свойствам своего таланта, бесспорно крупного, с большой зоркостью, даже фотографичностью, Куприн изобразил быт корпусов, типы мальчиков, педагогов. Он, конечно, не лгал (этого никак сказать нельзя), но его объектив направлен на одно только отрицательное Все положительные явления вышли бледными и как бы слабо проявленными. Как будто штатив его аппарата не может повернутся ни направо, ни налево, а принужден смотреть только в одном направлении. Картина получилась безотрадная, такая-же, как и другой его повести: "Поединок".

Может быть в те годы, когда писались эти повести (1905-06 г.г.), нужно было, чтобы не прослыть "мракобесом" и угождая т. н. "русской общественности", малевать все черной краской и потому обе повести (повторяю: несмотря на талантливость автора) получились однобокие и главное — несправедливые.

Ведь могли-же смотреть и направо, и налево, и главное вверх и Толстой, и Чехов, и Бунин, и Лесков. Да и сам Куприн, не повернул ли он, под конец жизни, свой штатив в своей последней повести: "Юнкера"? (Кстати, в совершенно обезображенном виде, изданной в советском союзе).

***

Я поступил в корпус, именно в те годы, когда с каждым днем, все яснее и яснее вырисовывался тот путь, на который, с таким блеском и великолепием, вывел корпуса В. К. Константин Константинович.

В корпусе, в год моего поступления, были еще штатские воспитатели, была еще субботняя порка. Было много грубости, попадались мальчики совершенно аморальные, по жестокости, в отношении слабеньких новичков. Были и такие, каких описал Куприн, но при мне они, как то сами собой, отсеивались, не дотянув дальше 5-го класса. Был еще жив "цук", о котором так много писалось, и который, иногда, принимал безобразные формы.

Как переносила все это, маленькая, еще совсем не сформировавшаяся душенка ребенка, попавшего в такую необычайную обстановку?

У Куприна — она ожесточалась, мальчик становился "отпетым" или "отчаянным". В мое время, он просто: "обламывался" и "привыкал".

***

И вот теперь, когда прошло около полу-века, когда нет кадетских корпусов, когда родина для нас недосягаема, — нет и не может быть бывшего кадета, который не вспомнил бы с горячей любовью, а часто и со слезами, свою маленькую жизнь в 4-х стенах своей школы. И это не только сантиментальные воспоминания людей, живущих в чужом краю вдали от далекой родины, а это было всегда и там на нашей родной земле.

На Пасху 1904 г., я случайно очутился в Петербурге, у моей тетки В. П. Сухоцольской. На заутреню она повела меня в церковь "Министерства Уделов", куда молящиеся допускались в этот день только по пригласительным билетам. По окончании Заутрени, когда уже все христосовались, ко мне подошел высокий генерал (я сжался в комок — уж не цукать ли он меня собрался?), у которого на глазах были слезы:

— Полтавец! Милый!.. Однокашник!... Христос

Воскресе! Как ты попал в столицу? (действительно, увидать полтавца в столице было трудно).

— Генерал был растроган, звал к себе на розговены, дал свой адрес. И не то что-бы он был какой-нибудь старик, прозябавший в отставке на пенсии, нет — он был еще относительно молод, подвижен и вероятно на службе был строг и исполнителен (лицо у него было довольно суровое). Но вот, — в такой праздник, увидел однокашника и старое сердце не выдержало и на глазах навернулись слезы. Вспомнился-ли ему он сам — малышем, носившим такой же мундирчик, вспомнилась-ли милая Полтава, цветущая акация, молодость, беззаботность?

***

Всяких бывших кадет приходилось мне встречать в годы изгнания: были и павшие морально, и отчаявшиеся, и опустившиеся, и спившиеся, но никогда я не встречал ни одного, в душе которого погас бы навсегда огонек любви и нежности к воспитавшей его школе.

П. Ф. Волошин

(Продолжение следует)

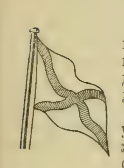
День 4 марта 1917 года на крейсере

(Продолжение)

2.

"ОНА ПРИШЛА В БЕЛОСНЕЖНЫХ ОДЕЖДАХ..."

(Из речей 1917 года)

Обычно, мичман Астанов просыпался тогда, когда его вестовой Соколов входил в каюту с горячей водой для бритья и чтобы взять обувь для чистки.

Это неизменно повторялось вот уже второй год и всегда в одно и то же время, за пол часа по подьема флага, с тою лишь разницею, что в зимнее время Соколов одновременно включал электричество, так как единственный иллюминатор пропускал тогда лишь скудный свет пасмурного северного утра.

И такой порядок был установлен не Астановым: Крейсер имел почти двадцать лет существования и десятки предшественников жили в этой же каюте и им прислуживали такие же Соколовы, отобранные в вестовые старшим офицером, после совещания с боцманами. Для этого, молодой матрос должен был отвечать следующим требованиям: быть сообразительным, расторопным и не мрачного характера.

Вестовой неизменно косился на мичмана, замечая, что он шевелился, отворачиваясь от резкого света лампочки, и говорил вместо приветствия строго:

— Извольте одеваться!

— А не рано?

— Никак нет, старший офицер уже пьют кофе.

Астанов быстро вскакивал, вспоминал пока одевался какая у него сегодня вахта, или вместо нее предстоит шлюпочное учение, или занятие в палубе с учениками строевых унтер-офицеров. Быстро совершал туалет и направлялся в кают-компанию.

Но сегодня — он точно очнулся от какого-то кошмара, ощущения, что он спал, не было. Боль от врезавшегося в шею воротника кителя видимо разбудила его.

Приподнявшись на локте, он с удивлением обнаружил себя на койке одетым, чего с ним не бывало ни после ночной вахты, ни после затянувшегося до поздних часов кутежа. Во рту был горький вкус никотина, встав и взглянув в зеркало на язык, он увидел его желтым от табачного налета. "Я болен, что со мной? Или этот ночной кошмар продолжается?" — и с испугом оглянул каюту. Все тоже: недоконченная книга на столе, в глубине полки — фотографии близких, на вешалке у двери фуражка..." ах, да, под нею не хватает его кортика... Значит это не кошмар, это было на яву".

По привычке, повернул кнопку настольного календаря, подарок из дому. На нем образовалось: 4 Марта 1917 года. Взглянул на часы — стрелка приближалась к девяти.

"Черт возьми, я арестован или нет?" — подумал он и нажал кнопку звонка.

Вестовой сразу же появился в двери.

— Я не хотел вас беспокоить, вашскобродь. Пожалуйте пить кофе, все господа за столом... Сегодня все с запозданием. Я принесу воду для бритья, когда вы вернетесь.

Встав из-за стола после кофе и закуривая, Астанов подсел к группе офицеров сидевших у полупортика, через который открывался вид на скованный льдом рейд. Снег резко блестел под яркими лучами весеннего солнца, вызывая боль в глазах, быть может после бессонной ночи. После одиночества в каюте, ощущение близости людей, в таком же как и он положении, служило облегчением и даже младший доктор Воробьев, к которому мичман не чувствовал симпатии из-за его, постоянно идущих в разрез с остальными офицерами, мнений, сейчас показался "своим", при его замечании, ни к кому не обращаясь:

— Всю ночь не давали спать, безостановочно мигинговали до самого утра.

— Смотрите, смотрите, в нашу сторону движется толпа, — привлек кто-то внимание остальных, указывая в полупортик.

Полсотни матросов, разукрашенных красными бантами на бушлатах, с несколькими штатскими, видимо рабочими из порта среди них, свернуло с главной дороги, по ее ветке, в сторону крейсера. Толпа

приблизилась к трапу, но осталась внизу, не поднимаясь наверх. По топоту ног на палубе над головой, было ясно, что там собирались слушатели.

Выступивший впереди толпы матрос, в растегнутом бушлате, одетом прямо на грязную нательную рубаху, подняв кверху голову, начал речь. Но вот он неожиданно повернул ее в сторону полупортика и его взгляд упал на офицеров с любопытством рассматривавших пришельцев, того, что говорил оратор, не было слышно. Последний вдруг преобразился, утратив спокойный и самодовольный вид, он истерически замахал руками, с криком указывая пальцем в сторону полупортика, вероятно одновременно, судя по выражению его физиономии, бросая угрозы слушателям на палубе. Почти тотчас же по трапу послышался бег нескольких ног. В кают-кампанию вбежала группа матросов:

— Вашскобродь, господа офицеры, — наперебой начали они, — пожалуйте по каютам.

— В чем дело? Почему? — попробовал протестовать механик Калтыпин.

— Оратор с линейных кораблей спрашивает, почему у нас офицеры на свободе, грозит, что если мы не будем исполнять постановлений революционных комитетов, то по нас откроют огонь из орудий, утоплят, — с испуганными лицами говорили наперебой матросы, — Мы вам доверяем, мы вам верим, что вы перешли на сторону народа, но от чужих — всяких эксессов (с ударением на э) ожидать можно.

Однако, пребывание Астанова в каюте продолжалось недолго: десяток матросов, одетых по отпускному на берег, но в растегнутых бушлатах, некоторые с красными ленточками на груди, постучали в дверь.

— Вас и лейтенанта Сироткова команда выбрала в депутацию на вокзальную площадь встречать представителей Государственной Думы из Петрограда. Комитет вызвал из города автомобиль, сейчас будет у трапа.

Астанов был в нерешительности.

— Я пойду спросить разрешение старшего офицера, — отвечал он, но по пути он встретил одетого в пальто Сироткова.

— Борис Николаевич разрешил. Я был у него. Одевайся, поедем посмотреть на этих зверей, — шутил он, не стесняясь присутствием матросов.

Через четверть часа, депутация с крейсера пробивала себе дорогу в густой толпе, поближе к ступенькам ведущим к вокзалу. Площадь была запружена морем матросских голов с развевающимися ленточками всего Балтийского флота. Некоторые депутации имели вид строя, с офицерами во главе, но по лицам последних нельзя было сказать, что они были довольны своею участью. Бросился в глаза один лишь лейтенант Никифоров, с метким прозвищем "Горилла". На кривых, колесом, ногах, с двумя матросами по бокам, он самоуверенно расталкивал толпу.

— Товарищи пропустите, — басистым голосом говорил он. На его груди развевались ленточки громадного красного банта.

— Ну, этот пойдет далеко, — прошептал Астанову на ухо Сиротков.

В дальнем углу площади вдруг раздалось около десятка винтовочных выстрелов. Толпа, даже не оглядываясь в их сторону, шарахнулась к вокзалу, некоторые поползли по земле, рискуя, что соседи наступят на руки. Паника продолжалась минут пять, затем послышались отрывки разговоров: "Стреляли по проезжавшему в автомобиле губернатору... Не хотел выйти из машины... Ранен... Убит..." ничего нельзя было понять.

По праздничному выглядевшая толпа, теперь в глазах Астанова приняла иную оценку. Внутреннее состояние подавляющего большинства ее было подвержено животному страху, прежде всего, а затем склонностью к безнаказанному насилию.

Но вот снова кто-то заревел в рупор. Кто-то пытался сказать что-то, и, после долгих усилий, наконец, из рупора вырвались отчаянные звуки.

— Товарищи, внимание, товарищи, — и затем совершенно ровный голос точно извещавший о состоянии погоды или о результате футбольного матча, произнес:

— Товарищи, при выходе с посыльного судна "Кречет", направлявшийся для встречи депутатов, Командующий Флотом адмирал Непенин убит неизвестными. Предлагаем присутствующим товарищам выбрать командующего флотом.

— Как? Убили Непенина? — повернулся Астанов к стоящему рядом Сироткову.

— Кажется да, — возмущенным тоном отвечал тот, невольно обернувшись за подтверждением к стоявшим позади матросам, до того это известие было неправдоподобно, абсурдно. Непенин был популярен среди команд Флота не менее, чем среди офицеров.

Убили Непенина, который вчера вечером сделал первые шаги для демократизации флота сам, рискуя быть может своим именем и репутацией, если бы ход событий повернулся иначе. Во время войны убили своего главного ответственного начальника... Несмотря на теплый день, у Астанова пробежала по спине дрожь. На лицах ближайших матросов было написано удивление, смешанное с растерянностью.

И в этот момент, его внимание было привлечено появившейся среди площади процессией: повидимому, стоя в автомобиле, которого не было видно за спинами густой толпы, двигалась группа офицеров, окруженных матросами, все в широченных красных бантах.

— Максимов, Максимов, — послышались крики возле процессии, где видимо уже происходили выборы. Старший лейтенант Гедримович завладел рупором.

— Не выбирайте Максимова, он дурак, — успел только прозвучать зычный голос, как его уже, видимо оттеснили.

— Отставить Максимова, — кричал в толпе красный от натуги неизвестный офицер. — Дайте сказать! Прошу слова, — но было поздно: раскланиваясь на все стороны и пожимая ближайшим руки, вице-адмирал, с двумя орлами на погонах, но которого Астанову никогда раньше не приходилось видеть, склонившись и с улыбкой на фальшивом приторно сладком лице, видимо благодарил за выборы.

— Пойка, смотри пожалуйста, Пойка, — со смехом указывал Сиротков пальцем на адмирала, которого прозвище объяснялось, непонятно откуда взявшимся у него, чухонским акцентом.

— Неужели его? — спрашивал возмущенно Астанов, которому приходилось не раз слышать о Максимове нелестные отзывы во время войны.

— Еще и не то увидим, кажется.

В вокзальных дверях стало заметно шевеление, хотя за гулом толпы шума подходящего поезда не было слышно. Максимов, в сопровождении нескольких матросов, видимо распорядителей митинга, направился туда-же.

— Приехали, — пронеслось по толпе.

. . . .

Произносил речь только Скобелев, по внешности типичный привинциальный купчик. Впервые Астанов услышал демагогические выкрики о привете революции, ее украшению, Балтийскому флоту... Говоря от "ее" имени, приезжий делегат льстил своим слушателям, представлявшим флот, только что убивший своего адмирала...

Дальнейшего оба офицера с крейсера не стали слушать и понуро направились к выходу с площади.

По их возвращении на корабль, новое известие ошеломило их: в их отсутствие судовой комитет вынес постановление недоверия Рыбкину и Любимову и требование покинуть крейсер.

Точно, по какой причине — неизвестно. Сказали, что команда им не доверяет, что для них же самих лучше немедленно сойти на берег, — таково было то, что могли сообщить вернувшимся их соплаватели.

Об убийстве Командующего флотом узнали по телефону. Рыбкин, бывший с ним в дружеских частных отношениях, был огорчен более других. Он охотно стал собирать в ручной саквояж наиболее необходимые вещи и вскоре, одновременно, с Любимовым они появились в кают-компании, чтобы проститься.

— П-п-рошу вас г-г-господа, — слегка заикаясь по привычке, обратился он к стоявшим безмолвно офицерам, — не провожать нас наверх. Никакой демонстрации не надо. Я ухожу вполне довольный своей участью. Петр Петрович останется за командира до его возвращения из отпуска. До свидания, скоро увидимся, — прощался он, пожимая офицерам руку, некоторые из которых, пожалуй и, завидовали уходящим: ясно, что на корабле предстояло еще не мало испытаний.

Задержка вышла за судовым комитетом, который настаивал на сопровождении уходящих в город охраной из трех вооруженных конвойных, так как ходили уже слухи, что не все спокойно, что даже появилась первая жертва революции: какой-то матрос, стреляя на одном из тральщиков через световой люк в сидящего у себя в каюте офицера, рикошетировавшей от люка пулей, убил себя на смерть. Ходили слухи о безобразиях в Кронштадте, об издевательствах перед тем, как убить, над адмиралом Вирен. Впоследствии подтвердилось, что русская толпа там воспроизвела до мельчайших подробностей сцену дикости французской толпы 1793 года убивавшей своего адмирала коменданта Тулона.

Более обширная, чем другие, каюта ревизора Шрейбера, служила клубом для мичманов. Астанов вошел туда, когда три мичмана, собравшись там, вспоминали покойного Непенина. Один из присутствующих плавал под его командой, еще юнкером флота, на канонерской лодке "Храбрый".

— После богослужения, в одно из воскресений, — рассказывал он, — поднимается Адриан Иванович на мостик для чтения Морского Устава. Вахтенный начальник скомандовал "фуражки снять", и все замерли, как полагается при слушании Устава. Непенин долго разыскивает нужную страницу, наконец нашел и обвел взглядом своих небольших острых глаз команду. Затем, откашлявшись, читает: "Статья такая-то. Воспрещается: плевать на палубу, употреблять бранные слова и брать деньги с посетителей". После чего задумывается, стараясь найти легкое для матросского понимания объяснение, наконец, слегка хриплым отрывистым тоном говорит:

— Часто, сидя у себя в каюте, я слышу, как спускающиеся по бакштову матросы матерятся между собой. Вы слышали что сказано в Уставе? Брань должна быть прекращена, чтобы я больше ее не слышал. — Затем, после небольшой паузы: — Если Государь Император приедет на лодку, да у кого либо из вас сорвется, что же вы думаете, он с вами разговаривать будет? Нет, он мне скажет... Непенин, скажет такой сякой, я тебе корабль поручил, а ты из него кабак сделал, — и он знаком показывает вахтенному начальнику об окончании парада, тот командует "Накройсь, разойтись".

— Да, конечно, он был совершенно особенного характера человек, — подхватил второй мичман. — Вспомните его радио, как начальника службы Связи, отличившимся летчикам: "Кильконда, такому-то. Свидетельствую мое почтение. Адриан Непенин". О таком радио узнал весь Флот, это было ценнее всякого приказа.

— Или, например, — вставляет третий мичман, — его ответ Начальнику Минной дивизии, спрашивающему сводку в Рижском заливе. Отвечает Непенин: Ничего в волнах не видно. И все уж знают, что все обстоит благополучно, неприятеля поблизости нет, вместе с тем у всех хорошее настроение от шутливого ответа. Помните, как обычно все видящий и слышащий, сидящий на Цереле прапорщик Котельников, один из столпов Служби Связи и доверенный человек Непенина, прозевал, против обыкновения, ле-

тевший в сторону Ботнического залива, ночью, Цеппелин? Непенин сразу же понял причину и на следующий день радио: Котельников, отправьте жену в Ревель. Это типичное замечание Непенина человеку, которого он очень ценил. Все, так сказать, по семейному.... — Слушатели заулыбались.

— Чудесный человек был, хотя временами и строгий. Многие его здорово боялись, а многие из адмиралов, которых он перескочил, даже не командуя отрядом, ясное дело ему завидовали. Но уж, если ему поручили флот на подступах к Петрограду, то значит у всех наверху к нему доверие было, на такой пост без ведома Государя не назначат.

Таковы были суждения мичмана, а мичманское суждение всегда безапелляционно: вслух выражают то, что кто постарше замалчивает по разным причинам.

— Неужели же Максимов останется теперь за него? — спросил один из них с сомнением в голосе.

— Может Колчака из Черного моря вернут? Нам ведь нужен адмирал, а не Пойка!...

— Да еще с таким сомнительным вступлением в командование, — заметил Астанов и рассказал подробности событий на Вокзальной площади.

Д. А.

(Окончание следует)

Газовая атака немцев на участке Крево-Сморгонь

В НОЧЬ С 19-е НА 20-е ИЮЛЯ 1916 ГОДА

В ночь с 19-е на 20-е июля 1916 года немцы, совершенно неожиданно, пользуясь легким восточным ветром, выпустили волну удушливых газов во время смены 14-го гренадерского Грузинского полка 15-м гренадерским Тифлисским полком.

2-й Кавказский армейский корпус, в состав которого входила Кавказская Гренадерская дивизия, занимал участок фронта Сморгонь-Крево, начиная с сентября 1915 года до конца войны. За это продолжительное пребывание в этих местах успели хорошо устроить позиции и их оборудовать. Леса было много.

Эта газовая атака застигла гренадер врасплох. Как это всегда бывает при смене частей, окопы были переполнены людьми, у многих противогазы оказались не под руками. Несмотря на все это, паники среди гренадер не было. Немедленно была передана "газовая тревога".

За первой волной газов последовали вторая, третья и т. д. Всего немцами было выпущено восемь газовых волн.

Гренадеры понесли от этой газовой атаки чрезвычайные потери, так как многие не успели во время надеть противогазы. Особенно при этом пострадал баталион Грузинского гренадерского полка под командой подполковника В. Е. фон Киттер. Несмотря на то, что он сам был отравлен газами, он остался в строю и своими решительными мерами организовал оборону из непострадавших гренадер.

Грузинским полком в это время командовал полковник Отхмерзури который, находясь в передовых окопах, чтобы лучше командовать, снял свой противогаз, при чем его примеру последовали другие офицеры.

Несмотря на принятые меры, ввиду больших потерь, участок позиции более 1000 шагов по фронту оказался незанятым. Немцы вышли из окопов и начали наступать. Впереди шли две цепи, а сзади в предрассветном тумане были видны следующие.

Нужно при этом заметить, что одновременно с пуском газов немецкая артиллерия открыла сильный огонь по нашим артиллерийским позициям и по тыловым дорогам, дабы воспрепятствовать подходу резервов.

Дежурные батареи: 1-я батарея 84-й арт. бригады и 3-я батарея 2-го Кавказского мортирного артиллерийского дивизиона, несмотря на волны желтого газа, немедленно открыли заградительный огонь.

Ввиду сильного немецкого артиллерийского огня, телефонная сеть во многих местах была перебита. Пришлось посылать конных разведчиков с донесениями и приказаниями и телефонистов, для починки линии. Это ставило людей в большую опасность, так как во время движения возможность отравления увеличивалась.

Вся артиллерия участка сосредоточила свой огонь по наступающим и атака была отбита.

Из резервов начал подходить баталион 16-го гренадерского Мингрельского полка. В это время густые газовые волны продолжали распространяться по котловинам в тыл, захватывая обозы и тылы Кавказской гренадерской дивизии.

К 7 часам утра газы рассеялись, так что можно было снять противогазы.

Потери гренадер были очень велики: окопы были завалены трупами. В дивизи насчитывалось до 3.000 человек отравленных на смерть. Всюду лежали трупы отравленных и умирающих. Видно было, как люди корчились в предсмертных судорогах, изо рта выступала желтая пена. Происходили потрясающие сцены. Другие судорожно цеплялись за землю. Растительность кругом также поблекла, растения поникли к земле.

Некоторые люди, томимые жгучей жаждой, пили воду, что только увеличивало их страдание, так как потом говорили, пить было вредно. Кто пережил эти картины, их никогда не забудет.

Несмотря на весь этот ужас, люди геройски выполняли свой долг. Например, в 84-й арт. бригаде на батарее во время атаки дежурным офицером был поручик Кованько, он, так же, как и его прислуга, чтоб лучше стрелять, снял противогаз. Отбив атаку, они умерли.

Прислуга и телефонисты 3-й батареи 2-го Кавказского мортирного арт. дивизиона вели себя также выше похвалы.

Потери батареи были нижеследующие: были отравлены, но остались в строю два офицера. От артиллерийского обстрела были убиты 2 канонира и ранен 1 фейерверкер. Было отравлено и эвакуировано 12 нижних чинов. Лошадей пало 5. Это были лошади разведчиков, которые отвозили приказания и донесения. Другими словами боевая часть батареи понесла потерь 25 процентов всего состава.

За время отбития атаки было совершенно много геройских подвигов: Вот телефонист Гаевой, ползущий под сильным огнем вдоль телефонной линии, чтобы исправить повреждение. Далее телефонист Райк, еврей из Лодзи, снявший противогаз, чтобы лучше передавать приказания. Был отравлен, эвакуирован, вернулся снова в батарею и был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Подпрапорщик Акабадзе, горячий грузин, смело под огнем и газами распоряжавшийся на батарее.

Н. Н. Р.

Находится в печати и в скором времени выйдет в свет новая книга К. С. ПОПОВА

Лейб-Эриванцы в Великую войну

Подписка принимается в Редакции «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

В День Лейпцига

Дорогим однополчанам.

Каждый год, под шорох листопада,
Наш заступник в вышних Ерофей
Осеняет строгостью обряда
Лейб-казачьей славы юбилей.

Средь святынь, в изгнаньи кров обретших
Слышит вся семья лейб-казаков
Повеленья царственно-ушедших
И грядущих, сумрачных, веков:

Помнить Лейпциг, предков благоверность,
Не сходить с тяжелого пути,
Под мальтийским стягом долг и верность
До конца с достоинством нести...

— Здравствуй, Полк! Встречай в служеньи новом
С бодрым сердцем каждый юбилей:
В грозный час, как встарь, своим покровом
Сбережет святой нас Ерофей!

Иван Сагацкий

Гибель Батареи

Выполняя задачу по прикрытию мобилизации, 4-я Кавалерийская дивизия в составе 3-х полков и 2-х конных батарей (уланы остались при пехоте) вела разведку с боями в районе Шучин-Граево-Лык (Восточная Пруссия).

27-го июля ст. ст. 1914 года дивизия выступила по направлению к г. Бяла.

Начальник дивизии, доверяя агентурным сведениям о занятии г. Бяла ландштурмом без артиллерии, оставил без внимания донесение штабс-ротмистра 4-го гусарского полка Сухина, утверждавшего, что в г. Бяла находятся ландверные части и обнаружено присутствие артиллерии и потому для занятия г. Бяла начальник дивизии почел достаточным выслать авангард в составе четырех сотен 4-го Донского казачьего полка и 4-х орудий 8-й конной батареи, расположив в резервной колонне, у дороги в г. Бяла, не доходя до д. Белценцен, главные силы.

Вскоре после выступления авангарда, послышалась оттуда, куда он ушел, ружейно-пулеметная стрельба, а через некоторое время орудийные выстрелы 8-й конной батареи, все удаляющиеся. Авангард двинулся в глубокий обход д. Бельценцен, очищая артиллерийским огнем слабо занятые деревни и хутора.

Не дожидаясь результата действия авангарда, начальник дивизии теперь еще более уверенный в отсутствии артиллерии у противника послал приказание двум орудиям, из восьми бывших в главных силах, немедленно выехать на позицию для обстрела г. Бяла.

Не успел взвод 7-й конной батареи выпустить несколько снарядов,, как сам подвергнулся интенсивному огню немецкой батареи.

Перелетные снаряды стали рваться в расположении главных сил, кои передвинулись, а драгунский полк куда то ушел.

Командир 7-й конной батареи еще до вызова двух орудий выдвинулся с разведчиками вперед для ориентировки в обстановке, и, когда заговорила немецкая артиллерия, он стал искать наблюдательный пункт, откуда можно увидать немецкую батарею, но начальник дивизии игнорировал действия командира 7-й батареи и при вызове двух орудий и, как мы увидим дальше, и тогда, когда потребовались остальные 6 орудий 4 — 7-й и 2 — 8-й бат.).

После обстрела взвода 7-и батареи артиллерией, наконец, начальник дивизии понял свое заблуждение относительно сил у противника и тут он принимает решение — наихудшее в данной обстановке, отдав приказание бывшему при нем бессловесному и запуганному им командиру 4-го конно-артиллерийского дивизиона, не задерживаясь выехать на позицию оставшимся при главных силах шести орудиям, указав как позицию на высоту, где стоял он сам — начальник дивизии.

В первый и последний раз за эту войну конная батарея приняла звуковую команду.

Раздался сигнал "выиезд на позицию", сыгранный трубачем командира дивизиона на слова:

Вперед, друзья, и на картечь
Поводья подтяни...

На батарее протрубили вторую половину сигнала:

Кому придется в поле лечь
Того Бог помяни...

Батарея стройно, как на смотру, понеслась карьером. Как только конная масса показалась на высоте, немецкая батарея перенесла на нее огонь.

Командир 7-й конной батареи, увидя выезжающую на позицию свою батарею, прискакал к ней и, по его команде, батарея открыла огонь по д. Бельценцен, откуда появились немецкия цепи.

Дистанция полторы версты, но, к сожалению, командиру 7-й батареи не дали времени определить место расположения немецкой батареи, под огонь которой начальник дивизии, как мишень, подставил 6 орудий.

Бризантные гранаты безпрерывно рвались на батарее, уничтожая не только живую силу. Осколки выводили из строя даже орудия, разрушая щиты, срывая прицельные приспособления. Батарея буквально таяла на глазах. Огонь этих обреченных на гибель, орудий стал быстро слабеть. В одно из орудий снаряд попал целиком, разорвавшись сразу по пробитии щита и тело орудия замерло на откате. Другой снаряд попадает в зарядный ящик, лежавшие в нем орудийные патроны разлетаются веером во все стороны, калеча и тех немногих, кто еще способен был действовать при орудиях. Не взирая на то, что на батарею посланы были коноводы для замены выбывших орудийных номеров, не взирая на то, что никто из легкораненых не покидал орудий, — некоторые орудия, вскоре после выезда на позицию, бездействовали. Немецкая батарея (по некоторым признакам их было две) не оставляла в покое и взвод 7-й батареи, занявший позицию раньше.

Командир взвода 7-й батареи, штабс-капитан Матвеев, раненый, продолжал командовать, перенеся огонь на наступающую пехоту. На батарее все офицеры были переранены, один контужен, но оставался до конца, одного лишь тяжело раненого поручика кн. Вачнадзе унесли на носилках, 8-й конной батареи штабс-капитан Витрешко был убит и этим же снарядом выведены были из строя все орудийные номера того орудия, около которого стоял убитый офицер и это орудие замолкло.

Оглушающий треск разрывов... одиночные фигуры, что то делающие при орудиях... Со стороны казалось, что уже никто из этого ада не может выйти живым... Но нет, нет, а орудия все же стреляли по приближающейся немецкой пехоте уже "на картечь".

В довершение полной катастрофы, начальник дивизии отдал еще одно неудачное распоряжение: подать передки на батарею, чтобы снять орудия с позиции. В результате — горы конских трупов, еще живые лошади барахтались в постромках, пока не добивали и их. Ездовые, лишившиеся своих запряжек, кинулись к орудиям, к тем которые бездействовали, и открыли огонь "на картечь", один ездовой даже умудрился стрелять из орудия, которое замерло на откате.

Начальник дивизии, брошенный штабом, носился по полю, не отдавая никаких распоряжений.

Командир 7-й батареи послал ординарца с просьбой прислать спешенных гусар, чтобы попытаться скатить орудия. Получен был письменный ответ, он гласил:

"Я сам ищу смерти, умейте же умереть и вы". Командир 7-й конной батареи подполковник Яблоновский-Снадский приказал оставаться при орудиях и вынуть револьверы.

По собственной инициативе, 6-й эскадрон гусар под командой штабс-ротмистра Высоцкого и поручика Яновского прикрыл цепью батарею, а часть гусар начала скатывать орудия, неся при этом потери.

Но, очевидно, начальник дивизии раздумал умирать и от него одно за другим посылались приказания спешно отходить, бросив орудия. Командир 7-й батареи не поддался развившейся панике и перед тем, как оставить орудия, они были приведены в негодность для действия.

Когда наступил момент порчи орудий, солдаты просили своих раненых офицеров уходить, обещая самим справиться.

Несмотря на приказ бросить орудия, была сделана попытка спасти два орудия того взвода 7-й батареи, который выехал на позицию раньше и стоял отдельно от 6-ти орудий. Прибывшим, из 2-го эшелона зарядных ящиков, передкам удалось вырвать из рук подходящих немцев эти орудия. Спасенные ору-

дия передали в 8-ю конную батарею, а обломки 7-й конной батареи отправлены были на формирование.

Описывая события этого дня, я всецело остановился на действиях 7-й конной батареи и взвода 8-й. На основании точных проверенных сведений, добавлю лишь то, чему я был непосредственный свидетель, как командир 8-й конной батареи.

Авангарду судьба послала неожиданный подарок: при его продвижении удалось обнаружить позицию немецкой батареи, орудия которой стояли за зданиями г. Бялы. Начальник авангарда генерал А. И. Мартынов ликовал. Тотчас же послал словесное через офицера и письменное через ординарца донесение начальнику дивизии о благоприятной перемене обстановки. Действительно, положение 8-й конной батареи (4-х орудий) создалось исключительно выгодное. Позиция немецкой батареи вырисовывалась, как на ладони, командир же немецкой батареи должен был еще определять позицию 8-й конной батареи, стоявшей на маскированной кустами позиции. Принимая во внимание возможность простреливать немецкую батарею во фланг, прекрасные качества нашей пушки, ее поразительную меткость, скорострельность и полные снарядами зарядные ящики, а также обученность личного состава, можно сказать, что, когда 8-я конная батарея открыла огонь, немецкая батарея смолкла и не потому, конечно, что три-четыре очереди наших шрапнелей произвели сокрушительное действие, а, видимо, командир немецкой батареи, подставляя свой фланг под обстрел, осознал невыгодность игры в столь неравных условиях. Но воспользоваться всеми козырями 8-й конной батарее не было суждено. От начальника дивизии получен был приказ быстро отходить, мерещился какой-то обход и теперь начальник дивизии проявил чрезмерную заботу об орудиях 8-й конной батареи. Генерал Мартынов выявил свою досаду выразительным словом по адресу потерявшего голову начальнику дивизии.

Характерной особенностью боя под Бельценценом являлась его хаотичность. Всю тяжесть боя, всю тяжесть потерь приняла на себя артиллерия главных сил, руководимая, в обход артиллерийских начальников, самим начальником дивизии. Активность до некоторой степени проявили пулеметная команда и спешенные казаки и товарищеское чувство выручки 6-й эскадрон Мариупольцев. Если сюда еще включить разумные действия начальника авангарда, то на долю других начальников выпадает оценка, которая вполне укладывается в рамки одного приказа генерала М. И. Драгомирова по поводу больших маневров в 1890 году, в нем он благодарит войска и тут же добавляет: "Да не приемлет сей благодарности тот генерал, по милости которого". "И да не приемлет сей благодарности и тот командир полка, который..." и т. д.

Производивший расследование по делу о потере орудий Инспектор артиллерии 1-й Армии генерал-лейтенант Похвиснев, в самой резкой форме, отрицательно аттестовал действие начальника дивизии, но расследование заглохло, потонуло в потоках крови, обильно пролитой в августовских боях у Сольдау.

А. Левицкий

Неожиданное происшествие

Летом 1915 года я был прикомандирован к штабу н-ского корпуса. Стоял штаб в живописном галицийском городке Т. и, прибыв туда с фронта, я довольно скоро освоился с необычной обстановкой. Командир корпуса был строг, но прекрасно относился к небольшой группе молодых офицеров, оказавшихся по тем или иным причинам при штабе. Подружился я особенно с адъютантом его сотником Сумбатовым.

Стояли прекрасные летние дни и, в свободные от службы часы, часто мы с ним совершали поездки по полям, особенно обильно заросшим тогда красными как кровь, маками. Как оказалось, многие здесь уже успели обзавестись знакомствами с местными жителями, вернее жительницами, так как кроме старых библейского вида евреев мужчин не видно было на улицах. Правда, было в городке два поляка "фризира", быстро наловчившихся стричь г. г. офицеров под № 2-й.

Служил, в то время, в штабе военный чиновник из молодых. Сказать чтобы красотой особой он отличался нельзя было. Погоны носил он шире положенных, рейтузы типа галифе и нарочито примятый с новенькой кокардой головной убор. Считал он себя непобедимым Дон-Жуаном и действительно успехом у паненок пользовался. Фамилия его была самая прозаичная — Едов.

Сумбатов мне сказал, что его в штабе уже прозвали Сердцеедовым. Ухаживал, ухаживал Сердцеедов и в конце концов решил зажить по "семейному". Закрутил местную паненку-швею и вселился к ней на постой. Но всякое счастье, а тем более на войне, изменчиво и в один прекрасный день мы получили приказ отойти к нашей государственной границе. С большим трудом начальнику штаба удалось урезонить плачущую швею отпустить нашего Дон-Жуана, соблазнившего ее обещанием жениться. Ему же влетело порядком и с предупреждением.

Новое место нашей стоянки был городок Гусятин. Было два Гусятина — русский и австрийский. Первый — на правом берегу реки Збруч, представлял собою типичную большую деревню, а второй, напротив, не большой, но видимо благоустроенный и зажиточный пограничный австрийский городок, свидетельством чему были приличные мостовые, обсаженные деревьями, развалины сгоревших каменных домов, а также валяющиеся взломанные банковские сейфы.

Долго наши гусятинцы с завистью и досадой смотрели на своего богатеющего виз-а-ви и лишь только наши войска победоносно прошли в Галицию, бросились на другую сторону, разграбили и сожгли городок, покинутый предусмотрительно населением.

Гусятин получил свое название оттого, что это был пункт, через который гнали из России гусей. Здесь они отдыхали, откармливались и ехали железной дорогой дальше.

Наш штаб расквартировался в 2-х километрах не доезжая австрийского Гусятина в прекрасном замке графа Голуховского, того Голуховского, который был наместником короля австрийского в Галиции и который, как и все владетельные особы, при первых признаках войны, покинул Галицию, уведя при этом прекрасную свою конюшню, но оставив управляющего, весьма дипломатичного пана, а также такой сад изумительно прекрасных роз, каких я еще не видывал во Франци.

Здесь уже резко именился уклад нашей жизни и наш Дон-Жуан заметно присмирел.

Но вот в один из вечеров, будучи дежурным, я заметил его отсутствие за обеденным столом, а в конце обеда мне сообщили, что меня просят выйти для спешного доклада о чем-то. Действительно, у крыльца я увидел вестового с поданным мне моим "Австрияком" и двух полевых жандармов.

— Ваше благородие, только что по телефону передали из Гусятина что там произошло происшествие и просили вас немедленно прибыть — отрапортовали мне.

Через несколько минут мы подъезжали к Гусятину, услышали какие-то крики и различили людей, маячивших с фонарями в направлении каких-то строений, отстоящих в стороне от шоссе. Спешившись там, я услышал голоса кричавшие:

— Осторожно, не поскользнись, да держи его, скользит. Не успел я выйти в помещение, как раздались радостные голоса:

— Вытянули ребята, да веди его, да держи, видишь, сам то не идет.

Тут я увидел странную картину, Вели ко мне человека с ног до головы облитого какой-то блестящей липкой жидкостью, лицо его передергивалось, а глаза с испугом выглядывали из-за слипшихся ресниц. Бог мой, да ведь передо мной стоял никто иной, как наш Едов.

Оставив дневального у входа, мы быстро доставили его к себе, отложив разбор загадочного происшествия до утра.

Оказалось, что странные строения без окон были огромным хранилищем консервированных яиц, вывозимых из Малороссии. Почему эти строение не привлекли до тех пор ничьего внимания, так и осталось загадкой. Наш же незадачливый Дон-Жуан уверял нас, что только чувство простого любопытства завлекло его туда и там он в темноте провалился куда-то. Стараясь выбраться, делая невероятные движения и разбивая все больше и больше яиц, он постепенно глубже опускался в сплошную яичницу.

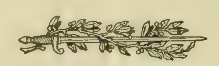
Дело окончилось бы трагично, если бы проезжавшая по шоссе полевая кухня не услышала странный крик и люди не поспешили бы на его зов. Конечно, все хорошо, что хорошо кончается, но мы с Сумбатовым были далеки от того, чтобы поверить в простое любопытство Едова, ибо уже успели заметить его странное увлечение-сентиментальные прогулки по полям, на которых собирали жатву темноокие Прыси и Галины.

Слушая мой рапорт о сем траги-комическом происшествии, даже строгий наш генерал не мог не рассмеяться, штабные же писаря прилепили неудачнику новую кличку "Яичница".

Через несколько дней Едов укатил в какую-то командировку и больше не вернулся, устроившись где-то в тылу. Наш же повар, мобилизованный от знаменитого московского Тестова, добравшись до несметного количества яиц, начал закармливать нас какими-то невиданными до того кондитерскими изделиями. Вестовой же мой с улыбкой начал каждое утро спрашивать меня, не угодно ли мне яичницы, покаместь я строго приказал ему не напоминать мне больше о яйцах.

В течении же многих дней у хранилища яиц по приказу Комкора, стоял наряд для раздачи проходящим частям яиц, вплоть до полной ликвидации их. Так и окончилось такое неожиданное происшествие и так довольно зло судьба отомстила нашему Дон-Жуану за слезы слишком доверчивой галицийской швеи.

В. Хороманский

„Обучение грамоте“

(Быль в с. Жуковцах. 1890 годы)

Приходилось нам, самым молодым корнетам, заниматься этим делом и называлось это — Школой грамотности.

Но надо знать, что это была за школа и при каких условиях приходилось заниматься. Занятия происходили поздно осенью и зимою. Эскадроны стояли по деревням; в 7 часов вечера приходил унтер-офицер и говорил, что люди собраны. Надевались охотничьи сапоги, сюртук на меху, брался фонарь со свечею и, с унтер-офицером, державшим в руках фонарь, отправлялись в Школу. По дороге унтер-офицер шел впереди, сообщая корнету: “Тут глубоко грязь и лужа большая, держитесь за плетень, иначе не пройдешь, потом держитесь по тропинке” и через 20-30 минут такого путешествия добирались до так называемой “школы”.

Это была просто обыкновенная волынская хата в 6 на 6 аршин, с земляным полом; в ней помещалось человек 12-15 молодых солдат, желающих постигнуть русскую грамоту и разместившихся по лавкам, на столе стояла маленькая лампочка и едва горела, был полумрак и тяжелый воздух.

Корнет изведенный неприятной дорогой, мокрой и промерзлой погодой, с неудовольствием, сказал: “Что-же это так плохо горит лампочка, верно керосину мало?”. — “Никак нет В. Б. керосину много, а дух тяжелый, от этого она и гаснет”.

Корнет подошел к столу и посмотрел на лампочку, керосину было достаточно; прибавил огня, повернул фитиль, лампочка стала коптеть, а светлее не стало. — “Что нам теперь делать?” — “А вот В. Б. откроем дверь, да напустим свежего духа, она и разгорится”. Дверь открыли, холодный воздух пошел, понизу, стало прохладно по ногам, а потом добралось и до рук и пришлось дверь закрыть, но лампочка сразу загорелась и стало светлее и можно было читать и разбирать буквы. Началось скучное чтение по складам, причем слышалось часто: “Да какая-же там буква?” — “Буква ны”. — “А ты читаешь “мы”, от того и выходит вздор”.

Когда лампочка начинала тухнуть, дверь открывалась опять и напускался свежий воздух. Корнет замечал, что уставшие молодые солдаты, вставшие в 4 часа и занявшиеся уборкой, а потом сводившие на водопой лошадей по грязи, после чего им надо замыть ноги и идти на занятия, и повторить то же второй раз перед ужином, к вечеру были сильно утомлены и засыпали на занятиях грамотой. Тогда, по совету Командующего Округом, приходилось засыпающему встать, но и стоя молодой солдат дремал и покачивался. И, таким образом, обучались только очень хотевшие постигнуть грамоту в свободное время у своих старых солдат, называвшихся официально учителями молодых солдат, а попросту “дядьками”.

В девятом часу, кончались эти занятия и корнет вместе с унтер-офицером отправлялись обратно. Опять шли по грязи, выбирали тропинки и, держась за плетни, добирались до своей квартиры, а унтер-офицер, оставивши, фонарь, отправлялся, к, себе, в хату, в, полной, темноте.

Был у нас корнет Василий Ипполитович М., красивый видный, крупного роста, носил по тогдашней моде небольшие подстриженные баки достигавшие до конца ушей, которые не одобрялись в Училище, был большой ухажер за дамами, веселый и не унывающий человек, одетый большим франтом, в лаковых ботинках, длинных рейтузах на штрипках, так называемых “Шасэр д'Африк”. Бывая у Командира Полка, В. И. забирался на турецкий диван, глубоко садился, упирался в спинку дивана, подкладывал за спину подушку, вытягивал свои длинные ноги, с независимым видом вынимал серебрянный портсигар, брал папиросу, доставал коробку шведских спичек, которые в то время были еще редки, с треском зажигал и с большим удовольствием закуривал, что приводило в удивление и неудовольствие старых ротмистров вернувшихся с турецкой войны 77 года, которые говорили: “Вот какие завелись теперь корнеты, залезают у Командира Полка на диван, принимают свободную позу, чиркают с треском шведской спичкой и пускают дым кольцами, как у себя дома”.

Они входили в квартиру Командира Полка со страхом и трепотом, садились на краюшек стула, держали себя официально и им казалось, что сесть на командирский диван прямо святотатство и преступление. Командиром Полка был полковник Яф. — гвардейский улан, человек очень богатый, имевший большие связи, державший себя независимо, не боявшийся ответственности и начальства, и умевший за себя и своих офицеров постоять. Со старшими офицерами он был как старший товарищ, а к младшим относился по отечески. Все его любили, уважали, как настоящего отца командира и настоящего русского барина в самом лучшем смысле этого слова.

Когда офицер приезжал из окрестных деревень в Штаб полка, то Командир Полка говорил: “Пожалуйста не являйтесь ко мне в канцелярию, а приходите к 6 час. обедать, там и явитесь и расскажите, что у вас нового в эскадроне”.

Как то раз, в канцелярии полка, скопилось несколько офицеров пришедших главным образом, чтобы узнать, нельзя ли подзанять в Заемном и Ремонтном капитале или как говорили: “Потолкаться около этих капиталов”.

Из кабинета Ком. Полка вышел полк. адъютант Константин Фомич Г-у и сказал, что надо отправить телеграмму камергеру Федорову, владельцу имения Жуковцы. Канцелярия полка была соединена телефоном с м. Вышгородом, где была почта, а телефон был в учебной команде, и там был дежурный, кото-

рый для практики должен был принимать телеграммы и разные распоряжения. Содержание телеграммы он понял и записал на классной доске мелом довольно благополучно, но вот слово "Камергер" у него никак не выходило. Выходило "Камидер, Камидир и даже Камердинер". Заведующий Учебной Командой стал передавать по буквам, но тоже безрезультатно.

Тогда открылась дверь и послышался голос Командира Полка: "Да пошлите конного вестового, так будет скорее, а то и почту закроют".

....

Обратившись к В. И., командир полка однажды спросил: "А чем вы, В. И., заведуете в эскадроне?". — "Школой грамотности" — "Ну, а как ваша школа?" — "Да моя школа будет лучше всех, я в этом уверен". — "Но почему вы там так редко бываете?" — "Это мой секрет г-н Полковник". — "Ну скажите в чем же ваш секрет?" — "Г-н полковник, если присутствующие здесь не выдадут мой секрет моим конкурентам, то я вам скажу". — Командир полка обратился ко всем и сказал: "Господа вот В. И. просит не выдавать его секрета — так вы согласны?" — "Конечно согласны, мы никому не скажем". — Ну, так в чемже ваш секрет?" — "Я, г-н Полковник, сговорился с сельским учителем за 15 рублей в месяц и он занимается с ними каждый день в своей школе, учит их грамоте, славянскому языку и церковному пению—. — Расказ этот был встречен дружным хохотом.

Паздравляли В. И. с "гениальным изобретением" и обнадеживали его, что школа, конечно, будет лучше других. Когда, наконец, все успокоились, Командир Полка сказал: "Да, конечно, оно лучше, когда каждый занимается своей специальностью, да притом и лучше грамоте обучать смолоду".

С. Можаров

6-я Донская Казачья Батарея в бою у деревень Баламутовка и Ржавенцы

25, 26 И 27 АПРЕЛЯ СТ. СТ. 1915 ГОДА

3-й Конный Корпус генерала графа Келлера, в состав которого входила и 1-я Донская каз. дивизия, сбив противника с позиций у д. д. Клишковцы и Грозницы в марте 1915 года, стал квартирами в этих же деревнях, имея сильное сторожевое охранение за р. Грозницы против сильно укрепленной позиции у д. д. Топороуц-Добронауц. Остальной участок к востоку до р. Днестра наблюдался заставами.

Не помню точно на какой день Пасхи, наш доблестный командир дивизиона полковник Марков, приказал мне произвести рекогносцировку в районе д. д. Баламутовка-Ржавенцы на предмет выбора позиции для 1-го Донского и Горного (полковника Кикинес) дивизионов. Этот последний был придан к 1-й Дон. дивизии. При этом полк. Марков намекнул на возможность скорого наступления нашего корпуса именно в этом районе.

Просмотрев карту, я, на следующий день, захватив с собой двух разведчиков, отправился на разведку.

Пришлось объехать все заставы, распросить казаков и осмотреть лично позиции противника.

Австрийцы занимали сплошную линию окопов от р. Днестра, перед д. д. Баламутовка-Ржавенцы, и дальше на запад до д. Топороуц. Наши заставы стояли в лесу на горе, но ее скаты, к стороне противника, была без леса. Среди упомянутого леса, была квадратная поляна с домиком "Егергауз", на которой я и остановился, как на закрытой позиции, т. к. наименьший прицел позволял вести стрельбу отсюда по всем направлениям. Позиция эта меня удовлетворила и я счел свою миссию конченной.

Возвратившись в Клишковицы, доложил Командиру дивизиона обо всем виденном, о намеченной позиции, а также подчеркнул при докладе о пулеметных гнездах и рядах проволочных заграждений перед окопами противника.

В 20-х числах апреля, 1-я Донская дивизия получила приказание занять исходное положение для предстоящего прорыва позиций противника от Днестра влево. Первой Донской дивизии придан был, кроме ее артиллерии, еще конно-горный дивизион, вооруженный старого образца горными пушками.

Дивизия со своей артиллерией, во исполнение этого приказания, рано утром выступила к указанному месту и заняла позицию против д. д. Баламутовка-Ржавенцы. Артиллерия ее стала на позицию на вышеуказанной поляне в лесу возле "Егергауза".

Как только командиры батарей (донских) заняли наблюдательные пункты на опушке леса в сторону Баламутовка-Ржавенцы, тотчас же, как было условлено раньше, открыли огонь по окопам противника, пулеметным гнездам, а потом и по батареям противника, начавшим обстреливать наши, спускавшиеся с горы, цепи.

На одной из батарей, ставших на позицию к западу от д. Баламутовка, наши две батареи сосредоточили огонь и заставили ее замолчать на все время боя.

Приблизительно к 11-ти часам утра тяжелая австрийская батарея нащупала позицию нашего горного дивизиона и начала обстреливать горные батареи. Огонь ее был настолько сильный, что горный дивизион прекратил стрельбу и орудийная прислуга его была удалена от орудий.

Снаряды тяжелой австрийской батареи изредка залетали и на батареи 1-го Донского дивизиона. В

это же время другие австрийские батареи тоже открыли огонь по лесу, где стояли наши резервы и по нашим цепям и по всему участку трещал пулеметный огонь.

В наших батареях появились раненые. Полковник Кикенес, командир горного дивизиона, не мог бороться с австрийской тяжелой батареей, т. к. пушки горного дивизиона, повторяю, были старого образца, кажется 1884 года, не обладавшие ни дальностью, ни мощностью огня.

Командир 3-го конного корпуса видел тяжелое положение горного дивизиона и приказал назначить одну из батарей Донского дивизиона, которая заставила бы замолчать тяжелую австрийскую батарею.

Эта почетная задача выпала на долю 6-ой Донской каз. батареи. С моего наблюдательного пункта не удалось обнаружить австрийскую батарею; пришлось бежать на наблюдательный пункт командира горного дивизиона в надежде, что полковник Кикенес укажет позицию этой батареи, но надежды мои не оправдались. Пришлось искать самому и мне повезло. Только что я прибыл к полковнику Кикенесу, не успел еще расспросить его о месте нахождения тяжелой австрийской батареи, как эта последняя "зоговорила" и выдала свое расположение ясно обозначавшимися четырьмя столбиками пыли за бугром, что между д. д. Баламутовка и Дезус-Снуч.

Тотчас мной был перенесен огонь по этим, обознавшим батарею, столбам пыли сначала шрапнелью орудиями, а потом гранатой. Первые разрывы — верно. Дальше 3-х деленными скачками вперед на третьем моем залпе на тяжелой батарее противника огромное облако пыли и дыма — взорван зарядный ящик и испорчен прожектор и батарея больше не стреляла во все время боя. Моя же батарея продолжала стрельбу в этом же направлении, работая по проволочным заграждениям, пулеметным гнездам и окопам противника до самого прорыва, цепями 9-го Донского казачьего полка, позиций противника.

За это дело 6-я батарея получила там же много благодарностей от К-ра Корпуса, от Н-ка дивизии и командира 9-го полка полковника Ивана Даниловика Попова, но особенно от полков. Кикенеса, который был все это время при мне, восхваляя ловкость, натасканность батареи. Эта похвала была для меня наиболее лестной.

После прорыва позиций 6-я Донская батарея была двинута вперед для преследования противника, но за д. Баламутовка напоролась на батальон австрийцев, т. е. на их пулеметный и ружейный огонь и с правого фланга орудийный. Несмотря на приказание сняться с позиции, батарея стояла до вечера, потерявши одного раненого. Сняться с позиции было невозможно из боязни потерь в людях и лошадях.

Дальше, на следующий день, преследование противника до Прута, бой у д. Коуман. На Пруте выставлено сторожевое охранение, а наш дивизион расположился в д. Воллява, выделяя взвод по очереди в помощь сторожевому охранению. *А. Поляков*

(Из архивов Донской Артиллерии)

За бой у д. д. Баламутовка-Ржавенцы полковник Поляков, равно как и Командир 7-й Донской казачьей батареи полковник Иванов М. М., награждены орденом Св. Георгия 4-ой степени. (Выс. Приказ от 9-го июня 1916 года).

Огневой бой

Этим старинным выражением на Московской Руси определялось употребление на войне огнестрельного оружия всякого вида с первых годов его применения. Прародителем "огневого боя" были зажигательные смеси, появившиеся в Азии около VII века по Р. Х., которыми индусы, монголы и китайцы пользовались для нанесения повреждений на море неприятельским кораблям. В Европе такого рода оружием впервые стал, так называемый "греческий огонь", который, впрочем, далеко не имел такой всесокрушающей силы, которую ему приписывали некоторые историки. Горючий состав, известный под этим именем, был ничем иным, как смесью нефти, дегтя, резины, растительного масла и сала, с присоединением металических опилок. Во время осады городов греками, состав этот метали в них посредством особых машин-баллист. Иногда «греческий огонь" метали посредством трубок, укрепленных на бортах кораблей.

С падением Константинополя в 1452 г., секрет этого огня стал известен туркам и арабам и был ими усовершенствован прибавкой к нему селитры. Зажигательными свечами, в основе которых лежала селитра, китайцы впрочем, пользовались до турок с незапамятных времен. Турки и арабы, в противоположность грекам, стали употреблять греческий огонь не на море, а на суше, в полевых сражениях и при осаде городов. Для его метания сарацины употребляли разного рода машины, иногда довольно сложного устройства, а также колесницы, метавшие этот огонь. В тоже самое время сарацинские всадники, вооруженные огневыми копьями, производили при атаках смятение в рядах неприятеля. Кроме того, арабы употребляли особого рода палицы, которые при ударе разбивались и из них вылетал на неприятеля "греческий огонь". Крестоносцы, умевшие сражаться только металическим оружием, много пострадали, по свидетельству Жуанвиля, от этих палиц и копий.

В средние века долгое время держалось убеждение, что погасить греческий огонь нет возможности и что вода, литая в него, только увеличивала его силу.

Случайное открытие монахом Шварцем состава пороха было немедленно употреблено для военных целей. Употребление пушки, согласно документальным данным, впервые было произведено во Флоренции в 1325 г., а затем они появились во Фран-

пии. в 1339 г. В открытое поле пушки были вывезены с военной целью в 1346 г. для сражения при Кресси, причем англичане заимствовали пушку у французов, употребив ее впервые против них-же. Хотя, благодаря пушкам, сражение у Кресси было выиграно англичанами, рыцарские Ордена строго осудили ее применение, с точки зрения рыцарских понятий, и признали это оружие за "непростительное вероломство". Рыцари презирали оружие посредством которого человек "низкого происхождения" мог убить доблестнейшего воина рыцаря, находясь в закрытии, почему пушки и были запрещены для применения в сражениях рыцарскими съездами, как "орудие смертельное и противное Богу".

Тем не менее, после битвы при Кресси, пушки начали входить в употребление. Около 1350 г. ими защищались во Франции феодалы против нападения друг на друга, в своих замках, а в 1376 г. англичане в битве при Сан-Мало владели уже 400 орудиями.

В 1380 г. пушки впервые появились на борту корабля. К концу 14 века и начале XV-го столетия огнестрельное оружие всех форм и величины появилось повсюду. Были пушки короткие и широкие, стрелявшие каменными ядрами до 1000 фунтов веса, другие узкие и длинные, имевшие до 30 футов длинны, стрелявшие свинцовыми пулями 6 линий в диаметре. Делались пушки при этом из кованного железа, чугуна, бронзы и даже дерева и кожи. В Тулузе в 1345 г. были сделаны два пушки из кованного железа.

С 1377 г. стали изготовлять чугунные пушки, которые оказались неудачными, так как часто разрывались, что не помешало тому, что они долго употреблялись в Швеции. Бронзовые пушки заменили собой железные. Изготовление пушек долгое время производилось без всяких математических рассчетов и. лишь в конце XVIII века и в начале XIX стали научно определять состояние заряда и длинны ствола.

Знаменитым пушечным мастером Московской Руси был Андрей Чохов, работавший почти 60 лет на "Пушечном Дворе" в Москве, в 1568-1629 г. г. и отливший сотни пушек. До наших дней сохранилась "Царь-пушка", "Аспид" и "Троил", его работы, находящиеся в Кремле и семь орудий в Артиллерийском музее Петгорда, из которых "Царь-Ахиллес" является орудием непревозойденной красоты орнамента и, две мортиры 1587 и 1605 г.г. Бронзовая мортира работы Андрея Чохова и его ученика Прокофия Федорова, отлитая осенью 1605 г. и весящая 117 фунтов, украшенная литым орнаментом, находилась в "Оружейной Палате". Она является выдающимся памятником русского, литейного искусства.

Как известно, первыми оружейными и пушечными заводами являются, построенные при Петре I-м в Туле и на Урале кузнецом Никитой Демидовичем Антуфьевым, родоначальником нынешних князей Сан-Донато Демидовых.

Согласно преданию, проездом через Тулу, Петр Великий отдал в починку кузнецу Никите пистолет заграничной работы, курок которого перестал действовать. Когда кузнец принес исправленное оружие царю, то тот обратил его внимание на великолепную работу пистолета и пожалел, что в России нет мастеров способных сделать подобное оружие.

— И мы Царь, против немца сделаем не хуже — сказал на это Никита и тут-же получил удар кулаком царя, которому надоели вечные похвальбы бояр о закидывании шапками иноземцев.

— Дурак — сказал при этом Петр — сначала сделай, а потом хвались.

— А ты, царь, сначала узнай, а потом дерись — ответил Никита и подал Петру пистолет своей работы, нисколько не уступающий заграничному. Петр пришел в восторг, поцеловал кузнеца и приказал немедленно отвести ему землю для постройки оружейной мастерской. Демидов, как после этого стал называться Никита Антуфьев, на деньги данные царем Петром, построил заводы в Туле и на Урале, стал поставщиком русской армии и быстро разбогател.

С появлением на морях броневых кораблей, начался рост усовершенствований морской артиллерии, снабженной особо-сложными вспомогательными средствами в виде аппаратов, регулирующих при выстреле движение корабля, качку и расстояние до противника, причем с каждым годом увеличивалась дальность стрельбы и калибр морских орудий. В настоящее время современные дредноуты имеют по несколько дальнобойных орудий, стреляющих на расстояние до 70 километров и достигающих калибра 18 дюймов.

Увеличение калибра в орудиях земной артиллерии наоборот, потеряло всякий смысл, с изобретением новых способов бомбардировки с воздуха и, потому самой большой пушкой, когда либо стрелявшей надо считать "Большую Берту", стрелявшую в первую мировую войну по Парижу на расстоянии 105 километров и принадлежащую немцам.

Появление на сцену войны военной авиации повлекло за собой создание противовоздушной или «зенитной" артиллерии, рода оружия, служащего для защиты от нападения с воздуха, которая в наше время, после второй мировой войны, также теряет свое значение. В арсенале этой последней, к ее концу, появилась атомная бомба совершившая огромный переворот в военном деле.

Атомные, а затем водородные, бомбы и снаряды, бросаемые с авионов и выпускаемые специальными аппаратами и орудиями, сводят на нет, в сущности, прежнее огнестрельное оружие и, одновременно с тем позволяют значительно сократить миллионные армии, считавшиеся ранее главным фактором силы государства. Людские массы, одетые в солдатскую форму, теряют ныне свой прежний смысл и выбивают козырь, так как атомные и, еще более водородные, бомбы не только уничтожают в районе своего разрыва, обнимающем до ста километров окружности,

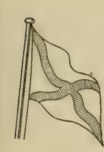
все живое, но и на много лет вперед сметают с лица земли всякую органическую жизнь.

Таким образом, современный нам "огневой бой", имевший своим началом китайскую, зажигательную смесь, путем эволюции, дошел, в военном деле, до возможности уничтожения на земле какой-бы то ни было жизни и, как предупреждают некоторые ученые и гуманисты, не только способен уничтожить все на земле, но и погубить самую нашу планету.

Анатолий Марков

Морское Инженерное Императора Николая I Училище

К 160-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ. 1798 - 1958

Широким кругам населения Императорской России мало было известно о существовании удивительного высшего технического учебного заведения, имевшего программу Императорского Московского Технического Училища и, попасть в которое, по конкурсу, было труднее нежели в любой из высших технических Институтов. Училище это называлось — Морским Инженерным Императора Николая I и выпускало морских инженеров-кораблестроителей и инженер-механиков флота. В истекшем году исполняется 160 лет со дня его основания.

Молодые люди всех сословий, почти из всех средних учебных заведений России, в большинстве медалисты, съезжались на конкурсный экзамен. Их привлекала необычайная возможность проявить себя на всех поприщах деятельности, так как в Училище были поставлены, как в теории так и на практике все научные технические дисциплины. Наш флот, с избытком, был обеспечен прекрасными специалистами по всем отраслям техники, что делало честь Морскому Министерству тех времен. Учеников Морского Инженерного Училища можно было встретить в военном и торговом флоте, в авиации, на профессорских кафедрах, на разработке горных богатств, железных дорогах, водных путях, управляющими громадными заводами и нефтяными промыслами и т. п.

Морское Инженерное Училище было основано 24 сентября 1798 г. Императором Павлом I, повелевшим открыт два училища корабельной архитектуры и два штурманских, по одному каждой специальности, для Балтийского и Черноморского флотов, с расчетом на подготовку 100 человек корабельных инженеров и 800 штурманов.

В начале, Балтийское Штурманское Училище помещалось в Кронштадте а Училище Корабельной Архитектуры в Петербурге, в здании Адмиралтейства и первым директором его был Обер-Сервайер А. С. Катасанов. В 1804 году, профессору Академии Наук Гурьеву была поручена реформа технического образования во флоте и поручение это было им выполнено блестяще. Училище стало готовить лиц заведующих постройками и управлением всякого рода механизмами, тогдашнего времени.

В 1813 году, в Петербурге, на заводе Берда, Русскими руками был построен первый пароход, совершавший затем рейсы Петербург—Кронштадт. Народ называл его "Огненное Диво", потому что на нем была кирпичная труба, из которой сыпались сотни искр. В 1817 г., нашими инженерами, на Ижорском заводе Морского Ведомства, был построен первый колесный пароход "Скорый" а в Черном море — колесные парохды "Везувий" и "Метеор". С развитием парового флота, появилась нужда в самостоятельных специалистах по управлению пароходными машинами а также для их установки на суда и для работы в Адмиралтействах.

В 1826 г. особая комиссия преобразовала Училище, учредив I-й Учебный Морской Рабочий экипаж, состоявший из пяти рот. Первые две его роты назывались кондукторскими и образовали Техническую Школу. В 1840 г. при нем открылся специальный Механический Отдел. В 1856 г. роты были преобразованы в Инженерно-Артиллерийское Училище, которое стало питать, вновь учрежденные (1854 г.) корпуса корабельных инженеров, морских артиллеристов и инженер-механиков. Офицеры этих корпусов выпускались с сухопутными чинами. В 1867 г. артиллерийское отделение было соединено с штурманским а само Училище переименовано в Инженерное Училище с двумя отделениями — Кораблестроительным и Механическим а, в 1872 году, переведено в Кронштадт и соединено с Штурманско-Артиллерийским, под общим названием — Технического Училища Морского Ведомства, с четырьмя, соответствующими отделениями. В 1894 г. Училище снова было преобразовано. При упразднении штурманского и артиллерийского отделений, оно получило новый устав и курс обучения был расширен на 4 года. В 1906 г. с новым положением о корабельных гардемаринах, курс был увеличен до пяти лет и комплект воспитанников достиг до 174 на механическом отделении и 28 — на кораблестроительном. В связи с увеличением нашей судостроительной программы, комплект этот беспрерывно увеличивался.

В 1896 г. Морское Техническое Училище получило Шефство Императора Николая I, а в день столетнего юбилея — название Морское Инженерное Училище Императора Николая I. 18 марта 1913 г. Высочайшим Приказом был уничтожен Корпус Инженер-Механиков Флота и все офицеры его получили флотские чины, с введением в общий список офицеров флота.

Инженер-Механик *И. Волхонский*

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

ЗНАМЕНА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КЕКСГОЛЬМСКОГО ПОЛКА

По воле Императора Николая I, в память Священного Союза, Шефство трех Царствовавших Домов, данное двум полкам, в каждом государстве, было установлено НА-ВЕКИ. Все полки, всех трех держав носили на погонах вензель своего ПЕРВОГО Шефа, тогда как, действующим Шефом был монарх, царствовавший в этот момент.

Император Александр II, в знак своего особого благорасположения к царствовавшему, в тот момент, Шефу Кексгольмского полка, Императору Францу-Иосифу I, при реорганизации нашей армии (уничтожении резервных батальонов в полках. До этого, каждый полк имел 3 действующих и 3 резервных батальона, со своими знаменами) приказал ЗНАМЕНА ТРЕХ ДЕЙСТВУЮЩИХ БАТАЛЬОНОВ, передать в подарок Шефу полка, а знамена РЕЗЕРВНЫХ батальонов — хранить в полках. Тогда-же, полки получили по одному полковому знамени, взамен, или-же знамя 1-го батальона делалось полковым.

Вопреки Высочайшему Постановлению, офицеры Кексгольмского полка, не желая расставаться со своими боевыми знаменами, перебив скобы с действующих Знамен, на знамена резервных батальонов, оставили свои боевые знамена в полку, а знамена резервных батальонов были переданы Шефу, в подарок от нашего Императора. Факт перемены скоб был установлен только в начале царствования Императора Николая II. Все эти "подаренные" знамена хранились в кабинете у Шефа полка, что лично видели приезжавшие, время от времени, к нему — депутации.

Знамена эти были, образца времен царствования Императора Александра II и, по своему виду, не имели ничего общего с полковым юбилейным Знаменем образца 1910 года, с Иконой Спаса Нерукотворенного. Во время войны, в одном из немецких военных журналов был помещен снимок, взятых у Российской Армии, знамен. На этом снимке, в качестве трофеев, фигурировали и эти ПОДАРЕННЫЕ ЗНАМЕНА, изъятые из кабинета Шефа полка.

Вот к чему могут привести всякие подарки и передачи на хранение знамен, тем более такой армии, как английская, без совести и чести, в которой могут служить такие майоры Девисы (возможно уж и генерал, теперь), предавшие наших офицеров и казаков, давшие "честное слово" офицера королевской армии и этих казаков, кроме всего прочего, ОБОКРАВШИЕ.

Полковник лейб-гвардии Кексгольмского полка

Е. ЯНКОВСКИЙ

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ И КУРОПАТКИН

Маленький, черненький паучок ползал по стенке, лениво перебирая лапками; иногда, он останавливался и хмурился, как будто, что-то вспоминая, потом быстро семенил ножками и, наконец, скрылся за шкаф. Может быть, он вспоминал ту неприятную историю, свидетелем которой был его прапрадедушка и о которой ему, часто, в дни его детства, рассказывала бабушка... Но, если он все это забыл, я могу напомнить ему подробности этого случая. В то время, я стоял вблизи его прародителя и отлично могу вспомнить что тогда произошло, — но, для этого нужно погрузиться в далекое прошлое и помолодеть на 54 года.

***

Итак, в то счастливое, беззаботное время, я был в четвертом классе кадетского корпуса. Был ли я в этот день действительно больным или просто "ловчился" и хотел избавиться от неприятного урока, не помню, но — я отпросился в лазарет. Здесь, в приемной получив от фельдшера термометр, я "нащелкал" температуру на 37,5, сел на диванчик и спокойно ждал распоряжения доктора. Меня оставили в лазарете. На 3-й день, я уже ходил по коридору, как вдруг, раздались крики: "Великий Князь... Великий Князь..." Быстро, из всех палат, так называемые "ходячие", собрались у входа в лазарет, в дверях которого, действительно появилась высокая, стройная фигура нашего общего любимца, Великого Князя Константина Константиновича.

Осмотрев лазаретное помещение и ласково побеседовав с нами, Великий Князь повидимому нашел все в порядке. Знал ли Великий Князь о приезде в Варшаву военного министра, генерала Куропаткина, или нет, мне неизвестно, но помню отлично, что через полчаса после прибытия Великого Князя, в наш корпус, генерал Куропаткин, тяжелой поступью уже шагал по коридору. К этому времени, в лазарете собралось все начальство — директор, инспектор, ротные командиры и воспитатели. Поздоровавшись, Куропаткин начал, в присутствии Великого Князя, осматривать палаты и "наводить порядки", заглядывая во все уголки лазарета. Я стоял, в этот момент, с группой больных кадет, рядом с воспитателями. Мрачный вид Куропаткина, уже получившего назначение в Действующую армию и ожидавшего сдачи своего поста, не предвещал ничего доброго. Быстрым шагом, Куропаткин подошел к лазаретному шкафу, в коридоре.

— Отодвинуть, — приказал он служителям.

Шкаф отодвинули — за шкафом оказалась паутина, от которой отделился маленький черный паучок. Куропаткин, искоса, посмотрел на Великого Князя. Великий Князь спокойно, кроткими глазами, смотрел на Куропаткина. Воспитатели, буквально, окаменели

и только, устыженный этой сценой, застенчивый паучок, семеня ножками, быстро скрылся из глаз свирепого начальства.

Эраст С-кий, суворовец 1 выпуска

РУССКИЕ ВОЙСКА В УЛЬМЕ В 1799 Г.

В историческом отделе библиотеки гор. Ульма мне удалось найти весьма ценную книгу: "Geschichte der Festung Ulm", von general major Emil v. Loeffel.

Записки эти весьма интересны, так как указывают маршрут Вспомогательного Корпуса Римского Корсакова, который, пройдя Ульм, Вейнгартен, Равенсбург, Линдау, продолжил со своим корпусом поход на Швейцарию и подошел к Цюриху, имея приказ соединиться с армией Суворова.

Вот наиболее интересные места из этой книги:

"Русский Император Павел I-й отправил весной 1799 года генерала Суворова с армией в 60.000 человек в Италию и летом того же года генерала Римского-Корсакова с вспомогательным корпусом в Швейцарию для помощи австрийцам.

В августе, корпус Корсакова, по дороге в Швейцарию, прибыл в Ульм. Первая колонна, численностью в 2.000 человек, возглавляемая командующим генералом, вошла в Ульм и была у ворот города, встречена генералами из крепости Ульм.

Прохождение этого корпуса длилось до 15 Августа.

Корпус Корсакова состоял из гренадеров, егерей, линейной пехоты, казаков и артиллерии. Войско и лошади, несмотря на далекий маршрут, выглядели прекрасно: здоровыми и бодрыми.

Офицеры были расквартированы большей частью по частным квартирам, а солдаты в складочных помещениях. Пропитание доставлял город Ульм. Оно состояло из мяса, ячменя и гороха. К этому получал каждый солдат ежедневно две кружки пива и пол бутылки водки.

После ухода эрцгерцога Карла из Швейцарии, Суворов получил приказ идти из Италии, на поддержку Корсакова, в Швейцарию. Еще до соединения Русских армий, 25-го сентября Массена атаковал корпус Римского-Корсакова и разбил его. 6-го Сентября французы штурмовали Цюрих и принудили Корсакова к отступлению через Винтертур на Эглисау. У Эглисау соединился Корсаков с австрийцами и баварцами и отступил к Шафгаузен, где он 7-го Октября перешел Рейн. Суворов, прибывший через Айроло и Альтдорф 30-го сентября в Гларус, узнав о поражении Корсакова, отступил на Граубюнден. Несмотря на то, что на всем тяжелом пути, почти все лошади пали и большую часть своих пушек Суворов должен был бросить в ущелья гор, он 10-го Октября разбил французов у Муттен (Массену и Лекурба) после чего, пройдя через Курихфельдкирхе, он соединился в Форальбер (верхняя Швабия) с Корсаковым, продолжая отход на Линдау, Равенсбург и Вейнгартен".

Сообщил Эраст С-кий

КНЯЗЬ КУТУЗОВ-СМОЛЕНСКИЙ

Дабы уточнить статью В. Г. Ковалевского в №№ 1-2 "ВОЕННОЙ БЫЛИ", хочу написать следующее:

Зимой 33-го года, судьба завела меня в небольшой городок Нижней Силезии — Бунцлау. Гуляя по городу, я обратил внимание на очень скромный памятник-обелиск. Я подошел к нему и потом, сняв шляпу, уже долго не в силах был отойти от него.

Вот что записано в моей записной книжке: БУНЦЛАУ 10-I-33. Памятник-обелиск, высотой метров в шесть; на широком гранитном фундаменте, по углам которого — четыре бронзовых льва. Окружен аккуратно подстриженным вечным кустарником, с ровными, неширокими, усыпанными гравием дорожками к памятнику. На главном и заднем фасадах надписи по немецки, по бокам — их Русский перевод:

"До сих мест довел Князь Кутузов-Смоленский победоносные Российские войска. Но здесь положила смерть предел славным дням его. Он спас Отечество, он открыл путь к избавлению народов. Да будет благословенна память героя. Ему посвятил сей скромный памятник Фридрих-Вильгельм III".

Надпись с противоположной стороны, с сохранением орфографии:

"Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Михаилъ Ларіонъ Голенищевъ Кутузовъ Смоленскій: Кавалеръ С. Великомуч: Побѣдон. Георгія I класса С. Равноапос. Князя Владиміра I ст: С. Анны I класса: Импе: Австрівоеннаго орд: Маріи Терезіи I с. Кор: Пруск. черн: и красн: орла Больш: держ: орд: С. Іоанна Іерус: имѣющіи порт: Его Имп. Велич: и зол: шпагуукрашен: юалмаза: илаврами. Родился 5 сентября 1745 года. Скончался 17 апрѣля 1813 года..."

С чувством глубокого благоговения я снял шляпу перед памятником великого чудо-богатыря — "Суворову равного"...

Так заканчиваются мои пометки.

Сообщил Борис ЕРМОЛЬЕВ

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1958 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник"

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Восьмой год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:
61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей « ВОЕННОЙ БЫЛИ » и « ВЕСТНИКА ».

Подписная цена с пересылкой на год:
700 фр. фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.
В газете — постоянные отделы: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из жизнетворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, безсонницы и в некоторых случая повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.
ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!
Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:
Laboratoire B. KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16e). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE : V. Miller, 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.

„Сборник Российской военной поэзии"

Выпуск I — Полковые и судовые песни и стихотворения. Издание Обще-Кадетского Объединения, под редакцией А. А. Геринга.
Осталось **ограниченное количество экземпляров.**
Цена: 400 фр. фр. В странах заокеанских: 1 долл.

ЗНАЧКИ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ.
Продаются у казначея: Б. М. Марин, 18, rue Plumet, Paris 15.
Почтовый счет: Париж — 9325-52.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e) и в Русских книжных магазинах.

Юг Франции — у А. Я. Фока — 57, рю Марешаль Жоффр, Ницца (A. M.).

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 23, Alder Grave. London N. W. 2.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Neumoresa 86, Roma.

Сев. Ам. С.Ш. — у В.-А. Высоцкого 410, Rivercide Drive Ap. 103 A. New-Iork 25.

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 avenue San-Francisco 18.

Канада — у А. С. Орлова — 235, Indian Grove, Toronto (ONT).

Австралия — а) у Калатилина — 50, Belemba ave Lakemba (N.S.W.), б) у Н. А. Косач 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Кельнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — Obligado 2130, Buenos-Aïres.

№ 34

ЯНВАРЬ 1959 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 8-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

ОБЩЕ-КАДЕТСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ и редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» с глубоким горем извещают о кончине их дорогого однокашника и многолетнего сотрудника кадета 2-го кадетского Императора Петра Великого корпуса

Владимира Григорьевича КОВАЛЕВСКОГО

Погребение состоялось на кладбище Сенг-Женевьев, а панихида у Кадетской Лампады в Храме Знамения Божией Матери, в Париже.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1500 фр. с пересылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № — 5 шил. год. подписка — 25 шил., в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16e). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881 - 89 Париж, *A. Guerina.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

8-й год издания № 34 ЯНВАРЬ 1959 Г. Bimestriel. Prix — 250 fr.

РЕДАКЦИЯ И ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВОЕННОЙ БЫЛИ» ПОЗДРАВЛЯЮТ ВСЕХ ДОРОГИХ СОТРУДНИКОВ, ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ С ПРАЗДНИКАМИ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА И НОВЫМ ГОДОМ.

Вечная память

17 декабря, после продолжительной и тяжкой болезни, тихо скончался один из старейших кадет Объединения полковник Владимир Григорьевич *Ковалевский.* Член Объединения со дня его основания, неоднократный председатель Общих Собраний, бессменный член Суда Чести, покойный был любим и уважаем всеми нами и являл собою пример настоящего офицера и кадета. С первого номера "ВОЕННОЙ БЫЛИ" он был горячим ее сотрудником и радетелем. Кроме работы на наше кадетское дело, Владимир Григорьевич являлся крупным деятелем в деле коллекционирования военных предметов и книг. Всем памятны, в его гостеприимном доме, комнаты — музеи Пажей, Тверского кавалерийского училища и, его родного, 18 гусарского Нежинского полка.

Спи спокойно, верный и добрый друг и старший товарищ. Имя твое останется в памяти всех, кому не безразлична наша славная военная история и историческое прошлое нашего Отечества.

Алексей Геринг

„Азовское сиденье"

По длинному солнечному спуску, идущему от старых Турецких Ворот к Дону, быстро идут две девушки, совсем юные: Августа Л-о или просто Ава, небольшая, грациозная, с миндалевидными глазами под широким размахом черкесских бровей, пронизанных знойными лучами, ее волосы горят, как темная медь... Наташа К. — высокая и стройная, как юноша, порывистая в движениях, загорелая, лицо чуть скуластое, широко раскрытые смелые глаза.

Ава — пианистка. Наташа — художница.

Обеих, таких различных на первый взгляд, связывает дружбой любовь к России. У Авы — мечтательно-молчаливая, у Наташи — мучительно-страстная, ищущая действий, подвига...

"Пойдем на вал", говорит Наташа и вот уже они, как козы, карабкаются по крутым, осыпающимся склонам. Наверху садятся среди звенящей травы.

Тишина... Крепкий аромат распаренной земли и душистых трав. Несмолкаемый треск кузнечиков... Далеко внизу — безкрайные степи... Справа поднимается в яркое небо колокольня старой крепостной церкви... Дальше — медленные сверкающие воды Дона, за ними Задонье, Елизаветовка... На горизонте небо почти золотисто и воздух дрожит и струится от зноя...

На протянутую загорелую руку Наташи садится белый мотылек. Она молча глядит, как его трепетные крылышки раскрываются на солнце, шевелятся тонкие усики... Взмах и он уже далеко, словно маленький белый лепесток, колышется среди солнечных струй...

Глубокий вздох вырывается из груди. Рука машинально откидывает упавшую на лоб каштановую прядь.

— Думала ли ты когда-нибудь о том, сколько русской крови пролито вот на этом валу, на этих берегах? Неужели все это даром? Напрасны были все подвиги, вся доблесть русская. Неужели Русь умерла? почти кричит Наташа, вскакивая и дрожа всем телом.

Ава глядит на нее расширенными глазами и тихонько тянет за подол.

— Садись, Наташа, успокойся...

Наташа опускается в траву. Мысли ее далеко. Из тумана веков встают картины славной русской старины... Звенят кольчуги и мечи... Конское ржание, дробный топот... — За Дон Пресвятыя Богородицы... тени родных героев... их светлые подвиги... смиренная русская доблесть...

И, как всегда, в такие минуты перед ней образ покойного отца-офицера и воспитателя кадетского корпуса, вдумчивый взор его безконечно добрых серых глаз. С раннего детства он пробудил в ней эту пламенную любовь к России. Еще не умея читать, она, потрясенная до глубины детской души, заслушивалась его чтением и рассказами о подвигах простых русских воинов или благоверных русских князей на ратном поле или в татарской орде... Русская история оживала и ее герои становились близкими родными...

— Зачем я не мальчик, — твердила она тогда, — я бы... я бы...

— Кадетом бы была, — улыбаясь, говорил отец.

— Да, была бы кадетом, — думает она теперь. Была бы с нашими, с белыми...

— И все молчат. И никому нет дела. Все успокоились... Конечно. Ведь снова можно все достать на базаре. Можно варить жирный борщ. Все забыто.

— Знаешь, — говорит Наташа, я почти каждый день хожу на братскую могилу. Когда я приехала, я случайно нашла ее за кладбищенским храмом-холм, покрытый сухим, по пояс бурьяном, без креста... Сторож рассказал, пугливо озираясь, что здесь лежат расстрелянные офицеры, раненые, больные, не могли отступить... Крапивкин, Калита, Сивaконь и другие. И их забыли. Никому до них дела нет. Одна старушка Крапивкина, так и не снявшая глубокого траура, навещает могилу. А ее дочь — вышла замуж за одного из палачей, расстрелявших ее брата и ее жениха, за латыша комиссара и сестра расстрелянного за комиссара замуж вышла... обещал поддерживать семью.

— Эх, да что там. Давай-ка лучше почитаем. Наташа раскрыла заветный томик К. Р. Пальцы перелистывали страницы, взор скользил по знакомым, от руки переписанным строкам... Они звучали и пели, как струны таинственной арфы, и властно уносили молодые восторженные души в мир иной, нездешней вечной красоты.

К. Р., Алексей Толстой, Чайковский... Как родственны они между собой, — говорила Ава, — стихи К. Р. и А. Толстого — чистейшая музыка...

— Да, отозвалась Наташа. И недаром Чайковский свои лучшие романсы написал на слова А. Толстого и К. Р.

И снова молчали, прислушиваясь к поющим в душе мелодiям.

— Пора домой, — сказала Наташа, поднимаясь, — мама ждет.

Когда задумчивые, они спускались с вала, Наташа говорила:

— Господь пожалел Константина Константиновича, во время взял его к Себе. Если бы он дожил... Боже мой. — А ведь скоро день его кончины. 10 лет. Ава, ты забыла. Мы устроим вечер его памяти. Литературный кружок его имени... Будем собираться... Читать... Да.

К. жили в небольшом белом, каменном доме, на самом углу, где спуск сворачивает к пристани. К ним можно было пройти с улицы, поднявшись по каменным ступеням к небольшой, каменной же, террасе, осененной старыми развесистыми липами. В доме было всего две маленьких квартиры. Вторую занимал почтовый чиновник с многочисленным семейством.

Крошечная квартира К. состояла из двух небольших комнат с открытой деревянной галереей, окружавший дом, через маленький коридорчик входили в первую, это была кухня и столовая, широкое окно, через галерею, выходило во двор. Вторая комната, побольше, двумя большими окнами выходила на спуск. Здесь стояли две кровати, днем превращавшиеся в диваны. На широких подоконниках Наташа развела настоящую маленькую оранжерею, выращивая из крохотных отростков фикусы, филодендроны, кактусы, папирусы, финиковые пальмы... Между окнами этажерка с томиками любимых книг, на ней фотографии... Посреди комнаты — большой длинный стол. На нем — всегда цвѣты. Тихо колышатся на окнах прозрачные занавески. В углу, перед старинным Афонским Образом Божией Матери-Скоропослушницы всегда теплилась лампада.

Эта маленькая квартирка всегда была пронизана золотыми лучами света. Даже в ненастные темные дни она была светла и воздух в ней был какой-то кристально-прозрачный.

Здесь безраздельно царила Елена Николаевна, — Наташина мама. Небольшая, крупная, необычайно моложавая, в неизменно английской блузке с галстучком, она была подвижна и изящна. Быть может, этот свет, пронизывающий квартирку, исходил из ее огромных, лучистых дѣтски-чистых глаз, от ясной улыбки, редко покидавшей уголки ее губ. Глядя на ее маленькие, узкие, классической красоты руки, нельзя было поверить, что они не боятся и самой тяжелой физической работы. На всем, чего бы ни касались эти удивительные ручки, оставался неуловимый отблеск красоты и даже вся бедная квартирка К... среди советской действительности пронизана была этой одухотворенной красотой, словно светлый оазис в духовной пустыне.

— —

Незаметно приближался знаменательный день. Наташа, целиком погруженная в приготовление, ждала его с волнением и радостью.

3/15 июня, на рассвете, Наташа увидала чудесный сон. Будто спешит она домой с охапкой белых роз, чтобы украсить ими портрет любимого Князя. Подходит к ступеням дома и останавливается, пораженная: на маленькой террасе, перед входом в дом, в старом плетенном кресле, сидит Константин Константинович, глядит на нее, кивает головой, ласково улыбаясь...

Одно мгновение только...

Но впечатление было так живо, что, сразу же проснувшись, босиком бросилась к постели мамы.

— Мама, мама, Константин Константинович благословил наше торжество. Он тут, с нами, — и, задыхаясь от волнения, рассказала свой сон.

Небольшая комната, пронизанная солнцем, была особенно празднична. Между окнами, над этажеркой, — большой портрет Великого Князя Константина Константиновича и Князя Олега Константиновича, с любовью нарисованные Наташей итальянским карандашем. Они украшены белыми полураспустившимися розами и длинными острыми листьями — офицерской шпаги.

Стол накрыт красивой скатертью. Посередине большой букет полевых цветов: белая ромашка, синие васильки, красные маки... Летний ветерок шевелит прозрачные занавески перед Ликом Богоматери — огонек лампады...

Елена Николаевна бесшумно скользит по комнате, то тут, то там касаясь чего-то неоконченного своими нежными пальцами. Склоняется перед цветами... Наташа горит возбуждением.

— Мама, мама. Идут, — торопливо говорит она, случайно выглянув в окно, и бежит навстречу.

Елена Николаевна оборачивается к двери и ее прозрачное лицо озаряется приветливой улыбкой.

Входит первый гость, — отец Павел С., высокий, худощавый старец с добрым внимательным взором и длинной серебряной бородой, бывший полковой священник. За ним — две его дочери, учительница Вера и 20-летняя милая, белокурая Шура, — маленькая хозяюшка. Крепкая семья отца Павла прошла свою Голгофу: матушка трагически погибла в гражданскую войну, единственный сын ушел с Белой Армией. Отца Павла красные вывели во двор и уже собирались расстрелять на глазах у детей, но внезапно ворвавшийся отряд Белых его спас. Старшая дочь Мария лишилась рассудка, Вера — навсегда осталась нервно-больной. Но сам о. Павел, просветленный дыханием коснувшейся его смерти, стал одним из тех, на которых до сих пор незыблемо стоит на Руси Вера Православная. О. Павел был близким другом К. Его встретили с особой любовью и усадили поудобнее.

— Как хорошо вы все устроили, — тихо сказал он, обводя глазами комнату, и, задумавшись, остановил свой взгляд на украшенных портретах.

Вскоре появились и другие гости: семья Л... — старик отец, высокий, с седой бородой, военной выправки, которого не может скрыть штатское, не совсем по размеру, платье; его дочь Верочка с смеющимися глазами и копной белокурых локонов, и сын — худенький задумчивый подросток Федя. Л. работает бухгалтером и Наташиным непосредственным начальником.

— Жена очень жалеет, что не может придти, — говорит он, опять не здоровится.

Почти одновременно, входят сестры Л-о, Авочка и Валерия, полуказачки — полугречанки, темноволосые, большеглазые, с красивыми черными бровями и пушистыми ресницами, и скромная маленькая учительница, Марія Михайловна П.

Затем — ученый метеоролог Т. с красавицей женой, Магдалиной Ивановной и двумя юными дочками, очаровательными и свежими, как сама весна. Т. возводит свой род до Иоанна Грозного, но одевается под пролетария и оброс длиннейшей бородой и живописной шевелюрой. Он очень остроумен и его злого язычка сильно побаиваются простоватые — великие мира сего. Магдалина Ивановна — сослуживица Елены Николаевны.

Елена Николаевна встречает всех своим взором больших серых глаз и мгновенно создает атмосферу уюта и душевного тепла. Но вот появляется и еще один гость, милейший, всеми любимый старик — генерал Р, участник обороны Порт-Арттра.

Елена Николаевна спешит к нему навстречу, — Александр Павлович. Вот хорошо, что пришли. — Все окружают его, смотрят с заботой и тревогой.

— Ну, как?

— Великолепно, — бодро отвечает А. П., стараясь выпрямить свою спину. — С нами Бог. — Он почти глухой — последствие тяжелого ранения — и очень плохо видит. Но как бы он мог отсутствовать на таком торжестве?

Все размещаются вокруг длинного стола на кроватях диванах и стульях, в тесноте, да не в обиде, спаянные в одну семью единым, неистребимым, исконно-русским. Как живо ощущается эта сердечная связь!

Враждебный, злобный, безжалостный мир, с его отчаянием и безнадежностью, далеко, где-то снаружи. Здесь — уголок России незыблемой и вечной.

Тихо плетется беседа... Никто не мешает, ничье нескромное ухо не подслушивает... Так, по крайней мере, кажется. Да никто и не думает о том.

— Господа помолимся, — говорит о. Павел и встает. Все поднимаются, обращаются к иконам.

— Покой, Господи, души усопших раб Твоих... — хор подхватывает тихо и стройно.

— И всех за веру и правду на поле брани живот свой положивших, умученных, убиенных, сожженных, потопленных, от глада скончавшихся, имена же их Ты, Господи, веси...

Лица бледнеют, на глазах набегают слезы, голоса начинают срываться.

... Вечная память...

Все медленно поднимаются с колен. Молчание.

Но вот раздаются тихие торжественные аккорды. Шура С. склонилась над гитарой.

— Боже, Царя храни, — начинает глубокий бас о. Павла... Вливается редкой красоты меццо-сопрано Елены Николаевны, ликующее сопрано Наташи. Все подхватывают, потрясенные. Звуки наростают и постепенно замирают.

...Боже, Царя храни... тихо звучит красивая октава генерала Р. По старому блѣдному лицу скользит одинокая слеза, исчезает в серебре бороды.

Забыто недремлющее пролетарское око, забыта стерегущая повсюду беда. Здесь, в самом сердце советского ада, уголок Россіи, незыблемой и вечной...

ПРИМЕЧАНИЕ: Подавляющее большинство русского народа в то время крепко верило в то, что Государь и Его Августейшая семья живы, что страшная весть о Их гибели нарочно распространяется большевиками для того, чтобы взять у народа последнюю надежду. Ходили разные слухи. Один капитан дальнего плавания взволнованно рассказывал жене (мне лично знакомой), что встретил Государя в Швейцарии на прогулке, отдал ему честь, став во фронт, и Он, улыбаясь, ответил. Ген. Р. видел в последнем №-ре "Нового Времени" нарочито мелко напечатанную на последней странице заметку: ...Всем, интересующимся судьбой Царской Семьи: Все спасены. Сведения больше печататься не будут. — Как хотелось верить! Если бы не было этой веры, хватило ли бы силы жить?

Еще взволнованные, все садятся. В душе еще поют торжественные звуки родного гимна. Глаза горят, не отрываются от портретов.

Все присутствующие горячо любили Великого Князя Константина Константиновича. Все его знали, или лично, или по рассказам близких. Все восхищались его стихотворениями, такими родными. Русскими, раскрывающими сокровища его души. Для всех он был путеводной звездой, высочайшим идеалом просветленного духа и доблести.

Наташа прочитала два стихотворения, посвященных К. Р., быть может немного восторженно-наивных, но очень искренних.

А Он с чарующей улыбкой глядел с портрета на собравшихся своими мудрыми глазами, как глядел когда-то на лица своих кадет, поднятые к нему с восторженным обожанием.

Начался литературный вечер.

Первыми были прочитаны стихотворения Великого Князя, особенно для него характерные. Затем читали — Царь Иудейский. Драма была тщательно переписана Наташей и даже срисованы фотографии действующих лиц. Особенно захвачены все были монологом Иосифа Аримофейского, которого играл сам Великий Князь. На фотографии Он изображен с вдохновенно поднятыми к небу руками.

Программы особой не было. Постепенно прочитали, начиная с самых любимых, почти весь томик стихов. Затем также несколько стихотворений Кн. Олега Константиновича.

Незаметно летело время. Солнце клонилось к вечеру, закатилось. Всех охватила волна воспоминаний и светлых неизъяснимых чувств. Словно незримо присутствовал Светлый Гость. Глубоко задумался о. Павел, Нил Сергеевич Л. и генерал Р. погрузились в былое... словно вчера это было... Примолкли даже щепетуньи-девушки. Федя Л. совсем даже побледнел и нахохлился.

Елена Николаевна исчезла в соседней комнате и вскоре появилась с большим яблочным пирогом. Стала разливать чай. Опять оживилась беседа. Наташа вытащила целую пачку "Донской Волны". Читали, впивались глазами в лица родных вождей и героев. Горели молодые сердца. Как хотелось вырваться, стряхнуть постылое бездействие! Как радостно казалось умереть за Россию! Но что могли сделать эти слабые девушки без сильной, мудрой, ведущей воли? Если бы встретили они тогда кого-нибудь, кто указал бы им путь настоящей борьбы, как иначе сложилась бы дальнейшая судьба многих из них!

На столе лежал томик стихотворений Алексея Константиновича Толстого. Наташа его раскрыла и стала читать:

...Ой, стоги, стоги,
На поле широком...

— Знаете, о ком это сказано, — о ген. Врангеле. Слушайте:

...Ой, орел, орел,
Наш отец далекий.
Опустился к нам.
Грозный, светлоокий.

Да. — С неба в них ударь,
Чтоб летели перья...

Долго не расходились в этот вечер. Наступила ночь. А речи все текли, то мечтательные, то пылкие, полные возмущения, горечи и гнева, перемежаясь старыми песнями.

В этот вечер был основан литературный кружок имени К. Р. "Азовское сидение". Следующий вечер решили посвятить гр. А. К. Толстому.

— Его мы проведем у нас, — сказала Ава Л-о. — У нас пианино. Будем петь.

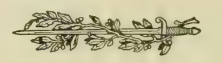
Пианино, конечно, очень хорошо. Но мы здесь больше на отлете.

Когда собрались, наконец, расходиться, Наташа вдруг вскочила и, сверкая глазами и потрясая сжатыми кулаками, вскричала, перефразируя Алексея Толстого:

— Нет, шутишь. Жива наша Русская Русь.
Советской нам Руси не надо.

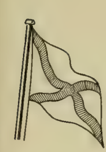
— Аминь, — тихо сказал, отозвавшись, отец Павел.

Н. К.

День 4 марта на крейсере

(Окончание).

Но вот, в кают-компанию входит, с красным нарукавником, дежурный член судового комитета.

— К вам, господин старший лейтенант, — обращается он, впервые титулуя по чину, а не ваше высокоблагородие, как было до сего дня. Протягивает отпечатанную на машинке бумагу, говорит: "Постановление судового комитета" и выходит.

Поднеся по близорукости, бумагу к своим глазам, Петр Петрович сначала читает ее про себя. Постепенно лицо его краснеет, а, когда по окончании чтения он протянул постановление лейтенанту Ростовцеву, теперь ставшему старшим офицером, его глаза метали молнии, а на лице была брезгливая гримаса.

— Лев Николаевич, прочтите вслух.

Ростовцев начал:

"Постановление от 4-го марта, за № таким-то.

1-й пункт: Обмундирование первого срока выдать на руки. Разрешается во все часы дня доступ в большие чемоданы.

2-й пункт: Признавая православную христианскую религию устаревшей, а потому не соответствующей новому, совершенному строю,

постановили: священнику Константину Виноградову, Костромской губернии — быть свободным.

3-й пункт: А Николая кровавого в Кронштадт, а деньги, кои он награбил, будучи коронованным разбойником, вернуть народу", — Ростовцев закончил чтение уже со смехом.

— Ну, что же, отец Константин, ваша религия им не подходит... Устарела.. Нет ли у нас в запасе другой, первого сорта? — обратился он к священнику, скромному и забитому существу, неизвестно каким образом из уездного прихода попавшему на Крейсер, вопреки традиции иметь церковнослужителем иеромонаха.

— Господи, Боже мой! — воскликнул вдруг с чувством отец Константин. Прости их и наведи на путь праведный, — и он начал истово креститься.

Это было так непосредственно, что машинально перекрестились и некоторые из присутствующих, а Ростовцев потупился смущенный своей шуткой.

— Два последних пункта — это уже явная пропаганда извне, — пытался найти оправдание глупому постановлению комитета младший доктор.

— От этого нам не легче, — заметил Феодосьев.— Меня удивляет Маркин, я считал его более умным, — заметил он, вставая и направляясь к себе.

Астанов заметил, как за несколько часов Петр Петрович осунулся, его обычная ирония покинула его, даже изменилась походка, превратившись в усталую, неохотную.

У мичмана впервые промелькнула в голове мысль покинуть корабль, флот, уйти домой или на фронт, но только не оставаться дольше в подобной обстановке. Но Рыбкин и Любимов ушли с Крейсера по принуждению, а если бы он, Астанов, покинул бы его по своей инициативе, во время войны, — это было бы несомненное дезертирство. Нет, надо оставаться, терпеть поджидая, но чего? "Что-либо да должно случиться" ,— так думалось ему.

Он бесцельно направился в коридор. Увидев сидящего в радио-рубке Островского, вошел в нее и, прислонившись к косяку двери, стал слушать разговор минного офицера со своим подчиненным, радиотелеграфистом Кузнецовым.

— Скажите, Кузнецов, вы же человек все же понимающий, неужели судовой комитета сам додумался до своего постановления о священнике?

Кузнецов подумал. Он был призванным из запаса, имел до войны свое небольшое предприятие по электрическим починкам, был замечателен тем, что, слушая неприятельские радио-переговоры, мог с уверенностью сказать, который из немецких кораблей говорит и далеко ли или близко.

— Н-е-е-т, — протянул он в ответ. — Это они по чужой указке. Вернее всего — по телефону из Кронштадта, а может и от приезжих агитаторов из Петрограда.

— Что раньше приезжали и бывали на митингах на Карпатах?

— И раньше, и теперь, — невозмутимо отвечал Кузнецов.

— Теперь уж дело прошлое, а вы часто бывали тоже? — спросил Островский, которому не раз приходилось раньше заступаться за Кузнецова, на которого были доносы секретной полиции о неблагонадежности.

— Бывал, как же, господин лейтенант. А где же мне было бывать? Пить я не пьющий, посидишь в кафе, а потом некуда деваться, знакомых у меня в городе нет, ну и идешь на Карпаты. Там иногда бывали интересные личности, это, конечно, по-нашему, вы их и не знаете и вероятно не слыхали о них.

— Вы мне скажите, Кузнецов, приезжающие агитаторы говорили или нет, что в случае революции офицеров следует убивать?

— Вы не беспокойтесь, господин Лейтенант, вас не тронут, отвечал уклончиво телеграфист.

— Я — не о себе. Меня лишь интересует вопрос, не было ли в "белоснежных одеждах" революции, в которых как вы знаете она к нам пришла, — усмехнулся Острогорский, — и немецкой руки? Ну, почему убили Непенина, можете вы мне объяснить? Говорят, что среди матросов существуют списки кого следует убить и там значатся старшие специалисты всех больших кораблей, чтобы их там вывести из строя?

— Кто его знает? — отвечал Кузнецов, — ведь митинги были неорганизованы, кто захотел говорить, да глотка пошире, тот и кричит, а кто больше кричит, того больше и слушают. Кузнецов задумался.

— Ну, кого вы по газетам знаете? О Керенском слыхали?

— Как же, он не то эс-эр, не то трудовик, разница не велика. А он что советовал?

— Керенский отвечал на вопросы ребят уклончиво... Сами, говорит он, разбирайтесь, кто против народа или нет. Нам, говорил он, офицеры страшны тем, что они вооружены и дисциплинированы, а другие буржуи — поговорят да поплетутся за нами, мы их принудим. А так, чтобы всех убивать — не говорил.

В это время подошел вестовой Матвеюк.

— Вашскобродь, ужин готов, пожалуйте кушать.

— Ну, что же ты... то есть вы, Матвеюк, — засмеялся Острогорский, — не так как полагается обращаетесь? Пора выучиться.

Матвеюк лишь махнул рукой и пошел дальше. И Астанов, и Кузнецов засмеялись в догонку матросу.

Во время ужина, воспользовавшись отсутствием вестовых, Петр Петрович заметил вполголоса:

— Я начинаю думать, что Маркин играет двойную роль: наедине со мной он меня уверял, что держит команду в руках, что не допустит никаких отступлений от дисциплины, ручается, что Крейсер будет боеспособен к началу кампании, которая не за горами, а вместе с тем я имею сведения, что безконечные митинги и обсуждения о смене офицеров, о необходимости производить их выборы, продолжаются в палубе. Опять же — эта гнусная резолюция о религии или о Государе. Я почти уверен, что он играет скрытую роль, желая выслужиться перед каким-то революционным центром, в точности не знаю, быть может даже не здесь, в Гельсингфорсе. За исключением двух десятков распрогандированных бывших мастеровых, ну, скажите мне на милость, какое кому из них дело, как поступить с Государем?

Никто не поддержал разговора. Общая усталость за последние сутки была такова, что все присутствовавшие сидели за столом только для отбывания порядка, к пище почти никто не прикасался и ужин приближался к концу, когда в дверях появилась и неуверенно направилась к старшему офицеру растрепанная фигура электрика Манаенкова. В одной руке он держал свою фуражку, в другой — винтовку, почти что волоча ее по полу. Все двадцать пар глаз офицеров уставились на него, сразу почувствовав что-то необычайное в этом появлении: сам Манаенков трясся, глаза его блуждали.

— В чем дѣло? — спросил с тревогой в голосе Петр Петрович.

— Так что... Убиты...

— Кто убит? Откуда вы?

— Старший офицер и лейтенат Любимов... Их убили.

— Что ты говоришь? — вскочил Петр Петрович с места, отбрасывая салфетку. — Говори по порядку, откуда ты и как, и что произошло?

— Я из конвоя, что провожал их на берег... Когда подходили к порту, автомобиль подъехал с какими-то неизвестными матросами, вооруженными, они закричали отойти нам в сторону и начали стрелять. Оба убиты, — дрожащими губами докончил рассказ матрос, отворачиваясь от взглядов офицеров, устремленных на него, с полным непониманием, так как все были уверены, что Рыбкин и Любимов в данное время находились уже у себя дома. Прошло ведь более двух часов времени с момента их отбытия.

— Лев Николаевич, вызовите Маркина и расспросите его по порядку, я иду к начальнику Бригады с докладом.

Вестовые, столпившиеся в дверях при появлении Манаенкова в шинели и с винтовкой в кают-компании, без приказания бросились за председателем судового комитета.

Последний появился с написанным на лице выражением сожаления, но Астанову показалось отчего то, что оно было наигранное и не искреннее.

— Маркин, — обратился к нему Ростовцев, — скажите мне, вы сами назначили конвоиров?

— Ребята их выбрали... Я узнал уже как они вышли.

— Вы же председатель комитета? Вы же сказали, что конвойные будут для безопасности уходящих офицеров, а не для убийства?.. Не для того, чтобы допустить убийство на глазах конвоя, как рассказал Манаенков?

— Так и было, как я сказал, вашскобродь... — прошептал последний, как бы оправдываясь.

— Пойдите оба в мою каюту и пришлите туда же двух других конвойных. Я запишу показаняи всех. Вы, Маркин, дадите ваше тоже. Идите, — добавил он, видя что в дверях кают-компании начала собираться толпа матросов, прослышавших о случившемся. Оба матроса вышли.

— Некчему и записывать, они успели сговориться, — заметил Острогорский.

— Времени было достаточно, — заметил еще кто-то.

Доказательств никаких не было, да они бы и не имели никакой силы, но у всех присутствующих было подозрение, что конвойные играли в убийстве ту или иную роль, однако, никому не хотелось думать, что убийцами были сами же матросы Крейсера.

Петр Петрович вернулся из Штаба.

— Господа, об этом безобразном убийстве сообщено Штабу Командующего флотом. Там как раз в это время находился депутат Родичев. Родичев выразил желание говорить с нашей командой, он вскоре прибудет. Тогда я попрошу вас всех в Церковную палубу.

Когда спустя полчаса в Церковной палубе собрались офицеры и команда, по приглашению Феодосьева, Родичев выступил вперед и некоторое время как бы собирался с мыслями. Он был выше среднего ро-

ста, довольно пожилой, в меховой дорогой шубе и с такой же шапкой, которую он держал в руках. Его наружность производила впечатление барственности, в противовес его компаньону Скобелеву, которого видел на Вокзальной площади Астанов.

Родичев начал свою речь тихим голосом, начав с того, что он прибыл передать флоту привет от Государственной Думы, возглавившей, временно, народное движение, после падения старого режима.

Астанов никогда ранее не слыхавший политических речей, превратился весь во внимание, ему во что бы то ни стало надо было понять сущность этих людей, осмелившихся заменить монархию. По выражению лица стоящего рядом, немного впереди, Острогорского, он мог одновременно следить, как и у его друга, по мере развития высказываемых оратором мыслей, исчезало замкнутое недоверчивое безразличие, заменяясь отзывчивым вниманием и постепенно переходя в экстаз.

С первых же слов стало ясно, что Родичев не демагог: его краткое изложение событий последней недели была педантично-документально и оставляло впечатление научной лекции по весьма важному, но как бы естественному историческому процессу. Перейдя к положению на фронте, к описанию затруднений, в которых находились армии, без достаточного количества снарядов, чтобы отвечать на атаки прекрасно вооруженного противника, к описанию страданий раненых, без достаточной медицинской помощи, к описанию разрухи, в которой находились транспорт и продовольствие страны, достаточно богатой, чтобы снабжать своих героических сыновей в передовых линиях, он, утрачивая первоначально формальный тон осведомления о фактах, все горячее и горячее призывал к патриотизму, объясняя революцию так единодушно принятой страной только как результат неспособности прежнего правительства вести войну достойным для великой страны образом. Победа была необходимой прежде всего, не будет ее — никакая свобода внутри немыслима, наоборот, наступили бы худшие дни не только материального порабощения неприятелем, но и позора нации, на много поколений вперед.

Вдохновляясь все больше и больше, Родичев напомнил смутное время, жертвенность всех классов населения, собою и своим имуществом. Заметил, что в Петрограде образовался фонд спасения родины, куда имущие люди уже вносят деньги, золото, драгоценности для увеличения возможностей заказов за-границей.

Астанов заметил, что Острогорский торопливо отстегивает свои золотые часы. Следуя его примеру, он сделал то же и оба почти одновременно положили на столик перед оратором свои единственные вещи. Если бы в тот момент у них было больше ценностей, они бы имели ту же участь.

А Родичев продолжал говорить о сплочении офицеров между собой, о дисциплине и неограниченном доверии матросов и солдат к своим начальникам, без которых немыслима победа, а, следовательно, и завоевания революции были бы тщетны и не имели бы никакой цены.

Повернувшись назад, Астанов видел напряженныя лица команды, ловившей каждое слово. На глазах у некоторых выступили слезы, которых никто не пытался скрывать, таково было патриотическое воодушевление в сердцах всех присутствующих, куда нашел путь талантливый оратор.

— Депутату Родичеву ура, — воскликнул Петр Петрович с выражением энтузиазма, обычно так не свойственного его скептическому характеру.

Дружное "ура" гремело в палубе, пока Родичев, пожимая офицерам руки, одновременно раскланивался с матросами.

— Почаще бы такие речи говорились, — обращался к группе улыбающихся офицеров старший доктор, потирая потную лысину, — может все бы вошло в колею...

— Андрюша, он меня поразительно заворожил, — кивнул Астанов в сторону Родичева.

— И меня тоже, — отвечал Острогорский, бодрый, снова оживший и просветлевший лицом.

Следовало бы и разойтись. Но, увы, стоявший в стороне до сего времени адмирал Максимов, который сопровождал Родичева на Крейсер и на которого никто до сей поры не обращал внимания, выдвинулся вперед.

— Товарищи, — начал он, обращаясь в сторону матросов, — я всю мою жизнь был революционером, я ждал этого часа освобождения и дождался...

— Ну дождался и шел бы по добру, по здорову к себе, — прошептал один из мичманов, и затем на ухо Астанову: "Как гадко все же слышать от адмирала с двумя орлами на плече — такую явную ложъ".

Максимов же продолжал упорно говорить и смысл его речи был тот, что сведение счетов с офицерами, правильны они или нет, не следует делать во время войны, так как "у меня других офицеров нет и заменить их мне невозможно", закончил он. К счастью его уже никто не слушал: матросы усаживали Родичева в принесенное откуда-то кресло и вскоре его фигура была видна над головами несущих, рядом с ним шли офицеры Крейсера, а позади всех плелся в сопровождении двух матросов с "Кречета" первый выборный командующий флотом.

Так кончился этот трагический, не только для Крейсера, но пожалуй и для всего Балтийского флота, день. Правда, в течение последовавшей кампании, было не мало отдельных ,отчаянных подвигов офицеров Флота в Рижском заливе. Минная дивизия и тральщики несли на своих плечах тяжелую охранную службу в море при осмелевшем неприятеле, но *душа флота* погибла в этот день. Агония его продолжалась до зимы, когда после ледового похода Шастного в Кронштадт и Петроград он перестал существовать окончательно.

3.

В 1919 году, Астанов, находясь в Архангельске, встретил военно-морского чиновника Сенкевича, с которым у него зашел разговор об убийстве офицеров 4-го марта.

— Постойте, — сказал Сенкевич, — кажется я был случайный свидетель убийства нашего старшего офицера. Не был ли он высокого роста по сравнению с его спутником Любимовым? А вотт последний — небольшого роста и довольно полный?

— Да, это совпадает.

— Так вот, я тогда находился у себя в каюте на транспорте "Рига", который стоял через две или три баржи с углем от "Кречета". Я открыл иллюминатор, чтобы освежить каюту. Было немного после четырех часов дня. Неожиданно я увидел следующую картину: по дороге шли два офицера, но достаточно далеко, чтобы различить их лица. Они разговаривали, имели в руках саквояжи. Позади их шли три матроса. Вдруг один из них взял ружье на изготовку, прицелился в спины офицеров и стал стрелять. Оба упали, но тот, что поменьше ростом, не был убит, так как стрелявший подбежал к нему и стал бить его прикладом, а затем все трое повернулись и, жестикулируя, пошли быстро назад.

Итак, убийца был никто иной, как электрик Манаенков, никакой автомобиль, как подтвердил Сенкевич, не подъезжал.

А от вестового Поклада, который плавал на миноносцах много лет со своим командиром и вместе с ним был переведен на Крейсер, Астанов узнал всего лишь два дня спустя после события, когда Поклад пришел на Крейсер за вещами покойного, следующие подробности:

— В тот день, я помогал барыне на кухне. Но только собака господина командира "Чек" стала бросаться к дверям, лаять, скрестись, чтобы значит я ее выпустил. Это было в начале пятаго часа, незадолго до темноты. В тот день мы с барыней командира не ждали по причине событий, не думали, чтобы он пришел домой. Только "Чек" вдруг вернулся. Но теперь он стал, бросаясь ко мне, хватать меня за штаны, но не зло. Хватит и, отбежав к двери, смотрит на меня, точно зовет. Ну, вы сами знаете, господин мичман, какой "Чек" умный был. Я понял, что он меня куда-то зовет и пошел за ним на улицу. А он — все вперед, отбежит и смотрит на меня. Ну, я думаю, пойду за ним, интересно, куда он меня приведет. Привел он меня к спуску на лед, побежал дальше, оглядываясь, иду ли я. Дорога ведет к Крейсеру, я иду и вдруг вижу "Чек" остановился возле кого-то лежащего на льду, а уж стало темно и меня страх разобрал, только "Чек" взвигивает и на меня глядит. Я приблизился, повернул лицо убитого, а это командир. Мертвый. Я значит вижу помощи ждать не от кого, взвалил командира на плечи и отнес помаленьку домой.

Любимов не был убит. Его подобрали финны, перевезли в госпиталь и оттуда, по выздоровлении, он пробрался в Петроград. Ему удалось выехать заграницу и поступить во французский флот, еще пока продолжалась война.

Но судьба была к нему неумолима :он плавал на броненосце "Мирабо", что бунтовал в Черном море. От ударов ли Манаенкова приклада, от вторичных ли переживаний такого же порядка, как 4-го марта 1917 года, но его мозг не выдержал: он умер в доме умалишенных во Франции.

Весной 18-го года, после списания с крейсера, Астанов поселился в квартире Петра Петровича в Петрограде. Там его встретила старуха нянька семьи Феодосьевых.

— А что же Петя? Ну, когда же Петя вернется? — забрасывала она его вопросами. Астанов так и не узнал, довелось ли старой няньке повидать своего любимца: он покончил с собой при отступлении армии Колчака, попав в окружение красных.

Слава павшим.

Д. А.

Три времени года в четырех стенах

П О В Е С Т Ь *(Продолжение)*

9. Попытка анализа

Хочется проанализировать это явление: почему это было слабее или совсем отсутствовало в других школах? гимназиях, семинариях, реальных училищах и проч...

Почему напр. В. А. Маклаков в своих довольно беспристрастных и очень вдумчивых "Воспоминаниях", не нашел буквально "ни одного" доброго слова по адресу воспитавшей его Школы.

Почему в "Вестнике Европы" за 1912 год (не ошибка 1912) можно прочесть такое рассуждение шестиклассника-гимназиста: "Почему я страдаю и мучусь (это в 6 классе-то!), как и другие, сбившиеся с кругу (сохраняю орфографию), а какой-то ПУЦ (или ЦУП — прозвище педагога) хорошо ест, хорошо спит, имеет любовницу? Почему хам-словесник может меня выгнать из класса и я должен молчать? Нет — я стою за "все позволено".

Такой дикой психологии среди кадет, уверен, ни в какие времена не было, да и не могло быть.

Примитивный ответ на вопрос: "мы являлись закрытыми учебными заведениями" — объясняет вопрос только отчасти. Закрытые учебные заведения были в России и помимо кад. корпусов: при многих

школах были интернаты, были школы и совсем закрытые и их было не так мало. Может быть больше чем корпусов.

ПЕРВОЙ ПРИЧИНОЙ (мне так кажется) было сознание каждого мальчика, одевшего погоны, что он к чему-то уже "призван". Это не было, конечно, настоящим сознанием (нам этого никто не внушал), а было скорее "подсознанием" чего-то серьезного, происшедшего в нашей жизни. Инстинктивно мы чувствовали, что теперь мы уже не мальчики, ловившие раков в реке Каменке, а в какой-то степени — граждане своей родины, которой мы начинаем служить, пусть понемногу, по мере сил, но мы к чему-то уже "призваны", чего-то от нас отечество уже ждет.

Повторяю — это было чувством скорее подсознательным, но это несомненно ощущал всякий мальчик, одевший погоны.

Дальше, мальчик, поступивший в корпус, сразу окунался в атмосферу "великодержавности" нашей России. Со всех стен, смотрели на него портреты Царей и Императоров великой страны. Они были молчаливыми свидетелями и зрителями всех его горестей и радостей. Все залы, были украшены гравюрами подвигов армии. У нас не было культа "неизвестного солдата", скорее был культ "известного солдата".

Суворов, Румянцев, Гурко, Скобелев, майор Горталов, Архип Осипов, Агафон Никитин, впоследствии Василий Рябов, уже после года пребывания в корпусе были известны каждому кадету. У нас же Полтавцев над всем, конечно, доминировал культ Великого Преобразователя. О нем напоминало все: само имя нашего города, известное всей России (сам Пушкин, вслед за Петром его обессмертил своей поэмой), огромный план Полтавской битвы, висевший при входе на лестницу, лев — символ Петра отдыхающего после баталии на одной из главных улиц, памятник в "Круглом саду", доблестному Келину — коменданту Полтавы, два латинских П на наших голубых погонниках (Petrus Primus), братские могилы за городом, где строился храм-памятник (могилы почему-то назывались шведскими) и даже наша скромная, старенькая корпусная церковь в честь Самсона Странноприимца (27 июня — день полтавской битвы).

Вся обстановка, в которой жил ребенок, потом подросток юноша-кадет, ежедневно говорила ему о славе, величии России, о жизни и смерти ее доблестных сынов.

ВТОРОЙ ПРИЧИНОЙ был кадр воспитателей. Набранные, может быть и без особенно тщательного отбора, из разных полков и концов нашей необъятной родины офицеры, без какой-либо специальной подготовки, может быть и не очень образованные, эти простые и хорошие Русские люди были (за малым исключением) высоких моральных качеств.

Никто из бывших кадет, наверняка, не помнит: воспитателя вора, пьяницу или развратника.

Учили они нас той безхитростной морали, которой учили когда-то и их самих, и которой учили Русскую армию с времен Петра Великого:

— Хороший офицер должен быть храбр в бою!

— Он должен быть хорошим товарищем!

— Он должен любить солдата и заботиться о нем как о младшем брате!

— Он должен быть скромен и честен!

— Он должен верить в Бога, не обижать слабого, не бить лежачего, быть рыцарем в жизни и самое главное:

Быть безпредельно преданным Царю и Родине.

Немного!

И пусть, по слабости человеческой, не все мы и не всегда исполняли эти заповеди, но мы твердо знали одно: ОТСТУПАЯ ОТ НИХ — мы — совершали НЕХОРОШИЙ ПОСТУПОК, мы поступали НЕПРАВИЛЬНО .

Таковыми были и прочие служащие корпуса. Злой куплет кадетской песни:

Прощай наш жулик эконом,
Грабитель пирогов и булок,
Из них построил себе дом,
Фасадом прямо в переулок,

очень далек от истины: жуликов-экономов (это подтвердят все бывшие кадеты) в корпусах не было, а у писателя Лескова эконом попал в число "трех праведников".

Воспитатель вел кадета с 1-го до 7-го класса. Он, получив его почти ребенком, выпускал — юношей. За СЕМЬ лет он привыкал к своему воспитаннику, знал все особенности его характера, его привычки, недостатки и слабости, и постепенно и сам становился настоящим педагогом.

ТРЕТЬЯ ПРИЧИНА действительно вытекала из свойств закрытого учебного заведения: мы были заперты в 4-х стенах, ни кинематографа, ни бульварных газет, ни дешевых уличных увеселений мы не знали. Нас, естественно, тянуло к книге. Ни Бог весь какие у нас были в то время библиотеки, да и воспитатели наши не всегда может быть разбирались в выборе подходящих книг, помнится только, что по субботам, когда довольно много кадет уходило в отпуск, упросив дежурного воспитателя что-нибудь почитать, мы собирались после всенощной в полу-темном зале и с упоением слушали незатейливые исторические рассказы и романы Мордовцева, Соловьева, гр. Салиаса, повести Лескова, морские рассказы Станюковича.

Мы учились в краю, где вырос и жил Н. В. Го-

голь, наш театр назывался не "Городским театром", как во всех городах российских, а "Народным домом имени Н. В. Гоголя". В Полтаве жили писатели: Короленко, Бунин, Котляревский. Едучи домой, мы проезжали станции, точно списанные с "Вечеров на хуторе близ Диканьки": Решетиловка (франтовские шапки из знаменитых решетиловских смушек), Сагайдак, Гоголево (с памятником на перроне Н. В.), Сорочинцы (знаменитая ярмарка, Солопий Черевик, Парася), Лубны, Переяслав, Миргород (где свинья съела прошение Ивана Ивановича). В Диканьку мы ездили на велосипедах по старинному "Екатерининскому Шляху", пили там чудесный мед завода кн. Кочубея. 3-й ротой корпуса командовал полковник Н. В. Быков, близкий родственник Гоголя (у него было именье в Яновщине).

Со стен корпуса, рядом с портретами Царей, на нас глядело умное, насмешливое, хохлацкое лицо.

Кем же был для нас Гоголь, как не своим, "нашим полтавцем", с его Галочками, Ганночками, Парасями и Оксанами, в которых мы влюблялись, с которыми танцевали на наших кадетских вечеринках.

Вспоминается, вообще, большое уважение, как всех воспитателей, так и педагогов, к русским писателям.

Тогда не было никаких подразделений писателей на "левых", "правых", не было ни декадентов, ни имажинистов, ни футуристов, ни прочих литературных школ; были просто: русские писатели. А раз писатель, то этим одним, он уже заслуживал уважение и почитание.

Может быть, в этом сказывался и не очень высокий уровень (в смысле литературном) нашей среды но, по совести говоря, не на много ли это, все-таки, было выше той свистопляски и бесшабашности, которая творилась в русской литературе в годы перед германской войной (1914 г.)?

"Профессор", "композитор", "писатель", "академик", в мои детские годы эти слова имели ценность и что-то для нас значили.

Нам совершенно дико было бы услышать такие эпитеты как "профессор танцев", "профессор плаванья", "бокса" и пр.

Теперь, вспоминая прошлое, иногда даже удивляешься той свободе в смысле чтения, которой мы пользовались.

У многих кадет были томики "КОБЗАРЯ" (запрещенного в гимназиях), мы любили читать и про уманьскую резню, где Гонта зарезал своих двух маленьких детей

"аж заблекоталы".

а по ночам ходил плакать горькими слезами на их могилку, мы трогались судьбой бедной "наймички", жалели Палия, ушедшего в иноки:

"И молытысь за Вкраину.
Палий — чернець пошкандыбав".

Пели с волнением и очень стройно:

"Як умру, то поховайте
Мене на могили..."

не вкладывая никакого политического смысла а, инстинктивно, чувствуя в стихах большую любовь к родному краю.

В 7-м классе, нам не запрещали читать "Что делать?" и сочинения Добролюбова, Михайловского. Мало кто их, признаться откровенно, и читал, хотя Глебка, например, в 7-м классе написал целый реферат о Михайловском.

Среди преподавателей словесности был один — Васильев, который был воистину энтузиастом русских классиков. Удивительно, как мог этот старик, с седыми волосами, умиляться до слез, читая стихи Пушкина.

— Вы только послушайте! говорил он:

— "Знакомым шумом
Шорох их вершин
Меня приветствовал".

Вслушайтесь только в эту постоянно повторяющуюся букву Ш. Разве вы не слышите, не чувствуете шелест листьев, качающихся от ветра?

Или:

"............. бывало,
Когда гремел мазурки гром,
В огромном зале все дрожало,
Трещал паркет под каблуком".

— Слышите ли вы в этих звуках Р, Р, Р ...военную музыку, звуки шпор? и он, старческим тенорком, напевал даже какую-то старинную мазурку.

Мир Божий, после Пушкина, может считаться названным — любил он говорить. Вдумайтесь только в его прилагательные:

Утра шум — ПРИЯТНЫЙ
Хлебник — немец — АККУРАТНЫЙ
Музыка — БОЕВАЯ.

(Эта характеристика принадлежит критику Айхенвальду: см. "Силуэты русских писателей". Вероятно Васильев уже их знал).

Других прилагательных нет, говорил он, и не может быть!

— А вы военные! найдите что-либо лучше этих строф:

Волнуясь конница летит,
Пехота движется за нею,

И тяжкой поступью своею
Ее стремление крепит.

Вот что значит гений!

Наконец, ЧЕТВЕРТОЙ ПРИЧИНОЙ, связанной, конечно, с закрытой жизнью нашей Школы, было распространение всякого рода искусств. Не то чтобы они у нас процветали, этого сказать нельзя, мы больше "перенимали" друг у друга, чем чему-нибудь специально учились, но сама обстановка 4-х стен способствовала тому, что мальчики увлекались рисованием, музыкой, пением, ручным трудом.

Опытных руководителей у нас не было. Был, правда, довольно большой художник миниатюрист Вас. Вас. Волков, среди воспитателей были один-два любителя музыки, немногому нас научившие, но они поощряли нас и в корпусе были: духовой оркестр (даже два), струнный и хор балалаечников. Был и хор, руководимый довольно талантливым регентом Ив. Ник. Ризенко (Ванько — по-кадетски). Это был, переходя на современный язык, единственный музыкант-профессионал.

Малороссы всегда были музыкальны, а кадеты корпуса были сплошь маленькие хохлята: Стеценки, Павленки, Ващенки, Потоцкие и Разумовские...

Мы могли петь часто довольно сложные вещи всем корпусом (выкинув человек 10 уже явно неспособных ни к какому пению), что и проделывали на больших концертах, производивших довольно внушительное впечатление.

В годовщину Полтавской битвы, когда Государь посетил корпус, весь корпус, расположенный по двум маршам парадной лестницы, мог спеть труднейшую кантату на украинском языке (вернее на старо-киевском), написанную в старинных ладах.

Как жаль, что не могу вспомнить ни ее названия, ни композитора ее написавшего (уж не Кастальский ли?). Мы ее называли "Словом о полку Игореве".

Начиналась она так:

Слава! Игореви князю
Буй-тур, Всеволодовичу
И всёму их роду,
И дружинам храбрым,
Що бьють полки басурманьски
За мир христианский.

10. Немного о религии

"Воспитывали" нас, конечно, в религиозно-православном духе. Я пишу слово "воспитывали" в кавычках, потому что фактически нас заставляли лишь исполнять ряд религиозных обрядов: посещать свою церковь по субботам и воскресеньям, большим праздникам, во-время говеть, исповедываться и причащаться.

Нельзя сказать, чтобы мы рьяно относились к исполнению обрядов, но сама обстановка нашей уютной церкви, наш старенький батя — воистину святитель — Протоиерей Исаенко, который по слабости часто не мог провести всю обедню, ограничиваясь так наз. обедницей, и у которого в классе на уроках (совсем не потому, что его боялись, а не хотели огорчать милого старика) стояла такая тишина, что слышно было, как пролетит муха... Все это вместе взятое не могло не оставить следа на всю жизнь в детских молодых душах.

11. Великий Князь Константин Константинович

Ко всему сказанному нужно добавить, что руководство корпусами перешло в руки такого выдающегося человека, каким был Великий Князь Константин Константинович. Он не только возглавил, но вдохнул душу и направил в новое русло жизнь корпусов.

Эпоха его деятельности может, с полной справедливостью, быть названа эпохой "перерождения".

И вот, что странно:

Казалось бы никаких особенных реформ и не было. Старый наш катехизис остался неприкосновенным, но Великий Князь окрасил его как бы новыми красками:

— "Звание воина — почетно, а кадета, как будущего офицера, особенно", — отсюда отмена телесных наказаний, оскорбительных и унизительных.

— "Недостаточно одеть форму офицера (и кадета тоже) — надо суметь с достоинством пронести ее через всю жизнь".

— "Издеваться, а тем более бить солдата — нельзя. Его можно и должно любить, учить и суметь сделать из него истинного воина — слугу Царя и Родины".

— "Это может сделать только образованный офицер, нельзя поэтому отворачиваться от науки; нужно знать не только практические науки (математика, физика), но и русскую литературу, историю, географию, музыку".

— "Нельзя презирать и чваниться перед не военными людьми. Слова: "шпак", "штафирка" должны исчезнуть. И среди не военных, даже самых маленьких людей, были, есть и будут верные, нужные и преданные слуги Родины".

Великий Князь, если можно так сказать, "гуманизировал" наш кодекс, оставшийся, в общем, незыблемым. При нем в Петербурге открылись воспитательские курсы, к преподаванию на которых Великий Князь привлек лучших педагогов и профессоров. Все воспитатели рано или поздно должны были через эти курсы пройти и на наших глазах некоторые воспитатели, окончив курсы возвращались, точно хорошо вымытые и освеженные в прекрасной бане.

Великий Князь обладал совершенно феноменальной памятью: он помнил не только фамилии кадет, но и их прозвища, особенности наружности и характера.

В 1909 году, во время летнего парада в Красном Селе, к батарее Мих. Арт. училища, стоявшей спешенно и "вольно", подъехал верхом Великий Князь. Встреченный, как полагалось, он скомандовал: "вольно" и около него, как это бывало и в корпусах, сразу собралась целая группа Михайловцев. Почти всех он узнавал, остановил свой взгляд и на мне:

— Постой, постой... фамилии твоей не помню... Помню какая-то длинная история...

Действительно фамилия моя была длинная, двойная, украинская, плохо запоминаемая.

— Ведь у тебя и брат был? Он как?

— В 7 классе, Ваше Императорское Высочество!

— Вот его хорошо помню... Ведь это он раскритиковал мои стихи... Как же помню... Будущий Белинский.

История критики была такова: в один из приездов в корпус, Великий Князь, как всегда окруженный свободно с ним державшимися кадетами, сидел в зале у рояля и беседовал с ними. Он только что сыграл нам 2 этюда Шопена (несколько в вольной передаче, я хорошо знал эти этюды).

— Ну, а кто же из вас любит Русскую поэзию?

Вытолкнули Глеба.

— Как твоя фамилия? Глеб сказал.

— Ох, какая длинная история! Кого же из поэтов ты любишь?

— Фета, с отличавшей его серьезностью отвечает Глебка.

— Ах ты клоп! Да разве можешь ты понять чтонибудь в поэзии Фета? Ведь — это один из лучших русских поэтов! А мои стихи какие-нибудь знаешь?

— Так точно, Ваше Императорское Высочество!

— Какие же например?

— "Умер бедняга", "Несется благовест", "Наш полк"...

— А сможешь что-либо прочесть?.. Ну? А мы послушаем...

Глебка бойко и не без пафоса читает:

Наш Полк — заветное чарующее слово,
Для тех, кто смолоду всю жизнь свою в строю,
Иным оно старо, для нас все так же ново
И знаменует нам и братство, и семью"... и т. д.,

кончая:

Любовь к Царю и вере православной
В едином слове том сливается: НАШ ПОЛК".

Тебе это стихотворение нравится?

— Так точно, Ваше Императорское Высочество!

Ты, что-то замялся? А? Ну... ну... валяй, критикуй...

Глебка краснеет, как бурак.

Ну!..

— Наш полк — не одно слово, а два, выпаливает он.

— Ах ты! ахает Великий Князь: — Да ты будущий Белинский, прямо... Слушай клоп: я задам тебе загадку, а в следующий мой приезд ты мне на нее ответишь. Верно: грамматически НАШ ПОЛК — два слова, но подумай все-таки: почему "наш полк", можно считать одним словом?

— —

Второй эпизод с Глебушкой носит несколько наш семейный характер и я упоминаю о нем здесь только потому, что он может прибавить лишний штрих к характеристике Великого Князя.

Как я уже упомянул выше, Глебка часто болел, но к 7-му классу он подравнялся, вырос и стал довольно миловидным юношей, несмотря на свой "гоголевский" (как его дразнили дома) нос. Был он серьезен, очень хорошо учился, был произведен в вице-унтер-офицеры и назначен "знаменьщиком" (большая честь для кадета 7-го класса).

Тут-то и разыгралась история:

Глебка заболел, его на казенный счет отправили лечиться на Кавказ и он принужден был остаться на 2-й год в 7 классе. Случай в нашем корпусе почти небывалый.

Но это еще не все!

Вернувшись с Кавказа, он заявил дома и в корпусе, что в военное училище он не пойдет, а хочет поступить в Киевский университет.

Дома, конечно, целая драма!

Мама ходит заплаканная, отец с нахмуренными бровями запирается в кабинете и строчит письма в Корпус и нашему Уездному Предводителю дворянства (Глебка был дворянским "стипендиатом"). Вот так славный военный род!

В корпусе тоже растерянность: вице-унтер-офицер, знаменщик, прекрасный кадет и вдруг не идет в военное училище!.. Отнять у него право ношения знамени — оскорбить мальчишку на всю жизнь, не отнять — обидеть новых "вицов". Что делать?

Решили донести Великому Князю.

Ответ: "Знаю (фамилия). Пусть идет туда, куда влечет сердце. Жалею... но Государю и Родине нужны верные слуги везде. Знамя пусть носит в очередь с новым знаменщиком".

Хочется поставить последний штрих над этим эпизодом, отчасти в память дорогого для меня Глебушки, отчасти и для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, как все-таки кадетские корпуса формировали молодые детские души:

Глебка блестяще кончил Киевский Университет Св. Владимира, был оставлен при Университете для продолжения научной работы, но грянула война, и сердце не выдержало: он пошел добровольцем на фронт. Кончил он свою военную карьеру в Галлиполи в чине капитана и военного прокурора 1-го Корпуса (он был юрист по образованию и умер в Болгарии на достойнейшем посту и в большой бедности).

. . . .

Все реформы, если их так можно назвать, (В. К. никакой ломки не делал) конечно, назревали давно. Стоит только прочесть Лескова "Трех праведников", "Инженеров бессребренников", морские рассказы Станюковича, Данилевскаго и др. русских писателей, писавших о русской армии, чтобы почувствовать те ручейки "гуманизма", которые пробивались большей частью не снизу, как это бывает в природе, а сверху. Честь и заслуга Великого Князя в том, что он этих ручейков не заглушил а, наоборот, дал возможность разлиться в большую реку.

К светлой его памяти, нужно прибавить еще способность его выбирать себе помощников. Он смело, вопреки традициям, назначал директорами корпусов молодых полковников, быстро и без обид устраняя всех рутинеров, слабых и старых, и вывел Российские корпуса на путь настоящего служения Родине. В военные училища, в мое время, начали приезжать из корпусов не грубые "бурбоны" и "бесшабашные "бурсаки", а хорошие юноши, неплохо образованные, скромные, работящие и горящие желанием работать и дальше.

П. Волошин

(Продолжение следует).

Сибирские стрелки

Бзура

Мы рыли окопы под свисты шрапнелей,
Ряды становились все реже,
А звезды, как слезы, меж бархатных елей
Смотрели и были все те же.
Мы были, как звери, жестоки и хмуры,
Друг другу в глаза не смотрели,
А струи студеные взмученной Бзуры
От пуль и снарядов кипели.
Стонали, скрипели зубами от боли,
Белели во тьме перевязки
И смутно виднелись в полуночном поле
Тела и пробитые каски.
Вставали и шли и несметны их силы
В часы беспрерывной атаки...
И были бесчисленны немцев могилы
Вон там, за леском, в буераке.
Мы били штыками, прикладами били
И струйки воды стали буры,
Тела колыхались, тонули и плыли
В волнах исторической Бзуры.

(Госп. дв. Боржимово, винокур. завод, Болимово, д.д. Суха и Червона-Нива. 1915 год).

Безлунная темная ночь. Я лежу в землянке шагах в двадцати сзади ротного окопа. С окопом землянка соединена извилистой канавой, "ходом сообщения". Землянка очень маленькая, шага четыре в длину и шага три в ширину. У одной из продольных стен ея направо от входа устроена лежанка. На вбитые в землю колья настланы жерди, прикрытые хвоей.

Налево от входа примостился, со своим аппаратом, телефонист и "связь" — ефрейтор Ширкин и стрелок Зайцев, т. е. два человека моей роты для посылок, или "связей".

Прямо против входа сколочен немудрый столик. На нем, мигая тускло, горит свеча, тут же лежат полевая книжка и бинокль, даже стакан с холодным чаем и папиросы.

Я лежу головой к столику и предо мной чернеет вход.

Ежеминутно темнота ночи ярко освещается бледно-голубым трепещущим светом, — то немцы пускают ракеты.

В углу землянки, где приютилась связь и телефонист, идет разговор, и я невольно прислушиваюсь к нему.

— И до черта, братцы, наготовил герман этих самых ракетов, пущает и пущает... всю ночь.

— Боится, потому и пущает, — отозвался Ширкин.

— Боится, — иронически протянул Зайцев, — уже не тебя ли он испугался.

— Эх, ты!.. понятия у тебя ничтожные!.. Не боится, а разведку делает. Огненная эта разведка называется, чтобы не тратить понапрасну потери.

Зайцев считался в роте человеком образованным, потому что говорил много непонятных "образованных" слов.

— А бывает, — продолжал поучать Зайцев, — еще разведка, например, воздушная, на эроплане.

— Знаем, — перебил его Ширкин, — знаем и аэропланты и все... брось, видали мы... Здесь не в деревне.

Ширкин не любил Зайцева и называл его "похвалюшкой".

— Пустой вовсе человек, — говорит он про Зайцева, — ему с его образованием писарем в штабу где-нибудь быть али санитаром, где-нибудь градусники в спирту мочить, а в строй, ежели в роту... В роту некудышний он... Потому жила в ем слабая.

У Ширкина "жила" была хорошая: на груди его белел крестик и две медали, и он уже отлежал в лазарете в Петрограде шесть месяцев.

Разговор на минуту умолк. Я лежал и прислушивался к пению пуль. Своим я приказал не стрелять, так как перед фронтом роты у меня были секреты, да и вообще "ночная стрельба, что разврат", как любили выражаться сверхсрочные подпрапорщики, "толку никакого, вроде пропасть".

Тишина в моем окопе нервировала немцев и они ежеминутно освещали нас ракетами. Я был совершенно спокоен за эту ночь, раз немцы усиленно освещают местность, значит нападать не собираются. Но

не зная причин нашего молчания, они усиленно обстреливали нас ружейным огнем.

Щелканье разрывных пуль и взвизгивание рикошетных действовали на нервы. Все наводило тоску, придется слушать эту музыку еще долго, нет еще и 12-ти часов, до разсвета.

Но, зато, с каким облегчением встречаешь восход солнца и заваливаешься спать, пока оно не начинает припекать.

Но в углу опять заговорили.

— Ну, Ширкин, так значит привезли тебя в Петроград, а дальше? — спрашивал телефонист.

— Да вот слушай, — отозвался Ширкин, — первым делом значит вылез кто, ежели может, вали сам, а ежели человек без движения — стюденты сейчас его на носилки и марш... Тут же, при станции, барак есть огромадный... Барынь, брат, всяких и старых, и молодых больше тыщи... Тут тебе сейчас и цветки суют — нюхай значит, и папиросы, и все такое... и чай, и сладкой булки... Лежишь, как барин, чистота кругом, ни тебе вошь ни кусает, ни тебе дух какой чижелый... Потому нас, еще в поезде, во все чистое обрядили. Потом зачали разбивку делать, кого, значит, в какой лазарет полагается. Антонабили это подкатывают, легонько это берут тебя, братец ты мой, и сыпь. А барыни эти, которые, пукет цветков это тебе суют — запимайся, значит... В лазарете сипатары, таким же маневром, берут и на койку, — благодать. Тут сейчас сестрица милосердная идет, записывает звание, какой части, имя, изочество и хвамилию, и сичас градусник тебе под пазтху, в каких ты есть градусах. Все по хформе.

Видимо Ширкин начал свой рассказ, когда я обходил роту и потому начала я не слышал.

— На другой день, — продолжал Ширкин, — заявляется, значит, врач. Ну и все, как полагается... Еда там и другие разные лекарствия, опять же кому что и вредить. Лежал я, таким манером, пять месяцев и поправился, а которые слабые — поумирали. Потом приставили меня на комиссию и "годен" значит — можно обратно в роту.

— Ну а вот, в роте, сказывают, что ты будто с Царем говорил. Правда это? — допытывался телефонист.

— Верно, говорил, — оживился Ширкин, — это в манежу было... Как выписались мы из лазарету, так нас значит сбили в кучу человек с тыщу, а может и больше, и погнали нас в манеж на разбивку, куды кого значит... Ну и видим мы, что нас сибиряков гонют в российские полки, в пехоту, кого куда... Мы, было, начальство, чтобы, значит, в свою часть. Невозможно, говорят, некогда вас, говорят, по фронту катать, да ваши полки разыскивать, поэтому даже и неизвестно, где они, ваши полки-то... Замолчали мы, обидно это нам, по ничего не поделаешь, потому начальство. Друг от дружки не отбиваться, да нас, вот с нашей дивизии человек сорок было... Построили это нас, подравняли... Стоим это мы, ждем... А начальство бегает, суетится и все другу дружку ремешки поправляет. Ну, думаю, начальство, видно, ждут. Подъезжает, братец ты мой, это автонобиль и из его быстро так вылетывает генерал, молодой еще, и говорит: "Гляди, гляди молодцами, ребята, вас провожать опять на позиции будет сам Государь Император. Сичас сюда сам приедет... Ну, думаю себе я, теперь наше дело выгорит. А малость погодя смотрим, катят автонобили. Смирно стоим, брат, глазом не моргнем. Глядь, идет Царь по фронту. Мы это "ура" кричим, а за Ним начальства этого страсть. Махнул рукой Царь — замолчали мы и стал он обходить фронт. Расспрашивает которых, как и что... Я стою, грудь вперед выпятил, аж дышать чижало, пузо все в нутро ушло.

Вот и ко мне подходит Царь.

— Здорово, кавалер!

— Здравия желаю Ваше Императорское Величество!

— Совсем здоров? — спрашивает. — Хорошо ли лечили?

— Покорнейше благодарим, Ваше Императорское Величество, всем много довольны, только...

— Что? — Быстро это так спросил.

— Обида маленькая выходит...

— Какая обида? Кто тебя обидел?

— Позвольте доложить, Ваше Императорское Величество, так что, никак нет, никто не обидел, только обратно в свою часть не пущают... Я, как есть, сибирский стрелок, потому в стрелковом сибирском полку мы, так мне служить в Российской пехоте никак невозможно, потому не рука... У нас своя часть есть, Ваше Императорское Величество.

— Какая-же это часть? — спрашивает Царь, а сам смеется.

— Первый Сибирский корпус, говорю, Ваше Императорское Величество... Нас тут с одной дивизии человек сорок есть.

— Хорошо, — говорит, — обижать вас не буду... А где крест получил?

— Папьяницы, за Аршав городом, Ваше Императорское Величество.

— Спасибо за службу, — говорит.

— Рады стараться, Ваше Императорское Величество!

Обернулся это Царь к начальству, да и говорит:

— Отправить этих орлов по своим гнездам.

Начальство это все сейчас руку под козырь, а я думаю себе: "Слава Богу, наше дело в шляпе".

Потом, как уехал Царь, подлетывает ко мне молодой генерал и спрашивает:

— Как это ты осмелился?

— Виноват, — говорю, — Ваше Превосходительство, но как мы есть сибирские стрелки, нам в Российской пехоте никак невозможно. Потому с полку нас увольнили в лазарет, а не то, чтобы в Российскую пехоту.

— Да сам-то ты кто? — спрашивает.

— Ефрейтор 9-ой роты 8-го Сибирского стрелкового полка, Иван Ширкин, Ваше Превосходительство, — говорю.

— Русский?

— Так точно, Ваше Превосходительство, Русский, только Сибирского стрелкового полка, — обратно докладаю ему, потому боюсь, что он меня на словах метко пымает и опять в Российскую пехоту загонит. "А ну тебя", — говорит, и даже рукой махнул. Ну, думаю себе, махай не махай, а быть мне дома в своей роте. Так и вышло: дали нам вагон, причепили к кульерскому поезду на Аршаву, пулей поперли, так што на пятые сутки я уже ротному явился...

— Здорово, — одобрил телефонист.

— Здорово-то, то здорово, а не скипятить-ли чайку? Ваше Благородие, не желаете-ли чайку? — обратился ко мне Ширкин.

— Пожалуй, только не разводи огня на виду.

— Слушаю-сь, не извольте беспокоиться, я в лизерву схожу, там ямка есть такая для этого случая выкопана, из нее герману ничего не видать.

Забрав котелки, Ширкин скрылся.

Я лежал и боролся со сном. Кажется даже вздремнул.

— Ваше Благородие!

— Что такое! — быстро очнулся я.

— Вас к телефону из штаба полка зовут, должно командир.

Я взял трубку телефона. Действительно, говорил командир полка. Спрашивает, что за причина, что немцы так усиленно меня обстреливают. Я доложил ему причину.

— Отлично, — сказал командир, — немцы, наверное, сегодня пошлют разведчиков к вам узнать причину вашего молчания, а мне как раз это и нужно. Я уже и так весь вечер сижу и придумываю, какбы достать "языка", или, в крайнем случае, узнать, что за часть стоит против вас. Штабу дивизии эти сведения необходимы. Так вот что, Поручик, вы, пожалуйста, вызовите охотников из вашей роты, человек 12-15 и пошлите, за старшего, толкового ефрейтора, взводных-же не пускайте, так как нам беречь их нужно, да, чего доброго, не вздумайте сами итти, это я безусловно запрещаю и так у меня по одному офицеру на роту осталось.

— Прикажите поймать живьем, если удастся. А в случае удачи всем по кресту.

— Понимаю, Господин Полковник.

— Отлично, досвиданья... Сведения представляли за сегодня?..

— Отлично!... С Богом!.. Желаю успеха.

— Покорно благодарю, Господин Полковник.

Я передал трубку телефонисту и задумался, кого послать за старшего. В это время вернулся Ширкин.

Старший был найден. Я решил послать Ширкина. Он давно у меня напрашивался и в разведку, и в охотники. "Схожу еще раз по охоте" просился он, "потому желаю еще один крест получить, а потом баста, буду ходить по приказу".

Я знал, что еще один крестик ему очень хотелось заработать, чтобы быть произведенным в унтер-офицеры.

— Ширкин!

— Я, вашбродь.

— Дело есть, хочешь итти сейчас охотником немца ловить?

— Так точно, желаю, вашбродь.

— Отлично... Иди зови ко мне всех взводных.

— Слушаюсь, — и он быстро нырнул в темноту.

Через три минуты я уже отдал нужные распоряжения взводным.

Ширкин собирался.

— Зайцев, вали ты теперь к котелкам... чтобы был чай, как вернусь, — говорил он, снимая с себя гимнастерку.

Ты зачем эту гимнастерку-то снимаешь, — спросил я его.

— А для того, что ее видать далеко ночью, вашбродь, под исподом у меня черная припасена для такого случая, как в той ночью-то способнее.

Верно, брат.

Желающих итти "ловить германа" вызвалось много, чуть не вся рота, но я отсчитал из них десять человек, таково было желание Ширкина и передал их ему под команду.

— У кого есть ручные гранаты, оставить их в окопе, с собою взять только винтовки с патронами, — приказал я.

Объяснив задачу, я обещал охотникам от имени командира полка по кресту за удачное исполнение ее. Затем, предупредив соседние роты, что я высылаю охотников, я приказал Ширкину вести свою команду.

Ширкин снял фуражку, перекрестился и скомандовал:

— Ну, вали ребята, за мной. Шагом марш.

Проводив охотников, я вернулся в землянку, там меня ждал уже телефонист.

Ваше Влагородие, вас сейчас просил к себе командир баталиона. Обязательно просили притти.

— Что там такое?

Не могу знать... Только обязательно просили чтобы притти.

До резервной роты, где был баталионный, было шагов сто по ходу сообщения, так что скоро я уже был там. Приказав телефонисту немедленно звонить мне, если что-нибудь случится или послышится шум на моем участке, я отправился к командиру баталиона.

Оказалось, что он получил от жены из Варшавы посылку, много вкусных вещей и бутылку коньяку. Кроме меня у него уже были командир 10-й роты и начальник пулеметной команды и мы, с аппетитом, принялись за присланное, не забывая и коньяк. Но долго пировать мне не пришлось. На участке моей

роты поднялся такой шум, такая "турецкая стрельба", что, бросив все, я опрометью бросился в роту. Некогда уже было ждать вызова по телефону, для меня все было ясно.

Прибежав в окопы, я застал роту у бойниц. Все всматривались в темноту впереди.

— Что случилось? — спросил я подпрапорщика.

— Так что Ваше Благородие, не иначе, как Ширкин поймал германа, потому, минут пять тому назад, вдруг слышим "ура", шумят за нашей проволокой, потом, будто бомбочку кто-то бросил, а герман по две по три ракеты зараз стал пущать...

Я всматривался вперед и ничего не видел. Часто взлетавшие ракеты, на несколько секунд, ярко освещали колосившуюся рожь перед окопом. Оттуда-то издали потянулся луч прожектора и скользнул по окопу. Инстинктивно все присели.

Но вот послышался шорох ползующего тела и через бруствер прыгнула в окопы темная фигура. Я узнал одного из моих охотников.

— Где командир? — запыхавшись, взволнованным голосом спрашивал он.

— Здесь я... Ну, что?...

— Есть, Ваше Благородие, волокут... четырех германов прут.

— Молодцы, — обрадовался я.

— Рады стараться... У нас одного зашибли.

— Наповал?

— Так точно... Салпина бомбочкой убили.

— А где Ширкин?

— Супротив третьего взвода выйдут.

Я пошел к третьему взводу.. Навстречу мне двигалась кучка стрелков.

— Тащи, тащи суды... Вали, прямо в командирскую землянку.

— Ширкин! — кликнул я, узнав его голос.

— Я, вашбродь.

Ну, как дела?

— Есть... Тащим, вашбродь.

— Отлично, веди к моей землянке.

— Слушаюсь.

Я двинулся к землянке. За мной шла целая толпа.

— Взводные, по местам людей, не бросать бойниц! — приказал я.

Толпа сразу растаяла. Я быстро пошел в землянку, перед которой вскоре-же появился Ширкин и стрелки, принесшие тело Салпина, погибшего от осколков гранаты, а другие почти волокли четырех здоровых немцев, вид которых был обалдевший, и видно было, что они до сих пор не пришли в себя и не могут понять, как попали они в плен.

Поблагодарив Ширкина и всех охотников за хорошее выполнение поиска, после того, как я выслушал его толковый рассказ, как им удалось неожиданно напасть на немцев и взять четырех "германов", я написал донесение обо всем случившемся командиру баталиона, а последний, не теряя времени, тотчас распорядился отправить в штаб полка захваченных "языков", похвалив радостно улыбающегося Ширкина за его боевую сноровку и удачу.

Было жаль убитого хорошего стрелка Салпина, но, живя на войне, среди боевой обстановки, где даже в тихий день окопного сидения в роте каждый день было один-два убитых и три-четыре раненых, это чувство вскоре прошло, уступив место обязанностям, и, если "на военной службе нет мелочей, а все важно", то у командира роты голова была занята, чтобы ничего не упустить и все сделать и распорядиться лучше.

Из военного архива
Подполковника Л. Сейфуллина

Русские знамена потерянные под Аустерлицем

Сколько Русских знамен было потеряно под Аустерлицем? На этот вопрос ответить точно невозможно.

Данные, извлеченные из французских источников, страдают своей неполностью. "45", пишет Паскаль в своей "Истории Армии", не отделяя, однако, русских от австрийских. "Штандарты Русской Императорской Гвардии", утверждает прокламация Наполеона. "40 знамен, русских и австрийских", пишет ген. Ниокс, директор музея Инвалидов, посвятивший трофеям французской армии весьма документальный труд. Отсылая взятые знамена в Париж, Наполеон сообщает: "мы взяли у неприятеля 45 знамен".

Из полковых историй французских полков, мы извекаем следующие данные: 42 пехотный полк взял два русских знамени, 48-й пехотный полк тоже два, как и 108-й. 5-й кирасирский — одно неприятельское знамя; 5-й конноегерский — одно русское знамя; гвардейский конноегерский — русское знамя; 26-й конноегерский три штандарта; 36-й пехотный полк сообщает о взятии 13-ти русских знамен.

Цифра внушительная, которая все-таки может быть принята на веру, принимая во внимание, что на этот полк была возложена миссия сбора трофеев, оставленных разбитыми в Сокольницах колоннами. Весьма возможно, что именно здесь, среди тел убитых были найдены древки знамен, сохраненных в плену. Но, если подвести и итоги, то число все-таки не превышает 25. Это число мы и примем, как указанное по французским источникам число потерянных русских знамен.

Перейдем теперь к русским источникам.

Немедленно после сражения Русская Армия подсчитала недостающие знамена. Таких оказалось 32. Цифра значительная и которая как будто бы под-

тверждала победные "Бюллетени Великой армии". Не забывая того, что каждый русский пехотный полк имел в строю 6 знамен (два на батальон) и что 164 знамени принимали участие в Аустерлицком сражении, массивная потеря знамен была особенно чувствительна сердцу Императора Александра.

Однако, новые факты стали неизменно уменьшать цифру потерянных знамен. Уже через несколько дней после сражения, отдельные солдаты стали возвращаться в свои полки с вынесенными ими полотнищами знамен. 26 декабря 1805 г., подводя итоги, Кутузов доносил Царю, что число потерянных знамен ограничивается 24мя. К его рапорту был приложен список полков потерявших знамена. К сожалению список этот был утерян и до нас не дошел.

16 января 1806 г. Кутузов вновь доносил Александру о возвращении еще 4-х знамен, представленных бежавшими из плена солдатами, и выводил заключение: "итак в руках неприятеля остается еще 20 знамен". Пользуясь случаем, он испрашивал Высочайшее разрешение прибить на новые древки все эти спасенные знамена, честь коих не была поругана. Высочайшее разрешение последовало и Император щедро наградил отличившихся солдат. Вот полки, о которых идет речь, и имена чинов, спасших знамена:

КУРСКИЙ мушкетерский — 1 знамя, спасено подпрапорщиком Лавровым. Будучи раненым, Лавров передал знамя подпрапорщику Свирчевскому, который бежал из плена. (рап. Кутузова от 24 декабря 1805 года).

ГАЛИЦКИЙ — 3 знамени, спасены подпрапорщиками Бубновым, Куфаевым и унтер-офицером Волковым, которые бежали 24 ноября из Брюнна.

БУТЫРСКИЙ — 2 знамени, вынесенных подпрапорщиком Измайловым и рядовым Шанаиным (донесение Кутузова от 24 декабря 1805 года).

ПЕРМСКИЙ — 3 знамени, одно из них спасено подпрапорщиком Стариковым, подробности спасения остальных двух отсутствуют. (рапорт от 12 января 1806 г.).

НАРВСКИЙ — 1 знамя, вынесенное подпрапорщиком Гавриленко.

АЗОВСКИЙ — 1 знамя, спасено унт. офиц. Старичковым, умершим от ран и перед смертью передавшим знамя рядовому Чайке, Бутырского полка.

ПОДОЛЬСКИЙ — 1 знамя, вынесено подпрапорщиком Лезик.

Все эти полки принадлежали к колоннам генерала Пржебышевского и де Ланжерона, окруженным и уничтоженным в последних боях у озер.

История Аустерлицких знамен не останавливается на этих данных. До 1808 г. число потерянных знамен будет неуклонно уменьшаться.

7 февраля 1806 г. Кутузов доносит Царю:

"Гренадер Нарвского мушкетерского полка Петр Нестерев нашел, под Аустерлицем, на теле убитого знаменщика, полковое знамя. Будучи взят в плен, он отделил его от древка и спрятал под своей одеждою, он бежал и представил мне знамя". — Нестеров был произведен в унтер-офицеры и пожалован 100 рублями золотом. 27 июля 1806 г. Министр Иностранных Дел передал Государю три знамени, которые ему были присланы Российским посланником в Вене. Это были:

Знамя Бутырского полка, спасенное подпоручиком Лаптевым. Лаптев доносил, что знамя было ему передано смертельно раненым подпрапорщиком Садиковым. Пленный офицер передал знамя в Люневиле русскому чиновнику Званкову, который переправил его в Вену. — Знамя Нарвского полка, спасенное капитаном Гофманом и знамя Пермского полка, сохраненное подполковником Кузнецовым.

Таким образом недоставало уже не 20, и 16, знамен.

В ноябре 1806 г., генерал Эссен писал ген.-адъютанту Ливену:

"Начальник 10-й дивизии, генерал Меллер-Закомельский, отправил ко мне унтер-офицера Замарина, со знаменем Азовского полка. Будучи раненым под Аустерлицем, картечью и штыком и придя в себя ночью, Замарин нашел среди тел убитых знамя, древко которого было перебито в двух местах. Отделив полотнище от древка, Замарин спрятал его в подкладке своего мундира. Находясь в плену в Дижоне, затем в Люневилле, он бежал в Австрию и достиг России. Замарин был произведен в подпоручики.

16 февраля 1808 г., ген. Меллер-Закомельский, которому было поручено возвращение в Россию пленных, дописал Царю, что он привез с собой пять знамен, сохраненных солдатами в плену после Аустерлица и переданных ему, а именно:

Знамя АЗОВСКОГО полка, спасенное подпрапорщиком Грибовским, который умирая в Дижонском госпитале, передал его барабанщику Павлову. Опасаясь обыска, Павлов вручил знамя унт. офицеру Шамову, который и представил его генералу в Люневилле.

Знамя НАРВСКОГО полка, спасенное подпрапорщиком Шереметевским. Высочайшим приказом Шереметевский был произведен в офицеры.

Знамя БУТЫРСКОГО полка, спасенное подпрапорщиком Кокуриным, умершим в госпитале гор. Бурж. Знамя сохранил в плену унт. офицер Мостовский, который тоже был произведен в офицеры.

Знамя ПЕРМСКОГО полка, спасенное подпрапорщиком Кублицким. Будучи тяжело раненым, он передал его в госпитале г. Аугсбурга рядовому Седичеву, Курского полка, который и представил его генералу в гор. Мец.

Знамя ГАЛИЦКОГО полка, спасенное подпрапорщиком Полозовым, раненым под Аустерлицем пулями в ногу и плечо.

Эти пять знамен, доставленные в Петербург поручиком Павлоградского гусарского полка Горичем,

были переданы Военному Министру графу Аракчееву.

Итак недоставало только 10-ти знамен.

Император Александр I-ый приказал графу Толстому, русскому послу в Париже, произвести на месте анкету, дабы установить точное число русских знамен оставшихся во Франции. Результаты ее нам неизвестны.

Что же касается последних пяти знамен, то они были забыты в Министерстве и найдены случайно, только сто лет спустя, тщательно упакованными, в полной сохранности и со всеми официальными документами, относящимися к их спасению. Так как заинтересованные полки продолжали существовать, то Император Николай II вернул им эти знамена и повелел занести навсегда в списки полков имена солдат спасших знамена.

Таким образом, из утраченных под Аустерлицем 32-х знамен, 22 были спасены и, если о судьбе 10 не было ничего известно, то это еще не значило, что они попали в руки французов. Были, вероятно, знамена и поглощенные озерами, и зарытые, и, наконец, погребенные в плену с телами тех, кто их спас.

История АЗОВСКОГО полка повествует, что одно из его знамен было потеряно под Аустерлицем, но утверждает, что оно не попало в руки неприятеля. АРХАНГЕЛОГОРОДСКИЙ полк признает взятие французами одного из своих знамен. Известно также, что МОСКОВСКИЙ мушкетерский полк потерял два знамени, взятые 4-м пех. французским полком.

Нам кажется, что не трудно согласовать русскую и французскую версии, несмотря на то, что от 10 до 25 все-таки далеко. Дело в том, что, если полотнища 22 знамен были и спасены, их древки остались на поле сражения и были взяты французами. Древко же с золотым копьем, имевшим в центре двуглавого орла, с золотыми шнурами и тяжелыми кистями, с частицами полотнища могло сойти за знамя, тем более, что французы воевали тогда под "орлами", часто не имевшими полотнища. Так, взтое под Аустерлицем знамя 4-го пехотного полка было в действительности только "орлом". Это впрочем не помешало русским и французским художникам-баталистам изобразить на своих картинах, полотнища, часто фантастические.

Отметим, наконец, что французы никогда не приводят названия полков, которые оставили в их руках знамена. Дело в том, что при Александре I-м знамена отличались только чрезвычайно сложным сочетанием цветов, определить их принадлежность могли только русские знатоки.

Изо всех русских знамен, попавших во французский плен, сохранилось только одно, которое и находится в Париже, в Музее Инвалидов. Оно не было взято под Аустерлицем.

В 1814 г., все взятые французской армией знамена были сожжены, в момент вступления союзников в Париж и остатки их брошены в Сену. Впоследствии металические их части были извлечены и выставлены в музее. Среди металических наверший есть и русские копья.

Существует легенда, что хранившиеся в Сенате знамена не были уничтожены, а укрыты в одну из гробниц собора Парижской Богоматери, но в какую именно — забыли. И вот, чтобы не тревожить покоя мертвецов и не открывать всех могил, решили будто бы оставить этот вопрос навсегда открытым.

С. Андоленко

Былое

I.

Все пространство Мазандарана (провинции Персии) покрыто множеством искусственных озер, водой которых заливаются поля, предназначенные для посева риса, причем так обильно, что пахарь, обыкновенно, должен идти по колено в воде. Искусственное орошение полей заставило персов нарыть безчисленное количество арыков, которые точно так, как и протекающие реки, сплошь заросли густым камышем, в котором может укрыться всадник вместе с конем. В более же сухих местах ажина (ежевика) и держидерево образовали буйные заросли, покрывшие собой огромные пространства и, для человека, очень трудно проходимые. Кое-где эти заросли переходят в настоящий лиственный лес, тянущийся на много верст. Редкие села группируются обыкновенно около городов, так что в 7-8 верстах уже редко где встретишь населенный пункт.

Изобилие воды, болот, излюбленная пища-рис, камыш, куга, заросли, лес и редкое население делают для дикого кабана Мазандаранскую и, рядом лежащую, Астрабадскую провинцию поистине землей обетованной.

Человек в лице перса, не является опасным врагом кабану, т. к. редко решается охотиться за ним и предпочитает, сидя на вышке, устроенной на рисовом поле, пугать свиней, барабаня в медный таз, когда обнаглевшие кабаны стадом являются к нему на поле, чтобы своими крепкими носами перепахать молодые всходы.

Отсутствие опасных врагов дает возможность свиньям в этих местах беспрепятственно жить и плодиться в изобилии.

Зимой, когда на горах упадет глубокий снег, из под которого отыскивание корма становится трудным, горные кабаны спускаются в Мазандаранскую и Астрабадскую долину к морю, где снега и мороза никогда не бывает. Для охоты на свиней это самый лучший период т. к. ими буквально кишит вся местность.

Однако, с гор, на вольные хлеба перекочевывают не одни свиньи, к теплу идет и хищный тигр, и кровожадный барс.

Старый кабан чуток и осторожен, а вот молодняк частенько попадает в лапы голодного хищника.

Пройдет зима, стает на горах снег, уйдут пришельцы и опять для местного кабана обезпечена полная безопасность. Частенько, ночью, забираются они на огород в селах, а то и на окраину города. Однако всякому благополучию рано или поздно наступает конец.

Так случилось и с кабанами.

Во время персидской революции 1911-1917 года, на усиление конвоя Русских консульств, были посланы в Мазандаран и Астрабад казачьи сотни и роты Туркестанских стрелков. За четыре года пребывания нашего в Персии, огромное количество свиных туш попало в сотенные и ротные котлы, скрасив собой однообразную пищу отряда.

Всем известно, что казаки либо рыбалки, либо охотники, или то и другое вместе. Поэтому в сотне охотниками были все и на охоту приходилось не назначать, не вызывать желающих, а вести очередь.

II.

День близится к концу. Солнце постепенно скрывается за горизонтом. Работавшие на полях персы спешат засветло добраться домой, предвкушая вкусный ужин, постоянный, никогда не сменяемый, плов, сдобренный стаканчиком виноградной водки.

Они, с опаской и любопытством, оглядывают группу из 8-10 человек казаков, идущих им навстречу. Сойдя с дороги, в знак уважения, персы говорят свой селям, а один из них, более смелый, прицеливаясь в пространство палкой вместо ружья, вопросительно смотрит на казаков и спрашивает:

"Хук" (свинья), "Хук кардаш", — отвечают, смеясь казаки "капут хуку", Персы поняли, что казаки идут на охоту за кабанами и шумно выражают свою радость.

Вот и облюбованное поле. Казаки применяются к местности, кто устраивается за кустом, подложив под себя пук рисовой соломы, кто за деревом, а кто и на дереве, тут то его кабан не учует. Лучше же всего можно устроиться, когда рис в копнах: заберешься в середину копны, тепло, мягко и удобно.

Когда охотники устроятся, если время позволяет, приступают к закуске. Обыкновенно, идя на охоту, берешь баклагу с водкой, на всякий случай, а вдруг с кем приступ малярии случится, либо желудком кто заболеет. Казаки об этом прекрасно осведомлены.

Не проходит и пяти минут, как появляется один:

Чего тебе?

— Занемог, живот болить.

Водки выпьешь?

— Так точно, желаем здравия! Пьет, кривится, идет на место. За ним появляется другой.

А ты чего?

— Озяб, трусит, как бы не малярия.

Ну, брат, как хочешь, а водки тебе выпить придется.

— Так точно, это может и пособит.

Но вот стемнело, все притаилось. Тишина. Напряженно вглядываешься, но так темно, что ничего не видишь, а привычное ухо не отличает знакомого, очень тихого похрюкивания. Вдруг, перед самой копной появляется силуэт. Всматриваешься — казак.

В чем дело?

— Да вот луны что-то нет, а вроде время ей, вот если бы рюмочку, так это действительно веселей было бы.

И так до тех пор, пока не убедятся, что водки больше нет. Поэтому последующие охоты решено было поступать иначе: до начала охоты, каждый участник, заблаговременно, принимал по стаканчику "мекстуры" и это помогало: больных не было.

Кругом непроглядная тьма, в двух шагах ничего не видно. Жалобно завыл, где-то очень близко, шакал, другой вторит ему, а вот и третий отклик, четвертый... да сколько же их. Воют на разные лады, не то на подобие детского плача, не то, как казаки говорят, "дивчата в станице гуляют".

Не спеша, как бы не решаясь, одним лишь краюшком из-за горизонта выглядывает давно жданная луна. Стали смутно видны окружающие предметы. Охота началась.

III.

Лежишь не шевельнувшись, все внимание сосредоточено на камыше, откуда должны выйти кабаны. Иногда и недолго приходится ждать, но иногда проходят и несколько часов безплодного ожидания. Внимание невольно притупляется, а окружающая обстановка создает мечтательное настроение, вспоминаешь про старое, детально разберешься в настоящем, заглянешь и в будущее... Забудешь, где ты... Грянул выстрел, другой... Инстинктивно хватаешься за винтовку. Стараешься угадать, кто стрелял.

— Готово! — радостно кричит один из охотников. Казаки в полголоса переговариваются.

Видно неудачно выбрал место, просидел до трех часов ночи.

— На Лузана-Василя вышло двое свинак, одну убил, а другая ушла, — сообщает сосед слева. Опять тишина, опять напряженное внимание, опять мечты, "а не выйдет ли теперь на меня".

Всем охотникам удалось выпалить по кабанам и, судя по выкрикам "готово", несколько штук было уже убито, но на правый фланг, занимаемой нами линии, где в копне риса закопался я, а левей меня, за большим кустом, поместился урядник, ни один кабан не выходил. Однако надежда не была потеряна, так как правее меня, очень недалеко, слышно было взвизгивание и озлобленное хрюканье дерущихся кабанов.

Подымается сосед-урядник, крадучись подходит ко мне и предлагает не ждать зверей, пока они подойдут к нам, а постараться подползти к ним.

Оставив в копне лишние вещи, взяв с собой лишь берданки и патронташи, сперва укрываясь за кустами, а затем уже ползком, добрались мы до плетня, которым было окружено прошлогоднее рисовое поле. Здесь залегли и стали внимательно разглядывать что происходит за плетнем. Луна светила, как говорят, во все лопатки и мы сразу же заметили двух дерущихся кабанов. Стараясь противника ударить острым клыком, разъяренные до крайности звери с визгом бросались друг на друга, подымая копытами пыль.

Учтя, что поединок происходил в марте месяце, угадать причину их взаимной ненависти было не трудно, так как она тут же мирно паслась, самодовольно похрюкивая.

Однако расстояние, разделяющие нас от свиней, было настолько велико, что мы решили выждать, не подойдут ли они в пылу сражения к нам поближе. Действительно, один из них, более крупный и сильный, стал теснить своего противника. Мы изготовились, положив берданки на плетень, с упора-то дело вернее. Ждать пришлось недолго. Более слабый кабан перестал нападать, ограничиваясь обороной. Но вот он сперва рысцой, а потом галопом пустился удирать, а вслед за ним несся победитель и прямо на нас.

— Бей перед него, — шепнул я уряднику. Одновременно грянуло два выстрела.

Тут мне пришлось убедиться, что судьба играет не только человеком, но и свиньями. Только что торжествующий победитель лежал распростертым на земле, видимо наповал сраженный моей пулей, а побежденный вместе со свиньей изчез в ближайшем кустарнике. Заряжаем берданки, подходим к лежащему огромному кабану. После столь продожительного воздержания с наслаждением закуриваем папиросы.

— А здоровая штука, пудов на восемь будет, а то и больше, — говорит урядник, толкая кабана ногой в ляжку. Вдруг, к нашему неописаемому удивлению, "здоровая штука" мгновенно вскакивает на ноги и бросается на моего собеседника. Легким прыжком отскакивает урядник в сторону, а я стреляю не целясь "на вскидку". Кабан круто поварачивается на меня, тяжело храпя, проходит в двух шагах, видимо, изнемогая, отказываясь от боя, спешит укрыться в кустарнике.

Два наших выстрела, слившихся в залп, воспрепятствовали этому. Кабан рухнул на землю. Наученые опытом, мы осторожно подошли к нему, держа винтовки наготове и, так как он все еще старался подняться на ноги, я велел уряднику пристрелить его.

Стало светать. Охота кончилась. Мы стали обходить убитых кабанов, их было семь, но рекорд по величине побил наш кабан. Такого крупного экземпляра встречать не приходилось.

Решил голову его отправить в Петербург Мартенсу, для изготовления чучела, но мечтам моим не суждено было осуществиться. Пароход пришел лишь на шестые сутки после охоты. Понятно, что голова, несмотря на принятые меры, стала изрядно попахивать, а поэтому я удовлетворился лишь огромными клыками, вынув которые вделал в ореховую доску. Получилась очень недурная вешалка, которых, к слову сказать, у меня было множество.

IV.

К месту охоты, из сотни прибыли конные казаки, с заводными, поседланными лошадьми, но с седел были сняты подушки и стремена. На каждого заводного положили по убитому зверю. Трудно пришлось коню, груженному нашим кабаном, он еле передвигал ногами под тяжестью необычайного всадника, но, когда выбрались из топких мест на дорогу, ему стало значительно легче. Он шел головным, за ним конь, груженный более мелким кабаном и т. д., а замыкающий весело гарцевал, оглядывался на седло, похрапывал, совсем не чувствуя груза, так как на нем лежал кабанчик, едва вышедший из детского возраста.

За своеобразной кавалькадой, шли, попыхивая цыгарками, охотники, делясь впечатленями минувшей ночи.

В город вошли с триумфом: впереди неслась, галдя, гурьба мальчишек, а по бокам улицы толпились улыбающиеся и, видимо, очень довольные персы. Даже ханумы, покрытые чадрой, выглядывали из окон, а некоторые решились выйти и на улицу. "Донгуз, донгуз", — неслось со всех сторон и на разные лады. Весь отряд высыпал нам навстречу. Казаки и солдаты толпились вокруг кабанов, помогая их снимать с коней.

— Скажи на милость, — говорил какой то солдат, ну и народ эти казаки, как пойдут на охоту... гляди... наволокли сколько.

— И де цей дурный народ родится. Да хиба ж ты ни чул, що у нас в куге сажи со свиньями, — серьезно и невозмутимо отвечал ему казак.

— Вот энта так порция! — разглядывая большого кабана, заявляет солдат, видимо любитель сладко покушать. И так посмотрел на окружающих, что все прыснули от смеха.

Разослали по хорошему куску мяса офицерам отряда, досталось вволю и солдатам, да и себя казаки не обидели. На другой день только и делали, что ели свинину и вареную в борще, и шашлыком жареную, и приготовленную ввиде рагу.

А казенная порция в 22 золотника казалась в этот день безпредельно малой величиной...

Д. Козинец

Замостье

(1904-1910)

Между Ивангородом и Холмом, на железно-дорожной линии Варшава—Ковель, находится маленькая станция "Рейовец", где вы слезаете с поезда, чтобы попасть в Замостье. В Рейовце вас ожидает экипаж, если вы принадлежите, по службе, к гарнизону города, а, если нет, то извольте тащиться на повозке, смутно напоминающей "тарантас", в упряжке двух полуголодных кляч, которые будут тянуть вас 60 верст по шоссе, мимо еврейского поселка Избицы и гор. Красностава. Избица антересна только тем, что вы, проезжая мимо, можете любоваться развалинами древнего замка, принадлежавшего в прошлом какому то польскому магнату. Красностав — типичный уездный городок Царства Польского, в котором стоял в мое время 67 пехотный Тарутинский полк.

Первые два полка 17 пех. дивизии: Московский и Бутырский составляли гарнизон гор. Холма, а четвертый, последний в дивизии, 68 пехотный Лейб-Бородинский размещен был в гор. Замостье.

Дорога по шоссе в Замостье, если вы проезжаете летом, несколько приятнее, чем в остальное время года, так как она местами проходит лесом и вы, не ощущая пыли, можете дышать здоровым лесным воздухом. После всей этой 5-ти часовой тряски, разбитый и усталый, вы наконец въезжаете в предместье города, издали замечая контуры старинной польской крепости, так прекрасно описанной в романе Сенкевича.

Теперь, весь город въехал в эту твердыню и только кое-где уцелели остатки стен и бастионов. Население города — поляки и евреи, русские, главным образом военные. Гарнизон города состоял из одного полка 1-й Донской казачьей дивизии — именно 10-го Донского Генерала Луковкина полка (11-й, 13-й и 15-й полки этой дивизии размещены были в окрестности), 7-й Донской казачьей батареи, которой при мне командовал войсковой старшина Дол-в, а затем В. С. Аст-в и, как я уже упомянул, 68-го лейб-Бородинского полка.

В городе три православных церкви, штаба 1-й Донской казачьей дивизии, Бородинцев и третья — городская, несколько католических и одна синагога.

Центральное место в городе — "Магистрат", самое высокое здание с крытым рынком "Гостинным двором", прилежащим к "Магистрату", по которому с утра и до вечера "фланировала" местная публика, прибегая к помощи городских маклеров, исполнявших за минимальную подачку все ваши несложныя прихоти. Через улицу, городской сад "Брехаловка", где по праздникам играли военные оркестры Бородинцев и Казаков и где вы могли "отвести душу" после утомительных служебных дней.

Кругом сада толпились хорошенькие "Сарочки и Бернарочки", жадно пожирая глазками молодых офицеров и прислушиваясь к трустным звукам модного, после Японской войны, вальса "На сопках Манчжурии" или к собственной композиции местного капельмейстера, вроде вальса "На тихом болоте".

"Брехаловка" была доступна исключительно военным и так называемым, по солдатски, "вольным" вход туда был воспрещен. Прямо перед входом, позади сада, стоял длинный корпус, в здании которого помещалась учебная команда и 2-3 сотни 10-го казачьего полка, штаб 1 Донской казачьей дивизии, штабная церковь, квартиры: начальника гарнизона, начальника штаба и старшего адъютанта, священника штабной церкви о. Бек-ча и квартиры других офицеров. С правой стороны сада, одноэтажное здание, где было офицерское собрание 10-го полка. Квартира командира 10-го полка полковника Гр-ва находилась на главной улице впереди сада. На той же улице и стороне квартира "власть имущего" — начальника Замостского уезда. Фамилию начальника уезда я не помню, да это и не важно, так как он был старый болезненный человек и очень редко появлялся на улице. Всю власть вершила "начальница уезда" — его жена, так сказать, "местная львица" кругом которой вертелся наш брат "сильный пол". Красотой она не блистала, но для женщины была достаточно заметна: высокая, стройная и прекрасно одетая, по последней венской моде, она кружила головы уменьем себя держать с достоинством и своей, присущей ей особенно, необычайной женственностью. Хотя от нее веяло "Бальзачком", она не лишена была и того кокетства, которое мы называли "шарм".

Из трех последовательно занимавших должности начальников 1-й Донской казачьей дивизии (они же и начальники гарнизона) генералов: Ил-кого, Поз-ва и Вер-на, она в свои, прочно расставленные сети "уловила" генерала Поз-ва. Часто можно было видеть эту парочку на скамейке боковой аллеи, скажем, в хороший майский день, когда благоухала сирень, с прибавлением запаха печеного хлеба из войсковой пекарни, а невдалеке раздавались "сердцещипательные" звуки вальса "Голубка моя, умчимся в края".

Генерал заглядывал в томные, зеленые глазки начальницы и повторял уже "подержанный" анекдотик, а львица, одуряя генерала тонкими французскими духами, внимательно прислушивалась, одетая в шляпку "модель", только что привезенную из Варшавы. Случайно я проходил мимо и был свидетелем необычайно интересного эпизода. Одна из невежливых городских ворон, пролетая над этой милой парочкой, капнула на шляпку начальницы. Генерал заметил и рассвирепел:

Позвать сюда дежурного казака с винтовкой, приказал он случайно проходившему казаку.

Через минуту дежурный щелкнул каблуками.

Вот видишь тым на макушке ели ворону? Стреляй.

Раздался оглушительный выстрел и мертвая преступница скатилась к ножкам пострадавшей львицы.

Спасибо, гаркнул генерал.

— Рад стараться, Ваше Превосходительство! заревел казак.

Можешь идти.

— Слушаюсь, Ваше Превосходительство!..

Видишь, милочка, как стреляют у нас? — спросил генерал.

— Не хуже вас, сделав губки бантиком, ответила начальница.

Инцидент был улажен и довольный генерал продолжал смаковать свой очередной анекдотик.

По вечерам, львица иногда устраивала приемы с картами, играми и богатым ужином. Большинство бывало военных и два-три штатских: начальник Магистрата, с двумя прехорошенькими дочками, начальник почты и представитель местного акциза, т. е. все из местной аристократии. Особенно скучать в Замостье не приходилось, да и было некогда: служба до обеда, служба после обеда. Нельзя забывать, что в 60 верстах к западу шла Австро-Венгерская граница, почему войска были "начеку" и держались образцово.

10-м Донским казачьим полком, после полковника Гр-ва, командовал полковник Кр-в, великолепно описавший Замостье в своем романе "От двуглавого орла до красного знамени" и выставивший себя, в этом произведении, под фамилией Карпова. Полк под командой Кр-ва и 7 Донская казачья батарея в 1-ю мировую войну показали себя с самой блестящей стороны, также как и 68 лейб-Бородинский пех. п. прославивший себя отражением одинадцати конных атак австро-венгерской конницы у Владимира-Волынского, в самом начале войны. Случай этот, среди других хороших отзывов, художественно описан в статье одной из южный газет, Текинского конного полка ротмистром Фавским. Бородинцы были на прекрасном счету. Ходил также анекдот, что когда спросили местную еврейку, где служит ее сын, она с гордостью ответила: "Мой Мойша служит в Лейба Барадинском полку".

Как я уже упомянул, все время отдавалось службе и войсковые части, стоявшие по разным пограничным уголкам Польши, были прекрасно подготовлены к военному времени. Развлечений в таких заброшенных местах было очень мало: постоянного театра и цирка не было, но, при первой же возможности, офицеры и их семьи, пользуясь отпуском, уезжали в Варшаву или Люблин. Обыкновенно в офицерских собраниях устраивались балы, вечера, спектакли, концерты или читались лекции, а иногда появлялись заезжие артисты гастролеры.

В особенности, оживлялось Замостье на Рождество и Св. Пасху, когда съезжавшаяся молодежь, кадеты, гимназисты усиленно помогали "натирать полы".

Собрание Бородинцев находилось в бывшем католическом монастыре, прекрасно оборудованном для этой цели. Большой двухсветный зал для танцев, с прекрасной сценой. Посещали мы и казачье собрание. Казаки угощали Цымлянским и слоенным пирожками с кабаньим мясом. Кабанов, как и прочую дичь, били на охоте в большом количестве в окрестных лесах графа Замойского. "Донское шипучее" подавалось в изобилии, согревало кровь и заползало в самую душу. Тогда на сердце не чувствовалось "ни гнета, ни немых страданий" и оно внезапно, как в сказке, превращало всех представительниц слабого пола в волшебных красавиц... "И будем мы там делить пополам и горе, и радость, и жизни печаль" — заливался корнет казачьего оркестра.

Были и офицеры, отшельники, так например, старший адьютант штаба 1-й Донской казачьей дивизии, генерального штаба капитан Бросов, кроме штабного кабинета никуда не показывался. В свободное от занятий время он сидел дома, объединившись с о. диаконом местной церкви.

— Что вы, капитан, уж очень дружите с отцом диаконом? — спрашивали его любопытные.

— А что вы удивляетесь, — серьезно отвечал капитан со склонностью к особам духовного звания, он хоть в Бога верует, а вы то в кого?

На городском кладбище, где я любил прогуливаться, настроенный на минорный тон, меня заинтересовали памятники с надгробными надписями. Одна из них гласила: "Я не буду тем, чем сегодня вы, но вы будете тем, чем сегодня я. Здесь покоится прах почтово-телеграфного чиновника такого-то".

Нужно полагать, что этот мрачный предсказатель судьбы человеческой и представитель почтово-телеграфного ведомства, был в своей жизни настроен философски, почему и завещал своим родным начертать на памятнике эту оригинальную надпись.

Замостье я посещал кадетом, юнкером и офицером, Варшава была под рукой, — правда из Киева и Вильно уже сложнее, но всегда с удовольствием я заглядывал в этот "кабаний" уголок.

Отец мой любил играть в винт и преферанс, причем приглашал всегда разных партнеров. Однажды случилось что-то необыкновенное: винт из четырех Николаев Васильевичей. Это были отец Н. В., командир бригады 17-й пех. дивизии генерал Нов-цев, покойный священник Бородинского полка и четвертым Николаем Васильевичем оказался представитель местного акциза. "Что такое", — подумал я и это, в маленьком городе, с ограниченным количеством "винтеров".

В 1910 году я с моей невестой поехали в Замостье, чтобы обвенчаться в скромной обстановке и устроить свадьбу у отца с тетушкой. Здесь произошел один из курьезов: явившись вместе с моей невестой к о. Бек-чу, для переговоров о дне венчания, я должен был представить ему разрешение на брак от командира моей части. Отец Бе-ич, посмотрев на

мои погоны и заметив, что я офицер другого гарнизона, отнесся ко мне как то подозрительно — сразу же попросив меня дать ему надлежащее разрешение, что я сейчас же и исполнил.

Надев очки и прочистив горло, отец Бек-ич начал медленно и громко читать вслух: "Удостоверение... Дано сие от командира такого то полка подпоручику онаго полка С-кому в том, что ему разре... разрешае... тся вход в поро... пороховой погреб... это не то", — скороговоркой ответил батюшка. Пришлось отнестись к делу внимательнее и, покопавшись в боковом кармане, я предъявил нужный документ. Дело в том, что будучи в то время заведующим оружием в полку, я держал все бумажки вместе, и нужные и ненужные. Быстро собрал я четырех шаферов Бородинцев и, получив от батюшки назначенный день для венчания, отпраздновал свадебное торжество в церкви штаба 1-й Казачьей дивизии, с участием прекрасного хора чинов 10-го Донского Казачьего Генерала Луковкина полка.

В заключение могу сказать, что принимая во внимание доброе и благожелательное, к нам военным, отношение польского и еврейского общества, служба и сама жизнь в этом маленьком городе протекала настолько гладко, что я ни разу не слышал о каких бы то ни было крупных скандалах и неприятностях. Что было несколько однообразно — это понятно, но что в этой обстановке люди погружались в беспробудное пьянство и разврат, о котором кричит немец фон-Бильзе в своей повести "История маленького гарнизона" (в Германии эта книга была запрещена) и Куприн в своем романе "Поединок", — говорилось лишь с единой злонамеренной целью опорочить нашу военную среду.

Эраст С-кий

„Светлана"

ОТ РЕДАКЦИИ. К отмеченным уже на страницах "ВОЕННОЙ БЫЛИ" славным именам "ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ", "РОСТИСЛАВА", "ПЕТРОПАВЛОВСКА", "НОВИКА", "ПОЛТАВЫ", "НАВАРИНА" и "ПАЛЛАДЫ", сегодня мы присоединяем еще биографический очерк "СВЕТЛАНЫ" и снова обращаемся с настойчивой просьбой к господам морским офицерам по мере возможности пополнять этот отдел журнала. По примеру наших товарищей — полковых историков в эмиграции и мы — моряки обязаны оставить потомству хотя-бы краткие очерки по истории наших кораблей.

Первый корабль нашего флота, носивший это имя, был фрегат, построенный во Франции, в Бордо, в 1858 году. Это был один из лучших ходоков того времени, совершивший два кругосветных плавания и обогнувший мыс Горн, на обратном пути из Тихого Океана под командою И. И. Бутакова.

Деревянный фрегат этот имел 3.187 тонн водоизмещения, 229 футов 7 дюймов длины, 47 ф. 10 д. ширины и 40 чугунных орудий. В 1872 году, на этом фрегате, Великий Князь Алексей Александрович принимал, на рейде Иокогамы, японского Микадо Мутцу-Хито. Большую часть своей службы на флоте Великий Князь Константин Константинович проплавал на "Светлане" и совершил на этом фрегате два заграничных вояжа. Вместе с офицерами и командой "Светланы", 19 июня 1877 г. Великий Князь был отправлен на Дунай.

В 1896 году, в Гавре, был построен второй корабль того-же наименования, крейсер 1 ранга "Светлана". Водоизмещение он имел 3.727 тонн, длину — 331 ф. 4 д., ширину — 42 ф. 8 д. и углубление — 18 ф. 10 д. При машине в 10.100 инд. сил он давал 20 узлов хода. Боевое вооружение состояло из шести 6 дм. орудий и двадцати скорострельных мелкого калибра. Стоимость постройки и вооружения равнялась 2.786.836 руб.

В Цусимском бою, в пятом часу утра 15 мая, уже в виду о-ва Дажелет, крейсер был атакован двумя крейсерами и миноносцами противника. Сильно поврежденный накануне, крейсер с трудом поддерживал пар в котлах и на нем оставалось всего несколько десятков шестидюймовых снарядов. На совете, собранном в эту критическую минуту командиром кап. 1 ранга Шеиным, было решено "вступить в бой с крейсерами и, когда будут израсходованы все снаряды, затопить крейсер". Затопить а не взорвать было решено потому, что минный погреб был залит еще в самом начале боя 14 мая.

Имея сильный дифферент на нос, с приподнятой кормой, "Светлана" открыла огонь по неприятелю, с расстояния 5 1/2 миль. Засыпанная японскими снарядами, получив пробоины по ватерлинии около командирского помещения в разрушенное попаданием машинное отделение, "Светлана" остановилась. Японцы продолжали расстреливать остановившееся неподвижное судно и тогда трюмный механик получил приказание открыть кормовые клапаны затопления и двери непроницаемых переборок в жилой палубе. Около 11 ч. утра, крейсер Его Величества "Светлана" накренился на левый борт и с поднятым Андреевским флагом пошел ко дну. Место его славной гибели — 37° север. широты и 129° 50' восточной долготы от Гринвича. Глубина моря — 2.000 фут.

А. Г.

ОТ РЕДАКЦИИ: В № 33 нашего журнала, в статье "Гибель батареи", на стр. 17 в 1 столбце на 25-й строке, после слов: "можно сказать" следует добавить: "что 8-я конная батарея имела все козыри".

От Издательства „Военная Быль“

Восьмой год истек, что мы издаем журнал "ВОЕННАЯ БЫЛЬ". Накопилась огромная папка хвалебных и благодарственных отзывов и писем. Все читатели и подписчики как-будто довольны и с радостью приветствуют выход каждого номера. С этой стороны, стороны идейной, моральной стороны нашей работы — все обстоит вполне благополучно. Но есть другая сторона — сторона материальная, финансовая. Несмотря на бескорыстную работу Редакции, всех сотрудников и технического персонала, журнал себя не оплачивает. Типографские расходы выросли за это время почти на 30 процентов, бумага вздорожала, почтовые расходы — так же, а мы, до сих пор, только один раз подняли годовую подписную плату на ПЯТЬДЕСЯТ франков в год. Такое положение, к нашему глубокому сожалению, не может продолжаться. Есть и второе, очень важное обстоятельство: мы не имеем теперь кредита в типографии и каждый номер должен быть оплачен полностью вперед, до его выпуска. А вот 1958 год кончился, а многие ПОДПИСЧИКИ до сих пор не внесли своей подписной платы. Мы вынуждены просить всех наших подписчиков внести подписную плату в возможно кратчайший срок, ну, скажем, до 1 марта 1959 года. Всех наших постоянных читателей просим перейти, по возможности, на годовую подписку. Это даст возможность Издательству иметь некоторый "маневренный фонд", который особенно важен при выпуске первых номеров журнала в году.

Мы обращаемся с настоятельной просьбой ко всем друзьям нашего журнала, желающим его дальнейшего развития и улучшения, с просьбой жертвовать в "Фонд Издательства". Если каждый из наших подписчиков и читателей что-то внесет, кроме подписной платы или даст хотя бы одного лишнего подписчика — соберется сумма денег, которая позволит и увеличить журнал, и дать иллюстрации, и сделать много других улучшений. Нужно помнить что МАТЕРИАЛА и хорошего, и нужного — много. Кроме нас НИКТО не спасет его от забвенья, НИКТО не напечатает. Помогите нам и нашим сотрудникам, бескорыстно вкладывающим свой немалый труд в это дело. И при этом твердо помните, что НИКАКИЕ МЕЦЕНАТЫ нам не помогают. Развитие и спасение наших журналов — ТОЛЬКО В УВЕЛИЧЕНИИ КОЛИЧЕСТВА ПОДПИСЧИКОВ.

Алексей Геринг

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ“

ШКАТУЛКА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА

В 1901 году, за несколько месяцев до столетия трагической кончины Императора Павла I, в Отделе Хроники одной из петербургских газет появилась заметка о шкатулке Императора Павла Петровича, хранившейся в музее лейб-гвардии Павловского полка. К шкатулке было приложено краткое распоряжение Павла, гласившее: "Вскрыть через сто лет после моей смерти. Павел I".

Интересно было бы узнать судьбу этой шкатулки.

Эраст С-кий

МОГИЛА ПАВЛОВЦЕВ

В ноябре 1908 г., группа офицеров 170 пехотного Молодечненского полка участвовала, вместе с Охотничьей командой своего полка, в зимней охоте у местечка Ольkенники, Виленской губернии. Случайно, в этом районе, был обнаружен в густом лесу, в версте от м. Ольkенники, небольшой насыпной холм, наверху которого красовался белый крест со скромной надписью: "Лейб-гвардии Павловскому полку — 107 пехотный Троицкий полк".

Из расспросов местных жителей, а также по рассказу капитана Туманьянца (?), командира 8 роты Троицкого полка, составлявшей гарнизон м. Ольkенники, удалось выяснить, что здесь, в 1863 году, во время польского восстания, погибла одна из рот лейб-гвардии Павловского полка. Отчаянно отбиваясь от повстанцев, остатки этой роты были окружены и, попав в болото, ликвидированы так называемыми "косиньерами", единственным оружием которых были косы, прикрепленные вертикально к рукояткам.

Так как лес в этой местности растет на болоте, а болото замерзает только местами, доступ к братской могиле был почти невозможен. Выручил и проводил местный лесник. У одного из присутствовавших офицеров нашелся фотографический аппарат и, после молитвы по зверски убиенным павловцам, могила была сфотографирована и снимок отправлен в музей лейб-гвардии Павловского полка.

Эраст С-кий

НЕЧТО О БИФШТЕКСАХ

Остался в памяти случай из жизни на фронте в 1916 году. Осколком бомбы, лошади оторвало ногу. Пришлось пристрелить, чтобы укоротить мучения. Суп из конины — невозможен, но жареное мясо — вполне. Батарейный повар зажарил нам бифштексы. Денщик подал на стол и доложил командиру батареи: "Ваше Высокоблагородие, лошади поданы..."

Е. П.

Почтовый ящик

Во II томе книги епископа Никона (Рклицкого) "Жизнеописание Блаженнейшего Антония" я прочитал следующие строчки:

"Австрийский гусарский полк перешел Русскую границу и стал производить маневры на нашей земле. Полк был немедленно окружен казаками и был уничтожен".

До этого, мне не приходилось нигде читать об этом случае, может быть Вы будете любезны обратиться к корреспондентам и читателям "Военной Были "и "Вестника", может кто-нибудь из них знает подробности этого "пограничного инцидента", как его называет автор книги. Пусть тогда он поделится с нами, так как случай стоит того, чтобы о нем знали все помнящие о величии нашей Родины, да и другим не плохо о нем послушать.

Я уверен что есть еще живые участники этого отважного дела. Интересно знать подробности: какая была часть? Кто начальники? Особенно интересен начальник, отдавший такой приказ? Каковы были последствия для них и тому подобное?

Я — старый читатель "Военной Были", проживающий в Австралии.

Глубоко уважающий Вас *А. Дудкин*

Хочу Вам написать относительно "Военной Были", что я от нее просто в восторге. Содержание каждого из полученных мною номеров так интересно, разнообразно, что я не могу нарадоваться этому военному журналу, о котором я уже давно мечтал и, не зная "Военной Были", жалел, что таковой не существует.

Для нас, бывших кадровых офицеров мирного времени, участников 1-й мировой и гражданской войн, каждый номер "Военной Были" является незаменимым, желанным спутником, который, перенося нас в старое прекрасное, несмотря на разные невзгоды, время и воскрешая в нашей памяти разные, так дорогие нашему солдатскому сердцу, воспоминания, позволяет, хотя бы на миг, позабыть нашу тяжелую, эмигрантскую лямку. Об этом, найденном мною, прекрасном военном журнале, я уже написал нескольким своим боевым товарищам.

Я сам не был кадетом, очень многие из нас не воспитывались в кадетских корпусах, поэтому, вероятно, для многих "Военная Быль" осталась неизвестной *только потому,* что она известна, как орган Обще-Кадетского Объединения. Я уверен, что многие так же счастливы, как и я, узнав какой неоценимый клад содержит в себе каждая страница "Военной Были". Почему не расширите вы "Военную Быль" в орган ветеранов Российских Императорских Армий и Флота, а также и участников Белой Борьбы? Подумайте над этой моей мыслью и проявите инициативу. Этим вы доставите очень многим, подобно мне закинутым в глушь и оторванным от всяких объединяющих нас центров, много радости и утешения.

В. Кочубей

СМЕСЬ И БРЫЗГИ

Редактору нашей "БЫЛИ".

Я на днях узнал по телефону —
(Вот его полезности образчик!)
Будто, следуя всеобщему закону,
Ты, мой друг, играть собрался в ящик?..
Для чего такая дурость, Лека?..
Вот не ждал такого от тебя-то! —
И для милой Барыни жестоко...
Да и просто будто рановато.
Без тебя-то обойдемся мы ли? —
Заместителя найти могли мы где бы
Для редакторства твоей "ВОЕННОЙ БЫЛИ"
Нам на всякую домашнюю потребу?..
Ты подумай только, человече, —
Кто, как ты, способен в эмиграньи
Русскую грамматику калечить
Расстановкой знаков препинанья?
Так уж ты маленько погоди-ка:
— Ради тех, кто чтёт твои журналы
(В здешней жизни горестной и дикой
Уж и так потехи больно мало).
Ведь с тобою мы почти погодки
И еще прекрасен Божий мир-то! —
А возьми-ка ты литрягу водки
Или даже лучше: просто спирта
(Потому что, — понимать-то надо-с
Золотой принцип фармакопеи:
Чем сильнее у лекарства градус,
Тем его и действие полнее).
Этим спиртом разотри утробу.
А бутылку — спрячь себе под столик, —
Да помыслить не дерзнул никто бы,
Что-де ты присяжный алкоголик.
(Надо же уметь скрывать и факты:
Правду знать — не каждый встречный в праве-с!)
А надраться чем-нибудь и как-то
Ты еще успеешь и поправясь.
И опять, — потомкам в назиданье,
На потеху публике журнальной, —
Станешь ставить знаки препинанья
Столь же лихо и... оригинально...
Не сердись. На солнце есть и пятна:
Отрицать их можно только сдуру.
А твои "новинки" — вероятно,
Тоже ценный вклад в литературу.
Я такие допускаю штучки
(Особливо — ежели с запоя).

Лобызая Барынины ручки,
Жму сердечно лапищи твоя я. *Н. М.*

Le Directeur: Mr A. Guering. Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1959 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник"

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Девятый год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:
61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей « ВОЕННОЙ БЫЛИ » и « ВЕСТНИКА ».

Подписная цена с пересылкой на год :
700 фр. фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.
В газете — постоянные отделы: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Русский книжный магазин „Le Magasin du Livre"

Продажа Русских книг до-военного издания

10, RUE DES CARMES, PARIS-V^e.
Tél.: DAN 25-28.

НА СКЛАДЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

	Фр.
М. Каратеев — Ярлык Великого Хана	1200
Г. Александровский — Цусимский бой	900
Георгий Ишевский — Честь	600
Первые начавшие. — Сборник под редак. Ген. Шт. Полковника Ряснянского	600
Иван Сагацкий — Встречи, сборник стихов 1942 г.	300
Иван Сагацкий — Память, сборник стихов 1938 г.	300
Марина Цветаева — Лебединый стан	500
И. А. Ильин — Наши задачи, в 2-х тт.	2.400
Л. И. Кульнев — Волны жизни	350
Вестник Совета Зарубежного Воинства № 3, посв. Генералу Врангелю	100
А. Балашов — Для немногих, стихи	400

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16^e) и в Русских книжных магазинах.

Юг Франции — у А. Я. Фока — 57, рю Марешаль Жоффр, Ницца (А. М.).

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 93, rue de L'Abbaye, Bruxelles.

Лондон — у В. В. Барачевского — 23, Alder Grave, London N. W. 2.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Neumoresa 86, Roma.

Сев. Ам. С.Ш. — в Обще-Кадетском Объединении у В. А. Высоцкого 410, Rivercide Drive Ap. 103 A. New-Iork 25.

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 avenue San-Francisco 18.

Канада — К. Н. Мартемьянов — 716, Gerrard str. East. Toronto, ONT.

Австралия — а) у Калатилина — 50, Belemba ave Lakemba (N.S.W.), б) у Н. А. Косач 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — Obligado 2130, Buenos-Aïres.

№ 35

МАРТ 1959 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 8-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ

ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ПАРИЖ

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» с глубоким горем извещает о кончине своего дорогого друга и однокашника Редактора-Издателя Сборника «Сумский корпус 1900 — 1950 гг.»

Сергея Яковлевича КРЕМЕР

Панихида была отслужена у Кадетской Лампады в Париже 7 февраля 1959 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1500 фр. с пересылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № — 5 шил. год. подписка — 25 шил. в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16ᵉ). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881 - 89 Париж *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

8-й год издания № 35 МАРТ 1959 Г. Bimestriel. Prix — 250 fr.

Памяти Русской эскадры в Бизерте

Пожелтевшие и изъеденные временем, ценнейшие документы, извлеченные из архива Общества Офицеров Российского Императорского Флота в Нью-Йорке, еще отчетливо сохранили свои номера, даты и подлинные подписи. Самое же главное — они сохранили для истории то, что ни мы, ни будущая свободная Россия забыть не должны.

Выборки, сделанные из рапорта и. д. Командующего Русской Эскадрой, от 20 декабря 1924 г. № 626, порт Бизерта, красноречиво и неумолчно рассказывают об общей обстановке, создавшейся, в ту пору, в порту и на эскадре, причинившей всем нам, русским патриотам и, в особенности, старым и молодым морякам, столько острой боли и нового горя, и возбудившей столько, вполне понятного, негодования.

Контр-адмирал М. А. Беренс докладывает Командующему Русской Эскадрой вице - адмиралу М. А. Кедрову в Париже: "Я получил собственноручное письмо французского морского префекта вице - адмирала Эксельманс, только что вернувшегося из Туниса, с просьбой собрать на одном из наших кораблей в кратчайший срок возможно большее количество офицеров, с которыми он хочет лично поговорить по поводу текущих событий..."

"В 10 часов утра, он прибыл на эскадренный миноносец "Дерзкий", где к этому времени были собраны все командиры и, свободные от службы, офицеры и корабельные гардемарины".

"Адмирал Эксельманс объявил о признании Францией СССР, выразил свое соболезнование и развил свою точку зрения о том, как должны, в данном случае, поступить русские морские офицеры".

Было ясно, что он опасался возможного затопления русскими офицерами судов Эскадры или какихлибо враждебных выступлений по адресу правительства Франции.

"С заходом солнца, 29 октября 1924 гда были спущены Андреевские флаги, с тем, чтобы более не подыматься. В полночь был спущен и мой флаг..."

"Из разговоров с морским префектом", докладывает дальше адмирал Беренс, "я вынес впечатление, что до 1 января нам дадут возможность жить спокойно для приискания себе заработка, после же нового года, вероятно, по примеру бывших лагерей, будет оказываться некоторое давление".

Какой невероятной скорбью звучит *последний*

ПРИКАЗ

и. д. Командующего Русской Эскадрой

3 ноября 1924 г. № 147 Порт Бизерта, эск. мин. "Дерзкий".

Русская Эскадра прекратила свое существование. Четыре года мы жили надеждой, что не дождемся никогда этого момента, но Судьба решила иначе.

Я считаю своим долгом отметить то спокойное достоинство, с которым личный состав встретил это последнее и самое тяжелое испытание. Пользуясь случаем, чтобы принести сердечную благодарность всем моим сослуживцам и соплавателям и пожелать им успеха в устройстве их личной жизни до счастливого момента возвращения на Родину, надеждой на который мы все живем.

Контр-адмирал *Беренс*

Верно: флаг-офицер Штаба мичман *Лесгафт*

На это, столь неожиданное для всех, решение французского правительства последовали отклики огорченных русских моряков из всех центров русского рассеяния. Вот один из них:

"Почто-телеграмма адмиралу Беренс. Бизерта.

Собравшиеся в Кают-Компании в Париже, 9-го ноября, морские офицеры разделяют вместе с Вами и чинами Эскадры всю тяжесть печальной необходимости спустить Андреевские флаги на наших кораблях и сдать корабли французским властям, для передачи Советам. Да облегчит Вам Ваше тяжкое положение сознание исполненного перед Родиной долга и пусть это новое испытание еще теснее сплотит нас всех в непоколебимой вере в торжество Национальной России и возрождение Ее Флота.

Председатель Кают-Компании адмирал *Русин*.

Генеральный секретарь кап. I ранга *Дмитриев*".

Одновременно с грустной церемонией спуска флагов на судах русской эскадры, был затронут и Морской Корпус. Оставшиеся кадеты были переведены из помещения корпуса на форту Джебель—Кебир на жительство в лагерь Сфаят. Старый форт, с украшенными морскими картинами и эмблемами стенами, опустел...

1 мая 1925 года был последним учебным днем Морского корпуса, того учебного заведения, благода-

ря которому, под руководством вице-адмирала Герасимова, триста юношей и мальчиков получили хорошее образование и были подготовлены для дальнейшей жизненной борьбы...

Для характеристики обстановки и настроения, царившего в Морском корпусе в Бизерте, приведем в сокращении письмо одного из воспитанников от 23 марта 1922 года:

"Много нового, ценного, крепкого получил я здесь. Много пришлось увидеть, пережить и перенести тяжелого, но ничто не сломило во мне духа бодрости... Мы страшно заняты и работаем положительно круглые сутки... Лекции — 8 часов, рабочий труд самый правильный, масса нарядов по хозяйству, по службе, по роте... По вторникам и четвергам репетиции. Забываешь наше изгнание, вечно идет энергичная, кипучая работа. Сыт, одет, о завтрашнем дне не думаю и учусь... Мы проходим замечательный курс учения, подбор преподавателей великолепный, и мне так нравится этот русский кипучий муравейник с заветами старины, с традициями и крепким морским духом".

А вот и отдельные выборки из приказа:

ПРИКАЗ

по Морскому Корпусу. Лагерь Сфаят,

мая 25 дня 1925 года, № 51:

"Вполне понятны та грусть и то тяжелое состояние духа, которые проявляются при разорении этого устроенного и налаженного русского учебного гнезда, где *русские дети учились любить и почитать свою православную веру, любить больше самого себя свою Родину и готовились стать полезными деятелями при ее освобождении*".

"Считая 25 мая днем окончательной ликвидации корпуса, я могу пожелать всем уходящим моим бывшим сотрудникам по корпусу наилучшего устройства их личной судьбы, в чем, имея в виду их трудоспособность и познания, я не сомневаюсь. Наградой же за их службу и работу в корпусе пусть будет сознание честно, по отношению к Отечеству, исполненного долга и та благодарная память кадет, которая сохранится у последних о всех, положивших свой труд и заботы па их пользу.

Директор Морского корпуса

вице-адмирал *Герасимов*

верно: адъютант лейтенант *Леммлейн*

Скрипит, но полным ходом катится расхлябанное колесо истории, оставляя неровную и глубокую колею на размытых дорогах.

Сотни русских моряков, оставив палубы любимых кораблей, пошли кто куда, в поисках крыши и хлеба насущного... по всему земному шару рассеялись белые русские моряки, но не для того, чтобы слиться и войти целиком в захватившую их жизнь, а чтобы, по слову последнего Главнокомандующего генерала Врангеля: *"Всем показать стойкость своего национального лица"* и собрать, и сохранить для будущей великой национальной России документы, правдиво говорящие о вольных или невольных заблуждениях взбаламученного Свободного Мира.

Инж. мех. лейтенант *Н. З. Кадесников*

Три времени года в четырех стенах

(Продолжение)

12 Еще о Великом Князе

В "Ниве" за 1906 год (случайно мне попавшейся) можно видеть большую, во весь лист, фотографию: на первом плане в кресле-качалке Великий Князь. Сзади — группа офицеров. Перед ними маленький столик с лампой; за столиком — в скромном черном костюмчике седенький старичек в очках.

Подпись: Измайловские досуги. Поэт Майков читает офицерам полка свои последние стихи.

Где, в каком государстве, в каком полку любой европейской армии было бы мыслимо, что-либо подобное? Пришло бы в голову офицерам немцам, англичанам, французам слушать новые стихи, интересоваться поэзией?

Великий Князь был поэтом. Поэтом в самом хорошем значении этого слова. У него не было погони за звонкими рифмами, за оригинальностью, но все было добротно, возвышенно и чисто, т. е. было все то, что характеризовало истоки русской поэзии (эпохи Жуковского, Баратынского). В них была та "пленительная сладость", о которой говорил Пушкин. Его поэзия была чистым родником, бьющим из скалы.

И. А. Бунин умел находить какие-то совершенно исключительные слова для подкрепления своей мысли. В *"Жизни Арсеньева"* он пишет о том, как мальчиком, роясь на чердаке в старом доме, он нашел старые, запыленные маленькие томики стихов, изданных по старинной моде с виньетками и замысловатыми заставками.

"Они поразили меня", — говорит Бунин, — "не только звучностью стихов, но и всем вообще "высоким строем" написаннаго". Именно этот "высокий строй" был присущ всей поэзии К. Р.".

---

13 Полтава, ранней осенью

Полтава встретила нас во всей прелести начинающийся осени.

Городовые — еще в белых фуражках, желтые листья еще только кое-где, чудесные солнечные дни.

летние костюмы (много национальных, особенно у девушек).

Лето — еще не умерло!

Но обычный годовой круговорот начинается: полутеплая баня, сдача летнего белья и вот опять: знакомые коридоры, портреты, пахнущие свежей краской классы.

Первые дни, когда еще чаруют своей новизной чистенькие тетради, новые учебники алгебры и геометрии, новый класс, два второгодника, неизвестно почему свысока на нас глядящие, как-будто гордящиеся тем, что не смогли осилить курса 4-го класса, проходят быстро.

Еще новы впечатления от двух новых преподавателей, которых мы видели раньше, но в других классах, еще радуют прогулки с оркестром музыки на плац, полный летнего очарования, еще с аппетитом поедаются арбузы, но постепенно осень дает себя знать: желтеют и осыпаются листья в "круглом саду", исчезают арбузы, начинаются дожди.

---

14 Малороссийский театр

На заборах афиши малороссийского театра, или как их коротко называют: малороссы.

Репертуар из года в год один и тот же (за малыми исключениями: бесхитростные пьесы украинской музы: "Запорожец за Дунаем", "Вечерныци", "Наталка Полтавка", переделки гоголевских: "Вия", "Тараса Бульбы"; драмы: "Хмара", "Казка старого млына" (один из моих знакомых, яростный украинец-самостийник, называл эту драму "Фаустом" украинской литературы, "Фауст", в действительности был почти точной копией пушкинской "Русалки", причем наряду с украинскими именами Марусь, Ганночек значились неизвестно почему еще и имена Вагнеров, Шмидтов и Шульцев. Вероятно пьеса попала из австрийской Галиции). Кроме того шло множество пьес украинского драматурга Карпенко-Карого: "За двома зайцами", "Круты, та не перекручуй", "6.000", "Мартын Боруля" и пр., и пр.

Нас часто водили в театр, и на наш, и на казенный счет. Наивные сюжеты не очень талантливого (скорее совсем неталантливого) Карпенко-Карого почти всегда варьировали одну тему: тихая и мирная украинская жизнь чиста и безоблачна лишь до тех пор, пока деревенский житель не столкнется с "культурой" и "цивилизацией" (конечно "московской", "москальской"). Эта культура вносит разлад, мутит чистые души, ввергает их в ненужные страдания. Вкусившие "культуру" начинают говорить ломаным русским языком, начинают презирать своих односельчан, их обычаи, нравы, язык.

Это: разбогатевший мужик, пожелавший получить дворянство, парень, сделавшийся писарем или парикмахером, и т. д.

Все они, в конце концов, в пьесе оказывались посрамленными и торжествовали простодушные Грицьки, Омельки и Петруси. В драмах неизменно фигурировал жид-шинкарь, торгующий не только горилкой, но и ядами, а герои выражались в патетических местах, высокопарными шиллеровскими метафорами:

Любимая девушка была: "Ластивочка, моя сизокрыла". Горе, тоска, грусть: "Гадюкой по пид сердцем", и т. п.

Ничего этого мы, конечно, в те времена не замечали! Любили малороссов просто за то, что они прекрасно пели, а не было ни одной украинской пьесы, где бы в изобилии не было песен и плясок. Кроме того, нужно быть справедливым, что такие артисты, как Заньковецкая, Садовский, Саксаганский (Карпенко играл часто, но плохо) были действительно первоклассными артистами. В каждой труппе, помимо них было много молодых парней и девушек, как я уже сказал, прекрасно певших и танцевавших. Мы, наивно и от чистого сердца, всем восхищались, аплодировали до боли в ладонях и вызывали на "бис" до хрипоты.

По мальчишески хохотали только всегда над куплетами *Возного* из "Наталки Полтавки:

— "Гей Наталко! Не дрочися!
Гей! Наталко, не дрочися!
Схаменыся!
Схаменыся!"

В этом месте неизменно смеялся и весь театр, так что в последние годы дирекция заменила эти слова какими-то другими. Куплеты эти проникли даже в стены корпуса; кадету, пришедшему в ярость, весь класс скандировал:

— "Гей Наталко...

---

15. Еще о театре и наших детских спектакля

"Малороссы" сменялись русской драмой, а в посту оперой. Опера казалась нам венцом театральных достижений. Оперный артист — это существо высшего порядка! Оперным артистом нельзя сделаться сразу, как, напр., драматическим.

Один из наших кадет, исключенный из 6-го класса, через год сделался вдруг "драматическим актером" какой-то бродячей труппы. Он присылал нам вести о себе на визитных карточках розового цвета, на которых под графской короной сверху значилось:

Сергей Владимирович
ИВАНЧЕНКО
Артист Русской Драмы:
1-й простак и 2-й комик
Пенза. Отель "Палас"

Оперному же артисту надо много учиться, пройти школу пения, часто кончить консерваторию. Престиж оперного артиста, в наших глазах, был очень высок.

В драматическом театре мы видели таких артистов, как Дальский, Орленев, Самойлов, Днепрова. Шли пьесы Островского, "Коварство и Любовь" Шиллера, "Гамлет", "Кин".

В осеннем же сезоне, неизменно, ставился один спектакль "Полтавского Общества любителей драматического искусства", большей частью какая-либо пьеса русского классического репертуара. В одном из таких спектаклей выступал, в роли Чацкого, один из наших воспитателей шт. ротм. Орденского драгунского полка Байдак. Это был красивый мужчина, с пышными усами, которыми он, с разрешения начальства, пожертвовал для исполнения роли Чацкого. Играл он прекрасно, но мы долго не могли привыкнуть к его бритой физиономии, делавшей его похожим на ксендза, пока усы его не отрасли вновь.

Байдак был очень музыкален, всегда аккомпанировал выступавшим кадетам, неплохо пел сам и был женат на довольно хорошей певице (в мое время уже потерявшей голос). С кадетским хором она пела *"Аве Мария"* Гуно.

Байдак, первый из нашего корпуса, купил граммофон (по тогдашним временам — редкость) и часто приносил его нам послушать. Мы впервые услышали таких певцов, как Фигнеры, Михайлова, Тартаков, Давыдов.

Любимыми дисками (тогда назывались пластинками), были: арии Дубровского, Элеазара, сцена проклятия из "Фауста", "Колыбельная" Годара, ария Рауля из "Гугенот".

Но самым большим праздником для нас были наши собственные, домашние спектакли. Ставили сценки (а иногда и полностью) из "Бориса Годунова", "Недоросля", "Скупого рыцаря", "Мертвых душ".

Большой дортуар роты превращался в зрительный зал, брались на прокат костюмы и мы, старательно и не очень талантливо, декламировали стихи Фонвизина, Грибоедова, Пушкина.

---

16. Интермеццо

Но все это были оазисы на фоне длинных и однообразных дней. Уроки, вечерние занятия, письменные работы, волнения из-за полученной двойки, гимнастика, строй, утренние прогулки (бегом вокруг сада).

Голые деревья почерневшего сада, каркающие вороны, лужи на улицах, дождь, дождь.

Боже мой, как подурнела Полтава! Дома имеют унылый вид, по мостовой барабанят капли дождя, жители нахохлились, понадевали на себя какие-то допотопные капелюхи, барышни все подурнели. Нас мучат письменными работами — кончается четверть. В классах свет начинает гореть чуть ли не с трех часов дня.

По субботам навещаю Глебушку: он все еще не может привыкнуть к корпусному режиму. Забираемся в укромный уголок и без конца говорим о доме, папе, маме, братьях, сестре. Высчитываем — сколько дней еще осталось до Рождества. Много! Ох, как еще много! Глебка откровенно всхлипывает и я даже не пытаюсь его остановить.

Смотрим на улицу, ведущую как раз к нашему вокзалу: на улице моросит мелкий осенний дождь. "А у нас-то!" думаем мы и кажется, что у нас дома не может быть ни дождя, ни осени: всегда тепло, всегда светит солнце.

— Давай напишем домой письмо вместе!

Достаем перо, чернила, конверты, бумагу и приступаем к писанию. Мы немного похожи на того новобранца, который хочет все свои горести, заботы и печали о доме, семье, своей хате, излить на клочке бумаги, но у которого в запасе слов нет ничего больше, как: — "В первых строках моего письма... И еще кланяюсь..."

Я мокаю перо в чернильницу и вывожу:

— "Дорогие папа, мама, дядя Тима, Федя, Миша, Олечка... Целуем вас крепко, крепко. Мы живы, и здоровы..."

Дальше что?

— Что ты хочешь написать еще? — спрашиваю Глеба.

Глебка молчит. Я-то знаю (вернее чувствую), что бы он хотел написать. Вероятно о своей грусти по дому, о своей любви к маме, семье, что хотелось бы ему сейчас быть возле мамы, сесть с ней на диван возле печки, прикурнуть к ней, погладить и поцеловать ее худенькую руку с золотым колечком и многое еще чего другого.

Но как это все выразить?

Как найти нужные слова?

Беден, беден человеческий язык!

— Ну...

— Напиши, что я научился прыгать через кобылу! — через слезы, выдавливает из себя Глебка.

Пишу про кобылу.

— Еще что?

— Напиши, что я кланяюсь Фраму (папина охотничья собака). Написано и про Фрама.

Подписываемся оба, наклеиваем марку, пишем адрес. Глебка советует на конверте написать: "Посторонних лиц прошу не читать"!

— Ну, это уж совсем глупо! Никто, никогда, нигде этого не пишет.

— Нет! Вот мой сосед по парте Ваня Дедебулидзе, всегда это делает. Он говорит, что на Кавказе народ очень любопытный!

— Глупости какие! Вечно ты что-то сочиняешь!

Глебка вдруг ревет уже после того, как письмо брошено в домашний почтовый ящик в коридоре.

— Чего ты?

— Забыли написать, чтобы нам прислали деньги на дорогу на Рождество! Ну, да это ничего! — сам себя утешает он: — мама сама догадается.

Еще бы! Конечно, мама догадается.

Теперь для меня ясно, что и среди фраз о пры-

ганьи через кобылу и поклонов Фраму, догадается и о многом другом: найдет все те ласковые слова, которые мы хотели, да не сумели написать ей, почувствует всю нашу любовь к ней и к родному дому.

ЧАСТЬ 2-я

ЗИМА

1. Увертюра

Зима начинается в один из дней, когда, проснувшись, мы видим, что что-то кругом изменилось: в дортуаре стало как-то светлее, класс тоже стал какой-то новый, помолодевший, ясный. Это выпал первый снег. К вечеру он, правда, растаивает, но через два дня начинает валить хлопьями и днем, и ночью.

И как все сразу меняется! Полтавы не узнать! Унылая и печальная, мокрая и грязная осенью, она вдруг, как в сказке, становится красавицей Снегурочкой из поэмы Островского: домики покрываются белоснежными шапочками, по первому снежку уже бойко и бешумно несутся извозчичьи саночки с бубенцами, настроенными в терцию (очень характерная особенность полтавских извозчиков, тоже музыкальных хохлов).

Первый полтавский извозчик Байдала, проносится на своей паре "лихачей", когда мы выходим на утреннюю прогулку. Гуляем мы, как всегда, в одних мундирчиках, без всяких фуфаек и шарфов. Мороз уже основательно щиплет за нос и уши.

На заборах — новые афиши гастролей Самойлова, ближе и ближе к Рождеству, т. е. к поездке домой, елке, родной семье.

Но уроки идут неумолимой чередой: педагоги, перед праздниками, жмут еще сильнее, испещряя журналы двойками и тройками.

---

2. Немного математики

Большинство авторов, описывая школы, не сходят с пути *дифференциального* исчисления, т. е. раздробления целого на части. Отсюда:

— Русский язык преподавал нам А... Это был мужчина большого роста, и т. д.

— Математику Б... Это был добродушный толстяк... и так до бесконечности.

Путь, может быть, и правильный, но затемняющий общую картину.

Путь *интегрального* исчисления кажется мне более правильным. Интеграл, как известно, обозначается знаком S. Интегралы бывают: "определенные" и "неопределенные".

Определенные интегралы обозначаются:

$$S^{e}x \quad S^{e}y \quad Sz$$

Это значит, что данное математическое выражение интегрируется по элементу, входящему в выражение. В указанных случаях, по x, y, z.

Результаты интегрирования, конечно, в каждом случае разные. Переходя на житейский язык, можно сказать, что педагогов корпуса (сумму их) можно рассматривать с любой точки зрения, скажем: с точки зрения их роста, красоты и даже с самой нелепой точки зрения — умения, допустим, танцевать краковяк.

Другими словами (математическими) проинтегрировать их всех — по росту, красоте, балетному искусству.

Ни то, ни другое, ни третье в сущности не интересно. Интересно проинтегрировать их по той "пользе, которую они нам принесли", т. е. нас интересует S польза.

Какой же получается результат интегрирования?

Результат такой: при всех может быть странностях, иногда даже карикатурности характеров наших педагогов, они учили нас хорошо. Я не встречал, напр., среди бывших кадет, людей малограмотных. А мне, в моей длинной жизни, пришлось видеть многих людей, кончивших даже филологические факультеты, и часто хромавших не только в "чувстве" языка, но и просто в грамматических тонкостях.

Мы сравнительно хорошо знали математику, инстинктивно чувствуя, что в будущем она многим из нас может пригодиться (большинство математиков были люди серьезные и мы их немного побаивались. Шуток они не любили).

Плохо было с иностранными языками, по крайней мере у нас в Полтаве. Отчего это происходило — не могу понять.

И "немцы", и "французы" были самые настоящие. Были люди добросовестные. То ли они не знали настоящих методов, то ли мы, хохлята, были неспособны к языкам вообще. Мы зубрили грамматику, склонения, спряжения, но говорить так и не научились. Странно! А ведь институтки, например, кончая институт, свободно говорили на двух языках. (Я нашел причину, читая воспоминания Маклакова).

---

3. Праздник Корпуса. Парад. Бал.

Начало зимы совпадало с двумя приятными событиями в нашей скучной жизни: корпусным праздником (6 декабря, день Св. Николая Чудотворца) и следовавшим за ним отпуском на Рождественские каникулы.

Подготовка к корпусному балу началась уже давно. Она все усиливалась по мере приближения праздника: закупались котильонные принадлежности, рисовались плакаты, эмблемы и значки для украшения зала, выбирались дирижеры танцев, шились банты для распорядителей.

Праздник начинался еще накануне и начинался довольно нелепым образом: с так называемого "ночного смотра".

В 12 часов ночи, 7-й класс в парадных мундирах, но в туго натянутых кальсонах, украшенный аксельбантами из выдернутых лохмотьев швабры и картонными орденами, выстраивался в большой зале. На правом фланге оркестр с трубами, не игравший на них, но завывавший дикими голосами какой-то импровизированный марш.

Принимал парад "майор", т. е. кадет, сидевший в каком-либо классе 2 года. Такой же майор командовал парадом. Если был "трипль" (или триплет) майор, то все почести воздавались ему. При мне в 7-м классе был такой триплет-майор Валя Старынкевич, личность довольно замечательная и стоющая того, чтобы о ней сказать два слова.

Такая феноменальная тупица могла вырасти и "процвести" только на благословенных палестинах "хохландии", где "все обильем дышет, где реки льются чище серебра".

С самых маленьких классов, совершенно героическими усилиями всех товарищей по классу, натаскивался бедный Валя — на экзамены, на отдельные ответы, на письменные работы, но, увы!... все было тщетно!..

Бедная Валина голова ничего не могла удержать в памяти. Интереснее всего то, что сам Валя горел дикой, неукротимой жаждой грызть "гранит науки" и к концу дня был похож на загнанную клячу. Учителя "добровольцы" (может быть они-то и сыграли невольно ужасную роль, довели Валю до полу-идиотизма), менялись ежедневно для того, чтобы вечером, в состоянии полного изнеможения, безнадежно махнув рукой, отказаться от дальнейших уроков.

Наконец, за Валю взялся "прославленный" педагог — ученик 7-го класса Кравченко-Бельский, доведший Валю до того, что он почти перестал понимать простую человеческую речь, а сам, выбившийся из сил, и "переутомившийся" Кравченко-Бельский, со 2-го ученика в классе слетел на 14-го.

Валя, конечно, так и не кончил корпуса. Он поступил в полицию, где, неожиданно, вероятно, и для него самого, начал делать блестящую карьеру.

Судьба столкнула меня с ним случайно, когда я был уже офицером. Подъезжая к Харьковскому оперному театру, я услыхал, знакомый с детства, козлиный тенорок, кричавший извозчикам:

— Проезжай! Проезжай! Не останавливайся...

Я пригляделся: это был Валя, возмужавший, с пышными усами, весь продрогший на зимней стуже, но бравый и энергичный. Мы расцеловались, разговорились. Он был доволен своей судьбой:

— В будущем году получаю "базарный участок", — с стыдливой гордостью заявил он. — А там.. недалеко и до пристава! Я, ведь, все-таки с "образованием"!

Но к театру подъезжали новые сани, я торопился не опоздать к началу спектакля, Валя засуетился, заорал опять:

— Проезжай, проезжай!.. Не останавливайся!... — и мы расстались.

Вот этот самый Валя (триплет-майор) и принимал парад. Он был одет в какую-то совершенно экзотическую генеральскую форму, едва прикрывавшую его голое тело. Внесли его на кафедре, украшенной искусственными цветами. Перед ним, по четыре в ряд продефилировали семиклассники, под звуки исполняемого на губах марша; Валя сказал краткую речь — о вреде всех наук (и как он только смог ее запомнить?) и тем торжество заканчивалось. Начальство смотрело на эту ночную кутерьму сквозь пальцы — она считалась "традицией".

П. Ф. Волошин

(Продолжение следует)

Генерал Василий Фаддеевич Кирей

Генерал Кирей, "знания и талант которого дали России Южную Галицию и Буковину" (ген. Кельчевский), принадлежал к числу блестящих звезд русской артиллерии. Его имя останется навсегда в ее истории, как организатора и исполнителя артиллерийской части прорывов фронта во время так называемого Брусиловского наступления в 1916 году. Свой опыт и заключения он опубликовал тогда же в книге "Артиллерия атаки и обороны", написанной буквально на наблюдательном пункте, в которой он сказал не только, что он делал, но и как надо делать (обе цитаты взяты из советских предисловий к советскому изданию книги. Его успехи были вознаграждены совершенно исключительным темпом движения по службе: выйдя на войну капитаном, старшим офицером мортирной батареи, он окончил ее командиром XXIII армейского корпуса.

Мне пришлось служить с Василием Фаддеевичем, иногда в непосредственной близости, иногда в отдалении, в течении многих лет и таким образом я могу дать свою версию его биографии, основанную на личных воспоминаниях. Что касается некоторых дат, пользуюсь любезностью его брата, полковника А. Ф. Кирея, сообщившего мне их.

Генерал Кирей происходил из старой малороссийской дворянской семьи и был сыном офицера 21-го пех. Муромского полка. Родился 1-го января 1879 года в усадьбе близ Батурина, Черниговской губернии. Окончил Оренбургский Неплюевский Кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище, и в 1901 году вышел офицером в 21-й мортирный артиллерийский дивизион.

Затем он окончил две академии: Михайловскую Артиллерийскую и Николаевскую Военную, но выбрал себе все же артиллерийскую линию, пользуясь преимуществами первой из академий, и вышел на войну в составе своего дивизиона.

В начале 1915 года, ввиду недостатка офицеров Генерального Штаба, он был прикомандирован и. д. старшего адъютанта к штабу 32-й пех. дивизии, произведен в подполковники и осенью 1915 г. назначен командиром 4-й батареи 32-й арт. бригады. Таким образом Кирей и автор этих воспоминаний (тогда поручик), оказались в одном дивизионе и вместе в хатах маленького поселка Загродельки-Зарваницкие на реке Стрыпе, выданного на милость и немилость австрийской артиллерии за рекой. Это было в сентябре 1915 года.

Среднего роста, крепкого телосложения, лысый, с длиннейшими усами и в синей рубашке, Кирей не имел особо воинственного вида, а был похож на хохлацкого хуторянина, управляющего имением. Последнее сравнение, высказанное вслух, заставило его усмехнуться.

Кирей принимал батарею, как делал бы это в мирное время, и входя к нам в хату удивлялся, что никто не может сказать ему точно, сколько людей и лошадей в батарее. Мы смеялись и убеждали его бросить это дело, как совершенно безнадежное, но Кирей возражал, что добьется своего. Не помню, добился ли он действительно, но примерно через две недели мы сдвинулись с места, назад, вправо и вперед, опять на Стрыпу, к Буркановскому лесу и селу Гайворонка.

В то время, после отступления 1915 года, начали время от времени производить короткие наступления на ограниченном участке с ограниченной целью, чтобы вернуть армии самоуверенность, потерянную после такого долгого отступления и безпатронья. И вот наш XI армейский корпус имел перед собой подобную задачу. Исполнение было возложено на сводный отряд из двух полков разных дивизий, 4-х батарей (1/11, 4/32, 5/32 и мортирная) и Белгородских улан, под общим командованием бригадного командира 11-й пехотной дивизии генерал-майора Май-Маевского (впоследствии командовавшего Добрармией).

Поход к Гайворонке был ночной. Чтобы не уснуть в седле, мы сошли с коней и окружили Кирея, шагавшего впереди. Он нам рассказывал потом до утра о разных обстоятельствах и случаях, которые, быть может, и отвечают характеру людей и традициям тоже, но способны свести на нет даже наилучшие решения начальства. Так, незаметно, уже после рассвета, мы достигли исходной точки для разведки позиций.

Кирей оказался старшим из командиров батарей и потому вступил в командование группой. Это был его первый дебют, в скромном масштабе 24-х орудий.

Этот бой (30.IX и 1.X 1915 г.), если и протекал не совсем по плану, дал все же примерно то, что от него ожидалось, а также 4.000 пленых и 10 пулеметов. После него мы отошли на зимние квартиры вдоль реки Серет, с авангардами, выдвинутыми вперед к Стрыпе. Оттуда Кирей был вызван в штаб 9-й армии для участия в разработке предстоявшей операции в масштабе армии, а XI армейский корпус был передвинут в Бессарабию. Там, ко 2-му декабря 1915 г. он сменил пластунов и расположился вдоль пограничного с Буковиной ручья. Мы были на русской территории, но стреляли все-таки по австрийской.

Сознание, что при прорыве укрепленной полосы главное слово должно принадлежать артиллерии, в то время еще не проникло в умы, а изобилие патронов было новостью даже для нас. Не знаю, на основании каких данных и кто выбрал этот участок для прорыва; знаю лишь, что командующий 9-й армией генерал Лечицкий его обозревал лично и таким образом ответственность падает на него.

Главное несчастье было в том, что артиллерия видела только передний окоп противника, тянувшийся по гребню пологого хребта, закрывавшего собой весь тыл противника. И, конечно, этот хребет, с противоположной стороны, был еще лучше наблюдаем неприятельской артиллерией, о месте нахождения которой мы могли иметь лишь самые смутные представления.

Поэтому пять раз — 24, 25, 26 декабря 1915 г. и 1-го, и 6-го января 1916 г. — повторилось одно и то же, каждый раз с новой дивизией: мы разметали первую линию окопов и пехота их заняла (несмотря на общее осуждение солдатами атак по двунадесятым праздникам), но как только пехота показалась на гребне, австрийская артиллерия произвела эту же работу в обратном направлении и наша пехота оказалась в исходном положении. Так ничего и не вышло.

Кровавый опыт этих боев был, однако, учтен. Когда намечалось Брусиловское наступление, в штабе 9-й армии было созвано совещание, на которое были приглашены командиры корпусов с инспекторами своих артиллерий и подполковник Кирей. Выслушав присутствовавших, командующий армией генерал Лечицкий сказал:

— Согласен с мнением подполковника Кирея.

Теперь Кирей был облечен соответствующими полномочиями, а в помощь ему были приданы два полковника. Эта тройка получила потом в армии прозвище "три волхва".

Местом прорыва был избран район южнее Днестра. Окна на австрийской стороне, прямо созданный для действия артиллерии: чистое поле, которое было видно из Бессарабии во всех деталях.

Подробности подготовки к прорыву — вне рамок этой статьи, скажу лишь по поводу самого боя 22-го мая 1916 гда, что многочисленная австрийская артиллерия молчала вся. Ее наблюдательные пункты были ослеплены, телефонные провода перебиты, позиции батарей засыпаны всеми видами снарядов, включая химические; пехотные укрепления разворочены, а занимавшие их войска подавлены. Расход патронов

был небывалый. Например, II/32 артиллерийский дивизион израсходовал в течении этого дня около 11.000 снарядов.

Первая половина боя была "разыграна", как по нотам". Кирей передавал по телефону только: "Первый период", "Второй период"... (все подробности были в приказе, выданном накануне). Путь для пехоты был открыт настолько, что, напр. 128-й пех. Старооскольский полк прошел всеми тремя линиями неприятельской обороны, потеряв двух убитыми и четырех ранеными (я слышал это лично из уст вр. командовавшего полком подполковника Каракуцы). Потери остальных полков были подобными.

Таким образом неприятельская позиция на всем фронте 32-й пех. дивизии, между высотами 458 и 273, была пройдена и пехота была теперь в чистом поле, в нескольких километрах впереди. Но части ее перемешались (даже с дивизией 2-го эшелона), управление стало невозможным и она остановилась. Фронт вправо и влево еще стоял, и австрийцы начали контр-атаки.

Успех могла бы развить конница. Она подошла еще во-время — целая дивизия. Но вместо атаки, дойдя до бывшей нашей 1-й линии пехоты, она остановилась в походной колонне, спешилась и стояла под градом ругательств, несшихся с батарей: "Конница, — кричали артиллеристы. — Почему не атакуете"? Дивизия, однако, простояв так 30—40 минут, повернулась и ушла обратно в тыл. "Начальник дивизии не решился атаковать", — писал об этом впоследствии ген. Кельчевский, генерал-квартирмейстер штаба армии. А мы тогда вспоминали слова Кирея, сказанные им на пути к Гайворонке:

— Начальника кавалерийской дивизии нельзя подчинить начальнику пехотной дивизии, прорывающей фронт. Это было бы оскорблением для "оружия богов".

Так все и остановилось, с 32-й пех. дивизией далеко впереди. Пришлось повторять все дело и 28-го мая оно увенчалось полным успехом: австрийский фронт рассыпался перед 9-й армией.

Бой 28-го мая по числу участников, малой ширине фронта, густоте поля сражения и непрерывному движению невольно заставлял вспоминать бой Бородинский и слова поэта: "Вам не видать таких сражений". В плен было взято 37.000. Их было бы гораздо больше, если бы не отсутствие конницы, ставшее уже хроническим. Налицо был только Текинский полк, который, конечно, не мог "объять необъятное".

Отсутствие конницы побудило полковника Шринкина, конно-горного артиллерийского дивизиона атаковать в конном строю. Он сам, во главе 60-ти артиллеристов, взял в плен батальон, а капитан Насонов, с 40 всадниками — батарею в колонне, уходившую в тыл. Впоследствии, замечу между прочим, Кирей случайно встретился с майором чехословацкой армии, бывшим старшим офицером захваченной батареи (и единственным человеком, ускакавшим от плена). Майор уверял, "у страха глаза велики", что батарея была атакована "двумя кавалерийскими дивизиями", и Кирей его тогда разочаровал.

Опыт боев Кирей собрал в упомянутой уже книге. Подготовка прорыва, конечно, не может быть произведена только кабинетным путем. Кирей замечает поэтому не без язвительности: "Начальником артиллерии должен быть человек, могущий ходить в передовые окопы". Он сам побывал всюду, подготовка велась месяца два и даже "сделал вылазку": вырезал ножницами кусок проволоки из заграждения противника, "на память", по его выражению.

Подходившие постепенно батареи не производили никакой разведки, но получали от Кирея лишь номера позиций и наблюдательных пунктов, которые и оставалось лишь занять. Одновременно получали и подробный план позиции противника, на котором ориентиры были изображены панораматически, с соответствующими названиями. План этот был комбинацией из увеличенной карты, снимков авиации и соответственных наблюдений. Излюбленным изречением Кирея было: "Артиллерийский пот спасает пехотную кровь", которое он впоследствии поставил эпиграфом к своей книге.

Наша пехота совершенно уверовала в способность артиллерии открыть ей дорогу и потому впоследствии, во время революции, все комитеты 32-й пех. дивизии всегда голосовали за наступление с оговоркой: "..если артиллерийская подготовка будет такой, как 22-го мая 1916 года". К сожалению, Кирея тогда уже не было с нами.

После прорыва у Окны XI-й армейский корпус был задержан на реке Прут перед Черновицами. Артиллерийская подготовка в рамках корпуса, усиленного частями армейской артиллерии, была произведена 5-го июня и пехота настолько верила ей, что в назначенный час вся 32-я дивизия, лежавшая дотоле в кукурузе, встала, как один человек, и в следующий момент предмостье было взято. Ночью последовала переправа через Прут и безостановочное движение части армии к Кимполунгу, верстах в 200 южнее.

XI-й армейский корпус от Черновиц был повернут на запад, на г. Снятын, а потом, по южному берегу Прута, на Делатын. Первые бои произошли лишь уже в районе последнего, в широкой долине. Кирей был опять только командиром 4/32 батареи. Влево от нас не было никого, горы и лес обеспечивали наш левый фланг. В бою у Березова Вышнего 19-го июня 1916 года Кирей, по собственной инициативе, вышел из рамок своей должности: взял пехотную роту, сотню казаков штаба дивизии и два орудия своей батареи, перевалил через хребет у высоты 1001 и перерезал южный путь отступления противника в Венгрию: шоссе Делатын — Микуличин — Ворохта. Таким образом противнику осталась только одна дорога, на север, через город Долина, которой он впоследствии и воспользовался.

Затем Кирей был вызван снова в штаб армии для организации прорыва у Станиславова, а потом Калуща, где остановилось наступление праваго фланга на-

шей армии, повернувшегося на север. Свидетелем его работы там я не был. К нам доносился издалека только гул его орудий. Станиславов, Калущ, Долина были взяты, но затем Брусиловское наступление остановилось и фронт снова стабилизировался.

Кирей был произведен в полковники, назначен командиром тяжелой бригады и получил орден Св. Георгия 4-й степени и Георгиевское оружие. Эти награды не были даны ему сразу же после первого успеха, но с некоторой проволочкой, вызванной очевидно административной процедурой. Задержка раздражала солдат и они постоянно спрашивали меня, получил ли уже Кирей "Георгия", и на мой отрицательный ответ ворчали недовольно. Наконец, однажды, поздоровавшись с батареей, я добавил: — Поздравляю вас. Кирей получил Георгия. "Ура", грянула батарея.

Солдаты и младшие офицеры были готовы итти за Киреем, что называется в огонь и воду, но не все штаб-офицеры работали с ним вполне искренно. Были такие, которые называли его акробатом и указывали на протекцию в лице начальника штаба 9-й армии, генерал-лейтенанта Санникова.

Насчет "акробатства" младшие были совершенно несогласны. Уж то, что он был командиром батареи с двумя академиями — случай совершенно исключительный — должно было обратить на него внимание начальства в поисках человека, подходящего для возглавления артиллерии армии. Затем его должность по генеральному штабу в 1915 году; возможно и личное знакомство по какому-нибудь случаю — не знаю.

Вообще, если говорить о "протекции", то для выдвижения на любом поприще она всегда необходима. Некоторые получают ее автоматически, другие случайно, третьи — создают ее сами различными способами, вплоть до рассылки своих статуэток влиятельным лицам, как это делал маршал Фош, будучи генералом, отрешенным от командования группой армий.

Нет нужды доказывать, что Кирей не посылал своих бюстов, но он тоже не жил в безвоздушном пространстве и протекция нашлась. В конце-концов вся проблема человечества заключается в том, чтобы каждый был на своем месте, и Кирей его занял, хотя, вероятно, заслуживал бы и большего. Что касается генерала Санникова, то честь ему и слава за то, что он каким-то путем "нашел" Кирея и "вытянул" вверх на пользу всей армии, и в особенности — пехотных солдат.

Кирей был живого, но вполне уравновешенного характера. Любил общество, в котором всегда был интересным и остроумным собеседником, без тени какого-либо снобизма, боязни потерять свой авторитет и т. п. Со всеми офицерами и солдатами он обращался, как с равными, и был таким образом демократичным в лучшем смысле этого слова. В то же время, будучи человеком и "компанейским", он мог иногда и выпить в компании, и даже выпить "на ты", хотя бы и с поручиками, и не забыть этого впоследствии. Все это только увеличивало его популярность и шло на пользу дела.

После революции Кирей был произведен в генерал-майоры и назначен командиром XXIII-го армейского корпуса. Мы потеряли захваченную в 1916 году территорию и оказались на старых местах в Бессарабии. XXIII-й корпус был нашим левым соседом, за Прутом, в Румынии. В январе 1918 года настал конец.

Кирей приехал в Киев. Его известность была уже такова, что ему предложили пост военного министра Украины, но он предпочел быть сторожем в гараже, а потом счастливо проехал в Добровольческую армию и стал начальником артиллерийского снабжения (и между прочим, сбрил свои усы).

Затем у Врангеля, в Крыму, он был как бы "министром по делам Украины". С этим была сопряжена рискованная обязанность: аэроплан перевозил его через фронт на свидание с каким-нибудь повстанческим атаманом, а на следующий день прилетал за ним на условленное место и отвозил обратно. Кирей летал, но это занятие ему определенно не нравилось. К тому же оно было безнадежным. Кирей переменил его на должность начальника военно-технического управления армии. Тут тоже настал конец.

После краткого пребывания в Болгарии, Кирей приехал в Париж и был шофером такси. В начале 1924 года произошел случай, изменивший его жизнь: опять нашлась "протекция".

Однажды, чехословацкий военный атташе посольства в Париже генерал Клецанда подозвал такси и Кирей — это был он — подкатил. Произошла совершенно неожиданная радостная встреча. Они познакомились впервые еще в России, в штабе 9-й армии, где поручик Клецанда был офицером связи с чешскими частями, и потому имел возможность оценить Кирея и его работу. После этой встречи, Кирей очутился в Праге, полковником чехословацкой армии.

Кирею было тогда уже 45 лет. Он должен был приспособиться к совершенно иной обстановке и не только учить, а и самому учиться. Он должен был учиться не только языку, но и военной науке, которая, заслугой французов, шагнула далеко вперед. Время было мирное и очень левое, смесь старых австро-венгерских обычаев с новыми, часто псевдо-демократическими.

Чехословацкая армия в те времена представляла собой мозаику из французов-руководителей, старых австро-венгерских кадровых и запасных офицеров, чехов и немцев, молодых летами и службой легионеров русских, французских и итальянских легионов, людей с образованием и без него, и полсотни русских эмигрантов, и стояла перед задачей сделаться армией чехословацкой не только по имени. Как русская знаменитость, полковник, и в Праге, Кирей был очень на виду у всех.

Кирей справился со своей задачей и стал общепризнанным авторитетом в чехословацкой артиллерии. А что касается младших офицеров, то они относились

к нему совершенно так же, как русские в былые времена.

— Представьте себе, — приходилось мне слышать от них. — Кирей обращается с нами, как с равными: просиживает с нами в кофейнях, играет в шахматы даже с поручиками. Совсем не похож на наших полковников.

При обучении офицеров, он завел в своеим полку некоторые русские обычаи, требовал понимания, а не зубрежки, учил и экзаменовал офицеров. Вне полка принимал участие в составлении новых уставов, завел во всей армии систему координат на быв. австро-венгерских картах, которая получила официальное название "Кирей Нетик" (генерал Нетик был начальником главного артиллерийского управления). Иногда появлялись его статьи в главном военном журнале.

Служа далеко от Праги, я встречался с Киреем редко. Иногда мы обменивались письмами. Когда я задал ему как-то вопрос: почему он так редко пишет в журналах, Кирей ответил: "Пишу, но пока больше для себя". Где все написанное им теперь?

Произведенный затем в генерал-майоры, он командовал 11-й полевой артиллерийской бригадой в городе Кошице (Словакия), а в конце 1938 года, по достижении 60-ти лет — границы века для всех государственных служащих — был уволен в отставку. Поселился он опять в Праге, а 5-го июня 1942 года скончался от воспаления легких.

Женился он во время гражданской войны. Жена пережила его на несколько лет. Единственная дочь вышла замуж и продолжает жить в Праге, занимаясь тяжелой физической работой, а внук в школе. Его брат, полковник русской службы Александр Фаддеевич Кирей находится в Германии, в доме для престарелых.

В. Е. Милоданович

ТВЕРЦЫ

До 1908 г. Тверское кавалерийское юнкерское Училище было 3-х годичным, со штатным составом 150 юнкеров, куда принимались молодые люди, не закончившие среднего учебного заведения, с 6-классным образованием.

В 1908 г. при училище было организованы Военно-училищные курсы, с двухгодичным курсом для окончивших кадетские корпуса и средне-учебные заведения.

В конце августа того же года, я получил извещение от адьютанта училища о том, что медицинский осмотр назначен 30 августа в 10 часов утра.

С душевным трепетом, подъехал я к училищу и прошел в канцелярию. Старший писарь, полноватый вахмистр, приняв мое извещение, прошел в кабинет адъютанта и, выйдя через несколько минут оттуда, с почтительной улыбкой мне сообщил, что "Г. г. собираются в столовой".

Пройдя в столовую, где, уже собралась группа молодежи, человек 60, среди которых было 5-6 вольноопределяющихся и столько ж кадет, мы "зверя" ждали нашего вызова и приглашения пройти в приемный покой.

Медицинский осмотр производил др. Крассовский, в присутствии дежурного по училищу Украинского гусарского полка штабс-ротмистра Стронского.

— Принят, — коротко сказал штабс-ротмистр, завтра к 9 часам будьте в канцелярии, где и уплатите деньги.

Выйдя из Училища, вместе с моими спутниками-петербуржцами, с которыми вместе ехал в поезде, я пошел осматривать Тверь, пообедать на "Самолете" и проводить одного студента Технологического Института, не принятого на медицинском осмотре и уезжавшего домой.

На следующий день, побывав в канцелярии и уплатив деньги за правоучение, реверс, за книги и "фигаро" т. е. парикмахера, что то около 800 рублей, пошел являться дежурному офицеру Училища.

Кадеты, имеющие 8 баллов в среднем по наукам и поведению, принимались на казенный счет, все остальные — на собственный.

В швейцарской представительный, пожилой швейцар, в синей ливрее, с серебрянными галунами, предупредительно сказал нам: "Извольте Г. г. итти с левой стороны, правая для Г. г. корнетов".

На площадке второго этажа уже сидела группа г. г. корнетов, все в собственном обмундировании, которые нас спрашивали фамилии и "из каких болот" мы пожаловали в Училище.

Явившись дежурному офицеру по Училищу, Александрийского гусарского полка, ротмистру Доможирову, я услышал, как он сказал дежурному юнкеру по эскадрону "примите "зверя" в 3-й взвод".

И. д. взводного портупей-юнкер Ценкер, побеседовав со мной, подвел меня к лихому миниатюрному юнкеру Тупотилову, будущему Рижскому драгуну и, передав меня ему, сказал мне:

— Это ваш "дядька", обращайтесь к нему по всем вопросам и потрудитесь в точности исполнять его указания.

Юнкера были размещены по полуэскадронно в больших двухсветных спальнях и там же около кроватей были поставлены шкафчики для личных вещей. Около стен стояла стойка для винтовок и шашек.

В этот же день, после явки вахмистру, мы сдавали наше штатское платье и началась пригонка казенного обмундирования.

В 4 часа дня эскадрон построился в зале, уже в форме, и ждал и. д. вахмистра юнкера Хромых; бывшего вольноопределяющегося Черниговского гусарского полка, георгиевского кавалера.

— Смирно! — раздался звонкий голос юнкера князя Вачнадзе и в залу вошел вахмистр "земной Бог".

Сказав нам несколько слов, вахмистр в сопровождении и. д. взводных портупей-юнкеров стал обходить эскадрон, спрашивая наши фамилии, какое и где мы закончили образование и ездили ли раньше верхом, после чего в дверях появилась рослая фигура дежурного по Училищу офицера ротмистра Купчинова, который, поздоровавшись с эскадроном, кивнул вахмистру головой, бросив коротко: "Вахмистр, ведите эскадрон к обеду".

Обед скромный, но сытный. На довольствие юнкера тогда выдавали по 35 копеек. Подавали нам к столу те же служителя, которые нас обслуживали во взводах, на каждого по 5-6 юнкеров.

В 6 часов вечера пошли в классный корпус получать книги и уставы. В это же время, в зале, служители навешивали в простенках новые синие щиты полков драгунских, уланских и гусарских, на которых было нарисовано белой краской все отличия полков и старшинство их.

Весь распорядок дня в Училище: вставание, гимнастика, чай, перерывы на лекциях, завтрак, строевые занятия и обѣд, все делалось по трубе-юнкера лучше запоминали сигналы.

Классные занятия начинались с 8 час. 15 мин. утра: Закон Божий, тактика, топография, фортификация, военная история, военная география, администрация, законоведение, гигиена, иппология, артиллерия, русский и немецкий языки.

Строевые занятия: езда, уставы, гимнастика, вольтижировка, ружейные и шашечные приемы, "стрелецкое занятие" и работа в кузнице — преимущественно после завтрака.

На лекциях присутствовало 5-6 прапорщиков различных кавалерийских полков, подготовлявшихся к офицерскому экзамену. Каждые две недели происходили поверочные испытания юнкеров, по разным предметам, на репетициях.

Ездой заведывали сменные офицеры, окончившие Офицерскую Кавалерийскую Школу. Езда была в манеже. Сколько было падений через голову лошади, но как-то всегда отделывались больше испугом неожиданности, чем травматическими повреждениями.

После первого падения, "зверь", к чаю, покупал корзину пирожных и угощал ими смену. Кто получал шпоры, тоже угощал смену пирожными.

Старший курс должен был ездить на собственных английских седлах.

Сменой молодых лошадей и собственно-верховых заведывал штабс-ротмистр Лейб-Драгунского Московского полка Султан-Гирей. Юнкера старшего курса ездили 2-3 лошади в день. Молодых лошадей, гнедых и рыжих, училище получало осенью из 7-го Запасного кавалерийского полка, — сорт обыкновенных строевых лошадей.

Юнкера второго курса нас не "цукали", что являлось правом только "корнетов", и помогали нам "зверям", чем могли, усвоить наши училищные правила и порядки, дав нам очень остроумно-составленную "Памятку зверя", где была отпечатана, в виде вопросов и ответов, сводка всех наших премудростей.

Все время надо было быть начеку и малейшее упущение, "распущенность" замечалась корнетами и повороты, приседания и короткое "явитесь дядьке" или "корнету такому-то" сыпалось на нас "зверей" в изобилии.

Командир эскадрона, Сумского гусарского полка подполковник Кучин, сам бывший воспитанник нашего училища, знал порядки и традиции училища и не вмешивался в порядок установленный корнетством.

До присяги г. г. корнеты под винтовку или под шашку нас не ставили, но "цукали" основательно и нередко надо было ночью "являться" и вставать при "обходах".

После обеда, надо было идти в приемную комнату, где ждали нас все подрядчики: портные, сапожники, фуражечники.

По этому поводу вспоминаю красивого юнкера Г. Он каждую субботу, разменяв 5 рублей на полтинники, раздавал всем поставщикам по 50 копеек.

— Ваше Выс-ие, Г-н Г., как же ви даете мне 50 копеек, ведь ви же у меня сделали мундир за 48 рублев?

— Ничего, ничего, Шапиро, бери, когда-нибудь расчитаемся.

Удивлял юнкер Г. и других поставщиков, давая им полтинники тогда, когда его счет был уже оплачен.

— Ваше Выс-ие, Господин Г. ведь ви же мне ничего не должны.

— Бери, бери, Заборо, все равно буду тебе должен за что-нибудь к производству.

Аккуратная выплата всем поставщикам к моменту производства его в 1910 году сделала кредитоспособнейшим юнкером, к которому пришли все поставщики и предложили ему, что кто-нибудь из них поедет в Ломжу и все сделает и устроит там:

— Что Вы, Ваше Выс-ие будете там платить жидам, ведь мы же ваши?

К присяге, 22 октября, все юнкера должны были иметь собственное обмундирование: мундиры, шинели, сапоги, фуражку, портупею, шпоры, перчатки, так как нас "зверей" после присяги начинали отпускать в отпуск до 10 часов вечера по субботам и до 9 часов по воскресеньям.

31 августа, перед перекличкой, пришел в зал командир эскадрона и, вызвав 14 юнкеров перед фронтом эскадрона, поздравил их с производством в портупей-юнкера и назначениями: вахмистра, штандартного портупей-юнкера, 4-х взводных и 8 младших портупей-юнкеров.

За 2-3 дня до присяги, Начальник училища, генерального штаба полковник Усов, бывший паж и офицер Л.-Гв. Уланского Его Величества полка,

осматривал всех молодых юнкеров сам, чтобы было все по форме сделано и хорошо пригнано и был очень удивлен, когда заметил, что у некоторых юнкеров темляки были старые. Была традиция Училища — за особенную отчетливость "корнет" дарил "зверю" свой темляк, который с достоинством и носил молодой. Полковник пожимал плечами, но традиции не менял.

22-го октября эскадрон в парадной форме построился в манеже, имея на правом фланге наш маленький хор трубачей, куда разрешалось включать трех штатных трубачей эскадрона юнкеров и команды вестовых.

В ложе присутствовало много родных и знакомых, приехавших из Москвы и Петербурга, а также командиры 1-го Лейб-драгунского Московского, 8-го Гренадерского Московского полков и 1-го Конно-Артиллерийского дивизиона.

После принесения Петровской присяги, с ее торжественными старыми словами, целования Креста, Евангелия и Штандарта, эскадрон прошел церемониальным маршем по-взводно перед начальником училища. После церемониального марша, эскадрон построился развернутым фронтом.

— Эскадрон, под штандарт, шай на кра-ул! — и наш штандарт, несомый штандартным портупей-юнкером Яковенко, при ассистенте юнкере Пущине, георгиевском кавалере, медленно пошел перед фронтом эскадрона, направляясь к квартире начальника училища.

Было так тихо, что было слышно только позвякивание скобы на панталере. До сих пор этот звук помню отчетливо, а ведь уже прошло 50 лет.

Было как то радостно и вместе с тем жутковато — ведь теперь мы на Государевой службе.

До присяги, 9 человек из числа зверей подали рапорты об отчислении от училища, кто в пехотные училища, кто уезжал домой, не выдержав характера и не восприяв красоту нашей кавалерийской службы.

6-го декабря — училищный праздник. Накануне, после церковной службы в нашей церкви, построенной заботами Начальника Военно-Учебных заведений Великого Князя Константина Константиновича, "звери" в парадной форме, имея на правом фланге трубачей, построились на площадке перед дежурной комнатой.

После чтения "Корнетского наказа", как должен себя вести кавалерийский юнкер, доложили дежурному офицеру по училищу, Ямбургскому улану "папаше" Колтовскому, что "звери построились".

Штабс-ротмистр, поздравив с наступающим праздником, сказал несколько слов о традиции училища, воспитанником коего он был сам.

— Постараемся, Ваше Выс-ие, — дружно ответил взвод. Трубачи заиграли "Звериаду" и справа по шести взвод пошел в полуэскадрон под остроумные и веселые пожелания г. г. корнетов.

В тот день, после молебна и парада, в каменном манеже был конкур-иппик, фигурная езда, 4 тендема, два на гнедых и два на рыжих, вольтижировка и рубка юнкеров старшего курса, — все то, что юнкерам надо будет проделать во время Великого Поста в городском манеже в Москве.

Во время поездки в Москву, юнкера останавливались в Алексеевском Военном Училище, а тем, кто имел в Москве родных или близких, разрешалось останавливаться у них. Юнкера с монетой и фантазией находили себе таких "близких". Командир эскадрона устраивал так, что юнкера могли посещать комнату вольноопределяющихся при собрании Сумского гусарского полка, где весело проводили время за дружеской беседой.

С начала мая, начинались экзамены в "капонирах", взводные учения на нашем училищном плацу, призовая езда, вольтижировка и фехтование.

Все полученные баллы играли роль в среднем балле для разборки вакансий по старшинству. Лучший ездок и вольтижер записывался на доску в манеже, а лучший юнкер по классным занятиям на мраморную доску основателя училища Фельдмаршала графа Милютина в зале училища.

В начале июня, эскадрон шел походным порядком, с дневкой в Клину, в Москву, на Ходынское поле в лагерь. Шли семь дней. Юнкера убирали, седлали и кормили лошадей сами. Следующий год, эскадрон этот же путь проделывал по железной дороге, — этим давалась практика юнкерам как походного порядка, так и перевозки по железной дороге.

Алексеевцы, наши соседи, в день прибытия эскадрона в лагерь, приглашали эскадрон на обед, за которым играл оркестр Алексеевского училища. В лагерях эскадрон широко размещался во взводных бараках.

Кто из нас не помнит "Носатика", старого гнедого коня, ходившего под вольтижировочным седлом и в лагере свободно гулявшего в районе конюшень, а, по трубе к обеду, неизменно появлявшегося к столовой получить кусок хлеба, посыпанный солью.

Время шло быстро, — сьемки инструментальные, пешие, верхом, эскадронные учения, стрельба, караулы у штандарта и денежного ящика, заполняли весь день и только после 5 часов вечера удавалось сыграть 2-3 сета в тенис.

В дни больших праздников, многие юнкера старшего курса уезжали представляться в различные кавалерийские полки, чтобы получить согласие командира полка и г. г. офицеров на выход в полк. Получив, примерно через неделю, ответные письма, их сдавали лично командиру эскадрона и такой юнкер, получив "личную вакансию", мог быть спокойным, что никто уже из юнкеров, хотя бы и с высшим баллом, в его полк не выйдет.

Предварительной разборкой вакансий ведал вахмистр эскадрона.

Сколько было всяких разговоров, предположений в это время и как хорошо торговал "Чемберлен",

наш мороженщик, который никогда не записывал и всех удивлял своей астрономической точностью.

В это время, юнкеров старшего курса, два раза, ставили в строй, в переднюю шеренгу Сумского гусарского полка во время полковых учений.

Командир полка полковник Нилов на великолепной чистокровной, вороной кобыле в эти дни все полковое учение производил на галопе.

После учения, при возвращении в лагерь, только и было разговоров, как жали из нас "масло" и сколько было порванных рейтуз на заездах.

Не помогла и "чарка водки" гусарам, которой, с разрешения командира эскадрона, юнкера благодарили взвод.

В это же время, юнкера, человек 15, знавшие какой масти надо будет иметь собственную строевую лошадь, уезжали в Гвардейский Запасный Кавалерийский полк, в Кречевицкие казармы, для приобретения собственный лошадей. Для осмотра выводилсь около 100 лучших лошадей, глаза разбегались и здесь искренние советы офицеров полка помогали выбирать лошадей. Большинство было полукровных и три-четверти кровных, рост не менее 2 аршин 4 вершка. Цена на лошадей была установлена в 450 рублей. Другие юнкера покупали в Москве на ипподроме чистокровных лошадей, которые обходились значительно дороже. Кто не покупал лошадей, тот реверс на руки не получал и деньги пересылались в полк.

Строевые седла покупали у Циммермана и Эйхгольма.

После 15 июня бывала разборка вакансий. В столовой поставлены три доски с именами драгунских, уланских и гусарских полков. Сменные офицеры присутствовали все. На разборку вакансий приглашали трубачей Сумского гусарского полка.

Командир эскадрона первым вызывал вахмистра эскадрона, а затем по старшинству юнкеров, окончивших по 1-му и по 2-му разряду. Каждый юнкер отчетливо рапортовал командиру эскадрона о своем желании быть произведенным в № полк, подходил к доске и писал свою фамилию против выбранного полка. По окончании записи, юнкер подходил к командиру эскадрона, который его поздравлял и в это время трубачи играли первое колено марша полка, в который выходил юнкер. Марш выслушивался "смирно" и радостный юнкер, подходив к трубачам, благодарил их и передавал штаб-трубачу 5 рублей. Штаб-трубач, во время рапорта и записи юнкера, успевал тихо напеть трубачам начало марша, который те исполняли без ошибки. Труд капельмейстера Маркварда не пропал даром.

После разборки вакансий, старший курс переходил на "ты" со своими "зверями".

На Петербургском шоссе был ресторан "Самарканд", где пели цыгане и где неофициально бывали юнкера, там, в эти дни, бывало выпито много вина, то-есть по нашему шампанского, в память объединения "корнетов" и "зверей".

Утром 6 августа, в день праздника Преображенского полка, посыльный на велосипеде привозил телеграмму и все его уже ждали.

"Снимай фуражку", — раздавались возгласы юнкеров и, щедрой рукой, сыпались трешки в фуражку посыльного.

Не буду останавливаться на дне производства, мои читатели помнят этот день, такой близкий и торжественный.

Среди окончивших 46 юнкеров: Де Маньян, Усольцев, Москвин, Глейзер были с высшим образованием и одели значки на правую сторону кителя.

После визитов начальнику училища, командиру эскадрона и сменным офицерам, выпускной обед в "Праге" и вечером, на всех вокзалах Москвы, можно было встретить корнетов в разноцветных фуражках, разъезжавшихся в 28-дневный отпуск.

Заканчивая свои воспоминания, хочу упомянуть о тверцах "генералах".

В мое время, были в училище юнкера, пробывшие в училище 5 лет, два из них были отчислены в полки за тихие успехи в "капонире", но впоследствии приняты обратно. Два начали службу вольноопределяющимися, а потом пробыли в Училище 5 лет. Двое побывали в Николаевском, и в Елисаветградском училищах и заканчивали у нас. Всех "генералов" в 1909 г. было 6 человек.

По установившейся традиции, со времени командования эскадроном полковника Бацова, училище поощряло и облегчало юнкерам приобретение собственных лошадей. В сохранившейся у меня "Памятке корнета" приложение 13: такие лошади были заводов Носовича, гр. Потоцкой, Дорожинского, Расторгуева, гр. Браницкой, Розалион-Сошальского и др. — все чистокровные. Несколько лошадей юнкеров скакало на ипподроме в г. Твери.

Помню, как меня "зверя" волновало, когда после обеда дежурный по эскадрону портупей-юнкер объявил: "Смена собственных лошадей в большом или малом манеже".

Буду ли я иметь собственную лошадь? На езду собственных лошадей юнкерам разрешалось идти в манеж не строем, а в одиночку — привелегия завидная.

Вышеупомянутые "генералы" имели собственных лошадей и скажу, что ездили они отменно.

В отпуск пускали их до поздних часов и "зверь" в стенах училища отдавал им честь, становясь во фронт.

За день до разборки вакансий, на перекличку пришел командир эскадрона и двух из них, юнкеров Коковцева и Шифф, поздравил с производством в ефрейторы.

Я думаю, что они были единственными юнкерами "из ефрейторов" упомянутых при производстве в офицеры.

В. А.

1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 году

Я давно намеревался написать о том, чему я был свидетелем более 40 лет тому назад, в знаменательный бой при Гогенштейне, который у нас неправильно именовался сражением под Сольдау, а у немцев также неправильно — сражением при Танненберге. Я говорю "неправильно" потому, что при Сольдау разыгрался лишь один, весьма печальный эпизод великой трагедии, стоившей нам гибели двух с половиною корпусов, а при Танненберге вообще никаких боев не было: немцам нужно было воспользоваться этим названием для пропагандных целей, для того, чтобы смыть историческое поражение в 1410 году, при Танненберге—Грюнвальде, тевтонских рыцарей славянскими и литовскими силами. Я всегда считал своим долгом перед моими славными однополчанами написать то, что я знал, но до сих пор этого не сделал не только потому, что повседневные заботы не давали мне времени сосредоточиться и привести в порядок свои воспоминания, но также потому, что я лишь постепенно знакомился с вышедшей в свет литературой по этому вопросу. Сейчас же, приближаясь к концу моей жизни, мне уже 79 лет, я чувствую, что дальше откладывать нельзя, если я вообще хочу выполнить свою задачу — уточнить все, что до сих пор было написано о действиях 2-й Армии и, в частности, об окруженных немцами корпусах.

С русской стороны наиболее подробным и солидным является труд генерала Н. Н. Головина "Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии", изданный в Праге в 1926 году, и книга проф. Вацетиса "Операции на восточной границе Германии в 1914 году", изданная в Москве в 1929 г. Военной Академией РККА имени М. В. Фрунзе. Оба труда написаны беспристрастно, и если, на мой взгляд, авторы тут и там грешат в своих оценках, то это объясняется недостатком или предвзятостью материалов, которыми им приходилось пользоваться. Генерал Головин использовал записки командиров XIII и XV корпусов генералов Клюева и Мартоса, причем, однако, первые он видел лишь в конспекте в журнале "Военный Сборник". В том же журнале он имел также отчеты двух других офицеров, участников Восточно-Прусской операции. С немецкой стороны генерал Головин использовал вышедшие к тому времени воспоминания участников войны и историю войны немецкого историка Шварте. В то время, как записки русских участников неизбежно имеют целью самооправдание, немцы также неизбежно грешат самовосхвалением и желанием приписать себе более крупную заслугу в победе. Можно пожалеть, что нашему историку, до издания его книги, не был известен, вышедший в Берлине в 1925 году, II том официальной истории войны, изданный Государственным Архивом под названием "Der Weltkrieg", который содержит восточно-прусские операции.

Проф. Вацетис был счастливей, ибо он имел перед собой этот официальный отчет войны, составленный очень подробно и в значительной степени беспристрастно, хотя в некоторых случаях и этот официальный отчет грешит против правды, раздувая подвиги своих военачальников и преувеличивая достигнутые успехи. Что касается русских источников, то Вацетис пользовался теми же записками генералов Клюева и Мартоса, первой по оригиналу, хранящемуся в библиотеке Военной Академии, а второй по выдержкам из книги генерала Головина.

Может показаться странным, что я, занимавший очень маленькое место младшего офицера в одном из полков 2-й Армии генерала Самсонова, решаюсь вносить поправки к тому, что было написано с обоих сторон крупными военачальниками и военными историками, но я, волею судьбы, видел и слышал многое, что не попало в отчеты других очевидцев, и думаю, что мои воспоминания смогут осветить наше поражение с несколько иной стороны, чем это делают военные историки.

Будучи призван по мобилизации 17 (30) июля 1914 года, я 23 июля (5 августа), прибыл в г. Рославль, Смоленской губернии, где готовился к выступлению 1-й пехотный Невский полк 1-й дивизии 13-го корпуса. Пробыв в запасе гвардии почти 9 лет, по армейской пехоте, я должен был итти штабс-капитаном и получить роту, но был рад, когда командир полка полковник Первушин назначил меня младшим офицером в 10-ю роту, так как я порядочно отстал от военного дела за время моего запаса.

Я скоро перезнакомился с офицерами и могу засвидетельствовать, что состав этого славного Петровского полка был превосходным, хотя во всем чувствовался некомплект. Насколько я помню, только в трех или четырех ротах было по два субалтерна, в большинстве рот, помимо ротного командира, было только по одному офицеру. Все, что было впоследствии написано генералом Клюевым и офицером генерального штаба при 13-м корпусе капитаном Фуксом о неподготовленности корпуса, было совершенно верно, в чем я убедился с первых же дней похода.

В роте военного состава в 200 человек было всего 4 кадровых унтер-офицера, что при недохвате офицеров было явно недостаточно для поддержания порядка в походе и руководства в бою. Призванные по мобилизации запасные были отличным материалом, из которого можно было после некоторого обучения выработать хороших солдат, но в момент выступления из Рославля, это были одетые в мундиры мужики.

Интендантская часть работала плохо — даже в Белостоке мы не каждый день получали хлеб, а должны были расходовать сухарный запас. В Белостоке мы провели несколько дней. Командир полка хотел устроить ротам боевую стрельбу, но ему не удалось получить стрельбища и пришлось ограничиться ротными учениями и рассыпным строем, что для наших запасных было недостаточно, а их в роте было около 160 человек.

Схематическая карта
района действий 2-й Армии
Гутштадт
Зеебург
Бишофсбург
Вартенбург
Алленштейн
Остероде
Дейч.-Эйлау
Лобау
Гильгенбург
Уздау
Сольдау
Нейденбург
Виленберг
Ортельсбург
Пассенгейм
Лаутенбург
Горзно
Хоржеле
Янов
Цилово
Танненберг
Гогенштейн
Едвабно
на Млаву
на Мышинец
Масштаб
верст

В Белостоке нас смотрел наш новый корпусный командир, который обошел все роты, а затем, собрав офицеров, сказал им краткую речь. Должен сказать, что он впечатления на офицеров не произвел, так как все боготворили своего прежнего командира генерала Алексеева, назначенного начальником штаба юго-западного фронта.

Штабная работа то же очевидно хромала: по выходе из города, наша колонна встретилась на перекрестке с большим обозом и должна была пропускать его в течении часа или двух. Нам были розданы чертежи наших и немецких аэропланов для опознания, но в них не было указано главного — трехцветного диска и немецкого креста. Мы узнали об этом позже от летчиков, которые жаловались, что их обстреливали свои же, принимая трехцветные диски за "мишеньки".

Кажется в Ломже, на походе, к полку подъехал Командующий 2-й Армией генерал Самсонов и его внушительная фигура, знакомая всем по Японской войне, произвела на нас сильное впечатление.

Промежуточное начальство между командиром полка и командиром корпуса мы мало видели: начальник дивизии генерал Угрюмов как-то обогнал нас в бричке, с этой же бричкой он не расставался и в Восточной Пруссии. Верхом я его ни разу не видел. Командира бригады у нас вообще не было при выступлении. Во время боя при Гогенштейне я, увидев незнакомого генерала с Георгиевским крестом, обходившего ряды нашего 2-го батальона, спросил, кто это. Мне ответили что это наш новый бригадный, но фамилии его я не запомнил. Мне говорили потом, что на другой день он был убит.

С переходом через границу наши роты стали "обламываться" и принимать более воинский вид. Зато недостатки материальной части и разведки выявлялись все сильней и сильней. Сказывалась спешность и неподготовленность нашего движения вперед. Походные кухни застревали в песке и горячая пища получалась не каждый день и в неопределенные часы, также плохо обстояло дело и с хлебопечениями и приходилось полагаться все больше на сухарный запас. Карты Германии были розданы с большим запозданием и были недостаточно крупного масштаба. Я достал себе хорошую немецкую карту у убитого немецкого офицера на поле сражения у Орлау. Дальней разведки, повидимому, не было вовсе, т. к. как я позже узнал, при нашем корпусе, зашедшем глубже всего в Восточную Пруссию, было всего 4 сотни конных пограничников, которые почти не отходили от пехотных частей. Командиру полка приходилось ограничиваться ближайшей разведкой, и он почему-то часто отправлял меня с разведчиками 3-го батальона. Другая дивизия нашего корпуса, 36-я, шла до Алленштейна по другой, более восточной дороге.

Несмотря на тяжелые переходы по пескам, 1-я дивизия бодро двигалась вперед и 10 (23) августа довольно рано подошла к Омулефофену. Когда полк подходил к этой деревне, на запад от нее слышалась орудийная стрельба, что указывало, что идет бой.

Послышалась и ружейная стрельба — явно бой шел где-то недалеко, мы рассчитывали в 12—15 километрах, которые можно было бы пройти засветло. Мы отличали стрельбу нашей и немецкой артиллерии — немцы били редко и медленно, наши стреляли быстрыми очередями, разрывы шрапнели были видны невооруженным глазом. Офицеры полка были полны нетерпения. Нам было ясно, что удар во фланг противника может решить в нашу пользу участь боя. Группа офицеров обратилась к командиру полка с просьбой обратиться к командиру корпуса, находившемуся при нашей колонне, с просьбой направить к месту боя хотя бы только наш полк. Полковник Первушин, который сам сознавал необходимость поддержки, отправился в палатку генерала Клюева, но вернулся, получив повидимому резкую отповедь. Нам было приказано на утро быть готовыми продолжать поход в прежнем направлении.

Рано утром, однако, еще до рассвета, мы были подняты и мне с моими разведчиками командир полка приказал итти впереди полка по направлению на Орлау. Стоял глубокий туман, и я порядочно плутал в лесу, столкнувшись с немецким разъездом, который издали открыл огонь, ранив одного моего разведчика, которого пришлось оставить на ближайшей ферме. Вследствие этого, я подошел к Орлау довольно поздно, сколько помнится, часам к десяти. Бой уже кончился, немцы были выбиты со своей укрепленной позиции и ушли на север. Меня встретил командир 30-го пех. Полтавского полка 8-й дивизии 15-го корпуса. Когда я ему доложил, что иду с разведчиками и что за мной идет следом весь Невский полк, командир полка с горечью сказал: "Эх, если бы вы подошли вчера или сегодня рано утром, мы бы не выпустили ни одного немца".

Полк действительно подошел довольно скоро и по непонятной для меня причине, распоряжением какого-то штабного офицера, нас провели по всему полю сражения и даже заставили довольно долго стоять среди трупов наших и немецких, что произвело на всех очень тяжелое впечатление.

В этом двухдневном бою, наша 1-я бригада 8-й пех. дивизии, наткнувшись неожиданно на сильно укрепленную позицию, занимавшуюся 73-й бригадой 37-й немецкой пех. дивизии 20-го корпуса генерала Шольца, взяла ее на второй день приступом, в штыковом бою, под сильнейшим артиллерийским огнем.

Немецкая официальная история войны, описывая этот бой, как свою победу, сообщает о взятии знамени 29-го Черниговского полка, что неверно. Знамя было в руках командира полка полковника Алексеева, шедшего в атаку и убитого немецким штыком. Знамя чуть не попало в руки немцев, но на крик одного солдата: "Знамя, спасем знамя!", Черниговцы и Полтавцы бросились в штыки и отстояли знамя. Однако, та группа, которая отбивала знамя, снова попала в трудное положение и тогда один офицер со-

рвал полотнище, Георгиевский крест и ленты, и прорвался через окружение. Позже, когда полк снова был окружен и попал в плен, солдат, которому было передано знамя для хранения, смог передать его полковому священнику отцу Соколову, который был скоро освобожден из плена и по возвращении в Россию, представил знамя Государю ("Русский Инвалид", № 436, 20 июля 1939 г.). Этот эпизод показывает неточности официальной истории войны.

Мы возвращались в Омулефофен грустные, сделав напрасно 30 километров в этот день. Если бы генерал Клюев был более решителен и посмел по собственной инициативе поступить вопреки директиве Командующего северо-западным фронтом генерала Жилинского, гнавшего нас на Алленштейн, не только 73-я бригада была бы уничтожена, но и соседняя 75-я той же дивизии могла бы пострадать.

Не знаю, насколько точно было сообщение офицеров 2-го Софийского полка нашей бригады. Этот прекрасный полк был двинут на деревню Персинг для того, чтобы перехватить отступление немецкой бригады от Орлау. Командир полка полковник Григоров не счел возможным вступить в бой с сильно потрепанным отступающим противником и только издали его обстрелял и бригада ушла на север. Осторожность полковника Григорова сказалась и впоследствии при Гогенштейне.

В дальнейшем изложении мне придется, хотя бы вкратце, касаться действий соседних корпусов для того, чтобы дать более полную картину действий 13-го корпуса.

Преследуемый нашим 15-м корпусом немецкий 20-й корпус отступил в северо-западном направлении на линию Гогенштейн — Мюлен и к югу от этого пункта. Наш 13-й корпус 12 (25) августа продолжал двигаться на Алленштейн, уходя все дальше от 15-го. Мало было известно о правофланговом 6-м корпусе, который, двигаясь через Ортельсбург, Бишовсбург и Вартенбург, должен был тоже выйти к Алленштейну. На левом фланге 2-й Армии от Млавы к северу двигался 1-й корпус в направлении на Сольдау и Усдау. Решив нанести удар по нашему 1-му корпусу, немцы 13 (26) августа на остальной части фронта оставались довольно пассивными, отбивая лишь русские атаки.

Самым сильным в этот день было наступление 2-й пех. дивизии генерала Мингина, 23-го корпуса, пришедшей с юга на подмогу 15-му корпусу. Встретив у Мюлена обе дивизии (37-ю и 41-ю) корпуса генерала Шольца, наша дивизия попала под сильнейший артиллерийский обстрел. Тем не менее, обе бригады продолжали наступать на десятиверстном фронте, но затем вынуждены были отойти с огромными потерями, 1-я бригада на Янишкау, а 2-я па Лапау.

На следующий день 14-го (27-го) августа под давлением немецкого 20-го корпуса, 1-я бригада 2-й дивизии осадила на Франкенау, а совершенно расстроенная 2-я бригада отведена в Нейденбург, где приведена в порядок и пополнена.

15-го (28-го) августа 1-я бригада, вместе с подоспевшим Л. Гв. Кексгольмским полком, геройски дрались у Франкенау, замедлив преследование на целые сутки.

Для нанесения удара по 1-му корпусу генерала Артамонова немецкое командование располагало 1-м корпусом генерала фон-Франсуа (1-я и 2-я пех. дивизии) и 5-й ландверной бригадой генерала Мюльмана, двигавшейся от Страсбурга к Лаутенбургу. Кроме того, генерал Шольц направил на поддержку 1-му корпусу отряд генерала Шметтау в составе 20-й ландверной бригады, двух эскадронов кавалерии и 5-й бригады артиллерии. Кроме того он послал ему же 5 батальонов пехоты, взятых от 37-й и 41-й дивизии. У немцев было также большое превосходство в артиллерии.

В журнале "Часовой" (№ 374, 3 марта 1957 г.) бывший военный летчик Н. Воеводский, желая оправдать генерала Артамонова, описал свою воздушную разведку 13-го августа, за которую он получил Георгиевский крест. Вылетев из Сольдау к северу в район Танненберга, он увидел там большое скопление войск (около корпуса), затем, повернув на запад к Лаутенбургу, он и там увидел "по крайней мере корпус". Об этом он немедленно доложил командиру корпуса и посоветовал ему расположить свои дивизии уступом полуоборотом налево, опираясь левым флангом на речку Сольдау. Теперь нам известно, что то, что Воеводский принял за корпус, была лишь 5-я ландверная бригада, а в районе Танненберга вообще никаких скоплений войск не было, но к вечеру 13-го (26) августа обе дивизии генерала фон-Франсуа, вместе с приданной ему бригадой Шметтау и 5-й ландв. бригадой, уже заняли передовые позиции 1-го корпуса и, после ночного отхода, перешли в наступление против наших двух дивизий 1-го корпуса и приданной ему 1-й стрелковой бригады. На правом фланге корпуса, 24-я пех. дивизия, попав под сильнейший артиллерийский огонь, отступила, как пишут немцы, после "небольшого сопротивления". На левом же фланге 2-я немецкая пех. дивизия и ландверная бригада встретили очень сильный отпор со стороны 22-й пех. дивизии.

Усдау был взят немцами в 11 часов утра 14-го (27-го) августа и это открыло им путь на Нейденбург в тыл нашим центральным корпусам. Тотчас же по взятии Усдау, генерал Франсуа приказал своей 1-й дивизии наступать на Нейденбург. Положение на его правом фланге сложилось очень неблагоприятно для его 2-й дивизии и ландвера.

Описывая происшествия на этом фланге, немецкая история сообщает, что наступление ландвера было остановлено сильным артиллерийским огнем у Скурпиена. Неся большие потери, особенно в офице-

рах, и будучи атакованы с юга русской кавалерией, немецкая бригада отступила. Положение было серьезное, так как соседняя 2-я дивизия тоже потерпела неудачу, двигаясь на Усдау со стороны Тауернзее. Попав под сильный артиллерийский огонь, немцы, несмотря на все усилия своей артиллерии "не могли помешать постепенному разгрому" своих сил. Наконец бригада генерала Менгельбира была отведена к лесной опушке к востоку и северу от Генрихсдорфа, "отдельные же части отошли значительно дальше". А в примечании указывается, что один батальон отошел до Ментова. Станция Ментово находится в 25 километрах от Усдау и в действительности этот 2-й батальон 4-го гренадерского полка бежал панически с поля сражения. Об этом происшествии пишут как генерал Франсуа, так и генерал Людендорф. Оба автора объясняют это "повышенной нервностью" командира батальона.

Генерал Головин строго судит генерала Артамонова, который за действия при Усдау и Сольдау, распоряжением генерала Самсонова, был отрешен от командования корпусом, отмечая "полную неподготовленность к управлению корпусом командира корпуса и его штаба".

Генерал Артамонов пытался "командовать корпусом, применяя методы давно прошедших эпох. Это приводило его к вмешательству в дела подчиненных начальников, что в свою очередь могло порождать только путаницу. Желая подбодрить войска личным примером, он носился по расположению своих войск на автомобиле, что привело к прекращению "управления" корпусом. Сам же генерал Артамонов совершенно утерял цельность представления о бое на всем фронте".

Комментируя эту неспособность понять полную картину боя, проф. Вацетис пишет: "Правое крыло генерала фон-Франсуа было разгромлено и значение взятия Усдау сведено к нулю... Ген. Артамонов не умел использовать успеха этой контр-атаки... Он имел полную возможность заставить Гинденбурга в тот же вечер отдать приказ об отступлении на Вислу (Вацетис, стр. 177—178).

На правом фланге 2-й Армии положение было не лучше: там два немецких корпуса атаковали 4-ю дивизию 6-го корпуса у Гросс—Бессау, которая после геройского сопротивления отступила. Прикрывавшая ее 16-я дивизия также отступила почти без боя и, вместо того, чтобы отвести корпус на Пассенгейм, как ему приказывал генерал Самсонов, или даже на Едвабно, или, по крайней мере, на Виллинберг, что оставило бы открытым путь отступления для окруженных корпусов, генерал Благовещенский отвел свой корпус прямо на юг на Ортельсбург. Как пишет генерал Головин: "Вот что являлось не только ошибкой, но преступлением... Для спасения центральных корпусов 2-й Армии вовсе не требовалось форсированных движений на протяжении сотни верст в стратегическую ловушку левофланговых корпусов армии Ренненкампфа, а требовалась только элементарная стратегическая грамотность верхов 6-го арм. корпуса" (Головин, стр. 268).

Г. П. Беннигсен

(Продолжение следует).

Памятные воинские даты на 1959 год

250-летие Полтавской победы — 27 июня 1709 г. Учреждения драгунских полков 11 Рижского и 13 Военного Ордена — 27 января 1709 г.

225-летие Взятия графом Минихом Данцига — 8-го июля 1734 г.

200-летие "Франфорской баталии" (победа русских над пруссаками у Куннерсдорфа — 1 августа 1759 г.

175-летие Учреждения Крымского Конного Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка — 1-го марта 1784 года.

150-летие Переход Русскими войсками Ботнического залива — март 1809 г. и заключения мира со Швецией в Фридрихсгаме — 5 сентября 1809 г.
Победы князя Багратиона над турками при Расевате — 4 сентября 1809 г.
Учреждения пехотных полков: 35 Брянского — 13 октября 1809 г., 51 Литовского и 127 Путивльского — 22 октября 1809 г.

125-летие Основания Нижегородского графа Аракчеева корпуса — 1834 г.

100-летие Похода генерала Евдокимова в Чечню и взятия им Веденя — 1 апреля 1859 г.
Похода князя Барятинского в Дагестан, взятия им Гуниба и пленения Шамиля — 25 августа 1859 г.

Альпийский поход

Великому Князю Дмитрию Павловичу

Давно альпийские громады загородили горизонт...
Кругом враги, кругом засады. Помилуй Бог!
Повсюду — фронт!
Как в западню нас засадили Тугут, Мелас
и гофкригсрат!
Итти вперед — вести к могиле, в конец измученных
солдат...

Но упрям и крепок наш российский норов, —
Все вперед идем мы, в горы без дорог,
С нами здесь отец наш, с нами здесь Суворов!
А, когда он с нами, значит, с нами Бог!

Что Адда, Треббия и Нови! — с людьми боролись
люди там,
А здесь — без боя и без крови — смерть
разгулялась по горам.
До туч дыбятся Альп вершины, холодный ветер,
вьюга, лед,
Обрывы, пропасти, стремнины... Помилуй, Бог!
Тяжел поход!

Все плащи в лохмотьях, на коленях дыры,
Только голенища целы у сапог,
Выцвели, протерлись славные мундиры...
Дневка будет, нет ли, — знает только Бог.

Но, кто рысит среди метели, на заморенном
маштаке? —
То — он, в "родительской" шинели, с поповской
шляпою в руке!
Над умным лбом под ветром гнется седой хохол,
как белый рог,
И голос бодрый раздается: "Мы — Русские!
Помилуй Бог!"

Голова колонны вдруг остановилась, —
Впереди дорогу преградил поток...
"Что девице сталось? Что красной случилось?"
Вдруг запел фальцетом бодрый старичок.

"Поет фельдмаршал! Вот потеха! Ишь, разобрало
старика!"
И бурный хохот будит эхо, дорога уж не так тяжка,
Через поток, в воде — по груди, с охальной
песнею идут,
На спинах с кручи едут люди, в подъемах беглым
шагом прут.

На отвесной круче прервалась тропинка... -
"Спятил наш старик-то! Ишь, завел в тупик!"
И опять унынье, и опять заминка.
Глядь, уже подъехал и кричит старик:

"Помилуй Бог! Как расхвалились! Такие ж были
похвалы,
Когда мы, детки, устремились на измаильские валы.
Точь-в-точь, как нынче, вы хвалили меня
в Очаковский поход.
Спасибо, что не позабыли! Ну, с Богом, детушки!
Вперед!"

И вперед рванулись, все позабывая,
Помня лишь победы, да хваля вождя,
А над ними ветер крутит, завывая,
Ледяные струи снега и дождя...

Старик бормочет: — Гофкригсраты! А мулов нет!
Зарядов нет!
Вы на словах-то тароваты, а я за все давай ответ...
Почет, разводы да парады, а на войне к чему оно?
Как бить врагов, учиться надо, а битым быть
немудрено!

У австрийцев что ли воевать учиться?
Их довольно били все, кому не лень!..
Как бы в мышеловке здесь не очутиться!
Надо торопиться, — дорог каждый день!..

И он безвестными тропами ведет полки меж
снежных туч,
И "чада Павловы" орлами взлетают с ним
на гребни круч.
Он всюду, где итти опасно, везде, где что-нибудь
грозит,
В морозном воздухе так ясно "Помилуй Бог!"
его звучит.

В нужную минуту он всегда найдется,
В строгие приказы шуточку ввернет,
В боевой команде красочно ругнется,
Прошлые победы в память приведет.

Пусть тайно мысль его тревожит, что наша рать
окружена,
На барабане он разложит и сосчитает ордена,
Перечисляя громко: Краков, Фокшаны, Измаил,
Рымник,
Козлуджи, Туртукай, Очаков, Варшава, Кинбурн,
Керменчик...

И вокруг толпятся егеря, казаки,
Шепчутся: — Ну, с этим мы не пропадем!
И французов паки будем бить и паки!
С ним не то, что в горы, - в самый ад пойдем!..

У всех тревожные вопросы куда-то спрятались
из глаз,
И уж про Кинбурнскую косу заводит песню
чей-то бас,

И снова, голод забывая, идут за бодрым стариком,
Как на параде выступая — в подвертках,
в тряпках, босиком...

Чортов мост разрушен, дальше нет дороги!
Только не для Русских — в бездну с диких круч
Слезет с удальцами майор Тревогин,
Трубников с отрядом влезет выше туч.

Шелк офицерских шарфов свяжет две чудом
найденных доски
И шаткий мост послушно ляжет над пеной бешеной
реки,
И князь Мещерский не уступит завидной чести
первым быть,
На вражий берег первым вступит, чтоб тут же
голову сложить...

Брызнет кровь струею по его мундиру,
Но, в истоме смертной голову клоня,
Он еще успеет крикнуть командиру:
"В рапорте отметить не забудь меня!"

И снова мгла ущелий узких и снова враг
со всех сторон,
Но нет ни в чем преград для Русских! — здесь
впереди Багратион,
Тут Милорадович парадно с откоса катится с полком,
А там Каменский беспощадно французов потчует
штыком...

Дождались ночевки, — ни огня, ни крова!
Всюду оголенный ледяной пустырь.
А враги не дремлют, наседают снова,
И опять их гонит Чудо-богатырь.

Что в том, что снега по колена?! В штыки!
Мы — Русские! Вперед!
И эполет литой Массены с его плеча Махотин рвет...
Враг отступил, но все ж не рада дружина Русская,
— пред ней
Восстала новая преграда, всех неприступней
и грозней:

Рингенкопф стеною мрачной исполинской
В облака уходит! Нет дорог на нем,
Но фельдмаршал машет шляпой капуцинской:
"Что нам сей пригорок? — вмиг перемахнем!"

Перекрестясь, перемахнули, — пробил и Альпы
Русский штык!
Богатыри передохнули, и веселей глядит старик.
Остались в безднах пушки, вьюки, потерь и ран —
не перечесть,
Не позабыть снесенной муки, но спасена России
честь!

Мы прошли, где раньше лишь орлы носились,
Мы с врагом сильнейшим выдержали бой
И ушли со славой, даже ухитрились
Пленных и трофеи захватить с собой!

Потом писал о том, что было, старик друзьям:
"Мы шли без дум...
Геройство храбрость победило, терпенье — скорость,
сметка — ум...
Австрийцев помощь всем известна, — куда ни плюнь,
везде — Тугут!
Давать приказы очень лестно, а провианта не дают!

От сапог остались только голенища,
От мундиров — тряпки, от штанов — дыра...
Но и без зарядов, в холоде, без пищи —
Били мы французов! С нами Бог! Ура!.."

Нерукотворную преграду осилил Русский Исполин,
И дан фельдмаршалу в награду генералиссимуса чин.
Австрийцы крест Терезы дали ему на шею,
он ворчал:
"Вот тоже не было печали! Ведь я не вас, —
своих спасал!

Ваши гофкригсраты — глупые затеи!
Коли их послушать, вечно будешь бит!
А Тереза ваша — лишний груз на шее,
Там и без Терезы многое висит!.."

В. Сумбатов

Спортивные заметки

Я позволю себе кое-что дополнить к интересной статье А. Ветлица о спорте, помещенной в № 60/61 "Вестника".

Всем известно, что ежегодно в Москве разыгрывался приз "Дерби" (скачка на дистанцию 2 вер. 374). В этот день на трибунах собиралось лучшее общество Москвы, а также немало из Петербурга и даже из провинции. Мне самому пришлось наблюдать нарядную публику в тот год, когда "Дерби" выиграл "Айриш-Лад", сын Гальтимора.

Первым дербистом в 1887 году был "Руллер", зав. гр. Красинского, давший поразительно способное для скачек потомство.

Наряду с конюшней гр. Красинского, в то время прославились скаковые конюшни графа Замойского, князя Любомирского, Грабовского, графа Рибопьер. Позже выдвинулась конюшня М. И. Лазарева, делившая победные лавры с конюшней кн. Любомирского.

Что касается офицерских и джентльменских скачек, то начало им, в крупном масштабе, положил Царскосельский ипподром.

В конце 19-го столетия выдвинулись такие извест-

ные ездоки, как Северский драгун Носович и Лейб-гусар А. А. Павлов, а также первоклассные ездоки: Нижегородец Таучелов, Нарвские драгуны — бар. Врангель, фон-Ренне, кн. Чавчавадзе, Лейб-гусар Булатович, Каргопольские драгуны Екимовы, Смоленский драгун Белокопытов, Рижские драгуны Лукашевич и Нестеров, Конно-Артиллер. братья Гилленшмидт и Черин, штатские: Звегинцев и Гнонинский.

Имена их следует помнить, так как они (может быть кого-нибудь я пропустил) являлись пионерами скакового спорта.

Отсутствие тотализатора облагораживало состязания, но оно же послужило причиной упразднения этого ипподрома, по материальным соображениям.

Любопытно будет вспомнить, что там же разыгрывался "Сигарный приз". Ящик сигар преподносился владельцу двухлетки, которая выигрывала под конюшенным мальчиком особую "сигарную" гладкую скачку. Ящик сигар и больше никакого поощрения. Люди были другие, не все продавалось за деньги.

Может быть уместно здесь вспомнить мою поездку в 1903 году в Сырники, Люблинской губернии, именье Л. Ф. Грабовского, для покупки для себя лошади. Я привез ему в подарок серебряную вещь, полученную на Окружной скачке 8-й конной батареи поручиком Чаплиным, который за год перед этим купил у Грабовского за бесценок кобылу "Ла Шанс", от известного "Шамбери".

Со мной Л. Ф. Грабовский поступил тоже чисто спортивно, порекомендовав мне 5 с половиною вершков жеребца "Рустана" от "Сезама" (дербиста 1893 года) и выводной "Русси", уступив по цене далеко ниже действительной стоимости этого классного жеребца.

Продавая такую лошадь, он хотел меня поощрить в занятии скаковым спортом. Л. Ф. по поручению Государственного Коннозаводства купил во Франции знаменитого по статьям жеребца "Ле Норд". Завод пустил его на аукцион, потому что он не подавал никаких скаковых надежд.

Цена первоначально назначена была 15.000 франков. "Для русского коннозаводства 30.000 франков", — громко произнес Л. Ф. Грабовский. — "Вив ла Рюсси", и никто не добавил ни франка.

Это происходило в медовые месяцы Русско-Французского союза.

Возвращаясь к Царскосельскому ипподрому, должен подчеркнуть, что у офицеров на этом ипподроме лошади были высоких кровей. Старые кавалеристы наверно помнят еще могучего "Обертына", давшего свое имя скаковой конюшне Нарвских драгун. Когда приз Государыни Императрицы Марии Феодоровны достался полукровке с прозаическим названием "Копейка" (под Д. Ф. Лукашевичем), все были смущены. Долго разбирались в происхождении "Копейки" и облегченно вздохнули, когда "Копейка" оказалась чистокровной, с утерянным аттестатом.

В судейской трибуне сидели такие знатоки, как Варгунин, и от них ничего не могло укрыться.

В бытность Ген. Инсп. Кавалерии, Великий Князь Николай Николаевич обратил внимание на развитие спорта в коннице. В Инспекции Кавалерии выработан был нормальный устав дивизионных (бригадных, полковых) скаковых Обществ. Скачки, пробеги, конкур-иппики, состязания в рубке и проч., сверх того Инспекцией Конницы были установлены призы за выездку лошадей. Все это устраивалось во время кавалерийских сборов очень нарядно, съезжалось много гостей, трубачи гремели и бойко торговал походный буфет с "прохладительными" напитками.

Учреждение скаковых Обществ привлекало уже многих офицеров кавалерии и конной артиллерии к участию в спорте.

Следующими, в восходящей степени, были Окружные скачки для офицеров тех же родов войск.

В последнее время, чтобы принимать участие в этих скачках, производился ряд испытаний. Выигрыш этой скачки считался почетным для той части, к которой принадлежал счастливчик. Зачастую, серебряная вещь, полученная вместе с деньгами (1.500 руб.) и жетоном, оставалась в полковом собрании, а выигравшему скачку офицеру, полк подносил подарок.

Мечтой каждого офицера-спортсмена было выиграть Императорский приз на Красносельских скачках. Выехать к старту мог только тот офицер, кто был "с местом" на Окружных скачках в своем Военном Округе.

Художественное описание Красносельской скачки можно найти у П. Н. Краснова в "Ларго" и в "Анне Карениной" Л. Толстого, при чем несчастный случай с Вронским вызывал споры. Сама техника прыжка лошади, изученная при появлении "живой" фотографии, и то, что тогда на скачках ездили на длинных стременах с глубокой посадкой, как будто исключали возможность перелома спины "Фру-Фру" на последнем, перед прямой, незначительном препятствии (херделе). Примечательно, впрочем, что только кинематографическая съемка ясно показала, как раньше, по старой системе, всадник жестоко мешал лошади сделать правильный прыжок.

Избранное общество, включая Великих Княгинь и Князей, собиралось в С. Петербурге в Михайловском манеже по воскресеньям Великого поста в сезон конкур-иппик. Выезжали главным образом офицеры гвардейской конницы, проходившие курс Офицерской Кавалерийской Школы, но участвовать имели право офицеры всех родов войск и штатские.

Довольно трудно перечислить теперь, кто удачно подвизался в этом красивом спорте в то время, когда я имел возможность бывать в Михайловском манеже. На первом месте конечно нужно поставить Кавалергардов А. и П. Родзянко и Кирасиров Ее Величества фон-Эксе и Плешкова, но в моей памяти остались Кавалергард Струве, Конногвардеец Суровцов, Кирасир Ее Величества фон-Вольский, поставивший рекорд ширины прыжка (10½ арш.). Конногр-надер Ершов, Уланы Ее Величества Гурьев и Смагин, Лейб-Драгун Гримм, Лейб-Гусары Звегинцев, бар. Фредерикс,

Трубников. Улан Его Величества Пуговичников, Конно-Артиллеристы Огарев и Селихов, Измайловского полка Руммель и его брат Гвардейский Артиллерист, штатские — Шпук и Ганцевич. Выезжала, но без успеха г-жа фон-Зон, ее серая "Кэри" не желала подбирать задних ног. Бертрен, постоянного состава Офицерской Кавалерийской Школы, приезжал в брэке, в запряжке шел 24-х летний "Жиль". Бертрен его выпрягал, клал седло, выезжал в манеж и "Жиль" работал для него исправно до конца своей жизни. В 28 лет он пал после одного состязания в Лондоне.

Полукровный "Зайчик" выигрывал второстепенные призы, не взирая на то, что всадник ему очень мешал. Здесь же в Михайловском манеже поставил рекорд высоты (2 арш. 10 верш.) Елисаветградского драгунского полка поручик Захарченко на "Алькаде".

Выход на мировую арену наших ездоков в 1912 году во время 5-й Олимпиады в Стокгольме оказался неудачным, хотя поехали первоклассные ездоки: Великий Князь Димитрий Павлович, братья Родзянко, фон-Эксе, Плешков и Александриец Иваненко (А. Ветлиц называет его ошибочно Ильенко), Бертрен, Черниговский гусар Фомишкин, Конно-артиллерист Селихов, но общий класс лошадей оказался ниже, чем у представителей других стран.

А на жокейских скачках наш прославленный "Гамураби" остался без места.

Неудача преследовала и в других видах спорта: гимнасты Эймелеус (посетители Михайловского манежа может быть помнят его, управляющего шестеркой, стоя на задней паре лошадей), Данич, Ватеркампф и Раевский не имели успеха, проиграл и наш первый игрок в теннис Сумароков-Эльстон, в футболе полный провал и только в фехтовании выделился наш офицер К. (фамилию забыл).

Но зато реванш был взят на международном конкур-иппике, происходившем три года подряд перед первой Мировой войной, теми же блестящими ездоками, о которых я уже упоминал: братья Родзянко, фон-Эксе, Плешков и Иваненко. Переходный кубок, как и писал А. Ветлиц, выигранный три года подряд русской группой, достался навсегда России.

А. Ветлиц пишет о победе Гродненского гусара Панчулидзева в Вене. На международном конкур-иппике он получил золотой кубок Императора Франца-Иосифа. Рассказывали, что Император Франц-Иосиф остался недоволен результатом этого конкур-иппика, выговаривал своему Генерал-Инспектору Конницы, что раньше, чем устраивать такие состязания, надо своих офицеров выучить ездить.

Панчулидзеву уже в боевой обстановке пришлось встретиться с одним из своих соперников. В начале войны Панчулидзев со своими гусарами захватил в плен австрийский разъезд и его начальника офицера. Этот офицер спросил: "Вы не лейтенант Панчулидзев?". Панчулидзев не понял откуда австриец его знает. Тот пояснил, что помнит Панчулидзева по Вене, где Панчулидзев был первым, а он вторым на приз Императора Франца-Иосифа.

Не умаляя достоинства наших ездоков, напрасно А. Ветлиц ставит крест на Англию в смысле конного спорта.

В 1958 году в Англии (метрополии) насчитывалось свыше 320 клубов, при которых содержались лошади главным образом для парфорсных охот.

Не нужно забывать, что 2—3 года тому назад 18-летняя англичанка оказалась непобедимой в прыжке в высоту (ок. 2 аршина 15 верш.).

Но, как то было раньше, так и теперь, в Англии главное внимание обращается на полевую езду.

Парфорсные охоты увлекают офицеров всех родов войск, моряков и штатских. Юнкера военных школ, не будучи членами спортивных клубов, имеют возможность также выезжать на парфорсные охоты, беря лошадей в клубах с платой 10 шил. за день. Свыше всем офицерам рекомендуется заниматься конским спортом.

Парфорсные охоты, пробеги, конкуры, скачки находятся в периоде расцвета, с увлечением играют в поло, при чем постановка дела в клубах такова, что в материальном отношении эти виды спорта вполне доступны.

После упразднения Кавалерийской школы в Weedon, с ее архаическим обучением манежной езде, ныне офицеры, желающие усовершенствоваться в верховой езде, поступают на 6 месяцев в Школу военных ветеринаров, при которой имеется школа тренинга (кстати я забыл упомянуть, что школа тренинга в России существовала при Яновском Государственном заводе, куда могли командироваться офицеры за свой счет), конский запас и лошади, подготовленные для парфорсных охот.

Бывшие кавалерийские полки, ныне моторизованные, сохраняя свои наименования и традиции, содержат при полках конюшни в 20—25 лошадей, впрочем такие же конюшни имеются и при других воинских частях, отрядах Р.А.Ф. и военных училищах.

Теперь очень развилось состязание в выездке лошади и вошло в моду трехдневное испытание: выездка, полевой пробег в 30 километров с 30-ю серьезными препятствиями и конкур-иппик.

На ряду с офицерами участвуют джентльмены, дамы и барышни.

Когда их пересадили на мужское седло, они создали большую конкуренцию.

Поощряет спорт Королевская фамилия, ежегодно устраивается Королевский турнир. Прекрасных лошадей, как материально более обеспеченные, держат летчики и на Королевском турнире 1958 г. два главных приза на конкур-иппик достались им.

Любовь к спорту англичане переносят и при отъезде из метрополии. Я имел письма из Багдада, где английская колония держала настоящую английскую свору. Охота на лисиц, шакалов и изредка на кабанов. Ужасный грунт: засохшая глина, старые заросшие оросительные каналы с заваленными глиной берегами, не пугали охотников. Падений было много, даже с членовредительством. Где, как не в Англии

разыгрывается Ливерпульский стипль-чез с 30-ю головоломными препятствиями, когда к призовому столбу приходит едва 20—25 проц. скачущих лошадей. Как и в доброе старое время, Англия осталась царицей конского спорта.

Но мы, русские, вправе гордиться, что в этой области сказались полезными и в Англии. В правильной постановке выездки и езды в Англии большую роль сыграл и играет тот, чье имя я упоминал, а именно П. Родзянко. После того, как он ушел из Ирландской Кавалерийской Школы, пробывши в ней несколько лет главным инструктором верховой езды, его пригласила Королевская конная батарея и он сделался в Англии столь же популярным, как во Франции было недавно скончавшийся А. А. Губин.

А. Левицкий

Полковой праздник

В 1908 году, день нашего полкового праздника пришелся в понедельник. Полком командовал Свиты Его Величества генерал-майор граф Келлер.

Обыкновенно наш полк, накануне праздника, выступал в конном строю походом из Петергофа в Царское Село, и, придя туда, шел прямо на плац перед Большим Дворцом, где мы строились развернутым фронтом и проделывали всю репетицию Высочайшего объезда, молебна и конного парада; но ввиду того, что этот канун полкового праздника приходился в воскресенье и во дворце был назначен прием в Высочайшем присутствии, мы выступили из Петергофа в субботу и, прибыв в Царское, проделали общую репетицию, вслед за которой эскадроны разошлись по различным манежам Л. Гв. Гусарского Его Величества полка. Там же квартирьерами были разбиты коновязи, стояли походные кухни и обоз с мундирами и рейтузами номер 1-й, вальтрапами, султанами от киверов и.т.п.

Мы, офицеры, были прекрасно размещены в кавалерских флигелях Большого Дворца, где нас отлично кормили и подавали прекрасное вино. Словом, нам было очень хорошо.

Как раз в это время, в Петербурге был в полном разгаре сезон "Конкур Иппик". Два раза в неделю были репетиции в Михайловском манеже, где ставились препятствия будущих состязаний, и, мы, участники, имели возможность пропрыгать их и познакомить лошадей и самого себя с предстоящим паркуром.

Эти репетиции были очень интересны. На них собирались лишь люди, имевшие прямое и самое близкое отношение к конскому спорту. Присутствовали дамы, члены Конкурного общества, знавшие до мельчайших подробностей наших лошадей, да и нас, скакавших.

Чистое, безкорыстное чувство соревнования, исключительно элегантная и красивая обстановка состязаний и репетиций — все это нас как то сближало; все мы были равны; все мы одинаково горели каким то особым пламенем; волновались, безконечно радовались или с досады были готовы прятаться в какую нибудь щель.

Но простите меня. Я увлекся. Пора перейти к моему рассказу.

В воскресенье, то есть накануне нашего полкового праздника, я был записан прыгать в Михайловском манеже на двух лошадях, принадлежавших св. кн. А. П. Волконскому, бывшему кавалергарду. Это были: гнедая кобыла Баркаролла, записанная на охотничий приз в первом заезде, и гнедой мерин Джентельмэн, в третьем заезде. Я на них уже прыгал на репетициях, был ими доволен, и был рад участвовать на них на состязаниях.

Я считал, что воскресенье для нас Лейб-драгун будет свободный день, и предполагал выехать из Царского около 11 часов; позавтракать в Михайловском манеже и там же спокойно приготовиться к первому состязанию, в котором я должен участвовать на Баркаролле.

Но все вышло иначе... Утром рано нам внезапно сообщили, что все офицеры приглашены на молебен в Высочайшем присутствии и лишь после завтрака мы будем свободны. Таким образом я уже никак не мог попасть к первому заезду.

Что делать? Как быть с конкуром? Ехать без разрешения, в надежде, что не заметят, невозможно. Пойти к командиру полка — безполезно.

Я мучился и пошел к моему командиру эскадрона, коотрый мне сказал то, что сказал бы каждый, а именно: — Ты понимаешь, что я тебя отпустить не могу. Если хочешь, пойди к графу Келлеру, который тебя все равно не пустит.

На меня напало какое то отчаяние, но я все таки пошел к командиру полка.

Когда я изложил ему мою просьбу отпустить меня до молебна на Конкур-Иппик, граф Келлер грозно на меня посмотрел и воскликнул:

— Да что Вы, батенька! Вот еще!

На этом разговор кончился и я ушел, в горе, во дворец, и стал одеваться в парадную форму, думая с грустью о Баркаролле, о Джентельмэне и о князе Волконском, которому я даже не мог сообщить, что не приеду прыгать на его лошадях.

В 11 часов мы пошли в церковь, где были депутации от инвалидов Японской войны. Государь был в нашей форме.

Сейчас же после окончания молебна мы узнали, что Государь будет присутствовать на завтраке.

Мы отстояли молебен; затем пошли в Большой Дворец и стали в столовом зале ожидания Государя, который вскоре приехал один.

За столом, наш командир полка граф Келлер сидел рядом с Государем. За Государем стоял громадный негр в чалме и скороход в шапочке с страусовым пером.

Вскоре после того, как мы сели за стол, кто то из моих соседей сказал мне, что командир полка смотрит на меня и что то говорит Государю.

Сейчас же после этого ко мне подошел скороход и передал, что командир полка просит меня подойти к нему.

Я подошел и встал сзади между Государем и графом Келлером. Государь сейчас же, как бы торопясь, обратился ко мне и спросил:

— Вы участвуете сегодня на Конкур-Иппик?

Я посмотрел на командира и немного замялся, не зная как ответить, но командир сразу ответил за меня:

— Так точно, Ваше Императорское Величество, он сегодня участвует.

Государь повернулся ко мне и, улыбаясь, сказал: Желаю успеха. Не опоздайте; торопитесь.

Времени почти не было: нужно было попасть на поезд. Я, как сумасшедший выскочил из Дворца и понесся в кавалерский флигель, чтобы переодеться. Но, о ужас... Мой деньщик со всеми другими ушел обедать в Гусарский полк, мой чемодан был закрыт на ключ, а ключ у него. К счастию, я нашел мою красную фуражку и, в незапертом саквояже, мои скаковые мягкие сапоги, которые просто засунул как они были подмышку и понесся во всю на улицу и далее к вокзалу.

Внезапно я услышал сзади галоп извощика и увидел сидящего на нем лейб-гусара графа Велепольского. Я замахал ему всем, чем мог. Он остановился, и мы помчались на вокзал полным ходом и еле-еле попали на поезд, не успев взять билеты.

Нужно было еще попасть в Михайловский манеж к первому заезду, а у меня были одеты эполеты, а погон вовсе не было; одеты лакированные сапоги, лацкан и прочее.

В манеже меня встретил взволнованный князь Волконский, не знавший, что делать. Мои же конкуренты помогли мне быстро переодеться; достали погоны, сняв их с улана Его Величества Федора Грязнова; привязали их, стягивали с меня сапоги, и т. д. Все это происходило сзади в манеже, где водили лошадей, где садились, въезжали и выезжали всадники.

Едва я был одет, как нужно было садиться и быть готовым к выезду по звонку.

Описывать как прошли оба паркура, я не буду. Скажу лишь, что первый на Баркаролле я прошел без ошибки хорошим ходом, и, в конце заезда меня вывесили первым, чему я конечно был очень рад.

Во втором моем состязании, Джентельмэн где то зацепил рейку и мне приговорили второй приз. Результат был хороший и я был очень доволен.

После окончания, я поехал в Царское, с приятным чувством, что я не напрасно был отпущен Государем Императором пожелавшим мне успеха.

На следующий день мы выстроились в конном строю на плацу Большого Дворца.

Государь объехал верхом полк; потом был молебен, а затем мы по эскадронно проходили развернутым фронтом перед Государем, и, когда кончился парад, мы, офицеры, быстро переоделись и пошли в Большой Дворец, где состоялся завтрак в присутствии Государя и Императрицы.

Как всегда, после завтрака, мы уходили в галерею рядом, где Государь и Императрица говорили с нами.

Когда Государь подошел к нашей группе офицеров и разговаривал с нами, он случайно увидел меня, сразу же обратился ко мне, и начал спрашивать, как я поспел и как прошел для меня вчерашний конкур.

Я рассказал, как я с трудом поспел, пробежав часть дороги, и что выиграл охотничий приз, и был вторым в другом состязании.

Государь смеялся, когда я это рассказал, и мне показалось, что Ему доставило удовольствие, что все так удачно для меня кончилось. Он поздравил меня; я низко поклонился и поблагодарил.

Как все странно устроено в нашей жизни! Казалось, что за эти два дня все шло против меня, криво и косо. Но вот вдруг все это кривое и косое как то само собою выпрямилось и все прекрасно кончилось.

К сожалению, это не всегда так бывает, и увы, мы сами это на себе испытали.

Эрик Гримм

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

ПАРТИЗАН ФИГНЕР

В № 3 (Апр. 1952 г.) Генеалогического листка "Baltische Familiegeschichtliche Mitteilungen", издававшегося в Германии русскими балтийцами бар. Вальтером Майдель и г. Альфрейдом ф. Гансен, помещена заметка г. Амбургера о происхождении русского партизана 1812 г. Фигнера. Привожу ее русский перевод:

Во время Отечественной Войны 1812 г. Александр Фигнер создал себе имя, как начальник партизан. Будучи уже кавалером орденов Св. Георгия и прусского "Пур ле Мерит", он погиб в бою под Верлицем на Эльбе в чине подполковника, командуя добровольческим отрядом.

Его отец, Самуил, бывший сперва офицером, а потом директором Импер. Кристалло-Фарфорового за-

вода, умер в 1811 году, в должности Псковского вице-губернатора. Этот Самуил Фигнер 18-го февраля 1801 г. получил потомственно дворянство, что мы узнаем из "Списка" Лукомского и Тройницкого (стр. 60).

В биографии сына этого Самуила, т. е. партизана Александра, указано, что его дед, т. е. отец Самуила, был якобы лифляндский барон Фигнер-фон-Рутмерсбах ("Русский биографический словарь"), однако это неверно.

На самом же деле, Самуил Фигнер (отец партизана) был крещен 6-го ноября 1758 года в кирке Св. Иоанна в Дерпте, как сын торгового компаниона (**Kaufgesell**) Самуила Фигнера, который, начиная с 1751 г. крестил уже четырех своих детей от своей связи с Юлианной Вейде, крещеной в Дерпте же 23 ноября 1729 года. Первые дети родились до оффициального брака, который был освящен лишь 1-го сентября 1754 года. Дальнейшие документы первое время называют Самуила Фигнера (отца партизана) молодым приказчиком (**Budenjunge**). При этих обстоятельствах, однако, вызывающим изумление фактом является то, что не только Самуил Фигнер (отец партизана) избрал в дальнейшем военную карьеру, но что родители последнего, т. е. упомянутая выше дерптская пара, в 1772-73 году записаны в церковных книгах немецкой колонии Новая Саратовка под Витенбургом восприемниками при крестинах, как "Поручик Самуил Фигнер и его жена Юлиана, рожд. Вейде".

Известная революционерка Вера Фигнер и знаменитый певец-тенор Фигнер, бывший флота лейтенант, — оба принадлежали к тому же роду.

Д-р Фил. Н. А. ф. Реймерс

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР — ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

С введением войск "иноземного строя", положивших начало нашей регулярной армии, Державным основателем ее, Императором Петром I, были введены и иностранные чины.

Хотя, в конце XIX и начале XX столетий, в нашей армии чинов лейтенант и майор уже не существовало, каждый кадет-первоклассник без сомнения знал, что "майор" есть чин штаб-офицерский и неизмеримо выше чина "лейтенанта". Не задавали ли себе вопрос, почему же тогда "генерал-майор" был младше "генерал-лейтенанта"? Ответ на это дают нам те же "иноземцы", у которых мы вместе с "регулярством" заимствовали и чины.

Все имеет свой смысл, а, значит, и объяснение. Так скромное звание "штык-юнкера", имевшееся когда-то в нашей армии, тоже немецкого происхождения. У них это звание имелось в артиллерии и понятно почему: по-немецки оно называлось "**Stückyunker**" и происходило от слова "**Stück**", у немцев, равнозначущего слову **pièce (d'artillerie)**" у французов и артиллерийскому орудию у нас. То- есть — "орудийный юнкер", со временем превратившийся в более понятного солдаты "штык-юнкера" (вместо "**Stück**" — "штык").

Но, вернемся к генералам. В конце тридцатилетней войны, в тогдашних армиях запада были следующие чины:

Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Генералы:
Oberst-Feldwebel	Feldwebel	General-Feldwebel
Oberst-Leutnant	Leutnant	General-Leutnant
Oberst	Hauptmann	General

И, когда позже, тогдашний офицерский чин **Feldwebel** был переведен в корпус унтер-офицеров, первый до того существовавший штаб-офицерский чин — **Oberst-Feldwebel** был переименован в "майора". Подобное же изменение произошло и с генеральским чином. **General-Feldwebel** стал генерал-майором, по старшинству же остался на своем месте, то-есть оказался ниже генерал-лейтенанта.

Сообщил *В. П.*

БРИЕНН
(17—20 января 1814 г.)

Название города начертано на 22-х серебряных Георгиевских трубах, пожалованных Александрийскому гусарскому полку за отличия, оказанные им в сражении у Бриенна.

17 января, в 5 ч. дня, Александрийцы были двинуты в атаку на неприятельскую батарею, сильно поражавшую наши войска. Во главе со своим командиром, храбрым полковником Ефимовичем, полк лихо полетел на эту батарею, опрокинул прикрывавших ее драгун, изрубил почти всю прислугу и захватил восемь орудий.

В рукопашной схватке особенно отличился № 1 эскадрон ротмистра Деева, а в ночном бою 18 января, № 2 эскадрон ротмистра фон-Гельфрейха. Почти во всех славных делах полка, эти два эскадрона както особенно соревновались в доблести и лихости. Молодецкие командиры этих эскадронов: Деев, Ильяшевич, Гелфрейх, Крузе, Мензенкампф, Дараган, младшие офицеры: Бартенев, Верзилин, граф Буксгевден и другие.

Сообщил *Ю. Т.*

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 30 "Военной Были" в статье В. фон-Рихтера "Лубочные картинки Восточной Войны", на стр. 18 есть ошибка в фамилии: не Сутковский, а Судковский.

Гавриил Дионисьевич Судковский родился 13-го июля 1816 г., рукоположен в иереи в 1842 г., был настоятелем церкви Очаковской крепости, впоследствии, Военного Собора, до своей смерти — 25 февраля 1907 г. — и был похоронен в сем соборе. Прослужил 65 лет.

За отличие в делах против неприятеля, при обороне Очакова, был награжден Георгиевской лентой к нагрудному Кресту. После войны, Император Александр II посетил Очаков, остановился в доме о. Гавриила, благодарил его, вручил на память золотой наперсный крест и сказал: "я был бы счастлив, если бы все мои подданные исполняли свой долг, как отец Гавриил".

Впоследствии, мой дед имел бриллиантовый крест от Императора Александра III. К концу его жизни на рясе красовались ордена Св. Анны I ст., св. Владимира III ст., и все остальные возможные знаки отличия и медали.

Гавриил Судковский, внук

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1959 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Девятый год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:
61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей « ВОЕННОЙ БЫЛИ » и « ВЕСТНИКА ».

Подписная цена с пересылкой на год:
700 фр. фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.
В газете — постоянные отделы: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Русский книжный магазин
„Le Magasin du Livre“

Продажа Русских книг до-военного издания

10, RUE DES CARMES, PARIS-Ve.
Tél.: DAN 25-28.

„Морские записки“

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам № 3 (48) т. XVI, 1958 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию В. В. Скрябин, 38, Bd de la Republique, Boulogne S/S.

Литературно-политические тетради

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

Независимый орган национальной мысли.
34-й год издания.

Адрес редакции:
73, avenue des Champs-Elysées, Paris-8.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e) и в Русских книжных магазинах.

Юг Франции — у А. Я. Фока — 57, рю Марешаль Жоффр, Ницца (А. М.).

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 93, rue de L'Abbaye, Bruxelles.

Лондон — у В. В. Барачевского — 23, Alder Grave. London N. W. 2.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Neumoresa 86, Roma.

Сев. Ам. С.Ш. — в Обще-Кадетском Объединении у В. А. Высоцкого 410, Riverside Drive Ap. 103 A. New-Iork 25.

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 avenue San-Francisco 18.

Канада у К. Н. Мартемьянова — 716, Gerrard str. East. Toronto, ONT.

Австралия — а) у Калатилина — 50, Belemba ave Lakemba (N.S.W.), б) у Н. А. Косач 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — Obligado 2130, Buenos-Aïres.

№ 36

МАЙ 1959 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 8-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSE MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Обще-Кадетское Объединение извещает что в воскресенье 21 июня на Русском Кладбище в Сент-Женевьев де Буа, на могиле Почетного Председателя Объединения

Великого Князя ГАВРИИЛА КОНСТАНТИНОВИЧА

после Литургии и Крестного Хода, будет отслужена панихида.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1500 фр. с пересылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № — 5 шил. год. подписка — 25 шил., в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16ᵉ). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881 - 89 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16°). MIR. 72-55

-й год издания — № 36 МАЙ 1959 Г. — Bimestriel. — Prix — 250 fr.

Христос Воскресе!

Редакция и Издательство сердечно поздравляют дорогих сотрудников, подписчиков и читателей со Светлыми Праздниками.

Христос Воскресе

Смерти нет. Пусть Мир стоит в Преддверии
Небывалых и последних бед.
Увядают травы... умирают люди... рушатся Империи...
Но ведь это только суета сует.

Пусть иссякнут воды, станет пеплом суша,
И угаснут звезды в черноте небес.
Тлен подвластен тлену, но нетленны души,
Ибо воскресают, как Христос воскрес.

Где-то за надзвездными, неземными гранями, —
В некий внепространственный, вневременный час, —
Нас, — разъединенных сварами и бранями,
Приймет воедине Всеединый Спас!

Праведных со грешными, верных с иноверцами,
Кто стозвучен духом и кто духом нем,
Потому, что в Спасовом милостивом сердце
Место уготовано каждому и всем:

Мудрым и неведавшим, чистым и нечистым,
Чашу заблуждений выпившим до дна,
На земле служившим разноликим истинам,
Позабыв, что Истина — одна.

Там, в хвале и славе неумолчных песен,
Обретя предвечный, негасимый свет,
В приобщеньи Спасу все мы да воскреснем,
Как воскрес Спаситель, — ибо смерти нет!

Н. М.

1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 году

(Продолжение)

ОТ РЕДАКЦИИ:

Подробная схема к этой статье, исполненная М. А. Забусской, помещена в номере 35 "Военной Были", вместе с началом статьи.

. . . .

14-го (27-го) августа 15-й корпус продолжал упорные бои с 20-м корпусом ген. Шольца. Ослабленная накануне 1-я бригада 2-й пехотной дивизии остановила у Янушкау 41-ю немецкую дивизию, пытавшуюся пробиться на Ваплиц. В то же самое время 3-я немецкая резервная дивизия генерала Курта фон-Морген заняла всю линию вдоль реки Древнец.

Наш 13-й корпус в этот день, без боя, занял Алленштеин. Генерал Клюев считался с необходимостью накормить войска, которые несколько дней не получали хлеба, и по прибытии в город он наложил контрибуцию в виде поставки хлеба, за который было заплочено.

Проведя предыдущую ночь в Реисене, он подумывал двинуться всем корпусом из Стабиготтена на Гогенштейн на помощь 15-му корпусу, но, получив утром записку от генерала Мартоса с приказанием выслать ему на помощь одну бригаду, отправил 2-ю бригаду 1-й пех. дивизии (полки Нарвский и Копорский). В этот день наш полк опять шел в авангарде и по обыкновению полковник Первушин выслал меня с разведчиками вперед с приказанием войти в связь с частями 36-й дивизии. Я не успел отойти на несколько километров, как меня обогнала группа всадников. Это был командир корпуса со штабом, который, видимо, недовольный сведениями, полученными от пограничников, сам выехал впереди корпуса на "разведку". Я подивился его смелости, но и неосторожности.

Мне удалось войти в соприкосновение не помню уже с какой ротой 141-го Можайского полка, стоявшего в мирное время в родном мне Орле. Офицеров я не знал, но среди солдат были мне знакомые земляки из Орла. Мы встретились в брошенной немецкой усадьбе, откуда обитатели только-что бежали. Дом был порядочно разграблен, мне сказали, что это было дело пограничников. Зато наши ребята нашли чаны с яйцами, консервированными в известковой воде. Мы их забрали, как контрибуцию, и каждый разведчик получил по два яйца, чему мы были очень рады. Почти не спав эту ночь, я утром повел свой маленький отряд на Алленштейн и к полудню вошел в город.

Вацетис ошибочно сообщает, что 13-й корпус занял Алленштейн. Немецкая история войны тоже подтверждает, что мы вступили в город около полудня, благодаря чему войска успели хорошо отдохнуть прежде, чем были двинуты на Гогенштейн.

К моему удивлению, я увидел, что все главные здания и лучшие магазины, также винные лавки охраняются нашими постами. Оказалось, что полковник Первушин, опасаясь, что могут быть попытки грабежа, всюду поставил часовых, которые спасли город, а нас от потери дисциплины. Мне рассказывали позже, что генерал Преженцов не сделал этого, проходя через Вилленберг и его дивизия, найдя спиртное, перепилась и начала грабить город, после чего трудно было восстановить дисциплину. Наше корпусное начальство было уверено в подходе с востока, со стороны Вартенбурга, 62-го корпуса и, когда наш летчик доложил генералу Преженцову, что, пролетая над Вартенбургом, он видел две колонны, двигавшиеся на этот город с юго-востока, то из штаба корпуса его отправили обратно с пакетом на имя генерала Благовещенского и ориентировкой положения. Летчик до ночи не вернулся, между тем к генералу Преженцову спешно прискакал один из высланных им днем разъездов с донесением, что он видел колонну, двигавшуюся на Вартенбург, которая его обстреляла. Последний на это не обратил внимания и не сообщил этого донесения в штаб корпуса.

Когда я явился в полк, который расположился бивуаком на лугу юго-западнее города, товарищи мне рассказали, что, когда они подходили к городу, по железной дороге с запада подходил поезд, в котором виднелись немецкие солдаты. Шедшая впереди полурота его обстреляла, но поезд, дав задний ход, ушел на запад. Об этом инциденте рассказывает в своей книжке некто В. фон Стефани. Поезд вез первый эшелон 1-й ландверной дивизии фон дер Гольца, который он после этого высадил на ближайшей станции Гисселен. Он не упоминает, в котором часу произошла встреча, но очевидно, что это было еще рано утром, так-как он еще спал.

В Алленштейне к нам подошли походные кухни, город к вечеру выпек хлеб и мы все хорошо поели — наш последний обед до самого плена. Мне кажется странным решение генерала Клюева отложить движение 13-го корпуса до рассвета 15-го (28-го) августа, на том основании, что его войска были очень утомлены, двигаясь 10 дней без дневок (Головин, стр. 231). Только пять дней до того мы дневали в Гросс Данкгейме, последний переход от Реиссена до Алленштейна был всего в 10 километров и мы пришли рано и совершенно свежие.

Казалось-бы, что в виду экстренного требования генерала Мартоса нужно было решиться на ночной переход тех 20-ти километров, которые нас отделяли от места боя, тем более, что дорога была отличная, шоссейная.

Мне, однако, всю ночь спать не пришлось. Так-как в Алленштейне о противнике не было ничего слышно, я отпросился в город и отправился с одним товарищем. Жители с любопытством на нас смотрели, не выражая недружелюбия. Мы зашли в кондитерскую выпить кофе с вкусными пирожками, а затем я зашел в парикмахерскую подстричься, так-как порядочно об-

рос волосами. По пути, я купил вышедшую в этот день газету и очень позабавился над сообщением, что в Алленштейн вступили немецкие войска. "Вот видите, как вас обманывают. Не немцы, а мы здесь", — сказал я кому-то. Если-бы я знал, что будет завтра, я-бы этого не сказал. Возвращаясь в полк, я увидел большой каменный дом. На мой вопрос мне сказали, что это больница для душевно-больных. Опять я не знал, что там прятались немецкие солдаты, не успевшие уйти с отступавшими частями и стрелявшие из пулеметов по нашим на другой день. Когда я явился командиру батальона, он мне сказал, что обо мне справлялся командир полка и приказал немедленно явиться к нему. Отыскав его палатку, я просил полкового адъютанта доложить обо мне. В это время в отдалении, на север от города слышалась учащенная стрельба, точно там шел сильный пехотный бой. Полковник Первушин приказал мне отправиться с разведчиками по направлению стрельбы и узнать, в чем дело. Исполняя приказание, я прошел через город и скоро углубился в густой лес. Стало совсем темно и я убедился, как трудно идти по незнакомым лесным дорогам и как легко в них запутаться. Мы долго плутали и я был рад, когда послышался окрик: "Стой, кто идет?" — оказалось, что это сторожевое охранение от Можайского полка, выставленное довольно несуразно, в виде боевой цепи. Подошедший унтер-офицер объяснил, что нервничавшие запасные с перепугу палили по всякому шороху, по коровам, ходившим по кустам, по пробежавшему зайцу. По его словам они потратили для собственной храбрости все свои патроны. Ни одного офицера я там не встретил, но, когда, проплутав еще порядочно, я вышел на большую дорогу и направился на юг, торопясь обратно в полк, я был окликнут и увидел группу офицеров того же полка. Знакомый мне командир батальона подп. В., бывший явно на-веселе, приглашал меня зайти к ним и выпить, но я торопился, так-как устал и надеялся, что во возвращении мне удастся выспаться.

Когда я подошел к месту расположения полка, я не нашел никого — полк выступил на рассвете. Оставались еще повозки обоза. Мне сказали, что полк ушел на юг и я бросился его догонять. Как я не спешил, я не мог это сделать, так как пришлось обгонять полки всего корпуса. Как я потом узнал из описания Восточно-Прусской кампании, положение к 15-му (28-му) августа было следующее:

Как было сказано выше, генерал Клюев направил на помощь 15-му корпусу 2-ю бригаду 1-й пехотной дивизии. Действия этой бригады подверглись строгой критике как со стороны генерала Клюева, так и генерала Мартоса, и надо благодарить генерала Головина за то, что он отдал должное двум хорошим полкам этой бригады, которым незаслуженно была создана дурная репутация.

Выступив из Стабиготтена 14 (27) августа утром, Нарвский и Копорский полки с тремя батареями 1-й артиллерийской бригады шли, по записке генерала Клюева, очень медленно и, подходя к правому флангу 8-й дивизии, приняли ее за противника и вступили с ней в бой. Затем, расположившись на ночь в какомто местечке, они якобы перепились, после чего, двинувшись в лес двумя колоннами, одна колонна приняла другую за противника с открыла по ней огонь. После этого, пробродив еще по лесу в сумерках, бригада вышла к начальному пункту вместо того, чтобы напасть на тыл противника ("Военный Сборник", Общ. Ревнителей Военн. знаний, номер 4, Белград, 1923 г.).

Это фантастическое описание едва-ли точно передает записку генерала Клюева, но все-же видно, что он был мало осведомлен о положении дела в этой бригаде. Генерал Мартос, в своей записке, тоже строго отзывается о бригаде: "Около 3-х часов дня с холма, где мы находились, тщетно ожидая появления 13-го корпуса, замечено было на нашем правом фланге беспорядочное отступление пехоты. Вслед затем прибыл офицер генерального штаба, посланный мною в бригаду 13-го корпуса и доложил, что бригада, начав наступление, попала под сильный артиллерийский огонь и обратилась в бегство, что люди бросают по пути не только вещи и снаряжение, но даже ружья, а что эта беспорядочная толпа бросилась по тылам 15-го корпуса и производит в обозах панику. Затем прибыл командир артиллерийского дивизиона, находившегося при означенной бригаде и доложил, что он потерял орудия, так-как пехота его бросила" (Головин, стр. 274).

Что бригада плутала в лесах, несомненно, но вина в том ложится скорей на приставленного к ней офицера генерального штаба 15-го корпуса, который, повидимому, плохо разбирался в карте. По немецким источникам, бригада прошла очень длинный путь через Гильгенау и Виттингвальде и к вечеру 13-го (26-го) августа появилась на высотах против Рейхенау, где была еще сосредоточена вся 3-я резервная дивизия фон Моргена. Здесь, как указывает генерал Головин, произошел бой одной бригады с тремя батареями против целой немецкой дивизии с 13 батареями. Бригада держалась несколько часов, но, когда в ее тылу, со стороны леса, к северу от Гогенштейна, появились части ландверной дивизии фон дер Гольца, она отступила, прикрывая своим "бегством" отход 8-й дивизии от Гогенштейна и с линии р. Древенц.

"То, что германская 37-я дивизия (переброшенная на фланг дивизии Моргена), пишет генерал Головин, и 1-я ландверная дивизия не развили свой охват и не отрезали части 15-го корпуса, может являться только следствием того, что они встретили на своем пути сопротивление Нарвского и Копорского пех. полков, может быть плохо организованное, но во всяком случае доблестное" (Головин, стр. 286).

И, действительно, имея на своем левом фланге 2-ю дивизию генерала Мингина, а на правом 2-ю бригаду 1-й пех. дивизии, 15-й корпус 13-го (27-го) смог продолжать наступление на линию Мюлен-Гогенштейн, а 14-го (28-го) августа высвободиться от охвата обоих его флангов.

У Мюлена 6-я дивизия 15-го корпуса встретила сильное сопротивление со стороны защищавшей его

70-й ландв. бригады из сборного отряда генерала Унгера. Пехота этого генерала была слабей нашей дивизии, но имела сильное превосходство в артиллерии и занимала сильно укрепленную позицию. Происходивший весь день бой кончился взятием Мюлена 6-й дивизией. На своем левом фланге генерал Шольц не оказал сопротивления и наша 8-я дивизия, пройдя через Надрау и Шлага-Мюле, вечером 13-го (26-го) августа заняла Гислинен и Гогенштейн. На 14-е (27-е) августа генерал Гинденбург приказал Шольцу наступать энергично, но последний, опасаясь обхода своего левого фланга 13-м корпусом, решил на этом фланге обороняться, приказав ген. фон Моргену подвинуться ближе к Мюлену в район Клейн-Потсдорф, чего последний тоже не исполнил, оставаясь в районе Рейхенау. Часть его дивизии однако пододвинулась к Дребницу, где вела бой с 8-й дивизией.

Бой у Мюлена продолжался весь день и положение 20-го корпуса от Мюлена до Рейхенау было настолько критическое, что Шольц перекинул к Мюлену свою 37-ю дивизию, приказав 41-й преследовать дивизию ген. Мингина до Ваплица. Но эта дивизия, думая, что с нашей стороны на этом участке находятся гораздо более значительные силы, наступала очень осторожно и к вечеру 14-го (27-го) достигла лишь Туровкена у южной оконечности Мюленского озера. Утром ген. Мартос телефонировал в штаб Армии, что он просит направить на помощь ему весь 13-й корпус. Начальник Штаба Армии ген. Постовский ответил, что генерал Клюев может поступить, как он хочет, но что к 15-му корпусу направлена бригада. До какой степени начальник штаба не понимал положения, показывает его телефонный разговор с генералом Мартосом около 5 часов пополудни того-же дня, когда 15-й корпус вел упорный бой по всему фронту от оз. Ковнаткена до Дребница. Генерал Постовский передал ему приказание командующего Армией: 15-му корпусу утром 15-го (28-го) августа двинуться в Алленштейн на соединение с 13-м и 6-м корпусами. Генерал Мартос решительно отказался исполнить это приказание и предложил отрешить его от командования (Головин, стр. 233—234).

По приказу генерала Гинденбурга, войска ген. Шольца должны были с раннего утра 15-го (28-го) августа перейти в наступление по всему фронту, равно как и 3-я рез. дивизия ген. Моргена и ландверная дивизия ф. дер Гольца, высадившаяся на станции Гисселен.

41-й дивизии было приказано атаковать нашу 6-ю дивизию южнее Мюлена, после чего войска Древентского фронта, дивизия Моргена и 37-я дивизия должны были атаковать линию Гогенштейн — Грислинен. В 4 часа утра 41-я дивизия выступила между озерами Мюлен и Маранзен. Стоял густой туман и 41-я дивизия наткнулась на артиллерию 15-го корпуса. Обстреленная почти в упор и атакованная 1-й бригадой 6-й пех. дивизии полковника Новицкого, немцы не выдержали и бежали, понеся огромные потери. Нашими войсками было захвачено 2.400 пленных и 13 орудий. Остатки разбитой 41-й дивизии бежали до Вроново. Генерал фон Морген перешел в наступление несколько позже и вел упорный бой с 8-й дивизией и бригадой 13-го корпуса, которая упорно сопротивлялась до тех пор, пока с севера ее не атаковали передовые части ландверной дивизии Гольца. Эта дивизия, после ночного отдыха на станции Гисселен, выступила ускоренным шагом в 5 час. утра. Генерал Гольц имел при себе сначала всего 7 батальонов, 4 эскадрона и одну батарею. К 9 часам утра он достиг опушки леса, названного на отбитых нами картах "Каммервальдом", а в официальной истории войны "Каммереивальдом", и повел наступление на нашу бригаду с тыла. Пройдя через лес, Гольц вышел к Грислинену и дальше в рощу, тянувшуюся на восток вдоль источников реки Пассарги, откуда открыл огонь по отходившей 8-й дивизии и 2-й бригаде 1-й дивизии, которая, стиснутая между двумя дивизиями, не выдержала и побежала. Это было то беспорядочное бегство, которое описал генерал Мартос в своей записке и которое видел и командующий 2-й Армией генерал Самсонов, прибывший со своим штабом к 15-му корпусу в Надрау. Это было, по словам записки, около 3 часов дня.

До того, Нарвский и Копорский полки упорно защищали Гогенштейн против дивизии Гольца, который взять ему не удалось, и город был взят, после упорного боя, 6-й резервной бригадой генерала Крауз.

37-я немецкая дивизия, направленная на поддержку дивизии генерала Моргена, запуталась в лесах и 15-го (28-го) августа в боях не участвовала, и только к вечеру пришла в Гогенштейн, где и заночевала. Дивизии Унгера удалось продвинуться у Паульсгута. Для поддержания 20-го корпуса Гинденбург приказал генералу Франсуа выслать 2-ю пех. дивизию, в направлении на Грюнфлис, для того, чтобы отрезать наше отступление на Нейденбург.

О пребывании генерала Самсонова при 15-м корпусе генерал Мартос рассказывает следующим образом: наблюдая с холма у Надрау за разгромом немецкой 41-й дивизии, около 10 часов утра он с другой стороны увидел группу всадников. Это был командующий армией, который со своим штабом решил переехать к 15-му корпусу из Нейденбурга для того, чтобы руководить действиями войск. Из разговора, который последовал в присутствии чинов обоих штабов, видно, какое огромное значение генерал Самсонов придавал удержанию Нейденбурга. Генерал Мартос доложил о положении своего корпуса и высказал, что он считает необходимым немедленное отступление 15-го и 13-го корпусов. Ему возразил генерал Постовский, сказав, что надо обождать прибытия 13-го корпуса, "надеясь на победу" (Головин, стр. 274).

Далее, генерал Мартос пишет, что с той стороны, откуда они ожидали появления 13-го корпуса, около 3-х часов дня видно было бегство Нарвского и Копорского полков, уже описанное выше. Наличные офицеры штаба генерала Самсонова бросились приводить их в порядок и собрали по одному батальону от каж-

дого полка. Я могу добавить одну подробность, которой нет ни у генерала Головина, ни у Вацетиса: генерал Самсонов тут-же отрешил от командования командира одного из полков, не ручаюсь точно которого, но, кажется, Копорского и на его место назначил командира Саперного батальона 15-го корпуса, лично ему известного по Японской войне, который дал ему обещание, что у него полк не побежит. На другой день, когда мы подходили к деревне Яблонкен, послышался одиночный выстрел: не сумев исполнить данного обещания, так-как его полк опять разбежался где-то по пути от Надрау, новый командир покончил с собой.

Приведя бригаду в порядок в Надрау, генерал Самсонов, как пишет Мартос, "отправил приказание 13-му корпусу энергично наступать". Дальше генерал Мартос добавляет: "Через некоторое время, когда уже спускались сумерки, Клюев открыл артиллерийский огонь, на который немедленно отвечали немцы с западной стороны Гогенштейна. Возле обоих артиллерийских позиций, немецкой и русской, как всегда, вспыхнули пожары, и затем 13-й корпус дальше не продвигался" (Головин, стр. 275).

Генерал Мартос очевидно писал по памяти и его описание боя у Гогенштейна совершенно неточно. Как я буду описывать его дальше, артиллерийский бой начался гораздо раньше, начали его немцы и никаких пожаров не было.

В последовавшем обсуждении "генерал Постовский... молчал... По мнению генерала Самсонова, 15-му и 13-му корпусам и остаткам 2-й пех. дивизии следует отходить на Нейденбург, который обороняется гвардейским полком и бригадой 6-й кавалер. дивизии. Я больше ничего не говорил, так-как нужно было на что-нибудь решаться. Стали писать приказ. В это время генерал Семенов отозвал меня в сторону и указал, чтобы я после распоряжения по корпусу поспешил следовать к Нейденбургу и принял меры к упорной защите этого города, направляя туда первые подходящие части на помощь пехоте и кавалерии, обороняющим город". Упоминание о нем содержится в статье капитана Фукса в "Военном Сборнике", кн. 4, стр. 140.

"16-е августа... Около 12 часов ночи было получено с разъездом приказание из штаба Армии. Оно гласило: "Для лучшего сосредоточения частей армии и снабжения их всеми видами довольствия, 13-му корпусу в течение ночи отойти в район довольствия Куркена, воспользовавшись проходом между озерами Гросс-Плаузи, Гер Зее и Ланскер Зее, 15-й корпус отходит на Нейденбург. В Куркене корпусу будут даны дальнейшие указания".

Это приказание совершенно не похоже на то, что, по словам генерала Мартоса, ему говорил командующий Армией, и можно только предположить, что или генерал Постовский в дальнейшей беседе его переубедил, или сам от себя написал в приказе то, чего не хотел генерал Самсонов. Последнее мне кажется более вероятным, судя по тому, что дальше написал генерал Мартос: "Генерал Самсонов со штабом уехал и я остался писать распоряжения по корпусу. Когда офицеры, посланные мною к начальникам дивизий, вернулись с расписками о получении приказа, я со штабом и конвойной сотней двинулся шагом по дороге на Нейденбург. Приблизительно через час мы увидели в стороне от дороги, около строений, отдыхающий штаб Армии. Я подъехал к генералу Самсонову, который показался мне более спокойным. Он снова, в стороне, говорил о тяжелом нашем положении и о том, что можно еще выйти из него, если мы удержим Нейденбург". (Головин, стр. 276). Генерал Самсонов совершенно правильно оценивал положение, Нейденбург был ключом, который замыкал мешок, в который попали наши два с половиной корпуса. Не даром генерал Гинденбург так торопил свои войска занять скорее этот город и оттуда спешно двинуться по шоссе на Вилленберг. Как указывает генерал Головин, Нейденбург был занят немцами к вечеру 15-го (28-го) августа, нашедшими там только тыловые учреждения (стр. 283). Ехавший туда генерал Мартос был захвачен в плен немецкой кавалерией. Тотчас-же по занятии Нейденбурга, ген. Франсуа направил отряд Шметтау по шоссе в Мушакен, который был им занят 16-го (29-го) августа в 3 часа ночи.

На следующий день ф. Франсуа выслал в том-же направлении всю свою 1-ю дивизию, имевшую впереди Конно-Егерский полк № 10, который достиг Вилленберга в 3 часа дня, обогнав отряд Шметтау, который пришел в Вилленберг в 7 часов вечера, проделав от выхода с бивака 15-го (28-го) августа и после боев у Сольдау и Нейденбурга 65 километров. Мешок был завязан.

Г. Беннигсен

(Продолжение следует)

Три времени года в четырех стенах

(Продолжение)

Утро приносило совсем другое: вместо одного горниста или барабанщика - солдата, на лестнице под планом Полтавской битвы собирался в установленный для подъема час, весь оркест, который торжественно исполнял "утреннюю зорю". Оркестр проходил затем по всем дортуарам, где, конечно, никто уже не спал, и играл марши во всех ротах.

В то-же утро, те семиклассники, которые были произведены в "вице-унтер-офицеры" (а один в фельдфебели), находили свои мундиры с золотыми нашивками (Педагогический совет был уже накануке). До раннего утра никто еще не знал о производстве..

К утреннему чаю нам дают любимые "француз-

ские булки", а не ситный хлеб, как в обыденные дни. Все роты, после чая, переодеваются в парадные мундиры. В зале Иван Николаевич Ризенко уже спевается с хором, для "прочистки голосов"..

В день корпусного праздника, хор поет не на клиросе, а на очень высоких, под самый купол церкви, хорах... Их двое, с каждой стороны по одному. Певцы стараются превзойти самих себя: к этому дню они готовились давно, держа в секрете песнопения новой "Херувимской", "Отче наш" или "Достойно есть".

И, действительно, в этот день, то ли это особенная акустика хоров, то ли старания певцов, но хор звучит довольно стройно, а Кима Сахновский — октавист, кумир первоклассников (славу которого затмевал лишь музыкант-баритонист Кошуба из оркестра Севского полка) — умудряется в этот день "пускать" октаву почти под стать октависту из архиерейского хора.

Как-только кончается богослужение, все разбегаются по дортуарам, чтобы приготовиться к параду. Музыканты разбирают инструменты, начищенные до блеска солнца. Первая рота одевает подсумки и разбирает ружья.

На парад собирается довольно много бывших кадет: тут и офицеры гарнизона Полтавы, и несколько приехавших юнкеров из Киевского и Елисаветградского училищ, и ряд помещиков-дворян, вылезших из своих медвежьих углов и натянувших на себя пахнущие нафталином дворянские мундиры, чуть-ли не Екатериненских времен и губернский предводитель дворянства, и много других лиц. В 1906 году в числе гостей был и викарный епископ — бывший кадет.

Парад происходил в самой большой зале (дортуаре, из которого вынесены кровати и который уже украшен к предстоящему балу). Первыми прибывают в зал малыши — 4-я рота. Изо всех сил стараясь, они маршируют хоть и не очень стройно, но вдохновенно.

Разбиты они на взводы и странно видеть на правом фланге взвода высоких офицеров воспитателей-бородачей (в парадных мундирах), которым самый рослый из их воинов приходится по пояс.

4-й взвод, возглавляемый добродушнейшим пузачем шт. кап. Эмнихом (который своими размерами равняется минимум 4-м, 5-ти первоклассникам), вызывает даже некоторую сенсацию. Затянутые в мундирчики, с розовыми курносыми мордочками, на которых написаны страх, благоговение и старательность, малыши, поистине очаровательны.

За 4-й ротой прибывает 3-я, потом 2-я и, наконец, стройным маршем входит 1-я.

Как мы ею все гордимся!

Скосив глаза, все маленькие роты с явным восторгом смотрят на этих, почти уже взрослых юношей, марширующих с подсумками и настоящими ружьями.

Гремит встречный марш, выносится старенькое корпусное знамя. Знамя несет всегда один из самых стройных и видных собой, кадет 7-го класса (один из только-что произведенных унтер-офицеров). Ассистентами у знамени 2 офицера-воспитателя.

Перед началом парада директор корпуса командует:

— Старые кадеты! Под старое корпусное знамя... Шагом... марш!..

И тут всегда происходила трогательная и немного комическая сцена: растолстевшие помещики, давно забывшие, в своих Кобеляках и Сорочинцах, о маршировке, должны были формировать два или три взвода. Старший, из бывших кадет — ими командовал. Немного сконфуженный, он расставлял их по рядам и росту, и, пыхтя, приводил в порядок эту разнокалиберную публику.

Раздавалась обычная команда:

— К церемониальному маршу! По взводно! На взводную дистанцию... Первый взвод...

Старенький отставной генерал или бывший помещик, выходил перед своим бравым взводом и доканчивал команду:

— ...Первый взвод! Равнение направо!.. Шагом... марш!..

Гремит Суворовский марш. Подтянув животы, приняв насколько возможно воинственный вид, "помещичий взвод", не особенно равняясь и держа ногу, первым проходит перед директором.

За ними, стройно отбивая ногу, безукоризненным шагом проходит 1-я рота, за ней 2-я, 3-я и, наконец, самая старательная 4-я, кричащая уже совсем детскими голосками: "Рады стараться, Ваше Превосходительство!"

В один из годов (не могу точно вспомнить 4, 5 или 6-й) старшим из бывших кадет оказался викарный епископ. Ему предложили во время парада стать рядом с директором, но он ответил:

— Нет!.. Нет!.. Традиция — есть традиция. Буду командовать взводом. Апостол Павел, ведь, был солдатом!

И он с блеском и даже щеголеватостью, выстроил свой взвод и великолепно промаршировал перед директором.

За обедом, наши-же музыканты играли для "слуха" незамысловатые песни, вальсы и по-пурри. Обед был не такой, конечно, как на станции Казатин, но по корпусным масштабам — роскошный: по полбутылки "Кочубеевского" меда, борщ, телячья котлета, пирожное и по пакету дешевеньких конфет. Одновременно в портретном зале происходил парадный обед для всех гостей.

Музыканты за свое искусство получали по лишнему пакету конфет. Отрубив свои незатейливые "симфонии", они обедали уже после всех. Сидели они важно, с видом Рубинштейнов, отягощенных славой и поклонением и давшим концерт по меньшей мере в Московском Дворянском собрании перед тысячной толпой.

Все — "после обеда" — посвящалось окончательной отделке и уборке 2-х зал, к предстоящему балу. Бал был кульминационным пунктом этого торжественного дня. Почему-то над украшением зала и превращением классов в уютные гостинные, трудились всегда совершенно нетанцующие кадеты. Была всегда такая группа: их называли "биндюжниками" (ломовиками), которая с увлечением бралась за самую трудную, неблагодарную работу: таскать кровати, доски, эстраду для музыкантов, делать на кухне лимонад, расставлять цветы; и все это для того только, чтобы вечером скромно стоять у стенки или в углу и любоваться каким-нибудь ловким семиклассником, который все время "после обеда" провалялся на кровати, и часам к шести, продрав глаза, лениво и снисходительно выползает полюбоваться сделанными работами.

— Недурно! Недурно! Спасибо ребята... Передайте, пожалуйста, от меня просьбу эконому: выдать вам по чарке водки! И довольный своим остроумием, он величественно проследует в класс, где над каким-то шкапом пыхтят и трудятся бедные "биндюжники".

Франты уже запаслись флакончиками духов. В моде, помню, был какой-то "Опопонакс", доставляемый нам мальчишкой-парикмахером Сенькой. Идет война с прическами: в корпусе разрешалась только одна прическа "бобрик" и что это было за мученье — привести непокорные вихры в вертикальное положение. От жестких щеток краснели лбы, фиксатуар изводился тоннами. Малыши этих горестей не знали — их без стесненья всех стригли "наголо".

В самом большом зале, где, происходил главный бал, разрешалось танцевать только 5, 6 и 7-му классам. Все низшие классы танцевали в меньшем — портретном зале.

В большом зале играл оркестр Севского полка со знаменитым на всю Полтаву баритонистом Кошубой. В малом зале играл оркестр казачьего полка.

Малыши, подавленные великолепием зал, блестящим светским обществом, запахом духов, обыкновенно робко жались по углам и пытались делать такие-же робкие набеги на киоски с лимонадом и "оршадом", откуда их с треском и позором обыкновенно изгоняли старшие кадеты, заведывавшие киосками.

До сих пор не могу сообразить, что это за таинственный напиток был знаменитый "оршад", изготовлявшийся по рецепту нашего эконома. Помню, что был он белого цвета и довольно вкусный.

Но вот приближается время бала! Прибывают музыканты: казаки приносят с собой приятный запах лошадиного пота. В большом зале Кошуба окружен восторженными поклонниками 1-го и 2-го классов.

— Пожалуйста! Когда будете играть мазурку — сыграйте "Голубку"... Пожалуйста... а вальс-"Лесную сказку"!

В мазурке "Голубке" и в "Лесной Сказке", в 3-й части, в так называемом "Трио", кларнеты и флейты делают замысловатые вариации, на фоне которых баритон ведет плавную мелодию.

И как только, во время бала, раздаются звуки "Голубки" или "Лесной сказки", толпа поклонников Кошубы, сломя голову, несется к оркестру и благоговейно располагается около него. Кошуба, распустив свои тарасабульбовские усы (он вольно-наемный музыкант и у него три нашивки на погонах), с высоты своего великолепия косится на своих поклонников, и, когда дело доходит до трио, бесподобно бархатные звуки вылетают из его трубы и наполняют зал. Малыши, после мазурки, пытаются даже устроить Кошубе что-то вродѣ овации. Слышны тоненькие голоса: "Браво, Кошуба! Бис...", но овация быстро прекращается вмешательством воспитателя и малыши изгоняются от оркестра. Но и разбегаясь, они еще долго и восторженно шепчут друг-другу: "О, Кошуба... это... да!".

Время движется. Скоро 8 часов и начинают приезжать первые приглашенные. Озабоченные, взволнованные распорядители с бантами на левом плече, носятся немного бестолково по всем направлениям.

К ним теперь не подступись! Еще-бы! Они делают чуть-ли не государственное дело: встречают гостей. Все барышни при встрече получают букетик цветов и значек корпуса. Это все наши полтавские: Галочки, Ксаны, Аленушки, принарядившиеся только в светлые платьица.

Они так же взволнованы, как и мы!

Особенно почетных гостей встречают воспитатели, а иногда и сам директор. Приезжает Предводитель Дворянства — Абаза, с двумя дочерьми. С целым выводком девиц, является Иван Францевич Павловский. Его дочери на балах успеха не имеют; еще-бы: дочери Солона, кабещанца, героя баллады с "бумагой"! Все это как-то мало романтично! А жаль! Потому что дочери его — настоящие красотки, одна лучше другой, а две старшие, которым теперь 16 и 17 лет, впоследствии были всеми признанные полтавские красавицы.

Танцы начинаются и идут строго по вывешенному расписанию, число танцующих все увеличивается по мере приближения бала к его кульминационному пункту — котильону.

И чего только не бывало во время котильона?

Каждый выпуск старался превзойти один другого и придумать что-либо оригинальное: выезжали русские тройки, запряженные третьеклассниками, с лихим кучером на облучке и с боярышней в санках, разносились картонные щиты с сердцами, затянутыми папиросной бумагой. Барышни копьями протыкали сердца, на обратной стороне которых были фамилии танцоров. Длинными удочками ловили скрывавшихся за ширмой кавалеров. Дрались на дуэли (на рапирах и в масках) из-за прекрасной дамы, восседавшей на стуле посредине зала, и ждавшей конца бескровного поединка.

Чего только не придумывали молодые, изобретательные головы!

В разгаре бала появлялись, выражаясь по-современному, "ведетты". Их было две — три.

Почему они имели такой успех, совершенно непонятно?

Наденька Скворцова была не такая уже и молоденькая, особенно для кадет-кавалеров, да и была некрасива к тому же, но брала, повидимому, тем, что в уголках угощала кадет папиросками и сама тоже покуривала. Мастерица был выпить, жила в Полтаве без родных. Что делала — нам было неизвестно! Часто носилась по Полтаве на лихаче Байдале.

Другая, Шурочка Липеровская, разыгрывала с кадетами роль "камрада": звала их по именам и на ты, говорила грубым мужским голосом, ругалась, как извозчик.

Но всеми признанной и бесспорной королевой бала многие годы была Анна Михайловна (Анечка) Акинфиева. Была она замужем за офицером Елецкого полка. О ее королевском первенстве никто даже не спорил. Одевалась она по тем временам довольно свободно, но держала себя, поистине, с королевским достоинством: величественно кивала головой, слегка прищуриваясь. Была она высокая, худощавая, стройная, прекрасно вальсировала, была белокура с удивительно нежным цветом кожи.

Неудивительно, что Анечкиными кавалерами были самые ловкие и бойкие танцоры, но удивительно, почему около Скворцовой всегда толпились поклонники, считавшие за честь протанцевать с ней вальс или мазурку, в то время, как милые и по-настоящему хорошенькие барышни, напр. те-же Павловские — сидели без кавалеров и мало танцевали.

Бал кончался в 2 часа ночи: весь следующий день "биндюжники" растаскивали по местам: кровати, парты, столы, цветы и пр. Благородные кавалеры и танцоры отдыхали от пережитых эмоций. Разговоры и пересуды о бале шли до самого Рождества.

РОЖДЕСТВО

Зима уже давно вступила в свои права: из газет мы знаем, что на многих железных дорогах — снежные заносы; мы трепещем за свою узкоколейку, которую регулярно почти каждый год настолько заносило снегом, что пассажиры добирались до Житомира, наняв сани-розвальни Бердичевских мужичков. Это было довольно весело, но бывало, что и мужички отказывались вести в Житомир, такая была пурга.

С каждым днем все ближе и ближе вожделенный день, когда опять спустят с чердака наши корзины и чемоданы, а там... опять две недели свободы, семья, катание на коньках, елка!..

Глебушка, при свидании со мной, все радостней сообщает: 12, 10, 8 — это число дней, остающихся до Рождества.

Придут-ли во время деньги на дорогу? И с каким нетерпением ждешь на вечерних занятиях, что вот придет воспитатель и скажет: — "Тебе пришли деньги!"

В этом году отец одного из мальчиков перевелся в полк моего отца. Боже мой! С каким увлечением рассказываю я ему о нашем хуторе: фантазия уносит меня за облака. Река Каменка в моем рассказе превращается по меньшей мере в Нил, полк наш, конечно, самый лучший в Русской Армии, офицеры — все красавцы, барышни — ни в сказке сказать, ни пером описать.

Немного погодя самому становится стыдно: не очень-ли уж я воспарил ввысь?

И вот наступает долгожданный день: чемоданы уложены, являемся воспитателю и извозчичьи санки с бубенцами в терцию, мчат не мчат, но труспой везут нас на Киевско-Полтавский вокзал, такой милый и приветливый, когда едешь домой, и такой сухой, холодный, официальный при возвращении.

Возница кряхтит, пускает, не стесняясь, нам прямо в нос не особенно ароматные струи, но нам только от этого весело!

До поезда еще далеко, но какое счастье — эта маленькая свобода, этот стакан чая с пирожком, в буфете, эта метель, гудящая за окнами станции, эти сцепщики вагонов, занесенные снегом, с фонарями, пришедшие погреться, и эти билеты 3-го класса, полученные в кассе и тщательно спрятанные в кошелек.

И потом: теплый вагон, сыплящийся за окнами снег, равномерное постукивание колес и те-же знакомые станции: Абазовка, Решетиловка, Сагайдак, Миргород, Ереськи...

Как в калейдоскопе проносятся две недели Рождества: бабушка, еще более постаревшая, папа — произведенный в полковники, мама — в новом платье, сшитом за время нашего отсутствия, подросшие братья, и сестра, катанье на коньках по реке Каменке, где играет полковой оркестр, елка в офицерском собрании, поездка ряжеными в соседний полк, уютная квартира с голландскими (унтермарковскими) печками и керосиновыми лампами, две впервые услышанные оперы (Демон и Травиата), все проносится в каком-то вихре и вот опять: класс, снег за окном, прогулки вокруг сада, утренний барабан, гимнастика.

П. Ф. Волошин

(Продолжение следует)

На войну!..

— А ну, кто кого? — крикнул мой отец и пустил коня карьером.

Я за ним. Наравне с нами неподалеку шел дачный поезд, состоявший из нарядных вагонов Минераловодской ветки. Несколько мгновений казалось, что мы не отстаем от поезда, но куда там! — Поезд быстро вырвался вперед и мы перевели наших коней в шаг. Это было около ст. Скачки, между Пятигорском и Ессентуками.

Стояло лето 1916 г. Вот уже две недели, как я, окончив славный (желтые погоны — гренадеры!) Владикавказский кадетский корпус, приехал к отцу в Пятигорск и мы ежедневно совершаем проездки верхом. Сколько было переговорено за это время! Впервые, отец обращался ко мне, как к взрослому юноше, отечески, а зачастую и по-братски наставляя меня на дальнейший жизненный путь. "Вино и женщины, и карты", и офицерская честь, и доблесть в бою, и много другое — служили темами наших задушевных бесед. Сегодняшняя-же прогулка ознаменовалась принятием одного значительного решения.

Надо сказать, что год тому назад, боясь, что война кончится без моего участия, я, увлеченный примером некоторых однокашников, — возымел страстное желание уйти из корпуса с 6-классным аттестатом, в четыре месяца кончить Оренбургское или какое-нибудь другое училище, одеть офицерские погоны (хотя-бы прапорщика) и отправиться на фронт. Родители встали на дыбы. Сколько доводов приводилось против моего желания, но я не сдавался.

— Ведь, с незаконченным средним образованием ты всю жизнь будешь чувствовать себя недоучкой и не настоящим офицером, — наконец, сказал отец. Я заколебался и вскоре отбросил свою идею — быть "не настоящим" офицером я не хотел.

И вот, теперь, когда мне предстояло ждать четыре месяца до приема в сотню Николаевского Кавалерийского Училища (1 окт.), а затем — годичный курс в училище; когда, действительно, трудно было ожидать, что я успею побывать на фронте после производства в офицеры, — отец внял моим настойчивым просьбам и согласился на мою поездку на фронт, тем более, что обстоятельства для этой поездки складывались чрезвычайно благоприятно. Мой отец, изверившись в возврат к жизни своей атрофированной руки — результат ранения в конной атаке, в декабре 1914 г., после полуторагодового безплодного лечения, решил бросить лечение и вернуться в полк. Он был назначен начальником эшелона пополнения казаков, следовавшего вскоре в 1-й Волгский полк Терского казачьего войска, на Западный фронт, и поэтому мне было очень просто отправиться с ним.

Итак, решение принято и я стал готовиться к походу.

Благодаря этому решению, последний период моего кадетства прошел настолько необычно, что воспоминаниями о нем мне и хотелось-бы поделиться с читателями "Военной Были".

Мне были заказаны предметы казачьего обмундирования и оружия (я не знал тогда, что это может сулить мне впереди). Встал на очередь вопрос — какие-же погоны я нашью на черкеску? Решили, что я имею право носить только кадетские погоны и моя черкеска, на фоне синих погон казаков, украсилась желтыми.

Одновременно, я почти переселился в казарму запасной сотни в ст. Горячеводской, под Пятигорском, проводя время среди казаков, наслаждаясь запахом черного хлеба и седла в казарме, и таким любимым — в конюшне, где среди других лошадей стоял и мой "Джигит".

Встречи с однокашниками, барышни, парк — все это отошло в сторону.

Настал день выступления. Сотня в конном строю выстроилась на казарменном дворе. Впервые — я в "настоящем" строю! Священник отслужил молебен и сотня стала вытягиваться из района казарм.

— Песенники — вперед! — раздалась команда отца.

Несколько казаков проскакали в голову сотни и почти сейчас-же полилась несколько грустная, но так подходившая к данному моменту, песня:

"Оставляем мы станицу,
У Подкумка, у реки.
На австрийскую границу —
В путь-дорогу казаки..."

Но, вот, мы перешли Подкумок и уже идем по Пятигорску. Все подтянулись и уже не печальная, а бравурная и молодецкая песня, с тулумбасом и тарелками, зазвучала в голове сотни:

"Люблю я казаченьку,
Люблю молодого,
Из полка любого..."

Моя душа ликовала от восторга.

Случайно брошенный взгляд на тротуар — и я увидел трех моих однокашников в кадетской форме, идущих наравне с сотней и смотрящих на меня, как мне показалось, с завистью. Я радостно им кивнул, а сам еще больше почувствовал себя "героем" дня.

Наконец, мы прибыли на вокзал, где нас уже ожидал готовый эшелон, с классным вагоном II класса посредине эшелона для командного состава. Началась погрузка. Я с интересом наблюдал — к каким только ухищрениям не прибегали опытные казаки, чтобы успокоить волнующихся лошадей и ввести их в вагон. Несколько прощальных слов с однокашниками, провожавшими меня, и... наш эшелон тронулся. Но мы еще не совсем оторвались от Терека, от родных станиц. На станцию Минеральные Воды съехались казачки — жены уходивших на фронт казаков из окрестных станиц. Весь перрон был заполнен провожающими и, когда раздался сигнал "садись" для посадки по вагонам, воздух огласился рыданиями и причитаниями казачек.

Нам предстояло почти двухнедельное путешествие и я предвкушал весь интерес и удовольствие от этой своеобразной поездки. Действительно, наш классный вагон, в котором широко и свободно разместился командный состав эшелона, стал нашим домом в середине нашего же поезда, без посторонних пассажиров и без обычной сутолоки, с длительными остановками на станциях, с песнями и танцами казаков, с сигналами казачьей трубы и чудесным борщем с кашей из походной кухни на обед. Я основательно подчитывал строевой кавалерийский устав, но и не забывал станционные киоски, где покупал журнал "Солнце России" и романы Бебутовой. Времени для чтения было сколько угодно.

После недельного путешествия мы прибыли на ст. Ясиноватая, где была назначена "выводка". Выгрузив из вагонов лошадей, сотня построилась и с песнями, пройдя станционный поселок, вышла в поле. Чувствовалось, как наши кони рады этой возможности размять ноги после длительного пребывания в вагонах. Вернувшись из поездки, мы с отцом прошли на вокзал пообедать. Мы вошли в зал I и II классов и заняли столик. Отец пошел в станционную парикмахерскую побриться, за столом остался я один. В это время в зал вошел какой-то прапорщик и сразу направился ко мне. Я встал и, отдавая честь, приложил руку к папахе. Прапорщик вытянул руку в сторону, определенно на что-то мне указывая. Я повернул голову и сразу увидел, что прапорщик показывает мне на дверь зала III класса. Я с недоумением посмотрел на него.

— Уходи отсюда в III класс, — заявил он.

Я еще больше вытаращил на него свои глаза.

— Уходи отсюда, тебе говорят, — прибавил он строже.

Да, ведь, он, очевидно, принимает меня за какого-то всадника Дикой дивизии, — мелькнула у меня мысль.

— Г-н прапорщик, разрешите доложить... я — кадет... мой отец...

Тут прапорщик начал что-то кричать и я не знаю, чем-бы кончилась эта трагическая сцена, если бы в этот момент не появился отец.

— В чем дело? — обратился он ко мне.

— Вот, г-н прапорщик выгоняет меня из зала... Я сказал, что я кадет, но он не хочет слушать.

— Он-же доложил вам, что он кадет, — обратился отец к прапорщику, но тот развязным тоном продолжал, что, мол, какой он кадет, если в черкеске... Это взорвало отца. Он побагровел и взял прапорщика в такой оборот, что от него только пух полетел и он быстро ретировался. Мое настроение было испорчено. И прапорщик-то был немолодой и какой-то неказистый, видимо, призванный из запаса. И откуда у него взялась такая прыть?

Наше путешествие продолжалось. Через несколько дней пути мы прибыли на ст. Сарны. Здесь царило тревожное настроение — вчера прилетал германский аэроплан и бросал бомбы. Почувствовалось первое дыхание войны. Еще несколько перегонов и наш эшелон достиг маленькой станции, предназначенной для выгрузки. Отсюда следовало двигаться походным порядком.

Полесье. Чудные, красивые места. Лес, поляны, много воды. На просеках несколько раз видели диких коз. Но мирные виды сменялись и картинами войны, когда мы проходили австрийские окопы, характерно украшенные столбиками белой березы. Здесь, в районе Вульки Галузийской, совсем недавно, в мае 1916 г., наше наступление с кровопролитными боями, завершилось большим успехом.

К вечеру мы прибыли на стоянку обоза II разряда нашего полка. Наступила дивная летняя ночь. Бархатное небо было покрыто мириадами звезд, а на западе вспыхивали зарницы и слышался какой-то далекий гул.

— Как странно, — обратился я к отцу, — такая ясная ночь, а гремит гром.

— Какой там гром, батенька, это идет бой, артиллерия стреляет, — возразил мне отец. Дыхание войны почувствовалось еще сильнее.

Наконец, на следующий день мы прибыли в дер. Лешневку, где, в глубоком резерве, стоял 1-й Волгский полк. Отец был назначен командиром первой сотни, а я зачислен в эту сотню, как "кадет-доброволец".

Сразу-же мы узнали, что полк переживает знаменательное событие в своей жизни — сегодня была получена телеграмма о даровании полку Шефа-Наследника Цесаревича. Готовились к торжествам. Сравнительная близость Киева позволила быстро доставить оттуда множество напитков и деликатесов мирного времени. И вот, началось! Трубачи гремят, песенники поют, депутации от соседних полков сменяют одна другую — дым коромыслом!

Получив разрешение столоваться в офицерском собрании, я, сидя на "левом фланге", окруженный молодыми хорунжими и прапорщиками, взявшими меня под свое "крылышко", — также с гордостью переживал наше "шефство", всеми фибрами души впитывая в себя новую обстановку полковой жизни, да еще в такой торжественный момент! Красочные воспоминания о тех незабываемых дня остались у меня на всю жизнь.

Торжества продолжались несколько дней, но всему приходит конец и вот, однажды ночью, забегали посыльные, разнося приказание — на рассвете выступать! Наша пехота, занимавшая окопы вдоль р. Стохода, должна была перейти в наступление, сбить противника и перейти Стоход. Для развития успеха и преследования требовалась кавалерия, каковой и явилась наша 2-я Сводная казачья дивизия, под командой прославленного генерала П. Н. Краснова, в составе 1-го Волгского (Тер. в.), 1-го Линейного (Куб. войска), 16 и 17 Донских полков, входившая в состав 4-го Конного корпуса ген. Гилленшмидта.

На рассвете 6 августа полк выступил на запад, вскоре присоединились и другие полки и вся дивизия густой массой, в три ряда, в полковых колоннах по три, мчалась по широкой лесной дороге к месту боя, который слышался все более и более отчетливо. Но тут случилось непредвиденное обстоятельство — прилетел вражеский аэроплан -разведчик, покружился над нами и исчез, но вскоре появилось 13 аэропланов, которые сразу начали бросать бомбы в головной полк. Бомбы были низкого разрыва. Через несколько минут около 300 лошадей было покалечено и вышло из строя, в то время, как потерь в личном составе почти не было, был только ранен в щиколотку ноги командир нашего полка полк. Туроверов и в командование полком вступил полк. П. К. Токарев — в прошлом офицер Собственного Его Величества Конвоя. Такие большие потери в конском составе свели на нет всю операцию. Была подана команда "врозь— марш", полки свернули в лес и широко рассыпались в нем, во избежание дальнейших потерь.

Аэропланы продолжали бомбить и посыпать пулеметным дождем всю площадь леса. Наша команда связи, при которой в этот день было полковое знамя, войдя в густой лес, спешилась и расположилась вокруг знамени. Одна бомба падает совсем возле знамени — знамя цело, а 18 казаков ранено. Мы с отцом оказались около одного большого куста. Вдруг, срывая листья, пробежала по нему пулеметная очередь перед головами наших лошадей. Мы переглянулись и во взоре отца я прочел то-же, что смутно чувствовал и сам — нехорошо близким людям служить в одной части — беспокойство друг о друге отвлекает от исполнения обязанностей.

Это было довольно оригинальное мое первое боевое крещение. Оригинальное потому, что в этом отношении обычно бывает определенная постепенность: сначала попадают под ружейный огонь, затем пулеметный и артиллерийский. А тут сразу аэропланные бомбы. К тому же, это было еще в 1-ю Великую войну, когда авиация только начинала свою боевую деятельность.

Наконец, вражеские аэропланы, блестяще выполнив свою задачу не дать кавалерии преследовать свою пехоту, улетели и нам было приказано продолжать движение. Увы, оно уже не было таким бравурным. Сотни узкими цепочками, в колоннах по одному, на большой дистанции одна от другой, приближались к опушке леса и затем быстро проскакивали открытое место между лесом и Стоходом, и по наведенному мосту втягивались в дымящееся и разрушенное село Рудка-Черевище.

Перед выходом из леса начали попадаться наши раненые пехотинцы, перевязочные пункты и чем дальше, все больше и больше, а в окопах около моста я впервые увидел трупы убитых австрийцев. Это уже не дыхание, а настоящий лик войны. Тяжелая артиллерия интенсивно обстреливала наведенный мост и село.

К ночи наш полк, оставив коноводов в селе, сменил продвинувшуюся пехоту и занял сторожевое охранение. Я с моим взводом попал на одну сторожевую заставу. После полуночи противник, открыв сильный огонь, повел на нас наступление. По звуку выстрелов можно было определить, что наступает не менее двух рот. Заговорили и наши винтовки. Чувствовалось, что противник хочет нас обойти, но мы стойко держались и не сдали своей позиции до подхода нашей пехоты. За это дело я и несколько казаков нашего взвода были представлены к георгиевским крестам.

На другой день вся дивизия была оттянута назад, но наш полк уже не попал в знакомую Лешневку, а стал в лесу биваком. Было объявлено, что здешняя стоянка наша будет длительной и потому казаки деятельно и хозяйственно принялись за устройство — разбивались коновязи, строились шалаши и даже небольшие дома из сруба. Начальник дивизии отдал строгий приказ о проявлении инициативы и самодеятельности в сотнях, чтобы не скучали люди.

В этом отношении, мой отец решил использовать меня для обучения сотни гимнастике с палками, как это делалось в корпусе. По моему указанию быстро были сделаны однообразные палки, благо материала было вдоволь и затем каждый день я подходил к вы-

строившейся сотне, делал расчет, производил перестроение в четыре шеренги и обучал хорошо знакомым мне фразам гимнастики Это привлекло внимание начальства и вообще всего состава полка. И вот, однажды, принесли приказ по полку, в котором объявлялось о производстве "кадета-добровольца" такого-то в младшие урядники!

Я был ошеломлен! Отправился к полковому адъютанту.

— Господин есаул! Я в большом смущении, ведь кадет может быть произведен только в вице-унтер-офицеры. Я понимаю, что в полку не могут произвести меня в это звание, но урядником я тоже быть не могу.

Адъютант подумал, подумал и говорит:

— Командир полка хотел отметить вашу службу. Я понимаю, мы немного переборщили. Однако, отменить приказ неудобно. Знаете что? Не делайте из этого вопроса. В конце концов, вас от этого не убудет.

Пришлось смириться и, вернувшись в сотню, я отдал свою черкеску сотенному портному, который и украсил мои кадетские погоны двумя поперечными белыми нашивками.

Наша, довольно однообразная, жизнь, однажды, нарушилась разработанными ген. Красновым маневрами. После длительного движения переменным аллюром по пересеченной местности, наш полк атаковал в конном строю пехоту противника, которого изображал стрелковый дивизион нашей дивизии. Было чрезвычайно утомительно делать длинные рейсы рысью, в черкеске, под палящими лучами летнего солнца.

Несколько раз моим личным развлечением бывала охота на близлежащем озере. Убитые мной из отцовской централки утки украшали стол нашего офицерского собрания.

Наступило 25 августа — день праздника Терского казачьего войска.

Как обычно бывает в таких случаях, приказ по полку принес многим казакам производства в следующие звания и среди них объявлялось о моем переименовании в старшие урядники. Час от часу не легче! Я положительно делал головокружительную карьеру!

Ввиду того, что ежедневно, примерно в один и тот-же час, над нашим расположением пролетал неприятельский аэроплан, парад по случаю праздника было решено устроить пораньше, в пешем строю, на большой поляне. Прибыл командир корпуса и начальник дивизии. После молебна, при прохождении церемониальным маршем, я находился на правом фланге 1-й сотни и, поравнявшись с начальством, ясно увидел, как оба генерала оживленно заговорили, обратив внимание на мои желтые погоны, и выслушали объяснения командира полка.

После парада, в импровизированном офицерском собрании, под навесом из ветвей, состоялся парадный обед. Рядом, в своих черкесках и белых папахах мирного времени, трубачи играли увертюру из оп. "Аиды". В это-же время над нами пролетал аэроплан, посылавший неизвестно кому короткие пулеметные очереди.

В конце обеда, начальство вспомнило обо мне и вызвало меня перед свои светлые очи. Сказав мне несколько милостивых слов, генералы, узнав о моем сегодняшнем отъезде из полка, пожелали мне всяких успехов в будущем. Кто-то из офицеров вспомнил о моем представлении к георгиевскому кресту. Генералы заволновались — как-же так? Представление представлением, а важно было-бы уже сейчас, при отъезде, быть украшенным боевой наградой. Послали адъютанта принести из денежного ящика крест. Адъютант вернулся в смущении — ни одного креста как раз не оказалось, есть только медали; решили наградить меня "пока" хотя бы медалью и прикололи ее мне на грудь. (А креста-то я, в силу некоторых обстоятельств, так и не получил).

Мой, несколько преждевременный, отъезд из полка был решен потому, что именно в этот день отправлялась депутация полка для представления Шефу — Наследнику Цесаревичу и мне, конечно, было гораздо удобнее ехать с ней, чем одиночным порядком.

Добравшись до Киева, мы распрощались. Депутация направилась на север, а я купил плацкарту во II классе скорого поезда на юг. Предвкушая удовольствие растянуться на своей верхней полке с удовлетворенным сознанием "исполненного долга", я вышел в коридор и, смотря на пробегающие мимо меня поля и перелески, незаметно погрузился в воспоминания о недавно пережитом, таком красочном и необычном, как вдруг, подошедший кондуктор, показывая на другой конец коридора, говорит:

— Вот, они говорят, что вам здесь ехать не полагается.

Я посмотрел и увидел военного врача.

— Скажите ему, что я кадет и ехать в этом вагоне имею право.

На счастье доктор оказался покладистее прапорщика. Я-же, вспомнив о своих злополучных нашивках, подумал, что теперь доказывать свое кадетство мне стало еще труднее.

Пробыв некоторое время в Ейске, в гостях у мамы, я приехал в свой родной Владикавказ и сейчас же отправился в корпус. Здесь и офицеры, и кадеты встретили меня очень радушно. Оказывается, только накануне директор корпуса получил из 1-го Волгского полка копии приказов, касающиеся меня; выстраивал весь корпус и говорил речь, после которой в мою честь кричали ура.

Вскоре начали съезжаться мои однокашники и, наконец, настал день отъезда в училище. Тут, совместно с корпусным начальством, мне пришлось решать вопрос о моем "маскараде". В результате было решено, что черкеску я снять должен, но нашивки, пожалованные приказом, снять права не имею. И вот, получился еще больший маскарад — своим видом я больше походил на какого-то каптенармуса, в звании ст. унтер-офицера, чем на кадета.

Незаметно, в дружной кадетской компании, прошли четыре дня дороги и 1 октября 1916 года я вошел в вестибюль Николаевского Кавалерийского Училища. Какой-то старший юнкр сказал мне, что надо явиться вахмистру сотни — Белоусову.

Я обмер. Однако, чтобы читателю стало понятно это мое состояние, я должен вернуться несколько назад. Будучи в VII классе, я как-то встретил в знакомом доме студента А. Белоусова. Он был довольно великовозрастный и имел сугубо штатский вид, т. е. именно тот, который так не долюбливали кадеты. А когда он заявил мне, что 1 февраля едет в сотню Ник. Кав. Училища и спросил меня о некоторых подробностях жизни в училище, возмущению моему не было предела. Надо было видеть, с каким презрением, я — юнец в сравнении с ним, цедил свои слова, авторитетно давая свои разъяснения. Не заметить моего крайне пренебрежительного отношения он, конечно, не мог.

И, вот, он вахмистр! Так он съест меня, — думал я с тоской. Привет от знакомых передать ему, что-ли? Войдя в "вахмистерку" и отчетливо отрапортовав, я совершенно неожиданно встретил... самый любезный прием. Расспросив о родных местах и поздравив меня с боевыми отличиями, вахмистр милостиво отпустил меня. Я был убит и сконфужен его благородным поступком. Наблюдая его в последующие дни, я буквально поражался, что могла сделать "Славная Школа" всего лишь за полгода. Это был во всех отношениях авторитетный, солидный и блестящий вахмистр.

Началась юнкерская жизнь с интенсивной работой, когда всюду надо было "пулей вылетать" и только 26 ноября — день праздника Георгиевских Кавалеров — был последним откликом моей летней кадетской эпопеи. В этот день, на параде, мимо нас, отделения человек в 10—12 юнкеров эскадрона и сотни, имевших разные георгиевские отличия и державших шашки "на караул", — все Училище прошло церемониальным маршем.

После производства в офицеры, попасть на фронт 1-й Великой войны мне уже, конечно, не удалось.

Д. Вертепов

Наши ордена и военные формы на фарфоре

"Ни одна из европейских армий не была воспета столь часто, на столь длительном промежутке времени и в таких разнообразных формах в собственных фарфоровых изделиях, как храброе Русское воинство".

Эти слова, напечатанные в изящной книжице, изданной в Париже в 1947 г. Кружком Любителей Русской Военной Старины, вспомнились мне, когда я, с восторгом , знакомился с коллекциями Е. С. Молло в Лондоне. Евгений Семенович Молло родился в России, в Уфимской губернии, в 1904 г., учился в Тенишевском училище в Петербурге и, уже после революции, попал в Англию, где и окончил свое высшее образование. Около тридцати лет тому назад он начал собирать Русскую военную старину и, благодаря упорному труду, сумел собрать, исключительную по художественности и ценности, коллекцию Русской, преимущественно военной, старины.

Прежде всего бросается в глаза серия Русских фарфоровых изделий, превышающая сотню предметов. Начнем с описания четырех тарелок всех существовавших огромных и роскошных "Орденских" сервизов. Вот их краткая история: в середине 18-го века, в России подвизалось несколько английских купцов, носивших фамилию Гарднер. Один из них — Франц Яковлевич. владел в Москве банкирской конторой, но его настоящая специальность была производство фарфора (можно предполагать, что с этой профессией он ознакомился еще в Англии, на знаменитой фарфоровой фабрике Кроун Дарби). На поиски подходящей для производства фарфора Русской глины упрямый англичанин посвятил несколько лет; ознакомившись с Подмосковьем, он объездил Малороссию, Сибирь и даже Олонецкую губернию. Обнаружив, наконец, то, что ему было надо, он в 1766 году получил разрешение на открытие небольшого фарфорового завода при селе Вербилки, Дмитровского уезда Московской губернии. Сначала, его дело развивалось с большим трудом (он уже имел таких конкурентов, как Императорский фарфоровый завод и несколько частных), к 1777 году, благодаря проворовавшемуся сотруднику, фабрике грозил окончательный провал, но... выручили "Орденские" сервизы.

Надо сказать, что у Императрицы Екатерины II был уже "Андреевский" сервиз (весьма вычурной работы), подаренный еще в 1743 году саксонским королем Августом III Императрице Елизавете Петровне. Екатерине Алексеевне захотелось иметь сервизы всех четырех Императорских орденов, исполненные на отечественных заводах, из русской глины, руками русских мастеров и, отдав преимущество фабрике Гарднера перед Императорским фарфоровым заводом, заказала она все эти сервизы Гарднеру за очень высокую, по тем временам, цену.

В ноябре 1778 г., был изготовлен первый сервиз ордена Святого Георгия, на 60 персон, стоимостью в 6 тысяч рублей. Он вызвал всеобщее восхищение и, потому, сейчас же были заказаны и три остальных — сначала сервизы орденов Святого Андрея Первозванного и Святого Александра Невского, на 30 персон каждый, стоимостью в 9 тысяч за оба и последним появился сервиз ордена Святого Владимира на 140 особ, стоимостью в 15 тысяч рублей. Он был заказан последним, ибо орден Святого Владимира был учрежден 22 сентября 1782 г., до него — орден Святого Георгия (25 ноября 1769 г.), Святого Александра

Невского (21 мая 1725 г.) и Орден Святого Андрея Первозванного (30 ноября 1698 г.).

Полученные за эти сервизы деньги спасли Гардкеровскую фабрику и она сторицей отплатила России за эту неожиданную помощь: вплоть до 40-ых годов прошлого века, эта фабрика выпускала замечательнейшие произведения фарфорового искусства, вместе с другими Русскими заводами (Попова, Миклашевского, Батеневых и др.), не уступавших наилучшим заграничным фабрикантам. Уже совершенно обрусевшие Гарднеры сохраняли фабрику в своих руках до 1892 года, когда ее купил известный фабрикант "оптовик" Кузнецов, ничего художественного по себе не оставивший. На всех предметах Орденских сервизов имеется старейшая славная марка Гарднеровской фабрики — латинское "G" синей краски, под глазурью. Подавались эти сервизы в торжественные дни празднования основания этих орденов, когда их кавалеры приглашались в Зимний дворец и, после молебна в дворцовой церкви, садились за великолепно - сервированный стол, а при питье за здравие — производилась пальба с крепостных валов Петропавловских.

На нашей иллюстрации изображены две тарелки Орденских сервизов — Андреевская и Георгиевская и, кроме них, еще два образца сервизов, изготовленных в 30-ых годах прошлого века на Императорском фарфоровом заводе, в царствование Императора Николая I. В этих тарелках поражает абсолютная точность воспроизведения с рисунков знаменитого Л. А. Белоусова, увековечившего свое имя всем известной, огромной серией русских военных форм в литографиях. Искусным мастерам завода не помешала вся сложность воспроизведенных на тарелках красок, подвергаемых, как известно, не одному, а целому ряду обжигов. Эти тарелки изготовлялись, собственно, не для сервизов, а для декоративных целей и употреблялись они, например, за дессертом, на приемных обедах и приемах. Несколько реже, военными формами украшались и чайные сервизы или отдельные "подарочные" чашки, а также вазы. На всех этих настоящих произведениях высокого искусства этой эпохи синяя подглазурная марка — заглавная буква имени Императора Николая I. На оборотных сторонах этих тарелок имеется синяя подглазурная надпись (тоже списанная с Белоусовских литографий, но только на одном французском языке), поясняющая какой воинской части форма изображена на данной тарелке:

№ 1 — "Officier Supérieur du Régiment de la Garde des cuirassiers de Podolif". "1828".

В переводе: "штаб-офицер л. гв. Подольского кирасирского полка". (Этот полк, в 1831 г., был включен л. гв. в Кирасирский Его Величества полк. В. Р.).

№ 2 — "Porte-enseigne et Tambour du Régiment de la Garde Pavlovsky". "1830": "П. Щетинин".

В переводе: "знаменщик и барабанщик л. гв. Павловского полка". Фамилия художника, писавшего на тарелке — П. Щетинин. Орнамент — на золотом фоне по краям тарелки, состоит из чередующихся Николаевских орлов и перекрещенных павловской гренадерки, сабли и полусабли.

Источники: 1) "Императорский фарфоровый завод 1744—1904. Изд. Управления Императорскими заводами". 2) "Фарфоровый Городок" — Ю. Арбат. Москва 957 г. 3) Русский художественный фарфор" Б. Н. Эмме. Москва, 950 г. 4) "Собрание мундиров российской армии", СПБ, около 1823—1826 гг. 5) "Русская литография XIX века" — А. Ф. Коростин, Москва 953 г. 6) "Русская Военная Старина", Сборник первый. Париж, 947 г.

Владимир фон-Рихтер

Балаклавское сражение 13 октября 1854 г.

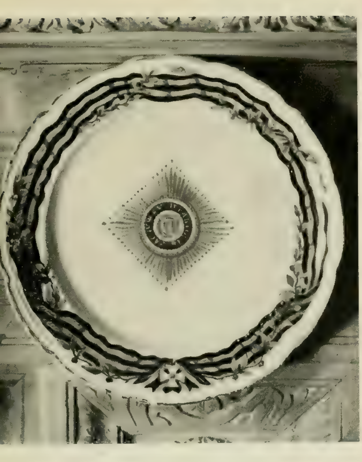
Во второй половине октября 1854 года численность русской армии в Крыму достигала цифры около 65.000 человек. Кроме того, к Севастополю следовали к походе еще две пехотные дивизии. В связи с этим, приняв во внимание растянутость фронта британских войск, Русское командование наметило, сильным ударом трех дивизий, отрезать Балаклаву от районa осадных работ противника, захватить балаклавские укрепления турок и британцев, а затем нанести удар в тыл войскам союзников, осаждавшим Севастополь. Это правильное решение, в случае успешного его осуществления, могло значительно изменить обстановку. Но главнокомандующий, светлейший князь А. С. Меньшиков, считая положение Севастополя безнадежным, отказался от первоначального плана и послал в сражение лишь одну дивизию с конницей, ограничив задачу занятием первой линии британских укреплений.

13-го октября 1854 года на рассвете русские войска атаковали турок и британцев у д. Кадыкиой, вблизи Балаклавы. Союзные войска потерпели поражение, потеряв около 1.500 человек, главным образом из состава отборной британской королевской конницы. Потери русских составили 238 человек убитыми и 312 ранеными. Но достигнутый успех, вследствие малочисленности войск, не был не только развит, но даже и не закреплен.

Н. Ч.

ДЕЛО 13-го ОКТЯБРЯ 1854 года
Донесение генерал-адъютанта светлейшему князю А. С. Меньшикову начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Липранди от 14-го октября, № 3076

Вследствие приказания Вашей Светлости, 13-го октября, войска вверенной мне дивизии, с прикомандированными к ней частями, произвели общее наступление из села Чоргуна и атаковали укрепление на высотах Кадыкиокской долины.

Тарелка Георгиевского сервиза.

Тарелка Л. Гв. Павловского полка.

Тарелка Л. Гв. Подольского кирасирского полка,
итого в 1831 г. Л. Гв. в Кирасирский Его Величества
полк.

Тарелка Андреевского сервиза.

По диспозиции, все войска выступили в 5 часов утра, из Чоргуна по двум ущельям. По главному ущелью, ведущему из села Чоргуна к Кадыкиой, наступал, под командой генерал-майора Левицкого, Украинский егерский полк с 4-мя орудиями батарейной № 4 батареей и 6-ю орудиями легкой № 6 батареей. Части эти стройно выдвинулись вперед и, подойдя к Кадыкиокским высотам, открыли огонь по укреплениям № 1 и 2-й. Вслед за этими частями вышли, под командою генерал-майора Семякина: Азовский пехотный полк, 4-й батальон Днепровского полка, дивизион батарейной № 4-го и 6 орудий легкой № 6-го батареи. По второму ущелью, идущему из Чоргуна в Байдарскую долину, наступали, под командою генерал-майора Граббе: первые 3 батальона Днепровского пехотного полка с 6-ю орудиями легкой № 6-го, дивизион батарейной № 4-го батареи с сотнею Донского № 53 казачьего полка и эскадроном сводного Уланского полка.

Генерал-майор Граббе, выдвинувшись вперед, занял село Комары и послал сотню казаков к Байдарской долине. Одновременно с этим движением генерал-майор Семякин, выйдя на позицию влево от Украинского полка, под прикрытием артиллерийского огня и рассыпанной впереди цепи 2-й роты 4-го Стрелкового батальона, с штуцерниками от Азовского пехотного полка, двигался быстро с Азовским полком, построенным в две линии в ротных колоннах, имея между линиями не более 100 шагов, а в 3-й линии один батальон Азовского и 4-й батальон Днепровского полка, в колоннах к атаке.

Сим строем, подойдя к укрепленной неприятелем высоте, на расстояние от подошвы не более 150 шагов, генерал-майор Семякин приказал итти на приступ. Быстро двинулись роты и в половине 8-го часа Азовский полк поставил свои знамена на укреплениях. Трофеями были 3 крепостных орудия и лагерь. В этом укреплении неприятель потерял одеими убитыми более 170 человек.

В то же время неприятель, видя быстрое овладение главною высотою и наступление Украинского егерского полка, оставил укрепления № 2-й и 3-й (1-е с 2-мя, а 3-е с 3-мя орудиями), которые и были тот же час заняты нашими войсками. Одесский егерский полк с легкою № 7-го батареею, под командой полковника Скюдери, наступал на редут № 4-й. Устрашенный неприятель не принял и на этом пункте атаки и оставил укрепление и в нем 3 орудия. Кроме того во всех укреплениях оставлены неприятелем палатки, порох в погребах и шанцевый инструмент. Немедленно по занятии укреплений, я приказал войскам устроиться на оных. Укрепление № 4, как слишком далеко выдавшееся вперед, я приказал сейчас же срыть, находившиеся на оном орудия заклепать, перерубить колеса у лафетов, а самые орудия сбросить с горы. Когда все это было исполнено, то войска, занимавшие укрепление, присоединились к общей линии остальных войск.

Находившаяся при отряде, под командою генерал-лейтенанта Рыжова, гусарская бригада 6-й легкой кавалерийской дивизии с конно-легкою № 12-го и казачьего батарейною № 3-го батареями была поставлена на правом фланге общего боевого порядка. Донская артиллерия при наступлении войск быстро вынеслась вперед и, заняв позицию, меткими выстрелами своими способствовала успеху общего наступления. Когда все укрепления были взяты, я выдвинул кавалерию, с Уральским казачьим №1-го полком и 3-мя сотнями Донского казачьего № 53-го полка, за перевал высот к неприятельскому лагерю.

Кавалерия наша быстро вынеслась вперед до самого лагеря, но встреченная с фланга огнем неприятельским штуцерным, а с фронта британскою кавалериею, должна была остановиться и потом отошла по прежнему на правый фланг общего боевого порядка, уступом назад. В это время генерал-майор Жабокритский с отрядом Владимирского, 3-го батальона, и Суздальского пехотных полков, 10 орудий батарейной № 1-го батареи, 4-х орудий легкой №2-го батареи 16-ой артиллерийской бригады, 2-х рот Стрелкового № 6-го батальона, дивизиона гусарского гросс-герцога Саксен-Веймарского полка и двух сотен казаков № 60-го полка (Попова), выдвинулся на высоты, лежавшие вправо от нашей кавалерии и занял их.

Едва кавалерия наша успела выстроиться за правым флангом пехоты, как из-за высоты, где находилось укрепление 4-ое, показалась британская кавалерия в числе более 2.000 человек. (Известная атака британской кавалерийской дивизии, находившейся под командою генерала графа Лукан). Отчаянное ее нападение побудило генерал-лейтенанта Рыжова отступить по дороге к Чоргуну, чтобы заманить неприятеля. Между тем, я придвинул к правому своему флангу пришедший из Байдар к отряду генерал-майора Граббе Сводный уланский полк, под командою полковника Еропкина, приказав сему полку стать за пехотою в скрытном месте. Неприятель произвел самую упорную атаку и, несмотря на меткий картечный огонь 6-ти орудий легкой № 7-го батареи, штуцерный от Одесского егерского полка и роты 4-го Стрелкового батальна, находившейся на правом фланге, а так же на огонь части артиллерии отряда генерал-майора Жабокритского, бросился на нашу кавалерию, но в это время три эскадрона Сводного уланского полка ударили во фланг неприятелю.

Неожиданная атака эта, произведенная стройно и решительно, имела блестящий успех: вся неприятельская кавалерия в беспорядке бросилась назад, преследуемая нашими уланами и огнем батарей. (Атака легкой кавалерийской бригады, находившейся под командованием британского генерала графа Кардиган. Генерал граф Кардиган был ранен и едва не попал в плен, в руки преследовавших его русских улан. Его вынес с поля сражения и спас от плена верный, быстрый конь).

При этой атаке неприятель потерял более 400

убитых, 60 раненых, подобранных на поле и 22 пленных, в числе коих находился один штаб-офицер.

Один французский эскадрон африканских конных егерей бросился на отряд генерал-майора Жабокритского. Обскакав левый фланг батарейной батареи, он прорвался сквозь стрелковую цепь до самой батареи и начал рубить прислугу. За ним неслись и прочие эскадроны. Тогда два батальона Владимирского полка, под личным начальством самого генерал-майора Жабокритского бросились в штыки и принудили неприятельскую кавалерию податься назад, ее провожали меткие выстрелы Черноморских пластунов и стрелков до подошвы горы. Более 10-ти тел и несколько коней осталось на месте. 3 человека взято в плен. Офицер, командовавший неприятельской атакой, был убит. (Командир эскадрона Африканских конных егерей капитан Дангла).

Заметив, что неприятель начал снова подводить к своему левому флангу свежие войска, я усилил мой правый фланг и расположил все войска отряда следующим образом: одним батальоном Днепровского полка занял село Комары, Азовский пехотный полк и один батальон Днепровского назначил для защиты укрепления № 1, один батальон Украинского егерского полка оставил в укреплении № 2-й, а другой батальон сего же полка в укреплении № 3-й, близ коего расположен также весь Одесский егерский полк, два батальона Днепровского и один Украинского егерского полков. Вся артиллерия поставлена на выгодных местах. Кавалерия попрежнему стала на правом фланге пехоты, но неприятель уже более не производил атаки и в 4 часа пополудни прекратил канонаду.

Потерю нашу, при овладении с боя столь сильной позицией, я считаю в пехоте весьма незначительной. В кавалерии она была несколько более, чем в пехоте. Краткая по сему предмету ведомость при сем представляется. Успехом этого дня я обязан усердию и распорядительности г. г. частных начальников, мужеству и рвению всех войск. В особенности же командир 1-й бригады вверенной мне дивизии генерал-майор Семякин и находившийся под его начальством командир Азовского пехотного полка полковник Криднер, коим было предназначено атаковать самый сильный редут № 1-й, находящийся на большой и крутой возвышенности, подавали пример храбрости и распорядительности.

Атака Азовского пехотного полка была исполнена смело, быстро и решительно. 2-я рота Стрелкового батальона, под командой штабс-капитана Калакуцкого, 6 орудий легкой № 6-го батареи, под начальством полковника Афанасьева и дивизион батарейной № 4 батареи под командою поручика Песникова, находясь при той же колонне, действовали с примерной быстротою и меткостью, что и облегчило взятие высоты. При нападении неприятельской кавалерии и отражении оной, находившиеся при Одесском егерском полку 8 орудий легкой № 7-го батареи, под начальством командира батареи капитана Божанова, меткими картечными выстрелами нанесли главнейший вред неприятельской кавалерии.

Все действия артиллерии 12-й артиллерийской бригады, направляемые командиром оной полковником Немовым, увенчивались блестящим успехом. Посланные ко мне Вашею Светлостью генерального штаба полковник Герсеванов и адъютант Вашей Светлости капитан-лейтенант барон Виллебрандт, находясь при мне все время сражения, были мне весьма полезными помощниками, передавая с строжайшей точностью все мои приказания войскам, в передовой линии находившимся.

При этом имею честь представить Вашей Светлости взятые в укреплении № 1-й турецкие знамя и значок.

Генерал-лейтенант Липранди.

Сообщил *Н. Ч.*

„Авиаторы"

— Дывлюсь я на небо, та думу гадаю:
Чему-ж я не сокол, чему-ж не летаю,
Чему-ж мене, Боже, Ты крыльев не дал.

Это было давно, полвека назад, в эпоху, когда человеческий гений дерзновенно делал героические усилия оторваться от земли с помощью аппарата тяжелее воздуха, завладеть безбрежным воздушным пространством, подняться выше облаков, углубиться в синеву небес под лучами ничем не затменного солнца.

Мое поколение еще помнит имена пионеров авиации: Сикорского, Северского, Уточкина, Мациевича-Матыевича, Цамая, Фармана, Пегу, Вуазена, Пуарэ, Сантос Дюмона, Блерио, Латама, братьев Райт и более поздних: Гюинемера, Нестерова, Сен-Экзюпери, Мермоза, Ненжессера, Коли, Коста, Белонта и Линдберга, и т. д., а также дерзновенного из дерзновенных Татаринова, изобретателя "аэромобиля" с машущими крыльями. Татаринов сделал слишком смелый шаг вперед, вернее — в сторону, надеясь направить авиацию по другому руслу, но "рожденный ползать летать не может"... и "аэромобиль" Татаринова так и не поднялся никогда на воздух. В нынешнее время, когда путешествие на аэроплане стало не более опасным, чем по железной дороге и на автомобиле, когда быстрота и комфорт пассажирского транспорта достигли почти совершенства, мы не можем не вспомнить без уважения героев, которые пролагали путь человеческому прогрессу на аппаратах с деревянным пропеллером, каркас которых составляли бамбуковые палки, обтянутые полотном и система управления приводилась в действие какими-то проволоками, а слабый мотор ежеминутно угрожал отказом от работы. Парашют в те времена не был еще усовершенствован и не давал гарантии на спасение во время катастрофы.

Многие из этих героев погибли во славу авиации,

но их жертвы не были напрасны: авиация обогатилась опытом и за полвека дошла до сверх-реактивных аппаратов. Некоторые живы по сей день и продолжают свою полезную деятельность, как например Сикорский, руководящий постройкой своих знаменитых геликоптеров в С. Ш. Америки.

Молодежь всегда более восприимчива ко всяким новшествам, особенно техническим, и не удивительно, что каждая пядь завоеванного воздушного пространства встречала отклик в сердцах юнцов, еще сидевших на школьной скамье. Некоторые старались сами построить подобие биплана и, если не полететь на нем, то запустить его, как воздушного змея, на удивление и зависть сверстников.

Одним из таких восторженных почитателей авиации был мой старший брат, кадет Киевского корпуса. Его идеалом был безмоторный планер, которому он пророчил блестящее будущее. Он прочел всю доступную ему литературу о планерах, рассматривал в увеличительные стекла крылья мухи, бабочки, стрекозы. Держа этих насекомых двумя пальцами за брюшко, старался разглядеть работу их крыльев. Бумеранг, выструганный им из куска дерева, брошенный на довольно большое расстояние, возвращался и падал недалеко от точки отправления. Его биплан немного больше метра по фронту, запущенный на английском шпагате, тянул с такой силой, что в моменты сильных порывов ветра почти невозможно было удержать его, стоя на месте, а остроумно приспособленная трещетка производила шум, похожий на шум мотора. Однажды в ветренную погоду, биплан резко взвился вверх и все быстрее набирал высоту, по мере разматывания шпагата. Вдруг, по какому-то нам неведомому закону аэродинамики, клюнул носом и пикирующим полетом, с быстротой, вонзился в чужой сад, причинив материальный ущерб: легкое повреждение ветвей яблони и два разбитых стекла в парнике. Гнев хозяина, которому не было дела до успехов авиации, был неописуем.

Через несколько лет после этого вынужденного приземления биплана, судьбе было угодно забросить меня в г. Сумы, где я был зачислен в списки кадет Сумского корпуса. В седьмом классе нашего корпуса были три кадета, три приятеля: Фальц-Фейн, Кирпотин и Рулев. Их дружба базировалась на любви к авиации, он изучали законы аэродинамики, читали журналы, брошюры, книги, сами проектировали постройку планера... Иногда по вечерам под праздник устраивались лекции по авиации, на которых докладчиками выступали Фальц-Фейн, Кирпотин и Рулев. Лекции были интересны, аудитория —весь корпус с директором во главе. И вот, три друга обратились однажды к директору с просьбой разрешить им постройку планера. Удивительно, что наш строгий директор ген. лейт. Саранчев, у которого и в первой роте курение преследовалось, дал согласие на эту затею. Не откладывая в долгий ящик, друзья приступили к работе.

Вестибюль нашего корпуса был очень просторен и, с разрешения начальства, был частично обращен в ателье по постройке планера. Работа шла быстро, и на наших глазах рос "настоящий" аэроплан. Несколько раз назначался день полета и все откладывался, — что-то не ладилось. Наконец, кажется в начале октября, планер был выведен из "ангара" на плац для пробного полета. Это был довольной большой бамбуково-полотняный биплан. Вместо колес под ним были полозья, на которые опирались ноги пилота, сидевшего на особом сиденьи. Подробностей устройства я не помню, помню только, что для управления были какие-то рукоятки, проволоки...

И вот, авиаторы, закончив последние приготовления, привязали к биплану длинную веревку, к другому концу которой был привязан длинных поперечный шест, за который держались руками, в качестве живой тяги, кадеты.

По команде севшего за руль пилота, тяга побежала во весь опор, но, увы, биплан прополз до конца плаца и на воздух не поднялся. Конечно, смех, шутки, разочарование... Однако, неудача не смутила юных авиаторов, они, повозившись несколько минут с механизмом управления, повернули биплан в обратную сторону и подали команду: — "Вперед!"

Мы понеслись с еще большей скоростью. Каково было общее удивление, когда мы увидели, что биплан с первых шагов, отделившись от земли, взял высоту насколько позволяла длина веревки (метров 12—14). Недолго двигался вперед аппарат, сохраняя равновесие (около минуты), он вдруг накренился на бок и с треском врезался одним крылом в землю. Мы кинулись спасать пилота (кто именно из приятелей поднялся на планере — не помню), но он сам выбрался из бамбуковых обломков и порванных полотнищ, слегка поцарапанным и контуженным. Защелкали фотографические аппараты, опыт был закончен. Все спорили, судили о причине неудачи и пришли к выводу, что скорость поступательного движения была слишком малой для того, чтобы на такой ничтожной высоте выравнять аппарат.

Опыт не удвлетворил авиаторов и они, решив добиться лучших результатов, приступили к постройке нового планера, более совершенного типа. Помню, зимой, в глубокий мягкий снег вонзился новый планер, поднявшись немного выше первого, но "Буйная удаль не знает преград, смерть иль победа — ни шагу назад"... и через месяц, в вестибюле красовался планер № 3 больших размеров, чем два первых. Конструкторы уже заканчивали последние детали аппарата, через неделю должен был состояться полет, но судьба решила иначе: в корпус приехал Вел. Князь Константин Константинович, осмотрел планер, похвалил авиаторов, но дальнейшие полеты запретил, признав их опасными для жизни.

Авиаторам пришлось разобрать биплан и ограничиться теоретическим изучением авиационного дела.

Вскоре я перевелся в Ярославский кадетский корпус и, потеряв связь с Сумскими кадетами, ничего не слышал о дальнейшей судьбе юных авиаторов.

Влад. Цимбалюк

Кадетская охота

(Из цикла Корпус Императора Александра II)

В одну из последних ночей октября месяца 1912 года, по дороге от станции Николаевской железной дороги Турцевич, по направлению к потемневшему на горизонте лесу двигалась группа человек в двадцать, одетых в черные шинели, на которых слегка светлели в темноте белые погоны, за плечом каждый из идущих па ремне нес, повидимому, охотничье ружье.

Это была группа кадет первой роты нашего корпуса, перед кот рой лежал путь в 17 верст в деревню (название которой я уже не помню), где мы должны были провести два дня на охоте.

Директором нашего корпуса в то время был генерал-лейтенант А. И. Калишевский. Генерал был сам страстный охотник, член нескольких охотничьих обществ. Почти каждый год осенью, обыкновенно перед праздниками Покрова, генералу удавалось выхлопотать у одного из этих обществ разрешение для своих кадет на несколько дней охотиться в лесных угодьях этого общества и, одновременно, разрешение на это время пользоваться охотничьим домиком в одной деревне.

Принять участие в поездке на охоту мог любой кадет первой роты, обладавший охотничьим снаряжением и бывший в состоянии внести 10 рублей на организационные расходы, как то: на наем загонщиков, приобретение продовольствия и пр. Эти условия, конечно, ограничивали количество участников.

И вот, с этой целью, мы брели по направлению к деревне, где находился охотничий дом.

Время давно уже перевалило за полночь, было холодно. Повидимому в последние дни шли дожди, размочившие дорогу, потом стало холоднее и грязь замерзла, хотя в колеях кое-где стояла еще вода.

В воздухе уже чувствовалось приближение утра. Начало уже светать, когда мы подошли к лесу, к какой-то довольно большой деревне и "Охотничему дому".

Этот дом был большая двухэтажная изба. В нижнем этаже, состоявшем из одной большой комнаты, было уже жарко натоплено и на полу постелена солома. В верхнем этаже находился большой стол и скамейки.

Сопровождающий нас помощник каптенармуса уже заварил чай, на столе стояли наши привычные кадетские кружки и лежал сахар и булки.

За чаем директор посвятил нас в охотничьи правила и объяснил, как должно себя держать, когда заряжают ружья, когда взводить курок и т. д.

К нашему удивлению, первое, что сказал генерал, было правило, что на охоте все равны, поэтому титулование по чину он заменил обращением по имени и отчеству, дал разрешение курить в его присутствии.

После чая, мы собрались на улице перед домом. Тут я заметил, что к нам присоединились еще человек 15-20 молодых парней и мальчиков, имевших с собою старые кастрюли, трещетки, свистки. Это были загонщики, задачей которых было, по особому сигналу рассыпавшись цепью, гнать дичь в направлении линии стрелков.

Кроме генерала, с нами были и несколько пожелавших принять участие в охоте офицеров-воспитателей.

К нашей группе подошел егерь, в шапке которого было множество, по количеству участников, сложенных белых билетиков. Каждый из нас вытянул билетик, на котором был номер, который мы должны были запомнить на все время охоты.

Наконец, распорядитель охоты повел нас на назначенный для охоты участок. Впереди шел егерь, который нес на проволочном кольце множество проволочных гвоздей, которые с одного конца были заострены, с другго же конца к ним была припаяна пластинка с номером.

Выйдя на назначенную линию, этот егерь снимал один за другим с проволочного кольца длинные гвозди и втыкал их в землю на местах подходящих для помещения стрелка. Каждый из участников, по номеру на пластинке, находил свое место. Это было действительно совершенно нелицеприятное распределение мест. Тут и генерал-лейтенант, и штаб-офицеры, и младший из участвующих кадет имели совершенно одинаковые шансы получить номер в луже и за кустами или на сухом месте и с хорошим обстрелом.

Наконец, вдали раздался сигнал распорядителя, по этому сигналу мы зарядили ружья.

Вооружение наше было чрезвычайно разнообразно, тут можно было видеть все, начиная от дорогих безкурковых двухстволок до одноствольных тульских берданок, смотря по состоянию и возможностям.

Раздался еще сигнал и по этому сигналу вдали послышался дикий шум: крик, свист, трещетки — гонщики двинулись. Сердце немного сжалось, как перед экзаменом, как бы каким-нибудь промахом не осрамиться перед опытными охотниками.

Перед началом гона, линию охотников обошел егерь и предупредил, что, если перед гонщиками из леса вышел бы медведь, дать ему спокойно уйти, не пытаясь стрелять в него дробью.

Уже па линии стали слышны предупреждения: "Береги" справа пух", "Береги перо", хлопнуло несколько выстрелов, кого-то поздравляли "с полем", т. е. с первой добычей. Потом опять послышался сигнал рожком, из леса показались гонщики. Мы собрались, делясь впечатлениями, пошли на другой участок и так это длилось до обеда.

Когда был объявлен перерыв, на опушке леса запылало несколько костров, заварили чай. Кто по-

запасливее, захватил из деревни в карманы шинели несколько картошек, которые теперь передоставлялся случай испечь в золе.

Погода заметно начала портиться, дул холодный ветер и пошел холодный дождь вперемежку с мокрым снегом.

Наши кадетские сапоги, больше предназначенные для парадов на плацу корпуса и для военных прогулок, чем для охоты, быстро промокали.

Гонщики избегали пролезать мокрыми кустами.

Выстрелы раздавались все реже и реже и все были довольны, когда в ранних сумерках мы направились обратно в деревню.

Наш помощник каптенармуса оказался хорошим поваром и в охотничем доме нас ожидала горячая еда, отличный борщ и пшенная каша, потом, конечно, чай.

Следующий и последний день нашего пребывания в охотничем доме не был удачным, в смысле погоды. Шел мокрый снег с холодным ветром. Лес выглядел серо и уныло.

В полдень и стрелки, и гонщики неохотно отошли от костров, невольно думалось, что вечером еще предстоит идти 17 верст до станции.

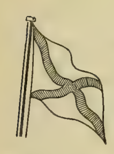
По возвращении в деревню и после горячего обеда стали собираться в обратный путь.

Совершенно неожиданно, не пришлось идти до станции пешком: генерал "угостил" своих, несколько усталых, кадет подводой. Уже в темноте раннего вечера добрались мы до станции и, с ночным поездом, выехали в Петербург, увозя с собой множество впечатлений о двух днях, проведенных в непривычной обстановке и большей частью на воздухе, в лесу.

По прибытии в Петербург, сразу же на вокзале, удачливые стрелки разобрали свои трофеи и отправились в корпус, где перед нами была нормальная неделя учения. Сознаюсь, что с особенным удовольствием думалось о хорошо натопленных помещениях корпуса.

Ф. К.

„Дмитрий Донской"

В списках Русского Флота впервые упоминается имя *"Дмитрий Донской"* в 1771 году, когда этим именем был окрещен 66-пушечный линейный корабль, построенный в Архангельске и разобранный в 1791 году.

Затем, в 1809 году, в Херсоне, был построен и спущен на воду 74-пушечный корабль "Дмитрий Донской".

В 1862 году в Балтийском флоте служил очень красивый фрегат "Дмитрий Донской", с прекрасной машиной, дававшей, по тем временам, хороший ход в 12 узлов. Этот фрегат совершал большие заграничные плавания с корабельными гардемаринами, окончившими Морской Корпус.

Броненосный крейсер "Дмитрий Донской" построен в Петербурге, в Новом Адмиралтействе, в 1885 году. Размеры его были следующие: длина — 306 футов, ширина — 58 футов, углубление — 25 футов и водоизмещение — 6.200 тонн. Вооружен он был шестью 6-дм. пушками, четырьмя — 120-мм и шестью 75-мм. Он обладал машиной в 6.600 сил и давал до 17 узлов ходу. Первоначальная стоимость крейсера была 3.464.660 рублей.

На другой день после Цусимского боя, утром 15 мая крейсера "Дмитрий Донской" принял к себе около двухсот человек команды с "Осляби", спасенных миноносцем "Буйный". Около четырех часов пополудни, крейсер был атакован шестью японскими крейсерами и семью миноносцами. Остров Дажелет находился в 50 милях и не представлялось возможным свезти туда команды "Буйного" и "Осляби". На расстоянии 50 кабельтовых, японцы открыли жестокий огонь справа и слева. По донесению, оставшегося в живых и вступившего в командование крейсером, капитана 2 ранга Константина Платоновича Блохина, "несмотря на ужасающий огонь противника и множество раненых и убитых, команда работала с полнейшим сознанием своих обязанностей. Часто, по собственной инициативе, не дожидаясь приказания, люди сами занимали места убитых. Унтер-офицеры были действительными помощниками своих плутонговых командиров".

К девяти вечера картина боя была такова: один японский крейсер представлял из себя сплошной пожар, другой сильно накренился на правый борт. Несмотря на полученные повреждения, пользуясь темнотой, кап. 2 ранга Блохин надеялся еще прорваться во Владивосток. К несчастью, один из последних снарядов, попал в заднюю дымовую трубу и развернул ее целиком. Один двойной котел был разбит попавшим в кочегарное отделение снарядом. Пар сел и ход уменьшился до самого малого. Крен достиг 5 градусов, и запас снарядов истощился. Все это и заставило командующего крейсером свезти команду на остров Дажелет, к которому он значительно приблизился в неравном бою. Японцы преследовали крейсер минными атаками всю ночь, но неудачно и один из миноносцев был затоплен. На утро 16 мая, свезя всю команду на о-в Дажелет, капитан 2 ранга Блохин, отвел крейсер на глубину 200 сажен и затопил его.

Так доблестно погиб крейсер "Дмитрий Донской", имя которого должно остаться в памяти Русского Флота.

По книге *А. Беломора*

Последний бой в 1917 году

Рано утром 6 июля 1917 года, наша, сравнительно многочисленная, артиллерия, после тщательной пристрелки, открыла ураганный огонь по немецким позициям на участке Сморгонь—Крево. Будучи на службе в 3-ей батарее 2-го Кавказского Мортирного дивизиона, я находился на передовом наблюдательном пункте. Батарея получила задачу проделать проходы в проволочных заграждениях на определенном участке и разрушить окопы противника. Стрельба была удачна и проходы, в назначенное время, были сделаны. Снарядов было получено достаточное количество и огонь был настолько интенсивен, что стволы орудий накалялись и приходилось делать перерывы в стрельбе.

На рассвете 9 июля, наша артиллерия перенесла огонь на тылы противника, а пехота бросилась вперед, не обращая внимания на встре.ный пулементный и артиллерийской огонь. Но, далеко не вся наша пехота приняла участие в этой атаке. Многие части отказались выполнить приказ о наступлении и замитинговали. Между прочим, один из пехотных полков, кажется 51-й дивизии, устроил на поляне большой митинг, повидимому, немецкая авиация это заметила и донесла своей артиллерии, которая покрыла толпу огнем и полк понес большие потери.

Ударная же наша пехота наступала с большим подъемом и проявила неудержимый порыв. С налета были захвачены передовые позиции и дорвались до артиллерии противника. Я был придан, в качестве передового наблюдателя, одному из батальонов 6-го Сибирского стрелкового полка, который атаковал сгоревшую деревню Богуши и Богушинский лес. На моих глазах, одна из рот, под командой молодого поручика, захватила 4-орудийную батарею, но, немцы перешли в контр-атаку, захваченные орудия были снова повернуты против атакующих и атака была отбита. Герой поручик был убит на батарее. Контр-атака была произведена частями 445-го германского пехотного полка.

Недалеко от нас, на Ново-Спасский лес, наступал Женский Ударный батальон Бочкаревой. Эти девушки-ударницы, ценой больших потерь, захватили и удерживали некоторое время лес, но, не получив поддержки, должны были отойти. То же самое случилось и на нашем участке, и к вечеру, мы, огласно приказанию, вернулись в исходное положение. Немцы нас не преследовали.

Как я уже говорил, значительное количество солдат отказалось итти в наступление, другая часть бросилась грабить оставленные немцами землянки, таща оттуда обмундирование, продукты и другое добро. Много лет спустя, в 1947 году, я случайно разговорился с одним пожилым немецким офицером, оказавшимся участником этого боя. По его словам, положение у них создалось тяжелое, резервов не было и дорога на Вильно была открыта. В феврале 1918 года, в Минске, я познакомился с немецким лейтенантом, офицером 101-го германского артиллерийского полка. В разговоре оказалось, что это его батарея была тогда захвачена и что, после боя, они нашли у орудий тело убитого поручика и похоронили его с отданием воинских почестей.

После боя 9 июля развал в частях усилился и началась их постепенная самоликвидация. Немцы держали себя совершенно пассивно. В междуокопном пространстве широко процветал товарообмен между русскими и немецкими солдатами. Наша пехота постепенно исчезала и скоро между немецкими окопами и нашей ортиллерией не оказалось никого. Должен сказать, что это братание не прошло даром и для немецких солдат, которые понемногу заражались большевицкими идеями, что и сказалось в ноябре 1918 года.

В начале января было приказано свезти орудия и материальную часть в парк у станции Пруды. Это приказание было выполнено с трудом, так как многие солдаты перестали кормить лошадей и часть конского состава погибла от голода. Наконец, остаткам дивизиона было приказано перейти в более глубокий тыл, в район деревни Сковородка, где нам и предстояло ждать отправки вглубь России.

6 февраля немцы перешли в наступление по всему фронту, в направлении на Минск—Бобруйск. С русской стороны никакого сопротивления не оказывалось. Остатки нашего дивизиона отошли на Минск и там распылились. Лошадей и повозки отобрали польские легионеры, которые действовали тогда в контакте с немцами. Отношение немцев к русским офицерам в Минске было вполне корректным, они предложили вновь одеть погоны и составляли эшелоны для отправки офицеров на Украину. Таким образом, группе офицеров дивизиона удалось уехать в Киев, где они окончательно и расстались.

Теперь мне хочется сказать кое-что о солдатском составе дивизиона и его поведении после революции. В дивизионе было сравнительно много солдат действительной службы. Эти, конечно, наиболее сохранили дисциплину, дольше всего держались в части, и втайне, возмущались новыми порядками. Среди них было несколько поляков, уроженцев Петроковской губернии. Эти были настроены антибольшевицки. Несколько солдат евреев также не приветствовали большевизм и вели себя очень сдержанно. Один из этих солдат-евреев, интеллигентный человек и георгиевский кавалер, был вызван властями в Москву для занятия какой-то должности по банковской части. При прощании, он смущенно мне сказал:

— Вы знаете мои взгляды, но, может быть, мне удастся этим путем устроить свою жизнь.

Эксцессов против офицеров не было, кроме двух-трех мелких случаев. Между прочим, один случай был чрезвычайно характерен. Один молодой офицер, мос-

ковский студент, еще до революции отличался своими либеральными взглядами и таковым же обращением с солдатами. После большевицкого переворота, солдаты от него товернулись, стали относиться с пренебрежением и делать ему всяческие пакости. Уезжая в "безвозвратный" отпуск в Москву, он говорил мне о солдатах с большим озлоблением и все время повторял: "Я этого не ожидал"...

Одно время мутил батарею писарь Л., большой демагог, полное ничтожество и до революции служил посмешищем всей батареи. К счастью, в ноябре месяце, его тоже вызвали в Москву, для занятия какого-то соответствующего поста. Впоследствии, я читал, что он играл видную роль на Восточно-Китайской железной дороге. Был в батарее и другой солдат З., состоятельный домовладелец из Павлограда. В первые дни революции он оказался, довольно неопасным, болтуном, и был выбран в председатели батарейного комитета, но в этой должности продержался недолго, как, впрочем, и все последовавшие за ним председатели. В 1919 г., в Екатеринодаре, меня окликнул на улице трамвайный кондуктор. Смотрю — З. Разговорились. Оказалось, что ему пришлось бежать из Павлограда, бросивши все имущество. "А помните, говорю ему, ваши разговоры и взгляды в 1917 году?" На это он мне, с сокрушением, ответил: "это была безграничная глупость, господин капитан!". Тут же он мне рассказал, со слов другого солдата, о судьбе последнего командующего дивизионом, капитана Кадомцева. Как оказалось, на пути во Владикавказ, на станции Иловайской, во время обыска ,у него в чемодане нашли офицерские погоны. Тут же, около поезда, его и расстреляли.

Позже, в 1920 году, я снова встретил З., но уже солдатом-добровольцем Дроздовской артиллерийской бригады, где он служил с сыновьями-гимназистами. Насколько я помню, он прошел и Галиполи, откуда уехал в Бразилию.

Н. Н. Р.

„Маневр“

Это истинное происшествие имело место на больших маневрах в Одесском Военном Округе, происходивших в конце июля и начале августа 1912 года. Командующим войсками этого округа в то время был генерал от артиллерии Н. Автор этих строк в это время служил в 7-м Мортирном Артиллерийском дивизионе. Эти дивизионы, не в пример артиллерийским бригадам, приданным к пехотным дивизиям, считались корпусной артиллерией. О применении этих дивизионов повидимому еще не было окончательного решения, тем более, что мы были в периоде перевооружения снарядами для наших гаубиц. Так или иначе, так-как мы были в распоряжении командиров корпусов и на этих маневрах, нашу батарею держали в резерве и мы "воевали с прохладцем" и дневками. Эти перерывы, дневки давались еще и потому, что в Таврии, в это время года, стоит всегда сильная жара, от которой очень страдали лошади. После одного-двух небольших маневров, мы оказались в районе г. Вознесенска, где должен был произойти большой армейский маневр.

После небольшого перехода, к вечеру, отряд стал на бивак в каком-то селении. Нашу батарею, орудия и коновязи разместили на площади. Жара спала. Я поселился на фланге батареи в палатке. Приготовились мирно проспать ночь, как вдруг было сообщено, что начинается новый маневр, с заданием "противнику" захватить нас врасплох на биваке. Пришлось заамуничить конскій состав и приготовиться к тому, чтобы, по получении приказания из штаба отряда, быть готовыми к выступлению.

Наступила ночь, а с нею и сон, крепкий сон молодости. Никаких приказаний ночью не поступало и, что происходило в штабах, мы, артиллеристы, не знали.

Проснулся я от какого-то шума извне. Солнце уже взошло. В этот момент, какой-то незнакомый мне голос сказал:

— Разрешите войти?

— Пожалуйста, но извините, что я еще лежу.

Вошел офицер, который коротко и ясно мне произнес:

— Вы взяты в плен.

— Хорошо, значит маневр окончен?

— Да, мы у вас на биваке. — Мне это было не совсем приятно, но от меня ничего не зависело.

День прошел тихо. Дневка. На следующий день я был назначен на ординарцы к командующему войсками. По прибытии в штаб командующего и по представлении ему лично, я узнал, что буду в его распоряжении три дня, на время большого армейского и последнего маневра. Кроме меня были еще на ординарцах от кавалерии Вознесенский улан и Астраханский драгун в тех-же чинах, что и я.

Генерал Н. был личностью обаятельной и гостеприимный хозяин. Все мы, его ординарцы, были в штабе "чужими" и поэтому, вероятно, в нашем присутствии генерал попросил своего хозяина собрания "позаботиться о моих ординарцах", так-как мы питались за столом командующего в обстановке, для нас новой. От Лубенских гусар и Казачьего полка ординарцев не было, так-как эти полки были в армии "противника".

День скатился к вечеру. Ординарцам была отведена хата. Все мы к вечеру уже достаточно перезнакомились, несмотря на то, что было уже поздно и что на утро начинался страдный день маневра, мы сидели "дома" за столом и за бокалом вина, любезно присланного нам хозяином штабного собрания,

как дань "заботы о моих ординарцах". Кони стояли во дворе, как и наши вестовые где-то около них.

Выступление было назначено на ранний утренний час.

Раздался стук в дверь и в этот момент, неожиданно, начался "маневр".

— Войдите, — сказал кто-то из нас.

Дверь открылась и мы увидели на пороге такого-же молодого, как и мы, но... Лубенского гусара. Мои друзья-кавалеристы переглянулись и сразу его узнали.

— Как ты сюда попал? Где твой разъезд?

— У вас во дворе.

В голове прошла мысль: "Где-же наше охранение"?

— Ну, садись и рассказывай...

Познакомили меня с "противником", предложили и ему бокал вина, и он начал краткое повествование. Посланный в разведку с разъездом, он благополучно прошел до нашей ставки никем не замеченный, а здесь, узнав название села, решил повидать на скорость друзей. Узнать у него, что ему было известно из диспозиции по их отряду, мы и не пытались. Да и какой в этом был толк?

Во-первых, возможно, из соображений военной этики, он нам ничего-бы и не сказал, а, во-вторых, все равно мы ничего не могли сообщить в наш штаб, узнав все, сидя "дома", от начальника разъезда противника, попавшего какими-то неведомыми силами в тыл нашего расположения. Самое главное было то, что это была настолько серьезная безпечность "войны в мирное время", что, наверно, многим не поздоровилось-бы по службе. Невольно пришла в голову мысль, что из положения как-то надо выйти. Маневры, это — подготовка к войне и мы, как офицеры любящие свое дело, по общему согласию и под круговую поруку молчания, считая и нашего "противника", решили сорвать маневр, но с нашей стороны.

Мы многого не знали, но знали разные вещи, вроде часа выступления и общего направления движения маневра. Все было сообщено гусару и предложено "катиться" в обратном направлении со своим разъездом и на свой риск и страх: нашей встречи и разговора не было. Как он изложил об исполнении данного ему приказа, осталось тайной.

На другой день утром у нас "все шумно вдруг зашевелилось". Командующий двигался на автомобиле вперед не очень быстро и мы, его ординарцы, в частности я, беседуя с полевым жандармом на "лошадиные темы", поспевали за ним то на рысях, то шагом. Не успели отойти от стоянки ночлега на версту—две, как нас встретил на походе сильный огонь пехоты "противника".

Мы, ординарцы, взглянув друг на друга поняли, в чем дело, но у начальства ясно выразилось недоумение по поводу происходящего. Группа начальников и авто Командующего остановились и мы тоже. Генерал вызвал посредников и через некоторое, довольно продолжительное время, маневр был остановлен.

По новой диспозиции все отошли в новое "исходное положение" для нового маневра на следующий день.

Вечером мы, ординарцы, опять были вместе за дружеской беседой, но... доблестный гусар уже вторично не появился. Повидимому, на этот раз, кому следовало подумать — думали и устранили небрежность, сделанную накануне.

Новый маневр развернулся, повидимому, по всем правилам военного искусства и продолжался установленные три дня, как и полагалось по диспозиции и, насколько я помню, "победила" наша сторона.

Военная сторона вопроса, к нашему удовлетворению, была соблюдена, но сколько отмененный день предыдущего "маневра" стоил государству, мы, ординарцы, не зная экономики, не подумали учесть. Одно можно сказать, что гораздо дешевле во всех отношениях, чем если-бы все это произошло в настоящее военное время, так что мне и теперь кажется, что мы, тогда "горячие головы", поступили правильно.

С тех пор прошло полвека, и я думаю, что этим эпизодом из военной были я не нарушил обет молчания. Как никак, история "маневра" — история поучительная и на будущее время.

Б. А. Николаев

Во имя прошлого

Памяти венценосного Шефа Славных улан Ольвиопольских, посвящаю.

Помню весна в тот год выдалась особенно ранняя и буйная. Как-то вдруг зазеленели тогда бульвары и с далеких окраин города ветер принес запах свеже вспаханной земли. Частые грозы проносились той весной над городом, багровы и страшны были закаты и зловеще шумели верхушки старых лип в Царском саду.

Тогда никто не знал и не думал о том, что все это предвестники другой, военной грозы, которая промчится над миром и не оставит камня на камне от старой Риги... Началась история, о которой я хочу рассказать, довольно просто: мы сидели в маленьком кафе на вершине Бастионной горки с моим старым приятелем и однокашником, Жоржем Масальским-Суриным. Две чашки черного кофе давно остыли перед нами, в пепельнице дымил последний окурок... Был тот час, когда не знаешь, пустить-ли кантом последний "дукат", или идти домой и приняться за неоконченный перевод одного из длиннейших романов Дюма-Фиса...

Мы молчали... Багровый закат догорал вдали за

Двиной, над сонным городским каналом реяла мошкара и синяя вечерняя тень от Пороховой башни становилась все длиннее и длиннее. Впрочем, тому, кто не знает Риги, все это не скажет ничего. А жаль! Где-то далеко, вероятно в Стрелковом саду, военный оркестр играл попурри из оперетки и до нас порой доносился грустно-игривый мотив из Сильвы. "Сильва ты меня не любишь, Сильва ты меня погубишь", печально напел князь Жорж, вторя далекому оркестру. Я знал, — ему невезло... После смерти отца, лихого, рыжеусого полковника, остатки их родового имения пошли с молотка.

С "Сильвой" тоже обстояло плохо; я слышал, что Жорж только что разошелся со своей невестой. Жил он в темной каморке, на Московском форштадте, единственное окно которой выходило на какой-то заросший бурьяном пустырь. Плохо... Единственным украшением его обиталища была кривая уланская сабля висевшая на стене. На ней витиеватой старинной вязью было начертано: "За Париж"... Руки его всегда были черны от несмываемой смолы — он работал по асфальтировке улиц, — работа каторжная...

— Эх, черт! сказал Жорж, прерывая наше молчание — удрать бы куда нибудь, в Австралию или... аа Соломоновы острова... чувствую гибну....

Он был прав. В жизни бывают минуты, когда нужно повернуть какой-то рычаг, что-то сделать, куда-то уйти...

Я это знал... Мы опять замолчали — тихий ангел пролетал над нами.

— Однако, пора по домам, ночью будет гроза, заметил я.

И верно. Огромная сизая туча медленно подвигалась с моря. Мы допили остаток нашего кофе и поднялись. Жорж нахлобучил свою рыжую, с обвислыми полями шляпу и подозвал барышню, чтобы расплатиться.

— Voila, сказал он, доставая из кармана пиджака огромный, зеленый, сафьяновый бумажник — "наследство предков", кстати, купленный еще во времена "проклятого режима", в Гвардейском Экономическом, на Конюшенной. "Впрочем", добавил он, доставая смятую ассигнацию, "когда я вошел в его владение, в нем кроме двух просроченных ломбардных квитанций не было ничего".

Небольшая, порыжелая от времени фотография выскользнула из бумажника и упала на стол пред нами. Я успел разглядеть на ней группу офицеров стоящих полукругом.

— Рекомендую, — сказал Жорж, подымая снимок, — крайний слева — мой отец, тогда командир штандартного эскадрона. А вот это, — он ткнул черным пальцем в худощавого брюнета, небрежно облокотившегося на саблю, это Шеф нашего полка, король Испанский, Альфонс XIII-ый. Снимок сделан в Эскуриале, во время подношения депутацией формы новому шефу — королю. Жорж небрежно сунул фотографию снова в бумажник... "От захолустного Грубешова до Эскуриаля... дистанция огромного размера и, однако..." думалось мне, когда мы с Жоржем спускались по кругой дорожке, ведшей к Александровскому бульвару.

— Слушай, сказал я, пожимая на прощанье его руку, — почему бы тебе не написать королю (он жил тогда в изгнании, в Риме) и, присовокупив фотографию, не позаимствовать у Его Величества некоторую сумму на предмет переселения в лучшия края... — Я шутил; я тогда никак не думал, что мои слова сыграют такую роль в жизни бедного Жоржа.

Прошло около месяца и вдруг... Судьба послала мне неожиданный билет в театр Русской драмы на гастроли Михаила Чехова. Шел "Эрик XIV-ый"... Я сидел в темном зрительном зале, вдыхал давно забытый запах пудры, мышей и пыли и смотрел на сцену, как вдруг кто-то дернул меня за рукав. Я оглянулся — передо мной стоял Жорж.

— Что такое? — спросил я с недоумением.

— Был у тебя два раза, не застал, горячо зашептал мне в ухо Жорж, — выйдем на минутку в фойе. Важное дело.

На нас стали шикать и я поднялся... Когда мы вышли в слабо освещенное фойе, меня сразу поразило лицо моего приятеля.... Но его губы блуждали радостно — нелепо улыбкой, глаза блестели, редкие волосы слиплись на лбу от пота. "Запил", подумал я, зная, что с ним это случалось...

— Вот читай, вчера получил, и он протянул мне твердый продолговатый конверт. В этот момент, еще не читая, я понял все. "По повелению моего Государя — стояло в письме, — сообщаю Вам, что Его Величество был счастлив вспомнить дни своей молодости и славных Ольвиопольских улан. В память прошлого, коего никто изменить не может, даже Сам Бог, исполняя Вашу просьбу, Его Величество посылает Вам чек, после реализации которого Вы сможете доехать до Австралии и начать новую, лучшую жизнь. Государь шлет Вам лучшие пожлания и уверен, что Вы скоро вернетесь в свой освобожденный Дом". Письмо было написано по-французски и в конце стояла "трехэтажная" подпись какого-то маркиза. Это было великолепно... Когда через пару минут ошалевший Жорж тащил меня к театральному буфету, я увидел на его глазах слезы... И это было великолепно. Через день он махал нам из окна вагона, в новой, великолепной фетровой шляпе.

Где ты теперь, милый Жорж, под какими пальмами? Помнишь ли тот вечер на Бастионной горке? Привет тебе, старый друг и однокашник.

Кирилл фон Моор

Пристав

— Здорово молодцы! — приветствовал Командующий Войсками Киевского Военного Округа генерал Сухомлинов, построенные для смотра полки и батареи 11-ой Кавалерийской дивизии.

— Здра! — Коротко рявкали молодцы. А, когда во время учения дивизии раздавались сигналы "Коноводы", что означало благодарность, молодцы гаркали с удвоенной силой:

— Ра!...

Мне, тогда только что произведенному офицеру, никогда раньше не слыхавшему подобных ответов, казалось, что в их "лаконичности" таится какая то удаль и даже мощь.

И немудрено, что солдаты так дружно, от души, "здракали" и "ракали"... не надо было думать какое начальство как титуловать.

Но ничто не вечно под луною... и, на посту Командующего Войсками Округа кавалериста, барина, ген. Сухомлинова сменил тяжелый "крепак" генерал Николай Иудович Иванов.

В какой должен был прийти ужас новый Командующий от первого же "Здра", свидетельствовали приказы "рекомендовавшие" обратить внимание на ответы нижних чинов и титулование начальствующих лиц.

В селе, где стояла во время сборов 18-я Конная, помещался штаб XI корпуса и жил командир корпуса ген. Фуллон, изысканный гвардеец.

Генерал с особой симпатией относился к нашей батарее и иногда приезжал "получить удовольствие", посмотреть конное учение, которое, с необыкновенной виртуозностью, "загибал" наш лихой старший офицер Александр Александрович Левицкий.

— Здорово 18-ая!

И, когда в первый раз 18-я ответила не лихим "Здра", а "Здравия желаем, Ваше Превосходительство", видно было, что нашему любимому генералу "вновь разученное" приветствие не очень понравилось.

Стали варьировать и растягивать короткое на конце "во" в длинное "воооо"... казалось так выходило "шикарнее".

Генералов, однако, было много и у каждого свой вкус: так один из них, услышав "воооо", приказал его сократить, не указав на какой букве.

Сократили, получилось что то вроде Превосходит...

Каким дальнейшим эволюциям подвергалось злосчастное "Превосходительство" в Киевском Военном Округе — не знаю, но в Московском, ко времени моего перевода в 1-ую конную, генералов титуловали... "Ваше Пр...".

Генерал Ивашинцев, Инспектор Артиллерии Гренадерского Корпуса, как то заехал навестить 1-й конный дивизион расположенный в с. Мневники. Генерал был очень милый начальник, любивший иногда посидеть с конниками за стаканом вина и послушать их застольные песни.

У ворот хаты-собрания стоит бравый дневальный. При виде редкого гостя вытянулся до отказа, "пожирает" начальство глазами...

Здорово, любезно приветствует генерал.

— Здравия желаю, Ваше При, весело ответил дневальный.

Генерал на секунду остановился, подумал.

— А ну ка, повтори, что ты сказал?

— Здравия желаю Ваше При... — отчетливо повторил дневальный.

Постой, постой, да что же такое При?

— Ваш При, вразумительно, делая ударение на первом слове, пояснил канонир.

— Да говори-же, наконец, толком — что такое При?

Солдат был "разбитной", помнил что с новобранства учили не оставлять вопросов начальства без ответа:

— Пристав! — не моргнув глазом отчеканил "расторопный" канонир.

Инцидент, над которым немало смеялись, потонул в бокале вина.

А. фон Корвин-Вирзбицкий

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

ПО СТОПАМ ОТЦОВ

Война 14-го года. Опыт Русско-Японской войны показал, что оглашать название частей и места их пребывания не следовало, так-как противник от нас самих, получал нужные сведения о расположении и численности войск. Помню, как во время японской войны газеты пестрели телеграммами о том, что "перевалив Урал, офицеры такого-то полка шлют привет родным и знакомым".

Барабанный бой, распущенные знамена, музыка впереди наступающих, генералы на белых конях — все это уступило место защитной форме, замаскированным окопам и молчанию о том, что творится на фронте. И, все-таки, однажды это молчание было нарушено телеграммой Верховного Главнокомандующего на имя Государя Императора о деле 5-го эскадрона Нижегородцев ,под командой ротмистра князя Давида Чавчавадзе, 8 августа 1914 г. у города Скерневицы. Телеграмма эта гласила:

"Не смел-бы беспокоить донесением о мелком деле, но решаюсь это сделать Державному Шефу Нижегородцев: 70 отборных германских разведчиков с офицером были встречены эскадроном Нижегородцев. Результат — кроме шести, взятых в плен, все немцы

порублены. Нижегородцы — 4 ранено пулями, двое тяжело. Холодным оружием — ни одной царапины".

сообщил *Г. Танутров.*

ГРАФ АНГАЛЬТ

Граф Ангальт, один из просвещеннейших сотрудников Императрицы Екатерины, родился 9/21 мая 1732 года и умер 22 мая/1 июня 1794 года. Молодость свою он провел в рядах Саксонской и Прусской армий и 4 декабря 1783 г. перешел на Русскую службу генерал-адъютантом и в чине генерал-поручика был назначен Главным Начальником Сухопутного Шляхетного корпуса (впоследствии Первого кадетского) и Президентом Вольно-Экономического Общества.

Ангальт отличался высокими душевными качествами и был замечательным педагогом, поставившим вверенный его попечению кадетский корпус на такую высоту, что он считался *одним из лучших образовательных заведений* не только в России, но и во всей Европе. Он отличался широкой благотворительностью и был одним из приближенных Екатерины II, которая всегда называла его "своим другом".

извлек *А. Г.*

ГВАРДЕЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Все петербуржцы, а особенно офицеры, помнят огромный магазин на Конюшенной, называвшийся, если не ошибаюсь, "Гвардейским Экономическим Обществом". В начале 1862 года, в петербургской прессе было напечатано следующее сообщение, касающееся нарождения этого Общества: "Акционерная компания для шитья военной одежды. Гвардейские офицеры составили проект акционерной компании для шитья военной одежды. Всех акций предполагается 10.000 по 25 руб. серебром за каждую. Директорами этой компании, по желанию господ офицеров, будут полковые казначеи. Компания намеревается устроить обширную мастерскую, в которой будет шиться одежда, а затем продаваться по самой умеренной цене".

извлек *В. Р.*

ПРЕДКИ И ПОТОМКИ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СУВОРОВА

(Краткая выпись из родословной)

Александр Васильевич Суворов, князь Италийский, граф Рымникский родился 17 ноября 1729 г., скончался 6 мая 1800 г. Происходил из потомственных дворян Новгородской губернии. Отец его — Василий родился в 1705 г., умер в 1776. Дед — Иван скончался в 1715 г.

Александр Васильевич Суворов был женат на княжне Варваре Ивановне Прозоровской (из дома Рюриковичей). У него было двое детей: княжна Наталия, род. 1 августа 1775 г., скончалась 10 июня 1844. по мужу графиня Зубова, и сын князь Аркадий, род. 4 августа 1780 г., скончался 13 апреля 1811 г. Он был участником Швейцарского похода, а утонул в реке Рымник, имя которой было прославлено его отцом. Женат он был на Елене Александровне Нарышкиной, род. в 1785 г., сконч. в 1855, 3 декабря. От этого брака родилось 4 детей: два сына—князь Александр (1804—1882), женатый на Любови Васильевне Ярцевой (1811—1867) и князь Константин (1809—1877), женатый на Елизавете Алексеевне Хитрово, (1822—1852), и две дочери: княжна Варвара (1802—1833), по первому мужу Горчакова, по второму Башмакова, и княжна Мария (1802—1870), по мужу княгиня Голицына.

У князя Александра Аркадьевича было трое детей: один сын, князь Аркадий Александрович (1833—1893), женатый на Елизавете Ивановне Базилевской. он скончался бездетным, и две дочери: княжна Александра, по мужу Козлова, и княжна Любовь (1833—1883), по мужу Молоствова.

Итак, со смертью князя Аркадия Александровича, в 1893 году, потомство Суворова, по прямой мужской линии прекратило свое существование. На торжественном чествовании памяти Суворова, 4 мая 1900 года, в Первом кадетском корпусе, присутствовали следующие лица с детьми, потомки Суворова по женской линии: светлейшая княгиня Суворова, княгиня Масальская, В. В. Молоствова, г-жа Козлова, графиня Зубова, баронесса Вольф, г-жа Даугель, г-да Леонтьевы, Нейдгардт, Башмаковы, княгиня Оболенская, г-жа Хитрово и граф Голенищев-Кутузов.

В настоящее время, в Париже проживает известный историк и лектор граф В. П. Зубов, также являющийся праправнуком Суворова по женской линии.

Сообщил *Эраст С—кий*

Почтовый ящик

В мою статью "Спортивные заметки" вкрались ошибки.

После написания статьи я вспомнил о классической дистанции Дерби — 2.400 м. (2 вер. 144 саж.).

Завод был не графа, а графини Красинской. Струве — конногвардеец, а фон-Вольский — кирасир Его Величества.

В числе участников скачек на Царскосельском ипподроме упомянут "Черин" — это опечатка. Не Черин, а Геринг.

Добавлю, что рекорд Елисаветградского тогда еще драгуна Захарченко, незадолго до 1-й Мировой войны, был побит лейб-гусаром Волковым.

Не откажите в любезности поместит эти исправления в "Военной Были".

С истинным уважением
А. Левицкий

Прошу покорно Вас, господин Редактор, указать на следующие опечатки в моей статье "Ловичский Отряд", помещенной в № 31 журнала. На стр. 18, вторая строка сверху напечатано: "в г. Лодзь" — следует читать "в г. Лович". На той-же стр. 31-ая строка напечатано: "10 ноября в 10 ч. вечера" — следует читать — "9 ноября в 19 ч. вечера".

В. Панаиот

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11. rue des Cordelières, Paris.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1959 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Девятый год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:
61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей « ВОЕННОЙ БЫЛИ » и « ВЕСТНИКА ».

Подписная цена с пересылкой на год:
700 фр. фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.
В газете — постоянные отделы: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Русский книжный магазин
„Le Magasin du Livre“

Продажа Русских книг до-военного издания

10, RUE DES CARMES, PARIS-V^e.
Tél.: DAN 25-28.

„Морские записки“

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам № 3 (48) т. XVI, 1958 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию В. В. Скрябин, 38, Bd de la Republique, Boulogne S/S.

Литературно-политические тетради

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

Независимый орган национальной мысли.
34-й год издания.

Адрес редакции:
73, avenue des Champs-Elysées, Paris-8.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache. Paris (16e) и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 93, rue de L'Abbaye, Bruxelles.

Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Alder Grave, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 49, Renywern Road, London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Neumoresa 86, Roma.

Сев. Ам. С.Ш. — в Обще-Кадетском Объединении у В. А. Высоцкого 410, Rivercide Drive Ap. 103 A. New-Iork 25.

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 avenue San-Francisco 18.

Канада у К. Н. Мартемьянова — 716, Gerrard str. East. Toronto, ONT.

Австралия — а) у Калатилина — 50, Belemba ave Lakemba (N.S.W.), б) у Н. А. Косач 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — Obligado 2130, Buenos-Aires.

№ 37

ИЮЛЬ 1959 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 8-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

ОБЩЕ-КАДЕТСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ во Франции с глубоким горем извещает о кончине своего дорогого друга и однокашника старейшего кадета Объединения выпуска 1883 г. Орловского-Бахтина кадетского корпуса

Георгия Аполлинориевича ШЕБЕКО

последовавшей 16 июня с. г. в Лионе. Панихида была отслужена у Кадетской Лампады в Париже в среду 24 июня 1959 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1500 фр. с пересылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № — 5 шил. год. подписка — 25 шил., в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16e). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881 - 89 **Париж,** *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16°). MIR. 72-55

8-й год издания № 37 ИЮЛЬ 1959 Г. Bimestriel. Prix — 250 fr.

ПРИКАЗ

ОТДАННЫЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ ЦАРЕМ ПЕТРОМ I ВОИНСТВУ СВОЕМУ В ДЕНЬ ПОЛТАВСКОГО СРАЖЕНИЯ, ИЮНЯ 27 ДНЯ 1709 ГОДА

Воины! вот пришел час, который решит судьбу Отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за ПЕТРА, но за Государство ПЕТРУ врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу Веру и Церковь. — Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении пред очами вашими правду и Бога, поборающего по вас! — а о ПЕТРЕ ведайте, что Ему жизнь ЕГО не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и в славе, для благосостояния вашего.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ
РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ, ГВАРДЕЙСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
и ОБЩЕ-КАДЕТСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
устраивают **в воскресенье 15 ноября 1959 года, в 14 час. 30 мин.
в большом зале Русской Консерватории**

Торжественное Собрание

ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ

250-летие Полтавской победы

К участию в Собрании приглашаются все Русские национальные и воинские организации.

„Мать Полтавской победы"

ЛЕСНАЯ

Имя Лесной, деревушки Быховского уезда, Могилевской губернии, увековечено в нашей истории знаменитым сражением между русскими и шведами 250 лет тому назад, 28-го сентября 1708 года, давшим в руки Царя Петра полную победу.

Еще в середине сентября 1708 года, когда Карл XII двинулся из Польши в Малороссию, Петр решил начать со своей стороны военные действия против генерала Левенгаупта, который шел к армии Карла XII из Риги с огромным траспортом боевых и продовольственных припасов. Царь с полным основанием считал, что потеря Левенгауптом транспорта со снабжением должна поставить шведов в весьма затруднительное положение. Отлично понимая исключительное значение этой операции, Царь сам стал во главе ее и, думая, что у Левенгаупта не больше 8.000 человек, счел достаточным направить против него лишь 12.000 (около 5.000 пехоты: полки л. гв. Преображенский, Семеновский, Ингерманландский пехотные, баталион Астраханского пехотного, около 7.000 конницы: 10 драгунских полков, несколько сотен казаков и калмыков), решив действовать энергично и быстро.

Кроме гвардии, уже бывшей в конном строю, и остальная пехота была посажена на коней и все необходимое взято на вьюки, чтобы обеспечить войскам наибольшую подвижность, что и дало отряду название "летучего".

15-го сентября от какого-то еврея, оказавшегося шпионом Левенгаупта, были получены сведения, что шведский отряд якобы будет переправляться через Днепр в Орше, почему Петр немедля выступил из Соболева на Григорково. На самом же деле Левенгаупт 14-го сентября прибыл в Черею, а 19-го в Шклов, где 20, 21 и 22 сентября переправился через Днепр, двинувшись дальше к Пропойску. Только случайная встреча с неким польским шляхтичем открыла Царю правду, т. е. что шведский отряд переправился в Шклове и двинулся на Пропойск. Известие это было так-же ценно, как и своевременно: еще несколько дней и Левенгаупт мог-бы ускользнуть.

Царь резко меняет направление, а для проверки вновь полученных сведений о противнике высылает вперед всю свою кавалерию под командою Меньшикова, который уже 25-го сентября вошел в соприкосновение с противником и немедленно подтвердил Петру правильность сведений, данных шляхтичем, т. е. что отряд Левенгаупта состоит не из 8.000, как думали, а из 15.000.

26-го сентября Царь, решив не упускать Левенгаупта и быстро установить равенство сил, приказал своей группе ускорить движение, отдельному отряду Боура с 4.000 драгун итти из Кричева на соединение с Царем, а бригаду Фастмана (1.000 драгун) направил к Пропойску, чтобы не дать неприятелю переправиться через Сож. Приказание генералу Боуру было послано с подпоручиком Семеновского полка Юдиным, который, исполнив поручение, на обратном пути пропал без вести (вероятнее всего, был убит шведами). Того-же дня на военном совете Петр решил ожидать Боура не дольше двух дней, а затем, во всяком случае, атаковать шведов. Это решение основывалось на том расчете времени, что Левенгаупт уже на третий день мог-бы закончить переправу через Сож и уйти от нас, кроме того, считали, что даже в случае неудачи не могло-бы быть особенно дурных последствий, так-как Левенгаупт, стесненный громадным обозом, не решился-бы преследовать наш летучий отряд. В тот-же день наша конница атаковала арьергард шведов, но атака была отбита и Левенгаупт успел благополучно переправиться через реку Ресту, уничтожив за собою мосты.

Днем 27-го шведы занимали позицию за рекой Рестой, задерживая русских, чтобы дать время половине транспорта под прикрытием 3.000 человек продвинуться к Пропойску, и лишь к вечеру, под огнем наших пяти орудий, Левенгаупт очистил позицию и отступил к деревне Лесной.

В ночь на 28-ое Царь приказал построить два моста через Ресту и утром 28-го двинулся к Лесной, решив атаковать шведов, не ожидая Боура. Позиция шведов у Лесной представляла собой обширную поляну в лесу, ограниченную с юга и юго-востока болотистой рекой Леснянкой, на берегу которой расположена деревня Лесная. Продвижение русских на эту поляну шведы могли задержать, лишь заняв, как передовую позицию, перелесок, расположенный на пути нашего наступления, что они и сделали шестью батальонами. Главной-же позицией шведов служили высоты к северо-западу от Лесной, а тыловой — вагенбург, примыкавший к Леснянке. Вся подготовка их позиции свелась к устройству вагенбурга, не обеспечившего наиболее важный левый фланг позиции, от которого отходил путь отступления по единственному мосту через Леснянку, хотя этот недостаток несколько уменьшался мостами, построенными в самой деревне Лесной.

К полдню 28-го сентября русский отряд, построенный в две колонны, подошел к передовой позиции шведов; в нашем тылу был оставлен у деревни Долгие Мхи отряд в 1.000 драгун для связи с войсками, двигавшимися от Смоленска на усиление отряда Царя. Обе колонны были почти равны по силе, но в правую, двинутую в более скрытое направление (от левого фланга шведов, как сказано, отходил единственный путь отступления), Петр включил большую часть пехо-

ты и командовал ею сам, причем, по царскому приказу, пехота, как и часть драгун, вступала в бой в пешем строю.

При продвижении левой колонны шведы, выйдя из леса, обрушились на ее головную часть и в обхват левого фланга, т. е. не успевшего еще спешиться Ингерманландского пехотного полка, и одновременным ударом с фронта поставили левую колонну в критическое положение. Ингерманландцы стали отступать, смешавшись с атакуемым за ними Невским драгунским полком. Шведы захватили 4 орудия.

Полки нашей правой колонны находились на довольно значительном расстоянии, но Царь, следивший за ходом боя, повел на подкрепление своей левой колонны Семеновцев, шедших во главе правой колонны с батальоном Астраханцев. Преображенцам было приказано обойти левое крыло шведов. Семеновцы, стремительно развернувшись против левого фланга шведов и дав залп, бросились в штыки на противника и с Преображенцами, ударившими с тыла, опрокинули шведов и выбили их из перелеска. Тут Царь сам развернул войска в боевой порядок, согласно отданному им раньше "ордр де батайл", по которому полки построились в две линии, имея пехоту в середине, а кавалерию на флангах. Между линиями, для поддержки слабых флангов, были поставлены гренадеры. Около часу пополудни, Петр атаковал главную позицию шведов. Шведы встретили атаку артиллерийским и ружейным огнем, и завязался рукопашный бой, длившийся два часа.

"Ружья раскалялись от выстрелов и люди дрались до изнеможений", —доносил Царю командовавший отрядом Семеновец генерал князь М. М. Голицын. Успех долго колебался, но около трех часов русским войскам, благодаря дружному натиску гвардии, удалось отбросить шведов к вагенбургу, захватив 6 орудий. Такое ожесточение утомило обоих противников, и наступил перерыв боя. Противники находились друг против друга в совершенном бездействии, и "сей случай зело дивно было видеть, будто-бы неприятели между собою были кротки и близко друг от друга сидя, отдыхали" (Журнал Петра Великого, стр. 168). К пяти часам, подошел со своими драгунами Боур и пристроился к левому флангу боевого порядка. Это усиление в 4.000 человек дало возможность Петру перевести с левого фланга на правый два драгунских полка.

Бой возобновился. Русским удалось нанести шведам частное поражение, захватив стратегический ключ всей позиции, — дорогу на Пропойск, но как-раз в это время к Левенгаупту прибыло 3.000 человек, направленных им раньше с частью траспорта в Пропойску и спешно брошенные в бой. Прибывшие шведы атаковали правый фланг русских и заставили очистить дорогу на Пропойск. Но Левенгаупт уже не был в состоянии развить успех: его утомленные войска укрепились в вагенбурге, уступив победителям свой лагерь, а наступившие сумерки и снег с ветром, около 7 часов вечера, прекратили сражение. Русская армия осталась в ружье для наблюдения за противником, расположившим костры среди обоза. Русские-же не разводили огней, "а где кого та вьюга застала, тут и ночевали".

С рассветом Царь Петр хотел возобновить бой, но шведы, несмотря на близость русских, незаметно бросили вагенбург, отступили к Пропойску, удачно замаскировав свое отступление бивачными огнями. Добычей русских полков, кроме вагенбурга, стала вся шведская артиллерия. Узнав о поспешном отступлении Левенгаупта, Царь Петр послал генерала Флуга с несколькими полками драгун с казаками и калмыками вслед за шведами. Флуг, не доходя до Пропойска, настиг Левенгаупта и разбил его арьергард, вступить-же бой с главными силами не решился. Еще до посылки Флуга, был командирован с небольшим отрядом Преображенского полка капитан-лейтенант Петрово-Соловово к реке Сожу, чтобы там воспрепятствовать переправе шведов через мост. Как видно из его донесения Государю, Петрово-Соловово это выполнил вполне удачно.

Подойдя к Пропойску и убедившись в невозможности форсировать здесь переправу через Сож, прегражденную драгунами Фастмана, Левенгаупт, стремясь спасти хотя остатки своего корпуса, бросил остальную часть транспорта и, посадив пехоту на обозных лошадей, спешно двинулся вниз по Сожу, отыскивая место для переправы, и 30-го сентября перешел реку у деревни Глинки. После переправы, все время тревожимый русской конницей, Левенгаупт продолжал путь в Северскую область для соединения со своим королем, но вместо столь ожидавшихся королем подкреплений людьми, военными припасами и провиантом, Левенгаупт привел к нему лишь жалкие остатки своего корпуса.

Операция под Лесной, названная позже Царем Петром "Матерью Полтавской Победы", была окончена. Шведы потеряли около 8.500 убитыми и ранеными, 45 офицеров и 700 солдат пленными, взято 17 орудий, знамена, штандарты и 5.000 повозок. У нас сильные потери понесла царская гвардия: Преображенцы потеряли убитыми и ранеными более 500 человек. (Чичерин, "История л. гв. Преображенского полка", кн. I, стр. 277), Семеновский-же полк из 1.700 участвовавших в бою (60 офицеров и 1604 солдата) — убитыми 144 (3 офицера и 141 солдат), ранеными 690 (26 офицеров и 664 солдата) ("Из прошлого", исторические материалы л. гв. Семеновского полка, стр. 36).

На другой день после боя, раненых отправили партиями в Смоленск; большая часть их умерла в дороге или вскоре по прибытии на место. Несколько подвод с ранеными подверглись нападению преданных шведам поляков, причем все раненые были ими перебиты.

Особенно прославился в бою под Лесной генерал-

майор л. гв. Семеновского полка полковник князь Михаил Михайлович Голицын (при Екатерине I генерал-фельдмаршал), начальник всего отряда. Сам Царь, будучи свидетелем победы, признал, что Голицын сражался "аки лев", и, обнимая его, благодарил за верную службу и обещал исполнить любое его желание. Тогда проявилось редкое благородство Голицына: не испрашивая ничего для себя лично, он просил лишь простить разжалованного в солдаты генерала князя Никиту Ивановича Репнина. Такая просьба очень удивила Петра, так-как ему была известна вражда между Голицыным и Репниным. Голицын упорно настаивал на своем, доказывая, что неприязненные его отношения к Репнину не мешают ему считать Репнина весьма способным и искренне преданным Государю генералом. Желание Голицына было исполнено и Репнин был восстановлен в генеральском чине. И заслуги самого Голицына были высоко оценены Государем: он был произведен в генерал-лейтенанты, получил царский портрет, усыпанный алмазами, и 725 дворов в Юрьевском уезде Московской губернии.

Все офицеры, участники боя, были награждены золотыми медалями, солдаты — серебряными, с надписью на них: "За левенгауптскую баталию 1708" и "Достойному — достойное". Какое моральное значение имела победа под Лесной, видно из слов самого Государя, который так характеризует эту победу: "Сия у нас может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда не бывало, к тому же еще гораздо меньшим числом будучи перед неприятелем и по истине оная виною всех благополучных последствий России, понеже тут первая проба солдатская была и людей, конечно, ободрила, и мать полтавской баталии, как ободрением людей, так и временем, ибо по девятимесячном времени она младенца счастие произнесла".

Интересно также мнение о действиях Преображенцев и Семеновцев их тогдашнего противника, самого генерала графа Левенгаупта, приведенное в его автобиографии:

"Ich muss auch insoweit, ich Sie wider meinen Willen habe kennen lernen müssen, ob ich gleich ihr Feind bin, Ruhm erteilen dass sich keine Nation irgend schmeicheln kann, sich in einer schlacht besser verhalten zu haben, als diese Regimenter" (Geschichte Ruslands, Ph. Bontenius s. 60).

Наш успех под Лесной укрепил дух русской армии, вселил в нее уверенность в своих силах, лишив противника присущей ему самонадеянности. Эта победа оставила Карла XII без подкреплений, без продовольствия и боевых припасов, решающе отразившись на его операции. Знаменательно, что, как в 1708 году, когда рождалась наша прославленная армия, создавалась Российская Империя, Преображенцы и Семеновцы доблестно сражались с Ингерманландским пехотным полком, так через 209 лет, в июле печальной памяти 1917 года, неисповедимыми путями Божьими, Петровская бригада выделялась своей верностью долгу. В приказе Верховного главнокомандующего того времени говорилось: "Полки Петровской бригады среди всеобщего развала остались верными долгу и своими действиями обеспечили возможность отхода". В эти памятные дни во главе Петровской бригады стоял коренной Преображенец генерал-майор Тилло, б. командир Семеновцев, и в боях под Тарнополем оказался 9-й пехотный Староингерманландский полк (бывший Ингерманландский пехотный) плечом к плечу с потомками той "Лейб-гвардии", с которой его доблестный предок стяжал славу под Лесной. Полк этот, носивший на погонах вензеля Императора Петра Великого, только на некоторое время тогда соединился с Петровской бригадой, будучи вне своей дивизии.

Пути Господни неисповедимы.

В. Мещанинов

Источники:

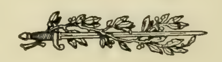
Военная Энциклопедия, издание Сытина. С. П. Б. 1914 г. Кн. 15, стр. 58-60.

Чичерин. "История л. гв. Преображенского полка". С. П. Б. 1883 г. Стр. 271, 274-277.

Карцов. "История л. гв. Семеновского полка". С. П. Б. 1854 г. Кн. I.

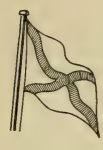
"Из прошлого". Исторические материалы л. гв. Семеновского полка. С. П. Б. 1911 г.

Geschichte Russlands. Th. Pantenius, s. 60.

Линейный корабль „Полтава"

(БИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭТЮД).

Линейный корабль "Полтава", 7-ой по счету, носившій славное имя в честь победы Императора Петра Великого над шведами, вступил в строй 1-ой бригады линейных кораблей Балтийского флота 12-го октября 1914 года. Его корпус постройки Адмиралтейского завода в С.-Петербурге (строитель — корабельный инженер Моисеев), а тюрбины и котлы — соседнего с ним Франко-Русского завода (директор — инж.-механик генерал-майор Вологдин).

10 октября 1914 г. был знаменательный день для "Полтавы". В этот день Государь Император Николай II сделал смотр кораблю и благословил его на благополучное плавание. "Полтава" стояла на Неве, на швартовах, у набережной Адмиралтейского завода. Никаких особых приготовлений к приему не было сделано, т. к. Государь хотел видеть корабль в постройке. К 11-ти часам были приостановлены работы и команда выстроена на палубе. В начале двенадцатого прибыл Государь со своим флаг-капитаном адмиралом Ниловым. Он был встречен Морским министром адм. Григоровичем, председателем комиссии по постройке судов адм. Муравьевым, предс. механической комиссии инж.-мех. генерал-майором Лопатиным и командиром корабля. Государь Император, поздоровавшись с караулом и командой, подошел к выстроенным офицерам. Командир представлял Государю всех поименно. Его Величество останавливался перед каждым из нас, жал руку и очень ласково и внимательно смотрел на представляемого. Если кого знал лично или родных, то находил сказать что либо приятное. Затем Государь осмотрел все помещения корабля, разговаривал запросто с рабочими, благодарил их за отличную работу, тут-же наградил мастера сборного цеха старика Смирнова золотой шейной медалью за усердие, разспрашивал старшину 7-ой кочегарки ст. унт.-оф. Верпаховского, кавалера 4-х степеней солдатского Георгия, о боях при взятии форта Таку и о походе на Пекин, о Порт-Артуре, затем, попробовав пищу команды, отбыл. Встреча с Государем Императором осталась у нас всех в памяти на всю жизнь.

Линейный корабль "Полтава" был счастливый корабль. Его личный состав был высокого качества. Прекрасные морские офицеры школы адм. Эссена имели честь им командовать. Командиры: последовательно капитан 1 ранга Гревениц, Владимир Евгеньевич, Георгиевский кавалер; Зарубаев, Сергей Валерьянович, Георгиевский кавалер, и Домбровский, Алексей Владимирович. Старший офицер кап. 2 ранга Щастный, Алексей Михайлович, прекрасный офицер, хотя и радиотелеграфист по специальности, по собственному желанию пробывший в этой должности всю войну, для изучения корабельной службы написавший капитальный труд "Устав внутренней службы на корабле"; после революции командовал одним из миноносцев, а затем занял пост Командующего Балтийским флотом и блестяще провел труднейшую операцию перевода всего флота из Свеаборга в Кронштадт зимою 1918 г. Обманом был вызван Троцким в Москву и предательски расстрелян в Кремле. Старший артиллерийский офицер, академик кап. 2 ранга Александров, вскоре получивший другое назначение, старший артилл. офицер, бывш. преподаватель стрельбы в Офиц. Артиллерийских классах, старший лейтенант Четверухин, 2-ой арт. офиц. лейтенант Шеин, 3-й арт. офиц. лейтенант Михайлов, старший минный офицер старший лейтенант Макаров, 2-ой минный оф. старший лейтенант Кимбар, старший штурманский офицер старший лейтенант барон Зальца, 2-ой штурм. офиц. лейтенант фон-Веймар, 3-й штурм. офицер лейтенант Коль, ревизор лейтенант Раленбек, водолазный офицер лейтенант Ерминигельд Васильев; вахтенные начальники и командиры башен: лейтенант граф Бенкендорф, лейтенант Белобров, старш. лейтен. Драшусов; мичманы: Ковалевский, граф Гейден, Карякин и др. Старший инженер-механик кап. 1-го ранга Сно, его помощник старш. лейт. Назаров, трюмный инж.-мех. старший лейтенант Сатин, помощник корабельный инженер поручик Кащик; кочегарные механики: старш. лейт. Пестов, лейт. Антон; электротехник инж.-мех. лейт. Юдин, 1-й тюрбинный инж.-мех. лейтен. Волхонский, 2-ой — мичман Четвертаков, 3-й — мичман Дуваленский; флагманский врач штаба командующего Балтийским флотом Ковалевский, старш. судовой врач Смирнов, младш. врач Николаев; судовой священник отец Дмитрий.

Команда корабля была также исключительного качества. К началу войны, корабль имел т. н. костяк: десяток офицеров и 50-60 человек команды — унтер-офицеров на должностях старшин всех специальностей. По мобилизации, на него прибыло укомплектование: ученики Артиллерийской, Минной и Машинной школ Балтийского флота с их указателями, так что по моей специальности — механической — по штату полагалось иметь 31 машинных унт.-офиц., из коих 5 — самостоятельного управления. Из прибывших мы заполнили свободные места и получили 31 машин. унт.-офиц. самостоятельного управления; то-же было и по другим специальностям. Через некоторое время часть их ушла на вновь построенные миноносцы, но к этому времени мы имели свою прекрасно тренированную молодежь.

Офицерский состав, бывший на постройке, позаботился об украшении корабля. Наш крестный отец,

Лейб-гвардии Преображенский полк, благословил корабль прекрасной иконой Преображения Господня, висевшей в кают-компании, которая состояла из столовой, гостиной с великолепным роялем фирмы Steinway и курительного салона-библиотеки. Гостиная и салон были обиты серо-голубым бархатом с бордюром из красного дерева, на стенах — старинные гравюры 6-ти предыдущих кораблей, носивших имя "Полтава", начиная от Петровского под флагом Державного Контр-Адмирала, до Порт-Артурской "Полтавы" включительно. Лампы и канделябры из темной бронзы стиля ассамблей времен Петра Великого. Благодаря знакомству со складами Морского Ведомства в Кронштадте и любезности их заведующего Д. А. Блинова, мы получили почти все имущество старых кораблей "Полтава", как-то: старинные книги для библиотеки, табакерки и призы. В салоне находился шкаф-витрина, а в нем ценные вещи корабельной славы: боевой Андреевский флаг портартурской "Полтавы", знаменный флаг японского пехотного полка, взятый в бою за Высокую гору кочегаром броненосца "Полтава", золотые и серебряные табакерки и призы парусных времен, а также серебряный футбольный кубок, пожертвованный Командующим Балтийским флотом адм. Канииным и выигранный 1-ой футбольной командой "Полтавы", под моим руководством, в 1916 году.

Очень чтимая икона Божией Матери Казанской с порт-артурской "Полтавы" находилась в церковном помещении в иконостасе вместе с образом Спаса Нерукотворенного, благословение города Полтавы. Дубовый иконостас художественной работы был поднесен кораблю также городом Полтавой; церковное облачение замечательной красоты — Полтавским дворянством и Святое Евангелие и церковные предметы Полтавским Губернским Земством. В столовой висело несколько пейзажей русских художников. От завода Дюфлон и Константиновича, устанавливавших всю электрическую часть корабля, мне удалось достать отличный проэкционный кинематографический аппарат, который принес всем много удовольствия; я устраивал сеансы: по четвергам в столовой кают-компании для офицеров, а в пятницу, субботу и воскресенье в кубриках для команды, при участии оркестра балалаечников и духового. Старший офицер кап. 2-го ранга Щастный установил небольшую типографию для печатания своего проекта нового устава внутренней службы на корабле. В ней-же печатались "меню" завтраков и обедов в кают-компании.

Вся команда корабля (около 1.200 чел.) была разделена на 2 батальона: 1-ый строевой в 4 роты по 150 человек, по числу артиллерийских башен, и 2-ой, машинный, тоже в 4 роты, 5-ая — трюмно-электрическая, 6-я — машинно-тюрбинная, 7-я и 8-я — кочегарная. Строевым батальоном командовал помощник старш. офицера, а машинным (техническим) пом. старш. инженер-механика. Командирами строевых рот были 4 командира башен, 5-ой трюмный механик, 6-ой тюрбинный механик, 7-ой и 8-ой, 1-ой и 2-ой кочегарные механики.

Я начал службу на "Полтаве" в должности тюрбинного механика и командира 6-ой роты, затем получил место трюмного инж. мех. и командира 5-ой и закончил помощн. старш. инж. механика и командира машинного батальона. Желание флагманского инж. мех. 1-ой бригады лин. кор., инж. мех. Ген. Майора М. Н. Яненко было держать возможно дольше на том-же корабле инж. мех., на практике изучивших очень сложное устройство механической части и потому необходимых там особенно во время войны.

12 октября 1914 г. были произведены окончательные испытания и корабль начал кампанию. Испытания прошли блестяще. На мерной миле была получена скорость 23½ узла, причем запас свежего пара был достаточен для скорости 24 узла, для чего необходимо было открыть перепускные клапана "байпассы" на тюрбинах, что из соображений осторожности в военное время не было разрешено комиссией, т. к. такой опыт не был сделан ни на одном корабле этого типа. Для получения предельной скорости в главные тюрбины (10 реактивных тюрбин системы Парсонса — 6 — переднего хода и 4 — заднего), были введены все 32 котла, системы Ярроу-Нормана на смешанном отоплении уголь-мазут, так что вращение и подача снарядов в башнях, рулевая машина и другие электромеханизмы действовали от дизелей-динамо, так-как тюрбо-динамо, активные системы Рато были выключены, что дало избыток пара, нужный для получения лишнего ½ узла хода. Кроме того, натренированная команда (кочегары-ученики и указатели Машинной школы, руководимые энергичным инж. мех. Антон) дали тот эффект, что при предельной скорости из труб выходил лишь легкий дым, почти совершенно не заметный на расстоянии.

После испытаний, "Полтава" вернулась в Кронштадт для ввода в сухой док Наследника Цесаревича Алексея, для очистки подводной части и ее покраски. Корабль вошел самостоятельно в среднюю гавань, а затем в док. Мне довелось видеть эту незабываемую картину.

Я был свободен от вахты и находился на среднем мостике. Все распоряжения давал лично командир корабля кап. I-го ранга барон Гревениц. Было около 4-х час. дня. Прошли входные баканы. Сигнал "все наверх, на якорь становиться". Слева — стенка и ворота Купеческой гавани. На вышке Морского телеграфа сигнал "док готов к приему корабля". Подходят два громадных портовых буксира. На одном из них заведующий плавучими средствами порта подполковник по адмиралтейству Н., соплаватель барона еще по японской войне. Передает по рупору: "Владимир Евгеньевич, подавай концы!" Командир отрицательно машет рукой. Опять голос: "Давай концы!" Ответ: "Убирайся, сам входить буду". Это было необыкновенно. Ворота в среднюю гавань шире корабля метров на 25-30. Стенка гавани параллельна течению Невы, которое еще чувствуется в Кронштадте и. к т-му-же, идет мел-

кий лед. После третьего окрика, катер заведующего едва успел отойти от носовой части корабля

Подходя к воротам, Гревениц начал свой замечательный маневр. "Стоп машины"... Корабль, по инорции, шел вперед. "Малый назад... Стоп... Правый вал и 2 средних вперед, левый назад... Полный назад. . Малый..." – и т. д. Корабль очень послушно выполнял этот необычайный маневр. 200 метров длины "Полтава" плавно поворачивала влево и медленно входила в ворота гавани. На стенке стоял командир порта адмирал Бутаков и аплодировал нашему командиру. На лице барона была видна большая радость. Еще-бы адмирал Бутаков, один из последних капитанов парусного флота, считался большим авторитетом по управлению кораблем. Его похвала была большой наградой. Войдя в гавань, "Полтава" склонилась немного вправо и тихо вошла в док.

В доке корабль остановился на одни сутки. В рекордное время, все работы были закончены и мы покинули гостеприимный Кронштадт и направились в Гельсингфорс. Самый полный ход, как на испытаниях, т. к. командир сказал, что по приходе нас ожидает сюрприз. При подходе к Свеаборгу, первые ворота противолодочных сетей на стратегическом фарватере были разведены во-время, но на вторых произошла заминка. Дежурный портовый катер едва успел отскочить, как-мы разорвали боковое заграждение. Находясь, на юте, я видел, как огромные бревна, вертикально висевшие на перлинях вылетали как щепки из под наших винтов. По постановке на бочки, командир приказал мне, исполнявшему в это время обязанности водолазного офицера осмотреть винты. Осмотр нашел лопасти винтов не поврежденными, но на крайнем правом винте был намотан стальной трос заграждения. Спущенные вслед, молодцы водолазы, после часовой работы, пневматическими зубилами разрубили перлинь и освободили винт.

Тем временем, корабль спешно грузил уголь, т. к, сюрприз состоял в том, что ночью мы должны были итти в т. н. "авантюру", т. е. в поход под Кенигсберг, прикрывать постановку мин нашими заградителями "Амур" и "Енисей". В последний момент, не знаю по каким соображениям, поход был отменен, но зато, на следующий день, мы имели удовольствие видеть у себя нашего любимого адмирала Н. О. Эссена, который сделал нам смотр.

При обходе корабля, адмирал был встречен нашим милым отцом Дмитрием, в облачении с крестом и кропилом, у раскрытых царских врат судовой церкви. Николай Оттович, приложившись ко кресту и будучи окроплен святой водой, сказал вполголоса священнику, чтобы не смущать его: "Батюшка мне не полагается такой чести, это надлежит делать только при встрече Государя Императора". Откуда-же было это знать нашему бате? За месяц до того, он был еще скромным сельским священником в Новгородской епархии и, по назначении на корабль, представляясь командиру, после его приветственного слова сказал: "Покорнейше благодарю, Ваше Высокоблагородие", на что смущенный барон, взяв его за руку, ответил: "По морскому Уставу, Вы, отец Дмитрий считаетесь как особа штаб-офицерского ранга: катер с Вами пристает к правому трапу, так что..." и, не договорив, сделал мне знак рукой, поручая нашего нового штаб-офицера на предмет введения его в Морской обиход. В дальнейшей своей службе на корабле, о. Дмитрий приобрел любовь и уважение офицеров и особенно команды и много способствовал той бодрости духа, которая отличала экипаж "Полтавы" до конца дней корабля. Адмирал Эссен произвел артиллерийское учение, которым остался очень доволен. Еще-бы, наш старш. арт. офицер, академик Н. Н. Александров, был техник и организатор замечательный.

. . . .

После смотра Командующего флотом, для "Полтавы" началась обычная служба большого корабля в военное время; походы эскадренные, и одиночные, стоянки в портах в боевой готовности, артиллерийские стрельбы и краткий отдых в Свеаборгском порту. Тут необходимо сказать несколько слов об артиллерии корабля.

Главное вооружение состояло из двенадцати 12-дюймовых в 52 калибра, находившиеся в 4-х башнях по оси корабля и 16-ти 120 м. м. орудий, расположенных в казематах на батарейной палубе. I-ая бригада лин. кораблей имела первоклассный состав артиллерийских офицеров, окончивших офицерские артилл. классы, а некоторые и академию. Эти молодые офицеры были блестяще образованные люди, решительные и хладнокровные, с большой практикой т. к. на Учебно-Артиллерийском отряде была отлично поставлена как теория, так и практическая стрельба.

День практической стрельбы — это праздник на корабле. Подводится итог нескольких месяцев упорного труда по тренировке команды и офицеров. С утра начинались приготовления. Милый Женя Кащик, наш корабельный офицер-инженер воспользовался этим обстоятельством для установки в разных местах приборов для измерения деформации корпуса корабля, его интересуют, главным образом, стрелки прогиба палуб. Меня лично интересует, сколько побьется всякого рода посуды от сотрясения при стрельбе, т. к. я заведую хозяйством кают-компании; если не принять всех мер предосторожности, то по окончании ее фарфор и стекло превратятся в черепки, т. к. шутить с залпом 12-дюйм. орудий опасно, это мне известно из практики. Электрики тоже будут подсчитывать убытки, т. к. некоторое количество лампочек полопается. Но вот все нужные приготовления закончены, сигнал "все наверх с якоря сниматься" — и мы выходим на главную боевую позицию для маневрирования.

И. А. Волхонский.

(Окончание следует)

1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 году

(Продолжение)

Что же делал 13-й корпус 15-го и 16-го августа? На этот вопрос я могу ответить вполне определенно.

Догоняя свой полк по шоссе Алленштейн-Гогенштейн, я обгонял различные части корпуса, однако, я увидел, что мне это не удастся: полки шли бодро, скорым шагом, казалось, что прежняя усталость исчезла. Тогда заметив конного ординарца нашего полка, я попросил его одолжить мне свою лошадь и на ней скоро нагнал полк. Он остановился на привале у Стабиготтена и я явился полковнику Первушину. Скоро полк, шедший во главе колонны, подошел к Грислинену, который никем не был занят. Командир корпуса приказал Невскому полку развернуться по обе стороны шоссе южнее Грислинена, лицом к Гогенштейну, который виднелся километрах в пяти на юг. Справа был виден довольно густой лес, на карте он значился, как "Каммервальд". Командир полка приказал командиру 2-го батальона подполковнику Мезину развернуть батальон левей шоссе, а сам с 11-ью ротами (13-я рота капитана Тейшера была оставлена при обозе в Алленштейне и там погибла) направился в лес правее шоссе. Вызвав меня и одного офицера от 4-го батальона, он приказал нам выдвинуться с разведчиками для наблюдения флангов боевого порядка, меня налево от шоссе, а другого офицера — направо через лес.

Я теперь не помню точно, в котором часу авангард развернулся в боевой порядок, но думаю, что это было до полудня, т. е. несколько раньше, чем предполагал генерал Клюев. От Алленштейна до Грислинена всего 25 километров, корпус выступил на рассвете, т. е. не позже 6 часов утра, шли быстро, делая, как мне казалось не менее 5 километров в час, следовательно, мы должны были достигнуть Грислинена около 11 часов. Противника не было видно, стрельбы не было. Невский полк втянулся в Каммервальд, где, встретив противника, развернулся. Второй батальон развернулся на высотах южнее Грислинена. Следом за нашим полком шел 2-й Софийский полк, которому был подчинен и наш 2-й батальон.

Исполняя приказание командира полка, я прошел через деревню, стоявшую на открытой местности, затем спустился в заболоченную лощину, носившую на карте название "Пассарге Квелле", или "Истоки Пассарги" и выдвинулся на другой берег лощины по направлению к деревне Меркен, позади которой на юго-запад виден был город Гогенштейн. Местность была совершенно открытая, слегка волнистая. Противника не было видно пока мы не подходили к Меркену с восточной стороны. Оттуда я заметил группу всадников, выехавших на высоту к югу от Меркена. Вслед затем мне было видно, что значительные силы передвигаются по направлению к Гогенштейну с востока. Так-как мы нигде не видели частей 15-го корпуса, то было очевидно, что он отступил, но вследствие подхода 13-го корпуса немцы остановили начавшееся преследование и повернулись обратно к Гогенштейну, фронтом на север. В книге начальника 3-й резервной дивизии генерала Курта фон Морген (Meiner Truppen Heldenkampfe, стр. 12), он сообщает, что, выехав на одну из высот к юго-востоку от Гогенштейна, он увидел следующую картину:

"Правее 3-й рез. дивизии следовала уступом назад дивизия Унгер, левее 37-я дивизия. К северу от последней, можно было видеть войска ландверной дивизии Гольца, находящейся в бою. С Грислиненских высот спускались на Гогенштейн густые неприятельские цепи, которые, как мы потом узнали, были частями русского 13-го корпуса. С ними вступил в бой мой левый фланг, 6-я резервная бригада, в то время, как 5-й рез. бригаде было послано приказание преследовать части 15-го корпуса, отходящего в направлении Шведриха".

Я немедленно отправил командиру полка донесение о виденном, а сам еще некоторое время оставался на моем наблюдательном пункте и после того, как немецкая артиллерия открыла редкий огонь по нашим частям, развернувшимся южней Грислинена, я затем вернулся ко 2-му батальону, который занял небольшую рощу около Пассарге Квелле. Идти разыскивать свой батальон не имело смысла, так-как я не знал, где он собственно находится, не знал тогда, что он ведет бой и мог легко заплутаться в лесу и наткнуться вместо своих на немцев. К тому же мы все были убеждены, что перейдем скоро в наступление. Софийский полк уже развернулся в боевой порядок, равно, как и 1-я артиллерийская бригада. Начала подходить и 36-я дивизия со своей артиллерией. Артиллерийский бой начала около 1 ч. 20 м. дня артиллерия генерала Моргена, а не когда спускались сумерки, как писал генерал Мартос. Это я помню твердо и подтверждение я нашел в немецком отчете (стр. 190). Наша артиллерия 1-й бригады отвечала и бой длился довольно долго и повидимому довольно безрезультатно. Немцы стреляли довольно вяло и их снаряды не приносили нам потерь, так-как мы были укрыты в лощине Пассарге Квелле и немецкие снаряды падали перед ложбиной или перелетали на ее северный склон. Только когда подошла 36-я арт. бригада (батарея подполковника Волохина, если не ошибаюсь), наш артиллерийский огонь изменился — очереди участились и немцы скоро прекратили огонь.

До сумерок еще оставалось часа два и это был момент перейти нам в общее наступление через Меркен на Гогенштейн, но это не было сделано. Генерал Клюев не сделал ни одной попытки наступления на фронте левее шоссе и не поддержал тех неполных трех батальонов Невского полка, которые весь день дрались в Каммервальде с усиливающейся подходящими частями дивизии ф. дер Гольца. Поэтому меня глубоко

возмутило описание боя у Гогенштейна капитана генерального штаба Фукса в "Военном Сборнике", легшее в основание всех прочих описаний действий 13-го корпуса. Вот оно:

"Авангард 13-го корпуса, подходивший в это время к Грислинену, вошел в соприкосновение с противником и завязался бой. Ответа от к-ра 15-го корпуса ждать было нельзя. Обстановка данного момента требовала оказания содействия 15-му корпусу, дабы не подвергнуть его удару во фланг. К-р 13-го корпуса вынужден был дать приказ корпусу развернуться для боя. Бой загорелся и принял ожесточенный характер, ибо с ландверным корпусом прибыла сильная артиллерия из Торна. Войска наши здесь впервые познакомились с немецкими "чемоданами". Описав в дальнейшем славный бой 144 пех. Дорогобужского полка, шедшего в арьергарде корпуса, с настигавшей его 1-й рез. дивизией 1-го рез. корпуса генерала Белова, капитан Фукс переходит к описанию дальнейшего боя у Гогенштейна:

"Части 13-го корпуса у Грислинена продвинулись вперед, овладели лесом у Гогенштейна, но Гогенштейна до вечера взять не смогли, а лишь протянули свой левый фланг южнее Гогенштейна, стремясь войти в связь с 15-м корпусом. Случилось то чего опасался генерал Клюев. 13-й корпус, выражаясь грубо, сидел в мешке: с северо-запада, севера и северо-востока был противник, с юга озера. Выходы из этого мешка шли: восточный мимо противника со стороны Алленштейна, западный — мимо противника у Гогенштейна. В таком положении застала корпус темнота. Командир корпуса решил дать войскам отдых, втечение ночи подтянуть части и в особенности тылы (парки, санитарные обозы) к западному выходу, с расветом повести энергичную атаку, дабы продвинуться к западу, войти в связь с 15-м корпусом и обеспечить себя базирование через проход западный, южнее Меркена. Для всестороннего освещения обстановки в штаб армии поехал начальник штаба корпуса.

16-е августа. Около 12 часов ночи было получено с разъездом приказание из штаба армии (приведенное выше) об отходе 13-го корпуса в район Куркена ("Военный Сборник", стр. 138-140).

Если-бы это описание было сделано старой дамой по воспоминаниям молодости, оно было-бы очень мило, но для офицера генерального штаба оно непростительно. Прежде всего капитан Фукс не дает часов — "тем временем", "одновременно" и т. д. выражения, которые заменяют точное указание, когда корпус развернулся, когда его отдельные части начали бой, когда артиллерия открыла огонь и т. д. Между тем в описании боя, особенно такого, как при Гогенштейне, когда обстановка менялась с часу на час и где весь исход боя зависел от решительности начальствующих лиц, точное указание времени имеет чрезвычайно важное значение. Сведения о противнике просто фантастичны: никакого ландверного корпуса ф. дер Гольца не было, а была ландверная дивизия, дравшаяся очень храбро фронтом на юг с позиций у Грислинена, а затем, когда подходил авангард 13-го корпуса, спешно отошедшая в Каммервальд, настолько спешно, что не успела подобрать всех раненых в роще на высотах южней Грислинена. Никакой тяжелой артиллерии не Торна у генерала Гольца не было, равно как ее не было у генерала ф. Моргена, открывшего по нашему корпусу у Грислинена артиллерийский огонь. Кроме полевой артиллерии у последнего были гаубичные батареи, снаряды которых и были "чемоданами" капитана Фукса. Ни словом он не обмолвился о Невском полке, который, помимо Дорогобужского полка, вел не менее славный бой 15 августа из всего 13-го корпуса, если не считать артиллерии. "Части 13-го корпуса... овладели лесом у Гогенштейна, но Гогенштейна до вечера взять не смогли". Не смогли потому, что не были поддержаны и имели против себя к концу боя целую дивизию Гольца с четырьмя батареями, тогда как у полковника Первушина была лишь пулеметная рота! Из описания капитана Фукса получается впечатление, что весь 13-й корпус втечение всего дня вел, наступая на Гогенштейн, ожесточенный бой с немцами, чего в действительности не было.

Генерал Клюев в своей записке, которую проф. Вацетис цитирует более подробно, чем генерал Головин, который ее очевидно не имел в подлиннике, дал более верную картину боя:

"Между 12 и 1 ч. дня голова авангарда подошла к месту боя. Авангард развернулся по обеим сторонам шоссе. I-й пех. Невский полк повел атаку на лес западнее Гогенштейна, занятый сильно противником, только к 10 часам вечера удалось отбросить его окончательно. Невский полк потерял до 600 человек. 2-й Софийский полк наступал на Гогенштейн по обнаженному скату под сильным артиллерийским огнем. Левее наступала на Меркен для связи с 15-м корпусом бригада 36-й дивизии. 143-й Каширский полк был оставлен в резерве. Бригада 36-й дивизии успела развернуться только к 6 ч. вечера (Вацетис, стр. 189).

Хотя командир корпуса не упомянул, что в авангарде шел Невский полк, который развернулся по обе стороны шоссе и этим ослабил себя для атаки леса, он правильно указал о тяжелом его бое с сильным противником. Зато его указание о наступлении Софийского полка на Гогенштейн едла-ли правильно. Идя следом за Невским полком, командир Софийского развернул свой полк южней Грислинена на высотах к северу от лощины между 1 ч. 30 м. и 2 ч. дня, т. е., когда немцы только-что начали артиллерийский обстрел наших цепей. Как я писал выше, этот обстрел был довольно вялый и нам потерь не причинил, после чего до самой ночи Софийский полк и шедшие за ним полки 36-й дивизии не наступали, а стояли в бездействии в лощине Пассарге Квелле. Мне кажется, что оба описания были составлены штабом 13-го корпуса в самооправдание и объяснение своей нерешительности. Несмотря на категорические приказания от командующего Армией и от командира 15-го корпуса спешить на помощь последнему, генерал Клюев все медлил. Вместо того, чтобы, накормив войска в Алленштейне

и дав им отдохнуть несколько часов, идти ночным маршем на Гогенштейн, он медлил выступлением до рассвета. Когда около Грислинена к нему выехал для связи с 15-м корпусом капитан Джиджихия, он стал его распрашивать, выдержит-ли 15-й корпус бой в течение дня, на что тот ответить не мог, но настаивал на скорейшем вводе корпуса в дело. Ясно была необходимость наступать по-настоящему, как это сделал фон дер-Гольц, который, сделав спешный переход от Кисселена с семью батальонами и двумя батареями, не стал дожидаться приказаний, а сразу вступил в бой, сначала на фронте у Грислинена, а потом у южной окраины Каммервальда, откуда он пытался взять Гогенштейн, где повидимому засели Нарвский и Копорский полки, но был ими отбит с значительными потерями. Позже дивизия Гольца, которая все время усиливалась подходящими частями, должна была опять повернуться к северу или северо-востоку, чтобы встретить Невский полк.

Немецкая история войны пишет, что потери дивизии Гольца увеличивались, был убит командир 75-го Бременского ландверного полка.

"Положение дивизии стало критическим, но вскоре после 1 ч. 20 м. дня артиллерия 6-й резервной бригады открыла огонь по русским у Меркена. Попав под фланговый огонь, наша бригада отказалась от сопротивления и отступила, оставив 5 орудий штурмующему ландвору".

Так пишет оффициальная история (стр. 190), но так-как паническое отступление нашей 2-й бригады произошло очевидно раньше, так-как к 3 час. она была уже у Надрау, где ее приводил в порядок генерал Самсонов, то ясно, что дивизия Гольца скоро после 12 часов дня вела бой с тремя батальонами Невского полка. Отчет об этом бое в немецкой истории довольно спутан, очевидно историк не хочет сознаться, что немцы и здесь были разбиты.

"К этому времени (в обед) две ландверные батареи, после 3/4-часового галопа от Кисселена, появились у южной опушки Каммервальда. Обе легкие батареи дивизии и три подходящие батальона остановили противника и прикрыли дальнейшее наступление с тыла на Гогенштейн-Меркен".

Из этого ясно, что речь идет о Невском полку, так-как других частей в тылу Гольца не было. Дальше идет следующее:

"Русский 13-й корпус... выдвинул, выгибая на север, непрерывно усиливаемые части (?) в Каммервальд, тогда как туда с немецкой стороны прибавили лишь незначительные силы. Таким образом там разгорелся в после-обеденное время переменный лесной бой, который окончательно повернулся в пользу Русских тем, что командовавший здесь командир полка по невыясненным до сих пор причинам, попытался отвести свои войска из леса, чтобы их привести в порядок для нового сопротивления западнее лощины Амлинг" (стр. 197).

Описывая положение к ночи на 16-е (29-е) августа у Гогенштейна, отчет пишет: "37-я дивизия ночевала в Гогенштейне и на высотах к западу от города. У ее северного крыла собирались части ландверной дивизии, другие отскочили к северу" (стр. 198).

Оффициальная история не хочет признать, что три батальона, не получая подкрепления втечение всего дня, действуя без артиллерии и часто в рукопашном бою, выбили из леса целую дивизию, или во всяком случае большую часть ее и к вечеру заняли южную опушку его в непосредственной близости от Гогенштейна. Полковник Первушин, собравший весь свой полк в Каммервальде и заночевавший там, не мог наступать на Гогенштейн, где уже находились 6-я рез. бригада Краузе и 37-я пех. дивизия Штаабса.

Когда капитан Фукс пишет о выходах из "мешка", в который попал 13-й корпус, он забыл про самый ясный, который указывался генералом Самсоновым, который подсказывался генералу Клюеву его собственным пониманием положения, но на который он не пошел по своей нерешительности и отсутствии инициативы — это был выход в южном направлении, на Нейденбург! Если-бы командир 13-го корпуса своевременно поддержал Невский полк в Каммервальде, Гогенштейн был-бы взят и дорога на Нейденбург открыта, выход 13-го корпуса к Гогенштейну прикрыл-бы отступление к востоку 15-го корпуса и это спасло-бы наших два с половиною корпуса от плена и может-быть превратило-бы наше поражение в победу.

Конечно, при плохой разведке генерал Клюев не знал положение противника. Теперь по немецкой истории войны мы знаем, что весь день 15-го (28-го) августа в штабе 8-й Армии настроение было очень нервное, чтобы не сказать больше. В обеденный час общая картина там представлялась следующим образом:

41-я дивизия разбита и бежала до Вронова. Дивизия Унгера не смогла продвинуться вперед у Мюлена; с 37-й дивизией связь была прервана и о ней не было ничего известно — она бродила где-то в лесах к западу от Гогенштейна, но, потрепанная в предыдущих боях и утомленная большими переходами, была мало способна к бою. Резервная дивизия Моргана и ландверная дивизия Гольца давали о себе благоприятные сведения (Weltkrieg, стр. 193). Всего этого генерал не знал, но он должен был чувствовать, что против него противник сопротивляется слабо и должен бы развить свой успех сразу-же по развертывании у Грислинена. Он должен был видеть, что его артиллерия не сильна, раз ее заставила замолчать артиллерия 36-й дивизии.

Г. Беннигсен.

(Продолжение следует)

Три времени года в четырех стенах

(Продолжение)

5. Зима... Зима...

Жизнь разнообразится прогулками в наш сад, где чудная ледяная горка, изредка: на городской каток, где мы встречаемся на небольшой промежуток времени с миром "вольных людей": гимназистов, реалистов, семинаристов; редкими вечерами в женской гимназии, на которые разрешают ходить только 6-му и 7-му классу и выходами в "свет", т. е. в семейные дома, где есть девушки подростки и где устраиваются маленькие, семейные вечеринки.

Полтавское дворянство было богато, гордо, немного чванливо и слегка "фрондировало". Оно пыталось даже несколько свысока смотрет на петербургскую знать:

— "У нас де, роды все старинные, "у нас" — нет выскочек из "брадобреев", "чистильчиков сапог" дьячков!".

Разумовские забывались или превозносились, вопреки всему, до небес: "Помилуйте! Культурнейшие люди, по их заказам сам Бетховен писал симфонии, сколько добра сделали они для России, для ее просвещения, культуры!"

Вот они, наши хохлы, да еще и простые!

Один из полтавских богачей, в именьи которого Глебка. будучи студентом, давал уроки его сыну, говорил раздраженно своей дочери: — "И охота тебе якшаться с этими солодатскими дивчатами?" — "Солдатские" дивчата были дочерьми командира гусарского полка и носили старые титулы "княжен".

Все они любили копаться в своих родословных, игнорировали все прошлые смешения с поляками и литовцами (от которых осталось еще много следов и теперь: паны, панночки, гайдуки и пр.), возводили свои роды к временам Мономаха. Анну Ярославну — французскую королеву — явно считали хохлушкой, носились "как с писаной торбой" с тем, что в 18 веке на Украйне не было ни одного неграмотного, что Тарас Бульба читал Горация.

Все это было, однако, наносной шелухой: большинство было добрейшими, хлебосольнейшими, добродушнейшими людьми, направления самого правого. Охотно шли в вице-губернаторы, гордились службой сыновей в кавалергардах, а, когда приезжал в Полтаву Государь, принимали его с таким размахом и великолепием, что затмевали дворян всех губерний.

Роясь в письменном столе моего отца, я нашел письмо уездного предводителя дворянства. Как он негодовал, что Глебушка не идет па военную службу!

Как так! —

Мальчик старинной фамилии, дворянский стипендиант и вдруг...

Он даже отказал в стипендии одному из следующих моих братьев, Мише, боясь, вероятно, что дворянские деньги пойдут на вычечку филолога или юриста.

6. Ксаночка Пилипенко.

У местного "знаменитого" адвоката Пилипенко очень хорошенькая дочь — Ксаночка. Когда мы гуляем парами вокруг круглого сада, она изредко проносится на "собственном" выезде мимо нас. На ней белая, меховая шапочка и в руках такая-же муфта. Знакомые кадеты ей козыряют, она очень сдержанно и изящно наклоняет в ответ головку.

У Пилипенок тоже бывают вечеринки, но приглашаются на них только кадеты 7-го класса и то, повидимому, по какому-то специальному выбору, нам непонятному. Вечеринки скучные, чопорные. За всем следит тонная, глядящая в лорнет мамаша. Во всем ее поведении чувствуется (о, как мальчишки это быстро улавливают!) все ее миросозерцание: — "Конечно Ксаночка должна выйти замуж за какого-то сказочного принца. Пока ей 16 лет, пусть ее развлекают эти кадеты. Но какая-же у них будущность? захудалые армейские офицеры!... 60 рублей жалованья!... Жизнь в какой-нибудь польской деревушке! Бр..."

Ксаночка в гимназии не учится, к ней на дом ходят учителя, она часто ездит в Петербург, летом — за-границу, на наши балы и вечеринки не ходит. Кадеты все это чувствуют и на вечеринки к Пилипенкам ходят не очень охотно. Полтавские гимназистки (наши всегдашние барышни), разгуливавшие летом в монистах и с венками на головах, Ксаночку презирают.

Жалко! Она очень мила, ласкова, приветлива и в сущности ни в чем не виновата!

Для кадет, с их воистину, демократическими правами, когда между всеми носящими одни и те же погоны не было "ни эллина, ни иудея", а были одни кадеты, всякий снобизм был чужд.

Было у нас в корпусе несколько титулованных мальчиков, но титулы не применялись и не были в ходу. Я два года просидел на одной парте с кадетом Амилахвари и только теперь, вспоминая былое, думаю, что он был грузин и вероятно князь. Чуть-чуть снобировала (принося это вероятно из семей) украинская аристократия (двойная фамилия была признаком аристократизма), но это не имело никакой серьезной подкладки.

7. Вечеринки у Акинфьевых.

Зато, на вечеринки к Акинфьевым (первая красавица Полтавы), несмотря даже на то, что две сестры Анечки были совсем некрасивы, не было отбоя от желающих. И, когда кадет Акинфьев, брат мужа Анечки,

приносил узенькие конверты синего цвета, с приглашением прийти потанцевать в субботу — все были искренно рады. У Акинфьевых все было симпатично: и старушка мат. близорукая и смешливая, и красавица Анечка со снисходительным видом появлявшаяся в гостиной, с тем, чтобы потом, заразившись общим весельем, самой пуститься в танцы, и вкусные ужины, за которыми нам давали даже немного водки и целый рой гимназисток и танцы с ними под граммофон, или под старинные звуки польки или Ланнеровского вальса, исполняемых, не очень рисмично, старушкой мамой. Некрасивый муж Анечки, редко бывал на этих вечеринках, но когда появлялся — большой, стройный рыжий в веснушках — то вносил такое оживление, что было любо-дорого.

Особенно, когда подхватив 14-летнюю девочку, он "откалывал" с ней такую акробатическую польку, что становилось страшно за целость ветхого домика.

Анечка смотрела, в этих случаях, на него восторженно-влюбленными глазами, явно опровергая, ходившие в корпусе слухи о том, что она вышла замуж против своей воли и очень несчастлива в семейной жизни.

8. Опера «Аида». Воспитатель поручик фон-Коссарт.

Составилась группа кадет, главным образом музыкантов, и мы все идем в оперу. Будем слушать в первый раз "Аиду". До спектакля еще 6 дней, но билеты уже взяты. С нами идет наш новый воспитатель поручик фон-Коссарт. Этот молодой и скромный офицер — прекрасный музыкант. Он — не пианист, в строгом значении этого слова, но отрывки из опер играет просто замечательно: с хорошим точным ритмом и с полными сочными аккордами.

Но он не только хороший пианист, он прекрасно объясняет музыку, умеет подчеркнуть красивые места, повторяет их не раз и не два, а много раз, пока мы не разберем в чем дело.

Мы не знаем сюжета "Аиды" и Коссарт рассказывает нам, что Верди написал эту оперу в год открытия Суэцкого канала, что опера принадлежит к типу "гранд опера", что написана она в типично итальянском духе и изображает, конечно, фантастический Египет, никогда не существовавший, но что "другого Египта не хочется и знать", добавляет он: "Также, как, прочитав русские народные сказки (и Пушкина тоже) — не хочется видеть старую Рус иной, чем она в сказках.

Мы узнаем, что Аида — эфиопка. Это смешно! На нашем школьном языке слово: эфиоп — дурак, болван, идиот. Это-то не подходит к героине оперы.

— А вот вы увидите — подходит или нет? — говорит Коссарт и играет нам: молитву Амнерис в храме, приводящий нас в восторг марш (особенно его неожиданная модуляция в другую тональность), первую арию Радамеса и финальный дуэт.

Рассказывает что в Мариинском театре, в походе Радамеса участвует, помимо постоянного оркестра в 100 человек (и какого: 1-я скрипка — Ауэр, Вольф-Израэль, виолончель — Вержбилович) еще и полный оркестр Финляндского полка. Марш играют на настоящих финских трубах с одним клапаном.

— Здесь, конечно, вы этого не увидите! Трубы из картона, за них играет пистон в оркестре, оркестр всего 16 человек, много красот пропадает, но прелесть музыки остается. Он особенно восхищается квартетом 1-го действия: какая изумительная свобода голосоведения! Какая независимость и вместе с тем и слитность!

Чуть-ли не каждый вечер мы затаскиваем его в полутемный зал к роялю и без конца звучит Вердиевская музыка.

В те годы итальянская музыка с ее *бель канто* парила в Русской провинции. Русских опер почти не ставили (кроме "Ев. Онегина", "Пиковой Дамы", реже "Жизни за Царя" и "Демона"). Почти неизвестны были оперы Мусоргского и Римского-Корсакова. Их только-только начинали ставить в столицах.

Коссарт часто играл нам "Песню индийского гостя". Она нам совсем не нравилась! Кюи назвал арию Ленского "диатоническим нытьем". Индийский гость казался нам "хроматическим нытьем", вдобавок, кончающимся на каких-то непривычно низких нотах. То-ли дело эффектные фиоритуры итальянских опер!

— "Вот подождите! — говорил Коссарт — Попадете в столицы! Послушаете в хорошем театре русские оперы, вы тогда поймете, что русская музыка — это музыка. И какая!"

Мы ее и узнали впоследствии, но пока столицы были далеко и мы полны были "Аидой".

Наступил и день спектакля: пуговицы на мундирах с утра начищены до блеска, соперничая с блеском сапог, и вот по скрипучему снежку, по запорошенным тротуарам, мы добираемся до "Народного дома имени Н. В. Гоголя".

Впечатления от "Аиды" были потрясающими: не все артисты были первоклассными, но Аида (Карпова), Радамес (Гукасов) и особенно молодой баритон Залевский (Амонасро) — показались нам богами сошедшими с Олимпа.

Втечение долгой моей жизни, я видел "Аиду" до 30 раз: в Москве, Петербурге, Киеве, Бордо, Париже, Мадриде, Амстердаме..., но этот первый спектакль, в маленькой Полтаве, с крохотным оркестром и таким-же хориком, остался у меня в памяти на всю жизнь.

— Ну, что хорошо? — спросил нас Коссарт по возвращении домой.

— О!... — только могли мы ответить.

9. Последние зимние дни.

А зима все тянется и тянется, и не видно ей конца. Скоро и масляница, снег на улицах стал кофейного цвета, сбился буграми, через которые извозчичьи сани ныряют как утлая лодка по бурному морю, уже в церкви поем трогательные песнопения: "На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом", идут уже разговоры о том, кто на неделе говения будет петь трио

"Да исправится" — а зима все не хочет уходить. Наоборот: заворачивают такие свирепые февральские морозы, что на пожарной каланче, с утра вывешивают три шара. (Это значит, что школяры могут не идти в школы. И везет-же этим гимназистам!).

Иван Николаевич Ризенко озабочен. В этом году, в первый раз в театре состоится концерт хоров всех учебных заведений Полтавы: 2 женских гимназии, епархиальное училище, мужская гимназия, семинария, корпус и пр.. Аристократический Институт, почему-то от участия уклонился.

Концерт — по образцу инвалидных концертов в столицах. Дирижировать будет директор музыкального училища композитор Лисовский. Соединенные хоры исполнят всю фугу I-го акта из оп. "Жизнь за Царя", которая даже в Императорских театрах сокращается почти на две трети. Ноты нам уже прислали и к первой репетиции после Пасхи — мы должны быть готовы.

Музыка нам не очень нравится: нас заставляют скандировать какие-то речитативы:

"Мы все за него пойдем, как один..."

И только в апреле, на первой репетиции с оркестром, когда все 50 человек, еще спотыкаясь, запели этот хор — мы почувствовали весь гений Глинки и, пожалуй, это для нас было первым толчком к тому, чтобы заинтересоваться русской музыкой.

Странное обстоятельство!

В Полтаве было 2 музыкальных училища: "Императорское и "Школа имени Лисенко". Первая школа была правительственная, вторая — частная. Директором первой был Ахшарумов, прекрасный симфонический дирижер и организатор концертов на Юге России. Директором 2-ой школы — был Лисовский, хороший музыкант и неплохой композитор. Но всегда, когда бывали большие выступления, на первый план выплывала школа Лисовского, а Императорское училище (которому казалось-бы сам Бог велел этим заниматься, как например, в данном случае) — неизменно оставалось в тени.

В чем было дело? Непонятно!

10. Как приятно быть больным.

Большой радостью для кадет, как это не покажется странным, была болезнь. Не какая-нибудь страшная скарлатина, дифтерит или что-либо подобное, но так что-нибудь вроде лихорадки, инфлюенции (тогда не было еще в ходу слова грипп) — так дней на 8, 10.

Какое блаженство, попав в лазарет, скинуть бушлат, брюки и сапоги и, получив взамен их халат и пантуфли, залезть в кровать в маленькой, уютной "палатке", где уже лежатся два шестиклассника и два малыша из 4-ой роты.

И это все население лазарета!

Начальство, кроме классного фельдшера, никакого! Утром — обход врачей: сначала младшего, потом старшего и целый день делай, что хочешь. Читай "Задушевное Слово", Майн-Рида, Жюль-Верна, а, хочешь, спи хоть целый день, вставай только во-время к обеду, чаю и ужину.

И самое главное: никаких воспитателей, сигналов, уроков.

Придется потом, конечно, все наверстать, но это потом, потом, а пока: нирвана... блаженство!

По вечерам тихие "задушевные" беседы, при участии фельдшера, маленькие зеленые лампочки на столиках — тишина, покой. Чай со вкусными, не такими, как в ротах, булочками и искреннее огорчение, когда термометр показывает 36,2.

Расплата за "миг блаженства" наступаетп сразу-же по возвращении в роту: по алгебре и геометрии ушли вперед, нужно сдать сочинения по-русскому языку и по истории. Другими словами нужно догнать класс.

Эх! эх!...

ГЛАВА 3.

ВЕСНА

1. Картинки

Маленькая жизнь, маленького городка течет своим чередом, невидимая для нас, сидящих в 4-х стенах. Но кой-какие события, докатываются и до нас, через воспитателей и отпускных кадет. Мы узнаем, что в Полтаве открылась новая гимназия "дворянская" и сразу семь классов. "Дворяне" носят черные шинели и фуражки с красными околышами. Кажется — и козыряют по-военному. Доходят слухи, что они собираются перещеголять кадет, "утереть им нос". В свою очередь взволновался и наш 7-ой класс и решил будто-бы, "поставить дворян на точку". Что это значит и как будет происходить — неизвестно.

Первая встреча с "дворянами" произошла на вечеринке у Акинфьевых. Результат оказался самый неожиданный! Дворяне были такими милыми ребятами, что сразу отпало всякое желание "ставить их на точку", а, наоборот, в этот день завязалась такая дружба, которая продолжалась потом много лет и, пожалуй, затмила нашу традиционную дружбу с "реалистами".

В этом году увидели в первый раз кинематограф. Демонстрировался он в зале коммерческого собрания. Показывали первые фильмы Люмьера: "Приход поезда на станцию", "Поливальщик улиц", "Пьяный извозчик".

Чудо! Восторг!

Докатились слухи: в городе будет новый памятник: Шевченке. Будто-бы он уже прибыл и на днях состоится открытие.Местное украинское общество "Просвита" — "заворошилось" и собирается на открытии произнести речь на украинском языке. Полиция этого не разрешила. Нас на открытие — не пустили.

Был у Глебки и застал такую картину: мальчишка 2-го класса стоит с пакетом конфект, перед ним целая очередь малышей, выстроившихся в затылок. Каждому подходящему он отвешивает увесистую плюху и за это награждает конфектой. Стоит в очереди и Глебка. Я, как разъяренный тигр, налетаю на владельца конфект:

— Мерзавец! Сукин сын! — ору я, награждая его тумаками. Конфекты разлетаются по полу, подвернувшийся Глебка получает сгоряча пощечину и, растянув рот до ушей, ревет благим матом.

— Как тебе не стыдно? Ведь у тебя есть деньги у воспитателя! Ты сам себе можешь купить конфет! Да и какое безобразие — лупить своих же товарищей по-морде!

Больших доказательств аморальности поступка дрянного мальчишки у меня нет.

— Да, — печально бормочет Глебка, — но ведь это были "раковые шейки" и какие еще — Покковские. Харьковская фабрика Покка славилась на всю Россию своими шоколадными конфектами.

Глебка, впрочем, быстро утешается и сообщает мне с гордостью, что он умеет уже танцевать вальс и тут-же проделывает несколько неуклюжих па, которые его самого не удовлетворяют.

— Это надо делать с *дамой!* — философски изрекает он. Вообще он заметно повеселел и понемножку привыкает к режиму корпуса. Ему очень повезло с воспитателем: у него воспитатель тот самый добродушный толстяк Эмних, который с таким блеском выступал на корпусном параде. Глебка попал к нему в любимчики: он зовет его Глебка, назначил в классе старшим и два раза брал его к себе в отпуск (у него два сынишки — ровесники Глебушки). Надо быть справедливым к Эмиху, что в сущности "любимчиками" его был весь его класс и потому Глебка не попал в число каких-то привилегированных кадет.

Тронулся лед на реке Ворскле. Мы делали прогулку до самой реки. Куски льда, покрытые снегом, налезая друг на друга, медленно двигаются по течению. Мальчишки, с того берега, показывая лихость, вскакивают на льдины и плывут на них по течению (иногда — даже перепрыгивая с одной на другую), потом подталкивают палкой к берегу и выскакивают на сушу... Завидно!...

На том берегу, стоит группа монахов в клобуках, смотрит на ледоход и на мальчишескую вольтижировку. На большом холме белеют стены монастыря с золотыми и синими главками.

Еще холодно: весна медленными и осторожными шагами завоевывает свои позиции, оттесняя с каждым днем зиму.

Дни становятся длиннее: уже при вставании утром, в дортуарах не зажигают свет, а, если выпадает солнечный день, то сквозь классные окна видны на корпусном дворе лужицы от дающего снега и тоненькие ручейки.

Ворскла разлилась сразу после ледохода. Понемногу начинает припекать солнце, снег на улицах стаял, исчезли санки с бубенцами и по обнаженным булыжникам затарахтели извозчичьи пролетки. Ходили на прогулку в самый конец Александровской улицы к большому обрыву и маленькому домику, где жил Котляревский и писал Энеиду. Отсюда весь полтавский "подол" виден, как на ладони: внизу, вокзал. Полтава - сортировочная, окружен морем разлившейся Ворсклы. В весеннем воздухе волнующе доносятся снизу гудки паровозов, маня куда-то в неведомые края, в новые города.

Возвращаясь домой, чувствуем, как припекает уже солнце. В круглом саду, на деревьях набухли почки, блестят серебряные лужицы, чирикают налетевшие птицы, пахнет тающей землей.

П. Ф. Волошин.

(Окончание следует)

Действие 2-го Донского отдельного корпуса с началом Мамантовского рейда

В предыдущем очерке (I) мы остановились на том, как к 28 июля (ст. ст.) 1919 г., после двухнедельных боев на всем фронте 3-го Дон. Отд. Корпуса, было остановлено наступление IX Красной Армии, закончившееся поражением 36-й Советской дивизии, потерявшей у Поворино 1200 пленных, 50 пулеметов и одно орудие.

Обстоятельство это совпало с началом Мамантовского рейда. Конный корпус ген. Мамантова (9-я и 10-я Донские конные дивизии), во исполнение поставленной ему задачи (2): — Прорвать фронт противника между Борисоглебском и Боровым и, разрушив тылы Красных, способствовать быстрейшему движению Армии —, в середине июля был переброшен с Царицынского фронта в район: Урюпинская - Алексиково - Филиново для подготовки к рейду и реорганизации

Закончив таковую в двадцатых числах июля, конница ген. Мамантова переправилась через р. Хопер в районе Урюпинская - Добринская и 22-го июля, перейдя в наступление, после упорного боя, сбила противника из района Васильевки и преследовала от Печерской на с.-в. и от Колодеево на север, остановившись на ночлег в районе Печерско-Козловские выселки - Терехов - Макагонов.

23-го июля продолжалось преследование противника с целью захватить участок ж.-д. Абрамовка - Таловая.

24-го июля части ген. Мамантова заняли станцию Таловую (12-я кон. бригада), Александровский посе-

лок (10-я дивизия), и новую Гиглу и корпус вел бой во все стороны, разбив противника и захватив богатые трофеи, в том числе штаб 40-й дивизии (3).

25-го июля, с утра, 12-я кон. бригада и 10-я дивизия, при поддержке броневиков, отбили наступление двух полков пехоты от Таловой на Александровский поселок. В 14 час., 9-я дивизия снова отбила наступление пехоты от Таловой, принудив ее к бегству на Еланское Колено.

28-го июля конница ген. Мамантова сосредоточилась в районе Абрамовка-Колено, а 28-го июля, обрушившись на 357 и 358 полки 40-й дивизии красных, входившие в 8-ю Армию, прорвала красный фронт на протяжении 20-ти верст на участке от станции Колено до устья р. Савалы, и заняла район сл. Макарово, откуда затем двинулась дальше, в общем направлении на г. Тамбов.

Выделенный ген. Мамантовым отряд захватил ст. Сампур, разрушив в районе ее железную дорогу и мосты, причем, занимавший станцию батальон 57-й Сов. дивизии, подходившей из Кирсанова, разбежался, не оказав сопротивления, а высланная, для преграждения коннице Мамантова пути на Тамбов, кавалерийская бригада 36-й дивизии была на голову разбита бригадой ген. Постовского у д. Сукманика и рассеялась по всему району .(4)

Обстановка, создавшаяся в районе прорыва, по самому смыслу поставленной ген. Мамантову задачи: "способствовать быстрейшему продвижению Армии", требовала немедленных активных действий с нашей стороны, пока красные не затянули ворота прорыва и фланги VIII и IX Сов. Армий оставались открытыми. Частями 2-го Донского отдельного корпуса таковые и были начаты, на Новохоперском и Борисоглебском направлениях.

Пользуясь расстройством правого фланга IX-й Кр. Армии, Сводно-Партизанская дивизия должна была отбросить красных к с.-в. от Борисоглебска и, совместно с 7-й дивизией, продолжать наступление, содействуя овладению последней г. Балашевом, действия ее осложнялись тем, что фланговая (36-я) дивизия противника была прикрыта с юга р. Хопром, а с запада сплошной полоской леса, что требовало от атакующего предварительного маневра и давало противнику возможность выиграть время. Кроме того, подготовляя общее наступление Приволжской группы (VIII, IX и X Кр. Армии), красные располагали значительными резервами в ближайшем тылу, в то время как Донское командование, ослабив Армию, выделением конного корпуса ген. Мамантова для производства рейда, не могло усилить своих корпусов.

По первоначальному плану, как пишет Шолохов в своем романе "Тихий Дон" (да были в то время подобные же слухи и у нас) предполагалось направить в рейд по красным тылам, кроме корпуса ген. Мамантова, еще и конный корпус ген. Коновалова. Эта конная масса должна была нанести сокрушительный удар во фланг и тыл центральным Красным Армиям, а затем форсированным маршем двигаться в глубь России и, пополняя силы за счет антисоветских слоев населения, продолжать движение на Москву (ч. 7-я, гл. XX, изд. 1945 г.).

По поводу этого нужно сказать, что никакого конного корпуса ген. Коновалова в то время не существовало. Но в состав двух дивизий 2-го Дон. Отд. Корпуса, Сводно-Партизанской и 7-й, которыми командовал ген. Коновалов, входили три отд. кон. бригады: 4-я (полковник Авчинников), 5-я (полковник Сальников) и 6-я (полковник Позднышев) — в общей сложности 9 конных полков при 6-ти кон. батареях. Они лишь позже были сведены в конную группу, в которую одно время входила и 14-я конная бригада полковника Голубинцева, переименованную затем в 4-ю Донскую конную дивизию. Включение этой конницы в состав корпуса гень Мамантова усилило бы его почти на 50 проц., но с другой стороны, это настолько ослабило бы Донскую Армию вообще и 2-й Дон. Корпус в частности, что вполне понятно почему от этого плана отказались.

В таких условиях началось наступление 2-го корпуса и в первую очередь Сводно-Партизанской дивизии, как непосредственно находившейся против правого фланга IX Армии.

...Как только конница генерала Мамантова прорвала красный фронт, 4-я конная бригада (19-й, 20-й и 24-й полки, 14-я и 18-я конные батареи) выступила из села Калмык и 29-го июля ст. ст. заняла г. Новохоперск и сел. Красненькое. Разведка выяснила, что Алферовка и Таволжанка заняты противником.

Одновременно началось давление пехоты Сводной-Партизанской дивизии от Поворино на Борисоглебск.

На Балашовском направлении, за исключением небольших столкновений частей 6-й конной бригады (25-й, 26-й и 27-й конные полки, 22-я и 24-я конные батареи) с конницей противника в районе сел. Николаевки, было спокойно и 7-я дивизия тоже готовилась к переходу в наступление.

30-го июля части 4-й конной бригады заняли сел. Алферовку, а 31-го бригада двинулась из района Новохоперска двумя колоннами: левая — 20-й полк с 14-й батареей через Красненькое и Троицкое на сел. Макарово и правая — прочие части бригады по большой Тамбовской дороге на монастырь и далее в район В. Карачана.

В вечеру, не встретив сопротивления, 20-й полк занял сел. Макарово. Растрепанные генералом Мамантовым, красные части мелкими партиями укрывались в лесах и балках, совершая короткие налеты на населенные пункты для добычи продовольствия и на следующий день, во время дневки, ему бдительно пришлось охранять окраины этой большой слободы, в которую к вечеру стали возвращаться из-под станции Терновки отпущенные частями генерала Мамантова обывательские подводы.

В тот же день части Сводно-Партизанской дивизии заняли г. Борисоглебск и наши бронепоезда дошли до ст. Волконская. Красные отходили на север.

1-го августа конница 3-й Добров. бригады заняла Петровское и Чигорак и наступала на Б. Грибановку. Пешие части 3-й бригады перешли из х. Уваровского в Жуликовку. Бронепоезда вели бой с двумя бронепоездами противника между станциями Волконская и Терновка. Вероятно увлекшись боем, эти два бронепоезда красных были отрезаны конницей генерала Мамантова.

2-го августа с утра красные повели наступление и заняли было В. Карачая и Б. Грибановку, но после короткого боя были отброшены к северу от Карачана 20-м полком, подошедшим из Макарово, а другими частями 4-й конной бригады выбиты из Грибановки. Самый факт наступления показывал однако, что красные, после первых дней растерянности, стали оправляться и, располагая значительными резервами, принимали меры противодействия нашему продвижению. К северо-востоку от Борисоглебска им удалось занять Чигорак.

3-я Добр. бригада, наступая из Петровского на Танцырей, к вечеру заняла Танцырей, Третьяки и Тюковку.

7-я дивизия, перейдя в наступление на Балашов от Самодуровки и Чуравского, была встречена сильным огнем с укрепленной линии Кардаил-Пески, но при появлении танков противник бежал в направлении на Балашов и через Хопер на Третьяки. Средние танки вошли в Пески и рассеяли красных. Два отряда легких танков, наступавших с конницей правее, обратили красных в бегство одним своим видом. К вечеру 2-го августа части 7-й двизии заняли: 6-я конная бригада — х. Тюковский, 5-я — пластунская — станцию Байчурово и 5-я конная — Горелки.

На 3-е авуста было приказано преследовать: 6-й конной — через Кисленькие Выселки на Ковалевку на Елани, 5-й конной — через Родники на Красное на Елани и 5-й пластунской — вдоль ж.-д. до Тростянки-Старохоперская.

К сожалению танки, оказавшие большое содействие наступлению, в тот же вечер были погружены на разъезде Мазурки и отправлены на Царицын.

1-я Партизанская бриада, находившаяся на отдыхе в резерве, сосредоточилась у станции Алексиково для перехода в Рожественское.

1-я Пластунская бриада начала сосредоточение в Ярыженской.

День 3-го августа ознаменовался серьезными и согласованными мерами противодействия частей IX-й красной армии нашему продвижению на всем фронте корпуса.

Севернее Борисоглебска, 4-я конная бригада, наступая от Б. Грибоновки на Мал. Грибановку, встретила у последней сопротивление бригады красной пехоты при двух батареях и после безрезультатного боя отошла на ночлег в Б. Грибановку.

Далее на восток, красные с севера повели наступление на правом берегу Хопра от Губари на Тюковку, но были отбиты 3-й Добр. бригадой, пешие части которой ночевали в районе Третьяки, а конница в Селама и Тюковке.

На Балашовском направлении 5-я Пластунская и 5-я конная бригады вели бой у станции Родничек, где противник, взорвав мост, помешал продвижению наших бронепоездов. После боя 5-я Пластунская бригада отошла к востоку от Бойчурово.

6-я конная бригада при преследовании заняла х. Макшеевский и Кисленькие Выселки, захватив 220 пленных, канцелярию 204-го полка (23-й дивизии) и 160 повозок, но два конных полка красных глубоко обошли ее правый фланг через сл. Купаву и заняли Николаевку. Для ликвидации прорыва был направлен один батальон 1-й Пластунской бригады из Ярыженской, а затем 5-я конная бригада, перейдя в Кардаил, совместно с 6-й бригадой, отбросила противника.

4-го августа северо-западнее Новохоперска красные заняли сл. Красненькое и станцию Некрылово и туда был отправлен второй бронепоезд.

Севернее Борисоглебска, в район Б. Грибановки, день прошел спокойно. Красные оставались на занимаемых ими позициях у м. Грибановки. 5-я конная бригада занимала Б. Грибановку, с дивизионом в Красновке и сотней на станции Волконской для обеспечения бронепоезда, выдвинувшегося к ст. Терновке, где разведка обнаружила два взорванных бронепоезда, отрезанных конницей генерала Мамантова. Бронепоезд "Атаман Каледин" вывез 4.000 снарядов и броеплощадку.

Туземный дивизион Св. Партизанской дивизии с боем занял Чигорак и Воганы.

На Балашовском направлении противник, сосредоточив 4-го августа крупные силы против правого фланга 2-го корпуса, глубоким обходом справа вынудил 7-ю дивизию отойти к ночи на линию Кардаильский-Николаевка.

6-я конная бригада, окруженная в районе Тюковского, пробилась и ночевала в районе х. Кардаильского. 5-я конная и 5-я Пластунская бригады ночевали в районе Никольского. Штаб 7-й дивизии на станции Кардаил.

5-го августа красные продолжали начатое накануне наступление на всем фронте.

Севернее Борисоглебска 4-я конная бригада вела упорный бой с пехотой противника, наступавшей с северо-востока на Б. Грибановку.

Упершись левым флангом в дремучий Борисоглебский лес и обеспеченные на правом фланге трудно проходимыми для конницы оврагами, красные медленно, но упорно продвигались вперед и временами бой достигал большого напряжения. К вечеру, сосредоточенным огнем 4-го Донского конно-артиллерийского дивизиона, обильно снабженного снарядами из числа захваченных на ст. Терновка, и ружейным и пулеметным огнем спешенных полков, наступление противника было отбито и Б. Грибановка нами удержана.

1-я Партизанская бригада подошла к Борисоглебску и на следующий день должна была атаковать противника у Чигорак - Вогана.

5-я Пластунская бригада до вечера вела бой в районе Никольского, откуда отбросила противника на восток при поддержке бронепоездов.

5-я и 6-я конные бригады сдерживали противника в районе х. Кардаильского.

6-го августа красные возобновили наступление на Б. Грибановку и у северо-восточной окраины ее, с раннего утра, начался упорный бой.

Из Борисоглебска по ж.-д. прибыл небольшой отряд партизанской пехоты и начал выгружаться на станции. В этот момент, высланный на рассвете в глубокий обход правого фланга противника, 20-й Вешенский полк, закончив маневр, атаковал красных в конном строю. Наступление противника резко оборвалось и все резервы спешно стали перебрасываться на правый фланг. Воспользовавшись замешательством и перейдя в решительную контр-атаку, 4-я конная бригада разбила противника, в беспорядке бежавшего на М. Алабухи, захватив пленных и один зарядный ящик, подбитый огнем 14-й батареи.

После боя, пройдя М. Грибановку, 4-я конная бригада остановилась на ночлег в Вогано.

1-я Партизанская бригада с Туземным дивизионом выбила красных из Чигорака.

5-я Пластунская бригада, при поддержке двух танков и трех бронепоездов, отбросила красных к северо-востоку от Никольское, где противник оказал упорное сопротивление, при поддержке бронепоезда. В виду глубокого охвата левого фланга от Третьяки и занятия красными Пески, она к вечеру отошла южнее Пески.

3-я Добр. бригада была выведена из боя и направлена в с. Рождественское.

7-го августа красные, ведя наступление со стороны ст. Кардаил, заняли Самодуровку и продолжали наступление на Поворино и Алексиково, где с ними вели бой наши бронпоезда. Станция Поворино была спешно эвакуирована и в тот же день занята противником, что ставило в трудное положение части Свод. Партизанской дивизии в районе Борисоглебска. Возможное продвижение красных вдоль линии ж.-д. на Новохоперск отрезало бы последним пути отхода.

Для облегчения положения в районе Поворино, 8-го августа нами был произведен удар по сообщениям красных, действовавших в районе Петровское - Пески - Самодоровка, успешно выполненный 4-й конной бригадой.

Оставив в Грибановке 19-й полк с двумя орудиями 18-й батареи, прочие части бригады выступили из района Чигорак - Вогана и вышли в ближайший тыл противника у Танцырей Третьяки, перерезав сообщение красных с их обозами и штабами. Одна сотня с подрывниками была выслана для взрыва ж.-д. виадука на линии Поворино - Балашов между станциями Кардаил и Байчурово.

Впереди ее, пересекая долину реки Хопра, длинной лентой уходили спугнутые нами обозы, преследованием которых командиру сотни приказано было не увлекаться, а поскорее выполнять возложенную на него задачу.

Ожидая возвращения подрывников, бригада остановилась на дороге из Танцырея в Селама, имея на позиции обе батареи и стала перехватывать донесения красных. Некоторые ординарцы подъезжали к самому штабу бригады, не отдавая себе отчета и только, увидя погоны, в изумлении таращили глаза, беспрекословно сдавая пакеты.

Не обошлось без курьезов... На одном пакете стояла надпись "Срочно, секретно, оперативно, в собственные руки". Быстро вскрыли, прочли и... рассмеялись. Содержание было следующее: "Ваня милый, пришли пожалуйста бутылку спирту, страшно хочется выпить".

Начальник артиллерии красных, приняв нашу артиллерию за свою, прислал ординарца ко мне на батарею передать, что та стреляет "по своим".

Вскоре, однако, находившийся за лесом вправо на юго-запад в сторону Танцырея, заслон из двух сотен 20-го полка с одним орудием 14-й батареи был атакован двумя полками красной конницы и стал быстро отходить на бригаду, а за ним из-за выступа леса, на расстоянии одной-полуторы верст от Штаба бригады и стоявших на позиции батарей, появилась несущаяся в атаку красная лава.

Повернув хоботы налево кругом 14-я и 18-я батареи открыли беглый огонь по атакующей коннице, а 20-й, а затем и 24-й полки, стоявшие ближе к противнику, прямо из резервной колонны бросились в конную атаку.

Момент был напряженный и захватывающий, когда обе лавы сошлись и вдруг часто заиграли, под лучами заходящего солнца, взблески шашек.

Замолкли стальные жерла орудий... молчали и люди... все взоры устремились туда, где полная жуткой красоты, разыгрывалась волнующая, как на экране кинематографа, но подлинная батальная картина.

Минута... и шедшие уступом сотни Вешенцев, выиграв фланг противника, ударили на него с пиками, склоненными к бою.

Метнулись кони без всадников, пронзенных этим страшным оружием, заколебались ряды и как-то сразу красная лава расстроилась, дрогнула и, словно по команде, неудержимо понеслась назад.

Преследуя ее, доблестные Вешенцы и Калиновцы налетели на подходившую сзади пехоту и, атаковав, разгромили последнюю, захватив 600 пленных и 10 пулеметов. Наступившая вскоре темнота позволила артиллерии красных уйти за Хопер на Пески.

Сотня с подрывниками, выполнив задачу, и взорвав ж.-д. путь на линии Поворино-Балашов, благополучно возвратилась к бригаде и последняя, переночевав на месте боя в открытом поле, с рассветом двинулась на Борисоглебск.

Действия 4-й конной бригады, оттянувшей на себя часть сил и нанесшей им поражение, ослабили давление противника в районе Поворино-Дупляцкий, где наступление красных 8-го августа было сдержано 5-й Пластунской бригадой при поддержке бронепоездов. Наступавшая же от Николаевки пехота была отброше-

на контр-атакой 5-й конной бригады (21-й, 22-й полки, 21-я и 23-я конные батареи).

Хуже обстояло дело в районе Борисоглебска, где противник внезапным налетом захватил временно город, при чем погиб оставшийся там наш бронепоезд "Атаман Каледин". Одновременно под давлением противника наша сотня оставила г. Новохоперск и отошла на ст. Половцево.

Выдвинутое положение частей Св. Партизанской дивизии, с занятием станции Поворино, становилось опасным и им в этот же день приказано было отойти за Хопер.

9-го августа 4-я конная бригада двинулась от Танцырея на Борисоглебск, отбила часть захваченных красными в плен партизан, от которых узнала обстановку. Вдоль дороги то и дело попадались пущенные по ветру бумаги из канцелярии Туземного дивизиона.

Приняв меры предосторожности, бригада продолжала движение и, отбросив красных, после полудня заняла город, где оставалась часа два, сняв снаряды с бронепоезда "Атаман Каледин" и остатки запасов из полуразграбленного интендантства, находившегося в вагонах на станции, после чего двинулась на д. Ульяновку, где соединилась с частями 1-й Партизанской (Чернецовцы, Семилетовцы) бригады.

По оставлении города, последний был немедленно занят красными, открывшими, по уже удалившейся колонне, артиллерийский огонь.

К вечеру этого дня части Св. Партизанской дивизии сосредоточились: 1-я Партизанская бригада в д. Ульяновке, 3-я Добр. бригада — на разъезде Поляна и 4-я конная в с. Калмык. Последняя, после двух недель боев, замкнула круг, описанный ею вокруг Борисоглебска, вернувшись в исходный пункт.

На участке 7-й дивизии 5-я и 6-я конные бригады отбили наступление противника от Николаевки, при чем 5-я конная бригада захватила в районе Б.Кардаильского 200 пленных и 50 подвод с патронами и снарядами.

С отходом Св. Партизанской дивизии от Борисоглебска, все тактические успехи 2-го Донского Отдельного корпуса, достигнутые в связи с прорывом конницы генерала Мамантова, были сведены на нет и противник продолжал наступление, все глубже охватывая правый фланг корпуса.

6-я конная бригада, направленная в тыл конницы противника, занявшей станицу Преображенскую и ночевавшая на 10-е августа в х. Зубриловском, была на следующий день атакована конницей по пути в Роменскую и отошла на юго-запад.

С тяжелыми боями части 2-го корпуса отошли к середине августа от ж.-д. на правый берег Хопра и здесь перегруппировавшись, не только остановили наступление противника, но и отбросили его на левый берег Хопра.

В боях на Хопре с 24-го августа по 9-е сентября части 2-го Донского Отдельного корпуса, главным образом конная группа из трех бригад: 4-й, 5-й и 6-й, своими действиями заслужившая широкую известность под названием "Конницы генерала Коновалова" одержали ряд блестящих успехов, захватив 15.000 пленных, 11 орудий и 70 пулеметов.

Успехи эти тем более показательны, когда сравниваешь силы обеих сторон.

Против двух дивизий 2-го Донского Отдельного корпуса (Св. Партизанской и 7-й), в составе 5-ти пеших и 3-х конных бригад при 10 легких и 6 конных батареях, действовали: 14-я, 22-я, 23-я и 36-я сов. стр. дивизии, бригада б. Казанского укр. района, составлявшая резерв конницы Буденного и конная группа Блинова.

Имея ввиду организацию красной дивизии — три бригады трехполкового состава при трех легких батареях на каждую бригаду, противник имел по крайней мере двойное превосходство в силах. Это доказывает одно количество взятых нами пленных, в боях на Хопре.

Несколько позже, 1-го октября, на левом берегу Дона, конная группа генерала Коновалова на голову разбила и совершенно уничтожила 14-ю сов. стр. дивизию в районе Старая и Новая Криуша, Скрыпников, Солонка, Круглый. Один только 24-й Калиновский полк при преследовании Круглого захватил 24 орудия.

Шолохов подтверждает это в своем романе "Тихий Дон" (Часть 7-я, Гл. XXIII).

Операции конницы 2-го Донского Отдельного корпуса в сентябре и октябре 1919 года, вписавшей одну из славных страниц в историю вооруженной борьбы Дона, заслуживают особого очерка.

Е. Ковалев.

Из сибирских воспоминаний

I.

Айгунский договор 1861 года.

По Русско-Японскому мирному договору в Портсмуте в 1905 г. Россия обязалась не иметь в Сибири числа воинских частей больше того, какое было до 1904 года, т. е. до начала Русско-Японской войны. Из этого, ослабившего русскую мощь, положения, наше военное министерство вышло тем, что все Сибирские стрелковые полки, которых было 36, перешли в 1910 году на состав по штату военного времени, а двухбатальонные резервные части были так же переформированы в Сибирские 4-х батальонные полки, которые образовали таким образом новых 2 Сибирских стрелковых дивизии. Кроме того, некоторые из Сибирских дивизий, в случае войны на Дальнем Востоке, должны были развернуться каждая в 2 дивизии, для

чего в их полковых оружейных складах должно было храниться вооружение на два полка, равно как и удвоенный состав полкового обоза.

В связи с этим, произошла и перемена дислокации войсковых частей в Сибири в этом же году.

Я, будучи в это время в городе Никольске-Уссурийском младшим офицером 3-го Восточно - Сибирского стрелкового полка, был выделен из него в составе одного полного батальона на сформирование из Сретенского резервного пехотного полка 37-го Сибирского стрелкового полка, который должен был войти в состав гарнизона города Благовещенска, образованный из двух Сибирских стрелковых полков (37-го и 38-го), Амурского казачьего 4-х сотенного конного полка и одного дивизиона 10-й Сибирской артиллерийской бригады. Людской состав ее прибыл из Владивостока, после расформирования там крепостной артиллерии. Гарнизон был подчинен генерал-губернатору этой области, в это время Валуеву.

Не успели новые части еще как следует сплотиться, как вскоре произошло два события, которые чуть не вызвали войну с Китаем.

Надо сказать, что в начале второй половины минувшего века генерал Муравьев, получивший за свою плодотворную на Дальнем Востоке деятельность титул графа и прибавку к его фамилии слова "Амурский", выясняя и определяя точно с китайским правительством границы России с Китаем в 1861 году, заключил договор в городе Айгуне (на берегу р. Амура), по которому река Амур от своих истоков до реки Уссури является границей между русскими и китайскими владениями, при чем сама река в этом месте делается русской и китайцы не имеют права ни на судоходство по этой реке, ни на рыбную ловлю, вероятно, потому, что р. Амур от города Хабаровска и до самого устья течет уже по русской территории и генерал Муравьев хотел сделать реку Амур всецело русской, да и сделал.

Договор был заключен на 50 лет и срок ему истек в 1861 г. В этом году дипломатия обеих сторон подняла вопрос о его пересмотре и возобновлении на следующие 50 лет, при чем китайцы потребовали предоставить им право как судоходства, так и рыбной ловли на Амуре. Создалось дипломатическое осложнение, так как русские требовали оставить договор в прежнем виде. Китайцы упорствовали. Мы, военные, на эти переговоры обращали мало внимания, полагая, что это осложнение незначительное, которое никакой угрозы не представляет. Как вдруг гарнизон города Благовещенска (потом стало известно, что и гарнизоны Хабаровска, Имана и Никольск-Уссурийского) получили приказ Командующего Приамурским военным округом немедленно быть готовым к военному походу.

Все части получили немедленно полный боевой комплект ружейных и пушечных патронов и стали в полной боевой готовности, одни на берегу р. Амура, другие у себя в дворах в ожидании дальнейшего приказа.

В утренних местных газетах на другой день прочитали Русский ультиматум китайцам, в котором говорилось, что если китайское правительство не согласится на русские условия, то Императорское Российское правительство оставляет за собою свободу действий. У всех пробежала одна мысль "война с Китаем". И действительно, скоро стал известен и маршрут для нашего гарнизона идти на город Цицикар в Манчжурии. Все, и военные семьи и горожане, лихорадочно бросились в магазины за покупками.

Так продолжалось два дня. На третий, или четвертый день из газет узнаем, что китайцы уступили русскому настоянию и подписали новый договор на старых условиях. Гарнизон получил приказ перейти на мирное положение. Срок этому договору истекает в 1961 году. Кто знает, не явится ли он в это время опять осложнением для совето-китайской дипломатии и не окажется ли причиной войны между этими двумя соседями на Дальнем Востоке, которою некоторые предсказывают на 1962 год.

II.

Взятие казаками китайского города Сахалян.

Амурское казачье войско, занимавшее территорию на левом берегу р. Амура от г. Благовещенска и к востоку до села Благодатного было молодое, малочисленное и могло в мирное время дать только один 4-х сотенный полк, которым командовал в это время полковник Радац, служивший ранее в гвардейской кавалерии.

Это был обаятельный и любимый всеми в полку командир: умел заботиться о своих подчиненных и его казаки были одеты не хуже юнкеров, всегда чистые, в подогнанной одежде, всегда дисциплинированные и корректные на улицах города. Сам он в свободное время всегда был среди своих молодых офицеров в полковом собрании, а когда бывал на полковых праздниках у стрелков, всегда усаживался среди молодежи, любил он ее и говорил: "Среди молодежи и я себя чувствую молодым".

Надо сказать, что против Благовещенска на правом берегу Амура был небольшой китайский город Сахалян-Гоу, в котором стоял батальон китайских войск, обученных немецкими инструкторами по европейскому образцу. В это время китайцы вообще имели ввиду сформировать, при помощи немцев, таких войск 36 дивизий и это формирование уже шло.

Русские офицеры нередко в этот городок ездили ради прогулки и любопытства, благо это делалось по какому-то негласному соглашению с обеих сторон, а китайцы приезжали в Благовещенск главным образом торговцы огородной зеленью "люка и огулеса" (лук и огурцы).

Случай, о котором я рассказываю, был в феврале месяце 1912 года, когда полковник Радац после ужина в своем полковом собрании, по предложению одного из сотников поехал в компании 4 офицеров, верхом в Сахалян пить кофе с бенедиктином, который там сто-

ял дешевле, чем на нашем берегу. Амур, крепко скованный льдом, мог выдержать не только всадников, но и запряженную легкую пушку.

Вошли в небольшой китайский ресторанчик, в котором обычно усаживались, и заказали кофе.

Что потом произошло, точно сказать трудно, ибо было несколько версий: версия штаба генерала-губернатора и версия казачьих офицеров. Передаю ту, которая у меня лучше осталась в памяти.

После сделанного заказа, полковник Радац, поднявшись, и сказав офицерам: "мне нужно сходить в аптеку, я сейчас приду",— вышел из ресторана. Офицеры обеспокоенные тем, что полковник долго не возвращается, попросили одного из своих выйти и узнать в чем дело. Тот вышел и вдруг слышит невдалеке в темноте, какой-то необычный шум толпы. Приблизившись на этот гул, он вдруг увидел своего командира прижатого к стене аптеки с обнаженной шашкой и окруженного толпой китайцев, швырявших в него комья снега и угрожавших, если не его жизни, то побоями. Офицер немедленно возвратился к товарищам, сказал в чем дело и все бросились на выручку своего командира. Когда они приблизились к толпе и увидели в каком положении находится полковник, два из них, поручив остальным наблюдать и защищать Радаца, немедленно бросились к своим лошадям и помчались в Благовещенск, где подняли по тревоге весь полк, состав которого был впрочем далеко не полный вследствие выпавших в этот день на полк больших нарядов. Во всяком случае две сотни со всеми офицерами, свободными от службы, не предупредив начальника гарнизона, лихо бросились через реку в Сахалян.

Что же произошло с полковником Радацем. Почему он оказался в таком положении. Как потом выяснилось, все это случилось неожиданно и без особых оснований. Когда он вошел в аптеку и попросил какое-то средство от желудочной боли, аптекарь то-ли его не понял, то-ли боялся дать не то, что надо, или потому что было время закрывать аптеку, ему отказал в просьбе, заявив, что он не понимает, что хочет "капитан"... Тогда Радац сам начал пересматривать стоявшие на полках банки, перевернул одну из полок, банки полетели на пол, некоторые разбились и аптекарь, выскочив на улицу, поднял крик о самоуправстве русского офицера. На его крик, немедленно собралась любопытная, сначала небольшая, толпа и, вышедший вскоре из аптеки полковник, видя перед собою такую толпу, ему угрожавшую, обнажив шашку, прислонился к стене, собираясь защищаться.

В таком положении застали его фицеры, которые, между прочим были безоружны, так как с оружием переходить на ту сторону границы запрещалось. На этот шум и беспорядок прибыл вскоре дао-тай (начальник города), который один толпы разогнать не мог и вызвал на помощь командира китайского батальона. Этот последний, знавший полковника Радаца, легко прошел через толпу, приблизился к Радацу и, чтобы вывести его из толпы, взял его за руку, что-то говоря по китайски. Радац, почувствовав, что его кто-то взял за руку и не узнав в потьмах кто, взмахнул шашкой и отрубил ему руку.

Здесь толпа окончательно разъярилась, бросилась массой на Радаца, схватила и двух оставшихся офицеров и с дикой радостью и криками потащили их за город на расправу.

Ворвавшийся в Сахалян, Амурский полк быстро догнал толпу, взял ее в плети и пики и немедленно освободил своего командира и офицеров, у которых уже были сорваны погоны и истрепано обмундирование. Возбужденный Радац резко приказал полку немедленно взять Сахалян, разоружить китайский батальон, взяв под охрану его казармы, занять казначейство, двор дао-тая и почту и когда это было исполнено, он донес кратко начальнику Благовещенского гарнизона о взятии им города Сахаляна и пленении китайского батальона.

Разбуженный около полуночи генерал-губорнатор Третьяков, сменивший к этому времени генерала Валуева, получив такое донесение и не понимая в чем дело, на всякий случай поднял по тревоге бригаду стрелков, а полковнику Радацу послал приказание покинуть Сахалян и возвратиться в Благовещенск. На это приказание Радац ответил и послал в Благовещенск китайского подполковника с отрубленной рукой на излечение в русском лазарете. Стрелковые полки заняли такое-же положение, как и при пересмотре Айгунского договора.

Началась усиленная переписка по телеграфу Благовещенска с штабом командующего войсками Приамурского военного округа во главе которого стоял генерал Лечицкий, и с Петербургом. Переписка эта кончилась тем, что последовало сначала Высочайшее повеление полковнику Радацу покинуть Сахалян, а генералу Лечицкому — разобрать это дело и поступить согласно военным законам. Было назначено военное следствие, полковник Радац смещен с командования полком и подвергнут впредь до суда домашнему аресту. Судом он был приговорен за самочинные действия, если память мне не изменяет, заключению в крепости на один год, но так как всякий военный приговор над штаб-офицером утверждался Императором, то командующий войсками округа получил на деле Радаца такую резолюцию Императора: "Дело полковника Радаца прекратить и восстановить его в прежнее положение. Я его знаю".

Полковник Радац вновь вступил в командование своим полком, китайский подполковник выздоровел в нашем лазарете и получил такое вознаграждение от русского правительства за потерянную руку, что считал себя счастливым. Все хорош, что хорошо кончается. Инцидент был исчерпан.

Переведясь из Сибири в Финляндию я, продолжая интересоваться своими прежними сослуживцами, в дни гражданской войны узнал от одного из офицеров

Кавказского фронта, что полковник, а потом и генерал Радац, действуя со своими казаками, закончил войну начальником Сибирской казачьей дивизии, имел орден Св. Георгия 4-й и 3-й степени, а в дни революции, едучи в отпуск, был убит по дороге солдатами, пытавшимися снять с него погоны.

Вечная ему память.

Полковник Демьяненко.

Мобилизация и начало войны 1914 г.

(Воспоминания).

В начале мая месяца 1914 года в составе лагерного сбора в Оранах находились: Виленское военное училище, 43-я пехотная дивизия (169-й Ново-Трокский, 170-й Молодеченский, 171-й Кобринский и 172-й Лидский пехотные полки), саперная бригада (2-й, 3-й, 4-й и 20-й саперные батальоны) и полк Ковенской крепостной артиллерии с орудиями малого калибра и тяжелыми пулеметами для прохождения курса стрельбы.

Шли учебные занятия согласно расписанию. Ваш покорный слуга исполнял должность старшего адъютанта по части Генерального Штаба (старший адъютант Генерального штаба капитан И. И. Чубаков был переведен в Главное управление Генерального штаба).

В штабе дивизии было много работы и довольно часто приходилось заниматься в неслужебное время, тем более, что из штаба корпуса часто поступали телеграммы с требованием немедленного ответа на № такой-то или исполнение по № такому-то.

11-го июля (по старому стилю) в день Св. Ольги я был на именинах супруги доблестного командира 171-го пехотного Кобринского полка Генерального Штаба полковника В. К. Сегеркранц (убит во второй половине августа 1914 года в Восточной Пруссии).

12-го июля в субботу был в гостях в семье моего однокашника по Александровскому военному училищу капитана Гаврино и вернулся довольно поздно домой. В воскресенье 13-го июля, около 8 часов, только что сел завтракать, не успел даже размешать ложечкой сахар в кофе, как услышал телефонный звонок. Встал, подошел к телефону, снял слуховую трубку и сказал: “Слушаю, у телефона поручик Панаиот”. В ответ услышал: “Так что у телефона дежурный писарь штаба дивизии, командующий дивизией (Генерал-майор Иван Иванович Ветвеницкий) просит вас немедленно прибыть в штаб дивизии. (Начальник дивизии Генерал-Лейтенант В. А. Слюсаренко был в кратковременном отпуску). Не допив кофе и пристегнув шашку, скорым шагом пошел в канцелярию штаба. Войдя в помещение штаба, увидел ходившего по комнате, взволнованного генерала, который, подавая мне руку, сказал: “Василий Иванович, получена телеграмма — приказано вернуться на зимние квартиры. Я ответил: “Слушаюсь, Ваше Превосходительство”.

Это значило, что я, как исполняющий должность старшего адъютанта по части Генерального Штаба должен был прибыть с секретными документами штаба дивизии на зимние квартиры (г. Вильно, Сиротская ул. № 13) не позже 23 часов 55 минут того же 13-го июля.

Сказав в штабе писарям, что я сейчас вернусь, быстро пошел домой и сказал вестовому Николаю, что мы должны еще сегодня быть в Вильно — “пакуй вещи”. Это был тот солдат, который в мае 1916 года во время Брусиловского наступления в Галиции, пришел на наблюдательный пункт, находившийся в окопах, где я в числе строевых чинов штаба дивизии находился третьи сутки. На мой вопрос, зачем он пришел, “я тебя не звал”, — Николай, улыбаясь, мне ответил, что принес мне папиросы и платок и пришел меня проведать. Этого случая мне не забыть никогда.

Вернулся я вновь в канцелярию для работы согласно инструкции на сей предмет.

С этого дня перевернулась страница в истории России.

Около 11 часов увидел нескольких юнкеров старшего курса с приказом под юнкерским погоном о производстве в офицеры, согласно Высочайшей телеграмме.

Около 12 часов отправился на квартиру перекусить и по дороге видел, как две роты (7-я и 8-я 171-го пехотного Кобринского полка) в новом обмундировании и в снаряжении с полной выкладкой выступали в поход для охранения мостов и виадуков в пунктах согласно мобилизационному расписанию.

Вид лагеря производил впечатление потревоженного муравейника, в котором каждый делал свое дело. В возможность войны не верилось, но под ложечкой немного посасывало.

Вечером того же дня, со всеми секретными делами прибыл в Вильно, в штаб дивизии.

Время с 14-го июля приказано считать подготовительным к мобилизации периодом. Дни мобилизационного периода проходили за работой в штабе дивизии, а вечером я часто ходил ужинать в один из ресторанов с начальником штаба полковником Дессино. С каждым днем нервное напряжение увеличивалось.

20-го июля с начальником штаба поехали ужинать к Шуману (ресторан-варьете), предупредив дежурного по штабу писаря, где мы будем находиться.

Только что успели в ресторане выпить по рюмке водки и начать закусывать, как к столикт подошел лакей и передал, что просят к телефону.

Из штаба дивизии дежурный писарь доложил, что получена шифрованная телеграмма. Оставив начальника штаба доканчивать ужин, поехал в штаб дивизии.

Во внутреннем отделении моего кошелька был написан шифровой показатель ключа военного министерства Лит В.

По приезде в штаб открыл несгораемый шкаф и вынув ключ шифра, начал расшифровывать телеграмму, полученную от командира корпуса Генерала от Кавалерии Шейдемана из Гродно.

Едва успел записать: двадцать первое июля считать первым днем нашей всеобщей... как услышал на улицах крики "ура".

Мобилизация началась с утра 21-го июля и проходила с точностью хронометра. Мобилизация Российской Императорской Армии прошла отлично.

На пятый день мобилизации, квартировавшие в Вильно: 169-й Новотрокский, 170-й Молодеченский пехотные полки, 43-я артиллерийская бригада и штаб дивизии грузились на станции Вильно в эшелоны, для следования в пункты сосредоточения 2-го армейского корпуса (26-я и 43-я пехотные дивизии с артиллерийскими бригадами, 2-й мортирный дивизон и 4-й саперный батальон).

1-го августа, в теплое солнечное утро, части дивизии под музыку полковых оркестров с криками "ура" переходили границу родины-России и вошли в пределы Восточной Пруссии.

На второй день мобилизации, прибыл в штаб дивизии причисленный к Генеральному штабу капитан Ю. А. Скворцов и вступил в должность старшего адъютанта по строевой части, а я вернулся к исполнению своих прямых обязанностей — начальника службы связи дивизии и также 1-го августа с командой связи перешел границу и двинулся дальше по немецкой земле.

Когда передние копыта лошади вступили на землю Восточной Пруссии, я, невольно, снял фуражку и перекрестился.

Дивизия двигалась в направлении на г. Лык и 5-го августа по полудни, не дойдя нескольких километров до города, полки дивизии начали разворачиваться в боевой порядок, в виду обнаруженного противника.

Около 16 часов, я услышал первые орудийные выстрелы нашей артиллерии. Как потом выяснилось, город Лык прикрывался небольшим отрядом пехоты с конной батареей.

С наступлением ночи, противник оставил город.

6-го августа первая бригада дивизии (169-й Ново-Трокский и 170-й Молодеченский полки), имея во главе полковые оркестры, вошли в г. Лык, полный жителей и даже полицейские (шуцманы) стояли на своих постах.

Так началась война, казалось, при весьма благоприятной для нас обстановке.

В. Папанот.

ОБЗОР ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ

« Лэйб-Эриванцы в Великую войну »

Материалы для истории полка, в обработке полковой исторической комиссии, под редакцией К. Попова. Париж, 1959 г. 243 стр. с 10 схемами и 30 фотографиями.

Только-что вышел из печати капитальный труд полковой исторической комиссии 13-го лейб-гренадерского Эриванского Царя Михаила Федоровича полка, хотя и обозначенный, как "Материалы для истории полка", но, по существу своему,, по тщательности обработки этих материалов, по своей полноте и последовательности изложения событий, труд этот, без всякой натяжки, совершенно справедливо может считаться достойным продолжением предыдущих семи томов полковой историй — восьмым ее томом.

Я читал и перечитывал этот труд с неослабевающим и все возрастающим интересом и перед глазами вновь проходили тяжелые и кровавые, но в то же время и славные дни боевой страды, как всей Кавказской Гренадерской дивизии, так и, в частности, ее первого лейб-Эриванского полка. В памяти восставали, как живые, образы дорогих друзей, одних — геройски павших на поле чести, других — уже после войны, ушедших в лучший мир и, наконец, очень немногих здравствующих и поныне. Вновь переживались иногда бестолковые и, неприятные тогда, передвижения, жуткие часы неизвестности в Сувалкских боях, когда участь всей операции в Августовских лесах разрешалась на левом фланге Кавказской Гренадерской Дивизии — на Эриванском боевом участке (оценка генерала Флуга), бессонные ночи огневого котла в заключительной фазе Лодзинской операции (на путях к Варшаве), тяжкие и кровавые бои в Праснышской операции, вся боль Галицийского отхода с сверх-человеческим напряжением, почти безнадежное положение в Виленском мешке и, в то-же время, и беспредельная радость и удовлетворение в сознании, что все ставившиеся, почти всегда непосильные, задачи были выполнены с честью.

Кроме этих образов героев и минувшей боевой страды полка, труд этот выявляет во всей красоте и величии беспредельную любовь к родному полку и гордость его славными делами тех немногих, уцелевших после пережитой грозы и катастрофы, которые, с величайшей энергией и настойчивостью, в невероятно-трудных условиях, сумели долгими годами собирать, буквально по всему миру, часто по крупицам, документальные и мемуарные материалы и по ним создавать исторически-правдивое и объективное описание деятельности своего родного полка в 1-ой Мировой войне.

Ценность этого труда еще больше возрастает потому, что он построен на научной базе — он весь основан на документах, на исторических источниках (германские официальные военно-исторические труды и документы) и на свидетельских показаниях.

В книге обращает на себя внимание правдивость

изложения. Все описания обоснованы или документами, или показаниями свидетелей — участников событий. Затем, оригинальное нововведение — предпосылка описанию каждого боя списков офицеров — участников в нем. До сих пор, нам этого не приходилось встречать в исторических описаниях разных полков, а, между тем, это очень полезное добавление: с одной стороны представляешь себе, с каким количеством офицерского состава полк вел данный бой, с другой стороны, видишь огромные потери в офицерском составе, а, постоянно повторяющиеся в списках, одни и тѣ же фамилии, указывают тот именно боевой кадр старых и молодых эриванцев, на которых держался полк до конца.

Хочется еще подчеркнуть, что в таком виде, как этот выпущенный эриванцами, том, видимо, ни одному из пехотных полков Российской армии, не удалось издать в эмиграции. Это — не памятка, не отдельные воспоминания однополчан. по разным поводам, сброшюрованные лишь в одну книжку; это — вполне законченный том полковой истории, относящийся к определенному отрезку времени бытия полка, в данном случае к периоду 1-ой Мировой войны.

Ценность этой книги заключается еще особенно в том, что она дает описания войны именно там, где она-то и ведется, то-есть в первой линии. Интересны в ней оценки тех или иных действий, сделанные, правда, в очень узких рамках, свидетелями, действовавшими на малых боевых участках, и, естественно, не имевших почти никогда представления об обстановке в более широких рамках. Заключения эти и выводы, никогда не греша в описании фактической стороны на своих и ближайших соседей участках, не всегда оказывались правильными в широком смысле. Точно так-же и действия всего полка, описанные лишь в рамках своего боевого участка и отчасти ближайших соседей, не выявляли истинного значения этих боевых действий.

Но, так-как эти-же действия полка на фоне общей обстановки армии, а иногда и фронта, имели другое значение, приобретали другую ценность и выявляли, подчас, то огромное влияние, которое тот или иной бой полка оказывал на общий исход операции армии или фронта, редакцией внесены свидетельства, дающие более широкое освещение общей обстановки вне рамок только полкового участка. И на этом-то фоне разыгранные эриванцами бои, по своему значению и последствиям, вырастают в огромную величину.

Например, не удержись Кавказская Гренадерская дивизия в Сувалкских боях и особенно Эриванцы в районе озер Ожево—Окунин, (свидетельство Командующего армией генерала Флуга) и, особенно, позже, на левом фланге корпуса, на оставленном Финляндскими стрелками участке, Августовская (Сувалкская) операция была-бы выиграна немцами, а это грозило-бы неисчислимыми последствиями для нашей армии. Затем, если-бы дивизия и, в частности, Эриванцы в кровавых боях в районе Илов—Кернозя—Лович не оказали такой жестокий отпор превосходным силам немцев и не нанесли-бы им тягчайшие потери и потом не остановили-бы окончательно их наступление на р. Бзуре, Варшава была-бы потеряна нами еще до начала 1915 года. Сам Верховный Главнокомандующий свидетельствовал о чрезвычайно высокой боеспособности и доблести Кавказских гренадер, сыгравших главную роль в преграждении немцам путей к Варшаве, в ноябре и декабре 1914 года.

Наконец, еще третий пример. Помимо других мер, предпринятых высшим командованием (фланговый марш 2-й армии, в сентябре 1915 года), но прояви также дивизия и, особенно, Эриванцы, оборонявшие самый глубокий угол “Виленского мешка”, исключительных выдержки, спокойствия и отпора, Виленская операция 10 армии могла-бы закончиться катастрофой, подобно Сольдау.

Как иллюстрация оценки противником боеспособности Кавказских гренадер, интересно письмо, найденное в полевой сумке убитого в период Сувалкских боев германского офицера 5 гвардейского Гренадерского Кронпринца Фридриха Вильгельма полка, объявленное ген. адъют. Мищенко в приказе по корпусу. В письме написано следующее: “Дорогая, я думаю, что я не вернусь и мы не увидимся больше... Сейчас у нас бои... Против нас какие-то *желтые дьяволы.* Мы думали, что это японцы, а оказалось, что это Кавказские гренадеры... Мы выдержали уже три сражения, и я думаю, что и в 33-х — мы их не победим...”

Пройдут еще года... Восстанет Милостью и Хотением Божьим Великая Россия, могучая, сильная и обновленная. Воскреснут тогда и Ее славные исторические полки, создававшие на полях сражений и силу, и славу, и могущество Ее, и вновь старейшим полком, в списках Российской Армии, заблистает имя 13 Лейб-Гренадерского Эриванского полка.

Уйдет наше поколение в другой мир... Уйдут все участники 1-й Мировой войны... Уйдут и последние Эриванцы, высоко державшие свои славные вековые знамена, и тогда-то новым грядущим Эриванцам только одна *многотомная история их полка* и расскажет все о нем.

Расскажет о славе и доблести полка, о подвигах его и его офицеров и гренадер в минувших войнах, о блестящих победах его, она-же, вместе с полковыми песнями, вольет в них “бодрый Эриванский дух” и сроднит их с традициями, бытом и жизнью полка, как в мирное время, в родном гнезде, “на Манглисе”, так и в военное — на походах и в боях. История полка все расскажет и возродит в прежней славе, блеске и неподражаемом духе старейшину Российской армии, Бутырцев — Эриванский полк.

И, когда прочтут выпущенный ныне VIII том полковой истории — “Лейб-Эриванцы в Мировой войне”, да не смущаются сердца читателей, когда они не найдут *внешне* блестящих боев с тысячами пленных и сотнями взятых орудий, что они прочтут, например,

о боях на Юго-Западном фронте. Пусть внимательно вдумаются во всю глубину и существо тех боев, которые провели лейб-Эриванцы, и тех задач, которые они выполнили в этой войне, в их значение и влияние на ход операций армий и фронтов, где дрался полк.

Пусть вдумаются в то, что полк, неся огромные потери, истекая кровью, все-же *каждый раз блестяще выполнял поставленные ему задачи* (Сувалки, подступы к Варшаве, Влодава, Вильно и др.). Да разве-же были эффектные трофеи в бессмертном Альпийском походе у Суворова, или у Багратиона под Шенграбеном? Они теряли орудия, несли тяжелые потери, а трофеями их были — *победа духа и достижение своих целей...* Блистательнейшие победы!...

Совершенно не умаляя доблести наших войск, дравшихся на Юго-Западном фронте и преклоняясь перед их победами, все-же необходимо подчеркнуть, что Эриванцы, как и вся Кавказская Гренадерская дивизия, во всю войну имела перед собой почти всегда превосходные и отборные *германские войска,* самые боеспособные из всей коалиции и только 2—3 дня перед ними оказались австрийцы.

Книга эта должна представлять интерес, как военному, так и невоенному читателю. Написана она хорошим литературным языком и легко читается.

И верится, что каждый, прочитав ее и благоговейно склонив голову перед памятью павших героев полка, должен сказать, что Лейб-Эриванский полк и в Мировой войне поддержал свою трехвековую славу.

Ген. Штаба Полковник *К Булгаков*

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ“

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКИХ УЛАН.

Название "улан" было известно на Руси еще в XVI веке. Так называли, в тогдашних государственных актах и летописях, главных сановников татарских ханов. Но, у татар название "улан" (т. е. Царевич, высокий чин) употреблялось в смысле "лихой", "молодец". Во время междуусобной смуты, которой так изобиловала история татар в XVI-XVII веках, мелкие татарские царевичи уходили в Польшу, приводя с собой своих сторонников. Эти переселенцы известны были под названием "улан" и, нередко, они составляли конные иррегулярные части, для службы польским королям. Так, мало-помалу, образовался особый отдел польского войска, составленный из татар, с которыми вместе служили "по капитуляции" (условиям) поляки и литовцы. Полки, имевшие такой состав, назывались — уланскими.

Так-как, этот новый вид кавалерийского войска, отличавшийся от других и вооружением (пики с флюгерами), появился впервые в Польше, то и привыкли считать улан национальным польским войском. По примеру Польши, уланские полки были заведены и в других государствах.

В России, первые попытки учреждения уланских полков были сделаны при Императрице Екатерине II, в 1764 г., но первый такой полк получил название не уланского, а пикинерного. В 1784 г. таких полков было уже шесть и в этом году они были переименованы в "легкоконные". В 1797 г., Император Павел I, желая дать занятие многочисленной польской шляхте, повелел сформировать полк, на правах прежней польской службы, но и этот полк не получил название уланского, а был наименован "Конно-польским". Особенность этого полка была прическа "à la Titus" то есть волосы отпускались до половины шеи. В томже году, по образцу польско-конного полка, был сформирован Литовско-Татарский конный полк. В 1825 г. эти полки, под названием уланских, вошли в состав Литовского корпуса, а в 1833 г. расформированы.

Первым уланским полком Русской армии был Уланский Его Высочества Цесаревича Константина Павловича полк. Так был он наименован указом 17 сентября 1803 г., при своем формировании из Одесского гусарского полка. В точности неизвестна причина этого наименования, но, если верить известному литератору Ф. В. Булгарину, служившему в этом полку с 1806 года, случилось это так: в 1803 г., в Петербурге появился новый австрийский военный агент, улан граф Пальтфи, мундир которого, в общем походивший на старо-польскую уланскую форму, при шапке с красным султаном, очень понравился Цесаревичу Константину, бывшему тогда Инспектором Кавалерии. Цесаревич просил у Императора Александра I разрешения сформировать полк, по образцу австрийских улан. Так было положено начало первому уланскому полку Российской Императорской армии лейб-гвардии Уланскому Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полку.

Сообщил *А. П.*

КАДЕТЫ ПЕРВОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА

1) Старший сын Шамиля, отправленный в Россию как заложник, воспитывался в Первом кадетском корпусе и был выпущен в офицеры во Владимирский уланский полк. Оторванный от своего народа, Джемаль-Эддин полностью вошел в Русскую жизнь и когда, в обмен на пленных княгинь Чавчавадзе и Орбелиани, в 1854 г. его вернули на Кавказ, он уже не мог свыкнуться с местной жизнью, тосковал, зачах и умер от тоски.

История Нижегородского драгунского полка гласит, что дважды Русские войска видели Джемаль-Эд-

дина среди горских полчищ. В декабре 1856 г., на реке Гудермас, среди скопища горцев были видны значки всех трех сыновей Шамиля: Кази-Магома, Магомета-Шефи и Джемаль-Эддина. В ноябре 1858 г. в одной из стычек, тоже в Чечне, нижегородцы наблюдали группу всадников на серых конях. Во главе группы ехал всадник в белой черкеске и белой папахе. Мирные чеченцы узнали в нем Джемаль-Эддина.

2) После убитого разбойником Трамом, Начальника Охотничьей команды Нижегородского полка, барона Менгдена, назначен был Начальником Команды прапорщик Николаев (1857 г.), личность оригинальная, подходившая по складу своего характера, под стародавний тип Долохова.

Кадет Первого кадетского корпуса, Николаев, до окончания курса, был выписан унтер-офицером на Кавказ, в Куринский полк и, с боя, добыл себе офицерские эполеты. Носить их ему пришлось недолго. Новая вспышка неукротимого характера, жертвой которой, на сей раз, сделался полковой священник и Николаев снова одел серую шинель. В рядах Нижегородского полка, за Кюрюк-Дара, он получает Знак Отличия Военного Ордена, а за штурм Карса, где он был в охотниках и ранен штуцерной пулей, вторично произведен в офицеры.

В огромной белой папахе и азиатской черкеске, (охотникам разрешалось одеваться по-черкесски и брить голову), всегда с винтовкой в руках, он был наитипичнейшим представителем своей Охотничьей Команды. Сообщил *Г. Танутров.*

Почтовый ящик

Неумолимое время изглаживает из памяти факты, имена, названия, даты. Александр Александрович Левицкий, не имея под рукой спортивных журналов, через 50 с лишком лет, исключительно благодаря огромной памяти и любви к конскому спорту, дает нам картину, можно сказать историю, зарождения и развития офицерских и джентльменских скачек.

Я позволяю себе несколько дополнить заметки А. А. Левицкого поскольку это запечатлела моя память.

В числе известных ездоков, пропущены Н. А. Лисаневич, за свою безумную, смелую езду, прозванный "Скифом" — долголетний стартер Коломяжского ипподрома, в прошлом ахтырский гусар, Петриченко, Папа-Лазарь, впоследствии владелец скаковых конюшень, Лерма (Лермонтов), ахтырский гусар, владелец "Медного Всадника" и "Терека", который закончил свою скаковую карьеру под седлом лейб-драгуна Э. Гримма, Варгунин, кубанец фон-Озаровский, на своем "Вити-Бревис" выигравший стоверстный пробег 1902-1903 гг.. Из более молодого поколения, укажу на лейб-драгуна Э. И. Гримма, владельца скаковой конюшни, участника комиссии по покупке чистокровных жеребцов-производителей в Англии и выдающегося ездока, во всех отраслях конского спорта, моего однокашника по Киевскому к. к. улана Ее Величества Бобошко, владельца скаковой конюшни, занявшей перед войной, второе или третье место, по сумме выигрыша, лейб-улана Бибикова, ахтырца Гурия Панаева, среднего брата, выигравшего Императорскую скачку, на своей выводной кобыле "Ай-Хоп", северца Крым-Шамхалова, владимирца Нацвалова, на "Кир-Ките", 8-й конной батареи Чаплина, также выигравшего Императорскую скачку на "Ля Шанс".

Я помню лишь трех конно-артиллеристов, выигравших этот славный приз: лейб-гвардии Конной Артиллерии Гилленшмидта и полевой — Чаплина и Богуцкого.

Помимо "Обертыня", как первоклассные стиплеры, отлично скакали: "Верни-Гора" и "Веракс" — кривой на один глаз, чем, иногда, пользовались его конкуренты.

Помимо описанных А. А. Левицким сцен скачек у Л. Н. Толстого и в "Ларго" Краснова, есть еще, мало известный в эмиграции, один из первых романов П. Н. Краснова "В житейском море". В нем великолепное описание Императорской скачки — лейб-гусар Петров (читай Павлов) на голову проигрывает скачку своему однополчанину Ламбину, незаметно делая обратный посыл. Ламбину нужны были деньги (приз 1000-1500 р.) для лечения в Крыму своей любви балерины Наташи Блаш, которая там и умирает.

Вероятно, в моих воспоминаниях не все точно и я прошу Э. И. Гримма, моего сверстника по Офицерской Кавалерийской Школе, дополнить мою заметку, как человека, более меня сведущего в деле конского спорта и одного из лучших ездоков былой России.

К. Гавликовский.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ ПОХОД

Это было давно. 40 лет тому назад, но это было. В ночь на 28 ноября 1918 г., снежную и морозную, из города Екатеринослава, на соединение с Добровольческой армией, выступил отряд под командой генерала Васильченко, представлявший собою часть гарнизона этого города. Пройдя 500 верст в 18 переходов, с постоянными боями против красных, с ночной переправой через Днепр у Берислава, поход закончился 27 декабря у Джанкоя, откуда части, по железной дороге, были перевезены в Симферополь, где и переформированы. В память этого похода, приказом Главнокомандующего Добровольческой армией, был установлен нагрудный знак: черный эмалевый крест в терновом венце с гербом города Екатеринослава, в центре. Носился он на трехцветной национальной ленте.

Материалы по описанию этого похода собирал штабс-капитан Б. П. Войнарский, предполагавший их издать, но преждевременная смерть помешала ему закончить этот труд. До сих пор, во всем, что удалось читать, мне только раз попалось упоминание об Отряде, в № 31 "Галлиполийца" в статье "Бронепоезда Добровольческой Армии".

Многие участники этого похода собирались в Галлиполии, а затем и в Белграде. Вероятно и теперь еще есть таковые в живых. Не найдется-ли кто-либо из них, обладающий хотя-бы некоторым талантом, чтобы более подробно описать этот поход? В частности, обращаюсь к Новороссийским драгунам, представлявшим нашу Отрядную конницу.

Сергей Сементовский.

Le Directeur: Mr A. Guering. Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1959 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Девятый год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:
61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей « ВОЕННОЙ БЫЛИ » и « ВЕСТНИКА ».

Подписная цена с пересылкой на год:
700 фр. фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.
В газете — постоянные отделы: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Вышла из печати и поступила в продажу книга
К. С. ПОПОВА

„Лейб-Эриванцы в Великую войну“

В книге 250 стр., 10 схем и 30 фотографий. Книга не поступит для продажи в книжные магазины. Выписывать только со склада издания: C. POPOV, 32, rue Charles de Gaulle, Montmorency (S.-et-O.).
Стоимость книги: 2.500 фр.; страны заокеанские — 6 амер. дол.

„Морские записки“

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам № 3 (48) т. XVI, 1958 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию В. В. Скрябин, 38, Bd de la Republique, Boulogne S/S.

Литературно-политические тетради

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

Независимый орган национальной мысли.
34-й год издания.

Адрес редакции:
73, avenue des Champs-Elysées, Paris-8.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — **61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e)** и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — **Chemin Ducal, Tervuren. Bruxelles.**

Лондон — а) у В. В. Барачевского — **23, Alder Grave, London N. W. 2,** б) у Д. К. Краснопольского — **49, Penywern Road, London S. W. 5.**

Германия — у И. Н. Горяйнова — **Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.**

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — **Bredgade 53, Copenhague.**

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — **Boulevard de Flandre Megrine.**

Италия — у В. Н. Дюкина — **Via Neumoresa 86, Roma.**

Сев. Ам. С.Ш. — в Обще-Кадетском Объединении у В. А. Высоцкого **410, Rivercide Drive Ap. 103 A. New-Iork 25.**

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — **272, 2 avenue San-Francisco 18.**

Канада у К. Н. Мартемьянова — **716, Gerrard str. East. Toronto, ONT.**

Австралия—а) у В.Ю.Степанова,**57, rue Bruce, Stanmor (N. S. W.)**; б) у Н. А. Косач, **16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.**

Венецуэла — у К. А. Келльнера — **24, av. Sarria, Caracas.**

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — **Obligado 2130, Buenos-Aïres.**

№ 38

СЕНТЯБРЬ 1959 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 8-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ

ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ПАРИЖ

Представитель ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ на Германию, кадет Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса
ПОЛКОВНИК

Александр Фаддеевич КИРЕЙ

скончался в г. Дорнштадт 14 августа 1959 года, о чем с глубоким горем извещает семья Обще-Кадетского Объединения.

СОДЕРЖАНИЕ:

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В ответ на многочисленные запросы и выражения неудовольствия подписчиками и читателями наших изданий, Издательство сообщает, что неаккуратный выход «Военной Были» и «Вестника», в истекающем 1959 году, ни в какой мере не является виной ни Редакции, ни Издательства. Весь материал аккуратно сдается во время в нашу постоянную типографию и вина за неаккуратный выход и запаздывания всех номеров, ложится целиком на нее.

Дирекция заверила нас, что это явление временное, и в ближайшем же будущем все войдет в нормальные рамки и наши издания будут регулярно выпускаться, как и прежде.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

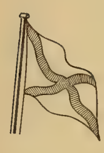
ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

8-й год издания № 38 СЕНТЯБРЬ 1959 Г. Bimestriel. Prix — 250 fr.

Линейный корабль „Полтава"

(ОКОНЧАНИЕ)

На горизонте нас ожидает щит, представляющий собой старое судно (или громадную баржу), между мачт которого натянута парусина; щит буксируется одним из судов щитового дела, душой которого является кап. 2-го ранга Мякишев, хозяйственный человек и талантливый организатор. Сегодня он будет проклинать Егора (Четверухина), что утопил еще одну штуку из его имущества, а не только повредил ее, чтобы можно было исправить. Имеем ход 18 узлов, но возможно, что надо будет дать и 20; механическая часть всегда имеет наготове 2 и 3 котла. Эх, если-бы можно было встретиться с немцами! Такая у всех вера в нашу артиллерию и командира. Но строгий приказ Государя не рисковать 1-й бригадой. Поэтому только постреляем по щиту сегодня и сейчас увидим, как наш 52-калибровый (за его громадный рост и склонность к полноте) Егор будет вести стрельбу боевыми, да и в условиях, близких к настоящим.

Так-как моя вахта кончилась, прошу разрешения у старшего механика оставить мой боевой пост (главное управление турбинами) и подняться наверх — поглядеть. В моей каюте вестовой Зинин (татарин) шурует. Все, что было на полках, положено на койку или на палубу. Спрашивает:

— Ты, В-дие, зачем?

— Хочу взять бинокль.

Он вынимает из ящика стола и дает мне его.

— Дай мне еще эту коробочку! — В ней находятся эбонитовые шарики для закладывания в уши против сотрясения воздуха от залпов.

Зинин у меня очень сердитый, удивительно чистоплотный и аккуратный. Очень заботится обо мне. После вахты всегда приготовит ванну и все необходимое для мытья. А за столом ревниво следит, чтобы не выпил лишней рюмки водки. Это моя мать, при посещении корабля перед началом кампании, ему наказала беречь "малого". А малый 1 м. 78 см. ростом и при этом футболист.

В кают-компании оживление. Там младший доктор, по прозванию "пипифаша", с санитарами приготовляют перевязочный пункт, а, если нужно, то и операционную.

Больше всех суетится наш ресторатор-француз monsieur Orveillon Felix, личность незаурядная. Маленьким мальчиком-сиротой он был привезен из Тулона адмиралом Авеланом, вырос в С. Петербурге, в 16 лет был им отправлен в Париж к знаменитому ресторатору Дюран для усовершенствования в кулинарном искусстве и, по отбытии воинской повинности, вернулся в Россию, пошел добровольно на 2-й Тихоокеанской эскадре на Восток, был в Цусимском бою на "Суворове", и по возвращении плавал на разных судах военного флота. Назначенный командиром "Полтавы", барон Гревениц пригласил его ресторатором на корабль, где он пробыл с постройки до конца дней корабля. Кормил он замечательно, по рецептам старой французской кухни. Очень славились его блинчатые пироги, с восемью начинками, которыми, по судовой традиции, офицер, в день своего Ангела, угощал кают-компанию за завтраком. В день французского национального праздника, 14-го июля, Феликс приготовлял что-то особенное и замечательное по тонкости вкуса и оригинальности. "Как во дворце Президента Республики", — говаривал он, разодетый во фрак, со всеми декорациями, а у него были все медали за усердие, также и военные, как на груди, так и на шее. Он плакал от радости, когда, по представлению командира корабля, получил, наконец, орден Станислава 3-й степени. Имея возможность, как штатский человек, оставаться на берегу, он всегда был на корабле во время боевых походов, исполняя очень усердно обязанности старшего санитара по боевому расписанию команды.

Пройдя через буфет, я убедился, что и здесь все приготовления закончены. Решил обосноваться в плутонге Жени Михайлова, артиллериста в третьем поколении, с которым связывала служба и дружба еще с училища (он был юнкером флота и жил в нашем училище). Вот мы подходим к позиции. Пробита боевая тревога. Все автоматически задраивается, телефоны, передатчики всяких расстояний и указатели работают на полный ход. Кроме этого у большинства офицеров имеются артиллерийские бинокли с сеткой на стеклах, также дающие расстояние до цели. У нашего Егора он огромный, и, должно быть, очень точный. Смотрю в прорезь, на горизонте вижу две точки; это буксир и его щит. Женька звонит по телефону в боевую рубку:

— Егор, сделай милость, поиграй со щитом, не топи его сразу.

Слышу в ответ веселый бас Четверухина:

— Как выйдет, Женя, как выйдет, что даст Господь!

— Прибедняется Егор, ты-же его знаешь. Посмотрит в свои окуляры и скажет 65 кабельтовых, а в это время дальномеры начинают жужжать со всех постов 65 каб., дистанция 65 каб.

Так вот и теперь, Георгий Николаевич посмотрел в свой бинокль и сказал 72 каб. В этот момент стрелки всех дальномеров Барра-Струда указали 72. Два больших залпа. Сильное сотрясение всего судна. Ощущение, что корабль качнулся и осел. Хочется закрыть глаза и спрятать голову, точно это чем-то поможет. Звук менее резкий, чем залп хотя бы шестидюймовых. Смотрю, почти на горизонте, за щитом, громадный столб воды. Вернее несколько их. Следующий залп снаряды падают перед щитом, немного впереди. Накрытие. Егор выравнивает по целику. Залп. Один больше. После пятого залпа, колоссальный столб воды и на море нет больше щита. Жалко, жалко, что это не немцы.

За завтраком большой шум в кают-кампании. Разбор стрельбы и всего маневра. Объяснения дает сам Четверухин, присутствует, как приглашенный, командир (по уставу он ест отдельно, у себя в помещении, а председательствует в кают-компании старший офицер).

. . . .

Офицеры корабля любили и умели заниматься с командой, подготовляя ее к исполнению долга перед Государем и Родиной. В часы досуга, команда также не оставалась без внимания. Старший офицер "Полтавы", пробывший в этой должности, с постройки корабля и до революции, хорошо знал команду. Ему пришла идея устраивать спектакли на корабле. Сначала это делалось в день судового праздника "Полтавской победы", а затем в 1916—1917 гг. был снят финский народный дом в Гельсингфорсе на зимний сезон, каждую первую субботу месяца. После спектакля там устраивался морской бал, на который каждый матрос имел право пригласить двух дам, все это было бесплатно. Вход был свободный и для матросов с других кораблей. Успех этого начинания был огромный. Кап. 2-го ранга Щастный побывал в С.-Петербургской Публичной библиотеке и привез оттуда копию старинной пьесы "Сказание с славном Царе Максимилиане и его преступном сыне Адольфе". Комедия была нами переделана с прибавлением сцен из морского быта, что очень понравилось команде. Актеры были офицеры и матросы. Роль Царя Максимилиана исполнялась старшим судовым боцманом Афанасием Ивановичем (еще с парусного флота. Плававшим на "Герцоге"). Он очень подходил к этой роли и важно восседая на троне, в мантии и короне, окруженный царедворцами, властно возглашал: "А позвать ко мне моего преступного сына Адольфа", на что церемонимейстер арт. унт. офицер Степанов дает реплику: "Вахтенный". Входит вахтенный матрос с дудкой. Свистит и окликает: — "Адольфа к царю". Тотчас два матроса из караула вводят Адольфа-машиниста Тимошкина и т. д. Режиссером был я и кроме того исполнял роль портного:— "Вот, я швец, портной, на чужой покрой, кто-бы сшил, да скроил, я-бы денежки получил". Вся пьеса была в стихах и прибаутках. Вторым номером был музыкальный дивертисмент "Веселая деревня". Это были хоровые русские песни и пляски в костюмах эпохи, в исполнении артистов из команды корабля (мужские и женские роли) и в сопровождении судового оркестра балалаечников, и духового, также организованных мною. Это было для команды самое ценное; хоровые песни и частушки, известные им еще с детства и переносившие их хотя и на короткое время, но в родной быт мирного времени. Номер имел всегда исключительный успех.

Перед началом спектакля были выступления гимнастов и различные упражнения по поднятию тяжестей. Особым успехом пользовался номер разрывания цепей и сгибания железа в исполнении водолазного старшины ст. унт. оф. Зосимова (более 100 кил. веса), чемпиона России по поднятию тяжестей, друга и ученика Поддубного. Праздник заканчивал грандиозный бал (два оркестра музыки).

Кроме судового праздника устраивались массовые съезды на берег на баркасах, например, на Бригитовку, во время стоянки в Ревеле, пикники для рыбной ловли и танцев на природе. В последнее время, нами был арендован в Свеаборгской бухте маленький остров, находившийся в 150 метрах от бочек стоянки корабля. Большая дача с хозяйственными постройками позволила нам разгрузить судовой лазарет и, под надзором фельдшера, поместить больных (легочных) главным образом из машинной команды. Были куплены три коровы и несколько свиней, и каждый вечер барказ отвозил на остров удильщиков рыбы и несколько обрезов с остатками дневной пищи для свиней, а к Рождеству откормленные, они шли на улучшение командного стола.

Спорт очень процветал на "Полтаве". Обязательное обучение личного состава плаванию, гребной и парусный спорт, зимою конькобежный и буэрный, гимнастика на снарядах и борьба (руководители лейт. Васильев и Михайлов и ст. унт. оф. Зосимов) легкая атлетика и футбол, в котором "Полтава" была представлена двумя командами: 1-я из них под моим руководством выиграла часы Государя Императора и переходящий серебряный кубок, пожертвованный командующим Балтийским флотом, адмиралом Каниным.

Командир В. Е. барон Гревениц принимал самое большое участие в организации спортивной деятельности на корабле. Им были отпущены значительные средства для приобретения снарядов и спортивной экипировки. Для построенных аэросаней он подарил 6-цилиндровый мотор "Скриппс" со своей петербургской яхты.

С. В. Зарубаев, второй командир, душа всех спортивных начинаний, не пропускавший ни одного состязания, добился перевода из армии во флот запасного оркестра Л. Гв. Преображенского полка. Этот

оркестр участвовал во всех спортивных выступлениях команды, а зимой играл на концертах в пользу раненых в инов.

Это внимание офицеров к команде и занятие с нею во время досуга дало прекрасный результат. В ночь с 3-го на 4-е марта 1917 г. во время общего матросского восстания на лин. кор "Полтава" *не был убит и не был арестован ни один офицер,* а переговоры 3-го марта около 9 час. вечера у борта корабля с толпой матросов со 2-й бригады линейных кораблей сделали то, что убийства офицеров на больших кораблях прекратились, матросы устремились на берег, где и произошли дальнейшие и самые значительные эксцессы на судах, стоящих у набережной Свеаборгского порта. Более того, наша судовая команда, до последнего дня моего пребывания на корабле, т. е. до октября 1917 г., была настроена вполне лояльно по отношению к офицерам. В судовой церкви совершались по праздникам богослужения, пел командный хор, матросы посещали службу, как и раньше. Как факт, могу сообщить, что в июльские дни из-за ареста в Петрограде видных большевиков, а у нас в Свеаборге председателя Центро-Балта Дыбенко, были митинги на кораблях с целью поднять восстание. "Полтава", стоявшая последней в линии судов, после собрания, руководимого депутатом ст. ун. оф. Зосимовым, постановила воспрепятствовать этому. Сейчас-же была пробита боевая тревога и стали шевелиться хоботы бортовых орудий. Одновременно Командующий флотом выслал на рейд несколько миноносцев. На флоте прокатилось: "Полтава" не хочет. И восстание не состоялось. К этому времени команда корабля делилась на беспартийных и соц. революционеров (Зосимов), других партий не было. Конечно, одному кораблю остановить событий было невозможно, но прекрасный подбор офицерского состава и ясно поставленные ст. офицером А. М. Щастным цели воспитания команды, сделали благое дело и корабль был в полном порядке и комплекте до демобилизации 1918 года.

Мне хочется, в добавление к сему, сообщить один случай прекрасного состояния духа машиной команды "Полтава", очевидцем которого я был. После кошмарной ночи массового убийства офицеров флота, на утро 4-го марта 1917 г., наступило затишье. Накануне 3-го, как это делалось каждый день, на "Кречете" (Штаб Ком. Балт. фл.) был поднят сигнал: 4 марта дежурный корабль "Полтава", поддежурный "Гангут" (наш sister ship). По регламенту службы, на стоянках в портах с дежурного корабля от подъема и до спуска флага, отправлялся на берег взвод матросов с офицером и двумя унт. оф. для несения полицейской службы (обходы) в дессантном обмундировании с повязкой на левом рукаве (буквы рцы — синий, белый, синий). С поддежурного корабля также отправлялся взвод с офицером, с подчинением офицеру дежурного корабля, который был старшим обходным офицером. Фамилии их сообщались по семафору на "Кречет". Штаб-квартирой охраны было Морское Собрание. Для нужд обхода, полагался портовый однотонный грузовичек "Фиат", находившийся в распоряжении старшего обходного офицера. По судовому расписанию на этот день старшим обходным офицером был назначен я, в то время, трюмный инж. мех. и командир трюмно-машинной роты. После подъема флага, я выстроил свой взвод и проверил людей и исправность обмундирования. Ввиду происшедших ночью событий, командир кап. 1-го ранга Зарубаев, приказал вооружить отправляемый взвод винтовками, а также передать об этом по семафору на "Гангут", с просьбой сделать то же самое, что и было исполнено.

Получив все указания по охране порядка на берегу, мы отправились по льду в Свеаборгский порт, вдали за нами следовал взвод с "Гангута" с мичманом Н. Подходя к портовым воротам, но находясь еще в 700 метрах до них, мы услышали несколько выстрелов и увидели замешательство у входа. Ускорив шаг, мы все же пришли несколько поздно. На берегу мы узнали, что было покушение на жизнь Командующего флотом адм. Адриана Ивановича Непенина, что он ранен и отправлен в госпиталь. Затем оказалось, что это неверно, и адмирал был убит выстрелом сзади.

Придя на берег на несколько минут раньше, мы наверное помешали бы этому злодейству и, может-быть, судьба флота была-бы иная. Пути Господа неисповедимы.

Придя на место, я отправил Гангутский взвод в патруль на Вокзальную площадь, где ожидался большой митинг, а также на эспланаду. Свой взвод разделил на две части: одну из них в 15 человек, под командой ст. унт. оф. Мельникова отправил в район Русского театра, где жило много семейств моряков, а сам, с резервом, остался в Морском Собрании, наказав, время от времени, сообщать мне по телефону о происходящем в городе. Первая половина дня прошла относительно спокойно. Часов около 3-х я получил от унт. оф. Мельникова телефонный звонок. Он извещал меня, что на Александровской улице (если не ошибаюсь) наблюдается скопление людей в солдатской форме и, видимо, готовится какая-то манифестация, а через несколько минут второй звонок Мельникова сообщает, что одиночные солдаты пытаются проникнуть во двор дома, где проживают семейства высших чинов укрепленного района Свеаборга, и что он просит инструкций. Я ответил, что сейчас приеду сам с подмогой и приказываю не стесняться ничем для защиты женщин и детей, живущих в доме. Тотчас-же я приказал подать грузовик и, взяв всех свободных людей, отправился на помощь. Мы прибыли во время. Банда запасных солдат, по виду каких-то лесных бородатых людей, вооруженных кольями, наседала на наш патруль. Мой унт. офицер, ясно сознавая неравенство сил, приказал зарядить винтовки. Подъезжая, я увидел наших людей, цепью, поперек улицы, открывавших огонь; первый залп в воздух, а затем по толпе. Толпа (около 200 чел.), увидя подъезжающий грузовик и выскакивающих матросов, замешкалась и бросилась в обратную сторону, оставив на месте 6 человек раненых.

На своей машине мы преследовали их до спуска на лед и убедившись, что они возвращаются на свои форты, повернули обратно. Часа через два прибыл взвод солдат крепостной артиллерии, которому мы и сдали охрану дома, отвезя раненных в госпиталь. С нашей стороны потерь не было.

По возвращении на корабль, я доложил обо всем Командиру и мы получили благодарность за наши действия в приказе по кораблю. Если-бы был жив адмирал Непенин, он также одобрил-бы это, т. к. знал как мы воспитывали команду корабля.

На следующий день утром, на лин. кор. "Полтава" прибыл командующий войсками Свеаборгской крепости и укрепленного района ген. штаба ген. лейт. Пащенко и командующий артиллерией ген. майор Алексеевский, и при выстроенной команде и офицерах, в прочувственных словах благодарил за спасение семейств генералов и офицеров, живших в этом доме, и особенно был рад, что это сделали люди экипажа лин. кор. "Полтава", имени того города, в котором он родился. Расцеловав меня и моих унт. офицеров, генералы уехали. В первый-же день революции во флоте, команда "Полтавы" проявила свои качества защиты порядка и верности долгу, каковые она сохранила до самого конца — демобилизации.

В конце 1917 г., покинув службу во флоте, я поступил на Николаевскую ж. д., и в феврале 1919 г., находясь, по делам службы, на территории Адмиралтейского завода, я посетил родной корабль, стоявший на причалах на том самом месте, откуда 12-го октября 1914 г. он, впервые, вышел на испытания. Все надстройки и палуба были занесены снегом; по мосткам я поднялся на шканцы, по обыкновению сняв фуражку, приветствовал родной корабль, затем, не видя никого около, стал спускаться по трапу 4-й башни, ведущему в кубрики и кают-кампанию. Темно, ни души. Зная каждый поворот и изгиб пути, я все-же двигался осторожно, как вдруг услышал шорох и, затем, голос: "Кто там"? Зажег спичку с при свете ее увидел фигуру матроса в бушлате с поднятым воротником. "Это вы, ваше высокоблагородие"? — По голосу я узнал одного из моих славных машинистов Иванова Михаила. Оказалось, что он и еще 2 человека несут службу сторожами на корабле. Я попросил показать мне его. Он ответил с дрожью в голосе: "Г-н лейтенант, показывать-то вам нечего. Загубили нашу "Полтаву".

После прихода из Гельсингфорса, команда стихийно демобилизовалась и, покинув корабль, оставила все на произвол судьбы. Пары были прекращены, но вода не была спущена ни из котлов, ни из механизмов и трубоотвода, а наши крепкие морозы закончили все сами. Все полопалось и понемногу ржавело. Все ценные предметы кают-кампании были расхищены. Как я потом узнал, мой соплаватель и друг инж. мех. лейтенант Карл Антон, разыскивал меня, чтобы передать мне всеми нами чтимую икону Божией Матери Казанския, которую он вывез с корабля. Затем он уехал в Эстонию, где и был командиром ревельского порта.

Последний раз взглянул я на корабль, расставаясь с ним, и прослезился. Много было потрачено сил и здоровья, и все оказалось никчему.

П. А. Волхонский

1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 году

(Продолжение)

Оценивая положение 15-го (28-го) августа, проф. Вацетис пишет: "На левом фланге (немцев) в это время надвигался корпус генерала Клюева, но этот генерал выдал по радио секрет своего марш-маневра и этим самым подготовил свою гибель. Тем не менее, при большей энергии и искусстве, группа Шольца могла быть разгромлена в этот день по частям" (Вацетис, стр. 196).

Вот этой-то энергии у генерала Клюева не было. Лично храбрый, что он показал на другой день, распоряжаясь отпором 5-й резервной бригады у Шведриха, он был неспособен на смелое и самостоятельное решение. Имея пять полков, из которых только Невский вел упорный бой втечении дня, он мог решиться на дальнейшее наступление. Взамен этого, простояв целый день у Грислинена, советуясь со старшими начальниками дивизии, генералами Угрюмовым и Преженцовым, и, вероятно, полковыми командирами без инициативы, как полковники Григоров и Гриббель, генерал Клюев целый день дожидался получения приказа из штаба армии. (О "Военных Советах", см. "Военный Сборник", № 4, стр. 160). Как известно по статье капитана Фукса, приказание генерала Постовского, о котором я писал выше, пришло в 12 ч. ночи на 16-е (29) августа. Оно соответствовало настроению генерала Клюева в тот момент — уходить без боя на восток, стараясь "ускользнуть" от противника, но и в этом генерал Клюев медлил. Он, вопреки распоряжению штаба Армии, решил дать отдохнуть корпусу, ссылаясь на трудность для артиллерии пересечь лощину Пассарге-Квелле. Мне кажется, что при желании это было возможно, так-как не вся лощина была заболочена и можно было нащупать сухие места, но нам было приказано заночевать на своих позициях, причем нашему 2-му батальону было разрешено присоединиться к полку в Каммервальде. С ним отправился и я.

Разбирая наше положение к вечеру 15-го(28-го) августа, профессор Вацетис пишет, что генерал Самсонов решил собрать 2-ю армию на линии Ортельсбург—Млава. Для этого нужно было отвести 13, 15 и 23 корпуса к границе не позже полдня 16-го (29) августа, поддерживая отход короткими ударами 6-го корпуса на Ортельсбург и 1-го на Нейденбург. Это

было возможно: 15-й и 23-й корпуса могли легко на рассвете достигнуть Мушакена, 13й корпус — границы к полудню 16-го (29-го) августа. В 6-м корпусе была 16-я пех. дивизия и 4-я кавалерийская, мало участвовавшие в боях, 1-й корпус тоже мало пострадал, спасение центральных корпусов было возможно.

Но мы отдыхали. Явившись в полк, я нашел его в очень бодром настроении, несмотря на сильные потери, после одержанной победы. Все были уверены, что на рассвете мы двинемся против немцев дальше. Наш 3-й батальон сильно пострадал. В моей 10-й роте по перекличке оказалось всего 80 человек. Командира роты, капитана Радишевского, не было, думали, что он или был ранен, или заблудился и остался где-то в лесу, где его не могли отыскать. Командир полка приказал мне принять командование ротой. Усталые мы растянулись на траве и скоро заснули, но спать почти не пришлось.

16-го (29-го) августа, еще в темноте, мы были разбужены, так как пришло приказание полку итти на Меркен. Полк быстро поднялся и стал выходить из леса. Командир полка приказал мне принять полковое знамя. Моя рота шла в голове батальона. В темноте я не заметил, в каком порядке шли наши батальоны, но думаю, что последним шел наш первый батальон, которым командовал энергичный и храбрый капитан Артабалевский. Мы двинулись из леса одной колонной, перешли лощину Пассарге—Квелле и направились к деревне Меркен. Внезапно послышался какой-то сильный шум скачущих лошадей и громыхающих повозок, и мимо нас пронесся какой-то обоз, от которого мы еле успели отскочить в сторону. Что-то испугало лошадей, выстрелы или что другое, но они неслись мимо нас в бешенном карьере, несмотря на старания вожатых остановить их. Произошло замешательство, которое нас несколько задержало. Когда мы приближались к Меркену, было уже почти светло и на краю деревни загорелся дом. Одновременно нас стали обстреливать из-за Меркена. Командир батальона приказал мне рассыпать цепь, а командир полка приказал отнести знамя в другой батальон, выделив полуроту для его охраны. Я отправил вторую полуроту, под командой подпоручика Масленникова. Я его больше не видел до самого плена. Рассыпав цепь, я открыл огонь по неприятелю, занимавшему высоты позади Меркена. Делая перебежки под огнем противника, мы приблизились к деревне. Немцы не пытались нас атаковать и отошли к Гогенштейну, и по приказанию командира батальона я свернул свою роту, которая уменьшилась за выделением полуроты до 40—50 человек, и прошел через деревню Меркен посреди горящих с обеих сторон домов. Никто нас не тревожил, и мы беспрепятственно дошли до перешейка, по сторонам которого части нашего корпуса занимали позиции с артиллерией для того, чтобы не допустить немцев отрезать наши отступающие части. Бригада 3-й резервной дивизии фон Моргена пыталась перехватить наш корпус, но была отбита, особенно благодаря лихости батареи капитана Брылкина, 36-й арт. бригады. Наш батальон был, вероятно, последней частью, прошедшей через Меркен и перешеек. Наш 1-й батальон не успел проскочить и был отрезан вновь подошедшими от Гогенштейна немецкими частями. Он присоединился к 144 Каширскому полку, оставленному в арьергарде корпуса, и разделил его участь. Этот полк сражался до ночи, отбив целый ряд немецких атак со всех сторон — с юго-востока дивизии Унгера, с юга и юго-запада 6-й бригады дивизии Моргена и дивизии Гольца, с северо-запада 37-й дивизии, и с севера подоспевшими частями 1-го рез. корпуса Белова. Все эти атаки были отбиты ураганным огнем Каширского полка и батальона Невского, с находящейся при них артиллерией. Уже к вечеру немцы сосредоточили от 100 до 150 орудий и буквально смели полк с лица земли. И официальный отчет объясняет это тем, что, когда немецкий командующий направил полковнику Каховскому парламентера с предложением сдаться, последний велел открыть по нему огонь. Тот-же отчет сообщает, что у Меркена и Гогенштейна было захвачено 8.000 пленных. В этом видно явное преувеличение, которым часто грешат немецкие отчеты. С нашей стороны в этот день дрались всего четыре батальона Каширского и один батальон Невского полка с артиллерией, т. е. самое большее 5.000 человек. Немцы сами описывают огромные потери этих полков, откуда-же они набрали тысячи пленных, которыми они хвастаются?

Наш полк довольно спокойно отошел к Куркену. У Шведриха, где был новый перешеек между двумя озерами, 5-я рез. бригада опять пыталась нас перехватить, но была отбита Софийским полком и батареей Брылкина и преследовавшие нас немцы не были боеспособны. Потерь в этих боях, насколько мне известно, не было. Таким образом мы дошли довольно рано до Куркена и все части полка, прошедшие через Меркен, а некоторые, обойдя озеро Гресс-Плаузигер, были собраны полковником Первушиным и заняли позицию впереди деревни, лицом к западу. Противника мы однако не дождались, он был слишком утомлен: 5-я рез. бригада достигла Куркена только к вечеру, а дивизия 1-го рез. корпуса генерала Белова, шедшая с севера, кругом озера Ланскер, завалилась спать в 8 километрах северо-восточней Куркена.

Как сообщает капитан Фукс, в Куркен вернулся начальник штаба корпуса генерал Пестич, который привез приказ, написанный в Орлау и подписанный генералом Постовским, который гласил, что за отсутствием генерала Кондратовича и пленением генерала Мартоса, руководство отступлением трех корпусов возлагается на генерала Клюева. В этом приказе давалась совершенно невыполнимая директива движения корпусов, не считавшаяся с положением в данный момент. 15-му корпусу предписывалось отходить на Янов, а 13-му на Хоржел. По словам капитана Фукса, генерал Клюев сначала намеревался не исполнять этого приказания и вести свой корпус на восток — на Омулефофен и Виленберг, но потом, по своему обыкновению, слепо исполнил приказ и направил корпус

на Мушакен через Яблонкен. При этом он не сделал того, что самый мелкий чин генерального штаба обязан был сделать — и не выяснил точного положения вверенных ему корпусов и дорог, по которым они отступают. Этим он сам погубил себя и свои два с половиной корпуса. Между тем, казалось-бы, у него на это была возможность: когда мы подходили к Яблонкену, то возле деревни увидели совершенно свежий, как нам казалось, казачий полк. Был ли это тот Оренбургский казачий полк из 13-й кавалерской дивизии, о котором неодобрительно отзывался в своей записке генерал Мартос (Головин, стр. 181) или иной; но уже к ночи отдельные группы казаков скакали во все стороны, стараясь проскочить на юг. Во всяком случае, однако, имея этот полк, генерал Клюев должен был произвести разведку по направлению к 15-му корпусу и в Кальтенборнский лес и сообразно с этим вести свой корпус.

В журнале "Часовой (№ 382, декабря 1957 г.) была интересная статья М. Карханина о Российском Генеральном Штабе, создание которого зародилось еще при Петре Великом. В своем воинском уставе 1716 г Великий Преобразователь определял задачи тогдашних полковых квартирмейстеров: заблаговременно изучать театры военных действий, производить разведки, организовывать марши — "в каком строю войска итти имеют, дабы друг другу не препятствовать". Современные колонновожатые в Яблонкене об это как-раз не позаботились. Они удовлетворились указанием приказа генерала Постовского, что 15-й и 23-й корпуса отступают на Янов, но каким путем, не подумали. Между тем, как пишет генерал Головин (стр. 303), те части 15-го корпуса, которые вместе со 2-й дивизией находились у Лана, могли отойти только на Комузин.

Части 13-го корпуса, двигаясь по дороге Яблонкен—Мушакен, вступили в густой лес, который называется то Комузинским, то Кальтенборнским, то Валлендорфским, в зависимости от того, с какой стороны в него входить. Было уже темно, когда мы были остановлены у перекрестка с дорогой, ведшей, как оказалось, из Ланы на Кальтенборн. По ней двигалась масса отступающих войск — это были 15-й и 23-й корпуса, усталые, голодные. Как раз со стороны 13-го корпуса на месте не оказалось ответственных начальников. В голове шел Софийский полк, "наиболее сохранившийся", как пишет капитан Фукс. Части перепутались, никто не знал, куда итти, слишком поздно чины штаба стали у перекрестка, опрашивали подходящие части и давали им направление. Получалась полная неразбериха, в которой старшие начальники, по словам записки генерала Клюева, "всю ночь сами сортировали части, иногда чуть ли не по одному человеку". Общее направление 15-му и 23-му корпусам было дано "направо", т. е. на Мушакен, а 13-му на Калкьтенборн, т. е. левей ("Военный Сборник" № 4, стр. 161). Вероятно, не все старшие начальники были осведомлены, куда направлять части, так как наш 3-й батальон был отделен от полка и направлен на Мушакен. Полковник Левицкий, сколько мог, держал остаток батальона в руках и к утру привел его на высоту, командующую над шоссе Нейденбург—Вилленберг. Внизу была видна наша брошенная батарея, так как лошади были подстрелены и не могли уже везти орудий. С момента встречи корпусов на перекрестке, Армия перестала существовать: люди в большинстве частей разбегались и перемешивались. Ожидая направления у перекрестка, я увидел полковника, стоявшего на небольшом холмике, он назвался командиром 31-го Алексеевского полка, и сказал мне, что он потерял свой полк. Генерал Головин полагает, что "Центральные корпуса армии генерала Самсонова гибли не от окружения ,а от удара со стороны своего левого фланга в тыл, причем этому удару удалось развиться так глубоко, что он пересек все пути отступления на юг". (стр. 335).

Это неверно: не немцы нас добили; а мы сами, вернее, генерал Клюев нас развалил в Кальтенборнском лесу. После Кальтенборна корпуса, как организованной единицы, уже не было, была лишь толпа пеших и конных солдат, бродивших в лесу, искавших, к какому начальнику пристать для того, чтобы пробиться. Попытки пробиться были сделаны: колонна, которою командовал генерал Преженцов, но при которой находился полковник Первушин с двумя батальонами своего полка, натолкнулась у Валлендорфа на немецкое заграждение, с артиллерией. Выкатив свои орудия, полковник Первушин открыл сильный орудийный и пулеметный огонь, а затем бросился в штыки, увлекая за собой колонну, состоявшую из разных частей. Немцы были смяты и бежали, бросив 20 орудий, но в рукопашном бою полк. Первушин получил три штыковые раны и упал замертво. Лишившись энергичного начальника, колонна рассеялась, генерала Преженцова в темноте не могли найти, и он очутился уже в плену. Более удачным оказался прорыв у Садека и Пухаловена полутора батальонов 31-го Алексеевского полка под командой подполковника Сухачевского. Средняя колонна, при которой находились генералы Клюев и Угрюмов, силой до 20.000 человек, с многочисленной артиллерией, направилась на Садек и Рейшвердер. Встреченная артиллерийским огнем немецкого заграждения, она сопротивления не оказала и по приказанию генерала Клюева сдалась "во избежание напрасного кровопролития". Эти слова, как замечает генерал Головин, "у Садека произносились исстрадавшимся человеком со сломанной волей". Не желая осуждать генерала Клюева, генерал Головин задает вопрос, что-бы произошло, если-бы он попытался пробиться у Пухаловена. Он считает, что на фронте в 15 километров было не больше 6—7 немецких батальонов при 7—8 батареях. У Клюева силы были не слабее противника, т. к. в его колонне было не менее 20-ти батарей. "Волевая устойчивость ген. Клюева несомненно увенчалась-бы успехом, немцы-бы расступились". (Головин, стр. 333—334).

Таково же мнение немецкого историка: "Кольцо, их окружавшее, было тонкое, на протяжении 50 километров от Мушакена через Вилленберг до Едвабно

находились... всего 29 батальонов, ослабленные предшествовавшими боями. Энергичному и смелому военачальнику удалось-бы прорвать кольцо и вырваться с большей частью своих сил. С немецкой стороны считались с такой возможностью. Однако, нигде такой серьезной попытки сделано не было".

Я сам со своим батальоном и кучкой солдат моей роты оставался на высотах над Мушакеном, под артиллерийским обстрелом немцев, как только они замечали малейшее у нас движение. Снаряды сбивали верхушки деревьев, которые с треском падали на землю. В этой трескотне я не видел, как остатки батальона ушли куда-то на восток, вероятно ища, где можно будет прорваться на юг, и остался с кучкой в пять шесть человек и подпрапорщиком Новиковым моей роты. Позже ко мне присоединился офицер Софийского полка капитан В., отбившийся от своего полка. Мы целый день пробродили в лесу, стараясь проскочить, но везде встречали пулеметный обстрел по шоссе, а ночью игру прожекторов, освещавших дорогу. На рассвете я отпустил своих людей, с советом пробираться одиночно, а сам с Софийским офицером и Новиковым решил сделать то-же самое. Однако нам это не удалось: измученные многими бессонными ночами, боями и утомительными переходами, мы заснули в лесу и проснулись лишь в послеобеденное время, когда в нескольких шагах от нас надвигалась немецкая цепь, вылавливающая наших людей, как затравленных зверей. Иногда раздавались одиночные выстрелы — нам говорили потом, что немцы пристреливали тяжело раненных. Для меня война кончилась, начались томительные три года плена.

Хотя спешность мобилизации не дала мне времени хлопотать о переводе в мой старый полк мирного времени, в котором я прослужил шесть лет, я был счастлив, что судьба привела меня быть в походе со славным первым полком русской Армии, одним из полков Великого Императора. Все мои сослуживцы, офицеры и солдаты, исполнили свой долг в тяжелой походной обстановке и в боях с противником, о чем свидетельствует, что из 46 офицеров, вышедших в поход, за три дня было убито и ранено 16, т. е. 33 проц. Сколько мы потеряли нижних чинов, точно установить не удалось, но несомненно эти потери были очень велики. Что-же касается нашего любимого и чтимого командира полковника Первушина, то для нас было истинным праздником, когда мы узнали из писем с родины, что по возвращении его из плена, как тяжело раненного, он был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

Г. Беннигсен

(Окончание следует)

Три времени года в четырех стенах

(Окончание)

Идет 1-я неделя Великого поста; говеют 3-я и 4-я роты. Уже приготовлено *трио:* "Да исправится молитва моя". По средам и пятницам едим постную пищу, какие-то ужасные *шуляки* (ломанные коржи — в белой водичке) и картофельные котлеты. На утренней молитве поем трижды "Кресту Твоему поклоняемся, Владыко" и трижды опускаемся на колени.

Перед исповедью, пишем на записочках список "грехов", в которых должны покаяться и тут-же кощунственно на подаваемых просфорах пишем: о здравии: "биндюжника *Солона*", "балды *Люсида*", "раба Божьего пьянчуги Зданкевича" и пр. Все равно, мол, дьякон со слепу, да и за множеством просфор — не разберет!

Дни все ясней и солнечней! По утрам на лужицах еще тоненькие корочки льда, которые так приятно разбивать каблуком, но по всему видно уже, что весна прочно вцепилась в свои права. Приближается Страстная неделя и Пасха.

Нас с Глебушкой на Пасху не берут домой (и дорого, и далеко), но большинство кадет, живущих большей частью в Полтавской губ. или поблизости — готовятся к отъезду. Остается из всех классов человек 40—50. Всех нас сводят в одну роту и помещают в один дортуар. Это уже необычно, и потому приятно! Там, где раньше звучали тенора и неокрепшие баски — раздаются тоненькие голоса малышей из 4-й роты. Старшие кадеты их балуют и ласкают. Своей молодостью, наивностью и малолетством они невольно возбуждают нежность старших. Ведь это — они сами 5, 6 лет назад.

Уроков нет, но зато церковные службы по 2 раза в день. В промежутках ходим гулять по расцветающей, как молодая красавица, Полтаве. Она благоухает уже зацветшей акацией, улицы постепенно превращаются в сады, в круглом саду открываются летние будочки, торгующие квасом "Фиалкой", пивом и незамысловатыми сладостями.

"Круглый сад" Полтавы — это пляс Этуаль в Париже. От него расходятся во все стороны главные улицы: Александровская, Мало-Петровская (интересно то, что Большой Петровской нет вовсе), Сенная, Кобелякская и пр.

Вокруг сада сосредоточено много казенных учреждений: дом губернатора, Губернское правление, Корпус, женская гимназия, Окружный суд и пр.

"Тут и полиция, тут и милиция, тут и юстиция, — словом институт благородных девиц"!

А к настоящему "Институту благородных девиц" ведет широкая, густо засаженная липами "институт-

ская аллея", больше похожая на сад, чем на улицу. У самого института большие, чугунные ворота, всегда запертые, за ними большой двор и в глубине — длинное здание с большой надписью золотыми буквами.

Мы симпатизируем институткам: это, ведь, почти девичий кадетский корпус, но мы видим их очень редко на балах: корпусном и институтском (да и то только одних, так наз. пепиньерок), поэтому наши увлечения и дружба тянутся к гимназисткам. Я, например, только в 7-м классе, т. е. в год окончания корпуса, узнал, что в этом году кончает институт моя дрвоюродная сестра Леля, хохлушка и прекрасная певица, гордость институтского хора. История почти невероятная.

Гуляем (т. е. нас водят гулять парами) около института довольно часто, смотрим на окна, в которых мелькают силуэты, а, кто это, и разобрать нельзя: то ли миленькая институтка, то ли классная дама, то ли просто сторож-ламповщик.

На всякий случай помахиваем руками в виде салюта!

Регент нашего хора Иван Ник. Ризенко (по-кадетски *Ванько)* в отчаянии: почти все хористы уехали на каникулы и сложных песнопений Страстной седьмицы петь некому. Набранные с бору да сосенки человек десять хористов по 2 раза в день собираются, чтобы одолеть: "Вечери Твоея", "Да молчит всякая плоть", "Волною морскою" — все то, что поется один раз на Страстной неделе, чтобы быть потом забытым на целый год.

— Что делать? Что делать? — ерошит на себе волосы Ванько: — Это катастрофа (он почему-то делает ударение на втором "а").

Катастрофа предотвращается неожиданной помощью 3-х любителей пения: физика П. Г. Люсина, учителя чистописания Здановича и географа. Кроме того, Ванько привел еще 2-х своих знакомых семинаристов.

Кое-как дело налаживается, потому что педагоги больше "любители", чем по-настоящему знающие певцы. Плавают не меньше нашего. Веселые песнопения заутрени, зато идут довольно бойко. Спевки происходят теперь в пустой учительской комнате: окна открыты настежь, сквозь них врывается веселый и не очень громкий шум города, и с какой-то особенной детской радостью осязаются вливающиеся в комнату уже теплые порывы ветерка, запахи акаций, звуки тарахтящей где-то пролетки.

Все это смешивается, вдобавок, с запахом сигары, которым прокурил насквозь всю учительскую комнату француз Жаке, и которого нельзя выветрить никакими сквозняками.

Кончаем репетицию — и сразу на прогулку.

Подальше! Подальше! К институтской роще, на Харьково-Николаевский вокзал, к домику Котляревского, к монастырю за Ворсклой.

За три часа прогулки, наглотавшись свежего воздуха, усталые, но возбужденные — возвращаемся в корпус. И сразу — наша милая церковь, тихий голос "бати" Исаенко, возгласы диакона, воображающего себя знаменитым басом и "бум-бум" нашего псаломщика Соловья (нисколько не напоминающего козлиным тенорком своего знаменитого конкурента).

Духовенство в черных ризах, служба идет негромко, часто становимся на колени при чтении молитвы Ефрема Сирина: "Господи и Владыко живота моего..."

О, никогда, никогда в течение всей моей жизни не приходилось мне с таким напряжением, с таким волнением ждать окончания этих грустно-радостных дней, когда (после тихо-печальных служб в темных ризах, длинных чтений и особенно после чтений "Деяний Апостолов", ночью в темной церкви перед плащаницей, в полном одиночестве, когда все спят и когда только тоненькая свечка озаряет тусклым светом плащаницу и текст "Деяний"), все разрешалось вдруг великолепным ночным богослужением. Когда зажигались все люстры, духовенство сияло блестящими светлыми ризами, когда одетые в парадные мундиры офицеры и их семьи (барышни в белых платьях с цветами), пестрой толпой наполняли нашу церковь.

Летняя ночь благоухала запахом цветных, степных трав, распустившейся акации и так все это гармонировало с радостно ликующим тропарем:

"Христос Воскресе из мертвых,
Смертию смерть поправ...

После заутрени всегда был перерыв. Уже похристосовавшись, мы (певчие) спускались в столовую, где нам, по обычаю, давали *гоголь-моголь* и где уже шли приготовления к накрыванию столов для розговен: 2 яйца, кусок ветчины, по куску кулича и сырной пасхи.

Быстро проходила литургия, еще быстрее наши скромные розговены и через четверть часа наш дортуар погружался в сладкий сон.

3.

СВЯТАЯ НЕДЕЛЯ. БЕЙ КАДЕТОВ!

До возвращения с пасхальных каникул оставалась еще неделя и какая неделя!

Сияющие солнцем полтавские дни, благоухающие улицы, веселая праздничная южная толпа, вечеринки у Акинфьевых. Нас, кроме того, водили два раза на казенный счет в театр. Видели: "Доходное место" с Самойловым. Когда в третьей картине он, напившийся с горя, поет в пустом трактире "Эх, лучинушка!", на глазах сидящего с нами физика П. Г. Люсина — фанатика русской драмы — видны слезы, которые он не старается и скрыть.

На одной из прогулок произошло то, что теперь называют "уличными беспорядками". Встретив на одной из улиц Марусю Акинфьеву (сестру Анечки) весь наш строй ринулся к ней христосоваться. Тщетны были вопли сопровождавшего нас воспитателя.

С первыми тремя еще не пришедшая в себя Маруся, расцеловалась, но, когда она увидела, что на нее наступает целая рота — она взвизгнула и ринулась наутек, разозленная, взволнованная и все-таки, наверное, счастливая.

В дортуарах спим с открытыми окнами, долго болтаем на сон грядущий. Один из семиклассников повествует о боях между кадетами и гимназистами в Вербную Субботу в Харькове.

В этот день гимназисты выкидывали лозунг: "Бей кадетов!". Лозунг полу-шуточный, полу-серьезный. Бой должен был происходить на вербах, но в действительности заготовлялись очень солидные прутья.

Гимназистов тучи, кадет 25—30 человек на весь город. Многие к этому дню не успевали еще приехать. Но не принять бой было-бы трусостью. От имени старших кадет рассылалось строгое приглашение — не уклоняться от боя, не прятаться за "мамины юбки" и всем быть на всенощной в кафедральном соборе. Обо всех уклонившихся будет сообщено в корпуса, для товарищеского суда. Малыши 1, 2 и 3 класса — освобождаются. За все годы "уклонившихся" было только два (якобы, по-болезни). О них было написано в корпуса. а что там с ними сделано — неизвестно.

Малыши, освобожденные от боя, удирали все-таки из дому, обманув родных, и первыми являлись на сборный пункт. Некоторые приносили с собой иод и бинты. Выгнать их было совершенно невозможно: они как собаченки прятались в соседний переулок и потом опять из него выползали. Они горели решимостью и отвагой.

Кончалась всенощная — толпы народа, с вербочками в руках, растекались по улицам. Бой, начинаясь с легких ударов:

Не я бью, верба бьет!
Верба хлест!
Бьет до слез!

— За тыждень
Велык день!
Будь здоров, як вода,
И счастливый, як земля!

постепенно переходил в сильное хлестание по чем попало! Тактика была всегда одна: разбить кадет на маленькие группы и оттеснить их в соседния улички.

Нужно быть справедливым: попадало кадетам изрядно! Но отступлений и бегства с поля сражения — не было. Запомнилось несколько сценок: в узеньком переулке, припертый к стенке, атлетический кадет-воронежец, сжав зубы, отбивался один от наседавших на него 5—6 гимназистов. По лицу его текла кровь — но он, как Леонид в Фермопилах, отражал все атаки, пока к нему не подоспела помощь.

Бой кончался на рыцарский манер: у наших противников подавался какой-то неведомый нам сигнал, выходил с белой повязкой кто-то вроде парламентера; противники отдавали друг-другу дань "мужества", замазывались иодом царапины, пожимались руки и вечер заканчивался совместным гулянием по бульварам до полуночи (с барышнями гимназистками — "сестрами милосердия".

4

РОМАН

В пятом классе я увлекся фотографией. Летом, на Петра и Павла, я получил в подарок дешевенький аппарат. Стал снимать направо и налево!

Снимки часто получались вроде тех,, о которых с таким юмором писал Джером К. Джером: снимая свою двоюродную сестру, замужнюю с годовалым ее ребенком на коленях, проявив пластинку — он ахнул! На коленях его сестры сидел полуголый парень лет 20-ти, притом явно идиотического вида или полупьяный. Муж сестры, увидев фотографию, пришел в бешенство и собирался даже начать дело о разводе.

Я все-таки не унимался и неутомимо портил пластинки. (Тогда не было еще пленок). Гуляя однажды по корпусному плацу и выискивая сюжеты, я зашел за кусты сирени и в маленьком домике напротив, увидел у окна молоденькую девушку. Все кадеты ее знали: это была Леночка Сокольская или Аленушка, как ее просто называли.

— Здравствуйте, Аленушка! Можно вас снять?

— Снимайте, если хотите! Вот так, как я есть, с книгой, да еще с какой? Геометрией Киселева!

Снимок вышел неожиданно удачным, пришлось в воскресенье его занести, и с этого дня начались мои страданья! Почему страданья? Сейчас будет ясно!

Аленушка была мое ровесница, была она среднего роста, тоненькая с милым хохлацким личиком и большой косой. Цвет лица у нее был немножко бледный, но ясные голубые глаза смотрели всегда доверчиво и наивно, а улыбка делала ее очень миленькой и привлекательной.

Но... она была... хромоножка! Левая нога была у нее немного короче правой и ходила она чуть на нее припадая. Молодежь. со свойственной ей в некоторых случаях грубоватостью, заклеймила ее грубым прозвищем: "рубль двадцать" (так дразнили всех хромых) и этого было достаточно для того, чтобы на вечерах никто из кадет ее не приглашал, несмотря на то, что в танцах ее хромота была не очень заметна. Танцевала она довольно грациозно, хотя и избегала порывистых танцев (мазурка, краковяк).

С какой благодарностью взглянула она на меня.

когда я на корпусном балу расшаркался и пригласил ее на вальс.

Начался роман: детский, скромный, скромный!

Не скрылся он от зорких мальчишеских глаз. Насмешки, иногда очень злые, усилились.

Был в нашем классе кадет второгодник Крондиевский, отличавшийся крайней грубостью. Он был исключен впоследствии из 6-го класса. Когда распределялись билеты на бал 6-го декабря (они все посылались по почте) и дошла очередь до меня, он буркнул:

— "Ну, этой хромой калеке, пусть сам отдаст билет! На нее жалко тратить марку!"

Даже, привыкшие к грубости Крондиевского, кадеты были немного сконфужены его выступлением. Чтобы не потерять своего престижа, он засунул руки в карманы и, насвистывая, вышел из класса.

Всех этих насмешек казалось-бы было достаточно, чтобы оттолкнуть меня от Аленушки, но я, неожиданно даже для самого себя — проявил такое хохлацкое упрямство и так упорно оставался верен своей даме, что постепенно все насмешки стали исчезать, а в 7-м классе нашлись 2—3 мальчика,, которые начали даже танцевать с Аленушкой и бывать у нее по воскресеньям. За ними потянулись и другие, и уже на нашем выпускном балу я в первый раз испытал что-то похожее на ревность.

Чтобы быть справедливым, должен сказать, что Крондиевский, через три дня после истории с билетами, подошел ко мне с довольно сконфуженным видом и сказал: "Ну, Павлушка, прости меня! Сознаюсь, сморозил глупость! Самому стыдно!"

Родители Аленушки жили в деревне, а в Полтаве она жила на квартире у довольно богатой тетки. Была она первой ученицей в классе и решала нам геометрические задачи, с молниеносной, совсем не девичьей быстротой. Недурно играла на пианино, а иногда и напевала тоненьким сопрано милые простые хохлацкие песенки. Летом последнего года, ее родители пригласили меня провести 2 недели у них в деревне.

Гуляли мы с Аленушкой по полям, рощам, сидели по вечерам у ставков с "ряской и очеретом", играли в крокет, робко еще целовались и казалось нам, что наши чувства, "наша любовь" продлятся всю жизнь.

Но для меня наступила вскоре новая, петербургская эра жизни. Аленушка уехала учиться в Харьков. Осталось несколько листиков писем, наивных и нежных, постепенно прекратившихся — и все кончилось.

Вот и весь роман!

5

ПИРУШКА С МАЛЫШАМИ

Возвращается ветер на круги своя!

Кончается святая неделя. Завтра возвращаются отпускные. Малыши приуныли: — "Нам было здесь так хорошо!" — говорят они.

Накануне приезда отпускных, мы устраиваем маленькую пирушку-прощание с малышами. Покупаем печенье, знаменитые кандыбовские картошки, лимонад, квас и даже пиво. Накрываем в одном из классов простыней стол, расставляет яства и "кутим" до 10 часов вечера. Произносится даже 2 тоста: самым старшим и самым младшим кадетами.

Первоклассник малыш, краснея, бледнея и заикаясь, произносит:

— Дорогие товарищи старших классов! Спасибо вам за роскошный обед! Мы были счастливы пробыть этот период (долго, вероятно, ломал голову над этим словом) с вами. Вы нас не били, не обижали, не цукали... и мы... мы... любим вас. Ура!

— Ай да молодец! — восхищаются старшие: — сам сочинил речь, что-ли?

— Сам! (немного сконфуженно). Ваня Килященко только немного помог!

Кончаем пир, как всегда, пением грустных малороссийских песен.

6

ВЕСТОЧКИ С РОДИНЫ

У меня в 7 классе 2 друга: двоюродный брат вице-унтер-офицер — Коля Суходольский (из одной с нами деревни Медвежье). Стоило только перейти овраг со ставком и подняться на горку, как мы попадали во владения Суходольских. Тетя была из нашей семьи, а все Суходольские носили какие-то необыкновенные нерусские имена: Геронтий, Авенир и пр.), и Володя Терентьев — наш житомирянин и кларнетист нашего корпусного оркестра. При возвращении с пасхальных каникул оба привозят мне маленькие подарки: Коля — кусок деревенского кулича, Володя — открытки с видом Житомира, и тоже кусок кулича. Володин кулич съедаю с аппетитом, а Колин — деревенский — есть невозможно: он черствый, кислый, совсем без сахара.

Отношу его Глебке, но и Глебка с ним справиться не может и деревенский кулич бесславно погибает в сорном ящике.

Зато житомирские открытки восхитительны!

В те времена цветных фотографий не было, открытки раскрашивались примитивнейшим образом, и на меня смотрит с карточек: какое-то совершенно неправдоподобное итальянское небо (голубое с облаками), бульвар с памятником Пушкину и с такими зелеными деревьями, что больно глазам, река Тетерев, на этой карточке уже с такими розовыми облаками и заходящим солнцем, что невольно возникает вопрос: да Житомир-ли это?

Может быть — это Венеция, Неаполь, Рим?..

Нет! Все-таки это моя родина, моя река, в которой я купался, бульвар, по которому я гулял... Нет! Это не Венеция и не Рим!... Это моя родина, моя Украина!

И я без конца, с обожанием смотрю на фантастические картинки.

7

ФИНАЛ

И опять текут дни за днями, предстоят экзамены. "Зубрилы "стараются во всю, но как тут заниматься, когда сияет такое солнце, поют птицы, деревья оделись в пышные зеленые платья, солдаты и городовые ходят по городу уже в белых рубашках, Анечка Акинфьева пришла навестить своего брата в приемную корпуса в таком ослепительном летнем платье, что около нее собралась, шедшая в это время на прогулку, чуть-ли не вся 1-я рота, восторженными глазами впившаяся в "королеву".

Была военная прогулка по городу с оркестром музыки. На институтской улице столкнулись с такой же прогулкой Дворянской гимназии.

Черт возьми! У них тоже духовой оркестр, да и какой еще! Не хуже, а может-быть и лучше нашего. Дворяне останавливаются, мы тоже и в нашу честь они исполняют "Преображенский марш". Положительно эти "дворяне" — молодцы!

Нам-бы следовало тоже ответить и сыграть что-либо в их честь. Но что? Не польку-же и краковяк!

Благодарим и расходимся по разным направлениям.

Наконец-таки состоялся долгожданный "инвалидный" концерт.

Сначала шел балет: "Фея цветов" — музыка того же Лисовского. Среди цветов мы узнаем сразу и несколько корпусных барышень: Милицу и Ксану Рымашкевич, двух барышень Павловских и др.

Финальным номером было хор 500 человек. Это было величественное зрелище: расположенный по рядам ступеней, юный хор занял всю сцену с низу до верху.

Запевалой был красавец-тенор реалист Бойко.

"В бурю, во грозу
Сокол по небу
Держит молодецкий путь!..."

Зазвучал его еще немного детский, но чистый, как кристал, тенор... и полилась бесмертная музыка Глинки, перемежаясь вступлениями (та же тема), то сотни альтов, то сотни басов или теноров, на фоне остальных голосов.

Никогда больше не слыхал я полностью этого хора и вероятно не услышу.

Ходим гулять уже на корпусной плац, окруженный со всех сторон сиреневыми кустами, начинающими зацветать, берем в соседних будочках велосипеды на-прокат и носимся по дорожкам плаца.

Была и большая, на велосипедах, прогулка в Диканьку по старинному Екатерининскому "шляху". В Диканьке пили восхитительный мед завода кн. Кочубея, гуляли по роще, сидели на берегу пруда, где когда-то, в ночь перед Рождеством, "ковзались" дивчата и парубки и где собирался утопиться Вакула-кузнец.

Болтали с диканьскими мужиками, с такими-же Солопиями, Черевиками и Чубами, какими они были и во времена Н. В. Гоголя, шутили с дивчатами, угощали их медом, любовались их монистами и венками, и все искали среди них Оксану в царских черевичках.

Прощай, прощай, далекое невозвратное детство, прощай корпус, круглый сад, вся та прелесть раскрывающейся жизни, на которую смотришь наивными детскими глазами! Никогда не увидать уж нам родных полей, рощ, милых садиков, белых хаток. Не испытать того наивного, старого, неторопливого уклада жизни, не увидать живших когда-то простых и бесхитростных людей.

И как не поблагодарить судьбу, позволившую хоть в коротеньких картинках вспомнить этот дорогой, утонувший мир?!

П. Ф. Волошин.

Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус

(К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИ)

Ниже излагаемая краткая история Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса составлена по записям бывшего кадета, выпуска 1906 года, полковника артиллерии С. В. Брылкина.

По воле и непосредственным указаниям Императора Николая Павловича в начале 1830 года был составлен проект учреждения губернских кадетских корпусов. Первоначально было предположено учредить корпуса в Новгороде, Туле, Тамбове, Полоцке, Полтаве и в Елисаветграде. Уже в 1832 году переписка об учреждении Новгородского корпуса была в полном ходу, но практическое оеуществление началось с пожертвованием графом Алексеем Андреевичем Аракчеевым значительного капитала. Существовавшие раньше 1831 года Тульское и Тамбовское Дворянские училища, были переименованы в кадетские корпуса, но только в 1837 году последовало Высочайшее повеление об обращении их в неранжированные роты кадетских корпусов в Орле и Воронеже, и их, как не получивших полного развития, нельзя считать самостоятельными заведениями. Поэтому первым провинциальным корпусом, основанным согласно Высочайше

утвержденного проекта и получившим прочное, самостоятельное устройство, должно считать Новгородский кадетский корпус.

До 1833 года не было известно, когда последует открытие Новгородского корпуса, но, когда генерал от артиллерии граф Аракчеев внес в сохранную кассу 300 тысяч рублей ассигнациями, было предположено открыть корпус к 1 января 1834 года.

Еще раньше граф Аракчеев вручил Императору Николаю I свое духовное завещание, которое гласило: "Если бы дни мои прекратились прежде избрания достойного наследника, то сие избрание предоставляю Государю Императору с тем, чтобы избранный наследник полученного не мог-бы растратить".

30 сентября 1833 года граф Аракчеев удостоился Высочайшего рескрипта, в котором утверждались все аракчеевские предположения и, между прочим, положение о стипендиатах, которые и приказано именовать "Грузинский воспитанник", и на кроватях иметь надпись "Грузинский воспитанник" и герб графа Аракчеева.

Еще до открытия корпуса Государь приказал в 1832 году "заготовленные артиллерийским ведомством для герцога Рагузского образцы различных орудий передать Новгородскому кадетскому корпусу". Четыре единорога из этого Высочайшего подарка украшали главный подъезд корпуса до его последних дней.

1 авуута 1833 года, по докладу Великого Князя Михаила Павловича, директором корпуса назначен состоящий в Дворянском полку генерал-майор Бородин и батальонным командиром 1-го кадетского корпуса подполковник Черницкий, а офицерами — чины Гренадерского корпуса. Для помещения корпуса был выбран штаб 4-го округа пахотных солдат (быв. военное поселение), расположенный на правом берегу реки Мсты в 28 верстах от Новгорода. Ближайшим соседом был 1-й Учебно-Карабинерный полк, который в деле строевого обучения кадет сыграл большую роль. По словам кадета первого поступления и первого выпуска Карцева. жилось хорошо, дружно, задушевно, а подчас и весело.

К 1-му января 1834 года, когда набрали штаты должностных лиц, начали прибывать и будущие кадеты. Первыми были два брата Эльснеры, но, как слишком возмужалые, они были отправлены в Дворянский полк; таким образом первым кадетом следует считать Василия Пушкина, с 8-го января 1834 года (выпущен из Дворянского полка в гренадерский принца Евгения Вюртембергского полк).

Великий Князь Михаил Павлович испросил Высочайшего соизволения на открытие корпуса на 15-е марта 1834 года. Этот день стал днем корпусного праздника.

14-го марта прибыл Великий Князь Михаил Павлович. В этот-же день граф Аракчеев выехал в Ям-Броницы для встречи Государя, где и получил через фельдегеря извещение, что Государь не прибудет. 15-го марта прибыл генерал Ростовцев. В этот же день состоялось торжественное открытие корпуса. В строю находилось 69 кадет при фельдфебеле Шильд и 3-х унтер-офицерах из кадет.

21-го апреля, в ночь на Светлое Христово Воскресение, скончался в своем имении "Грузино" граф А. А. Аракчеев — благодетель корпуса, где и был похоронен.

6-го мая 1834 года Высочайшим указом Правительствующему Сенату было повелено: "Грузинскую волость отдать навсегда в полное и нераздельное владение Новгородскому кадетскому корпусу, дабы доходы ее шли на воспитание юношества". Корпусу именоваться Новгородским графа Аракчеева кадетским корпусом и печастью иметь герб графа Аракчеева. Таким образом вместо государственного герба (двуглавого орла), как было в других корпусах, Новгородский корпус имел герб графа Аракчеева, окруженный надписью сначала "Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус", а потом "Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус". На погонах и эполетах иметь буквы "Г. А.", по образцу бывшего Гренадерского графа Аракчеева полка. (Полное собрание законов Т. X. 1834, № 7034, 7054 и 7057).

Корпус оказался владельцем (помещиком) целой волости, имения "Грузино", библиотеки в 10 тысяч томов, портретов Государей Петра 1-го, Павла 1-го, Александра 1-го, портрета графа Аракчеева, работы Дау, что и послужило основанием музея корпуса, в котором хранились и два кубка, из которых пили в Тильзите Императоры Александр 1-й и Наполеон, и ценные иконы.

26-го сентября 1834 года корпус был осчастливлен первым посещением Императора Николая Павловича.

В конце 1834 года все столичные корпуса, а также предполагаемые к утверждению, Высочайше было повелено разделить на разряды. Аракчеевцы вошли в 1-й разряд составляя его 4-й батальон, (корпуса 1-й, 2-й, Павловский и Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус). Погон устанавливался темно-зеленый с алой выпушкой и высечкой Г. А., обмундирование одинаковое со столичными корпусами, но без галуна на воротнике.

9-го мая 1835 года последовало Высочайше утвержденное положение о Новгородском кадетском корпусе в составе рот: 1-й гренадерский, 2-й мушкетерской и 3-й неранжированной.

В 1837 году в управление корпусом вступил генерал-майор А. А. Петров.

В том-же году корпус вступил в полный комплект.

Летом 1837 года Государыня Императрица посетила кадетскую столовую и изволила кушать ложкой кадета Бачманова (ложка была вызолочена и передана в музей корпуса).

5-го марта 1838 года прибыло Высочайше пожалованное знамя. Первым знаменщиком был унтер-офицер Коведаев.

В 1839 году состоялся первый выпуск в Дворян-

ский полк. В следующем году состоялся второй выпуск и в управление корпусом вступил полковник Ф. В. Главацкий.

Великий Князь Михаил Павлович ходатайствует об устройстве в грузинской вотчине дворянского отделения Новгородского батальона.

В 1845 году дворянское отделение приказано обратить в неранжированные роты Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса и Полоцкого (рота Полоцкого корпуса, до постройки помещения, втечении одного года, находилась в составе Новгородского графа Аракчеева корпуса), а по возсоединении именовалось Грузинским кадетским корпусом.

В этом же году приказано "Грузинскую вотчину" передать в управление Министра Государственных Имуществ.

В 1847 году новгородским помещиком Струмиловым пожаловано 19 инструментов бальной музыки.

В 1848 году десятый выпуск из корпуса.

2-го октября почил Начальник Военно-Учебных заведений, Великий Князь Михаил Павлович. Прощание "с моими детьми" объявлено в приказе Главного Начальника Военно-Учебных заведений от 7-го ноября 1849 года за № 1127.

19-го сентября 1849 года Главным Начальником Военно-Учебных заведений назначен Наследник Престола Цесаревич Александр Николаевич.

В 1852 году генерал Ростовцев доносит, что открытие Грузинского кадетского корпуса не может последовать раньше декабря 1853 года, корпус оказался существующим на бумаге.

В том-же году возник проект перемещения корпуса в Тверь.

В 1855 году скончался Державный Основатель корпуса Государь Император Николай Павлович. Император Александр II, чтобы отметить всегдашнюю его милость к Аракчеевскому корпусу, пожаловал каску Императора Николая I. Каска эта хранилась под стеклянным колпаком в корпусной церкви (в соборе Успения Божьей Матери).

В 1853 году директором корпуса назначен генерал-майор Ф. Ф. Редигер, а в 1854 году генерал-майор А. Ф. Корф.

В 1857 году открыт 1-й специальный класс.

Принадлежашие корпусу капиталы-доходы по Грузинскому имению переданы в Главный Штаб Военно-Учебных заведений (449.742 руб. 52 коп.). Приказ 1858 года за № 2494.

В 1858 году директором корпуса назначен генерал-майор А. А. Икскюль фон Гильденбрандт.

В 1860 году директором корпуса назначен генерал-майор Ф. Ф. Метц, в 1861 году — полковник А. А. Кузьмин и в 1862 году полковник П. И. Носович.

В 1864 году нормальный выпуск в военные училища. Проект уничтожения Новгородского и Полоцкого кадетских корпусов. Заступничество генерала Ростовцева и генерала Клейнмихеля.

В 1865 году проект перемещения корпуса во Псков.

В 1866 году корпус уведомлен, что он перемещается в Нижний-Новгород и директором его назначается бывший кадет выпуска 1848 года Носович. Передача имущества 87-му Нейшлотскому полку.

27-го августа началась отправка кадет. Выступление в 5 час. утра. 28-го Москва и остановка на ночлег в 1-м Московском кадетском корпусе, 30-го — прибытие в Нижний Новгород. Корпусу предоставлено здание бывшего училища Военного Ведомства, которое стояло покоем на высоком месте Нижегородского Кремля с древними кирпичными стенами и башнями. Главный фасад выходил на громадную площадь (в глубине которой находился кафедральный собор, дом губернатора и гауптвахта), пересеченную зданиями церкви Св. Архангела Михаила, собора Успения Божией Матери (он-же и кадетская церковь), казначейством и гарнизонным офицерским собранием. Часть площади перед фасадом корпуса (отвоеванная у города в 1908 году), с гимнастическим городком, футбольным полем, теннисом и горами, служила местом парадов, учений, состязаний и была обсажена самими кадетами деревьями. Северный фасад выходил в Мининский сквер с незабываемым видом на слияние Волги и Оки. На западной стороне были постройки для службы, внутренний плац и сад 2-й роты. Южный фасад выходил в сад 3-й роты.

С переменной места жительства, Аракчеевцы переменили и дорогое для них имя кадета на военного гимназиста. Старый зеленый погон с алым кантом был заменен красным с черным кантом.

22-го июля Государь Император (в 1882 году) Александр III повелел: "Во внимание к вековым заслугам бывших в Империи кадетских корпусов... все военные гимназии на будущее время именовать кадетскими корпусами". Событие это было встречено с неописуемой радостью.

В 1884 году ушел с поста директора корпуса генерал-майор И. И. Ордынский, назначенный на эту должность в 1877 году, вместо полковника Носовича. В этом-же году повелено знамена, не подходящие под новый образец, передать в корпусные церкви, в строй-же выносить вновь пожалованные. Назначен директором корпуса генерал-майор А. И. Завадский.

В 1885 году Высочайше утверждены звания вице-фельдфебеля и вице-унтер-офицеров. Рот было три. Строевая рота стала отбывать лагери. Издан генералом Карцовым, кадетом первого выпуска, к 50-летию со дня основания корпуса, исторический очерк.

В 1892 году директором корпуса назначен генерал-майор А. Г. Рейнеке.

В 1900 году назначен директором генерал-майор А. Ю. Дамье.

В 1901 году Великий Князь Константин Константинович вступил в исполнение обязанностей Главного Начальника Военно-Учебных заведений. В списки корпуса зачислен Августейшим кадетом Его Высочество Князь Константин Константинови.

13-го февраля Высочайше повелено 10-ти старейшим кадетским корпусам: 1-му кад., 2-му кад., 1-му

Московскому, Нижегородскому графа Аракчеева кадетскому корпусу, Полоцкому и др., выносить в строй их старые знамена.

15-го марта 1901 года, в 67-ю годовщину основания корпуса, праздник отличался особенной торжественностью. В присутствии Великого Князя Константина Константиновича было вынесено старое знамя, хранившееся в церкви более 30-ти лет.

В тот-же день был поднят вопрос о создании "Общества Вспомоществования нуждающимся Аракчеевцам", так как почин для образования капитала был уже сделан генералом Илясевичем, внесшим 10.000 рублей. Генерал Илясевич, в своей молодости, будучи 10-летним мальчиком, без провожатых, в зимнее время, пешком и кое-где при помощи добрых попутчиков, добрался из Киева до Новгородского корпуса. Единогласно, присутствующие обратились к Его Императорскому Высочеству с просьбой принять под свое высокое покровительство создающееся Общество. Его Высочество выразил свою благодарность и согласился на принятие звания почетного члена.

В 1903 году произведена внутренняя перестройка здания и открытие бюста Императора Николая Павловича в приемной комнате, находящейся между 1-й и 3-й ротой, во втором этаже здания.

Летом этого года кадеты участвовали в охране особ Императорской Фамилии в Саровской пустыни, при открытии мощей Св. Серафима Саровского. В память этого события участники получили памятные золотые жетоны.

В 1906 году директором корпуса назначен генерал-майор Леонид Павлович Войшим Мурдас Жилинский.

В 1907 году приказом по Военному Ведомству № 107 объявлено о Высочайшем утверждении нагрудного знака — Николаевский орел и под ним герб графа Аракчеева, окруженный Владимирской лентой с инициалами "Н. I-й и Н. II-й" по бокам посаженный на два скрещенных тела орудий.

В 1908 году Августейший кадет Князь Константин Константинович окончил корпус и перешел в специальный класс Пажеского Его Величества корпуса.

15-го марта 1909 года состоялось торжественное празднование 75-летия существования корпуса. На параде в войсковом манеже, в присутствии Великого Князя Константина Константиновича, участвовали все прибывшие к этом дню бывшие кадеты корпуса, как военные, так и штатские.

В 1910 году установлена своя электрическая станция.

В 1912 году поездка группы кадет в город Полтаву для участия в торжествах по случаю Полтавской битвы.

В 1913 году 15-го марта, в присутствии Великого Князя Константина Константиновича, состоялось торжественное открытие памятника-бюста Державному Основателю корпуса Императору Николаю I, сооруженного с Высочайшего соизволения иждивением бывших воспитанников корпуса, в память 300-летия царствования Дома Романовых. В тот-же день состоялось открытие двух мраморных белых досок со славными именами 28-ми Георгиевских кавалеров, бывших питомцев корпуса.

17-го марта корпус принял участие в войсковом параде в Высочайшем присутствии по случаю закладки памятника Минину и Пожарскому.

До революции, в Российской Императорской армии находились на службе 3 полных генерала: Шкинский, Огановский, Калинин, десятки генералов и более 50-ти Георгиевских кавалеров, воспитанников корпуса. Летчик Нестеров, артиллерист Менчинский, казаки Мурзаев и братья П. и К. Ануфриевы, Сильвин, Никольский-Любимов и сотни других Аракчеевцев отдали жизнь свою на полях битвы за Родину.

На этом можно считать хронику корпуса законченной.

Учебная, строевая, спортивная часть и внутренняя жизнь в корпусе почти или совсем одинаковы со всеми другими российскими корпусами. Единственно, что можно отличить: лыжный спорт, которому отдавалось все свободное зимнее время. Могли одновременно выходить два классных отделения. В 1907 году была введена езда на велосипедах, причем могли выезжать на поездки целые отделения, а также и верховая езда для 7-го класса по субботам,, а проездки по воскресеньям для кадет, не ходящих в отпуск. Первоначально, с 1907 по 1910 гг., езда производилась на лошадях запасной конной батареи, а с 1910 года лошадей предоставляла 10-я артиллерийская бригада. Инструкторами были г. г. офицеры вышеупомянутых частей.

Уделяя большую часть настоящей хроники возникновению и жизни родного корпуса, хотелось бы уделить несколько строк печальному времени его конца, но, к сожалению, сведения об этом периоде далеко не полны.

Вот что пишет один из участников этого времени: "На прочтение манифеста об отречении Государя Императора строй кадет ответил пением "Боже, Царя храни". На первый красный парад было приказано выйти со свернутыми знаменами, — вышли с развернутыми. На втором параде кадеты отказались нести красный флаг, нес его служитель. Половина кадет с парада разбежалась. Было приказано сдать знамена, кадеты разрезали знамена на куски и роздали, а древки были сожжены. После одной из военных прогулок было приказано сдать винтовки. Фельдфебель-кадет скомандовал "на-караул", оркестр заиграл: "Боже, Царя храни". Фельдфебель командует: "к ноге", "на руку", вынуть затворы и спрятать, а винтовки поставить на свое место". 24 часа было дано кадетам на возвращение затворов. Приказ не был исполнен и кадеты были приговорены к увольнению. В спешном порядке кадеты сожгли книгу-альбом кадетских выпусков, украшенную шитами выпусков и содержащую "Звериаду".

В 1918 году здание корпуса было отобрано и обращено во 2-ю советскую гимназию, а потом в советскую военную школу. Оставшиеся кадеты были переведены

в здание Дворянского института на Варварке. Это все, что осталось от того, что носило гордое имя Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса, с его девизом "Без лести предан".

И, наконец, в Париже в 1930 году было положено основание "Объединения кадет Аракчеевцев", при последовательных председателях: Ануфриев, Сияльский, Смирнов, Кох, Спиридович и Брылкин.

Б. М. Марин

КАВАЛЕРИЯ

На австрийской границе стояли полки
Краше красного. Было их много.
Все гордились собой, стерегли уголки
Государства Российского строго.

Средь лесов и полей они жили не зря,
А учились, готовились к страде:
Постоять за Отечество, Веру, Царя,
Не мечтая о легкой награде.

Смертоносной щетинились пики стеной,
Шашки грозно на солнце сияли,
Проходили-ль полки за волною — волной,
Наготове-ль недижно стояли.

И я честь отдаал моему-же отцу,
Ликовал с трубачами душою,
Когда, знамя в чехле, молодец к молодцу
Возвращались дорогой большою . . .

Сколько равных имен Государей, Цариц,
Генералов — вождей и героев
С полковых вдохновляло на подвиг страниц,
К сохраненью старинных устоев!

Но, как только вдали загремела война,
Полным ходом свободно по полю
Цвет России былой, выпив чашу до дна,
Вышел дружно на бранную волю.

На-скаку увлекались, рубили сплеча,
Так, что страшно бывало порою,
Иль встречались внезапно в бою сгоряча,
С синим небом, с землею сырою . . .

Покрывали полки пестрой данью утрат,
Украшали победой просторы
Галицийских полей и предгорья Карпат,
Восхищая Отечества взоры . . .

Кончен век и романтика прежних времен,
С героизмом в венок увязалась,
А от сонма ушедших в забвенье имен
Лишь бессмертная слава осталась.

Иван Сагацкий

К 160-летию швейцарского похода

От автора: — В моей заметке, помещенной в Отделе Хроники "Военной Были" № 33, за ноябрь 1958 года, упоминается о Русских войсках в Ульме в 1799 году. Эти части вспомогательного корпуса Римского-Корсакова вышли из Ульма в сентябре и, пройдя на юг, через Биберах, двинулись на Вейнгартен.

Помещаемый ниже очерк описывает впечатления "одного шваба", бывшего свидетелем прохождения Русских войск корпуса Римского-Корсакова через Вейнгартен, а также их отступление через этот-же пункт, после неудачного сражения при Цюрихе, совместно с отходившими из Линдау частями армии Суворова.

На стене одного из домов города Линдау имеется таблица с надписью на немецком языке: "В этом доме жил от 16 октября до 14 ноября 1799 г. фельдмаршал граф Александр Суворов-Рымникский, Генералиссимус Русских войск, после их отхода из Швейцарии и Граубюндена".

ВОСПОМИНАНИЯ ОДНОГО ШВАБА И ДОКУМЕНТЫ 1799 Г. ИЗ АРХИВА ГОР. ВЕЙНГАРТЕН.

Приводя эти воспоминания в своей книге, автор между прочим, в главе 8-й "Суворов — Эрцгерцог Карл", пишет: "В октябре 1799 года, после сражения у Цюриха, прибыли сотни раненых и больных армии Римского-Корсакова в монастырь. Они были размещены в передних постройках, на освобожденных от фруктов чердаках и в деревянных бараках. Еще совсем недавно проходило это прекрасное войско через Швабию и некоторые полки пешком и на конях продефелировали перед моим изумленным взором. Сперва шли Уральские казаки, представительные люди в высоких шапках, красных куртках и темно-синих шароварах. У них были пики с флажками, как у австрийских улан, и их офицеры были украшены золотыми вышивками в восточном вкусе. Затем шла, шумно и могущественно движущаяся стена из железа и стали — Кирасиры Императрицы Екатерины. Впереди литавристы с серебряными трубами, богато украшенные золотыми галунами, верхом на белых конях. За ними песенники, они пели, когда замолкали трубачи. У некоторых висели свинцовые свистульки, которые, иногда, во время пения, были слышны. Потом следовали эскадроны гордых всадников в больших треугольных шляпах с звездо-образной широкой застежкой и белой кистью, в белых мундирах с красными нашивками, поверх которых они носили кирасу. Кроме того они имели сабли, какие только бывают у гусар, с ини-

циалами Царицы и с разными украшениями, кони у них все были вороные. При высших чинах, во главе полка, находились несколько молодых казаков. Эти впереди едущие офицеры, судя по их отличиям, должны были принадлежать к лицам высшего сословия. Среди прочей конницы выделялись гусарские полки: Ликошина и Бауера, первые золотисто-желтые, вторые зеленые, а вообще формы тех и других имели белую шнуровку. Остальные войска имели зеленую форму, а их треугольные шляпы, спереди совсем почти гладкие, были похожи на прусские и украшены орлом из розоватого металла. Гренадеры носили высокие, острые шляпы, спереди с широкой кокардой, а с боков с медными прутьями, которые заострялись наверху, этого, сахарной голове подобного, головного убора. Мушкеты имели очень длинные штыки. Ремни и все кожанные части были из юхтовой кожи, почему это войско издавало совсем особый, острый, но не противный, запах. Так проходили они через Вейнгартен при очень хорошей погоде, с блеском и бодрым видом. Многие солдаты, завидя вдали гору "Сантис", кричали, полные уверенности в победе: "Там Париж".

Как быстро весь этот блеск и вся надежда превратились в печальную противоположность!

Спешно был устроен главный лазарет в Вейнгартене. Телега за телегой тянулись, с ранеными и больными, везомые волами и коровами, так-как приозерные крестьяне имели в то время мало лошадей. Употреблялись и специальные больничные повозки, просторные и крытые, и частью имевшие подвесные носилки для тяжело раненых. При выгрузке раненых наблюдались часто ужасные сцены: случалось, что крестьяне, чтобы избежать все эти трудности, высаживали тяжело раненых по дороге и оставляли их лежать в беспомощном состоянии, за что они русскими беспощадно наказывались избиением кнутом.

Каждое помещение монастыря, даже длинные и широкие коридоры, были переполнены больными и умирающими. Почти не было места, чтобы пройти. Было уже холодно и всюду была кучами разложена солома. В дворах поместились здоровые солдаты. Они разводили костры, пламя которых выбрасывалось до высоты дома. Многие раздевались донага, чтобы очиститься от насекомых и, сидя вокруг костра, очищали на огне свои рубахи, таким образом: двое свертывали рубаху жгутом, потом один из двух держащих этот жгут, быстро выпускал свой конец из рук, а другой развертывал над огнем и уничтожал таким способом в огне насекомых. Этот маневр повторялся несколько раз, после чего рубаха опять надевалась.

В отношении к своим умершим русские относились с гораздо большим благоговением, чем австрийцы. Так-как смертные случаи были очень многочисленны, австрийцы наваливали мертвые тела на большую телегу и везли к месту погребения, где сваливали их в огромную яму. Совсем иначе русские: они делали для каждого покойника особый гроб из струганых досок и везли его на катафалке в лес, в получасе от Вейнгартена, на место, предназначенное для погребения, где снимали гроб с катафалка, после чего священник его благословлял, кадил и опрыскивал святой водой, а затем гроб опускали в могилу и засыпали землей, тщательно очищенной от крупных камней, "да будет легка каждому другу земля, в которой он, вдали от родины, находил упокоение". Только после, для защиты от непогоды, клали более крупные камни на могилы. На каждой из таких могил ставился деревянный крест. Священник являлся к погребению большей частью в лиловом шелковом облачении с золотым крестом на груди. Обычно он носил грубую, простую одежду, но и в ней он пользовался почти божественными почетом.

В то время прибыл Суворов через Хур по долине Рейна, затем через Линдау, Равенсбург в Вейнгартен, где он на почте переночевал и на следующий день свой путь через Волфег в Мемминген продолжил, чтобы собрать войска между р.р. Лех и Иллер-Вейс.

Все духовные лица и чиновники из окрестности поспешили в Вейнгартен, чтобы увидеть знаменитого полководца. Я нашел для этого хороший случай. Рядом с почтой находилось королевское учреждение, называвшееся уездной канцелярией. В семействе начальника этого учреждения, господина фон-Аранд, сын которого был со мной вместе в монастырской школе, я находил в любое время любезный прием, а оттуда можно было приезд Суворова удобно наблюдать.

Военная комиссия предшествовала полководцу, она точно осмотрела квартиру и у всех окон, выходивших на улицу, были закрыты ставни. Зеркала, картины и кровати были удалены и из соломы была приготовлена простая кровать. В полдень приехал Суворов в кибитке, запряженной тройкой лошадей, средняя лошадь в оглоблях с дугой. За кучера, в ногах Суворова, сидел казак. Полководец был одет в темное пальто, его шляпа лежала у него на коленях. Он имел остро выраженные черты лица, совсем седые волосы, густые брови и орлиный взор. Офицеры, ждавшие его у почты, подняли его из кибитки и вывели наверх в приготовленную для него комнату. Он смотрел на пустые коридоры, как-бы ища следуемую за ним свиту. Было много высших офицеров, частью из войск Корсакова, частью из союзной австрийской армии, все они должны были пробиться при отступлении через Констанц, который видно уже занят, взявши мост через Рейн и расположившись лагерем у Радольф. Среди суворовских офицеров находились князь Багратион, генерал Сакен, как и граф Артуа, впоследствии, как Карл X, король Франции. Суворов их приветствовал через окно и потом принял в своей комнате. Через короткое время, они спустились вниз по лестнице, сели в свои экипажи и разъехались в разные стороны, по своим квартирам. Рано утром на следующий день, уехал Суворов в Мемминген. Он сидел прямо в своей кибитке, окруженный казаками. В течении нескольких дней следовали войска, к своему полководцу".

Что касается исторических документов, 160 лет хранящихся в архиве гор. Вейнгартен, имеющих отношение к пребыванию войск армии Суворова и Римского-Корсакова в этом районе, то в моем распоряжении имелись 6 фотокопий, которые я принес в дар Суворовскому музею. Вот краткое содержание этих документов:

№ 1. Список медицинского персонала Императорского и Королевского Главного Полевого госпиталя в гор. Вейнгартен (всего 24 врача и 20 человек низшего персонала). Док. № 2. Маршрут баталионному хирургу (фамилия неразборчива), который вместе со своим солдатом призван в гор. Аугсбург. Док. № 3. Маршрут ротмистру Кирасирского полка (фамилия неразборчива), который, как раненный, отправляется в госпиталь в Вейнгартен. Док. № 4. Маршрут прапорщику Абинскому, лечившемуся в полевом госпитале, который, после восстановления здоровья, по его желанию, следует в армию для присоединения к полку генерал-лейтенанта Козлова. Док. № 5 и 6, (копии с оригинала и черновика, переписка между швабско-австрийским магистратом и госпиталем относительно снабжения госпиталей лошадьми и повозками.

Заканчивая настоящий очерк с выдержками из воспоминаний "одного шваба", — очевидца событий 1799 года, а также с кратким описанием документов из архива гор. Вейнгартен, льщу себя надеждой, что сообщенный мною архивный материал прибавит еще одну страницу к истории легендарного Швейцарского похода и этим возвеличит славу его бессмертных героев — Суворовских Чудо-Богатырей.

Эраст С-кий

Забайкальская казачья бригада

(Из воспоминаний о войне 1914 года)

С малых лет, мечтал я о военной службе, но так как рос заграницей, русской армии, в которой предстояло мне служить, я совершенно не знал. Поэтому, все случайно прочитанное о таковой или же увиденные иллюстрации, относящиеся к ней, прочно оседали в моей памяти.

Помню, как сегодня, следующий случай. Однажды попался мне номер какой-то русской газеты, в котором нашел я снимок делегации 7-го уланского Ольвиопольского Короля Испанского Альфонса XIII полка. По какому-то случаю, отправлялась эта делегация в Мадрид, чтобы представиться своему коронованному шефу.

Еще сейчас, больше чем 50 лет спустя, вижу я перед своими глазами, высокого, стройного, с лихо закрученным вверх усом, полковника Томашевского, командира полка, который, в сопровождении полкового адъютанта и усатого вахмистра, был изображен на этом снимке. На меня, тогда 14-летнего юношу, огромное впечатление произвел этот лихой полковник в, тогда еще только что наново введенной, красивой уланской парадной форме.

В ноябре 1914 года Кавалергардский полк, в рядах которого состоял я тогда уже четвертый год, принимал участие в обороне г. Петрокова.

Наша успешная оборона этого важного узла путей сообщения приближалась к концу, так как 5-я Армия, в состав которой входила тогда наша дивизия, по окончании Лодзинской операции, начала отход на восток. Из Петрокова было уже эвакуировано все, что только было возможно. Наконец, и мы получили приказание очистить свою позицию, находящуюся к западу от города и через Томашовские леса отходить в восточном направлении.

Перед самым отходом, получил я приказание из штаба дивизии, в сопровождении пяти кавалергардов, немедленно отправиться для связи в штаб, находящейся вправо от нас, Забайкальской Казачьей бригады, с которой и отходить за р. Пилицу.

Было уже совсем темно, когда на какой-то узкой проселочной дороге, я натолкнулся на отходящий штаб этой бригады. На ходу явился, ехавшему верхом, закутанному в бурку и с огромной папахой на голове, командиру бригады, лица которого не мог разглядеть в темноте.

Вскоре, наша походная колонна вошла в лес и весь дальнейший ночной путь проходил какими-то узкими лесными тропами и просеками.

Моросил холодный, осенний, пронизывающий насквозь, дождь. Я буквально ничего не видел в эту темную ноябрьскую ночь, и всецело положился на своего "Героя", который, как всегда, уверенно и надежно шел по невидимой мне дороге.

Иногда колонна, на коротко, останавливалась. Тогда, где-то впереди через темноту ночи проблескивали лучи карманного электрического фонарика, который в голове колонны на секунду освещал компас или карту в поисках нашего дальнейшего направления.

Во время этого ночного перехода, меня поражало, с какой быстротой, уверенностью и спокойствием, эти невидимые мне в потемках, забайкальцы, ориентировались в совершенно им незнакомой лесной трущобе и как их, какие-то особенные, глаза пронизывали эту, казалось бы, абсолютную темноту.

В течении всей этой ночи мне не представилось случая познакомиться и разговориться с кем-либо из офицеров штаба. Обреченный, таким образом, на внутреннее одиночество и безмолвие среди совершенно незнакомых, неизвестных и казавшихся мне загадочными, забайкальских казаков, старался я проникнуть в их особенные, как мне представлялось, чисто спартанские условия жизни в глухих, отдаленных от вся-

кой культуры, лесах Забайкалья, причудливые образы которых беспрестанно вырастали в моем в ображении. Я был целиком приготовлен к самым скромным условиям их жизни в походной обстановке, в которой придется мне оставаться, пока я буду у них.

Начало светать, когда наша колонна остановилась на привал около какой-то лесной сторожки. Штаб бригады начал располагаться здесь на отдых.

Я просто валился от усталости, так как всю предыдущую ночь провел в сторожевом охранении и, конечно, совершенно не спал, а потом целый день принимал участие в перестрелке эскадрона с противником, который в последние дни нашей обороны Петрокова чрезвычайно обнаглел. Не обращая внимания ни на кого, повалился я на кучу хвои под навесом и сразу заснул.

Сколько времени я спал, не знаю, но когда меня разбудил один из офицеров штаба, было уже близко к полудню. Меня звали к генералу. “Будет, вероятно, какое-нибудь донесение в мою дивизию”, подумал я. Еще заспанный, освежил я себе лицо и голову холодной водой из колодца, наскоро оправил свою шинель, очистил ее от игл хвои и, захватив свою книжку для донесений, поспешил в сторожку, где находился генерал со своим штабом.

Однако, то, что я увидел в сторожке, было для меня совершенно неожиданным. Лицо генерала, которому я хотел еще раз явиться, на этот раз уже при дневном свете, показалось мне сразу же каким-то странно знакомым. Молниеносно припомнил я фотографию полковника Томашевского, которую я, тогда только еще мечтавший о военной службе, юноша, нашел в какой-то русской газете в Вене, и которая произвела на меня такое сильное впечатление.

Действительно, генерал, командир Забайкальской казачьей бригады был ни кем, иным, как бывшим командиром Ольвиопольского уланского полка. Он несколько потолстел и побелел за эти годы, но концы его густых, седых усов все так же молодцевато смотрели вверх. Для меня эта встреча была так неожиданна, что генерал усмехнулся и не ожидая моего рапорта, спросил: “Разве у меня такой страшный вид, корнет?”. Когда я ему объяснил причину своего изумления, он потом еще долго подтрунивал надо мной.

Но этим не кончилось мое изумление в этот день. Вопреки моим предположениям, во время только что отбытого ночного похода, о спартанских условиях жизни Забайкальцев, оглянувшись, я увидел в сторожке большущий стол, покрытый белой скатертью и буквально заставленный самыми разнообразными изысканными закусками, яствами и бутылками разных отборных водок и вин.

С первых же дней войны находился я на фронте и привык к более, чем скромному питанию, в походных условиях, у нас в полку, мало чем отличавшемуся от солдатских харчей из походной кухни. Разве только, кем-нибудь из нас полученный из дому, продовольственный пакет на день, на два, вносил некоторое разнообразие в наше ежедневное меню. А тут вдруг такое великолепие, от которого глаза строевого офицера успели уже отвыкнуть за эти несколько месяцев войны. Чего только тут не был: разного сорта икра, семга, балык, какая-то незнакомая еще мне копченая и маринованная рыба, разные польские колбасы. Конечно, не отсутствовала и знаменитая драгомировская каша с грибами и много других холодных и горячих закусок. А в бутылках с красивыми этикетками, кроме зубровки, рябиновки и других сортов водок и коньяку, были хороших марок французские белые и красные вина, мадера, портвейн и т. д.

После только что законченного тяжелого ночного перехода, все это мне казалось каким-то сном.

Откуда раздобыли эти Забайкальцы, пока я спал, все это великолепие? Наверное будем праздновать именины героя моих юношеских мечтаний, генерала Томашевского, — подумал я.

Оказалось, однако, что не предстояло праздновать ни-чьих именин, а что все это у Забайкальцев совершенно нормальная, ежедневная закуска, — находятся ли они в походе, или же на позиции. Это у них уже так принято и принадлежит к условиям их походной жизни.

После закусок последовал великолепный обед. Где их штабной повар-казак умудрился его сварить — осталось для меня загадкой, так как в этой сторожке, где было так тесно, что только с трудом можно было повернуться, я не мог обнаружить каких-либо следов кухни.

Все десять дней, проведенные у забайкальцев, казались мне скорей, чем-то в роде праздника, а не, так уже привычной мне, жизнью в условиях боевой обстановки.

В течение моего короткого пребывания в штабе Забайкальской казачьей бригады, пришел я к заключению, что известный комфорт, разные удобства и прекрасная еда были характерной чертой этого штаба.

. В условиях походной жизни, Забайкальцы, эти воины от рождения, обладали каким-то особенным дарованием принаровить условия мирного времени к военной обстановке. Причем чувствовалось, что такой, какой-то определенный комфорт в боевой обстановке, это совершенно естественное явление у них, как бы врожденная им черта. Всякие маленькие удобства разумелись сами собой и казалось, что у ниж даже и не могло быть иначе.

С течением войны и мы приспособились и научились использовать каждую подвернувшуюся нам случайность, или же какую-нибудь мелочь для наших удобств. Также и наша кухня значительно поправилась, особенно, когда каждый эскадрон завел своего собственного повара, однако, все это имело несколько иной характер и не было таким, как бы обязательным и необходимым, каким я это обнаружил у Забайкальцев.

Настроение и дух, взаимная дружеская связь между чинами штаба бригады и их взаимоотношения с генералом Томашевским были прекрасны и ничем не отличались от тех условий, к которым я привык в

своем родном полку и за этот, короткий к сожалению, срок, который привелось мне провести в их среде, я искренне привязался к милым Забайкальцам.

С первого же момента, когда я проснулся после тяжелого и утомительного ночного похода явился на зов генерала в сторожку, где познакомился со всеми уже собравшимися там на закуску чинами штаба бригады, охватило меня царившее в этом штабе радушное, гостеприимное настроение и почувствовал я себя сразу так же хорошо, как в своем эскадроне.

Вместо каких-то почти что полудиких Забайкальцев, какими они мерещились мне еще только что, во время нашего как бы призрачного ночного перехода через таинственные лесные трущобы, оказались они все, начиная от милейшего генерала и кончая прикомандированным к штабу прапорщиком Верхнеудинского полка из простых казаков, как на подбор культурными, интересными собеседниками, симпатичными и надежными боевыми товарищами, и гостеприимными хозяевами.

Что касается командира бригады генерала Томашевского, то, сохраняя свой полный авторитет начальника, был он одновременно как бы старшим товарищем всех офицеров штаба бригады, настоящим "отцом командиром". Для меня же продолжал он быть все тем же лихим уланским полковником, каким запечатлелся он в моей памяти каких-нибудь восемь лет назад. Среди других хорошо помню чрезвычайно симпатичного офицера генерального штаба, в наилучшем значении этого понятия, капитана Байова, младшего брата генерала Байова, профессора Военной Академии. Он исполнял тогда должность начальника штаба бригады вместо заболевшего. Отлично припоминаю также милейшего штабс-ротмистра Васильева, всегда в огромной, пушистой волчьей папахе.

В боевой обстановке, Забайкальцы были великолепны. Их спокойствие, хладнокровие, отсутствие всякой суеты, превращали, в глазах постороннего, каким тогда был я, самые напряженные, критические моменты боевой обстановки как бы в маневренную атмосферу мирного времени.

Трехдюймовые орудия их конной артиллерии были тогда еще старого образца, т. е. без щитов. Но это нисколько не мешало им лихо выезжать даже на открытые позиции, чтобы обсыпать метким градом шрапнелей показавшиеся колонны германской пехоты, которые от Вольборжа неустанно маршировали вдоль левого берега Пилицы в северо-восточном направлении.

За всю длинную 1-ю Мировую войну, со всеми выпавшими на мою долю самыми разнообразными боевыми переживаниями, воспоминание об этом моем чрезвычайно поучительном и интересном пребывании в Забайкальской Казачьей бригаде, навсегда останется одним из светлых моментов на общем мрачном фоне этой, так печально кончившейся для нас, войны.

После нескольких дней похода через Томашевские леса, прерываемого мелкими боевыми эпизодами, Забайкальская Казачья бригада вышла на р. Пилицу, где в районе Иновлодзи спешилась и заняла позицию вдоль правого берега этой богато окрашенной солдатской кровью реки.

К сожалению, миссия моя вскоре окончилась и, несмотря на то, что в течении следующих трех лет войны побывал я, кажется, на всех участках длиннейшего русского фронта, от Балтийского моря до Румынской границы, не пришлось мне больше встретиться с этими интересными, своеобразными и такими милыми Забайкальцами.

В. К—й

Юбилейные экскурсии по России

На время моего кадетства пришлось несколько исторических юбилеев, в том числе: столетие Отечественной войны 1912 и трехсотлетие Дома Романовых 1913 годы.

В связи с этим, корпусом, да вероятно и многими корпусами устраивались для кадет старших классов поездки по России с посещением исторических мест и осмотром памятников старины.

Поездки эти происходили обыкновенно в начале лета сразу после окончания экзаменов.

По количеству записавшихся, Министерство путей сообщения предоставляло в распоряжение корпуса один или два пульмановских вагона 3-го класса, с таким расчетом, что на каждого участника экскурсии приходилось одно спальное место и купэ для сопровождающих воспитателей и преподавателей.

Каждый из участников получил от корпуса два теплых одеяла, одно под себя, другим накрываться и по подушке.

С нами едет помощник каптенармуса 1-й роты с огромными чайниками и с кружками, кроме того — горнист. Вагон наш будет прицепляться к разным поездам и будет следовать согласно заранее выработанному маршруту. Довольствие во время экскурсии от корпуса. Чай и бутерброды с колбасой, или с сыром получаем в вагоне. Обеды заказывает сопровождающий воспитатель или на вокзале, или в какой-нибудь столовой в городе, а иногда обедаем в близлежащем монастыре, как например, в Спасо-Бородинском, или в Троице-Сергиевской лавре. Иногда, если останавливаемся на несколько дней в какой-нибудь кадетском корпусе, то там же и получаем довольствие.

Экскурсией руководят воспитатели и кто-нибудь из преподавателей, от которых получаем ко всему виденному интереснейшие объяснения.

Время необходимое для экскурсии идет за счет летних каникул, которые сокращаются по крайней мере на две недели и, не смотря на это, все же всегда

находилось достаточное количество желающих, что является характерным признаком того, что кадеты весьма ценили эти поездки и интересовались ими.

Руководят экскурсией такие силы, которые знают, что показать и как показать и объяснить кадетам, и могу уверить, что объяснения их всегда были очень содержательны и интересны.

Да и в самом деле, кому бы из нас удалось бы частным образом посмотреть еще довольно заметные остатки Шевардинского редута или ступить на священную почву Бородинского поля, или послушать "малиновый звон" звонницы Андреевского собора в Ростове (Ярославском). Да и при посещении частным образом какого-либо города, монастыря или старинного храма, сколько интересных и замечательных подробностей остаются незамеченными или недостаточными.

План экскурсии в 1912 году был намечен так: Выехали с Варшавского вокзала сперва в Витебск, оттуда в Смоленск, далее Бородино, Москва и обратно в Петербург.

Весело было, разместившись в вагоне чувствовать себя в своей компании. Двух одеял и подушки оказалось вполне довольно, чтобы устроить себе удобную постель. Вечером нас прицепили к поезду и, после ночи пути, мы на следующее утро прибыли в Витебск, первый этап нашего маршрута. Прибыли в город утром жаркого дня конца мая. В городе, собственно говоря, осмотреть было нечего, да и сам он попал в нашу программу, как один из исходных пунктов двинувшейся на Москву в 1812 году Великой армии. На вокзале, в буфете состоялся наш первый обед в пути. Дали по тарелке борща с возможностью "прибавки", на второе — по котлете с гарниром было вполне достаточно, особенно имея в виду, что вечером в вагонах был выдан чай и булка с колбасой.

Дальнейший наш путь лежал на Смоленск. Посещение Смоленска уже было много интереснее. Сам по себе город красив. С прекрасно сохранившимся Кремлем, с большим и прекрасно содержавшимся Лопатинским городским садом, с прекрасным собором, который благодаря своему замечательному резному иконостасу, был сохранен от разрушений и Наполеоном и Гитлером и даже большевиками.

Осмотрели Кремль с его башней "Веселухой". В стенах этого Кремля можно было еще видеть и польские ядра из армий короля Сигизмунда и, конечно, ядра французской артиллерии. Потом в одной из многочисленных городских купален выкупались в Днепре. Купанье было под строгим надзором воспитателей, так как стало известно, что во время купанья, кажется в Красном, утонул один из участников кадетской экскурсии. Обедали опять на вокзале, ночь ехали, а к утру были на станции Бородино, откуда предстояло посещение Шевардинского редута и Бородинского поля. Нужно было пройти верст десять пешком. При железнодорожной станции устроен небольшой музей. Можно видеть карты, схемы расположения войск во время Бородинского боя, старое оружие, кивера, кирасы и тому подобное.

На Шевардинском редуте еще можно видеть остатки рвов и валов. Сопровождающие нашу экскурсию преподаватели истории и географии оба прекрасные лекторы, объясняют нам значение боя за Шевардинский редут и его влияние на ход Бородинского сражения.

После лекции, через деревню Утицу, направляемся к Бородину и вскоре вступаем на священную почву, обильно смоченную кровью геройских бойцов. Много пришлось мне видеть памятников великих сражений. Начиная с памятника на Куликовом поле и позже, уже в изгнании, знаменитого креста-часовни на поле сражения у Аустерлица в Моравии, но несомненно самый достойный и прекрасный памятник на месте боя — это Спасо-Бородинский женский монастырь, устроенный семейством Тучковых, потерявшим трех своих членов семьи в этом бою.

Представляемся игумении и получаем приглашение отобедать в трапезной монастыря. После обеда осматривали церкви монастыря и кладбище. Наполняем наши фляги ледяной водой из монастырского колодца, потом возвращаемся на станцию к нашим вагонам.

Далее, путь наш лежит в Москву, где мы пробудем несколько дней и остановимся на это время в 3-м Московском корпусе, в Лефортове.

На Бородинском поле, на полном ходу, земляные работы. К юбилею ожидаются высокие гости и поэтому приводятся в порядок дороги.

Во время этих работ, рабочие зачастую находят ядра, пули, картечь. Эти предметы они с успехом продают нам. За ядро получают 3 рубля, картечины и пули идут по рублю. Долгое время у меня дома лежали на писменном столе три Бородинские картечины, пока при обыске члены сельсовета не конфисковали их, найдя что буржую незачем держать у себя такие опасные предметы, как, сто лет тому назад выстреленную картечь.

На следующий день мы прибыли в Москву и с Александровского вокзала отправились в Лефортово, где остановились в 3-м Московском корпусе.

В корпусе этом повсюду еще были следы весенних экзаменов. Стояли доски, на которых еще можно было видеть: фамилии кадет, №№ билетов и соответствующие доказательства или решения задач. В общем картина знакомая.

Кратковременное пребывание в чужих корпусах надо считать весьма полезным, оно всегда давало повод к сравнениям разных подробностей внутренней жизни, в особенности питания. При чем сравнения эти приводили к заключению в пользу родного корпуса и подогревали чувство любви и благодарности к оному.

В течение ближайших дней, посетили мы все исторические места, имеющие отношения к Отечественной войне. Хотя я и родился в Москве, но экскурсия впервые дала мне возможность побывать на Поклонной горе. Вполне понимаю восторг Наполеона. С другой стороны вполне правильно обозначение этого места, как "Поклонной горы", ибо, увидевши Москву оттуда,

нельзя ей не поклониться. Побывали и у Дорогомиловой заставы и в деревне Филях, где посетили и хату, в которой происходил исторический военный совет и где тогда была решена участь Москвы и России. Несколько больших картин на стенах изображают этот военный совет и его участников.

Пребывание в Москве закончили посещением чудесной панорамы Бородинского боя и осмотром Кремля и его святынь и достопримечательностей.

По возвращнии в Петербург, получили в, по летнему пустом, здании корпуса вещи, выдаваемые на каникулы и отпускные билеты на летний отпуск, который участием в экскурсии сокращался почти на 14 дней. Никто однако об этом не жалел и лучшим подтверждением этого утверждения служит тот факт, что весной следующего 1913 года, когда вновь намечалась экскурсия в память 300-летия Дома Романовых, нашлось достаточно желающих, чтобы наполнить Пульмановский вагон.

В этом году, уезжали в экскурсию в особо радостном настроении. Большинство из нас участников только что окончили корпус и считали себя юнкерами. Да и у меня дома уже лежала готовая, несколько по мальчишески, преждевременно заказанная алая бескозырка "Славной Школы". В этом году маршрут наш был намечен: через Рыбинск в Ярославль с остановкой на несколько дней в, расположенном в этом городе, кадетском корпусе. Из Ярославля поездка на пароходе по Волге для осмотра одного старинного монастыря. Поездка в город Ростов, на озере Неро, потом Кострома, с посещением исторического Ипатьевского монастыря, потом Москва с остановкой на несколько дней, посещение Троице-Сергиевской лавры и возвращение в Петербург.

Собирались для отъезда, на этот раз, на Царскосельском вокзале. Опять для каждого спальное место в купэ третьего класса, опять два одеяла и по подушке из корпуса. Опять чай с лимоном и булки с колбасой, сыром или холодной котлетой.

На следующий день перед приездом в Рыбинск переезжаем Волгу, которая производит на нас громадное впечатление. Обедаем на вокзале в Рыбинске. К вечеру уже прибываем в Ярославль, где нас ожидали с ужином.

При корпусе довольно большой сад, что нам, петербуржцам, конечно ново. Вечер после ужина проводили в этом саду с нашими гостеприимными хозяевами Ярославскими кадетами. И здесь в корпусе повсюду следы только что законченных экзаменов.

В один из дней нашего пребывания в Ярославле, предпринимали экскурсию на пароходе по Волге, для осмотра одного старинного монастыря.

Стояла чудная летняя погода и поездка являлась для нас большою радостью. Из Ярославля нас с нашим вагоном перевезли на несколько дней в старинный город Ростов, на живописном озере Неро.

Осмотрели там довольно богатый городской музей. В музее бросились в глаза целый ряд камертонов, причем некоторые необыкновенной величины. Оказалось, что эти камертоны представляют собою тона всех колоколов знаменитой звонницы Андреевского собора.

После обеда на вокзале, мы посетили и собор, описание старины, которого, в подробностях, не входит в задачу этих очерков.

Колокола помещены в звонице, т. е. специально для этой цели возведенной башне, стоящей отдельно от собора. Звонари, а эта должность здесь является потомственной, живут здесь же близко. За сравнительно скромное вознаграждение, которое мы здесь же собираем между собою, звонари соглашаются нам прозвонить все девять здесь принятых "ладов" и "малиновый звон".

Звонари всех возрастов, начиная от мальчиков 8-10 лет и до седых, бородатых дедов, действительно отцы и внуки залезли на звонницу и мы услышали колокольный концерт, который наверно никто из нас никогда в жизни не забудет; да ради одного этого, стоило поступиться двумя неделями летнего отпуска и как не быть благодарным корпусу, который давал нам возможность ознакомиться с такими чудными вещами, которыми так изобиловала наша Родина, но о которых далеко не все знали.

Из Ростова наш вагон перевезли в Кострому, где мы три дня прожили на вокзале, осматривая достопримечательности и исторические места.

Для того, чтобы с вокзала попасть в город, надо было, на огромном пароме переплыть через Волгу. Это было большое удовольствие. Повидали мы здесь чудный памятник Ивану Сусанину, посетили и Ипатьевский монастырь который стоит в дремучем лесу, совершенно как на сцене Мариинского театра, в опере "Жизнь за Царя".

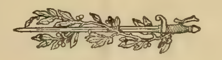
Из Костромы, нас перевезли в Москву, где мы, на несколько дней, остановились в лазарете Александровского военного училища.

В это пребывание осмотрели дворец в Кремле, Грановитую палату, хоромы бояр Романовых. Один день был посвящен экскурсии в Троице-Сергиевскую лавру.

Этим была закончена наша экскурсия 1913 года. Мы вернулись в Петербург и разъехались на летние каникулы, чтобы осенью вернуться уже в военные училища.

Вспоминая эти поездки по России, с посещением исторических мест, невольно с глубокой благодарностью думается и вспоминается, сколько усилий потратили родные корпуса, чтобы воспитать в нас любовь к Родине, к ее старине и славному прошлому.

Ф. Кочетов

Спортивные заметки

В № 35 "Военной Были" я упомянул многих из тех, кто принес большую пользу в развитии конского спорта в Коннице. Большинство из ездоков Царскосельского ипподрома и тех, кто тогда же подвязался на провинциальных ипподромах, являлись проводниками спорта в полках. В то время, слабого развития спорта в коннице, поощрение сверху, ограничивалось устройством одной барьерной 2-верстной скачки в дивизии на приз Военного Министерства (первому 150 рублей). Происходили скачки в конце кавалерийских сборов, на импровизированном ипподроме, при чем скакавшие лошади не подвергались систематической подготовке.

Так было до тех пор, пока во главе Инспекции конницы, одно время упраздненной, не стал Великий Князь Николай Николаевич. под влиянием которого произошли коренные реформы в области спорта в коннице.

Тут заслуга тех, о которых я говорил, была велика. На почетную доску должны были быть записаны два имени энтузиастов спорта: Северского драгуна Носовича и Лейб-Гусара А. А. Павлова. Книга Носовича о тренинге стала руководством для начинающих спортсменов, а где бы не служил А. А. Павлов, везде он умел зародить особый интерес к скаковому спорту. Так было в 26-м драгунском Бугском полку, так было и в 1-м Нерчинском полку Забайкальского Казачьего войска.

Лентяи, или слабые ездоки иронизировали "жокей", но "жокей" А. А. Павлов показал себя блистательным боевым кавалерийским начальником, а Ахтырцы, братья Панаевы, тоже были "жокеями".

Видную роль в том же направлении сыграл командир 39-го драгунского Нарвского полка барон Стемпель. Сам спортсмен, он энергично поощрял занятие скаковым спортом, уже при нем Нарвский полк заслужил репутацию выдающегося полка по постановке конского спорта.

Передо мной прошел калейдоскоп прекрасных ездоков. Я не стремлюсь их называть всех, упомяну лишь некоторых из тех, кто запечатлелся в моей памяти.

Бывавшие на скачках в Варшаве несомненно запомнили первоклассного ездока, улана Его Величества. Бибикова и его счастливого конкурента на одной из окружных скачек, Владимирского улана Пушкова, и его высококлассную кобылу "Мимозу". А вот еще и Сумский гусар Поляков, деливший также, как Лейб-Драгун Гримм свои успехи между Михайловским манежем и скаковым полем. На Киевском ипподроме всем была заметна колоритная фигура Кубанского казака фон Озаровского, всегда оживленного, всегда готового помочь советом "новичкам", иной раз даже в ущерб себе. Принадлежащая ему кобыла "Романеско" немилосердно стифовала ,но неожиданно для всех, благодаря дождям, размывшим грунт, и, конечно, искусству ездока, выиграла Харьковский 100-верстный пробег. Другой "фон" — Новгородский драгун фон-Кипарский на окружной скачке в Киеве мастерски вырвал победу на "Дриаде" у зазевавшегося Конно-артиллериста Бабанина, хотя "Лорд" Бабанина по классу был выше "Дриады". Такой же досадный случай, и тоже на прямой, вышел на Красносельских скачках, с кирасиром Его Величества Петровским, подходившим уверенно первым и упустившим выдвижение Смоленца Белокопытова, выигравшего скачку. Замечательно проведена была скачка Конно-артиллеристом Елчаниновым, выдержавшим спокойно два фальстарта и потому оказавшимся первым на лошади, не имевшей шансов. Экспансивная польская публика сделала ему овацию.

Все старые кавалеристы наверное не забыли "Киркиты" Нацвалова, обогатившего своего владельца. Такой же была "Ла Шанс" конно-артиллериста Чаплина, о которой я уже писал. Вообще конноартиллеристы не хотели отставать от своей кавалерии. Я запомнил некоторых из них, выигравших окружные скачки: Сарандинаки дважды, Елчанинов, Чаплин, Татаровский, Богуцкий. Его резвая кобыла "Нинет" доставила ему и Императорский приз в Красном Селе, если не ошибаюсь, в 1911 году. 100-верстный пробег Вильно—Ковно выиграл Хабаров на "Лунатике", внуке Гальтимора, вторым пришел тоже конно-артиллерист Мокржицкий на "Гуливере", как две капли воды похожем по экстерьеру на своего прародителя знаменитого "Руллера".

Помимо этого в Варшавском Военном округе было организовано Скаковое Общество офицеров Конной артиллерии, устроившее два скаковых дня, приглашая офицеров всего Рембертовского полигона, приезжали трубачи Владимирского уланского полка. Программа состязаний была такая же, как в дивизиях. Пробеги в 50 и 100 верст, стипль-чезы и барьерные скачки, а также конкур-иппик, рубка для офицеров и солдат.

Этот беглый обзор, конечно, не исчерпывает темы о развитии конского спорта в русской коннице, но несколько подводит к истокам этого спорта. Все же, спорт недостаточно проникал в глубину и большинство полков имели лишь отдельных представителей на больших ипподромах. Тут нужно учесть материальные затруднения.

Прежде всего сложный вопрос о приобретении соответствующей лошади. Денежно, хотя не очень щедро, но все же приходил на помощь ремонтный капитал, но, если молодой офицер не имел возможности воспользоваться советами сведующего человека, то покупка лошади являлась, в некоторой степени, лотереей.

Не нужно забывать о существовании своеобразной этики: продать лошадь с пороком, конечно, не без цыганской фальсификации, не считалось зазорным.

Полк. М. продал лошадь своему приятелю-помещику. Когда лошадь привели в имение, то обнаружили, что у нее сорван кусок языка. Покупатель пытался

усовестить М. "Михаил Станиславович, как же ты, своему приятелю, продал лошадь без языка". И получил в ответ: "Отцы родные, скажите, он хочет, чтобы за 300 рублей лошадь ему говорила". Сделка осталась в силе и характерно, этим приятельские отношения не были нарушены.

Первую лошадь мне удалось приобрести у Херсонского помещика, отставного генерал-лейтенанта Оводова (бывш. командира 17-й конной батареи, закончившего карьеру начальником 2-й Отд. кав. бригады). Приехал к нему, зная лишь, что у лошади должен быть хвост и, когда генерал увидел, как я смотрю на лошадь, то посоветовал: "Опустите козырек на глаза, смотрите на ноги, через спину еще никто не проваливался". Помолчав немного, добавил: "Так же смотрите и на женщину".

У генерала существовал обычай: если кто-нибудь выдает себя за знатока, то тот рискует увести отменную калеку, но если офицер признается в своей неопытности, то он выберет сам по совести, а расценку положит в зависимости от возможности офицера.

Предположим, что лошадь куплена удачно и подходящего для скачек класса, но это еще не все, нужно заметить, что только три армейских кавалерийских полка и три конные батареи стояли там, где были большие ипподромы, для других переезд, содержание лошади и пр. сопряжены были с расходами, непосильными для многих. Только те, кто ехали на Красносельскую или окружную скачку, пользовались большими льготами.

Мне не приходилось слышать в России о стипльчезах свыше 4-х верст при 12-ти препятствиях, по высоте полтора аршина и ширине не более 4-х аршин, но на родине спорта, в Англии, разыгрывались призы на Большом Национальном стипль-чезе в Ливерпуле на дистанцию 7 килом. 240 метров с 30-ью препятствиями. Высота препятствий 5 фут. — 5 ф. 2 дм. и ширина 5 ф. 10 дм. — 8 фут. не переходили нормы, но трудность скачки заключалась в некоторых деталях, уже не говоря о количестве участников, жестоко мешающих друг другу на прыжках. 16 препятствий приходится преодолевать на первом кругу и 14 на втором, это те же препятствия, только, при выходе на прямую, отпадает два последних препятствия. Рисунок ипподрома представляет собой усеченный эллипсис с двумя предательскими крутыми поворотами. Со старта, скачущие сразу имеют перед собой шесть препятствий, расставленных на коротке. Шестое — "Ручей Битчера", вал с канавой, при чем за канавой местность понижается на два фута и после прыжка вниз сразу поворот. "Ручей Валентина", канава перед барьером, выростает после очень крутого поворота. Неудачный поворот влечет за собой падение в реку.

До какого ошаления может дойти лошадь от такого количества препятствий, иллюстрацией может послужить случай, происшедший в 1956 году на этих скачках с королевской лошадью.

Выйдя на прямую в голове скачки, она, очевидно, вообразила, что на ее пути еще препятствие, сделала фальшивый прыжок и растянулась. На фотографиях, имеющихся у меня, схвачены моменты прыжка и тот, когда лошадь лежит на животе, вытянув вперед передние ноги. Жокей остался сидеть в седле.

В 1959 году к старту вышло 34 лошади, к призовому столбу пришли только 4. Уже на первом кругу на "Ручье Битчера" упало 8 лошадей, и на втором там же 6. Выиграл гунтер, купленный для охоты, но он показал не только стойкость, но и резвость, раньше выигравши две любительские скачки. У жокея, сидевшего на лошади, пришедшей второй, оборвалось одно стремя, между тем оставалось еще 4 последних препятствия.

Эти традиционные скачки являются экзаменом, что можно предельно потребовать от лошади и от незаурядного ездока.

А. Левицкий

Памяти командира

15 апреля 1958 г., в г. Монреале, на 75 году жизни, скончался полковник Константин Васильевич Курзеньев.

Покойный обладал чертой, которую имеет не каждый: удивительным равновесием разума и характера, благодаря которому, он был и блестящим стрелком, и первым ездоком бригады, и незаменимым заведующим батарейным хозяйством, а, впоследствии, и ее отличным командиром. Солдаты считали его строгим, хотя едва ли был случай, чтобы он наложил на кого-либо из них какое-нибудь взыскание, а младшие офицеры его несколько побаивались, даже тогда, когда он был еще поручиком — он был серьезнее своих сверстников. Эту печать наложила на него, вероятно, юность, которую он провел в неблагоприятных условиях. Отца, капитана 128 пех. Старооскольского полка, он потерял рано, мать получала очень скромную пенсию. За семь лет своего пребывания в Ярославском кадетском корпусе, Константин Васильевич не мог себе позволить ни разу поехать домой, на каникулы. По этой же причине, он не остался на дополнительный курс в Константиновском артиллерийском училище, ему было нужно, как можно скорее, встать на собственные ноги и помогать матери. В 1905 г., он был произведен в офицеры и вышел в 32-ю артиллерийскую бригаду.

В 1914 г., при выступлении бригады на войну, он, в чине штабс-капитана, занимал должность старшего офицера 5-й батареи 32-й артиллерийской бригады, но, обстоятельства складывались так, что очень часто, он ей фактически командовал. Сперва неофициально, пока командир батареи, почтенный, но уста-

ревший по летам, подполковник мирного времени, его покорно слушался во всем, потом, как "временно командующий", "командующий", и, наконец, как командир батареи.

Командуя батареей, Константин Васильевич не раз проявлял исключительную изобретательность в деле применения к боевой обстановке. Вот некоторые примеры:

Осенью 1915 года, в бою на реке Стыре, он разбросал орудия батареи на большом пространстве, для лучшей маскировки их, забытыми кое-где в поле остатками конопли — единственной возможной "маской" в этой ровной, как стол, степи. Топографическая подготовка стрельбы в то время еще не была изобретена, но тем не менее, командир стрелял так, что в течение боя получил несколько раз благодарности командира атакующего полка, а за весь бой — Георгиевское оружие.

Летом 1916 года батарея действовала на местности прямо противоположной предыдущей. Если на реке Стыпе фронт батареи мог быть растянут безгранично, то теперь, в узкой карпатской долине его, так сказать, вовсе не было, и Константин Васильевич поставил батарею в два этажа: половину орудий под обрывом, впереди, половину — над обрывом, сзади, с интервалами между орудиями в 4 шага, и ушел на наблюдательный пункт, предоставив старшему офицеру решить задачу, как при таких условиях построить параллельный веер. А позже протелефонировал, что "не испытывает никаких затруднений при стрельбе". Добавим, что такая позиция была, вероятно, единственной в истории артиллерий всех армий.

После этого боя,, батарея должна была переместиться вперед, в образовавшийся вдоль долины "мёшок" в расположении противника, глубиной в несколько километров. Шоссе было единственной дорогой, но каждое появление на нем каких-либо групп, встречалось огневым нападением австрийской артиллерии всех калибров.

Константин Васильевич решил задачу перемещения так: оставил в орудиях лишь по паре коренных лошадей, ездовой-спешенный, дистанция между орудиями 500 шагов, аллюр — конечно шаг. Все остальное шло скрыто без дорог, под лесом западного склона гор, вершины которых все еще оставались в руках противника. Расчетом командира было, что вид измемененных таким способом запряжек произведет на противника впечатление одиночных повозок, или кухонь, т. е. целей, недостойных огневого нападения, и этот расчет полностью оправдался.

Счастье сопутствовало Константину Васильевичу на войне: он никогда не был ранен, а в 6-й батарее не было убитых (один из раненых, бомбардир-наводчик Пичугин, скончался в госпитале — единственная смерть).

Революция не внесла никаких изменений в боевую жизнь батареи. Солдаты поднесли своему командиру Георгиевский крест с лавровой ветвью, а когда, в 1917 году, было введено выборное начало, 5-я батарея (и еще три батареи 32-й бригады) постановила "избрать всех офицеров на должности, которые они в данное время занимают".

Львиная доля заслуги в этом принадлежала, конечно, командиру. Каким он был, таким и оставался при всяких обстоятельствах. Ему не нужно было "применяться к текущему моменту", как выражались тогда, в 1917 году. Он был "простой и добрый барин", и за его долгую, начатую еще в мирное время, службу в 5-й батарее, батарея имела возможность его познать и оценить.

В 1918 году, при Гетмане, Константин Васильевич был уездным начальником в своем родном Остроге. В 1919 году — на бронепоезде Добрармии. В 1920 году — управляющим делами "Реандоба" (Комиссия по реализации военной добычи) в Крыму. Затем — эвакуация, Бока—Каторска и — снова Острог.

Настойчивость и выдержанность Константина Васильевича сделали свое дело: начав с места управляющего таким малым имением, что он должен был собственноручно пахать, он постепенно стал самостоятельным арендатором большого имения, а потом переселился в город Ровно и открыл молочную ферму. В 1939 году пришлось все бросить, пробираться в Германию и служить упаковщиком.

После объявления войны Германией большевикам Константин Васильевич, по его собственным словам, "мог выдержать только три дня", а затем явился немецким властям и сделался "Зондерфюрером", переводчиком для "Бакинских нефтяных промыслов". В этом звании он доехал, однако, только до Таганрога...

Затем все шло "нормально: звание "Ди-Пи", переселение в Монреаль, а там, сперва жизнь рабочего, потом — болезни, госпиталь и смерть.

В Монреале покойный оставил жену и замужнюю дочь.

Вечная ему память.

В. Милоданович

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ“

СПРАВКА

Император Павел прислал генералу Нумсену несколько “недорослей” из дворян, для определения их офицерами в Стародубовский полк.

Нумсен ответил, что они к службе не годятся, так как грамоты не знают. На это последовал Высочайший ответ: “С неудовольствием прочел, что вы осмелились судить присланных мною дворян, а ежели они грамоты не знают, то вам следует обучить их всему, что для военной службы знать надлежит. *Павел”.*

Вероятно, с тех пор и повелось обучение грамоте, сначала офицеров, а потом и солдат.

Извлек *С. М.*

ПОЭТ ДЕРЖАВИН

В древнем японском городе Иеддо, в одном из храмов, висит шелковое полотнище, на котором вышиты иероглифы — текст поэтического размышления о Боге и человеке. Этот же текст, но на китайском языке, украшал внутреннюю стену Императорского дворца в Пекине. Оба текста — переводные. Оба текста представляют собою перевод с русского — оды Гавриила Романовича Державина “Бог”.

Извлек *А. Г.*

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I И ГУМБОЛЬДТ

6 мая 1959 года газеты отметили столетнюю годовщину смерти великого немецкого естествоиспытателя Александра фон-Гумбольдт. Сын немца и француженки-гугенотки, Гумбольдт родился 14 сентября 1769 г. В Берлине, как и в Париже, он был у себя дома. Среди множества фактов, рассказанных газетами, почему-то всюду было умолчено о том, что в 1829 году Александр фон-Гумбольдт был приглашен Императором Николаем Павловичем в Россию, для исследования Урала и Каспийской области. В этой экспедиции Гумбольдт провел 9 месяцев. Шестидесяти лет от роду, он прошел горный кряж Урала и задержался у Каспийского моря.

Возможно, что Его Императорское Величество, военный инженер, полковник Николай Павлович читал “Voyages aux regions equinoxiales du Nouveau Continent” в 30 тт., то-есть материалы, собранные Гумбольдтом с 1799 по 1804 гг. во время его экспедиции в тропическом поясе Америки (издавались они с 1805 по 1834 гг.). Эта экспедиция была предпринята Гумбольдтом на собственные средства, средства на экспедицию для исследования Урала дал Император Николай I.

Интерес к Каспийскому морю, Персии, Индии Император Николай Павлович унаследовал, вероятно, от отца Павла Петровича и своей бабки — Императрицы Екатерины II. В послужном списке генералиссимуса Суворова есть такая статья: “командирован в Астрахань, для осмотра берегов Каспийского моря и составления проекта похода в Персию... 1780 г. мая”.

Какие причины побудили Императора Николая I пригласить Гумбольдта, мы, вероятно, никогда не узнаем, остается предположить, что военный инженер знал, что мощь страны обусловливается не только развитием военного дела, но и ее промышленностью.

Е. П.

Почтовый ящик

По поводу статьи А. Левицкого “Спортивные заметки”, должен внести некоторые дополнения и поправки.

На Олимпиаде в Стокгольме (шестой, а не пятой) от России не участвовали ни Эксе, ни П. Родзянко, ни Иваненко, так как в это время они были на состязаниях в Лондоне, где, в групповом заезде, впервые взяли переходящий кубок Короля Эдуарда, который был взят три года подряд и перешел в постоянное владение России. В 1913 и 14 гг., вместо Иваненко ездил Плешков. Переходящий же кубок Короля Георга взят Эксе в 1911, 13 и 14 гг., и тоже перешел во владение России.

Рекордный прыжок в Михайловском манеже был 2 арш. 11½ вершков и его поставил лейб-гвардии Гусарского полка Звегинцев на “Канзасе”.

Как представители от России на конкур-иппик в Стокгольме ездили: Вел. Князь Дмитрий Павлович, А. Родзянко, Селихов и Плешков. Об этом участии упоминается в готовящихся к печати “Воспоминаниях” Плешкова.

Полковник *И. Ф. Рубец*

ОТ РЕДАКЦИИ

Полковник лейб-гвардии Кексгольмского полка Евгений Львович ЯНКОВСКИЙ, кадет 3-е Московского Императора Александра II кадетского корпуса сделал для нашего журнала огромнейшую работу — составил полный Указатель ко всем вышедшим номерам и предполагает продолжать это дело и дальше.

За, почти, десять лет издания, около сорока вышедших номеров представляют из себя огромный военно-исторический материал, классифицировать, который было совершенно необходимо, дабы будущий историк мог разобраться в его содержании.

Редакция просит дорогого и глубокоуважаемого Евгения Львовича принять сердечную благодарность за проявленную им инициативу и большой труд, приложенный к выполнению этого необходимейшего дела.

Указатель будет печататься отдельными частями в номерах журнала, начиная с № 39 (ноябрь 1959 г.).

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1959 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ
ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Девятый год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:
61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей « ВОЕННОЙ БЫЛИ » и « ВЕСТНИКА ».

Подписная цена с пересылкой на год:
700 фр. фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.
В газете — постоянные отделы: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Вышла из печати и поступила в продажу книга
К. С. ПОПОВА

„Лейб-Эриванцы в Великую войну“

В книге 250 стр., 10 схем и 30 фотографий. Книга не поступит для продажи в книжные магазины. Выписывать только со склада издания: C. POPOV, 32, rue Charles de Gaulle, Montmorency (S.-et-O.).
Стоимость книги: 2.500 фр.; страны заокеанские — 6 амер. дол.

„Морские записки“

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам № 3 (48) т. XVI, 1958 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию В. В. Скрябин, 38, Bd de la Republique, Boulogne S/S.

Литературно-политические тетради

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

Независимый орган национальной мысли.
34-й год издания.

Адрес редакции:
73, avenue des Champs-Elysées, Paris-8.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e) и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — Chemin Ducal, Tervuren. Bruxelles.

Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Alder Grave, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 49, Penywern Road, London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Neumoresa 86, Roma.

Сев. Ам. С.Ш. — в Обще-Кадетском Объединении у В. А. Высоцкого 410, Rivercide Drive Ap. 103 A. New-Iork 25.

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 avenue San-Francisco 18.

Канада у К. Н. Мартемьянова — 716, Gerrard str. East. Toronto, ONT.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce, Stanmor (N. S. W.); б) у Н. А. Косач, 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — Obligado 2130, Buenos-Aïres.

№ 39

НОЯБРЬ 1959 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 8-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» с искренней скорбью извещает о кончине своего дорогого и незаменимого постоянного сотрудника кадета Суворовца I-го выпуска

Эраста Николаевича СУРАЖЕВСКОГО

последовавшей в Дорнштатте (Германия) 31-го октября с. г. Панихида отслужена у Кадетской Лампады в Париже.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1960 ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ: во Франции и Северной Африке — 15 нов. фр. с пересылкой; в Германии — 12 марок; в Англии и Австралии — 25 шил.; в странах заокеанских — 4 дол. 50 ц. ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА: во Франции и Северной Африке — 2 нов. фр. 50 сант., в Германии — 2 м., в Англии и Австралии — 5 шил., в странах заокеанских — 80 ам. цент.

Всю переписку и денежные переводы по ИЗДАТЕЛЬСТВУ, направлять по адресу РЕДАКЦИИ: *61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e).* Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и Северной Африки можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881-89 Paris, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16°). MIR. 72-55

8-й год издания | № 39 НОЯБРЬ 1959 Г. | Bimestriel. | Prix — 250 fr.

Памяти верного и незаменимого сотрудника

Я познакомился с Эрастом Николаевичем Суражевским три года тому назад, во время моего посещения группы кадет нашего Объединения, проживающей в старческом доме в Дорнштадте, в Германии.

Десятиминутного разговора с ним было достаточно, чтобы все стало ясно и наметился план совместной работы. Через несколько месяцев, я стал получать его готовые работы, и, с той поры, Эраст Николаевич стал постоянным и незаменимым сотрудником "Военной Были".

У всех в памяти его, прекрасно написанные, очерки "Замостье" и "Командир 2-й конной", не говоря уже об отделе "Хроники", который на три четверти пополнялся историческими и бытовыми изысканиями покойного.

Воистину трогательна была любовь Эраста Николаевича к родному корпусу и его бессмертному Шефу — Суворову. Работая в Ульмском архиве, покойный выписывал, что мог, о подробностях, бытовых и исторических, Швейцарского похода фельдмаршала.

Прекрасный товарищ, покойный регулярно держал меня в курсе болезни нашего незабвенного Александра Фаддеевича Кирея и первый сообщил мне о его смерти.

Мир праху твоему, дорогой и незаменимый сотрудник и брат!

Алексей Геринг

Три друга

СТРАНИЧКА ИСТОРИИ Л.-ГВ. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА

В начале XIX столетия, узы большой, сердечной дружбы навеки связали трех молодых офицеров Преображенского полка: Д. В. Арсеньева, С. Н. Марина и графа М. С. Воронцова, разных по характеру, но родных понятиями, воспитанием и духом. Светлые одаренные личности, они оставили яркий образец того, что могло дать в Александровскую эпоху русское дворянство.

Дмитрий Васильевич Арсеньев родился в 1777 году. Записанный с детства в полк, он рано начал нести в нем действительную службу, а в 1796 году был произведен в прапорщики. 25 декабря 1799 года он был произведен в капитаны, а в 1801 г. в полковники, с назначением командовать батальоном. В полку он сблизился с Мариным и гр. Воронцовым. Неразрывная дружба соединяла всех трех "Костуев", как они себя называли, до самой кончины Арсеньева. Когда они были вместе, они жили в одной квартире, когда были врозь, вели между собой оживленную переписку.

Человек крайне добрый и мягкий, "милый полковник", часто и легко увлекался. В 1804 году, неудачное увлечение кн. Е. А. Суворовой, заставило Арсеньева отправиться на Ионические острова в отряде Анрепа, оттуда, в 1805 году, в Италию. Воронцов ему писал: "Марин мне свидетель, что нет дня, в котором мы о тебе-бы не говорили и не рассчитывали, когда с тобой сможем и видеться, и жить попрежнему... привычка разделять все удовольствия с тобой до того в меня вкоренилась, что без тебя совершенного удовольствия в Петербурге вкушать не буду. В театре-ли ,я ищу тебя... знаешь-ли, что я Марина еще больше полюбил, когда увидел, как он к тебе привязан. Ты в нем имеешь истинного друга. Люби меня так, как я тебя люблю, большего не желаю и желать не могу".

По возвращении в Петербург, Арсеньев влюбился и сделал предложение фрейлине М. К. Ренне, которое было принято. Спустя некоторое время, невесте Арсеньева сделал предложение гр. Хрептович, и мать, прельщенная богатством графа, уговорила дочь отказать Арсеньеву. Последний не вынес этой обиды и вызвал Хрептовича на дуэль. 3-го декабря 1807 года Арсеньев был убит на дуэли. Весь Петербург вполне оправдывал Арсеньева и принимал в постигшей его смерти радушное участие. Молодые Хрептовичи должны были покинуть столицу. Марин посвятил другу двустишие:

Ты душу грешную, о, Боже, ублажи
И горести ее за гроб не продолжи.

Перед дуэлью Арсеньев оставил записку, в которой делал распоряжение о своих долгах, завещал дать на батальон 500 рублей, отпускал на волю своих слуг, а вещи просил раздать друзьям.

"Братьев поручаю покровительству моих друзей, прошу вникнуть в мои обстоятельства, посудить меня и пожалеть, буде найден винсвным. Любил друзей, родных, был предан Государю Александру и чести, которая была для меня во всю мою жизнь единственным законом. Имел почти все пороки, вредные ни для кого иного, как для самого меня".

7-го декабря Цесаревич рапортовал Государю, что граф Воронцов и граф де-Бальмен донесли, что они были 3-го декабря вместе с Арсеньевым на охоте и "разойдясь в лесу, услышали выстрел, на который сошедшись, нашли полковника Арсеньева мертвым. Случилось это по неосторожности Арсеньева, который, как видно, желая перейти ров, оперся на ружье свое и оным нечаянно застрелился".

Сергей Никифорович Марин был на год старше Арсеньева. Уже 13 лет он нес действительную службу в Преображенском полку, был фельдфебелем и каждый день ходил к Императрице Екатерине II с докладом и рапортичкой. Государыня любила маленького фельдфебеля Ее роты и звала его Сережей. Получив скудное образование, Марин уже в полку пристрастился к литературе и прочел много французских сочинений. При вступлении на престол Императора Павла, он был подпрапорщиком в роте Его Величества. Во время одного из вахтпарадов, Марин сбился с ноги и был разжалован в рядовые. Только 28-го декабря 1797 года он был прощен и произведен в портупей-прапорщики. В 1798 году он был прапорщиком, а в 1799 г. произведен в подпоручики. Марин состоял в заговоре против Императора Павла и, в ночь на 12 марта 1801 года, командовал внутренним караулом полка, стоявшим в Михайловском Замке.

Марин сражался, в рядах полка, под Аустерлицем, был тяжело ранен в грудь, в левую руку навылет и картечью в голову, получил золотое оружие, произведен за отличие в штабс-капитаны и пожалован флигель-адъютантом Императора Александра I.

В 1807 году ему было поручено формирование батальона милиции Олонецких стрелков. Затем, он был послан в Париж с депешами, часто исполнял личные поручения Государя. Произведенный в 1809 году в полковники, он был назначен состоять в Твери при принце Ольденбургском. В 1812 году он состоял дежурным генералом при кн. Багратионе, при котором был и в день Бородинского сражения.

Своему блестящему уму, острому языку и своим сатирам, пародиям и эпиграммам Марин обязан был своей широкой известностью среди современников. Стихи его затрагивали злобы дня и, как плод запретный, расходились во множестве списков. Даже С. Р. Воронцов из Лондона требовал присылки себе всего, что написано Мариным.

Его перевод Мероны Вольтера игрался в Эрмитаже, но славу Марину создала пародия на оду "Бог" — "О ты, что в горести напрасно на службу ропщешь, офицер", которую современники знали наизусть, даже Аксаков на экзамене сбивался с Ломоносова на Марина. В этой пародии Марин тонко отмечал все военные "реформы" Императора Павла.

"Могу-ли тайну ту понять, что
Анна греческа по-русски,
Святая значит Благодать.
Могли ли руки твои дерзки
Украсить шапки гренадерски, знамена,
флаги кораблей,
Любезной имянем твоей..."

Это было своего рода протест против появления на знаменах, шапках л. гв. Преображенского полка имени Анны Лопухиной, которой также был обязан 1-й батальон неожиданно появившимся в его обмундировании малиновым цветом.

Пародия эта создала Марину немало врагов, но зато некоторые его стихи заслужили одобрение Александра I. как, например, марш 1805 года, известный под названием "Преображенский марш":

"Пойдем, братцы, за границу
Бить отечества врагов,
Вспомним матушку Царицу,
Вспомним век ее каков.
Славный век Екатерины
Нам напомнит каждый шаг,
Вот поля, леса, долины,
Где бежал от русских враг".

В этой песне замечательно одно пророческое место, где говорится, что, когда француз побежит от нас домой, то

"За французом мы дорогу
И к Парижу будем знать".

Страсть к стихотворству доставляла ему "тьму неудовольствиев". Прямой, временами резкий, Марин был в высокой степени добрый человек, проживший всю жизнь для других. "Пора, брат, пора на покой", — писал он Воронцову, — "простительно скучать учением тому, кто с 1790 г. по 1804 г. беспрестанно в шеренге, беспрестанно учится ходить и имеет надежду встретить будущее столетие в той-же шеренге, держа эспантон под приклад".

Он был доволен назначением к принцу Ольденбургскому:

"Во брани поседев, воспитан под шатрами,
Попал я на паркет и шаркаю ногами".

Он не любил двора, а еще больше немцев, и звал Воронцова бить пруссаков, "начиная с Дибичей и Дризенов".

21-го декабря 1812 года он так закончил последнее письмо Воронцову: "Помни, что нас осталось двое,

как ты говорил после смерти бедного Арсеньева, и люби Марина".

8-го февраля он скончался от последствий ранений, полученных под Аустерлицем. Надгробная надпись на его могиле говорит:

"Жил 36 лет, 11 месяцев, 23 дня. Памятник ставила сестра его, княгиня Варвара Никифоровна Мещерская. О, мой надежный друг. Расстались мы с тобой и скрылись от меня и счастье и покой".

Граф Михаил Семенович Воронцов был самым младшим (родился в 1782 г.) и самым счастливым из троих друзей. Михайловской-Данилевский пишет: "Один из редких любимцев счастья, которое осыпало его необыкновенными дарами. Знатного рода, он получил превосходное образование, которое развило отличные умственные и душевные его качества. Военное его поприще было блистательное, храбростью своею, благоразумием и хладнокровием он стал наряду лучших наших генералов, а вежливым обращением с офицерами, вниманием к нуждам их и попечениями своими и щедростью к раненным, он сделался кумиром армии. Можно сказать, что у нас нет генерала, которого-бы любили столь много, как его".

Записанный, по рождении, капралом Бомбардирской роты, Воронцов был уже 4-х лет, в 1786 году, пожалован прапорщиком Преображенского полка, но действительную службу в нем начал нести только в 1801 году, в чине поручика.

В 1804 году он был откомандирован на Кавказ в распоряжение старого Преображенца, генерала кн. Цицианова. 28-го августа 1804 года он в чине капитана л. гв. Преображенского полка пожалован был орденом св. Георгия 4-й степени "За отличное мужество и храбрость, оказанные во время осады крепости Эривани при отбитии неоднократных вылазок персиян". Воронцов вынес из-под ружейного огня раненного офицера. В 1806 году он вернулся в полк и был назначен командиром 1-го батальона, во главе которого проделал поход в Пруссию. В дни Тильзитских свиданий Воронцов отказался отдавать почести Наполеону и сказался больным. Вернувшись в Петербург и разбирая архивы 1-го батальона, Воронцов нашел дело Царевича Алексея Петровича, считавшееся долгие годы утерянным.

В 1809 году он был назначен шефом Нарвского мушкетерского полка, с которым выступил в Турцию. 10-го марта 1812 года он был пожалован орденом св. Георгия 3-й степени: "в воздаяние отличных подвигов, мужества и храбрости, оказанных при поражении турецких войск в сражении при Виддине 19-го октября".

Кампанию 1812 года Воронцов проделал во главе Сводно-гренадерской дивизии, имея адъютантом Николая Васильевича Арсеньева, брата безвременно погибшего его друга и тоже офицера л. гв. Преображенского полка. В Бородинском сражении. Воронцов оборонял левый флинг русской позиции, Багратионовы флеши, с таким упорством, что к полудню из 4.000 гренадер его дивизии. в строю осталось 400 человек. "Моя дивизия исчезла на поле сражения", — писал он. Сам Воронцов был серьезно ранен в рукопашном бою.

Привезенный в Москву, он нашел подводы, нагруженные имуществом своих московских домов, подготовленными к вывозу, но приказал оставить все в городе, а нагружать раненых и увозить их в его имение во Владимирской губернии. Здесь 350 офицеров и солдат содержались на его счет до конца войны.

В 1814 году он особенно отличился под Краоном. "Краонское сражение", — пишет историк, — "есть один из знаменитых подвигов российского оружия и украшение военного поприща графа Воронцова, который был награжден орденом св. Георгия 2-й степени. Сражаясь во весь день против французской армии, гораздо его превосходившей и предводимой лично Наполеоном, он не уступил ему ни шагу земли, доколе не получил повеления отойти назад. Он не оставил во власти неприятеля ни пленных, ни пушки, ниже лафета или зарядного ящика, единственными их трофеями были трупы наших соотечественников".

В этот день, служа примером редкого хладнокровия, Воронцов лично командовал огнем пехоты и артиллерии, бивших с самой близкой дистанции, в 200-400 шагов, по наступающему врагу.

В 1816—18 гг. он командовал русским окупационным корпусом во Франции, поддерживая с французами наилучшие отношения. При уходе его войск из Франции, Воронцов заплатил из своих средств все долги русских офицеров. Во Франции он приобрел репутацию гуманного генерала, введя мягкость в обращении с солдатами, которых запретил бить на учениях, устроил для них школы грамоты.

В 1820 году он получил в командование 3-й корпус, а в 23 г. был назначен губернатором Новороссии. В 1845 году Воронцов был назначен наместником на Кавказе. Он был одним из знаменитейших наместников Кавказа, подготовившим окончательное покорение, завершившееся при его преемнике.

В 1851 году Император Николай 1-й приказал вновь внести его в списки л. гв. Преображенского полка и назначил его шефом 3-й Гренадерской роты, бывшей вакантной после смерти Вел. Кн. Михаила Павловича. Воронцов был глубоко тронут Монаршей милостью.

М. Е. Чиляев пишет: "Ему Государь прислал Преображенский мундир с Наследником, и сделал его шефом 3-й роты Преображенского полка. Старик все время ходит в этом мундире".

Мундир этот так близко и живо напоминал ему двух друзей невозвратной молодости, так рано ушедших из жизни, но образ которых всегда стоял перед ним. Возведенный в 1853 году в звание Генерал-Фельдмаршала, пожалованный титулом Светлейшего князя, М. С. Воронцов умер в 1856 году, пережив Арсеньева почти на 50 лет, а Марина на 43 года.

С. А.

Моя первая клятва

В Старом Петергофе, лето 1904 года выдалось особенно душным и влажным... Солнце глядело мутным, белым кружком сквозь нависшие тучи. Бывали грозы, но без желаемых последствий. свежести и облегчения воздуха от гнета томительной духоты. Я же, по обычаю многих лет, несмотря на все, с утра до вечера носился по лесам и лугам, совершая набеги то на приморье, то на болота и речки или на участки нашего имения, расположенные за железной дорогой, в надежде найти какую-нибудь дичь: утку, бекасика, тетерева или дрозда. Но обычно, все дело кончалось вороной и лишь изредка, ястребом. Помимо охоты, спортом служили мне рыбная ловля и теннис, и; конечно "сбор" грибов, которых в этом году было великое множество. Однако, в "спорте" первенство всегда сохранялось за охотой ружейной, которой я с детства очень увлекался, увы, часто в ущерб наукам и искусству.

Тем временем, сезон протекал по обычному: в Красном Селе чередовались парады и маневры, в "Александрии" (Государевом имении) ожидалось радостное, семейное событие. Родня собиралась за чайными приемами и обедами, а мы дети... учились чинно танцевать и набираться сил к предстоящему учебному году.

Спорт-спортом, большая подвижность, благодаря отличному велосипеду, позволявшему мне летать от моря до озера, речек, островка и за железную дорогу, в какие-нибудь четверть часа... Спорт спортом, но на душе моей тогда было очень неспокойно и тому были две важные причины: во-первых, на Дальнем Востоке шла война с японцами и шла она для нас неудачно. После гибели "Петропавловска" и Адмирала Макарова, глубоко, буквально до горячки, потрясшей меня, наступил как бы временный просвет и надежды на поворот к лучшему, и это особенно в связи с подрывом на наших минах японских броненосцев "Яшима" и "Хатсусе". Но наша артурская эскадра, казалось, бездействовала, война затягивалась, тогда как японцы уже давно начали высадку своих войск, двигая их на север Кореи с тем, чтобы бросить их на нашу армию, которая, как говорили старшие, должна была не допустить японцев на "артурский" полуостров и далее на север, в Манчжурию.

Второй моей заботой являлось присутствие на Кронштадтском рейде 2-й Тихоокеанской эскадры, уже давно здесь сосредоточившейся, которой должен был командовать адмирал Рожественский. О нем много говорили и спорили старшие, читая газеты и обсуждая доносившиеся к нам из столицы слухи... Вот, побывать на этой эскадре мне очень хотелось. Побывать по-серьезному, побывать и осмотреть несколько ее кораблей, особенно новейшего типа. Так, думалось мне, я почувствую себя как-бы ближе к артурской эскадре, к которой меня мучительно, но, увы, безуспешно тянуло.

В ту пору мне только что минуло 14 лет. Уже два года, как я был зачислен во 2-й Кадетский корпус, что помещался в Петербурге, на Ждановке. Ездил я в корпус на строевые занятия и на экзамены, жил-же дома. Конечно, с таким жизненным и учебным "багажом" я никак не мог надеяться попасть на артурскую эскадру, тем более, что нас разделяло расстояние чуть ли не в 10.000 верст, не допускавшее и мысли о благополучном завершении... "побега" на Дальний Восток. Между тем "посеянное", года два тому назад "морское чувство", хотя и не укрепилось во мне в виде определенного решения служить во флоте, тем не менее бурно во мне росло... Этому очень способствовали отличные книжки и альбомы, издаваемые дядей Сандро (Великим Князем Александром Михайловичем), моряком, и описания событий недавней Испано-Американской войны. Всем этим я увлекался, но еще, скажем... "платонически". Многое смущало меня при мысли о "морской карьере" и более всего огромная учебная программа, с которой я едва-ли-бы справился.

Еще в конце июня я начал "кампанию", имевшую целью организовать поездку в Кронштадт для посещения стоявших там боевых кораблей. Отец, в душе моряк, отнесся очень благожелательно к этой затее. Но старшие говорили — надо было получить особое разрешение, так-как эскадра стояла на военном положении. Папа хотел получить разрешение непосредственно от Государя, но желанная мною встреча отца с Государем как-то все откладывалась, а волнения мои с каждым днем росли. А вдруг эскадра уйдет? Не доверяя газетам и слухам, я каждый день по три-четыре раза лез на крышу нашего дома, откуда в бинокль и подзорную трубу, притом поверх деревьев, хорошо был виден Кронштадтский рейд и стоявшие на нем корабли.

Как-то в начале июля, взобравшись на крышу, я разглядел броненосец типа "Суворов", и от волнения чуть было не расшибся на смерть. Дело в том, что, дабы преодолеть верхушки деревьев, мне пришлось воздвигнуть целый эшафот, опирая его на дымовую трубу. Из стола, старого табурета и стула. И вот, эшафот не выдержал моих волнений, стремительно рухнул и я грохнулся, ударившись к счастью о внутреннюю кромку крыши и каким-то чудом не расшибся. С этого дня пошла у меня горячка... В Кронштадт... в Кронштадт... Аппетит, несмотря на все спорты, сократился наполовину, теннис ушел в предание, охота сосредоточилась главным образом на взморье, откуда, хотя и хуже, чем с крыши, но все-же виднелись наши красавцы корабли.

Наконец, заговорили и старшие о поездке в Кронштадт. Наметили было 10-е июля, но очень скоро последовала отмена. Затем заговорили о 24—26 июля

и опять отложили. Наконец, остановились на 30 июля, но наученный горьким опытом постоянных отмен — я этому уже не верил.

Старшие решили, что я поеду в сопровождении моего воспитателя капитана А. М. К. и лейтенанта Д. В. фон-Ден, недавно женившегося на моей двоюродной сестре Соне Шереметьевой (дочери единоутробной сестры моего отца Елены Григорьевны, урожденной графини Строгановой). Понятно, что канун провел я в больших волнениях, тем более, что к вечеру я заметил, что многие корабли задымили. "Уйдут, обязательно уйдут", — изводил я старших. Ночью я и не думал спать, а на заре, взобравшись на знаменитый эшафот, я убедился в следующем: корабли на рейде, погода будет мутной, серой и душной, Кронштадт рано утром уже покрыт легким туманом и что самое важное: он, "Суворов", пока что здесь...

Выехали около 8-ми с половиной. На нашем "Сергиевском" полустанке погрузились на "кукушку", вагончик, тащил его старый - престарый паровозик, бойко дымивший и мчавшийся все-же довольно быстро, оставляя за собой тучи бурого дыма. Через четверть часа мы уже были в Ораниенбауме, где у пристани нас ждала яхточка-катер Главного командира, на которой мы и отправились по назначению. Вот только когда я поверил, что мы, действительно, едем в Кронштадт.

При нашем приближении к Кронштадту, силуэты кораблей росли и росли, обретая постепенно более точные контуры, окраску и облик, казалось мне, живых существ. Вот узнаю "Сысоя Великого", "Нахимова", "Ослябя", "Аврору", "Дмитрия Донского" и... его, "Суворова", который оказался в действительности "Императором Александром III", на котором службу России и Царю нес Гвардейский экипаж.

Настроения мои быстро менялись. За ними — мысли витали между кронштадтским рейдом и артурским, где стоят сейчас такие-же корабли, где в данную минуту, может быть, они ведут бой с японцами, тем более, что вчера говорили с уверенностью о большом сражении Артурской эскадры с японским флотом, утверждая, что наши имели успех.

Войдя на рейд, мы стали невдалеке от "Алмаза", с которого нам подали катер, на котором мы и отправились на этот крейсер. Здесь отдохнули, выпили чаю с сухарями, и, около 10-ти часов, отправились на крейсер "Аврора". Помню его красивую, узкую палубу, его высокие трубы, его 6-дюймовую батарею. Помню приятно пахнувшие теплым машинным маслом люки и шипение котлов. Обошли мы весь корабль, и, наконец, взобрались на командный мостик, где красовалась боевая рубка. Пока мои спутники и судовые офицеры разговаривали, я как-то уединился на крыле мостика, откуда открывалась изумительная картина: линия больших кораблей, справа наискось, он, броненосец "Император Александр III", близнец артурца "Цесаревич". Красавец... Мысли опять забегали, как черточки на телеграфной ленте: Артур... Макаров... "Петропавловск"... "Новик"... Эссен... "Севастополь", бои, брандеры... Почему только успехи.... Неужели... Да, нет, мы сильнее японцев... Они напали на нас, не объявив нам войны... Все эти мысли носились в моей юной башке, как шалые мухи, навевая какую-то странную грусть. И я все пристальнее и пристальнее всматривался в красавца "Александра III", стараясь угадать пути его судьбы. Ведь, скоро, очень скоро он, да и все они будут драться... Им предстоит большой бой, который, как говорили старшие, должен решить участь этой войны... Да, это так, это я и сам угадывал. Но как сделать так, чтобы нам этот бой обязательно выиграть?.. И, чем больше я об этом думал, тем становилось мне все более жутко и невыразимо грустно, как-будто за всем, что я сейчас вижу, скрыто что-то, о чем я не смею думать и знать. Как-будто во всем этом таится разгадка какого-то мучительного и длительного предчувствия. Очнулся я, услышав вблизи разговор моих спутников с офицерами корабля... "Картонный крейсер... да не он один картонный", и мне стало вдруг неприятно это слышать... Причем тут картон? Скоро попрощавшись, мы вернулись на "Алмаз", где, пообедав, отдохнули в ожидании распоряжения начальства, которое должно было сообщить нам дальнейшую программу нашего кронштадтского дня. О посещении "Александра III" что-то мало говорили. Отправимся, думал я, на "Ослябя", тоже интересно, конечно, но не то... будет что-то вроде "Ростислава", немного больше, те же 10" и 6", только не в башнях, а в батареях...

Около двух часов, разом, все выяснилось: мы отправляемся сейчас на эскадренный броненосец "Император Александр III". Какая радость!.. Как сейчас помню, сходя по трапу, я ощутил чувство, точно такое же, как всегда в корпусе, когда я шел на экзамен. Странное чувство неуверенной уверенности в благополучный исход чего-то предстоящего. Приближаясь к кораблю, мне казалось, что поддаюсь влиянию присущей ему силы и какого-то необъяснимого могущества, не только "пушечного", но исходящего из недр какого-то неизвестного мне источника... Источника, в котором, со временем, я опознал дух данной боевой единицы.

Вот мы у трапа... И чувствую я биение пульса этого великана, чувствую биение жизни его духа и мне вдруг так захотелось приобщиться к потокам этой силы, слиться с нею в ее предстоящем деле, которое неизбежно должно совершиться там, на Востоке, на водах Империи Восходящего Солнца. На обширном юте высится огромная 12" башня, совсем иная, чем та, которую я видел на "Георгие Победоносце" два года тому назад... Знакомимся... Помню фамилию мичмана Эллиса... Тут два других офицера, которые и будут нас сопровождать при осмотре корабля. Всюду машины, аппараты, провода, электричество, приборы,

кое-где шлюпки, пушки большие и малые... Как это все сложно, как это все слито в одно единое целом, не поняв, не усвоив которое — вообще не поймешь, как живет и как должна жить и правильно работать эта мошина-громада, назначение которой — бой, именно бой, а не "драка" импровизированных сил и средств борьбы. На все это дает ответа наука, каука необычайно сложная и очень точная, которую, чувствую, мне никогда не одолеть. Иду и напряженно обо всем этом думаю, поддаваясь влечению к этому неизвестному мне, но почему-то столь дорогому мне кораблю. В 12" башне, все согласно живет и согласно работает. Нажим кнопки — и башня поворачивается беззвучно и величаво, куда укажет ей прицел. А пушки также тихо, может быть слегка гудя. задираются к небу, ожидая действий этого бородача-матроса (комендора), который, нажав соответствующую кнопку, выстрелит из пушки, или из пушек, по указанной офицером-артиллеристом цели. Но опять-же все это "слито в одно единое", в одну машину и науку, все поясняющую, всем управляющую, как волевая мысль данного человека.

Осмотр корабля окончен. Двухчасовая прогулка по палубам и трапам, среди шума машин и говора людей, завершается на юте. Вокруг нас, мирно плещут мутные воды "Маркизовой лужи", вдали видные старинные форты, а тут, близко, тянется линия кораблей, выкрашенных в черный цвет, с желтыми трубами и высокими мачтами. Они также выглядят, как те, что в Артуре, которых судьба привела уже принять боевое крещение.

Но вот подходит к нам офицер и передает приглашение командира, капитана 1-го ранга Бухвостова, пройти в адмиральское помещение, на стаканчик чая. Схожу по трапу и сраже-же встречаюсь с командиром, который очень ласково приветствует меня и моих спутников. Уводит к столику, что у левого кормового орудия. Рослый, приятный в своих движениях, с добрым и умным, окаймленным бородой, лицом, на котором светятся глаза, проницательно смотрящие тебе в душу, и, в то-же время, говорящие о непреклонной воле этого человека, мудрого и храброго, искреннего и преданного своему делу, о котором он всегда, с такой любовью, говорит. Как сейчас, слышу его приятный и мягкий голос. Он ласково на меня смотрит, отечески интересуется моими планами на будущее. Отвечаю уклончиво: морская служба, конечно, увлекательна, но она не легко дается, а наука мне не очень по душе. Узнав, что мне 14 лет, хозяин-командир улыбается. "Ну, время еще есть... Конечно, решение служить во флоте, дело ответственное... Но, если вы любите флот... тогда дело в шляпе, не удержаться вам на суше, не удержаться... а наука сама собой к вам пойдет, она требует любви и внимания".

Разговор перешел на события... На эскадре говорят, что 28-го июля был бой в Желтом море. Нашей эскадре не удалось пробиться во Владивосток, некоторые корабли ушли в иностранные порты, а остальные вернулись в Порт-Артур. Адмирал Витгефт будто-бы убит.

"Цесаревич" — близнец нашему "Александру III", мелькнуло у меня в памяти. Значит "Цесаревич" поврежден, а, может быть, и погиб. Как так? И мною вдруг овладела тревога... Боже мой!.. Неужели поражение? Бухвостов, будто угадав мои мысли, поясняет: "Морской бой решается годами подготовки. В нем участвует не только весь корабль, но и весь флот, все корабли, потому что действия одного, обязательно должны дополнять действия другого. Вот тогда флот сила... В этом одна из задач нашей боевой школы... И тут все: практика и наука, опыт и его оценка... А бой — это наш экзамен, экзамен нашей подготовки, экзамен всех и каждого из нас".

Я никогда не забуду эти слова и выражения глаз моего доброго собеседника, когда он мне говорил, неоднократно повторяя: "Морской бой решается годами подготовки". Вот мысль, которая мною сразу овладела. Не в этой-ли подготовке разгадка наших неудачь? "Когда вы начнете готовиться к поступлению в Морской корпус и прослушаете пару годовых курсов, вы увидите, как все это интересно, как это безумно увлекательно Но, упаси вас Господь от поверхностных знаний или односторонности. У нас все одно, одно общее, единое". Я порадовался тому, что эта мысль мне уже хорошо знакома, но как ее выразить?.. Выразить получше, понаучнее?..

Вдруг, неожиданно, для меня вопрос: "Скажите. а в "Александрии" еще ничего нового?" Я смутился. Что-же такое могло-бы случиться в "Александрии"? Я ответил, что ничего не знаю и опять ушел в свои морские думы... Не успел я очухаться от неожиданного вопроса, как в адмиральское помещение вбегает вахтенный офицер. размахивая над головой какой-то бумажкой. "Господин капитан 1-го ранга", — говорит он, волнуясь. — "Радио, в "Александрии" родился Наследник Цесаревич". Все повскакивали с мест, окружая командира. Радио извещало флот о великой радости: "Господь послал России и Царю Наследника..." Казалось, ликование овладело как-то сразу всем кораблем.

Бухвостов приглашает нас остаться на царский салют. На палубе слышится топот бегающих людей. Господа офицеры спешат переодеваться. Сигнал с "Ослябя" назначает салют через полчаса. Еще несколько минут и горнист играет "большой сбор", первый большой сбор, который я слышал в моей жизни. Звучал этот "большой сбор", как-то особенно нервно, радостно, победно, заражая всех необъяснимым сознанием присутствующей и уже народившейся стихии, устремленной к вершинам какого-то величайшего явления, которому подобают общая радость и поклонение всех, и... слава. Вот появляется командир. Он одет в летнюю, парадную форму. Он о чем-то озабоченно думает. Через несколько минут мы с ним вдвоем поднимаемся на ют. Офицеры и команда выстроены. мы поднимаемся на кормовой мостик и становимся около

боевой рубки... Тишина... Картина величественная, все будто замерло. Все пристально смотрят на "Ослябя". Он — флагманский и старший на рейде. На ноке реи его передней мачты развевается флажок, это сигнал "исполнительный" и, когда его будут спускать, тогда на всех кораблях начнется "царский салют" в 101 выстрел. Этот чуть видный флажок приковывает к себе внимание всей эскадры, создавая настроение еще большей напряженности и общего ожидания. Вдруг, как-бы вздрогнув, "исполнительный" стремительно куда-то исчезает и с правого борта "Ослябя" вырывается длинный, красный огонек, окутанный облаком белого дыма, и до нас доносится раскат. Через несколько секунд такой-же огонек и дым вырываются из левого борта "Ослябя" и вот, как-бы очнувшись от дремы, весь флот, как-то разом, начал салютовать, медленно, торжественно, делая выстрел за выстрелом. К грохоту пушек присоединяются потрясающие звуки гимна "Боже, Царя храни", и стихийные раскаты ликущего "ура". Чувствуется, что в этот момент совершается что-то необычайное. Всем окружающим, людьми и кораблями, водами и тучами, вдруг овладела какая-то "всеобщая", непреодолимая стихия, которая чувствуется, не может быть иной, чем та, которая способна звать и двигать людей на жертвы и подвиги, во имя торжества великих идеалов. Для нас, этими идеалами были слава и величие России, слава нашего Царя и Императора, слава их великого народа. И в этом громе пушек, в этом гимне, в этих стихийных раскатах "ура", так явно и величаво воплощалась сама слава Российская. Слава ослепительная, благодатная. Слава Российских полководцев и флотоводцев, слава их побед и великих деяний, слава, утверждающегося в мире, могущества Российской Империи.

Подъем наростал, наростал стремительно, стихийно, бурно, увлекая душу в какой-то неведомый мир силы, света и добра.

Но, вот в природе что-то дрогнуло. Легкая, чуть заметная, рябь скользнула по воде. Серые тучи вдруг зашевелились и как-то разом растаяли, и, над нами, засияло ясное солнышко, яркое, светлое, как, воплотившаяся здесь только что слава России, которой мы все служим. В эти незабываемые мгновения казалось мне, что все происходящее передо мной не поддается моему пониманию... Я стоял в каком-то оцепенении и плакал, переживая что-то невыразимо великое, лишающее меня возможности мыслить. Я пытался молиться, но не имел в себе сил, ибо инстинктивно чувствовал, что я уже участвую во всеобщей молитве о славе России, в молитве, какой-то бессловесной, но могучей молитве, может быть, милостью Божьей и чудотворной.

Я взглянул на командира. Он стоял выпрямившись, держа руку под козырек. Глаза его смотрели вдаль, как-то особенно проникновенно. Им тоже владело волнение, радостное и полное надежд... Да все мы волновались, и не я один лил слезы восторга. В это же время, как-бы усиливая картину всеобщего подъема, между нами и "Ослябя" медленно зашевелился, старик броненосец "Наварин", заканчивая свой салют, и идя в море на стрельбу. И все это в лучах солнца, солнца природы и славы.

Хотя и медленно, но я начинал все-таки приходить в себя. Мысль заработала и я понял, что отныне и впредь я буду до гроба принадлежать морской службе, что я буду служить России и Государю, под сенью Андреевского флага... Что это решение непреклонное и безоговорочное, решение мое, о котором я обязан сегодня же поведать моим родителям.

Салют окончен... Дали отбой... Командир приглашает нас в адмиральское помещение на бокал шампанского в честь Государя и Государыни, и новорожденного Наследника... Вот мы в адмиральском. Настроение приподнятое, собрались все офицеры, шумно, радостно так... Подали чай и бисквиты, беру стакан и блюдечко, но в ту-же минуту отрывается донышко моего стакана и я получаю душ кипящего чая. Я смущен, молодежь "разыгрывает": "стоп, на юте, кадет посуду бьет"... "Да, нет, это к счастью, вишь как донышко венчиком отрезало... Быть кадету матросом". Общий хохот. Я очень смущен.

В ожидании шампанского, мы с командиром сидим все в том-же уголку. "Ну, как понравился вам наш парад?", — спрашивает меня Бухвостов. — "Как хорошо, что вы были с нами в это время... И вам хорошо, вы же любите флот. Вижу, что любите. Я вас видел во время салюта. Вам сегодняшний день запомнится. Никогда этого не забудете, а там и решите, куда вам итти".

Приносят шампанское... Легкие бокалы-фужеры быстро наполняются искристым вином... Все волнуются, молодежь шалит... Командир делает несколько шагов вперед. Все смолкает... Вот, приблизительно, что сказал нам командир: "Господа офицеры, Господь послал России и Царю Наследника. Велика сейчас радость страны нашей Российской. Мы-же, на службе Царя и исполним наш долг перед ним и Россией. Наш враг силен, но сильна и могуча Матушка-Россия. Не она искала войны, а враги ее навязали ей эту войну. Будем-же с верою в помощь Божью усердно и внимательно готовиться к предстоящей нам битве. Она должна окончиться для нас победой, которую ждет от нас Государь и Россия. Сегодняшний радостный день да будет для нас зарею нашей грядущей победы, победы решительной, от которой пойдет все будущее нашей страны. Высоко поднимаю бокал за здравие Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Феодоровны, за здравие Новорожденного Государя Наследника Цесаревича... Да пошлет им Господь радостей в жизни и славу Их царствованию". Громкое, дружное "ура" вырвалось у всех в ответ на речь командира, но он сделал жест, и снова все стихло... "Господа, предлагаю тост за наших дорогих гостей, за гостя нашего кадетя князя Романовского, и пожелаем ему успехов в жизни, в

науках, преуспеяния и исполнения его желаний. Он любит флот и как знать.... Дай Бог... За ваше здоровье, господа, ура!..” Прокричали “ура”.

Этого я никак не ожидал... И тут мелькнула мысль отвечать обязательно и сказать о моём решении. Вскакиваю, становлюсь “смирно”, и обращаюсь к командиру: “Разрешите мне сказать два слова?”. — “Прошу”, — отвечает хозяин. Все насторожились, прислушиваются... — “Господин капитан 1-го ранга, позвольте вас поблагодарить за внимание и за радость присутствия на царском салюте, на палубе вашего корабля... За эти минуты я много пережил, и вот... и вот, хочу вам сказать, что мною принято решение, (далее громко, во всю глотку...), — И вот... даю клятву стать морским офицером и служить во флоте, служить Государю и Отечеству... За ваше здоровье, господин капитан 1-го ранга... За ваше здоровье, господа... Ура!”

К моему удивлению “тост” (первый в жизни) принят сочувственно. Молодежь со стаканами в руках весело чокается со мной, приветствуя меня добрыми пожеланиями. Бухвостов, наливая мне шампанского: — “Хочу, так, попросту, выпить ваше здоровье и дай Бог исполнения вашего желания...” “Я, господин капитан 1-го ранга, я дал клятву... клятву, вы ее слышали, и я ее исполню во что-бы то ни стало”. Дорогой хозяин-командир ласково на меня смотрит, протягивает мне руку и так. по-отечески, обнимает меня: “Дай Бог... дай Бог”.

Через полчаса, мы уже шли на яхте-катере главного командира к берегам Ораниенбаума. Форты Кронштадта, линии кораблей, все отдалялись и отдалялись от нас, превращаясь сквозь дымку вечернего тумана в призраки необычайной, таинственной красоты. Смутные предчувствия нарастали тем временем в моей душе, оставаясь в памяти мучительной загадкой.

Так закончился для меня день 30-го июля 1904 года, день неизгладимых воспоминаний и, вероятно, один из самых ответственных дней моей жизни, несмотря на мои четырнадцать лет и три с лишним недели от роду.

Князь Сергей Романовский

Первый пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Моя статья о действиях I пехотного Невского полка, невольно, разрослась и покрыла собою действия всей 2-й Армии генерала Самсонова. Я скоро понял невозможность выполнить мое задание, не касаясь действия соседних частей, в маневренной войне, в то же время, хотя события и врезались в мою память на всю жизнь, но имена, даты и расстояния требовали проверки и мне пришлось обратиться к описаниям кампании 1914 года, русским и немецким. Я был счастливее моих предшественников, потому что смог воспользоваться не только воспоминаниями и описаниями участников, зачастую, предвзятыми, но и новейшими исследованиями историков. Это и дало мне возможность дать некоторым лицам, частям и событиям иную оценку, чем та, которая давалась им до сего времени.

В первую очередь, я постарался реабилитировать память Командующего 2-й армией генерала Самсонова. Лучше, чем кто-либо, он понимал положение, но, получив труднейшую задачу, с негодными средствами, был лишен свободы действий и награжден сотрудниками, которые даже не считали нужным осведомлять его о получаемых ими сведениях о противнике. Самсонов явился жертвой бездарности и нерешительности этих сотрудников, слепо исполнявших получаемые приказания, не считаясь с изменившейся обстановкой, требовавшей иного решения. Не желая рисковать своей карьерой, они предпочитали выжидать новых распоряжений свыше, ничего не делая и теряя драгоценное время.

Положение в Штабе Армии было ярко описано в книге эстонского генерала А. Зальфа “Танненбергская катастрофа и ее виновники”. Повидимому, в 1914 году, генерал Зальф состоял в Штабе 2-й Армии. Он писал о преступной беспечности и беспорядке, царивших в Штабе, но я, сознательно, не воспользовался его книгой, так как генерала Зальфа могли бы упрекнуть в пристрастии, из-за личных отношений его с другими офицерами штаба, с некоторыми из которых он впоследствии вместе состоял профессором эстонской военной академии Генерального Штаба.

С самого начала, к генералу Самсонову относились несправедливо, взваливая на него всю вину. Даже, когда видя предстоящее небывалое поражение своей армии, он предпочел смерть плену или жизни в позоре на родине, и покончил с собой, и в этом, признании военного мужества, была сделана попытка ему отказать. В первоначальном обзоре действий XIII корпуса, генерал Клюев, говоря о смерти генерала Самсонова, высказал предположение, что он не покончил с собой, а был убит шальной пулей немецкого разъезда. Он основывал свое предположение на том, что пуля якобы попала в середину лба, а не в висок, как бывает у самоубийц. Даже около двадцати лет спустя, военный историк Русской Армии, А. Керсновский называет Самсонова — “ничтожным” совершенно незаслуженно и непроверенно. Самсонов не был ни ничтожным, ни бездарным. Он был выше своих немецких противников Гинденбурга, Людендорфа и Гофмана, но он был связан приказаниями Главнокомандующего Сев. Запад. фронтом генерала Жилинского и, вместо генералов типа Макензена, Моргана и фон-дер-Гольца, ему приходилось опираться на гене-

ралов Постовских, Артамоновых, Благовещенских, Клюевых, Преженцевых, Угрюмовых и им подобных.

В своих донесениях, эти второстепенные начальники старались обвинять и войска. И это обвинение было незаслуженно. Везде, где Русские войска имели достойных начальников (а это было в редких случаях выше командиров полков), они оказывались выше немецких войск, несмотря на превосходство последних в артиллерии и всей технической части. Это относится не только к войскам Варшавского и Виленского округов, находившимся в полной готовности и перешедшим границу на десятый день мобилизации, но и к злополучному XIII корпусу, получившему самое трудное задание и брошенному на театр военных действий неукомплектованным, на 20-й день вместо 30-го, с двумя третями запасных и огромным некомплектом офицеров и унтер-офицеров. Этот корпус, также, как и другие, выполнил свой воинский долг, как только Русские войска это делали во всех случаях, когда во главе их стояли начальники, умевшие приказывать и которым они доверяли и их любили.

Г. Беннигсен

XXX выпуск

Дорогому Борису Васильевичу Суровецкому, воспитателю XXX выпуска, — с любовью и признательностью за вместе прожитые годы.

Донской Императора Александра III кадетский корпус собирался всегда, к началу учебного года, 15-го августа.

К 6 часам вечера съезжались "звери"; к 8-ми являлись старшие классы. Отремонтированные, за время летних каникул, помещения корпуса, быстро наполнялись оживленным гудением голосов.

Среди кадет, за последние месяцы, происходили перемены: заметно увеличивался рост, шире раскрывались плечи, менялся голос, уверенней становились движения, походка, кой у кого намечался уже пушок на лице. Каждый привозил с собой много новых впечатлений и ими хотелось, возможно скорее, поделиться с друзьями-одноклассниками.

В корпусе-же все оставалось попрежнему: посередине просторной двухсветной спальни — та-же большая икона Божьей Матери с мерцающей перед нею лампадой, те-же строго выравненные в четыре ряда кровати под серыми одеялами и с черными тумбочками для белья; в сотне — образ Георгия Победоносца; на прежних местах портреты Государей, Державного Шефа Корпуса; подвиги Архипа Осипова, взрывающего пороховой погреб; майора Горталова, принимающего атаку турок на редут; рядового Василия Рябова накануне казни... Атака Лубенских гусар, таблицы форм полков гвардии и армейской кавалерии, сонеты К. Р... В глубине залы заседланный конь, в нормальный рост, с длинной дорожкой для разбега, предназначенный для самых убийственных прыжков... Всюду знакомые лица служителей, трубачей, старого швейцара.

Однако, при съезде осенью 1917 года как-то не ощущалось общего возбуждения и радости предыдущих лет. Конечно, за минувшее лето мы слишком возмужали, но, думаю сейчас, были и другие причины: встреча наша оказалась в этот раз более спокойной и потому, что все мы еще оставались под впечатлением февральских событий, очень тревожных вестей с фронта и потому что, не высказываясь, мы чувствовали себя сильно осиротевшими после драматического ухода из корпуса нашего директора, генерала Лазарева-Станищева, отказавшегося служить Временному Правительству после отречения Государя Императора от престола. Помимо этого, кругом чувствовалась растерянность, недоговоренность, неопределенность и нам эти настроения передавались тоже.

И мог-ли тогда, 15-го августа 1917 года, кто-нибудь предполагать, что именно нашему XXX выпуску — сплоченному и выправленному строю кадет VI класса — уже было уготовано судьбой оказаться несколько месяцев спустя в самом центре грозных и беспощадных событий Гражданской войны?..

I

"Ажинов Владимир, Антонов Павел, Бородин Аврамий, Брызгалин Николай..." так начинался втечении нескольких лет подряд список кадет моего II отделения. Он был одинаков в продолговатых черных книжках отделенного воспитателя — есаула Бориса Васильевича Суровецкого, всех преподавателей корпуса и в большом классном журнале, где ставились нам отметки за успехи и за нерадивость в науках. Теми же фамилиями открывался список VI—2 и 15-го августа 1917 года. Увы, дальнейшее внесло в него значительные изменения.

Новый учебный год начался, как и всегда: сначала разбивка по ранжиру, распределение по кроватям и по партам, потом новые книги, общий молебен, первые уроки, первые отпускные дни.

В городе было нехорошо и нездорово: в нем появилось много незнакомых лиц, военных разных чинов, то в походной форме, то в форме мирного времени, порой блиставших боевыми орденами, а часто только пестротой своих полковых цветов.

Каждый раз, кадеты приносили из отпуска все новые и новые неутешительные слухи о том, что творится в Петрограде и в других местах России, об увеличивающемся разложении на фронте, о тревожных настроениях на Дону и на Кубани.

Занятия шли вяло, уроки слушались невнимательно и так постепенно подошла, со свинцовым небом, дождями, а потом и с холодами, суровая поздняя осень.

Россия быстрее стекалась на Дон. И вдруг, как гром, пронеслась весть о происшедшем октябрьском перевороте, о широкой волне бунтов, восстаний, расстрелов, катившейся теперь по всей стране.

Один из бывших кадет — юнкер Елизаветградского училища рассказывал, как в Знаменке его юнкеров выбрасывали из вагонов озверевшие солдаты и матросы. Другие старшие кадеты — юнкера Николаевского училища, подробно объясняли, как они спаслись из разъяренного Петрограда и пробирались на Дон...

Эти рассказы стали единственной темой разговоров кадет и в классах, и на прогулках, и поздней ночью, в затихшей спальне.

А в ноябре, под Ростовом и Таганрогом, зазвучали первые выстрелы восставших большевиков. Из старших классов сразу исчезла небольшая группа кадет: во время дневной прогулки они просто перелезли через чугунную решетку плаца и прямо отправились на фронт под Ростовом.

В воспитательском составе корпуса произошло смятение. Оставшимся кадетам было объявлено, что все бежавшие будут исключены из корпуса и что, такой-же драконовской мерой, будут пресечены все дальнейшие попытки.

Однако, некоторое время спустя, после ликвидации ростовского восстания, побывавшие в боях кадеты, вернулись с повинной в корпус и были благополучно приняты обратно, без всяких, тяжелых для них, последствий. Мы это очень оценили и приняли к сведению. Конечно, понюхавшие пороху под Нахичеванью, обстоятельно рассказывали нам обо всем виденном и пережитом и это еще больше взбудоражило сердца и умы. Старшие классы теперь только и говорили о предстоящих новых боях и сговаривались, как и куда уходить вместе, когда наступит час. Родители, корпус — ничто больше не интересовало их.

Уйти из корпуса стало в общем нетрудно, так как надзор за нами ослабел, как в городе, так и стенах помещения: в это тревожное время войск в Новочеркаске почти не было и кадеты строевой сотни, помимо кое-как продолжавшихся занятий, несли вместе с юнкерами гарнизонную службу в ответственных местах. Исчезнуть было таким образом весьма просто, но страшно было оказаться непринятым в часть или быть захваченным начальством во время бегства.

Но вот, как только Чернецов приступил к операциям в Донецком бассейне, в его отряд двинулась большая группа наших кадет. Вскоре после этого, корпус был закрыт и оставшиеся кадеты разъехались по домам.

Запоздавшие из старших классов, одиночками и небольшими группами, продолжали исчезать из Новочеркаска в партизанский отряд. Уходили с ними на фронт и студенты, и гимназисты, и реалисты, вся молодежь.

6 января 1918 года Марией Петровней Калединой, женой Донского Атамана, в помещении Офицерского Собрания, давался последний бал. Под аккомпанимент рояля играл виртуоз-балалаечник, худощавый высокий брюнет — есаул Туроверов. Загулявший слегка, есаул Л.-Гв. Атаманского полка Жиров смешно дирижировал музыкантами на хорах. Вавочка Грекова, убитая позже под Екатеринодаром, с восторгом танцевала мазурку. В буфете, на лестнице, в зале было много парадных мундиров, кителей, доломанов. В этой пестрой толпе офицеров привлекали общее внимание ротмистр текинец, ординарец генерала Корнилова, и красивый, с румянцем во всю щеку, подполковник Черниговского гусарского полка, георгиевский кавалер и однофамилец генерала.

А потом, в Новочеркасске, еще больше падал снег, крепче трещали морозы. Жизнь как-то оборвалась и растворилась в массе походных шинелей и папах, заметенных мятелями.

События Гражданской войны понеслись, как в калейдоскопе, с изумительной быстротой...

После окончательного освобождения Новочеркасска восставшими казаками и подоспевшим во-время отрядом полковника Дроздовского, Донской Кадетский корпус был снова открыт. Кадеты, находившиеся в армии, постепенно начали возвращаться в корпус для продолжения образования.

Когда мы расселись в классе по партам, оказалось много пустых мест: впереди нехватало нашего "козла" Вани Дьяконова, постоянного вдохновителя общих проделок и свалок, убитого в Корниловском походе. Не было на обычном месте и Павлика Антонова, тяжело раненого в Чернецовском отряде и зверски добитого большевиками, на койке больницы Общества Донских врачей. Пусто было и там, где сидел милый и горячий Володя Ажинов, скошенный двумя пулями под Выселками. Незанятым оставалось место тихого и набожного Бородина, лихого пулеметчика, скончавшегося от полученного тяжелого ранения под Кореновской. Другие места пустовали из-за того, что целый ряд раненых кадет оставался еще на излечении среди них Николай Брызгалин, только-что начинавший ходить на костылях, и "Халыба" Гриша Иванович, бессменный в бою, до своего первого ранения, ординарец поручика Курочкина.

В 1-ом отделении была та же картина: нехватало Пети Кутырева, убитого в голову в одном из первых боев Чернецова, и целой группы раненых кадет.

В остальных классах недосчитывались Леонида Козырева, Аркадия Семашко, Егорова, Андропова, убитых в разных отрядах, и других, не вышедших еще из госпиталей.

Когда наш добрый батюшка Тихон Донецкий, которого казаки Новочеркасска называли не иначе, как "наш донской Златоуст", придя на урок, сел после молитвы за преподавательский столик, он медленно обвел класс глазами и тихо заплакал: "Бедные мои дети... Ведь, здесь еще так недавно сидел Ваня..., а там Володя... и Павлик..." Утирая слезы, он долго молча слушал рассказы очевидцев о смерти и о ранениях каждого кадета.

Корпусное начальство, однако, нас быстро "взяло в

оборот" и повседневная жизнь снова заполнила все, отвлекая наши мысли от недавних тяжелых воспоминаний. Потеряв четыре месяца ученья, мы проходили теперь форсированным темпом курс учебного года, сокращенный стараниями преподавателей до возможного минимума.

Вскоре пустые места в классах начали заполняться кадетами других корпусов, стремившимися закончить свое образование в единственном в то время действовавшем в европейской части России нашем Донском корпусе. В сотне, среди синих с красным кантом и вензелем Александра III погон, запестрели красные погоны Первого кадетского, 1-го Московского, Суворовского корпусов, черные Орловского Бахтина, синие — одессит, белые Сумского, и т. д. Мы, донцы, широко и любовно приняли новоприбывших в нашу семью и быстро подружились с ними. Многие из них тоже побывали на фронте, были среди них и раненые. От них мы узнали, как был заколот штыками наш донской казак Денисов — кадет Воронежского корпуса, как в Корниловском походе несчастный Кикодзе Одесского корпуса продолжал итти в атаку с оторванными ногами, волочась на руках по пахотному полю и крича "ура!", и многое другое.

В корпус вернулись и наши офицеры-воспитатели, не оказавшиеся безразличными к событиям Гражданской войны: из Корниловского похода — войсковой старшина и есаул братья Суровецкие, войсковые старшины Биркин и Тусевич, есаул Арендт; из Степного похода — войсковой старшина Какурин.

Потом стали прибывать из лазаретов выздоравливающие раненые кадеты. Сел на свое обычное место и маленький Брызгалин, тот самый, что в станице Ольгинской стоял на левом фланге Чернецовского отряда, только-что присоединившегосея к Добровольческой Армии, когда капитан Курочкин представлял чернецовцев генералу Корнилову. Когда генерал подошел к третьему (кадетскому) взводу, капитан Курочкин доложил ему: "Кадеты всей России". Корнилов, поравнявшись с Брызгалиным, спросил его: — "Сколько вам лет?" Брызгалин, стараясь ответить самым низким басом, произнес: "Шестнадцать, Ваше Превосходительство", на что генерал Корнилов, улыбаясь, заметил: "О, да... у него уже бас"...

Общий строй понемногу приобретал все более и более однородный характер: кадеты других корпусов надевали наши погоны и от этого еще крепче становилась общая спайка и дружба. Но не обошлось без инцидента: один из кадет V класса упорно продолжал носить форму своего Николаевского корпуса. Ему, красивому мальчику, видимо, было приятно щеголять в отпуску своим красно-черным поясом и драгунской шашкой, отличавшими его от других кадет. Одноклассники несколько раз дали ему понять, что таким поведением он высказывает явное пренебрежение к Корпусу, приютившему его. Они подчеркнули ему, что его казачье происхождение обязывает быть особенно корректным к своему Донскому Войску и нашему корпусу, и что на ношение шашки он вообще не имеет никакого права. Но, так-как этот кадет не обращал внимания на их слова, они решили дать ему урок военной этики, без участия начальства.

Когда он как-то вернулся из отпуска в своей форме, отделение растянуло виновного плашмя и "покачало вниз пузом", объяснив ему во время экзекуции причину наказания.

В Донском корпусе это было высшей карой, применявшейся по постановлению всего класса за отступление от кадетских традиций. Наказание было болезненное и опасное для провинившегося. Оно очень преследовалось начальством. Но наказанный кадет не пожаловался, полностью прочувствовал, что ему объяснили, немедленно надел наши погоны и сейчас-же после этого стал полноправным членом общей семьи.

Иван Сагацкий

(Продолжение следует)

Северо-западная армия генерала Юденича и Петроградская операция 1919 года

В этом году исполняется сороковая годовщина, как Северо-Западная армия генерала Юденича, несколькими стремительными ударами, опрокинув силы красных у Ямбурга и южнее, колоссальными переходами, и в несколько дней, подошла к Петрограду. Царское Село, где стоят наши родные казармы, было уже взято белыми, но через два дня снова отдано красным. Царское послужило поворотным пунктом. Оно было кульминационной точкой успеха с. з. армии, являясь в тоже время местом, от которого началось отступление. Полагаю, что не безинтересно будет прослушать рассказ участника этой операции. Я вел в походе дневник, записывая все мало-мальски интересное. Разумеется, чтобы не слишком увеличить повествование. я смогу здесь представить только краткую сводку и некоторые выдержки из дневника.

Прежде всего, позволю себе несколькими словами охарактеризовать положение на фронте. Северо-западная Армия генерала Юденича, при зарождении своем в городе Пскове, названная "Отдельным Псковским Корпусом", бывшим под началом генерала Вандама, а после полковника Нефа (Л. Г. 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка), уже 13 мая 1919 года сделала первую попытку захватить Петроград. Тогда последовательно были взяты Ямбург, Волосово, Кикерино, Елисаветино. Кронштадтский форт "Красная Горка" перешел на сторону белых и вся Ингерманландия была освобождена из под ига большевиков,

К сожалению, неблагоприятное стечение различных обстоятельств, заставило армию отойти и 4-го августа того же года снова отдать Ямбург. Благодаря тому, что в это критическое время прибыли из Курляндии свежие силы дивизии Светлейшего Князя Ливена, дальнейшее наступление противника было задержано и наши войска закрепились на новых позициях вдоль реки Луги.

Началось переформирование армии, организовался на новых началах тыл (Образование С. З. Правительства). Армия численно сильно увеличилась и, в конце концов, было сформировано пять дивизий: Первая — генерала Арсеньева, 2-я генерала Ярославцева, 3-я генерала Ветренко, 4-я (бывшая Балаховича) — Князя Долгорукова и 5-я Ливенская, под командованием полковника Дыдорова. Я, как старший адъютант штаба Корпуса Св. Кн. Ливена, в армию прибыл 2-го августа, т. е. как раз тогда, когда северо-западники, поддержанные ливенцами, отстаивали последний клочок русской земли между Ямбургом и Нарвой. Штаб армии находился в Нарве, армией командовал генерал Родзянко (б. ком. полка Офиц. Кав. Школы), Начальником штаба был генерального штаба генерал Вандам. Всем же движением на северо-западе руководил Главнокомандующий генерал Юденич. Пробыв в Нарве некоторое время, я, по расформировании штаба, был командирован во 2-ю дивизию, где получил назначение командира личного конвоя Начальника дивизии. Живя в маленькой деревушке Гдовского уезда, при постоянном общении со штабом дивизии, я хорошо знал не только настроение в полках, но и проекты и чаяния высшего командования. Определенно говорилось о скором новом наступлении на Петроград. Думали операцию эту провести в более широком масштабе, опираясь не только на свои силы, но рассчитывая на помощь союзников, т. е. англичан, а также Финляндии и Эстонии. Наконец, в первых числах октября, уже настойчиво и упорно стали носиться слухи, что не сегодня-завтра весь фронт двинется вперед.

Настроение солдат и офицеров было отличное; все рвались в бой.

Расположение частей в это время было следующее: на левом фланге армии, против Ямбурга, стояла 5-я дивизия и части 1-й. Влево от этой группы к самому заливу подходили эстонцы. Далее вправо 2-я дивизия, затем 3-я и 4-я. Армия еще не вполне была готова к наступлению, но учитывая настроение бойцов, их колоссальный подъем и желание драться — был отдан приказ 9-го октября начать штурм неприятельских позиций. 5-я дивизия и часть 1-й должны были взять Ямбург, продвигаясь вдоль железной дороги Ямбург — Петроград, чтобы затем широким фронтом занять район влево от жел. дор. 2-я дивизия и некоторые другие части под общим руководством генерала графа Палена (кавалергард) должны были, опрокинув противника впереди себя, держать направление влево, чтобы не отрываться от 5-й дивизии и уже дальше вести наступление вдоль жел. дор., двигаясь вправо от нее. 3-я дивизия должна была идти на Лугу, а оттуда на Павловск. 4-я дивизия остается на месте и служит заслоном на Псков. 1-я частью в резерве. Правый фланг начал маневрировать, днем или двумя ранее, 2-я же, центральная, дивизия снялась 9 октября рано утром. Ночью была сильная артиллерийская подготовка, а с рассветом малочисленные, но прекрасно сбитые полки бросились вперед.

Порыв был настолько силен, что противник на всем фронте оказался опрокинутым уже в первые полчаса и бежал в панике. Дальнейшее наступление шло, как и предполагалось, чрезвычайно успешно: 12-го октября была взята станция Волосово, 13-го Кикерино, 14-го Елисаветино и Войсковицы. 15-го станция Сиверская, 16-го Гатчина и Красное Село. Утром 17 октября Начальник дивизии, а вместе с ним и я, въезжали в Гатчину. Город производил совершенно мертвое впечатление. Редко было видно человека на улице, кроме, конечно, военных. Я заходил, между прочим, и во Дворец. В нем, на первый взгляд, все было в прекрасном порядке. Мы не долго пробыли в городе и скоро, вместе с полками, двинулись дальше.

Теперь позволю себе сделать несколько выписок из дневника, который вел в походе.

20 октября. Деревня Перелесино. — Только что приехали на новое место. В штабе получено радостное известие о взятии нами Царского Села. Наши части прошли весь город и вышли к вокзалу, за который и прогнаны красные. Позиция в данный момент в верстах трех за Царским. Штаб Талабского полка переехал, а мы на его место. Недавно пошли в бой танки. Они получили определенную боевую задачу и, между прочим, должны пройти по всему городу. Воображаю удивление и испуг жителей, когда они увидят эти огромные машины.

Кроме Царского Села, взят также Павловск. Это дело 1-й дивизии и там сейчас стоит ее штаб. Теперь самое главное, как можно скорее пробиться до Николаевской ж. д., чтобы перерезать сообщение Петроград—Москва. Удача в этом направлении отняла бы у красного командования возможность подвести к Петрограду свежие войска. Теперь на участке нашей 2-й дивизии мы имеем дело почти исключительно с курсантами и коммунистическими отрядами, которые дерутся отлично, так что нашим усталым полкам, особенно Талабскому, приходится тяжело. Красные все время наступают, причем большую помощь оказывают им бронированные поезда, которые гораздо лучше оборудованы, чем наши. Держать Царское очень трудно. Были моменты, когда положение становилось критическим, но все же удавалось благополучно удержать позицию за собой. Наше наступление приостановилось. Перерезать Николаевскую ж. д. пока не удалось.

22 октября. Деревня Онтолово. — Вчера около часу дня, если не ошибаюсь, красные большими силами начали общее наступление и главный удар повели прямо на стык нашей дивизии с 3-й, причем

чрезвычайно действовали их бронированные автомобили, из которых один даже прорвался в Царское Село. Наш 13-й полк не выдержал и стал отходить, результатом чего был общий отход всей дивизии верст на шесть. Наш штаб до последней минуты оставался на старом месте в дер. Перелесино. Мимо нас по шоссе проезжали обозы полков, кухни, проходили раненые. Но все это делалось с удивительным спокойствием и в большом порядке.

23 октября. — Положение наше очень невеселое. Красные, пользуясь удачным расположением железных дорог, поддерживают свои беспрерывно наступающие пехотные части отлично оборудованными и вооруженными бронированными поездами. Главное несчастье то, что у нас совершенно отсутствуют резервы, которыми можно было бы заменить уставшие полки. В пылу наступления усталость не замечалась, а теперь она сказывается и, все-таки, как офицеры, так и солдаты, держатся отлично, выказывая себя настоящими героями. Царское Село держали и теперь в блестящем порядке отступали какие-нибудь полторы тысячи. Я уверен, что со стороны красных на этом участке было сконцентрировано раз в десять больше.

24 октября. Деревня Новый Бугор. — Сегодня поздно ночью мы опять отошли на новые позиции. Наш штаб переехал в деревню "Новый Бугор". Это уже, так сказать, последний этап до Гатчины, которая всего лишь в 10—15 верстах. Сегодня на фронте довольно спокойно; красные вероятно собираются с новыми силами, но и мы не дремлем — в помощь к нам, из-под Пскова и Гдова, идет 1-я дивизия. Ее ждут не сегодня-завтра. В связи с этим вырабатывается план нашего общего контр-наступления, венцом которого должно быть взятие Царского Села и Пулковских позиций, после чего дорога на Петроград будет открыта.

25 октября. — Сегодня всю ночь шел сильный бой. Наше положение не совсем удовлетворительное, так как 3-я дивизия снова немного отошла. Однако мы все еще не падаем духом. Прибыла из-под Пскова и пошла на фронт 1-я дивизия. Ее поместили между нашей 2-й и 1-й (втиснули). Конечно, это немного облегчит наше положение. 5-я дивизия, в бою с матросами, высадившимися у Петергофа, потеряла командира своего 1-го полка генерала барона Радена, бывшего моряка, героя защитника Пекина, получившего тогда орден Св. Георгия.

25 октября. Гатчина. — Вчера, приблизительно в полночь, меня с полуэскадроном послали в Гатчину найти подходящие для нас всех квартиры. Штаб выступил позднее, часа в три утра. Была прелестная, теплая ночь, хотя довольно темная. Сколь неприятно вылезать из нагретой кровати, столь очаровательно было проезжать верхом, мелкой рысью, сквозь окружающее нас невозмутимо спокойное царство сна. Ехали все время по шоссе. Обогнали один из танков, который стоял и возился со своим мотором. Между прочим, мне передавали офицеры, служащие в танках, что собственно говоря, машины, присланные нашими союзниками-англичанами, никуда не годятся: то к пулеметам нет подходящих обойм, то гусеницы очень поношены и часто рвутся и т. д. Часов около трех утра был в Гатчине.

27 октября. — Сейчас получил известие, что противник взял Красное Село и что Ливенская 5-я дивизия немного отошла. Положение Гатчины становится довольно неприятным. На фронте сегодня спокойно и я, воспользовавшись этим, проехал к брату в штаб 1-й дивизии.

28 октября. — На фронте идет сильный бой, особенно в 3-й и 5-й дивизиях. У нас сравнительно спокойно, хотя фронт в верстах восьми от штаба. Из разговоров Начальника дивизии с Начальником штаба можно заключить, что Гатчину хотят во что бы то ни стало держать, а с прибытием на наш фронт всей первой дивизии предполагается даже образовать ударную группу для контр-наступления.

29 октября. — На фронте довольно спокойно, хотя сегодня слышна артиллерийская перестрелка, так как все это происходит в непосредственной близости города.

30 октября. — Ночью шел сильный бой и сейчас продолжается. Противник почти беспрестанно обстреливает наши позиции артиллерийским огнем; у него гораздо больше орудий, чем у нас. Вообще артиллерия у красных стоит на должной высоте и в снарядах у них изобилие. Поговаривают, но пока еще под большим секретом, что Гатчину придется оставить. План о нашем контр-наступлении так вероятно и не придется привести в исполнение.

31 октября. — Сейчас узнал, что нам из-под Гдова перебрасывается 4-я дивизия. Дивизия эта отличается своими дикими нравами, но с другой стороны и лихостью. В довершением всем неприятностям дня, получено сведение, что красными взята Луга, причем так неожиданно, что наши небольшие команды, находящиеся в городе, не успели во время уйти и были захвачены. Взятие противником Луги является для нас чрезвычайно неприятным фактом и особенно, если связать это с переброской почти всех наших сил на Гатчинский фронт. Таким образом весь Гдовский уезд, а с развитием операции, и жел. дор. Нарва — Гдов, т. е., иначе говоря, наш тыл, может, в самом ближайшем будущем, попасть под удары противника. Как наше командование будет реагировать — трудно сказать, так как свободных резервов у нас уже больше нет; единственно, что можно сделать, это снова снять какую-нибудь часть с нашего фронта и бросить ее на встречу противника позади нас. Но, увы, это тот же "тришкин кафтан".

Вот что говорят мои записки. Была оставлена Гатчина. Наше отступление продолжалось. Но это не было отступление разбитой армии. Малая силами, но великая доблестью своих солдат и офицеров, измученная и голодная, Северо-западная армия, под давлением превосходных сил противника и из опасения быть

окруженной, возвращалась тем же путем на свои исходные позиции. Геройски защищая каждую пядь родной земли, она 15 ноября 1919 года снова переходила реку Лугу.

Итак, нам понадобилось всего лишь 11 дней, чтобы дойти до столицы России и видеть Св. Исакий, а большевикам 25, чтобы заставить нас, не имевших ни резервов, ни тыла, измученных постоянными боями и переходами.

Николай Барон Будберг

Тарнобжег

Сентябрь 1914 года. После вынужденной задержки нашего эскадрона в г. Белостоке, мы, наконец, походным порядком двинулись на фронт. Пройдя по построенному саперами мосту через Вислу у Опатова, дошли мы до места нашего назначения, штаба 25-го корпуса, расположившегося в галицийском местечке Збиднев.

Через несколько дней, я с отделением отличных унтер-офицеров был командирован в распоряжение штаба. На первых порах мне было поручено распространение летучек, воззваний Великого Князя Николая Николаевича к польскому народу, а через несколько дней я получил приказание командира корпуса отправиться в г. Тарнобжег, расположенный на север от нас, у берега Вислы, где расследовать обстоятельства, при которых проходившие части нашей гвардии подверглись там обстрелу.

В предрассветных сумерках выступили мы с есаулом Б. и приданным на подкрепление взводом его казаков и через несколько часов, окружив подступы к Тарнобжегу, вошли в него. Вытребованный мною кмет получил строгий приказ немедленно собрать и сдать все имеющееся на руках населения оружие. Мы-же направились к стоящему на краю города замку владельца этих мест, графа Тарновского. Вышедшему к нам графу я объяснил цель нашего появления, прося его, наряду со всем населением, также выдать и его оружие. Граф провел нас в охотничью комнату замка, красиво украшенную рогами и прочими трофеями охот и здесь его управляющий пан Маршалк, сделав подробную опись, сдал мне, под расписку, ценную коллекцию охотничьих дальнобойных ружей и штуцеров завода "Шкода". По окончании прием оружия, граф пригласил нас к завтраку. В громадном зале за столом, рассчитанным не на один десяток гостей, граф, графиня и мы, два русских офицера, в боевой форме, думаю, являли не совсем обычное для старых стен зрелище.

Завтрак не блистал обилием явств, что по молодости и неискушенности в медицинских познаниях, я не мог себе еще объяснить ходким ныне словом "режим". Было подано легкое белое вино, а перед приборами стояли традиционные графинчики на чашечках, наполненные водой для полоскания рта и обмывания пальцев. Увы, есаул, не постигнув столь прозаического назначения этих сосудов, преспокойно утолил жажду благоухающей мятой жидкостью.

Граф был весьма любезен, сказал, что замок не подвергся никаким неприятностям, так-как над ним он поднял флаг красного креста и устроил перевязочный пункт для проходящих воинских частей и им заведывала графиня, а, так-как она из русских Радзивилл, то он и не счел нужным, подобно другим, покинуть свои владения. Он скептически отнесся к донесению об обстреле наших частей, сказав, что, видимо, это были случайные пули стрелявших крупного зверя в его заповедных лесах, отставших для этой цели, солдат, о чем ему достоверно известно из донесений его ловчего.

Было уже далеко за полдень, перед замком стоял воз, наполненный не представляющим никакой ценности оружием. Водрузив на него аккуратно упакованные графские штуцера и распрощавшись с хозяевами, мы двинулись в обратный путь. Обмениваясь впечатлениями, успев только выйти из города, мы заметили быстро несущихся навстречу всадников. Поравнявшись со мной, унтер-офицер вручил мне конверт. Содержание его гласило: "По приказанию командира корпуса, корнету Хороманскому предписывается со вверенными ему чинами остаться в Тарнобжеге. Арестовать домашним арестом графа Тарновского, лишив его всякой возможности сношения со внешним миром, а также уничтожить все имеющиеся в городе склады спиртных напитков".

Поручив есаулу сдать по назначению оружие, я распрощался с его казаками и им, весьма обрадованным скорым для него исходом командировки. Повернув налево кругом, направился я вновь со своими молодцами к замку.

Велико было удивление графа, когда ему доложили, что я хочу вновь его видеть. Выслушав меня, он не обнаружил никакого волнения, попросив только отвести ему комнаты в первом этаже, в которых они с графиней жили до сих пор, а также назначить в его распоряжение дворецкого. Исполнив его просьбу, я сейчас же выставил внутренние и наружные посты и организовал наблюдение за управляющим и служащими.

Тем временем на кухне разогревались наши походные консервы. Отложив детальный осмотр замка до следующего дня, я занял для нас отдельный флигель, служивший для приема съезжавшихся на "полевание" гостей охотников. Не успели мы приступить к нашим консервам, как дворецкий пригласил меня посмотреть покои в замке, предназначенные мне. Кабинет, спальня и ванная комната. "Пан офицер будет иметь удовольствие ночевать на кровати, на которой изволил спать, приезжая к нам на охоту, Его Величество Им-

ператор Франц-Иосиф", — почтительно доложил он мне.

Этот вечер закончился не консервами, а скромным обедом, к которому я был приглашен графом и его супругой, на их половину. Обычная вечерняя еда их состояла из молочных блюд и картофеля, тогда-как мои молодцы в охотничьем флигеле были щедро ублажены сытными блюдами и на заданный мною старшему вопрос относительно питания, я получил утешительный ответ: "о нас не беспокойтесь, ваше благородие, нам утром горничная приносит даже "какаву".

Приступив к выполнению моего задания, я приказал уничтожить оставшееся пиво пивного завода, принадлежавшего графу. Не скрою, жаль было несколько дней глядеть, как безжалостно разбивались бочки с прекрасным напитком, который по стоку тек в Вислу.

Между тем выяснилось, что в городе имеется несколько шинков, снабжавших "зельем" проходивших солдат. Две, три лавочки вина сразу-же уничтожили в нашем присутствии свои запасы, но что-то подсказывало, что этим не могло ограничиться, и, действительно, через несколько дней мне стало известно интересующее меня место. В одно прекрасное утро остановились мы перед домом с закрытыми ставнями и дверьми. "Ваше благородие, это здесь", — доложили мне. Стук в дверь и окно остались без ответа. Окружив дом, мы силой вломились в помещение.

Здесь я должен сделать отступление и спросить вас, любезный читатель, как некогда спросил Гоголь: "Знаете-ли вы, что такое украинская ночь?" Знаете-ли вы, что такое еврейский гвалт? Нет, отвечу я вам, если вы лично не испытали этого удовольствия, то вы и представить себе не можете это отвратительное зрелище времен средневекового гетто. Итак, мы вошли и сразу-же обалдели от потрясавшего воздух дикого, исступленного крика и визга множества женских голосов, который неумолкая переходил с одной на другую ноты заунывного, надрывного, животного воя. "Ваше благородие, не обращайте внимания на этото гвалт", — докладывал мне, первый раз слышавшему в жизни подобное, мой старший унтер-офицер.

При свете открытых окон нам предстала картина большой комнаты, обставленной по стенам шкафами, посредине ее на чем-то сидели вдоль еврейки и неистово орали. Преотвратительный "концерт" требовал немедленного прекращения. Женщины были силой согнаны с мест, оказавшихся ящиками с вином и ликерами. В это время перед дверьми шинка появилась группа евреев, во главе со стариком, патриархального вида, хозяином. Женщины были отпущены на все четыре стороны, а хозяину было приказано указать склад напитков. Старик клялся, уверяя, что никакого склада у него нет. Пришлось приступить к детальному осмотру и, отодвинув шкафы, за одним из них обнаружилась забитая наглухо дверь в погреб. Выломав ее и пустив вперед хозяина со свечей, мы спустились в длинный погреб, по одной стороне которого красовались боченки с разными винами, и стояли бутылки с наливками, а по другой лежала масса каких-то узлов, беглый осмотр коих обнаружил присутствие в них разных вещей домашнего обихода, белья, одежды, посуды и пр. Шинкарю ничего не оставалось, как признаться, что это награбленные солдатами вещи, взамен которых он отпускал вино.

Трудно было, в подобной обстановке, принять иное решение, как вылить все содержимое, уничтожив таким образом и вино, и краденое. Это и было выполнено.

Наше триумфальное возвращение возглавлялось хозяином шинка, несущим впереди огромную бутыль с наливкой. Это было его наказание в назидание прочим. Для большей же острастки, я приказал его задержать у нас до утра. Оказалось, его продержали всю ночь на конюшне, "стерег наших коней", — ухмыляясь, доложил мне утром дежурный. А перед воротами замак стояли его родственники и просили выдать его труп. Великая была их радость, когда до смерти напуганного их родственника вывели за ворота целого и невредимого, но уже без бутыли, распитой, с моего разрешения, за его здоровье.

Однообразно потянулись дни, заполненные лишь наблюдение за порядком при прохождении частей, да беседами с графом и графиней, к счастью оказавшихся интересными и приятными собеседниками.

В своем донесении в штаб об уничтожении спиртных складов, я упомянул и об имеющихся в графском погребе выдержанных винах, результатом чего получил просьбу прислать для околодка штаба несколько бутылок хорошего вина.

Но вот, однообразие времени было нарушено внезапным появлением ротмистра К., таинственно вызьавшего меня и передавшего, что граф должен быть немедленно отправлен в г. Люблин. "Прекрасно, господин ротмистр, я сейчас же сообщу графу, что вы хотите его видеть". — "А, нет, зачем же, ведь вы были здесь, вам удобнее сообщить ему об этом". Насколько это его мнение о том, что было мне это удобно, предоставляю судить читателю, очутившемуся бы на моем месте. Я немедленно пошел и сообщил графу о привезенном приказе. Слегка задумавшись, он спросил: "А моя жена?". — "Относительно супруги вашей не последовало никакого указания, но, полагаю, что она может с вами ехать. Через несколько времени граф попросил меня и сказал, что графиня остается дома, дабы охранять своим присутствием замок от возможных неприятностей.

По данному распоряжению, к подъезду был подан выезд, запряженный четверкой лошадей и граф, в дорожном костюме, с чемоданом, вышел на крыльцо. Вся дворня выстроилась по обеим сторонам его следования к экипажу, поочереди трогательно целуя его руку. Графиня попрощалась с мужем. Пожав мне руку и не удостоив ротмистра взглядом, он поднялся в экипаж, на козлы, рядом с кучером, сел назначенный для сопровождения и сдачи коменданту г. Люблина, представительный старший унтер-офицер Рябов. Уехал

граф и вслед за этим отправился в штаб сконфуженный ротмистр.

Считая дальнейшее свое пребывание здесь лишенным основания, я распорядился о приготовлении к возвращению.

Все более отчетливо приближавшийся гул орудий с противоположного берега Вислы, свидетельствовал о каких-то быстро меняющихся событий на фронте. И действительно, мое решение подтвердилось полученной полевой запиской с предписанием не возвращаться в Збиднев, а следовать к переправе через р. Сан, у местечка Чекай и далее в город Красник, новую стоянку эскадрона. В Краснике я узнал, что граф Тарновский подозревался в сношении со своим братом, профессором Краковского университета, возглавлявшим антирусскую, польскую организацию "соколов". За присланное вино меня благодарили. Так как при Штабе никакого околодка не было, то вино было выпито за собранским столом. Хуже было то, что ценное оружие и есаул исчезли бесследно и безповоротно.

Граф, в скорости по прибытии в Люблин, был освобожден, по приказу Великого Князя Николая Николаевича, знавшего его лично и бывавшего у него на охотах. Мой же красавец Рябов вернулся только через два месяца, так как щедро награжденный графом, слишком повеселился в Люблине. А в тридцатых годах, уже во Франции, я с грустью прочел известие о том, что прекрасный замок графа Тарновского в Торнобжеге погиб от пожара.

В. Хороманский

Зимний Дворец — Эрмитаж

"С.-Петербург, тебе, Петра созданье,
Мы шлем привет из всех далеких стран,
И, с плеч стряхнув тяжелый гнет изгнанья,
Летим мечтой чрез море-океан.
Нам не забыть твоих дворцов массивы,
Твоих ночей чуть бледноватый свет..."

В. Петрушевский

Сначала припомним, каким образом Елисаветинский барокко и Екатерининский классицизм сочетались с такою роскошью в монументальном здании Зимнего Дворца.

Царь Петр I утвердился окончательно на берегах Невы лишь благодаря Полтавской победе, в 1709 году. До нее в Петербурге, за редкими исключениями, возводились деревянные здания из подручного материала. Согласно Царского указа, архитектор Трезини разработал три типа жилых домов: "для именитых" — в два этажа, для "зажиточных" — в один этаж с мезонином и для "подлых" в один этаж. После 1709 года, царь приказал строить каменные здания на берегах Невы и ее притоках. Вельможи возводили большие дома и преимущественно на левом берегу Невы, вверх по реке от Адмиралтейства.

Нам не трудно вообразить себе Петербург второго десятилетия XVIII века, не только благодаря современным описаниям, но и выгравированным в 1716 году А. Зубовым 11 видов Петербурга и его панорамы. Около 1716 года Х. Марселиус создал новую серию гравированных видов-панорам. Итак, к 1716 году вполне выразительно видны были шесть расходящихся от Адмиралтейства лучей-улиц. Первым — была Миллионная линия, вторым — Невская просека, прорубленная еще в 1711 году сквозь имение супруги Петра I, для связи Адмиралтейства со старой дорогой на Москву через Новгород. Следующие три луча достигали только Мойки, а шестой луч — стал впоследствии Вознесенским проспектом. На восток от Адмиралтейства простирался незастроенный выгон-луг. С его северной стороны, по берегу Невы, поселились знатные сподвижники Царя, преимущественно из морской среды. Первым от Адмиралтейства был выстроен величественный, трехэтажный дом генерал-адмирала графа Апраксина (по проекту архитектора Растрелли-отца). За ним, вплотную, следовали более скромного вида дома Рагузинского, Ягужинского, Чернышева, вице-адмирала Крюйса, гофмаршала Шепелева, шталмейстера Кошелева, вице- адмирала Броуна и, вскоре исчезнувший, "Второй Зимний Дворец", вместо которого был возведен "Первый" Зимний Дворец, построенный в 1711 году и расширенный в 1725. Он был расположен на берегу Невы, за каналом, носившим позже название "Зимней канавки". Кстати — он первым был освещен снаружи фонарями на конопляном масле.

Столь памятный нам Зимний Дворец был выстроен архитектором Растрелли-сыном, в два приема. Между 1732—1739 гг. был возведен дворец фасадом к Адмиралтейству, рядом с домом гр. Апраксина, а позже между 1755—1762 гг. была продолжена стройка дворца вдоль Невы, когда была произведена разборка находившихся там частных домов, начиная с Апраксинского. Современники отмечают, что луг, обрамлявший тогда Адмиралтейство и строящийся дворец с юга, являл странное хаотическое зрелище: он весь кишел тесно сложенными первобытными хибарками, шалашами, землянками с жившими там тысячами рабочих, сведенных со всех концов России на постройку дворца. В 1762 году, с позволения генерал-полицмейстера, весь этот хлам был разнесен за одни сутки населением близлежащих участков на распалку печей.

Между 1764—1767 гг. архитектор Деламот пристроил ко дворцу "Малый Эрмитаж". "Старый Эрмитаж" возвел архитектор Фельтен около 1770 г., а "Эрмитажный Театр" воздвиг архитектор Кваренги

между 1783-1787 гг., связавший его крытым переходом-аркой, над "Зимней Канавкой" со "Старым Эрмитажем".

Еще в 1779 году был объявлен конкурс на застройку "Луга" — площади перед Зимним Дворцом (впоследствии "Дворцовой"). В том же году были начаты предварительные работы, согласно утвержденного проекта архитектором Фельтена, но лишь в 20-х годах XIX века возведена была часть грандиозных построек, а здание Штаба гвардии закончено было только к 1843 году.

А запечатлевшийся в нашей памяти музей Эрмитаж был вполне закончен лишь в период между 1840 и 1852 годами и тогда в нем были размещены все сокровища, хранившиеся до того в "Старом Эрмитаже". С тех пор Музей стал общедоступным, но вскоре стал обнаруживаться недостаток помещения. Только подумать, как долги и сложны были пути и Зимнего Дворца и неразрывно связанного с ним Эрмитажа.

Когда разразилась революция 1917 года, сокровища Эрмитажа были в трехлетней эвакуации. С 1-го декабря 1922 года постановлено было передать Зимний Дворец Эрмитажу, но еще немного раньше некоторые помещения дворца были отведены под временные выставки. В парадных комнатах второй запасной половины была организована выставка французского искусства XVII—XVIII вв. В 1923 году в залах первой запасной половины состоялась выставка итальянской и французской живописи. В 1924 году Георгиевский и Гербовый залы были заняты выставкой европейских военных доспехов XV—XVIII в. и оружия той же эпохи. В тех же годах, в четырех больших залах 2-го этажа дворца расположилась выставка ничего общего с задачами Эрмитажа не имевшая, ее там давно уже нет.

Первый реконструкционно-реставрационный проект превращения огромного Зимнего Дворца в музейный комплекс в новых границах Эрмитажа был составлен в 1926 году. Проект преследовал две главные цели: 1) Дать внутренний и внешний облик дворца возможно ближе к его виду до и после грандиозного пожара 1837 года, и 2) Превращение всевозможных жилых помещений и не жилых, накопившихся во дворце за много лет за счет его первоначальных залов — в первобытный вид для нужд Музея. Ведь четырехдневный пожар, разразившийся 18-го декабря 1837 года, пощадил в общем только стены, внутри дворец был испепелен. Император Николай I потребовал его возобновления в годовой срок и это было исполнено архитекторами В. Стасовым и А. Брюлловым, возглавлявшими 6.000 рабочих. Осушка стен зимою и их реставрация были достигнуты усиленной топкой печей и температура доводилась до 30 градусов. Много способствовали точному воспроизведению интерьеров, тогда и теперь, картины учеников художника А. Г. Венецианова, исполненные ими в 30-х годах прошлого века.

В итоге разных перестроек, в 1-м этаже, например, в наше время, были размещены десятки дворцовых канцелярий, кухни и хлебопекарни пяти разрядов, со всякими придатками, там же хранилась часть инвентаря и жила многочисленная дворцовая прислуга. Этот, так называемый "кухонный двор", теперь превращен в ряд выставочных зал и несколько музейных хранилищ. Рядом с кухнями тянулся кухонный коридор, в которых выходил десяток темных помещений, где хранились столовые сервизы и прочее. Теперь там создана "Растреллиевская галерея", действительно достойная этого имени (судя по фотографиям). Под Георгиевским залом находился раньше главный буфет, противопожарное караульное помещение и ряд кладовых. Теперь на их месте создан зал высотою 8 метров и площадью 600 кв. метров, отданный под выставку добытых из-под земли антиков Ольвии и Херсонеса. Находившийся рядом "Малый Комендантский коридор", потом поделенный на 29 малых помещений, в данное время перестроен на пять выставочных зал.

Памятно нам также, что почти весь 3-й этаж был раздроблен на отдельные квартиры для фрейлин. Теперь из этих 64 жилых помещений созданы 17 выставочных зал, а из 49 подобных же сделано кольцо из 21 музейных комнат.

Начавшаяся вторая война очевидно прервала все работы во дворце. Уже под обстрелом немецких самолетов наиболее ценные предметы эрмитажного музейного фонда были эвакуированы в Екатеринбург.

Вскоре по окончании войны была начата реставрация 1-го этажа западной части дворца, обращенной к Адмиралтейству, в итоге которой получено 5 тысяч квадратных метров новой выставочной площади и 2.000 кв. метров научных помещений и хранилищ. "Помпейский Зимний сад" превращен в два больших выставочных зала. В данное время реставрационные работы дворца вероятно еще вполне не закончены. К концу прошлого года на очереди была реконструкция "Главного" входа и перемещение гардероба в подвальный этаж.

Итак, в данное время Государственный Эрмитаж располагает 257 выставочными залами, вместо 42 старого Эрмитажа, новая их площадь, в сравнении со старой. возросла в семь раз и выражается цифрой 26.000 кв. метров.

Кстати, в "Сообщениях Государственного Эрмитажа" (чрезвычайно разнообразном, хорошо изданном периодическом издании) есть описание орденской выставки, устроенной Эрмитажем в начале 1956 года, под руководством выдающегося ученого, хранителя нумизматического отдела этого музея, И. Г. Спасского. Выставлены, конечно, были все Российские Императорские ордена в комплекте. Затем тщательно подобранный материал по истории зарождения и развития русской воинской медали, начиная от жалованного червонца Ивана III, золотых нагрудных монет Ивана Грозного и портретного червонца Бориса Годунова. Сложившаяся в Московской Руси традиция массовых воинских награждений была развита Петром I.

На выставке представлен полный комплект русских воинских медалей XVIII—XX в. в., а также образцы полковых знаков и знаков военно-учебных заведений Русской армии (Императорской).

Там же напечатано, впервые в нашей литературе, исследование И. Г. Спасского "Русские государственные награды 1654 г. для войска Богдана Хмельницкого".

Возвращаясь к вышеупомянутой выставке, надо указать и на богатейший отдел иностранных (и советских) орденов. Были выставлены орденские иностранные одеяния и дипломы. Подобная выставка была устроена впервые, но большинство выставленных экспонатов хранилось в Эрмитаже почти 100 лет. Родоначальником этого отдела был Ф. А. Жиль (1805—1865), начальник отделения Эрмитажа, приобретавший за границей, как за казенный, так и за собственный счет, редкие иностранные экземпляры. Отдел орденов и медалей пополнялся непрестанно. Между 1921 и 1942 гг. большой труд по пополнению орденами и медалями Императорского периода внес А. А. Ильин, ныне покойный. Надо упомянуть умершего в 1956 году крупного жертвователя, собирателя В. Г. Гаршина, преподнесшего в дар Эрмитажу в 1948 году свое богатое собрание. По имеющимся сведениям, фонд медалей, нагрудных знаков и проч. Эрмитажа достигает 10.000 экземпляров, а Государственного Исторического музея в Москве 30.000 — это Императорского периода.

В. Р.

---

52 года тому назад

БУНТ 3-ГО БАТАЛЬОНА 83-ГО ПЕХОТНОГО САМУРСКОГО ПОЛКА

Почти все старые люди, пережившие трагедию Российского Государства и оставшиеся за бортом, вне своей родины, и вообще за бортом жизни, доживающие на скромную пенсию или даже не имеющие и таковую, стали писать свои воспоминания, которые никогда не увидят Божий свет.

Один, довольно известный в эмиграции, писатель, говорит, что каждый, пишущий что-нибудь, прежде всего пишет для себя. В этом он находит успокоение и испытывает чувство удовлетворения. Все равно молодому поколению, не испытавшему той драмы, которая свалилась на плечи честному офицеру, отдававшему неоднократно свою кровь за Веру, Царя и Отечество, не понять этого.

Я тоже пишу, но эти строки мне не доставляют удовлетворения, наоборот, мне тяжело вспоминать то, о чем я хочу сообщить читателю.

Но почему-же я решил вспомнить этот тяжелый эпизод? Единственная цель — напомнить потомкам, что русский офицер и до 1-й мировой войны был в общей массе непонятым русской интеллигенцией, и был травим "передовой революционной частью ее и даже уничтожаем во времена "пробной" революции 1905—06 гг.

Вспомним, кто организовывал беспорядки и бунты среди воинских частей в эти годы, делая ответственным рядовое русское офицерство за наши неудачи в Русско-Японскую войну! Мог-ли солдат сам бессмысленно восстать и нарушить присягу? Читатель увидит дальше, кто приложил руку к этому "каинову" делу.

Я хочу познакомить читателя с краткой историей бунта 3-го батальона 83-го пехотного Самурского полка, происшедшего 17 июля 1906 г. в урочище Дешлагаре, Дагестанской области, Кайтаго-Табасаранского округа.

Я не могу привести точных данных за давностью лет. Все мои поиски оставшихся в живых лиц, знакомых с этим делом (суд и следствие), выяснили, что последние свидетели официальной стороны этого дела ушли в другой мир. Например: генерал Веселовзоров, занимавший в то время должность дежурного генерала Штаба Кавказского Военного Округа, скончался в 1934 г. Генерал Керстич, бывший начальником судебного отделения того-же Штаба, скончался два года тому назад и полковник Медведев, военный следователь, также скончался.

Итак остается положиться только на свою собственную память и на память моего брата, обоих нас, переживших это событие в возрасте 14 лет, событие, которое тяжело отразилось на всей нашей семье.

Прошу разрешения привести краткую историю Самурского полка, с которым вся наша семья была тесно связана и в среде которого мы, дети, все получили воспитание.

Мой отец и дед были коренными самурцами, причем дед с первого дня основания полка, вступивший в него простым унтер-офицером "Николаевских" времен, принимавший участие во многих боях против мюридов и участвовавший во взятии Гуниба в 1859 г. Кроме того наши две тетки были замужем также за офицерами Самурского полка, а дед, со стороны матери, будучи в чине майора комендантом крепости Дербент, доблестно отстаивал крепость, в 70-х годах, от осадивших ее полчищ горцев.

Самурский полк был сформирован в 1845 г. из частей корпуса генерала Лидерса, ведших в то время борьбу против Шамиля на территории Дагестана.

Для формирования полка вошли: 2-й и 3-й батальоны Подольского Егерского полка, 2-й и 3-й батальоны Житомирского Егерского полка и Грузинский линейный батальон, имевший знамя с Георгиевскими лентами, на которых было написано "За отличие в 1814 г. при сел. Ля Ротьер" (Франция).

Первым командиром полка был полковник Грамотин, командир 4-й батареи 19-й артиллерийской бригады. После него сразу был назначен командиром пол-

ка полковник Штемпель (Лейб-Гвардии Волынского полка).

Полк вошел в состав вновь сформированной 21-й пехотной дивизии, в которую вошли: Ширванский и Самурский полки (1-я бригада), Тифлисский и Мингрельский полки (2-я бригада). Начальником дивизии был назначен генерал Клуге фон Клюгенау.

Штаб-квартирой Самурского полка временно было назначено сел. Хазры, Кубинского уезда Дербентской губернии.

В 1849 г. полк перешел на постоянные квартиры в Урочище Дешлагар, где ему и было суждено пробыть до 1910 г.

Само Урочище Дешлагар представляло собою крепость, построенную по образцу всех кавказских крепостей того времени, вернее эпохи генерала Ермолова. На холме ряд казарм и флигелей для офицеров, площадь, небольшая церковь — все это окружено стеной и башнями в 2—3 яруса по углам, имевших прекрасный обзор и обстрел на все 4 фаса, но одна, юго-западная сторона была обложена густым лесом, кустарником и садами, в которых всегда прятались немирные горцы, производившие набеги на крепость и на неосторожных, вышедших без охраны за крепость. Много лет понадобилось полку, под руководством инженеров, расчистить этот лес, вырубить в нем просеки, проложить дороги и устроить охранные посты. В одной из таких операций погиб саперный капитан Попов, которому поставлен там же, на центральной аллее, памятник, на котором всегда все снимались "на память".

Крепость запирала вход в ущелье так наз. Мекегинское, по которому шла дорога в горы, на Гуниб. С восточной стороны виднелась полоска синего Каспийского моря, до которого было, по прямой линии, 45 верст. Это расстояние обслуживала постовая линия лошадиной тяги до станции Кая-гент Владикавказской железной дороги. Почта доставлялась три раза в неделю, на почтовых тройках с бубенцами, почтальоном в бурке, с громадной шашкой между ногами и казенным револьвером системы Смит-Вессон, тоже колоссального размера. Кроме того, впереди и сзади, скакало по вооруженному всаднику-горцу, или, как их звали, нукеру.

Местность кругом была живописная, природа давала все, что нужно было человеку, и потому на лето, когда впоследствии, кругом крепости, появился поселок и появились торговцы, — горские евреи и персы, много дачников приезжало на лето, главным образом, из Баку.

С самого детства мне запомнился пестрый состав офицеров полка: большое количество офицеров с чисто польской фамилией, в том числе и мой дед, со стороны матери. Это объясняется, главным образом, теми мерами, которые приняло Русское Правительство после последнего польского восстания в 1868 г. В виде превентивной меры или просто не желая ставить офицеров польского происхождения в тяжелое положение, в случае повторения восстания, оно перевело много таких офицеров на окраины Государства. Помню — перед Русской-Японской войной — большинство старших офицеров полка носило польские фамилии, как, например: командир полка полковник Церпицкий, брат ген.-лейт. Церпицкого, к-ра корпуса на Дальнем Востоке, к-ры батальнов: полковники Собецкий, Санджеревский, Корженевский, капитаны: Барановский, Малиновский, Накрап, и проч. Большой процент после замирения Дагестана составляли офицеры солдатского происхождения. В послужных списках таких офицеров было написано: "из солдатских детей". То-же было и в послужном списке нашего отца. Солдатских детей полк старался отправлять в ближайшее учебное заведение, чтобы дать им возможность пойти по военной дороге. Так было и с нашим отцом, получившим образование в 4-классном реальном училище в Саратове, а потом прошедшим 3-летний курс в Тифлисском военном училище и произведенным в прапорщики в свой же Самурский полк в 1873 г. Были офицеры и кавказцы — грузины, армяне и горцы, плохо говорящие по-русски, но все доблестные офицеры. Все это жило очень дружной семьей и роднилось между собою. Были и курьезные браки: полковой капельмейстер немец (вечный капельмейстер) Конрад, плохо говоривший по-русски, был женат на армянке, тоже плохо говорившей по-русски, они имели трех сыновей, из которых двое служили в нашем же полку (один офицер, другой, по стопам отца — музыкант).

Полк был, как и все в то время, 4-батальонного состава, но никогда все четыре батальона не были дома вместе — в Дешлагаре. Один батальон, по очереди, на год отправлялся "занимать караул" в горы, на Гуниб, иногда в Хунзах и даже на Северный Кавказ, на ст. Тихорецкую, в связи с волнениями рабочих и никто заранее не знал, когда и куда будет послана та или другая часть полка. Накануне или даже ночью приносилось приказание из штаба полка о выступлении рано утром и потом уже получалось разрешение семье присоединиться к отцу, если командировка была продолжительная. За наше детство, наша семья перебывала во всех уголках Дагестана и даже Северного Кавказа. Получив разрешение присоединиться к отцу, семья на почтовой тройке без рессор (орудие пытки), а в лучшем случае в небольшой коляске, через все клопиные станции, отправлялась в горы под конвоем денщика, а вещи погружались на арбу и, в сопровождении двух солдат и своры охотничьих собак, следовали отдельно. Для нас, детей, это было большим развлечением, но для матери, обремененной многочисленной детворой, это была мука. Никогда мы не имели постоянной квартиры в Дешлагаре, а обыкновенно все, уезжая, передавали, квартиру друг другу. Полк жил своей серой жизнью и только наезды начальства нарушали мирную жизнь и вводили офицеров полка в лишние расходы. Помню, в конце 90-х годов, приезд группы французских офицеров ихнего 83-го пехотного полка, стоявшего, кажется, в Безансоне. Это было в расцвет Франко-Русского Союза. Полк принял своих союзников чисто по-кавказски. Гостеприимство прямо

убило французов и они не могли выдержать его. Строевая подготовка полка поразила их и вселила надежды на прочность Союза. Все это влетело бедному самурскому офицеру в копеечку. Помню, долго висела у нас фотография общей группы обоих полков.

Почти все офицеры полка были охотниками и, кроме того, полк имел свою охотничью команду из лучших стрелков, устраивавшую облавы на кабанов и крупных зверей, на персидской границе, около Астары. В горах, любители охотились на туров (каменных баранов). Охота эта очень трудна и, главное, было трудно достать из пропасти убитого тура. Все-же, у многих висели на стене трофейные рога. В полку была и своя рыболовная команда, в период сельдей жившая на берегу Каспийского моря (на ватаге), и ловившая для засола сельдь. Каждая рота имела свой большой огород; полку принадлежали покосы, стрельбища и кругом было множество садов и пасеки. Вообще условия жизни полка на окраине были несравненно лучшими, чем в центре России. Отставные офицеры полка, не желая расставаться с полком, поселялись рядом и продолжали жить жизнью своего полка.

Оклад офицера до Русско-Японской войны был очень незначителен — мой отец в чине штабс-капитана, имея 5 человек детей, из которых пока никто не учился на казенный счет, получал, как сейчас я помню, на руки 47 рублей. Поэтому наша одежда переходила от старшего к младшему и большую часть года мальчики носили все те-же старые черкески. Командировки офицера в большой город были для него катастрофой, ибо надо было заново шить форму. Только необходимость везти самому в казенное учебное заведения сына или дочь заставляли это делать.

Русско-Японская война взбудоражила жизнь полка: сам командир полка, полковник Церпицкий, уехал добровольно на Дальний Восток, где вскоре и был убит при осаде Порт-Артура. За ним последовало еще несколько человек, добровольно поступивших в действующую армию. В их числе был и наш друг, штабс-капитан Моргунов, долголетний субалтерн-офицер в роте нашего отца — 7-й, которой отец командовал беспрерывно 16 лет. Уезжающих провожали торжественно, после молебна все выходили на околицу, на скамеечку, где распивалась бутылка шампанского-цымлянского, и под крики "ура" все начинали махать платочками и плакать до того момента, пока коляска не скрывалась за поворотом на 3-й версте.

На место полковника Церпицкого командиром полка был назначен бывший к-р батальона Ширванского полка полковник фон-Лемкуль, герой Ахал-Текинской экспедиции и кавалер ордена Св. Вел. Побед. Георгия 4-й ст., за взятие Геок-Тепе. Семья его была многочисленная: четыре сына, из коих один офицер, один юнкер и два кадета. Кроме того замужняя дочь и двое малолетних. К несчастью, вскоре умерла его жена и он женился на молодой девице, вдвое моложе себя — Марии Павловне Ренненкапф; приехавшей из такого-же захолустья, как и Дешлагар-Игдырь, Эриванской губернии. Интересная женщина, она сразу взяла общество в свои руки. Привезя с собой многочисленную молодежь — родственников и окружив себя молодыми офицерами полка, в том числе и своими пасынками, она обратила все лето в сплошной пикник. Поездки в лес, пещеры, на покос, за грибами, кизилом, кавалькады и танцевальные вечера сменялись одни другими. Как раз кончилась неудачная для нас война 1904—5 г. и кое-кто из отбывших на войну, вернулся в полк, в том числе и наш друг Моргунов. Торжественно было отпраздновано рождение Наследника Цесаревича — парадом и танцевальным вечером. Все новости узнавались в читальной комнате офицерского собрания, где на столах лежали положенные журналы: "Инвалид" и "Разведчик", приказы по Кавказскому военному округу и официальные телеграммы. Частных газет не было.

Масса кадет и институток ежегодно приезжала на лето к родителям, и это неимоверно оживляло местечко. Мы, кадеты средних лет, 14—15, всегда целыми днями шатались по всем окрестностям, пропадая иногда на несколько дней, и волей. и неволей замечали кое-какие странные явления: натыкались на группы солдат в праздничные дни, сидевших вокруг бутылки вина в лесу или в саду и слушавших какого-то штатского оратора. При нашем приближении, разговоры замолкали и нас недружелюбно прогоняли. Одного из родственников новой командирши, именно студента Павлика, по фамилии, кажется, тоже Ренненкампф, мы встречали среди солдат, а также и студента Шурку Туманова, он-же Монетов, сын полковой прачки. С последним я был знаком с детства и мы брали одновременно уроки у одного и того же репетитора — офицера полка — я для подготовки к экзаменам в корпус, а он для переэкзаменовки в Бакинской гимназии. Был еще и другой, верховодивший солдатской массой — полковой писарь Голубятников, человек полуинтеллигентный, с неоконченным образованием, малоросс и с талантами актера. Его часто приглашали участвовать в офицерских спектаклях, где он пользовался успехом.

Наш отец в начале мая 1906 г. был произведен, наконец, в чин подполковника и будучи назначен заведующим хозяйством полка, являлся помощником командира полка по хозяйственной части. Расстался отец со своей 7-й ротой и вечным помощником и наперстником фельдфебелем Заикой. Этой роте суждено было сыграть роль в ликвидации бунта и, хотя она и не входила в состав 3-го батальона, но почему-то (не помню), не была отправлена со своим батальоном (2-м) в отдел, а была задержана в штаб-квартире.

День 15-го июля именины Шефа полка Великого Князя Владимира Александровича, как всегда, был отпразднован молебном, парадом и потом танцевальным вечером в полковом собрании. Ежегодно ко дню именин Шефа, полк посылал ему подарки в виде копченых окороков и птиц своего изготовления. Так было и теперь.

Незадолго до этого, закрывая окно комнаты на улицу, мать нашла какое-то письмо, написанное не-

грамотно и каракулями. Мы с братом, разбирая его, прочли приблизительно следующее: "...и скоро будет большой солдатский бунт и всем вам будет плохо...", вот главная тема письма. Мать показала письмо отцу, но он рассердился и сказал, что никогда такое письмо не осмелится показать командиру полка. Когда-же второе письмо такого-же содержания было опять подкинута, то мать уговорила отца доложить командиру полка. Последний очень рассердился на отца и на этом дело кончилось.

В то-же время, повсюду, появились грозные предупреждения, в виде бунтов в воинских частях. Например, первый бунт, с кровопролитием, произошел в Тифлисе, в 1-м Кавказском саперном батальоне. За Каспием, в одной из частей, музыканты забили своего капельмейстера. Рядом, в Дербенте, были случаи неповиновения в Гунибском резервном батальоне и, наконец, во Владикавказе, одна из батарей 21-й артиллерийской бригады не вышла на перекличку. На все эти признаки командир полка не обращал внимания. Кажется и другие, кроме нас, получали такие-то письма с предупрежением.

После 15 июля, на другой день много молодежи, окружавшей молодую командиршу, на многочисленных экипажах отбыло на ближайшую железнодорожную станцию Буйнак, по домам и дальше, в их числе был и вышеупомянутый студент Павлик.

17 июля 1906 г., рано утром, в 5—6 часов раздались нестройные звуки полкового оркестра, игравшего модный тогда марш "На Дальний Восток". Гул толпы и удары прикладами в ставни домов, разбудили всех и испуганные деньщики доложили, что пришла беда — солдаты все чисто забастовали. В чем была эта забастовка — никто не знал. Солдаты шли толпой, вооруженные и галдящие, по главной улице (Офицерской) Дешлагара. Улиц всего в Дешлагаре было три и чрезвычайно узкие. В это время из всего полка в штаб-квартире был только один 3-й батальон и нестроевые команды, как-то: полковая оружейная мастерская, полковая швальня, нестроевая рота и проч. Всего было до 400 ч. Офицеров было на лицо 17 человек, с командиром полка. Батальоном командовал только что прибывший с Дальнего Востока, подполковник Покровский, не коренной самурец. В этот-же день, с утра, на площади перед крепостью собирался еженедельный базар и с гор прибывали все время на арбах, на конях и на ишаках горцы-тавлинцы со своими продуктами.

Мы с братом побежали, взявши охотничьих собак и маленького барана, в полковой сад, чтобы набрать для последнего травы на целый день и там нас застала стрельба, повидимому из крепости, и над головой начали свистеть пули. На базаре поднялась паника и горцы бежали в разные стороны. Не понимая в чем дело, мы вернулись домой и узнали, что полковой адьютант шт.-капитан Марцеладзе разослал через дежурных вестовых всем офицерам приказание командира полка немедленно прибыть к нему на квартиру в полном вооружении. В Дешлагаре жил при полку к-р бригады (Ширванского и Самурского полков) генерал Богуславский (если мне не изменяет память). Должность у него уже по тем временам была "архиерейской" и старичек все время сидел дома и играл на виолончели, играл, впрочем, очень хорошо. Пошел и он в крепость, нацепивши шашку, но, по дороге, был арестован солдатами и мирно отведен на гауптвахту. Мать велела нам, мальчикам, зарыть ключи и печать от полкового денежноог ящика в подвале, в песок, что мы и сделали. Потом взяли за руки двух плачущих сестер и отвели их спрятать на окраину к знакомой сердобольной армянке. Проходя мимо здания почты и телеграфа, мы увидели группу солдат, вооруженных с ног до головы, занявших почту и телеграф. Чтобы нас напугать, солдаты стали в нас целиться, но мы проскочили дальше и, оставив сестер где надо было, вернулись домой. Дома мы нашли отца, пришедшего из крепости и свалившегося в жестоком сердечном припадке, первый раз за всю жизнь. Но сразу-же пришли вооруженные солдаты и под конвоем увели отца обратно в крепость.

Что-же произошло там?

Вернувшись с "прогулки", взбунтовавшиеся солдаты собрались перед домом командира полка и стали требовать отдать им полковое знамя. (По сведениям, бунтовщики имели намерение сжечь все знамена). Второе знамя стояло перед гауптвахтой у денежного ящика и охранялось часовым, а третье находилось в офицерском собрании. Командир полка ответил, что знамя он не даст, а они могут перешагнуть только через его труп. Тут вышел, с крестом в руках, полковой священник, о. Александр Пальмов, человек уважаемый и любимый всеми, и стал увещевать солдат, напоминая о присяге, но писарь Голубятников, со словами: "молчи, иезуит", выстрелил в него в упор и убил несчастного наповал. Это послужило сигналом к общей беспорядочной стрельбе с обеих сторон. Пал славный командир полка полковник Демкуль, пораженный в живот 18-ю пулями: он падал, по словам очевидцев, медленно оседая и держась обеими руками за живот, из которого выпадали кишки. Вот убит к-р 3-го батальона подполковник Покровский — на Дальнем Востоке японская пуля его пощадила. Поднят на штыки и растерзан нелюбимый солдатами за строгость к-р 9-й роты капитан Саркисов. Убит, отбивавшийся шашкой и зарубивший несколько человек, доблестный штабс-капитан Моргунов. Бросившись вперед, толпа солдат смяла офицеров, ворвалась в дом к-ра полка, забрала знамя и ушла прочь. Находившаяся в доме семья к-ра полка, при первых выстрелах убежала через заднее крыльцо и несколько дней скрывалась в лесу. Взрослых сыновей не было в то время дома. Остыл пыл и солдаты не знали, что делать со знаменами. У денежного ящика (в карауле) стояла 7-я рота и не позволила тронуть его. Отца привели обратно домой, арестовав его домашним арестом. На их требование отдать ключи и печать, отец отказался и мы ждали все время обыска.

На второй день движение вошло в какое-то русло.

Дело в том, что один из уцелевших офицеров — поручик Нижницкий открыто стал на сторону бунтовщиков. Этот офицер был известен, как алкоголик, и с большими странностями, напр., он, однажды, в припадке, резал себе горло тупой шашкой, и с тех пор ходил с перевязанной шеей. Проходя по улице, он делился с нами своими планами, а именно: сперва возводить кругом укрепления, на случай прихода "противника", потом ждать дальнейших сведений о восстаниях в других гарнизонах, двинуться на присоединение с ними и идти дальше на Ростов и на Москву. Ясно, что он сам не верил в то, о чем говорил, но почему он принял сторону восставших? Это загадка, но многие вспоминали о нем с благодарностью, считая, что без него могло-бы быть худшее, а именно солдаты хотели уничтожить всех офицеров и их семьи, и даже уже ходил барабанщик и переписывал, где кто живет. Так или иначе, но по ликвидации бунта, Нижницкий был только немедленно уволен в отставку без мундира и пенсии.

Три дня мы жили в страхе. Офицеры сразу разбежались, кто куда, и некоторые очутились даже во Владикавказе. Полковой адъютант, жених нашей старшей сестры, поручик А., погибший впоследствии с генералом Рудневым в 20 году, при отступлении Добрармии с Кавказа, принужден был прятаться три дня у знакомых от искавших его солдат полковой швальни, которой он заведывал, готовясь в академию. Старший этой швальни унтер-офицер Чаусов и был одним из главарей бунта. Несколько офицеров формировали в ближайшем ауле горскую милицию для подавления бунта, как, напр., капитан фон Лоде и поручик Гринкевич-Мочульский, заведующий учебной командой и последний один раз ворвался в Дешлагар и проскакал по улице, с целью разведки, но чуть-чуть не был пойман. Разъезжавший на командирском вороном коне, "командующий" полком Голубятников, поднял тревогу и поскакал за ним.

Было объявлено, что в случае наступления с гор, все офицерские семьи будут ликвидированы.

Попытка главарей завладеть денежным ящиком не удалась — стоявшие в карауле на гауптвахте и у денежного ящика солдаты 7-й роты, не допустили без печати и ключей. Знамена не были уничтожены и сожжены, как хотели главари. Все деньщики разбежались по окрестностям, не последовав приказу идти в крепость и присоединиться к восставшим. Из общего числа бунтующих уже через два дня третья часть разбежалась по лесам и аулам. Остальные больше не верили обещаниям главарей.

Вечер третьего дня. Нет никаких признаков помощи извне, для ликвидации бунта и вот, вдруг, в темноте шорох на нашем дворе и кто-то лезет через забор. Знакомый голос нас зовет. Оказывается наш добрый старый фельдфебель 7-й роты, Заика. Хочет видеть нашего отца и говорить об очень важном деле. Среди бунтовщиков произошел раскол и почти никто не желает больше бунтовать. Можно очень легко перевязать главарей сейчас-же после переклички (таковая все-таки происходила). Нужно присутствие отца. — И вот, взяв веревки, отец, еле поднявшись с постели, пошел немедленно в крепость. Предварительно на нашем дворе было поставлено несколько солдат, пришедших с Заикой, чтобы не дать выскочить из соседнего дома Голубятникову, который как-раз находился по соседству у гулящей грузинки. Весь 3-й батальон стоял на крепостной площади перед церковью, в палатках, т. к. в лагерь в этом году не выходили. Арест главарей удался и пять человек были крепко связаны и взяты под караул. Три-четыре человека успели убежать, среди них студент Шурка Туманов и унтер-офицер ружейной мастерской Бобошкин.

20-го июля, опять рано утром, после сравнительно спокойного сна, мы были разбужены дикими криками и топотом коней. Это пришел, наконец, карательный отряд и эскадрон Дагестанского конного полка, с шашками наголо, влетел рубить противника, но все уже было ликвидировано. Карательный отряд состоял из батальона Ширванского полка, батальона Гунибского резервного и батареи 21-й артил. бригады.

Приехала немедленно следственная комиссия и начался разбор дела. Полевому суду были преданы все пять арестованных накануне. Через 24 часа они были расстреляны. Среди них: Голубятников, Чаусов, Самойленко, Петров и пятого не помню.

Накануне были вырыты тела всех убитых бунтовщиками офицеров и священника, и похоронены с почестями в церковной ограде. Тяжелое зрелище, но мы, кадеты, всегда лезли вперед и хотели все видеть. Хотели присутствовать и на расстреле, но нас не пустили. Офицерам было очень неприятно присутствовать при расстреле, но по долгу службы они были в строю. Думали, что при этом могут опять возникнуть беспорядки. Поставлено было пять столбов и перед ними выкопан общий ров. Осужденные привязаны к столбам и завязаны им глаза. Расстреливала их своя учебная команда и командовал поручик Гринкевич-Мочульский. Кто-то из приговоренных крикнул: "Товарищи, за вас погибаем..." Команда "пли" не была подана, а командовавший расстрелом махнул платком. Это происходило на Бажанкиной горе, тотчас за кладбище. Место расстрела было сравнено с землей и по нему, согласно устава, прошли войска.

Так кончился, сам собой, нелепый бунт, поднятый кучкой солдат, распропагандированных студентами. Солдаты бунтовать не собирались и не знали, за что же надо бунтовать, никаких требований, вроде улучшения пищи или отпусков и т. д. никогда не предъявляли. У вожаков были свои фантастические планы, но главное дело было — добыть казенные деньги.

Официальных сведений, повторяю, я не могу привести, все, что изложено, запечатлелось навсегда в головах членов нашей семьи (матери, 3-х сестер и нас, двух братьев), но, как результат этого бунта — весь батальон был расформирован, впредь до распоряжения. Много солдат пострадало, многие были переведены в дисциплинарные батальоны, а из офицеров полка пострадал... только один наш отец.

Как единственный из старших офицеров и помощник командира полка, он понес ответственность за допущение бунта. Не были приняты во внимание ни его прежняя доблестная боевая служба во время войны 1877 г., ни ряд боевых наград, ни его деятельность по ликвидации бунта и то, что он почти единственный, не покинул место службы. Отец был уволен в отставку, не дослужив два года до полной пенсии, о чем он мечтал все время. Тяжела была лямка ротного командира, 16 лет исходившего весь Дагестан своими ногами.

Мы с братом были еще малы и не отдавали себе отчета в той обиде и горечи, кои выпали на долю отца. Он не пережил этого. На другой год, придя в собрание на полковой праздник 6 декабря, он, услышав звуки своего родного полкового марша (Шелягинский марш), упал и, не приходя в сознание, умер от кровоизлияния в мозг. И всего только ему было 53 года.

Мать осталась с четырьмя детьми, из коих двое были еще малы, с ничтожной пенсией, на которую жить и воспитывать детей было немыслимо.

Теперь, когда мы уже стары и все потеряно, я сознаю, что с моим отцом было поступлено жестоко, но военные законы неумолимы и я рад, что отец не дожил до "великой и бескровной".

Интересна судьба одного из поджигателей к бунту — студента Павлика Рененнкампфа. Он, как выше было упомянуто, накануне выехал и, ожидая поезда, на станции Буйнак, при подходе поезда, бросился под него. Стоявшие рядом пытались его удержать, но в их руках осталась его тужурка, в карманах которой потом было найдено письмо, где покойный написал заблаговременно о причине своего самоубийства: состоя в террористической группе революционного комитета, он вытянул жребий убить ген. Рененнкампфа, кажется своего дяди, лечившегося в то время от ран в Кисловодске. Не в силах выполнить эту задачу, он предпочел покончить с собой.

Кое-как, потеряв душу, полк просуществовал в Дешлагаре до 1910 г., после чего, согласно новой дислокации, был переведен на северный Кавказ — два батальона в Екатеринодар и один в Ставрополь. На его место был назначен вновь сформированный 205-й Шемахинский полк (52 пех. дивизии), но сразу-же, он был послан в Персию, для военных операций, и наш Дешлагар совсем захирел. Уже в 1912 г., после производства в офицеры, мне пришлось посетить родные места и повсюду я нашел запустение и пустоту. Многие постоянные жители покинули насиженные места, а в 1918 г., неохраняемые никем, поселок и крепость были до чиста разграблены бандами тавлинцев с гор, разобравшими все строения по частям. Конечно, ни одного жителя там больше не было и даже трудно было найти следы родных могил на кладбище, а сколько там было похоронено скромных кавказских героев, имена которых не останутся даже для истории!

С началом 1-й мировой войны, полк, с вновь сформированным 3-м батальоном, покрыл себя новой славой, но какой ценой? В первом бою выбыло из строя 75% командного состава, а к концу 1914 г. не осталось в полку ни одного кадрового офицера и солдата.

Вернувшись в том же 1906 году с каникул в корпус, мы, кадеты, должны были каждый написать сочинение на тему: "Как я провел каникулы"?

Я написал правдиво, находясь под впечатлением только-что пережитого, историю этого бунта. Через несколько дней, перед разбором поданнных сочинений, мой воспитатель, капитан Яльмар Аларикович Тавастшерна, вызвал меня из класса и повел в кабинет инспектора классов, полковника Ахматова. Показав мне мое сочинение и похвалив его, Ахматов сказал, что это сочинение он оставит у себя, а, когда я кончу корпус, то получу его на память на руки.

Этому не суждено было быть: перед выпуском полковник Ахматов ушел из корпуса, а я, по молодости лет, и забыл об этом.

На другой год, 1907 г., незадолго до Рождества, все тот-же мой воспитатель, милейший Тавастшерна, вызвал меня из класса и сказал, что я должен идти в лазарет и остаться там несколько дней. Не понимая в чем дело и не будучи больным, я пошел в лазарет и там нашел своего брата, моложе меня на три года, также зачем-то вызванного в лазарет. Тавастшерна сказал нам, что получена т нашей матери телеграмма об опасной болезни отца и что надо ждать следующей. Мы с братом стали понимать, в чем дело, и тихо сидели на кровати. Позже пришел опять Тавастшерна и расстроенный объявил нам, что наш папа скончался. Мы сидели и тихо плакали, и наш добряк Яльмар Аларикович также. Вечером он повел нас в корпусную церковь, где и была отслужена по отце первая панихида...

Б. Кузнецов

Почтовый ящик

В мою статью "Действия 2-го Донского корпуса с началом Мамантовского рейда", в № 37 журнала "Военная Быль", вкралось несколько опечаток, которые я прошу исправить. Следует читать: стр. 14 — "на всем фронте 3-го До. Отд. Корп."; стр. 15 — "Новую Чиглу", "д. Сукманка", "Батальон 56-й совет. див.", стр. 14 — "В. Карачан", "4-я Конная бриг."; "Чигорак и Богана".

Пропущен на стр. 18 — в составе 5 кон. бриг. — 23-й полк. Пропущены ссылки на источники: — 1) "Атаман. Вест." № 10 и 11; 2) В. Добрынин — "Вооруж. борьба Дона с большев." — До. Летопись № 1 — 1923 г. 3) Операт. сводки Штаба Донской армии от 23, 24 и 26 июля 1919 г. 4) М. Рымшан — Рейд Мамантова, Москва 1926 г.

Е. Ковалев

Систематический указатель журнала „Военная Быль“

№№ 1—30

Отдел 1 — Птенцы Императорской России — КАДЕТЫ.
Отдел 2 — Соколиные гнезда — ЮНКЕРА.
Отдел 3 — Императорские Орлы — ГВАРДИЯ.
Отдел 4 — Оплот Государства Российского — АРМИЯ.
Отдел 5 — Российский Императорский ФЛОТ.
Отдел 6 — В борьбе за честь России — гражданская война.
Отдел 7 — Вспомогательные заведения и учреждения Российской Армии.
Отдел 8 — Разное о Российском Воинстве.

ОТДЕЛ I

ПТЕНЦЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ — КАДЕТЫ

Общее: Письма Великого Князя Константина Константиновича: № 5, апрель 1953 г., стр. 3; № 6, июль 1953 г., стр. 3; № 7, октябрь 1953 г., стр. 3; № 8, январь 1954 г., стр. 1; № 9, апрель 1954 г.; стр. 1.

Некролог Великого Князя Константина Константиновича — № 14, июль 1955 г., стр. 1.

«Баловень судьбы» — № 14, июль 1955 г., стр. 1.

Наш Отец и Воспитатель — № 19, июль 1956 г., стр. 5.

Отрывки из семейных воспоминаний о Великом Князе Константине Константиновиче — № 19, июль 1956 г., стр. 2.

Из воспоминаний о Великом Князе Константине Константиновиче — № 19, июль 1956 г., стр. 2.

Многим читателям — № 24, май 1957 г., стр. 29.

Знамена кадетских корпусов — № 1, март 1952 г., стр. 9.

Кадетские корпуса — № 1, март 1952 г., стр. 5.

Кадетские Знамена — № 3, сентябрь 1952 г., стр. 49.

Медали кадетских корпусов — № 1, март 1952 г., стр. 15.

Греческий корпус — № 12, январь 1955 года, стр. 21.

«Орден семейного очага» — № 16, январь 1956 года, стр. 15.

Кадету (стихи) — № 13, апрель 1955 г., стр. 2.

Первый кадетский корпус

Сборный зал Первого кадетского корпуса — № 4, январь 1953 г., стр. 37.

Суворовская страница — № 4, январь 1953 г., стр. 39.

Смотр гимнастики в Петербурге — № 5, апрель 1953 г., стр. 17.

Воспоминания воспитателя — № 1, март 1952 г., стр. 12; № 2, июнь 1952 г., стр. 43.

Заметки медалиста — № 7, октябрь 1953 г., стр. 39.

На московских бегах — № 10, июль 1954 г., стр. 14; № 11, октябрь 1954 г., стр. 16.

Императорский Сухопутный Шляхетный кадетский корпус — № 12, январь 1955 г., стр. 21.

Великокняжеская ложка — № 13, апрель 1955 г., стр. 5.

Историческая справда о Первом кадетском корпусе — № 15, октябрь 1955 г., стр. 25.

Кадетская встреча — № 17, март 1956 г., стр. 24.

Первый кадетский корпус — № 19, июль 1956 г., стр. 28.

Рота Его Величества — № 23, март 1957 г., стр. 23.

«Цукнул» — № 23, март 1957 г., стр. 26.

К 225-й годовщине основания Первого кадетского корпуса — № 23, марта 1957 г., стр. 27.

И. И. Бецкий, Директор Императорского Шляхетного корпуса — № 24, май 1957 г., стр. 27.

Юбилейный бал — № 29, марта 1958 г., стр. 26.

2-й кадетский Императора Петра Великого корпус

Артиллерийский и Инженерный кадетский корпус — № 12, январь 1955 г., стр. 21.

Из прошлого Русской армии и флота — № 14, июль 1955 г., стр. 27.

Историческая справка о 2-м кадетском корпусе — № 16, январь 1956 г., стр. 25.

1-й Московский Императрицы Екатерины II кадетский корпус

1903 год. Воспоминания — № 1, март 1952 г., стр. 44.

Николаевский кадетский корпус

Николаевский кадетский корпус — № 26, сентябрь 1957 г., стр. 26.

Воронежский Великого Князя Михаила Павловича кадетский корпус

Две кадетские медали — № 3, сентябрь 1952 г., стр. 15.

Герои и забавники — № 2, июнь 1952 г., стр. 38.

Новички и майоры — № 3, сентябрь 1952 г., стр. 37.

Товарищи — № 4, январь 1953 г., стр. 8.

Полковник Мосин — № 27, стр. 27.

75 лет со дня моего поступления в Воронежскую военную гимназию — № 24, май 1957 г., стр. 25.

Е. Л. Янковский

(Продолжение следует)

Кое-что из истории Конной артиллерии

Конная артиллерия, как род оружия, зародилась в шведской армии Густава-Адольфа, причем вооружена она была, в ту эпоху, кожаными пушками. В России Конная Артиллерия появилась при Петре Великом, в виде полковой артиллерии и при первых же столкновениях с противником, оправдала свое назначение. Командир Казанского драгунского полка граф Моро доносил, что, при нападении турецкой конницы на кавалерийский отряд Януса, спасала его — конная артиллерия. В 1752 году, количество конной артиллерии при драгунских полках было удвоено — вместо двух пушек введено было по четыре. Драгунские полки Псковской и Нижегородской особенно отличались подвигами своей конной артиллерии.

В конце XVIII века, граф Платон Зубов представил Императрице Екатерине доклад о создании конной артиллерии, как самостоятельного рода оружия, отрасли артиллерии. Он доносил:

"Устроенная при войсках Ваших, Конная Артиллерия, приведя в совершенство часть сию, доставит войскам в действиях их полезное облегчение, придаст им новую силу, вящую быстроту и проложит путь к новым победам".

На это Императрица ответила: "Граф Платон Александрович, представление Ваше об учреждении Конной Артиллерии, приемлем мы за благо, как дело весьма полезное для службы нашей и как новый довод Вашего усердия к Нам и неусыпного радения о наилучшем устройстве частей Вам вверенных; утвердив, вследствии того, примерный штат для одной роты, помянутой, Конной Артиллерии, возлагаем на попечение Ваше составить на первое время пять таковых рот при 700 орудиях".

. . . .

"Наводит ужас на врагов
"Атака наших номеров"...
(из конно-артиллерийской песни)

"Конная артиллерия, как говорит маститый профессор Академии генерал Пузыревский, отменно разбиравшийся в военной психологии, "вечно юный род оружия" дал много примеров неустрашимой доблести, меткой и быстрой на поражение стрельбы и беззаветной лихости". Тот-же генерал Пузыревский, определял сущность характера этого рода оружия в краткой, своеобразной, но близкой к истине форме: "конная артиллерия — умное безумие, бешеное спокойствие, — запевала кавалерийского боя".

В сражении под Красным, конная рота Никитина, своим быстротечным огнем заставила умолкнуть французскую батарею, а затем конной атакой своих номеров, захватила ее целиком. За это, редкое, по своей лихости, боевое дело, Никитин был произведен в генералы, получил Орден Св. Георгия III степени, все офицеры были награждены Георгиевским шитьем на мундирах и, впоследствии, эта конная батарея стала именоваться — 5-й Конной генерала Никитина батареей.

Прошло сто лет и такой-же шок повторила 2-ая батарея 1 Конно-горного дивизиона. 10 июня 1916 года, во время Брусиловского прорыва, 6-й Заамурский пограничный полк вел наступательный бой в направлении сел Заставны — Юркоуц. В цепях этого полка находилась и 2-я батарея 1-го Конно-горного дивизиона. Под давлением заамурцев, австрийцы начали очищать Заставну и отходить. Из того-же района по шоссе отступала и 3-я батарея 5-го австрийского артиллерийского полка. 80 номеров, конно-горцев, под командой подполковника Ширинкина, ворвались на плечах противника в Заставну. 60 человек из них продолжали нагонять пехоту и взяли 150 пленных, остальные-же 20 атаковали отходившую австрийскую батарею и, несмотря на оказаное противником отчаянное сопротивление захватили все 4 орудия, 81 пленного и 30 лошадей. Наши потери были — 1 убитый (вахмистр) и 2 солдата ранены. Австрийская батарея была взята капитаном Насоновым. *Ю. Сербин.*

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

ЕЩЕ О ПРЕДКАХ СУВОРОВА

(см. "Хроника Военной Были" в № 36 журнала)

В родословной фамилии Суворовых, составленной Башмаковым, упоминаются следующие имена: Савелий (Кашинского уезда), Парфентий — 1622 года, Иван, Григорий — 1657, Иван — 1715, Василий — 1705, сконч. 15/VII 1776 и Александр Суворов-Рымникский.

Насколько верно мнение, что Суворовы — потомки выходца из Швеции, с уверенностью сказать нельзя. Отец Генералиссимуса, Василий Иванович, в семилетнюю войну, был генерал-губернатором Пруссии, занятой Русскими войсками и имел пребывание в Кенигсберге. Он был крестником Петра Великого, Тобольским губернатором, генерал-лейтенантом, премьер-майором гвардии и кавалером Ордена Святого Александра Невского. При Екатерине II, генерал-аншефом и подполковником гвардии. Женат был на Евдокии Федоровне (Федосеевне) Мануковой. Похоронен около южной стены церкви Рождества Богородицы, в деревне Рождествено-Суворово Московского уезда. Памятник, в виде каменного гроба, плохо сохранился, виден только герб Суворовых. На наружной церковной стене — мраморная доска с надписью: "Здесь покоится прах генерал-аншефа Василия Ивановича Суворова. Умер 15 июля 1775 г.".

Дед Генералиссимуса, Иван Григорьевич, был Протопопом в Московском Кремле и пользовался расположением Петра Великого. Дед Генералиссимуса, с материнской стороны — Федосей Мануков, дьяк Посольского Приказа. В 1711 г. — Ландрихтер СПБ губернской канцелярии, в 1719 — помощник полковника Филатьева, Воеводы городов от Невы до Луги и Наровы. Наконец, в 1736 г. назначен Воеводой в Петербург. В 1715 году, принимал участие в шутовском шествии при Дворе, на свадьбе Князя-Папы.

Сообщил *Эраст С—кий*

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1960 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник"

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Десятый год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:
61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей « ВОЕННОЙ БЫЛИ » и « ВЕСТНИКА ».

Подписная цена с пересылкой на год:
700 фр. фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.
В газете — постоянные отделы: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Вышла из печати и поступила в продажу книга К. С. ПОПОВА

„Лейб-Эриванцы в Великую войну"

В книге 250 стр., 10 схем и 30 фотографий. Книга не поступит для продажи в книжные магазины. Выписывать только со склада издания: C. POPOV, 32, rue Charles de Gaulle, Montmorency (S.-et-O.).
Стоимость книги: 2.500 фр.; страны заокеанские — 6 амер. дол.

„Морские записки"

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам № 4 (49) т. XVII, 1959 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию В. В. Скрябин, 38, Bd de la Republique, Boulogne S/S.

Литературно-политические тетради

„ВОЗРОЖДЕНИЕ"

Независимый орган национальной мысли.
34-й год издания.

Адрес редакции:
73, avenue des Champs-Elysées, Paris-8.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache. Paris (16') и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren. Bruxelles.

Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Alder Grave, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 49, Penywern Road, London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С.Ш. — в Обще-Кадетском Объединении у В. А. Высоцкого 410, Rivercide Drive Ap. 103 A. New-Iork 25.

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 avenue San-Francisco 18.

Канада у К. Н. Мартемьянова — 716, Gerrard str. East. Toronto, ONT.

Австралия — а) у В.Ю.Степанова,57, rue Bruce, Stanmor (N. S. W.); б) у Н. А. Косач, 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Рясянского — Obligado 2130, Buenos-Aires.

№ 40

ЯНВАРЬ 1960 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 9-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Отец Алексей Алексеевич Геринг, и Обще-Кадетское Объединение во Франции, с глубокой скорбью извещают о кончине члена Объединения

ЛЕЙТЕНАНТА БЕЛЬГИЙСКОГО ФЛОТА

Георгия Алексеевича ГЕРИНГ

Панихида будет отслужена у Кадетской Лампады в Париже в сороковой день 5 марта 1960 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1960 ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ: во Франции и Северной Африке — 15 нов. фр. с пересылкой; в Германии — 12 марок; в Англии и Австралии — 25 шил.; в странах заокеанских — 4 дол. 50 ц. ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА: во Франции и Северной Африке — 2 нов. фр. 50 сант., в Германии — 2 м., в Англии и Австралии — 5 шил., в странах заокеанских — 80 ам. цент.

Всю переписку и денежные переводы по ИЗДАТЕЛЬСТВУ, направлять по адресу РЕДАКЦИИ: *61 rue Chardon-Lagache, Paris (16e)*. Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и Северной Африки можно переводить на Почтовый Счет: C. P. 2881-89 Paris, *A. Guering*.

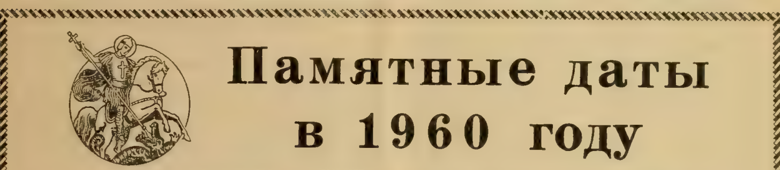
ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

9-й год издания — № 40 ЯНВАРЬ 1960 Г. — Bimestriel. — Prix — 2,50 N.F.

РЕДАКЦИЯ И ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВОЕННОЙ БЫЛИ» ПОЗДРАВЛЯЮТ ВСЕХ ДОРОГИХ СОТРУДНИКОВ, ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ С ПРАЗДНИКАМИ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА И НОВЫМ ГОДОМ.

Памятные даты в 1960 году

400 лет — Взятие Мариенбурга 9 февраля и поражение Ливонского ордена у Эрмеса 2 августа 1560 года (Ливонская война).

250 лет — Покорение Лифляндии и Эстляндии в 1710 г.: взятие Выборга (13 июня), Риги (29 июня), Пернова (14 августа) и Ревеля (29 сентября).

250 лет — Объявление Турцией войны России 20 ноября 1710 г.

250 лет — Основание л.-гв. Кексгольмского полка и Гвардейского Экипажа.

225 лет — Начало войны с Турцией 1735—1739 гг.

225 лет — Поход на Рейн русского корпуса для «сикурсу» австрийцам против Франции в 1735 году.

200 лет — Взятие Чернышевым Берлина 28 сент. 1760 г.

175 лет — Основание 14-го драгунского Малороссийского полка (старш. 13 февраля 1785 г.).

150 лет — Взятие П. С. Котляревским в 1810 г. крепости Мигри (14 июня) и кр. Ахалкалаки (8 дек.).

150 лет — Победа Каменского 1-го у Базарджика (22 мая) и Каменского 2-го под Батиным (26 авг. 1810 г.).

125 лет — Основание Полоцкого кадетского корпуса в 1835 г.

100 лет — Победа полк. Колпаковского над кокандцами при Кара-Костеке в 1860 году.

75 лет — Поражение генералом Комаровым афганцев на р. Кушке 18 марта 1885 г.

Три знамени

Настоящий рассказ написан мной не с целью упрека автору книги "Честь" или обличения его неточностей в главе "Подвиг". Автор, в примечании, и сам говорит о том, какими скудными данными ему пришлось пользоваться и что он только хотел осветить факт спасения знамен, которые так дороги нам всем Симбирцам.

Мне же хочется приоткрыть историческую правду и отдать должное кадетам 42-го и последнего выпуска Симбирского Кадетского Корпуса.

. . . .

Шел 1918 год.

Наш тихий, патриархальный Симбирск начинал, все больше и больше, чувствовать все прелести жизни под властью Советов.

В Кадетском Корпусе все еще шли уроки, приходили преподаватели, ставили нам отметки за наши успехи, но уже не по двенадцати, а по пятибальной системе. Отметки, у большинства, становились все хуже и хуже, заниматься, что-то совсем не хотелось.

Все чего-то ждали, — что-то должно случиться...

И вот, наконец, дождались...

Подходил март. — Кадеты первой роты в спальне ложились спать, за исключением немногих лкюбителей подзубрить или почитать, которые еще болтались в классах.

В спальне тишина, по традиции, громко разговаривать и шуметь не разрешается.

Вдруг в спальню вбегает кадет и кричит:

— Корпус окружен красной гвардией, у всех дверей красногвардейцы с пулеметами!..

Все сразу оживает... Бегут проверить... Правда, — окружены.

Первая мысль у всех:

— Надо предупредить воспитателей. Они живут в отдельном здании, недалеко от Корпуса, на другой улице.

Кадет 7-го класса 1-го отделения Н. Поярков спускается по пожарной лестнице и, через задние дворы Корпуса, проскользнув мимо красногвардейцев, бежит туда. Скоро он, благополучно, возвращается и сообщает:

— Предупредил.

Спать уже не хочется, все взволнованы и настороженились...

Проходит еще немного времени, — опять кто-то вбегает и кричит:

— Вошли в швейцарскую, подымаются по лестнице наверх...

Во мгновение ока гаснет электричество, не то кто-то выключил, не то перерезал провода. Все погружается в кромешную темноту, а в спальне все притаились и ждут...

Дверь в спальню осторожно приоткрывается, просовывается лампа, а за ней бородатая голова, которая изрекает:

— Не пужайся, ребя, советска власть пришла.

Летит сапог, лампа — вдребезги и голова исчезает за дверью. Снова темнота, но теперь уже в спальне стоит неистовый гвалт. Новые попытки открыть дверь, встречаются градом сапог. Попытки, на время, прекращаются, но шум в спальне все усиливается...

Но вот, внезапно, дверь снова открывается, — летят очереди сапог и слышится голос, старающийся перекричать страшный шум:

— Это я, Командир роты, полковник Соловьев.

Бомбардировка сразу же прекращается. Входит Командир роты, за ним офицеры воспитатели. Скоро загорается электричество. Воспитатели стараются успокоить кадет. Постепенно все затихает и засыпает.

Утро, — кадеты встают, чистятся, умываются, молитва, утренний чай. Начинаются уроки. Как будто ничего особенного, только у входных дверей стоят часовые, а в швейцарской главный караул с пулеметами.

По ротной зале, боязливо озираясь на кадет, ходят какие-то субъекты в штатском, повидимому рабочие, из "сознательных". Во время перемен кадеты к ним пристают, спрашивают, что они тут делают? Те отвечают:

— Вот нам сказали, ходить и смотреть, вот мы ходим и смотрим, а когда устанем — посидим.

Что они тут смотрят, повидимому, и сами не знают.

Так проходит день, другой, третий... — Седьмой класс второе отделение в классе, ожидает своего очередного преподавателя истории, некоего Краснова, который в начале революции, придя к нам в класс, торжественно объявил, что он социалист-плехановец, и собирался еще что-то добавить, но был перебит кадетом К. Россиным:

— А до революции вы тоже были социалистом революционером?

— Ну, да, конечно... — Ответил он. Но не успел закончить фразы, как был вторично перебит:

— А почему же вас тогда не повесили?

Он сразу же запнулся и не знал, что ответить. Класс же задыхался от смеха и наше знакомство с учением Плеханова на этом закончилось.

Неожиданно, в класс вбегает "Пуля", всеми любимый, преподаватель математики, полковник Царьков. Дежурный командует. Все вскакивают. Не обращая внимания на рапорт дежурного, он поворазивается лицом к классу и произносит:

— Ну, вы что?

Все стоят, ничего не понимая.

— Ну, вы что? — повторяет он, — разве вы не знаете, что знамена приказано сдать?

Целует меня, повидимому, как самого близко стоявшего к нему, и также неожиданно выбегает из класса.

Намек понят сразу.

Но появляется плехановец и начинается урок. Кадетам теперь уже не до учения, у всех на уме — знамена. Не могут дождаться конца. Но вот долгожданный отбой. Никто из класса не выходит, все столпились в кучу и каждый старается переговорить других.

К обеду уже все, как один:

— Знамен мы не сдадим.

Знамен три: одно наше и два Полоцкого Кадетского Корпуса, которые были переданы на хранение нашему Корпусу еще во время войны, при эвакуации Полоцка. Стоят они в Корпусной церкви. Церковь заперта, у двери часовой, а рядом, в столовой третьей роты, караул из пяти красногвардейцев.

Без ключа дверь не откроешь. Ключ у церковного служителя, который каждое утро убирает церковь.

Украсть, — может возникнуть подозрение, тогда все пропало.

Кому-то приходит мысль: сделать слепок, а по нему заказать ключ, но времени мало, нужно действовать как можно скорее.

На другой день утром, после первого урока, во время перемены прибегают два сияющих кадета: А. Пирский и Н. Ипатов. В руках у Пирского слепок.

Они не долго думая, никому ничего не говоря, пошли в церковь. На их счастье дверь открыта, служитель убирал церковь, часовой их не задерживает, а главное — ключ в скважине. Не успел часовой, чем-то отвлекшись, отвернуться от двери, как они уже вытащили ключ и слепок на воске готов, уловив же удобный момент, вставили ключ обратно, и скорее бегом в класс.

Слепок готов, — после обеда готов и ключ.

Ждать некогда, знамена могут быть сданы в любую минуту.

Кадеты 7-го класса 2-го отделения вырабатывают план похищения знамен, в исполнении которого принимают участие только кадеты этого отделения и, при том, все без исключения.

Мне и еще пяти моим одноклассникам поручается, немедленно, после вечернего чая, отправиться в столовую третьей роты и постараться отвлечь внимание караула и часового от двери церкви.

Приходим, — караул сидит за столом, а часовой на черной лестнице у церковной двери. Начинаем заговаривать:

— Ну, как товарищи живете? Как дела? Теперь у нас все по новому, власть своя, народная. Дышать стало легче, сидишь себе и чаек попиваешь. Можно и в картишки перекинуться, никто тебе за это на хвост не наступит. К черту старые порядки!

Вынимаем карты, присаживаемся к столу и предлагаем сыграть в очко. Они как-то быстро соглашаются.

Часовой, услышав шум, заглядывает узнать, в чем дело. Предлагаем ему присоединиться:

— Что ты там, без толку, на лестнице мерзнешь? Присаживайся, товарищ, теперь ведь свобода.

Он подходит к столу и смотрит, как мы играем.

Но не успеваем мы толком разыграться, как прибегает кадет нашего отделения и кричит:

— Что вы тут болтаетесь, пора спать идти!

А потихоньку сообщает:

— Все, слава Богу, хорошо, знамена уже в классе. — Сперли.

Как только часовой оставил церковную дверь без присмотра, два кадета стали, на махалку, следить за ним, а А. Пирский, Н. Ипатов, К. Россин и Качалов, не теряя ни минуты, прошмыгнули на черную лестницу. К радости, ключ подошел, дверь открыта — и они уже в церкви. Сразу же бросились к знаменам и сорвали их с древков. Дверь снова заперли и со знаменами за пазухами, понеслись в класс, а по пути их следования, везде на махалках, стояли кадеты нашего отделения.

Поиграв еще немного, оставив карты на-память караулу, мы, под разными предлогами, прекращаем игру и возвращаемся в класс. В классе стоит ликование и обсуждают, что делать дальше.

Куда спрятать знамена?

Не помню кому, чуть не всем сразу, приходит мысль:

— Под пальмы!..

В классе стоят две пальмы в деревянных кадушках и к счастью, по случаю свободы, их не особенно поливают, потому что, когда потянули их за стволы, то вытащили вместе с землей. Уложили на дно знамена, завернутые в клеенки и водрузили пальмы обратно. Поболтав еще немного, пошли в спальню спать.

На другой день утром церковный служитель, придя убирать церковь, обнаруживает пропажу. Случилось все так быстро потому, что знамена Полоцкого Корпуса были завернуты в клеенки, а их в торопях порвали и унесли с собою. Наше же знамя было в чехле и его успели одеть на древко. Служитель, узрев два голых древка, сунулся к нашему, а под чехлом тоже пусто, —он сразу же поднял тревогу.

Молниеносно по Корпусу проносится новость:

— Знамен в церкви нет.

Почти вся Первая рота бежит туда, убедиться воочию, бежим и мы. В церкви стоят три голых древка, с нашего чехол уже тоже снят. Бросаемся к ним и стараемся отодрать, себе на память, кусочки знамен, которые еще остались на древках. Но нас скоро всех выпроваживают из церкви и мы идем обратно по классам. Все очень возбуждены, но довольны происшедшим и стараются разгадать: — Кто?.. Мы же не подаем никакого вида.

После завтрака в Корпусе начинается обыск чекистами, под предводительством нашего корпусного фельдшера Григорьева, который теперь назначен большевиками комиссаром Корпуса. Заходят в наше отделение, у нас урок и все сидят за партами. Начинают шарить по шкафчикам и партам. В одной из парт граната, — чекист тянет руку, чтобы ее взять. Несколько кадет хором кричат:

— Не трожь, взорвется!

Чекист отскакивает в сторону, кадет же Кондратьев, под общий смех класса, его тут же успокаивает:

— Бери, бери, пуста, как Григорьева голова.

Григорьев делает вид, что это его совсем не касается. Гранату забирают и обыск продолжается дальше. Не найдя ничего, разочарованные чекисты покидают наше отделение и идут обыскивать другие, но, конечно, с таким же успехом. Пальмы, Слава Богу, внимание чекистов не привлекают. Обыски продолжаются и на следующий день, из Корпуса никого не выпускают без специальных разрешений, и притом при выходе тщательно обыскивают.

На следующий день вечером, Кондратьев, ходивший по какому-то случаю в город, придя обратно в Корпус, сообщает нам, что в городе уже известно об исчезновении знамен и что он, случайно встретив прапорщика Петрова, нашего кадета, выпуском старше нас, на его настойчивые просьбы сказать, где знамена, под строжайшим секретом признался, что знамена украло 2-е отделение 7-го класса и что об этом никто, кроме нас, ничего не знает; спрятаны же они в классе, но в Корпусе идут обыски и кадеты очень боятся, и хотят, как можно скорее, их вынести и спрятать где-нибудь в городе. Тогда Петров настойчиво заявил,

чтобы ему, как старшему кадету в городе, знамена были переданы на хранение. Кондратьев, высказывая свое мнение, думает, что это самое лучшее, что мы могли бы сделать.

После недолгих разговоров, было решено передать знамена Петрову. Но возник вопрос, как их вынести из Корпуса? Выйти можно только через главный вход, через швейцарскую, — но там главный караул и никого не пропускают без обыска. Через другие выходы вообще никого не выпускают. Остается пожарная лестница, но здесь наверняка заметят и очень просто могут подстрелить. Кто-то предложил выбросить через форточку, — но это еще опаснее.

Наконец, решаем идти "на ура" — быстрота и натиск.

В отделении же весь следующий день идет приготовление и намечают, кто примет участие в прорыве швейцарской. Желающими оказываются все, но и все соглашаются, что это слишком много, так как понимают, что все зависит только от быстроты.

Сразу же после вечернего чая, мы, около пятнадцати человек, одевшись как будто для того, чтобы идти в отпуск, окружив троих самых сильных кадет, которые прячут знамена за пазухами, спускаемся гурьбой по лестнице вниз в швейцарскую и с шумом, всей кучей направляемся бегом к выходным дверям мимо, обалдевших от неожиданности, часовых и вылетаем на улицу. Пока часовые пришли в себя, знамена, спасенные от позорной сдачи большевикам, уже были в верных руках у нашего Петрова, который быстрым шагом уносил их к себе домой.

Поболтавшись немного на улице, мы, как ни в чем не бывало, возвращаемся в Корпус. Нас останавливают, спрашивают:

— В чем дело? Куда бегали?

Одни отвечают:

— Подышать свежим воздухом. Другие заявляют, что хотели погулять, да на улице холодно и никого нет, вот и вернулись обратно.

Не знаю, удовлетворило ли караульных это объяснение, но они оставили нас в покое и мы поднялись к себе наверх.

После похищения знамен, в Корпусе, хотя еще продолжались занятия, но преподаватели, в большинстве только отбывали свой номер, а кадеты, воспользовавшись этим, вообще перестали готовить уроки. Когда же на урок пришел наш соучастник, полковник Царьков ,то ему по секрету сообщили, что знамена украли мы и что они спрятаны в очень надежном месте в городе. Поблагодарили его за то, что он нас предупредил, но особенно не распространялись, потому что после передачи знамен Петрову старались поменьше о них говорить.

Проходит еще немного времени и нам объявляют, что Корпус приказано распустить и мы можем получать наши аттестаты и разъезжаться, как можно скорее, по домам.

Однако с отъездом получилась задержка, потому что очень немногие имели деньги на дорогу. Все же постепенно кадеты начали покидать Корпус. Первым из нашего отделения уехал к себе домой в Манджурию, на станцию Ханфдаохедзы, Н. Ипатов, а за ним последовали и другие.

Достав деньги на дорогу и получив аттестат об окончании Корпуса, я тоже был готов к отъезду. Попрощавшись со всеми и, отпоров с болью в сердце погоны и пуговицы от своей кадетской шинели, я, через несколько дней, с вечерним поездом покинул Симбирск, унося с собою самые наилучшие и незабываемые воспоминания о дорогом Корпусе и лихих товарищах кадетах.

Большевики же все же не унимались и требовали, чтобы знамена во что бы то ни стало были сданы. Что им отвечали наши офицеры-воспитатели, я не знаю. В душе, конечно, они были с нами, да и к тому же не знали, где знамена. Обозленные их упорством, большевики арестовали нашего Командира роты, полковника Соловьева, и отправили его в тюрьму. На его место назначили полковника Вишневецкого, но его то же, через несколько дней, арестовали. Арестовали и нашего отделенного офицера-воспитателя, капитана Крепнона, и еще несколько офицеров-воспитателей. Все они семейные и семьи стали беспокоиться и волноваться за их участь. Кадеты нашего отделения, которые по разным причинам еще оставались в Корпусе и те, у которых родные жили в Симбирске, собрались для обсуждения, как бы выручить воспитателей из беды.

Кадеты А. Пирский, К. Россин и Качалов предложили, что они пойдут и сознаются, что украли знамена, а на допросах будут отвечать, что кадет Ипатов увез их с собою в Манджурию. Ипатов же уже больше месяца, как уехал, иди и ищи его.

Кадеты сознались, их посадили в тюрьму, а воспитателей, к большой радости их семей, выпустили на свободу.

Не добившись от кадет ничего, кроме заявления, что Ипатов увез знамена в Манджурию, большевики назначили над ними суд народно-революционного трибунала, который состоялся в здании бывшего Окружного Суда. Желая показать свое правосудие, большевики объявили процесс при открытых дверях и при участии присяжных заседателей.

В день суда зал до отказа был набит местной публикой, которая пришла не только посмотреть, но и выразить свое восхищение кадетам.

Прокурор, в своей обвинительной речи, требовал для кадет немедленного и сурового наказания.

Защищать же кадет добровольно взялся один из лучших адвокатов в городе, присяжный поверенный М. А. Малиновский. Свою блестящую защитительную речь он начал издалека, сначала обрисовав историю происхождения знамен и их значение, а в заключение.

Россин так и остался у меня, а Качалов нашел своих родственников и перебрался к ним. Кадет Качалов не был кадетом нашего Корпуса, а был только прикомандирован и, учась в нашем Корпусе, носил

форму своего Петербургского Императора Александра 2-го кадетского корпуса.

Когда Самару заняли чехи, мы все трое поступили добровольцами в ряды Белой Армии и почти сразу же были отправлены на фронт. Ни с кем из них я больше не встречался. И только потом мама мне передала, что приезжал в отпуск раненый Костя Россин и все время ей рассказывал, как он бил и будет бить большевиков.

Присяжного поверенного М. Малиновского, за его блестящую речь и оправдание кадет, большевики, через несколько дней после суда все-таки отблагодарили.

Банда матросов ворвалась в его дом и арестовала его и жившего с ним вместе Председателя Окружного Суда, А. А. Полякова, повела их с собою, а по дороге поставили к "стенке" и расстреляли. Поляков был убит наповал, а Малиновского только ранили и, к счастью для него, не потрудились проверить и ушли, Малиновский же, придя в себя, дополз до первого ближайшего дома, где его подобрали и отправили в городскую больницу. После этого ему все время приходилось скрываться и только когда Симбирск был занят белыми, он присоединился к ним и впоследствии в Правительстве Адмирала Колчака занимал какой-то видный пост.

Но от своей судьбы он не ушел. При занятии Омска красными Малиновский попал к ним в плен и был вторично расстрелян.

Знамена, после суда над кадетами и их исчезновения из Симбирска, все еще находились у Петрова. Когда и почему он передал их г-же Е. В. Овтрахт и что ее заставило с опасностью для собственной жизни, перенося невероятные лишения и рискуя потерять их в любую минуту, пробираться в занятый коммунистами Царицын — остается поныне для меня тайной и загадкой.

Симбирск же в начале июля был занят отрядом полковника Каппель и освобожден от большевиков. Путь на восток был открыт, так как железная дорога вплоть до Владивостока все время находилась под контролем Белых Армий.

Но что ни делается, все к лучшему!

И вот почти ровно через десять месяцев после того, как Симбирск уже был оставлен белыми, в Царицыне знамена были переданы Командующему Кавказской Армией генералу Врангелю, и г-жа Е. В. Овтрахт за свой подвиг была награждена Георгиевской медалью 4-й степени.

Когда же армия генерала Врангеля покинула пределы России, знамена были перевезены в Сербию и переданы в г. Сараево Кадетскому Корпусу, о чем, живя в Шанхае, я прочел в журнале "Часовой" и сильно недоумевал, читая о каких-то двух таинственных кадетах, якобы спасших эти знамена.

Когда же, после десятилетнего скитания по портам Дальнего Востока, мне удалось получить визу в США и, наконец, добраться сюда. то от своих однокашников по Корпусу я, к великой моей радости, узнал, что знамена, с которыми у меня связано столько гордых и приятных воспоминаний моей кадетской юности, целы и находятся в настоящее время здесь в Америке, в г. Нью-Йорке.

Н. Н. Голеевский

XXX выпуск

(Окончание)

В XXX выпуске появилось много знаков: Чернецовского отряда, за Корниловский и Степной походы, георгиевских крестов и медалей. Человек десять было произведено за боевые отличия сначала в прапорщики и позже в хорунжие или подпоручики. Новоиспеченные офицеры носили в корпусе кадетские погоны, но, уходя в отпуск, одевали офицерскую форму. Такое парадоксальное положение, наверно, было стеснительно для начальства. Однако. это нисколько не помешало моему однокласснику — Володе Полякову прочитать на своей письменной работе по математике отметку преподавателя Ивана Николаевича Лимарева, убитого большевиками в Новочеркасске в 20-х годах: "Единица прапорщику".

Несмотря на все пережитое, юность брала свое, а с ней возвращались и кадетские привычки. Нелегко было и раньше бороться с ними преподавателям и воспитателям, после-же партизанских отрядов и походов справиться с ними им стало еще труднее. Нужно отдать справедливость, кадеты других корпусов держались, по крайней мере вначале, в стороне от общих проделок. Наша-же "буйная вольница" все время придумывала что-то новое. Так, однажды, по отделению прошла таинственная инструкция начать ловлю мух. В свободное время закипела работа вдоль подоконников и пойманные мухи были запрятаны в спичечные коробки в глубине парт. Потом прошел приказ выдергивать из парусиновых рубах ниточки и подвязывать их к лапкам заключенных мух. Операция эта была весьма деликатная и очень занятная: подготовлялась большая авиационная атака на противника. Мухи с подвязанными ниточками были возвращены в "арсеналы", то есть в спичечные коробки, а потом весь наличный авиационный состав был разбит на эскадроны и парки.

Наконец. было собрано общее совещание с целью наметить "противника". Таковым, после обмена мнений, был избран Федор Вениаминович Мюлендорф, преподаватель немецкого языка. Мы его очень любили за добродушие, обожание немецких классических поэтов и смешной акцент. Полный, маленького роста, с большой лысиной и светлыми навыкат глазами, он

был очень вспыльчив и именно поэтому-то мы и остановились на нем. Он умер в Новочеркасске от голода в 20-х годах.

Когда Мюлендорф вошел в класс и мы замерли "смирно", ожидая конца рапорта дежурного, шопотом побежал на задние парты сигнал: "1-й и 2-й эскадроны истребителей... Контакт".

Из-под приподнятых крышек парт начали появляться выпущенные из коробочек мухи с белыми ниточками на лапках. Сначала медленно, потом все быстрее оне брали разгон по наклонному пюпитру и потом, "ура"... мухи поднимались вверх...

"Второй... третий парки... Контакт!" — и из соседних парт появлялись новые эскадроны.

Федор Вениаминович еще не успел разложить перед собой папки и книги, как перед его глазами прошла белая вертикальная черточка. Мюлендорф оцепенел, видимо, ничего не понимая. Надо было видеть выражение его лица в этот момент! Потом перед ним прошла другая белая черточка, третья, четвертая... Мюлендорф сидел, как зачарованный, и медленно багровел... Внезапн оон замер, взмахнул рукой и стащил со своей лысины, за веревочку, снизившуюся туда муху. Федор Вениаминович внимательно рассмотрел техническое оборудование этого бомбовоза и потом, трясущейся рукою. записал в штрафной журнал весь класс. Попутно он поставил в нем большую кляксу и, ставя последнюю точку, сломал перо...

Конечно, как-только о нашей авиационной атаке Мюлендорфа стало известно начальству, началось дознание. Как всегда, оно ничего не дало, виновных мы не выдали и мужественно отбыли наложенное наказание.

Еще позже, выпуск был взволнован важным событием: один из кадет, вернувшись из отпуска, передал нам от имени "шпаков" вызов на общий бой. Провожая вечером гимназистку, за которой он ухаживал, он был окружен группой гимназистов Платовской гимназии. Среди них оказался безнадежно-влюбленный в эту-же девицу неудачный и ревнивый ее поклонник. Гимназисты стали задирать кадета, видимо, намереваясь его побить. Но кадет был не из робких, да еще при шашке. Поэтому возбуждение гимназистов выразилось только в ругани, угрозах и, в конце концов, в предложении помериться силами, в укромном месте, всеми способными элементами Донского корпуса и их противников. Кадет торжественно пообещал представителям "шпаков" передать их вызов своим собратьям и дать ответ, по указанному адресу.

Дело в том, что в Новочеркасске еще с давних времен существовала вражда между учениками Платовской мужской гимназии, "шпаками", как называли их кадеты, и нами. Кадеты дружили с реалистами, защищая, порой друг-друга, и были в приятельских отношениях с Петровской гимназией. В последнее время к нашим врагам примкнула еще группа семинаристов, носивших у кадет кличку "свечкодуев". В основе вражды лежала затаенная к нам зависть гимназистов. Им никогда не присылали общих приглашений на торжественные вечера и балы; от них уходили предметы их обожаний — гимназистки, отдававшие предпочтение подтянутым и всегда веселым кадетам, хорошо носившим свою форму и четко отдававшим честь направо и налево в военном Новочеркасске. И сколько, таким образом, было разбито сердце "шпаков" на балах, концертах, на прогулках по Московской и в Александровском саду!

Период совместных испытаний в боях кончился и теперь "шпакам", видимо, хотелось свести по-настоящему счеты за прошлое с особенно ненавистными им кадетами.

"Атаман" выпуска, Федя Чирков, собрал заседание. На нем вызов "шпаков" был принят единогласно. "Штаб выпуска" взялся за разработку плана общего боя, другие занялись фазой сближения с противником и прочими деталями. Когда все было готово, "шпакам" был послан ответ: им назначалась встреча и обмен любезностями на Детской площадке Александровского сада, в определенный день и час. Место это было выбрано чрезвычайно удачно: Детская площадка, со всеми ее выходами и входами, была известна нам до мельчайших подробностей по концертам, бывавшим на ней в летнее время, и, как каток, втечении всей зимы.

Боевые элементы выпуска, отстранив хилых и очень усердных, в назначенное время исчезли из корпуса. Поодиночке, чтобы не привлечь внимание, мы сосредоточивались на Детской площадке к заходу солнца и занимали там указанные по плану сражения места. Когда смерклось, разведчики донесли, что "шпаки" ждут нас толпой наверху. Выпуск начал обходное движение с обоих флангов, резервы укрепились в засаде, все входы и выходы были перехвачены заставами.

По сигналу, ударная группа "силачей" пошла наверх и быстро завязала там кулачный бой. Враги наши, видя перед собой немногочисленный ряд кадет, решили быстро справиться с ним и насели всей массой. Последние, отбиваясь, перешли в отступление, затягивая "шпаков" в "платовский вентерь", т. е. к подножью площадки, где в густых кустах были сосредоточены главные силы. Когда сражающиеся достигли нижних аллей, оттуда выскочили со всех сторон наши свежие подкрепления. Бой был короткий и горячий. "Шпаки" быстро дрогнули, рассыпались и обратились в бегство, ища возможности выйти. Но там их перехватывали наши заставы и на прощанье всыпали дополнительную порцию горячих. Вскоре, поле сражения было очищено от врагов.

В городе быстро узнали, что на Детской площадке творится что-то необыкновенное. Наш часовой у главного входа сумел перехватить известие, что на Детскую площадку уже мчится плац-адъютант из Комендантского управления и с ним офицер нашего корпуса. Боевой отряд кадет моментально рассыпался и, разными путями, понесся обратно в корпус. Плац-адъютант и наш офицер нашли Детскую площадку

пустой. В сотне-же серьезные, спокойные лица, ни одной заметной ссадины, все на местах: поди, отыщи виновных. И скандала никакого. Так это и прошло.

К сожалению, в общей перепалке оказались и невинные жертвы. Одной из таких стал симпатичный и очень любивший кадет молодой парикмахер, у которого мы частенько стриглись "под польку". В день битвы, он случайно попал со своим флиртом на Детскую площадку. Там, в темноте, его приняли за "шпака", сильно помяли и потом, как некоторых других врагов, раскачали и перебросили через решетку сада на улицу. Милый парикмахер очень горевал о происшедшем, мы-же долго утешали его и извинялись, стараясь загладить роковую ошибку.

Так мы подошли к концу учебного года. В один прекрасный день Борис Васильевич Суровецкий объявил, что по постановлению Педагогического Комитета, экзамены отменены и поздравил нас всех с переходом в последний VII класс.

Кадеты разъехались на летние каникулы. Белое движение крепло и Юг России очищался от красных. Новочеркасск сильно оживился. Появилась вера в светлое будущее, а с нею и радость жизни.

II

Осенью 1918 года, когда мы съехались снова. Корпус оказался переполненным из-за прибывших к нам отовсюду кадет разных корпусов. Вместо нормального штата человек 50-ти в выпуске, в обоих отделениях моего VII класса теперь насчитывалось больше 100. Младшие классы тоже были расширены до пределов возможности. Всюду было проведено уплотнение пространства и, чтобы облегчить создавшуюся обстановку, кадетам, у которых были родители в городе, было предложено стать "приходящими".

Список моего отделения, конечно, сильно пополнился. Как выяснилось однажды из общей переклички, в старших двух классах оказались представители всех 30 российских кадетских корпусов.

Пажеский был представлен графом Колей Ребиндером; Первый кадетский — Орловым, Тарасевичем, Косяковым; 2-й — Кострюковым; 3-й Московский Алтуховым; Орловский — Сомовым и Бересневичем; Одесский — Романцовым, Яковлевым; Тифлиский — Либисом, Петровым; Воронежский — Донсковым и т. д. Это была большая, веселая и однородная по духу семья. Никого ничему не надо было учить: все были своими, так как в нас во всех было заложено одно и то-же воинское воспитание.

Новый директор, генерал-лейтенант Чеботарев, бывший офицер 6-й Л. Гв. Донской Казачьей *Его Величества* батареи, окончивший Михайловскую Артиллерийскую Академию, очень умел взял корпус в свои мягкие, но уверенные руки.

Помимо проявляемого им большого интереса к нашему учению, к строевой и гимнастической подготовке, он всячески старался оживить повседневную жизнь кадет, часто устраивая концерты и балы. Сам талантливый поэт, генерал Чеботарев принимал близкое участие в издании корпусного журнала "Донец" и читал на вечерах своих стихи. Мы сразу оценили его и даже не старались придумать ему кличку.

. . . .

6 декабря, в день корпусного праздника, в Сборном зале после церкви был парад. Перед Атаманом проходили церемониальным маршем бывшие и настоящие кадеты. В шеренге первого выпуска, среди других офицеров, шел Африкан Петрович Богаевский; в одной из следующих старался попасть в ногу путавшийся в рясе и разучившийся уже ходить по-военному батюшка. Много дальше, звеня шпорами, отчетливо заходил плечом строй юнкеров Новочеркасского училища и, наконец, мы все остальные.

В сотне неожиданно появился Атаман Петр Николаевич Краснов и объявил о том, что производит полковника Леонтьева в генерал-майоры. Мы грянули "ура!" и бросились к нашему командиру. Но смущенный и растроганный Леонтьев угрожающе затряс бородой и руками: "Не смей! Тут есть и постарше!" Не тут-то было: сразу сзади сильно нажали несколько десятков крепких рук, подхватили его и "деревня" стал подлетать под самый потолок... Леонтьев продолжал с возмущением что-то кричать и жестикулировать в воздухе. Петр Николаевич Краснов смотрел на сцену с благодушной улыбкой.

Однажды вечером в класс на занятия пришел Суровецкий и, о удивление, — в новых штаб-офицерских погонах. Это было приятной для нас неожиданностью, но мы были сильно смущены тем, что не успели поздравить его с производством. Во время короткой перемены класс быстро сговорился и, когда на втором часу вечерних занятий Борис Васильевич сел на свое место, минут пять спустя мы без команды отчетливо вскочили и замерли смирно. Суровецкий в недоумении посмотрел даже на дверь, предполагая, что пришел кто-нибудь из высшего начальства. Но старший отделения Митяй Косоротов в коротком слове объяснил, что кадеты просят принять их общее поздравление. Суровецкий был тронут и расцеловал Митяя.

В праздничные дни выпускному классу разрешалось после вечернего чая переходить в Сборный зал. Там шли нескончаемые разговоры и воспоминания о жизни разных корпусов, о недавних боях и походах. Кто-нибудь садился за рояль, смыкался круг и пелись хоровые песни, кончавшиеся общей "звериадой". Порой играл балалечный оркестр или просто гудели гребешки и мы лихо танцевали друг с другом. Устраивались и настоящие концерты. На них читались стихи, Орловец Бересневич рассказывал солдатские истории, Одессит Вилли Романцов смешил до боли в животе еврейскими анекдотами и т. д. Ставились иногда целые пьесы, подчас весьма веселого характера. Одна из таких "драм" читалась на 14 разных языках, благодаря наличию представителей корпусов всей России, знавших самые разнообразные провинциальные наречия и европейские языки. Это было очень смешно и мы веселились от души.

В один из таких вечеров выпуск устроил свой закрытый парад. К нему мы подготовлялись довольно долго, устраивая себе кивера, доломаны, расшитые шнурами от оконных штор, собирая в городе погоны, оружие и шпоры.

Никто из воспитателей теперь нас больше не тревожил, поэтому, в назначенный день, мы одели пестрые разнообразные формы и с хором "трубачей", то-есть балалаечников, выстроились всем выпуском в зале.

Раздалась команда. "Генерал" выпуска, Гриша Иванович, в генеральском артиллерийском мундире своего отца, с саблей, важной походкой вошел в зал. Он поздоровался с парадом и, медленно обойдя фронт, обратился к выпуску со словом. Но, вдруг, к нашему ужасу, отворилась боковая дверь и на пороге ее показался командир сотни генерал Леонтьев, возвращавшийся случайно из лазарета. Он опешил, замедлил шаги и издали с изумлением разглядывал шеренги странных офицеров... Гриша Иванович, однако, не растерялся и сразу подошел к "деревне" с рапортом. Генерал Леонтьев довольно серьезно выслушал его и прошел к середине строя. От Ивановича отделился его адъютант Володя Поляков, в белых "лосинах", иначе говоря кальсонах и в экзотическом доломане, и, прыгая козлом, на воображаемой кровной лошади, передал командующему парадом приказание проходить церемониальным маршем. Леонтьев не удержался, улыбнулся и даже спросил: "А это что-же, гусар что-ли?"

— К церемониальному маршу! Повзводно... на одну взводную дистанцию! — раздалась команда.

"Хор трубачей" грянул марш и выпуск стал проходить перед начальством. Гриша Иванович, держа руку под козырек, почтительно склонялся к "деревне", представляя ему части... Легкая кавалерия шла курц-галопом.

Но, вместо ожидаемой нами похвалы за старание, мы расслышали слова Леонтьева: "Дураки... жеребцы", и деревня смеялся себе в бороду.

. . . .

После рождественских каникул, стали серьезно нажимать на занятия. Дело в том, что выпускные экзамены были объявлены обязательными по всем предметам. С другой стороны, в то время, как кадеты не-казаки могли выбирать между нашим юнкерским училищем, где было открыто четыре отдела: пластунский, конный, артиллерийский и инженерный, Кубанским, Киевским пехотным и Сергиевским артиллерийским, мы, коренные донские кадеты, были обязаны поступать только в наше Новочеркасское. Число вакансий на его артиллерийский, инженерный и даже конный отделы было довольно ограничено, предвидилась конкуренция со стороны и поэтому стало необходимым срочно выравнивать и поднимать свои отметки. Развлечения были заброшены. Мы насели на книги. Повседневная жизнь стала серьезной, сосредоточенной и, благодаря этому, даже посыпались прибавки баллов за поведение. Борис Васильевич Суровецкий нередко теперь приходил из города в вечерние часы, чтобы помогать отстающим. Лучшие математики собирали вокруг себя слабых учеников, разбирали с ними задачи и натаскивали их по самым трудным вопросам. Кончить Корпус должны были все и на этом сосредоточилась воля выпуска.

И вот наступили экзамены. Пусть останется тайной, как именно мы подготовились к ним. Но, верно, для ныне здравствующих наших бывших воспитателей и преподавателей будет необыкновенным сюрпризом узнать, что, хотя экзаменационные темы и хранились под ключем в кабинете инспектора классов, тем не менее главные из них стали нам известными в самый последний момент.

Каюсь в этом от лица всего XXX выпуска и даю слово, что совершилось это без всякого участия или попустительства кого-либо из воспитателей, преподавателей или служителей корпуса.

За темы по математике сразу засело несколько самых лучших учеников. Быстро решив задачи, они опрашивали каждого: "Сколько у тебя по этому предмету?" И, если у кадета выходило шесть, ему давали решение на восемь баллов; если у него было восемь, то на десять и т. д. Эта умеренность была совершенно необходима, дабы у начальства не появилось подозрения в самостоятельности экзаменующихся. В общем-же все оказались довольны, кляньчившим-же больше сообща порекомендовали уменьшить претензии.

Гораздо хуже вышло с темами по русскому языку: тут уж корпорация помочь ничем не могла, но все-же открылась возможность проштудировать заранее намеченные вопросы. В конце-концов после математики остальное было маловажно.

Когда на экзамене были объявлены темы, лица кадет угнетали сосредоточенностью. Самые сильные математики, как и следовало ожидать, сдавали работы первыми. Более слабые относили их с приличным опозданием, сделав тревожное или немного разочарованное лицо. Плохим же ученикам было приказано дотянуть до того момента, когда экзаменаторы начали сами почти силой отбирать решения задач у оставшихся. Улыбки не было ни одной. Но зато, вернувшись в сотню, экзаменовавшиеся особенно резво неслись в курилку, хлопали по плечу и щекотали друг друга. Царила полная радость, но причина ее должна была остаться секретом решительно для всех, кроме кадет XXX выпуска.

Преподавательский и воспитательский состав, видимо, был доволен ходом экзаменов. Правда, кадеты подметили, что на некоторых устных экзаменах Суровецкий подкладывал знакомые билеты кое-кому из наиболее слабых учеников, но страдные дни, затянувшиеся на добрый месяц, все же подходили к концу. Самое страшное — анализ бесконечно — малых, аналитическая геометрия, тригонометрия, русский — были сданы. Оставшиеся экзамены не пугали уже никого: на них, в крайнем случае, даже плохим учени-

кам, можно было теперь и провалиться с полным чувством собственного достоинства.

Явившись как-то, как "приходящий", из дому на один из экзаменов, я узнал, что накануне в корпусе произошло необычайное событие.

Воспользовавшись дежурством скромного и неискушенного в кадетских проделках есаула Шерстюкова, XXX выпуск в темную безлунную ночь, целиком, в сапогах и фуражках, умудрился выскользнуть из постели, спуститься вниз и, через оставленное открытым окно, выбраться на плац перед корпусом. Один из кадет прихватил с собой трубу урядника. Два-же другие неизвестными средствами и путями проникли на колокольню корпусной церкви и подняли там трезвон во все колокола. Услышав его, патруль домовой охраны из местных жителей решил, что это набат и что в городе где-то замечен пожар или какая-то другая тревога. Трезвон кадетской церкви был подхвачен соседними церквами и так пошло по всему Новочеркасску. А в это время строй голых кадет слушал с энтузиазмом несколько пламенных прощальных речей, обращенных к XXX выпуску. Один из поэтов, взобравшись на тумбу, вдохновенно читал свои стихи, потом другой кадет, на трубе урядника, начал играть боевые сигналы. По ним повелось учение, закончившееся наступлением и смелой общей атакой метеорологической будки.

Выпуск благополучно вернулся прежним путем в спальню. Набат-же еще долго продолжал звучать в городе, где, видимо, никто ничего не понимал и обыватель беспомощно метался с пожарной кишкой или винтовкой в руках.

Начинать кампанию новых дознаний ввиду кончающихся экзаменов было невозможно. Конечно, на мое лицо "зачинщика" лишний раз было обращено особое внимание, но тут-то, при всем желании, меня подцепить никак было нельзя, так-как в эту ночь я, действительно, спал дома, да еще на собственной кровати.

Воспитатели ограничились ка́менными выражениями лиц, неприятными намеками и фразами: гроза бурлила где-то на неизвестной глубине.

И вот наступил день: последний экзамен был сдан. Заниматься стало нечем. Кадеты готовились к разъезду и проводили время в классах и в Сборном зале в долгих разговорах.

Потом Борис Васильевич Суровецкий сделал нам полный отчет о результатах экзаменов. В порядке старшинства по окончанию корпуса был прочитан список выпуска и отметки, шедшие в аттестат. Поздравив нас с окончанием Корпуса, Суровецкий перешел ко второй части своего сообщения: он объявил, что, по приказанию свыше, весь выпуск, с вахмистром во главе, вместо каникул, прикомандировывается на один месяц к юнкерскому училищу, отбывающему летний сбор в лагере на Пересияновке. Борис Васильевич пообещал нам, что там нас хорошо "возьмут в шоры" и с улыбкой просил этому нисколько не удивляться.

Одиночных наказаний за недавний ночной выход никто не получил. Постановление начальства, хотя оно многих и не устраивало, мы приняли бодро и тоже с улыбкой.

Наконец, был выпускной бал и после этого мы уехали отбывать дисциплинарный стаж при юнкерском училище.

Осенью, для окончивших, во Фронтовом зале, был устроен прощальный обед с воспитателями и преподавателями. Мы сидели вразбивку с ними и непринужденно разговаривали и с Федором Павловичем Ратмировым, и с милейшим "лаптем" Александром Ивановичем Абрамцевым, и с Федором Вениаминовичем Мюлендорфом, с нашим общим любимцем Иваном Николаевичем Лимаревым, с "деревней" и другими. Мы сами теперь объясняли им детали наиболее нашумевших наших проделок. Воспитатели и преподаватели казались совсем иными: не строгими, имевшими права на все наши радости и горести, а добрыми, досягаемыми, отечески-приветливыми, тоже по своему переживающими грусть прощания. Они сами заботливо угощали нас едой, подливали в стаканы вина.

Произносились тосты, от которых наворачивались слезы, и шире расправлялась наша грудь: Мы — XXX выпуск!

А в голове неясно мелькало: "Спасибо вам за все, дорогие наши церберы и экзекуторы, семилетние терпеливые жертвы нашей юности, строгостью, внимательностью и преданностью своему делу сумевшие обуздать и довести до конца нашу трудную и бурлящую семью. Прощай, родной, до смерти запечатленный в душе Донской Императора Александра III, мой Кадетский Корпус".

После прощания, поступившие в Новочеркасское военное училище кадеты, строем, под командой своих офицеров, покинули навсегда корпусные стены. Это была последняя с нами служба Бориса Васильевича Суровецкого.

В училище нас приняли под свое покровительство бывшие донские кадеты — Миша Данилов, вахмистр 1-ой конной сотни, и Володя Поляков, вахмистр 2-ой пешей сотни.

С этим перевернулась последняя страница нашей юности и началась другая жизнь.

Иван Сагацкий

КАДЕТ

Что алей околыш на фуражке,
Или щеки в ясный день морозный?
Что яснее — яркий блик на пряжке
Или взгляд отважный и серьезный?...

Уши — будто в пламени от стужи.
Но законы и в мороз — законы.
На груди скрещен башлык верблюжий,
Проскользнув под скромные погоны.

Заглянул в зеркальную витрину:
Вид — гвардейский, вид отменно-бравый!
Все в порядке должном, все по чину, —
Не напрасно пишутся уставы!..

Вот, навстречу — три драгуна рядом, —
— Офицеры, а идут не в ногу!.. —
Козырнул, но очень строгим взглядом
Проводил их... Даме дал дорогу...

Бросил грозный взгляд на гимназиста, —
Чтоб не смел смотреть за панибрата!..
Козырнул отчетливо и чисто,
Повстречав с "Георгием" солдата...

Впереди краснеют отвороты, —
—Генерал!.. И старенький, бедняга!..
Все-равно, — готовься к повороту, —
Десять, восемь, шесть, четыре шага, —

Повернулся, щелкнул каблуками,
Вскинул руку, вскинул подбородок,
Генеральский профиль ест глазами, —
Знай, мол, наших! Я — не первогодок!

Мне — двенадцать! Третий год в погонах!..
Третий год, а он уже мечтает
О блестящей форме, шпорных звонах
И себя корнетом представляет.

Да-с, корнет! А, впрочем, — осторожно!
Проглядишь кого — и попадешься, —
На бурбона напороться можно,
И тогда досад не оберешься!

А доложишь в Корпусе об этом, —
Назовут позором и скандалом...
Хорошо, конечно, быть кадетом,
Но... гораздо лучше — генералом!..

В. Сумбатов

Бой Финляндских стрелков 19 сентября 1914 г. в Августовских лесах

22-й армейский корпус генерала фон-дер-Бринкена, состоявший из 16 стрелковых Финляндских полков (32 батальона), в мирное время квартировал в Финляндии и, с началом войны, получил при мобилизации пополнение преимущественно из рабочих Петроградского района. К этому запасу командиры полков сначала отнеслись недоверчиво, сомневаясь в его политической надежности, но, на театре войны, они оказались прекрасным элементом, и недоверие к ним быстро исчезло. Корпус вошел в состав 6-й армии и был оставлен в Финляндии, на случай возможного немецкого десанта в эту область, с целью создать угрозу Русской столице Петрограду.

Однако, пребывание этого корпуса здесь оказалось недолгим. Катастрофа 2-й армии заставила Верховное Командование перебросить корпус в район Августово-Сувалки на выручку потрепанных частей этой армии. Люди были охвачены боевым задором и ехали на фронт с песнями и музыкой. По дороге уже попадались навстречу поезда с ранеными, от которых узнавали о немецких "чемоданах", о сильной немецкой артиллерии, но также и о взятии на Южном фронте Львова и Галича, так что задор наш не понизился.

4-я Финляндская стрелковая бригада, к которой я имел честь принадлежать и которой командовал генерал-майор Селивачев, оказавшийся очень способным и дельным начальником, высадилась 26-27 августа в Августове и 28 августа ночным маршем двинулась по шоссе на местечко Райгород, а потом и дальше, на Граево. Здесь мы узнали, что 2-я армия понесла полное поражение. Это известие тяжело отразилось на настроении стрелков, но, к счастью, у Русского человека было два слова: "ничего" и "авось", которые его спасали часто от излишней паники и потери веры в свои силы.

В течение недели, полки корпуса, в беспрерыв-

ных маневренных движениях, с короткими стычками с неприятелем, изматывались, уставали и жаждали настоящего боя. Стрелки обращались к офицерам за разъяснениями, почему мы точно боимся немцев и бежим от них. Но никакой ориентации в обстановке не давалось, чувствовался какой-то хаос и стрелкам приходилось объяснять это тем, что, выручая попавшую в беду 2-ю армию, нам приходится то здесь, то там схватываться с немцами для того, чтобы привлечь немцев на себя и оторвать их от преследования частей, потерпевших неудачу.

"А почему неудача?"

Трудно было ответить — почему. Одни только слухи да предположения, а, если посмотреть на карту, можно только пока догадываться: вошли в Пруссию, залезли в Мазурские озера и леса, дорог мало, немцы заманили русских в глубину, потом атаковали с фронта, с флангов, может быть, с тыла, — вот и попались... На войне, ведь, бывают не только одни удачи, бывают и неудачи... Унывать от этого не приходится.

В общем, за неделю с 27 августа по 3 сентября полки корпуса, со своими боевыми танцами и шассекруазе вдоль русско-германской границы, сделали более 300 верст и начали медленно отходить в сторону реки Немана.

4-я Финляндская бригада, после арьергардного боя 3-го сентября, отошла к Липску. Штаб корпуса расположился в д. Рыгаловка. Весь корпус отдыхал и приводил себя в порядок на линии Сопоцкин-Штабин.

Тем временем, на р. Бобр (приток Нарева), шло сосредоточение и формирование 10-й армии под начальством генерала Флуга. Здесь собирались и разворачивались, кроме 22-го корпуса, 1-й Туркестанский, 2-й Кавказский и 3-й Сибирский корпуса

Когда это сосредоточение закончилось, генерал Флуг, по собственной инициативе, перешел 15-го сентября в наступление, с целью ударить по сообщениям противника, отрезать его от тыла и прижать к р. Неману, но как раз в это-же время перешли в наступление и немцы, имея в виду перейти Неман, для чего уж начали, под прикрытием артиллерии, наводить мост у г. Друскеники.

По диспозиции 22-го корпуса, первая его бригада должна была следовать на Копциево и Сейны (штаб корпуса следовал за ней), 4-я Финляндская — левее на Калейти и Гаврихруду, 3-я еще левее, в северо-западном направлении, на Сувалки, и, наконец, 2-я наступала с юга от Августово тоже на Сувалки, в полосе 3-го Сибирского корпуса.

Дальше я буду говорить только то, что глаза мои видели, что лично переживал и что слышал от соседей слева, надо только при этом сказать, что во время арьергардного боя 4-й бригады 3-го сентября у Августово был убит начальник связи при штабе бригады поручик Святогор, и я 6-го сентября был назначен от 1-го полка для временной его замены, поэтому, находясь при генерале Селивачеве, во все время этого боя, я видел далеко за пределы моего полка и не ограничивался пределами 4-й бригады, но и входил в поле действий 3-й бригады (влево). Некоторые-же эпизоды слышал лично от офицеров других бригад.

Бой, разыгравшийся в Августовских лесах, замечателен тем, что он весь шел в каких-то, как будто, отдельных эпизодах, которые можно связать только при помощи и наличии дневников полков и частей, участвовавших в этом бою, кои, если и существуют, то только в архивах советского правительства, если не погибли в огне революции.

Ночь на 19 сентября, 4-я бригада провела в лесистом районе деревни Гибы и утром, около 7 ч. 30 м. выступила одной колонной в направлении на д. Гаврихруду. В авангарде шел 14-й полк, который, после часа своего марша, пройдя по дороге большую поляну и войдя снова в лес, столкнулся со следующим ему навстречу по той-же дороге из Гаврихруды, противником.

Сначала редкие ружейные выстрелы походного охранения, быстро участившиеся, потом заговорили пулеметы, и скоро лес огласился сильной ружейной стрельбой.

Начальник бригады генерал Селивачев, идя во главе главных своих сил, которые тоже уже успели войти в лес, получил скоро от полковника Иванова донесение, в котором сообщалось, что 14-й полк натолкнулся на большие силы немцев, что в своем стремлении сбить его с дороги он развернул уже полтора батальона, но противник сам его атакует и обходит его левый фланг.

Недалеко от его правого фланга была опушка леса, тянувшаяся по довольно обрывистому берегу оврага. За этим обрывом, дальше вправо, простиралась довольно обширная, слегка волнистая, поляна, совершенно свободная от чьих-бы то ни было войск в течение всего боя. Но полурота стрелков 16-го полка, который был предназначен в резерв бригады, все-же потом была выслана начальником бригады на другую сторону обрыва для охраны этого фланга.

Вследствие донесения полковника Иванова, генерал Селивачев выслал немедленно из главных сил 15-й полк вперед с приказом развернуться влево от 14-го полка и атаковать обходящих нас немцев. 15-й полк, быстро выйдя на указанный ему участок, решительно потеснил немцев назад, но, выйдя на линию 14-го полка, оказался на опушке лесной поляны, через которую продвинуться не мог, так как немцы, имея преимущество в пулеметах, его атаку остановили. Шел, можно сказать, классический встречный бой.

Артиллерия с обоих сторон молчала, вследствие полной невозможности наблюдения за ведением ее огня и отсутствия для нее позиций, но лес сугубо рокотал ружейным огнем, с деревьев летели скошенные пулями ветви и листья, а пули, пронизывая стволы деревьев и, вылетая из них, издавали звуки второго выстрела.

Борьба шла неслыханно упорно и в 14-м, и в 15-м

полках временами слышались крики "ура", но никто не сдавал своих позиций.

Однако командир 15-го полка прислал довольно тревожное сообщение об обходе его левого фланга, а парировать обход было нечем, полковой резерв был израсходован. Генерал Селивачев бросает из колонны 13-й полк полковника Ржевусского, с целью ликвидировать обход левого фланга и охватить в свою очередь немцев. Сотнику Шапкину, командиру отдельной казачьей сотни, бывшей при штабе бригады в распоряжении генерала Селивачева, приказано выслать усиленную разведку влево и найти правый фланг 3-й Финляндской бригады, ибо отсутствие с ней связи начало очень беспокоить Селивачева, хотя с той стороны и слышались весьма отдаленные крики "ура". 16-й полк оставался в резерве бригады.

Особый настойчивый напор немцев продолжался на 14-й полк, лежавший седлом на дороге из д. Гаврихуда. Он уже начал сдавать и появились отдельные уходящие из боя люди этого полка.

Тому-же сотнику Шапкину Селивачев приказал выставить в тылу бригады цепь из казаков для остановки и возвращения обратно отходивших. 14-й полк понес большие потери, особенно среди офицеров. Люди его стали изнемогать и терять устойчивость.

Мимо штаба бригады проходит много раненых. Селивачев стал нервничать и высказывать окружению своему незаслуженные упреки по адресу полковника Иванова, но один случай его успокоил: он остановил проходившего мимо него раненого в руку унтер-офицера и спрашивает: "Ну, как, братец, держатся стрелки?" Унтер-офицер, возбужденный боем, ответил: "Ваше превосходительство, много народу побито, скоро некому будет держаться, нужно поддержку, немец страсть как напирает". У него, на раненой руке, рукав был отрезан во время перевязки, очевидно, ротным фельдшером, а когда он повернулся, чтобы уходить, Селивачев, увидев, что на спине его рубашка прорвана и окровавлена, понял, что эту вторую рану в грудь навылет унтер-офицер сгоряча не чувствует, и приказал Шапкину назначить казака для сопровождения его до дивизионного лазарета. Для помощи-же 14-му полку выслал из резерва батальон, который должен был подкрепить пошатнувшееся положение 14-го полка, влившись в его расположение.

Было уже около 2-х часов дня. Бой шел не прерываясь, но ни та, ни другая сторона не сдавала.

В это время от командира корпуса была получена полевая записка приблизительно такого содержания: "На фронте 2-й бригады захвачен немецкий автомобиль с офицером генерального штаба и с очень важными документами, из которых видно, что на фронте вашей бригады немцы бросают свой последний резерв с целью прорвать фронт. От вас зависит успех боя. Держитесь во что-бы то ни стало".

Генерал Селивачев, уже начавший сомневаться в успехе, произнес: "Ни за что не отступлю. Будем драться до конца". Вслед за этим, было получено известие, что на фронте 3-й бригады немецкий фронт прорван и немцы в замешательстве.

Селивачев вызвал к себе из резерва командира 16-го полка полковника генерального Штаба Иуона с одним батальоном, последним резервом бригады, и приказал ему атаковать немцев на стыке 15 и 14-го полков с целью прорвать немецкий фронт. "Я вам верю", добавил он полковнику Иуону. Иуон быстро объяснил батальону задачу, приказал развернуть знамя и сам, став во главе батальона, решительно повел его в атаку. Движение с криком "ура" настолько было стремительно, что оно увлекло за собой увидевших Русское знамя стрелков 15-го и 14-го полков. Немцы было поднялись, но, увидев нависшие штыки Русских, дрогнули, штыкового боя не приняли и быстро начали одни уходить, другие сдаваться. Фронт был прорван. Во всех частях крики "ура". Немцы спешно уходят.

В 4 часа дер. Гаврихуда была занята, где мы нашли оставленных немцами, вследствие поспешного отхода, раненых, наполнивших собой все сараи и много хат.

На поле боя, при уборке и погребении убитых немцев, которое имело место 20-го сентября, как и при эвакуации раненых немцев из Гаврихуды, выяснилось по погонам, личным знакам и при допросе, что они принадлежали к 18 разным полкам. Очевидно, немецкое командование сюда бросило всевозможные из разных частей резервы, с целью прорвать наш фронт.

Убитые немцы и русские были похоронены в лесу на месте боя в двух братских могилах. Число убитых, обозначенное на крестах, было почти одинаково: немцев, помнится, 294, русских — 287, но, принимая во внимание, что немцы еще сами похоронили в д. Гаврихуда вынесенных из боя своих убитых, потери немцев были больше наших, они были огромны. В 3-й бригаде, например, один батальон 12-го полка, шедший с пулеметной командой на Сувалки, обнаружил, неосторожно, без охранения, идущую по шоссе со стороны Сувалок большую пехотную колонну немцев. Начальник пулеметной команды, скрытно расположив пулеметы по обе стороны шоссе Августово-Сувалки и подпустив колонну на прямой выстрел косоприцельным огнем из всех 8 пулеметов, уничтожил ее в одну минуту. Впечатление от этой работы пулеметов было настолько страшное, что сам начальник команды тут же сошел с ума и связанным был отправлен в тыл. А 10-й полк той-же бригады, полковника Знаменского, следуя лесом в этом-же районе еще в строю поротно, вышел на опушку леса. На линии передних рот, следовали полковник Знаменский и с ним начальник бригады со своим штабом, генерал-лейтенант Стельницкий. Выйдя на опушку поляны, они вдруг увидели на противоположной опушке в 50 шагах перед собой в таком же положении немцев. Обе стороны в первый момент как-будто растерялись. Знаменский скомандовал: "Роты в цепь", но генерал Стельницкий, георгиевский кавалер еще Турецкой войны 1877 года, закричал: "Какая тут цепь! За мной, ре-

бята, в штыки, ура!", и весь полк массой бросился за генералом в штыковую атаку. Жуткая картина штыковой бой. На другой день здесь похоронили 500 заколотых немцев и только 16 русских стрелков.

Всвоей книге "Пережитое", капитан генерального штаба тогда, Б. Н. Сергеевский рассказывает, что когда генерал Стельницкий проходил поле этого боя, один лежавший тяжело раненый немецкий офицер подозвал его к себе и именем Бога просил его сообщить его жене, что он умер "достойно". Генерал спросил его фамилию, адрес жены и дал слово это сделать. На другой день он действительно отправил через американское посольство в Петрограде это письмо.

В общем, противник был сломлен по всему фронту 10-й армии и отошел на запад к своей границе. Хотя Гинденбург, покидая Сувалки и сказал жителям в своих афишах: "Мы уходим, но еще вернемся". Эта большая и первая Русская победа причинила немцам огромные потери, а Русские показали, что немцев бояться особенно не приходится, что при равных условиях их так-же можно бить, как и всякого другого противника.

В приказе по 22-му корпусу после были помещены выдержки из неоконченных или неотправленных писем, найденных на убитых немцах. В них говорилось, что Русские стреляют, как боги, что Русские показали свои "волчьи зубы", что с Русского фронта мало надежды уйти живым, и т. д.

Прошло немного времени и мы с печальным удивлением узнали, что командовавший нашей 10-й армией генерал Флуг отрешен от должности. За что? Почему? Что случилось? Полное недоумение. Потом узнали: "За несвоевременное проявление инициативы".

Генерал, первый нанесший зарвавшимся немцам большое поражение, первой этой победой поднявший дух войск и почти выгнавший немцев из Русской земли, осужден его начальником генералом Жилинским (командующим Сев.-Зап. фронта), а 150 лет тому назад за подобное же удачное проявление инициативы Императрица Екатерина II не только не осудила победителя, но щедро наградила и сказала бессмертные слова: "Победителя не судят".

Война рождает героев. Но она же их развенчивает. Генерал Жилинский, "герой" Японской войны, здесь оказался неудачным Русским "Кунктатором". Он сыграл печальную роль в гибели 2-й армии генерала Самсонова и кончил тем, что Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич, в свою очередь, отрешил его в том же году от занимаемой должности за неспособность управлять войсками на широком фронте.

Начальник 4-й бригады генерал Селивачев за этот бой был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, командир 16-го полка — Георгиевским оружием, и это были первые кавалеры этого ордена в 22-м корпусе. Селивачев действительно прекрасно провел бой своей бригадой в этом сражении.

16-й полк был представлен к награждению Георгиевским знаменем. На это представление был получен ответ, что всякие награды за отличие целых частей отложены до окончания войны.

Полковник Я. Демьяненко

Пушка

Жаркий день второй половины мая. Все огромное Красносельское военное поле совершенно безлюдно и колеблется в голубом зареве жарких полуденных лучей солнца. Дудергофское озеро — как зеркало, на нем ни рябинки, а над ним, в раскаленной дымке, величественно высится Дудергоф, мягко надвинув зеленую шапку с серым каменным венцом — Киргофа.

Весь авангардный лагерь под Красным Селом только-что пообедал и люди, и лошади отдыхают после утомительных утренних учений. В бараках Николаевского кавалерийского училища тишина, шторы в окнах на солнечной стороне спущены. И лихие корнеты, и сугубые звери славной Гвардейской Школы вкушают сон. Дневальный —под грибом на передней линейке — тоже клюет носом.

Та-же картина и слева, в расположении Офицерской Кавалерийской Школы, и справа — у Михайлонов или Пушкарей, т. е. в лагере Михайловского артиллерийского училища. Картину у них разнообразят только пушки, снятые с передков и симметрично расставленные у передней линейки. Орудия направлены в сторону военного поля и дула их грозно уставились на Лабораторную рощу.

У Николаевцев с Михайлонами отношения неважные. Лихие юнкера Славной школы добродушно-насмешливо взирали с высоты своего корнетского величия на "мучеников науки", "зубрил" и "отчаянных зудил" — скромных и серьезных юнкеров-артиллеристов. Шуткам и остротам над ними не было конца. Артиллеристы обижались. Они так-же носили шпоры, а потому считали себя кавалеристами. Что за беда, если у одних синие рейтузы, а у других черные широкие шаровары. Дело не в этом, а в умении сидеть и управлять конем; их батареи лихо выезжают на позиции, не хуже эскадрона, идущего в атаку... "Крысы на заборе", говорили лихие юнкера "Славной школы" и спускали в окнах барака шторы, когда батарея артиллеристов-нкеров дефилировала по боковой линейке.

Во время съемок, Николаевцы изобрели забавный

способ дразнить артиллеристов: каждая группа юнкеров "Школы", отправлявшаяся на съемки, проходя мимо бараков артиллеристов, имела своего мальчишку-чухонца, вооруженного огромным пульверизатором, который, важно шествуя впереди группы, яростно пульверизировал воздух одеколоном. Делалось это, по уверению юнкеров Школы, для очищения воздуха, отравленного химическими миазмами и газами, исходящими, якобы, из лагеря артиллеристов. Называли тринитротолуол, нитроглицерин и гремучую ртуть, входящие в состав орудийных снарядов. То-же повторялось и при встрече с отдельными юнкерами в поле, на участках съемок. Артиллеристы обижались, хотя делали вид, будто стоят выше этих шуток и не снисходят до обращения на них внимания. Но отношения от этого, конечно, не улучшались, и раздражение накапливалось.

В описываемый день, все шло мирно, по заведенному порядку: после полуденного отдыха — чай, потом вечерние занятия, затем — свободный час. В этот свободный час Николаевцев, у артиллеристов происходила чистка орудий передней линейки.

Весь эскадрон вышел смотреть на это времяпрепровождение, вставив в глаз монокли. Картина получалась удивительная... Монокли были с разноцветными стеклами и такими же лентами, и сквозь эти стекла, сотня глаз уставилась на "Пушкарей", которые сконфуженно топтались около своих пушек, делая вид, что не слышат замечаний, острот и смеха, доносившихся до них из группа кавалеристов.

Но вот, от одной из групп отделилась фигура. Это — корнет, юнкер старшего курса, кн. Сергей Трубецкой, "Дед Школы". У него в глазу великолепный зеленый монокль на яркой желтой ленте. "Дед Школы", заложив руки в карманы рейтуз и слегка раскачиваясь на чуть искривленных кавалерийских ногах, подходит к группе Михайловцев, возящихся у орудийного затвора.

— Э-е, простите пожалуйста, господа, что это вы делаете такое? — говорит "дед" пшютоватым тоном, растягивая слова и делая внимательно-удивленное лицо.

— Как видите, чистим орудие.

— Орудие? — удивляется "Дед". — Какое орудие?

— Сами видите, какое орудие, — сердито отвечает один из артиллеристов.

— А-а, понимаю, орудие пытки, — догадывается "Дед", распуская губы в глупую улыбку, — прекрасно.

— Не пытки, а орудие боя, пора бы это знать, — огрызается артиллерист.

— Но па-звольте, — тянет "Дед", — орудие боя, это лихой и благородный конь, а это... это — деланно запинается "Дед", — это какой-то, извините, железный клистир, — добавляет он, пожимая плечами и поворачивая обратно к своим. Громкий смех кавалеристов выводит из себя Пушкарей.

— Щелкоперы, — шипят они, — лошадиное училище!

Протрубили зорю, пропели молитву, вот и вечер. Дивный, теплый вечер белой Ингерманландской ночи — ночи сумерек, неясных теней, полуочертаний... Заря не гаснет на горизонте и от трепетного бледного сияния исходит неверный, мерцающий свет — такой томящий, призрачный, не дающий покоя усталому телу и напряженным нервам. Воды озера — прозрачны, холодны и пусты, леса на берегу и по скатам прибрежных скал — туманны, массив вековой Дудергофской горы угрюм и темен...

Весь авангардный лагерь спит,
Лишь на вершине Дудергофа
Сова неистово кричит...

С вокзала дачного места "Дудергоф", на той стороне озера, слышна музыка, доносятся отрывки слов, песней возвращающихся с прогулки дачников. Вот прозвенел в воздухе женский смех и затих. Все понемногу умолкает, погружается в сон. От главного лагеря, бесконечно растянувшегося в даль, в сторону Петербурга, доносятся неясные звуки, не то песни, не-то духового оркестра...

Дневальный под грибом, на передней линейке Михайловских пушек, мечтательно глядевший вдаль, вдруг клюнул носом и легонько захрапел.

— Спит математика, ишь, какие траэктории разводит носом! Скорей, господа, теперь самый темный час, нужно спешить, — лепечет кто-то в кустах сирени под бараком Николаевского училища... и шесть теней неслышно скользят к пушкам своих соседей. Короткая, тихая возня, и вдруг одно из тяжелых орудий медленно начинает двигаться, мягко шурша колесами по песку.

— По боковой линейке и в конюшню... — шепчет голос, — там и спрячем это убоище... дружнее, лихие драбанты! — И пушка, протащенная юнкерами, медленно скрывается в сером тумане неверной северной ночи.

Дневальный артиллерист ниже клюнул носом. Снова жалобно закричал на "Дудергофе" филин.

Утро следующего дня для "Пушкарей" было не из веселых. В самом деле, пропала пушка, пропала из-под носа дневального, как булька на воде. Скандал! Невероятный, неслыханный скандал!

У артиллеристов смятение, юнкера ходят, как в воду опущенные, и сконфуженно поглядывают в сторону передней линейки "Славной школы", где царит большое оживление.

От группы "Пушкарей" отделяются два юнкера и подходят к средней линейке эскадрона. Вид у них сконфуженный.

— Господа, — обращаются они к юнкерам школы, — не видал-ли кто-нибуд из вас нашу пушку, вчера вечером она еще стояла на месте вот там, а ночью непонятным образом исчезла.

— Что? Пушка? Какая пушка? Что такое пуш-

ка? — послышались удивленные голоса, — какая она с виду? Это такая длинная и голуба-а-ая, — говорит томно юнкер Самохвалов, — живет на деревьях и питается макаронами, да?

— Что вы, господа, — возмущаются "Пушкари", — издеваетесь над нами, что-ли?

Но вот подходит к передней линейке Николаевцев офицер артиллерийского училища, в сопровождении юнкера-фельдфебеля.

— Смирно! — гремит команда вахмистра Школы, и все мгновенно замирают на своих местах.

— Господа, — говорит подошедший офицер, — позовите мне вашего вахмистра.

Из группы юнкеров выходит вахмистр "Славной Школы", — Земной Бог, по терминологии юнкеров, — и, приложив руку к козырьку фуражки, отчетливо вытягивается перед офицером.

— Здравствуйте, вахмистр!

— Здравия желаю, г-н капитан!

— Послушайте, вахмистр, у нас этой ночью пропала непонятным образом пушка, вечером еще была на месте, а утром ее там не оказалось, ни наш дневальный под грибом, никто из юнкеров не видели и не слышали, так вот, может быть, ваш дневальный что-либо слышал или видел нашу пушку.

— Дневальный, — несколько повышая голос, спокойно сказал вахмистр, — вы слышали, что спрашивает г-н капитан, так вот видели-ли это или нет?

— Никак нет, господин вахмистр, я этого не видел.

— Да что это, — перебил нетерпеливо офицер, — не "это", а полевую трехдюймовую пушку видели-ли вы или нет?

— Никак нет, г-н капитан, полевые одуванчики видел, а полевую пушку нет, не видел.

— Что вы мне про какие-то одуванчики рассказываете, юнкер, я спрашиваю про пушку, вон их стоит целая батарея перед вашим носом, — сказал капитан, энергично ткнув пальцем в направлении батареи, стоящей перед Михайловским училищем, — а вы мне про какие-то одуванчики плетете!

— А-а! — послышались радостные голоса из толпы Николаевцев, — так вот какая пушка, как-же, как-же, такую пушку видели, как-же, видели.

— Где-же видели, господа? — спросил капитан.

— Да у нас в конюшне, — весело ответило несколько голосов, — она и сейчас там стоит...

Артиллеристы от удивления остолбенели.

Пушку из конюшни выволокли и водворили на прежнее место. Командир батареи побывал у командира эскадрона, результатом чего 8 юнкеров "Славной Школы" в ближайшее воскресенье в отпуск не пошли. Лагерная жизнь потекла по-старому, и, казалось, инцидент исчерпан. Но это было только затишье перед бурей. Пушкари глубоко затаили досаду и решили отомстить, результатом чего, недели через две разразился невероятный скандал, вызвавший вмешательство высшего начальства и даже самого Инспектора кавалерии Вел. Кн. Николая Николаевича.

Части авангардного лагеря, чьи задние линейки выходили на берег Дудергофского озера, имели в своем распоряжении довольно большое количество лодок, для прогулки, в свободное от занятий время, по озеру. Лодки имелись и у юнкеров Николаевского училища, и у артиллеристов. Катались обыкновенно перед вечером, до вечерней зори. Любители гребного спорта рассаживались по-одному или по-два, а не то и втроем, в легкие красивые лодочки и сильными взмахами весел бороздили зеркальную гладь засыпающего озера.

Ах, это озеро! Зеленовато-прозрачное, окаймленное по берегам густым камышем, очеретом и печальными тихими ивами.

Сколько неожиданных приключений и милых встреч таили в себе зеленые прибрежные заливчики и тихие заводи, с целым населением голубых, розовых, белых очеретянок из соседнего дачного места Дудергофа. Где теперь все эти Верочки, Машеньки, Танечки, где стройная красавица Ниночка Грекова и маленькая гимназистка Варенька, веселая хохотушка, носившая смешную фамилию Ватрушкина? Где эти милые русские девушки, такие простые и добрые? Никогда, никакой грязи не позволяли себе рыцарски воспитанные, юнкера по отношению к молодым девушкам, так доверчиво делившим с ними часы их отдыха на открытой глади озера или в укромных закоулках густого зеленого тростника. Веселый разговор, шутка, цыганский романс под гитару и, самое большое — нежный поцелуй под громкое квакание лягушек, — вот все, что позволяли себе лихие юнкера в те давно ушедшие годы.

Итак, недели через две после описанных выше событий, в одно из воскресений небольшая группа человек в 6 юнкеров эскадрона и 2-х "гунибов" из сотни, по независящим от них причинам проводящих воскресный день в училище, как всегда перед вечером, решили покататься на лодках. Спустясь к озеру и рассаживаясь по лодкам, услыхали далекий свисток паровоза и увидели белый дымок поезда, шедшего из Петербурга, с которым обыкновенно возвращалась вся военная молодежь из отпуска в лагерь. Лихо вынеслись три-четыре лодки юнкеров на середине гладкой поверхности озера и только что хотели рассыпаться по прибрежным камышам, как из этих камышей раздался громкий свист.

Этот молодецкий посвист, очевидно, служил сигналом, т. к. мгновенно после него из береговых зарослей, со всех стороны выскочило лодок 15 юнкеров-артиллеристов и вся эта эскадра стрелой помчалась на замершую от неожиданности маленькую флотилию Николаевцев.

В следующую затем секунду, сообразив, в чем дело, атакованная сторона налегла на весла и изо всех сил погнала к берегу. Но уходить было уже поздно. Саженях в 6-ти от берега произошло столкновение, и завязался морской бой. Вмиг две лодки Николаевцев были опрокинуты, а пассажиры их очутились в воде, к счастью, не глубокой, доходившей им по

пояс. В воздухе замелькали весла, брызги воды с шумом разлетались в стороны, обдавая сражавшихся.

На шум битвы у соседей слева (Офиц. школа) на берег вышли офицеры и громким смехом, и подбадриванием способствовали стойкости юнкеров-Николаевцев. К счастью, через озеро уже переправлялись юнкера-кавалеристы. Прибывая из отпуска, и, увидев отчаянное положение своих, они пришли к ним на помощь. Юнкера сотни (гунибы), выпрыгивая прямо из лодок в воду, пошли в нагайки.

Все перемешалось; на невероятный шум боя выбежали офицеры "Славной Школы" во главе с начальником училища ген. Де-Вит.

Генерал топал ногами и неистово кричал, приказывая юнкерам немедленно прекратить битву и вернуться в училище.

Из Михайловского училища доносились те-же грозные окрики, но никто их не слышал.

Перевес явно начал склоняться на сторону кавалерии и пламя битвы само по себе стало потухать. Артиллеристы отступили по всему фронту.

Весть о происшествии быстро распространилась по всему лагерному расположению, и чуть-ли не весь авангардный лагерь высыпал к берегу озера смотреть битву.

Пришлось срочно доносить об этом Главному Начальнику Военно-Учебных заведений Вел. Кн. Константину Константиновичу.

Но кто-то уже донес в штаб Генерал-Инспектора Кавалерии Вел. Кн. Николая Николаевича, откуда, по его распоряжению, явился личный адъютант Великого Князя для производства дознания.

Дело принимало серьезный оборот и вдали вставала угроза военного суда.

Но все рассеял приказ Главного Начальника Вел. Кн. Константитна Константиновича, гласивший:

"Николаевское кавалерийское училище в полном составе юнкеров эскадрона и казачьей сотни, равно как всех юнкеров Михайловского Артиллерийского Училища лишаю воскресных и праздничных отпусков впредь до моего приказания.

Юнкеров Михайловского Артиллерийского училища, как зачинщиков беспорядка, лишаю пользования лодками для прогулок по озеру впредь до окончания лагерного сбора.

Юнкеров Николаевского Кавалерийского училища лишаю пользования лодками, впредь, на три отпускных дня".—

Поистине, суд скорый, справедливый и милостивый. Добавлю от себя — *"мудрый"*.

Г. Бобриков

Как родилась песня

Почти каждая боевая солдатская песня имеет свою историю... Как мало люди придают значения военной песне... Не только в казарме, в походе и в бою, песня творит чудеса. Это, конечно, знает каждый строевой офицер. Но вот не все знают происхождение той или другой боевой песни. Приведу текст одной казачьей песни, особенно популярной среди казаков-степняков, и расскажу, как родилась эта песня.

В степи широкой под Иканом
Нас окружил коканДец злой,
И трое суток с басурманом
У нас кипел кровавый бой.

Припев:
Идем, идем, друзья, на бой,
Мы смерть врагу несем с собой.

Мы шли, ряды у нас редели,
Геройски умирал казак,
Но мы сдаваться не хотели,
И, как траву, косил нас враг.
Припев:

Мы отступали, враг за нами
Толпою тысячною шел
И поле устилал телами,
И кровь струилася ручьем.
Припев:

И, снявши голову с героя,
Злодей к седлу ее вязал,
Чтоб похвалиться после боя,
Как он с лежачим воевал.
Припев:

Но вот вдали уже блеснули
Родные русские штыки,
И все свободнее вздохнули,
Перекрестились казаки...
Припев:

Это было в 1864 году, в Туркестанском крае.

1 декабря сотня Уральских казаков, под командой есаула С. С. Серова была послана в подкрепление войскам, только недавно занятого, Туркестана. К вечеру, сотня подошла к Икану, занятому кокандцами. Путь казакам преградила орда кокандцев в 10.000 человек. Силы были слишком неравные, и, видя подавляющие силы врага, есаул Серов решил обороняться, рассчитывая выиграть время до подхода подкрепления. Казаки залегли, построив бруствер из

мешков с припасами и уложив в середину лошадей и верблюдов.

Не успели еще казаки закончить свои приготовления к бою, как кокандцы, пользуясь полной темнотой, подползли и с диким криком и визгом атаковали казаков. Казаки метким огнем отбили атаку и нанесли кокандцам тяжелые потери. Много врагов было убито и ранено.

Ночью, кокандцы три раза атаковывали Уральцев и обстреливали их тремя пушками. Убедившись, что открытой силой не сломить стойкость казаков, кокандский хан Алимкул послал им письмо: "Куда теперь уйдешь от меня? Сдайся и прими нашу веру. Я никого не обижу". На это казаки ответили учащенной стрельбой, метко поражая врага. В то-же время они продолжали укреплять свою позицию. Из убитых коней и верблюдов казаки устроили бруствер для своей защиты и окопались.

Между тем кокандцы, несмотря на тяжелые потери, продолжая попытки сломить сопротивление казаков. Прикрываясь щитами из хвороста, стали подползать, окружая казаков и обстреливая их с трех сторон... 37 казаков были убиты, много ранено, все лошади перебиты. Абсолютно не было воды и казаков, особенно раненых, страшно мучила жажда.

К концу третьего дня оставшаяся горсть казаков решила с честью умереть и, собравшись вместе, захватив раненых, бросилась на прорыв через кокандские ряды. В это самое время, на помощь казакам подошли наши войска. Остатки храбрецов были спасены.

Из 103 казаков было убито 47 и 40 ранено. Все лошади и верблюды были перебиты.

Есаул Серов, совершивший столь выдающийся подвиг, был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. и произведен в следующий чин.

Все оставшиеся в живых казаки были награждены Георгиевскими крестами, а также серебряными лентами на папахи, с надписью: "За дело под Иканом 4, 5, 6 декабря 1864 года".

Надо думать, что этот подвиг доблестных Уральских казаков будет сохранен в исторической памяти Российской нации, ибо только на славных примерах великого прошлого можно воспитывать молодые поколения строителей и защитников Великой Национальной России.

Иван Горяинов

Артиллерийская школа

В Офицерскую Артиллерийскую Школу, в Царском Селе, съезжались для прохождения курса капитаны артиллерии со всей России.

Заметно было, что окраинные артиллеристы из Сибири, Туркестана, Кавказа как-то отличались от своих собратьев, европейских артиллеристов. Их особой чертой была привязанность к своему краю и самую захолустную стоянку у себя они не променяли бы на большой город Европейской России. В них замечалось (особенно это касалось сибиряков) некоторое критическое отношение к "Российским порядкам", выродившееся даже в недоверие. В частности, они не хотели верить, что их призвали исключительно для усовершенствования в артиллерийском деле, и главное опасение в них вызывало их благоприятное отношение к спиртным напиткам.

Шли даже на ухищрения. Казначей Школы обнаружил, по записям буфетчика, склонность одного почтенного сибиряка-капитана к массовому потреблению пирожных. На поверку оказалось, что, так как пирожное и рюмка водки были в одной цене, капитан вошел в соглашение с буфетчиком записывать за ним, вместо рюмки водки, пирожное.

Долгая жизнь в захолустных стоянках, превратное понятие о столичных нравах были причиной такого случая.

Однажды едут верхом два сибиряка-капитана по Баболовскому парку (Царское Село) — "для просвежения капитанских мозгов" устраивались такие поездки. И вот эти капитаны повстречались с санями, запряженными парой рысаков под сеткой. На козлах монументальная фигура кучера с медалями поверх армяка, а пассажирки — две дамы, одна очень красивая, и она же, когда сани поравнялись со всадниками, сделала легкий поклон. Капитаны всполошились, повернули своих лошадей и стали преследовать сани, награждая дам самыми изысканными комплиментами. Те начали хохотать. Кучер тронул крупной рысью. Капитаны некоторое время скакали, но, при выезде из парка, их остановил полицейский офицер, спросил их фамилии и пояснил им, что в санях сидели Государыня Императрица Александра Феодоровна и дежурная фрейлина, и им придется об этом доложить Начальнику Школы.

Вообразите их смятение! Пропала 20-летняя служба, Петропавловская крепость, а может и еще хуже...

Поплелись они уныло домой переодеться для представления начальству в форму одежды "обыкновенную", которая так называлась, по всей вероятности, потому, что она была необыкновенной, зашли в собрание закусить, словом, не спешили взойти на эшафот, но, наконец, решились.

Каково же было их удивление, когда Начальник Школы генерал Синицын встретил их с улыбкой и, уже в начале доклада, прервал их:

— Я все знаю, только что из Александровского

Дворца телефонировал дежурный флигель-адъютант о просьбе Государыни не наказывать тех офицеров, кои сопровождали ее в Баболовском парке.

Просьба Государыни — это повеление и потому капитаны избежали каких-либо неприятностей, но они были крайне смущены объяснением Начальника Школы, что Государыня приветствовала их поклоном, ожидая, что офицеры отдадут ей честь и что кресты и медали сверх армяка надевают лишь кучера Высочайших Особ.

Это было в 1909 году.

Кто проходил курс Офицерской Артиллерийской Школы после Русско-Японской войны, тот вспомнит ее с благодарностью за те солидные знания, которые она давала, за благожелательный режим, установленный Начальником Школы генералом Синицыным. Подбор инструкторов был исключительный. Кто в артиллерии не знал такие имена, как Гобято, Ханжин, Шихлинский?

Благодаря особому вниманию к Школе Генерал-Инспектора Артиллерии Великого Князя Сергия Михайловича, полигон Школы в Луге был устроен с новейшими техническими оборудованиями и потому стрельбы, при обилии снарядов, имели очень поучительный характер, теорию же основательно проходили в зимние месяцы в Царском Селе.

А. Левицкий

„Hohenfriedberger“

Вперед, ребята, на врага пойдем,
Коней, ретивых, в пушки запряжем.

"Hohenfriedberger" — очень известный в германской армии, старинный прусский марш, времен Фридриха Великого, который у нас в Российской Императорской Армии был принят, как марш Конной Артиллерии. Кстати, в этом году, немцы отмечают двухсотлетие создания конной артиллерии в прусской армии. Род оружия этот, прусская армия заимствовала у нас. В Семилетнюю войну, Фридрих Великий, увидев и по достоинству оценив действия непосредственно с Русскими кавалерийскими полками весьма подвижных и легких пушек, с конной-же прислугой на них, приказал и у себя в армии сформировать две 10-орудийные, конные батареи, состоящие из 6-фунтовых пушек. Этим, он положил начало существованию в прусской армии конной артиллерии.

Таким образом, дав немцам идею создания конной артиллерии, позже мы от них получили для своей конной артиллерии старинный прусский марш. Нет точных указаний, кто написал его, но предполагают, что автором его был написавший и многие другие марши сам король-полководец. До 1745 г., марш этот назывался "маршем славных и победных фанфар". В 1745 г., во вторую Силезскую войну, после сражения при Hohenfriedberg'е, где Фридрих II одержал блестящую победу над австрийцами и их союзниками — саксонцами, марш этот был пожалован, как полковой, наиболее отличившемуся в этом сражении Ансбах-Байрейтскому драгунскому полку и, в память сражения, назван его именем—"Hohenfriedberger". В этом бою Ансбах-Байрейтские драгуны, стремительной атакой, опрокинули 20 батальонов противника, захватив 66 знамен и 80 орудий. Рассказывают, что незадолго до войны, неожиданно и в неурочное время, рано утром, король, прибыв в расположение этого полка, приказал произвести полковое учение, по тревоге. Видимо, драгуны еще не совсем пришли в себя после сна, ученье как-то не ладилось, король остался очень недоволен полком и приказал командиру — убрать этих, "еще не проспавшихся пьяниц" с поля. И вот, после победной атаки у Hohenfriedberg'a, когда полк, с захваченными трофеями — знаменами и пушками, проходил церемониальным маршем мимо короля, из рядов раздался возглас: "ну что же он теперь скажет о своих пьяницах?..." Вместо ответа, король безмолвно снял шляпу и с обнаженной головой стоял, пока последний драгун не миновал его.

Этот-же марш, как полковой, имели 2 кирасирский, как вышедший их Ансбах-Байрейтского драгунского полка и, позже, 6-й кавалерийский полк Wehrmacht'a,принявший их историю и традиции. Как попал он к нам? В своей, интереснейшей, книге "Маршальский жезл и литавры" — традиции и обычаи германской и австро-венгерской армий, — автор доктор Карл Зегэр указывает, что в начале XIX столетия, между прусским Королевским и Русским Императорским домами была тесная дружба, подкрепленная еще и родственными узами. К этому времени, многие Русские марши вошли в прусскую армию и наоборот. Так, например, в 1827 г. принц Вильгельм привез из Петербурга марш лейб-гвардии Семеновского полка, который в 1914 г. принадлежал 2 гренадерскому и 44 пехотному полкам германской армии; 5 гренадерский 79 пехотный полки имели марш С.-Петербургского гренадерского полка, шефом которого был прусский король, наш Русский гимн игрался, как встречный марш, 6 кирасирским, 1 и 3 уланскими полками германской армии и т. п. Наверное, в таком-же порядке дружественного обмена, среди других немецких маршей,пришел к нам и "Hohenfriedberger", но когда и при каких обстоятельствах он стал маршем нашей Конной Артиллерии? Надеюсь, что на этот вопрос нам смогут дать ответ наши старшие конно-артиллеристы.

В. П.

Кадетские журналы

В книге, изданной Государственной Публичной библиотекой имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде в 1959 г., т. 2-ой *"Библиография Периодических изданий России — 1901-1916 г. г."*, на стр. 123-125 имеются следующие сведения о кадетских изданиях:

"КАДЕТ". Литерат. научн. журнал 5-го Московского Имп. Александра II кадетского корпуса. Москва, 1909, 1910, 1912, 1914-1916. По мере накопления материала. Редакт. В. Комовский; № 2 — он же и С. Лисицын; № 3 — С. Лисицын; № 6 — Корбутовский; № 7 — С. Винкстерн и М. Егоров; № 9 — В. Селиванов; № 10 — Ф. Никитин. Издатели: воспитанники 5-го Московского корпуса; № 6 — Рашевский; № 7 — С. Винкстерн и М. Егоров; № 10 — Ф. Никитин.

1909 №1 (янв.) по № 4 (дек.) вкл.
1910 № 5 (май) и № 6 (дек.).
1912 № 7 (февр.)
1914 №8 (апр.).
1915 № 9 (март).
1916 № 10 (дек.).

Обозначенные на номерах порядковые года издания — "первый год", "второй год" и далее — указывают не календарные года, а учебные.

"КАДЕТ". Двухнедельный литературный, научно-популярный и кадетской жизни журнал Сумского кадетского кропуса. (С сентября 1907 года подзаголовки с некоторыми изменениями). Сумы (Харьковск. губерн.). 1906-1908 г. г.

Редакт. А. И. Дьяченко, кадет; с № 7 — он же и В. Чернявский, вице-унтер офицер; № 1 (сент.) 1907 — А. Валяев 2-ой и А. Богоявленский; с № 2 (ноябрь) — А. Богоявленский. Издат. — Сумский кад. корпус.

Пагинация продолжающаяся, 1906-1907 (№№ 1-10) 226 стр. 1907-1908 (№№ 1-3) — 80 стр.

1906 г. № 4 (15. X) по № 5 (15.XII).
1907 г. № 6 (15. I) по № 10 (15. III).
" № 1 (сент.) и № 2 (ноябрь).
1908 г. № 3 (янв.).

На титульном листе: "На правах рукописи".

"КАДЕТ-МИХАЙЛОВЕЦ". Литературный и популярно-научный журнал 2-го кадетского... вел. князя Михаила Николаевича корпуса; с № 9 — Литературно- и популярно-научный журнал 2-го кадетского Императора Петра Великого корпуса. Спб. 1907-1913 г. г.По мере накопления материала.

Редакт. Г. Кругликов, М. Спиринг; с № 3 — А. Ефимов, С. Иванов 6-й; с № 5 — Н. Кропоткин; с № 7 — А. Гаевский, вице-унтер-офицер; с № 9 — Н. Семенкевич, кадет.

Издат.: Воспитанники 2-го кадетск. корпуса.

Иллюстрации.

1907 г. № 1 (6.XII).
1908 г. № 2 (15. III), № 3 (23. XI).
1909 г. № 4 (15. V); № 5 (23. XI).
1910 г. № 6 (12. V); № 7 (23. XI).
1911 г. № 8 (15. V).
1912 г. № 9 (23. XI).
1913 г. № 10 (23. XI).

С № 9, в связи с переименованием корпуса, журнал стал называться *"Кадет-Петровец"*.

"КАДЕТ-СИБИРЯК". (Журнал кадет Первого Сибирского Имп. Александра I кадетского корпуса). Издание в пользу раненых воинов. Омск. (Акмолинской области). 1914-1915 г. г.

Редакт. Н. Гусев.

1914 г. № 1 (без даты) и № 2.
1915 г. № 3 и № 4.

"КАДЕТСКАЯ ЖИЗНЬ". Литературн. и популярно-научный журнал 2-го Московского Имп. Николая I кадетского корпуса. Москва, 1906-1907 г. г.

Редакт. С. Волков.

1906 г. № 1 (дек.).
1907 г. № 2 (янв.-февр.).

"КАДЕТСКАЯ МЫСЛЬ". Литературный журнал Нижегородского графа Аракчеева кадетск. корпуса. Нижн. Новгород, 1907 г.

Редакт. Л. Кравков.

Пагинация продолжающаяся, всего 94 стр.

1907 г. № 1 и № 2 — без дат.

На обложке: "На правах рукописи".

"КАДЕТСКИЙ ДОСУГ". На обложке подзаголовок: Издание кадет Симбирского кадетского корпуса. Симбирск, 1905-1906 г. г.

Редак.-издат. А. Панкратьев и С. Протопопов.

1905 г. № 1, № 2-й без дат., №3, № 4 и № 5.
1906 г. № 1, № 2, № 3 и № 4.

Далее журналов симбирских кадет был:

"ПЕРВЫЙ ТРУД"", 1906-1908 г. г., 1911-1912 годы. Редак. — группа симбирских кадет.

1906-1907 г. г. № 1 до № 6 вкл.
1907-1908 г. г., с № 1 по № 4 вкл.
1908 г., № 1 и № 2.
1909-1910 г. г. не выходил.
1911-1912 г. г. — № 1 и № 2.
1907-1908 г. г. изд. на правах рукописи.

"КАДЕТСКИЙ ДОСУГ". Журнал литературный и популярно-научный Первого кадетского корпуса. Спб. 1905-1913 г. г. Сначала выходил 2 раза в месяц; с 1909 г. — по мере накопления материала.

Редакт. Е. Д. Карамышев; с № 10 1907 г. Г. Терне и К. Кокшаров; с № 1 1907 г. К. Кокшаров и

Б. Павлов; с № 1 1908 г. Н. Ефимов и А. Иванов; с № 1 1909 г. Н. Комаров и Д. Колпинский; с № 5 1910 г. Г. Нельсон-Гирст и Д. Колпинский; с № 50 1910 г. Д. Колпинский и Моисеенко; с № 52 1911 г. А. Михель и А. Геринг; с № 1 1912 г. А. Геринг, М. Бронников и Н. Бобков; с № 2 1912 г. Н. Макшеев, М. Бронников и Н. Бобков.

Издат. Е. Д. Карамышев; с 1907 г. — не указыв.

1905 г. № 1 (25 ноября) по № 3 (15 дек.).
1906 г. № 4 (10 янв.) по № 15 (15 апр.).
1906 г. № 1 (сент.) по № 9 (25 дек.).
1907 г. № 10 (20 янв.) по № 15 (5 апр.).
1907 г. № 1 (1 окт.) по № 4 (12 дек.).
1908 г. № 5 (28 янв.) по № 7 (28 марта).
1908 г. № 1 (15 окт.) по № 3 (20 дек.).
1909 г. № 4 (3 февр.) по № 6 (28 мая).
1909 г. № 1 (28 окт.) по № 2 (20 дек.).
1910 г. № 3 (20 янв.) по № 6 (2 5мая), № 50 (20 дек.).
1911 г. № 51 (2 апр.) по № 54 (17 янв.).
1912 г. № 56(7 янв.) по № 61 (26 мая).
1912 г. № 1/62 (15 окт.) по № 3/64 (9 дек.).
1913 г. № 4/65 (15 янв.) по № 7/68 (7 мая).

На обложках с 1907 г., кроме календарного, указывался учебный год. Издавался на правах рукописи.

№ 12 1907 г. посвящен 175-летию Первого кадетского корпуса.

Предшественником "Кадетского досуга", по заявлению редакции, был выходивший с 1 ноября 1903 года по 1 марта 1904 г. "Листок самообразования", называвшийся с № 2 1903 г. *"НАШ ЛИСТОК"* — художественный военно-литературный журнал. Печатался на гектографе.

Приложения: 1906 г.: Степанов: "Военное воздухоплавание". Реферат. СПб. 1906 г. 16 стр. 1909 г. — список убитых и умерших от ран, полученных в войну с Японией, 1904-1905 г. г., — 3 стр. (к № 5).

"КАДЕТСКИЙ СБОРНИК КОРПУСА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II". Журнал литературный и популярно-научный. СПб. 1906-1910.

Выходил по мере накопления материала, не менее пяти раз в год.

Редакт. Н. А. Зотов, подполк.; № 16 — А. И. Баранов, подполк. Издат. А. И. Баранов, подполк.

Иллюстрации в тексте и на вклад. листах.

1906 г. т. 1, (22 дек.).
1907 г. т. 1, №2 (1 февр.) по № 5 (1 мая).
1907-8 г. г., т. 2, № 6/1 (1 окт. 1907 г.) по № 10/5 (1 апр.).
1908-9 г. г., 3, № 11/1 (6 окт.) по № 14-15 (4-5) (1 апр.).
1910-11 г. № 16 (30 ноября).

Журнал издавался на правах рукописи.

"КАДЕТСКОЕ СЛОВО". Журнал IV класса Николаевского кадетского корпуса; с № 2 — литературный и популярно-научный журнал Николаевского кадетск. корпуса. СПб. 1906 г. Ежемесячн.

Редакт.-издат. И. В. Казначеев. Иллюстрации.

1906 г. № 1 (янв.) — последн. № 10 (дек.).

Далее журнал выходил под названием:

"МАЛЕНЬКИЙ ЖУРНАЛ". 1907-1909 г. г. Литературный, педагогический и популярно-научный журнал. Ежемесячник.

Ред.-издат. И. В. Казначеев. Иллюстр.

1907 г. № 1 (март). по № 3.
1907/8 г. № 4 по № 5/6.
1908/9 г. № 7/9 (19 февр.), последн.

"КАДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ". Издание кадет Киевского Владимирского кадетского корпуса. Киев 1912 г.

Редакт. В. Афанасьев и Г. Михайлов.

1912 г. № 1 (без даты).

Сообщил *полковн. А. Савченко*

Манежная езда и конный праздник

Из разных видов спорта, кроме очень распространенного среди кадет футола, особенный интерес среди нашей кадетской молодежи старших классов, возбуждала верховая езда, что вполне естественно, так как многие из нас собирались по окончании корпуса выйти в кавалерийские училища.

К сожалению, этот вид спорта был нам наименее доступен, хотя бы по своей дороговизне. Езда в частных манежах столицы стоила довольно дорого, а казенный манеж Кавалерийского училища и строевые кони предоставлялись только седьмому классу Николаевского кадетского корпуса и то на один час в неделю.

Вопрос этот неожиданно разрешился для нас весьма благоприятно с того момента, когда в корпус временно был назначен воспитателем участник Японской войны, Донского войска подъесаул Булацель, впоследствии перечисленный, как штабс-ротмистр по общей кавалерии. С согласия директора корпуса, было разрешено желающим, частным образом, брать уроки езды, записаться у подъэсаула, который и взялся за обучение довольно значительной конной смены из кадет первой роты.

Езда производилась в одном из очень скромных частных манежей Петербурга. Фамилию я уже не помню, знаю только, что манеж был на Галерной улице.

Мне кажется, что корпус как-то сговорился с этим манежем, так как нам были предоставлены весьма льготные условия. Правда, конским составом наш манеж не блистал, но в течение нескольких месяцев мы, под руководством Булацеля, постигли все, что могло ожидать нас в манеже младшего курса кавалерийского училища, и постепенно начали подготовляться к конному празднику, который решено было устроить вскоре после Пасхи.

Самое большое удовольствие доставляли нам поездки за город всей сменой. В манеже можно было брать лошадей "на часы" для таких поездок. Конечно, это было довольно дорого, так как цена была иная, чем за лошадь в манеже. Кроме того, нужно было оплатить сопровождающий персонал манежа. Наш штабс-ротмистр, по возможности, водил смену полевым галопом по хорошим полевым дорогам окрестностей столицы, мимо дачных поселков и жиденьких лесов. По дороге преодолевались небольшие препятствия, канавы или изгороди.

На конном празднике решено было, кроме сменной езды, показать еще и карусель с участием дам. Среди наших знакомых петербургских барышень нашлось достаточно желающих принять участие в конном празднике и начались репетиции, которые проходили довольно удачно.

Как сейчас помню наш скромный манеж, украшенный флагами, и ложу. На хорах, в парадной форме, хор трубачей гвардейской конной артиллерии. Прибывает корпусное начальство, трубачи играют встречу. Ложа постепенно наполняется гостями: тут и наши родные, и множество наших одноклассников, пришедших посмотреть на конный праздник.

Сперва идет сменная езда с прыжками через препятствия. Начинают уже появляться наши дамы, такие стройные в темных амазонках и непривычно торжественные в котелках. В предманежнике много волнений, разбираем коней, помогаем дамам садиться в седло.

Все немного волнуются, как бы не напутать чего-нибудь в карусели, но все проходит благополучно, и фигуры в карусели, и прыжки через препятствия. Праздник постепенно кончается. Приглашенный фотограф делает групповой снимок с нашими дамами, которым поднесены букеты.

В общем праздник влетает нам в копеечку, но зато все это было так хорошо и торжественно и останется памятью на всю жизнь, как одно из светлых переживаний счастливой юности и кадетских лет.

Ф. Кочетов

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

КТО ПРАВ?

В России, с объявлением мобилизации, все шефские отличия иностранного происхождения, запечатывались в ящики и отправлялись в Главный Штаб на хранение. В Германии было иначе. Во время первой Великой войны, можно было видеть на фронте немецких кирасир (6-го Кирасирского полка), украшенных вензелями нашего, покойного ныне, Государя, с трафаретом Н II" на плечах. В плену, в Германии, произошел довольно курьезный случай: комендант одного из лагерей в Саксонии набросился на пленного поручика русской службы и сделал ему выговор: "Как вам не стыдно, шефом вашего 4-го пехотного Копорского полка состоит наш Саксонский король, а у вас на погонах нет его вензелей", и, несмотря на все возражения поручика, комендант заказал в Дрездене вензеля саксонского короля на погоны пленного офицера.

Но было и что-то общее, например, во взглядах на героизм врага. Так Император Павел I вернул пленному польскому генералу Костюшко его саблю, за проявление выдающейся храбрости, при защите предместья Варшавы — Праги, в 1794 г. — Немцы в 1916 году, преподнесли саблю французскому генералу, коменданту форта Во (один из фортов Вердена) за отчаянное сопротивление противнику. Генерал этот не только носил полную парадную форму, при оружии, в пределах лагеря, но и появлялся, по праздничным дням, в г. Майнце.

Такие примеры поощрения врага за его выдающуюся храбрость не единичны, но, к сожалению, не во всех армиях были одинаковые взгляды на этот предмет.

Эраст С - кий

ЛЕЙТЕНАНТЫ

В № 35 — 1959 г. "Военной Были" помещена заметка г. В. П., в которой автор дает свое объяснение, почему в табелях о рангах всех армий генерал-лейтенант стоит выше генерал-майора, хотя майор и выше лейтенанта. Объяснение это построено, однако, лишь на созвучии слов. Между тем, слово "лейтенант" имеет несколько значений и, если мы обратим внимание именно на это, то должны будем признать, что в табелях о рангах генерал-лейтенант находится на своем месте вполне логично.

Генерал-лейтенанта посылал в новооткрытые земли, например, Испанский Король, и в том случае "генерал-лейтенант" означало "генерал-наместник" (короля), или "вице-король", ибо слово "лейтенант",

буквально "держатель места", означает в данном случае "наместника", или "вице-короля".

Впоследствии генерал-лейтенант несколько "разменялся" и стал наместником, правильнее "заместителем", (еще одно значение слова) фельдмаршала (в б. Австро-Венгерской армии), или генерала (полного) в прочих армиях. В Британской Империи "вице-губернатор" и сейчас называется «Lieutenant Governor», генерал-губернатор Ульстера (до 1922 г. всей Ирландии) называется «Lord Lieutenant», т. е. "Лорд наместник" Короля, т. е. "вице-король". Подобно этому и «Lieutenant Colonel» является "вице-полковником".

Таким образом генерал-лейтенант. как заместитель высшего, конечно. должен быть выше "генерал-майора", который ни "наместником", ни "заместителем" кого-либо высшего не является, будучи всего лишь "главным майором".

Отсюда также следует, что переводить чин генерал-лейтенанта словами "генерал-поручик", как это было сделано русской армией в 18-м веке, конечно, нельзя. Эта ошибка неудачного перевода была впоследствии замечена и исправлена.

Что касается первого офицерского чина, того "лейтенанта" который в славянских армиях зовется поручиком, или подпоручиком, то здесь это слово употреблено в смысле только "держатель места", или просто "держателя". В русской транскрипции этого слова его действительное значение несколько заретушировано, но в иностранных оно проступает совершенно ясно, напр., в румынской армии этот чин называется «locotenente» (держатель места), в итальянской, просто «tenente» (держатель), кстати, в английском языке словом «tenant» обозначается каждый временный владелец: арендатор, квартиронаниматель, и т. п.

Вся суть дела заключается, таким образом, в том, что одно и то же слово, даже в наиболее точных языках, может иметь несколько значений и в таких случаях его смысл определяется окружением, или затемняется отсутствием такового.

В. Е. Милоданович

СТАТУЯ БОГОМАТЕРИ ИЗ РУССКИХ ПУШЕК

Во Франции. в городе Le Puy департамента Haute Loire на вулканическом утесе высотой в 755 метров, стоит статуя Богоматери — Notre Dame de France.

История ее постановки такова: в эпоху второй Империи. монсиньор де-Морлон, которому принадлежала инициатива ее создания, не мог собрать достаточных средств для этого и вот, из под стен осажденного Севастополя, пришло ему письмо от командующего французским экспедиционным корпусом генерала Пелиссье, в котором этот последний писал, что, предполагая на днях штурмовать Севастополь, рекомендует ему обратиться к Императору Наполеону с просьбой передать для постройки статуи "пушки, которые он возьмет".

Император разрешил "при условии. что они будут взяты". Таким образом, статуя эта, 16 метров высоты, на пьедестале в 6 м. 70 с., была вылита из 213 русских пушек Севастополя.

Сообщила *Ирина Фиркс*

"У ЭТОГО-ТО ШАШКА ЕСТЬ..."

Генерал Комаров, будучи незадолго до Первой войны комендантом Варшавы, строго следил за тем, чтобы офицеры всегда были одеты по форме. Он, часто и подолгу, стоял у окна своего кабинета, наблюдая за проходившими, и, если замечал что-нибудь не в порядке, — немедленно посылал казака, с приказанием виновному явиться в Комендантское Управление.

Однажды, заметив проходившего офицера, у которого не было шашки, он потребовал его к себе. По дороге, в прихожей, офицер увидел, висевшее на вешалке, генеральское пальто и тут-же стоявшую шашку. Недолго думая, он надел генеральскую шашку и представился Коменданту.

— Что прикажете, Ваше Превосходительство?

Генерал, с удивлением посмотрев на него, сказал:

— У вас есть шашка?

— Так точно, Ваше Превосходительство.

— Ну хорошо, можете быть свободным.

Офицер, повернувшись по уставу, вышел из кабинета, снял генеральскую шашку, поставил ее на место, в прихожей, и направился к выходу.

Генерал опять подошел к окну и, опять увидев офицера без шашки, приказал вновь его задержать. Тот снова проделал ту-же операцию и явился к Коменданту с его собственной шашкой. Пораженный генерал потрогал даже портупею и, убедившись, что у офицера шашка есть, отпустил его, сам-же снова направился к окну.

В это время, в кабинет вошла его жена. Генерал обратился к ней:

— Ты видишь вот этого офицера, который только-что вышел из Комендантского управления? Скажи, пожалуйста, есть у него шашка или нет?

Генеральша посмотрела и ответила:

— У этого офицера шашки нет...

Комендант вздохнул, улыбнулся и сказал:

— Я тоже так думал... Нет, милая, у этого-то шашка есть.

Сообщил Е. К.-в.

Почтовый ящик

В отрывном календаре на 1959 год Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов, в листке от 10 декабря, помещено продолжение описания взятия Плевны (начало в листке 9 декабря).

Там напечатано: "Еще мгновение, и враг прорвался бы через поредевшие ряды храбрецов... Но в эту минуту явились на помощь гренадерские полки: Малороссийский, Архангельский, Вологодский, Астраханскій и Фанагорийский". В действительности гренадерские полки: Малороссийский, Астраханский, Фанагорийский (3-й гренадерской дивизии) и 17-й пехотный Архангелогородский и 18-й пехотный Вологодский полки 5-й пехотной дивизии.

П. Панано.

В школе Императора Александра II

Вот, прошло уже более сорока лет, как я, в то время воспитанник Школы Императора Александра II, находившейся в то время в Новом Петергофе, получил Евангелие, издания Синодальной Типографии, Петроград, 1915 г.

В один весенний солнечный день, когда земля еще ла покрыта снегом, вопстипкауаниуибшр ижбш ижиб еще покрыта снегом, воспитанники были собраны в нашем огромном зале. В то время мы все носили на шинелях погоны красного цвета, с золотым вензелем Императора Александра II; среди нас был воспитанником и греческий принц, маленький, черненький мальчик, лет девяти. В зале мы увидели три три огромные корзины сделанные из ветвей коричневого цвета, в которых лежали небольшие Евангелия в разноцветных переплетах.

Нас поставили в строй и, после краткой молитвы, каждому было предложено взять себе одно Евангелие. Я выбрал себе краасного цвета, — мой отец, в то время уже Георгиевский кавалер, командовал, в чине полковника, третьим батальоном 102 пехотного Вятского полка.

Подаренное в тот памятный день Евангелие неизменно храеится у меня. Переплет потемнел, книга немного потрепана и самые листы этой реликвии пожелтели ст старости, но, когда придет и мой смертный час, я хочу, чтобы книга эта легла со мной вместе в гроб.

На первой странице Евангелия напечатано стихотворение Великого Князя Констанитна Константиновича, которое я здесь и привожу полностью:

Пусть эта книга священная,
Спутница вам неизменная,
Будет везде и всегда.

Пусть эта книга спасения
Вам подает утешение
В годы борьбы и труда.

Эти глаголы чудесные,
Как отголоски небесные,
В грустной юдоли земной,

Пусть в ваше сердце вливаются
И небеса сочетаются
С чистою вашей душой.

К. Р.

Вот мое далекое, короткое воспоминание, которое навсегда осталось у меня в памяти.

Георгий Цвецинский.

Поступили в продажу следующие справочники о Русской Армии 1914 г.

1) «ОПИСАНИЕ ФОРМ ОБМУНДИРОВАНИЯ»:

а) Тетрадка в 132 стр. (25 × 33 см.), содержащая описание форм всех родов оружия и предметов обмундирования, с точным указанием цветов и порядка ношения. Указаны так-же цвета кавалерийских флюгеров, масти коней и т. д. Походные и развернутые строи пехоты, конницы и артиллерии.

б) Таблицы схем для раскрашивания (того же формата); около 20 таблиц посвящены пешим и конным фигурам во весь рост, около 50 - содержат схематическое изображение форм полков и около 50 — заняты увеличенными и подробными рисунками различных предметов обмундирования и т. п.

Цена тетради текста и 100 первых таблиц 100 N.F.
» дополнительной тетради в 20 таблиц - 10 N.F.

2) «РУССКАЯ АРМИЯ 1914 Г.»

Подробная дислокация (стоянка, старшинство и праздник части). Формирования военного времени 1914-17 г.г. и список всех регалий и отличий частей (Георгиев. Знамена и Штандарты, трубы, знаки отличия и т. д.). Тетрадка в 132 стр. (25 × 33 см.). Цена — 20 N.F.

Склад у составителя: W. W. Zweguintzow, 17, rue Saint-Saëns, Paris (15ᵉ).

Систематический указатель журнала „Военная Быль“

№№ 1 30 (Продолжение)

ОТДЕЛ II

СОКОЛИНЫЕ ГНЕЗДА — ЮНКЕРА

Е. Л. Янковский.

(Продолжение следует)

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1960 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ
ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Десятый год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:
61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей « ВОЕННОЙ БЫЛИ » и « ВЕСТНИКА ».

Подписная цена с пересылкой на год:
7 Н. Фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.
В газете — постоянные отделы: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Вышла из печати и поступила в продажу книга
К. С. ПОПОВА

„Лейб-Эриванцы в Великую войну“

В книге 250 стр., 10 схем и 30 фотографий. Книга не поступит для продажи в книжные магазины. Выписывать только со склада издания: C. POPOV, 32, rue Charles de Gaulle, Montmorency (S.-et-O.).
Стоимость книги: 2.500 фр.; страны заокеанские — 6 амер. дол.

„Морские записки“

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам № 4 (49) г. XVII, 1959 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию В. В. Скрябин, 38, Bd de la Republique, Boulogne S/S.

Литературно-политические тетради

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

Независимый орган национальной мысли.
34-й год издания.

Адрес редакции:
73, avenue des Champs-Elysées, Paris-8.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:
Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e) и в Русских книжных магазинах.
Брюссель — у Н. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren, Bruxelles.
Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Alder Grove, London N. W. 2. б) у Д. К. Краснопольского — 49, Penywern Road, London S. W. 5.
Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagerud.
Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.
Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.
Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.
Сев. Ам. С.Ш. — в Обще-Кадетском Объединении у В. А. Высоцкого 410, Riverside Drive Ap. 103 A. New-York 25.
Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Кугорга — 272, 2 avenue San-Francisco 18.
Канада у К. Н. Мартемьянова — 716, Gerrard str. East. Toronto, ONT.
Австралия—а) у В.Ю.Степачова,57, rue Bruce, Stanmor (N. S. W.); б) у Н. А. Косач, 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.
Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.
Аргентина — у Б. Н. Рясинского — Obligado 2130, Buenos Aires.

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris

